



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929331 0



(Wllar)

15. ~~B~~9

* GCF

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЪ СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ПОЛИТИКИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. О. ИКСЕМСКАГО.

ДВАДЦАТЬ—ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

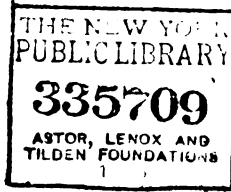
М А Й.

ТОМЪ СТО-СЕМЬДЕСЯТЬ-ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1862.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. С.-Петербургъ іюня 1 дня, 1862 года.

Ценсоръ *Θ. Веселого.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТО СЕМДЕСЯТЬ-ПЕРВАГО ТОМА.

Май.

- ✓ Несчастные. Романъ *Виктора Гюго*. Часть первая. *Фангина*.
- ✓ Хотѣли предать суду и волѣ божіей. Записки слѣдователя тридцатыхъ годовъ.
- Что нужды мнѣ до нихъ. Стихотвореніе. *П. Грекова*.
- ✓ Нѣсколько словъ объ историческомъ прагматизмѣ. *К. Охочекомоннаго*.
- Въ путь дорогу!... Романъ. Книга вторая. *П. Д. Боборыкина*.

СОВРМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Реформаторъ безъ реформы. (Окончаніе). *С. Н. Чедищева*.

Философія положительнаго права.

Чиновничество. По поводу проекта объ устройствѣ с. п.-бургскаго общества взаимнаго вспоможенія лицъ гражданской службы 1861 г. *А. Г.*

Письмо въ редакцію. *Н. Варнека*.

Нѣсколько вопросовъ. О положеніи фабричныхъ, преимущественно на петербургскихъ фабрикахъ. *Н. Воскобойникова*.

Нѣсколько замѣчаній. «На письмо въ редакцію».

Отживающія воззрѣнія. *Н. Я. Вьтвицкаго*.

Не въ бровь, а въ глазъ. Отцы и дѣти. Романъ *И. С. Тургенева*. (Рус. Вѣстникъ. Февраля 1862). *Зарина*.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Подметныя воззванія. — Разгулъ прежнихъ дней и разгулъ нынѣшнихъ. — Можно ли говорить «плодъ руку» инымъ прогрессистамъ? — Что лучше; фанфаронство серьезнымъ дѣломъ или пустяками? — Купеческій сынокъ Прошка П. - въ, на поприщѣ «прогресса». — Выборная комедія. — Скоморошничество въ видѣ жертвы. — Процессъ князя Воронцова противъ князя Дол-

горукова, шедшій въ Парижѣ.—Чехи въ Дикалькѣ.—О подражателяхъ г. Вышнеградскаго и рѣчахъ г. Лаговскаго про Аристиде. — Новая брошюра профессора Кавелина «Дворянство и обсужденіе крестьянъ». — Некрологъ Л. А. Мея. — Объявленіе сентенціи В. Обручеву.—О чутьѣ Н. Ф. Павлова; Викторъ Гюго какъ поклонникъ разказа г. Чернышевскаго о Добролюбовѣ.

Іюнь.

Коробочникъ. *Ф. Зиновьева.*

По предмету свободы мысли и слова. *Д. М. Шузанова.*

✓ Дневникъ тетушки. *С. П—вой.*

Жертвы. (изъ Варьѣ) *Ф. Н. Берга.*

✓ Книдюшка. Разказъ четвертый.

Извѣстность. (изъ Варьѣ). *Ф. Бергъ.*

✓ Несчастные. Часть вторая.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Козьма Захарыичъ Мининъ—Сухорукъ. *Н. Омеги.*

Исторія Лувуа и его управленіе политическое и военное, до Нимвегенскаго мира. соч. Камилля-Руссе.

Нѣсколько вопросовъ. *Н. Н. Воскобойникова..*

Приложеніе. *Блажина.*

Чего недостаетъ нашимъ акціонернымъ обществамъ. *Д. Ф. Щеглова.*

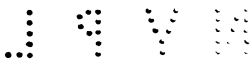
✓ Новыя свѣдѣнія о расколѣ. (окончаніе)

Слѣдствія паденія общиннаго и выборнаго начала. *Н. Я. Вльвичкаю.*

Наше педагогическое сословіе. *М. К.*

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Обскуранты взяли одръ свой и двинулись.—Страшные пожары въ Петербургѣ и толки объ нихъ.—Мѣры принятыя полиціей.—Закрытіе воскресныхъ школъ, народныхъ читалень, шахматнаго клуба, отдѣленія для пособія учащимся,—при обществѣ вспоможенія литераторамъ.—Правила о публичныхъ лекціяхъ въ Петербургѣ.—Нѣсколько словъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ.—Извѣстія изъ нашей западной окраины.—О покаяніи г. Костомарова.—О г. Шедо-Ферротт. — Приказъ о судѣ надъ саперными офицерами.

Временныя правила по дѣламъ книгопечатанія *Д. Ф. Щеглова.*



НЕСЧАСТНЫЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Ф А Н Т И Н А.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДОВЕРИТЬ, ЗНАЧИТЬ МНОГДА — ПРОДАТЬ.

I.

Одна мать, встречающая друга.

Въ первой четверти этого столѣтїа, въ Монфермелѣ, подлѣ Паржа, было нѣчто въ родѣ харчевни, въ настоящее время уже несуществующей. Харчевню эту держали мужъ и жена, по фамилии Тенардь; помещалась она въ переулкѣ Хлѣбникономъ. Надъ дверью ея находилась доска, плашмя прибитая къ стѣнѣ; на этой доскѣ было нарисовано нѣчто, похожее на человѣка, несущаго на спинѣ другого человѣка, въ толстыхъ генеральскихъ эполетахъ, съ широкими серебряными звѣздочками; красныя пятна изображали кровь; остальная часть картины воспроизводила дымъ и, по всей вѣроятности, представляла битву. Внизу была надпись: «Ватерлооскому Сержанту».

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе воза или толбѣжки у дверей трактира; но экипажъ или, лучше сказать, обломокъ экипажа, загородившїй улицу передъ харчевней «Ватерлооскаго Сержанта», въ одинъ изъ весеннихъ вечеровъ 1818 года, непременно привлекъ бы вниманіе живописца.

Это былъ передокъ такъ называемыхъ роспусковъ, употребляющихся въ лѣсистыхъ странахъ для перевозки досокъ и древесныхъ стволовъ. Этотъ передокъ состоялъ изъ массивной желѣзной оси, въ которой торчало тяжелое дышло и которая подерживалась двумя

колесами чрезмѣрной величины. Вся эта масса была страшно тяжела и безобразна; ее можно было, пожалуй, принять за лафетъ гигантской пушки. Дорожные колесы покрыли колеса, косяки, ступицы, ось и дышло слоемъ грязи — отвратительною желтою краской, въ родѣ той, которою очень часто покрываются стѣны соборовъ. Дерево исчезало подъ грязью, а желѣзо — подъ ржавчиной. Подъ осью висѣла толстая цѣпь, достойная Голиафа-каторжника. При взглядѣ на эту цѣпь, приходила на мысль не бревна, которыя она должна была поддерживать, но мастодонты и мамонты, которыхъ можно было бы запереть ею; она имѣла видъ галерный, но галеръ циклопическихъ, нечеловѣческихъ, и, казалось, была снята съ какого-нибудь чудовища. Гомеръ связалъ бы ею Полиема, а Шекспиръ — Калибана.

Для чего этотъ передокъ стоялъ здѣсь на улицѣ? Во-первыхъ, для того, чтобы загораживать улицу; во-вторыхъ, для того, чтобы окончательно покрыться ржавчиной. Въ социальномъ порядкѣ вещей стараго времени есть много установленій, которыя точно также попадаютъ вамъ на пути и стоятъ на воздухѣ безъ всякой другой причины.

Середина цѣпи висѣла подъ осью довольно-близко къ землѣ, и на изгибѣ ея, какъ на веревкѣ качелей, сидѣли въ этотъ вечеръ, въ изящной группѣ, двѣ дѣвочки, изъ которыхъ одной было около двухъ съ половиной лѣтъ, а другой — восемнадцать мѣсяцевъ; меньшая обнимала старшую. Мать ихъ увидѣла эту страшную цѣпь и сказала: «Вотъ славная игрушка для моихъ дѣтей!»

Оба ребенка, одѣтые, впрочемъ, граціозно и съ нѣкоторою изысканностью, сіяли; можно было сказать, что двѣ розы попали въ кучу желѣза; глаза ихъ блистали торжествомъ; свѣжія щеки смѣялись; у одной были каштановыя волосы, у другой — черныя; на наивныхъ личикахъ выражалось восхищенное удивленіе. Цвѣточный кустъ, находившійся вблизи отъ этого мѣста, испускалъ благоуханіе, которое, казалось, исходило отъ дѣвочекъ; восемнадцатимѣсячная, съ тѣмъ цѣломудреннымъ неприличіемъ, которое свойственно малюткамъ, показывала свой обнаженный, хорошенькій животъ. Надъ этими и вокругъ этихъ хорошенькихъ головокъ, погруженныхъ въ блаженство и свѣтъ, возвышался, точно преддверіе пещеры, колоссальный передокъ, черный отъ ржавчины, почти страшный. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, на порогѣ харчевни, сидѣла мать, женщина не слишкомъ привлекательная, но, въ эту минуту, трогательная: съ помощью длинной веревки она качала дѣтей и, боясь, чтобъ они не упали или не ушиблись, пожирала ихъ глазами съ тѣмъ животнымъ и, вѣдѣть, небеснымъ выраженіемъ, которое есть принадлежность материнскаго чувства; при каждомъ движеніи взадъ и впередъ, отвратительныя звенящія цѣпи издавали пронзительно-рѣзкій звукъ, похожій на крикъ гнѣва; дѣвочки восторгались; заходившее солнце присоединялось къ этой радости и невообразимая прелесть заключалась въ этой игрѣ случая, сдѣлавшей изъ цѣпи Титановъ качели херувимовъ.

Расклавшая своихъ малютокъ, мать напѣвала фальшивымъ голосомъ знаменитый въ то время романсъ:

«Да, долженъ я — такъ вѣнчъ совѣрплъ...»

Пѣсня и созерцаніе своихъ дочерей мѣшали ей слышать и видѣть то, что происходило на улицѣ.

Въ то время, какъ она начинала первый куплетъ романса, кто-то приблизился къ ней и она вдругъ услышала у самого уха слова:

— Какія у васъ коротенькія дѣти, сударыня!

«Прекраснѣйшей и нѣжной Имогинѣ»

отвѣчала мать, продолжая свой романсъ и потомъ повернула голову.

Передъ нею, въ нѣсколькихъ шагахъ, стояла женщина. У этой женщины тоже было дитя, котораго она несла на рукахъ.

Кромѣ того, въ рукахъ она несла довольно-толстый и, повидимому, очень тяжелый мѣшокъ.

Дитя этой женщины было одно изъ прекраснѣйшихъ созданій, какія только можно встрѣтить. Это была дѣвочка отъ двухъ до трехъ лѣтъ. Она могла бы поспорить съ двумя другими малютками въ кокетливости костюма: на ней было покрывало изъ тонкаго полотна; кофточка была убрана лентами, а чепчикъ кружевами. Складка приподнятой юбочки обнаруживала бѣлую ляжку, твердую и пухленькую. Она была удивительно ручьяна и здорова — такъ и хотѣлось укушать эту прекрасную малютку въ щечки. О гл захъ ея нельзя было ничего сказать, кромѣ того, что, по всей вѣроятности, они были очень велики и нѣбли великолѣпныя рѣсницы. Она спала.

Она спала тѣмъ невозмутимо-довѣрчивымъ сномъ, который свойственъ этому возрасту. Объятія матерей сдѣланы изъ нѣжности; дѣти спать въ нихъ глубокимъ сномъ.

Что касается матери, видъ ея былъ блѣденъ и печаленъ. На ней былъ нарядъ швеи, которая собирается снова сдѣлаться крестьянкой. Она была молода. Была ли она хороша? Можетъ быть, но при этомъ костюмѣ нельзя было сказать этого. Волосы ея, изъ которыхъ вырывался наружу бѣлокурый локонъ, были, казалось, очень густы, но строго исчезали подъ чепчикомъ отвратительнымъ, узкимъ и повязаннымъ на подбородкѣ. Смѣхъ обнаруживаетъ прекрасные зубы, когда они есть у человѣка; но она не смѣялась. Глаза ея, казалось, высохли отъ слезъ неслишкомъ давно. Она была блѣдна; она казалась очень утомленною и несовѣтъ здоровою; она смотрѣла на дитя, спавшее въ ея объятіяхъ, съ тѣмъ особеннымъ выраженіемъ, которое свойственно матери, кормящей свое дитя. Широкій носовой платокъ, похожій на тѣ платки, въ которые сморкаются инвалиды, сложенный въ видѣ косынки, уродливо закрывалъ ея талию. Руки ея загорѣли и были покрыты веснушками; указательный палецъ — затвердѣлый и исколотый иголкой; коричневый плацъ изъ толстой шерстяной матеріи; полотняное платье и толстые башмаки. Это была Фантина.

Это была Фантина. Трудно было узнать ее; однакожъ, при пристальномъ взглядѣ на нее, можно было замѣтить, что красота ея досихъ-поръ сохранилась. Печальная складка, похожая на начало ироніи, проходила морщиною по ея правой щекѣ. Что касается ея костюма, этого воздушнаго костюма изъ легкѣй матеріи и лентъ,

который, казалось, был сотканъ изъ веселости, рѣзвости и музыки.—этого костюма, полного веселыхъ звуковъ бубенчика и благоуханій сирени—онъ исчезъ, подобно тому блестящему, прекрасному инею, который, при солнечномъ свѣтѣ, кажется кучей брильянтовъ; иней таетъ и остается одна черная вѣтка.

Десять мѣсяцевъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ была сыграна «хорошая штука». Чтѣ произошло въ продолженіе этихъ десяти мѣсяцевъ—легко догадаться.

За разлукой послѣдовали стѣснительныя обстоятельства. Фантина тотчасъ же потеряла изъ виду Фавуриту, Зефину и Далію. Связь, разорванная между мужчинами, разорвалась и между женщинами. Онѣ бы очень удивились, еслибы, чрезъ двѣ недѣли послѣ этого, имъ сказали, что онѣ когда-то были подругами; теперь эта дружба не имѣла уже никакого основанія существовать. Фантина осталась одна. Когда уѣхалъ отецъ ея ребенка, она увидѣла себя въ глубокомъ одиночествѣ; въ ней уже убавилась привычка къ труду и прибавилась склонность къ удовольствіямъ. Увлеченная связью съ Толоміесомъ до пренебреженія своего маленькаго ремесла, она упустила изъ виду мѣста, въ которыхъ сбывала свои работы; эти мѣста закрылись; средствъ къ жизни никакихъ. Фантина едва умѣла читать и не умѣла писать; въ дѣтствѣ ее выучили только подписывать свое имя; чрезъ посредство публичнаго писца, она написала къ Толоміесу одно письмо, потомъ второе, потомъ третье. Толоміесъ не отвѣчалъ на одно. Разъ Фантина услышала, что кумушки, глядя на ея дочь, говорили: «развѣ на такихъ дѣтей смотреть серьезно? при разговорѣ о нихъ только плечами пожмешь—вотъ и все». Тогда она начала думать о Толоміесѣ, который пожималъ плечами при мысли объ этомъ ребенкѣ и не смотрѣлъ серьезно на это невинное существо—и сердце ея сдѣлалось мрачнымъ въ отношеніи къ этому человѣку. На чтѣ, однако, рѣшиться? Она не знала, къ кому обратиться. Она совершила проступокъ; но основными чертами ея природы были, какъ мы уже говорили, стыдливость и добродѣтель. Она смутно почувствовала, что еще день—и ей придется впасть въ отчаянное положеніе и скользнуть на худшую дорогу. Надо было вооружиться твердостью, и она вооружилась ею—и удержалась. Ей пришло на мысль вернуться въ свой родимый городъ М.—на—М.: тамъ, можетъ быть, кто-нибудь узнаетъ ее и дастъ ей работу. Да; но для этого ей нужно будетъ скрыть свой проступокъ. И она смутно предвидѣла вѣроятную необходимость разлуки, еще болѣе горестной, чѣмъ первая. Сердце ея сжалось, но она рѣшилась. Фантина, какъ мы увидимъ, обладала суровою житейскою отвагою; она уже храбро отказалась отъ всякихъ уборовъ и, нарядившись въ полотно, покрыла всеиъ своимъ шолкомъ, всеиъ тряпками, всеиъ лентами и всеиъ кружевами свою дочь—единственное тщеславіе, которое у ней оставалось, и, на этотъ разъ, такое святое тщеславіе! Она продала все, чтѣ имѣла и выручила двѣсти франковъ; уплативъ все свои маленькіе долги, она осталась съ восьмидесятью франками. Въ двадцать-два года, въ прекрасное

весеннее утро, она выходила изъ Парижа, унося свою дочь на спитъ. Кто встрѣтилъ бы ихъ, непременно бы сжалился. У этой женщины не было на свѣтѣ никого, кромѣ этого ребенка, а у этого ребенка — никого, кромѣ этой женщины. Фантина сама выкормила дочь; это утомило ее грудь и она немного кашляла.

Мы не будемъ больше имѣть случая говорить о г. Феликсѣ Толоуэ. Скажемъ только, что, двадцать лѣтъ спустя, въ царствованіе Людовика-Филиппа, онъ былъ толстымъ провинціальнымъ страпчимъ, вѣстельнымъ и богатымъ, мудрымъ избирателемъ и строгимъ прилежнымъ, но, попрежнему, охотникомъ до удовольствій.

Чтобы не слишкомъ устать, Фантина, платя по три или четыре су за версту, садилась по временамъ въ такъ называемые въ то время «маленькіе экипажи окрестностей Парижа», и, часамъ къ тремъ дня, очутилась въ Монфермелѣ, въ Хлѣбниковомъ переулкѣ.

Въ то время, когда она проходила мимо харчевни Тенардье, двѣ дѣвочки, восторгавшіяся на своихъ чудовищныхъ качеляхъ, точно ослѣпили ее, и она остановилась передъ этимъ радостнымъ видѣніемъ.

Всть на свѣтѣ чары. Эти двѣ дѣвочки были чарами для этой матери.

Она смотрѣла на нихъ, полная волненія. Присутствіе ангеловъ предвозвѣщаетъ рай. Ей показалось, что надъ этой харчевнею написано *здесь* Провидѣнія. Эти двѣ малютки были, очевидно, счастливы. Она смотрѣла на нихъ, она любовалась ими и такъ растрогалась, что въ ту минуту, когда ихъ мать дѣлала паузу между двумя стихами своей пѣсни, не могла удержаться, чтобы не сказать ей:

— Какія у васъ хорошенькія дѣти, сударыня!

Самую свирѣпую тварь можно обезоружить нѣжностью къ ее маленькимъ.

Мать подняла голову, поблагодарила и усадила прохожую на скамейку предъ дверью, такъ-какъ сама она сидѣла на порогѣ. Обѣ женщины разговорились.

— Меня зовутъ госпожа Тенардье, — сказала мать двухъ малютокъ. — Мы держимъ этотъ трактиръ.

Потомъ, все-таки занятая своимъ романсомъ, она запѣла сквозь зубы :

«Да, долженъ я, я рыцарь,—часъ пробилъ,

«И ѣду я сражаться въ Палестинѣ.

Эта госпожа Тенардье была женщина рыжая, мясистая, угловатая; типъ женщины-соддата во всемъ его безобразіи. И, странное дѣло! въ выраженіи ея лица было что-то сентиментальное—сладствіе чтенія романическихъ книгъ. Она была еще молода, лѣтъ тридцати или около того. Еслибъ эта женщина, теперь сидѣвшая на корточкахъ, стояла,—можетъ быть, ея высокій ростъ и толщина бродячаго армарочнаго великана испугали бы съ перваго раза путешественницу, смутили ея довѣріе и не дали бы случиться тому, что намъ предстоитъ рассказать.

Путешественница рассказала свою исторію, немного измѣнивъ ее.

Рассказала, что она швея; что мужъ ея умеръ; что въ Парижѣ не

могла она достать себѣ работы и шла искать ее въ другомъ мѣстѣ, на своей родинѣ; что она вышла изъ Парижа въ этотъ же день утромъ, цѣшкомъ; что, такъ-какъ на рукахъ у нея было дитя, то, уставши, она сѣла въ вильмомбльскій дилижансъ, неспавшійся ей на встрѣчу; что отъ Вильмомбля до Менсерама она доншла цѣшкомъ; что маютка тоже прошла цѣшкомъ, но очень немного: вѣдь она такая маленькая; что ее опять надо было взять на руки, и что это сокровище уснуло.

И, при этихъ словахъ, она страстно поцаловала свою дочь. Поцалуй разбудилъ ребенка; онъ открылъ глаза, большіе, синіе глаза, какъ глаза ея матери, и посмотрѣлъ— на что? на все, на ничто, съ тѣмъ серьезнымъ и иногда строгимъ видомъ маленькихъ дѣтей, который составляетъ тайну ихъ лучезарной невинности, когда она встрѣчается съ нашими сумрачными добродѣтелями. Кажется, что въ это время дѣти понимаютъ, что они ангелы, а мы — люди. Потомъ маютка начала смѣяться и, несмотря на то, что мать удерживала ее, соскочила на полъ съ неукротимой энергіею маленькаго существа, желающаго побѣгать. Вдругъ она увидѣла двухъ другихъ дѣвочекъ, качавшихся на цѣпи, разомъ остановилась и высунула языкъ, въ знакъ удивленія.

Старуха Тенардье сняла своихъ дочерей съ качелей и сказала:

— Ступайте играть втроемъ.

Въ этомъ возрастѣ скоро сближаются. Не прошло и минуты, какъ маленькія Тенардье забавлялись уже съ своею новой знакомой рылею вмочекъ въ землѣ— удовольствіе безмѣрное.

Эта новая знакомая была очень веселая дѣвочка; доброта матери написана въ веселости крошм. Она взяла кусочекъ дерева, служившій ей лопаткою, и съ жаромъ копала ямочку, годную для мухи. Работа могильщика становится веселою, когда ее дѣлаетъ дитя.

Дѣвѣ женщины продолжали разговаривать.

— Какъ зовутъ вашу крошку?

— Козетта.

Козетта; читайте Эразія. Маютку звали Эразія, но изъ Эразіи мать сдѣлала Козетту, руководясь въ этомъ случаѣ тѣмъ инстинктомъ и граціознымъ инстинктомъ матерей и простого народа, который Жезефу измѣняетъ въ Пениту, а Франциску — въ Сильетту. Это родъ производныхъ именъ, которыя сбиваютъ съ толку всѣхъ этимологистовъ. Мы знали одну бабушку, которая съумѣла изъ Теодора сдѣлать Ньона.

— Сколько ей лѣтъ?

— Пошелъ третій годъ.

— Значитъ, однихъ лѣтъ съ моею старшей.

Въ это время три дѣвочки смотрѣли на землю съ глубокимъ безпокойствомъ и, въ то же время, съ крайнимъ восторгомъ. Случилось важное происшествіе: изъ земли выползъ толстый червякъ. Онъ и боялся, и были въ упоеніи.

Ихъ свѣтлые лбы привсасались одинъ къ другому; точно три головы сплелись подъ однимъ сіяніемъ.

— Эка эти дѣти скоро знакомятся! — вскричала старуха Тенардье, — смотрите-ка, вѣдь можно побойться, что это три сестры.

Эти слова были нескрою, которую, какъ видно, ждала другая мать. Она схватила старуху за руку, пристально посмотрѣла на нее и сказала:

— Хотите взять на сохраненіе мое дитя?

Трактирища сдѣлала тотъ жестъ удивленія, который не означаетъ ни согласія, ни отказа.

Мать Козетты продолжала:

— Видите-ли, я не могу взять дочь съ собою на родину: работа не позволяетъ этого; съ ребенкомъ нескоро сыщешь мѣсто. Въ нашей сторонѣ все такіе смѣшные люди. Самъ Богъ привелъ меня къ вашему трактиру. Когда я увидѣла вашихъ маленькихъ, такихъ хорошенькихъ, чистенькихъ и довольныхъ, меня всю точно перевернуло. Я сказала сама себѣ: «вотъ добрая мать!» Да, вы правы, это будутъ три сестры. И потомъ я довольно скоро возвращусь. Хотите взять мое дитя?

— Надо подумать, — сказала старуха.

— Я буду вамъ платить шесть франковъ въ мѣсяць.

При этихъ словахъ мужской голосъ крикнулъ изъ глубины харчевни:

— Нельзя меньше семи франковъ. И за шесть мѣсяцевъ деньги впередъ.

— Шестью-семь-сорокъ-два, — сказала старуха.

— Я дамъ ихъ, — сказала мать.

— Да еще, кромѣ того, пятнадцать франковъ на первые расходы, — прибавилъ мужской голосъ.

— Итого, пятьдесятъ-семь франковъ, — замѣтила госпожа трактирища и, среди этихъ расчетовъ, напѣвала сквозь зубы:

«Да, долженъ я, — такъ рыцарь говорилъ...»

— Я согласна, — сказала мать, — у меня есть восемьдесятъ франковъ, значитъ, мѣѣ остается, чѣмъ дойти домой. Я пойду пѣшкомъ. Тамъ я начну зарабатывать и, какъ только у меня наберется немного денегъ, приду за своею милочкой.

Мужской голосъ снова слышался:

— У дѣвочки есть бѣлье и платье?

— Это мой мужъ, — сказала трактирища.

— Еще бы! Я догадалась, что это вашъ мужъ. Да еще какое бѣлье и платье! Съ ума сойдешь! Всего по дюжинѣ, и платья шелковыя, какъ у барынь. Все это у меня здѣсь, въ мѣшкѣ.

— Надо и это намъ дать, — продолжалъ мужской голосъ.

— Конечно, дамъ, — сказала мать. — Вотъ было бы смѣшно, еслибы я оставила свою дочь голою.

Лицо хозяина появилось въ дверяхъ.

— Хорошо, сказалъ онъ.

Условіе было заключено. Мать переночевала въ харчевнѣ, отдала деньги и оставила дочь; снова завязала мѣшокъ который, послѣ вынутыхъ вещей ребенка сдѣлался очень легкимъ, и ушла рано утромъ,

съ надеждою скоро вернуться. Такіе отъѣзды устронваются спокой-но, но въ нихъ дѣлая бездна отчаянія.

• Сосѣдка супруговъ Тенардые встрѣтила эту мать на дорогѣ и сказа-зала трактирщикѣ:

— Я только-что встрѣтила какую-то женщину: она такъ плачетъ, что сердце надрывается, глядя на нее.

Когда мать Козетты ушла, мужъ сказалъ женѣ:

— Этимъ я заплачу свой долгъ въ сто десять франковъ, срокъ которому завтра. Мнѣ не доставало пятидесяти франковъ. Знаешь, что мнѣ привелось бы имѣть дѣло съ судомъ и что вексель мой былъ бы протестованъ? Ты изъ своихъ дѣвчонокъ сдѣлала славную мышеловку....

— Сама того не подозрѣвая, сказала жена.

II.

Первый эскизъ двухъ подозрительныхъ фюзіономій.

Попавшійся мышонокъ былъ маленькій и худенькій; но для кошки и худощавая мышь — находка.

Что такое были эти Тенардые?

Скажемъ о нихъ сейчасъ же нѣсколько словъ, впоследствии мы дополнимъ этотъ очеркъ.

Эти существа принадлежали къ тому, такъ сказать, незаконнорожденному классу, составленному изъ невѣждъ — выскочекъ и умныхъ людей — павшихъ, который занимаетъ мѣсто между классами такъ называемымъ среднимъ и такъ называемымъ низшимъ и который соединяетъ въ себѣ нѣкоторые недостатки послѣдняго и всѣ пороки перваго, не имѣя ни великодушныхъ порывовъ работника, ни честной бережливости гражданина.

Эти существа были однѣ изъ тѣхъ натуръ — карликовъ, которыя, если случайно согрѣетъ ихъ какой-нибудь мрачный огонь, легко достигаютъ чудовищнаго роста. И мужъ, и жена были въ высшей мѣрѣ способны усвоивать себѣ тотъ отвратительный прогрессъ, который совершается въ области зла. Существуютъ на свѣтѣ души, которыя, точно раки, постоянно пятятся назадъ, къ мраку, не подвигаясь впередъ на жизненномъ пути, употребляя свою опытность на то, чтобы увеличивать свое безобразіе, дѣлаясь все хуже и хуже и все болѣе и болѣе покрываясь увеличивающеюся чернотою. У этого челоуѣка и этой женщины были такія души.

Особенно Тенардые мужъ приволил въ смущеніе фюзіономиста. На нѣкоторыхъ людей стоитъ только посмотреть, чтобы почувствовать къ нимъ недоувѣрчивость. Въ нихъ есть что-то невѣдомое. Нельзя никакъ отвѣчать ни за то, что они сдѣлали, ни за то, что сдѣлаютъ Сумракъ, заключающійся въ ихъ взглядѣ, обличаетъ ихъ. Одно слово ихъ, одинъ жестъ показываютъ, что и прошедшее ихъ, и будущее полны мрачныхъ тайнъ.

Этотъ Тенардые, если вѣрить его словамъ, былъ прежде солдатъ и дослужился до сержанта; онъ, должно быть, участвовалъ въ кам-

ваніи 1815 г. и, какъ онъ разсказывалъ, велъ себя довольно-храбро. Мы впоследствии увидимъ, какая это была правда. Вывѣска его харчевни была намекомъ на одинъ изъ его военныхъ подвиговъ. Онъ самъ нарисовалъ ее, потому-что умѣлъ все дѣлать по-немножку — и все дѣлалъ дурно.

То было время, когда классическій романъ, все еще благородный, но болѣе и болѣе опошляющійся, низошедшій отъ дѣвницы Скудери до госпожи Бурнонь-Малармъ и отъ госпожи Лафайэтъ до госпожи Бартеlemi-Гадо, сожигалъ любящія души парижскихъ приратницъ и производилъ опустошенія даже въ предмѣстьяхъ. Госпожа Тенардь была понятлива именно на столько, чтобы читать такого рода книги; она пыталась ими; она потопляла въ нихъ весь мозгъ, какой былъ въ ея головѣ; покамѣстъ она была молода, и даже немного возже, эти чтенія придавали ей какой-то задумчивый видъ подлѣ ея мужа, плута несовѣстнъ мелкаго, человѣка грубаго и, въ то же время, хитраго, но читавшаго Пяго-Лебрениа и, какъ онъ выражался, «во всемъ что, касается пола», т. е. женщинъ, животного самой чистой пробы. Жена была моложе его двѣнадцатью или пятнадцатью годами. Позже, когда волосы романически-плаксивые начали сѣдѣть, когда изъ Памелы выдѣлалась Мегера, госпожа Тенардь осталась ничѣмъ инымъ, какъ толстою, злою бабой, напштавшеюся глупыми романами. Но глушости нельзя читать безнаказанно. Слѣдствіемъ такой истины было то, что старшая дочь ея получила имя Эпонины; что касается младшей, то бѣдную дѣвочку чуть-чуть не назвали Гюльнаррой, и только по особенно-счастливому обстоятельству, которымъ она была обязана какому то роману Дюкре-Дюменниа, ей дали имя Азелмы.

Впрочемъ, сказать мимоходомъ, въ этой любопытной эпохѣ, о которой мы здѣсь упоминаемъ и которую можно бы назвать анархією именъ, дающихся при крещеніи, не все было смѣшно и поверхностно. Рядомъ съ элементомъ романическимъ, на который мы только что указали, стоятъ симптомы социальныя. Порѣдко случается теперь, что какой-нибудь мясникъ называется Артуръ, Альфредъ или Альфонсъ, а какой-нибудь виконтъ — если есть виконты — носить имя Омы, Петра или Якова. Это перемѣщеніе именъ, это перенесеніе имени «изящнаго» на плебея и имени простонароднаго на аристократа есть ничто иное, какъ слѣдъ, оставленный принципомъ равенства. Неудержимая струя новаго воздуха проникла сюда, какъ и во все другое. Подъ этою видимою разладицею скрывается вещь глубокая и великая — французская революція.

III.

Жаворонокъ.

Недостаточно быть злымъ для того, чтобы пользоваться благосостояніемъ. Дѣла харчевни шла дурно.

Благодаря пятидесяти семи франкамъ путешественницы, Тенардь заблуждалъ протеста и не осрамилъ своей подлинс. Въ слѣдующій мѣ-

сая, ему снова понадобились деньги; жена поехала въ Парижъ въщи Козетты и заложила ихъ въ ломбардъ за шестьдесятъ франковъ. Какъ только эти деньги были истрачены, Тенардье стали смотрѣть на дѣвочку какъ на дитя, которое они держали у себя изъ состраданія и начали обращаться съ нею сообразно съ этимъ взглядомъ. Такъ какъ у нея не было больше бѣды и платья, ее начали одѣвать въ старыя юбки и старыя рубашки маленькихъ Тенардье, т. е. въ рублища. Кормили ее остатками отъ кушанья другихъ, немного лучше, чѣмъ собаку и не много хуже, чѣмъ кошку. Впрочемъ, собака и конка были ея обычными товарищами; Козетта ѣла вибстѣ съ ними, подъ столомъ, и въ такой же чашкѣ, какая давалась имъ.

Мать, пославшаяся, какъ мы увидимъ ниже, въ М.-на-М., писала мам, лучше сказать, поручала писать каждый мѣсяцъ, чтобы освѣдомляться о своемъ ребенкѣ. Отъ Тенардье получался всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: Козеттѣ живется отлично.

Во истеченіи первыхъ шести мѣсяцевъ, мать послала семь франковъ за седьмой и потомъ доставляла деньги довольно аккуратно каждый мѣсяцъ. Годъ еще не окончился, когда Тенардье сказалъ: «Эку милость она мамъ оказываетъ! важная вещь семь франковъ — что я съ маму буду дѣлать,» — и онъ потребовалъ двѣнадцать франковъ. Мать, которую эти люди убѣдили, что дитя ея счастливо и здорово, цѣкорилась и послала двѣнадцать франковъ.

Есть люди, которые не могутъ любить съ одной стороны, безъ того, чтобы не ненавидѣть съ другой. Старуха Тенардье страстно любила своихъ собственныхъ дочерей, въ слѣдствіе чего возненавидѣла чужую. Грустно думать, что материнская любовь можетъ имѣть гадкіе отгѣнки. Какъ ни мало мѣста Козетта занимала у нея, старухѣ все казалось, что это мѣсто отымается у ея дѣтей и что эта дѣвушка похищаетъ воздухъ, которымъ дышутъ ея дочери. Эта женщина, какъ многія другія такого же рода, могла расходовать каждый день запасъ ласкъ и запасъ толчковъ и оскорбленій. Еслибъ у нея не было Козетты, то несомнѣнно, что все это получали бы ея дочери, какъ она ни обожала ихъ; но Козетта оказала имъ услугу тѣмъ, что всѣ удары обратила на себя. Дочерямъ старухи остались только ласки. Козетта не могла сдѣлать малѣйшее движеніе безъ того, чтобы на голову ея не сыпались цѣлые потоки грубыхъ и незаслуженныхъ наказаній. Слабое, кроткое существо, ничего не понимавшее ни въ дѣлахъ Божьихъ, ни въ вещахъ этого міра, постоянно наказываемое, оскорбляемое и видѣвшее рядомъ съ собою двухъ дѣвочекъ, такихъ же, какъ она, маленькихъ, но жизнь которыхъ была окружена такими свѣтлыми лучами!

Старуха Тенардье была зла къ Козеттѣ, Эпонина и Азельма слѣдовали ей примѣру. Дѣти, въ этомъ возрастѣ, ничто иное, какъ экземпляръ матери. Только форматъ меньше — вотъ и вся разница.

Прошелъ годъ, прошелъ и другой.

Въ селеніи всѣ говорили:

— Эти Тенардые слабые люди. Они сами не богаты, а воспитывают чужое дитя, оставленное у них матерью.

Вся думала, что мать Козетты забыла ее.

Между тем, Тенардые, проведая какими-то темными путями, что дитя, по всей вероятности, незаконнорожденное и что мать не смѣетъ открыто признать его, потребовала пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ, говоря, что это «созданіе» растетъ и «ѣстъ»; въ противномъ случаѣ, онъ грозилъ отправить ее. «Пусть она не сердитъ меня! — кричалъ онъ, — а не то я ей швырну ея пискленка; вотъ пусть тогда и скрываетъ, какъ хочетъ! Мнѣ нужна прибавка!» Мать завлатала пятнадцать франковъ.

Пока Козетта была очень мала, ее терзали двѣ дочери хованна; какъ только она начала немного развиваться, т. е. прежде еще, чѣмъ ей исполнилось пять лѣтъ, она сдѣлалась служанкою въ домѣ.

Въ пять лѣтъ — свазуть, это неправдоподобно. Увы, это правда! Соціальное страданіе начинается во всякомъ возрастѣ. Развѣ не присутствовали мы недавно при процессѣ Дюмолара, сироты, сдѣлавшагося бандитомъ, — человѣка, который, какъ говорятъ оффиціальныя документы, будучи одинъ на свѣтѣ, «работалъ, чтобы жить, и воровалъ.»

Козетту заставляли исполнять разные порученія, мести комнаты, дворъ, улицы, мыть посуду, даже носить тяжести. Супруги Тенардые темъ болѣе считали себя въ правѣ поступать такимъ образомъ, что мать, все еще жившая въ М.-на-М. начала платить не совсѣмъ аккуратно. Она была уже должна за нѣсколько мѣсяцевъ.

Видно, эта мать вернулась въ Монфермаль по истеченіи двухъ-трехъ лѣтъ, она не узнала бы своего ребенка. Козетта, вступившая въ этотъ домъ такою хорошенькою и свѣжою, была теперь суха и блѣда. У нея была какая-то безпокойная походка. «Хитрая!» говорили Тенардые.

Несправедливость сдѣлала ее сварливою, а нищета — гадкою. Отъ прежней красоты у нея остались только глаза, на которые больно было смотрѣть, потому что величина ихъ, казалось, еще увеличивала грусть, въ нихъ заключавшуюся.

Глубоко-прискорбное зрѣлище представлялъ этотъ ребенокъ, который, не имѣя еще шести лѣтъ, дрожа отъ холода нога старыми, дырчатыми отрубнями, въ зимніе дни шелъ улицу передъ харчевнею, стоя съ огромною метлою въ маленькихъ прасныгъ рученигъ и слезою въ большихъ глазахъ.

Въ селеніи ее называли Жаворонкомъ. Народъ, любящій образы, называлъ этимъ именемъ маленькое существо, ростомъ не выше птицы, дрожащее, испуганное, встававшее раньше всѣхъ въ домѣ и въ селеніи, до зари появлявшееся на улицѣ или въ полѣ.

Только этотъ бѣдный жаворонокъ никогда не пѣлъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

ПАДЕНИЕ.

I.

ИСТОРИЯ ПРОГРЕССА ВЪ ФАБРИКАЦІИ ВЕЩЕЙ ИЗЪ ЧЕРНАГО СТЕКЛА.

Что же, однако, сдѣлалось съ этою матерью, которая, по словамъ монфермельскихъ жителей, кинула свое дитя? Гдѣ она была? Что дѣлала?

Оставивъ Козетту у Тенардье, она продолжала путь и пришла въ М.-на-М.

Это было, если не забыли, въ 1818 г.

Финишна не была на родинѣ уже лѣтъ десять. Наружность города совершенно измѣнилась. Между тѣмъ, какъ Фантина по немного спу- скалась отъ бѣдствія къ бѣдствію, ея родимый городъ подымался выше и выше.

Года за два до ея прибытія, въ промышленномъ мірѣ его случи- лось одно изъ тѣхъ происшествій, которыя, для маленькихъ мѣстнос- тей, составляютъ большое событіе.

Эта подробность очень важна и мы считаемъ полезнымъ распро- страниться о ней, — скажемъ даже, подчеркнуть ее.

Съ незапамятныхъ временъ М. на М. отличался специальнымъ про- изводствомъ англійскаго стекляруса и германскихъ вещей изъ чер- наго стекла. Но дороговизна матеріала не позволила этой отрасли промышленности принять большіе размѣры; она, такъ сказать, про- зябала. Въ то время, когда Фантина вернулась въ М.-на-М., въ про- изводствѣ этихъ «черныхъ, товаровъ» произошелъ уже неслыхан- ный переворотъ. Къ концу 1815 года, какой-то человекъ, незнакомецъ, поселился въ городѣ и придумалъ замѣнить древесную смолу гумми- лакомъ, а въ браслетахъ — кольца изъ желѣза спаянными кольцами изъ желѣза просто прикрѣпленными другъ къ другу.

Это маленькое измѣненіе произвело рѣшительный переворотъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это маленькое измѣненіе немовѣрно понизило цѣну матеріала, въ слѣдствіе чего оказалась возможность, во первыхъ, увеличить заработную плату — благодѣяніе для народа, — во вторыхъ, улучшить производство — выгода для потребителя, въ третьихъ, — про- давать дешевле, утроивая барышъ — польза для фабриканта.

Итакъ, одна идея принесла три результата.

Менѣе чѣмъ въ три года, изобрѣтатель разбогатѣлъ, что очень хорошо, и обогатилъ всѣхъ окружавшихъ его, что еще лучше. Онъ былъ чужой въ этомъ департаментѣ; о его происхожденіи не знали ничего, о началѣ его дѣятельности — очень мало.

Разсказывали, что онъ пришелъ въ городъ съ очень незначи- тельными деньгами, нѣсколькими сотнями франковъ, не больше.

Изъ этого-то тощаго капитала, отдавнаго въ распоряженіе счаст-

ливой идеи, оплодотвореннаго бережливостію и разсудительностію, онъ извлекъ свое собственное богатство и благосостояніе всей страны.

Когда онъ явился въ М.—на—М., то по платью, движеніямъ и языку, онъ былъ ничто иное, какъ простой работникъ.

Говорили, что въ тотъ самый декабрьскій вечеръ, когда онъ незаметно вступалъ въ М.—на—М., съ мѣшкомъ на спинѣ и сучковатою палкою въ рукахъ, сильный пожаръ вспыхнулъ въ домѣ, занимаемомъ присутственными мѣстами. Этотъ человекъ бросился въ огонь и, съ опасностію жизни, спасъ двоихъ дѣтей жандармскаго капитана; въ слѣдствіе этого, у него и не подумали спросить паспортъ. Съ тѣхъ поръ, узнали его имя. Онъ назывался *Отецъ Мадленъ*.

II.

МАДЛЕНЪ.

Это былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ добрымъ и который казался всегда озабоченнымъ. Вотъ все, что можно было сказать о немъ.

Благодаря быстрымъ успѣхамъ, которыми была обязана ему стеклянная промышленность, М.—на—М. слѣдала значительнымъ промышленнымъ пунктомъ. Испанія, потребляющая много стекла, дѣлала въ немъ каждый годъ очень значительные заказы. М.—на—М., въ отношеніи этого производства, почти конкурировалъ съ Лондономъ и Берлиномъ. Варьши отца—Мадлена были такъ велики, что, на второй годъ, онъ могъ уже построить большую фабрику съ двумя обширными мастерскими—одною для мужчинъ, другою для женщинъ. Каждый голодный могъ являться сюда и непременно находилъ работу и хлѣбъ. Отецъ Мадленъ требовалъ отъ мужчинъ хорошей дѣятельности, отъ женщинъ—чистыхъ нравовъ, отъ всѣхъ—честности. Онъ отдѣлялъ одну мастерскую отъ другой, для того, чтобы мужчины и женщины не были вмѣстѣ и чтобъ эти послѣдніе вели себя, какъ слѣдуетъ. На этотъ счетъ онъ былъ непоколебимъ. Это былъ единственный пунктъ, въ которомъ онъ обнаруживалъ нѣкотораго рода нетерпимость. Строгость свою онъ считалъ тѣмъ болѣе основательною, что, такъ какъ въ М.—на—М. постоянно стоялъ гарнизонъ, то поводовъ къ разврату было очень много. Какъ бы то ни было,—его пріѣздъ въ городъ былъ благодѣяніемъ, а его присутствіе въ немъ благословіемъ неба. До пріѣзда отца Мадлена, все въ этой странѣ изнывало и сохло; теперь все жило здоровою жизнью труда. Сильное движеніе все согрѣвало и всюду проникало. Никто не зналъ, что значить сидѣть безъ работы или нищенствовать. Не было такого бѣднаго жилища, въ которомъ не присутствовала бы хоть небольшая радость.

Отецъ Мадленъ не отказывалъ никому. Онъ требовалъ только одного: «Будьте честнымъ человекомъ! Будьте честною дѣвушкой!»

Какъ мы уже сказали, отецъ Мадленъ, среди этой дѣятельности, которой онъ былъ причиною и двигателемъ, богатѣлъ; но, вещь довольно странная въ простомъ торговомъ человекѣ, это, казалось, не

составляло главной заботы его. Повидимому, онъ думалъ много о другихъ и мало о себѣ. Въ 1820 г. было извѣстно, что у Ласинга лежали на его имя шестьсотъ тридцать тысячъ франковъ; но, прежде скопленія этихъ денегъ, онъ истратилъ болѣе милліона на городъ и на бѣдныхъ.

Госпиталь былъ въ дурномъ положеніи; онъ основалъ въ немъ десять кроватей. М.—на—М. раздѣленъ на верхній городъ и нижній городъ. Въ нижнемъ городѣ, въ которомъ жилъ самъ Мадленъ, была только одна школа, помѣщавшаяся въ дрянной избушкѣ, грозившей разрушеніемъ; онъ построилъ двѣ школы, одну для дѣвочекъ, другую для мальчиковъ. Двумъ занимавшимся въ ней учителямъ, онъ дѣлалъ изъ собственныхъ денегъ прибавку вавое болѣе скуднаго жалованья, получавшагося ими отъ казны, и когда кто-то выражалъ ему удивленіе къ такой щедрости, онъ отвѣчалъ: «Два главные чиновника въ государствѣ—это кормилца и школьный учитель» Онъ устроилъ на свой счетъ пріютъ, учрежденіе, въ то время почти неизвѣстное во Франціи и вспомогательную кассу для старыхъ и больныхъ работниковъ. Такъ какъ его фабрика была центромъ дѣятельности, то вокругъ нея вдругъ образовался цѣлый кварталъ съ большимъ количествомъ бѣдныхъ семействъ; Мадленъ устроилъ тутъ аптеку, изъ которой лекарства отпускались даромъ.

Въ самомъ началѣ его дѣятельности, добрые люди говорили: «Это молодець, желающій разбогатѣть». Когда же увидѣли, что онъ, прежде собственнаго обогащенія, обогащаетъ другихъ, тѣ же добрые люди сказали: «это честолюбець». Такое заключеніе казалось тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что этотъ человѣкъ былъ религіозенъ—на что въ то время смотрѣли очень благосклонно—и каждое воскресенье ходилъ въ церковь. Мѣстный депутатъ, всюду чуввшій конкуренцію, скоро пришелъ въ крайнее безпокойство отъ этой религіозности. Этотъ депутатъ бывшій прежде членомъ законодательнаго собранія Имперіи, раздѣлялъ религіозныя убѣжденія Фуше, герцога отрантскаго, которого онъ былъ креатурою и другомъ. Въ тайнѣ и безъ свидѣтелей онъ посмѣивался надъ всѣмъ святымъ. Но когда онъ увидѣлъ, что богатый фабрикантъ Мадленъ ходитъ къ ранней обѣднѣ, то увидѣлъ въ немъ конкурента и рѣшился обогнать его: онъ взялъ себя въ духовники іезуита и началъ ходить къ поздней обѣднѣ и вечернѣ. Честолюбіе, въ это время, было, въ полномъ смыслѣ слова, какою-то скачкою. Бѣднымъ это соперничество принесло пользу, потому-что почтенный депутатъ тоже основалъ двѣ кровати въ госпиталь—что составило двѣнадцать.

Между тѣмъ. въ одно утро 1819 г., по городу разнесся слухъ, что, по представленію г. префекта и во уваженіе заслугъ, оказанныхъ странѣ, король назначаетъ отца-Мадлена меромъ города. Тѣ, которые считали его «честолюбцемъ», съ восторгомъ ухватились за этотъ случай, чтобы закричать: «ну, не правду ли мы говорили»? Весь М.—на—М. былъ въ волненіи. Слухъ оказался основательнымъ. Нѣсколько дней спустя, назначеніе появилось въ Монитерѣ. На слѣдующій день, отецъ Мадленъ отказался принять должность,

Въ тотъ же 1819 г. произведеніи фабрикаціи Малленъ были на выставкѣ промышленности По королевскому приказу пражники, король вознаграждалъ изобрѣтателю орденомъ почетнаго легіона. Новый шумъ въ городѣ. «Вотъ оно что! онъ креста добивался! Малленъ отказался отъ креста».

Рѣшительно, этого человѣкъ былъ какая-то загадка. Добрые люди, однако, и тутъ начались, сказавъ: «Выходить, что это какой то искатель приключеній».

Мы видѣли, что страва была одолжена ему многими, бѣдные — рѣшительно всѣмъ; онъ былъ такъ полезенъ, что по неволѣ, пришлось, наконецъ, почитать его и такъ кротокъ, что пришлось, наконецъ, полюбить его; — особенно рабочіе на фабрикѣ обожали его и онъ принималъ это обожаніе съ какою-то меланхолическою радостью. Когда его богатство сдѣлалось несомнѣннымъ, «члены высшего общества» начали раскланываться съ нимъ и въ городѣ стали называть его: господинъ Малленъ, но рабочіе и дѣти продолжали говорить: «отецъ Малленъ» и это названіе вызывало лучшую улыбку его. Но ширѣ того, какъ онъ возвышался, приглашенія сыпались на него дождемъ. «Общество» требовало его, маленькія чопорные гостинные города, которыя, очевидно, закрыли бы свои двери предъ ремесленникомъ, теперь открылись настежь передъ миллионеромъ. Къ нему забѣгали тысячу разъ. Онъ постоянно отказывался.

И на этотъ разъ добрые люди не затруднились. — «Это невѣжа и дурно воспитанный человѣкъ. Кто его знаетъ, откуда онъ вылезъ. Да онъ не сумѣлъ бы держать себя въ свѣтѣ. Умѣетъ-ли еще онъ, полно, читать».

Когда увидѣли, что онъ зарабатываетъ деньги, — сказали: «это купецъ». Когда увидѣли, что онъ сѣетъ деньги, — сказали: «это честолюбецъ». Когда увидѣли, что онъ отказывается отъ почестей, сказали: «это искатель приключеній». Когда увидѣли что онъ отказывается отъ свѣта, сказали: «это грубое животное».

Въ 1820 г., пять лѣтъ спустя послѣ прибытія въ М.—на—М., услуги оказанныя имъ странѣ, были такъ блестящи, желаніе всѣхъ жителей было такъ единодушно, что король слова назначилъ его меромъ города. Онъ опять отказался, но префектъ настаивалъ, всѣ почетныя лица въ городѣ пришли просить его, народъ умолялъ его на улицѣ, просьбы были такъ настоятельны, что онъ кончилъ тѣмъ, что согласился. Многіе замѣтали, что его особенно подвинуло на это рѣшеніе почти сердитое восклицаніе какой-то простой старухи, стоявшей на порогѣ своего дома: «Хорошій меръ нуженъ городу. Развѣ можно отступать передъ добромъ, когда есть возможность его сдѣлать!»

Это была третья фаза его возвышенія. Отецъ Малленъ сдѣлался господиномъ Малюномъ, господинъ Малленъ сдѣлался господиномъ меромъ.

III.

Суммы, отданныя на сохраненіе Лафитту.

Впрочемъ, онъ остался такимъ же, какъ и прежде. У него были сѣдые волосы, серьезный взглядъ, загорѣлая кожа работника, задумчивъ

вое лицо философа. Онъ носилъ обыкновенно шляпу съ широкими полями и длинный сюртукъ изъ толстаго сукна, застѣгнутый до подбородка. Онъ исполнялъ всѣ обязанности мера, но, внѣ ихъ, жилъ въ уединеніи, разговаривалъ съ немногими, избѣгалъ вѣжливаго обращенія другихъ, кланялся бокомъ, спѣшилъ уходить, улыбался, чтобы избавляться отъ разговоровъ, давалъ, чтобы избавляться отъ улыбки. Женщины говорили о немъ: Какой добрый медвѣдь! Любимое удовольствіе его было—гулять за городомъ.

Онъ обѣдалъ всегда одинъ, держа передъ собою раскрытую книгу и читая ее. У него была маленькая, хорошо составленная библіотека. Онъ любилъ книги; книги—холодные и вѣрные друзья. По мѣрѣ того, какъ увеличивавшееся богатство давало ему болѣе и болѣе свободнаго времени, онъ, казалось, пользовался этимъ временемъ для работыванія своего ума. Многіе замѣтили, что съ тѣхъ-поръ какъ онъ явился въ М. на М., его рѣчь дѣлалась съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе вѣжливою, тихою и изысканною.

Отправляясь гулять, онъ любилъ брать съ собою ружье, но рѣдко употреблялъ его въ дѣло. Когда это ему случалось, то онъ попадалъ въ цѣль съ ужасающею вѣрностью. Никогда онъ не убивалъ беззащитныхъ животныхъ. Никогда не стрѣлялъ въ маленькую птицу.

Хотя онъ былъ уже не молодъ, но, по рассказамъ, сила его была изумительна. Онъ помогалъ ею кому было нужно, подымалъ упавшую лошадь, вытаскивалъ колесо, завязнувшее въ грязи, останавливалъ за рога вырвавшагося быка. Изъ дому онъ всегда выходилъ съ карманами, полными денегъ, а возвращался всегда съ пустыми карманами. Когда онъ проходилъ по какому нибудь селенію, оборванные мальчишки весело бѣжали за нимъ, и окружали его, какъ рой мошекъ.

Нѣкоторые догадывались, что онъ прежде жилъ жизнью поселенина, и это заключеніе выводили изъ того, что онъ зналъ множество полезныхъ вещей, которыми дѣлился съ поселянами. Онъ училъ ихъ уничтожать болѣзнь пшеницы кропленіемъ амбаровъ и заливаніемъ щелей пола растворомъ обыкновенной соли; училъ выгонять долгоносиковъ, развѣсивая на стѣнахъ и на крышахъ, въ травахъ и въ домахъ шалфей въ цвѣту. У него были рецепты для уничтоженія чернухи, журавлиннаго гороха и всѣхъ подобныхъ травъ, вредящихъ росту пшеницы.

Разъ онъ увидѣлъ, что мѣстные поселяне вырываютъ изъ земли крапиву; онъ посмотрѣлъ на эту кучу вырванныхъ съ корнемъ и уже высохшихъ растеній и сказалъ: «Это все мертво. А оно могло бы принести пользу, еслибы умѣли употреблять его въ дѣло. Когда крапива молода, то листъ ея—отличная овощь: когда она состарѣется, то въ ней образуются волокна, какъ въ пенькѣ и льнѣ. Полотно изъ крапивы не хуже полотна изъ пеньки. Крапиву изрубленную любятъ домашняя птица, крапиву раздавленную—рогатый скотъ. Сѣмена крапивы, смѣшанные съ кормомъ, придаютъ блескъ шерсти животныхъ; корень ея, смѣшанный съ солью, производитъ прекрасный желтый цвѣтъ. При томъ же, она прекрасное сѣно, которое можно косить

два раза. И что нужно для крапивы? Немного земли, никакого ухода, никакой обработки. Только сѣмена падаютъ по мѣрѣ того, какъ созрѣваютъ, и ихъ трудно собирать. Вотъ и все. При мало-мальски заботливомъ уходѣ, крапива была бы полезна; ею пренебрегаютъ, она дѣлается вредною. Тогда ее убиваютъ. Сколько людей походятъ на крапиву! Послѣ минутнаго молчанія, онъ прибавилъ: Друзья мои, запомните это; на свѣтѣ нѣтъ ни дурныхъ травъ, ни дурныхъ людей. Есть только дурные земледѣльцы.

Дѣти тоже любили его, потому что онъ умѣлъ дѣлать очень красивые вещи изъ соломы и кокосоваго орѣха.

Когда онъ проходилъ мимо церкви, дверь которой была обтянута чернымъ, то входилъ туда; онъ любилъ бывать на похоронахъ, какъ другіе на крестинахъ. Вдовство и несчастье другаго привлекали его къ себѣ; онъ присоединялся къ друзьямъ въ траурѣ, къ семействамъ, одѣтымъ въ черное платье, къ священникамъ, стонущимъ вокругъ гроба. Онъ, казалось, любилъ дѣлать текстомъ своихъ мыслей, эти похоронные напѣвы, полные предвидѣнія другаго міра. Поднявъ глаза къ небу, съ какимъ-то порываніемъ къ таинствамъ безконечнаго, слушалъ онъ эти печальные голоса, пѣвшіе на краю мрачной бездны смерти.

Онъ дѣлалъ множество добрыхъ дѣлъ, прячась, какъ прячутся тѣ, которые совершаютъ дурныя дѣла. По вечерамъ онъ тайкомъ пробирался въ дома, украдкой взбирался по лѣстницѣ. Не одинъ бѣднякъ, возвращаясь въ свою каморку, находилъ, что его дверь была открыта, даже взломана въ его отсутствіе. Бѣдный вскрикивалъ: здѣсь былъ воръ! Онъ входилъ въ комнату и первая вещь, попадавшая ему на глаза, была золотая монета, оставленная на столѣ. Приходившій «воръ» былъ отецъ Мадленъ.

Онъ былъ привѣтливъ и грустенъ. Народъ говорилъ: «вотъ богатъ, въ которомъ нѣтъ ничего гордаго; вотъ счастливый человѣкъ, который, кажется, недоволенъ своей судьбой!»

Нѣкоторые утверждали, что онъ какое-то таинственное лицо и что никто не входилъ въ его комнату, бывшую настоящею кельею анхорета, наполненною крылатыми песошницами, разными чудовищами и мертвыми головами. Это говорилось такъ часто, что нѣсколько изысканныхъ и хитрыхъ дамъ города пришли разъ къ Мадлену, и сказали: г. меръ покажите намъ вашу комнату. Говорятъ, что она настоящая пещера.» Онъ улыбнулся, и тотчасъ же ввелъ ихъ въ эту «пещеру». Любопытство ихъ было сильно наказано. Онъ увидѣли комнату, очень просто уставленную довольно некрасивою мебелью изъ краснаго дерева, и оклеенную дешевыми обоями. Посѣтительницамъ только и бросился въ глаза, два старомодные подсвѣчника, стоявшіе на каминѣ, и, какъ видно, серебряные. «потому что на нихъ была проба.» Замѣчаніе, въ которомъ такъ и слышится духъ маленькаго городка.

Тѣмъ не менѣе, въ городѣ продолжали говорить, что никто не входилъ въ эту комнату, и что она—пещера пустытника, заколдованное мѣсто, яма, могила.

Поговаривали также, что онъ имѣлъ у Лафитта «безчисленные суммы, положенныя на томъ условіи, что онъ могъ обратно получить ихъ по первому востребованію; такъ что—прибавляли рассказы—г. Мадленъ могъ въ одно прекрасное утро явиться къ Лафитту, подписать квитанцію и, въ теченіе десяти минутъ, унести свои два или три милліона. На самомъ же дѣлѣ, эти «два или три милліона, какъ мы сказали уже, сводились къ шести стамъ, тридцати или сорока тысячамъ франковъ.

IV.

Г. Мадленъ въ траурѣ.

Въ началѣ 1821 г. журналы объявили о смерти г. Миріоля, епископа Д—скаго, прозваннаго «монсеньоромъ Бьенвеню» и преставившагося на восемьдесятъ-третьемъ году своей жизни.

Чтобы прибавить здѣсь подробность, упущенную журналами, мы скажемъ, что епископъ, за нѣсколько дней до смерти, ослабѣлъ, и былъ доволенъ своей слѣпотою, потому что сестра его не разставалась съ нимъ.

Скажемъ мимоходомъ: быть слѣпымъ и быть любимымъ—это, дѣйствительно, одна изъ самыхъ странно утонченныхъ формъ счастья на этой землѣ, гдѣ нѣтъ ничего вполне совершеннаго. Видѣть постоянно подлѣ себя жену, дочь, сестру, прекрасное созданіе, которое подлѣ васъ потому, что оно нужно вамъ, и само не можетъ обойтись безъ васъ; знать, что вы необходимы для того, который и для васъ необходимъ; быть въ состояніи безпрестанно измѣрять его привязанность по тому числу часовъ, которое оно удѣляетъ вамъ говорить себѣ: «если она посвящаетъ мнѣ свое время, то это, потому что все ея сердце принадлежитъ мнѣ; видѣть мысль, не будучи въ состояніи видѣть лицо; чувствовать вѣрность живаго существа въ мракѣ, окружающемъ васъ; слышать шорохъ платья, какъ шумъ крыльевъ; слышать, какъ она ходитъ, выходить, возвращается, говорить, поетъ, и думать, что вы центръ этихъ шаговъ этихъ словъ того пѣнія; обнаруживать каждую минуту свое собственное притягиваніе; чувствовать себя тѣмъ болѣе могущественнымъ, чѣмъ болѣе вы немощны; дѣлаться въ темнотѣ и посредствомъ этой темноты звѣздою, къ которой тяготѣетъ этотъ ангелъ—все это такое блаженство, съ которымъ другое едва ли можетъ сравниться. Высшее счастье въ жизни состоитъ въ убѣжденіи, что человекъ любитъ; и слѣпота есть это убѣжденіе. Въ этомъ безпомощномъ положеніи принимать услуги, значитъ принимать ласки. Развѣ ему недостаетъ чегонибудь? Нѣтъ. Кого любятъ, тотъ не теряетъ способности зрѣнія. И какая любовь! Любовь, сдѣланная изъ добродѣтели. Тамъ нѣтъ слѣпоты, гдѣ есть увѣренность. Душа ищетъ оцую другую душу и находитъ ее. И эта найденная и испытанная душа—женщина. Чѣто рука васъ поддерживаетъ—это ея рука; чѣто губы касаются вашего лба—это ея губы; вы слышите подлѣ себя чѣто дыханіе, это ея дыханіе. Все получать отъ нея, начиная отъ ея благоговѣнія д

ей состраданіи, не быть никогда покинутымъ, получать помощь отъ этой кроткой слабости, опираться на этотъ несокрушимый тростникъ, трогать своими руками Провидѣніе и имѣть возможность заключить его въ свои объятія—Воже, какое наслажденіе! Сердце, этотъ божественный, темный цвѣтокъ, начинаетъ таинственно распускаться. Не отдашь эту тьму за блескъ всѣхъ свѣтилъ! Душа—ангелъ подлѣ васъ, постоянно подлѣ васъ, если она удаляется, то для того чтобы возвратиться, она исчезаетъ какъ мечта и снова показывается какъ дѣйствительность. Вы чувствуете приближающуюся теплоту, это она. Вы расплываетесь въ свѣтломъ спокойствіи, въ веселости, въ восторгѣ, вы сами дѣлаетесь какимъ-то свѣтлымъ лучомъ въ окружающемъ васъ мракѣ. А эти тысячи мелкихъ попеченій! А эти мелочи, которыя принимаютъ такія громадныя размѣры въ этомъ пустомъ пространствѣ! Самые неизъяснимые звуки женскаго голоса укачиваютъ васъ, и замѣняютъ вамъ исчезнувшую вселенную. Васъ ласкаетъ какаа-то душа. Вы ничего не видите, но чувствуете что васъ обожаютъ. Это рай мрака.

Вотъ изъ этого-то рая монсеньоръ Вьенвеню перешолъ въ другой рай.

Объявленіе о его смерти было перепечатано въ мѣстной газетѣ М-на-М. На другой день послѣ этого г. Мадленъ появился весь въ черномъ, съ кепкомъ на шляпѣ.

Въ городѣ замѣтили этотъ трауръ, и начались толки. Трауръ показался разъясненіемъ, въ нѣкоторой мѣрѣ, происхожденія г. Мадлена. Изъ этого заключили, что онъ былъ близокъ къ почтенному епископу. «Онъ драпируется для епископа Д-скаго» сказали въ гостинныхъ; это сильно возвысило г. Мадлена, и разомъ придадо ему нѣкоторое значеніе въ высшемъ свѣтѣ М.-на-М. Мадленъ замѣтилъ свое повышеніе по увеличенію числа поклоновъ со стороны старыхъ женщинъ и числа улыбокъ со стороны молодыхъ. Однажды вечеромъ одна изъ старухъ этого маленькаго большаго свѣта, любобытная по праву древности, рискнула спросить у него: «Вы, безъ сомнѣнія, кузень покойнаго епископа Д-скаго?»

Онъ отвѣчалъ:—Нѣтъ, сударыня.

Но, продолжала старуха—вы носите по немъ трауръ?

Онъ отвѣчалъ:—Это оттого, что въ молодости я былъ лакеемъ въ его семействѣ.

Въ городѣ замѣчали еще, что каждый разъ, когда проходилъ въ немъ какой бы то ни было савояръ—трубочистъ, г. мэръ звалъ его къ себѣ, спрашивалъ его имя, и давалъ ему денегъ. Маленькіе савояры передавали объ этомъ другъ другу, и по городу проходило ихъ большое число.

V.

Блѣдныя молвіи на горизонтѣ.

Мало-по-малу и съ теченіемъ времени вся оппозиція пала. Вслѣдствіе закона, которому подвержены всѣ возвышающіеся люди, противъ г.

Мадлена встали сначала очернение и клевета, потомъ мѣсто ихъ заняли только злобныя выходки, потомъ ихъ смѣнили только насмѣшки, потомъ все это совершенно исчезло. Уваженіе сдѣлалось полнымъ, единодушнымъ, и задушевнымъ, и настало время, въ 1821 г., когда слова «г. мѣръ» произносились въ М.-на-М. съ такимъ же выраженіемъ, съ какими слова «монсеньоръ епископъ» произносились въ 1815 году въ Д. Изъ далекихъ окрестностей приходили совѣтоваться съ г. Мадленомъ. Онъ оканчивалъ споры, не допуская до тяжбъ, примирялъ враговъ. Каждый бралъ его судьей въ своемъ дѣлѣ. Казалось, что душа его была книгою естественнаго закона. Это было какое-то заразительное уваженіе, которое, въ теченіе шести или семи лѣтъ, овладѣло всею странкою.

Только одинъ человекъ въ городѣ и въ округѣ не поддавался этой заразѣ, и какія дѣла ни дѣлалъ Мадленъ, упорно боролся съ нею, какъ-будто какой-то инстинктъ, неподкупный и невозмутимый, подстрекалъ и беспокоилъ его. Въ-самомъ-дѣлѣ, кажется, что въ нѣкоторыхъ людяхъ существуетъ настоящій животный инстинктъ, чистый и нетронутый, какъ всякій другой инстинктъ, создающій антипатію и симпатію, гибельно различающій одну натуру съ другою, не колеблющійся, не смущающійся, никогда не молчащій и не противорѣчащій самому себѣ, свѣтлый въ своей темнотѣ, непогрѣшимый, повелительный, сопротивляющійся всѣмъ совѣтамъ разсудка, инстинктъ, который тайно уведомляетъ человека — собаку о присутствіи человека — кошки, и человека — лисицу о присутствіи человека — лова.

Часто, когда г. Мадленъ проходилъ по улицѣ, спокойный, приветливый, окруженный благословіями, — какой-то человекъ высокаго роста, одѣтый въ сѣрый сюртукъ, съ толстою палкою въ рукахъ и нахлобученою шляпою на головѣ, быстро поворачивался къ нему и слѣдилъ за нимъ глазами, скрестя руки, медленно качая головою и приподымая верхнюю губу посредствомъ нижней до носа — роль многозначительной гримасы, которую можно было перевести словами: «Да гдѣ же я видѣлъ этого человека? гдѣ-то я его непремѣнно видѣлъ. Во всякомъ случаѣ, онъ меня не проведетъ».

Этотъ человекъ, серьезный до грозности, былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ даже минутное появленіе заставляетъ задумываться наблюдателя.

Онъ назывался Жаверь, и служилъ въ полиціи.

Онъ занималъ въ М.-на-М. трудную, но полезную должность — надзирателя. Онъ не видѣлъ начала дѣятельности Мадлена. Должностью своею Жаверь былъ обязанъ г. Шабулье, секретарю государственнаго министра графа Ангеса, въ то время префекта полиціи въ Парижѣ. Когда Жаверь пріѣхалъ въ М. на М., богатство знаменитаго фабриканта было уже упрочено, и отецъ — Мадленъ сдѣлался господиномъ Мадленомъ.

У нѣкоторыхъ полицейскихъ чиновниковъ есть фзизіомія совершенно особенная, и въ которой выраженіе низости смѣшивается съ

выраженіемъ власти. У Жавера была такая физиономія, только безъ выраженія низости.

По нашему убѣжденію, еслибы души человѣческія были видны глазу, въ нихъ можно было бы ясно различить то странное обстоятельство, что каждый индивидуумъ изъ рода человѣческаго имѣетъ соотношеніе съ какою-нибудь породой изъ рода животныхъ; можно было бы легко распознать ту истину, едва видимую мыслителю, что отъ устрицы до орла, отъ свиньи до тигра, всѣ животныя заключаются въ человѣкъ вообще, и каждое изъ нихъ въ одномъ изъ человѣкъ, а иногда даже нѣсколько изъ нихъ, въ одно и то же время.

Животныя суть ничто иное, какъ образы нашихъ добродѣтелей и нашихъ пороковъ, блуждающіе передъ нашими глазами, видимые призраки нашихъ душъ. Богъ показываетъ ихъ намъ, чтобы заставить насъ размышлять. Только, такъ-какъ животныя ничто иное, какъ тѣня, то Богъ не сдѣлалъ ихъ способными къ образованію въ полномъ смыслѣ этого слова, — да и къ чему? Напротивъ, такъ-какъ наши души суть вещи дѣйствительно существующія и имѣющія конецъ, имъ свойственный, то Богъ далъ имъ понятливость и способность образованія. Хорошее социальное воспитаніе всегда можетъ извлечь изъ души, какая она бы ни была, пользу, въ ней заключающуюся.

Теперь, если допустить на минуту, что въ каждомъ человѣкѣ есть одна изъ животныхъ породъ творенія, намъ легко будетъ объяснить, что такое былъ полицейскій чиновникъ Жаверъ.

Астурійскіе поселяне убѣждены, что въ каждой волчихѣ есть собака, которую мать убиваетъ, потому-что, иначе, эта собака, подросши, съѣла бы другихъ маленькихъ.

Дайте человѣческое лицо этой собакѣ, сыну волчихи — и вы получите Жавера.

Жаверъ родился въ тюрьмѣ отъ гадалыщицы, мужъ которой былъ на галерахъ. Придя въ возрастъ, онъ подумалъ, что стоитъ внѣ общества и потерялъ всякую надежду снова войти въ него. Онъ замѣтилъ, что общество ни подъ какимъ видомъ не допускаетъ въ свою среду двухъ классовъ людей: того, который нападаетъ на него, и того, который охраняетъ его. Ему оставался выборъ только между этими двумя классами; въ то же время онъ чувствовалъ въ себѣ, не знаю какое присутствіе строгости, правильности и честности, усложненное невыразимою ненавистью къ той породѣ кочующихъ людей, къ которой самъ принадлежалъ. Онъ поступилъ въ полицію. Служба повезла ему: въ сорокъ лѣтъ онъ былъ надзирателемъ.

Въ молодости онъ служилъ въ галерныхъ гребцахъ на югъ. Прежде чѣмъ идти дальше, объяснимся насчетъ словъ «человѣческое лицо», примененныхъ нами только-что къ Жаверу.

Человѣческое лицо Жавера состояло изъ курносаго носа, съ глубокими ноздрями, у которыхъ сходились огромные бакенбарды. Какъ-то неловко становилось тому, кто въ первый разъ видѣлъ эти два

дѣса и эти двѣ пещеры. Когда Жаверъ смѣлся, а это случалось рѣдко, и смѣхъ его былъ ужасенъ,—то тонкія губы его раздвигались и обнаруживали не только зубы, но и десны, а вокругъ носа образовывалась тупая и дикая складка, какъ на мордѣ хищнаго звѣря. Когда Жаверъ былъ серьёзенъ, онъ походилъ на бульдога; когда смѣлся—превращался въ тигра. Черепъ у него былъ маленькій, челюсти большія; волосы закрывали лобъ и падали на брови; между глазами была постоянная складка, похожая на звѣзду гитѣва; взглядъ мрачный, губы сжатые и страшныя; выраженіе лица повелительно-свирѣпое.

Этотъ человѣкъ состоялъ изъ двухъ чувствъ, очень простыхъ, и относительно очень хорошихъ, но которыя онъ такъ преувеличивалъ, что дѣлалъ ихъ почти дурными; эти чувства были: уваженіе къ власти, ненависть къ непокорности, и въ его глазахъ воровство, убійство—всѣ преступленія были только формами непокорности. Онъ окружалъ какую-то слѣпою и глубокою вѣрою все, что занимаетъ должность въ государствѣ, начиная отъ перваго министра до сельскаго стража. Онъ покрывалъ презрѣніемъ, отвращеніемъ и ненавистью все, что разъ переступило за законный порокъ зла. Онъ не допускалъ никакихъ исключеній. Съ одной стороны, онъ говорилъ: «чиновникъ не можетъ ошибаться; онъ никогда не можетъ быть неправъ», а съ другой стороны: «эти люди навсегда и безвозвратно потеряны; ничего хорошаго изъ нихъ не выйдетъ». Онъ совершенно раздвѣлялъ мнѣніе тѣхъ крайнихъ умовъ, которые приписываютъ человѣческому закону какую-то непонятную власть создавать, или, если хотите, удостовѣрять въ существованіи демоновъ, и которые ставятъ Стиксъ внизу общества. Онъ былъ стоикъ, серьёзный, суровый; печальный мечтатель; смиренный и надменный, какъ всѣ фанатики. Взглядъ его былъ точно буравъ: холодный и проникающій. Вся жизнь его заключалась въ двухъ словахъ: бодрствовать и наблюдать. Онъ ввелъ прямую линію во все, что только сеть извилистаго въ мірѣ; въ немъ было сознаніе своей пользы. Горе тому, кто попадалъ подъ его руку! Онъ арестовалъ бы своего отца, еслибъ тотъ вздумалъ бѣжать съ галеръ, и донесъ бы на свою мать, и онъ сдѣлалъ бы это съ тѣмъ внутреннимъ самодовольствомъ, которое доставляетъ добродѣтель. Ко всему этому присоединялась жизнь полная лишенія, одиночества, самоотреченія, цѣломудрія, отсутствія всякихъ развлеченій. Онъ былъ олицетвореніе неумолимаго долга,—полиція, понятая такъ, какъ спартанцы понимали Спарту,—неумолимый надзоръ, суровая честность, — Брутъ въ Видокѣ.

Вся фигура Жавера представляла собою человѣка, подсматривающаго и прячущагося. Мистическая школа Жозефа де-Местра, приправившая въ это время высшею космогоніею то, что называлось тогда журналами ультра-крайними, непремѣнно сказала бы, что Жаверъ былъ символъ. Никому не видѣнъ былъ его лобъ, исчезающій подъ шляпой; не видны были его глаза, терявшіеся подъ бровями; не ви-

дѣтъ былъ его подбородокъ, утопавшій въ густухѣ; не видны были его руки, прятаншіяся въ рукава; не видна была его палка, которую онъ всегда носилъ подъ сюртукомъ. Но когда наступала необходимость, изъ всего этого мрака, точно изъ засады, вдругъ выходилъ угловатый и узкій лобъ, губельный взглядъ, угрожавшій подбородокъ, огромныя руки и чудовищная дубина.

Въ свободныя минуты, которыя были у него очень рѣдки, онъ читалъ, хотя ненавидѣлъ книги; вслѣдствіе этого онъ былъ не всѣмъ неучъ. Это можно было узнать по нѣкоторой напыщенности въ его рѣчахъ.

Мы сказали уже, что у него не было никакого порока. Когда онъ былъ доволенъ собою, то позволялъ себѣ понюхать щепотку табаку. Только этимъ онъ былъ связанъ съ человѣчествомъ.

Не трудно догадаться, что Жаверъ былъ ужасомъ того класса людей, которые въ ежегодной статистикѣ министерства юстиціи называются *бродягами*. Произнесеніе имени Жавера заставляло ихъ бѣжать; появленіе его лица повергало ихъ въ ужасъ.

Таковъ былъ этотъ страшный человѣкъ.

Жаверъ былъ точно глазъ, постоянно устремленный на Мадлена. Глазъ, полный подозрѣнія и догадокъ. Г. Мадленъ, наконецъ, замѣтилъ это, но, казалось, не придавалъ ему никакого значенія. Онъ даже не спросилъ Жавера, онъ не искалъ его, не избѣгалъ; онъ выносилъ на себѣ, повидному того не замѣчая, этотъ взглядъ, безпокоющій и почти давящій. Онъ обращался съ Жаверомъ, какъ и со всѣми друзьями, пріятливо и свободно.

Изъ нѣсколькихъ словъ, вырвавшихся у Жавера, можно было догадаться, что онъ тайно и съ тѣмъ любопытствомъ, которое свойственно этой породѣ и въ которую входитъ столько же инстинкта, сколько воли, старался найти всѣ прежніе слѣды, которые отецъ Мадленъ могъ оставить въ другомъ мѣстѣ. Онъ, казалось, зналъ и обинякомъ говорилъ, что кто-то навелъ нѣкоторыя справки въ одномъ мѣстѣ объ одномъ исчезнувшемъ семействѣ. Однажды, говоря съ самимъ собою, онъ произнесъ: «Кажется, что я его поймалъ!» Потомъ онъ три дня не произносилъ ни слова и былъ погруженъ въ задумчивость. Какъ видно, нить, которую онъ считалъ уже въ своихъ рукахъ, порвалась.

Впрочемъ, въ человѣческой природѣ не можетъ быть ничего вполне непогрѣшительнаго, и отличительная черта инстинкта состоитъ именно въ томъ, что онъ можетъ быть смущенъ, сбивъ съ дороги и съ толку. Безъ этого онъ стоялъ бы выше разсудка, и животное смотрѣло бы на вощи яснѣе, чѣмъ человѣкъ.

Жаверъ, очевидно, былъ сбивъ съ толку полнѣйшею непринужденностью и спокойствіемъ Мадлена.

Разъ, однако, странный образъ его дѣйствій произвелъ, кажется, впечатлѣніе на Мадлена. Вотъ по какому случаю.

VI.

ФОШЛЕВАНЪ.

Мадленъ проходилъ однажды утромъ по одному изъ невымощенныхъ переулковъ М.-на-М.; онъ услышалъ шумъ и увидѣлъ группу людей въ нѣкоторомъ разстояніи отъ себя. Онъ подошелъ. Старикъ, имя котораго было Фошлеванъ, только-что попалъ подъ повозку, лошадь которой упала.

Этотъ Фошлеванъ былъ одинъ изъ рѣдкихъ враговъ, еще оставшихся у Мадлена въ это время. Когда Мадленъ появился въ М.-на-М., Фошлеванъ, бывшій почтарь и поселенникъ, почти грамотный, велъ торговлю, которая шла довольно-дурно. Фошлеванъ видѣлъ, какъ этотъ простой работникъ богатѣлъ, между тѣмъ какъ онъ, хозяинъ, разорился. Это наполнило его завистью и онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы вредить, какъ только можно было, Мадлену. Потомъ старикъ сдѣлался банкротомъ и, такъ-какъ у него не осталось ничего, кромѣ повозки и лошади, то, чтобы жить чѣмъ-нибудь, онъ сдѣлался извозчикомъ; ни жены, ни дѣтей у него не было.

У лошади были переломаны обѣ лжки и она не могла встать. Старикъ попалъ между колесами. Паденіе было такъ неудачно, что вся повозка придавила ему грудь: она была довольно-тяжело нагружена. Старикъ Фошлеванъ испускалъ жалобныя хрипѣнія. Кое-кто попытался его вытащить, но напрасно. Неправильное усиліе, неловкая помощь, толчокъ не въ ту сторону могли докапать его. Невозможно было освободить его иначе, какъ приподнятіемъ повозки снизу. Заверъ, подошедшій въ минуту паденія, послалъ за подъемомъ.

Мадленъ подошелъ. Толпа съ уваженіемъ разступилась.

— Помогите! — кричалъ старикъ Фошлеванъ, — кто будетъ такой добрый малый, что возьмется спасти старика?

Мадленъ обратился къ присутствовавшимъ:

— Вѣсть у кого подъемъ?

— За подъемомъ пошли, — отвѣчалъ одинъ изъ поселанъ.

— Чрезъ сколько времени принесутъ его?

— Да пошли въ самое ближайшее мѣсто, гдѣ есть кузнецъ; только все-таки на четверть часа ходьбы будетъ.

— Четверть часа! — вскричалъ Мадленъ.

Наканунъ шелъ дождь, земля размокла, поэтому повозка съ каждою минутой все больше и больше уходила въ землю, и больше и больше давила грудь стараго извозчика. Не оставалось никакого сомнѣнія, что черезъ пять минутъ у него будутъ переломлены ребра.

— Четверть часа ждать невозможно, — сказалъ Мадленъ поселанамъ, смотрящимъ на него.

— Что жь дѣлать? Надо.

— Но будетъ поздно! Развѣ вы не видите, что повозка все больше и больше уходитъ въ землю?

— Что жь станешь дѣлать?

— Послушайте, — продолжалъ Мадленъ, — подъ повозкой еще оста-

лось довольно мѣста для того, чтобы одинъ человѣкъ могъ залѣзть подъ нее, и приподнять ее спиною. Только полминуты — и бѣднякъ будетъ спасенъ. Есть ли между вами кто-нибудь съ здоровыми боками и сердцемъ? Онъ заработаетъ у меня пять золотыхъ.

Въ группѣ никто не пошевелился.

— Десять золотыхъ! — сказалъ Мадленъ.

Присутствовавшіе стояли, потупя глаза. Одинъ изъ нихъ пробормоталъ: — Тутъ нужна дьявольская сила, да и потомъ рискуешь, что тебя задавятъ.

— Ну, — продолжалъ Мадленъ, — двадцать золотыхъ!

То же молчаніе.

— Имъ недостаетъ недоброй воли, — сказалъ одинъ голосъ.

Мадленъ обернулся и узналъ Жавера; онъ сначала не замѣтилъ его.

Жаверъ продолжалъ:

— Имъ недостаетъ силы. Нужно быть страшнымъ человѣкомъ, чтобы имѣть возможность приподнять такую повозку спиною.

Потомъ, пристально смотря на Мадлена, онъ продолжалъ, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ:

— Г. Мадленъ, я знаю только одного человѣка, способнаго дѣлать то, чего вы требуете.

Мадленъ вздрогнулъ.

Жаверъ, не спуская съ него глазъ, прибавилъ съ равнодушнымъ видомъ:

— Это былъ каторжникъ.

— А! — сказалъ Мадленъ.

— Съ тулонскихъ галеръ.

Мадленъ поблѣднѣлъ.

Между тѣмъ, повозка продолжала медленно уходить въ землю. Старикъ Фощлеванъ хрипѣлъ и завывалъ:

— Я задыхаюсь!... У меня ребра переломаны!... Подъемъ!... Чтонибудь!... Ой!...

Мадленъ посмотрѣлъ вокругъ себя:

— Такъ, значитъ, между вами нѣтъ никого, кто хотѣлъ бы заработать двадцать золотыхъ, и спасти жизнь этому бѣдному старикъ?

Никто изъ присутствовавшихъ не пошевелился.

Жаверъ продолжалъ:

— Я знаю только одного человѣка, который могъ замѣнить полъемъ, это былъ каторжникъ.

— АИ!... умираю!... — крикнулъ старикъ.

Мадленъ поднялъ голову, встрѣтилъ устремленный на него соколиный взглядъ Жавера, посмотрѣлъ на неподвижныхъ поселанъ, и печально улыбнулся; потомъ, не говоря ни слова, упалъ на колѣни, и, прежде чѣмъ толпа успѣла крикнуть, онъ былъ подъ повозкой.

Наступила страшная минута ожиданія и молчанія.

Толпа видѣла, какъ Мадленъ, лежа на животѣ подъ этою ужасною

тяжестью, два раза напрасно пытался соединить локти съ колѣнами. Ему крикнули:

— Отецъ Мадленъ, выходите оттуда! — Старикъ Фошлеванъ самъ сказалъ ему: — Г. Мадленъ, идите отсюда! Видно мнѣ приходится умереть! Оставьте меня! Васъ тоже раздавятъ!

Мадленъ не отвѣчалъ.

Присутствовавшіе задыхались. Колеса продолжали уходить въ землю и казалось почти невозможнымъ, чтобы Мадленъ вышелъ изъ-подъ повозки.

Вдругъ огромная масса заколыхалась, повозка медленно приподнялась, колеса начинали выходить изъ колѣн. Чей-то глухой голосъ крикнулъ: «Скорѣе! Помогайте!» Это былъ голосъ Мадлена, слѣлавшаго послѣднее усиліе.

Всѣ кинулись. Самоотверженіе одного придало силу и отвагу всѣмъ. Двадцать рукъ подняли повозку. Старикъ Фошлеванъ былъ спасенъ.

Мадленъ всталъ. Онъ былъ мертвенноблѣденъ, хотя потъ струился съ него ручьемъ. Платье его было изорвано и покрыто грязью. Всѣ плакали; старикъ цѣловалъ его колѣни, и называлъ своимъ богомъ. А у него на лицѣ было какое-то чудное выраженіе счастливаго и небеснаго страданія, и спокойный взглядъ его устремлялся на Жавера, который продолжалъ смотрѣть на него.

VII.

Фошлеванъ дѣлается садовникомъ въ Парижѣ.

Фошлеванъ въ своемъ паденіи вывихнулъ себѣ колѣно. Мадленъ приказалъ перенести его въ больницу, которую онъ устроилъ для своихъ рабочихъ въ самомъ зданіи фабрики и въ которой за больными ходили двѣ сестры милосердія. На слѣдующее утро старикъ нашелъ на своемъ ночномъ столикѣ билетъ въ тысячу франковъ, съ слѣдующей запиской, написанной рукою Мадлена: «Я покупаю у васъ вашу повозку и вашу лошадь». Повозка была изломана, а лошадь издохла. Фошлеванъ вылечился, но составы его колѣнъ остались неподвижны. Мадленъ, по рекомендаціи сестеръ милосердія и своего священника, успѣлъ помѣстить старика на должность садовника въ женскомъ монастырѣ св. Антонія въ Парижѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого, Мадленъ былъ слѣпанъ морозъ. Когда Жаверь въ первый разъ увидѣлъ Мадлена въ шарфѣ, дававшимъ ему полную власть надъ городомъ, онъ почувствовалъ того рода трепеть, который пробѣжалъ бы по собакѣ, еслибъ она почувдала волка подъ платьемъ своего хозяина. Съ этой минуты онъ сталъ его избѣгать, какъ только могъ. Когда обязанности службы непрѣменно требовали, чтобы онъ являлся къ меру, онъ говорилъ съ нимъ съ глубокимъ подчиненіемъ.

Плагосостояніе, созданное въ М.-на-М. Мадленомъ, имѣло, кромѣ видимыхъ признаковъ, на которые мы указали, еще другой симптомъ, который, хотя невидимый, былъ, однако, не менѣе значите-

дья. Этотъ симптомъ никогда не бывалъ обманчивъ. Когда народонаселеніе страдаетъ, когда работы нѣтъ, когда торговля ничтожна — сборъ податей идетъ очень плохо, уплата ихъ заходитъ далеко за сроки, и государство тратитъ много денегъ на понужденіе къ уплатѣ недоимокъ и собраніе ихъ. Когда работа кипитъ, когда стража счастлива и богата — подати платятся легко и мало стоить государству. Можно сказать, что у общественной бѣдности и общественнаго богатства есть непогрѣшительный термометръ — расходы на собраніе податей. Въ теченіе семи лѣтъ, расходы эти уменьшились въ М.-на-М. на три четверти, вслѣдствіе чего де-Виллель, тогдашній министръ финансовъ, часто упоминалъ объ этомъ округѣ въ своихъ репортахъ.

Такое было положеніе страны, когда Фантина вернулась въ нее. Никто не помнилъ ее. Къ счастью, дверь фабрики Мадлена была какъ-бы пріятельскимъ лицомъ. Она явилась туда и была принята въ женскую мастерскую. Ремесло это было совершенно ново для Фантины: она не имѣла большой ловкости въ немъ и по этому зарабатывала въ день немного; но все-таки зарабатываемого было достаточно; проблема была разрѣшена: она имѣла чѣмъ жить.

VIII.

Г-жа Викторненья тратитъ тридцать франковъ на нравственность.

Когда Фантина увидѣла, что она живетъ, то ей стало весело на душѣ. Жить честно, своимъ трудомъ — какая милость Пожыя! Наклонность къ труду вернулась къ ней. Она купила себѣ зеркало, любила смотрѣть въ него на свою молодость, свои прекрасные волосы и чудные зубы; забыла о многомъ; думала только о Козеттѣ и о будущемъ, и была почти счастлива. Она наняла маленькую комнатку и мебелировала ее въ долгъ насчетъ своихъ будущихъ работъ — остатокъ привычки къ безпорядочной жизни.

Не имѣя права сказать, что замужемъ, она — какъ мы уже видѣли — глубоко скрывала существованіе своей дочери.

Сначала она — какъ мы говорили — платила аккуратно Тенардь. Такъ-какъ она умѣла только подписываться, то принуждена была писать имъ чрезъ посредство публичнаго писца.

Она писала часто — это замѣтили. Въ женской мастерской стали тихо поговаривать, что Фантина «писала письма», и что у нея «были какія-то тайны».

Никто не замѣчаетъ такъ за дѣйствіями другихъ, какъ тѣ, которыхъ эти дѣйствія не касаются. Отчего этотъ господинъ приходитъ только вечерами? Отчего такой-то никогда не оставляетъ своего ключа по четвергамъ? Отчего пробирается онъ всегда по переулкамъ? Отчего эта барыня всегда выходитъ изъ фіакра, не доѣзжая до своего дома? Отчего посылаетъ она въ лавку за почтовой бумагой, когда у нея и безъ того бумаги много? и проч., проч., проч. Есть люди, которые, для разгадки этихъ загадокъ, тратятъ больше денегъ;

времени, даютъ себѣ больше труда, чѣмъ сколько бы хватило на десять добрыхъ дѣлъ; и все это даромъ, изъ одного удовольствія, не получая за свое любопытство другой платы, кромѣ этого самаго любопытства. Они будутъ слѣдить за такимъ-то или такою-то по цѣлымъ днямъ, будутъ по цѣлымъ часамъ, ночью, въ холодъ и дождь сторожить на углахъ улицъ, подъ воротами, будутъ подкупать коммисіонеровъ, понть извозчиковъ и лакеевъ, соблазнять деньгами горничныхъ, покупать болтливость привратниковъ. Для чего? Да такъ, ни для чего. Простая страсть видѣть, знать и подмѣчать. Простая чесотка языка. И часто эти узаннныя тайны, эти обнародованные секреты, эти разъясненные разгадки влекутъ за собою катастрофы, дуэли, банкротства, разореніе семействъ, уничтоженіе существованій, къ великой радости тѣхъ, которые «все открыли» безъ интереса и по чистому инстинкту. Грустно!

Есть люди, которые злы единственно потому, что имѣютъ потребность говорить. Ихъ разговоръ въ гостиной, болтовня въ передней, похожи на тѣ камни, которые истребляютъ много дровъ; имъ нужно большое количество сгораемаго вещества, а это сгораемое вещество — ихъ ближній.

Итакъ, за Фантиной стали слѣдить.

Притомъ же, не одна женщина завидовала ея бѣлокурымъ волосамъ и бѣлымъ зубамъ.

Было замѣчено и заявлено, что часто, сидя съ другими въ мастерской, она отворачивалась и отирала слезу. Это были минуты, когда она думала о своемъ ребенкѣ, а, можетъ быть, и о человѣкѣ, котораго когда-то любила.

Тяжело тому человѣку, который разрываетъ мрачную связь съ прошедшимъ.

Было заявлено, что она, по-крайней-мѣрѣ, два раза въ мѣсяцъ писала все по одному и тому же адресу и письма свои всегда франкировала. Успѣли добыть и адресъ: «Господину Тенардье, трактирщику въ Монфермель.» Заставили разговориться нъ кабакѣ публичнаго писца, стараго добряка, который не могъ наполнить свой животъ краснымъ виномъ безъ того, чтобы не высыпать всѣ довѣренныя ему тайны. Наконецъ, узнали, что у Фантины былъ ребенокъ. «Она, должно быть, что-нибудь въ родѣ двусмысленной женщины». Нашлась кумушка, которая съѣздила въ Монфермель, была у Тенардье и, возвратясь, сказала: «Я истратила тридцать-пять франковъ, но за то добилась толку. Я видѣла ребенка!»

Эта кумушка была Фурія, по имени г-жа Виктюриенъ, охранительница и привратница добродѣтели цѣлаго свѣта. Ей было 56 лѣтъ и маска ея безобразія усиливалась маскою старости. Эта старуха была когда-то — удивительное дѣло — молода. Въ молодости, въ самомъ разгарѣ 93 года, она вышла замужъ за монаха, убѣжавшаго изъ монастыря въ красномъ колпакѣ и перешедшаго отъ бернардинцевъ къ яacobинцамъ. Она была суха, угрюма, своенравна, шероховата,

почти ядовита и полна воспоминашемъ о своемъ монахѣ, который уже умеръ и который при жизни сильно укрощалъ и сгибалъ ее. Во время реставраціи она сдѣлалась ханжой и въ такой сильной степени, что священники простили ей за ея монаха. У нея было маленькое имѣніе, которое она съ великимъ шумомъ завѣщала одной релігіозной общинѣ. На нее смотрѣли очень милостиво въ епископствѣ арраскомъ. Итакъ, эта г-жа Бикторьенъ съѣздила въ Монфермаль и, возвратившись, сказала: «я видѣла ребенка».

Все это заняло довольно много времени. Фантина уже годъ работала на фабрикѣ, когда однажды утромъ надзирательница мастерской передала ей отъ имени г. меръ 50 франковъ и объявила, что она не служить болѣе на фабрикѣ и что г. меръ приглашаетъ ее совсѣмъ оставить страну.

Это случилось именно въ то время, когда супруги Тебардье успѣвши уже вытребовать двѣнадцать франковъ вмѣсто шести, потребовали пятнадцать вмѣсто двѣнадцати.

Фантина пришла въ ужасъ. Она не могла оставить страну, потому что была должна за квартиру и за мебель. Пятидесяти франковъ было недостаточно для уплаты этого долга. Она пролепетала нѣсколько умоляющихъ словъ. Надзирательница повторила ей приказаніе сейчасъ же оставить мастерскую. Притомъ же, Фантина была довольно плохая работница. Урученная стыдомъ еще болѣе, чѣмъ отчаяніемъ, она вышла изъ мастерской и пошла въ свою комнату. Итакъ, ея проступокъ былъ теперь извѣстенъ всѣмъ!

Она не почувствовала въ себѣ силы произнести хоть одно слово. Ей посоветовали повидаться съ меромъ; она не посмѣла. Меръ далъ ей пятьдесятъ франковъ, потому-что онъ былъ добръ, и выгналъ ее, потому-что былъ справедливъ. Она покорила этому приговору.

IX.

Успѣхъ г-жи Викторьенъ.

Впрочемъ, Мадленъ ничего не зналъ изъ всей этой исторіи. Жизнь полна подобныхъ сплетеній обстоятельствами. Мадленъ имѣлъ привычку почти никогда не входить въ женскую мастерскую. Онъ поручилъ управленіе этою мастерской старой дѣвушкѣ, рекомендованной ему священникомъ, и совершенно довѣрялся этой надзирательницѣ, женщицѣ дѣйствительно почтенной, съ твердымъ характеромъ, безпристрастной, честной, полной того милосердія, которое состоитъ въ томъ, чтобы подавать, но не имѣя въ той же степени того милосердія, которое состоитъ въ томъ, чтобы понимать и прощать. Мадленъ во всемъ полагался на нее. Лучшіе люди часто обязаны передавать свою власть другимъ. Облеченная этою то полною властью и съ убѣжденіемъ, что она дѣйствуетъ какъ слѣдуетъ,

надзирательница обсудила дѣло, порѣшила, приговорила и казнила Фантину.

Что касается до пятидесяти франковъ, то она выдала ихъ изъ сумы, которую Мадленъ давалъ ей для милостынь и помощи работницамъ и въ которой она не отдавала ему отчета.

Фантина захотѣла пойти въ услуженіе и ходила съ предложеніемъ своихъ услугъ изъ одного дома въ другой. Никто не хотѣлъ взять ее. Выйти изъ города она тоже не могла. Мебельщикъ, которому она была должна за мебель—и какую мебель!—сказалъ ей: если вы уйдете, я васъ арестую, какъ воровку. Домохозяинъ, которому она была должна за квартиру, сказалъ ей: вы молоды и хороши, вы можете платить. Она раздѣлила пятьдесятъ франковъ между домовладельцемъ и мебельщикомъ, отдала этому послѣднему три четверти его мебели, оставила себѣ только необходимое и осталась безъ работы, безъ положенія, не имѣя ничего, кромѣ кровати и около ста франковъ долгу.

Она начала шить толстыя рубашки для гарнизонныхъ солдатъ, и зарабатывала 12 су въ день. Дочь ея стоила ей десять. Въ это-то время она начала неаккуратно платить Тенардье.

Между тѣмъ старуха, у которой она зажигала свѣчу, возвращаясь вечеромъ домой, научила ее искусству жить въ нищетѣ. За жизнью малымъ есть еще жизнь ничѣмъ. Это двѣ комнаты: первая темна, вторая черна.

Фантина узнала, какъ обходиться совершенно безъ огня зимою, какъ отказываться отъ птички, кормъ которой стоитъ грошъ въ два дня, какъ дѣлать изъ юбки одѣяло и изъ одѣяла юбку, какъ сберегать свѣчи, ужиная при свѣтѣ изъ окна противоположнаго дома. Немногимъ извѣстно все то, что нѣкоторыя слабыя созданія, состарѣвшіяся въ нищетѣ и честности, умѣютъ извлекать изъ малѣйшаго гроша. Это искусство дѣлается наконецъ талантомъ. Фантина приобрѣла этотъ чудный талантъ и не много ободрилась.

Въ это время она говорила одной изъ своихъ сосѣдокъ:—Что жъ? я говорю себѣ: если я буду спать только пять часовъ въ сутки, а все остальное время сидѣть за шитьемъ, то вѣдь буду же зарабатывать себѣ, по-крайней-мѣрѣ, на хлѣбъ. Притомъ же, кто печаленъ, тотъ ѣсть меньше. Ну, такъ страдаю, безпокойства, немного хлѣба—съ одной стороны и огорченія—съ другой, все это будетъ кормить меня.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи для нея было бы чуднымъ счастьемъ имѣть подлѣ себя дочь. Она подумала—было привезти ее. Но это значило заставить дѣвочку раздѣлять ея нищету! Да потомъ она была должна Тенардье. Какъ расплатиться? А поѣздка? На какія деньги сдѣлать ее?

Старуха, давшая ей то, что можно бы назвать уроками бѣдной жизни, была святая дѣвушка, набожная хорошею набожностью, бѣдная, сострадательная къ бѣднымъ и даже къ богатымъ, умѣвшая

писать какъ-разъ настолькоъ, чтобы подписывать съ ошибками свое имя; звали ее Маргаритой.

Такихъ добродѣтелей много на землѣ; когда-нибудь онѣ будутъ на небѣ. У этой жизни есть свое завтра.

Въ первое время Фантинѣ было такъ стыдно, что она не смѣла выходить изъ дома.

Когда она шла по улицѣ, то догадывалась, что всѣ обращались ей въ слѣдъ и показывали на нее пальцами; всѣ смотрѣли на нее, и никто не кланялся ей; острое и холодное презрѣніе проходившихъ проникало ей въ тѣло и душу, какъ сѣверный вѣтеръ.

Въ маленькихъ городахъ каждое несчастіе кажется обнаженнымъ предъ всеобщими насмѣшками и любопытствомъ. Въ Парижѣ, крайней мѣрѣ, никто васъ не знаетъ и эта неизвѣстность — ваша одежда. О, какъ бы она хотѣла возвратиться въ Парижъ! Невозможно.

Пришлось привыкать къ неуваженію, какъ привыкала она къ нищетѣ. Мало-по-малу она свыклась. Два или три мѣсяца спустя, она отряхнула съ себя стыдъ, и начала выходить какъ ни въ чемъ не бывало. — Мнѣ все равно, говорила она.

Она ходила, высоко поднимая голову, съ горькою улыбкой, и чувствовала, что становилась нахальна.

Г-жа Викторнионъ видѣла ее иногда въ окно, замѣчала отчаяніе «той твари», благодаря ей «поставленной на должное мѣсто», и поздравляла себя. У злыхъ людей есть черное наслажденіе.

Чрезмѣрная работа утомляла Фантину, и маленькій сухой кашель, бывшій у нея, увеличился. Она иногда говорила своей сосѣдкѣ Маргаритѣ: — Пощупайте-ка мои руки, какъ онѣ горячи.

И, однако, когда утромъ она расчесывала старыми изломаннымъ гребнемъ свои прекрасные волосы, струившіяся шелковымъ ручьемъ, въ душѣ ея являлось на минуту чувство счастливаго кокетства.

X.

Сладствія успѣха.

Ей отказали на фабрикѣ въ концѣ зямы; лѣто прошло, но зима снова возвратилась. Дни короткіе, работы меньше. Зима, ни теплоты, ни свѣта, ни полдня, вечеръ смѣшивается съ утромъ, туманъ, сумерки, въ окно смотритъ сѣрое небо, въ кознатѣ темно. Небо похоже на отдушину. День точно погребъ. Солнце имѣетъ видъ нищаго. Ужасное время года! Зима превращаетъ въ камень воду небесную и сердце человѣческое. Кредиторы Фантины терзали ее.

Фантина зарабатывала слишкомъ мало. Долги ея увеличились. Тенардь, не получая аккуратно платы, посылали ей безпрестанно письма, содержаніе которыхъ приводило ее въ отчаяніе, а плата за доставку — разоряла. Разъ они написали ей, что ея маленькая Козетта ходила совершенно голая въ этотъ страшный холодъ, что ей нужна была шерстяная юбка и что для этого мать должна была прислать,

по крайней мѣрѣ, десять франковъ. Она получила письмо и цѣлый день комкала его въ рукахъ. Вечеромъ она вошла къ цирюльнику, жившему на углѣ улицы, и вынула гребешъ изъ косы. Чудные бело-курые волосы упали до пояса.

— Удивительные волосы!—вскричалъ цирюльничекъ.

— Сколько вы мнѣ дадите за нихъ?

— Десять франковъ.

— Рѣжьте.

Она купила шерстяную юбку и послала ее къ Тенардье.

Эта юбка привела супруговъ Тенардые въ ярость. Имъ нужны были деньги. Они отдали юбку Эппоннѣ. Бѣдный Жаворономъ продолжалъ дрожать отъ холода.

Фантина думала: Моему ребенку уже не холодно. Я ее одѣла моими волосами. — Она надѣвала маленькіе круглые чепчики, которые скрывали ее остриженную голову, и въ которыхъ она все еще была мила.

Мрачная работа совершалась въ сердцѣ Фантины.

Когда она увидѣла, что не можетъ больше притесняться, то начала ненавидѣть все, окружавшее ее. Она долго раздѣлала всеобщее уваженіе къ отцу Мадлену; но, такъ какъ она постоянно повторяла себѣ, что это онъ прогналъ ее, и что онъ былъ причиною ея несчастья, то начала ненавидѣть также и его, и особенно его. Когда она проходила передъ фабрикой въ тѣ часы, въ которые рабочіе стоятъ у дверей, то притворно смѣялась и пѣла.

Одна старая работница, услышавшая разъ этотъ смѣхъ и пѣніе, сказала:— Вотъ дѣвушка, которая кончитъ дурно.

Она нашла себѣ любовника, перваго встрѣчнаго человѣка, котораго она не любила, и отдалась ему съ яростью въ сердцѣ, только для того, чтобы показать, что она не обращаетъ ни на кого вниманія. Любовникъ этотъ былъ негодяй, что-то въ родѣ нищаго музыканта, бездѣльникъ, который былъ ее, и бросилъ съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ она взяла его,—съ отвращеніемъ.

Она обожала свое дитя.

Чѣмъ ниже она спускалась, тѣмъ болѣе все темнѣло вокругъ нея, и тѣмъ ярче этотъ маленькій ангелъ свѣтилъ въ глубинѣ ея души. Она говорила:—когда я буду богата, моя Козетта будетъ со мною.— И она смѣялась. Кашель не оставлялъ ее, и спина ея была постоянно влажна.

Однажды она получила отъ Тенардые слѣдующее письмо: «Козетта больна болѣзнию, которая ходитъ теперь по всей странѣ: просовая горячка, какъ ее называютъ. Нужны дорогія лекарства. Это насъ разорлетъ, и мы не можемъ долѣе платить. Если вы не пришлете намъ въ теченіе восьми дней сорокъ франковъ, то ваша малютка умретъ».

Она начала громко хохотать, и сказала старухѣ-сосѣдѣ:— Хороши

ам! Сорокъ франковъ! Не дурно! Это составляетъ два наполеондора! Гдѣ мнѣ ихъ взять? Экіе дураки эти поселяне!

Однакожь, она вышла на лѣстницу къ окошечку, и еще разъ прочла письмо.

Потомъ она сошла съ лѣстницы, и побѣжала по улицѣ, припрыгивая и хохоча.

Кто-то встрѣтилъ ее, и спросилъ:—Отчего это вы такъ веселы?

Она отвѣчала:—Это отъ славной глупости, которую мнѣ написали веселяно. Они требуютъ отъ меня сорокъ франковъ. Мужичье!

Проходя по площади, она увидѣла толпу, окружавшую экипажъ странной формы, на имперіалѣ котораго стоялъ и ораторствовалъ человекъ, одѣтый въ красное платье. Это былъ бродячій дантистъ-шведусникъ, предлагавшій публикѣ полныя челюсти, оіаты, порошки и эликсиры.

Фантина вошла въ группу и начала смѣяться, какъ и другіе, палъ этотъ рѣчью. Зуборвачъ увидѣлъ эту смѣющуюся красавицу, и вдругъ вскричалъ:—Эй вы, красавица, у васъ славные зубы. Если вы хотите продать мнѣ два передніе, то я дамъ вамъ за каждый по наполеондору.

— Какой ужасъ!—вскричала Фантина.

— Два наполеондора! — проворчала беззубая старуха, стоявшая тутъ же.—Экая счастливица!

Фантина убѣжала и заткнула себѣ уши, чтобъ не слышать охриплаго голоса этого человека, кричавшаго ей въ слѣдъ: — Подумайте, красавица! Два наполеондора могутъ пригодиться. Если рѣшитесь, приходите сегодня вечеромъ въ гостиницу *Серебряной Палубы*; я тамъ буду.

Фантина пришла домой, взбѣшенная, и рассказала о происшедшемъ своей доброй сосѣдкѣ Маргаритѣ: — Какъ вамъ это кажется? Ну, не отвратительный ли это человекъ? И какъ позволяютъ такимъ людямъ ходить по городу! Вырвать мнѣ передніе зубы! Но это меня страшно бы обезобразило! Волосы вырасти могутъ, но зубы! Ахъ, чудовище! Да я лучше готова броситься изъ пятого этажа внизъ головой! Онъ мнѣ сказалъ, что будетъ сегодня вечеромъ въ гостиницѣ *Серебряной Палубы*.

— А что онъ вамъ предлагалъ?—спросила Маргарита.

— Два наполеондора.

— Это составляетъ сорокъ франковъ.

— Да,—повторила Фантина,—это составляетъ сорокъ франковъ.

Она впала въ задумчивость, и сѣла за работу; черезъ четверть часа, она оставила ее, и вышла на лѣстницу, чтобы еще разъ прочесть письмо Тенардье.

Возвратясь въ комнату, она сказала Маргаритѣ, работавшей подлѣ нея:

— Что такое просовая горячка? Вы знаете?

— Знаю,—отвѣчала старуха,—это такая болѣзнь.

— Такъ на нее нужно много лекарствъ?

— О, да, и ужасныхъ лекарствъ.

- Какъ же ее можно схватить?
- Да она приходитъ такъ, да съ него.
- Такъ она и у дѣтой бываетъ?
- У дѣтой-то чаще всего.
- А умереть отъ нея можно?
- Еще какъ,—сказала Маргарита.

Фантина вышла, и еще разъ прочла на лѣстницѣ письмо.

Вечеромъ она вышла изъ дома, и пошла по направленію къ Даржской улицѣ, въ которой помѣщаются гостиницы.

На другой день утромъ, когда Маргарита вошла на зарѣ въ комнату Фантины,—потому-что она всегда работала вмѣстѣ, и такимъ образомъ употребляла одну свѣчу на двоихъ—Фантина сидѣла на кровати, блѣдная, холодная, какъ ледъ. Она не дождалась спать. Чепчикъ ее упалъ къ ней на колѣни. Свѣча горѣла всю ночь и почти вся уничтожилась.

Маргарита остановилась на порогѣ, оделомѣнная этимъ страшнымъ беспорядкомъ, и вскричала:

— Господи! Свѣча вся сгорѣла. Тутъ случилось что-нибудь важное.

Потомъ она посмотрѣла на Фантину, которая повернула къ ней свою остриженную голову.

Со вчерашняго вечера Фантина постарѣла десятью годами.

— Господи Іисусе! вскричала Маргарита, что съ вами, Фантина?

— Ничего, отвѣчала Фантина,—напротивъ.—мое дѣтя не умретъ отъ этой страшной болѣзни, за недостаткомъ помощи. Я дождѣца.

Говоря это, она показывала старухѣ на два наполеондора, блестящихъ на столѣ.

— Ахъ, Господи Іисусе!—сказала Маргарита,—да вѣдь это цѣлое богатство. Гдѣ вы добыли это золото?

— Я его добыла... отвѣчала Фантина.

Въ то же время она улыбнулась; свѣча освѣщала ее лицо; это была кровавая улыбка. Красноватая слюна смачивала уголь губъ, а во рту было черное отверстие.

Два зуба были вырваны.

Она послала сорокъ франковъ въ Монфермель.

Впрочемъ, исторія болѣзни была выдумка Тенарды съ цѣлюю получения денегъ. Козетта не была больна.

Фантина выбросила свое зеркало за окно. Давно уже она промѣняла свою комнатку во второмъ этажѣ на мансарду подъ крышей, запиравшуюся только щеколдой, одинъ изъ тѣхъ чердаковъ, въ которыхъ потолокъ сходится съ поломъ и каждый разъ толкаетъ васъ въ голову. Бѣдный не можетъ идти въ глубину своей комнаты, какъ и въ глубину своей судьбы. иначе, какъ сгибаясь больше и больше. У Фантины не было уже кровати; у нея оставались только отрепья, которыя она называла своимъ одѣяломъ, матрасъ и соломенный изорванный стулъ. Маленькій розовый кустъ, забытый ею и засохшій, стоялъ въ углу. Въ другомъ углу стоялъ горшокъ отъ масла, въ которомъ стояла вода, замерзавшая зимою, и въ которомъ

различныя уровни воды долго оставались отиѣченныя ледяными кругами. Она потеряла стыдъ, потеряла кокетство — послѣдній привакъ. Она выходила въ грязныхъ чепчикахъ. По недостатку ли времени, или по небрежности, она не чинила своего бѣлья. По мѣрѣ того, какъ пятки башмаковъ приходили въ ветхость, она втискивала чулки въ башмаки. Это можно было видѣть по нѣкоторымъ перпендикулярнымъ складкамъ. Она починяла свой корсетъ, старый и изношенный, кусочками коленкору, которые рвались при малѣйшемъ движеніи. Люди, которымъ она была должна, дѣлали ей «спены» и не давали ни минуты покоя. Она встрѣчала ихъ на улицѣ, встрѣчала ихъ на лѣстницѣ. По цѣлымъ ночамъ она плакала и думала. Глаза ея сдѣлались очень блестящи, а въ лѣвомъ плечѣ она начала чувствовать постоянную боль. Кашель ея усилился. Она глубоко ненавидѣла отца Мадлена — и не жаловалась. Она шла восемнадцать часовъ въ день; но одинъ подрядчикъ тюремныхъ работъ, для котораго арестантки шли дешёвые, вдругъ испортилъ цѣны, вслѣдствіе чего свободныя работницы начали получать по деняги су. Семнадцать часовъ труда — и девять су въ день! Все кредиторы становились съ каждымъ днемъ неумолимѣе. Мебельщикъ, отобравшій почти всю свою мебель, постоянно говоритъ ей: «когда ты мнѣ заплатишь, шельма?» Боже мой! чего отъ нея хотѣли? Она чувствовала, что ее травятъ и въ ней развивалось что-то похожее на диаго звѣра. Въ те же время Тенардые нашпсалъ ей, что онъ наконецъ слышавшемъ долго ждалъ и что ему необходимо сейчасъ же сто франковъ, а иначе, онъ выгонитъ на улицу маленькую Козетту, едва начинающую выздоравливать отъ своей страшной болѣзни, и она сдѣлается чѣмъ можетъ, и издохнетъ, если закачетъ.

«Сто франковъ! подумала Фантина. Но какое же занятіе можетъ давать сто су въ день?

— Ну, сказала она, продадимъ остальное.

Несчастная сдѣлалась публичною женщиною.

XI.

Christus nos liberavit.

Что такое эта исторія Фантины? Это общество, покупающее рабу. У кого? у нищеты.

У голода, у холода, у одиночества, у безпомощности. — Горестный торгъ! Душа за кусокъ хлѣба. Нищета предлагаетъ, — общество принимаетъ.

Святой законъ Іисуса Христа управляетъ нашею цивилизаціей, но еще не проникаетъ ее насквозь. Говорятъ, что рабство уничтожилось въ европейскомъ цивилизованномъ мѣрѣ. Это неправда. Оно продолжаетъ существовать; но теперь оно тяготѣетъ только надъ женщиной и называется проституціею.

Она тяготѣетъ надъ женщиною, то есть надъ граціей, надъ слабостью, надъ красотою, надъ материнствомъ. Это самый большой позоръ для человѣчества.

Въ томъ мѣстѣ горестной драмы, до котораго мы дошли, отъ прежней Фантины не осталось ровно ничего. Сдѣлавшись грязью, она превратилась въ мраморъ. Кто прикасается къ ней, тому становится холодно. Она проходить, она покоряется вамъ и не знаетъ васъ; она обезличенный и строгій образъ. Жизнь и социальный порядокъ сказали ей свое послѣднее слово. Съ ней уже не случится ничего новаго: она все перечувствовала, все перенесла, все испытала, все выстрадала, все потеряла, все выплакала. Она покорна судьбѣ тою покорностью, которая похожа на равнодушіе, какъ смерть похожа на сонъ. Она ничего больше не избѣгаетъ; она ничего больше не боится. Пусть упадутъ на нее всѣ тучи, и пусть пройдетъ по ней весь океанъ — что ей за дѣло? Она — намоченная губка.

По-крайней-мѣрѣ, она такъ думаетъ. Но тотъ заблуждается, кто воображаетъ, что онъ все испыталъ и дошелъ до основанія чего бы то ни было.

Тотъ, кто знаетъ это, видитъ весь мракъ.

Онъ одинъ, онъ называется — Богъ.

ХІІ.

ЗАВѢТЫ Г. ВЪМАТАВАУ.

Во всѣхъ маленькихъ городахъ существуетъ, а въ М.-на-М. особенно, существовалъ классъ молодыхъ людей, которые изгрызываютъ въ провинціи полторы тысячи ливровъ годоваго дохода съ тѣмъ же видомъ, съ какимъ подобные имъ пожираютъ въ Парижѣ двѣсти тысячъ франковъ въ годъ. Это существа большой средней породы. паразиты. ничтожные люди; у которыхъ есть не много земли, не много глупости и не много ума, которые оказались бы мужиками въ гостиницѣ и считаютъ себя аристократами въ кабацкѣ; которые говорятъ: «мой луга, мой лѣса, мой поселяне,» шикаютъ актрисамъ, чтобы показать, что они люди со вкусомъ, ссорятся съ гарнизонными офицерами, чтобы показать, что въ нихъ есть воинственный духъ, охотятся, зѣваютъ пьютъ, воняютъ табакомъ, играютъ въ бильярдъ, глазѣютъ на пріѣзжающихъ въ дилижансѣ путешественниковъ, живутъ въ кофейной, обѣдаютъ въ трактирѣ, имѣютъ собаку, которая ѣстъ кости подъ столомъ, и любовницу, которая ставитъ блюдо на него, дорожатъ каждымъ грошомъ, преувеличиваютъ моды, высоко чтутъ трагедію, презираютъ женщинъ, изнашиваютъ старые сапоги, копируютъ Лондонъ и Парижъ, старѣются полу-идіотами. не работаютъ, ни къ чему не служатъ и во многому вредятъ.

Г. Феликсъ Толоміесь, еслибъ онъ остался въ провинціи и никогда не видѣлъ Парижа. былъ бы однимъ изъ этихъ людей.

Еслибъ они были богаче, о нихъ бы говорили: «это модники»; еслибъ они были бѣднѣе, ихъ бы называли лѣвтями. Это, просто, праздные люди. Между ними есть наскучающіе, скучные, мечтатели и нѣсколько чудачковъ. Въ то время франтъ состоялъ изъ высокаго воротничка, большаго галстука, часовъ съ брелоками, трехъ жилетовъ различныхъ цвѣтовъ и надѣтыхъ одинъ на другой, фрака оливкаго цвѣта

съ короткою тальею, узенькими фалдами и двойнымъ рядомъ серебряныхъ пуговиць, насаженныхъ одна близко къ другой и доходящихъ до плечъ, и изъ панталонъ оливкаго цвѣта, посвѣтлѣе: прибавьте къ этому ботинки съ желѣзными бляхами на каблучкахъ, высокую шляпу съ узкими полями, прическу съ хохломъ, огромную палку и рѣчь, пересыпанную каламбурами Потье, ко всему этому шпоры и усы. Въ то время, усы означали буржуа, а шпоры — пѣшехода.

Провинціальные франты носили шпоры болѣе длинныя и усы болѣе свирѣпыя.

Это было время борьбы республикъ Южной Америки съ испанскимъ королемъ, Боливара съ Марильо. Шляпы съ маленькими полями означали роялистовъ и назывались морильо; либералы носили шляпы съ широкими полями, называвшіяся боливарами.

Итакъ, восемь или девять мѣсяцевъ спустя послѣ того, что было разсказано на предыдущихъ страницахъ, въ первыхъ числахъ января 1823 года, разъ вечеромъ, когда шолъ снѣгъ, одинъ изъ этихъ франтовъ, изъ этихъ праздныхъ людей, одинъ изъ «благомыслящихъ» — потому что на немъ была шляпа морильо, — завернувшись въ одинъ изъ тѣхъ широкихъ плащей, которые, въ холодное время, довершали модный костюмъ, забавлялся тѣмъ, что тѣшился надъ созданиемъ женскаго рода, бродившимъ въ бальномъ платьѣ, съ открытою шеей и съ цвѣтами на головѣ, передъ окномъ офицерской кофейной. Этотъ франтъ курилъ, потому что куреніе было рѣшительно въ модѣ.

Каждый разъ, когда эта женщина проходила мимо него, онъ пускалъ ей въ лицо, вмѣстѣ съ клубомъ дыма отъ своей сигары, какое нибудь восклицаніе, которое онъ считалъ умнымъ и веселымъ, въ родѣ слѣдующихъ: «какая ты гадкая!» «да спрячься!» «у тебя нѣтъ зубовъ!» и прочее проч. проч. Этого господина звали г. Боматабуа. Женщина печальное — разряженное привидѣніе, ходившее взадъ и впередъ по снѣгу, не отвѣчала ему, даже не смотрѣла на него и продолжала молчаливо и съ мрачною правильностью свою прогулку, возвращаясь каждыя пять минутъ подъ насмѣшки, какъ наказываемый солдатъ возвращается подъ розги. Этотъ недостатокъ эффекта подстрекнулъ, безъ сомнѣнія, франта, который, воспользовавшись минутой, когда она повернулась къ нему спиною, тихо и заглушая свой смѣхъ подкрался къ ней, наклонился, навалъ на троттуаръ горсть снѣга и быстро опустилъ его за спину женщины между обнаженныхъ плечъ. Женщина испустила какой-то ревъ, обернулась, прыгнула какъ пантера и, кинувшись на франта, вцѣпилась ему ногтями въ лицо съ самыми страшными словами, какія только могутъ выходить изъ кордегардіи. Эти ругательства, извергаемые голосомъ, охриплымъ отъ водки, отвратительно выходя изъ рта, въ которомъ, дѣйствительно, недоставало двухъ переднихъ зубовъ. Это была Фантина.

На шумъ изъ кофейной выбѣжали офицеры, собрались прохожіе, и скоро большая толпа, смѣясь, крича и аплодируя, образовалась вок-

ругъ атого вихря, составленнаго изъ двухъ существъ, въ которыхъ едва можно было узнать—мужчину и женщину; мужчина, цыпапа котораго валялась на полу, отбивался, а женщина билъ руками и ногами, растрепанная, безъ зубовъ и безъ волосъ, блѣдная отъ гнѣва, страшная!

Вдругъ, человекъ высокаго роста вышелъ изъ толпы, схватилъ женщину за атласный корсажъ покрытый грязью, и сказалъ ей: «слѣдуй за мной!»

Женщина подняла голову; ея яростный голосъ вдругъ затихъ. Глаза саблялись точно стеклянные, багровый цвѣтъ замѣнился блѣднымъ, и она въ ужасѣ задрожала. Она узнала Жавера.

Франтъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы улизнуть.

XIII.

Разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ муниципальной полиціи.

Жаверъ раздвинулъ толпу и пошелъ большими шагами къ полицейскому бюро, находившемуся въ концѣ площади, таща за собою несчастную. Она машинально слѣдовала за нимъ. Ни онъ, ни она не говорили ни слова. Рой зрителей, въ припадкѣ сильной радости, шелъ за ними и острель. Крайняя нищета—новодѣ къ гнуснымъ выходкамъ.

Дойдя до бюро, состоявшаго изъ большой низкой комнаты, нагрѣванной печкой и охранявшейся карауломъ, Жаверъ отвернулъ стеклянную, рѣшетчатую дверь, выходившую на улицу, вошелъ съ Фантиной и затворилъ за собою дверь, изъ великому огорченію любителей, подымавшихся на цыпочки и вытягивавшихъ шею передъ тусклымъ окномъ кордегардіи, стараясь что-нибудь разглядѣть. Любопытство—родъ обжорства. Видѣть—тоже, что пожирать.

Войдя, Фантина упала на полъ, въ углу комнаты, и осталась неподвижная, нѣмая, точно собака, боящаяся чего нибудь.

Сержантъ поставилъ на столъ зажженную свѣчу. Жаверъ сѣлъ, вынулъ изъ кармана листъ гербовой бумаги и началъ писать.

Этотъ классъ женщинъ предоставленъ нашимъ законами въ полное распоряженіе полиціи. Она дѣлаетъ съ ними, что хочетъ, наказываетъ ихъ, какъ ей угодно и конфискуетъ по своему усмотрѣнію двѣ грустныхъ вещи, которыя онѣ называютъ своимъ ремесломъ и своею свободою. Жаверъ былъ безстрастенъ, серьезное лицо его не обнаруживало никакого волненія. Но онъ былъ серьезно и глубоко озабоченъ. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда онъ пользовался безъ контроля, но со всею точностью строгой совѣсти, своею страшною безответственною властью. Онъ чувствовалъ, что въ эту минуту его скамейка полицейскаго чиновника была судилищемъ. Онъ судилъ. Онъ судилъ, и проносилъ приговоръ. Онъ соединялъ все мысли, которыя только могли быть у него въ головѣ, вокругъ великаго дѣла, которое онъ совершалъ. Чѣмъ болѣе онъ обсуждалъ поступокъ этой женщины, тѣмъ сильнѣе возрастало въ немъ негодованіе. Было очевидно, что онъ смотрѣлъ на него, какъ на преступленіе. При его глазахъ, на улицѣ, общество, въ лицѣ землевладѣльца—набирателя; было оскорблено и поругано тварью, стоящею внѣ

есто. Публичная женщина подняла руку на гражданина. Онъ видѣлъ это, онъ, Жаверь. Онъ писалъ, не говоря ни слова.

Окончивъ, онъ подписался, сложилъ бумагу и, отдавая ее сержанту, сказалъ: «Возьми трехъ людей и сведите эту дѣвку въ тюрьму.» Потомъ, обратясь къ Фантинѣ, прибавилъ: Ты просидишь шесть мѣсяцевъ.

Несчастная вздрогнула.

— Шесть мѣсяцевъ! шесть мѣсяцевъ тюрьмы! вскричала она. Шесть мѣсяцевъ зарабатывать по семи су въ день! Но что станется съ Козеттою? Дочь моя! дочь моя! Но вѣдь я еще должна болѣе ста франковъ Тенардье, г. надзиратель, знаете ли вы это?

Она подползла къ нему по мокрымъ плитамъ, покрытымъ слѣдами отъ грязныхъ сапоговъ, подползла не вставая, скрестя руки и дѣлая большіе шатающіе колѣнныя.

— Г. Жаверь— сказала она, — я прошу у васъ пощады. Увѣряю васъ, что я не виновата. Вслѣбъ вы видѣли начало, вы бы все поняли! Клянусь вамъ Богомъ, что я не виновата. Этотъ господинъ, котораго я не знаю, положилъ мнѣ снѣгъ за спину. Развѣ они имѣютъ право такъ поступать съ нами, когда мы проходимъ спокойно, никого не трогая? Это меня задѣло. Я, видите ли, не совсѣмъ здорова; да онъ, кромѣ того, все приставалъ ко мнѣ съ насмѣшками. «Ты гадка; у тебя нѣтъ зубовъ!» Да я сама знаю, что у меня нѣтъ зубовъ. Я ничего не отвѣчала; я говорила себѣ: «это господинъ, которому хочется пошумѣть!» Я прилично обращалась съ нимъ, я не говорила ему ни слова. Вотъ въ эту минуту, онъ положилъ мнѣ за спину снѣгъ. Г. Жаверь, мой добрый г. надзиратель! Неужто же здѣсь нѣтъ никого, кто бы сказалъ вамъ, что я говорю правду? Я, можетъ быть напрасно разсердилась. Но, знаете ли, въ первую минуту съ собою не совладаешь. По-нѣволь слышишь: А потомъ, какъ хотите, трудно остаться спокойною, когда тебѣ, совершенно неожиданно, кладутъ что-то холодное за спину. Я виновата, что испортила шляпу этого господина. Отчего онъ ушелъ? Я бы попросила у него прощенья. О, Боже мой, мнѣ было бы рѣшительно все равно попросить у него прощенья. Сжальтесь надо мной только на этотъ разъ, г. Жаверь. Вѣдь вы не знаете, въ тюрьмѣ нельзя заработать болѣе семи су въ день, въ этомъ не виновато правительство, но все-таки зарабатываешь только семь су; представьте себѣ, что я должна заплатить сто франковъ, или мнѣ пришлютъ сюда мою малютку. О, Боже мой, я не могу держать ее подлѣ себя. Я дѣлаю такія гадкія вещи! О, моя Козетта, о мой маленькій ангелъ, что съ нею станется? Я вамъ объясню, это Тенардье, мужъ и жена, трактирщицы, поселяне, они не разсуждаютъ. Имъ нужны деньги. Не заключайте меня въ тюрьму! Вѣдь мою малютку выгонятъ на большую дорожку, ступай, куда хочешь, въ самый сильный холодъ; надъ этимъ надо сжалиться, мой добрый г. Жаверь. Еслибъ она была старѣе, то могла бы зарабатывать что нибудь, а въ эти лѣта нельзя работать. Я, правдѣ, не дурная женщина. Я сдѣлалась такою не изъ подлѣсти и обжорства. Я

пила водку, но пила ее отъ нищеты. Я не люблю ее, но она ошеломляетъ. Когда я была счастлива, стоило только посмотрѣть въ мой шкафъ, чтобы убѣдиться, что я не была кокетка и беспорядочная женщина. У меня было бѣлье, много бѣлья. Сжальтесь надо мною, г. Жаверь!

Такъ говорила она, точно сломанная на двое, потрясаемая рыданіями, ослѣпленная слезами, ломая руки, кашляя сухимъ и короткимъ каплемъ лепеча тихо, голосомъ агоніи. Великая горестъ есть божественный и страшный лучъ, преображающій несчастныхъ. Въ эту минуту Фантина снова была прекрасна. По временамъ, она останавливалась и нѣжно цѣловала скюртку ппюна. Она растрогала бы гранитное сердце; но сердце деревянное растрогать нельзя.

— Ну—сказалъ Жаверь, я тебя долго слушалъ. Кончила ты? Теперь ступай, посидишь шесть мѣсяцевъ. Никакая сила не поможетъ тебѣ.

При этихъ торжественныхъ словахъ, она поняла, что приговоръ былъ произнесенъ. Она упала, прошептавъ:

— Сжальтесь!

Жаверь повернулся спиною.

Солдаты схватили ее за руки.

За нѣсколько минутъ до этого, кто-то вошелъ въ комнату и стоялъ, никѣмъ незамѣченный. Онъ притворилъ за собою дверь, приклонился къ ней и слышалъ отчаянныя мольбы Фантины.

Въ ту минуту, когда солдаты схватили за руку несчастную, не хотѣвшую встать съ пола, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, вышелъ изъ темнаго угла, и сказалъ:

— Позвольте-ка на минуту.

Жаверь поднялъ глаза и узналъ г. Мадлена. Онъ снялъ шляпу и, поклонившись съ како-то сердитою неловкостью, сказалъ:

— Виновать, г. меръ...

Эти слова: «г. меръ», произвели на Фантину, странное дѣйствіе. Она разомъ встала какъ привидѣніе, выходящее изъ подъ земля, оттолкнула солдатъ обѣими руками, подошла прямо къ Мадлену прежде, чѣмъ ее могли удержать, и пристально смотря на него, съ дикимъ выраженіемъ въ лицѣ, вскричала:

— А, такъ это ты г. меръ!

Потомъ она расхохоталась и плюнула ему въ лицо.

Г. Мадлонъ вытеръ лице и сказалъ:

— Надзиратель Жаверь, освободите эту женщину.

Жаверь почувствовалъ въ себѣ близость помѣшательства. Въ эту минуту онъ разомъ испытывалъ самыя страшныя потрясенія, какія только приходилось ему испытывать. Видѣть, что публичная женщина плюетъ въ лицо меру, это была такая чудовищная вещь, что онъ считалъ бы святотатствомъ даже вѣру въ возможность ея. Съ другой стороны, въ глубинѣ мысли, онъ смутно дѣлалъ отвратительное сближеніе между тѣмъ, чѣмъ была эта женщина и тѣмъ, чѣмъ могъ

быть этотъ меръ, и тогда онъ съ ужасомъ видѣлъ нѣчто очень натуральное въ этомъ страшномъ преступленіи. Но когда онъ увидѣлъ что этотъ меръ, этотъ сановникъ, спокойно вытираетъ лице и говоритъ: «освободите эту женщину,» то имъ овладѣло полнѣйшее столбенѣніе; онъ лишился и мыслп, и языка; онъ пероступилъ за грѣбу возможнаго удивленія, и остался цѣмъ.

Слова мера нанесли на менѣ страшный ударъ Фантинѣ. Она подыала свою обнаженную руку, и ухватилась за печку, какъ человекъ, шатающійся на ногахъ. Между тѣмъ, она смотрѣла на все окружающее, и начала говорить шопотомъ, будто разговаривая съ самой собою:

— Освободить! выпустить меня! не идти въ тюрьму на шесть мѣсцевъ? Кто сказалъ это? Невозможно, чтобъ это было сказано. Я дурно слышала. Не можетъ быть, чтобъ такія слова сказала это чудовище-меръ. Мой добрый г. Жаверъ, это вы приказали освободить меня? О, постойте, я вамъ все расскажу и вы меня выпустите. Это чудовище-меръ, этотъ извергъ-меръ, вѣдь это онъ причина всего. Представьте себѣ, г. Жаверъ, что онъ меня выгналъ, вслѣдствіе свѣтней кучи разбойницъ, сидящихъ въ мастерской. Ну, не ужасно ли это? выгнать бѣдную дѣвушку, работающую съ усердіемъ! Тогда я начала зарабатывать слишкомъ мало, и несчастье явилось ко мнѣ. Вотъ не мѣшало бы, чтобы господа полиційскіе сдѣлали одно улучшеніе: они бы должны запретить подрядчикамъ тюремныхъ работъ вредить бѣднымъ людямъ. Я вамъ сейчасъ объясню это. Видите ли, вы зарабатываете двѣнадцать су въ день шитьемъ рубашекъ, вдругъ цѣна падаетъ на девять су, вотъ у васъ и нечѣмъ жить. Ну, и становишься, чѣмъ можешь. А у меня была моя маленькая Козетта, и я принуждена была сдѣлаться дурною женщиной. Теперь вы понимаете, что этотъ разбойникъ-меръ и есть причина всего зла. Ну, да, я истоптала ногами шляпу этого господина буржуа передъ офицерскою кофейной. Но вѣдь онъ испортилъ мнѣ все платье сибгомъ. А у нашей братьи только я есть, что одно шелковое платье для вечера. Видите ли, г. Жаверъ, я никогда не дѣлала за нарочно, вѣрите мнѣ, а, между тѣмъ, я вижу многихъ женщинъ, которыя гораздо мѣне меня и, однако, гораздо счастливы. О, г. Жаверъ, не правда ли, вѣдь это вы велѣли выпустить меня? Заберите справки, поговорите съ моимъ домовладѣльцемъ, теперь я плачу въ срокъ за квартиру, всѣ вамъ скажутъ, что я живу честно. Ахъ, Боже мой, простите; я ночаянно тронула заслонку камина, и онъ задыхался.

Мадленъ слушалъ ее съ глубокимъ вниманіемъ. Въ то время, какъ она говорила, онъ пошарилъ въ карманѣ, вынулъ оттуда кошелекъ, и раскрылъ его. Кошелекъ былъ пустъ. Мадленъ снова спряталъ его въ карманъ, и сказалъ Фантинѣ:

— Сколько, вы сказали, вы должны?

Фантина, смотрѣвшая только на Жавера, обернулась къ меру:

— Развѣ я съ тобою говорю?

Потомъ, обратясь къ солдатамъ:

— Послушайте-ка, вы видѣли, что-ли, какъ я ему харкнула въ лицо? А, старый разбойникъ, ты пришелъ сюда, чтобы испугать меня; но я не боюсь тебя. Я боюсь г. Жавера, я боюсь моего добраго г. Жавера.

Съ этими словами она снова повернулась къ надзирателю:

— Какъ ни говори; однако, а надо быть справедливымъ. Я понимаю, что вы справедливы, г. надзиратель. Въ самомъ дѣлѣ; вещь очень простая — человекъ забавляется тѣмъ, что кладетъ снѣгъ за спину женщины; ну, офицеры и смеются; надо же имъ чѣмъ-нибудь позабавиться, — вѣдь наша братья на то и ходятъ тамъ, чтобы забавлять... А тутъ вы приходите, вамъ вѣдь надо поквитаться драку, вотъ вы и уводите виноватую женщину; но, подумавъ немного; такъ какъ вы добры, то и приказываете освободить меня! Это вѣдь для малютки, потому-что полгода тюрьмы помѣшали бы мнѣ кормить моего ребенка. Только смотри, не попадись опять, шельма! О, не попадусь больше, г. Жаверь,—теперь пусть со мной дѣлаютъ, что хотятъ, я съ мѣста не двинусь. Сегодня, видите-ли, я оттого закричала, что мнѣ сдѣлалось божно, а совѣмъ не ожидая, что этотъ господинъ положитъ мнѣ за спину снѣгъ, а потомъ; я уже говорила вамъ, что не совсѣмъ здорова, я кашляю; въ животѣ у меня точно горитъ что-то. Докторъ все говоритъ: «лечитесь». Вотъ поцупайте; дайте вашу руку, но бойтесь—вотъ здѣсь.

Она больше не плакала; грюсь ея была полонъ ласкающихъ звуковъ; она прижимала къ своему нѣжному и бѣлому горлу томную, жесткую руку Жавера и смотрѣла на него съ улыбкою.

Вдругъ она быстро привела въ порядокъ свой костюмъ, одустила платье, которое поднялось было до колѣнъ; и пошла къ двери, говоря солдатамъ въ полголоса и дружески кивая головой:

— Ребята, г. надзиратель велѣлъ меня выпустить, я уйду.

Она положила руку на щеколду. Еще одинъ шагъ—и она была бы на улицѣ.

До этой минуты, Жаверь стоялъ неподвижно, устремивъ глаза въ землю, пѣхотинъ на статую, которую сдвинули съ мѣста и которая ждѣтъ, чтобы ее поставили куда-нибудь.

Стукъ щеколды разбудилъ его. Онъ поднялъ голову съ выраженіемъ высшей власти, выраженіемъ тѣмъ болѣе страшнымъ, чѣмъ ниже стоитъ эта власть, лютая въ хищномъ звѣрѣ, свирѣпая въ ничтожномъ человекѣ.

— Сержантъ! — крикнулъ онъ, — развѣ ты не видишь, что эта тварь уходитъ? Кто тебѣ приказалъ выпустить ее?

— Я — сказалъ Мадленъ.

При звукѣ голоса Жавера, Фантина задрожала и опустила щеколду, какъ пойманный воръ выпускаетъ изъ рукъ краденую вещь. При словѣ Мадлена, она обернулась и, съ этой минуты, не провознося ни слова, не смѣя даже свободно дышать, стала поочередно смотрѣть

то на Мадлена, то на Жавера, смотря потому, кто изъ нихъ говорилъ.

Очевидно было, что Жаверъ, какъ говорить, «высочилъ изъ петлей», если позволилъ себѣ такъ крикнуть на сержанта, послѣ приглашенія г. мера—освободить Фантну. Неужели онъ дошелъ до того, что забылъ о присутствіи мера? Или онъ увѣрилъ себя, что невозможно было, чтобы «начальство» отдало такое приказаніе и что г. меръ, конечно, ошибся и сказалъ одни слова вмѣсто другихъ? Или, наконецъ, въ виду этихъ ужасовъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ уже цѣлые два часа, онъ говорилъ себѣ, что надо было принять крайнее рѣшеніе, что маленькому человѣку необходимо было прерваться въ большаго, шпиону—въ судью, полицейскому чиновнику—въ агента юстиціи, и что въ этой ужасной крайности благоустройство, законъ, нравственность, правительство, цѣлое общество олицетворились въ немъ, Жаверѣ?

Какъ бы то ни было, но когда Мадленъ промолвилъ это я, полицейскій чиновникъ Жаверъ повернулся къ г. меру, блѣдный, холодный, съ синими губами, отчаяннымъ взглядомъ, незаметною дрожью во всемъ тѣлѣ и—неслыханное дѣло—сказалъ ему, не подымая глазъ, но твердымъ голосомъ:

— Г. меръ, это невозможно.

— Какъ?—спросилъ Мадленъ.

— Эта женщина оскорбила гражданина.

— Надзиратель Жаверъ, — возразилъ Мадленъ примиряющимъ и спокойнымъ голосомъ, — послушайте: вы честный человѣкъ, и я совершенно охотно объяснюсь съ вами. Вотъ въ чемъ дѣло. Я проходилъ по площади въ то время, какъ вы уводили эту женщину, на площади оставались еще группы, я навелъ справки и все узналъ: во всемъ виноватъ тотъ гражданинъ и его-то, по всей справедливости, следовало арестовать.

Жаверъ продолжалъ:

— Эта женщина только-что оскорбила г. мера.

— Это касается собственно меня, — сказалъ Мадленъ. — Оскорбленіе это, а полагаю, мнѣ принадлежитъ. Я могу дѣлать съ нимъ, что хочу.

— Извините меня, г. меръ, но это оскорбленіе принадлежитъ не вамъ, а суду.

— Надзиратель Жаверъ, — возразилъ Мадленъ, — первый судъ — это совѣсть. Я выслушалъ эту женщину. Я знаю, что дѣлаю.

— А я, г. меръ, не понимаю того, что вижу.

— Въ такомъ случаѣ, довольствуйтесь повиновеніемъ.

— Я повинуюсь моему долгу. Мой долгъ приказываетъ мнѣ, чтобъ эта женщина просидѣла шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ.

Мадленъ отвѣчалъ съ кротостью:

— Такъ слушайте-жь хорошенько. Она не просидитъ на одного дня.

При этихъ рѣшительныхъ словахъ, Жаверъ осмѣлился пристально взглянуть на мера и сказалъ ему голосомъ, который, однако, все-таки оставался глубоко-почтительнымъ:

— Я въ отчаяніи, что долженъ ослушаться господина мера, это случается со мной первый разъ въ жизни, но позвольте вамъ замѣтить, что я не выхожу изъ границъ моей должности. Ограничиваюсь, такъ какъ вамъ это угодно, только дѣломъ оскорбленнаго гражданина. Я былъ тамъ. Я самъ видѣлъ, что эта дѣвка бросилась на господина Баматабуа—избирателя и владѣльца этого прекраснаго дома съ балкономъ, въ три этажа и изъ камня, стоящаго на углу улицы. Мало ли что случается въ этомъ мірѣ! Какъ бы то ни было, это—пронсшествіе, относящееся къ уличной полиціи и которое только меня касается, и я арестую означенную Фантину.

Тогда Мадленъ скрестилъ руки и сказалъ такимъ строгимъ голосомъ, какимъ никогда еще не говорилъ въ этомъ городѣ:

— Пронсшествіе, о которомъ вы говорите, относится къ дѣламъ полиціи муниципальной. На основаніи статей девятой, одиннадцатой, пятнадцатой и шестьдесятъ-шестой свода законовъ уголовныхъ, дѣла эти подлежатъ моему разбирательству. Я приказываю, чтобъ эта женщина была освобождена.

Жаверъ хотѣлъ сдѣлать послѣднее усиліе.

— Но, г. меръ...

— Я вамъ напоминаю восемьдесятъ-первую статью закона 18-го декабря 1799 года о произвольномъ задержаніи.

— Г. меръ, позвольте...

— Ни слова больше.

— Но...

— Извольте выйти, сказалъ Мадленъ.

Жаверъ выдержалъ ударъ стоя, прямо, въ самую грудь, какъ русскій солдатъ. Онъ поклонился до земли и вышелъ.

Фантина дала ему дорогу, и съ остоленіемъ посмотрѣла ему въ слѣдъ.

Ею также овладѣло странное потрясеніе. Она только что видѣла себя какъ бы предметомъ спора двухъ непріятельскихъ державъ. Передъ ея глазами совершилась борьба двухъ людей, державшихъ въ своихъ рукахъ ея свободу, ея жизнь, ея думу, ея ребенка; одинъ изъ этихъ людей тащилъ ее къ тьмѣ, другой возвращалъ къ свѣту. Въ этой борьбѣ, на которую она смотрѣла преувеличенными глазами страха, эти два человѣка показались ей какими-то гигантами; одинъ изъ нихъ говорилъ какъ ея демонъ, другой — какъ ея добрый ангелъ. Ангелъ побѣдилъ демона и дѣло, которое проникло ее страшными трепетомъ — этотъ ангелъ, этотъ забывитель былъ именно тотъ человѣкъ, котораго она ненавидѣла, этотъ меръ, на котораго она такъ долго смотрѣла, какъ на виновника своихъ бѣдствій, этотъ Мадленъ! И въ ту минуту, когда она оскорбила его такимъ отвратительнымъ образомъ, онъ спасалъ ее! Значить, она ошиблась? Значить, ей приходилось перемѣнить всю свою душу? Она не знала, она дрожала. Она слушала, будто растерянная, она смотрѣла испуганнымъ изоромъ и, при каждомъ словѣ Мадлена, чувствовала, что въ ней расходятся и рушится страшная тьма ненависти, и въ сердцѣ за-

рождается что-то согревающее и неизъяснимое—смѣсь радости, любви и любви.

Когда Жаверъ выпелъ, Мадленъ повернулся къ ней и сказалъ ей медленнымъ голосомъ, съ трудомъ произнося слова, какъ серьезный человѣкъ, удерживающійся отъ слезъ:

— Я слышалъ вашъ разговоръ. Я ничего не зналъ изъ всего этого. Я вѣрю, что вы говорите правду, и чувствую, что вы говорите правду. Я даже не зналъ, что вы оставили мою мастерскую. Отъ чего вы не обратились ко мнѣ? Но вотъ въ чемъ дѣло: я заплачу ваши долги, я велю привезти сюда ваше дитя, или вы поѣдете къ нему. Вы будете жить здѣсь, въ Парижѣ, гдѣ захотите. Я беру на себя заботу о васъ и о вашемъ ребенкѣ. Вы не будете больше работать, если не хотите. Я вамъ дамъ столько денегъ, сколько вамъ понадобится. Вы снова сдѣлаетесь честною, сдѣлавшись счастливою. О, бѣдная женщина!

Этого было слишкомъ много для Фантины. Имѣть подлѣ себя Козетту! Выйти изъ этой гнусной жизни! Жить свободною, богатою, счастливою, честною, съ Козеттой! видѣть, что среди этой нищеты вдругъ распускается райское блаженство. Она, съ какимъ-то ослѣбѣніемъ, посмотрѣла на этого человѣка, и изъ груди ея, могли вылетѣть только два три рыданія. Ноги ея подкосились, она упала на колѣни передъ Мадленомъ и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ помѣшать ей, почувствовалъ, что она схватила его руку, и прильнула къ ней губами.

Послѣ этого она упала въ обморокъ.

К Н И Г А Ш Е С Т А Я.

ЖАВЕРЪ.

1.

Начало отдыха.

Мадленъ велѣлъ перенести Фантину въ больницу, бывшую въ его домѣ. Онъ поручилъ ее попеченіямъ сестеръ милосердія, которыя уложили ее въ кровать. Съ ней сдѣлалась сильная лихорадка. Почти всю ночь, она бредила и говорила въ слухъ. Наконецъ она уснула.

На другой день, около двѣнадцати часовъ, она проснулась. услышала подлѣ своей кровати, чье-то дыханіе, приподняла занавѣску и увидѣла Мадлена, смотрѣвшаго на что-то, бывшее надъ ея головою. Взглядъ былъ полонъ состраданія, тоски, и, казалось, умолялъ. Она подняла голову и увидѣла, что этотъ взглядъ былъ направленъ къ распятію, прибитому на стѣнѣ.

Съ этихъ поръ, Мадленъ былъ совершенно преобразенъ въ глазахъ Фантины: онъ казался ей окруженнымъ свѣтомъ. Видно было, что онъ былъ весь погруженъ въ молитву. Она долго смотрѣла на

него, не смѣя прервать этой молитвы. Наконецъ, она робко сказала ему:

— Что вы тутъ дѣлаете?

Мадленъ, уже часъ стоялъ на этомъ мѣстѣ. Онъ ждалъ пробужденія Фантины. Онъ взялъ ее за руку, пощупалъ пульсъ, и отвѣчалъ:

— Какъ вы себя чувствуете?

— Хорошо, я спала, сказала она, кажется, что мнѣ лучше. Это пройдетъ.

Онъ продолжалъ, отвѣчая на вопросъ, который она ему прежде сдѣлала, какъ будто только что разслышалъ его:

— Я молился мученику, который тамъ.

И, въ глубинѣ души прибавилъ: За мученицѣ, которая здѣсь.

Мадленъ провелъ всю ночь и все утро въ справкахъ. Теперь онъ все зналъ. Онъ зналъ во всѣхъ странныхъ подробностяхъ исторію Фантины. Онъ продолжалъ:

— Вы много выстрадали, бѣдная мать. О, не ропщите; вы стяжали себѣ долю избранниковъ. Такимъ только путемъ люди дѣлаются ангелами. Въ этомъ они не виноваты; они не умѣютъ братья за дѣло иначе. Видите:—этотъ адъ, изъ котораго вы выходите, есть первая форма рая. Вы должны были начать этимъ.

Онъ глубоко вздохнулъ. А она улыбалась ему удивительной улыбкой, въ которой не было двухъ зубовъ.

Въ ту же самую ночь Жаверъ написалъ письмо. На слѣдующее утро онъ самъ отнесъ это письмо на почту. Оно было адресовано: въ Парижъ, «Господину Шабулье, секретарю г. префекта полиціи.»

Мадленъ тотчасъ же написалъ къ Тенардьѣ. Фантина была должна имъ сто двадцать франковъ. Онъ послалъ имъ триста и просилъ сейчасъ же привезти ребенка въ М.—на—М., гдѣ ждала ее больная мать.

Это ослѣпило Тенардьѣ. — Чортъ возьми!— сказалъ онъ женѣ, — надо попридержать дѣвчонку. Смотри-ка: этотъ жаворонокъ сдѣлается дойною коровою. Я догадываюсь. Какой нибудь олухъ, влюбился въ мать.

Онъ послалъ Мадлену ловко составленный счетъ въ пять сотъ франковъ слишкомъ. Въ этомъ счетѣ находились засвидѣтельствованные счета доктора и аптекаря, пользовавшихся Эпошину и Авельму во время ихъ болѣзней; имъ приходилось получить триста франковъ. Козетта, какъ мы уже сказали, не была больна. Тенардьѣ написалъ внизу счета: «Получено въ уплату триста франковъ».

Мадленъ немедленно отослалъ еще триста франковъ, и написалъ: Привезите поскорѣе Козетту.

— Чортъ побери!— сказалъ Тенардьѣ, — попридержишь ребенка.

Между тѣмъ, Фантина не поправлялась; она все еще лежала въ больницѣ.

Сестры милосердія сначала приняли эту дѣвку, и начали ухаживать за ней съ видимымъ отвращеніемъ. Кто видѣлъ рейнскіе ба-

рольсы, тотъ доминуть владутья губы добродѣтельныхъ дѣвъ, сморщившкхъ на дѣвъ распутныхъ. Это античное презрѣніе весталожекъ къ блудницамъ — одинъ изъ глубочайшихъ инстинктовъ женскаго достоинства. Сестры милосердія испытала это чувство, усладенное въ нихъ тѣми мыслями, которыя внушаетъ религія. Но не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ Фантина обезоружила ихъ. У нея было много кроткихъ и смиренныхъ словъ, и то, что она была матерью, трогало ихъ. Однажды сестры милосердія услышали, что она говорила въ бреду: «Я была грѣшница; но когда дитя мое будетъ подлѣ меня, это будетъ знакомъ, что Богъ простилъ мнѣ. Въ то время, когда я жила во злѣ, я не хотѣла бы имѣть свою Козетту подлѣ себя, я не была въ состояніи переносить ея удивленные и печальные взгляды, а, между тѣмъ, это зло я дѣлала для нея, и вотъ отчего Богъ мнѣ прощаетъ. Я почувствую благословеніе Божіе, когда Козетта будетъ здѣсь. Я буду смотрѣть на нее, и видъ этого невиннаго созданія будетъ облегчать мою душу. Она ничего не знаетъ. Это, о сестры мои! ангелъ. Въ эти годы крылья еще не упали.»

Мадленъ навѣщала ее два раза въ день, и каждый разъ она спрашивала у него:

— Скоро ли я увижу мою Козетту?

Онъ отвѣчалъ ей:

— Можетъ быть, завтра утромъ. Я жду ее съ минуты на минуту.

И блѣдное лицо матери сіяло.

— О,—говорила она,—какъ я буду счастлива!

Мы только что сказали, что она не поправлялась, напротивъ, здоровье ея становилось хуже съ каждой недѣлею: эта горсть снѣга, положенная на голую кожу, между двумя лопатками, произвела внезапную остановку потѣнія, вслѣдствіе чего болѣзнь, бывшая въ ней уже нѣсколько лѣтъ, быстро разыгралась. Въ то время, грудныя болѣзни изучались и лечились по прекраснымъ указаніямъ Леннека. Докторъ аскультировалъ Фантину и покачалъ головою.

Мадленъ спросилъ доктора:

— Ну, что?

— У нея, кажется, есть дитя, которое она желаетъ видѣть? сказалъ докторъ.

— Да.

— Ну, такъ постарайтесь привезти его.

Мадленъ вздрогнулъ.

Фантина спросила его:

— Что сказалъ докторъ?

Мадленъ сдѣлалъ усиліе, чтобы улыбнуться.

— Онъ сказалъ, чтобы поскорѣе привезли вашу дочь, потому что это возвратитъ вамъ здоровье.

— О,—сказала она,—онъ правъ! Но отчего—это Тенардь такъ долго держатъ мою Козетту? О, она пріѣдетъ!... Наконецъ, счастье близко отъ меня!

Тенардь, однако, «придерживалъ дитя», и выдумывалъ сотню раз-

ныхъ предлоговъ: то Козетта была еще совѣмъ нездорова для того, чтобы пуститься въ путь зимою; то остались еще маленькіе долги, по которымъ онъ собиралъ счета, и прочее и прочее.

— Я пошлю кого нибудь за Козеттой, сказалъ Мадленъ. Если нужно, я самъ поѣду.

Онъ написалъ подѣ сиктовку Фантины слѣдующее письмо, которое она подписала.

«Господинъ Тенардь!»

«Вы отдадите Козетту подателю этого письма.

«Вамъ заплатятъ всѣ мелкіе долги.

«Имѣю честь съ уваженіемъ вамъ кланяться.

Фантина.»

Въ это время случилось важное происшествіе. Какъ мы ни искусно обтачиваемъ таинственный камень, изъ котораго сдѣлана наша жизнь, черная жила судьбы все-таки всегда появляется на ней.

II.

Какъ Жанъ можетъ сдѣлаться Шлономъ.

Разъ утромъ Мадленъ сдѣлалъ въ кабинетъ, занятый приведеніемъ въ порядокъ нѣкоторыхъ спѣшныхъ дѣлъ на случай своего отъѣзда въ Монфермель; въ это время ему пришли сказать, что надзиратель Жаверь желаетъ съ нимъ говорить. Услышавъ это имя, Мадленъ невольно ощутилъ непріятное чувство. Со времени приключенія съ Фантиной, Жаверь болѣе, чѣмъ когда нибудь, избѣгалъ мѣра, и Мадленъ больше не видѣлъ его.

— Просите, сказалъ онъ.

Жаверь вошелъ.

Мадленъ сдѣлалъ подлѣ каминна, съ перомъ въ рукѣ, перелистывая дѣла, и дѣлая на нихъ отмѣтки. Онъ не всталъ съ мѣста для Жавера. Мысль о Фантинѣ по-неволѣ приходила ему въ голову, и требовала, чтобы онъ держалъ себя холодно.

Жаверь почтительно поклонился меру, сдѣвшему къ нему спиной. Меръ не взглянулъ на него, и продолжалъ дѣлать свои отмѣтки.

Жаверь сдѣлалъ два или три шага впередъ, и остановился, не нарушая молчанія.

Физиономистъ, который былъ бы знакомъ съ натурою Жавера, который изучалъ бы долгое время этого дикаря на службѣ цивилизаціи, эту странную смѣсь римлянина, спартамца, монаха и капрала, этого шпіона, неспособнаго на ложь, и дѣвственнаго, — физиономистъ, который зналъ бы его тайныя и давнія отращенія къ Мадлену и столкновеніе съ меромъ по поводу Фантины, и который взглянулъ бы на Жавера въ эту минуту, спросилъ бы себя: «что произошло?» Для каждаго, кто зналъ бы эту совѣсть прямую, ясную, искреннюю, честную, суровую и свирѣпую, было очевидно, что Жаверь пережилъ какое-то великое внутреннее событіе. У Жавера въ душѣ не было ничего такого, что не отражалось бы также на лицѣ. Онъ, какъ и всѣ крутые, вспыльчивые люди, былъ подверженъ внезап-

шить переворотамъ. Никогда выраженіе его лица не было такъ странно и неожиданно, какъ въ эту минуту. Войдя, онъ, поклонился Мадлену съ взглядомъ, въ которомъ не было ни чувства обиды, ни гнѣва, ни недовѣрчивости, и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ за кресломъ: меря; теперь — онъ стоялъ въ позѣ, почти полной дисциплины, съ наивною и холодною жесткостью человѣка, который никогда не былъ мягокъ, и всегда былъ терпѣливъ. Не произнося ни слова, не дѣлая ни малѣйшаго движенія, полный истиннаго смиренія и спокойной покорности, онъ ждалъ, когда господину меру угодно будетъ вернуться къ нему, ждалъ спокойный, серьезный, держа въ рукѣ шляпу, опустивъ глаза, съ выраженіемъ лица, которое занимало средину между выраженіемъ солдата передъ офицеромъ, и преступника передъ судьей. Всѣ чувства и всѣ воспоминанія, какія можно было предположить въ немъ — исчезли. На этомъ непроницаемомъ и простомъ, какъ гранитъ, лицѣ, не было ничего, кромѣ мрачной скорби. Вся фигура его дышала униженіемъ и твердостью и какинъ-то храбрымъ уныніемъ.

Наконецъ меръ положилъ перо, и полуобернулся:

— Ну, что такое? что скажите, Жаверь?

Жаверь съ минуту помолчалъ, какъ будто собирался съ мыслями; потомъ началъ говорить съ какою-то печальною торжественностью, не исключавшею, однако, простоты.

— Скажу, г. меръ, что совершился преступный поступокъ.

— Какой поступокъ?

— Нисшій правительственный агентъ нарушилъ почтеніе къ своему начальнику самымъ серьезнымъ образомъ. Я пришелъ, по долгу службы, доложить вамъ объ этомъ.

— Кто этотъ агентъ?—спросилъ Мадленъ.

— Я,—сказалъ Жаверь?

— Вы?

— Я.

— А кто этотъ начальникъ, оскорбленный агентомъ?

— Вы, г. меръ.

Мадленъ привсталъ на стулѣ. Жаверь продолжалъ строгимъ видомъ и не подымая глазъ:

— Г. меръ, я пришелъ васъ просить исходатайствовать у начальства, чтобы меня исключили изъ службы.

Мадленъ, пораженный глубокимъ удивленіемъ, раскрылъ было ротъ; Жаверь не далъ ему говорить:

— Вы скажете, что я могъ бы самъ подать въ отставку; но этого не достаточно. Подать въ отставку—дѣло почтенное. Я провинился, и долженъ быть наказанъ. Меня необходимо выгнать.

И, послѣ минутнаго молчанія, онъ прибавилъ:

— Г. меръ, недавно вы были строги ко мнѣ не справедливо. Будьте сегодня строги справедливо.

— Да что это вы? — вскричалъ Мадленъ.— что это за чепуха? Что все это значить? Чѣмъ это вы провинились противъ меня? Что вы мнѣ

сдѣлали? Вы сами себя обманывали, вы хотѣли, чтобъ была другая...

— Выгнали, — сказалъ Жаверь.

— Выгнали, положимъ. Очень хорошо. Но я ничего не понимаю.

— Вы сейчасъ поймете, г. меръ.

Жаверь глубоко вздохнулъ и продолжалъ, непрежнему холодно и печально:

— Г. меръ, полгода назадъ, вследствие спора съ той женщиной, я былъ возбужденъ, и донесъ на васъ.

— Донесли!

— Префекту парижской полиціи.

Мадленъ, смѣявшійся также рѣдко, какъ и Жаверь, засмѣялся:

— Вы донесли, какъ на мера, вмѣшавшагося въ дѣла полиціи?

— Нѣтъ, какъ на бывшего каторжника.

Меръ весь повелемѣлъ.

Жаверь, не подымая глазъ, продолжалъ:

— Такъ я думалъ. Давно уже у меня были равныя мысли. Сходство, справки, которыя вы наводили въ Фуароль, ваша сила, пристраженіе со старикомъ Фоллеваномъ, ваше искусство въ стрѣльбѣ, дапа ногъ, которую вы не много волочите за собою, всѣхъ другія глупости, — какъ бы то ни было, но я принималъ васъ за чѣмоданъ Жана Вальжана.

— Какъ? какъ вы сказали?

— Жана Вальжана. Это каторжникъ, котораго я видѣлъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда служилъ въ Тулонѣ. Выйдя съ галеры, этотъ Жанъ Вальжанъ, какъ видно, обокралъ одного епископа, потомъ совершилъ другое воровство вооруженною рукою на большой дорогѣ у маленькаго савояра. Уже восемь лѣтъ онъ скрывается неизвѣстно какъ, и его ищутъ. Я и воображалъ себя... да, я сдѣлалъ это! Гнѣвъ заставилъ меня рѣшиться: я доносъ на васъ префекту.

Мадленъ, снова взявшійся за свои бумаги, спросилъ съ видомъ совершеннаго равнодушія:

— И что же вамъ отвѣчали?

— Что я сошелъ съ ума.

— Ну?

— Ну, мнѣ имѣли право такъ отвѣчать.

— Хорошо, что вы въ этомъ сознаетесь.

— По-неволѣ согласисься, когда настоящій Жанъ Вальжанъ напелся.

— Бумага, которую держалъ Мадленъ, выпала изъ его рукъ, онъ поднялъ голову, пристально посмотрѣлъ на Жавера, и сказалъ съ невыразимымъ удареніемъ:

— А!

Жаверь продолжалъ:

— Вотъ въ чемъ дѣло, г. меръ: въ нашей странѣ жилъ какой-то бѣднякъ по-имени Шанматье. Онъ былъ крайне бѣденъ; на него не обращали вниманія. Эти люди, Богъ ихъ знаетъ, гдѣ они живутъ. Ныѣшнюю осенью, этотъ Шанматье былъ арестованъ за воровство въ домѣ у... ну, да это все равно! дѣло въ томъ, ягъ было воровство

ство, еломанныя вѣтви, стѣна черезъ, которую перелѣзли. Моего Шанматье и арестовали. Вѣтка съ яблоками была еще у него въ рукахъ. Засадилъ бѣднягу. До сихъ поръ все это дѣло исправительной полиціи. Но вотъ, что дѣлаетъ Провидѣніе! Такъ-какъ тюрьма была не въ хорошемъ состояніи, то слѣдственный судья нашелъ лучшимъ переслать Шанматье въ тюрьму арраскую. Въ этой тюрьмѣ содержится, не знаю за что, бывшій каторжникъ Бреве, котораго слѣдали тутъ привратникомъ за хорошее поведеніе. Не успѣлъ Шанматье войти въ тюрьму, какъ Бреве закричалъ: «Э, да я знаю этого человѣка: это бывшій каторжникъ. Посмотри-ка на меня, любезный! Ты Жанъ Вальжанъ. «Жанъ Вальжанъ! Что это за Жанъ Вальжанъ?» Шанматье притворяется удивленнымъ. «Да ты не строй дурака» говоритъ Бреве: ты Жанъ Вальжанъ. Ты былъ на булонскихъ галерахъ двадцать лѣтъ назадъ. Мы были товарищами». Шанматье отпирается. Еще бы! Вы понимаете. Дѣло начинаютъ разузнавать. Вотъ что оказывается: этотъ Шанматье, лѣтъ тридцать назадъ, занимался подрѣзкою деревьевъ въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно въ Фавролѣ. Тутъ его слѣды пропадаютъ. Черезъ нѣсколько времени онъ появляется въ Овернѣ, потомъ въ Парижѣ, гдѣ, по его словамъ, онъ былъ колесникомъ, и имѣлъ дочь прачку—но это не доказано, — наконецъ въ здѣшней сторонѣ. Теперь, чѣмъ былъ Жанъ Вальжанъ, прежде ссылки на галеры? тоже подрѣзчикомъ деревьевъ. Гдѣ? Въ Фавролѣ. Другой фактъ. Имя этого Вальжана—Жанъ, а фамилія его матери Матье. Очень легко можетъ статься, что, выйдя съ галеръ, онъ прозвался Жанъ Матье. Отправляется онъ въ Овернь. Изъ Жана мѣстное произношеніе дѣлаетъ Шана, ну, его и начинаютъ называть Шанматье. Нашъ молодецъ не противорѣчитъ, и превращается въ Шанматье. Вы слѣдуете за мной, не правда-ли? Наводятъ справки въ Фавролѣ. Фамилія Жана Вальжана тамъ уже не существуетъ; неизвѣстно, куда она дѣлается. Вы знаете, въ этомъ классѣ фамиліи часто исчезаютъ. Продолжаютъ искать, но ничего не находятъ. Эти люди, когда не грязь, такъ пыль. А потомъ, такъ-какъ эта исторія началась за тридцать лѣтъ, то въ Фавролѣ не осталось никого, кто бы зналъ Жана Вальжана. Справляются въ Тулонѣ. Тамъ остались только два каторжника, видѣвшіе Жана Вальжана. Эти два вѣчно-ссылные Кошипаль и Шенльдо. Ихъ берутъ съ галеръ, и приводятъ въ Аррасъ. Имъ дѣлаютъ очную ставку съ мнимымъ Шанматье. Они не колеблются. Для нихъ, какъ и для Бреве, онъ Жанъ Вальжанъ. Тотъ же возрастъ—ему пятьдесятъ четыре года—тотъ же ростъ, тотъ же видъ, наконецъ тотъ же человѣкъ. Въ это самое время я послалъ свой доносъ парижскому префекту. Миѣ отвѣчаютъ, что я сошелъ съ ума, и что Жанъ Вальжанъ въ Аррасѣ въ рукахъ правосудія. Вы понимаете, какъ это удивляетъ меня, меня, думавшаго, что этотъ Жанъ Вальжанъ, здѣсь въ моихъ рукахъ. Я пишу г. слѣдственному судѣ. Онъ вызываетъ меня; ко миѣ приводятъ Шанматье.

— Ну, и... прервалъ Мадленъ.

Жаверъ, сохраняя печальное и неподкупное выраженіе, отвѣчалъ:
— Г. меръ, истина остается истиной. Мнѣ очень досадно, но Жанъ Вальжанъ именно тотъ человѣкъ. Я тоже узналъ его.

Мадленъ спросилъ почти шопотомъ:

— Вы увѣрены?

Жаверъ засмѣялся тѣмъ полнымъ грусти смѣхомъ, который вырывается изъ глубокаго убѣжденія:

— О, увѣренъ!

Онъ остался на минуту въ задумчивости, машинально пересыпая песокъ въ песочницѣ, стоявшей на столѣ, и потомъ прибавилъ:

— И теперь, когда я видѣлъ настоящаго Жана Вальжана, я даже не понимаю, какъ я могъ прежде думать со всѣмъ другое. Простите мнѣ, г. меръ.

Обращаясь съ этими, умоляющими словами, къ тому, кто, шесть недѣль тому назадъ, унизилъ его публично и сказалъ: «извольте выйти»—этотъ надменный человѣкъ, былъ, самъ того не зная, полонъ простоты и достоинства. Мадленъ отвѣчалъ на его просьбу быстрымъ вопросомъ:

— А что говорить этотъ человѣкъ?

— А, г. меръ, дѣло нехорошее. Если онъ дѣйствительно Жанъ Вальжанъ, то тутъ вторичное преступленіе. Перелѣзть стѣну, сломать вѣтку, украсть яблоки—въ ребенкѣ это шалость, въ взросломъ человѣкѣ это проступокъ, въ каторжникѣ—преступленіе. Воровство, насиліе, тутъ все есть. Тутъ ужъ не исправительная полиція, а ассизный судъ. Тутъ ужъ не нѣсколько дней тюрьмы, а вѣчная каторжная работа. А потомъ, и дѣло маленькаго саюзера, какъ я надѣюсь, тоже выплыветъ наружу. Чертъ возьми! Тутъ есть въ чемъ запутаться, не правда ли? Да, для всякаго другаго, только не для Жана Вальжана. Жанъ Вальжанъ хитеръ. Я и тутъ узнаю его. Другой бы почувствовалъ, что дѣло плохо; бѣсновался бы, кричалъ бы, не захотѣлъ бы быть Жаномъ Вальжаномъ, и прочее, а онъ, точно ничего не понимая, говоритъ себѣ: я Шанматье, да и полно! Онъ точно удивленъ, притворяется какимъ-то животнымъ, это гораздо выгоднѣе. О, это ловкій молодецъ! Но все равно: доказательства на лицо. Четыре человѣка признали его; стараго плута приговорять. Дѣло въ Арраскомъ судѣ. Я поѣду туда какъ свидѣтель. Меня вызвали.

Мадленъ, между тѣмъ, снова сѣлъ къ столу, взялъ бумаги и спокойно перелистывалъ ихъ, то надписывая, то читая, какъ занятый человѣкъ. Онъ обратился къ Жаверу:

— Довольно Жаверъ. Право, всѣ эти подробности мало интересуютъ меня. Мы теряемъ время, а у насъ есть спѣшныя дѣла. Жаверъ, вы отправитесь сейчасъ къ доброй старухѣ Бюзонье, продающей траву, на углу улицы святаго Сольва. Вы скажите ей, чтобы она подала жалобу, на извозчика Петра Шейлона. Этотъ человѣкъ едва не раздавилъ эту женщину и ея дитя. Онъ долженъ быть наказанъ. Потомъ вы пойдете къ господину Шарселю, въ улицѣ Montre-de-Champigny. Онъ жалуется, что изъ жолоба сосѣдняго дома,

вода течетъ на фундаментъ его дома, и портитъ его. Потомъ вы убѣдитесь въ нарушеніяхъ полицейскихъ законовъ, которые, какъ мнѣ доносили, случились у вдовы Дориссъ въ улицѣ Гибуръ, и у г-жѣ Рене-де-Боссе въ улицѣ Гарро Блакъ, и составите актъ. Но я вамъ даю слишкомъ много работы. Вѣдь вы ѣдете? Вы мнѣ, кажется, сказали, что вы отправляетесь въ Аррасъ по этому дѣлу черезъ восемь или десять дней.

— Гораздо раньше, г. меръ.

— Когда же?

— Но я, кажется, имѣлъ честь, докладывать вамъ, что дѣло это будетъ судиться завтра, и что я ѣду въ дилижансѣ сегодня ночью.

Мадленъ сдѣлалъ незамѣтное движеніе.

— А сколько времени будетъ продолжаться дѣло?

— День, никакъ не больше. Приговоръ будетъ произнесенъ не вѣже, какъ завтра ночью; но я не буду дожидаться этого произнесенія, потому что знаю напередъ, что преступникъ будетъ осужденъ. Я только дамъ свое показаніе, и возвращусь сюда.

— Хорошо,— сказалъ Мадленъ.

И онъ далъ Жаверу рукою знакъ уйти.

Жаверъ не уходилъ.

— Виноватъ, г. меръ, сказалъ онъ.

— Что еще? спросилъ Мадленъ.

— Г. меръ, я долженъ еще разъ напомнить вамъ одну вещь.

— Что такое?

— Что я долженъ быть исключенъ изъ службы.

— Жаверъ, вы честный человекъ, и я васъ уважаю. Вы преувеличиваете себѣ вашу вину. Эта обида, опять таки, только меня касается. Жаверъ, вы достойны повышенія, а не пониженія. Я хочу, чтобъ вы остались на вашемъ мѣстѣ.

Жаверъ посмотрѣлъ на Мадлена, своими ясными зрачками, въ глубинѣ которыхъ, казалось, видна была эта совѣсть малопросвѣщенная, но строгая и цѣломудренная, и сказалъ спокойнымъ голосомъ.

— Г. меръ, я не могу согласиться на это.

— Я вамъ повторяю, возразилъ Мадленъ, что это дѣло меня касается.

Но Жаверъ, внимательный къ своей единственной мысли, продолжалъ:

— Что касается до преувеличиванія, то я не преувеличаю. Вотъ какъ я разсуждаю. Я васъ не справедливо подозревалъ. Это-то ничего. Наша братья имѣетъ право подозревать, хотя подозревать вышшихъ себя—злоупотребленіе. Но я, безъ доказательствъ, въ припадкѣ гнѣва, съ цѣлью отмстить за себя, донесъ на васъ, на почтеннаго человека, на мера, на сановника! Это, важно, очень важно! Я оскорбилъ начальство въ вашемъ лицѣ, я—агентъ начальства! Еслибы одинъ изъ моихъ подчиненныхъ сдѣлалъ то, что я сдѣлалъ, то я объявилъ бы его недостойнымъ быть на службѣ, и выгналъ бы изъ нея. Итакъ, позвольте, г. меръ, сказать еще одно слово. Я не разъ

въ жизни былъ строгъ, строгъ къ другимъ. Такъ и слѣдовало. Я поступалъ хорошо. Теперь, еслибъ я не былъ строгъ къ самому себѣ, все, что я сдѣлалъ справедливаго, обратилось бы въ несправедливость. Развѣ я долженъ жалѣть себя, больше чѣмъ другихъ? Нѣтъ. Какъ! Значитъ я былъ годенъ только на то, чтобы наказывать другихъ, а не себя! Но я былъ бы негодяй! Не тѣ, которые говорятъ: «этотъ разбойникъ Жаверъ!» были бы правы! Г. меръ, я не желаю, чтобы вы благосклонно обращались со мною; ваша доброта уже довольно испортила мнѣ кровь, когда она относилась къ другимъ; я не хочу ее для себя. Доброта, которая состоитъ въ томъ, чтобы давать право публичной женщинѣ противъ гражданина, полицейскому агенту, противъ мера, тому кто стоитъ низко противъ того, кто стоитъ высоко, это я называю дурною добротою. Такая доброта разстраиваетъ общество. Поже мой! Добрымъ быть легко, справедливымъ трудно. О, еслибъ вы были тѣмъ, которымъ я считалъ васъ, я бы не былъ добръ къ вамъ! Вы бы посмотрѣли! Г. меръ, я долженъ поступить съ собою такъ, какъ поступилъ бы со всякимъ другимъ. Когда я ловилъ воровъ, когда наказывалъ мошенниковъ, я часто говорилъ самъ себѣ: смотри, если ты споткнешься, если я тебя поймаю когда нибудь, будь покоенъ! Я споткнулся, я поймалъ себя, тѣмъ хуже! Что жъ? Отставка, разжалованіе, исключеніе изъ службы; это хорошо. У меня есть рука, я буду обрабатывать землю, это мнѣ все равно. Г. меръ, польза службы требуетъ примѣра. Я просто прошу исключенія изъ службы надзирателя Жавера.

Все это было произнесено тономъ смиренія, гордости, отчаянія и убѣжденія, который придавалъ какое-то странное величіе этому человѣку.

— Мы увидимъ, — сказалъ Мадленъ.

И онъ протянулъ ему руку.

Жаверъ отступилъ и сказалъ суровымъ голосомъ:

— Извините меня г. меръ, но этого не должно быть. Меръ не протягиваетъ руки шпиону.

Онъ прибавилъ сквозь зубы:

— Шпиону, да; съ-тѣхъ-поръ, какъ я употребилъ во зло полицейскую власть, я ничто иное, какъ шпионъ.

Потомъ онъ низко поклонился, и направился къ двери.

Тамъ онъ снова обернулся, и, не подымая глазъ, сказалъ:

— Г. меръ, я буду продолжать служить до тѣхъ поръ, пока на мое мѣсто не назначать другаго.

И онъ вышелъ. Мадленъ остался въ задумчивости, прислушиваясь къ этимъ твердымъ и увѣреннымъ шагамъ, которые удалялись во плитахъ корридора.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

ДЕЛО ШАНМАТЬЕ.

І.

СЕСТРА СИМПЛІЦІЯ.

Провсшествія, о которыхъ мы расскажемъ теперь, не всё были известны въ М.—на—М. Но и то, что обнаружилось изъ нихъ, оставило въ этомъ городѣ такое воспоминаніе, что мы сдѣлали бы большего пробыла въ этой книгѣ, еслибы не рассказали ихъ въ малѣйшихъ подробностяхъ:

Въ этихъ подробностяхъ читатель встрѣтитъ два или три неправдоподобныя обстоятельства, о которыхъ мы упоминаемъ изъ уваженія къ истинѣ.

Въ день посѣщенія Жавера, Мадленъ пошелъ послѣ обѣда, по обаянностію, навѣститъ Фантиню.

Прежде чѣмъ войти къ ней, онъ попросилъ къ себѣ сестру Симплицію.

Двѣ женщины, ходившія за больными въ больницѣ, лазаристки, какъ и всѣ сестры милосердія, назывались: одна—сестра Перпетуя, другая—сестра Симплиція.

Сестра Перпетуя была точно первая встрѣчная поселанка, поступившая на службу къ Богу, какъ поступаютъ на мѣсто. Она была монахиня, какъ другая бываетъ кухаркой. Этотъ типъ не рѣдокъ. Невѣстскіе ордена охотно принимаютъ эту тяжелую сельскую посуду, легко обдѣлываемую въ навуцина или въ урсулнику. Эта деревенщина употребляется на грубыя работы необходимости. Сестра Перпетуя была толстая монахиня изъ Марина подѣ Мантуара, разговаривавшая на деревенскомъ нарѣчьи, читавшая псалмы, ворчливая, подсаживавшая лекарства, смотря по степени ханжества или лицемерію больного, грубая съ больными, суровая съ умиравшими, терзавшая предсмертную агонию молитвами, произносимыми съ гнѣвомъ, смѣломъ, честная и краснощіяя.

Сестра Симплиція была бѣла, какъ воскъ. Въ сравненіи съ сестрою Перпетуею, она была тоже, что восковая свѣча въ сравненіи съ сальной. Венсанъ-де-Поль удивительно обрисовалъ фигуру сестры милосердія этими чудными словами, къ которымъ онъ примѣшиваетъ столько свободы къ такой долѣ рабства: «Монастыремъ ихъ будетъ только домъ больныхъ, кельею—только наемная комната, часовнею—только церковь ихъ прихода, обителью—только городскія улицы или госпитальныя залы, оградю—только повинновеніе, рѣшеткою—только страхъ Божій, покровомъ—только скромность». Этотъ идеалъ былъ какъ живой въ сестрѣ Симплиціи. Никто не могъ бы опредѣлить, сколько ей лѣтъ; она никогда не была молода и, казалось, никогда не должна была состарѣться. Это была личность—мы не смѣ-

онъ сказать, женщина — кроткая, величавая, хорошо воспитанная, холодная и никогда не лгавшая. Она была такъ кротка, что казалась хрупкою, а, между, тѣмъ, была прочнѣе гранита. Она прикасалась къ несчастнымъ предельными, тонкими и нежными пальцами. Въ ея словахъ было, такъ сказать, молчаніе; она говорила какъ-разъ только, сколько было необходимо, и въ звукъ ея голоса было что-то такое, что могло бы наставительно подѣйствовать въ церкви, и очаровать въ гостиной. Это изящество уживалось съ толстымъ шерстянымъ платьемъ, находя въ этомъ грубомъ прикосновеніи постоянный призывъ неба и Бога. Обратимъ вниманіе на одну подробность. Отличительною чертою сестры Симплиціи было то, что она никогда не лгала, никогда не говорила, изъ какого то бы ни было интереса, или даже такъ, безъ всякаго интереса, хоть одного слова, которое бы не было истинной, самую святою истинной. Она была почти знаменита во всей конгрегаціи по этой невозмутимой правдивости. Аббать Сикаръ говоритъ о сестрѣ Симплиціи въ одномъ изъ своихъ писемъ къ глухому Массе. Какъ бы искренны и чисты мы ни были, но у каждаго изъ насъ, по этой чистотѣ, проходитъ царятина маленькой невинной лжи: у нея ничего подобнаго не было. Маленькая ложь, невинная ложь развѣ существуетъ? Ложь есть нѣчто безусловное. Мало лгать невозможно; кто лжетъ, тотъ лжетъ всю ложь; ложь — лице демона. У сатаны два имени: одно—сатана, другое — ложь.— Такъ Симплиція думала, и какъ думала, такъ и поступала. Отъ этого происходила та бѣлизна, о которой мы говорили,—бѣлизна, покрывавшая своимъ блескомъ даже ея губы и глаза. Ея улыбка была бѣла, ея взглядъ былъ бѣлъ. На стеклѣ этой совѣсти не было ни одной паутины, ни одной пылинки. Вступивъ въ орденъ Сенъ-Винсанъ-де-Поля, она выбрала имя Симплиціи по особеннымъ соображеніямъ. Симплиція Сицилійская, какъ извѣстно, та святая, которая, будучи родомъ изъ Сиракузъ, ни за что не хотѣла сказать, что она родилась въ Сегестѣ т. е. сказать—ложь, которая могла спасти ее, и лучше позволяла, чтобы ей вырвали обѣ груди. Эта святая приходилась ей по-душѣ.

Сестра Симплиція, при поступленіи въ монашество, имѣла два недостатка, отъ которыхъ она мало-по-малу отъ училась: она была падка на лакомства, и любила получать письма. Теперь она не читала ничего, кромѣ молитвенника, напечатаннаго по-латыни и крупными буквами. Она не понимала латинскаго языка, но понимала книгу.

Благочестивая дѣвушка полюбила Фантину, вѣроятно почувствовавъ въ ней скрытую добродѣтель, и посвятила себя исключительному ухаживанью за ней.

Мадленъ отвелъ въ сторону Симплицію и поручилъ ей смотрѣть за Фантиной, высказавъ это порученіе страннымъ тономъ, о которомъ сестра вспомнила уже послѣ.

Оставивъ сестру, онъ приблизился къ Фантинѣ.

Фантина каждый день ожидала появленія Мадлена, какъ ждуть луча теплоты и радости. Она говорила сестрамъ: Я живу только тогда, когда г. меръ здѣсь.

Въ этотъ день у нея была сильная лихорадка. Увидѣвъ Мадлена, она тотчасъ же спросила:

— А Козетта?

Онъ отвѣчалъ съ улыбкой:

— Скоро.

Мадленъ говорилъ съ Фантиною какъ обыкновенно; только на этотъ разъ, къ великому удовольствію ея, онъ присидѣлъ часъ, вмѣсто получаса. Онъ тысячу разъ просилъ всѣхъ ни въ чемъ не отказывать больной. Замѣтили, что была минута, когда лице его приняло очень мрачное выраженіе. Но это объяснилось, когда узнали, что докторъ наклонился къ его уху, и сказалъ:—она сильно опускается.

Потомъ онъ вошелъ въ свою канцелярію, и писарь видѣлъ, что онъ внимательно разсматривалъ дорожную карту Франціи, висѣвшую въ его кабинетѣ. Онъ написалъ карандашемъ на бумагѣ нѣсколько цифръ.

II.

Проницательность Скофлера.

Изъ канцеляріи онъ отправился на конецъ города, къ фламандцу Скофлеру, отдававшему въ наемъ лошадей и кабриолеты.

Чтобы дойти до этого Скофлера кратчайшимъ путемъ, ему слѣдовало пройти по малонаселенной улицѣ, гдѣ находился домъ священника того прихода, въ которомъ онъ жилъ. Священникъ этотъ, какъ говорили, былъ человекъ достойный, почтенный и дававшій хорошіе совѣты. Въ ту минуту, когда Мадленъ подошелъ къ этому дому, по улицѣ проходилъ только одинъ человекъ, и этотъ человекъ замѣтилъ слѣдующее: меръ, пройдя священнической домъ, остановился; нѣсколько минутъ оставался неподвижнымъ, потомъ снова вернулся, и дошелъ до дверей дома, на которыхъ былъ привѣшенъ желѣзный молотокъ. Онъ быстро схватился рукою за молотокъ, и приподнял его; потомъ снова остановился, снова какъ-будто впалъ въ задумчивость, и, послѣ нѣсколькихъ секундъ, тихо отнял руку отъ молотка и пошелъ впередъ поспѣшнѣе, чѣмъ шелъ до-сихъ-поръ.

Мадленъ засталъ Скофлера за починкою упряжи.

— Скофлеръ,--спросилъ онъ,--есть у васъ хорошая лошадь?

— Г. меръ, — отвѣчалъ фламандецъ, — всѣ мои лошади хороши.

Что вы называете хорошею лошадыю?

— Я называю лошадь, которая могла бы сдѣлать двадцать льѣ въ одинъ день.

-- Чортъ возьми!--сказалъ фламандецъ,--двадцать льѣ!

— Да.

— Съ кабриолетомъ?

— Да.

— А сколько времени будетъ она отдыхать послѣ этого конца?

— Нужно, чтобы она, на всякій случай, была готова отправиться въ дорогу на слѣдующій день.

— И опять сдѣлать такой же конецъ?

— Да.

— Чортъ возьми! чортъ возьми! И двадцать лье?

Мадленъ вынулъ изъ кармана бумагу, на которой были нѣтъ написаны цифры. Онъ показалъ ихъ фламандцу. Эти цифры были: 5, 6, 8¹/₂.

— Вы видите, — сказалъ онъ, — итого девятнадцать съ половиною, тѣ же, двадцать:

— Г. меръ, — отвѣчалъ фламандецъ, — у меня есть то, что вамъ нужно. Вы вѣрно видѣли мою маленькую бѣлую лошадь — это настоящій огонь. Во прежде хотѣли пустить подъ верхъ — какъ же! Она брикалась и вѣхъ валла о землю. Думали, что она съ поровомъ, и не знали, что съ ней дѣлать. Я запрятъ ее въ кабриолетъ. Этого то она и хотѣла; теперь она кротка какъ дѣвушка, и мчится какъ вѣтеръ. За то ужъ не вздумай къ ней на спину! Что жъ, кожан не въ ей конятихъ быть верховую лошадью? У всягда есть свое честолюбие. Должно быть, она сказала себѣ: «тащить — извольте, носить — ни за что».

— И она сдѣлаетъ этотъ конецъ?

— Сдѣлаетъ ваши двадцать лье, все крупною рысью, и меньше чѣмъ въ восемь часовъ. Но вотъ на какихъ условіяхъ...

— Говорите.

— Во-первыхъ, вы дадите ей часокъ вздохнуть на полдорогѣ; она поѣсть, а въ это время надо быть при ней, чтобы не позволять трактирной прислугѣ красть у нея овесъ, потому что я замѣтилъ, что въ гостинницахъ овесъ чаще пропивается конюхами, чѣмъ поѣдается лошадьми.

— Хорошо; за этимъ будутъ наблюдать.

— Во-вторыхъ... это собственно для васъ нуженъ кабриолетъ?

— Да.

— Вы умѣете править?

— Да.

— Ну, такъ вы потрудитесь ѣхать одни и безъ всякаго багажа, чтобы не обременять лошадь.

— Согласенъ.

— Въ-третьихъ, такъ-какъ вы будете одни, то ужъ возьмете на себя и трудъ самимъ наблюдать за овсомъ.

— Хорошо.

— Вы мнѣ заплатите тридцать франковъ въ день; за дни отдыха тоже заплатите. Ни гроша меньше, и кормъ на вашъ счетъ, г. меръ.

Мадленъ вынулъ три золотыхъ изъ кошелька, и положилъ ихъ на столъ.

— Вотъ за два дня впередъ.

— Въ-четвертыхъ, для подобной поѣздки кабриолетъ былъ бы слишкомъ тяжелъ и утомилъ бы лошадь. Нужно, чтобы вы согласились поѣхать въ маленькомъ тильбюри, который есть у меня.

— Согласенъ.

— Это экипажъ легкій, но открытый.

— Мнѣ все равно.

— Подумавъ ли вы, г. меръ, что у насъ теперь зима?

Мадленъ не отвѣчалъ; фламандецъ продолжалъ:

— Что очень холодно?

Мадленъ продолжалъ молчать.

Скофлеръ продолжалъ:

— Что можетъ пойти дождь?

Мадленъ поднималъ голову и сказалъ:

— Тильбюри и лошади должны быть у меня завтра утромъ въ шлюзовъ натаго.

— Слышно-съ, г. меръ, — отвѣчалъ Скофлеръ; потомъ, соскабливая ногтемъ пылинки, бывшее на столѣ, прибавилъ съ тѣмъ беззаботнымъ видомъ, который фламандцы такъ хорошо умѣютъ приписывать къ своимъ хитрымъ мыслямъ:

— Да, види, вотъ что; вы мнѣ и не сказали, куда вы ѣдете. Г. меръ, куда вы позволите отправляться?

Онъ только былъ этому и думалъ съ самаго начала разговора, но, самъ не зная почему, не смѣлъ предложить этотъ вопросъ.

— У вашей лошади хороши переднія ноги? — спросилъ Мадленъ.

— Да, г. меръ. Не только слѣдуетъ немного сдерживать на покато-стяхъ. Много ли покатоостей на той дорогѣ, по которой вы поѣдете?

— Не забудьте завтра ровно въ половине натаго, — сказалъ Мадленъ, и вышелъ.

Фламандецъ остался совершенно въ дуракахъ, какъ онъ самъ вотомъ рассказывалъ.

Прошло двѣ или три минуты съ тѣхъ поръ, какъ меръ вышелъ, когда дверь снова отворилась; это былъ опять меръ.

На лицѣ его было все то же безстрастное и озабоченное выраженіе.

— Скофлеръ, — сказалъ онъ, — во сколько вы цѣните тильбюри и лошади, которыхъ вы мнѣ отдаете на прокатъ?

— Вамъ угодно купить ихъ?

— Купить, нѣ; на всякій случай, я хочу ихъ вымѣ обозначить. Когда я возвращусь, вы мнѣ отдадите деньги. Во сколько вы цѣните экипажъ и лошадей?

— Въ пятьсотъ франковъ, г. меръ.

— Вотъ они.

Мадленъ положилъ на столъ банковый билетъ, потомъ вышелъ и, на этотъ разъ, больше не возвращался.

Скофлеръ страшно пожалѣлъ, что не спросилъ тысячи франковъ. Впрочемъ, лошадь и тильбюри стоили гуртомъ сто эку.

Фламандецъ позвалъ жену, и рассказалъ ей о томъ, что случилось. Куда это можетъ ѣхать меръ? Они стали соображать. — Онъ ѣдетъ въ Парижъ, сказала жена. — Не думаю, сказалъ мужъ. Мадленъ забралъ на каминѣ бумагу съ написанными цифрами. Фламандецъ взялъ ее и началъ разсматривать. — Пять, шесть, восемь съ половиной! Эти цифры, вѣроятно, означаютъ почтовые станции. — Онъ обратился къ жнѣ: — Я не знаю. — Какъ? — Отсюда пять льѣ до Гедена, отъ Гедена

шесть до Сен-Поля, отъ Сен-Поля восемь съ половиною до Арраса. Онъ ѣдетъ въ Аррасъ.

Между тѣмъ, Мадленъ вернулся домой. Возвращаясь, онъ пошелъ не прежней кратчайшей дорогой, какъ-будто дверь дома священника была для него искушеніемъ, котораго онъ старался избѣжать. Онъ вошелъ въ свою комнату, и заперся въ ней, что было очень обыкновенно, такъ какъ онъ любилъ ложиться рано. Однако привратница фабрики, бывшая въ то же время единственной служанкою Мадлена, замѣтила, что свѣтъ въ его окнѣ погасъ въ половинѣ девятого, и сказала объ этомъ кассиру, возвращавшемуся домой, прибавивъ:

— Не боленъ ли г. меръ? У него было какое-то странное лицо.

Этотъ кассиръ жилъ въ комнатѣ, какъ-разъ надъ тою, которую занималъ Мадленъ. Онъ не обратилъ вниманія на слова привратницы, легъ и заснулъ. Около полуночи онъ внезапно пробудился: ему послышался шумъ надъ головою. Онъ сталъ прислушиваться: въ верхней комнатѣ раздавались шаги, какъ-будто кто-нибудь ходилъ взадъ и впередъ. Кассиръ началъ вслушиваться внимательнѣе, и узналъ шаги Мадлена. Это показалось ему страннымъ: обыкновенно въ комнатѣ Мадлена была глубокая тишина до тѣхъ поръ, пока онъ не вставалъ. Черезъ минуту кассиръ услышалъ что-то, похожее на шумъ отворяемаго и затворяемаго шкафа; потомъ передвинулъ какую-то мебель; наступило минутное молчаніе, и ходьба возобновилась. Кассиръ привсталъ на постели, совершенно пробудился, посмотрѣлъ, и, сквозь окна своей комнаты, увидѣлъ на стѣнѣ противоположнаго дома красноватый отблескъ освѣщеннаго окна. Судя по направленію лучей, они могли выходить только изъ окна комнаты Мадлена. Отблескъ дрожалъ, какъ-будто онъ происходилъ скорѣе отъ большаго пламени, тѣмъ отъ свѣчи. Тѣнь отъ оконныхъ рамъ не обрисовывалась на стѣнѣ, что доказывало, что окно было открыто. Открытое окно въ такой холодъ не могло не удивить его. Кассиръ снова уснулъ, черезъ часъ или два онъ опять проснулся: тѣ же шаги, медленные и правильные, раздавались надъ его головою.

Отблескъ продолжалъ обрисовываться на стѣнѣ, но теперь онъ былъ блѣдный и спокойный, какъ отблескъ лампы или свѣчи. Окно оставалось открыто.

Вотъ что происходило въ комнатѣ Мадлена.

III.

Буря подъ черепомъ.

Читатель, безъ сомнѣнія, угадалъ, что Мадленъ никто иной, какъ Жанъ Вальжанъ.

Мы уже разъ смотрѣли въ глубину этой совѣсти; теперь намъ приходится взглянуть въ нее. Мы дѣлаемъ это не безъ волненія и трепета. Нѣтъ ничего страшнѣе, какъ этотъ родъ созерцанія. Глазъ разума не можетъ нигдѣ найти столько ослѣпительнаго и мрачнаго, какъ въ человѣкѣ; онъ не остановится ни на одной вещи страшнѣе, сложнѣе, таинственнѣе и безконечнѣе души человѣческой. Вѣсть зрѣ-

лице величественнаго моря; это—небо; есть зрѣлище величественнаго неба, это—внутренность души.

Написать поэму человѣческой совѣсти, совѣсти хотя бы одного человѣка, совѣсти самаго низкаго изъ людей, значило бы снать всѣ эпопеи въ одну высшую и окончательную эпопею. Совѣсть—это хаотическое смѣшеніе химеръ, желаній и покушеній, это горнило грезъ, пещера мыслей, которыхъ человѣкъ стыдится; это пандемоніумъ софизмовъ, это поле битвы страстей. Попробуйте иногда проникнуть сквозь блѣдное лице размышляющаго человѣка, и посмотрите въ это лице, посмотрите въ эту душу, посмотрите въ эту тѣноту: тутъ, подъ этимъ внѣшнимъ безмолвіемъ, вы увидите битвы гигантовъ какъ у Гомера, толпы драконовъ и гидръ и тучи привидѣній какъ у Милльтона, призрачныя спирали какъ у Данта. Мрачная вещь, это безконечное, которое каждый человѣкъ носитъ въ себѣ и на которомъ онъ измѣряетъ съ отчаяніемъ пожеланія своего мозга и дѣйствія своей души.

Алигieri встрѣтилъ однажды зловѣщую дверь, въ которую онъ колебался войти. Передъ нами тоже такая дверь, на порогѣ которой мы колеблемся. Войдемъ, однако.

Намъ мало остается прибавить къ тому, что читатель уже знаетъ о случившемся съ Жаномъ Гальжаномъ со времени приключенія Малютки-Жерве. Съ этой минуты, какъ мы видѣли, онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ. То, чего епископъ требовалъ отъ него, онъ исполнилъ. Это было болѣе чѣмъ преобразование, это было преображеніе.

Онъ успѣлъ скрыться, продалъ серебро епископу, оставивъ себѣ, какъ воспоминаніе, только подсвѣчники, пробирался изъ города въ городъ, прошелъ Францію, пришелъ въ М.—на—М., сдѣлалъ изобрѣтеніе, которое мы сказали, успѣлъ сдѣлать себя не доступнымъ и внѣ всякаго подозрѣнія, и съ тѣхъ поръ, поселясь въ М. на М., жилъ спокойный, успокоенный, надѣющійся и полный только двухъ мыслей: скрывать свое имя и освящать свою жизнь: убѣжать отъ людей, и возвратиться къ Богу.

Эти двѣ мысли были такъ тѣсно связаны въ его умѣ, что, образовавши какъ бы одну мысль, обѣ онѣ одинаково поглощали его, повѣдвали имъ и управляли его малѣйшими дѣйствіями. Обыкновенно онъ былъ согласенъ между собою въ этомъ управленіи: онъ обращалъ его къ уединенію; онъ дѣлалъ его благосклоннымъ и простымъ; онъ совѣтовалъ ему однѣ и тѣ же вещи. Иногда, однако, между ними происходилъ раздоръ. Въ этихъ случаяхъ, какъ читатели помнятъ, человѣкъ, котораго вся страна называла господиномъ Малленомъ, не колебался пожертвовать первою мыслью второй—своею безопасностью своей добродѣтели. Такъ, въ ущербъ всякой осторожности и всякому благоразумію, онъ сохранилъ подсвѣчники епископа, носилъ по немъ трауръ, звалъ къ себѣ и разспрашивалъ всѣхъ маленькихъ савояровъ, наволнлъ справки въ Фавролѣ и спасъ жизнь старку Фошлевану, несмотря на намеки Жавера. Казалось, какъ мы

уже заметили, что онъ, по примѣру всѣхъ мудрыхъ, святыхъ и праведныхъ, думалъ, что первый долгъ его заботиться не о себѣ.

Но, надо сказать правду, подобныя сплетенія никогда еще не случались.

Никогда еще двѣ идеи, управлявшія несчастнымъ человѣкомъ, котораго страданія мы рассказываемъ, не вступали въ такую серьезную борьбу; онъ понималъ это смутно, но глубоко, понималъ съ первыхъ словъ, произнесенныхъ Жаверомъ въ его кабинетѣ. Въ ту минуту, когда такъ странно произнесено было это имя, которое онъ скрывалъ такъ глубоко, имъ овладѣло глубокое изумленіе; онъ точно охваченъ отъ злобщей причудливости его судьбы, и сквозь это столбѣніе пробѣжалъ трепеть, предшествующій великимъ потрясеніямъ: онъ наклонилъ голову, какъ дубъ передъ бурей, какъ солдатъ передъ приступомъ; онъ почувствовалъ, что надъ головою его собираются тучи, полныя грома и молніи. Въ то время, какъ онъ слушалъ Жавера, первою мыслью его было встать, бѣжать, выдать себя, освободить этого Шанматъ изъ тюрьмы и самому заключиться въ нее; эта мысль причинила ему острую боль: точно ножъ пронелъ по живому тѣлу, потому что она прошла и онъ сказалъ себѣ: «полно, полно!» Онъ подавилъ въ себѣ это первое великодушное движеніе и отступилъ предъ героизмомъ.

Конечно, было бы прекрасно, еслибы, послѣ святыхъ словъ епископа, послѣ столькихъ годовъ раскаянія и самоотреченія, среди покаянія, такъ удивительно начатаго, этотъ человѣкъ, даже въ виду такого ужаснаго обстоятельства, ни на минуту не споткнулся и продолжалъ идти тѣмъ же шагомъ къ этой открытой безднѣ, въ глубинѣ которой было небо; это было бы прекрасно, но этого не было. Мы должны отдавать отчетъ обо всемъ, совершавшемся въ этой дуплѣ, и можемъ говорить только о томъ, что дѣйствительно было въ ней. Прежде всего этого душою овладѣлъ инстинктъ самосохраненія; онъ поспѣшно собрался съ мыслями, подавилъ волненіе, взглянулъ на присутствіе Жавера — эту великую опасность, отложилъ до времени, съ твердостью ужаса, всякое рѣшеніе, постарался забыть о томъ, что ему предстояло дѣлать, и снова возвратилъ себѣ спокойствіе, какъ боецъ подымаетъ свой щитъ.

Остальную часть дня онъ провелъ въ этомъ положеніи, съ бурей внутри и глубокимъ спокойствіемъ наружу; онъ принялъ только тѣ мѣры, которыя можно бы назвать охранительными. Всѣ мысли его были еще смутны и толкали одна другую; смятеніе въ его мозгу было таково, что онъ немогъ отчетливо различить формы ни одной идеи; и самъ онъ могъ сказать о себѣ только то, что ему былъ нанесенъ большой ударъ. Онъ, по обыкновенію, отправился къ кровати Фантины, и остался тамъ дольше, по инстинкту доброты, говоря себѣ, что такъ слѣдовало дѣйствовать и что нужно было поручить ее попеченію сестеръ на случай, еслибъ ему пришлось отлучиться. Онъ смутно чувствовалъ, что придется, можетъ быть, ѣхать въ Аррасъ, и, видя мало не рѣшившись на это путешествіе, говорилъ себѣ, что

онъ, стоявшему унѣ доваго доверѣнія, не было опасно быть свѣтло-денъ того, что произошло, и онъ манялъ у Скофлера тильбюри, чтобы быль остороженъ на всякій случай.

Онъ разоблачалъ съ аппетитомъ.

Войдя въ свою комнату, онъ собрался съ мыслями.

Онъ обдумывалъ свое положеніе и началъ его неслышаннымъ, до такой степени неслышаннымъ, что, среди своей залучивости, до какого-то почти непонятному влеченію безпокойства, онъ металъ в заперъ дверь на замокъ; онъ боялся, чтобы не вошелъ еще кто нибудь. Онъ заперся отъ возможности чего-нибудь.

Минуту спустя послѣ этого, онъ залуль свѣчу: она безпокоила его.

Ему казалось, что оно могло видѣть.

Кто могъ?

Увы! то, чего онъ не хотѣлъ пустить въ свою комнату вѣщо; то, что она хотѣла ослѣпить, смотрѣло на него; это была его совѣсть.

Его совѣсть, то есть Богъ.

Однако, въ первую минуту онъ захотѣлъ обмануть себя; онъ поудустворвалъ себя въ безопасности и одиночества; затворивъ дверь на замокъ, онъ подумалъ, что его нельзя схватить; загасивъ свѣчу, онъ считалъ себя невидимымъ. Тогда онъ овладѣлъ собою, облокотился на столъ, положилъ голову на руки и, окруженный мракомъ, началъ размышлять.

«Что со мною? Не гражу ли я? Что мнѣ сказали? На самомъ ли дѣлѣ я видѣлъ этого Жавера и онъ такъ говорилъ мнѣ? Кто этотъ Шанмагъ? Значитъ онъ похожъ на меня? Возможно ли это? Когда я подумаю, что вчера я былъ такъ спокоенъ и не подозревалъ ничего этого, Что я дѣлалъ вчера въ это время? Что это за приключеніе? Какъ оно развяжется? Что дѣлать?...»

Вотъ какіе вопросы водновали его, Мозгъ его потерялъ силу удерживать мысли; онъ проходилъ какъ волны, и онъ сжималъ руками лобъ, чтобы удержать ихъ.

Изъ этого смятенія, которое переворачивало его волю и его разумъ, и въ которомъ онъ хотѣлъ почерпнуть какой-нибудь ясный отвѣтъ и какое-нибудь рѣшеніе, не выдѣлалось ничего, кромѣ тоскливаго безпокойства.

Голова его горѣла. Онъ подошелъ къ окну, и настежь раскрылъ его. На небѣ не было звѣздъ. Онъ вернулся къ столу, и снова сѣлъ.

Такъ прошелъ первый часъ,

Мало-по-малу, однако, блѣдныя очертанія начали образовываться въ его умѣ, и онъ могъ различить съ точностью дѣйствительности, если не дѣлае свое положеніе, то нѣкоторыя подробности его.

Онъ началъ сознавать, что какъ ни необыкновенно и затруднительно было его положеніе, онъ все-таки былъ полнымъ господиномъ его.

Его остолбенѣніе только увеличилось отъ этого.

Независимо отъ строгой и религіозной пѣли, къ которой онъ стремился, все, что онъ дѣлалъ до-сихъ-поръ было имъ что иное, какъ

яна, которую онъ рылъ для того, чтобы закопать въ ней свое имя. Въ тѣ часы, когда онъ обращался самъ къ себѣ, въ безсонныя ночи свои, онъ больше всего страшился услышать когда нибудь произнесеніе своего имени; онъ говорилъ себѣ, что для него это будетъ копейка всего, что въ тотъ день, когда это имя снова появится, онъ разобьетъ свою новую жизнь, и, кто знаетъ, даже можетъ быть, свою новую душу. Онъ дрожалъ отъ одной мысли о возможности этого. Конечно, еслибы въ одну изъ этихъ минутъ кто нибудь сказалъ ему, что настанетъ часъ, когда это имя снова раздается въ его ухахъ, когда эти ненавистные слова «Жанъ Вальжанъ» вдругъ выйдутъ изъ тьмы и встанутъ передъ нимъ, когда этотъ страшный свѣтъ, сдѣланный для того, чтобы разсвѣять тайну, которой онъ окружалъ себя, внезапно заблещетъ надъ его головою, и что это имя не будетъ угрожать ему, что этотъ свѣтъ произведетъ только болѣе густой мракъ, что этотъ разодранный покровъ только увеличитъ тайну, что это землетрясеніе упрочитъ зданіе, воздвигнутое имъ, что этотъ чудовищный случай, если онъ, Мадленъ, того пожелаетъ—только сдѣлаетъ его существованіе болѣе яснымъ и въ то же время болѣе непроницаемымъ, и что изъ его очной ставки съ призракомъ Жана Вальжана, добрый и достойный буржуа Мадленъ выйдетъ болѣе почтеннымъ, болѣе спокойнымъ и болѣе уважаемымъ, чѣмъ когда-либо; еслибъ кто-нибудь сказалъ ему это, онъ покачалъ бы головою, и счелъ бы такія слова безумными. И что же? Все это дѣйствительно случилось, все это сплетеніе невозможныхъ вещей было фактомъ, и Богъ позволялъ, чтобы эти безумныя вещи сдѣлались вещами дѣйствительными!

Грезы его начинали проясняться. Онъ болѣе и болѣе отдавалъ себѣ отчетъ въ своемъ положеніи.

Ему казалось, что онъ пробудился отъ какого-то непонятнаго сна, и что онъ скользилъ по какой-то покатости, ночью, дрожа, тщетно стараясь отступить, на краю бездны.

Онъ ясно различалъ во мракѣ какого-то незнакомца, человека, котораго судьба принимала за него и толкала въ бездну на его мѣсто. Для того, чтобы эта бездна закрылась, надо было, чтобы одинъ изъ нихъ упалъ въ нее.

Ему оставалось только оставить все на произволъ судьбы.

Мракъ совершенно разсѣялся, и онъ сознался себѣ, что мѣсто его на галерахъ было не занято, что, что бы ни дѣлалъ, оно все ждало его, что воровство у Малютки-Жерве звало его туда, что это незанятое мѣсто будетъ ждать и тащить его къ себѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не явится туда, и что этой роковой судьбы избѣжать невозможно. Потомъ онъ говорилъ себѣ: что въ эту минуту другой замѣнилъ его мѣсто: что этотъ дурной жребій выпалъ на долю какому-то Шанматье, и что ему, Жану Вальжану, находящемуся теперь на галерахъ въ лицѣ этого Шанматье и находящемуся въ обществѣ подъ именемъ господина Мадлена, нечего было больше бояться, лишь бы онъ не мѣшалъ людямъ прикрѣпить къ головѣ этого Шанматье

тотъ камень позора, который, также какъ и камень гробницы, падаетъ одинъ только разъ, и больше не подымается.

Все это было такъ стремительно и такъ странно, что въ немъ внезапно произошелъ тотъ родъ неописаннаго движенія, котораго ни одинъ человѣкъ не испытываетъ болѣе двухъ или трехъ разъ въ жизни, тотъ родъ судорогъ совѣсти, которыя потрясаютъ все, что есть въ сердцѣ сомнительнаго, которыя состоятъ изъ ироніи, радости и отчаянія, и которыя можно назвать взрывомъ внутренняго хота.

Онъ быстро зажегъ свѣчу.

— Ну, сказалъ онъ, чего я боюсь? Чего я такъ думаю объ этомъ? Вотъ я и спасенъ! Все кончено. У меня была только одна полуоткрытая дверь, сквозь которую мое прошедшее могло ворваться въ мою жизнь; теперь эта дверь заложена камнемъ, на-всегда! Этотъ Жаверь, который такъ давно смущаетъ меня, этотъ страшный инстинктъ, который, казалось, угадалъ меня—да, чертъ возьми, угадалъ, и который повсюду слѣдовалъ за мной, эта ужасная охотничья собака, дѣлавшая всегда стойку надо мною, этотъ Жаверь теперь сбить съ толку, занять другимъ дѣломъ, совершенно сбить съ дороги! Теперь онъ доволенъ, теперь онъ меня оставитъ въ покоѣ, онъ поймалъ своего Жана Вальжана! Какъ знать, да и очень вѣроятно, что онъ захочетъ оставить городъ. И все это сдѣлалось безъ меня! И я тутъ не при чемъ! Что же однако? Что въ этомъ несчастнаго? Кто бы меня ушиблъ теперь, подумалъ бы, право, что сомной случилась катастрофа! Какъ бы то ни было, если тутъ и пострадаетъ ктонибудь, то это не моя вина. Все это устроило Провидѣніе. Значитъ, оно хочетъ этого! Развѣ я имѣю право разстраивать то, что оно устроило? Чего я хочу теперь? Во что я вмѣшиваюсь? Это меня не касается. Какъ! и я недоволенъ! Да что жъ мнѣ еще нужно? Цѣль, къ которой я стремился столько лѣтъ, сонъ моихъ ночей, предметъ моихъ молитвъ къ небу, безопасность, эта цѣль мною достигнута! Самъ Богъ хочетъ этого. Я не могу идти противъ воли Божіей. А для чего Богъ хочетъ этого? Для того, чтобы я продолжалъ то что началъ, чтобы я дѣлалъ добро, чтобы я когда-нибудь сдѣлался великимъ и одобряющимъ примѣромъ, чтобы, наконецъ, хоть малая доля счастья присоединилась къ этому покаянію, которое я перенесъ, и къ этой добродѣтели, къ которой я возвратился! Право, я не понимаю, отчего я побоялся сегодня войти къ этому доброму священнику, и рассказать ему все какъ духовнику, и попросить у него совѣта; онъ бы, конечно, сказалъ мнѣ тоже самое. Рѣшено, пусть будетъ что будетъ! Пусть будетъ воля Божія!

Такъ онъ говорилъ въ глубинѣ своей совѣсти, наклоненный надъ тѣмъ, что можно бы назвать его собственною бездною. Онъ всталъ со стула и началъ ходить по комнатѣ.—Ну сказалъ онъ, Перестанемъ думать объ этомъ. Я твердо рѣшился!—Но онъ не чувствовалъ никакой радости.

Напротивъ того.

Мыслимъ точно также трудно, помѣнать возвращаться къ уму, какъ

морю къ берегу. Матросъ называетъ это приливомъ; для преступника это угрызенія совѣсти. Вогъ волнуется душу, также какъ и океанъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, какъ онъ ни крѣпился, а снова началъ этотъ мрачный разговоръ, въ которомъ онъ говорилъ и онъ же слушалъ, прозвоня вслухъ то, о чемъ онъ хотѣлъ бы умолчать, слушая то, чего онъ не хотѣлъ бы слышать, поддаваясь той таинственной силѣ, которая говорила ему: «думай!»—также точно, какъ, двѣ тысячи лѣтъ назадъ, она говорила другому осужденному: «иди!»

Прежде чѣмъ рассказывать дальше, и чтобы насъ совершенно поили, остановимся на одномъ необходимомъ замѣчаніи.

Несомнѣнно, что люди говорятъ сами съ собою; нѣтъ ни одного мыслящаго существа, которое не испытало бы этого. Можно даже сказать, что слово становится самою великолѣпною тайною тогда, когда оно совершаетъ путь въ душѣ человѣка отъ мысли къ совѣсти, и обратно отъ совѣсти къ мысли. Только въ этомъ смыслѣ нужно понимать слова, часто употребляемыя въ этой главѣ: «онъ сказалъ, онъ вскричалъ»; люди говорятъ съ собою, вскрикиваютъ про себя, не нарушая при этомъ внѣшняго молчанія. Въ душѣ совершается большое смѣтеніе, все говоритъ въ насъ, исключая рта. Дѣйствительность души, хотя невидима и неоощаема, тѣмъ не менѣе дѣйствительность.

И такъ онъ спросилъ себя, въ какомъ положеніи дѣло. Онъ освѣдомился у себя объ этомъ «принятомъ рѣшеніи.» Онъ признался самъ себѣ, что все то, что онъ рѣшилъ въ своемъ умѣ, было чудовищно; что предоставить вещи ихъ собственному теченію, предоставить все на волю Божию было просто ужасно. Допустить, чтобы эта ошибка судьбы и людей не разъяснилась, не помѣшала ей, помогать ей своимъ молчаніемъ, ничего наконецъ не сдѣлать, значило все сдѣлать! Это была послѣдняя степень лицемѣрной низости! Это было преступленіе, низкое, подлое, хитрое, гнусное, отвратительное!

Въ первый разъ за послѣднія восемь лѣтъ, несчастный человѣкъ почувствовалъ горькій вкусъ дурной мысли и дурнаго поступка.

Онъ выплюнулъ эту горечь съ отвращеніемъ.

Онъ продолжалъ спрашивать себя. Онъ строго спросилъ себя, что понималъ онъ подъ словами: «моя цѣль достигнута!» Онъ объявилъ себѣ, что дѣйствительно имѣлъ цѣль въ жизни. Но какую цѣль? Обманывать полицію? Неужели же, все что онъ сдѣлалъ, было сдѣлано для такой маленькой вещи? Неужели у него не было другой цѣли! настоящей, великой? Цѣли спасти не свою личность, но свою душу. Сдѣлаться снова добрымъ и честнымъ. Быть праведникомъ! Развѣ не этого преимущественно, не этого единственно онъ всегда хотѣлъ, развѣ не это завѣщалъ ему епископъ? Затворить дверь своему прошедшему? Но, Боже мой, онъ не закрывалъ ее! Онъ только открывалъ ее, совершая низкое дѣло! Но вѣдь онъ снова дѣлался воровъ, и самымъ отвратительнымъ изъ воровъ! Онъ крадъ у другого его существованіе, его жизнь, его спокойствіе, его мѣсто подъ солнцемъ! Онъ становился убійцею! Онъ убивалъ, нравственно убивалъ

вечного человека, онъ обрекалъ его на страшную смерть, каково, эту смерть подъ открытымъ небомъ, которая называется депортеи! Напротивъ того, выдать себя, спасти этого человека, порешившаго такое мрачною ошибкой, взять свое прежнее имя, снова сдѣлаться по долгу Жаномъ Вальжаномъ — вотъ что значило довернуть свое воскресеніе, вотъ что значило затворить навсегда дверь котораго онъ выходилъ! Упасть въ него повидному, значило войти изъ него на самомъ дѣлѣ! Надо было сдѣлать это. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то онъ ничего не сдѣлалъ. Вся его жизнь оказывается бесполезной, все раскаяніе его пропало. Онъ чувствовалъ, что епископъ подлѣ него, что онъ тѣмъ болѣе подлѣ него, что его уже нѣтъ на свѣтѣ, что епископъ пристально смотрѣлъ на него, что съ этихъ поръ меръ Мадленъ со всѣми его добродѣтелями сдѣлается ненавистнымъ епископу, а каторжникъ Жанъ Вальжанъ будетъ въ глазахъ его чистъ и достоинъ удивленія. Онъ чувствовалъ, что люди видѣли его маску, но что епископъ видѣлъ лицо его; что люди видѣли его жизнь, но что епископъ видѣлъ его совѣсть. Надо было, значитъ, ѣхать въ Аррасъ, освободить мнимаго Жана Вальжана, довести на престолъ. Увы! Это была самая большая жертва, самая мучительная побѣда, самый послѣдній шагъ; но надо было рѣшиться. Горестная судьба! Онъ только тогда сдѣлается святымъ въ глазахъ Бога, когда покроетъ себя позоромъ въ глазахъ людей!

— Ну! сказала онъ — рѣшусь, исполню свой долгъ!

Онъ промолвѣлъ эти слова въ-слухъ, не замѣчая, что говорилъ въ слухъ.

Онъ взялъ свои книги, повѣрилъ ихъ и привелъ въ порядокъ. Онъ бросилъ въ огонь кучу заемныхъ писемъ, которыя онъ имѣлъ на некоторыхъ мелкихъ торговцахъ, находившихся въ стѣснительномъ положеніи. Онъ написалъ письмо, запечаталъ его, и, еслибы кто-нибудь былъ въ этой комнатѣ, то прочелъ бы на немъ слѣдующій адресъ: «Господину Лафитту, банкиру, въ улицѣ Артуа въ Парижѣ».

Онъ вынулъ изъ бюро портфель, въ которомъ лежало нѣсколько банковыхъ билетовъ и паспортъ, служившій ему въ этомъ самомъ году, когда онъ ѣздилъ на выборы.

Кто бы посматрѣлъ на него въ то время, когда онъ совершалъ всѣ эти дѣла, къ которымъ примѣшивалось такое серьезное размышленіе, не догадался бы о происходившемъ въ немъ. Только по временамъ губы его двигались; по временамъ также онъ поднималъ голову, и устремлялъ взглядъ на какое-нибудь мѣсто въ стѣнѣ, какъ будто бы тамъ было что-нибудь, что онъ хотѣлъ спросить или уяснить себѣ.

Окончивъ письмо къ Лафитту, онъ положилъ его вмѣстѣ съ портфелемъ въ карманъ, и снова началъ ходить.

Его размышленіе шло все по той же дорогѣ. Онъ продолжалъ ясно видѣть свой долгъ, написанный огненными буквами, постоянно дававшими передъ его глазами: «Ступай, скажи свое имя, донеси себѣ!»

Передъ его глазами были также двѣ мысли, управившія до-сиху поръ его жизнью: скрывать свое имя, освящать свою душу; эти мысли теперь точно двигались передъ нимъ и имѣли осязательныя формы. Въ первый разъ еще онѣ являлись ему совершенно отчетливо обозначенныя; и онъ видѣлъ различіе между ними. Онъ сознавалъ, что одна изъ этихъ мыслей была безусловно добрая, между тѣмъ какъ другая могла сдѣлаться дурною; что одна—преданность, а другая—личность; что одна говорила: *блжсній*; а другая: *я*; что одна исходила изъ свѣта, а другая изъ тьмы.

Мысли эти боролись между собою. Онъ видѣлъ эту борьбу. По мѣрѣ того, какъ онъ размышлялъ, онѣ принимали большіе размѣры въ глазахъ его ума; теперь онѣ были колоссами, и ему казалось, что внутри его, въ этомъ безконечномъ, о которомъ мы только что говорили, среди мрака и свѣта происходитъ борьба между какой-то богиней и какою-то гигантшей.

Онъ былъ полонъ ужаса, но ему казалось, что мысль добрая одерживаетъ побѣду.

Онъ чувствовалъ, что наступаетъ другая рѣшительная минута его совѣсти и судьбы; что епископъ отмѣтилъ первую фазу его новой жизни; а этотъ Шанматье — вторую. Послѣ большого перелома — большое испытаніе.

Между тѣмъ лихорадочное состояніе, на минуту утихнувшее, мало-по-малу снова возвращалось; тысяча мыслей проходили въ немъ, но всѣ онѣ продолжали укрѣплять его въ принятомъ рѣшеніи.

Была минута, когда онъ сказалъ себѣ, что, можетъ быть, ужъ онъ принимаетъ слишкомъ горячо это дѣло, что этотъ Шанматье совсѣмъ не интересная личность; что, какъ ни говори, а онъ все-таки поймавъ въ воровствѣ.

Онъ отвѣчалъ себѣ на это: Если этотъ человѣкъ дѣйствительно украсть нѣсколько яблокъ, то онъ долженъ быть присужденъ къ мѣсячному тюремному заключенію. Отъ такого наказанія до галеръ далеко. Да и какъ знать? воровалъ ли онъ? доказано ли это? Имя Жана Вальжана обвиняетъ его, и, кажется, устраняетъ необходимость доказательствъ. Развѣ королевскіе прокуроры не дѣйствуютъ обыкновенно такимъ образомъ? Его считаютъ воромъ потому, что знаютъ его, какъ каторжника.

Въ другую минуту пришло ему на умъ, что если онъ донесетъ на себя, то, можетъ быть, примутъ во вниманіе героизмъ его поступка, и честную семилѣтнюю жизнь его, и то, что онъ сдѣлалъ для страны—и помилуютъ его.

Но это предположеніе скоро исчезло и онъ горько улыбнулся, подумавъ, что воровство сорока су у Малютки-Жерве дѣлало его человѣкомъ, вторично послѣ наказанія совершившимъ преступленіе, что это дѣло непременно выльветъ наружу и что, по точной статьѣ закона, онъ долженъ быть осужденъ за него на вѣчную каторжную работу.

Онъ отбросилъ отъ себя всякую иллюзію, больше и больше началъ

отрѣшется отъ земли и искать утѣшенія и силы въ другомъ мѣстѣ; Онъ сказалъ себѣ, что необходимо было исполнить свой долгъ; что даже, можетъ быть, исполнивъ этотъ долгъ, онъ сдѣлается счастливымъ, чѣмъ уклонившись отъ него; что, если онъ предоставитъ вещи ихъ собственному теченію, если останется въ М.-на-М., то уваженіе, которымъ онъ пользуется, его добрая слава, добрыя дѣла, милосердіе, богатство, популярность, добродѣтель, будутъ постоянно направлены преступленіемъ, а какой же вкусъ могутъ имѣть всѣ эти святыя вещи, связанныя съ такою отвратительною вещью? А напротивъ того, если онъ принесетъ жертву, то къ каторгѣ, позорному столбу, къ кандаламъ, къ зеленому колпаку, къ безуспѣшной работѣ, къ безжалостному позору, примѣшается нѣчто божественное!

Наконецъ онъ сказалъ себѣ, что необходимость очевидна, что судьба его уже такъ устроена, что не въ его власти было разрушать предопредѣленіе свыше, что во всякомъ случаѣ надо было выбирать: или добродѣтель извнѣ и зло внутри, или святость внутри и позоръ извнѣ.

Углубленіе въ столькія мрачныя мысли не ослабляло его бодрости, но утомляло его мозгъ. Онъ начиналъ невольно думать о другихъ вещахъ, о вещахъ постороннихъ.

Артеріи сильно бились въ вискахъ его. Онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ. Полночь пробилъ сначала на приходской церкви, потомъ на ратушѣ. Онъ сосчиталъ двѣнадцать ударовъ на тѣхъ и другихъ часахъ и сравнилъ звонъ однихъ съ другими. Онъ вспомнилъ по этому случаю, что, нѣсколько дней тому назадъ, онъ видѣлъ у одного торговца желѣзомъ старый колоколъ, на которомъ были вычеканены слова: «Антоній Албенъ де-Роменвиль».

Ему сдѣлалось холодно. Онъ затопилъ каминъ и не подумалъ затворить окно.

Потомъ имъ снова овладѣло прежнее глубокое изумленіе. Онъ долженъ былъ сдѣлать довольно-большое усиліе, чтобы вспомнить о чемъ онъ думалъ въ то время, когда часы начали бить. Наконецъ онъ вспоминалъ.

— Ахъ да—сказалъ онъ—я рѣшился донести на себя.

Тутъ вдругъ онъ вспомнилъ о Фантинѣ.

— Да, сказалъ онъ—а эта бѣдная женщина!

При этомъ обнаружился новый переломъ.

Фантина, внезапно появившись среди его размышленій, будто прорѣзала на нихъ лучи неожиданнаго свѣта. Ему показалось, что все измѣнилось вокругъ него, и онъ вскричалъ:

— Что же это, однако? Вѣдь я до-сихъ-поръ обсуждалъ только себя, я думалъ только о томъ, что собственно до меня касается. Молчать ли мнѣ или донести на себя, скрыть свою личность или спасти свою душу, быть сановникомъ презрѣннымъ и уважаемымъ или каторжникомъ, презираемымъ и почтеннымъ—все это касается меня, собственно меня, исключительно меня! Но, Воже мой, вѣдь это эгоизмъ! Это различныя формы эгоизма, но это эгоизмъ! Надо, вѣдь, одумать и о другихъ! Первое святое дѣло думать о другихъ. Обсу-

дѣла на дѣло. Если меня не будетъ, если и буду уничтоженъ, забьтъ, что изъ всего этого выйдетъ? Положимъ, я донесу на себя. Что тогда? Меня берутъ, этого Шаншате выпускаютъ, меня посылаютъ на галерею, ну хорошо, а потомъ? Что будетъ здѣсь? А, здѣсь есть горель, фабрики, промышленное занятіе, рабочіе, мужчины, женщины, старики, дѣти, бѣдные люди! Все это создалъ я, и все это жить мною; вездѣ, гдѣ только выходитъ изъ трубы дымъ, я положить дрова въ печку и мясо въ кострюлю; и создалъ благосостояніе, обращеніе капиталовъ, кредитъ; до меня не было ничего, я подкапывалъ, ошенивалъ, воодушевлялъ, омолодотворялъ, обогатилъ всю страну; не будетъ меня—не будетъ и души всего этого. Уйду я—все умретъ. А эта женщина, которая столько страдала, въ паденіи которой есть столько заслугъ, и которой я причинилъ столько зла совершенно поволью! А это дитя, за которымъ я хотѣлъ ѣхать, котораго я объщала матери! Развѣ я не долженъ сдѣлать что-нибудь и для этой женщины, въ вознагражденіе всего зла, которое я ей причинилъ? Если я исчезну, что случится? Мать умретъ, дитя сдѣлается чужимъ, пропадетъ. Вѣтъ что произойдетъ, если я донесу на себя. Ну, а если я не донесу? Да, если я не донесу?

Предложивъ себѣ этотъ вопросъ, онъ остановился, и на минуту, какъ будто колебался и задрожалъ; но эта минута продолжалась на долю, и онъ спокойно отвѣчалъ себѣ:

— Ну, тогда этотъ человекъ пойдетъ на галерею, это правда, но, чертъ возьми, вѣдь онъ все-таки укралъ! Какъ я ни говорю себѣ, что онъ не укралъ, а это все-таки случилось! Тогда я остаюсь здѣсь, и продолжаю начатое. Черезъ десять лѣтъ я зарабатываю десять миліоновъ, распространяю ихъ по всей странѣ, не оставляю себѣ ничего... да что мнѣ за дѣло? Я не для себя работаю! Благосостояніе всѣхъ возрастаетъ, промышленность пробуждается и оживляется, фабрики и заводы размножаются, семейства, сотни семействъ, тысячи семействъ—счастливы; народонаселеніе страны увеличивается; тамъ, гдѣ были фермы, образуются села, гдѣ не было ничего, образуются фермы, нищета исчезаетъ, а съ нищетою исчезаетъ развратъ, распутство, воровство, убійство,—всѣ пороки, всѣ преступленія! И эта бѣдная мать воспитываетъ свое дитя! И цѣлая страна богата и счастлива! Да, я былъ безуменъ, я былъ нелѣпъ, когда рѣшился донести на себя. Нѣтъ, надо дѣйствовать осторожно и не вдругъ рѣшиться. Какъ! донести на себя, только потому, что мнѣ угодно показаться великодушнымъ и великимъ! Да, это ничто иное, какъ мелодрама! Из-за того, что я подумаю только о себѣ, объ одномъ себѣ только для того, чтобы спасти отъ наказанія, можетъ быть, слишкомъ строгаго, но, въ основаніи своемъ справедливаго, какого-нибудь ворышку,—изъ за этого цѣлая страна должна погибнуть, бѣдная женщина должна околотъ въ госпиталѣ, бѣдная малютка должна околотъ на мостовой, какъ собака! О, да это ужасно! И мать не увидитъ свое дитя, и дитя почти не будетъ знать своей матери! И все это изъ за стараго Мошеенника, укравшаго яблоки и который, ужъ

фирно заслужилъ каторгу, если не этимъ, такъ другимъ какимъ-нибудь дѣломъ. Славная щекотливость, спасающая стараго бродягу, которому не долго уже осталось жить на свѣтѣ и который въ каторгѣ не будетъ несчастливѣе, чѣмъ въ своей лачужкѣ, и приносящая жертву цѣлое населеніе, матерей, женъ, дѣтей! А эта бѣдная маленькая Козетта, у которой нѣтъ на свѣтѣ никого, кромѣ меня, и которая въ эту минуту, вѣроятно, дрожитъ отъ холода въ трущобѣхъ лихъ Тенардье! Вотъ еще каналы! И я нарушу всѣ свои обязанности въ отношеніи ко всѣмъ этимъ бѣднымъ существамъ! И я пойду къ себѣ! И ясдѣлаю эту нечѣпость! Предположимъ самое худшее. Предположимъ, что это будетъ дурнымъ дѣломъ съ моей стороны и что моя совѣсть когда-нибудь упрекнетъ меня за него; прити на себя, для блага другаго, эти упреки, падающіе только на меня, это дурное дѣло, компрометирующее только мою душу—вотъ въ чемъ состоитъ преданность, вотъ что называется добродѣтелью.

Онъ всталъ, и началъ снова ходить по комнатѣ. На этотъ разъ ему показалось, что онъ доволенъ.

Брильянты можно найти только въ глубинѣ земли; истины отыскиваются, только въ глубинѣ мысли. Ему казалось, что сойдя въ эту глубину, побродивъ долго ощупью въ самой мрачной тѣмѣ ея, онъ наконецъ нашелъ одинъ изъ этихъ брильянтовъ, одну изъ этихъ истинъ и что онъ держалъ ее въ своихъ рукахъ; и видъ ея ослѣпляетъ его.

— Да—думалъ онъ—это такъ. Я отыскалъ истину. Я рѣшилъ дѣло. Надо же наконецъ на что-нибудь рѣшиться. Я рѣшился. Пусть будетъ, что будетъ. Не стану колебаться, не стану отступать больше. Этого требуетъ интересъ всѣхъ, а не мой. Я Мадленъ, я остаюсь Мадленомъ. Горе тому, кто Жанъ Вальжанъ! Оцъ больше не я. Я не знаю этого человѣка; я не знаю больше, кто онъ такой, и если кто-нибудь окажется теперь Жаномъ Вальжаномъ, пусть дѣлаетъ какъ захочетъ! Это меня не касается. Это роковое имя, плавающее во тѣмѣ; если оно остановится и падетъ на чью-нибудь голову, тѣмъ хуже для этой головы!

Онъ посмотрѣлся въ маленькое зеркало, стоящее на каминѣ и сказалъ:

— Каково! Принятое рѣшеніе облегчило меня! Я теперь совсѣмъ другой.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, потомъ вдругъ остановился:

— Ну,—сказалъ онъ—не нужно останавливаться ни передъ однимъ изъ послѣдствій принятаго рѣшенія. Есть еще нити, связывающія меня съ этимъ Жаномъ Вальжаномъ—надо разорвать ихъ. Въ этой самой комнатѣ есть предметы, которые могли бы обвинить меня, тѣмныя вещи, которыя могли бы быть моими свидѣтелями, нужно, чтобы все это исчезло.

Онъ вошарилъ въ карманѣ, вынулъ изъ него кошелекъ, и досталъ изъ него маленькій ключъ.

Онъ всунулъ этотъ ключъ въ замокъ, который былъ едва видѣнъ

потому-что находился въ самомъ темномъ рисункѣ обоевъ, покрывавшихъ стѣну. Потайной ящикъ открылся; это былъ родъ шкапика; устроеннаго между угломъ стѣны и колпакомъ каминна. Въ этомъ ящикѣ лежали старыя отрепья: блуза изъ синяго полотна, старыя брюки, старая сумка и толстая сучковатая палка, окованная желѣзомъ съ обѣихъ концовъ. Тѣ, которые видѣли Жана Вальжана въ то время, когда онъ проходилъ черезъ Д.—въ октябрѣ 1815 года, легко бы узнали всѣ части этого жалкаго костюма.

Онъ сохранилъ ихъ, какъ сохранилъ серебрянныя подсвѣчники, чтобы всегда вспоминать о своей точкѣ отправленія. Только онъ пряталъ все, что осталось у него отъ галерѣ и оставалъ наружу подсвѣчники, доставшіеся отъ епископа.

Онъ бросилъ бѣглый взглядъ на дверь, какъ будто боялся, чтобы она не открылась, несмотря на замокъ; потомъ быстро и порывисто, не взглянувъ даже на эти вещи, которыя онъ такъ долго, такъ набожно и съ такою опасностію хранилъ у себя, онъ схватилъ все —рубища, палку, сумку и бросилъ все въ огонь.

Потомъ онъ закрылъ шкапикъ, и удвоивъ предосторожности, теперь безполезныя, такъ какъ шкапъ былъ пустъ, приставилъ къ дверцамъ его какую-то большую мебель.

Черезъ нѣсколько секундъ, комната и стѣна противоположнаго дома освѣтились краснымъ и дрожащимъ отблескомъ. Все горѣло; сучковатая палка трещала и бросала искры на самую середину комнаты.

Изъ сумки, вмѣстѣ съ которой горѣли отвратительныя тряпки, лежавшія въ ней, выпала какая-то вещь, блестящая въ пеплѣ. Наклонясь къ ней, легко было бы узнать, что это серебрянная монета. Безъ сомнѣнія сорокъ су, украденныя у маленькаго савояра.

Онъ не смотрѣлъ на огонь, и ходилъ по комнатѣ все тѣмъ же самымъ шагомъ.

Вдругъ глаза его упали на серебрянныя подсвѣчники, блѣдно блестяшіе на каминѣ при свѣтѣ огня.

— О, сказалъ онъ; вѣдь весь Жанъ Вальжанъ въ нихъ. Надо истребить и это.

Онъ взялъ оба подсвѣчника.

Въ каминѣ было довольно огня для того, чтобы быстро растопить ихъ и сдѣлать изъ нихъ неузнаваемый слитокъ.

Онъ наклонился къ огню и съ минуту погрѣлся. Онъ ощутилъ истинное довольство.—Славная теплота! сказалъ онъ.

Онъ помѣщалъ угли однимъ изъ подсвѣчниковъ.

Виде минута, и они были бы въ огнѣ.

Въ это мнровеніе, ему показалось, что какой-то голосъ кричитъ внутри его:—Жанъ Вальжанъ! Жанъ Вальжанъ!

Волосы его встали дыбомъ; онъ сталъ похожъ на человѣка, слушающаго что то страшное.

— Да—говорилъ этотъ голосъ—доканчивай! довершай начатое! Истребляй эти подсвѣчники! Уничтожай это воспоминаніе! Забудь епископа! Забудь все! Погуби этого Шанматье! Все это отлщчно. Апллю-

друпъ себя! Итакъ, это кончено, рѣшено; итакъ, этотъ человѣкъ, этотъ старикъ, не знающій чего хотѣть отъ него, ничего можетъ быть не сдѣлавшій, этотъ невинный, несчастіе котораго составляетъ твое имя, на которомъ имя твое таготивъ какъ преступленіе, этотъ человѣкъ будетъ взять вмѣсто тебя, будетъ приговоренъ, окончатъ свои дни, попрытій позоромъ и ужасомъ—отлично! А ты будь честнымъ человѣкомъ, оставайся господниномъ меромъ, оставайся почтеннымъ и почти гаемымъ, обогащай городъ, корми нищихъ, живи счастливымъ, добродѣтельнымъ и любимымъ; а въ это самое время, между тѣмъ, какъ ты будешь окруженъ свѣтомъ и радостью, другой будетъ ходить въ твоей красной курткѣ, будетъ носить твое позорное имя и влачить твою галерную цѣпь! Да, ты славно устроилъ! О негодай!

Потъ катился съ его лба. Онъ смотрѣлъ на подсвѣчники диними глазами, между тѣмъ внутренній голосъ его не умолкалъ. Онъ продолжалъ говорить:

«Какъ Вальжанъ! вокругъ тебя будутъ раздаваться много громкихъ голосовъ; они будутъ благословлять тебя, и тутъ же будетъ другой голосъ, котораго никто не услышитъ и который будетъ проклинать тебя во мракѣ. Слушай же, низкій человѣкъ! Всѣ эти благословенія упадутъ на землю прежде, чѣмъ долетятъ на небо, и только проклятіе донесется къ Богу!»

Этотъ голосъ, сначала слабый и поднившійся въ самой мрачной глубинѣ его совѣсти, теперь, мало-по-малу, дѣлался страшнымъ и оглушительнымъ, и раздавался уже подлѣ его уха. Ему казалось, что этотъ голосъ вышелъ изъ него самого и теперь говорилъ въѣ его. Последние слова раздался въ ухахъ его такъ отчетливо, что онъ посмотрѣлъ вокругъ себя съ какимъ-то ужасомъ.

— «Кто здѣсь есть?» спросилъ онъ въ слухъ, точно потерянный.

Потомъ онъ продолжалъ со смѣхомъ, похожимъ на смѣхъ идюта:

«Какъ я глупъ! вѣдь здѣсь не можетъ быть никого.

Здѣсь былъ кто-то; но этотъ свидѣтель не былъ изъ тѣхъ, которыхъ глазъ человѣческой можетъ видѣть.

Онъ поставилъ подсвѣчники на каминъ.

Потомъ онъ снова началъ ходить тѣми однообразными и печальными шагами, которые смущали сонъ человѣка, спавшаго въ нижней комнатѣ.

Эта ходьба облегчала его и, въ то же время, оглушала. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять совершенно потерялся.

Теперь онъ съ одинаковымъ ужасомъ отступалъ передъ обоними рѣшеними, принятыми имъ поочередно. Обѣ идеи, совѣтовавшія ему, казались теперь гибельными.—Какое роковое проишествіе! Быть изверженнымъ именно тѣмъ, что Провидѣніе, казалось, употребило сначала для его укрѣпленія!

Была минута, когда онъ взглянулъ въ будущее. Воже мой! Донести на себя! предать себя! Онъ подумалъ съ безмѣрнымъ отчаяньемъ обо всемъ, что приходилось ему оставить, обо всемъ, что приходилось снова взять. Итакъ, нужно было сказать прости такому хорошему

му, чистому, свѣтлому существованію, всеобщему уваженію, чести, свободѣ! Онъ не будетъ больше прогуливаться по полямъ, не будетъ больше слушать, въ майскую пору, пѣнья птицъ, не будетъ больше подавать милостыни дѣтямъ! Онъ не почувствуетъ больше сладости взглядовъ благодарности и любви, устремленныхъ на него! Онъ оставитъ этотъ домъ, посроенный имъ, оставитъ эту маленькую комнату! Все это казалось ему теперь прелестнымъ. Онъ не будетъ больше читать этихъ книгъ, не будетъ больше писать на этомъ маленькомъ столѣ изъ бѣлаго дерева. Его старая привратница, единственная служанка его, не будетъ больше по утрамъ приносить ему кофе! Боже мой! Въмѣсто всего этого каторга, кандалы, красная куртка, цѣпь на ногѣ, усталость, тюрьма, деревянная постель—всѣ эти знакомые ужасы! И это въ его годы, послѣ того, чѣмъ онъ сдѣлался теперь! Еслибъ еще онъ былъ молодъ! Но въ старости слушать, какъ первый встрѣчный говоритъ тебѣ ты, получать палочные удары, ставить босыя ноги въ водбитыя желѣзными гвоздями башмаки! Протягивать утромъ и вечеромъ ногу молотку дежурнаго, обходящаго каторжныхъ! Быть предметомъ любопытства посѣтителей, которымъ станутъ говорить: «вотъ это знаменитый Жанъ Вальжанъ, бывшій меромъ въ М.-на-М.»! Вечеромъ, обливаясь потомъ, падая отъ усталости, съ зеленымъ копакомъ на глазахъ, всходить подъ плетью сержанта по лѣстницѣ плавучихъ галерей! О, какой ужасъ! Неужели же судьба можетъ быть такъ же зла, какъ разумное существо, и дѣлаться чудовищною, какъ сердце человеческое!

И какъ онъ ни усиливался, а все возвращался къ мучительной дилеммѣ, бывшей въ глубинѣ его мысли: остаться въ раю — и сдѣлаться въ немъ демономъ! остаться въ аду — и сдѣлаться въ немъ ангеломъ!

Что дѣлать, великій Боже! Что дѣлать?

Мучительное состояніе, изъ котораго онъ вышелъ—было съ такимъ трудомъ, снова разразилось внутри его. Его мысли начали путаться между собою; онѣ получали тотъ машинальный и, такъ сказать остолебенѣвшій характеръ, который свойственъ отчаянію. Имя Романвиля безпрестанно приходило ему на умъ вмѣстѣ съ двумя стихами пѣсни, которую онъ когда-то слышалъ. Онъ вспоминалъ, что Романвиль — маленькій лѣсъ подлѣ Парижа, въ которомъ молодые влюбленные рвутъ сирень весною.

Колебаніе происходило, и внѣ, и внутри его. Онъ ходилъ какъ маленькое дитя, которое пущено безъ няньки и не крѣпко держится на ногахъ.

По временамъ, борясь съ своею усталостью, онъ дѣлалъ усиліе, чтобы снова овладѣть своимъ разсудкомъ; онъ старался еще разъ, и окончательно, предложить себѣ проблему, надъ которой онъ, такъ сказать, упалъ отъ изнеможенія. Донести ли на себя? молчать ли? Онъ не могъ ничего видѣть отчетливо. Смутныя формы всѣхъ разсужденій, набросанныхъ его размышленіемъ, дрожали и разлетались дымомъ одна за другой. Только онъ чувствовалъ, что какое рѣше-

нѣ ни приметъ онъ, что-нибудь непременно умретъ въ немъ. Онъ чувствовалъ, что и съ правой, и съ лѣвой стороны у него гробница; что съ нимъ совершалась агонія: агонія его счастья, или агонія его добродѣтели.

Увы! вся его нерѣшимость снова овладѣла имъ. Онъ не ушелъ дальше, чѣмъ былъ сначала.

IV.

ФОРМЫ, ПРИНЯТЫЯ СТРАДАНЬЕМЪ ВО ВРЕМЯ СНА.

Три часа пробило, когда онъ упалъ на стулъ, пробывъ пять часовъ въ постоянномъ движеніи.

Онъ уснулъ, и видѣлъ сонъ.

Этотъ сонъ произвелъ на него большое впечатлѣніе; этотъ кошмаръ такъ поразилъ его, что въ послѣдствіи времени онъ записалъ его. Бумага эта дошла до насъ. Мы считаемъ долгомъ буквально списать ее.

Какое бы ни былъ этотъ сонъ, исторія этой ночи была бы неполна, еслибъ мы не упомянули о немъ. Онъ—мрачное приключеніе больной души.

Вотъ это описаніе. На конвертѣ написаны слова: *сонъ, который я видѣлъ въ ту ночь.*

«Я былъ въ загородномъ мѣстѣ, печальномъ мѣстѣ, гдѣ не росла трава, мнѣ казалось, что не было ни дня, ни ночи.

«Я прогуливался съ моимъ братомъ, братомъ моихъ дѣтскихъ годовъ, этимъ братомъ, о которомъ я никогда не думаю, и котораго почти не помню.

«Мы разговаривали и встрѣчали гуляющихъ. Мы говорили о ссѣдкѣ, бывшей у насъ когда-то и которая работала всегда при открытомъ окнѣ. Въ то время, какъ мы разговаривали, намъ было холодно отъ этого открытаго окна.

«Въ этомъ загородномъ мѣстѣ не было деревьевъ.

«Мимо насъ проѣхалъ человѣкъ: онъ былъ голъ; кожа его была пепельнаго цвѣта, и ѣхалъ онъ на лошади цвѣта земли. У этого человѣка не было волосъ; намъ видѣнъ былъ его черепъ и жилы на черепѣ. Въ рукѣ онъ держалъ палочку, гибкую какъ виноградная лоза и тяжелую какъ желѣзо. Этотъ всадникъ проѣхалъ мимо насъ, и не сказалъ намъ ни слова.

«Братъ сказалъ мнѣ: пойдѣмъ по ямистой дорогѣ.

«Тутъ шла дорога, на которой не было ни одного кустарника, ни одного кусочка мха. Все, даже небо, было цвѣта земли. Пройдя нѣсколько шаговъ, я замѣтилъ, что мнѣ не отвѣчаютъ больше на мои слова. Я увидѣлъ, что братъ мой не былъ уже подлѣ меня.

«Какое-то селеніе представилось моимъ глазамъ. Я вошелъ въ него. Я подумалъ, что это селеніе должно быть Роменвилъ (почему Роменвилъ?)

«Первая улица, въ которую я вошелъ, была пустынна. Я вошелъ во вторую улицу. За угломъ, образуемымъ обѣими улицами, какой-

то человекъ стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ. Я спросилъ у этого человека:—какъ называется эта страна? гдѣ я? Человекъ не отвѣчалъ. Я увидѣлъ, что въ одномъ домѣ отперта дверь, и вошелъ туда.

«Въ первой комнатѣ не было никого. Я вошелъ во вторую. За дверью этой комнаты стоялъ человекъ, прислонившись къ стѣнѣ. Я спросилъ у этого человека: чей это домъ? гдѣ я? Человекъ не отвѣчалъ. При домѣ былъ садъ.

«Я вышелъ изъ дому, и вошелъ въ садъ. Въ саду не было никого. За первымъ деревомъ я увидѣлъ человека, стоявшаго прислонясь къ нему. Я сказалъ этому человеку: какой это садъ? Гдѣ я? Человекъ не отвѣчалъ.

«Я пошелъ бродить по селу и замѣтилъ, что это былъ городъ. Всѣ улицы были пустынные, всѣ двери были открыты. Ни одно живое существо не проходило по улицамъ, не расхаживало по комнатамъ, не прогуливалось въ садахъ. Но за каждымъ угломъ стѣны, за каждою дверью, за каждымъ деревомъ стоялъ молчаливый человекъ. Эти люди смотрѣли на меня въ то время, когда я проходилъ мимо нихъ.

«Я вышелъ изъ города, пошелъ по полямъ.

«Черезъ нѣсколько времени я обернулся и увидѣлъ большую толпу, слѣдовавшую за мною. Я узналъ въ нихъ всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ видѣлъ въ городѣ: у нихъ были странные головы; они, казалось, не спѣшили, а, между тѣмъ, шли скорѣе меня. Они шли неслышною походкой. Въ одну минуту эта толпа настигла и окружила меня. Лица этихъ людей были землянаго цвѣта.

«Тогда тотъ, котораго я прежде другихъ увидѣлъ въ городѣ, сказалъ мнѣ:—куда вы идете? Развѣ вы не знаете, что вы давно умерли?

«Я раскрылъ ротъ, чтобы отвѣчать, и замѣтилъ, что вокругъ меня никого не было».

Онъ проснулся. Ледяной холодъ покрывалъ члены его. Холодный вѣтеръ двигалъ рамами окна, оставшагося открытымъ. Огонь въ каминѣ потухъ. Свѣча догорала. До разсвѣта было еще далеко.

Онъ всталъ и подошелъ къ окну. На небѣ все еще не было звѣздъ.

Изъ своего окна онъ могъ видѣть дворъ дома и улицу. Сухой и рѣзкій стукъ, вдругъ раздавшійся на мостовой, заставилъ его посмотрѣть внизъ.

Онъ увидѣлъ надъ собою двѣ красныя звѣзды, лучи которыхъ дѣлались то длиннѣе, то короче.

Такъ-какъ мысли его еще не пришли въ совершенную ясность, то онъ подумалъ:—Вотъ что! Звѣздъ теперь нѣтъ на небѣ, онѣ на землѣ.

Но скоро эта неясность разсѣялась; второй стукъ, подобный первому, совершенно разбудилъ его, онъ посмотрѣлъ и увидѣлъ, что эти двѣ звѣзды были—фонари экипажа. При свѣтѣ ихъ, онъ могъ различить форму этого экипажа. Это былъ тильбюри, запряженный маленькою бѣлою лошадыю. Стукъ, который онъ слышалъ, происходилъ отъ ударовъ копытъ о мостовую.

«Что это за экипажъ?—спросилъ онъ самъ себя.—кто это ѣдетъ въ такую пору?»

Въ эту минуту кто-то легко постучался въ дверь его комнаты. Онъ задрожалъ съ ногъ до головы, и закрычалъ страшнымъ голосомъ:
— Кто тутъ?

Кто-то отвѣчалъ:

— Я, г. меръ.

Онъ узналъ голосъ своей старой привратницы.

— Что вамъ?—спросилъ онъ,—что случилось?

— Г. меръ, пять часовъ.

— Мнѣ что за дѣло?

— Г. меръ, кабриолетъ прѣехалъ.

— Какой кабриолетъ?

— Тильбюри.

— Какой тильбюри?

— Развѣ вы не приказывали ему прѣхать?

— Нѣтъ.

— Кучеръ говоритъ, что онъ прѣехалъ за вами.

— Какой кучеръ?

— Кучеръ г. Скофлера.

— Скофлера!...

Это имя заставило его вздрогнуть, какъ-будто молнія ему сверкнула въ лицо.

— Ахъ, да,—сказалъ онъ,—Скофлеръ!...

Вѣдлая старуха видѣла его въ эту минуту, она бы пришла въ ужасъ. Наступило довольно долгое молчаніе. Онъ какъ-то бессмысленно смотрѣлъ на пламя свѣчи, отрывалъ горячій воскъ и вертѣлъ его между пальцами. Старуха ждала. Черезъ нѣсколько минутъ она осмѣлилась снова возвысить голосъ:

— Г. меръ, что прикажете отвѣчать?

— Скажите, что хорошо и что я сейчасъ сойду.

V.

Препятствія.

Почтовое сообщеніе между Аррасомъ и М.—на—М. производилось въ то время маленькими мальпостами временъ имперіи. Эти мальпосты были кабриолеты на двухъ колесахъ, обитые внутри рыжею кожей, съ рессорами и только двумя мѣстами: однимъ для почтара, другимъ для пассажира. Колеса были снабжены тѣми длинными оборонительными ступицами, которыя держатъ другіе экипажи въ довольно-далекомъ разстояніи и до-сихъ-поръ встрѣчаются на дорогахъ Германіи. Ящикъ для писемъ, продолговатый и безмѣрно большой, былъ устроенъ сзади кабриолета. Этотъ ящикъ былъ выкрашенъ черной, а кабриолетъ желтою краской.

Въ ночь, о которой мы рассказываемъ, мальпостъ, ѣхавшій въ М. на М. по дорогѣ изъ Гедена, зацѣпилъ, при въѣздѣ въ городъ, на поворотѣ въ улицу, маленькій тильбюри, запряженный бѣлою лошадейю, который выѣзжалъ изъ города и въ которомъ сидѣлъ только одинъ человѣкъ, завернутый въ плащъ. Колесо тильбюри получило

довольно сильный толчок. Почтальонъ крикнулъ этому челоѣвку остановиться, но тотъ не послушалъ его, и продолжалъ нуть крупною рысью.

— Видно, этому челоѣвку чертовски некогда, — сказалъ почтальонъ.

Челоѣкъ, торопившійся такимъ образомъ, былъ тотъ самый, который только-что испытывалъ передъ нами мученія, конечно, достойныя всякаго сожалѣнія.

Куда онъ ѣхалъ? онъ самъ не могъ бы отвѣчать на этотъ вопросъ. Для чего онъ торопился? онъ самъ не зналъ этого. Онъ ѣхалъ, куда глаза глядятъ. Куда? Безъ сомнѣнія, въ Аррасъ; но, можетъ быть, и въ другое мѣсто. По временамъ, онъ это чувствовалъ, и вздрагивалъ. Онъ углублялся въ ночную тьму, какъ въ бездну. Что-то толкало его, что-то привлекало къ себѣ. Что происходило въ немъ—этого не выскажетъ никто, но поймутъ всѣ. Какой челоѣкъ хоть одинъ разъ въ жизни не входилъ въ эту мрачную пещеру невѣстности?

Впрочемъ, онъ ни на что не рѣшился, ни на чемъ не остановился, ничего не сдѣлалъ; совѣсть его не произнесла никакого окончательнаго приговора. Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, онъ находился въ такомъ же положеніи, какъ въ первую минуту.

Для чего онъ ѣхалъ въ Аррасъ?

Онъ повторялъ себѣ то же, что говорилъ, ванимая у Скеелера кабріолетъ, то есть, что каковъ бы ни былъ результатъ, для него было несомненно взглянуть собственными глазами, быть свидѣтелемъ дѣла; что это было даже благоразумно и что надо было узнать, какъ все произойдетъ; что нельзя было ни на что рѣшиться, не сдѣлавъ прежде наблюдений; что издавѣка каждая точка кажется горомъ; что, когда онъ увидитъ этого Шанматье, вѣроятно, какого-нибудь негодяя, то совѣсть его, можетъ быть, получитъ облегченіе и позволить ему пустить этого челоѣвка на галеры на свое мѣсто; что, правда, тамъ будутъ Жаверъ и эти Вреве, Шенильде и Кошпаль, бывшіе каторжники, которые знали его, но что они, конечно, теперь не узнаютъ его; что Жаверъ очень далекъ отъ этой мысли; что всѣ предположенія и подозрѣнія устремлены на этого Шанматье и что не можетъ быть ничего упрямѣе предположеній и подозрѣній; что, значитъ, не было никакой опасности.

Онъ говорилъ себѣ, что, конечно, положеніе его было крайне мрачное въ эту минуту, но что онъ выйдетъ изъ него; что судьба его, въ какую бы дурную сторону она ни захотѣла измѣниться, была въ его рукахъ; что онъ былъ господиномъ ея. Онъ цѣплялся за эту мысль, и старался не оторваться отъ нея.

Сказать правду, онъ лучше бы хотѣлъ не ѣхать въ Аррасъ.

И, между тѣмъ, ѣхалъ.

Предаваясь размышленіямъ, онъ, въ то же время, не переставалъ погонять лошадь, бѣжавшую тою правильной и крупной рысью, съ которою можно дѣлать двѣ съ половиною лье въ часъ.

По мѣрѣ того, какъ кабріолетъ подвигался впередъ, онъ чувствовалъ, что внутри его что-то отступало.

Съ разсвѣтомъ онъ былъ въ чистомъ полѣ; М.—на—М. остался далеко позади его. Онъ смотрѣлъ на начинавшій бѣлѣть горизонтъ; передъ глазами его проходили всѣ холодные образы зимней зари; онъ смотрѣлъ на нихъ и не видѣлъ ихъ. У утра есть свои привидѣнія, какъ и у вечера. Онъ не видѣлъ ихъ, но эти черныя силуэты деревьевъ и холмовъ, вслѣдствіе какого-то почти физическаго проникновенія, прибавляли къ мучительному состоянію души его что-то мрачное и зловѣщее.

Каждый разъ, когда онъ проѣзжалъ мимо одного изъ уединенныхъ домиковъ, стоявшихъ по краямъ дороги, онъ говорилъ себѣ: «въ этихъ домикахъ, однако, живутъ люди, которые могутъ спать!»

Шаги лошади, звуки бубенчиковъ, стукъ колесъ производили тихій и однообразный шумъ. Эти вещи прелестны, когда человекъ бодръ, и мрачны, когда онъ печаленъ.

Было уже довольно поздно, когда онъ пріѣхалъ въ Геденъ. Онъ остановился передъ постояльцмъ дворомъ, чтобы дать вздохнуть лошади и покормить ее овсомъ.

Эта лошадь была, какъ сказалъ Скофлеръ, изъ той мелкой булонской породы, у которой большая голова, большой животъ, но малый ростъ, открытая грудь, широкій хребетъ, сухія и тонкія ноги и крѣпкіе ступни, породы уродливой, но сильной и здоровой. Лошадь Мадлена сбѣжала пять лье въ два часа и на спинѣ ея не было ни капли пота.

Онъ не выѣзъ изъ тильбюри. Конюхъ, принесшій овесъ, вдругъ наклонился и сталъ осматривать лѣвое колесо.

— Далеко ли изводите ѣхать?—спросилъ этотъ человекъ.

Мадленъ, почти не выходя изъ задумчивости, отвѣчалъ:

— А что?

— Издалека ли ѣдете?

— За шесть лье.

— А!

— Отчего вы говорите: а!

Конюхъ снова наклонился, съ минутою помолчалъ, не подымая глазъ отъ колеса, и потомъ сказалъ:

— Да вотъ колесо, которое, очень можетъ быть, сбѣжало пять лье, но которое, ручаюсь вамъ, не проѣдетъ больше и четверти лье.

Мадленъ соскочилъ съ тильбюри.

— Что вы говорите, другъ мой?

— Я говорю, что вы какимъ-то чудомъ проѣхали пять лье, не вывалившись, вмѣстѣ съ лошадыю, въ какой-нибудь ровъ на большой дорогѣ. Посмотрите сами.

Колесо, дѣйствительно, было сильно повреждено: толчокъ мальпоста сломалъ двѣ спицы и надломалъ ступицу, гайка которой не держалась больше.

— Другъ мой,—сказалъ онъ конюху,—есть здѣсь колесникъ?

— Конечно, есть.

— Потрудитесь, пожалуйста, позвать его.

— Онъ въ двухъ шагахъ отсюда. Эй, Бургалъръ!

Колесникъ Бургалъяръ стоялъ на порогѣ своей двери; онъ подошелъ, осмотрѣлъ колесо и сдѣлалъ такую гримасу, какую дѣлаетъ хирургъ, осматривающій сломанную ногу.

— Можете ли вы сейчасъ же починить это колесо?

— Могу.

— Когда могу я снова отправиться?

— Завтра.

— Завтра!

— Тутъ на цѣлый день работы. Развѣ вамъ къ спѣху?

— Очень къ спѣху. Я долженъ уѣхать, по-крайней-мѣрѣ, чрезъ часъ.

— Невозможно.

— Я заплачу все, что хотите.

— Невозможно.

— Ну, такъ черезъ два часа.

— Невозможно; до завтра. Нужно сдѣлать двѣ новыя спицы и ступицу. Раньше завтрашняго дня вамъ нельзя ѣхать.

— Дѣло, по которому я ѣду, нельзя отложить до завтра. Нельзя ли, вмѣсто того, чтобъ починять это колесо, замѣнить его новымъ?

— Какъ это?

— Вѣдь вы колесникъ?

— Колесникъ.

— Не можете ли вы мнѣ продать колесо? Тогда я сейчасъ бы уѣхалъ.

— Новое колесо?

— Да.

— У меня нѣтъ колеса, которое бы пришлось къ вашему кабриолету. Два колеса составляютъ пару. Два неровныя колеса не могутъ идти вмѣстѣ.

— Такъ продайте мнѣ пару.

— Не всѣ колеса приходятся ко всѣмъ осямъ.

— Попробуйте, однако.

— Это совершенно бесполезно, сударь. У меня есть только телѣжныя колеса. У насъ вѣдь мѣсто нелюдное.

— Не можете ли вы дать мнѣ напрокатъ кабриолетъ?

Колесникъ съ перваго взгляда узналъ, что этотъ тильбюри былъ наемный экипажъ. Онъ пожалъ плечами.

— Вы славно отдѣлываете экипажи, которые берете напрокатъ. Да еслибъ у меня и былъ кабриолетъ, я бы не далъ вамъ его.

— Ну, продайте.

— Нѣтъ у меня.

— Какъ, ни одной телѣжки? Вы видите, что я не разборчивъ.

— Нѣтъ въ нашемъ мѣстечкѣ ничего. Есть, правда, у меня старая коляска, отданная мнѣ на сохраненіе однимъ городскимъ буржуа. Я, пожалуй, отдалъ бы вамъ ее напрокатъ, да только какъ бы буржуа не увидѣлъ, и притомъ, вѣдь это коляска, нужно двѣ лошади.

— Я возьму почтовыхъ лошадей.

— Да куда вы ѣдете?

— Въ Аррасъ.

— И хотите поспѣть сегодня?

— Да.

— Почтовыми лошадьми?

— Отчего же нѣтъ?

— Да вамъ все равно прїѣхать туда въ четыре часа утра?

— Совсѣмъ не все равно.

— Ну, такъ видите, если вы возьмете почтовыхъ лошадей... у васъ есть паспортъ?

— Да.

— Ну-съ, такъ если вы возьмете почтовыхъ лошадей, то прїѣдете въ Аррасъ только завтра утромъ. У насъ здѣсь проселочная дорога. Станціи дурно содержатся, лошади всѣ въ полѣ. Теперь начинаютъ пахать и лошадей забираютъ даже со станцій. На каждой станціи вамъ придется ждать, по-крайней-мѣрѣ, три или четыре часа. Да и ѣхать вы будете шагомъ: тутъ все мѣста гористыя.

— Ну, такъ я поѣду верхомъ. Распрягите лошадь. Минѣ, вѣрно, кто-нибудь продастъ здѣсь сѣдло.

— Конечно; только ходитъ ли эта лошадь подъ верхъ?

— Да, вы правы, я и забылъ; не ходитъ.

— И такъ...

— Но вѣдь я могу нанять здѣсь другую лошадь?

— Лошадь, которая бы доскакала въ Аррасъ, не останавливаясь?

— Да.

— Да такой лошади и нѣтъ въ нашихъ мѣстахъ. Во-первыхъ, вамъ пришлось бы купить ее, потому-что здѣсь никто васъ не знаетъ. Но дайте хоть пятьсотъ, хоть тысячу франковъ—не найдете!

— Какъ же быть?

— Лучшій совѣтъ, который я могу вамъ дать, какъ честный человекъ, дайте мнѣ починить колесо и отложите поѣздки до завтра.

— Завтра будетъ слишкомъ поздно.

— Ну, какъ знаете.

— Вѣдь въ Аррасъ ходитъ мальпость? Когда онъ пройдетъ здѣсь?

— Завтрашнюю ночь.

— Да неужели же вамъ нуженъ цѣлый день для починки колеса?

— Цѣлый день, да еще какой!

— Ну, возьмите двухъ работниковъ.

— Да хоть десять—все не успѣешь.

— Нельзя-ли перевязать спицы веревками?

— Спицы-то можно, а ступицу нельзя. Да и косякъ не совсѣмъ на-дежный.

— Нѣтъ ли въ здѣшнемъ городѣ человекъ, который бы отдавалъ напрокатъ экипажи?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ ли другого колесника?

Конюхъ и колесникъ въ одно и тоже время покачали головой, и сказали:

— Нѣтъ.

Онъ ощутилъ безмѣрную радость.

Было очевидно, что Провидѣніе вмѣшивалось въ это дѣло; это оно сломало колесо тильбюри, и остановило его на дорогѣ. Сначала онъ не поддавался этому первому, такъ сказать, требованію; онъ сдѣлалъ всевозможныя усилія для продолженія дороги; онъ честно истощилъ всѣ средства; онъ не отступилъ ни передъ временемъ года, ни передъ усталостью, ни передъ издержками; ему не въ чемъ было упрекнуть себя. Если онъ не побѣдетъ дальше, то это ужь его не касается, тутъ ужь не его вина, тутъ ужь дѣло не его совѣсти, но дѣло Провидѣнія.

Онъ вздохнулъ; онъ свободно и полною грудью вздохнулъ въ первый разъ со времени посвященія Жавера. Ему казалось, что желѣзная рука, давившая его за сердце въ продолженіе двадцати часовъ, теперь опустила его.

Ему казалось, что теперь Богъ былъ за него, и являлъ свое заступничество.

Онъ сказалъ себѣ, что онъ сдѣлалъ все, что могъ, и что теперь ему оставалось только спокойно возвратиться.

Еслибъ разговоръ съ колесникомъ происходилъ въ комнатѣ гостиницы, онъ бы не имѣлъ свидѣтелей, никто бы не слышалъ его, и вещи остались бы въ томъ же положеніи и, вѣроятно, намъ бы не пришлось рассказывать ни одного изъ приключеній, о которыхъ прочтутъ ниже; но разговоръ этотъ происходилъ на улицѣ. Каждый разговоръ на улицѣ непременно собираетъ толпу. Всегда есть люди, все дѣло которыхъ только быть зрителями. Между тѣмъ, какъ онъ спрашивалъ колесника, нѣсколько городскихъ жителей собралось вокругъ нихъ. Какой-то мальчикъ, на котораго никто не обратилъ вниманія, послушавъ нѣсколько минутъ, отдѣлился отъ группы, и куда-то побѣжалъ.

Въ ту минуту, когда Мадленъ, послѣ внутренняго разговора, который мы передали, рѣшался ѣхать назадъ, этотъ мальчикъ вернулся. Съ нимъ шла старуха.

— Сударь, сказала старуха, мой мальчишка говоритъ, что вы желаете нанять кабріолетъ?

Эти простые слова, произнесенныя старухой, обдали его потомъ. Ему почудилось, что рука, отпустившая его, снова явилась въ тѣни позади его, и готова была снова схватить его.

Онъ отвѣчалъ:

— Да, добрая женщина, я желаю бы нанять кабріолетъ.

И онъ поспѣшилъ прибавить:

— Но здѣсь невозможно найти его.

— Нѣтъ, можно, — сказала старуха.

— Гдѣ это? спросилъ колесникъ.

— У меня, — сказала старуха.

Мадленъ вздрогнулъ. Роковая рука снова держала его.

У старухи въ сараѣ дѣйствительно нашлась что-то въ родѣ одноколки изъ тростника. Колесникъ и трактирный слуга, не желая потерять путешественника, вступились.

— Это ужасная дрянъ—говорили они, — фура, крыша протекаетъ,

колеса заржавѣли, поѣдетъ она также далеко, какъ и этотъ тильбюри, въ нее опасно садиться, и прочее и прочее.

Все это было справедливо, но эта фура, эта дрянь катилась на двухъ колесахъ и могла доѣхать въ Аррасъ.

Онъ запечатлѣлъ, сколько запросилъ, оставилъ тильбюри у колесника для починки, съ тѣмъ, чтобы взять его на обратномъ пути, велѣлъ запречь лошадей въ одноколку, сѣлъ въ нее и поѣхалъ.

Въ ту минуту, когда одноколка тронулась, онъ не скрылъ отъ себя, что, за минуту передъ этимъ, ощутилъ нѣкоторую радость при мысли, что не доѣдетъ туда, куда ѣхалъ. Онъ подумалъ объ этой радости почти съ гнѣвомъ и нашелъ ее нелѣпною. Къ чему было радоваться необходимости воротиться? Вѣдь онъ совершилъ эту поѣзду совершенно добровольно: никто не принуждалъ его къ ней. И, конечно, случится только то, чего онъ захочетъ.

Выѣзжая изъ Гедена, онъ услышалъ голосъ, кричавшій ему: «остановитесь! остановитесь!» Онъ остановилъ одноколку быстрымъ движениемъ, въ которомъ было что-то лихорадочное и судорожное, но жившее на надежду.

Къ нему подбѣжалъ мальчикъ.

— Господишъ—сказалъ онъ, это я вамъ нашелъ одноколку.

— Ну, такъ что жь?

— Вы ничего мнѣ не дали за это.

Маленькъ, давашшій всѣмъ съ такою легкостью, нашелъ претензію мальчика чрезмѣрною, даже отвратительною.

— А, это ты, плутъ,—сказалъ онъ,—не будетъ тебѣ ничего.

Онъ ударилъ по лошади и помчался впередъ.

Въ Геденѣ потерялъ онъ много времени и хотѣлъ вознаграждать его. Маленькая лошадь бѣжала за двоихъ; но дѣло было въ февралѣ, время было дождливое, дороги дурны; притомъ, онъ ѣхалъ уже не въ тильбюри; одноколка была очень тяжела, къ тому же мѣсто было очень гористое.

Онъ почти четыре часа ѣхалъ отъ Гедена до Сен-Поля—пятъ же въ четыре часа.

Въ Сен-Полѣ онъ остановился въ первомъ попавшемся постояломъ дворѣ, и велѣлъ свести лошадей въ конюшню. Согласно обѣщанію, данному имъ Скофлеру, онъ не отходилъ отъ яслей, пока лошади ѣли. Въ головѣ его бродили печальныя и смутныя мысли.

Жена трактирщика вошла въ конюшню.

— Не угодно ли вамъ будетъ позавтракать?

— Ахъ, да! я и забылъ—сказалъ онъ—а вѣдь мнѣ, дѣйствительно хочется ѣсть.

Онъ пошелъ за этою женщиною, у которой было свѣжее и веселое лицо. Она ввела его въ низкую комнату, установленную столами, покрытыми клеенкой вмѣсто скатертей.

— Пожалуйста, скорѣе—сказалъ онъ,—мнѣ надо ѣхать, я тороплюсь.

Толстая служанка, фламандка, поспѣшила накрыть на столъ. Онъ смотрѣлъ на эту дѣвушку съ чувствомъ особеннаго удовольствія.

— Вот чего мнѣ недоставало—подумалъ онъ: я не завтракаю.

Ему подали завтракъ. Онъ кинулся на хлѣбъ, откусилъ кусокъ, потомъ медленно положилъ его на столъ и больше къ нему не прикасался.

За другимъ столомъ обѣдалъ извозчикъ. Мадленъ спросилъ у него:

— Отчего это здѣшній хлѣбъ такъ горекъ?

Извозчикъ былъ иѣмецъ, и не понялъ.

Онъ возвратился въ конюшню къ лошади.

Черезъ часъ онъ оставилъ Сен-Поль и направлялся въ Тенку, лежащему въ пяти лье отъ Арраса.

Что онъ дѣлалъ во время этого переѣзда? о чемъ думалъ? Теперь, какъ утромъ, онъ смотрѣлъ на предметы, проходившіе мимо него, на деревья, соломенные крыши, обработанныя поля, постоянно измѣняющіяся картины. Этотъ родъ созерцанія иногда достаточно для души и почти позволяетъ ей не думать. Видѣть тысячу вещей въ первый и, въ тоже время, въ послѣдній разъ, что можетъ быть меланхоличѣе и глубже этого? Путешествовать значитъ рождаться и умирать каждую минуту. Можетъ быть, въ самой отдаленной области своего ума, онъ дѣлалъ сближенія между этими измѣнявшимися горизонтами и человѣческимъ существованіемъ. Всѣ житейскія вещи постоянно пробѣгаютъ мимо насъ. Темнота и свѣтъ перемѣшиваются между собою. Послѣ ослѣпительнаго блеска наступаетъ затмѣніе. Люди смотреть, торопятся, протягиваютъ руки, чтобы схватить то, что проходитъ мимо. Каждое приключеніе есть поворотъ дороги; потомъ вдругъ видишь себя старикомъ, чувствуешь что-то въ родѣ толчка; кругомъ все черно, передъ тобою темная дверь, мрачная лошадь жизни, тащившая тебя, останавливается; и какой-то незнакомецъ, покрытый вуалью, распрагаетъ ее въ темнотѣ.

Сумерки наступали, когда онъ въѣхалъ въ Тенкъ. Правда, что это было время года, когда дни коротки. Онъ не остановился въ Тенкѣ. При выѣздѣ его изъ села, работникъ, мостившій мостовую, поднял голову и сказалъ:

— Сильно устала лошадка!

Бѣдное животное, дѣйствительно, начало приставать.

— Вы въ Аррасъ ѣдете? спросилъ работникъ.

— Да.

— Если вы будете все такъ же ѣхать, какъ до-сихъ-поръ, такъ не рано туда поспѣете.

Онъ сдержалъ лошадь и спросилъ у работника:

— Сколько отсюда до Арраса?

— Да около семи большихъ лье.

— Это какъ? въ почтовомъ дорожникѣ сказано, что пять лье съ четвертью.

— Оно такъ,—сказалъ работникъ,—да вы, видно, не знаете, что дорога починается: черезъ четверть часа вамъ придется свернуть, дальше ѣхать по ней невозможно.

— Право?

— Вы возьмете наѣво, по дорогѣ, ведущей въ Каранси, и про-

ѣдете рѣку; когда будете въ Камбленѣ, то свернете направо, тутъ и будетъ дорога Mont-Saint-Éloi, ведущая въ Аррасъ.

— Но скоро ночь, я собьюсь съ дороги.

— Да вы не здѣшній?

— Нѣтъ.

— Ну, тутъ все пойдутъ проселки. Знаете, что я вамъ скажу, — прибавилъ работникъ — послушайте моего совѣта: лошадь ваша устала; вернитесь въ Тенкъ; тамъ есть хорошая гостиница, проведите въ ней ночь, а завтра поѣдете въ Аррасъ.

— Я долженъ быть тамъ сегодня вечеромъ.

— Это дѣло другое. Но вамъ все-таки слѣдуетъ вернуться въ эту гостиницу и взять другую лошадь, а тамошній слуга проводить васъ по окольнымъ дорогамъ.

Онъ послѣдовалъ совѣту работника, вернулся въ село и, чрезъ полчаса, пробѣжалъ въ томъ же самомъ мѣстѣ, но уже крупною рысью, и съ доброю второю лошадью. Конюхъ гостиницы, назвавшій себя почтальономъ, сѣдѣлъ на облукѣ.

Между тѣмъ Мадленъ чувствовалъ, что онъ теряетъ время.

Наступила глубокая ночь.

Они выѣхали на проселокъ. Дорога пошла ужасная: одноколка валилась изъ одной колеи въ другую. Онъ сказалъ почтальону:

— Рысью, рысью! Тебѣ будетъ на водку вавое противъ обѣщаннаго.

На одномъ ухабѣ, сломался валекъ у дышла.

— Сударь,—сказалъ почтальонъ,—валекъ сломался, и я не знаю, какъ запречь лошадь. Ночью по этой дорогѣ ѣздить очень опасно. Еслибъ вы захотѣли вернуться въ Тенкъ и переночевать тамъ, мы бы завтра очень рано пріѣхали въ Аррасъ.

Онъ отвѣчалъ:—Есть у тебя кусокъ веревки и ножъ?

— Есть.

Онъ срубалъ вѣтъ дерева и сдѣлалъ изъ нея валекъ.

На это ушло еще двадцать минутъ; но теперь они поскакали галопомъ.

Долина была покрыта темнотою. Низкіе, короткіе и черные туманы ползали по холмамъ и слетали съ нихъ, какъ дымъ. Въ тучахъ пробѣгали бѣлые просвѣты. Сильный вѣтеръ, дувшій съ моря, производилъ во всѣхъ углахъ горизонта шумъ передвигаемой мебели. Все, что можно было различить сквозь эту темноту, имѣло какой-то близкій видъ. Сколько вещей трепещутъ подъ этимъ пирокимъ дуновеніемъ ночи!

Холодъ пробиралъ его насквозь. Онъ ничего не ѣлъ со вчерашняго дня. Онъ смутно вспоминалъ другое ночное похождение свое въ долину подлѣ Д., восемь лѣтъ назадъ, и ему казалось, что это было вчера.

На отдаленной колокольнѣ пробили часы. Онъ спросилъ у конюха:

— Который это часъ?

— Семь часовъ, мы будемъ въ Аррасѣ въ восемь; намъ осталось только три лье.

Въ эту минуту пришла ему въ голову мысль и онъ удивился, какъ она ему не приходилась прежде. Онъ подумалъ, что, можетъ быть, всё эти хлопоты бесполезны; что онъ не знаетъ даже въ которомъ часу будетъ происходить судъ; что ему слѣдовало по-крайней-мѣрѣ справиться объ этомъ; что было безразсудно такъ стремиться впередъ, не зная, послужитъ ли это стремленіе къ чему-нибудь. Потомъ онъ началъ разсчитывать, что обыкновенно засѣданія ассизнаго суда начинаются въ девять часовъ утра; что это дѣло не должно было долго продолжаться; что о воровствѣ яблокъ нечего долго толковать; что потомъ начнутъ обсуждать вопросъ о сходствѣ; пять или шесть показаній, нѣсколько словъ со стороны адвокатовъ, и онъ пріѣдетъ когда все будетъ кончено!

Почтальонъ погонялъ лошадей. Они проѣхали рѣку, и оставили за собою Mont-Saint-Eloy.

Ночь дѣлалась чернѣе и чернѣе.

VI.

СЕСТРА СИМПЛИЦІА НА ИСПЫТАНІИ.

Между тѣмъ, въ эту самую минуту, Фантина радовалась.

Она провела очень дурно ночь: страшный кашель и усиливавшаяся лихорадка страшно мучили ее; у нее были видѣнія. Утромъ, когда пришелъ докторъ, она была въ бреду. Докторъ показался очень озабоченнымъ, и сказалъ чтобы его предупредили, какъ только Мадленъ пріѣдетъ.

Цѣлый день она была въ мрачной задумчивости, мало говорила, и шопотомъ дѣлала какіе-то разсчеты, точно исчисляла разстояніе. Глаза ея впали и пристально смотрѣли въ одну точку; они, казалось, совсѣмъ потухли, но, по временамъ, снова разгорались и сверкали какъ звѣзды. Кажется, что, при приближеніи нѣкоторыхъ мрачныхъ часовъ, небесный свѣтъ наполняетъ тѣхъ, которыхъ оставляетъ свѣтъ земной.

Каждый разъ, какъ сестра Симплиція спрашивала у нея, какъ она себя чувствуетъ, она постоянно отвѣчала одно и то же: «Хорошо. Я хотѣла бы видѣть господина Мадлена».

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, въ ту минуту, когда Фантина потеряла свою послѣднюю стыдливость, свой послѣдній стыдъ и свою послѣднюю радость, она была тѣнью самой себя; теперь она была ея привидѣніемъ. Зло физическое довершило дѣло зла моральнаго. У этого двадцати-пяти-лѣтняго существа былъ покрытый морщинами лобъ, отвислыя щеки, сжатые ноздри, ротъ безъ зубовъ, свинцовый цвѣтъ лица, костлявая шея съ выдавшеюся ключицей, исхудалые члены, а въ бѣлокурыхъ волосахъ прибавились сѣдины. Увы! какъ болѣзнь импровизируетъ старость!

Въ двѣнадцать часовъ докторъ снова пришелъ, прописалъ рецептъ, спросилъ, приходитъ ли меръ въ больницу, и покачалъ головою.

Мадленъ обыкновенно приходилъ къ больной въ три часа. Такъ-какъ акуратность есть доброта, то онъ былъ аккуратенъ.

Около половины третьего, она начала волноваться. Въ продолженіи двадцати минутъ она больше десяти разъ спросила у монахини: «Сестра, который час?»

Прошло три часа. При третьемъ ударѣ Фантина, едва имѣвшая силу двигаться, быстро поднялась на постели, какимъ-то конвульсивнымъ движеніемъ, она крѣпко сжала свои желтыя иссохшія руки, и монахиня услышала, что изъ груди ея вылетѣлъ одинъ изъ тѣхъ глубокихъ вздоховъ, которые точно поднимаютъ въ душѣ уныніе. Потомъ Фантина повернулась и посмотрѣла на дверь.

Никто не вошелъ, дверь не отперлась.

Такъ она сидѣла четверть часа, устремивъ глаза на дверь, неподвижная и какъ будто сдерживая дыханіе. Сестра не могла говорить съ ней. На церковныхъ часахъ, пробило три съ четвертью.

Фантина упала на подушку.

Она не сказала ничего, и начала дѣлать складки на простынѣ.

Прошло полчаса, потомъ часъ. Никто не приходилъ; каждый разъ когда били часы, Фантина привставала и смотрѣла на дверь, потомъ снова падала.

Мысль ея была ясно видна, но она не произносила ни одного имени, ни на кого не жаловалась, никого не обвиняла, и только какъ-то иррачно кашляла. Можно было сказать, что, что-то темное опускалось надъ нею. Лицо ея покрылось смертною блѣдностью, а губы посинѣли. По временамъ она улыбалась.

Пробило пять часовъ. Тогда сестра милосердія услышала, какъ она говорила шопотомъ: «но вѣдь я умираю завтра, отчего онъ не приходитъ сегодня?...»

Сестру Симплицію также не мало удивляло то, что Мадленъ не приходилъ.

Между тѣмъ, Фантина смотрѣла на балдахинъ своей кровати; она, казалось, что-то вспоминала. Вдругъ она начала пѣть голосомъ слабымъ, какъ дыханіе. Монахиня начала слушать.

Фантина пѣла старую колыбельную пѣсню, которою она когда-то убаюкивала Казетту и которую не вспоминала цѣлыя пять лѣтъ, съ тѣхъ-поръ, какъ разсталась съ нею. Она пѣла это такимъ печальнымъ голосомъ и съ такимъ кроткимъ видомъ, что всякій, и даже монахиня, заплакалъ бы, слушая ее. Сестра милосердія, привыкшая къ суровымъ вещамъ, почувствовала въ глазахъ слезы.

Пробило шесть часовъ. Фантина, казалось неслыхала этого: она будто не обращала вниманія ни на что, окружавшее ее.

Сестра Симплиція послала дежурную дѣвочку къ привратницѣ фабрики, узнать вернулся ли г. меръ и скоро ли онъ придетъ въ больницу. Дѣвушка вернулась чрезъ нѣсколько минутъ.

Фантина оставалась, по прежнему, неподвижною, и казалась погруженною въ свои мысли.

Служанка шопотомъ рассказала сестрѣ Симплиціи, что г. меръ уѣхалъ въ это же утро, раньше шести часовъ, въ маленькомъ тильбюри, запряженномъ бѣлою лошадыю; что онъ уѣхалъ одинъ, даже

безъ кучера, что никто не зналъ, по какой дорогѣ онъ отправился, что нѣкоторые видѣли, какъ онъ свернулъ на арраскую дорогу, а другіе увѣрили, что встрѣтили его на парижской дорогѣ; что когда онъ уѣзжалъ, то въ немъ не было ничего необыкновеннаго: онъ былъ очень спокоенъ, и только сказалъ привратницѣ не ждать его эту ночь.

Между тѣмъ, какъ обѣ женщины, стоя спиною къ кровати Фантины, шептались, Фантина, съ тою лихорадочною живостью нѣкоторыхъ органическихъ болѣзней, въ которой свободныя движенія здоровья смѣшиваются съ страшною худобою смерти, встала на кровати на колѣни, оперлась сжатыми кулаками на подушку и, просунувъ голову между занавѣсокъ, слушала. Вдругъ она крикнула:

— Вы говорите о господинѣ Мадленѣ, отчего же вы шепчетесь? Что онъ дѣлаетъ? Отчего онъ не приходитъ?

Голосъ ея былъ такъ рѣзокъ и порывистъ, что обвѣмъ женщинамъ показалось, что это голосъ мужчины; онъ, въ испугѣ, повернули головы.

— Отвѣчайте же!—крикнула Фантина.

Служанка отвѣчала, заикаясь:

— Привратница сказала мнѣ, что онъ не можетъ придти сегодня.

— Дитя мое — сказала сестра — успокойтесь и лягте.

Фантина, не измѣняя положенія, продолжала громко, повелительнымъ и, въ то же время, раздражающимъ душу голосомъ:

— Онъ не можетъ придти! отчего это? Вы вѣрно знаете причину; вы шептались о ней, между собою. Я хочу знать ее.

Служанка поспѣшила сказать на ухо монахинѣ: Отвѣчайте, что онъ занятъ въ городскомъ совѣтѣ.

Сестра Симплиція слегка покраснѣла; служанка продолжала ей мигать. Съ другой стороны ей казалось, что сказать правду больной значило, безъ сомнѣнія, нанести ей страшный ударъ, и что онъ онъ былъ очень опасенъ въ томъ положеніи, въ которомъ находилась Фантина. Это положеніе длилось не долго. Сестра подняла на Фантину свой спокойный и печальный взглядъ и сказала:

— Г. меръ уѣхалъ.

Фантина привстала и сѣла на пятки. Глаза ея засверкали. Неслышанная радость просіяла на этомъ печальномъ лицѣ.

— Уѣхалъ!—вскричала она,—онъ отправился за Козеттой!

Потомъ она протянула обѣ руки къ небу и лицо приняло неизъяснимое выраженіе. Губы ея двигались; она тихо молилась.

Окончивъ молитву, она сказала:—Сестра я съ удовольствіемъ снова улягусь, буду дѣлать все, что хотять; только что я была зла—простите мнѣ, что я такъ громко говорила: говорить громко очень дурно—я это знаю; но, добрая сестра, я очень довольна. Богъ милосердъ. Г. Мадленъ добръ; представьте себѣ, что онъ поѣхалъ въ Монфермель за моею Козеттой.

Она снова легла, помогла монахинѣ поправить подушку и поцаловала маленькой серебряный крестикъ, висѣвшій у нея на шеѣ и надѣтый на нее Симплиціею.

— Дитя мое—сказала сестра, — постарайтесь теперь отдохнуть, и не говорите больше.

Фантина взяла въ свои влажныя руки руку сестры, которую безноконь этотъ потъ.

— Онъ поѣхалъ сегодня утромъ въ Парижъ. Впрочемъ, ему даже незачѣмъ проѣзжать черезъ Парижъ: Монфермель лежитъ не много влѣво. Помните ли вы, какъ онъ мнѣ говорилъ вчера, когда я напоминала ему о Козеттѣ: «скоро, скоро!» Онъ хочетъ мнѣ сдѣлать сюрпризъ. Знаете, онъ далъ мнѣ подписать письмо, по которому Тернадье должны будутъ отдать Козетту. Вѣдь они не сдѣлаютъ никакихъ затрудненій—не правда ли? Они отдадутъ Козетту—вѣдь имъ заплатили. Начальство не позволитъ задерживать дитя, за которое заплачено. Сестра, не дѣлайте мнѣ знаковъ, чтобъ я не говорила: я безмѣрно счастлива, я совершенно здорова; у меня ничего не болитъ; я увижу свою Козетту... Я даже очень голодна. Я ужъ почти пять лѣтъ не видѣла ее. Вы не можете себѣ представить, что значать дѣти! А потомъ вы увидите, какая она хорошенькая! Вслѣбъ вы знали, какіе у нея красивые розовыя пальчики! У нея будутъ чудесныя руки! Когда ей былъ годъ, у нея были ужасно смѣшныя руки, вотъ такія! Теперь она должна быть велика, вѣдь ей семь лѣтъ; она ужъ совсѣмъ барышня. Я называю ее Козеттой, но ея имя Керазія. Знаете, сегодня утромъ, я смотрѣла на пыль, лежащую на каминѣ и думала, что я скоро увижу Козетту. Воже мой! какъ нехорошо по нѣскольку лѣтъ не видѣть своихъ дѣтей! Какъ не подумать, что жизнь невѣчна! О, какъ добръ г. меръ, что поѣхалъ за нею! Правда, что теперь очень холодно: взялъ ли онъ по крайней мѣрѣ, свой плащъ? Вѣдь онъ завтра пріѣдетъ—не правда ли? Завтра будетъ праздникъ. Завтра утромъ, сестра, вы напомните мнѣ, чтобы я надѣла свой маленькій чепчикъ съ кружевами... Монфермель довольно большая страна; я когда-то проходила по ней пѣшкомъ: для меня эта дорога показалась слишкомъ далекою; но вѣдь дилжансы ѣздить очень скоро: онъ будетъ здѣсь завтра съ Козеттой... Сколько отсюда до Монфермеля?

Сестра, не имѣвшая никакого понятія о разстояніяхъ, отвѣчала:

— О! я думаю, что онъ пріѣдетъ завтра.

— Завтра! завтра!—сказала Фантина, — я увижу Козетту завтра! Видите ли, добрая сестра, я больше не больна... Я сошла съ ума. Я готова танцевать....

Кто бы видѣлъ ее за четверть часа передъ этимъ, ничего бы не понялъ. Теперь лице ея было розовое, голосъ живъ и натураленъ; все лицо состояло изъ одной улыбки. По временамъ она смѣялась, тихо разговаривая сама съ собою. Радость матери почти то же, что радость ребенка.

-- Ну, сказала монахиня, теперь вы счастливы, такъ повлнуйтеъ же мнѣ, не говорите больше.

Фантина положила голову на подушку, и сказала въ полголоса: «Да, лежи спокойно, будь умница, потому что, ты увидишь свое дитя. Сестра Сим плниця права; всѣ, находящіеся здѣсь, правы....

Потомъ, не двигаясь, не шевеля головой, она стала смотрѣть вокругъ себя большими, открытыми глазами и съ веселымъ видомъ, и не сказала больше ни слова.

Сестра задернула занавѣски, надѣясь, что Фантина уснетъ.

Въ восьмомъ часу пришелъ докторъ. Не слыша никакого шума, онъ подумалъ, что Фантина спала, вошелъ тихо и на цыпочкахъ приблизился къ кровати. Онъ полураскрылъ занавѣски, и, при свѣтѣ лампадки, увидѣлъ, что Фантина смотрѣла на него своими большими спокойными глазами.

Она сказала ему:—Г. докторъ, вѣдь вы позволите, чтобы она спала подлѣ меня въ маленькой постели—не правда ли?

Докторъ подумалъ, что она бредитъ. Она прибавила:

— Посмотрите сами, здѣсь какъ разъ мѣсто для маленькой кровати.

Докторъ отвелъ въ сторону сестру Симплицію, которая все объяснила ему, рассказавъ, что Мадлемъ отлучился на одинъ или два дня, и что она не считала нужнымъ вывести изъ заблужденія болѣзную, думавшую, что г. меръ уѣхалъ въ Монфермель; что очень можетъ быть, что она угадала. Докторъ одобрилъ дѣйствія сестры.

Онъ снова подошелъ къ кровати Фантины, которая продолжала:

— Потому-что, видите ли, когда она будетъ просыпаться, я стану здороваться съ ней, а по ночамъ, такъ какъ я не сплю, то буду смотрѣть на ея сонъ. Ея маленькое дыханье такъ сладко: оно принесетъ мнѣ пользу.

— Дайте мнѣ вашу руку, сказалъ докторъ.

Она протянула ему руку, и вскричала, смѣясь:

— Ахъ да! правда, вѣдь вы не знаете, что я вылечилась. Козетта прѣдетъ завтра.

Докторъ удивился: ей было лучше. Давленіе въ груди уменьшилось; пульсъ сдѣлался сильнѣе. Какая-то новая жизнь вдругъ наполнила это новое существо.

— Г-нъ докторъ,—продолжала она,—сказала ли вамъ сестра, что г. меръ поѣхалъ за малюткой?

Докторъ просилъ ее не говорить и поручилъ сестрѣ милосердія оберегать ее отъ всякаго тяжелаго потрясенія. Онъ прописалъ настой изъ чистой хины и, на случай, если лихорадка возобновится, успокоивающее питье.

Уходя, онъ сказалъ сестрѣ:

— Ей лучше. Еслибы, дѣйствительно, меръ вернулся завтра утромъ съ ребенкомъ, то, кто знаетъ? бывають такіе удивительные кризисы... случалось, что большія радости вдругъ уничтожали болѣзни. Я знаю, что ея болѣзнь органическая и зашла слишкомъ далеко, но все это такая запутанная тайна... Можетъ быть, мы и спасли бы ее!

VII.

Путешественникъ прѣхавшій беретъ свои предосторожности для того, чтобы снова увхаться.

Было около восьми часовъ вечера, когда одноколка, оставленная нами на дорогѣ, вѣхала подѣ ворота почтовой гостинницы въ Ар-

расѣ. Человѣкъ, за которымъ мы слѣдили до-сихъ-поръ, слѣлъ съ нея, разсѣбно отвѣчалъ на услужливыя предложенія служителей гостинницы, отправилъ лошадей, взятую имъ въ селѣ, самъ отвелъ бѣлую лошаду въ конюшню; потомъ онъ толкнулъ дверь бильярдной залы, находившейся въ нижнемъ этажѣ, вошелъ туда, сѣлъ, и облокотился на столъ. Онъ употребилъ четырнадцать часовъ на этотъ переѣздъ, между тѣмъ, какъ рассчитывалъ пробыть въ дорогѣ только шесть. Онъ оправдывалъ себя тѣмъ, что это не его вина, но въ дуплѣ онъ былъ почти радъ этому.

Вошла хозяйка гостинницы.

— Вы изволите ночевать здѣсь? Угодно вамъ будетъ ужинать?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Конюхъ говоритъ, что ваша лошадь очень устала.

Тутъ онъ прервалъ молчаніе.

— Развѣ эта лошадь не въ состояніи снова ѣхать завтра утромъ?

— О, невозможно! Вѣ нужно, по-крайней-мѣрѣ, два дня для отдыха.

Онъ спросилъ:

— Вѣдъ здѣсь есть почтовая контора?

— Точно такъ.

Хозяйка повела его въ эту контору; онъ показалъ свой паспортъ и спросилъ: есть ли средство сегодня ночью воротиться въ М.-на-М. въ мальпость? Оказалось, что мѣсто рядомъ съ почтальономъ было свободно; онъ удержалъ его, и заплатилъ.

— Милостивый государь,—сказалъ чиновникъ,—не опоздайте только: мальпость уходитъ ровно въ часъ ночи.

Сдѣлавъ это, онъ вышелъ изъ гостинницы, и пошелъ по городу.

Онъ не зналъ Арраса, на улицахъ было темно; онъ шелъ наудачу, но, казалось, нарочно не хотѣлъ спрашивать дороги у проходящихъ. Онъ перешелъ маленькую рѣчку Креншонъ, очутился въ лабиринтѣ узкихъ улицъ и потерялся въ нихъ. Какой-то буржуа шолъ съ фонаремъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ рѣшился обратиться къ этому буржуа, посмотрѣвъ предварительно вокругъ себя, какъ-будто онъ боялся, чтобы кто-нибудь не слышалъ вопроса, который онъ намѣренъ былъ сдѣлать.

— Милостивый государь—сказалъ онъ,—позвольте узнать, гдѣ зданіе суда?

— Вы не здѣшній, какъ видно, отвѣчалъ буржуа, довольно старый человекъ; — ну, такъ слѣдуйте за мною, я иду именно въ ту сторону, то есть въ сторону зданія префектуры, потому-что въ зданіи суда теперь производятся перестройки и судейскія аудіенціи происходятъ теперь въ префектурѣ.

— И тамъ,—спросилъ онъ,—происходятъ уже ассизы?

— Да, видите ли, что—теперь; префектура-то была во время революціи епископствомъ. Де-Канье, бывшій епископомъ въ 92 году, построилъ въ немъ большую залу, въ этой большой залѣ и происходятъ суды.

На пути буржуа сказалъ ему:

— Если вы приехали присутствовать при рѣшеніи процесса, то немножко опоздали: обыкновенно засѣданіе оканчивается въ шесть часовъ.

Но когда они вышли на большую площадь, буржуа показалъ на четыре большія освѣщенные окна обширнаго и мрачнаго зданія.

— Ну, вы счастливы: вы успѣли во-время. Видите ли эти четыре окна? это ассизный судъ; онъ еще освѣщенъ, значитъ, засѣданіе не кончено. Дѣло, видно, затянулось и пришлось сидѣть вечеромъ. Вы интересуетесь этимъ дѣломъ? Развѣ это уголовный процессъ? Вы не изъ свидѣтелей ли?

Онъ отвѣчалъ:

— Я не приехалъ по дѣлу, мнѣ нужно только поговорить съ однимъ адвокатомъ.

— Это другое дѣло,—сказалъ буржуа. Вотъ дверь, тамъ, гдѣ стоять часовой, вамъ стоитъ только подняться по главной лѣстницѣ.

Онъ послѣдовалъ указаніямъ буржуа, и, нѣсколько минутъ спустя, очутился въ залѣ, въ которой было много народу, и группы посѣтителей, перемѣшанныхъ съ адвокатами въ робахъ, толкались тутъ и тамъ.

Сердце всегда сжимается при видѣ этихъ людей, одѣтыхъ въ черное и шепчущихся на порогѣ между собою. Милосердіе и состраданіе рѣдко выходятъ изъ всѣхъ этихъ словъ; чаще всего изъ нихъ выходятъ приговоры, заранѣе составленные. Всѣ эти группы кажутся проходящему мимо нихъ наблюдателю, какими-то мрачными улыбами, въ которыхъ жужжащіе умы возводятъ общими силами всевозможныя мрачныя зданія.

Эта зала, обширная и освѣщенная одной лампою, была прежде зала епископства. Дверь, запертая въ эту минуту, отдѣляла ее отъ большой комнаты, въ которой засѣдалъ ассизный судъ.

Темнота была такая, что онъ не побоялся обратиться къ первому встрѣчному адвокату.

— Позвольте васъ спросить,—сказалъ онъ—въ какомъ положеніи дѣло?

— Оно кончено, отвѣчалъ адвокатъ.

— Кончено!

Это слово онъ повторилъ такимъ тономъ, что адвокатъ повернулся къ нему.

— Извините за вопросъ, вы, можетъ быть, родственникъ?

— Нѣтъ, я никого здѣсь не знаю. И что же, осудили?

— Безъ сомнѣнія. Иначе невозможно было.

— На каторжную работу?

— На вѣчную.

Мадленъ продолжалъ едва слышнымъ голосомъ:

— И такъ сходство было доказано?

— Какое сходство — отвѣчалъ адвокатъ — Тутъ незачѣмъ было доказывать сходства. Дѣло было очень просто. Эта женщина убила свое дитя, дѣтоубійство было доказано, и жюри приговорила ее къ вѣчной каторжной работѣ.

— Такъ это женщина? спросилъ онъ.

— Да, конечно, дѣвица Лимозенъ. А вы о чемъ жѣ меня спрашиваете?

— Ни о чемъ. Но если дѣло кончено, то почему же зала еще ос-
тѣчена?

— Это для другаго дѣла, начатаго часа два тому назадъ.

— Какое же это другое дѣло?

— О! оно тоже очень просто. Тутъ судится какой-то разбойникъ, каторжникъ, во второй разъ попавшійся въ преступленіи. Я не помню его имени. Вотъ ужъ разбойничья харя! Стоитъ только взглянуть на лице его, чтобъ отправить на галеры.

— Г. адвокатъ, сказалъ Мадленъ,—нельзя ли какъ-нибудь пройти въ залу?

— Не думаю: тамъ большая толпа. Впрочемъ, аудіенція пріостановлена. Многіе вышли, и когда аудіенція начнется, вы можете попытаться.

— А въ какую дверь надо войти?

— Вотъ въ эту, большую.

Адвокатъ оставилъ его. Въ нѣсколько минутъ онъ испыталъ въ одио и то же время всевозможныя потрясенія. Слова этого посторонняго проникали въ его сердце, то какъ ледяныя иголки, то какъ огненные струи. Когда онъ увидѣлъ, что не все кончено, то вздохнулъ; но онъ самъ бы не могъ сказать, чѣмъ наполнилась его душа—довольствомъ или грустью.

Онъ подходилъ къ нѣсколькимъ группамъ и прислушивался къ разговорамъ. Такъ-какъ дѣлъ накопилось очень много, то президентъ назначилъ на этотъ день обсужденіе двухъ простыхъ и короткихъ. Началось съ дѣтоубійства, а потомъ перешли къ каторжнику, вторично провинившемуся. Этотъ человекъ укралъ яблоки, но это воровство не было доказано; доказано было одно, что онъ былъ уже на тулонскихъ галерахъ. Это-то и портило все дѣло. Впрочемъ, допросъ этого человека и показаніе свидѣтелей уже кончились; но оставалась еще защита адвоката и разсужденія публичнаго министерства; все это не должно было окончиться раньше полуночи. Человека этого, конечно, осудятъ; генеральный адвокатъ былъ очень хороший человекъ «и не выпускалъ изъ своихъ рукъ обвиненныхъ»; это былъ умный малый, писавшій стихи.

Присяжный стоялъ подлѣ двери, выходящей въ ассизную залу. Онъ спросилъ этого присяжнаго:

— Позвольте узнать, скоро ли откроется эта дверь?

— Она не откроется, отвѣчалъ присяжный.

— Какъ! ее не отпрутъ при возобновленіи засѣданія? Развѣ засѣданіе не пріостановлено?

— Засѣданіе только-что возобновилось,—отвѣчалъ присяжный, но дверь не откроется.

— Почему?

— Потому-что зала полна.

— Какъ, неужели нѣтъ ни одного мѣста?

— Ни одного. Дверь заперта, никого больше нельзя впустить.

Присяжный помолчалъ, и прибавилъ: «Есть еще два или три мѣста позади господина президента, но господинъ президентъ впускаетъ туда только людей, занимающихъ общественныя должности.

Сказавъ это, присяжный повернулся къ нему спиною.

Мадленъ удалился, поникнувъ головою, проиогулъ приемную и медленно сошелъ съ лѣстницы, будто колебался на каждой ступенкѣ. Вѣроятно онъ совѣтовался самъ съ собою. Страшная битва, происходившая въ немъ со вчерашняго дня, не кончилась, и съ каждой минутой онъ переживалъ новую перипетію ея. Выйдя на площадку лѣстницы, онъ прислонился къ периламъ, и скрестилъ руки. Вдругъ онъ растегнулъ сюртукъ, вынулъ портфель, досталъ карандашъ, вырвалъ листокъ и быстро написалъ на немъ при свѣтѣ лампы слѣдующія слова: *Г. Мадленъ, меръ въ М.-на-М.* Потомъ онъ быстро вошелъ по лѣстницѣ, прошелъ сквозь толпу, подошелъ прямо къ присяжному, отдалъ ему листокъ и повелительно сказалъ:

— Отнесите это господину президенту.

Присяжный взялъ бумагу, взглянулъ на нее и повиновался.

VIII.

Почетный входъ.

Меръ Мадленъ, самъ того не зная, пользовался нѣкотораго рода извѣстностью; слава его, наполнявшая всю область нижней Вулони, перешла наконецъ и за границы маленькой страны и распространилась по двумъ или тремъ сосѣднимъ департаментамъ. Не говоря уже о значительныхъ услугахъ, оказанныхъ имъ главному городу округа своимъ промышленнымъ изобрѣтеніемъ, не было ни одной изъ ста сорока общинъ округа, которыя бы не были обязаны ему какимъ-нибудь благодѣяніемъ. Онъ умѣлъ при случаѣ помогать и способствовать промышленности другихъ департаментовъ. Такъ онъ поддерживалъ своимъ кредитомъ и деньгами, тюлевую фабрику въ Вулони, бумагопрядильную въ Фреванъ, и полотняную въ Вуберъ. Имя Мадлена вездѣ произносилось съ благоговѣніемъ. Аррасъ и Дуэ завидовали М.-на-М., что онъ имѣетъ такого мера.

Совѣтникъ при королевскомъ судѣ Дуэ, предсѣдательствовавшій въ этомъ засѣданіи арраскихъ ассизъ, зналъ, какъ и всѣ прочіе, это имя, такъ глубоко всѣми уважаемое. Когда присяжный, тихо отворивъ дверь, ведшую изъ комнаты совѣта въ залу аудіенціи, наклонился къ креслу президента и отдалъ ему бумагу, прибавивъ: «этотъ господинъ желаетъ присутствовать при аудіенціи,» то президентъ съ глубокимъ уваженіемъ схватилъ перо, написалъ нѣсколько строкъ на той же бумагѣ и отдалъ ее присяжному, сказавъ: «просите».

Несчастный человекъ, исторію котораго мы рассказываемъ, стоялъ въ это время подлѣ двери залы въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ присяжный оставилъ его. Сквозь эту задумчивость онъ услы-

каль слова: «Не угодно ли вамъ будетъ сдѣлать мнѣ честь пожаловать за мной». Это былъ тотъ самый присяжный, который, за минуту назадъ, повернулся къ нему спиною, а теперь кланялся ему до земли. Въ то же время присяжный отдалъ ему бумагу. Онъ развернулъ ее, и такъ-какъ въ это время стоялъ подлѣ лампы, то могъ прочесть слѣдующее:

«Президентъ ассизнаго суда свидѣтельствуесть свое почтеніе господину Мадлену».

Онъ скомкалъ эту бумагу въ рукахъ, какъ-будто въ этихъ нѣсколькихъ словахъ былъ для него какой-то странный и горькій вкусъ.

Онъ послѣдовалъ за присяжнымъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ очутился одинъ, въ большомъ кабинетѣ, въ которомъ все дышало строгостью и который освѣщался двумя свѣчами, поставленными на столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Въ ухахъ его еще раздавались послѣднія слова присяжнаго: «Вы въ комнатѣ совѣта; вамъ стоитъ только повернуть мѣдную пуговицу въ этой двери, и вы будете въ залѣ аудіенціи за кресломъ господина президента». Эти слова смѣшались въ его мысляхъ съ skutымъ воспоминаніемъ объ узкихъ корридорахъ и черныхъ лѣстницахъ, по которымъ онъ только-что проходилъ.

Присяжный оставилъ его одного. Рѣшительная минута наступила. Онъ старался собраться съ мыслями, но не могъ. Мысленныя нити разрываются въ мозгу именно тогда, когда человекъ чувствуетъ самую большую необходимость связать ихъ съ мучительною дѣйствительностью. Онъ былъ теперь въ той самой комнатѣ, въ которой судьи совѣщаются и произносятъ приговоръ. Онъ смотрѣлъ съ каинъ-то безсмысленнымъ спокойствіемъ на эту тихую и страшную комнату, въ которой разбилось столько существованій, въ которой должно было скоро прозвучать его имя и черезъ которую судьба его проходила къ эту минуту. Онъ смотрѣлъ на стѣну, потомъ смотрѣлъ на самого себя, какъ-будто удивляясь этой комнатѣ и самому себѣ.

Онъ уже двадцать четыре часа ничего не ѣлъ, былъ набитъ толчками экипажа, но не чувствовалъ этого; ему казалось, что онъ ничего не чувствовалъ.

Онъ подошелъ къ черной рамкѣ, висѣвшей на стѣнѣ и въ которой подъ стекломъ было вставлено подлинное письмо Жана Никола Паша, мера Парижа и министра, письмо, въ которомъ Пашъ посылалъ въ общину списокъ министровъ и депутатовъ, арестованныхъ у себя дома. Кто бы взглянулъ на него въ эту минуту, подумалъ бы конечно, что это письмо интересуетъ его, потому-что онъ не спускалъ глазъ съ него и перечитывалъ его два, три раза. Онъ читалъ его, не обращая на него никакого вниманія, и самъ не зная, что занимается чтеніемъ: онъ думалъ о Фаяннѣ и о Козеттѣ.

Въ это время онъ обернулся и глаза его встрѣтились съ мѣдною пуговицею двери, отдѣлявшею его отъ ассизной залы.

Онъ почти забылъ пре эту дверь. Взглядъ его, сначала спокойный, остановился на ней, не отрываясь отъ этой мѣдной пуговицы, по-

томъ сдѣлался испуганнымъ и неподвижнымъ и мало-по-малу, наполнился ужасомъ. Капли пота выходили изъ его волосъ и текли по вискамъ.

Была минута, когда онъ, съ какою-то повелительною властью, снѣшанною съ непокорностью, сдѣлалъ тотъ невыразимый жестъ, который такъ хорошо выражаютъ мысль: «Чортъ возьми, да кто жь меня къ этому принуждаетъ». Потомъ онъ быстро обернулся, взглянулъ на дверь, въ которую вошелъ, пошелъ къ ней, раскрылъ ее и вышелъ. Теперь онъ уже не былъ въ этой комнатѣ; онъ былъ внѣ ея; онъ былъ въ корридорѣ длинномъ, узкомъ, полнымъ ступенекъ и рѣшетокъ, освѣщеннымъ тамъ и сямъ реверберами, похожими на лампадки, ставявшіяся подлѣ больныхъ; въ корридорѣ, по которому онъ уже проходилъ, онъ вздохнулъ и сталъ прислушиваться; никакого шуму сзади его, никакого впереди; онъ побѣжалъ, какъ-будто кто-нибудь гнался за нимъ.

Пробѣжавъ нѣсколько поворотовъ этого корридора, онъ снова сталъ прислушиваться: то же молчаніе и та же темнота окружали его. Онъ задыхался, патался, и прислонился къ стѣнѣ. Стѣна была холодна; лобъ его обливался ледянымъ потомъ; онъ выпрямился, проникнутый дрожью.

Потомъ, стоя въ этой темнотѣ, дрожа отъ холода, или, можетъ быть, отъ чего-нибудь другаго, онъ снова началъ думать.

Онъ уже провелъ въ мысляхъ всю ночь, провелъ весь день; теперь онъ слышалъ въ себѣ только голосъ, говорившій ему: увы!

Такъ прошло четверть часа. Наконецъ онъ наклонилъ голову, съ тоскою вздохнулъ, опустилъ руки, и пошелъ опять назадъ. Онъ шелъ медленно и какъ-будто убитый. Казалось, какъ-будто кто-то поймалъ его, и велъ назадъ.

Онъ снова вошелъ въ комнату совѣта. Первая вещь, кинувшаяся ему въ глаза, была: пуговица двери. Эта пуговица, круглая и изъ полированной мѣди, сверкала передъ нимъ точно страшная звѣзда. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ овца смотритъ на тигра.

Глаза его не могли оторваться отъ нея.

Время отъ времени онъ дѣлалъ шагъ впередъ и приближался къ двери.

Еслибъ онъ прислушался, то услышалъ бы, какой-то смутный шопотъ въ сосѣдней залѣ; но онъ не прислушивался, и не слышалъ.

Вдругъ, самъ не зная, какъ онъ очутился подлѣ двери, судорожно придавилъ пуговицу; дверь отворилась.

Онъ былъ въ залѣ аудіенціи.

IX.

Мѣсто, въ которомъ увѣждения начинаютъ образовываться.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, машинально затворилъ за собою дверь и остановился, смотря на то, что было передъ его глазами.

Онъ былъ въ широкой залѣ, слабо освѣщенной, полной то шума, то безмолвія, въ залѣ, въ которой вся обстановка уголовного про-

кесса разворачивается передъ глазами публики съ своею жалкою и мрачною важностью.

На одномъ концѣ залы, въ томъ, въ которомъ онъ находился, сидѣли, въ поношенныхъ робахъ и съ разсѣяннымъ видомъ, адвокаты, грызя ногти или закрывая глаза; на другомъ концѣ толпа въ рубищахъ; адвокаты во всѣхъ возможныхъ позахъ; солдаты съ честнымъ и жесткимъ лицомъ; старыя, покрытыя пятнами, деревянныя украшенія на стѣнахъ, грязный потолокъ, столы, покрытые саржею скорѣе желтою, чѣмъ зеленою, двери, выпачканныя руками, въ стѣнахъ гвозди, а на нихъ трактирные лампочки, дающія больше дыма, чѣмъ свѣта; на столахъ салныя свѣчи въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ; темнота, безобразіе, печаль, изо всего этого выдѣлялось суровое и царственное впечатлѣніе, потому-что тутъ чувствовалось то великое человеческое дѣло, которое называется закономъ, и то великое божественное дѣло, которое называется правосудіемъ.

Никто въ этой толпѣ не обращалъ на него вниманія. Всѣ взгляды устремлялись на одинъ пунктъ, на деревянную скамью, стоявшую подлѣ маленькой двери, влѣво отъ президента. На этой скамьѣ, освѣщенной нѣсколькими свѣчами, сидѣлъ человѣкъ между двумя жандармами.

Этотъ человѣкъ былъ подсудимый.

Мадленъ не искалъ его, но увидѣлъ. Глаза его сами собою обратились туда, какъ-будто они знали напередъ, гдѣ находится этотъ человѣкъ.

Ему показалось, что онъ видитъ самого себя, состарѣвшагося, несовершенно, конечно, похожаго лицомъ, но схожаго осанкою и видомъ, съ тѣми же взъерошенными волосами, съ тѣми же хищнымъ и спокойнымъ зрачкомъ, въ той же блузѣ, такого, какимъ онъ былъ, когда входилъ въ Д. *, полный ненависти и скрывая въ душѣ отвратительное сокровище страшныхъ мыслей, которыя онъ девятнадцать лѣтъ собиралъ на галерахъ.

Онъ сказалъ себѣ съ трепетомъ: «Боже мой, неужели я сдѣлаюсь такимъ?»

Этому человѣку было на видъ шестьдесятъ лѣтъ. Лицо его имѣло какое-то жесткое, безсмысленное и испуганное выраженіе.

При шумѣ двери, сидѣвшіе тутъ адвокаты дали ему мѣсто; президентъ повернулъ голову и, догадавшись, что вошедшій былъ меръ М.-на-М., поклонился ему. Генеральный адвокатъ, видѣвшій Мадлена въ М.-на-М., куда дѣла службы не разъ призывали его, тоже поклонился ему. Мадленъ едва замѣтилъ эти поклоны: имъ точно овладела какія-то видѣнія; онъ смотрѣлъ.

Судьи, присяжные, жандармы, толпа страшно любопытныхъ головъ—все это онъ видѣлъ уже разъ, двадцать-семь лѣтъ тому назадъ. Онъ снова встрѣчался съ этими роковыми вещами: онъ былъ тутъ, онѣ двигались, онѣ существовали; онѣ были уже не усиліемъ его памяти, не миражемъ его мысли, это были настоящіе жандармы и настоящіе судьи, настоящая толпа и настоящіе живые люди. Свер-

шилось: вокруг него оживала снова, со всеми ужасами действительности, чудовищная картина его прошедшего.

Все это зяло, какъ бездна, передъ его глазами.

Онъ пришелъ въ ужасъ, закрылъ глаза и въ глубинѣ души вскрикнулъ: «никогда!»

И, по трагической прихоти судьбы, приводившей въ трепетъ все его мысли и почти сводившей его съ ума, передъ его глазами стоялъ другой онъ. Этого человѣка, котораго привели къ суду, все называли Жаномъ Вальжаномъ.

Передъ его глазами было неслыханное видѣніе, передъ нимъ происходило какъ-бы представленіе самой ужасной минуты изъ его жизни, разыгранное его призракомъ.

Все было здѣсь: та же обстановка, тотъ же часъ ночи, почти тѣ же лица судей, солдатъ и зрителей. Только надъ головою президента висѣло распятіе вещь, которой не было въ судахъ во время его перваго осужденія.

Позади его стоялъ стулъ; онъ упалъ на него, полный боязни, чтобы его не замѣтили. Сѣвши, онъ воспользовался нѣсколькими картонками, стоявшими на судейскомъ столѣ, чтобы скрыть за ними свое лицо. Теперь онъ могъ видѣть и не быть видимымъ; теперь онъ исполнилъ вопелъ въ область действительности, и мало-по-малу совершенно оправился. Онъ дошелъ до того спокойствія, въ которомъ человѣкъ можетъ слушать.

Г. Баматабуа былъ въ числѣ жюри.

Мадленъ началъ искать глазами Жавера, но не нашелъ его. Скамья свидѣтелей была закрыта отъ него столомъ грѣбе; притомъ же, какъ мы только что сказали, зала была очень слабо освѣщена.

Въ ту минуту, когда онъ вошелъ, адвокатъ обвиненнаго оканчивалъ свою рѣчь. Вниманіе публики было возбуждено въ самой высшей степени: дѣло длилось уже три часа. Уже три часа эта толпа видѣла, какъ падалъ подъ бременемъ страшной вѣроподобности человѣкъ, какое-то несчастное существо, очень безсмысленный или очень ловкій. Эгого человѣкъ, какъ читатели уже знаютъ, былъ бродяга, пойманный въ степи съ вѣткою зрѣлыхъ яблокъ, сорвannою въ соседнемъ огородѣ. Кто былъ этотъ человѣкъ? Слѣдствіе было произведено, свидѣтели дали свои показанія, все они были согласны между собою; обсужденіе дѣла бросило на него большой свѣтъ. Обвинительный актъ говорилъ: «У насъ въ рукахъ не простой воръ, укравшій яблоки, у насъ разбойникъ, бывший каторжникъ, преступникъ изъ самыхъ опасныхъ, злодѣй, называющійся Жаномъ Вальжаномъ, котораго уже давно нѣтъ правосудіе и который восемь лѣтъ тому назадъ, по выходѣ съ тулонскихъ галеръ, совершилъ воровство на большой дорогѣ и вооруженною рукой у маленькаго савояра, по имени Малютка-Жерве. Это преступленіе, предвидѣнное 383 ст. св. уголовного, и къ которому мы еще возвратимся, когда будутъ юридически доказано, что этотъ человѣкъ действительно Жанъ Вальжанъ. Онъ совершилъ теперь новое воровство—это вторичное пре-

ступилснѣ. Приговорите его за новое злодѣяніе, а потомъ будетъ судить за старое.» Въ виду этого обвиненія, въ виду единодушія свидѣтелей обвиненный казался особенно удивленнымъ, онъ дѣлалъ жесты и знаки, выражавшіе отрицаніе, или смотрѣлъ на потолокъ. Онъ говорилъ съ трудомъ, отвѣчалъ съ затрудненіемъ, но вся его фигура, съ головы до ногъ, не соглашалась съ обвинителями. Онъ былъ точно ндіотъ въ присутствіи всѣхъ этихъ разумныхъ людей, собравшихся вокругъ него въ боевомъ порядкѣ, и точно чужестранецъ среди этого общества, овладѣвавшего имъ. Между тѣмъ дѣло шло для него о самой страшнѣйшей будущности; правдоподобность обвиненія усиливалась съ каждой минутой, и вся эта толпа смотрѣла съ большимъ безпокойствомъ, чѣмъ онъ самъ, на злополучное сплетеніе обстоятельствъ, болѣе и болѣе падавшее на него. Кромѣ галеръ, предвидѣлась даже смертная казнь, еслибы тождество его съ Жаномъ Вальжаномъ было доказано и еслибы дѣло Малютки-Жерве окончилось въслѣдствіи обвинительнымъ приговоромъ. Чтò это былъ за человекъ? Какого свойства была его апатія? Происходила ли она отъ бессмысленности или отъ хитрости? Слишкомъ ли много онъ понималъ или не понималъ ничего? Эти вопросы волновали тоже публику и приводили въ несогласіе жюри. Въ этомъ процессѣ былъ элементъ устрашающій и интригующій; драма эта была не только мрачна, но и запутана.

Защитникъ говорилъ довольно хорошо тѣмъ провинціальнымъ языкомъ, который долго составлялъ цвѣтъ адвокатскаго краснорѣчія какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, и который въ настоящее время употребляется только оффиціальными ораторами присутственныхъ мѣстъ, любящими его важную звучность и величественное теченіе. Это былъ языкъ, въ которомъ мужъ назывался *супругомъ*, жена — *супругою*, Парижъ — *центромъ искусствъ и цивилизаціи*, король — *монархомъ*, монсеньоръ епископъ — *святымъ понтифомъ*, генеральный адвокатъ — *краснорѣчивымъ органомъ общественнаго правосудія*, вѣкъ Людовика XIV — *великимъ вѣкомъ*, театръ — *храмомъ Мельпомены*, концертъ — *музыкальнымъ торжествомъ*, главнокомандующій въ департаментѣ — *славнымъ воиномъ, который...* и проч., воспитанники семинаріи — *этимъ нежными левитами*, ошибки, замѣчаемыя правительствомъ въ журналахъ — *ложью, испускающею свой ядъ въ столбцахъ этихъ органовъ* и проч. И такъ, адвокатъ началъ объясняться насчетъ воровства яблокъ — дѣло неудобное для высокаго слога; но и самъ Воссюэтъ увидѣть себя въ необходимости въ одной надгробной проповѣди упомянуть о курицѣ, и все-таки блистательно вышелъ изъ этого затруднительнаго положенія. Адвокатъ говорилъ, что воровство яблокъ матеріально не доказано. Кліента его, которому онъ продолжалъ давать имя Шанматье, никто не засталъ перебѣгающимъ черезъ стѣну или ломающимъ вѣтвь. Правда, когда его арестовали, въ рукахъ его была вѣтка; но онъ говоритъ, что нашелъ ее на землѣ и поднялъ. Чтò доказывало противное? Конечно, эту вѣтку сломалъ какой-нибудь мошенникъ и потомъ, испугавшись чего-нибудь, бросилъ; ко-

нечно, воровство тутъ было. Но гдѣ доказательство, что этотъ воръ былъ Шанматье? Въ одномъ только—въ томъ, что онъ прежде былъ каторжникъ. Адвокатъ не отвергалъ, что это обстоятельство было хорошо доказано; обвиненный жилъ нѣкоторое время въ Фавролѣ; обвиненный занимался тамъ подрѣзкою деревьевъ; имя Шанматье очень легко могло произойти отъ имени Жана-Матье,—все это было правда; наконецъ четыре свидѣтеля единогласно признали Шанматье за каторжника Жана Вальжана. Всѣмъ этимъ показаніямъ, этимъ свидѣтельствамъ адвокатъ могъ только противопоставить запирательство своего кліента. Но предположивъ даже, что онъ дѣйствительно былъ каторжникъ Вальжанъ, доказывало ли это, что онъ крадъ яблоки? Это было только предположеніе, а не доказательство. Обвиненный, правда, принялъ «дурную систему защиты»: съ этимъ адвокатъ соглашался. Обвиненный запирался во всемъ—въ воровствѣ и въ томъ, что онъ каторжникъ. Признаніе въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ было бы, конечно, для него полезнѣе и приобрѣло бы ему снисходительность судей; адвокатъ и совѣтовалъ ему сдѣлать это; но обвиненный упорно стоялъ на своемъ, думая, безъ сомнѣнія, что упорное запирательство спасетъ его. Это было, конечно, не хорошо; но развѣ не надо было принять въ соображеніе низкую степень его понятливости? Этотъ человѣкъ былъ очевидно-безмысленъ. Долгое бѣдствіе на галерахъ, продолжительная нищета внѣ ихъ довела его до этого состоянія, и проч., и проч.; онъ дурно защищался; но развѣ на основаніи этого можно было обвинить его? Что касается до дѣла Малютки-Жерве, то адвокату не зачѣмъ было касаться его: до обсужденія его еще не дошли. Адвокатъ заключалъ гѣмъ, что умолялъ жюри и судъ, если тождество Жана Вальжана нажется имъ очевидно, присудить его къ полицейскому наказанію, сдѣлаемому по закону, а не къ страшной казни, которой долженъ подвергнуться каторжникъ, совершившій вторичное преступленіе.

Генеральный адвокатъ началъ возражать защитнику. Онъ говорилъ порывисто и пѣвисто, какъ обыкновенно говорятъ генеральные адвокаты.

Онъ поздравилъ защитника съ его «честностью» и ловко воспользовался этою честностью. Онъ поражалъ обвиненнаго всѣми уступками, сдѣланными ему адвокатомъ. Адвокатъ, повидимому, соглашался, что обвиненный былъ Жанъ Вальжанъ. Генеральный адвокатъ принялъ это къ свѣдѣнію. И такъ этотъ человѣкъ былъ Жанъ Вальжанъ: это было доказано и не подлежало никакому спору. При этомъ случаѣ, ловко перейдя къ источникамъ и причинамъ уголовныхъ преступленій, генеральный адвокатъ началъ громить безнравственность романтической школы, которая въ то время только-что начинала расцвѣтать подъ именемъ *сатанической школы* именемъ, даннымъ ей критикамъ: журналовъ «*Quotidienne*» и «*Oriflamme*». Онъ приписалъ, не безъ правдоподобности, вліянію этой извращенной литературы проступокъ Шанматье или, лучше сказать, Жана Вальжана. Источивъ эти соображенія, онъ перешелъ къ самому Жану Вальжану. Что та-

кое былъ Жанъ Вальжанъ? Слѣдовало описаніе Жана Вальжана, чудовища, изрыгнутого природой, и проч. Образецъ этого рода описаній находится въ разсказѣ Терамена, который не приноситъ пользы трагедіи, но каждый день оказываетъ большія услуги юридическому краснорѣчію. Слушатели и жюри «затрепетали». Окончивъ описаніе, адвокатъ перешелъ къ ораторскому обороту, которому суждено было на другой день произвеста крайнюю степень восторга въ журналѣ Префектуры: — И такой-то человѣкъ, и проч. и проч., бродяга, нищій, безъ средствъ къ существованію, и проч. и проч., привыкшій къ преступленіямъ и мало исправленный жизнью на галерахъ, какъ доказываетъ преступленіе, сдѣланное надъ Малюткою-Жерве, и проч., такой-то человѣкъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стѣны, черезъ которую онъ перелѣзаль, держа еще въ рукахъ украденную вещь, запирается въ воровствѣ, запирается во всемъ, даже въ своемъ имени, даже въ своемъ тождествѣ. Кромѣ сотни доказательствъ, къ которымъ мы не вернемся больше, четыре свидѣтеля признали его: Жаверъ — честный полицейскій надзиратель Жаверъ, и три изъ его старыхъ товарищей по каторгѣ: Бреве, Шенильде и Коппаль. Что противопоставляетъ онъ этому громовому единодушію? Онъ запирается. Какая зачерствѣлость! Г-да жюри, вы будете справедливы и проч. и проч.

Между тѣмъ, какъ генеральный адвокатъ говорилъ, обвиненный слушалъ съ раскрытымъ ртомъ, съ какимъ-то удивленіемъ, къ которому примѣшивалось нѣкотораго рода благоговѣніе. Онъ видимо удивлялся, что человѣкъ можетъ такъ говорить. По временамъ, въ самыя энергическія минуты ораторства, въ тѣ минуты, когда краснорѣчіе, не имѣющее силы сдержать себя, разливается въ цѣломъ потокѣ оскорбительныхъ эпитетовъ и точно буря падаетъ на обвиненнаго, онъ медленно покачивалъ головою, какъ-будто дѣлая безмолвную и печальную протестацію, отъ которой онъ воздерживался съ самаго начала дебатовъ. Два или три раза зрители, находившіеся подлѣ него, слышали, какъ онъ говорилъ въ полголоса: — «Вотъ что значить не спросить у господина Балу!» Генеральный адвокатъ обратилъ вниманіе жюри на это остоупенное выраженіе лица, видимо рассчитанное, которое доказывало не бессмысленность, а ловкость, хитрость, привычку обманывать правосудіе, и которое выставляло въ полномъ свѣтѣ «глубокую извращенность» этого человѣка. Генеральный адвокатъ заключилъ тѣмъ, что обѣщаль вернуться еще къ дѣлу Малютки-Жерве, и требовалъ строгаго приговора.

Этотъ приговоръ долженъ былъ состоять въ ссылкѣ на вѣчную каторжную работу.

Защитникъ всталъ, поздравилъ сначала «г-на генеральнаго адвоката» съ его «удивительнымъ даромъ слова», потомъ началъ возражать. Но онъ слабѣлъ; онъ видимо терялъ почву.

X.

СИСТЕМА ЗАПІРАТЕЛЬСТВЪ.

Минута закончить дебаты наступила. Президент велѣлъ обвиненному встать съ своего мѣста и предложилъ ему обычный вопросъ:— Имѣете ли вы что сказать въ свою защиту?

Обвиненный, вертя въ рукахъ отвратительную шапку, казалось, не слышалъ.

Президентъ повторилъ вопросъ.

На этотъ разъ обвиненный услышалъ. Онъ, казалось, понялъ: онъ сдѣлалъ движеніе пробуждающагося человѣка, посмотрѣлъ вокругъ себя, взглянулъ на публику, на жандармовъ, на своего адвоката, на жюри, на судей, положилъ чудовищный кулакъ на край деревянной подставки, устроенной передъ его скамьею, еще разъ взглянулъ и вдругъ, устремивъ глаза на генеральнаго адвоката, началъ говорить. Это былъ какой-то взрывъ; по тому, какъ эти слова вылетали изъ его рта въ беспорядкѣ, одно за другимъ, безсвязно, казалось, что всѣ онъ толпились у губъ, стараясь выйти вмѣстѣ. Онъ сказалъ:

— Вотъ что я скажу: что я былъ колесникомъ въ Парижѣ, въ подмастерьяхъ у господина Валу. Колесникомъ быть не легко: все работаешь на свѣжемъ воздухѣ, въ дворахъ, подъ сараями у хорошихъ господъ, никогда въ закрытыхъ мастерскихъ, потому-что, видите ли, мѣста нѣтъ. Зимой такъ холодно, что только похлопываешь руками, чтобъ согрѣться, да хозяева не позволяютъ этого, говорятъ, что времени много уходитъ. Ну, а возиться съ желѣзомъ, когда камни замерзли—тяжело: это человѣка скоро можетъ уходить, въ молодыхъ лѣтахъ состарѣшься. Въ сорокъ лѣтъ ужъ человѣкъ покончилъ. Ну, а мнѣ было пятьдесятъ-три года, трудно было работать. Да и работники эти такіе злые люди! Когда товарищъ ихъ состарѣтся, они называютъ его старымъ животнымъ! Я началъ зарабатывать всего тридцать су въ день; мнѣ платили какъ можно дешевле; хозяева пользовались моими лѣтами. А тутъ у меня еще была дочь, занимавшаяся прачепнымъ мастерствомъ. Она тоже зарабатывала не много: для двоихъ кое-какъ хватало. Ей тоже было очень трудно. Цѣлый день стоишь у лоханки, въ дождь, въ снѣгъ, на вѣтрѣ, который тебѣ рѣжетъ лицо; на дворѣ морозъ, а ты все мой. Вѣдь есть люди, у которыхъ бѣлья мало и которые ждуть, пока имъ выстираютъ; не дѣлай этого, такъ и потеряешь практику. Доски дурно сколочены и вода отсюду капаетъ на васъ. Вся юбка промокнетъ насквозь. Вѣдь холодно. Она работала также въ прачешной Красныхъ Дѣтей, куда вода льется изъ крановъ. Тутъ въ лохань не становишься. Тутъ моешь у крама, а полощешь въ бассейнѣ. Такъ какъ мѣсто неоткрытое, то не такъ холодно, за то тутъ паръ отъ кипятка, который страшно портитъ глаза. Она возвращалась домой въ семь часовъ вечера и сейчасъ же ложилась спать: уставала вѣдь крѣпко. Мужъ ея билъ ее. Она умерла. Мы не особенно были счастливы. Она была славная женщина, никогда на балы не ѣздила и бы-

ла очень спокойнаго характера. Я помню, что разъ, во вторникъ на наслиной, она легла спать въ восемь часовъ. Такъ вотъ оно что. Я говорю правду. Справьтесь. если хотите. Экой я. однако дуракъ, что тутъ толкую о справкахъ. Парижъ, вѣдь, это омутъ! Кто тамъ знаетъ старика Шанматье? Ну, господина Балу спросите. А впрочемъ, я не знаю, чего вамъ отъ меня надо.

Обвиненный замолчалъ и не сѣлъ. Онъ сказалъ это громко, быстро, какимъ-то хриплымъ и зловѣщимъ голосомъ, съ какою-то раздраженною и дикою наивностью. Во время своей рѣчи отъ остановился, чтобы поклониться кому-то въ толпѣ. Когда онъ кончилъ, слушатели разразились смѣхомъ. Онъ посмотрѣлъ на публику и, увидѣвъ что всѣ смѣялись, и, ничего не понимая, самъ началъ смѣяться.

Во всемъ этомъ было что-то зловѣщее.

Президентъ, человекъ внимательный и благосклонный, началъ говорить:

Онъ напоминалъ членамъ жюри, что «Балу, бывшій колесникъ, у котораго обвиненный служилъ въ подмастерьяхъ, былъ вызываемъ въ судъ, но не явился. Онъ былъ банкротъ и его не могли найти». Потомъ, обратясь къ обвиненному, онъ пригласилъ его быть внимательнымъ тому, что ему скажутъ, и сказалъ вотъ что:—Вы находитесь въ положеніи, въ которомъ вамъ слѣдуетъ хорошенько подумать. Самыя важныя улики обвиняютъ васъ, и могутъ имѣть очень серьезныя послѣдствія. Обвиненный! въ вашемъ интересѣ приглашаю васъ разъяснить слѣдующіе два факта: во-первыхъ, перелѣзали ли вы черезъ стѣну огорода, сломали ли вѣтку и украли ли яблоки? во-вторыхъ вы ли каторжникъ Жанъ Вальжанъ, или нѣтъ?

Обвиненный глубокомысленно покачалъ головою, какъ человекъ, который хорошо понималъ и знаетъ что отвѣчать; онъ раскрылъ ротъ, повернулся къ президенту, и сказалъ:

— Съ перваго начала...

Потомъ онъ посморѣлъ на свою шапку, посмотрѣлъ на потолокъ, и замолчалъ.

— Обвиненный — продолжалъ генеральный адвокатъ строгимъ голосомъ, будьте внимательны. Вы не отвѣчаете ни на одинъ изъ предлагаемыхъ вамъ вопросовъ. Ваше смѣненіе осуждаетъ васъ. Очевидно, что ваше имя не Шанматье, что вы каторжникъ Жанъ Вальжанъ, скрывавшійся сначала подъ именемъ Жана Матье — именемъ вашей матери, что вы были въ Овернѣ, что родились въ Фавролѣ, гдѣ занимались подрѣзкою деревьевъ. Очевидно также, что вы перелѣзли черезъ стѣну огорода и украли яблоки. Господа жюри произнесутъ свой приговоръ.

Въ это время обвиненный сѣлъ. Когда генеральный адвокатъ кончилъ, онъ быстро всталъ и вскричалъ:

— Злой вы человекъ! — вотъ что я хотѣлъ сказать, да не зналъ какъ начать. Я ничего не укралъ, я даже не каждый день ѣмъ. Я шелъ изъ Альпъ, нашелъ на землѣ ломанную вѣтку съ яблоками, и поднялъ ее. Не зная что она мнѣ надѣляетъ столько хлопотъ. Вотъ уже три мѣся-

да меня держать въ тюрьмѣ и таскаютъ во всѣ стороны. Послѣ этого я не могу говорить, всѣ противъ меня, всѣ мнѣ говорятъ: отвѣчайте! Жандармъ, довольно добрый малый, все толкаетъ меня локтемъ и шепчетъ на ухо: «да отвѣчай же!» Я вѣдь не умѣю объясняться, я въ школѣ не учился, я бѣдный человекъ. На это, не бойсь, не обращаютъ вниманія, а не обращать грѣшно. Я не крадъ, я подымалъ на землѣ вещи, которыя лежали на ней. Вы говорите Жанъ Вальжанъ, Жанъ Матье! Я не знаю этихъ людей. Это должно быть поселяне. Я работалъ у г. Балу на госпитальномъ бульварѣ. Меня зовутъ Шанматье. Какъ это вы ухитрились сказать мнѣ гдѣ я родился! Я самъ этого не знаю. Не у всякаго человекъ есть домъ, чтобъ въ немъ родиться. Это было бы слишкомъ удобно. Мнѣ кажется, что мой отецъ и моя мать жили на большихъ дорогахъ; а впрочемъ, не знаю. Когда я былъ ребенкомъ, меня называли маленькимъ, теперь называютъ старымъ. Вотъ какія имена у меня. Думайте себѣ какъ хотите. Вы говорите, что я былъ въ Овернѣ, въ Фавролѣ—эка важность! Развѣ нельзя побывать въ Овернѣ и въ Фавролѣ безъ того, чтобъ не быть на галерахъ. Говорю я вамъ, что я не украдъ и что меня зовутъ Шанматье. Я жилъ у г. Балу, на квартирѣ жилъ. Надоѣли вы мнѣ ужъ съ вашими глупостями! И съ чего это всѣ бросаются на меня, точно бѣшенные?

Генеральный адвокатъ обратился къ президенту:

— Г. Президентъ, въ виду сбивчиваго, но очень ловкаго заpiresательства обвиненнаго, который хочетъ очень выдать себя за идиота, но не успѣетъ въ этомъ,—предупреждаемъ въ томъ его—мы просимъ васъ и судей снова велѣть привести въ эту залу преступниковъ Брве, Кошпая и Шенильды и полицейскаго надзирателя Жавера и спросить ихъ въ послѣдній разъ: признаютъ ли они тожество его съ каторжникомъ Жаномъ Вальжаномъ.

— Я долженъ объявить вамъ, г. генеральный адвокатъ, —сказалъ президентъ,—что полицейскій надзиратель Жаверь, отозванный службою въ главный городъ сосѣдняго округа, оставилъ аудіенцію и даже нашъ городъ немедленно послѣ подачи своего показанія. Мы позволили ему уѣхать съ согласія генеральнаго адвоката и защитника обвиненнаго.

— Вы правы, г. президентъ,—сказалъ генеральный адвокатъ.—Въ отсутствіе надзирателя Жавера я считаю долгомъ напомнить членамъ жюри то, что онъ говорилъ здѣсь за нѣсколько часовъ. Жаверь—человекъ уважаемый, строго и честно исполняющій свою второстепенную, но важную должность. Вотъ каково было его показаніе: «Я не имѣю даже нужды въ моральныхъ предположеніяхъ и матеріальныхъ доказательствахъ для опроверженія заpiresательства обвиненнаго. Я очень хорошо узнаю его. Этого человекъ зовутъ не Шанматье, это старый каторжникъ, очень злой и очень страшный, котораго зовутъ Жанъ Вальжанъ. Когда срокъ его заключенія кончился, его выпустили съ большимъ сожалѣніемъ. Девятнадцать лѣтъ былъ онъ въ каторжной работѣ за воровство. Пять или шесть разъ пытался онъ уѣхать.

Крѣпъ воровства у Малютки-Жерве и покражи яблокъ я подозрѣваю его еще въ воровствѣ у его величія покойнаго епископа Д-скаго. Я часто его видѣлъ въ то время когда служилъ на тулонскихъ галерахъ. Я повторяю, что очень хорошо узнаю его.

Это заявленіе, выраженное въ такихъ точныхъ словахъ, произвело, казалось, сильное впечатлѣніе на публику и на жири. Генеральшій адвокатъ окончилъ настоятельною просьбою, чтобы, за отсутствіемъ Жавера, трехъ свидѣтелей Бреве, Шеншльде и Кошпала снова назвали и торжественно допросили.

Президентъ передалъ приказаніе присяжному и, черезъ минуту, дверь комнаты свидѣтелей раскрылась. Присяжный, въ сопровожденіи жандарма, готоваго, въ случаѣ необходимости, помочь ему, ввелъ преступника Бреве. Слушатели жадно смотрѣли, и всѣ сердца трепетали, какъ-будто у всѣхъ этихъ людей была одна душа.

Бывшій каторжникъ Бреве былъ въ чернострѣй курткѣ, носимой въ центральныхъ домахъ. Бреве былъ человекъ лѣтъ шестидесяти, съ лицомъ дѣловаго человека и видомъ плута. Такое соединеніе иногда встрѣчается. Въ тюрьмѣ, въ которую посадили его за новыя проделки, онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ привратника. Это былъ человекъ, о которомъ начальники говорили: «онъ старается сдѣлаться полезнымъ», Духовники хорошо отзывались о его религіозныхъ наклонностяхъ. Не надо забывать, что это происходило во время реставраціи.

— Бреве—сказалъ президентъ,—вы уже были заклеены закономъ и не можете присягать.

Бреве опустилъ глаза.

— Но—продолжалъ президентъ,—даже въ человекѣ, заклеенномъ закономъ, можетъ, если то позволяетъ божественное милосердіе, остаться чувство чести и справедливости. Къ этому-то чувству взываю я въ этотъ рѣшительный часъ. Если оно еще осталось въ васъ,—въ чемъ я не хочу сомнѣваться—то подумайте прежде, чѣмъ станете отвѣчать мнѣ, вспомните, съ одной стороны, объ этомъ человекѣ, котораго одно слово ваше можетъ погубить, съ другой стороны, о правосудіи, которому одно слово ваше можетъ уяснить дѣло. Минута эта торжественна, и если вы думаете, что ошиблись, то еще имѣете время отказаться отъ своихъ словъ. Обвиненный, встаньте! Бреве, посмотрите хорошенько на обвиненнаго, соберите ваша воспоминанія, и скажите намъ по душѣ и по совѣсти: продолжаете ли вы признавать этого человека за вашего стараго галернаго товарища Жана Вальжана?

Бреве посмотрѣлъ на обвиненнаго, потомъ повернулся къ судьямъ.

— Да, г. президентъ, я первый узналъ его, и настаиваю на своемъ: этотъ человекъ—Жанъ Вальжанъ, вошедшій въ Тулонъ въ 1796 г. и вышедшій отсюда въ 1815 г. Я былъ выпущенъ черезъ годъ послѣ этого. Теперь онъ похожъ на бессмысленное животное; видно, это старость такъ его уходила; на галерахъ онъ былъ хитеръ. Я положительно узнаю его.

— Садитесь, —сказалъ президентъ.—Обвиненный, вы оставайтесь стоя.

Ввели Шенильде, вѣчно-ссылнаго, что доказывалось его красной курткой и зеленымъ колпакомъ. Его привели изъ Тулона нарочно для этого дѣла. Это былъ низенькій человекъ, лѣтъ пятидесяти, живой, морщинистый, худой, желтый, нахальный, съ какою-то болезненною слабостью во всѣхъ членахъ и съ безмѣрною силою во взглядѣ.

Президентъ обратился къ нему почти съ тѣми же вопросами, какіе были предложены Брве. Въ ту минуту, какъ онъ напомнилъ каторжнику, что законъ, заклеившій его, запрещаетъ ему присягать, Шенильде поднялъ голову и посмотрѣлъ толгѣ въ лице. Президентъ попросилъ его быть хладнокровнымъ и спросилъ у него, также, какъ и у Брве: по прежнему ли онъ узнаетъ обвиненнаго.

Шенильде расхохотался.

— Узнаю ли я его? еще бы! да вѣдь мы пять лѣтъ были прикованы на одной цѣпи. Старина, ты, точно, на меня сердилъся?

— Садитесь, сказалъ президентъ.

Присяжный подвелъ Кошпала. Этотъ человекъ, тоже вѣчно-ссылный, нарочно приведенный съ галеръ и одѣтый въ красную куртку, какъ Шенильде, былъ родомъ изъ Пиренеевъ. Онъ пасъ въ горахъ стада, и изъ пастуха сдѣлался разбойникомъ. Кошпаль былъ такъ же дикъ, какъ обвиненный, и казался еще безсмысленнѣе его. Это былъ одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ людей, которыхъ природа хотѣла сдѣлать хищными звѣрьми, а общество сдѣлало каторжниками.

Президентъ попытался расшевелить его нѣсколькими патетическими и величественными словами и спросилъ его, также какъ и двухъ другихъ: продолжаетъ ли онъ, безъ всякаго колебанія и затрудненія, узнавать человека, стоявшаго предъ нимъ?

— Это Жанъ Вальжанъ, — сказалъ Кошпаль. — Его еще называли Жанъ Подъемъ — такой онъ былъ сильный!

Утвердительные отвѣты этихъ трехъ людей, отвѣты очевидно-искренніе и добровольные, производили между слушателями говоръ, заключавшій въ себѣ дурное предзнаменованіе для обвиненнаго. Обвиненный слушалъ эти отвѣты съ удивленіемъ, которое, какъ говорилъ его обвинитель, было у него главнымъ средствомъ защиты. После перваго отвѣта, его сосѣди-жандармы слышали, какъ онъ проворчалъ сквозь зубы «вотъ оно какая штука!» При второмъ отвѣтѣ, онъ сказалъ не много громче, почти съ удовольствіемъ: «славно!» При третьемъ онъ вскричалъ: «знатно!»

Президентъ обратился къ нему:

— Обвиненный, вы слышали? Что вы имѣете сказать?

Онъ отвѣчалъ:

— Я говорю: «знатно!»

Въ публикѣ раздался громкій говоръ, сообщившійся въ нѣкоторой степени даже жюри. Было очевидно, что подсудимый погибъ.

Присяжные сказали президенту — возстановите тишину. Я приступаю къ заключенію дебатовъ.

Въ эту минуту какое-то движеніе произошло подлѣ самого президента: чей-то голосъ громко крикнулъ:

— Бреве, Шенильдье, Кошпаль! посмотрите въ эту сторону!

Въ голосѣ этомъ было столько плачевнаго и страшнаго, что всѣ, услышавшіе его, похолодѣли; всѣ глаза устремились въ ту сторону, откуда онъ вылетѣлъ. Одинъ изъ почетныхъ зрителей, сидѣвшихъ зади судей, только-что всталъ съ своего мѣста, толкнувъ дверь, отдѣляющую трибуналь отъ преторіи, и стоялъ посреди залы. Президентъ, генеральный адвокатъ, Баматабуа, двадцать человѣкъ узнали его, и разомъ крикнули:

— Господинъ Мадленъ!

XI.

ШАНМАТЬЕ ВОЛѢ И ВОЛѢ УДВЛЕННЫЙ.

Это былъ, дѣйствительно, онъ. Лампа грѣшь освѣщала лице его. Онъ держалъ шляпу въ рукѣ; въ костюмѣ его не было никакого безпорядка; сюртукъ былъ старательно застегнутъ. Онъ былъ очень блѣденъ и слегка дрожалъ. Волосы его, еще сѣдоватыя въ то время, когда онъ пріѣхалъ въ Аррасъ, теперь совершенно побѣлѣли въ продолженіи этого часа, который онъ провелъ здѣсь.

Всѣ головы поднялись. Впечатлѣніе было неописанное. Всѣ зрители почувствовали какос-то колебаніе. Голосъ этотъ былъ полонъ такой скорби, а человѣкъ, стоявшій посерединѣ комнаты, былъ такъ спокоенъ, что публика сначала не поняла въ чемъ дѣло. Каждый спрашивалъ себя: «кто это крикнулъ?» Никто не вѣрилъ, чтобы такой страшный крикъ вылетѣлъ изъ груди такого спокойнаго человѣка.

Эта нерѣшимость длилась не долго. Президентъ и генеральный адвокатъ еще не успѣли произнести ни одного слова, жандармы и присяжные не успѣли еще слѣзать ни одного движенія, какъ человѣкъ, котораго всѣ еще называли въ эту минуту г. Мадленомъ, подошелъ къ свидѣтелямъ Кошпалю, Бреве и Шенильдье.

— Вы меня не узнаете?— спросилъ онъ.

Всѣ трое растерялись и знаками головы показали, что они его не знаютъ. Кошпаль, оробѣвъ, отдалъ честь по-военному. Мадленъ обратился къ жюри и къ судьямъ, и кроткимъ голосомъ сказалъ:

— Господа жюри, прикажите освободить обвиненнаго; г. президентъ, велите арестовать меня. Человѣкъ, котораго вы ищете,— не онъ, а я. Я Жанъ Вальжанъ.

Всѣ притаили дыханіе. За первымъ сотрясеніемъ удивленія послѣдовало гробовое молчаніе. Въ залѣ чувствовался тотъ религіозный ужасъ, который охватываетъ толпу, когда предъ нею совершается что-нибудь великое.

Между тѣмъ лице президента приняло выраженія симпатіи и грусти; онъ обмѣнялся быстрымъ взглядомъ съ генеральнымъ адвокатомъ, и нѣсколькими словами, произнесенными шопотомъ, съ присутствовавшими совѣтниками. Потомъ онъ обратился къ публикѣ, и спросилъ тономъ, который былъ понятъ всѣмъ:

— Нѣтъ ли здѣсь доктора?

Затѣмъ генеральный адвокатъ обратился съ слѣдующею рѣчью:

— Господа жюри! Странный и неожиданный случай, нарушивший нашу аудиенцію, внушаетъ намъ также, какъ и вамъ, чувство, котораго мы не имѣемъ надобности высказывать. Вы всё знаете, по-крайней-мѣрѣ, по слухамъ, почтеннаго г. Мадлена, мера въ М.-на-М. Если въ публикѣ есть докторъ, то мы присоединяемся къ г. президенту, чтобы просить его пожаловать сюда, чтобы проводить г. Мадлена на его квартиру.

Мадленъ не далъ докончить генеральному адвокату: онъ прервалъ его словами, полными кротости и повелительнаго выраженія. Вотъ эти слова; мы ихъ приводимъ буквально, какъ они были записаны тотчасъ послѣ аудиенціи однимъ изъ свидѣтелей этой сцены, какъ они досихъ-поръ живутъ въ устахъ людей, слышавшихъ ихъ сорокъ лѣтъ назадъ.

— Благодарю васъ, г. генеральный адвокатъ, но я не сошелъ съ ума: вы сейчасъ это увидите. Вы чуть-чуть не совершили большой ошибки. Отпустите этого человѣка; я исполню свой долгъ: я этотъ несчастный преступникъ. Одинъ я ясно вижу въ чемъ тутъ дѣло, и говорю вамъ правду. На то, что я дѣлаю въ эту минуту, смотреть Богъ, и этого достаточно. Вы можете арестовать меня потому-что я въ вашихъ рукахъ; между тѣмъ, чтобы избѣжать этого, я дѣлалъ всевозможныя усилія: я скрывался подъ чужимъ именемъ, я сдѣлался богатымъ, сдѣлался меромъ, я хотѣлъ снова стать честнымъ человекомъ. Видно, это невозможно. Наконецъ, есть много вещей, которыхъ я не могу сказать. Я не стану вамъ рассказывать мою жизнь: когда-нибудь вы ее узнаете. Я обокралъ монсеньора епископа—это правда; я обокралъ Малютку-Жерве—это правда. Васъ не обманули, что Жанъ Вальжанъ очень злой человѣкъ. Но вся вина, можетъ быть, лежитъ не на немъ. Послушайте, господа судьи, человѣкъ такъ низко павшій, какъ я, не смѣетъ ни упрекать Провидѣніе, ни давать совѣты обществу... но знаете ли,—позоръ, изъ котораго я пытался выйти—вещь вредная. Каторга образуетъ каторжника. Подумайте объ этомъ, если хотите. До ссылки я былъ бѣдный поселянинъ, очень мало развитой, почти идиотъ; каторга измѣнила меня: я былъ безмысленъ, я сдѣлался злымъ, я былъ полѣномъ, я сдѣлался гордацею головешкою. Послѣ того, снисходительность и доброта спасли меня, какъ строгость погубила. Но, простите, вы не можете понять, то что я говорю. Вы найдете у меня, въ золѣ камня, монету въ сорокъ су, которую я укралъ у Малютки-Жерве, семь лѣтъ назадъ. Вольше мнѣ нечего говорить. Возьмите меня. Боже мой! г. генеральный адвокатъ качаетъ головой; вы говорите: «г. Мадленъ сошелъ съ ума»; вы мнѣ не вѣрите—вотъ что грустно. По-крайней-мѣрѣ, не осуждайте этого человѣка. Какъ! эти люди не узнаютъ меня! я желалъ бы, чтобы Жаверъ былъ здѣсь. Этотъ узналъ бы меня.

Никакими словами нельзя выразить той благосклонной и мрачной меланхоліи, съ которою были произнесены слова эти.

Онъ обратился къ тремъ каторжникамъ:

— Ну, а вѣдь я васъ узнаю! Бреве, вспоминаешь ли ты?

Онъ остановился, съ минуту помолчалъ, и сказалъ:

— Вспоминаешь ли ты о подтяжкахъ съ шашечными рисунками, которыя ты носилъ на галерахъ?

Бреве вздрогнулъ отъ удивленія, и съ испугомъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы. Жанъ Вальжанъ продолжалъ:

— Шенильдь! у тебя на правомъ плечѣ глубокой обжогъ, потому-что ты разъ легъ плечомъ на горячую жаровню, чтобы вывести три буквы: Т, F, P, которыя все-таки остались. Отвѣчай, правда ли это?

— Это правда, сказалъ Шенильдь.

Онъ обратился къ Кошпалю:

— Кошпаль! у тебя надъ кѣстью правой руки выжжено порохомя одно число, Это число 15 марта 1815 г., — день высадки императора въ Каннахъ. Засучи рукавъ!

Кошпаль засучилъ рукавъ—всѣ взгляды обратились къ его обнаженной рукѣ. Жандармъ приблизилъ лампу: число, дѣйствительно, было выжжено порохомя.

Несчастный человѣкъ обратился къ публикѣ и судьямъ съ улыбкою, которой не могутъ до-сихъ-поръ вспомнить безъ великой скорби видѣвшіе ее. Это была улыбка торжества и то въ же время улыбка отчаянія.

— Вы видите теперь, — сказалъ онъ, — что я Жанъ Вальжанъ?...

Теперь въ этой залѣ не было ни судей, ни обвинителей, ни жандармовъ; были только неподвижно-устремленные глаза и взволнованныя сердца. Всѣ забыли о роляхъ, которыя они могли бы играть; генеральный адвокатъ забылъ, что онъ былъ здѣсь для того, чтобы говорить; президентъ забылъ, что ему надо предѣдательствовать; защитникъ—что онъ пришелъ сюда чтобы защищать. И, удивительное дѣло; ни одинъ вопросъ не былъ предложенъ, ни одна власть не вмѣшалась. Великія зрѣлища имѣютъ то свойство, что они захватываютъ души и дѣлаютъ изъ всѣхъ свидѣтелей—зрителей. Никто, можетъ быть, не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ; никто, безъ сомнѣнія, не говорилъ себѣ, что здѣсь засверкалъ яркій свѣтъ; всѣ внутренно чувствовали себя ослѣпленными.

Было очевидно, что тутъ стоялъ Жанъ Вальжанъ—это было ясно, какъ день. Появленіе этого человѣка было достаточно для того, чтобы наполнить свѣтомъ это происшествіе, еще за минуту до того темно. Вся эта толпа, точно вслѣдствіе какого-го электрическаго откровенія, разомъ поняла эту простую и великолѣпную исторію человѣка, который предавалъ себя для того, чтобы другой не былъ осужденъ вмѣсто него. Подробности, колебанія, маленькія возможныя сопротивленія потерялись въ этомъ блестящемъ, огромномъ фактѣ.

Это впечатлѣніе прошло скоро, но въ первую минуту оно было непреодолимо.

— Я не хочу больше беспокоить слушателей, — продолжалъ Жанъ Вальжанъ,—я уйду, потому-что меня не арестуютъ. Мнѣ еще предстоитъ много дѣла. Г. генеральный адвокатъ знаетъ кто я такой, знаетъ куда я ѣду и можетъ арестовать меня когда пожелаетъ.

Онъ направился къ выходу. Ни одинъ голосъ не возвысился, ни одна рука не поднялась, чтобы удержать его, всё дали ему дорогу. Онъ медленно прошелъ сквозь толпу. Никто никогда не узналъ кто ему отперъ двери, но достовѣрно только то, что дверь оказалась отпертою, когда онъ дошелъ до нея. Тутъ онъ обернулся, и скалъ: — Г. генеральный адвокатъ, я остаюсь въ вашемъ распоряженіи.

Потомъ онъ обратился къ публикѣ:

— Вы всё, присутствующіе здѣсь, вы находите меня достойнымъ сожалѣнія — не правда ли? Боже мой! когда я подумаю о томъ, что хотѣлъ было сдѣлать, то считаю себя достойнымъ зависти. Однакожъ я лучше бы ждалъ, чтобы всего этого не было.

Онъ вышелъ, и дверь закрылась сама собою такъ же какъ и открылась, потому-что люди свершающіе великія вещи, всегда могутъ быть увѣрены, что кто-нибудь изъ толпы услужитъ имъ.

Менѣе чѣмъ чрезъ часъ послѣ этого, приговоръ жюри освобождаетъ отъ всякаго обвиненія Шанматье, и Шанматье немедленно выпущенный, ушелъ, глубоко изумленный, считая всѣхъ людей сумасшедшими и ничего не понимая въ этомъ видѣніи.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ПРОТИВОДѢЙСТВІЕ.

I.

Въ какое зеркало Мадлень смотритъ на свои волосы.

День только-что начиналъ заниматься. Фантина провела лихорадочную и безсонную ночь, полную, однако, счастливыхъ видѣній; на разсвѣтъ она уснула. Сестра Симплиція, бодрствовавшая подлѣ нея, воспользовалась этимъ сномъ, чтобы пойти приготовить новую порцію хиннаго питья. Достойная сестра уже нѣсколько минутъ стояла въ лабораторіи больницы, наклонясь надъ стеклянками и смотря въ нихъ пристально, но причинѣ темноты, разлитой повсюду сумерками. Вдругъ она повернула голову, и слегка вскрикнула... Мадлень стояла передъ нею. Онъ неслышно вошелъ въ комнату.

— Это вы, господинъ меръ!.. вскричала она.

Онъ отвѣчалъ шопотомъ:

— Чтò дѣлаетъ эта бѣдная жепциана?

— Теперь ей не совсѣмъ дурно. Но, какъ мы безпокоились!..

Она разсказала ему обо всемъ происшедшемъ, что Фантинѣ наканунѣ было очень дурно, но что теперь ей лучше, потому-что она думала, что меръ поѣхалъ за ея дочерью въ Монфермель. Сестра не постѣла разспрашивать мера, но она догадалась по его виду, что онъ пріѣхалъ не изъ Монфермеля.

— Все это очень хорошо, сказалъ онъ, — и вы умно сдѣлали, что не вывели ее изъ заблужденія.

— Да, сказала сестра, — но теперь, когда она увидитъ васъ и не увидитъ своего дитяти, что мы ей скажемъ?

Онъ на минуту задумался.

— Богъ внушитъ намъ что говорить, — сказалъ онъ.

— Но, вѣдь, нельзя будетъ солгать, — прошептала сестра въ полголоса.

Въ это время совсѣмъ разсвѣло. Свѣтъ ударялъ въ лице Мадлена. Сестра случайно подняла глаза.

— Воже мой, господишь мерь! — вскричала она, — что съ вами случилось, вы совсѣмъ посбѣдѣли!

— Посбѣдѣлъ! — сказалъ онъ.

У сестры Симплиции не было зеркала; она порылась въ какой-то шкафъ и вытатила оттуда маленькое зеркальце, которое употреблялось госпитальнымъ докторомъ для удостовѣренія въ томъ, что больной умеръ и не дышалъ больше. Мадленъ взялъ зеркальце, посмотрѣлъ въ него и сказалъ: «Каково!»

Онъ произнесъ это слово равнодушно, и какъ-будто думая о чемъ-нибудь другомъ.

Сестра почувствовала холодъ отъ какой-то тайны, которую она видѣла во всемъ этомъ.

Онъ спросилъ:

— Могу ли я ее видѣть?

— Развѣ вы перевезете сюда ея дитя? — сказала сестра, едва осмѣлившись рѣшиться на этотъ вопросъ.

— Безъ сомнѣнія перевезу, но на это понадобится, по-крайней-мѣрѣ, два или три дня.

— Если она до-тѣхъ-поръ не увидитъ васъ, — робко сказала сестра, — то не будетъ знать что вы вернулись, и ее легко будетъ успокоить; а когда дитя прѣдетъ, тогда она подумаетъ, что его привезли вы. Такимъ образомъ и лгать не придется.

Мадленъ, казалось, подумалъ нѣсколько минутъ, потомъ отвѣчалъ съ своею обычною серьезностью:

— Нѣтъ, сестра, я долженъ ее видѣть. Мнѣ, можетъ быть, надо съйти.

Монахиня, казалось, не замѣтила этого: «можетъ быть», придававшаяго темный и странный смыслъ словамъ мѣра. Она отвѣчала, потупивъ глаза и почтительнымъ голосомъ:

— Въ такомъ случаѣ, она отдыхаетъ, но вы можете войти.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній насчетъ одной дурно - затворившейся двери, шумъ которой могъ разбудить больную, потомъ вошелъ въ комнату Фантины, положилъ къ кровати, и открылъ занавѣски. Она спала. Дыханіе ея выходило изъ груди съ трагическимъ шумомъ, свойственнымъ этимъ болѣзнямъ, и который приводитъ въ отчаяніе бѣдныхъ матерей, болрствующихъ по ночамъ у колыбели осужденнаго на смерть и спящаго ребенка. Но это тяжелое дыханіе едва случало какое-то неизъяснимое спокойствіе, разлитое на ея лицѣ и совершенно преобразавшее ее. Блѣдность ея сдѣлалась бѣлизной; щеки

были алыя. Длинныя, бѣлокурыя рѣсницы, единственная красота, оставшаяся у нея отъ ея дѣвственности и молодости, дрожали, оставаясь закрытыми и опущенными. Вся фигура ея дрожала, какъ-будто у ней были крылья, готовые раскрыться и унести ее. Смотря на нее, никакъ нельзя было подумать, что это безнадежная больная: она походила скорѣе на улетающую, чѣмъ на умирающую.

Мадлень нѣсколько минутъ оставался неподвижнымъ около этой постели, смотря поочередно то на больную, то на распятіе, какъ смотрѣлъ два мѣсяца до этого, въ тотъ день, когда онъ въ первый разъ пришелъ къ ней въ этотъ пріютъ. Теперь они оба были въ такомъ же положеніи, какъ и тогда, она спала, онъ молился; только теперь у нея были сѣдые волосы, а у него совсѣмъ бѣлые.

Сестра не вошла съ нимъ. Онъ стоялъ полѣ этой постели, положивъ палецъ на губы, какъ-будто въ комнатѣ былъ кто-нибудь, кого нужно было заставить молчать.

Она раскрыла глаза, увидѣла его и съ тихою улыбкою спросила:
— А Козетта?

II.

ФАНТИНА СЧАСТЛИВА.

Она не почувствовала ни удивленія, ни радости; она сама была радостью. Этотъ простой вопросъ: «а Козетта?» былъ сдѣланъ съ такой глубокой вѣрою, съ такою увѣренностью и съ такимъ полнымъ отсутствіемъ безпокойства и сомнѣній, что онъ не нашелся что отвѣчать. Она продолжала:

— Я знала, что вы тутъ; я спала, но видѣла васъ. Я давно вижу васъ. Я слѣдила за вами глазами цѣлую ночь. Вы были въ сіяніи славы, и вокругъ васъ проносились разные божественные образы.

Онъ поднялъ глаза къ распятію.

— Но, продолжала она— скажите же мнѣ, гдѣ Козетта? Отчего вы не положили ее ко мнѣ на кровать, чтобы я увидѣла ее при пробужденіи?

Онъ машинально далъ какой-то отвѣтъ, котораго онъ потомъ никогда не могъ припомнить.

Къ счастью, докторъ, котораго извѣстили о пріѣздѣ Мадлена, пришелъ въ эту минуту. Онъ помогъ Мадлену.

— Дитя мое,—сказалъ докторъ,—успокойтесь: ваша дочь здѣсь.

Глаза Фантины засверкали и облили свѣтомъ все лицо ея. Она скрестила руки съ выраженіемъ, заключающимъ въ себѣ все, что только молитва можетъ имѣть порывистаго и кроткаго.

— О! вскричала она,—принесите ее ко мнѣ!

Трогательная иллюзія матери! Козетта, въ ея глазахъ, все еще была маленькимъ ребенкомъ, котораго можно принести.

— Подождите еще не много,—сказалъ докторъ.—У васъ еще не совсѣмъ прошла лихорадка. Видъ вашей дочери изволнуетъ васъ и повредить вамъ. Надо прежде васъ вымочить...

Она быстро прервала его:

— Но я совѣмъ вылечилась; я вамъ говорю, что я вылечилась! Экой оселъ этотъ докторъ! Слышите ли, я хочу видѣть мою дочь!

— Видите,—сказалъ докторъ,—какъ вы нетерпѣливы! Пока вы будете такъ поступать, я не позволю вамъ видѣть вашу дочь. Вамъ недостаточно видѣть ее, вы должны жить для нея. Когда вы будете вести себя какъ слѣдуетъ, я самъ приведу ее сюда.

Бѣдная мать склонила голову.

— Господинъ докторъ, простите меня, прошу васъ, простите меня! Въ былое время я не говорила бы такъ, но со мной случилось столько несчастій, что я иногда не знаю что говорю. Я понимаю: вы боитесь волненія; я буду ждать сколько вы хотите, но, клянусь вамъ, что свиданіе съ моей дочерью не повредило бы мнѣ. Я вижу ее, я не выпускаю ее изъ глазъ со вчерашняго вечера. Знаете ли? Вслибъ мнѣ принесли ее теперь, я бы стала съ ней разговаривать очень спокойно. Вотъ и все. Развѣ не натурально, что я желаю видѣть мою дочь, за которую нарочно для меня ѣздили въ Монфермаль. Я не сержусь, я знаю, что я буду счастлива. Цѣлую ночь мнѣ видѣлись какія-то бѣлыя вещи и улыбающіяся лица. Когда господинъ докторъ захочетъ, онъ мнѣ принесетъ мою Козетту. У меня нѣтъ больше лихорадки, потому-что я вылечилась; я чувствую что я совѣмъ здорова; но я буду поступать какъ больная, и не шевелиться, чтобы угодить здѣшнимъ почтеннымъ сестрамъ. Когда увидать что я совершенно спокойна, то скажутъ: «надо ей отдать ее дочь».

Мадленъ сѣлъ на стулъ возлѣ кровати. Она повернулась къ нему; она видимо старалась казаться спокойною; но, сдерживая себя, въ то же время не могла удержаться, чтобы не обращаться къ Мадлену съ тысячью вопросовъ.

— Хорошо ли вы съѣздили г. меръ? О, какъ вы добры, что поѣхали за нею! Скажите мнѣ только, какова она собою? Хорошо ли она перенесла дорогу? Увы! она меня теперь не узнаетъ! она вѣрно ужъ меня забыла, бѣдная душечка! У этихъ дѣтей вѣдь нѣтъ никакой памяти; они точно птицы: сегодня они видятъ одну вещь, завтра другую, и ни о чемъ не думаютъ. Было ли у нея бѣлое бѣлье? Често ли ее держали эти Тенардье? какъ ее кормили? О! еслибъ вы знали, какъ я страдала, задавая себѣ эти вопросы во время моей нищеты! Теперь все это прошло; теперь мнѣ весело! О! какъ бы я хотѣла ее видѣть! Г. меръ, хорошенькою ли она показалась вамъ? Неправда ли, что она очень хороша? Вамъ, должно быть, было очень холодно въ этомъ дилежансѣ? Нельзя ли привести ее ко мнѣ хоть на минуту? Ее сейчасъ же опять унесутъ. Скажите—вѣдь вы здѣсь хозяинъ—не позволите ли вы?

Онъ взялъ ее за руку:

— Козетта очень хороша, — сказалъ онъ,—Козетта здорова. Вы скоро ее увидите, но успокойтесь. Вы говорите слишкомъ много, и потому вы высовываете руку изъ подъ одѣяла, а это усиливаетъ вашу кашель.

Дѣйствительно, припадки кашля каждую минуту прерывали слова Фантины.

Фантина не выказала своего неудовольствія и, боясь, чтобы ея слишкомъ живыя жалобы не испортили довѣрія, которое она хотѣла внушить, начала говорить о предметахъ постороннихъ.

— А вѣдь Монфермель совсѣмъ недурное мѣсто? Лѣтомъ туда многіе ѣздятъ на гулянье. Хорошія ли дѣла дѣлаютъ эти Тенардье? У нихъ вѣдь мѣсто нелюдное, ихъ гостинница вѣдь не лучше харчевни?

Мадленъ продолжалъ держать ее за руку, и съ безпокойствомъ смотрѣлъ на нее; было очевидно, что онъ пришелъ сюда, чтобъ сказать ей вещи, передъ которыми мысль его теперь колебалась. Докторъ, окончивъ свой визитъ, ушелъ. Сестра Симплиція осталась одна подлѣ нихъ.

Вдругъ, среди этого молчанія, Фантина вскричала:

— Я слышу ее! Боже мой, я слышу ее!—Она протянула руки, какъ бы говоря, чтобы всѣ замолчали, удержала дыханіе, и, въ упоеніи, начала прислушиваться.

На дворѣ забавлялось какое-то дитя — дитя привратницы, или какой нибудь работницы. Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые всегда встрѣчаются и которые, кажется, составляютъ часть таинственной постановки на сцену мрачныхъ событій. Дитя — маленькая дѣвочка, ходила, бѣгала, чтобы согрѣться, смѣялась и громко пѣла. Эту-то дѣвочку услышала Фантина.

— О! продолжала она, это Козетта: я узнаю ея голосъ!

Дѣвочка ушла какъ пришла, голосъ ея потерялся вдали. Фантина прислушивалась еще нѣсколько времени, потомъ лицо ея омрачилось, и она сказала шопотомъ: «Какой злой этотъ докторъ! Онъ не позволяетъ мнѣ видѣться съ моею дочерью! У этого человѣка нехорошее лицо!»

Между тѣмъ веселыя мысли снова явились къ ней. Она продолжала говорить сама съ собою, не подымая головы съ подушки: «Какъ мы будемъ счастливы! Во-первыхъ, у насъ будетъ маленькій садъ—г. Мадленъ обѣщалъ мнѣ это—дочь моя будетъ играть въ саду. Она вѣрно ужъ знаетъ азбуку; я начну ее учить складамъ. Она будетъ бѣгать по травѣ за бабочками—я буду смотрѣть на нее. Потомъ я въ первый разъ причащу ее... Да, когда нужно будетъ причащать ее...»

Она стала считать по пальцамъ.

«Одинъ, два, три, четыре... Ей семь лѣтъ. Черезъ пять лѣтъ на ней будетъ бѣлый вуаль, ажурные чулки; она будетъ похожа на маленькую женщину. О, добрая моя сестра! какъ я глупа, смотрите я уже теперь думаю о первомъ причащеніи моей дочери...»

И она начала смѣяться.

Онъ выпустилъ руку Фантины. Онъ слушалъ эти слова, какъ слушаютъ дующій вѣтеръ, опустивъ глаза въ землю, погруженный въ безконечныя размышленія. Вдругъ она перестала говорить, что заставило его машинально поднять голову. Лице Фантины приняло страшное выраженіе.

Она перестала говорить и перестала дышать; она полупривсталала на постели; худощавое плечо ея высунулось изъ рубашки; лице ея, за минуту передъ тѣмъ сіявшее радостью, покрылось смертною блѣдностью, и она неподвижно смотрѣла глазами полными ужаса на что-то, вѣроятно, очень страшное, стоявшее передъ нею, въ другомъ концѣ комнаты.

— Боже мой!—вскричалъ онъ,—что съ вами, Фантина?

Она не отвѣчала, не отвела глазъ отъ предмета, на который смотрѣла; коснулась Мадлена одною рукою, а другою сдѣлала ему знакъ обернуться.

Онъ обернулся, и увидѣлъ Жавера.

III.

ЖАВЕРЪ ДОВОЛЕНЪ.

Вотъ что произошло.

Прошло половина перваго, когда Мадленъ вышелъ изъ залы аррасскихъ ассизъ. Онъ вернулся въ гостиницу какъ разъ во-время, чтобъ не пропустить мальпоста, въ которомъ, какъ читатели помнятъ, онъ удержалъ для себя мѣсто. Не много раньше шести часовъ утра онъ прѣхалъ въ М.-на-М., и первую заботою его было прежде отдать на почту свое письмо къ Лафитту, потомъ пойти въ больницу, и повидаться съ Фантиной.

Между тѣмъ, едва онъ оставилъ залу аудіенціи, какъ генеральный адвокатъ, очнувшись отъ перваго потрясенія, началъ говорить; онъ осыпалъ сумасшествіе почтеннаго мера, объявилъ, что его убѣжденія ничуть не измѣнились отъ этого страннаго случая, который долженъ объясниться впоследствии, и требовалъ, покаместъ, осужденія этого Шанматье, очевидно настоящаго Жана Вальжана. Упорство генеральнаго адвоката видимо противорѣчило съ ощущеніями публики, судей и жюри. Защитникъ легко опровергнулъ рѣчь генеральнаго адвоката, и доказалъ, что, вслѣдствіе признанія г. Мадлена, то есть настоящаго Жана Вальжана, все дѣло принимало совершенно другой оборотъ, и что передъ лицомъ жюри стоялъ невинный. Адвокатъ присоединилъ къ этому нѣсколько замѣчаній, къ несчастію, довольно старыхъ, о юридическихъ ошибкахъ и проч. и проч.; президентъ присоединился къ защитнику, и жюри въ нѣсколько минутъ оправдали Шанматье.

Между тѣмъ генеральному адвокату необходимъ былъ какой-нибудь Жанъ Вальжанъ, и не имѣя болѣе Шанматье, онъ взялъ Мадлена.

Немедленно, по освобожденіи Шанматье, генеральный адвокатъ заперся съ президентомъ. Они начали совѣщаться «о необходимости арестовать г. мера города М.-на-М.» Эта фраза принадлежить г. генеральному адвокату и написана собственною его рукою на черновомъ донесеніи его генеральному прокурору. Когда первое волненіе утихло, президентъ не сталъ много противорѣчить. Правосудіе должно же было вѣсти своимъ чередомъ. А потомъ, надо сказать правду, этотъ президентъ, хотя добрый и довольно-умный человекъ, былъ въ то же

время крайній роялизмъ и его шокировало то, что меръ Мадленъ, говоря о каниской высадкѣ сказалъ: *императоръ, а не Буонапарте.*

И такъ, приказаніе арестовать мера было отправлено. Генеральный адвокатъ отиравилъ его въ М.-на-М. съ нарочнымъ и поручилъ исполненіе его полицейскому надзирателю Жаверу.

Извѣстно, что Жаверь вернулся въ М.-на-М. тотчасъ послѣ того, какъ далъ свое показаніе.

Жаверь проснулся какъ разъ въ то время, когда нарочный привезъ ему приказъ арестовать мера.

Нарочный былъ самый ловкій полицейскій чиновникъ, въ двухъ словахъ онъ объяснилъ Жаверу все, что произошло въ Аррасѣ. Приказъ арестовать, подписанный генеральнымъ адвокатомъ, былъ слѣдующаго содержанія: «Надзиратель Жаверь арестуетъ сэра Мадлена, мера въ М.-на-М., который въ аудіенціи сего дня былъ признанъ за освобожденнаго каторжника Жана Вальжана.»

Кто не зналъ бы Жавера и увидѣлъ бы его въ ту минуту, когда онъ входилъ въ переднюю больницы, не угадалъ бы, что происходило въ немъ и напелъ бы, что на лицѣ его было самое обыкновенное выраженіе. Онъ былъ холоденъ, спокоенъ, важенъ, волосы его были гладкопричесанны, и вошелъ онъ по лѣстницѣ своею обыкновенною медленною походкою. Но кто зналъ его, и внимательно посмотрѣлъ бы на него въ эту минуту задрожалъ бы. Пляшка его кожанаго галстука, вмѣсто того, чтобы быть на затылкѣ, очутилась около лѣваго уха. Это было признакомъ необыкновеннаго волненія.

Жаверь былъ характеръ совершенно законченный, не допускавшій складокъ ни въ своей обязанности, ни въ своемъ мундирѣ; онъ былъ методиченъ съ мошенниками, строгъ съ пуговицами своего сюртука.

Для того, чтобы онъ дурно надѣлъ пряжку своего галстука, нужно было, чтобы онъ испыталъ одно изъ тѣхъ волненій, которыя можно назвать внутренними землетрясеніями.

Онъ пришелъ просто, взялъ въ сосѣднемъ караулѣ капрала и четырехъ солдатъ, оставилъ солдатъ во дворѣ и приказалъ привратницѣ указать ему комнату Фантины; привратница исполнила его требованіе безъ всякаго недовѣрія, потому что привыкла видѣть, что вооруженные люди спрашивали г. мера.

Дойдя до комнаты Фантины, Жаверь повернулъ ключъ, толкнулъ дверь съ осторожностью сидѣлки или шпиона, и вошелъ.

Собственно говоря онъ не вошелъ:—онъ остановился въ полуоткрытой двери, съ шляпой на головѣ, держа лѣвую руку въ сюртукѣ, застегнутомъ до самаго подбородка. Въ складкѣ, образуемой локтемъ, можно было видѣть свинцовый набалдашникъ его огромной палки, которая совершенно исчезала позади его.

Такъ онъ стоялъ съ минуту, никѣмъ незамѣченный. Вдругъ Фантина подняла глаза, увидѣла его, и сдѣлала знакъ Мадлену обернуться.

Въ ту минуту, когда взглядъ Мадлена встрѣтился съ взглядомъ Жавера, Жаверь, не двигаясь, не шевелясь, не приближаясь сдѣлался поразительно-страшнымъ. Ни одно человѣческое чувство не можетъ принимать такихъ ужасныхъ формъ, какія принимаетъ радость.

Это было лице демона, снова пойманнаго свою проклятую жертву.

Увѣренность, что наконецъ Жанъ Вальжанъ въ его рукахъ, вызвала на его лице все, что было на душѣ его. Взволнованное дво выплыло наружу. Досада отъ потери слѣда и отъ ошибки насчетъ этого Шанматье, стиралась передъ гордымъ сознаниемъ, что онъ съ перваго раза такъ вѣрно угадалъ, и такъ долго не ошибался. Радость Жавера разразилась въ его повелительной позѣ. Безобразіе триумфа расплыло на этомъ узкомъ лбу.

Жаверъ въ эту минуту былъ на небѣ. Самъ не отдавая себѣ въ томъ отчета, но, однако, съ смутнымъ сознаниемъ своей необходимости и своего успѣха, онъ, Жаверъ, олицетворялъ въ себѣ справедливость, свѣтъ и добродѣтель, совершающія свое призваніе — истребленіе зла. Позади и вокругъ него, въ безконечной глубинѣ, находились власть, разсудокъ, обдуманное дѣло, законная совѣсть, общественная справедливость—всѣ звѣзды; онъ покровительствовалъ порядку, изъ громоваго удара выводилъ законъ, отпихивалъ за общество, онъ выросталъ, въ какомъ-то сіяніи; въ побѣдѣ его былъ еще остатокъ вызова и боя; надменный, сверкающій, онъ разоблачалъ передъ всѣми сверхчеловѣческую животную свирѣпость. Страшная тѣнь распространившагося поступка, который онъ собирался совершить, позволяла, однако, видѣть въ его сжатомъ кулакѣ блѣдное сверканіе соціального меча; счастливый и полный негодованія, онъ держалъ подъ ногою преступленіе, порокъ, возмущеніе, гибель, адъ; онъ сіялъ; онъ истреблялъ; онъ улыбался; и было несомнѣнное величіе въ этомъ чудовищномъ существѣ.

Въ Жаверѣ, столь страшномъ, не было ничего низкаго.

Честность, искренность, кротость, убѣжденіе, идея долга—все это вещи, которыя, ошибаясь, могутъ сдѣлаться отвратительными, но которыя, даже будучи отвратительными, остаются великими; ихъ величіе, свойственное челоуѣческой совѣсти, упорствуетъ въ ужасѣ; это добродѣтели, у которыхъ одинъ порокъ — заблужденіе. Неумолимая честная радость самаго свирѣпаго фанатика сохраняетъ въ себѣ какое-то мрачно-почтенное сіяніе. Жаверъ, окруженный своимъ страшнымъ счастьемъ, былъ, самъ того не зная, достоинъ сожалѣнія, какъ всякій торжествующій невѣжда. Ничего не могло быть ужаснѣе и поразительнѣе этого лица, на которомъ обнаруживалось то, что можно было бы назвать всюю злою стороною добра.

IV.

Власть вступаетъ въ свои права.

Фантина не видѣла Жавера съ того самаго дня, когда Мадленъ вырвалъ ее у этого челоуѣка. Вольной мозгъ ея не отдалъ себѣ ни въ чемъ отчета; только она не усомнилась, что онъ пришелъ за ней. Она не могла вынести этого ужаснаго лица: она чувствовала, что умираетъ; она закрыла лице обѣими руками; и крикнула съ безпокойствомъ:

— Г. Мадленъ, спасите!

Жанъ Вальжанъ—съ этихъ поръ мы не будемъ его называть иначе—всталъ. Онъ сказалъ Фантинѣ самымъ краткимъ и спокойнымъ голосомъ:

— Будьте спокойны: онъ пришелъ не за вами.

Потомъ онъ обратился къ Жаверу, и сказалъ:

— Я знаю, чего вы хотите:

Жаверъ отвѣчалъ.

— Ну, живѣ!

Въ удареніи, которымъ сопровождались эти два слова, было что-то хищное и безумно-яростное. Это были не человѣческія слова, а какой-то ревъ дикаго звѣря.

Онъ не поступилъ по своему обыкновенію; онъ не началъ излагать дѣла, не показалъ приказа генеральнаго прокурора. Для него Жанъ Вальжанъ былъ какимъ-то таинственнымъ и неуловимымъ бойцомъ, мрачнымъ борцомъ, съ которымъ онъ боролся пять лѣтъ, и не могъ опрокинуть. Этотъ арестъ былъ не началомъ дѣла, а концомъ его. Онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ: «ну, живѣ!»

Произнося эти слова, онъ не сдѣлалъ ни шагу впередъ; онъ бросилъ на Жана Вальжана взглядъ, похожій на арканъ, посредствомъ котораго онъ притягивалъ къ себѣ мошениковъ.

Это былъ тотъ самый взглядъ, который, два мѣсяца назадъ, проникъ до глубины костей Фантину.

При крикѣ Жавера, Фантина раскрыла глаза. Но, вѣдь, г. меръ былъ вѣдь—чего-жь ей было бояться?

Жаверъ вышелъ на середину комнаты и крикнулъ:

— Ну, пойдешь ли ты?

Несчастная посмотрѣла вокругъ себя. Въ комнатѣ не было никого, кромѣ сестры милосердія и мера; къ кому же могъ онъ обратиться такимъ презрительнымъ образомъ? Конечно, только къ ней. Она содрогнулась.

Тогда она увидѣла неслыханное дѣло, до того неслыханное, что никогда ничто подобное не являлось ей даже въ самомъ страшномъ бреду горячки.

Она увидѣла, что шпионъ Жаверъ схватилъ за воротъ г. мера; она увидѣла, что г. меръ склонилъ голову. Ей показалось, что міръ разрушается.

Жаверъ, дѣйствительно, схватилъ Жана Вальжана за воротъ.

— Г. меръ!... крикнула Фантина.

Жаверъ расхохотался ужаснымъ смѣхомъ.

— Тутъ нѣтъ болѣе г. мера!

Жанъ Вальжанъ не старался высвободить свой воротникъ изъ-подъ державшей его руки. Онъ сказалъ:

— Жаверъ...

Жаверъ прервалъ его: Называй меня господиномъ надзирателемъ.

— Милостивый государь,—сказалъ Жанъ Вальжанъ,—я бы хотѣлъ поговорить съ вами по секрету.

— Вслухъ! говори вслухъ! отвѣчалъ Жаверъ; со мной говорить вслухъ.

Жанъ Вальжанъ продолжалъ, понизивъ голосъ:

- У меня есть до васъ просьба...
- Я тебѣ повторяю: говори вслухъ.
- Но вы одни должны слышать это...
- Что мнѣ за дѣло, я не слушаю.

Жанъ Вальжанъ повернулся къ нему, и сказалъ ему быстро и шопотомъ:

— Дайте мнѣ три дня, только три дня, чтобы съѣздить за ребенкомъ этой несчастной женщины. Я заплачу, если надо; если хотите, поѣзжайте со мной.

— Да ты шутишь, что ли? закричалъ Жаверъ. Ну я не думалъ, что ты глупъ! Ты просишь у меня трехъ дней, чтобъ удрать! Ты говоришь, что долженъ съѣздить за ребенкомъ этой женщины... Ха-ха-ха! это недурно, очень недурно!

Фантина вся задрожала.

— Мое дитя... вскричала она,—поѣхать за мной ребенкомъ! Значитъ она не здѣсь! Сестра, отвѣчайте мнѣ, гдѣ Козетта? Отдайте мнѣ моего ребенка! Г. Мадленъ, г. меръ!...

Жаверъ топнулъ ногою.

— Вотъ, теперь, — эта начала! Замолчишь ли ты, каналья? Экая подлая страна, въ которой каторжники занимаютъ должности, а публичныхъ женщинъ нѣжать, точно графинь какихъ-нибудь. Но, чертъ возьми! все это перемѣнится, да и давно пора.

Онъ пристально посмотрѣлъ на Фантину, и прибавилъ, снова схвативъ за воротъ Жана Вальжана:

— Я тебѣ говорю, что здѣсь нѣтъ г. Мадлена, нѣтъ г. мера, здѣсь только воръ, разбойникъ, каторжникъ, котораго зовутъ Жанъ Вальжанъ! Его-то я держу въ рукахъ,— вотъ оно что!

Фантина быстро поднялась на кровати, опершись на обѣ руки; она смотрѣла на Жана Вальжана, смотрѣла на Жавера, смотрѣла на монахишу... Она раскрыла ротъ, какъ-будто желая говорить, хрипѣе вылетѣло изъ ея горла, зубы шелкнули, она съ тоскою протанула руки, судорожно развела пальцы, она стала искать вокругъ себя, какъ утопающій человѣкъ, потомъ вдругъ упала на подушку.

Голова ея толкнулась объ изголовье кровати, и снова упала на грудь, съ открытымъ ртомъ, съ открытыми и потухшими глазами.

Она была мертва.

Жанъ Вальжанъ положилъ руку на руку Жавера, раскрылъ ея какъ раскрылъ бы руку ребенка, потомъ сказалъ Жаверу:

— Вы убили эту женщину.

— Кончишь ли ты? крикнулъ Жаверъ въ ярости.—Я пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы слышать твои поученія. Сбереги-ка все это; стража внизу, маршъ впередъ. а не то—нарукавники!

Въ углу комнаты стояла довольно-подержанная желѣзная кровать, служившая какъ-бы походною постелью сестрамъ, когда онѣ лежали. Жанъ Вальжанъ пошелъ къ этой кровати, въ одно мгновеніе

разломалъ изголовье, уже и безъ того совершенно распатавшееся, схватилъ въ руку толстый желѣзный пруть, и посмотрѣлъ на Жавера. Жаверъ отступилъ къ двери.

Жанъ Вальжанъ, съ своимъ желѣзнымъ прутомъ въ рукахъ, медленно пошелъ къ кровати Фантины. Подойдя къ ней, онъ обернулся, и сказалъ Жаверу едва слышнымъ голосомъ:

— Я вамъ не совѣтую беспокоить меня въ эту минуту.

Что было достовѣрно, такъ это-то, что Жаверъ дрожалъ.

Онъ подумалъ—было кликнуть стражу, но Жанъ Вальжанъ могъ воспользоваться этою минутою, чтобы уйти. И такъ, онъ остался, схватилъ свою палку за тонкій конецъ, и прислонился къ косяку двери, не спуская глазъ съ Жана Вальжана.

Жанъ Вальжанъ облокотился на изголовье кровати, склонилъ на руку голову, и началъ смотрѣть на неподвижно-распростертую Фантину. Такъ онъ стоялъ нѣмой, погруженный въ самого себя, и по-видимому, не думая больше ни объ одной вещи этого міра. Въ лицѣ его и во всей фигурѣ не было теперь ничего, кромѣ невыразимой жалости. Пробывъ нѣсколько минутъ въ этой задумчивости, онъ наклонился къ Фантинѣ, и началъ что-то шептать ей.

Что онъ говорилъ ей? Что могъ говорить этотъ человѣкъ, котораго вели на казнь, этой женщинѣ, которая лежала мертвою? Какія слова шептала онъ?—Никто на землѣ не слышалъ ихъ. Слышала ли ихъ смерть? Есть трогательныя иллюзии, которыя, можетъ быть, представляютъ собою чудную дѣйствительность. Несомнѣнно то, что сестра Симплиція, единственный свидѣтель происходившаго здѣсь, часто рассказывала, что въ ту минуту, когда Жанъ Вальжанъ наклонился къ уху Фантины, она ясно увидѣла, что неизъяснимая улыбка пробѣжала на этихъ блѣдныхъ губахъ и въ этихъ потемнѣвшихъ зрачкахъ, полныхъ могильнаго удивленія.

Жанъ Вальжанъ взялъ обѣими руками голову Фантины, и уложилъ ее на подушки съ такою заботливостью, съ какою бы уложила мать своего ребенка; потомъ онъ завязалъ шнурокъ ея рубашки, и убралъ волосы подъ чепчикъ. Окончивъ это, онъ закрылъ ей глаза.

Лице Фантины въ эту минуту казалось освѣщеннымъ какимъ-то страннымъ свѣтомъ.

Смерть есть вступленіе въ яркій свѣтъ.

Рука Фантины свѣсилась съ кровати. Жанъ Вальжанъ сталъ на колѣни передъ этой рукой, тихо поднялъ ее, и поцѣловалъ.

Потомъ онъ всталъ и, обратясь къ Жаверу, сказалъ:

— Теперь я вашъ.

V.

Приличная могила.

Жаверъ отвелъ Жана Вальжана въ городскую тюрьму.

Арестъ Мадена произвелъ въ М.-на-М. необыкновенное впечатлѣніе или, лучше сказать, потрясеніе. Мы съ грустью должны сказать, что, при словахъ: «это былъ каторжникъ», почти всѣ оставили его.

Не прошло и двухъ часовъ, какъ все добро, сдѣланное имъ, было забыто, и онъ остался только «каторжникомъ». Надо, впрочемъ, сказать правду: въ городѣ не знали еще подробностей аррасскаго приключенія. Цѣлый день, во всѣхъ частяхъ города, происходили разговоры въ родѣ слѣдующихъ:

— Вы не знаете? это былъ освобожденный каторжникъ.—Кто такой?—Меръ.

— Что вы, г. Мадленъ?—Да.—Будто?—Онъ назывался не Мадленъ; у него какое-то страшное имя: Нежанъ, Ножанъ, Вужанъ.—Ахъ ты, Боже мой!—Онъ арестованъ.

— Арестованъ!—Въ тюрьмѣ, въ городской тюрьмѣ, покаместъ его переведутъ дальше.—Пока переведутъ! Его переведутъ! Куда его переведутъ?—Его будутъ судить въ ассизахъ за воровство, которое онъ сдѣлалъ когда-то на большой дорогѣ.

— А знаете, я давно кое-что подозрѣвалъ: этотъ человѣкъ былъ слишкомъ добръ, полонъ слишкомъ большихъ совершенствъ. Онъ отказывался отъ креста, онъ давалъ деньги всѣмъ мальчишкамъ, которыхъ встрѣчалъ. Я всегда думалъ, что подъ этимъ всѣмъ кроется какая-нибудь скверная исторія.

Особенно въ «гостиныхъ» толковали въ такомъ родѣ:

Одна старуха, получавшая журналъ «Бѣлое Знамя», сдѣлала слѣдующее замѣчаніе, глубину котораго почти невозможно измѣрить:— Меня это радуешь. Это проучить буонапартистовъ!

Такимъ-то образомъ это Провидѣніе, называвшееся г. Мадленомъ, исчезло изъ М.-на-М. Только три или четыре человѣка во всемъ городѣ остались вѣрными его памяти; старая привратница, прислушивавшая ему, была въ ихъ числѣ.

Вечеромъ того же дня эта достойная старуха сидѣла въ своей камеркѣ, еще полная испуга и грустныхъ мыслей. Фабрика была заперта цѣлый день: ворота заперты на замокъ; улица пустынна. Въ домѣ остались только двѣ монахини: сестра Перпетуя и сестра Симплиція, не отходившія отъ трупа Фантины.

Около того часа, въ который Мадленъ обыкновенно приходилъ домой, привратница машинально взяла изъ ящика ключъ отъ комнаты Мадлена и подсвѣчникъ, съ которымъ онъ обыкновенно всходилъ на лѣстницу; потомъ,—она повѣсила ключъ на гвоздь, съ котораго онъ всегда снималъ его, и поставила подлѣ себя подсвѣчникъ, какъ-будто ждала его; потомъ—она снова сѣла на стулъ, и задумалась. Бѣдная старуха сдѣлала все это, сама не сознавая, что она дѣлаетъ.

Только чрезъ два часа она вышла изъ своей задумчивости, и вскричала: «Господи Иисусе! что же это я дѣлаю? Я повѣсила его ключъ на гвоздь!»

Въ эту минуту окно комнаты открылось, чья-то рука просунулась въ отверстіе, схватила ключъ и подсвѣчникъ, и зажгла свѣчу у свѣчи горѣвшей.

Привратница подняла глаза, осталась пораженная глубокимъ изумленіемъ; и удержала крикъ, готовый вылетѣть изъ ея горла:

Она знала эту руку, этот рукавъ.

Это былъ Мадленъ.

Прошло нѣсколько секундъ, прежде, чѣмъ она могла говорить:

— Боже мой, г. меръ! — вскричала она наконецъ, — я думала, что вы...

Она остановилась, конецъ ея фразы былъ бы непочтительнъ въ сравненіи съ началомъ. Жанъ Вальжанъ былъ для нея еще г. меръ.

Онъ докончивалъ ея мысль.

— Въ тюрьмѣ, сказалъ онъ. Я былъ въ ней, сломалъ рѣшетку окна, соскочилъ съ крыши, и пришелъ сюда. Я иду въ свою комнату. Позовите ко мнѣ сестру Симплицію, она, вѣроятно, подлѣ этой бѣдной женщины.

Старуха поспѣшила исполнить приказаніе.

Онъ не далъ ей никакого наставленія: онъ былъ увѣренъ, что она лучше охранитъ его, чѣмъ онъ самъ охранялъ бы себя.

Никто никогда не узналъ, какъ онъ прошелъ во дворъ сквозь запертыя ворота.

Онъ пошелъ по лѣстницѣ, которая вела въ его комнату. Дойдя наверхъ, онъ оставилъ подсвѣчникъ на послѣдней ступенькѣ, тихо отперъ свою дверь, ощупью подошелъ къ окну, и затворилъ его и ставень, потомъ вернулся за свѣчою, и опять вошелъ въ комнату.

Предосторожность эта была излишняя: читатели помнятъ, что свѣтъ изъ его окна могъ быть видѣнъ на улицѣ.

Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя, посмотрѣлъ на свой столъ, на стулъ, на кровать. Отъ беспорядка позавчерашней ночи не осталось никакого слѣда: привратница убрала комнату. Только она вынула изъ золы, и положила на столъ оба желѣзные наконечника его палки и монету въ сорокъ су, почернѣвшую отъ огня.

Онъ взялъ листъ бумаги, и написалъ на немъ: «Вотъ два наконечника моей палки и сорокъ су, украденные мною у Малютки-Жерве, о которыхъ я говорилъ въ ассизномъ судѣ», и положилъ бумагу, монету и два куска желѣза на виду, какъ бы для того, чтобы они прежде всего бросились въ глаза тому, кто войдетъ въ комнату. Онъ вынулъ изъ шкапа старую рубашку, и разорвалъ ее. Въ эти куски онъ завернулъ два серебряные подсвѣчника. Впрочемъ, въ движеніяхъ его не было замѣтно ни торопливости, ни волненія. Завертывая подсвѣчники епископа, онъ даже ѣлъ чернѣйшій хлѣбъ. Вѣроятно, это былъ тюремный хлѣбъ; унесенный имъ оттуда.

Это потомъ оказалось по крошкамъ хлѣба, найденнымъ на полу чиновниками, явившимся туда для производства слѣдствія.

Въ дверь постучались.

— Войдите, сказалъ онъ.

Это была сестра Симплиція.

Она была блѣдна, съ красными глазами; свѣча нетвердо держалась въ ея рукахъ. Въ ударахъ судьбы есть та особенность, что, какъ мы ни развиты или холодны, они исторгаютъ изъ нѣдръ нашихъ челоуѣческую натуру нашу, и заставляютъ ее выходить наружу. Отъ волненія этого дня, монахиня сдѣлалась женщиной. Она плакала и дрожала.

Жанъ Вальжанъ написалъ нѣсколько строки на бумагѣ, и отдалъ ее монахинѣ, сказавъ: «Сестра, вы отдадите эту бумагу священнику»
Бумага была развернута. Она бросила на нее взглядъ.

— Вы можете прочесть,—сказалъ онъ.

Она прочла: «Я прошу священника заботиться обо всемъ, что я оставляю здѣсь. Я прошу его уплатить изъ моихъ денегъ за издержки по моему процессу и за похороны женщины, умершей сегодня. Остальное раздайте бѣднымъ».

Сестра хотѣла возразить, но изъ груди ея вылетѣли только какіе-то неясные звуки. Однакожь она могла выговорить:

— Развѣ вы не желаете взглянуть въ послѣдній разъ на эту бѣдную женщину?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ,—меня преслѣдуютъ, меня могутъ схватить въ ее комнатѣ: это можетъ смутить ее покой.

Онъ не успѣлъ еще договорить эти слова, какъ большой шумъ послышался на лѣстницѣ. Они услышали громкіе шаги и голосъ старухи-привратницы, которая говорила, какъ только могла громче и рѣзче:

— Добрый господи, клянусь вамъ святымъ Богомъ, что сюда никто не входилъ цѣлый день и цѣлый вечеръ, и что я за все это время не отходила отъ двери.

Чей-то голосъ отвѣчалъ:

— Но въ этой комнатѣ есть свѣтъ.

Они узнали голосъ Жавера.

Комната была расположена такимъ образомъ, что дверь, отворяясь, закрывала собою правой уголъ стѣны. Жанъ Вальжанъ задулъ свѣчу, и сталъ въ этотъ уголъ.

Сестра Симплиція упала на колѣни подлѣ стола.

Дверь отворилась.

Жаверъ вошелъ.

Въ корридорѣ слышался шопотъ людей и увѣренія привратницы.

Монахиня не подняла глазъ; она молилась.

Свѣча стояла на каминѣ, и давала очень слабый свѣтъ.

Жаверъ увидѣлъ сестру милосердія, и, въ смущеніи, остановился.

Читатели помнятъ, что основаніе природы Жавера, его главный элементъ, среда, въ которой онъ только могъ дышать, было почитеніе ко всякой власти. Онъ не допускалъ въ этомъ никакого возраженія и никакого ограниченія. Для него, очень понятно, духовная власть была первой изъ властей; онъ былъ набоженъ, поверхностенъ и точенъ въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ. Въ его глазахъ священникъ былъ существо, которое никогда не заблуждается; монахиня—была созданіе, которое не грѣшитъ. Но его понятія, это были души, жившія въ этомъ мірѣ за дверью, задѣланною наглухо и которая отворялась только для того, чтобы провускать истину.

При видѣ сестры милосердія, первымъ движеніемъ его было удалиться.

Но у него была еще другая обязанность, которая также сковывала

его и повелительно толкала его въ противоположную сторону. Вторымъ движеніемъ его было — остаться и, по крайней мѣрѣ, осмѣлиться предложить одинъ вопросъ.

Передъ нимъ была та самая сестра Симплиція, которая никогда не лгала. Жаверь зналъ это, и особенно уважалъ ее за такую правдивость,

— Сестра, сказалъ онъ, одинъ ли вы въ этой комнатѣ?

Наступила страшная минута, въ продолженіе которой бѣдная прирватница чувствовала, что силы ее оставляютъ.

Сестра подняла глаза, и отвѣчала:

— Да.

— И такъ, продолжалъ Жаверь, — простите мнѣ за настойчивость: это мой долгъ. И такъ, вы не видѣли сегодня вечеромъ человѣка, бѣжавшаго изъ тюрьмы и котораго мы ищемъ — Жана Вальжана. Вы его не видѣли?

Сестра отвѣчала:— Нѣтъ.

Она солгала; она солгала два раза сряду, не колеблясь, быстро, какъ поступаютъ тѣ, которыми руководитъ самопожертваніе.

— Извините, — сказалъ Жаверь и, низко поклонившись, вышелъ.

О, святая женщина! тебя давно уже нѣтъ на этомъ мѣрѣ: ты соединилась въ небесномъ свѣтѣ съ своими сестрами-дѣвственницами и братьями-ангелами; пусть эта ложь зачтется тебѣ въ рай!

Черезъ часъ послѣ этого какой-то человѣкъ, быстро пробираясь между деревьями, шелъ изъ М-на-М. по направленію къ Парижу. Этотъ человѣкъ былъ Жанъ Вальжанъ. Два или три извозчика, встрѣтившіе его, показали потомъ, что онъ несъ въ рукахъ какую-то связку, и былъ одѣтъ въ блузу. Гдѣ онъ взялъ эту блузу — никто никогда не узналъ этого. За нѣсколько дней передъ этимъ, въ больницѣ фабрики, умеръ одинъ работникъ, оставившій послѣ себя одну блузу: можетъ быть, она-то и была на Жанѣ Вальжанѣ.

Последнее слово о Фантинѣ.

У кѣждаго изъ насъ есть мать — земля. Фантину отдали этой матери.

Священникъ счелъ лучшимъ, да, можетъ быть, и, въ самомъ дѣлѣ лучше поступилъ, раздавъ бѣднымъ самую большую часть денегъ, оставленныхъ Жаномъ Вальжаномъ. Въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ тутъ стоило заниматься? каторжникомъ и публичною женщиною! Вотъ почему онъ повозможности укротилъ похороны Фантины, и ограничилъ ее тѣмъ, что называется общинною могилою.

И такъ, Фантину зарыли даромъ въ томъ уголкѣ кладбища, который принадлежитъ всѣмъ и никому, и въ которой теряются бѣдные. Къ счастью. Богъ знаетъ, гдѣ найти душу. Фантину положили между первыми попавшимися костями. Ее бросили въ общественную могилу.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА И ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ХОТЪЛИ ПРЕДАТЬ СУДУ И ВОЛЪ БОЖІЕЙ.

(Записки слѣдователя тридцатыхъ годовъ.)

РАЗСКАЗЪ III.

I.

Докладъ.

Въ пріёмной комнатѣ было пусто, дежурный чиновникъ, въ форменномъ фракѣ, сидѣлъ одинъ у дверей и мечталъ о прибавкѣ жалованья; сладкая, но тщетная мечта!

Чтобъ не спать, онъ хлопаетъ глазами какъ филинъ и набииваетъ носъ табакомъ.

Ихъ превосходительство приказали никого не принимать.

Для пріема просителей день субботній; его превосходительство всѣхъ въ субботу выслушиваетъ, и передаетъ просьбы секретарю.

Вѣроятно послѣ трудной работы его превосходительство отдыхаетъ; вмѣсто халата онъ облеченъ въ широкій сюртукъ, и очевидно очень доволенъ собой; любезничаетъ и амурится съ ея превосходительствомъ; онъ недавно женился.

Двери въ пріёмную заперты герметически, въ экстренномъ случаѣ дежурный на цыпочкахъ долженъ пройти черезъ корридоръ въ гардеробную; тамъ сидятъ джентльментъ камердинеръ; если удостоить, (послѣ подробнаго разспроса кто, да зачѣмъ-пришель, —) онъ доложитъ его превосходительству или выйдетъ самъ къ просителю повѣрить слова дежурнаго, а не то просто скажетъ

нельзя, тогда лучше и не жди, приходи въ субботу; онъ тонко зналъ о комъ доложить, о комъ нѣтъ!

Какъ крѣпость былъ защищенъ его превосходительство отъ докучливыхъ просителей.

— Прощай мой амурчикъ, цѣлуя жену, сказалъ его превосходительство (камердинеръ постучался въ дверь), и, морщась, взглянулъ на часы: секретарь съ докладомъ.

Супругу дѣйствительно смѣнилъ секретарь съ портфелемъ, за нимъ другой чиновникъ притащилъ страшныя кипы бумагъ, и, положивъ на стулъ, молча ступешевался.

— Здравствуйте майоръ.

Его превосходительство всѣхъ величалъ военными чинами, въ статскихъ онъ не находилъ смыслу, даже заучить ихъ не могъ; чортъ знаетъ, что такое, говорилъ его превосходительство—провинціальный секретарь, а предводитель; титулярный — архивариусъ, какой то надворный, не разберешь что за клочки, ужъ звать—бы по-должностямъ что ли.

— Что это батюшка, вы цѣлые выюки натащили, какъ же все это прочесть-то. Эхъ-хе, хе, хе, бумагомаранье, крючкотворство, слушали, приказали! Ну-съ, что у васъ? съ горькою рѣшимостью спросилъ его превосходительство.

— Журналы-съ надо подписать.

— Подавайте, говорите о чемъ?

— Это общіе-съ.

Секретарь вкратцѣ докладывалъ, подкладывалъ, а его превосходительство пыхтѣлъ, потѣлъ и подписывалъ.

Его превосходительству бросилась въ глаза въ одномъ журналѣ фамилія Караевой. Это - что?

— О переоцѣнкѣ дома для залога!

— Какая переоцѣнка, прибавили?

— Никакъ нѣтъ-съ, изъ 40000 въ 12 оцѣнили.

— Это что? кто это съумнилъ, позвать ко мнѣ! Я знаю домъ стоять.

— Но....

— Что за но, я не согласенъ - слышите!

Журналы перешли съ лѣвой стороны на правую, а на ихъ мѣстѣ очутилась записки изъ уголовныхъ дѣлъ.

— Экъ васъ прорвало! это я разсмотрю послѣ.

— Первое число скоро, за нами много арестантовъ.

— Ну-да, надо очистить. только къ чему вы мнѣ такую ерунду пишете, цѣлыя тетради.

— Подробности изъ самыхъ дѣлъ, рѣшенія.

— Знаю-съ, но надо короче! мнѣ время дорого, когда тутъ возиться съ этими ворюжками, да кляузниками! слышите? короче! а впередъ, чтобъ на пустяки время не тратить, вы прилагайте свое мнѣніе, если дѣло не правильно; вотъ я и разсмотрю, а то всётъ не перечитаешь.

Перебирая ихъ по заголовкамъ, его превосходительство остановился на одной очень коротенькой запискѣ, и даже прочелъ ее отъ начала до конца.

Записка изъ дѣла о смерти крестьянина Задорнаго.

«184.. г. 6 августа въ 8 часовъ вечера, во время ярмарки въ с. Торговый-Яръ, за дворомъ трактирщика Бродфрессера зачтенъ, безъ чувствъ и языка, избитый крестьянинъ Семень Задорный, деревни Локтевой г. Гулянова, который (?) и умеръ скоро по донесенію сотскаго Лукошкина.

По медицинскому осмотру 10 августа заключено, что, по случаю сильнаго разложенія трупа, причину смерти опредѣлить нельзя; а какъ внутренности издають запахъ алкоголя, то и полагать должно, что смерть послѣдовала отъ пьянства.

Подозрѣнія въ убійствѣ, спрошенные 54 человека и помѣщикъ Гуляновъ ни на кого не изъявили, и указанія никакого не сдѣлали.

Умершій въ повальномъ обыскѣ показанъ поведенія пьянаго и характера буйнаго.

Судъ опредѣлилъ:—случай смерти Задорнаго, по неимѣнію въ виду подозрѣнія въ убійствѣ, предать суду и волѣ Божіей; а какъ казенные крестьяне Федоръ Дубасовъ, Сидоръ Фоминъ и Антонъ Березинъ сознались въ небытіи болѣе трехъ лѣтъ на исповѣди, то передать ихъ на судъ консисторіи.

— Ну вотъ записка! коротко и ясно.

— Совершенно ясно в. пр—во, почти днемъ, въ ярмарку человекъ убитъ до смерти, и никто не видалъ этого. Рѣшетилловскій исправникъ всегда такъ ясно производитъ слѣдствія.

— Ну да! А я чтó же говорю? мошенникъ, знаю, умѣетъ концы прятать.

Тонкій человекъ былъ секретарь, изъ молодыхъ,—да ранній.

— Оно, конечно, 9 мѣсяцевъ прошло; а то можно бы понцовъ поискать, переслѣдовать.

— Разумѣется надо! Что 9 мѣсяцевъ? Пошлите — ка тово... знаете?

— Знаю-съ; только у него здѣсь дѣла, да и Святая скоро.

— А что Святая? Служба, сударь, — вотъ святая.

Его пр — во отъ своихъ рѣшеній не отступалъ, стало-быть, — было рѣшено, что я ѣду въ ростополь на шестой недѣли поста въ Торговый-Яръ — раскрывать это ясное дѣло.

II.

Розыскъ Куницына.

Изъ дѣла для меня было ясно только одно, что или умышленно были скрыты убійцы, или слѣдователь черезчуръ ужъ былъ небреженъ; во всякомъ случаѣ, прямымъ путемъ добраться трудно: въ 9 мѣсяцевъ много воды утекло, а секретный розыскъ не имѣетъ ни законной силы, ни юридическаго значенія. Но что же вы будете дѣлать, — когда всякій не спрошенный, не призванный, высказывая истину клеймится позоромъ донощика? — противорѣчіе этому коренному началу — гласъ народа, — гласъ Божій. Да кто же прислушивается къ этому голосу? Требуются чернила, бумага, подпись, форма, а не убѣжденія, не слово: поневолѣ прибѣгнешь къ секретнымъ розыскамъ, какъ къ средству не юридическому, но руководящему. А какъ можно ошибиться! Какую вѣру надо имѣть къ сыщику! Незавидно положеніе слѣдователя, если у него есть совѣсть!

Чтобъ устранить всякое вліяніе мѣстныхъ властей, я вытребовалъ только для распоряженій сельскаго засѣдателя и удѣльнаго депутата; а стряпчаго изъ другаго уѣзда; взялъ съ собой двухъ казаковъ, и впередъ послалъ извѣстнаго тогда сыщика Антона Куницына развѣдать подъ рукою.

Личность Куницына была замѣчательная: его служебная дѣятельность стоила бы описанія. Купецъ, имѣя свое торговое заведеніе, изъ любви къ искусству, сдѣлался сыщикомъ. Это была живая, сухонервная натура; онъ нырялъ, какъ утка, стрѣлялъ на призы; могъ бѣжать версту за почтовой тройкой, а ужъ хитеръ, проницателенъ былъ — что твой Фуше; только мелочами не любилъ заниматься; давай ему преслѣдовать вооруженную шайку, убійцу, грабителя, а не дрянъ какую-нибудь карманника.

мѣ-то, что твой шабашъ кіевской: крикъ, пѣсни, руготня, посуду бьютъ; дворня вся тоже пьяная-распьяная, содомъ. Разумѣется, утромъ всѣ спали, а какъ проснулись, Гуляновъ опять накатишь; вышелъ только въ обѣдъ къ сотскому засѣдатель — «Что? говорить. Померъ, отвѣчаетъ сотскій. Ну, такъ-что жь? Убери пока въ сарай, придемъ», рыгнулъ и покачнулся назадъ; такъ и прошло три дня. Ужъ Гуляновъ фершала и писаря заперъ, чтобъ прочахли; опосля фершелъ осмотрѣвъ написалъ, а писарь ходилъ собирать руки, господа-то только передъ отъѣздомъ толпой зашли въ сарай, взглянули, — вонь страшная; они и вонь. Вотъ и все слѣдствіе. Угостилъ ихъ Гуляновъ на славу.

«Такъ вотъ смекайте: Гуляновъ орудовалъ, два раза за вѣномъ посылалъ въ городъ, писарю и фельшеру подарилъ по красненькой, засѣдателью продалъ жеребца — пять пальцевъ да ладонь взялъ; жену убитаго сослалъ въ другую деревню; и кой-кого отодралъ на конюшнѣ! Ну, вы передумайте, а меня ждетъ коробочникъ Александра, старый пріятель; онъ былъ здѣсь въ ярмарку. Смотрите жъ подальше отъ Гулянова. — Какъ узнаетъ, прилетитъ, дурману поддастъ, глаза отведетъ. Затѣмъ прощайте. Меня вы не видали, а встрѣтите — не знаете. Покойной ночи.

Какая же тутъ покойная ночь! диванъ набитъ камнями и клопами, а тутъ еще разныя мысли въ голову лѣзутъ; такъ и видится тамъ, за заборомъ, несчастный, избитый мужикъ, умирающій на сырой землѣ подъ открытымъ небомъ, безъ всякой помощи; а въ ушахъ гремитъ разгулъ безобразной оргіи и сливается въ общій гулъ съ стонами умирающаго. Закрываю глаза — вдали завываетъ собака, и въ трубѣ вторитъ ей вѣтеръ, — какой ужъ тутъ сонъ!

III.

С. Торговой-Яръ.

Подъѣзжая къ селу, — сейчасъ замѣтно, что это одно изъ русскихъ селъ, теряющихъ свой первобытный характеръ ради прогресса.

Конечно, первое впечатлѣніе не совсѣмъ выгодно, хотя и торчитъ на отлетѣ красивая магазей, да кузница; при самомъ въѣздѣ по бокамъ непроходимаго мѣсева-грязи, называемаго дорогой, сиротинки-избушки, бобылки — безъ дворовъ и закутъ мрачныя,

ветія, —точно сгорбленные старухи, —такъ и ждутъ милостыни; во вскорѣ оба порядка принимаютъ видъ благообразія: тутъ избы есть и двухъэтажныя съ каменнымъ низомъ, кровли тесовыя, ворота настежь; все постоянныя дворы; а какъ въѣдешь выш, лучше сказать, выплывешь на площадь, такъ сердцу радостно: площадь большая, правильная, домики лучше инаго города, все новенькіе; сгорѣли недавно, поэтому и новенькіе; особенно красуется порядокъ причетниковъ: у нихъ и крыши выкрашены и ставни размазаны, и садики кругомъ; будетъ зелень —очень будетъ красиво; ну теперь конечно деревья походятъ на метлы; во срединѣ каменная церковь съ большимъ куполомъ и низенькой колокольней; однако колоколъ въ 173 пуда; —усердіемъ и издвигеніемъ прихожанъ отлить въ Москвѣ на заводѣ купцовъ и знатныхъ гражданъ Шепелевыхъ въ лѣто отъ Р. Х. 1823, а отъ сотворенія міра 7331, такъ, по-крайней-мѣрѣ, отливо на колоколѣ буквами, похожими на славянскія.

Съ площади дорога идетъ подъ гору. Ну, тутъ избы что-то шурятся, покосились, прищурили свои окна, —знать недовольны владѣльцемъ своимъ г. Гуляновымъ; ихъ такъ и кличутъ: «эй вы, гуляновская голь!» Внизу горы опять площадь, нагнѣво большой грязный кабакъ, съ орломъ и неизбежной ѣлкой, тонетъ по окошки въ грязи; прямо четыре жалкія избушки; вправо чистенькой домикъ, —кругомъ его садъ и гряды, обнесенныя рѣшетчатымъ заборомъ; на синей вывѣскѣ желтыми буквами выписано *Ристарацья*, а на дверяхъ, внизу, поднось съ чашками и рукой: *въ ходѣ трахтеръ*. Это заведеніе нѣмецка Брот-рессера; его обгибаетъ столбовая дорога прямо къ мосту черезъ Отру. Отра, нужды нѣтъ, что лѣтомъ ее куры въ бродъ переходятъ, теперь бурлить, —что твой Днѣпръ, или какая ни на есть большая рѣка!

Мимо кабака черезъ сухой оврагъ торная дорожка ведетъ въ резиденцію г. Гулянова: сельцо Локтево. На этой-то площадкѣ разыгралась кровавая сцена буйнаго разгула; для этого-то я и описалъ ее.

На другой день утромъ станціонный смотритель сильно сталъ за мною присматривать; я не требовалъ лошадей, а пошелъ гулять по селу, и велѣлъ сварить яицъ.

Къ обѣду пріѣхалъ стряпчій Телицынъ; онъ желалъ къ празднику отдѣлаться, да и я тоже, а потому мы рѣшили сейчасъ приступить за дѣло; начали съ того, что выбрали лучшей до-

миръ въ 6 оконъ, на камennemъ этажѣ. Хозяинъ долго не могъ уразумѣть, чего я хочу. Я спросилъ его: почему онъ беретъ за постоя?

— Да какъ случится, баринъ, ино четвертакъ, а ино и полтинникъ.

— У тебя четыре комнаты: стало быть, четвертакъ четыре въ день зашибаешь?

— И, баринъ, куды! Вишь нонѣ всѣ стоялые дворы настроены! Ино и въ недѣлю-то пяти рублей не соберешь, — не тѣ времена.

— Ну, такъ вотъ что, старина: — я пропущу у тебя недѣлю, а можетъ быть и больше, и дамъ тебѣ по четыре рубля въ сутки, то и ко всѣ комнаты за мною, никого не пушай.

— Какъ же это не пушать-то баринъ, а ну, какъ знакомые господа, аль купецство придетъ? — отвѣчалъ онъ, сомнительно почесываясь. — Да на чтожь тебѣ такъ долго жить-то, и всѣ покойцы-то одному?

— Это ужъ мое дѣло.

— Такъ-то такъ, твое дѣло, а какъ же вѣдь господа-то забьютъ самоварчикъ спросить, лошадакъ корму, людямъ обѣдъ? — оно мнѣ пожалуй такъ-то и накладно будетъ не пушать-то.

— Самоваръ я буду брать раза четыре въ день, двухъ человекъ будешь кормить... ну, я буду забирать, оно и набжигать.

— Може статься... Только все я не смеаю, какъ же съ то на што тебѣ жить-то здѣсь?

— Послѣ узнаешь. На тебѣ красненькую задатку.

Онъ взялъ не охотно и хмура брови.

— Такъ никого не пушай?

— Вверхъ никого не пускай, а внизъ и на дворъ кого хочешь.

— Ну, ладно, только оно тово.

Онъ помоталъ головой и пошелъ во дворъ, а я велѣлъ казакамъ перенести вещи, и поспалъ за сотскимъ Лукошкинымъ.

Мимо моихъ окоявъ ящикъ проскакалъ верхомъ подъ гору.

Лукошкинъ съ своей бляхой и палочкой какъ изъ земли выросъ: видно и онъ за мною присматривалъ.

— Что вашей милости угодно?

— Ты давно сотскимъ?

— Да, нешто, годовъ десятокъ хожу.

— Безъ перемѣны? все тебя выбираютъ?

— Кто жь выбираетъ? господи́нь исправникъ приказали, я, го-есть, по найму отъ волости.

— Ты здѣсь былъ промѣнаго года на ярмаркѣ въ Спасовъ-дезь?

— Какъ же не быть! Былъ, на то Сосеткин.

— А исправникъ былъ?

— Былъ-съ, осматривали ярмарку.

— Ты гдѣ былъ, когда случалась драка?

— Какая это драка?

— У кабака, когда Задорного избили?

— Не знаю какая драка. Да вашей милости на что это знать-Задорного?

— Стало нужно, коли спрашиваю.

— Сдѣствие стало?

— Мешать бытъ.

— Какъ же это безъ начальства? Вы кто же такіе?

— Рубернаторскій чиновникъ, а это г. стряпчий.

— Такъ надобъ сперва начальство повѣститъ!

— Не нужно: у меня открытый листъ.

— Такъ-съ; да все оно нельзя же...

— Ну, любезный, дья. Изволь отвѣчать, что спрашиваю.

То-есть, это вы меня въ допросъ берете?

— Положимъ, что и въ допросъ?

Я на могу отвѣчать.

— Почему?

— Епутатамъ вѣтъ.

Какого депутата?

— Удѣльнаго; то есть,—я удѣльный.

— А, вотъ что! Хорошо, будетъ и депутатъ. Далеко ли мѣстное правленіе?

— Да вотъ тутъ въ селѣ Сонинѣ, версть семь.

— Такъ я вотъ пошлю за депутатомъ, а ты посиди съ каза-

ми.—Березюкъ! никого къ нему не допускать и не давать говорить.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

Завѣтъ кошка въ мясо съѣла, да и насобачилса. Тутъ

волку не добьешься», подумалъ я и позвалъ стряпцаго гулять, а

повелъ въ трактиръ.

Сынъ онакд

IV.

ТРАКТИРЩИКЪ.

Въ первой большой комнатѣ, за сальнымъ прилавкомъ, мальчишка грязнымъ фартукомъ мылъ въ лоханкѣ чайную посуду; бѣлыя съ цвѣтами, кругленькія чашки и пузатые чайники наполняли половину шкапа, другая была установлена разными бутылками и штофами; на стѣнкѣ висѣли трактирные свидетельства въ рамкахъ за стекломъ, загаженные мухами.

За столами, на стульяхъ, и диванахъ, выкрашенныхъ красной краской и обитыхъ черною истертою кожею, нѣсколько компаній мужиковъ и между ними двѣ бабы потѣли надъ чаемъ, съ подливочкой. Блюдечки, поставленные на пяти пальцахъ, такъ и остановились въ воздухѣ, когда мы вошли; всѣ замолчали и искоса посмотрѣли на насъ. Я чихнулъ: густая смѣсь запаха гнили, дегтю, тютюня и кой-чего еще такъ и бросилась въ носъ; но насъ провели въ особый чуланчикъ, хотя тамъ было немного лучше; видно Брутфрессеръ - нѣмецъ обрусѣвшій; мы, для приличія, спросили чаю.

Самъ хозяинъ въ какомъ-то камзолѣ, желтой жилеткѣ и холщевыхъ штанахъ, засунутыхъ въ сапоги, самъ почтительно подалъ чай. Толстыя, огромныя губы его раздвигались постоянною улыбкою: точно смѣялись надъ своимъ обладателемъ Брутфрессеромъ.

— Проѣзжіе, господа?— какъ-то лукаво подмигивая однимъ глазомъ, спросилъ онъ.

— Проѣзжіе или пріѣзжіе, хозяинъ, какъ хочешь.

— Ха, ха, ха! какъ хотшу? отъ чего жъ не хотеть, милости прошу.

— А можетъ и до тебя дѣльцо будетъ.

— Ха, ха, ха! какъ не быть, я трактиръ, кушать надо.

— Да и क्रомѣ этого.

Онъ подмигнулъ и устремилъ глаза на меня: что, дескать, за люди, чего имъ надо?

— Вы землемѣръ?

— А что?

— Это знаю. да, мы съ господиномъ Гулановъ, на шеть огородъ мировую подписаль; коншено.

— Давно ли?

— Нонешна зима.

— Гм! а то обижалъ?

— Обижалъ; огродъ хотель отнимантъ.

— Что жь такъ вдругъ сдобрился?

— Хе-хе-хе! такой дѣло приключилось.

— Какое дѣло?

— Ну, ето помальчивай.

— А, знаю! это насчетъ Задорнаго?

— Ви потшемъ знать?

— Какъ же, дѣло не мало ему встало.

— Хе-хе-хе! поживилься коспода городской.

— А много замѣшено его-то людей было?

Бротѣссеръ подмигнулъ, и замолчалъ, но улыбка осталась.

— Это не знай, не мой дѣло!

— Да, вѣдь, на твоей землѣ умеръ.

— Какой дѣло до мене?

— А очень былъ избить?

— Потшемъ я знай, я не докторъ есть...

— Да вѣдь ты видѣлъ?

— Нишево! лица былъ въ кровь, пьянь убилься, долшно думать... Не прикажитъ ли ромъ? настоящій есть, я подмигнуть.

— Ну, подай!

За дверьми онъ нашель мальчишку и далъ ему подзатыльникъ, чтобъ не подслушивалъ.

— Очевидно, Бротѣссеръ много знаетъ,—замѣтилъ стряпчій, но закупленъ и лишняго не скажетъ.

— Да, пока другіе не выскажутся.

Выйдя отъ него, мы пошли къ рѣчкѣ; онъ съ крыльца сдѣлалъ за нами

Когда онъ скрылся, мы отъ моста поворотили задворками; растрепанная баба, въ синемъ старомъ сарафанѣ и босикомъ, засучавъ рукава, развѣшивала на заборѣ мокрое бѣлье.

— Богъ на помощь, тетушка!—сказалъ я, подходя къ ней съ другой стороны забора.

— Спасибо, родимые.

— Ты, тетушка, давно у нѣмца-то живешь?

— Давненько будетъ.

— И осенью была?

— Осенью-то? была.

- Покажи, голубушка, пожалуйста, гдѣ лежалъ ^{Сидонъ} мужикъ-то, что у васъ подъ заборомъ умеръ? Задорной-то? —
- Задорной-то? гдѣ лежалъ-то? да на что жь тебѣ это? —
- Да такъ, слышала разсказывали... что аяетъ акъ ли? —
- Гдѣ лежалъ-то? а вотъ туточки бердешной, лежалъ, и она показала черезъ заборъ мѣсто, подгорюнилась ^и подперла щеку рукой, бросивъ съ плеча на землю ^{ношу} ^{были} —
- Долго маялся онъ бѣдникъ? —
- И-и-и какъ мѣтался, словно гору ^{раздуло} —
- На кого онъ жаловался? —
- Жалился-то? ни гугу, только хрипѣлъ —
- А больно было мѣбить? —
- Ажно умеръ, сладко болело. —
- Что жь по головѣ, что ли, ^{охватили}? —
- И головѣ, и бокамъ, ^{всему} ^{знать} ^{достиглось}; ^{глазъ} ^{своими} ^{вылѣзъ}, изъ уха кровь такъ и хлестала, ^и ^{портя} ^{вола} ^{въ} ^{кровнице} ^{были}.. и-и-и какъ мучился ^{сердешной}! —
- Какъ ты его замѣтила? —
- Замѣтила-то? то есть увидала-то? да ^{какъ} ^{картошка} ^{пошарить} ^{подпла} ^{собаки} ^{такъ} ^и ^{брызнула} ^{на} ^{заборъ} ^{слышу} ^{сто} ^{нет} ^и ^{видн} ^{аны} ^{человѣкъ} ^{такъ} ^{то} ^{бачи} ^{на} ^{завтра} ^{онъ} ^{атм} —
- При немъ тутъ кто былъ? —
- Кто былъ-то? да кому бытъ-то? двое ^{какіе} ^{то} ^{бачили} ^{по} ^{задворкамъ}.. —
- Кто жь такіе? —
- А кто жь ихъ знаетъ; темновато было, да я больно ^{слу} ^{жалась}: вижу помираетъ человекъ.. —
- Это его въ кабакъ отвалили? —
- Бачили въ кабакъ; а кто жь ихъ знаетъ? —
- Да въ кабакъ? слышала шумъ, крикъ; не далеко отъ васъ, ^{срва} ^{душа}.. —
- Шумъ-то? крикъ-то? гдѣ шумъ слышала? —
- Шумъ, хоты ^{кодомъ} ^{ахуляне} ^{услыжать}: ^{бачкомъ} ^{сна} ^{было} ^{народу}, табачища такъ накурили, хоты ^{товаръ} ^{дѣлать} ^{потур}.. —
- Что жь, лекаръ приходилъ къ нему? —
- Какой лекаръ? это дохтуръ-то? кому ^{ему} ^{было}? у ^{барна} ^{то} ^{гуляли}: ярманка, слышь, праздникъ ^{былъ}.. —
- Такъ ему, бѣдному и не помогали? —
- Хозяинъ снадобья совалъ въ ротъ, ^{мокры} ^{тришки} ^{кля}.. —

— Ну что, вырвемло, да ономъ дню тутъ подылаешь, какъ смерти пришла.

— Хорошій былъ человекъ?

— Бадриной что? хорошій былъ, забавникъ такой былъ, шутникъ, тругачъ таиой, на языкъ злющъ былъ, и драться гораздъ, ну что, ну никакъ добрый былъ.

Нѣмецъ увидалъ, что мы разговариваемъ, и кликнулъ бабу; но мы его подозвали, и пригласили съ собою, не давая говорить некому.

— Ви съ бабой болтають, это страшный дурь, болтають любить ошень.

— А вотъ пойдемъ-ка съ тобой: надо поболтать, объ огороду Тебя въды будяновъ надумъ, дѣло-то нежелончалось.

— Ви говорить? — спросилъ озадаченный нѣмецъ.

Обнинулся любезный, пойдёмъ-ка, я тебѣ бумага покажу.

Обаниль? Donner wetter!

— Да, да, конечно какъ и къ дому подѣзжастъ теперь.

— Ну это, вишь возьмешь.

Широкая натура.

Въ это время сзади насъ раздался звонъ бубенчиковъ, Блякы и колокольца, охотничья тройка, въ легкомъ тарантасѣ, бодро възжала по гризу на гору.

Бротфессеръ остановился, и заранѣе снялъ шляпу: «Это Г. Гуляновъ, мигнулъ онъ. — Изъ тарантасика выскочила круглая блѣлая фигура, съ черными усами, добродушно кивнула головой въиду, и побѣжала далѣе.

— Какое открытое лице! — замѣтилъ я.

— О! молодой, красивый каспидинъ, дѣвушка ошень любить, и вино ошень любить.

— А онъ женатъ?

— Женка его бросилъ.

— Что такъ?

— Дерется крѣпко.

Мы пришли на квартиру, и не успѣвъ приняться за допросъ —

какъ въ дверяхъ явился Гуляновъ въ щегольской венгеркѣ, въ перчаткахъ, съ хлыстомъ въ рукахъ, съ привѣтной улыбкой

свѣтскаго чловѣка. И въ правду наружность обманчива: его наружность никакъ не оправдывала разсказовъ.

— Извините (онъ назвалъ меня по имени) вы кажется занимаетесь? я помѣшалъ вамъ! но право я горѣлъ нетерпѣніемъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе; не думайте! мы и въ глуши про васъ знаемъ! Я здѣшній помѣщикъ Алексѣй Петровичъ Гуляновъ, въ отставкѣ ротмистръ.

— Очень пріятно. Прошу садиться!

— Конечно вы не по доброй воли заѣхали въ нашъ край.

— Да, я по службѣ.

— Такъ можетъ придется и пожить?

— Можетъ быть!

— Такъ вы ужь не обижайте меня, не срамите, я не могу васъ оставить здѣсь умирать съ голоду; у этихъ скотовъ по человѣчески и поѣсть нельзя. Какъ хотите, а я васъ веретащу къ себѣ; весь домъ, поваръ и я къ вашимъ услугамъ!.. Онъ всталъ, и ловко поклонился, и я всталъ, думая дешево отдѣлаться, но онъ опять сѣлъ, досталъ сигары и предложилъ намъ.— Я сталъ отбазыиваться отъ его приглашенія переѣхать.

— Это что? вздоръ! этого я не позволю, вы должны переѣхать ко мнѣ, что вамъ здѣсь дѣлать?

— Намъ много дѣла, и, при всемъ желаніи, мы никакъ не можемъ: спѣшимъ кончить.

— Боишься, топ сег! служебная шепетильность, брось; это вздоръ—я ужь обѣдъ приготовилъ, ѣдимъ что-ли?

— Извините, я сказалъ вамъ, что некогда, мы не по гостямъ разъѣзжать сюда пріѣхали!

— Чортъ знаетъ что такое! да полноте не церемоньтесь—собирайтесь что-ли. Эй! кто тамъ есть? я распоряжусь.

— Ужь позвольте мнѣ собой распорядиться.

— Экой упрямецъ, заладилъ одно!... Ну хоть обѣдать поѣдемъ, у меня отъ Леше, рейнвейнъ такой что... и онъ чмокнулъ, приставя три пальца ко рту.

— Нѣтъ право, благодарю васъ—день потеряемъ.

— Такъ я сюда привезу все; Степка! закричалъ онъ, пойдя къ двери.

— Помилуйте не беспокойтесь, я рѣшительно отказываюсь!

— Право? раздражительно покручивая усъ, отвѣтилъ Гуляновъ — какъ-съ вамъ-съ угодно-съ! предупреждаю, что вамъ

здѣсь и хлѣба не продадутъ, запрещу-сь, умирайте съ голоду. Ужъ эти рябчики, штафирки, ниваного розмаху нѣтъ; ну дружище полно упрямиться. Онъ хотѣлъ обнять меня; я отстранился назадъ, и холодно отвѣчалъ:

— Позвольте! я не даю вамъ повода къ такой фамильярности. Благодарю за ваше вниманіе и приглашеніе... но...

— Посылаете меня къ чорту? Извините! такъ позвольте спросить-сь официально: какъ главный помѣщикъ, здѣсь въ селѣ, я бы желалъ знать, зачѣмъ и по какому дѣлу удостоили пожаловать?

— Вамъ я отчетомъ и, г. не обязанъ, и если вы не перемигните тонъ, — то...

— Что? выгоните что-ли? посмотрю я.

— Вы вѣрно не доведете себя до этой мѣры.

— Позвольте-сь, вы здѣсь какъ-же безъ мѣстныхъ властей распоряжаетесь-то? а-сь, извольте отвѣчать!

— Послушайте г. Гуляновъ — это изъ рукъ вонъ! Прощу васъ уволить меня отъ вашей бесѣды.

— Я буду жаловаться.

— Сколько угодно, а темеръ позвольте пожелать вамъ счастливаго пути.

— А если не пойду, что сдѣлаете?

— М. г. я здѣсь произвожу слѣдствіе, и никто посторонній не имѣетъ права быть.

— Я не посторонній, я здѣсь хозяинъ; помѣщикъ имѣетъ право защищать своихъ крестьянъ!

— Я бы вамъ могъ отвѣчать многое, но мнѣ некогда, прошу васъ не отнимайте безполезно время.

Мы встали, и я сухо поклонился.

— Такъ-то, хорошио-сь! вы еще Гулянова не знаете! и выходя почти въ слухъ прибавилъ: ско-ти-на! ферткъ!

VI.

ПЕРВЫЕ ДОПРОСЫ.

Когда онъ вышелъ, я долженъ былъ обтереть потъ, а стряпчій двинулся моему тертѣнью! День былъ испорченъ; для допросовъ надо быть покойну, и владѣть вполне собою.

Пришелъ за депутата членъ, волостнаго правления! и предъ явилъ ему отарытый листъ и предметъ допроса. —

— Напрасно ждали ждать; вы бы и носили бумаги, да бы чать приложить-съ; оно такъ заведено-сь, мы шло махалди, такъ для блезиру: это ничего не значитъ. —

— Нтъ почтеннйшій; много значитъ, въ нужнхъ, проу садиться, я безъ васъ не стану и допрашивать. —

— Ничего съ постоять можно-сь. —

— Садитесь, вы членъ, садитесь! — Онъ сълъ на ответъ: —

Позвали сотскаго.

— Ну вотъ братецъ, — твой депутатъ, будишь отъ чать?

— Отчего же? можно! Только г. епутать накую я провинность причинилъ — что сотскаго подъ караулъ взяли? —

— Если ты оемдйшися еще дерзко говорить, ж дойта те- би коню и закую; а вотъ вай! —

Я началъ форменные спросы, и пришелъ прямо къ делу въ просомъ: въ чть въ какомъ видъ найденъ былъ имъ задорный? Депутатъ почесался! Сотскій старался отвчать уклончиво, но н въстныя мнѣ отъ бабы подробности означилъ: съ началъ незаметно въеказываться, понимая что его могутъ судить во лжи; гораздо труднѣе было вызвать его на раскрытё оудствл: надо было спутывать мелочными подробностями —

— Свѣдѣ, аи ночь была когда ты поехалъ въ домъ Муза-

нова, къ исправнику? —

— Кому было? —

— Кого ты видѣлъ и кому докладывалъ? —

— Сергью Федоровичу, исправнику. —

— Неправда, ты исправника не видѣлъ, я знаю. —

— Да и такъ кажись страшно выходило, —

— Не Стрлчнн, а заздатель выходило, только на другой день, а не вчерашъ. —

— А въдъ точно! запомятовалъ в. б. давно ужъ.

Такимъ образомъ битыхъ три часа употребилъ я на распросы, какъ производилось дѣло, и сотскій, нехотя, понемногу — подтвердилъ дознаніе Куницына, но о томъ дѣлѣ была драка и кто участвовалъ упорно отзывается незнаніемъ; на томъ и кончили.

Куницынъ исчезъ, и не являлся. На другой день мы начали переспрашивать, съ какъ и каждого до подворной описи; нѣкоторые значились въ первомъ слѣдствіи, но показали что ихъ тогда

Никто не спрашивает, а только писарь къ чему-то заставлятъ руку приложить. Никто и намека на драку не сдѣлать; не знаю, да не знаю. Къ вечеру я позвалъ пѣловальника, торговащаго въ тотъ день въ кабакъ.

— Давно ты здѣсь поднощикомъ?

— Съ новаго-сѣ откупа-сѣ, три года-сѣ, мы, пѣловальники на отчетъ значить.

— Стало быть ты здѣсь хорошо всѣхъ мужичковъ знаешь?

— Всеконечно-сѣ, по той причинѣ, торговлю ведишь!

— Прошлаго года, въ спасовъ день ты на выставкѣ или въ кабакъ торговалъ?

— Выставка не по нашей части; тамъ особенные.

— А ты хорошо торговалъ, велика была выручка?

— Средственная-сѣ.

— Съ кѣмъ у тебя вечеромъ посорядлся Залорный, ты вѣдь звалъ его?

Какъ же-сѣ, знали-сѣ; только на этотъ разъ его не запри-
тѣли, ссоры ни какой не было-сѣ въ питейномъ.

— Зачѣмъ же ты рано кабакъ заперъ?

— Кто? мы-сѣ, никакъ нѣтъ-сѣ, въ указанное время!

— Развѣ въ 8 часовъ указано?

— Часовъ не знаемъ-сѣ; смеркло-сѣ и заперли, къ тому-же
любопытство было.

Послушай, для чего ты покрываешь! Хуже будетъ какъ
ранее сръвную дѣлаешь обманъ! что и какъ было, что было у тебя.
Что же обмануть что съ, коли ничего, какъ есть, не было.

— Кто послѣдній пилъ у васъ кабакъ?

— Кто и жетъль знаетъ, давнѣе, на счетъ не записано.

— Стало быть когда ты запираешь кабакъ была пустой- въ
семь-то часовъ? нѣтъ братъ не ладно придумаешь.

— Что же мнѣ придумывать, да и такъ колесноломники были,

да ты одинъ что имъ подносишь?

— Какъ можно-сѣ, подручникъ былъ!

— Кто-сѣ?

— Солдатикъ отставной изъ села Сокина Карпухой звать.

— Ну да поломай голову, не вспомнишь-ли кого изъ пос-

тупицы-сѣ.

— Не могу припомнить!

И тутъ ничѣмъ не кончилось, все пустые допросы! Однако ночью я послалъ казака за Карпухой.

Изъ всѣхъ спрошенныхъ лицъ — возбудили во мнѣ подозрѣнiе Семень храмой, маленькой мужичишка, жившій возлѣ кабака; его худое лицо, рысьи глаза, рѣдкая борода влиномъ — такъ и говорила: берегись, надую, а костыль и больная нога наминала храмова бѣса въ сериэгѣ. Другой на противъ Мартышка-гребенщикъ, широкая, открытая натура — очевидно чѣмъ-то потрясенная; недоувѣрчивость, осторожность въ отвѣтахъ какъ то не шли къ его телячьимъ глазамъ и круглому лицу, окаймленному рыженькой бородкой. Его очень затрудняло показанiе: гдѣ онъ былъ въ тотъ вечеръ.

Стряпчiй видимо скучалъ и говорилъ, что мы толчемъ воду; почти что такъ было, только и обнаружилось — неувѣрчивость перваго дѣла, какъ вдругъ слѣдствiе неожиданно приняло другой оборотъ.

VII

Ящивъ просто открывался.

Ночью пришелъ Кунцынъ!

— Что! плохо?... да! всѣхъ научаютъ, страшаютъ, а хвостикъ видѣнъ, добавилъ онъ потирая руки! За рѣчкой дѣсокъ, въ дѣску избушка — сторожка безъ оконъ, да теперь тепло: почему разбойникамъ не жить! Пуговкинъ здѣсь и другой съ нимъ дезертеръ тоже, — оттуда ночью за водкой ходятъ! Вотъ кабы взять — можетъ что и скажутъ.

— Что жъ? за чѣмъ дѣло стало: бери, это по твоей части.

— Завтра! тихо сказалъ онъ.

— Возьми насъ!

— Приду за вами, а казаковъ-тоже надо!

Къ утру привезли Карпуху и ему я обязанъ тѣмъ, что попалъ на слѣдъ; онъ тоже былъ не-могу-знайка, но показалъ, что изъ послѣднихъ оставался въ кабакѣ отставной дьячокъ Антонъ Богородицкой, проживающій въ удѣльномъ селѣ Сонинѣ, у зятя и занимающійся постояннымъ пьянствомъ, вслѣдствiе чего на клиросѣ хрипѣть постоянно басомъ. Оказалось что Богородицкой съ-родни моему стряпчему; однако я послалъ за Богородицкимъ: его насилу отыскали и привезли полупьянаго.

Смѣло взошелъ долговязый, худой мужчина; нечесанные воло-

сы были залезаны спереди и заплетены въ жиденькую косу сзади; борода точно выдергана. Это тощее тѣло облекалъ до полу сѣрый нанковый подрясникъ, съ засаленными карманами; въ-подъ полъ выглядывали бѣлыя порты и огромные сапожищи; онъ привесъ съ собой сильный запахъ дегтя.

— Миръ вамъ! яко во здравіи обретаетесь! Почто въ сей часъ вечерняго бдѣнія исторгли меня, раба Божія Селифанта, изъ горней обители, сирѣчь съ чердака, гдѣ я предавался успокоенію грѣшной плоти!.. Ба!—прибавилъ онъ протирая глаза,—никакъ, и преудрый племянничекъ передо мной.

— Здравствуй Селифантъ Петровичъ?

— Великое разстлѣніе правовъ: дядя стоитъ передъ племянничкомъ!

Я мигнулъ стряпчему, онъ ему подалъ стулъ.

— Хорошо, возсядемъ; а еще пользительнѣе было бы съ прїздомъ поздравить.

Я подалъ ему водки, наиѣреваясь только разспросить его. При первыхъ словахъ о происшествіи, о радость! онъ заговорилъ:

— Мерзость велія? въ пристанищѣ разврата, семь Содомъ, иже нѣбакъ нареченъ, мерзость велія творится! уста скованы, провозгласить не смѣю!

— Отчего же?

— Не подобаетъ мнѣ тайну повѣдать...

— Напротивъ, духовное-то лице и должно правду сказать.

— Не лице я, сана лишентъ; не человекъ я, вельзевулъ знаетъ что я, свидѣтельству моему вѣры не имуть, къ тому же, яко Ной въ вертоградѣ, я упився.

— Да вы расскажите, что было; мы ужъ васъ не выставимъ, для насъ только, по-дружески.

— Порожденіе грѣховное, яко блудница Гуляновъ тысячу розогъ посулилъ окаанный, коли изреку слово, а я не лице, званія сирѣчь лишентъ.

— Да не выдадимъ! Стряпчій поддержалъ меня.

— Въ вертепѣ семь сперва пѣли и хохотали, а тамъ побоище смертное бысть! начали за здравіе, а свели за упокой! Мыъ вѣдали такихъ, что я до утра за кабакомъ въ оврагѣ обретался; память отшибли, зане не человекъ есмь—званія лишентъ.

— Кто жъ дрался?

— Сказалъ бы—да не помню, много бѣсовъ было: и пѣли, и

плясали. Вотъ что помнится только: сидѣть я пиво допивалъ; темно стало, свѣчку зажди; народъ разбрелся! Посреди выскочидь, яко бѣсъ, Задорный, давай надѣваться, да все съ прибаутками, что уста сквернать, а пѣсню запѣть — такъ святыхъ вонъ неси! Ну Мартынь-гребеньщикъ псалмы голосилъ, Богомольный человекъ есть, всю премудрость церковнаго пѣнія промель! а Задорный надъ нимъ надѣвался — хулу произносилъ. Ну, не вытерпѣла душа; Мартынь его заушилъ, онъ Мартыну подъ бокъ поджатился, пошла потасовка; цѣловальникъ душепродаецъ съ Карпухой-солдатомъ всѣхъ въ дею, и меня грѣшнаго да я двѣри на запоръ! Что ужъ за дверями было — въ памяти вышибло; вѣтъ какое доброе было: *repetitio est mater studiorum*. .. дозвольте еще приложиться?

СКОЯРИ

ПЕЛГОХЪ СЪ СОНЪ VIII. ДНО УМЕРЛОГО СЪ ДУШИ R

ПЕЛГОХЪ СЪ СОНЪ VIII. ДНО УМЕРЛОГО СЪ ДУШИ R

П О И М К А .

Улетѣлось въ чужую сторону; вонюхой стороной провозглашадать ударовъ въ колоколь — и отстучалъ въ доску, что значило, такъ теперь спать лягу; не бойтесь, створите, и проснусь, опять въ доску отстучу». Луны не было, на отрастившій ея нѣтъ, а небо свѣтилось яркими звѣздами и тихо было, такъ же хо было, какъ-будто и природа заснула! Куницынъ пришелъ за нами, и задворками привелъ насъ въ мосту, такъ что ни одна собака не залаяла; расположилъ людей по берегу, насъ купилъ въ какой-то сараѣ, а самъ спрятався въ ованѣ. Десять разбойникъ не могъ насъ митоватъ, если вздумаютъ идти зазаксомъ; а какъ не идти? надо же бѣтъ; благо въ лѣсахъ и впритѣль. Ждали мы долго, ждали всегда долго; наконецъ у противнаго берега отъ лѣсу, въ водѣ, показалось изображение человека въверхъ ногами! Подогадливъ иногда человекъ, въ Черномъ берегу-то и точно не видать его, да въ водѣ-то берега-то не видно, а его тѣнь видна. Вотъ эта тѣнь дошла до мосту, вѣскратилась; на мосту показалось что-то темное, не то зѣрь, не то человекъ, не выпле поручней; съ мосту опять приводъ подъ берегъ; не видать стало; сердце такъ и бьется! Вдругъ раздается гомонъ Куницына «лови!» и человекъ словно изъ земли выскочилъ, и бросился стрѣлять черезъ мостъ; Куницынъ тоже же изъ земли выросъ, съ вилами да за нимъ, и на мосту на половинѣ моста, и сбиль чьи ноги чужомъ. мы тогда сбродились

бѣжать, да ноги скользнули и ввязли въ грязь, а между-тѣмъ виднѣть: разбойникъ вскочилъ изъ-подъ Кунницына, значить снѣгѣ его, поднялась рука, заблестѣлъ ножъ; мы были еще сажень за нѣтъдесятъ;—«пропалъ Кунницынъ», думаемъ, не осмѣить и ножъ у того,—но въ ту же минуту, они слились въ одну массу, и черезъ перила повалились въ воду. Не видя иного спасенья, Кунницынъ проворно и неожиданно перекинулся, и увлекъ его черезъ перила. Мы ахнули и бросились на берегъ; темная масса вынырнула, окунулась опять, и, снова, поднявшись на поверхность, по теченію воды, приближалась къ берегу.

Кунницынъ бодро плавъ, держа за воротъ обезнамятѣвшаго и озадаченнаго Пуговкина. Онъ скоро очнулся, и съ подобострастіемъ покорился Кунницыну. Казаки, и тѣ дивовались его удали.

До свѣту еще Кунницынъ повезъ въ городъ извѣстнаго преступника-дезертира Пуговкина.

IX.

Сынъ отцу — не указка.

Утромъ мы снова принялись допрашивать Мартышку; я его арестовалъ.

— Ну, Мартынь, нечего больше заператься, дѣло открылось, честосердечіе лучше: лучшее спасенье, иначе погибнешь. Дѣло неумышленное, въ сердцахъ было: разобидѣлъ тебя Задорный.

— Что жь, ваше благородіе, обидѣть можно всегда чловѣка. Вотъ вы меня притянули къ слѣдству, а я, ничѣмъ не причиненъ. Бывало, дотолева спѣвнись съ ругателемъ—подружески ну, съѣднись по сусаламъ, а послѣ зашьешь мировую—и все, а въ свѣтотъ разъ не видалъ его, какъ Богъ святъ не видалъ, и что такое приключилось—на мелкіе кусочки взрѣжьте—не знаю...

— Однако ты пьянъ не былъ, торговалъ самъ до вечера—это мы знаемъ; а гдѣ ты былъ на закатѣ—доказать не можешь?

— Какъ же гдѣ былъ? наше дѣло молодое, у хоровода былъ, къ дѣвкамъ лабзился.

— А къ какой именно?

— Къ какой пришлось—гдѣ жь помнить.

— Однако, кто же nibудь тебя видѣлъ?

— Всѣ видѣли.

— Ну, а именно кто?

— Да вотъ, со мной ученикъ былъ, Филька, хранива Семена сынъ.

— Ты Фомка был?

— У насъ на фабрикѣ.

— Я, мальскаль, запамяну, и послать казака, съ старостой; соотчаде а держаль поць арестомъ. Заведенье Мартышки было въ сегда верогажъ въ Семинъ.

— Наса, порозъ три, прямо съ пени, полусомнаго пригезли ко мнѣ 15-лѣтняго Филару.

— Не бойся, тебѣ ничего не сдѣлають, только не ври.

— Что врать-то, я не знаю.

— Ты съ хозяиномъ пришель на арманку въ Свасовъ демя?

— Не; съ вечера, гятенька вытребовалъ.

— Ты вечеромъ былъ въ хороводъ?

— Наозъ дѣвки не пушяють, смотрѣль съ мальчишками.

— А козянъ былъ въ хороводъ?

— Былъ.

— Еще свѣтло было?

— Ева! ночью хороводовъ не водять.

— Куда жь дѣлся хозяинъ изъ хоровода?

— Въ кабакъ съ Федоромъ кузнецомъ пошелъ.

— А ты?

— Я то? нѣшто мальчишки въ кабакъ ходять? Спать домой пошелъ—въ сарай на сѣно.

— А отецъ твой гдѣ былъ?

— Спаль въ сараѣ,—тамъ же.

— Ну, а какъ умиралъ Задорный—ты видѣль?

— Видѣль, близко, черезъ дорогу,—и какъ галдели!

— Тебѣ кто жь сказалъ,—что его убили?

— Слышь! я какъ легъ спать-то, въ углушкѣ, знать, заснулъ,—а чую кто-то ползеть въ сарай—чуть видно—да на язву отну и наступилъ, разберодилъ; тотъ какъ ругнеть, да хватить коестыдять, должно битъ, тотъ индо крякнулъ да и говоритъ: «что, что ты лѣниш! знаешь бѣда какая приключилась,»—голосъ хозяина;—а тятенька привсталъ; говоритъ: «что такое?»—«Да Задорнаго пришибли!»—«Брешешь,» отвѣтилъ отецъ; то-то что нѣтъ, а потомъ шептаться стали, я не разслушалъ, выползъ тихохонько: посмотрѣть захотѣлось...

— Такъ они тебя не видали?

Я снялъ съ него письменный допросъ при священникѣ и потребовалъ сейчасть Семѣна храмова, а сына спряталъ; онъ вошелъ, весело прихрамывая.

— Подлюбился я знать барину, недавно видѣлись, а опять въ гости зовешь.

— Да вотъ, Семень, ты-то все отъ рукъ отбиваешься, не хочешь полюбовно жить.

— Отчего жъ не жить? любовь да согласіе — дѣло хорошее; да-то, баринъ, тебѣ не подъ пару: глухой, старый, храмой — плутовѣкъ-мужикъ.

— Самоуниженье грѣхъ, — Семень!

— А что? позовешь небойсь къ себѣ въ гости на обѣдъ? то-то что нѣтъ: мужикъ грязный, въ лаптяхъ; здѣсь-то такъ, а тамъ, въ городѣ, и въ покои не пустишь! Мы свое мужицкое дѣло смекаемъ! нужно, — знамо, и зовешь; такъ-то.

— Да, Семень, нужно. Ты мужикъ умный, ты понимаешь, что твое дѣло сторона, а говорить не хочешь. По закону, кто шоватыхъ покрываетъ, не выдаетъ, — тотъ самъ накликаеть на себя обвиненье. Въ который разъ я призываю тебя!

— Далекъ закинулъ баринъ, да тonya будетъ пустая. Не знаю ничего: и пьянъ былъ, и спалъ.

— Да, легъ спать въ сараѣ, на снѣ, чалѣво отъ дверей.

Онъ нахмурился и пристально посмотрѣлъ на меня.

— Полно такъ ли?

— Тебя разбудилъ Мартышка: онъ разбередилъ тебѣ ногу, ты его ругнулъ и ударилъ костьюемъ, а онъ все рассказалъ тебѣ водушевно. Ну, видишь и я знаю, такъ лучше повтори самъ, что говорилъ Мартышка.

— Нѣтъ баринъ и во снѣ не видалъ; утре узналъ, что Задорный померъ, ко мнѣ въ сарай втащали его.

— Вѣдь ты видѣлъ, что у него глазъ вышибенъ и тамъ разбито.

— Что видѣлъ то видѣлъ: страшно глядѣть было.

— И ты знаешь какъ было все. Грѣшно, старикъ, лгать, еще священное писанье читаешь, грамотѣй; вѣдь свидѣтель есть: — все слышалъ, — что Мартышка тебѣ исповѣдывался.

— Какой же такой свидѣтель можетъ быть?

— Твой сынъ, — Филька. Ты не зналъ, что онъ въ углу на снѣ лежалъ, все слышалъ и все рассказалъ; вотъ и его показанье, при батюшкѣ рассказалъ. Не вѣришь — спроси, онъ здѣсь, сейчасъ позову и дамъ тебѣ съ нимъ очную ставку. Сынъ будетъ уличать отца во лжи, — какое послѣ того онъ будетъ къ тебѣ почтеніе имѣть, просто влюнетъ да бить еще станеть, не

то, что повиноваться. Плохо дѣло, старикъ, развязывай ротъ-то лучше.

Старикъ сильно задумался. Я не мѣшалъ; въ этихъ случаяхъ прерывать мышленія не должно. Немного походя, онъ попросилъ у стряпчачаго табачку, втянулъ его въ носъ, и продолжалъ думать.

Ночь, тишина, слабый свѣтъ имѣли свое вліяніе: онъ понималъ, — что ставить на конъ уваженіе единственнаго сына, — или ищеніе барина.

— Ногу больно, дозвольте сѣсть.

— Я велѣлъ подать скамью. Онъ сѣлъ, и продолжалъ думать! еще понюхалъ табаку.

— Филъка, ты здѣсь? крикнулъ вдругъ Семень.

— Здѣсь, тятенька, отозвался Филъка изъ другой комнаты.

Семень крикнулъ. — Прежде отца въ петлю не суйся. Выгоните его. Пишите. Я не виноватъ — не смѣлъ я говорить; господинъ мой, — баринъ, — пришибъ язычекъ: «если слово скажешь, въ Сибирь», говорить, такой озарной, что упаси Боже; — ну, да была не была, все равно, за одно погибать. Пишите.

— Не бойся, защитимъ, коли правду откроешь. Всѣ старыя допросы въ печку, будто самъ объявилъ.

— Нѣтъ это неладно будетъ: онъ заѣстъ; — ему въ судѣ покажутъ; — пусть видитъ, — что неволя говорила, — а не я, не хочу что-бы сынъ уличалъ меня.

— Ну хорошая у тебя Семень душа, честь есть! это дѣло великое! Дай мнѣ руку, и да поможетъ тебѣ Богъ безъ утайки правду сказать! Тебя защититъ самъ Господь и мы сколько можемъ.

Въ это время Кунцынъ прислалъ мнѣ съ дороги списокъ участниковъ драки: Пуговкинъ все зналъ; это мнѣ послужило для повѣрки.

Х.

Начало на концѣ.

— Праздникъ тогда у насъ былъ: Спасовъ-день — началъ рассказывать Семень. — Оно благочестіе по писанію надоть бы быть, а у насъ по грѣхамъ нашимъ соблазнъ да развратъ, — то и праздникъ! Не то что мужики, бары-то не лучше, утре и даже съ вечера накатили къ нашему сусѣдн и городскіе; рады оказін

воѣсть и попить; еще до обѣдни хватили и въ церковь хмѣльные пришли — соблазнъ та какой и-и-и! а послѣ обѣдни попойка такая у нихъ началась! Коли ужъ баре такъ—мужичку и Богъ простить: темный человѣкъ. На то и праздникъ! ну, все-таки до обѣдни не приличествуешь.

«Народу было тьмутаракань, не продерешься, не то, что въ церкви, а и на рынкѣ; всякіе коробошники наѣхали—дѣвкамъ да бабамъ на соблазнъ. Пріѣхалъ одинъ книжникъ; я на цѣлый волтинникъ куплялъ, да дребедень какая-то, — не разберешь, смаку нѣтъ, не про насъ знать писано! Ну да ева рѣчь кста-ти пришла.— А вотъ что о Задорномъ скажу; это парень во какой былъ! смысленный и хмѣлемъ не шибко зашибалъ, да ужъ больно языкъ длиненъ былъ, сквернословить гораздъ былъ, задоренъ шибко былъ—такъ и прозвище дали. Не то что ругаться, а этакъ подкузнить язычкомъ, да пѣсни у него были,— кой чортъ научилъ его? непристойныя такія, скверно и слушать-то, а со смѣху животика надорвешь. Говорить: солдаты научили. Вотъ Задорный хлебнулъ не въ мѣру на тотъ разъ, ходить, дѣвкамъ турусы подпускаеть, всѣ дѣлшки ихъ зналъ, проклятый, ну, въ хороводъ втерся; говорить ребятамъ: «смотри, не выдавай, подхватывай! Затянулъ ладно, голосъ звонкой былъ, тонкой такой, ужъ словъ-то я не знаю только и повернулъ на свое! Вспрыгнетъ, ноги — руки врозь разставить да скороговоркой и прибираеть, и прибираеть, покачивая головой, а потомъ выплясывать пойдеть съ такими вывертами, что всѣ запляшутъ, а другіе животики отъ смѣху водхватять. Дѣвки только краснѣють, переглядываются межъ собой, да платочками ротъ закрываютъ, «мы де не понимаемъ,» а самимъ любо—право слово! Только расходился онъ больно, такую nepотребу занесъ, что и парни его вытурили изъ хоровода, а онъ отпустилъ еще что-то, да и пошелъ, приплясывая и припѣвая, къ кабаку; за нимъ мальчишки такъ и повалили, да правду сказать много и большихъ пошло. Онъ съ горы, да въ кабакъ; говорить цѣловальнику: «дашь полштофа, камедь сломаю: не одно ведро выпьютъ,» ну тому и на руку, а тамъ былъ Мартышка гребеньщикъ, Федоръ кузнецъ, Сережка, что у нашего кучеромъ ѣздить, такой озорникъ, камердинеръ Кирилла, дячокъ разстрига, солдатъ, ну и еще были не знаю кто, я тамъ не былъ а слышалъ только. Мартышка — тоже пѣть гораздъ былъ; только человѣкъ благочестивый, все стихири да псалмы

зналъ, на крылосѣ въ церкви хоръ водилъ, да—парень добрый у него заведеніе большое, гребни рѣжетъ, золотыя руки!—одно слово—человѣкъ! Только во хлѣбъ несмѣренъ и не то, чтобы пьяница былъ, выпьетъ,—да кто же не выпьетъ? и господа пьютъ; вонъ и у вашей милости полштофякъ на окнѣ стоитъ! нешто, на поѣное надоть!... Позвольте табачку понухать! (онъ систематически насыпалъ табакъ на руку, выгнувъ большой палецъ, и втиснулъ его въ носъ дочиста). Что бишь я говорилъ-то? Какъ подрались-то? да! Вотъ: Задорный пришелъ въ кабакъ, за нимъ толпа ввалила; цѣловальникъ ему даромъ поднесъ; взялъ онъ бажалайку, побринчалъ эдакъ... Что за отпѣванье? говорить, давайте лучше пѣсни пѣть,» и затянулъ грустную такую пѣсню, больно ладно, такъ за душу и потянулъ, видно всѣ прослезнились и обниматься стали; да вдругъ, шельма, трепака хватилъ и зашѣлъ:

Во саду-ли въ огородѣ
Собачка гуляла,
Ноги тонки, бока звонки
Хвостикъ закорючкой.

Да и понесъ, и понесъ сквернословье! а Мартышка собралъ-было дьячка, еще тамъ парней махаетъ рукой, это чтобы ладно пѣли и затянулъ церковную,—расчувствовался. Какой тутъ ладъ: онъ свое, а Задорный свое, да выплясываетъ казачка; подскокылъ въ присядку къ Мартышкѣ да въ перебой ему:

«Гласъ шестый, берите шесты! ступайте отпахиваться.»

Мартышка пустосвятъ!

Полно врать-то! дуралей!

Лучше водочки налей.

Не морочь, не морочь, ходи прочь, ходи прочь.

Мартышка покраснѣлъ! Я те,—говорить, налью въ глотку-то дуралей!» Чтобы отойти отъ злаго человѣка, а Задорной пуще лѣзять, да все на зло; оно бы правду-матку молвить въ кабакъ и не пригоже церковное пѣнье, да пьяные, извѣстно. Мартышка больно хвастаться любилъ; опять махнулъ рукой и началъ: «море житейское», а Задорной подскокылъ да опять: «стоитъ баба на юру...», а самъ къ нему такъ и лѣзеть. Мартышка его и заушилъ, осерчалъ значить. «Ишь-ты — говоритъ Задорный—драться не умѣетъ, да какъ хватить его подъ дыхальцы, видно тотъ зашелся. Всѣ захохотали. Мартышка-то пуще озлобился, поймалъ его за шиворотъ, давай дубасить, ну и тотъ спуску не далъ; только кричитъ: «братцы выручай!» и бросились

одни за Мартышку, а другіе за Задорнаго—такъ кулаки и ходить по сусаламъ. Цѣловальникъ видитъ уйму нѣтъ, не то что руготня какая, а стѣна на стѣну пошла и кто кого зря лупить; онъ парень здоровенный, за плеча да въ шею, за плеча да въ шею, да всѣхъ такъ и повытолкалъ, и двери заперъ; видятъ окрованились, у Задорнаго глазъ вылезъ, и онъ Мартышку башмакомъ ухо разсѣкъ. Вотъ тутъ, у кабака, и произошло. Сергій кучеръ какъ цапнулъ по боку Задорнаго, тотъ языкъ и вынулъ, а Федька кузнецъ сзади какъ хватить его сапогомъ... тотъ хлястнулся, да и захрипѣлъ—у всѣхъ руки омутились; кои драго, а Федька, Сергій да Мартышка еще ему шадываютъ въ бока-то: больно остервенились, а то, что лежащаго бить! Однакожь Мартышка, самъ сказывалъ, первой въ себя ударилъ. «Стой, братцы! вѣдь мы челоуѣка то порѣшили!» у всѣхъ и жѣлъ пропалъ, только Федька стащилъ съ него зипунъ да началъ опять въ кабакъ стучаться; ну, видятъ дѣло плохо, сами его да къ нѣмцу подъ заборъ, а сами врозь, смотри, говорятъ, ни гугу». Ну вотъ какъ дѣло-то приключилось, Такъ что да вамъ надоть?

— Тутъ былъ дьячекъ, солдатъ, ну еще кто?

— А кто жь ихъ знаетъ? дьячекъ-то вовсе былъ пьянъ—да трожте его; а солдатъ за стойкой стоялъ: гдѣ тутъ разобратъ кто былъ? много было, чай Кузьма Васильевъ знаетъ, пѣломывникъ, какъ ему не знать?

— Отчего жь никто не объявилъ коли всѣ знали?

— Какъ не знать-то всѣ знали, да подись-ко, попробуй! камердинъ барину только сказалъ, такъ ему баринъ такую баню задалъ: «молчи, говорить, заперю и скажи всѣмъ, чтобы языкъ, за зубами держали, а то знаешь!...»

— Да ему-то что-жь?

— Это, что? а люди пропадутъ; за кузнеца-то Федьку три тысячи давали, а камердинеръ-то? а кучеръ-то? да онъ за Сергею, кучера-то, поддеревни отдастъ—закадышный другъ значить, а ужь какой озорникъ и воръ какой, лошади-то отъ чего худы?

— Ну а чужіе, напримѣръ, Мартышка, чего они боялись?

— Оно вотъ что: Мартышка и хотѣлъ-было попу покаяться. да доискалъ въ острогъ засадютъ, заведенья рѣшишься, на всю жизнь погибнешь. А то кому было говорить? кто самъ ползеть

на рожонъ-то? Еще кабы спросили, какъ ваша милость, а то и не спрашивали. Такъ-то вотъ погибъ человѣкъ, не за понюхъ табаку погибъ!

Мартышка на очной ставкѣ, уличасмый имъ и шрамомъ на ухѣ, сознался—добрая была душа: его мучила совѣсть; какъ на исповѣди онъ покаялся и назвалъ всѣхъ виноватыхъ.

— Чужаго грѣха на душу не приму! Оно, точно я, началъ драться, да, вѣдь это дѣло обыкновенное, мы благопріятеля были; а за что накинулись на него Сергѣй и Федька—не знаю! они его порѣшили и одежду стащали. Помилуйте! какъ Богъ святъ я не причиненъ. Онъ упалъ на колѣни.

— Зачѣмъ ты не объявилъ? чего тебѣ было бояться? ты удѣльный, свое начальство есть.

— Недобрые люди съ толку сбили; ну посякуть-то—ничего, а то засадятъ, истомятъ, мозгъ высушатъ, разоренье примешь, всего рѣшишься. Что я мученья то перенесъ—одна душа вѣдаетъ! На людей зазорно было смотрѣть; кажись всякій пальцемъ тычетъ: ты-де человѣка убилъ! Ну да теперь отошло! Чему быть, видно, тому не миновать... и онъ рукой махнулъ, а слезы навернулись все-таки; видно въ даль заглянулъ, али прошлое вспомнилъ.

XI.

Г р я з ь.

Церковь была ярко освѣщена, толпа пабожно молилась, слушающая чтеніе 12 евангелій; набожныя старушки отиѣчали шариками на свѣчкахъ каждое чтеніе; эти шарики будутъ сохранены какъ снадобье отъ лихоманки, да, пожалуй, и отъ дурнова глаза.

Въ то время, какъ православный простой народъ готовился къ торжественному дню и дѣйствительно въ душѣ ждалъ, какъ подобаетъ ждать, великій день, у Гулянова тоже не ложились спать, всю ночь кутили и заутреня отошла, и свѣтать стало, а онъ дулся въ карты; на кругломъ столѣ цѣлая батарея порожнихъ бутылокъ а больше штофовъ, тарелки съ остатками и объѣдками ветчины, гуся, соленыхъ грибовъ... безпорядокъ отвратительный!

Гуляновъ, красный какъ ракъ, богатырская грудь на распахну, систематически мечетъ банкъ и обдуваетъ двухъ пош-

щиковъ, а исправнику и стряпчему, которые вечеромъ заѣхали мимоходомъ на минуту да всю ночь просидѣли, онъ даетъ и яры, и транспортъ; хорошо что народъ, изъ робкихъ, мелко стаятъ. Какой-то пучеглазый господинъ, не участвующій въ битвѣ, бессознательно смотритъ на столъ и сосетъ трубку; другой растанулся на диванѣ и храпитъ во всю ивановскую, такъ-то Гуляновъ оглянувшись на него, плюнулъ и прибавилъ: скотина!»

— Однако, мы вотъ вѣдь съ чѣмъ заѣхали то, Алексѣй Петровичъ, началъ нерѣшительно исправникъ: поговариваютъ, что дѣло-то плохо идетъ.

— Какое? слѣдствие-то? я и думать забылъ.

— Ну это напрасно, насъ-бы побережь не мѣшало, да и са-погу себя побережь.

— Эхъ, вы трусы, ну что можетъ случиться?

— Мало-ли что: и подъ судъ могутъ упрятать, а васъ пожа-луй въ опеку.

— Меня въ опеку, ха, ха, ха, старая пѣсня! Впрочемъ душень-ка усвокойся. Воду толчетъ. Бумагу только мараетъ. Ничего не выдетъ. Мальчишка, дрянъ. Фертикъ паркетный.

— Оно доложу-сь, не совсѣмъ такъ судить изволите, вѣ-щамъ стряпчій: мнѣ изъ прокурорской пишутъ, что дѣло на шествіе выходитъ, звѣзда говорятъ, до-сути добрался.

— Вадоръ, ровно ничего не добрался. Что ко мнѣ-то не поѣ-халъ? дрянъ, отъ этого и не поѣхалъ.

— Оно бы поближе не мѣшало приглядѣть: Кунницына здѣсь шдѣли.

— Не выдали-ли еще чорта со свитой? развѣ я зѣваю, я все знаю; за чтожь его-то кормлю; и онъ ткнулъ пальцемъ въ пуче-газаго господина, тотъ и не моргнулъ!

— Ги. да! дѣйствительно справедливо; много напуталъ, а тол-ку ни строки, проговорилъ хриплымъ голосомъ пучеглазый гос-подинъ, нустозвоны, а то же съ подвохомъ къ Бротфрессеру подъ-халъ, ссорить съ Алексѣемъ Петровичемъ хотѣлъ; не выгорѣло оборвался; Бротфрессера на кривой не объѣдешь.

— Не видите развѣ что онъ меня боится, мовхъ никого не пугаетъ; да и сунься-ка сюда, я ему покажу.

— Сначала-то, продолжалъ стряпчій, онъ какъ шальной въ

потьмахъ метался, знаемъ, безъ толку требовалъ встрѣчнаго и поперечнаго, а тутъ все обходить ближе сталъ: Мартышку притянулъ, дьячка, не проболтается-ли кто? не попалять-ли на слѣдъ! Смотрите.

Пучеглазый господинъ самоувѣренно помоталъ головой.

— Странно слушать васъ, трусы вы эдакіе! ну что, что можетъ сдѣлать? поѣду въ губернію, всѣхъ барынь на ноги, и утоплю его; не будь я Гуляновъ, ежели не утоплю его, клянусь вамъ; осмѣлился не ѣхать ко мнѣ; я его научу важничать, не-такихъ въ дугу гнули, штафирка проклятая.

— Чтожь ты ругаешься подхватилъ одинъ изъ помѣщиковъ, и мы штафирки вѣдь.

— Ты молчи, ты другое дѣло! это что? обратился Алексій

Петровичъ къ лакею, который подалъ ему какую-то бумагу.

Гуляновъ сначала безъ вниманія бросилъ взглядъ, потомъ перечиталъ ее, потомъ... швырнулъ карты въ носъ пучеглазаго господина, вскочилъ и разразился ругательствами.

Эта бумашка извѣщала его, что я требую къ допросамъ и арестую оговоренныхъ въ убійствѣ Задорнаго: Федора Евстигнева (кузнеца), Кирилу Васильева (камердинера) и главное: Сергѣя Степановича (любимца кучера)

Пока Гуляновъ неистовствовалъ, и разбуженный господинъ, вскочивъ съ просонковъ спрашивалъ что такое? бумашка переходила изъ рукъ въ руки, и производила разное дѣйствіе.

Исправникъ схватилъ себя за волосы, и сталъ ходить по комнатѣ.

Стряпчій чесалъ за ухомъ, и смотрѣлъ въ даль туманную.

Пучеглазый господинъ ступешевался за двери.

Помѣщики только переглянулись, улыгнулись и какъ-то нечаянно смарали свой проигрышъ.

— Человѣкъ! крикнулъ Гуляновъ. Человѣкъ! еще громче закричалъ онъ, хотя лакей торчалъ у него передъ носомъ.

— Чево изволите?

— Кто принесъ?

— Казакъ.

— Въ шею его, скажи чьего не даю, дозвать ихъ сюда.

— Слушаю-съ.

— Негодяй, разбойникъ,—твердилъ Гуляновъ внѣ себя, не дамъ, пусть попробуетъ силой взять.

Въ это время на дворѣ раздался шумъ и голосъ: караулъ, караулъ! всѣ бросились къ окнамъ. У сарая неизвѣстный чело-вѣкъ держалъ за плеча Сергѣя, а казакъ связывалъ ему руки; Сергѣй барахтался, оралъ во все горло, но его связали и потащили; другіе кучера хохотали.

Гуляновъ взомель въ такой азартъ, что вышибъ раму и закричалъ: Держите, бейте ихъ въ мою голову бейте, но чужіе кучера сняли шляпы и не трогались съ мѣста, а своя дворня попряталась. Гулянову не было видно, что у воротъ чело-вѣкъ двадцать понатыхъ и разныя сельскія власти.

— Что-жь это? грабежъ;— за мной всѣ, и разобью ихъ, соба-камъ затравлю!—и бросился было къ дверямъ.

Но исправникъ и помѣщики схватили и удержали его.

— Пойдите, пойдите, Алексѣй Петровичъ, что вы хотите дѣлать: бѣды наживете, полноте, такъ нельзя.

— Пустите! Эдакая наглость, у меня изъ дому, хватать лю-дей, н-нѣ-тъ, онъ меня—узнаетъ.

— Да вы послушайте, виѣшался стряпчій,—вы этимъ учините буйственный поступокъ, сопротивленіе закону и властямъ, мо-жетъ убійство совершите, да тогда куда угодите? да и нынѣ то съ вами влопаемся.

— А ему все позволяется?

— Да онъ-то по закону дѣйствуетъ, ему власть дана.

— Ей, гдѣ Пучеглазый, давай сюда Пучеглазаго—мошеника зѣвака далъ—стало быть.

— Вотъ его стоять отвозить, добавилъ помѣщикъ.

Пучеглазый показался въ дверяхъ, сталъ на колѣни и скор-чилъ такую гримасу, что Гуляновъ плюнулъ и захохоталъ;—иголь его упалъ.

— Сію ночь—все совершилось! проговорилъ Пучеглазый.

— Однако, господа, дѣло дрянъ выходить! кто-нибудь вы-далъ; ну, узнаю, задамъ феферу, а теперь надо потолковать; ей! чаю; да мы еще не кончили, впрочемъ сочтемтесь. Гм. подле-цы, кто стерь? не разберешь; ну, это вздоръ, и онъ щеткой смахнулъ послѣдніе слѣды мѣлу!

— Да, почесывая за ухомъ, началъ стряпчій, будетъ и мнѣ нахлобучка, а исправнику да лекарю и вовсе не сдобровать.

— Еще бы, а все вы Алексѣй Петровичъ, очнуться не дали тогда, вздоръ да вздоръ, эка важность пьяные подрались; оно, пожалуй и такъ, дѣло выдѣннаго яйца не стоитъ; а вотъ куда повернуло; спихнуть—чѣмъ жить? жена, дѣти! и стоило такое дѣло поднимать! тьфу, а все вы.

— Снявши голову, по волосамъ не плачутъ, догматически порѣшилъ стряпчій. А вотъ что, Алексѣй Петровичъ, ступайте-ка въ губернію, похлопочите и насъ то защитите и о себѣ подумайте маленько, и вамъ больно не хорошо можетъ выйти.

— А мнѣ то что? я въ дражѣ не былъ, слѣдствія не производилъ.

— А какъ позадамъ пройдутся, эдакъ въ старое заглянуть? Нѣтъ оно бы лучше знаете замаять, кто себѣ врагъ, Алексѣй Петровичъ, вы бы эдакъ послали его съ праздникомъ поздравить! понимаете? и онъ сдѣлалъ дополнительный жестъ.

— Чорта съ два! не пробовалъ что-ли? Бротѣрессера послалъ въ шею вытолкать; отецъ Илья сталъ намекать, такъ онъ такого жару задалъ, что тотъ не зналъ куда глаза дѣть, дуракъ, фанаберія, своей пользы не понимаетъ.

— Молодо-зелено, будетъ постарше поумиѣть—воротить съ лихвой, дополнилъ исправникъ.

— Одно осталось, продолжалъ стряпчій, пустить забористую просьбицу—да подкрѣпить ее—гм!

— Какую же?

— Я докладывалъ объ этомъ не разъ Алексѣю Петровичу, робко вмѣшался пучеглазый господинъ; теперь поздноато, а то я и проектецъ вчернѣ приготовилъ.

— А что настрочилъ—покажить-ка? съ усмѣшкой спросилъ стряпчій. Пучеглазый вытянулъ изъ кармана мелко исписанный листъ бумаги.

Пока пили чай, хвативъ прежде гольемъ рому, стряпчій внимательно прочелъ, сначала покачивалъ головой и ухмылялся, а потомъ захохоталъ.

— Творецъ ты, братецъ, просто Пушкинъ! Какъ это тебя изъ службы вытурили, впрочемъ другой по Владиміркѣ прогулялся бы; молодецъ право, ну хитро братъ, хитро, тонко, такъ прямо г. слѣдователя въ Сибирь и снаряжаетъ.

— А я и на дорогу дамъ, перебилъ Гуляновъ, что тамъ такое?

— Сущая какъ есть правда, скромно отвѣчалъ пучеглазый: точные допросы и выемки, безъ вѣдома г. исправника, казакъ съ нагайками, самъ вѣчно пьянъ, значить безчиніе, насиліе, вымогательство — пристрастные допросы.

— А знаете мысль не дурна, перебить исправникъ: коли проболтались—въ судѣ могутъ отпереться, дискать отъ пристрастныхъ допросовъ, истязанія—напляшется—хоть подъ слѣдствіе попадетъ.

— Ну, сурово возразилъ стряпчій—нельзя дружище, съ бухда-барахту; депутатъ удѣльный есть, вся форма соблюдена,—надо указать доказательства—такъ не примутъ.

— Кто не приметъ? судья то? Синebroховъ? вотъ еще не примутъ.

— Эхъ ма—сплоховалъ, щелкнувъ пальцами сказалъ Алексѣй Петровичъ: мнѣ бы своихъ-то кнутьями отодрать передъ допросами, а послѣ и велѣть сказать, что при допросахъ съкли.

Всѣ сразу устремили на него глаза, видимо ихъ поразила громадность идеи; онъ продолжалъ:

— Впрочемъ можно! будутъ, пишете жалобу, подписываю, десять жалобъ, пишете, всѣ подписываю — всѣмъ пишете; министру пишете: обидѣлъ раззорилъ, мужиковъ бунтовалъ, съкъ, насиліе дѣлалъ, грабежъ, пишете, докажемъ все! мальчишка, чиновничка, дрянъ; узнаетъ Гулянова, утремъ носъ!

— Надо его увезти, шепнулъ стряпчій, а то накуралесить. Ну Алексѣй Петровичъ собирайся, въ городъ—наволяемъ, будетъ насъ помнать, да надо на праздникъ и домой, да и тебѣ что тутъ одному то!

Его поддержали.

— Гей—лошадей заложить; эхъ-ма, а Сережки то нѣтъ, впрочемъ я радъ—надоѣлъ подлецъ.

Такъ кончилось совѣщаніе; рѣшеніе было скрѣплено торжественными поздравленіями и выпивкою, послѣ которой всѣ покатили въ городъ.

Всю эту сцену видѣлъ и слышалъ коробочникъ Александра, онъ въ это время въ дѣвичьей соблазнялъ горничныхъ разными ленточками, браслетками, рѣзными гребешками и всякою дребеденью; точилъ ясы, подпускалъ турусы на колесахъ (парень былъ взрачный, да разбитной такой), а самъ ни словечка не проронилъ, что господа говорили, все видѣлъ, все слышалъ.

Такъ сообщилъ мнѣ черезъ часъ Куницынъ.

XII.

НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ—САМЪ ПОПАДЕШЬ.

Хоть не боялся я угрозъ Гулянова, однако для допроса его людей собралъ полное присутствіе: страпчого, удѣльнаго чиновника, сельскаго застѣдателя и священника.

Велѣлъ привести Кирюшку, но въ той комнатѣ гдѣ они ожидались произошло смятеніе и шумъ; Сережка рвался впередъ и кричалъ что ему ждать некогда.

Мы вошли туда.

— Потяше, любезный, что ты бурлишь!

— Что бурлишь, говорю: мнѣ некогда, баринъ ждетъ.

— ~~Начего, подождетъ, ну, не буянь-же, а то заковать велю.~~

— Ково, меня-то? какъ бы не такъ, посмѣйка, баринъ задасть.

— Э, ты вотъ какой! наручники, руки назадъ.—Мужики было сунулись, но онъ одного съѣздилъ въ морду, и всѣ отступились. Куницынъ мгновенно очутился сзади его и, уперевъ коленно въ спину, вывернулъ назадъ руки; какъ онъ не барахтался, но его сковали и положили на полъ.

— Ну теперь одумайся! здѣсь тебѣ не у барина. Кирила и кузнецъ стояли смирно и даже уговаривали его, но онъ обругалъ кузнеца остржникомъ, придорожнымъ разбойникомъ, а Кирюшку бродягой, распопомъ, разбойничьимъ кашеваромъ.

Въ нѣсколькихъ переброшенныхъ ими словахъ и взглядахъ, я подмѣтилъ какую-то ненависть къ любимцу барина, а у него — презрѣніе къ нимъ и сознаніе личнаго значенія! Надо было воспользоваться этими страстями.

Куницынъ уже дозналъ, что Федоръ судился за грабежъ и, по заступѣ барина, оставленъ только въ сильномъ подозрѣніи; Кирюшка былъ года три въ бѣгахъ, присланъ по этапу, и прощенъ бариномъ; Сережка — повѣренный всѣхъ тайнъ барина и мерзавецъ первой степени; какъ же иначе? фаворитъ, взятый изъ грязи.

Однако плохо; въ острогахъ сидѣли, значитъ, опытные арестанты—ничего не добьешься, и точно: неясные, короткіе отвѣты, ловкія отговорки и полное запирательство; тутъ и дѣлай что хочешь! Кирюшка сознался только, что баринъ его отодрагъ безъ причины, находя это дѣло привычнымъ и очень обыкно-

вещицы; но Федоръ не сознавался и тогда, когда былъ утис-
канъ армякъ, снятый съ Задорнаго послѣ драки и проданный
имъ Юхновцамъ; это подтвердили десять свидѣтелей, а онъ воз-
разилъ, что продалъ армякъ, да не этотъ, а свой, и что всѣ
армяки схожи; на этомъ, однако, была примѣта: желтое пятно.
Да вѣдь и на другомъ могло быть точно такое же пятно—чего
не бываетъ!

За то Серсѣйка, узнавъ, что баринъ, на котораго онъ надѣял-
ся, какъ на каменную стѣну, уѣхалъ и заступился за него не-
кому, присмирѣлъ, и сталъ просить прощеніе. Я велѣлъ его рас-
ковать, и позвалъ къ допросу.

— Ну, къ чему, братецъ Сергѣй, ты дурилъ, развѣ можно
противъ начальства идти?

— Помилуйте, сударь, я что жъ такое? я ничего-съ, до ба-
рина хотѣлъ дойти — только; какъ они прикажутъ, наше дѣло
холопское.

— Тутъ всякій за себя отвѣчаетъ; баринъ ничего не можетъ
помочь: и надъ нимъ начальство, все равно.

— Какое же это? — недовѣрчиво спросилъ онъ.

— Ну, не въ этомъ дѣло, а вотъ ты обвиняешься въ дракѣ
у кабака въ Спасовъ день, когда убить Задорный.

— Какъ это обвиняюсь? Да я и въ кабакъ-то въ тотъ день
не былъ, да и зачѣмъ въ кабакъ, вина-то мнѣ у барина въ
волю, отказу нѣтъ. Никакъ нѣтъ-съ, я дома былъ, извольте у
барина спросить.

— Можетъ быть, баринъ-то и сказалъ бы, да видный ли
любезный, дѣло-то раскрыто: всѣ сознаются, армякъ извѣстно
кому проданъ, такъ заператься незачѣмъ; хуже будетъ—уличать;
вѣдь мы знаемъ, ну, вы всѣ выпивши были, поругались, вад-
или въ задоръ, подрались, ну это ужъ несчастье, что такъ дѣ-
шло!

— Помилуйте, я-то тутъ въ чемъ же сознаюсь, я вовсе не
былъ.

— Полно, былъ, Сергѣй, и тебѣ глазъ подбили. Нездѣсь не
былъ подбитъ глазъ?

— Да это я на льщину наткнулся.

— И врешь-то нескладно; не хочешь говорить—другіе ули-
чатъ, всѣ вѣдь здѣсь, ты, чай, слышалъ; не отвертись-ся.

— Что жь, ваша власть, дѣлайте что угодно, а я въ драгѣ не былъ.

— А кто же былъ?

— Мало-ли кто? праздничное дѣло, про то они знаютъ.

— А послушай-ка, что Федька и Кирюшка говорятъ про тебя.

— Ужъ кто-бы сказалъ-то, а то острожники; можно имъ вѣрить!

— Однако они и тебя угодаютъ въ острогъ.

— Это кто-съ? бродяга-то, распопъ-то, да? Онъ—чѣмъ другихъ задѣвать, про себя разсказалъ бы. Мало его, знать, драгъ на конюшнѣ баринъ; извѣстно, сбѣжалъ да три года бродяжничалъ.

Я шепнулъ Кунищину, чтобы надѣлъ наручники на Кирыгу и Федора по оговору Сергѣя въ разныхъ преступленіяхъ: топить-де васъ Сергѣй, всѣ старыя дѣла подымаетъ.

Дѣйствительно, съ пренебреженіемъ разсказывалъ Сергѣй, какъ Кирюшка сбѣжалъ отъ рекрутства, какъ баринъ, по возвращеніи, своимъ судомъ отодралъ его, такъ-что онъ двѣ недѣли не вставалъ, а потомъ взялъ его, за его разсказы о походахъ во время бродяжничества, и опредѣлилъ въ камердинеры; когда ему не спалось и все надоѣдало, Кирюшка обязанъ былъ тереть ноги и разсказывать что-нибудь; это кончалось тѣмъ, что баринъ ткнулъ его ногой въ рыло, и выгнать вонъ.

А о Федорѣ Сергѣй говоримъ съ омерзѣніемъ: злой человѣкъ, говорить, не то, что какой твари, лошадей не любитъ, звѣра, а не человѣкъ, на осину вздернуть стоить.

— А самъ, Сергѣй, мало ты передралъ людей на конюшнѣ?

— Да это не своя воля, дѣло барское, ослушаться нельзя: самого растянуть. Нѣтъ, ваше благородіе, коли можно по мирволить, я человѣкъ жалостливый, чего лошадь, скотъ, и туя жаль.

— А Задорнаго не жаль было?

— Да вѣдь это... и онъ оставился, и поблѣднѣлъ.

— Ну, съ Богомъ, договаривай.

— Что жь договаривать... я тамъ не былъ.

— Жаль тебя, ступай, подумай-ка! Отведите его къ Мартышкѣ.

— Что жь думать, вотъ баринъ пріѣдетъ, его просить буду,

больно ужь обиждаете. За что жь подь караулъ, это неправ-
ское дѣло.

— Ты опять за свое! Ну, ступай, ступай! стало есть за что.

Привели Кирюшку. Встрѣтись съ Сергѣемъ, онъ бросилъ та-
кой взглядъ, что, кажется, проглотилъ бы его. Кирила былъ
низенькаго роста, увядый, худощавый, съ слезоточивыми гла-
зани, мужчина лѣтъ 45.

— Вотъ, братецъ, Кирила, ты-то упираешься, а Сергѣй не
только все рассказалъ про Задорнаго, да еще раскрылъ всѣ твои
похожденія, какъ ты въ разбойничьей шайкѣ былъ, какъ у рас-
кольниковъ попомъ назвался—много, много грѣшковъ за тобой.

— А за нимъ-то, самохваломъ, мало што-ли? — съ озлобле-
нiемъ отвѣчалъ Кирила.

— Ну что? вздоръ!

— А чѣмъ же лучше? Онъ сказалъ, небойсь, за что баринъ-
то потрафляетъ ему? вишь барину благопріятель, управляющій,
а мы рабы его: всѣхъ въ усъ да въ рыло—жуликъ московскій!

— Кто жь про себя скажетъ? Вотъ про тебя много поразска-
залъ, ты отчего сбѣжалъ-то—а? укралъ?

— По какой причинѣ я сбѣжалъ? Эхъ, сударь! бѣжишь поне-
волѣ; а укралъ—что я укралъ? барыню укралъ—вотъ что!

— Какъ это?

— Серѣжка больше знаетъ, спросите его. Его баринъ какъ
есть боится, по той причинѣ потрафляетъ ему, тотъ съ нимъ
зубъ за зубъ, какъ есть, и не разберешь, кто изъ нихъ баринъ.

— Хоть это къ нашему дѣлу и нейдетъ, а любопытно, что
за исторія; ты мастеръ вѣдь рассказывать, я знаю.

— Языкъ-то безъ костей, все млетъ; да что рассказывать-
то! дѣло барское, не наше, говора да не договаривай.

— Да не ломайся, говори.

— По мнѣ, пожалуй, расскажу:

— Баринъ въ гусарахъ служилъ, — крикнувши и подумавъ
сказалъ онъ,—лихой молодецъ, нечего сказать; сила богатыр-
ская, прочь съ дороги, разшибу, жилъ разливанное море, пер-
вый коноводъ въ полку былъ; вотъ у насъ былъ Андрей, съ
нимъ жилъ въ полку, что поразказывалъ-то; теперь померъ,
сердешной, слегъ да и Богу душу отдалъ, да вы Серѣжку спро-
сите, онъ тамъ тоже мальчишкой былъ, знаетъ всю подногот-

ную. Такъ вотъ! Баринъ на счетъ женскаго чела ходокъ бѣды; ужь коли какая приглянется--добудеть, во что бы те на ставъ, или желтишь бѣсомъ прикинется, амуры подпустить, а то такъ и: силой, обманомъ, и пѣсню такую любить тѣтъ выливши, только бескладную:

Никогда въ любви своей
Не зналъ я неудачи.

Вотъ-съ въ Малоросіи за Полтавою что ли было, встрѣтилъ онъ одну барыньку Фіона Васильевна звали, такая нѣжная, благопріятная,—а мужъ старикъ; подвернулся нашъ, долго ула-сливалъ; околдовалъ таки, привязалась къ нему; мужъ на дуэль зоветъ, ты говорить, подлець обезчестилъ меня, онъ говорить пожалуй, только совѣстно съ старикомъ, убью; тотъ говорить убей лучше; ну на сабляхъ подрались, на смерть зарубилъ старика, съ рукъ сошло и это; еще молодцомъ назвали, только службу бросилъ, да сюда и пріѣхалъ и Фіону Васильевну съ собой привезъ! Ужъ какая барыня была, сущій ангель, сначала власть было взяла и все лаской, совѣту слушался, мягче сталъ, года два мы въ благоденствіи пребывали, да одинъ гость пьяный, чтобъ ему ни дна ни покрывки и подсмѣйся надъ нимъ, что онъ подъ каблукомъ у жены; они обвинчавы значить были; онъ промолчалъ, да вечеромъ такъ ласкаво говорить: не хочешь ли прокатиться, суширчикъ мой; та въ простотѣ сердечной, очень рада мой херувимчикъ; какъ тебѣ угодно, камаренка!! право, а у него на умѣ не то; поѣхалъ, взялъ Сергѣя учеромъ, а Матвѣя доѣзжачаго лакеємъ! вотъ тутъ все и произошло, а что, знаютъ они; поздно ночью барыню привезли безъ чувствъ въ бреду, одѣяніе все растерзанное и онъ хохочетъ да такъ страшно: вотъ вамъ мать командирша; да смотрите ни гугу у меня, а то заперю на смерть, тамальи!

Всю ночь пилъ, сталъ созывать собѣдси, дебошъ завелъ такую, хуже лютаго звѣря сталъ! Ну для прилики къ барынь лекаря вывалъ, а тотъ не понялъ его, да барыню вылетилъ, говорить съ испугу рваная горячка была! Встала голубушка, красивѣе мартвецовъ въ пробѣ кладутъ, а онъ съ ней хуже разбойника! самъ Сержку караулить ее заставилъ, велѣлъ возлѣ спальни сватъ, а потомъ пошрекать имъ сталъ! намъ говорить нечего, Боже упаси а на сердцѣ словно конки окребутъ; больно жеъ любили барыньку, виднишь ланываешь горельнички, обиду вслаую

тратить, только Богу молится, таетъ словно свѣчка, жалостно
 утъ тамъ стало; стали промежь себя говорить.... была у нея
 няня старуха; брось его, говорить ей, проклятаго ворога, вишь
 бонутый озорникъ какой навязался. Нѣтъ, говорить, няня: меня
 Богъ за мои грѣхи наказываетъ. У нея и тятенька, былъ да онъ
 не зналъ гдѣ она; и что нашъ то всё письма перехватывалъ!
 ну она могла бы защитника найти, производителя заступился
 бы да больно робка была, никому не жалилась! Только ужъ
 не въ терпешъ и ей стало, больно позорилъ, она и говорить:
 няня я на себя руки наложу; та усовѣщевать, грѣхъ говорить
 такой, лучше говорить бѣги къ тятенькѣ; да какъ же, говорить,
 я могу! Ну говорить Богъ поможетъ. Вотъ Матвѣя баринъ какъ-
 то издуть; Нахалка собака значить, борзая, ногу сломала; тотъ
 и говорить; я те сыиграю штуку, развѣ краснаго пѣтуха подпу-
 стить? нѣтъ! лучше тово! няня, говорить; увеземте барыню то
 къ ея тятенькѣ; ладно, сговорились, взялъ эдакъ письмо да за-
 писку гдѣ ея тятенька живетъ; улучилъ время, забралъ что нуж-
 но, да изъ отъѣзжаго поля на барской лошади со сворой и
 былъ таковъ; въ погоню, да гдѣ ужъ догнать, у него одна до-
 рога, а у погони на всё стороны; у! какъ злился баринъ, сколь-
 ко народу переколотилъ, а догадка нѣтъ зачѣмъ пропалъ Ма-
 твѣй, ни слуху ни духу; ужъ никакъ мѣсяца черезъ четыре што-
 лизовуть меня въ кабакъ; сидить тамъ не то баринъ, не то
 купецъ, такъ говорить не понятно, по хохладки значить; ты
 говорить Кирилла? я! выпьемъ? выпьемъ! Матвѣй поклонъ при-
 салъ! Ева! Гдѣ-жь онъ? Въ Одестѣ, въ купцы записался! окоян-
 ный забылъ.... Тсъ.... прочти грамотку, а эту Фіокъ Васильев-
 нѣ отдай, только смотри, мы все знаемъ, не згуби, разумно
 дѣлай. Грамота была ей отъ тятеньки. Ну дѣло и порѣшили
 баринъ къ сосѣду дня на три, а мы: Матвѣй, я, няня, да поваръ
 Андрей ночью дворню всю, какъ ни на есть; перепомли и дѣвокъ
 караулокъ: онъ караулъ ставилъ; особенно злущую Наську на-
 ставил, да черезъ садъ на рукахъ голубушку барыньку и про-
 несли, вѣдти не могла, ножки тряслись, ну тамъ и сдали послан-
 ному; какъ обрадовалась ему голубушка, а у насъ словно сердце
 оборвалось. Такъ и уѣхала; послѣ отецъ жалобу подавалъ, судъ
 изъбиралъ изъ губерніи да ничего не взялъ, отбоярился; Сережка
 се полюбовникомъ назвался; ну вотъ какъ вернулся изъ гостей
 баринъ, тутъ-то пошелъ дымъ коромысломъ, святыхъ вонъ не-
 са: любияю дѣвку Наську за косу такъ хватилъ, что полови-

на вонь; вижу дѣло плохо и съ Андриюшкой спроверилъ часы, да серебро изъ буфета захватили, да и были таковы, удрали; только въ Одесту я не попалъ, а то останься запорогъ бы, какъ есть, да и лобъ бы забрилъ. Вотъ я какой воръ-то; неволя крада, а не я! Такъ вотъ онъ Сережка какой подлець.

— Какъ же баринъ послѣ-то простилъ тебя?

— А вотъ въ чемъ штука! ему исправникъ сказалъ, вы, говорить его возьмите такъ, а то въ судѣ бухнетъ такое, что въ затылкѣ зачесется; дѣло-то еще не погасло, меня и не спрашивали.

— Такъ вотъ что? каковъ Сережка, такія то пакости; да, Кирила, это хуже нежели въ пьяномъ задорѣ друга заушить, а еще Сережка говорить смѣетъ, что не онъ, а ты хватилъ Задорнаго.

— Что? не онъ? а кто жъ, какъ не онъ и лекачаго-то билъ. и армякъ съ него стащилъ.

— Такъ ты своими глазами это видѣлъ?

— Сорвалось съ языка, видѣлъ; спрашивайте, всю подноготную расскажу, будетъ и на моей улицѣ праздникъ, только не я билъ Задорнаго, а меня били; да все равно ужъ лучше въ Сибирь идти, да у него не оставаться! а Сережка пойдетъ въ Сибирь?

— Должно быть.

— А вотъ онъ небось не пойдетъ? баринъ значить!

Что жъ еще досказывать? дѣло было раскрыто; заговорили всѣ, плотина прорвалась! хотя изслѣдованіе поступковъ Гулянова до меня не относилось, беззаконность перваго слѣдствія такъ же не входила въ кругъ даннаго мнѣ порученія, но все рельефно выглянуло изъ моего слѣдствія; широкое поле открылось нашему секретарю; онъ крѣпко, крѣпко жалъ мнѣ руки, даже къ кресту представилъ, только я не получилъ.

Исправникъ былъ сей часъ замѣненъ до выборовъ своякомъ секретаря.

Гуляновскихъ жалобъ, стая цѣлая съ разныхъ сторонъ слѣтѣлась въ канцелярію; онѣ всѣ сданы въ архивъ, впрочемъ его превосходительство не вѣрилъ, чтобъ я безъ пагаекъ и следокъ могъ открыть дѣло, да у него былъ свой снисходительный

взглядъ на это. Судья былъ вызванъ, и получилъ натацію: не допускать кляузъ подъ опасеніемъ потерять службу.

Только въ концѣ Святой отыскался я дома, — разбитый разстроенный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ въ эти три недѣли: тяжелое чувство давило меня...

(СЪ ФРАНЦУЗСКАГО).

Что нужды мнѣ до нихъ—до этихъ громкихъ дней,
 До торжества побѣдъ съ вѣнчаньями вождей,
 Здѣсь возвѣщаемыхъ всегда колоколами,
 Пальбою пушечной, молебствіемъ въ церквахъ,
 И для безсоннаго народа въ городахъ,
 Подъ сумракомъ ночнымъ потѣшными огнями.

На Бога одного мой взоръ лишь устремленъ.
 Все то, что на землѣ—все суета и сонъ.
 Здѣсь слава громкая стрѣлою пролетаетъ;
 Вѣнцу и почестямъ данъ только мигъ одинъ,
 И участь ихъ одна съ былинкою долины,
 Которую въ гнѣздо здѣсь ласточка влетаетъ.

Увы! краса дворцовъ—ихъ слава, блескъ и цвѣтъ:
 Перикль, Наполеонъ, Неронъ и Магометъ—
 Все здѣсь изгладится, промчится все мечтою.
 О бездна вѣчныхъ тайнъ, гдѣ гаснетъ умъ во мглѣ!
 На сажень въ глубину—и все молчитъ въ землѣ.
 Исколько шуму здѣсь надъ этою землею.

Н. ГРЕВОВЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ПРАГМАТИЗМѢ.

(по поводу изданія всеобщей исторіи Шюссера въ русскомъ переводѣ.)

Чему обязаны естественныя науки своими успѣхами, о которыхъ въ послѣднее время говорятъ такъ много? Натуралисты приписываютъ ихъ своей методѣ, которая состоитъ въ томъ, чтобы, какъ можно точнѣе, наблюдать явленія міра физическаго, и изъ наблюденій дѣлать выводы не фантастическіе, а только такіе, которые изъ нихъ прямо слѣдуютъ, а гдѣ дойдетъ до теоріи, то строить ее такъ, чтобы она была вполне согласна съ наблюденіями, и объясняла ихъ. Этою методою натуралисты дошли до результатовъ, которыми они по справедливости могутъ гордиться передъ всякими другими спеціалистами: для нихъ понятенъ организмъ животнаго и растенія, равно какъ и ихъ отправления, они знаютъ составныя части и свойства тѣлъ, находящихся въ природѣ, понимаютъ явленія метеорологическія и тѣ, которыя происходятъ внутри земли, наконецъ объясняютъ удовлетворительно образованіе земной поверхности и т. п. И надобно прибавить, что всѣ эти результаты, добытые натуралистами, уже принесли свою пользу человѣку; на открытіяхъ естественныхъ наукъ основаны постоянные успѣхи медицины, технологіи, агрономіи и многого другаго. Во всемъ этомъ современныя человѣческія общества далеко ушли отъ тѣхъ, которыя

существовали не только за 2000 или за 1000 лѣтъ, а даже за 100 лѣтъ.

Совсѣмъ не то въ наукахъ политическихъ; въ нихъ нѣтъ того пункта, который бы не былъ подверженъ спору; характеры политическихъ учреждений и ихъ дѣйствіе, характеры историческихъ дѣателей и ихъ заслуги, значеніе тѣхъ или другихъ сторонъ общественной жизни понимаются каждымъ по своему. Объ этомъ можно было бы особенно не жалѣть, еслибы это не имѣло вредныхъ послѣдствій въ нашей собственной жизни. Мы давно отвыкли смотрѣть на исторію, какъ на предметъ, который только удовлетворяетъ нашей любознательности, и больше ничего. Съ такой точки зрѣнія, разумѣется, тѣ или другія историческія положенія можно охотно уступить автору, въ какомъ угодно видѣ. Да и при современномъ взглядѣ на исторію, все-таки въ ней есть такія истины, которыя можно предоставить исключительно специалистамъ — дилеттантамъ напр. въ какомъ году родился Александръ Македонскій, измѣнилъ ли отечеству Фемистоклъ, когда кончилась западная римская имперія и даже кто были Варяги-Русь? Какъ ни отвѣчайте на эти вопросы, во всякомъ случаѣ изъ отвѣтовъ вы ничего не добудете. Но есть много другихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ имѣетъ для насъ существенную важность. Это тѣ вопросы, которые повторяются въ нашей собственной жизни, которые такъ важны, что отъ рѣшенія ихъ зависитъ собственное наше будущее. Намъ нужно знать, какое рѣшеніе имѣли такіе вопросы въ исторіи, и какіе результаты слѣдовали за тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ ихъ. Въ этомъ и заключается главное значеніе исторіи; въ ней мы должны имѣть школу, по ней мы должны учиться сами жить и дѣйствовать такъ, чтобы отъ нашей жизни не остались горкіе плоды для жизни будущихъ поколѣній.

Впрочемъ на жизнь отдѣльныхъ людей существуютъ весьма различные взгляды. Одни говорятъ, что всякій частный человѣкъ не можетъ, не долженъ имѣть въ виду ничего, кромѣ собственнаго своего благосостоянія, и благосостоянія тѣхъ людей, которые связаны съ нимъ какими-нибудь особенными связями—родствомъ, дружбою и. т. п. Другіе говорятъ, что частный человѣкъ, и можетъ, и долженъ располагать свою жизнь и свои дѣла такимъ образомъ, чтобы имѣть въ виду не свое только благосостояніе, и благосостояніе людей близкихъ къ нему, но и благосостояніе всего общества, всего народа. Такой взглядъ идетъ

изъ чувства всѣмъ извѣстнаго, но не всѣмъ доступнаго, изъ патриотизма. Но въ этомъ взглядѣ все-таки есть разница: одни стараются расподлагать свою жизнь и направлять свои дѣла такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ вышла какая-нибудь польза для настоящаго времени; другіе смотрятъ гораздо дальше; не отворачиваясь отъ настоящаго, они думаютъ и о будущемъ; стараются содѣйствовать общественнымъ успѣхамъ современной жизни, они соображаютъ эти успѣхи съ будущими потребностями общества. Поэтому одни съ радостію принимаютъ всякую реформу, всякую новую мѣру, лишь бы она содержала какое-нибудь улучшение настоящаго положенія; другіе думаютъ, что небольшое измѣненіе къ лучшему только отодвинетъ на неопредѣленное время измѣненіе болѣе существенное. Изъ этой разницы взглядовъ происходило различное рѣшеніе нашихъ общественныхъ вопросовъ, и въ обществѣ, и въ литературѣ: такъ всѣ, больше или меньше, сознавали ненормальное положеніе нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ, всѣ желали измѣненія ихъ быта къ лучшему; наиболѣе легкое измѣненіе состояло въ личномъ ихъ освобожденіи. Это было дѣйствительно измѣненіе къ лучшему потому что положеніе человѣка свободнаго несравненно лучше положенія крѣпостнаго. Но такое измѣненіе носило въ себѣ зародышъ зла для будущаго; оно грозило намъ пролетаріатомъ, или новымъ не юридическимъ, а фактическимъ прикрѣпленіемъ безземельнаго населенія къ землевладѣльцамъ. Потому люди, которые смотрѣли дальше, не желали однаго личнаго освобожденія крѣстьянъ, а желали виѣстѣ съ тѣмъ и надѣленія ихъ землею съ помощію той или другой финансовой мѣры. Теперь у насъ, если даже нельзя сказать, чтобы былъ поставленъ вопросъ, то, по крайней-мѣрѣ, все-таки говорятъ объ эманципаціи женщинъ, всѣ больше или меньше чувствуютъ, что во всѣхъ слояхъ нашего общества положеніе женщины далеко незавидное. И люди, которые думаютъ только о настоящемъ, хотятъ какъ бы то ни было измѣнить его. Другіе, находя что проекты касательно эманципаціи женщинъ грозятъ въ будущемъ еще большимъ зломъ, грозятъ изъ матери семейства сдѣлать гетеру, отталкиваютъ подобные эманципаціонные планы, надѣясь, что время и успѣхи образованія выяснятъ гораздо лучше въ чемъ должна состоять истинная эманципація женщинъ. На этой же разницѣ взглядовъ основаны споры такъ называемыхъ протекціонистовъ и либр-эшанжистовъ. Либр-эшанжисты находятъ и, со-

вершено справедливо, что снятие таможенных заставъ мгновенно подниметъ, больше или меньше, уровень общаго экономического доводства. Протекціонисты, не отвергая этого, утверждаютъ, что снятие таможенныхъ заставъ, повредитъ будущему благосостоянію народа. Кто правъ въ этомъ случаѣ, кто виноватъ рѣшить не такъ трудно; дѣйствительно есть много такихъ перемѣнъ, которыя на первый разъ кажутся весьма благодѣтельными, и на первое время дѣйствительно даютъ въ результатѣ положеніе, лучшее сравнительно съ прежнимъ; но въ послѣдствіи приводятъ къ результату, еще болѣе неутѣшительному.

Такихъ вопросовъ жизнь каждаго народа представляетъ весьма достаточно; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ чрезвычайную важность, такъ что рѣшеніе ихъ составляетъ переломъ въ народной жизни, кризисъ, послѣ котораго ей предстоятъ двѣ дороги: одна къ процвѣтанію; другая къ гибели. Очевидно, при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ нужно особенное знаніе человеческой природы, и особенное знаніе всѣхъ сторонъ народной жизни въ данное время. Съ такими познаніями конечно можно сдѣлать нѣкоторые соображенія очень вѣрныя, относительно будущихъ результатовъ той или другой мѣры, и конечно такимъ познаніямъ обязаны тѣ законодатели или правители, которые на долго устриваютъ судьбу народовъ: какъ Ликуръ, Солонъ и другіе. О заслугахъ подобныхъ людей спорить никто не станетъ; благодѣянія, которыя они оказывали каждый своей странѣ, оцѣнивались по достоинству и ихъ потомками, обязанными имъ, и историками—посторонними наблюдателями дѣла. И, разумѣется, заслуги ихъ нельзя сравнивать съ заслугами тѣхъ правителей и законодателей, которые мѣрами своими приносили только кратковременную пользу народу; такъ что вопросъ о томъ, кто поступалъ рационально—тѣ-ли, которые заботились только о настоящемъ, или тѣ, которые имѣли въ виду далекое будущее, имѣетъ рѣшеніе вполне несомнѣнное.

Конечно немногимъ изъ среды общества придется играть сколько-нибудь значительную роль въ направленіи общественной жизни, въ качествѣ администраторовъ, дипломатовъ или законодателей, но все-таки нѣкоторымъ придется, дѣйствовать въ сферахъ очень высокихъ, и слѣдовательно имѣющихъ большое значеніе для народной жизни. Притомъ всегда, и вездѣ, а въ наше время особенно, всякое общественное дѣло, всякая реформа, всякое предпріятіе, для своего успѣха нуждается въ поддержкѣ общественнаго мнѣнія. Только та

реформа, только то предпріятіе хорошо пойдетъ, которымъ сочувствуетъ, которыхъ выгоду понимаетъ, и которыхъ средства одобряетъ общество; такъ что для успѣховъ общественной жизни нужно, чтобы не только администраторы и законодатели знали потребности общества, но и само общество создавало ихъ; нужно чтобы общество могло хорошо понять, какъ потребности, такъ и мѣры, которыя имъ должны удовлетворить, умѣло цѣнить хорошо эти мѣры, видѣть ихъ результаты въ настоящемъ и въ будущемъ. Кромѣ того благосостояніе народа, и во всякій данный моментъ и въ будущее время, зависитъ не отъ однихъ мѣръ административныхъ или законодательныхъ, даже хотя бы съ содѣйствіемъ самаго общества; великую роль въ этомъ отношеніи играютъ самыя средства, преимущественно, нравственныя, которыми народъ поддерживаетъ себя, свою независимость, свое матеріальное благосостояніе, благодаря которымъ онъ обезпечиваетъ себѣ успѣхи вообще въ цивилизаціи. Эти средства, отъ извѣстныхъ причинъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, увеличиваются или уменьшаются, наконецъ совершенно истощаются, такъ что народъ теряетъ все, и свою цивилизацію, и свою независимость, и наконецъ прекращаетъ свое существованіе въ видѣ отдѣльнаго народа.

Отчего зависитъ это паденіе или возвышеніе нравственныхъ силъ народа, равно какъ его здоровое самосознаніе? Безъ сомнѣнія все это отъ чего-нибудь зависитъ, по общему закону, что всякое явленіе имѣетъ какую-нибудь причину. Если народъ будетъ понимать дѣйствующую здѣсь причину, то онъ будетъ въ состояніи направить свою жизнь такимъ образомъ, чтобы нравственныя средства его росли больше и больше, чтобы его самосознаніе, постоянно уяснялось, такъ чтобы въ результатѣ вышло постоянное приращеніе благосостоянія народнаго какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго. Древніе законодатели достигли своихъ полезныхъ результатовъ съ помощію глубокаго пониманія человѣческой природы, и съ помощію знанія потребностей народныхъ; современные законодатели и современныя общества, разумѣется, могутъ достигать тѣхъ же результатовъ, тѣми же, же средствами. Но познанія человѣческой природы имъ облегчено современнымъ сравнительно гораздо высшимъ состояніемъ наукъ; познаніе современныхъ потребностей общественныхъ и пониманіе ихъ тоже облегчено науками политическими: напр. политической экономіею, статистикою и другими; познаніе человѣ-

ческой природы съ той стороны, которою она проявляется особенно въ гражданскомъ обществѣ, равно какъ пониманіе того значенія, которое имѣютъ различныя законодательныя мѣры, учрежденія и тотъ, или другой характеръ народной жизни, облегчено успѣхами исторіи политической, т. е. тѣми свѣденіями, которыя мы имѣемъ о причинахъ и слѣдствіяхъ возвышенія и паденія народовъ историческихъ.

Въ этомъ состоитъ главное значеніе исторіи, какъ школы, въ которой современныя общества должны почерпнуть свою практическую мудрость, изъ которой они должны извлекать уроки для собственной жизни. Вслѣдствіе этого отъ современнаго историка можно требовать, чтобы онъ представлялъ вѣрную картину прошедшей жизни народа, такъ, чтобы читатель поставленъ былъ въ положеніе очевидца-наблюдателя, передъ которымъ проходятъ событія и лица съ ихъ подлиннымъ характеромъ. Въ такомъ случаѣ читателю не будетъ ничего стоять самому сообразить, что изъ чего происходило. Нѣкоторые историки дѣлаютъ въ этомъ отношеніи помощь читателю, на логику котораго они не вполне надѣются. И заслуга ихъ въ такомъ случаѣ очень велика, если они вѣрно представляютъ отношеніе между причинами и слѣдствіями, въ теченіи событій; и напротивъ весьма великій вредъ произойдетъ изъ ихъ сочиненій, если они представляютъ это отношеніе не вѣрно, если введутъ въ ошибку своихъ читателей; потому что такая ошибка не останется только въ сферѣ умственной: она перейдетъ въ жизнь, и будетъ имѣть слѣдствіемъ ложныя симпатіи, и ложныя стремленія обществъ и законодателей.

Это значеніе исторіи, у насъ, по-видимому, хорошо понимаютъ, и въ послѣднее время у насъ явилось нѣсколько переводовъ курсовъ всеобщей исторіи, написанныхъ извѣстными нѣмецкими учеными; самый послѣдній изъ нихъ, есть переводъ всемірной исторіи Шлоссера, издаваемый г. Серно-Соловьевичемъ, подъ редакцію г. Чернышевскаго. Шлоссеръ, имѣетъ у насъ такую репутацію, что этого выбора, на первый разъ, нельзя не одобрить. И дѣйствительно—его исторія имѣетъ очень много достоинствъ; но, къ сожалѣнію, въ ней есть и недостатки. До сихъ поръ, издано три тома, въ которыхъ содержится исторія древнихъ государствъ Греціи и Рима до времени Суллы. Мы не будемъ пока обращать вниманія на исторію Рима, такъ какъ она еще не кончена; оставимъ почти въ сторонѣ и восточныя

государства, потому что исторія ихъ почти нѣма и не говорить намъ много. Исторія Греціи, во всякомъ случаѣ, очень красноречива, и въ этомъ сочиненіи Шлоссера изложена довольно подробно: изъ трехъ томовъ, она занимаетъ цѣлыхъ два, и потому мы особенно ею и займемся въ этомъ разборѣ.

Мы обратимъ вниманіе не на критическую обработку фактовъ знаменитымъ историкомъ, а на его прагматизмъ, на то, какъ онъ понимаетъ и излагаетъ отношеніе причинъ къ слѣдствіямъ въ исторіи Греціи. И исторія Греціи въ этомъ отношеніи представляетъ драгоценное цѣлое для историка.

Она обильна извѣстіями—какъ первоначальными источниками, такъ и изслѣдованіями. Притомъ въ самомъ ходѣ исторіи греческой, такъ много разнообразія, такъ много успѣховъ и неуспѣховъ всякаго рода, попеременнаго возвышенія и паденія народной жизни, что историкъ найдетъ много мѣста для размышленій, которыя были бы очень полезны его читателю; даже безъ всякихъ размышленій, излагая послѣдовательно только событія историческія, но такія, которыя имѣли значеніе, и богаты послѣдствіями, историкъ безъ сомнѣнія уяснитъ взглядъ читателя на характеръ и послѣдствія тѣхъ или другихъ событій. Что же представляетъ намъ въ этомъ отношеніи послѣдній переводъ, который предлагаютъ русской публикѣ?

Вотъ, что говоритъ самъ авторъ, о характерѣ и значеніи греческой исторіи:

«Съ появленіемъ греческаго народа на историческомъ поприщѣ начинается новый періодъ въ жизни человѣчества. Греки перенесли изъ Азіи въ Европу сцену всемірныхъ событій. Сверхъ того, они вызвали новыя формы жизни и новый характеръ человѣческаго развитія, и это измѣненное ими направленіе человѣчества и его исторіи осталось господствующимъ и во всѣхъ послѣдующія времена. Возвышеніе греческой націи было знакомъ, что уже миновало время восточнаго порядка вещей, восточнаго быта.

Греки первые создали свободное, независимое искусство, потому что первые стали заниматься искусствомъ для искусства и, такимъ образомъ, дали человѣчеству новое важное средство къ возвышенію и облагороженію себя. Греки первые основали самостоятельную философію, отличивъ стремленія мыслящей силы отъ чисто-религіозной потребности, и, слѣдовательно открыли разуму человѣка предѣлы высшаго и безконечнаго, до тѣхъ поръ доступные только одному его чувству. Они же первые призвали къ жизни истинную науку, сбѣлавъ мысленіе разума независимыми отъ произвола отдѣльнаго сословія и отъ служенія матеріальнымъ потребностямъ; такъ напримѣръ, они создали математику и исторію, изъ которыхъ первая не составляла

до тѣхъ поръ самостоятельной науки и служила только вышшимъ потребностямъ жизни, а вторая, вмѣсто того, чтобы стремиться къ уразумѣнію человѣка и хода его развитія, искала только удовлетворенія патріотическому чувству, и анекдотической занимательности. Греки дали новое и чрезвычайно высокое развитіе богатому элементу образованности, заключающемуся въ языкѣ: они не только создали многія совершенно новыя формы поэзій и выработали свой языкъ такъ, что онъ сталъ однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ и выразительныхъ языковъ, но изобрѣли еще искусство писать прозой. Народы предшествовавшіе имъ, или давали произведеніямъ своей письменности поэтическую форму, или писали ихъ несвязнымъ и неправильнымъ языкомъ, подобнымъ дѣтскому лепету. Напротивъ того, благодаря періодическому построенію фразъ, и соблюденію требовавшей гармоніи, во вышней формѣ литературныхъ произведеній грековъ отражается весь міръ идей во всемъ его разнообразіи. Наконецъ греки, прежде всѣхъ другихъ народовъ, создали настоящую государственную жизнь. Дѣйствительно, они первые предоставили каждой отдѣльной личности полное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, первые, возвысили голосъ массы до значенія общественнаго мнѣнія, и поставили развитіе государства въ исключительную зависимость отъ однихъ только успѣховъ разума. Поэтому они и являются первымъ историческимъ народомъ, съумѣвшимъ развить и долго поддерживать у себя, дѣйствительно республиканскія учрежденія.

Такимъ образомъ авторъ, какъ оказывается, исторіи Греціи даетъ весьма большое значеніе; по его мнѣнію жизнь грековъ, составляетъ новую фазу въ развитіи человѣчества, и основныя черты ея, онъ видитъ въ искусствѣ, въ самостоятельной философіи и наукѣ вообще, въ богатомъ развитіи языка, наконецъ въ созданіи настоящей государственной жизни, въ томъ, что греки предоставили каждой личности участіе въ общественныхъ дѣлахъ, и поставили развитіе государства въ зависимость отъ успѣховъ разума. Все это очень хорошо; но какимъ же образомъ прекамъ удалось все это; почему у нихъ только развились искусства, науки, языкъ и государственная жизнь? Этому авторъ къ сожалѣнію не показываетъ, такъ что все это у него является какимъ то дѣломъ фатализма. Онъ передаетъ общезвѣстныя свѣденія, о первыхъ греческихъ художникахъ и поэтахъ, впрочемъ чисто легендарныя, которыя съ этимъ самымъ характеромъ можно найти въ первобытной исторіи всякаго народа, напримѣръ говорить о Дедалѣ, Орфѣѣ. Вслѣдъ за ними у него явятся Иліада и Одиссея, потомъ развитіе наукъ и искусствъ въ малоазійскихъ колоніяхъ и наконецъ въ Аѳинахъ. И авторъ вездѣ только говоритъ, что искусства развивались и

распространялись, но не показываетъ какъ и отчего, и какия они были послѣдствія. Перехода къ времени Перикла, авторъ такъ же рассказываетъ объ успѣхахъ искусствъ въ это время, именитыхъ скульпторахъ, живописцахъ, архитекторахъ, но не показываетъ, чѣмъ было вызвано появленіе ихъ. Впрочемъ онъ какъ будто бы развитіе искусствъ въ Афинахъ, относитъ къ мутатъ Перикла, и говоритъ, что оно имѣе мѣсто именно благодаря ему; въ другихъ мѣстахъ онъ гораздо прямо говоритъ, что искусства, въ томъ или другомъ мѣстѣ, были обязаны своимъ успѣхамъ вѣровителству мѣстныхъ тирановъ. Не найдено подобнаго источника, изъ котораго исходить развитіе народа въ этомъ смыслѣ, принять нельзя, и вѣроятно хорошо сообразивши дѣло, у насъ никто его не приметъ, потому что Помператъ, или Дионасій, или какой-нибудь Птоломей, награждая художника за работу, или давая ему средства для работы, его художественному образованію нисколько не способствовали, а дѣлали ему поводъ сдѣлать то, къ чему онъ уже былъ способенъ. Такимъ же образомъ не объяснено авторомъ и происхожденіе въ грекахъ этого дикаго пытливости, имѣвшаго своимъ слѣдствіемъ развитіе наукъ. Въ первобытномъ характерѣ грековъ и ихъ учрежденій авторъ не показавъ тѣхъ сторонъ, изъ которыхъ развились лучшія стороны греческой жизни, хотя онъ и говоритъ, «что духъ націи сталъ на путь прогрессивнаго развитія, благодаря всеобщей общественной жизни благородныхъ, сообщаніямъ объ общественныхъ дѣлахъ и военныхъ предвѣдѣннхъ, и всего болѣе благодаря поэтическимъ рассказамъ о герояхъ, и облагоуоживающему вліянію музыки.» Нужно признать, что здѣсь авторъ разумѣетъ именно первые шаги народа на пути цивилизаціи въ героическій періодъ греческой жизни, т. е. то время, когда греки еще считали за честь морскіе разбой и пользовались ими для своего обогащенія, когда въ чловѣкѣ главное вниманіе было обращено на быстроту бѣга, на вѣрность и силу метанія, ловкость въ борьбѣ и въ употребленіи оружія,» когда музыка ограничивалась лирою, флейтою и рожкомъ, и когда въ народѣ еще не обращалась ни Иліада, ни Одиссея. Если въ такомъ источникѣ видѣть начало греческой цивилизаціи, то останется рѣшительно непонятнае, почему у другихъ народовъ не развилась до такой же степени цивилизаціи; благородные въ первобытное время вездѣ ведутъ жизнь ведающую и притомъ общественную. Сообщанія объ обществен-

ныхъ дѣлахъ тоже вездѣ имѣютъ мѣсто, а рассказы первобытныхъ греческихъ бардовъ нисколько не были лучше пѣсенъ бардовъ напр. кельтическихъ, и первобытная музыка грековъ, тоже не была лучше первобытной музыки напр. славянъ или германцевъ, и всякаго другаго народа. И дѣйствительно, самъ авторъ находитъ, весьма большое сходство, не только въ отдѣльныхъ чертахъ, но и во всей жизни вообще между первобытными греками и первобытными германцами. Еслибы авторъ былъ русскій, то онъ безъ сомнѣнія нашелъ бы сходство между первобытною жизнію грековъ и славянъ; еслибы онъ былъ французъ, то онъ нашелъ бы сходство между первобытною жизнію грековъ и галловъ и т. д. Если же греки не имѣли ничего особеннаго ни въ своей жизни, ни въ характерѣ, отчего они опередили другіе народы въ цивилизациі? Почему отстали отъ нихъ латинцы или этруски, сикулы или иберы? Всѣ они конечно стояли въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя по мнѣнію автора, послужили первоначальнымъ источникомъ греческой цивилизациі.

Причина дальнѣйшихъ успѣховъ греческой жизни, тоже авторомъ не показана ни гдѣ; какъ искусства въ вѣкъ Перикла, у него становятся на высокую степень совершенно неожиданно, или даже благодаря такой причинѣ, которая очевидно была только поводомъ, такъ и наука возникаетъ и совершенствуется по-видимому совершенно случайнымъ образомъ. Семь греческихъ мудрецовъ стоятъ у него рядомъ съ древними весьма незначительными поэтами, безъ предшественниковъ. За ними слѣдуютъ философы школы іонійской, и италянкой, которые сдѣлали дѣйствительно громадный шагъ въ философію, тоже безъ всякой по-видимому связи, и съ предъидущимъ развитіемъ грековъ, и съ современною жизнію. Излагая развитіе государственной жизни, авторъ не показываетъ, почему одна форма правленія уступала мѣсто другой, такъ, что смѣна политическихъ формъ, у него представляется дѣломъ совершенно случайнымъ и, притомъ еще такъ, что, ставя высоко значеніе личности въ государственной жизни, онъ доходитъ до противорѣчія самому себѣ, показывая недостатки въ государственной и въ частной жизни грековъ, именно въ то время, когда значеніе личности достигло самой высокой степени, т. е. когда демократія получила перевѣсъ, почти во всѣхъ, значительныхъ государствахъ Греціи такъ, что онъ приходитъ къ заключенію будто развитіе личности ведетъ за собою упадокъ какъ общественной, такъ и частной жизни, — заклю-

ченіе очевидно не вѣрное, которое въ самомъ дѣлѣ противорѣчить историческимъ фактамъ, а у автора, какъ будто, подтверждается ими.

Но это не составляетъ главнаго недостатка книги потому, что въ самомъ дѣлѣ, подобное изложеніе историческаго развитія народовъ, показаніе того, откуда и какъ происходили тѣ или другія стороны народной жизни, представляетъ значительныя трудности, и до сихъ поръ никѣмъ вполне удовлетворительно сдѣлано не было: Гораздо важнѣе тотъ недостатокъ книги, что авторъ, доведя историческій рассказъ до того пункта, гдѣ по его мнѣнію жизнь народная становится на высшую точку своего развитія, тотчасъ же переходитъ ко времени паденія, не показывая, чего ей не доставало, и чѣмъ она приведена къ упадку. Напримеръ, состояніе Аѳинъ при Периклѣ авторъ находитъ высшею точкою ихъ государственной жизни. Все, чему онъ даетъ значеніе въ исторіи Греціи, въ то время, какъ извѣстно, достигло самой высшей степени развитія: и искусство, и самостоятельная философія, и языкъ, и значеніе личности, и полнота государственной жизни. Если онъ видитъ въ это время какіе-нибудь недостатки, то это во-первыхъ, недостатки весьма незначительныя, и во-вторыхъ такіе, что, сравнительно съ прежнимъ временемъ, они все таки кажутся шагомъ впередъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ описываетъ менѣе счастливыя времена аѳинской жизни въ дѣлахъ вѣншихъ и внутреннихъ, и въ частной жизни гражданъ. Въ теченіе всего этого періода, говоритъ авторъ, нравственное состояніе народа клонилось къ упадку, а, при концѣ его, религіозныя вѣрованія, нравственность и понятіе объ истинной чести почти исчезли изъ той части общества, которая пользовалась преобладающимъ вліяніемъ въ греческихъ государствахъ.»

Но откуда же явилось это нравственное паденіе народа, преимущественно тѣхъ классовъ, которые имѣли преобладающее вліяніе, когда эти-то классы и подверглись вліянію образованности предъидущаго времени, когда они-то и довели до высшаго развитія искусство, философію, науку, языкъ и государственную жизнь? Оказывается, что или все то, чему авторъ даетъ значеніе въ греческой жизни, въ самомъ дѣлѣ служило только къ гибели грековъ, или не достигло у нихъ того развитія, которое ему обыкновенно приписываютъ, и которое ему вмѣстѣ съ другими приписываетъ и авторъ.

Разсказывая потомъ о дальнѣйшемъ движеніи жизни греческаго народа, авторъ снова допускаетъ тоже самое противорѣ-

чіе; успѣхи греческой науки, искусства, и языка, онъ признаетъ и въ Александрійскомъ періодѣ, еще въ высшей степени, нежели прежде; а между тѣмъ жизнь народа, которую онъ описываетъ рядомъ съ этими успѣхами, и даже жизнь дворовъ, при которыхъ особенно процвѣтали и науки, и искусства, и языкъ, очень мало соответствуютъ всѣмъ этимъ успѣхамъ. Правда, въ это время онъ въ наукѣ, и въ искусствѣ грековъ видитъ особенные элементы; онъ находитъ что въ это время греки «любили истинное и прекрасное не для нихъ самихъ», что науки и искусства были средствами для высшихъ матеріальныхъ цѣлей, что они служили роскоши, промышленности и развлеченію. Но тоже самое онъ говоритъ объ искусствѣ и наукѣ перваго періода, когда они, по его мнѣнію оказали плодотворные результаты для греческой жизни, и въ то время, какъ оказывается изъ его словъ, народъ поэзію любилъ не для нея самой, а потому, что въ ней онъ выражалъ свои нравственныя, религіозныя воззрѣнія и историческія преданія; и тогда поэзія служила, для цѣлей матеріальныхъ, на пр. «труды и дни» Гесиода; дидактическая поэзія была развита больше, нежели когда-нибудь, а она извѣстно, не въ себѣ самой содержитъ цѣль. Также можно сказать, (и самъ авторъ это признаетъ), что въ сочиненіяхъ Сафе или Анакреона, лучшихъ поэтовъ того времени, народъ не искалъ, и найти ничего не могъ, кромѣ развлеченія; а что касается до роскоши, то она существовала и прежде Пелопонезской войны и во время ея, и конечно пользовалась искусствомъ греческихъ художниковъ; извѣстно, что Архелай, приобрѣлъ себѣ славу между прочимъ тѣмъ, что его дворецъ былъ росписанъ Зевксисомъ.

Вообще излагая умственную жизнь грековъ въ это время, авторъ очень далекъ отъ истины. Онъ напримѣръ находитъ недостаткомъ этого времени то, что греки чувствовали въ это время потребность наслажденія умственными занятіями и научнымъ дилеттантизмомъ. Дурнаго въ этомъ ничего найти нельзя; специалистовъ въ наукѣ много не бываетъ, и самъ Периклъ, былъ не что иное, какъ дилеттантъ въ наукѣ и въ искусствѣ. «Въ такую эпоху говорить авторъ могутъ процвѣтать только тѣ изъ наукъ и научныхъ занятій, которыя имѣютъ примѣненіе къ практической жизни, какъ математика, механика, физика и медицина.» Во-первыхъ въ этомъ тоже ничего нѣтъ дурнаго; этотъ самый характеръ приписываетъ себѣ и наука нашего времени, и даже этимъ гордится. Во-вторыхъ это и несправедливо, какое прак-

тическое прииѣненіе имѣли астрономическія наблюденія Аристарха и Гишарха. И имѣлъ ли въ виду что-нибудь кромѣ чисто научныхъ цѣлей Эвклидъ, когда онъ писалъ свою геометрію? Но кромѣ этихъ наукъ, въ то время достигли высшаго развитія и другія, не имѣющія никакого практическаго приложенія: тогда процвѣтала философія, исторія и проч. Дальше авторъ говоритъ: «лучшая, менѣе испорченная часть націи перестала заниматься тогда литературою; сдѣлавшись совершенно чуждою народу, она обратилась въ средство для препровожденія времени придворныхъ и знатныхъ, или удалилась въ бібліотеки кабинетныхъ ученыхъ.» Въ этихъ словахъ опять очень мало правды; какая это лучшая часть націи удалилась отъ литературы? Что - же она дѣлала и чѣмъ себя проявила? Къ сожалѣнію этой лучшей части совершенно не было. И какимъ образомъ литература сдѣлалась чуждою народу? Напротивъ въ прежнее время народъ былъ дальше отъ литературы нежели теперь; теперь она проникла во всѣ греческіе города и во всѣ слои общества, и этому греки были обязаны своею наружною образованностію въ послѣдній періодъ своей исторіи; отъ этого и произошло то, что каждый грекъ былъ въ то время способенъ на все, и особенно на то, чтобы быть учителемъ; для чего преимущественно требовалось литературное образованіе. «Источникомъ мудрости продолжаетъ авторъ, вмѣсто самой жизни сдѣлались книги.» Эту фразу полковникъ Скалозубъ очень легко принялъ бы согласно съ своими воззрѣніями, но разумнаго смысла она не имѣетъ. Жизнь продолжалась по прежнему, только прибавлялись книги, и народа отъ жизни хорошихъ книги оторвать не могли. Ясное дѣло, что народъ отъ этого дѣла могъ только выиграть, какъ вообще онъ долженъ былъ выиграть отъ всего, что вошло въ его жизнь въ періодъ его образованности. Между тѣмъ онъ не выигралъ, и нашъ авторъ, чтобы объяснить этотъ фактъ, и не вида его дѣйствительной причины, дѣлаетъ натяжки, допускаетъ ложное толкованіе и противорѣчить самъ себѣ. Какъ хорошую сторону Греческой исторіи онъ представляетъ то, что греки поставили успѣхи въ государственной жизни въ зависимость отъ успѣховъ ума; а на дѣлѣ выходитъ не то. Оказывается, что въ то время, когда успѣхи ума достигли высшей степени, государственная жизнь упала. Очевидно авторъ не справился съ вопросомъ, передъ которымъ онъ стоялъ въ Греческой исторіи.

Причину этого надобно искать въ неудовлетворительности всей системы его взглядовъ; и мы очень легко найдемъ въ чемъ именно заключается ея недостатокъ. Авторъ предполагаетъ, что въ человѣческомъ обществѣ и въ государственной жизни, кромѣ самаго человѣка и того, что къ нему относится, есть что то другое отдѣльное отъ человѣка, совершенно самостоятельное, чему общество должно служить. По его мнѣнію гражданское общество существуетъ не для того, чтобы человѣкъ, могъ достигать въ немъ высшей степени благосостоянія и совершенства; а для того, чтобы процвѣтало искусство для самаго-же искусства, процвѣтала наука, процвѣталъ языкъ и т. п. Но какъ все это относится къ человѣку, къ его благосостоянію, къ его совершенствованію, автору до этого никакого дѣла нѣтъ.* Конечно правильное и гармоническое развитіе науки, языка, искусства, государственной жизни не можетъ происходить во редъ-человѣку; но тогда является вопросъ: правильно ли, гармонически ли и соотвѣтственно ли своему относительному достоинству развиваясь всѣ эти стороны греческой жизни; потомъ можетъ быть, что всѣ они, даже развивались гармонически, не имѣли отношенія ко всему народу, а только къ одной и незначительной его части. На все это авторъ не обратилъ вниманія и у него вышло какое-то пестрое изображеніе греческой жизни, гдѣ все мѣшается; гдѣ добро и зло смѣняютъ другъ друга, безъ борьбы и безъ всякой причины.

Относительно развитія, греки стояли въ условіяхъ, гораздо болѣе выгодныхъ, нежели какой нибудь другой народъ. Въ самое первое время своей исторіи они имѣли много обстоятельствъ возбуждавшихъ ихъ къ дѣятельности, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ развитію, и никакихъ особенно тяжелыхъ обстоятельствъ, которыя останавливали бы и то и другое; очень рано сдѣлали они заимствование у народовъ, опередившихъ ихъ въ цивилизаціи. Вхо-

* У него есть между прочимъ одно очень странное противорѣчіе; въ приведенной выше выпискѣ читателя видѣли, что авторъ ставитъ въ заслугу Греческой исторіи то, что «они создали математику». А когда дошло до самаго времени созданія математики (въ Александрійскій періодъ) авторъ смотритъ на нее уже не благосклонно. Считаетъ математику удѣломъ такой эпохи, когда «умъ, утративъ пониманіе истинно высокаго и добраго, находитъ для себя удовольствіе въ чтеніи и чувствуетъ потребность разнообразить утонченныя чувственные наслажденія умственными занятіями и научнымъ дилеттантствомъ».

да въ періодъ зрѣлости, когда народный умъ освобождается отъ предрасудковъ, задерживающихъ его развитіе, они не имѣли препятствій къ освобожденію мысли ни въ учрежденіяхъ, которыя имѣли характеръ первобытной свободы, ни въ религіи, которая подобно религіямъ востока не имѣла подавляющаго вліянія, и будучи религіею первобытною, не заключала въ себѣ полнаго кодекса мировоззрѣнія, и стало быть оставляла обширное поле дѣйствію ума. Этому же благопріятствовало и самое раздѣленіе греческаго народа, на множество маленькихъ государствъ, вслѣдствіе чего если и случалось, что свободная мысль встрѣчала преслѣдованіе въ одномъ мѣстѣ, она находила пріютъ въ другомъ. Обстоятельства были въ родѣ тѣхъ, которыя имѣли мѣсто въ Европѣ въ XVIII вѣкѣ. Тогда напримѣръ сочиненія французскихъ писателей, сожженные рукою палача въ Парижѣ, перепечатывались въ Гагѣ, или въ Лейденѣ или въ Лондонѣ, и оттуда распространялись по всей Европѣ и возвращались во Францію. Тоже самое было и въ древней Греціи. Философы не находившіе пріюта въ малой Азіи, находили его въ Аѳинахъ или въ Италіи. Оттого рѣдко кто изъ нихъ училъ въ своемъ родномъ городѣ. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ сдѣлала свое дѣло свобода мысли. Въ послѣдствіи изъ нея-же произошла и перемена, погубившая Грецію, когда свободною мыслію воспользовались люди нисколько не стремившіеся къ отысканію истины теоретической или практической, а такіе, которые изъ нея сдѣлали средство для оправданія своихъ дурныхъ инстинктовъ и стремленій, когда свобода мысли перешла въ свободу поступковъ безъ всякаго вниманія не только къ требованіямъ общественнымъ, но и къ требованіямъ разумныхъ принциповъ нравственности вообще. Если мысли не подчиняются другому закону, кромѣ законовъ логики, тогда онѣ приходятъ къ истинѣ; если поступки не подчиняются другимъ требованіямъ, кромѣ требованій животнаго инстинкта, который у людей невысоко развитыхъ въ нравственномъ отношеніи составляетъ самую сильную побудительную причину для дѣйствій и стремленій, тогда они получаютъ характеръ распущенности и безнравственности, которыя губятъ нравственное достоинство и благосостояніе, какъ отдѣльнаго челоука, такъ и цѣлаго общества. Въ Греціи вслѣдъ за Пифагоромъ, Анаксагоромъ, Сократомъ появились софисты и Киринейская школа, оправдывавшая входившія во всеобщее употребленіе всевозможныя оргіи, на кото-

рыя истратили себя греки послѣдняго періода. Послѣдовательное увеличеніе и уменьшеніе богатства еще болѣе способствовало нравственному паденію общества. Напримѣръ разбогатѣвшіе Аѳиняне не сѣумѣли воспользоваться своими богатствами потому, что ихъ образованіе не шло наравнѣ съ ихъ обогащеніемъ. А когда они вскорѣ затѣмъ обѣднѣли, это дало имъ новый поводъ не разбирать средствъ для достиженія своихъ чисто-матеріальныхъ цѣлей т. е. это уронило ихъ еще болѣе во всѣхъ отношеніяхъ.

Авторъ разбираемой нами книги, не много занимаясь причинами упадка греческаго народа, касается ихъ, однако, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, и понимаетъ ихъ очень странно; слѣдуя ему «вездѣ гдѣ переходъ отъ полу-цивилизованнаго состоянія къ высшей образованности совершается внезапно, народы теряютъ простоту и чистоту нравовъ, и дѣлаются нравственно испорченными.» На чемъ же основанъ этотъ законъ? И почему внезапность въ образованіи имѣетъ такое несчастное слѣдствіе? Наконецъ возможенъ-ли внезапный переходъ отъ полу-цивилизованнаго состоянія къ высшей образованности, и имѣлъ-ли онъ мѣсто гдѣ-нибудь въ исторіи народовъ? Если принять это правило относительно народовъ, то его придется принять и относительно отдѣльныхъ людей. Въ такомъ случаѣ, человѣку необразованному очевидно слѣдуетъ преградить всякій доступъ къ серьезному, высшему образованію. Разсуждая такимъ образомъ, очевидно мы доходимъ до отрицанія образованія, принимая это слово въ самомъ лучшемъ значеніи. И не надобно удивляться, что съ этою методою наблюденія и изслѣдованія, которой слѣдуетъ авторъ, мы придемъ къ подобнымъ абсурдамъ. Между тѣмъ, наблюдая вѣрнѣе и разсуждая строже, мы придемъ къ правильному пониманію дѣла, къ дѣйствительной гармоніи причинъ и слѣдствій, и увидимъ, что изъ добра можетъ происходить только добро, а вредные результаты происходятъ только изъ обстоятельствъ, заключающихъ въ себѣ мало добрыхъ элементовъ. Еслибы авторъ потрудился по внимательнѣе взглянуть на то, какой характеръ имѣло то образованіе, которое привело къ нравственному паденію грековъ, то онъ не дошелъ бы до мысли осуждающей высшее образованіе; еслибы онъ вникнулъ въ смыслъ тѣхъ книгъ, изъ которыхъ греки не научились ничему хорошему, то онъ не осудилъ бы всякаго человѣка вообще, который ищетъ въ книгахъ мудрости. Дѣло въ томъ, что это

образованіе, которое, будучи внезапно усвоено греками или македонянами, довело ихъ до нравственнаго паденія, не можетъ быть названо высшимъ образованіемъ; это было образованіе далеко не полное и одностороннее, элементы котораго соединились въ цѣломъ совсѣмъ не пропорціонально своему значенію, потому это было образованіе ложное. Эти книги, въ которыхъ греки не нашли мудрости, были книги дурныя, такія, которыя у насъ являются сотнями, и изъ которыхъ читатель тоже выноситъ не мудрость, а безуміе. Разница, которую авторъ дѣлаетъ между произведеніями греческаго ума, эпохи древнѣйшей и позднѣйшей, именно, что одни были произведеніемъ генія, другія были произведеніемъ только таланта, тоже не говоритъ ничего, или опять таки обращается въ упрекъ образованію, потому что въ такомъ случаѣ выходитъ, что то время, когда народъ не достигнулъ образованности, въ средѣ его могутъ являться геніи, а въ періодъ образованности являются только таланты, — и что произведеніе геніевъ, обращаясь среди народа, притупляетъ его, уничтожаютъ въ немъ возможность появленія новыхъ геніевъ.

Авторъ ставитъ въ великую заслугу греческой исторіи то, что у грековъ развилась самостоятельная наука, и былъ обработанъ языкъ. Все это имѣло мѣсто именно во время паденія греческаго народа, и потому все это должно быть осуждено съ точки зрѣнія автора. А такъ, какъ съ истинной точки зрѣнія это не можетъ быть осуждено, то очевидно авторъ въ чемъ-нибудь не правъ; очевидно, что наука не имѣла такого значенія въ жизни грековъ, какое придаетъ ей авторъ. Если они выработали свой языкъ, такъ что онъ далеко превзошелъ «несвязные и неправильныя языки» другихъ народовъ, то это или не имѣетъ никакого особеннаго значенія въ общей жизни народовъ, или можетъ быть греческій языкъ нисколько не былъ выработанъ какъ-нибудь особенно, и не былъ связнѣе и правильнѣе другихъ языковъ; потому что и дѣйствительно знатоки говорятъ, что неправильныхъ и несвязныхъ языковъ совсѣмъ не бываетъ.

Авторъ говоритъ; что греки первые создали свободное и независимое искусство, искусство для искусства, и этимъ дали человечеству новое важное средство къ возвышенію и облагороженію себя. Но если и допустить, что греки занимались искусствомъ для искусства, хотя факты и говорятъ, что напротивъ у нихъ искусство служило религіи, патріотизму, наслаженію и даже тщеславію, все-таки оказывается, что ихъ искусство для

искусства не оказалось важнымъ средствомъ къ возвышенію и облагороживанію человѣчества, потому что время процвѣтанія этого искусства у грековъ есть напротивъ время паденія ихъ, и потеря благородства. Такимъ образомъ общій взглядъ автора на историческое значеніе различныхъ сторонъ греческой жизни, противорѣчитъ тѣмъ фактамъ, которые самъ же авторъ и излагаетъ; а объясненія, которыми авторъ хочетъ связать какъ нибудь свои противорѣчія, приводятъ только къ новымъ противорѣчіямъ. Такой характеръ имѣютъ различія, которыя авторъ дѣлаетъ между гениемъ, какъ источникомъ произведеній древняго періода, и талантомъ, какъ источникомъ произведенія позднѣйшаго періода, между роскошью и развлеченіями, бывшими цѣлью искусства послѣдняго времени, и высокими идеалами, бывшими цѣлью искусства перваго времени.

Способъ, какимъ авторъ излагаетъ исторію, не представляетъ никакой трудности; если онъ замѣчаетъ какое-нибудь проявленіе ума или фантазіи, въ наукѣ, въ литературѣ, въ искусствѣ, то онъ его и описываетъ, и притомъ описываетъ съ равнымъ удовольствіемъ все, что ему ни попадетъся. Аристофанъ пишетъ комедію въ своемъ первомъ родѣ; это хорошо; Аристофану запрещаютъ писать въ этомъ родѣ, онъ пишетъ въ другомъ, — это тоже хорошо. Менандръ пишетъ въ третьемъ, далеко не похожемъ родѣ, и это тоже хорошо. А какъ тотъ или другой родъ отзывался на народной жизни, автору дѣла нѣтъ. И такъ авторъ поступаетъ вездѣ, у него цѣлыя сотни страницъ посвящены тому, что онъ называетъ умственной жизнью и нравственнымъ состояніемъ грековъ. Тутъ онъ весьма подробно занимается наукою, искусствомъ; перечисляетъ всѣхъ замѣчательныхъ и даже незамѣчательныхъ писателей и ихъ сочиненія; но весь свой прагматизмъ оканчиваетъ тѣмъ, что въ первое время онъ видимымъ образомъ старается сказать доброе слово обо всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ грековъ, и объ искусствѣ вообще, а въ послѣднее время не одобряетъ ихъ вполнѣ. Но какъ похвала такъ и отрицаніе у него ограничиваются исключительно общими мѣстами, а гдѣ онъ покушается выйти изъ общихъ мѣстъ, тамъ впадаетъ въ противорѣчія, которыя мы и старались показать. Оттого и оцѣнка различныхъ историческихъ эпохъ, у него двоится; каждая эпоха-то, какъ будто, оправдывается, то, какъ будто, осуждается, и всѣ онѣ представляютъ какое-то странное, непонятное

сидѣніе дурныхъ результатовъ съ хорошими началами и хорошихъ результатовъ съ дурными началами.

Совершенно такимъ же образомъ, и характеристики историческихъ дѣятелей у него переполнены противорѣчіями, и отличаются невѣрностью. Мы обратимъ вниманіе особенно на одну изъ его характеристикъ, которая къ сожалѣнію съ его легкой руки распространилась въ массу историческихъ сочиненій особенно у насъ въ Россіи. Въ дѣлѣ науки и прогресса вообще, мы всегда стояли и до сихъ поръ стоимъ совершенно особеннымъ образомъ, сравнительно съ другими европейскими народами; изъ роли учениковъ и притомъ самыхъ смиренныхъ, безгласныхъ, мы не только не выбились, но и не покушались выбиваться.

Оттого, не смотря на наши видимыя научныя партіи въ самомъ дѣлѣ, ихъ у насъ почти никогда не было, и въ большинствѣ вопросовъ, притомъ въ вопросахъ наиболѣе важныхъ, наши, *soi disant*, передовые люди большею частію стояли въ положеніи учениковъ, спорившихъ между собою о томъ: чей учитель умнѣе и ученѣе; было замѣчено, что именно такъ былъ веденъ споръ о нашей сельской общинѣ, одни подкрѣпляли свое мнѣніе тѣмъ, что передовые люди западной Европы, одобряютъ сельскую общину; другіе отвѣчаютъ имъ, что это не передовые, а передовые осуждаютъ ее. Точно также былъ веденъ споръ объ эманципаціи женщины. Не дальше ушелъ и философскій споръ объ относительномъ достоинствѣ матеріализма и идеализма. Въ рѣшенія нѣкоторыхъ частныхъ историческихъ вопросовъ то же самое. Характеристика, о которой мы говоримъ, что она перешла отъ Шлоссера, въ сочиненія русскихъ ученыхъ относится къ Александру Македонскому. Мы бы никогда не обратили вниманія на какую бы то ни было историческую характеристику, если бы она не имѣла особеннаго общечеловѣческаго значенія. Намъ нѣтъ никакого дѣла до того, какъ авторъ смотритъ на характеръ Клеона; пусть онъ не больше какъ вздорный и безталантный хвастунъ, какъ его представляютъ Фукидидъ и Аристофанъ; если авторъ будетъ его характеризовать такимъ образомъ, то онъ конечно въ большую ошибку никого не введетъ. Онъ осудитъ Клеона, не за патріотизмъ, а за то, что онъ совался туда, куда ему не слѣдовало соваться съ его способностями. Читатель не получитъ превратнаго нравственнаго убѣжденія: онъ осудитъ, и привыкнетъ осуждать то, что достойно осужденія. Въ характеристикѣ Александра Маке-

донскаго не то: передъ вами выставляютъ челоуѣка вполнѣ, какъ онъ есть, со всѣми его недостатками; даже не стараясь скрывать а стараясь только извинять, и въ тоже время требуютъ, чтобы вы передъ нимъ поклонялись, представляютъ его самымъ высокимъ идеаломъ, которому поэтому рязумѣется, всякій челоуѣкъ долженъ стремиться. Въ сочиненіи Шлоссера, исторія Александра Македонскаго занимаетъ больше ста страницъ; можно представить себѣ какое значеніе авторъ даетъ этой личности! Мы считаемъ эту характеристику особенно важною, и потому займемся ею сколько позволятъ размѣры статьи. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано историческое преданіе о величіи Александра Македонскаго? Исторія его слишкомъ извѣстна, и мы не будемъ перечислять ни его походовъ, ни побѣдъ, ни учрежденій; говорятъ, что его побѣды обнаруживаютъ въ немъ чрезвычайный талантъ полководца, но его побѣды извѣстны всѣ на перечетъ, со всѣми подробностями. При Граникѣ, Александръ показалъ только храбрость солдата: въ войскѣ его всѣ показали такую же храбрость, и битва была выиграна, тѣмъ болѣе, что непріятельское войско было не слишкомъ многочисленно и не хорошо организовано. Въ сраженіи при Исѣ персидское войско было многочисленнѣе, но не смотря на то слабѣе, и эта побѣда досталась Александру еще дешевле. Греческіе наемники, служившіе въ арміи Персовъ здѣсь какъ и при Граникѣ, были совершенно парализованы въ своихъ дѣйствіяхъ; не смотря на то все-таки они съ честью вышли изъ битвы. Въ сраженіи при Арбелѣ войско состояло изъ смѣси еще болѣе пестрой, еще менѣе приученой къ порядку и къ воинскимъ упражненіямъ. Самъ Александръ сражался вездѣ очень храбро, какъ и въ послѣдствіи онъ храбро забрался на стѣну города въ странѣ Малловъ; но это все-таки не талантъ полководца. Не надобно забывать тѣхъ средствъ, которыми Александръ воспользовался для своихъ предпріятій. Если во время Ксенофонта, 10,000 Грековъ, едва не покорили всей Персіи, если Агизелай, съ 20,000, не достигнулъ этого результата только благодаря постороннимъ обстоятельствамъ, то совсѣмъ не удивительно, что Александръ имѣлъ постоянное успѣхъ въ войнѣ въ разное время съ Персами, приведя изъ Европы въ Азію, до 150000, челоуѣкъ. — Историки преклоняются еще предъ походами Александра, ставятъ ему въ великую заслугу, что онъ проникнулъ туда, гдѣ никто изъ Грековъ не былъ прежде его.

Если, разумеется, все, что кто-нибудь дѣлаетъ изъ того, чего другіе не дѣлаютъ, считать за признакъ величія, то, на основаніи этихъ походовъ можно преклониться и предъ Александромъ. Но что-же вышло изъ этихъ походовъ, и какую цѣль имѣли они? Поклонники Александра говорятъ, что они имѣли цѣлью распространеніе греческой цивилизаціи на Востокъ, и, «для огражденія цивилизаціи своего государства, противъ варварства кочевыхъ народовъ», Александръ настроилъ, въ разныхъ мѣстахъ, такъ много Александрій. Постройку Александріи Египетской обыкновенно представляютъ даже, какъ признакъ великаго ума Александра, предъугадавашаго великое будущее этого города. Конечно, еслибы Александръ построилъ только одну эту Александрію, это можно было бы сказать; но онъ построилъ ихъ цѣлые десятки и въ другихъ мѣстахъ, которые всѣ и погибли, и ихъ гибель очевидно была также мало предусмотрѣна Александромъ, какъ и процвѣтаніе Александрій Египетской. Но какія же есть указанія на то, чтобы Александръ имѣлъ въ виду распространять греческую цивилизацію на Востокъ? Говорятъ, что онъ хотѣлъ сблизить Азію съ Европою, и оживить умирающую Азію европейскимъ духомъ. Хорошо было бы, если это было такъ; но факты говорятъ не то. Конечно Александръ обучалъ Персовъ греческому военному искусству, но и Римляне обучали Германцевъ тоже римскому военному искусству; а Мегметъ-Алли обучалъ негровъ европейскому военному искусству. Только военное искусство не есть цивилизація, а тамъ гдѣ дѣло шло дѣйствительно о существенныхъ чертахъ цивилизаціи, тамъ Александръ далъ перевесъ Азіи передъ Европою. Одна изъ отличительныхъ чертъ европейской цивилизаціи, дѣйствительно есть уваженіе къ человѣческой личности и политическая свобода народовъ; Александръ виѣстѣ съ отцемъ попрали, и то, и другое, и дальше по этой дорогѣ пошелъ Александръ. Отличительная черта европейской цивилизаціи, есть уваженіе къ человѣческому достоинству женщины, и вслѣдствіе того моногамія; Александръ, своимъ примѣромъ, ввелъ полигамію. Говорятъ, что Александръ покровительствовалъ наукѣ. Правда Аристотелю онъ посылалъ рѣдкихъ животныхъ, и для этого будто бы во время своихъ походовъ, устраивалъ нарочно охоту на рѣдкихъ звѣрей; но это еще не значитъ стараться объ успѣхахъ естествовѣднія; точно такъ какъ дѣлать походы на Яксартъ, Гангъ, въ Аравію или въ оазисъ Юпитера-Аммона, не зна-

читать стараться объ успѣхахъ землевѣдѣнія; а значить просто тратить людей и средства и время на безумныя предпріятія не имѣющія ни малѣйшей цѣли. Говорятъ впрочемъ, что изъ походовъ Александра ничего не вышло потому, что самъ онъ скоро умеръ, а еслибы онъ былъ живъ самъ, то походы его остались бы безъ сомнѣнія не безплодны. И говоря это въ то же время прославляютъ мудрыя учрежденія Александра. Хороши же эти были учрежденія, когда они не послужили нисколько связью для завоеваній Александра, и основаніемъ для исполненія приписываемыхъ ему плановъ. На это опять таки возражаютъ, что Александръ очень рано умеръ, чтобы сдѣлать прочное устройство своему государству. Къ сожалѣнію и это неправда. Онъ пробылъ въ Азіи 13 лѣтъ, все время своего царствованія, и смерть взяла его не среди какихъ-нибудь законодательныхъ или административныхъ занятій, а среди приготовленій къ походу въ Аравію, который былъ бы довершеніемъ безумія; потому что Аравія по природѣ своей и по соответствующему ей характеру жителей никогда никѣмъ покорена не была, и не можетъ быть покорена. Говорятъ, что еслибы Александръ побольше пожилъ, то онъ силою своего генія сумѣлъ бы сплотить Грековъ и Персовъ, и другіе народы, входившіе въ составъ Персидскаго Государства въ одинъ народъ. Къ сожалѣнію народы съ застарѣлой цивилизаціей, каковы были обитатели Персидскаго Государства, совершенно не способны къ подобному сплоченію; ихъ можно истребить, но не переделать, доказательствомъ служатъ Евреи, Армяне, Грузины, Персіане, обитатели нашего Закавказья и всей вообще Азіатской Турціи, равно какъ и Европейской. Въ этихъ странахъ, теперь какъ и во времена Страбона, можно услышать, на одномъ и томъ же рынкѣ, цѣлыя десятки языковъ. Еслибы Александръ дѣйствительно имѣлъ въ виду сплотить въ одинъ народъ Грековъ и обитателей передней Азіи, то это служило бы въ самомъ дѣлѣ доказательствомъ не величія его, а ограниченности, и сказать правду въ самомъ дѣлѣ въ этомъ случаѣ такого доказательства нѣтъ. Но только нигдѣ нѣтъ ни одного доказательства и величія Александра, и если разумѣется его не искать въ анекдотахъ, сочиненныхъ вполнѣдствіи относящихся къ его дѣтству или зрѣлому возрасту о томъ какъ онъ укрощалъ буцефаловъ, какъ завидывалъ отцу въ его побѣдахъ, какъ не хотѣлъ въ пустынѣ пить воду, принесенную ему въ шлемѣ, какъ подалъ медику письмо, принимая

лекарство и т. п. Всѣ эти анекдоты, еслибы и были справедливы то не доказывали бы ни его великодушія, ни его умѣнія владѣть собою и ничего подобнаго. Между тѣмъ, какъ недостатокъ великодушія и неумѣніе владѣть собою, доказывается не анекдотами, а дѣйствительными историческими фактами. Впрочемъ люди, которые съ особеннымъ удовольствіемъ представляютъ Александра высшимъ идеаломъ человѣка, хотя не довольно вѣрно, но довольно тонко стараются оправдать его во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, напримѣръ когда онъ разорилъ Фивы, то онъ сдѣлалъ по приговору сосѣднихъ греческихъ городовъ. Забываютъ только такіе историки, что греческіе города сдѣлали свой приговоръ по приказанію Александра, а послушаться его не смѣли и не могли. Когда онъ казнилъ Филотаса и Парменеона, то онъ сдѣлалъ это по приговору войска, но войско опять-таки сдѣлало свой приговоръ по приказанію Александра. Когда онъ поджегъ Персеполь, то историки говорятъ что онъ это сдѣлалъ въ отищеніе за сожженіе Афинъ, а нашъ историкъ, такой смѣлой идеи не допускаетъ, потому-что не можетъ забыть того, что между греками и Александромъ, уже стояла пропасть, которую подобными дѣлами закрыть было нельзя. Однако все-таки предполагаетъ, что онъ сдѣлалъ это съ какою-нибудь особенною, важною, хотя и непонятною для насъ мыслью, забывая, что это было сдѣлано въ пьяной компаніи гетеръ и такихъ друзей, которые умѣли стать къ нему въ такое отношеніе, въ которомъ стояли персидскіе царедворцы, передъ своими царями. Когда Александръ начинаетъ щеголять безумною роскошью, дѣлаетъ золотые троны, скупаетъ на нѣсколькихъ рынкахъ весь пурпуръ, тогда историки говорятъ, что онъ намѣренъ былъ этимъ покровительствовать промышленности. Когда Александръ вводитъ у себя при дворѣ персидскіе обычаи, говорятъ, что онъ это дѣлаетъ для того, чтобы привязать къ себѣ персовъ; для того же онъ и называетъ себя сыномъ Зевеса, хотя сынъ Зевеса для персовъ поклонниковъ Ормузда, не могъ быть никѣмъ другимъ, какъ сыномъ дьявола Аримана. Когда онъ, наконецъ, принуждаетъ грековъ и македонянъ къ колѣно-преклоненію передъ собою, это требованіе, возбуждающее злобу въ македонянахъ, тоже имѣетъ свою причину: она дѣлается «ради персовъ»; а македонянъ старается Александръ привязать къ себѣ тѣмъ, что вмѣстѣ съ ними пьетъ; что онъ дѣлаетъ исключительно для пріобрѣтенія расположенія македонянъ,

а самъ же онъ лично ненавидитъ пьянство. Наконецъ историк не могутъ уже отвергать того, что Александръ, съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ самую отвратительную лесть; въ такомъ случаѣ они стараются сколько можно ослабить эту черту его характера, и нашъ авторъ ослабляетъ между прочимъ тѣмъ, что старается, какъ можно дольше, не признавать ее, для чего и увѣряетъ, что онъ началъ слушать льстецовъ, только по возвращеніи изъ Индіи, а прежде этого, онъ любилъ, чтобы ему говорили правду; хотя авторъ самъ же и рассказываетъ, что много прежде Александръ убилъ человѣка, избавившаго его отъ смерти за то, что онъ рѣзко говорилъ правду ему въ глаза, и въ то же самое время очень благосклонно относился къ тѣмъ лядямъ, которые говорили, что онъ превзошелъ своимъ величіемъ всѣхъ смертныхъ и даже своего отца, и что отецъ его тѣмъ только и знаменитъ, что онъ есть отецъ Александра. Но рано или поздно наконецъ и почитатели признаютъ въ Александрѣ эту слабость къ льстецамъ и другіе пороки, когда они обратятся къ философій; нашъ историкъ въ этомъ случаѣ говоритъ: вотъ доказательство, что никакое величіе не спасетъ человѣка отъ порока. Бѣдный человѣкъ, бѣдный родъ человѣческій! въ этой параллели, въ этомъ сравненіи между тобою и счастливецомъ, который въ своей жизни такъ много успѣвалъ, и такъ много наслаждался, знаменитый историкъ становится противъ тебя на сторонѣ идола, котораго онъ самъ же и создалъ. Ты не воображай, чтобы ты могъ освободиться отъ пороковъ, вотъ и великій человѣкъ самое идеальное лицо во всей исторіи, и тотъ отъ нихъ не освободился; такъ ты объ этомъ и не думай.

Подобный взглядъ на эту историческую личность со Шлюссеромъ раздѣляютъ очень многіе; у насъ раздѣлялъ его даже покойникъ Т. Н. Грановскій, у котораго это увлеченіе произошло изъ извѣстнаго всѣмъ, его благороднаго характера, очень склоннаго къ идеализаціи. Черта эта прекрасная; но жаль что покойный профессоръ не положилъ прочной основы для критики которая въ исторіи должна предшествовать этой своего рода канонизаціи, апотеозу историческихъ дѣятелей. Отъ этого произошло между прочимъ и то, что ученики его такъ сильно разошлись. Его учениками считаютъ себя, какъ извѣстно и г. Чичеринъ, г. Бестужевъ; и покойный Кудрявцевъ, то же считалъ себя его ученикомъ, а безъ сомнѣнія разница между взглядами Куд

равцева и г. Чичерина, очень велика: это показываетъ, что ихъ учитель не довольно строго и опредѣленно выяснилъ имъ основныя историческіе принципы. Личность Т. Н. Грановскаго должна быть дорога для насъ и для нашихъ преемниковъ, какъ личность историческаго дѣятеля тихо но безостановочно боровагося, почти безъ союзниковъ, противъ напора антигуманныхъ идей. Но такой взглядъ на покойнаго профессора, не обязываетъ насъ принимать каждое его слово, каждый историческій выводъ, историческую характеристику, какъ несомнѣнно истинныя и не нуждающіяся въ дополненіяхъ или поправкахъ. Самъ онъ конечно никогда не желалъ подобнаго успѣха своему историческому ученію. Покойный профессоръ Лоренцъ, ученикъ Шлоссера имѣлъ такое же благоговѣніе передъ македонскимъ завоевателемъ: онъ любилъ, чтобы его непремѣнно называли Александромъ Великимъ, и если кто-нибудь изъ его слушателей, совершенно не наигривно, называлъ его просто Александромъ Македонскимъ, то профессоръ, никогда и ни въ чемъ не измѣнявшій своему благодущію, въ этомъ случаѣ, едва успѣвалъ скрыть свою досаду, какъ-будто ему сдѣлано было личное оскорбленіе. Изъ нашихъ ученыхъ, еще продолжающихъ трудиться на пользу отечественнаго просвѣщенія, съ особеннымъ энтузіазмомъ къ личности Александра Македонскаго относится г. В. Шульгинъ изъ Кіева. Характеристика Александра въ его всеобщей исторіи уже переходитъ въ комизмъ, и въ искаженіе фактовъ. Такъ онъ старается представить, что Александръ съ незначительными силами напалъ на персидскую монархію, что напр. бунтъ въ войскѣ онъ смирилъ строгостію и сильною рѣчью, когда на общій взглядъ эта строгость уже переходитъ за предѣлы строгости. Вотъ на выдержку нѣсколько мѣстъ изъ книги г. Шульгина: «красавецъ наружностью, одаренный блистательными способностями, въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ, вступилъ Александръ на престолъ Македоніи. Вокругъ трона его закипѣли возстанія: на югѣ волновалась Греція, съ сѣвера грозили сосѣдніе варвары». «Демосеенъ снова вступилъ на площадь Аѳинъ, началъ гремѣть рѣчами противъ сына, какъ нѣкогда гремѣлъ противъ отца». Неправда ли, что тутъ энтузіазмъ пробивается даже и въ выраженіяхъ, которыя годятся въ любое лирическое стихотвореніе начала этого столѣтія и даже конца прошлаго? * Въ другомъ мѣстѣ, разска-

Прим. Не надобно забывать, что такой языкъ употребляется въ учебникѣ, назначенномъ для маленькихъ дѣтей.

зывая о сближеніи персовъ съ македонянами, г. Шульгинъ говоритъ: «многіе изъ его приближенныхъ, не понимая желаній Александра, не умѣя возвыситься до его человѣчныхъ понятій, несродныхъ древнему міру, приписывали эту перемиѣну его гордости, и стали составлять противъ него заговоры. Это раздражило благородную душу Алаксандра, и заставило его прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ: онъ казнилъ Парменіона, одного изъ любимыхъ своихъ полководцевъ и сына его». Бѣдная историческая истина! Бѣдные историческіе дѣятели, имѣвшіе твердость быть честнѣе и благороднѣе другихъ! Этотъ Парменіонъ старый другъ отца Александра, когда-то носившій на рукахъ его самого, остался до конца жизни на столько чистъ, чтобы говорить Александру въ глаза правду, какъ бы она сурова ни была, былъ измѣнически умерщвленъ Александромъ и остался еще виноватъ передъ тѣмъ, что называется безпристрастнымъ судомъ исторіи. О смерти Александра г. Шульгинъ выражается такимъ образомъ: «и великій человѣкъ умеръ въ 323 году на 33 году своей жизни». Какъ хотите, а это уже походитъ на лomanье стульевъ, до котораго доходилъ тотъ учитель, который своимъ преподаваніемъ дѣлалъ казніи убытокъ. Мы потому обращаемъ вниманіе на характеристику Александра Македонскаго, что она не остается безъ результатовъ. Въ исторіи было очень много личностей, которыя въ Александрѣ видѣли идеалъ, которому и старались подражать.

Такіе люди проходили въ исторіи отмѣченные особенными результатами, какъ тѣ годы, въ которые случается моръ, голодъ п. т. д. Извѣстно, что къ нимъ принадлежали Цезарь, Домиціанъ, Каракалла и другіе подобные имъ герои; даже и лучшіе историческіе дѣятели иногда не были свободны отъ слабостей подражать Македонскому герою, и такое подражаніе составляло худшую, несчастную сторону ихъ дѣятельности. И въ болѣе близкую къ намъ эпоху, такіе люди какъ Бонапартъ, въ подобныхъ историческихъ идеалахъ, видѣли оправданіе своей дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что высшій человѣческій идеалъ можетъ состоять въ подобномъ соединеніи всѣхъ дурныхъ качествъ, то не много можно требовать отъ обыкновенныхъ смертныхъ, и не удивительно если и между ними найдутся такіе, которые не прочь подражать Александру Македонскому въ его добродѣтеляхъ; по крайней мѣрѣ дѣйствительно приходится иногда слышать, что партизаны веселаго образа жизни,

оправдываютъ себя между прочимъ и примѣромъ Александра Македонскаго. Въ самомъ дѣлѣ, если за нѣсколько военныхъ успѣховъ исторія будетъ преклоняться передъ людьми, сдѣлавшими наиболѣе зла въ свое время, то она будетъ плохую школою для народовъ. Для послѣдовательности мы и въ жизни должны относиться ко всему такимъ же образомъ; человѣкъ, который разными не столько честными, сколько ловкими средствами успѣлъ добиться того или другаго, нажилъ большое состояніе, добился выгоднаго мѣста—на нашъ взглядъ долженъ быть такимъ же великимъ человѣкомъ, какъ и Александръ Великій. Надобно прибавить, что въ нашей жизни это дѣйствительно такъ и дѣлается, только не гласно, а молчаливымъ образомъ. Но не такъ это должно быть; можно и въ жизни провести поглубже нравственное основаніе; и которые народы объ этомъ думали, тѣ этого и достигли, больше или меньше. А начать это проведеніе нравственныхъ принциповъ въ жизнь нужно съ науки, и преимущественно съ исторіи. Для этого въ историческихъ характеристикахъ она должна сохранять самый строгій, безпристрастный и неподкупный приговоръ, чтобы никакія удачи не смичали ея осужденія тѣмъ людямъ, которые преслѣдовали свои корыстные цѣли ко вреду своихъ народовъ, и притомъ дурными средствами.

Если въ жизни приходилось нѣкоторымъ говорить, что добродѣтель есть пустое слово, что ее сами люди и выдумали для того, чтобы обманывать другъ друга; то, по крайней мѣрѣ, въ исторіи она не должна бытъ пустымъ словомъ. Исторія должна быть тою Эвменидою, которая въ послѣдней инстанціи судить и сама караетъ преступника. Ей тѣмъ легче сохранить справедливость, что въ дѣйствительности добродѣтель и народное благополучіе всегда шли рука объ руку, а время нравственнаго паденія народа виѣстѣ съ тѣмъ было временемъ паденія въ жизни политической, быта экономическаго и т. д. Историкъ долженъ показать все это, долженъ показать дѣйствительную связь между нравственнымъ состояніемъ народа, какъ причиною, и степенью его благосостоянія, какъ слѣдствіемъ. Какъ элементы нравственной стороны жизни народа, онъ долженъ хорошо разобрать и умственное состояніе народа, его научную образованность и нравственное состояніе въ тѣсномъ значеніи слова, характеръ его религіи и учреждений и т. д. Онъ долженъ ипменно разобрать все это, показать во всемъ здо-

ровую сторону. и отдѣлить ложь, а не долженъ безъ разбора превозносить все, что представляется ему въ исторіи съ характеромъ сколько бы то ни было прогрессивнымъ. Есть очень много явленій въ исторіи, которыя по наружности представляются очень прогрессивными, способствующими успѣхамъ постояннаго и дальнѣйшаго совершенствованія человѣческаго рода. но въ самомъ дѣлѣ служатъ для нихъ тормазомъ, — останавливаютъ ихъ, и даже ведутъ цѣлыя народы назадъ къ варварству. Такой характеръ преимущественно имѣетъ народное образованіе, когда оно получить ложный характеръ, когда оно вступитъ на дорогу легкомыслія и служенія наслажденію человѣка, какими бы чертами не прикрашивали это наслажденіе; оно имѣетъ истинный характеръ тогда, когда ведетъ человѣка къ лучшему пониманію его обязанностей, и приготавливаетъ его характеръ къ строгому исполненію ихъ.

Подобный прагматизмъ въ исторіи, безъ сомнѣнія, принесетъ свою пользу. Въ такомъ случаѣ, человѣкъ, привлеченный единственно своею пользою, станетъ изучать прошедшую жизнь народовъ, чтобы извлечь изъ нея урокъ къ своей же выгодѣ. Въ такомъ случаѣ и цѣлыя народы, и законодатели, и администраторы найдутъ себѣ уроки въ исторіи; а сама исторія, будетъ дѣйствительною наукою, а не пестрымъ калейдоскопомъ, въ которомъ разобрать ничего нельзя. Предлагаемое сочиненіе Шлоссера имѣетъ именно такой характеръ; если ему чего недостаетъ, то прежде всего разумаго, даже какого бы то ни было прагматизма; оно имѣетъ характеръ либеральный, но это ни даетъ ему никакой заслуги, потому, что, благодаря недостатку прагматизма, самый либерализмъ является неосмысленнымъ, какимъ то безотчетнымъ и приводящимъ къ вѣчнымъ противорѣчіямъ.

Шлоссеръ, безъ сомнѣнія, пользуется большею репутаціею; но его репутація не имѣетъ чисто ученаго характера: онъ сдѣлался извѣстенъ своимъ высокимъ безкорыстіемъ, своею политическою честностію, исполненіемъ своего долга, какъ онъ понималъ его въ то время, когда другихъ, или трусость, или своекорыстіе влекли въ другую сторону; въ этомъ онъ много походитъ на нашего покойнаго Грановскаго. Но научныя заслуги его больше, нежели заслуги Грановскаго. Его исторія XVIII столѣтія составляетъ дѣйствительно замѣчательное сочиненіе, равно какъ и всеобщая исторія въ свое время была едва ли не лучшимъ сочиненіемъ по этому предмету.

Но авторъ началъ издавать ее очень давно, и въ особеннoсти она оказывается въ наше время несостоятельною въ тѣхъ томахъ, гдѣ разсказывается древняя исторія. Въ предлагаемомъ русскомъ переводѣ, особенно слабо изложеніе исторіи древнихъ государствъ Азіи, потому что въ него не вошли позднѣйшія археологическія изслѣдованія; авторъ пишетъ эту исторію, почти исключительно на основаніи греческихъ источниковъ; весьма недостаточна и исторія Греціи, потому что авторъ и не представляетъ себѣ вопросовъ, возбужденныхъ позднѣйшими изслѣдователями: Гротомъ, Дункеромъ и другими. Почему издатель выбралъ для перевода именно это сочиненіе, рѣшительно не понятно. Впрочемъ кромѣ издателя тутъ игралъ важную роль вѣроятно редакторъ г. Чернышевскій. Намъ всегда казалось непонятнымъ, что значить редакторъ перевода. Конечно это не есть просто переводчикъ; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы и называться переводчикомъ. Вѣроятно редакторъ и выбираетъ известное сочиненіе для перевода; другаго дѣла тутъ нѣтъ. Въ данномъ случаѣ это гѣмъ болѣе походить на правду, что безсвязный, неосмысленный либерализмъ сочиненія очень гармонируетъ съ такимъ же либерализмомъ сочиненій г. Чернышевскаго. Уваженіе автора къ искателямъ славы въ исторіи тоже очень гармонируетъ съ исканіемъ славы самимъ г. Чернышевскимъ, котораго онъ даже не считаетъ нужнымъ скрывать.

Вообще книга очень гармонируетъ съ тѣмъ прогрессомъ, который мы до сихъ поръ дѣлали, и во главѣ котораго по справедливости стоялъ Современникъ.

Но это ложный, пустой и безнравственный прогрессъ. Теперь намъ нуженъ другой прогрессъ, и для этого намъ нужны другія книги. Между прочимъ намъ нужна и исторія съ здравымъ пониманіемъ историческихъ событій, съ дѣйствительнымъ историческимъ прагматизмомъ, — которая чужими примѣрами освѣтила бы намъ нашу собственную дорогу такъ, чтобы мы могли идти по ней разумно, къ ясной опредѣленной цѣли, — такъ, чтобы современнымъ, нелѣпымъ прогрессомъ не компроментировать вашего будущаго прогресса.

В. Охочевонный.

Вы жарко вѣрили, вы смѣло въ битву шли,
Вы много идоловъ свергали,
И истомленные вы твердо крестъ несли,
Полны безвыходной печали.

Мы жадно слушали безмолвною толпой
Вашъ гласъ, въ пустынѣ вопіющій,
И вопль страданія, и ропотъ вашъ глухой,
Не молчно къ истинѣ зовущій...

И въ вѣчный, древній бой готовы мы идти.
Богъ гнѣва—Богъ ветхозавѣтный—
Благословить и насъ тяжелый крестъ нести—
Святыню правды непривѣтной...

О. БЕРГЪ.

ВЪ ПУТЬ-ДОРОГУ!..

РОМАНЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ХІІІ.

Уѣхала бабенка.

Большой, дикій домъ потерялъ своихъ старыхъ господъ. Новыиъ было теперь много простора, даже черезчуръ много. Трудно было наполнить жизнью эти пустыя, высокія комнаты; этимъ комнатамъ точно становилось жалко, что не живутъ въ нихъ ни дѣдушка, ни бабушка... остались одни внучки.

Федоръ Петровичъ пріѣхалъ часу въ двѣнадцатомъ; онъ очень удивился, узнавъ, что Пелагея Сергѣевна такъ скоро собралась въ дорогу.

— Знаете—что Федоръ Петровичъ, говорила ему Софья Николаевна. Они сидѣли наверху, втроемъ. Миѣ нравится ея поведеніе.

— А что-съ? спросилъ флегматически опекунъ.

— Она, по-крайней-мѣрѣ, открыто дѣйствуетъ.

— Ахъ, матушка, Софья Николаевна, прервалъ ее Лапинъ; я вижу, у васъ добрая душа; вы всякаго готовы извинить. Да я про себя скажу, что не долюбиваю я Пелагею Сергѣевну, не потому не долюбиваю, что она меня ругательски разругала, когда я къ ней сунулся... оно тогда и слѣдовало меня — замѣтилъ онъ, улыбаясь,—а такъ, натура у ней жесткая... отталкиваетъ

отъ себя. Вотъ хоть бы въ дѣлѣ наслѣдства... Безспорно, онъ безкорыстно поступила... да язвительно все. «На-те, подавитесь!» вѣдь это вотъ чтó другими словами значить...

— Чтó же дѣлать, Федоръ Петровичъ? — сказала Софья Николаевна; вѣдь вы сами говорите: натура... а натуру ужъ не передѣлаешь.

— Конечно, промолвилъ добродушный опекунъ и, обращаясь къ Борису, сказалъ: намъ съ вами еще на счетъ дворовыхъ-то...

— Я отдалъ Якову тѣ двѣсти рублей, какъ мы говорили.

— Ну, это ваша воля. Вотъ не придумаєте ли, Софья Николаевна, чтó намъ дѣлать со старухами?

Она разсмѣялась.

— Это ужъ неизбежное зло, — сказала она. Ихъ нужно держать... только не мѣшало бы, кажется, почистить ихъ обиталище.

— Да и весь-то домъ, замѣтилъ Борисъ.

Разговоръ перешелъ на то, какія премѣны сдѣлать въ домѣ. Пошли осматривать всѣ комнаты. Софья Николаевна удивлялась неудобности и непоимѣстительности дома. Пустота и неуютность пріемныхъ комнатъ подавляли ее.

— Въ диванной мы будемъ сидѣть иногда по вечерамъ, — сказала она, а то внизу будетъ какое-то необитаемое аббатство.

— Именно аббатство, повторилъ Лапинъ, качая головой.

— Диванную можно отдѣлать немножко поуютнѣе, — говорилъ Софья Николаевна, осматривая бывшую обитель бабенки, откуда еще не вышелъ старушечій запахъ.

— Какъ странно становится, — замѣтила она, когда подумаешь, что здѣсь, въ этой комнатѣ протекла цѣлая жизнь... нѣсколько десятковъ лѣтъ просидѣла тутъ бабенка!

— У насъ комнаты, — проговорилъ Борисъ, точно застывъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

Онъ началъ рассказывать Софьѣ Николаевнѣ исторію наждака дивана, каждой картины и зеркала.

Въ дѣвичьей они нашли многочисленное общество; тамъ происходили большіе толки по случаю отъѣзда старой барыни.

Всѣ съ любопытствомъ осматривали Софью Николаевну; по томъ толпа двинулась, предводительствуемая опять двумя старухами съ плачущимъ и смѣющимся лицомъ.

Онѣ пожелали получить ручку Софьи Николаевны и начали

изъявлять ей свою любовь и радость, что она пожаловала въ добромъ здоровьи.

«А вамъ здѣсь, я думаю, холодно?—спросила она ихъ, и получила отвѣтъ, что дѣйствительно изъ сѣней страшно дуетъ; и изъ подвала тоже; а въ подвалъ ходъ тутъ же изъ дѣвичьей. Софья Николаевна разспросила ихъ: какое они получали жалованье и содержаніе. Оказалось, что они получали въ годъ по ситцевому платью и деревенскаго холста 20 аршинъ, а на прочее, какъ-то: на башмаки и другія вещи имъ нічего барыня не выдавала.

Борису стыдно стало за бабенку. Федоръ Петровичъ переписалъ всѣхъ старухъ и всю дворню, и перетолковалъ съ Софьей Николаевной и съ Борисомъ, кому какое назначить содержаніе.

Онъ остался обѣдать. Обѣдали наверху, а послѣ опять начались толки о дѣлахъ. Борисъ передалъ ему деньги, полученные отъ бабушки, и попросилъ взять къ себѣ вмѣстѣ съ остальными билетами и серіями, которыя лежали въ бюро.

— Смотрите, говорилъ ему Лапинъ, собираясь домой... я у васъ денежки-то возьму, да и былъ таковъ.

Вечеръ провели въ комнатѣ Софьи Николаевны. Борисъ еще не привыкъ къ мысли, что ему надо будетъ сидѣть внизу, въ спальнѣ отца и проводить тамъ по цѣлымъ часамъ.

Софья Николаевна разспрашивала все Машу объ урокахъ, о томъ, что она любитъ, играетъ ли она въ куклы, бываетъ ли ей скучно одной.

Маша была чрезвычайно мила, вспоминала разныя подробности изъ грустной жизни большаго дома, говорила больше про своего Борю, чѣмъ про себя... и подъ конецъ объявила, что она—недурная дѣвочка; и что если ее бабушка и *посылала*, такъ совершенно понапрасну, и Богъ ее за это накажетъ.

Послѣ ужина Маша ушла, сказавъ тѣткѣ, что она ее совершенно не боится, и чему бы тѣтка ни стала ее учить, она все вытерпитъ, потому-что «*тетя тою заслуживаетъ*».

XIV.

Борисъ и Софья Николаевна опять остались вдвоемъ. Странно чувствовалъ онъ себя въ этой комнатѣ. Въ ней стоялъ совсѣмъ другой воздухъ; она ему казалась какимъ-то новымъ мѣстомъ, гдѣ все вызывало интересъ, и получало такую привлекательность, какой прежде не было.

— Ты, можетъ быть, усталъ? спросила его Софья Николаевна, лягь нынче пораньше.

Она говорила съ нимъ такимъ задумчивымъ тономъ, точно будто онъ выросъ на ея рукахъ. Онъ самъ просилъ ее бросить церемонное *ты*... А между тѣмъ это *ты* звучало странно, оно волновало его; оно его даже страшило. Но еслибъ Софья Николаевна перешла опять на *вы*, ему стало бы неприятно.

— Нѣтъ, тѣтя, — поспѣшилъ отвѣтить Борисъ, напротивъ, мнѣ совсѣмъ не хочется спать. Если я вамъ мѣшаю, прогоните меня внизъ.

— Да я развѣ бы стала съ тобой стѣсняться? И со мной ты, пожалуйста... попроще... забудь мой титулъ... мы друзья, и ничего больше. Она уютно усѣлась въ углу дивана... Садись вотъ тутъ. Насъ судьба свела, значить, не даромъ... проговорила она послѣ маленькой паузы. И могла ли я когда-нибудь думать, что попаду въ такую жизнь и буду здѣсь?... никогда, никогда...

— Отчего же? спросилъ Борисъ.

— Какъ отчего? Да отъ всего, — отвѣтила Софья Николаевна и грустно улыбнулась... Во-первыхъ, оттого, что я была замужемъ за твоимъ дядей... Она опустила голову, немного помолчала и потомъ вдругъ взглянула на Бориса... Нѣсколько секундъ смотрѣла она на него и тихо проговорила:

— Ты помнишь Александра?

— Какъ же, тѣтя, не помнить, когда онъ былъ здѣсь года два тому назадъ... Да и въ первый разъ, какъ онъ пріѣзжалъ... его лице... такъ врѣзалось мнѣ въ память... Онъ меня, кажется, полюбилъ... прибавилъ Борисъ.

— Да... онъ говорилъ объ тебѣ... Но ты совсѣмъ его не зналъ, мало слышалъ о немъ.

— Очень мало. У насъ все было скрыто. Только въ послѣднее время отецъ рассказывалъ...

— Что?

Борисъ немножко помолчалъ.

— Что онъ пріѣзжалъ просить у бабушки позволенія...

— Жениться на мнѣ, — добавила Софья Николаевна, и она его прокляла. Я уже тебѣ сказала, кажется, вчера, что Александръ не долженъ былъ встрѣчаться со мной. Я окончательно доканала его жизнь.

— Что вы, тетя? проговорилъ Борисъ, взглянувъ на Софью Николаевну во всё глаза.

— Да, дорогой мой... жизнь сложилась такъ... Еслибъ ты былъ немножко постарше, ты бы, пожалуй, подумалъ, что я рисуюсь. Борисъ сдѣлалъ движеніе.

— Да, да, непременно бы подумалъ; но, къ счастью, ты молодъ и съ тобой можно говорить такъ же, какъ съ своей со-вѣстью.

Борисъ всё продолжалъ смотрѣть на Софью Николаевну. Она казалась совершенно спокойною и точно говорила самой себѣ. Ему, въ первый еще разъ приводилось слышать, чтобъ кто-нибудь съ такой простотою высказывалъ такія задушевные вещи.

— Хорошій человѣкъ былъ твой дядя Александръ, продолжала она, я никогда не встрѣчала человѣка честнѣе... за то и страннѣе не встрѣчала. Послушай, тебѣ должно быть очень тяжело, что до-сихъ-поръ около тебя была какая-то тайна?...

Софья Николаевна попала на чувствительное мѣсто.

— Да, тѣтенька, заговорилъ Борисъ, не мало я думалъ о прошедшемъ; только не у кого мнѣ было спрашивать... Въ послѣдніе дни отецъ былъ со мной откровененъ... но ему не хотѣлось высказываться; ему тяжело было... онъ только повторялъ: «послѣ все узнаешь, не вини меня».

— И не вини его, добрый мой, — сказала Софья Николаевна и протянула ему руку... Люди никогда ни въ чемъ невиноваты: виновато время, и натуры нѣжи, и прошедшее... Да вотъ тебѣ, чего же лучше: дядя твой прожилъ свой вѣкъ дико, бесполезно, губительно для себя, и былъ все-таки прекрасный человѣкъ.

Бориса охватило желаніе узнать все и, главное, побольше о ней самой, даже больше, чѣмъ объ отцѣ и дядѣ. Онъ ясно видѣлъ, что она говоритъ о покойномъ мужѣ не такъ, какъ бы можно было ожидать отъ молодой женщины, которая страстно любила его. Что-то ему шептало, что тутъ кроются какія-нибудь особыя отношенія.

— Отчего дядя никогда не жилъ здѣсь? спросилъ Борисъ.

— Оттого, мой другъ, что... и она вдругъ остановилась.

— Что же вы не продолжаете, тетя, развѣ вы находите, что я не долженъ знать?...

— Вотъ что, голубчикъ мой... Я вижу, ты не ребенокъ... и скрывать отъ тебя нечего... Для того только, чтобъ быть съ

тобой свободно и просто, я бы коснулась всѣхъ тяжелыхъ и щекотливыхъ вопросовъ... но я невольно остановилась; мнѣ показалося вдругъ, что ты можешь мнѣ и не вѣрить, и тогда это было бы очень, очень дурно.

— Что вы, тѣтя, полноте, какъ вамъ не стыдно, вдругъ заговорилъ Борисъ, цѣлуя ея руку, у меня ни одной минуты не было никакого сомнѣнія... всякое ваше слово... прямо идетъ въ душу... До-сихъ-поръ мнѣ было такъ трудно... Точно у меня языкъ былъ связанъ. Намъ съ вами черездуръ іажего было бы жить, скрывая то, что таится въ душѣ. А я никого обвинять не стану, кротно прибавилъ онъ.

XV.

— Видишь ли, добрый мой, начала Софья Николаевна, твой дядя Александръ былъ студентомъ въ Москвѣ давно, лѣтъ двадцать тому назадъ. Онъ былъ такой пылкій, причудливый, увлекающійся... Воображеніе у него играло первую роль... и это ты не долженъ забывать... Студентомъ еще онъ встрѣтилъ дѣвушку, красавицу, съ очень странной судьбой. Она была сирота, жила въ семействѣ родственниковъ... ее держали гувернанткой. Состояніемъ ея завладѣли и ея положеніе въ домѣ было очень жалкое. Александръ полюбилъ ее и рѣшился жениться... Разумѣется, встрѣтились препятствія... онъ написалъ сюда, ему пригрозили... На его натуру все чрезвычайно сильно дѣйствовало, и онъ заболѣлъ, заболѣлъ опасно. Это было передъ тѣмъ, какъ ему кончить курсъ... Твой отецъ прискакалъ въ Москву... долго онъ ухаживалъ за Александромъ... Александръ оправился, кончилъ курсъ и уѣхалъ тотчасъ же за границу: его послали доктора для поправленія здоровья.

— Да, я все это слыхала, проговорилъ Борисъ, вспоминая, что няня ему что-то такое рассказывала.

— Ну вотъ видишь ли, отецъ твой, живя въ Москвѣ, сблизился съ дѣвушкой, которую полюбилъ Александръ, и чрезъ полгода онъ на ней женился.

— Какъ, тѣтя... она была?..

— Твоя мать, Лизавета Павловна. Бабушка твоя приняла ее очень дурно. Во-первыхъ, она была бѣдна, а во-вторыхъ, она никогда не могла ей простить любви Александра, его болѣзни и что поѣздки за границу.

— Стало быть, и папенька женился безъ согласія бабушки? — спросилъ Борисъ.

— И да, и нѣтъ. Разумѣется, Пелагея Сергѣевна не хотѣла этого брака, но отца твоего она больше любила, и согласилась на его женитьбу. И вотъ тебѣ ключъ къ той нѣмой драмѣ, которая разъигрывалась въ вашемъ семействѣ. Я не знала твоей матери, Борисъ; я тебѣ рассказываю то, что я слышала отъ отца твоего и Александра. Тебя, можетъ, удивляетъ ея выходъ замужъ. Она не имѣла къ твоему отцу сильнаго, глубокаго чувства, но ея положеніе въ домѣ было слишкомъ тяжело; наконецъ она видѣла его любовь, его хорошую, добрую натуру. Когда Александръ узналъ объ этомъ, это его поразило, и такъ поразило, что подѣйствовало на его разумъ. Онъ одно время совсѣмъ помутился и долго страдалъ. За границей онъ прожилъ около десяти лѣтъ; тамъ онъ очень развился... это былъ замѣчательный умъ... За многое брался онъ, чему не учился, одинъ Богъ знаетъ, но ничто его не вылечило отъ любви, ни на чемъ онъ не могъ остановиться и успокоиться... А донна, у васъ, была другая драма... твоя мать, вышедши замужъ, не была несчастлива... отецъ твой горячо ея любилъ; но прежняя любовь воскресла, до нея доходили вѣсти объ Александрѣ, о его несчастной судьбѣ, о его болѣзни... и твоя бабушка явилась между нею и мужемъ, какъ духъ искушитель... Она подозрѣвала ее; она твердила твоему отцу, что жена его любитъ Александра и по-рывается бѣжать къ нему... словомъ, ты самъ можешь понять, дорогой мой, что между ними было.

— А зачѣмъ дядя пріѣзжалъ сюда, когда мнѣ было лѣтъ пять? сказалъ Борисъ, подавленный всѣмъ этимъ рассказомъ.

— Онъ пріѣхалъ, просто, повидаться, онъ хотѣлъ переложить себя, покончить съ своей прежнею страстью, наконецъ смягчить свои отношенія съ семействомъ.

— Я помню, что мама не показывалась внизъ, не видала дядю Александра.

— Да, она не надѣялась на себя... И этотъ пріѣздъ принесъ только больше горести и страданій. Александръ уѣхалъ съ такою же раной, какъ и прежде... Въ домѣ у васъ пошло еще хуже... Пелагея Сергѣевна построила на этомъ цѣлый романъ... она считала пріѣздъ Александра условленнымъ между нимъ и твоей матерью. Отецъ твой началъ мучиться подозрѣніями, Лизавета

Павловна страдала... въ ней чувство не умерло, но она хотѣла его заморить. Мать твоя, какъ ты знаешь, умерла чахоткой.

— А дядя? спросилъ опять Борисъ.

— А дядя опять ѣздилъ по свѣту, опять былъ боленъ, опять лечился... и наконецъ немного выздоровѣлъ... прежняя, страсть притихла. Онъ вернулся въ Москву и тутъ начинается нашъ романъ, прибавила, улыбаясь, Софья Николаевна... и остановилась.

— Теперь для меня ясна вся прошлая жизнь нашего дома, промолвилъ Борисъ; теперь я понимаю, почему бабушка не любила меня и Машу.

— Потому, что вы были дѣти Лизаветы Павловны, которую она ненавидѣла и подозрѣвала весь вѣкъ.

— Но въ чемъ же, тѣтя?

— Твоя мать была чиста, какъ ангелъ; но прежняя любовь къ Александру жила въ ней... и отецъ твой это чувствовалъ, и это было причиной тому, что онъ не могъ освободиться отъ деспотическаго вліянія Целагеи Сергѣевны. По натурѣ онъ былъ слабый человѣкъ... въ него вкоренилась привычка покоряться матери, а въ этихъ обстоятельствахъ, при постоянныхъ подозрѣніяхъ... онъ невольно выслушивалъ все, что ему напептывала бабушка, вѣрилъ ей, и все страдалъ, мучилъ себя и бѣгалъ изъ дома, гдѣ ему приходилось слишкомъ больно...

Прошла значительная пауза. Софья Николаевна точно припоминала разные эпизоды своей жизни. Борисъ не торопилъ ее, хотя внутренно онъ горѣлъ нетерпѣніемъ выслушать ея повѣсть. Когда-то няня Мироновна, въ этой самой комнатѣ, рассказывала ему сказки, и не думалъ онъ тогда, что ему придется выслушать эту послѣднюю грустную повѣсть, съ которой такъ тѣсно было связано все его прошлое.

— Я немного назад отойду, заговорила вдругъ Софья Николаевна... ты меня видишь, Борисъ... я всегда такая была... юная, *шалая*, какъ меня называла мать, очень дикая дѣвица, — прибавила она съ комической миной. Я всѣ испытанія жизни принимала смѣясь; я точно всегда дразнила свою судьбу, и жила всегда хорошо... Но это только маленькое вступленіе. Ты, можетъ быть, не знаешь, что мой отецъ и мать живы... И вотъ съ матери-то я и начну. Ея повѣсть вотъ какая: выдали ее замужъ молоденькую, лѣтъ десяти, за одного полковника, какого-то... ну, бурбона, грязнаго, отвратительнаго. Она съ нимъ прожила годъ,

другой, т. е. лучше сказать, помучалась. помучилась... долше не вытерпѣла и убѣжала отъ него. Хлопотали они о разводѣ — ничего не выхлопотали; длилось это нѣсколько лѣтъ. Въ ея судьбѣ принималъ участіе одинъ докторъ, товарищъ твоего дяди по университету. Они полюбили другъ друга, и онъ ее называлъ своей женой... Они никогда не скрывали, что они не вѣнчаны. У нихъ родилось нѣсколько человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ и твоя тѣтенька, Софья Николаевна... Жили мы небогато, у отца была небольшая практика... матушка часто прихварывала; ее не переставала тяготить мысль о нашей будущности, о томъ, что у насъ *нѣтъ имени*. Мужъ ея, бурбогъ, часто ее пугалъ, писалъ ей отвратительныя письма... Богъ знаетъ что дѣлалъ... Все это дѣйствовало на ея здоровье; но духомъ она не падала, по-крайней-мѣрѣ наружно, и въ нашемъ домѣ никогда не было унынія. Я росла свободно; мной занимался отецъ, давалъ мнѣ все читать, выучилъ меня анатомію, выучилъ меня по-англійски, далъ мнѣ въ руки Пушкина, Шекспира, — и онъ не высушилъ меня; я никогда не слыхала отъ него ни одной сентенціи, ни одной сухой мысли. Онъ всегда говорилъ мнѣ: «Софья, хочется тебѣ плакать — плачь, хочется тебѣ молиться — молись, полюбить захочется — полюби... и что бы ты ни сдѣлала, все это можно искупить, было бы только чувство правды». И мнѣ хорошо было жить.. я выросла; на воспитаніе мое хоть и мало тратили, но все-таки отецъ ничего не жалѣлъ: занималъ мнѣ учителей музыки, языкамъ; я выучилась дома... Но практика его шла плохо... средства дѣлались все меньше и меньше, а кромѣ меня былъ еще братъ, Николай, въ гимназію, и двѣ сестры... Мнѣ стало совѣстно, что я большая дѣвушка, 17 лѣтъ, ѣтъ даромъ хлѣбъ, живу въ домѣ какъ малолѣтняя, и ничего не зарабатываю. Я пришла къ отцу и объявила, что хочу идти въ гувернантки... Онъ меня не сталъ отговаривать, только сказалъ: «смотри, Соня, не испорти твоего характера... такая жизнь затираетъ человѣка; а впрочемъ, съ Богомъ». Матери было непріятно; но она согласилась. Я не выбирала; я взяла первое мѣсто, какое мнѣ попало. Ты не знаешь Москвы, Борисъ. Въ Москвѣ живутъ вѣдь предіакіе люди; тамъ на каждомъ шагу все огорченные судьбой бары, у которыхъ накопѣло внутри цѣлое море неудовлетворенныхъ претензій. Вотъ въ такое-то семейство и попала я. Матан... жирная барыня, племянница какого-то сенатора... ѣздила все къ нему по воскресеньямъ прикладываться

въ ручкѣ... старшая дочь прочла «Прописки» Леонтьева и ѣздилъ къ Старому Вознесенью высматривать жениховъ... да еще двѣ дѣвочки, въ самомъ дурномъ возрастѣ 14 и 15 лѣтъ; съ ними-то я и должна была заниматься и учить ихъ всѣмъ наукамъ и всѣмъ искусствамъ, какія только знала. Скучно мнѣ было, ничего не вдолбишь имъ, только и думаютъ о томъ, когда придетъ машина да повезутъ ихъ кататься подъ Новинское. Тяжеленько мнѣ было и вотъ еще почему: жирная шатап узнала о томъ, что я не *имѣю имени*, и не разъ кольнула меня этимъ... я разумѣется сперва плакала, а потомъ думаю себѣ: «глупо дѣлать изъ себя жертву», взяла да ей и напѣла очень скромно, но сильно. Барыня моя стихла, и съ-тѣхъ-поръ мнѣ было покойно. Я помирилась съ своей долей, очень много читала, отца и мать видѣла часто, и отецъ мой всегда говорилъ: «вижу, Софья, что ты все такой же молодецъ... натура твоя выдерживаетъ напоръ жизни прекрасно, дитя мое». — Разъ я пришла къ нему и увидала твоего дядю. Его лицо сейчасть же меня заинтересовало. Онъ тогда только-что вернулся изъ второй поѣздки за границу...

— Вы говорили, тѣтя,—прервалъ ее Борисъ, что дядя былъ товарищъ вашего отца?

— Какже, голубчикъ, они вмѣстѣ и поступили... Тогда у насъ было хорошее время; мнѣ отецъ и Александръ рассказывали много про это время... какой духъ былъ славный... направленіе философское... не чорстовое, а радостное какое-то, примирительное... я это видѣла на отцѣ. Онъ всегда говорилъ: «нѣтъ вещи на землѣ, нѣтъ такого явленія, которое бы не сливалось въ общей гармоніи». И все, что мы теперь читаемъ въ журналахъ, Бѣлинскій да и всѣ другіе, это все изъ Москвы, изъ того кружка... Мнѣ вотъ и теперь даже пріятно, когда я припоминаю ихъ бесѣды... Честные, чистые люди, съ глубокой любовью... Вотъ ужъ они знали, что такое красота и поэзія въ жизни... Но я ударилась въ сторону, прости меня, голубчикъ.. Знаешь, Борисъ, я вотъ тебѣ рассказываю, и точно заново все это переживаю... у меня воображенія-то тоже не меньше, чѣмъ у твоего дяди Александра.

— Такъ вы его увидали, -- подсказалъ ей Борисъ.

— Да, да... увидала и очень заинтересовалась. Отецъ ему рассказавъ обо мнѣ; я съ нимъ разговорила... онъ былъ такой внимательный, говорилъ прекрасно, вездѣ у него проглядывало

чувство, замѣчанія о заграничной жизни такія свѣтлыя... Я ему понравилась. На другой день я опять была у своихъ. Александръ прямо подходитъ ко мнѣ, беретъ меня за руку и говоритъ: *вы будете моей женой; васъ самъ Богъ послалъ ко мнѣ на встрѣчу*, и потомъ все повторялъ: «какое сходство, Боже мой!...» и нѣсколько разъ спросилъ меня, *точно ли я гувернантка?* Все это меня ужасно поразило; я сперва думала, что онъ шутилъ. Прошло двѣ недѣли. Александръ продолжалъ говорить, что я одна спасу его, что наша встрѣча не случайная. И дѣйствительно, онъ привязался ко мнѣ... этого мало... онъ меня полюбилъ готовою любовью... Тогда еще я не могла этого хорошенько понять, но я видѣла чувство, я видѣла также, что онъ страдаетъ, что это человѣкъ съ разбитой душой.

Черезъ полгода я ему сказала, что иду за него замужъ. Хочешь ты знать мою полную исповѣдь, Борисъ? У меня не было къ нему страстной любви, и немогло быть. Онъ меня трогалъ и поражалъ, но это чувство было съ-родни тому, съ которымъ я относилась къ отцу... Голубчикъ мой, вотъ ты поживешь на свѣтѣ, ты узнаешь, что значитъ натура, молодость, гармонія силъ и надеждъ, черезъ это никакъ не перескочишь. Никогда женщина въ 20 лѣтъ не полюбитъ страстно человѣка, который годится ей въ отцы...

Она остановилась. Борисъ взглянулъ на нее и ему точно хотѣлось что-то сказать.

— Что ты на меня смотришь? спросила она. Тебѣ кажется рѣзкимъ, не *женственнымъ* то, что я сейчасъ сказала, это святая правда; она честнѣе напускныхъ чувствъ. А я все-таки вышла за Александра. Онъ меня увлекъ и тронулъ своей прекрасной, хотя дикой и сумасбродной натурой. Я въ самомъ дѣлѣ была для него какимъ-то *элементомъ*, онъ оживалъ со мною; и когда я узнала повѣсть его любви — все мнѣ открылось. Ты помнишь, вчера, какъ я пристально смотрѣла на портретъ твоей матери... Александра поразила мое сходство съ ней, по-крайней-мѣрѣ ему такъ казалось, потомъ, мое положеніе въ гувернанткахъ; все это дополняло образъ, который все еще жилъ у него въ сердцѣ, и онъ перенесъ на меня всю свою любовь; я, т. е. Софья Николаевна, для него почти не существовала, во мнѣ жила для него другая женщина. Когда я это почувствовала, меня оно не оскорбляло, я не имѣла никакихъ требованій, мнѣ было жалко Александра; но *хорошо жалко*, это была почти любовь,

но любовь теплой сестры, матери. Прежде, до встрѣчи съ Александромъ, я не жаждала любви, какъ многія русскія дѣвы, я не ожидала отъ жизни и отъ людей ничего крупнаго и не говорила: *я отдамъ свое сердце только тогда, когда оно зажмлетъ страстью* — нѣтъ! у меня былъ на это какой-то спокойный взглядъ, несмотря на то, что отецъ мой находилъ во мнѣ страстную натуру. Вотъ почему я и вышла за него.

— Дядя вашъ рассказывалъ про бабушку и папеньку? спросилъ Борисъ.

— Онъ мнѣ рассказалъ про свою любовь до свадьбы... онъ каждый день обращался къ этому. Но о семействѣ онъ молчалъ; говорилъ, что у него нѣтъ связей, что онъ свободенъ. Когда я его спросила: будетъ ли его мать согласна на его бракъ, онъ отвѣтилъ: мать меня давно прогнала изъ дома.

— И однако онъ прїѣзжалъ сюда.

— Ты знаешь, какъ его приняла Пелагея Сергѣевна?

— Знаю, тѣтя.

— Вернувшись, онъ мнѣ ничего не сказалъ, точно будто ничего не произошло. Но ты видишь, какъ сильны были и въ немъ домашнія преданія; онъ долженъ былъ впередъ знать, что мать слышать не захочетъ о женитьбѣ на мнѣ: кто я такое въ глазахъ твоей бабушки? Я — отверженное созданіе, незаконная дочь... я мѣщанка... Но дядя твой весь былъ изъ странностей и увлеченій. У него было затаенное желаніе видѣть еще разъ тотъ домъ, гдѣ жила твоя мать — я въ этомъ увѣрена. Онъ поѣхалъ сюда съ твоимъ отцомъ.

— Вы тогда видѣли папеньку?

— Нѣтъ, Александръ не познакомилъ его... и ты понимаешь почему. Скоро послѣ нашей свадьбы онъ страшно измѣнился... Точно, побывавши здѣсь, онъ привезъ съ собой образъ твоей матери, и онъ совершенно охладѣлъ ко мнѣ. Меня это не поразило, мнѣ только стало еще вдвое жаль его. Я видѣла, что съ каждымъ днемъ онъ теряетъ то, что для него было во мнѣ дорого... исчезалъ призракъ, созданный имъ, и съ каждымъ днемъ онъ все слабѣлъ и слабѣлъ; подъ конецъ я замѣчала даже, что ему тяжело со мной, онъ хотѣлъ бы быть одинъ... не легко было и мнѣ! И такъ мы прожили цѣлый годъ. Тутъ я познакомилась съ твоимъ отцомъ; мы сошлись какъ-то вдругъ; намъ не нужно было объясняться: мы все знали и понимали. Я не знаю, кого мнѣ было болѣе жаль: Александра или отца

твоего; я видѣла передъ собою двѣ разбитыя жизни; а помочь ничѣмъ нельзя было, ихъ отношенія были очень хороши. Въ то время, какъ твой отецъ жилъ въ Москвѣ, Александръ немножко поствѣжалъ; но послѣ него, черезъ мѣсяць, онъ умеръ воспа-леніемъ лёгкихъ. Я тогда только съ новой силой почувствова-ла, что этотъ человекъ былъ мое любимое дитя, но не страстно любимый мужъ.

Борись, смотри на Софью Николаевну, думалъ то же самое.

— Съ папенькой вы переписывались? спросилъ онъ.

— Какъ же, и тутъ какое онъ показалъ ко мнѣ участіе! Я знаю, онъ тогда хотѣлъ, чтобъ я пріѣхала сюда, но при Пела-геѣ Сергѣевнѣ это было невозможно. Ты можешь теперь понять, Борись, что чувствовала она ко мнѣ, и что еще теперь чув-ствуетъ? Я, въ глазахъ ея, женщина темнаго происхожденія, которая завлекла въ свои сѣти и уморила ея сына и втиралась въ ея домъ. Да вѣрно она тебѣ это сама говорила.

— Да, да, повторилъ тихо Борись, вспомяная сцену съ бабушкой въ залѣ. И послѣ извѣстія о смерти дяди, папенька уже больше не вставалъ, промолвилъ онъ.

— Да; я перестала получать его письма. Мои старики захо-тѣли, чтобы я съ ними жила; они меня уже ни за что не от-пускали опять въ гувернантки. Сестра Вѣра вышла замужъ и уѣхала съ мужемъ въ Сибирь; Коля поступилъ въ университетъ казеннымъ; семья наша сдѣлалась маленькой; и старики мои об-нѣчались; бурбонъ умеръ наконецъ. Такъ прошелъ еще годъ. Я заболѣла, и не на шутку, да такъ раза два; и въ послѣднее мое нездоровье получила письмо, писанное твоей рукой. Отвѣтъ мой ты знаешь — я здѣсь: этимъ я все сказала. Старички мои воплакали да отпустили меня. Вотъ моя повѣсть, Борись, не большая, но и не маленькая.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Благодарю васъ, тѣтя, проговорилъ Борись, цѣлуя ея руку. Вы мнѣ все, все рассказали; я точно вышелъ на свѣтъ теперь.

— И никого не обвиняешь?

— Никого.

— Я вотъ тебѣ сказала, что не нужно было Александру встрѣ-чаться со мной; это, въ-самомъ-дѣлѣ, правда, я его доканала, хоть и безъ причины; одинъ онъ прожилъ бы дольше. Можетъ

быть, бабушка Пелагея Сергѣевна и чувствовала это безсознательно, но опять кто виновать? — никто.

— Да, какъ я выслушалъ васъ, тѣтя, проговорилъ Борисъ трудно сказать, какъ нужно было жить, чтобъ быть всѣмъ счастливѣй... только какія вы...

— Что я? быстро спросила она.

— Какія вы славныя, какъ вы все кротко принимали...

Онъ не окончилъ фразы и взглянулъ на нее, слегка покраснѣвъ.

— Ахъ, дорогой мой, какъ же иначе-то? Вотъ ты видишь какъ мнѣ не приходилось въ жизни; я вѣрила только въ одно, что не созданы же люди затѣмъ, чтобъ вѣкъ мучиться, эта бы и Бога и свѣта не было. У меня было горе, у тебя тоже есть горе и большое... а будемъ жить, и Богъ дастъ хорошо проживемъ. Она поклонилась и поцѣловала его въ голову. — Ми здѣсь теперь очень привольно: ты вонъ какой хорошій, Мама твоя прелесть... неужели весь вѣкъ будемъ страдать?

— Нѣтъ, не будемъ, повторилъ Борисъ.

— Однако, ты знаешь ли который часъ? Второй; этакъ нельзя, это совершенно по-женски... какъ институтки изливаютъ до пѣтуховъ. Я тебѣ все рассказала, Борисъ, больше у меня нѣтъ ничего душевнаго. Вотъ ты мнѣ въ другой разъ расскажешь... Да я знаю, не слыхавши, твою жизнь. У тебя есть можетъ быть, другія какія тайны? сказала она, улыбаясь.

— Нѣтъ, тѣтя, никакихъ, проговорилъ Борисъ. Отъ васъ ничего бы не скрылъ.

— Спасибо, добрый мой мальчикъ, Господь съ тобой. Прощай. Она поцѣловала его въ лобъ и проводила до лѣстницы.

Онъ долго не могъ заснуть, передумывая о томъ, что онъ слышалъ, и мысленно любовался лицомъ Софьи Николаевны вспоминая каждое движеніе этого лица.

XVI.

Борисъ ѣхалъ въ гимназію точно послѣ вакаціи. Ему казалось, что прошло по-крайней-мѣрѣ мѣсяць, а еще недѣля было съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ вернулся отуда, въ день смерти отца.

Съ ночи выпалъ снѣгъ. Улица смотрѣла веселѣе обыкновеннаго. Въ саняхъ было покойнѣе сидѣть, чѣмъ въ тряскихъ дрожкахъ; соврасая вятка бѣжала бойче; дорога была мягкая, и снѣгъ блестѣлъ на солнцѣ.

Большая площадь; точно бѣлая скатерть, уложила вдоль набережной, и сливалась цвѣтомъ съ стѣнами и башнями кремля.

Подъѣзжая къ гимназiи, Борисъ опять перенесся въ свой прежній ученическій мiръ: вспомнилъ, какъ его оставили безъ обѣда. Все это казалось ему смѣшнымъ; ему даже не вѣрлось, что онъ такой же гимназистъ, ученикъ седьмаго класса, какъ и ведѣлю тому назадъ. Онъ чувствовалъ также, что прежде ему прiятнѣе было приближаться къ гимназiи: онъ тамъ отдыхалъ отъ тоски и тягости большого дома; теперь совсѣмъ не то: его манило домой; его наполняла дума объ всемъ, что онъ выслушалъ отъ тѣтки. Ея рассказы, ея воспоминаiя расширили какъ-то его жизнь, прояснили ему прошедшее, примирили съ нимъ. И еще дороже стало для него все существо Софьи Николаевны.

Мелочности и барства было очень мало въ натурѣ Бориса, но все-таки въ немъ явилось сознание, что онъ теперь почти полный господинъ въ домѣ, не такъ, какъ въ этой гимназiи, гдѣ все пахнетъ Егоромъ Тимофеевичемъ и разными другими уродами.

Шумно встрѣтили Бориса въ классѣ. Даже серьезный Абласовъ просiялъ и долго держалъ его за руку.

— Ну, братъ, Боря, — кричалъ Горшковъ, — мы безъ тебя тутъ совсѣмъ пропали. Юлка насъ грызеть... «Я, говорить, знаю: у васъ тайное общество есть, на жизнь мою покушается... Я, говорить, васъ всѣхъ въ кантонисты, а Телепнева въ фельдшера, говорить, отдамъ».

Всѣ расхохотались, а потомъ притихли. Флѣръ, напиханный на рукавъ Бориса, сдержалъ общiй взрывъ веселости. Самъ Горшковъ немножко помутился.

И всѣмъ сдѣлалось неловко. Разспрашивать Бориса о смерти отца никто не сталъ; утѣшать его никто не умѣлъ.

Борисъ сѣлъ на свое мѣсто, между Абласовымъ и Горшковымъ.

Абласовъ съ любовью смотрѣлъ на него и даже улыбался.

— Одинъ теперь въ домѣ, спросилъ онъ, съ бабушкой остался?

— Она уѣхала.

— Какъ уѣхала? закричалъ Горшковъ и вскочилъ съ мѣста. Ура!...

— Уѣхала? переспросилъ Абласовъ и придвинулся къ Борису, когда же?

— Вчера. Собралась въ одно утро, взяла съ собой нѣтку и двухъ женщинъ, и отправилась къ себѣ въ деревню.

— Такъ тебѣ лафа! вскричалъ Горшковъ.

— Такъ вы вдвоемъ съ Машей, сказалъ Абласовъ совсѣмъ хозяинномъ.

— Ахъ! я вамъ и не сказалъ... вѣдь Софья Николаевна пріѣхала.

И, не замѣчая того, Борисъ краснѣлъ.

— Это тѣтка - то изъ Москвы, спросилъ Абласовъ и посмотрѣлъ на Бориса своимъ спокойнымъ взглядомъ, немного исподлобья.

Борисъ потупился.

— Кабы вы знали, голубчики, заговорилъ онъ скоро, какъ мнѣ теперь хорошо. Это такая женщина, какой, конечно, мы съ вами не видали. И онъ оглянулъ ихъ быстрымъ и ласкающимъ взглядомъ.

— Собою хороша? спросилъ Горшковъ.

— Да не одна красота, прервалъ Борисъ, какъ добра, какое у ней обращеніе! Мы съ ней точно вѣкъ жили вмѣстѣ... и какъ только она пріѣхала, мнѣ точно и отца не жаль... никакой во мнѣ горечи нѣтъ, и все это въ два дня сдѣлалось такъ, что и не вѣрится даже.

Раздался звонокъ и Борисъ не досказалъ того, что наполняло его душу.

«Вотъ я и школьникъ», подумалъ онъ, «и учиться надо по звонку, навѣрхъ ужъ не пойдешь.»

Абласовъ и Горшковъ привстали, но продолжали смотрѣть на Бориса. Тонъ его показался имъ чѣмъ-то новымъ.

— Такъ вотъ какъ! тихо проговорилъ Абласовъ, ну и прекрасно!

— Ты все расскажи, какъ слѣдуетъ, шепнулъ Борису Горшковъ, когда дверь отворилась и вошелъ Самородскій.

— Хорошо, въ перемяну, — отвѣтилъ Борисъ и обернулся въ уголь на молитву.

Самородскій, какъ только увидѣлъ Бориса, подозвалъ его. Смерть Николая Дмитриевича была, конечно, извѣстна всѣмъ въ гимназій. У Ардальона Захаровича сердце было доброе; онъ съ истиннымъ участіемъ началъ спрашивать Бориса объ отцѣ, о наслѣдствѣ, о томъ, куда онъ собирается въ университетъ, и проболталъ съ нимъ съ полчаса.

Борисъ чувствовалъ, что ему легко теперь говорить о своихъ задушевныхъ, домашнихъ дѣлахъ; прежнее безпокойство прошло и замѣнилось другимъ душевнымъ состояніемъ, правда, нежного возбужденнымъ, но съ какими-то пріятными ожиданіями, съ большей внутренней силой и возмужалостью. Онъ видѣлъ также, что и съ нимъ начинаютъ говорить другимъ тономъ. Ардаліонъ Захарычъ обращался къ нему не какъ къ ученику своему, безъ менторскаго и даже безъ шутливаго тона, а просто, серьезно, не употребляя даже ни разу: *красавецъ* и *залие*.

«Неужели это отъ того, что я получилъ наслѣдство? мелькнуло въ мысляхъ Бориса, отъ того что у меня домъ?»

Онъ замѣтилъ, между прочимъ, и то, что Самародскій немного стѣсняется, говоря ему *ты*.

Сидя на своемъ мѣстѣ и слушая, какъ монотонно отвѣчаютъ уроки, Борисъ задумался и опять все-таки же о *тебѣ*.

XVII.

Прозвонили еще разъ, Самародскій смѣнился Коряковымъ. Коряковъ, послѣ исторіи, хоть она и кончилась невыгодно для учениковъ, сталъ приличнѣе и просидѣлъ цѣлый классъ, не двигаясь, безстрастно, вызывая учениковъ и никого не награждая зпятами.

Бориса онъ вызвалъ и спокойно выслушавъ его извиненіе.

Въ переѣзду Горшковъ, Абласовъ и Борисъ зашли за доску, свое любимое мѣсто.

— Вы, пожалуйста, голубчики, приходите ко мнѣ, сказалъ Борисъ, смотря на нихъ обоихъ, теперь у насъ въ домѣ свободно.

И онъ покраснѣлъ, говоря это. Точно будто онъ обрадовался смерти отца.

— Ты хозяинъ теперь, замѣтилъ Абласовъ.

— Помѣщикъ, ввернулъ, Горшковъ и потрепалъ Бориса по плечу. Ну, ты расскажи-ка, Боря, какъ же вы тамъ размѣстились... опекунъ какъ... твой?

— Прекрасный, братъ, человекъ; онъ теперь хлопочетъ о заведеніи; въ домѣ еще будетъ много возни. Я тетенькѣ отдалъ мою комнату, а самъ помѣстился внизу.

— Гдѣ отецъ жилъ? спросилъ Абласовъ.

— Да, въ его спальнѣ; неудобно ей тамъ посѣдиться. Теперь

и диванная стоит пустая; да тетенькѣ наверху больше нравятся.

— Не вѣрится мнѣ, Боря, началъ Горшковъ, что бабушка твоя исчезла; это она только, пошутила. Я себя и представить не могу; какъ это вдругъ въ нашемъ дикомъ домѣ да не будетъ бабушки.

— Видно, не будетъ, голубчики. Страшная она какая. Я ее право не понимаю.

— А что? спросилъ Абласовъ.

— Да вотъ передъ отъѣздомъ. Вѣдь вы знаете, что она тетеньку терпѣть не можетъ: дядя женился безъ позволенія. Ну и третьяго дня ее поразилъ пріѣздъ тетеньки. Та къ ней прямо пришла, а вечеромъ бабушка рѣшила уже ѣхать на другой день утромъ... и меня поймала, и такія мнѣ вещи говорила, что просто, братцы, у меня голова кругомъ пошла. Да еще, передъ тѣмъ, призвала Федора Петровича и меня. Я имѣнья, говорить, не хочу чужаго, ей вѣдь седьмая часть шла изъ дѣдушкинаго...

— Отказалась? спросилъ Абласовъ.

— Вреть, такъ пошутила, вскричалъ Горшковъ.

— Какъ пошутила, не хочу да и кончено. А на другой день меня опять призвала; отдала мнѣ деньги какія-то, что, говорить экономія отъ годоваго расхода; а тамъ двадцать тысячъ, возьмите, говорить, я чужимъ не пользуюсь.

— Ну, значить, такой стихъ напалъ, великодушничала, сказалъ Горшковъ съ гримасой, дай-моль удивлю.

— Все это прекрасно Валерьянъ, возразилъ Борисъ; да тонъ-то у ней совсѣмъ другой былъ, она точно съ чувствомъ все это говорила.

— Да что жъ тугъ мудренаго, промолвилъ Абласовъ, вѣдь ей нелегко, чай, было изъ дома-то выѣзжать; какова она ни была, не безчувственная вовсе, ну, вотъ она такъ и показала себя...

— Мнѣ ее жаль было братцы, перебилъ Борисъ, ей-богу жаль! Пускай-бы жила-себѣ, да вѣдь ее ужъ ни чѣмъ не передѣлаешь, а съ тетенькой бы она ни за что не ужилась; она съ ней и проститься не хотѣла.

Видно было, что Борисъ гораздо сообщительнѣе съ товарищами; слова такъ и лились у него, чего прежде не бывало.

— А очень молода тетка-то? Спросилъ Горшковъ.

— Ей двадцать-пятый годъ всего, а на видъ она еще мо-
ложе.

— Такъ она теперь попечительница надъ вами, промолвилъ
Абласовъ, итѣнїемъ и всѣмъ будетъ завѣдывать?

— Ну, по имѣнью-то больше будетъ Федоръ Петровичъ,
Маша поступить подъ ея начальство. Она, вѣдь, братцы, гувер-
нанткой была. Да ея жизнь замѣчательная... лучше для Маши
и придумать нельзя; и какъ она ее любить! Только говорить
все, чтобъ мы ее не считали теткой; это, говорить, черезчуръ
важно; ты, говорить, меня въ генералы производишь.

Какъ-то особенно прїятно было Борису перелавать друзьямъ
своимъ всѣ эти маленькія подробности.

— Такъ тетка-то твоя, выходить, молодецъ, Боря! вскричалъ
Горшковъ. Я очень радъ. Мы, этакъ, значить, заживемъ.

— Вотъ теперь-то, Валерьянъ, ты можешь начать съ Машей.

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ; ладно братъ, идетъ. Ну, а тет-
ка-то какъ насчетъ музыки?

— Не знаю, не спрашивалъ; да вѣрно музыкантша.

— Это ты почему знаешь?

— Да такъ ужъ видно.

Абласовъ тихо улыбнулся.

— Ты Телешневъ смотри, проговорилъ онъ медленно, не влю-
бись въ тетку-то; что-то ты ужъ очень того...

Борисъ вдругъ покраснѣлъ.

— Ай-ай-ай! закричалъ Горшковъ, смотри-ка, какъ онъ раз-
румянился. Вотъ ты куда махнулъ!..

Онъ его взялъ въ сторону.

— Надя-то все плакала... о тебѣ, знаешь ли ты это, без-
чувственное животное?

— Она добрая дѣвочка.

— Дѣвочка!.. Какъ ты это говоришь! Хамъ ты послѣ
этого.

— Не сердись, Валерьянъ, сказалъ Борисъ ласково. Ты не-
премѣнно желаешь, чтобъ я къ ней послалъ... Абласовъ разсуди
насъ... Валерьянъ хочетъ, чтобъ я былъ влюбленъ въ Надю.

— Ничего я не хочу. Я объявляю только, что ты эзопъ аф-
рианскій!

— Ты оставь его въ покоѣ, сказалъ Абласовъ Горшкову,
указывая на Бориса... ты видишь, онъ теперь совсѣмъ другой
человѣкъ сталъ.

— Какъ другой? спросилъ Борисъ.

— Разумѣется, отвѣчалъ Абласовъ съ тихой улыбкой; и такъ ты гораздо лучше.

— Въ самомъ дѣлѣ, спросилъ Борисъ съ разстановкой.

— Я тебѣ говорю, ужь повѣрь мнѣ.

— А въ самомъ дѣлѣ, вскричалъ Горшковъ, ты мнѣ больше нравишься уродъ!

— Такъ когда же вы ко мнѣ братцы? спросилъ Борисъ; соберитесь послѣ-завтра вечеромъ.

— Тетка-то твоя шальная поди, сказалъ Абласовъ.

— Да ты видишь какая... полно Абласовъ, совсѣмъ простая—никого ужь не стѣснить, повѣрьте. Да мнѣ съ тобой нужно еще объ дѣлѣ переговорить.

— Что такое, спросилъ Абласовъ.

— Мы съ тетенькой еще не рѣшили на счетъ Машинныхъ уроковъ.., а я думаю она тебя попросить помочь ей.

— Какимъ же это наукамъ? проговорилъ Абласовъ.

— Да тамъ увидишь... арифметикѣ.

— Вѣрно арифметикѣ, вернулъ Горшковъ... Тамъ тетка, хоть и первый сортъ, а все, чай, слаба на счетъ десятичныхъ дробей; эта премудрость имъ не дается.

Горшковъ вдругъ остановился. За доской въ классѣ послышался голосъ пузатаго инспектора.

— Журналъ подать, гдѣ старшій? кричалъ Егоръ Тимофѣвичъ.

— Абласовъ, слышишь! шепнулъ Горшковъ, тебя кличетъ. Всѣ трое вышли изъ за доски.

Инспекторъ не много попятился увидавъ Бориса.

— Телепневъ, закричалъ онъ, когда изволили пожаловать?

— Сегодня, Егоръ Тимофѣвичъ, отвѣчалъ Борисъ.

— Что такъ долго?

Борисъ ничего не отвѣчалъ.

— Я васъ спрашиваю, повторилъ инспекторъ.

— Нельзя было. Я отца хоронилъ.

— Надо было записку.

— Отъ кого же, Егоръ Тимофѣвичъ, спросилъ улыбаясь Борисъ.

— Какъ, отъ кого?.. Почему я знаю, кто у васъ тамъ родственники?

— Бабушка моя уѣхала... я одинъ съ маленькой сестрой, такъ отъ нея что ли прикажете записку.

Инспекторъ покраснѣлъ, и проворчалъ.

— Глупости все говорите, у васъ все отговорки. Развѣ вы одинъ теперь остались? спросилъ онъ перемѣнивши нѣсколько тона.

— Одинъ, отвѣтилъ Борисъ.

— Вѣдь вы еще несовершеннолѣтній... какъ же вы будете управлять имѣніемъ?

— Опекунъ есть.

Борисъ говорилъ такимъ голосомъ, что Егоръ Тимофѣевичъ не продолжалъ дальше распросовъ.

Онъ придрался сейчасъ же къ Абласову.

— Никогда васъ нѣтъ, заворчалъ онъ, никогда не придете съ журналомъ... покажите мнѣ.

Абласовъ подалъ.

— Не явившихся никогда не записываете. Все стачка, това-рищество глупое! Я знаю, что у васъ теперь завелось шатанье, отлыниванье отъ классовъ... по трактирамъ, по харчевнямъ сн-дывте... дебоширите. Погодите! поймаю я кого-нибудь вотъ послѣ звонка... будете вы у меня гулять!.. Вѣрно кто-нибудь не пришелъ.

— Всѣ въ классѣ, — проговорилъ сумрачно Абласовъ.

— Знаю я васъ!.. Я вотъ загляну въ третью лекцію. Егоръ Тимофѣичъ, по старинной семинарской привычкѣ, любилъ называть классы *лекціями*.

Появившись на одномъ мѣстѣ, и перелистовавши, для *конте-малсу*, журналъ, пузатый инспекторъ потекъ изъ класса.

— Тумба тротуарная, — крикнулъ ему вслѣдъ Горшковъ. Господа! составимте подписку, лотерею устроимте, въ пользу умалишенныхъ... посадимте Егорку на общій счетъ въ желтый домъ, воченьки нѣтъ слушать его нелѣпости!

Вскочилъ Мечковскій, и ни съ того, ни сего прошелся колесомъ по залѣ.

Это почти всегда бывало послѣ всякой сдѣлки съ начальствомъ Мечковскій исполнялъ эту роль очень добросовѣстно.

— Bravo Мечковскій! еще, bis! — закричали всѣ... Мечков-

скій повторялъ, къ общему удовольствію, в непосредственно за симъ перешелъ къ другой роли.

ХVIII.

Вошелъ Ергачевъ, учитель словесности. Мечковскій выскочилъ опять на средину класса и началъ пищать: Преплагій Господи!

Ергачевъ очень любилъ Бориса. На этотъ разъ онъ его подзвалъ къ каедрѣ, и долго говорилъ съ нимъ, что случилось чрезвычайно рѣдко.

— Я вотъ всѣмъ сочиненія задалъ, сказалъ онъ между прочимъ, такъ вы можете и подождать теперь у васъ такое время.

— Нѣтъ, я постараюсь написать, отвѣтилъ Борисъ, мнѣ теперь хотѣлось бы, что-нибудь получше, да знаете Иванъ Егорычъ. а.. вѣдь намъ, гимназистамъ, ужасно трудно писать: размышленія—все антимонію на водѣ разводишь, ничего мы порядкомъ не видали; да и думали-то мало... описанія... опять вода...

— Вамъ рассказы надо писать, — сказалъ Ергачевъ, у васъ тонъ вѣрный, языкъ сжатый... наблюдательность есть... что видѣли да слышали, то и пишете, а чужаго-то не надо.

— Вотъ именно мнѣ бы и хотѣлось... знаете изъ себя что-нибудь, только ужъ вы повремените Иванъ Егорычъ, я въ срокъ-то пожалуй, и не предетавлю.

— И не нужно, проговорилъ надменный Ергачевъ, это не такое дѣло. Вѣдь насъ заставляютъ... Да вотъ, если у васъ что-нибудь порядочное выйдетъ—бесѣду надо литературную слѣловать.. И директоръ все толкуетъ... ну хоть черезъ мѣсяцъ.

— Черезъ мѣсяцъ я напишу, сказалъ Борисъ.

— Хорошо, а сегодня вотъ почитайте вслухъ. Демона прочтите.

Борисъ сѣлъ на мѣсто, и началъ читать.

Особенно звучно и пріятно стихъ въ его чтеніи. Онъ увлекся и замечтался... Ему живо представилась эта Тамара, съ черными, глубокими какъ ночь, глазами, такими, какъ у тети, до-сказалъ онъ мысленно. И каждый стихъ, каждый поэтический образъ отзывался у него на сердцѣ, находилъ мѣсто въ его внутреннемъ мірѣ, точно что-нибудь родное, знакомое. Вся прекрасная жизнь, воздвигнутая передъ глазами могучимъ даро-

кажется поэта, воспринималась Борисомъ, сознательнѣе, живѣе, съ тѣмъ сострастіемъ, какое является въ молодыхъ натурахъ, начинающихъ, болѣе полную, болѣе свѣтлую жизнь.

И то, по чему прежде только скользила мысль, что только щекотало ухо, получало теперь настоящій смыслъ, живой обаятельный образъ, рождало новыя чувства, уносило въ чудный міръ, гдѣ все стройно, все прекрасно и такъ правдиво и возможно.

Борисъ уже позабылъ, что онъ въ классѣ, онъ не замѣтилъ что вдоль и поперекъ ходитъ сухая, прозаическая фигура Ергачева, что Мечковскій играетъ въ дурачки со Скворцовымъ, что въ дверь смотритъ сморщенная, желтая рожа Куртина. Онъ читалъ:

И улыбается она
Веселья дѣтскаго полна.
Но лучъ луны во влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едвакъ сравнится съ той улыбкой.
Какъ жизнь, какъ молодость живой.

И ему вспомнилась эта улыбка, онъ зналъ ее, также хорошо какъ и поэтъ, она улыбалась ему и будетъ еще улыбаться и будетъ краше, еще радостнѣе.

Точно изъ себя самаго лились звуки, вязались слова такъ, какъ того просила душа.

Развѣ это не правда? спрашивалъ Борисъ читая:

Но были всѣ ея движенья
Такъ стройны, полны выраженья
Такъ полны милой простотой,
Что если-бъ Демонъ, пролетая,
Въ то время на нее взглянулъ,
То, прежнихъ братій вспоминая,
Онъ отвернулся-бъ и вздохнулъ.

И все глубже и глубже затягивалъ Бориса міръ красоты и силы, все прозрачнѣе становилось для него каждая строчка... Тотъ ли это демонъ, который, онъ еще тринадцати лѣтъ, въ засаженныхъ тетрадкахъ читалъ и заучивалъ наизусть... Онъ кажется самъ переживалъ каждый моментъ душевной драмы; онъ радовался каждому слову, которое выражало его новую жизнь. Онъ начиналъ чувствовать, почему поэты дѣйствительно поэты, а не простые люди.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, росло его волненіе; драма, кипящая въ чудной поэзіи захватывала его дыханіе, будила въ немъ какія-то

страшныя предчувствія... и вызывало снова, ту тревогу, отъ которой онъ уже прорыдалъ цѣлую ночь.

Со слезами на глазахъ, съ частымъ біеніемъ сердца и дрожью въ голосѣ, проговорилъ онъ послѣднюю строфу первой части.

Все затихло въ классѣ. Горшковъ сидѣлъ, закрывши лицо руками; Абласовъ смотрѣлъ на Бориса задушевнымъ мягкимъ взглядомъ; прочіе слушали приподнявшись на мѣстахъ, подчиняясь силѣ и чувству, которыми полно было чтеніе. Ергачевъ стоялъ по срединѣ класса, заложивъ руки въ карманы.

И точно впервые зародившись, лились эти звуки; Борисъ уже не читалъ, онъ жилъ и трогательно, открывалъ свою молодую душу, съ ея грядущей борьбой и страстью. Когда онъ дошелъ до словъ:

Душа рвала свои оковы,
Огонь по жиламъ пробѣгалъ

голосъ его вдругъ оборвался и съ минуту онъ не могъ продолжать, глотая свои слезы... И никто не нарушилъ тишину, всѣ ждали послѣднихъ звуковъ.

Съ новою силой, съ юношескимъ порывомъ здоровой натуры проговорилъ онъ:

И этотъ голосъ чудно новый
Ей мнилось все еще звучалъ.

Борисъ окончилъ строфу сдержанно, тихо страстно. Въ его звукахъ слышались, и тайный страхъ, и глубокое чувство красоты, и неотразимое влеченіе къ невидимому образу, въ которомъ была и жизнь и смерть!

То не былъ ада духъ ужасный!
Порочный мученикъ,--о нѣтъ!
Онъ былъ похожъ, на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!

— Браво крикнулъ Горшковъ и взянулъ быстро на Бориса.

— Тотъ весь разгорѣвшись, перевернулъ страницу и читалъ дальше. Онъ не могъ уже остановиться. Его влекло; точно будто онъ не зналъ, чѣмъ кончится эта повѣсть.

И въ судьбѣ Тамары онъ видѣлъ чью-то близкую судьбу. Читая картину прекрасной смерти, онъ не могъ отогнать отъ себя мысли, что, вѣдь, и она можетъ умереть... Въ нашемъ домѣ всѣ умираютъ, повто­рялъ онъ... А вѣдь и мертвая она будетъ улыбаться. И въ отвѣтъ на свою странную мысль онъ читалъ:

Но темень, какъ сама могла,
 Печальный смыслъ улыбки той.
 Что въ ней? насмѣшка ль надъ судьбой
 Непобѣдимое ль сомнѣнье,
 Иль къ жизни хладное презрѣнье,
 Иль съ небомъ гордая вражда?

Еслибъ когда-нибудь, въ другое время, ему пришли такія страшныя мечты, онъ бы разсмѣялся или удивился, какъ чему-то неприличному въ его лѣта, въ его положеніи. Борисъ, съ дѣтства привыкшій сдерживать себя, не находилъ теперь странной такую впечатлительность; онъ не задавалъ себѣ благоразумныхъ вопросовъ; теперь въ глазахъ его все было возможно и естественно.

Когда онъ кончилъ, на лбу его показался потъ; онъ почувствовалъ утомленіе—и ему стало немного стыдно за свой паеосъ.

— Славно прочелъ! вскричалъ Горшковъ, — никогда еще на меня Лермонтовскіе стихи такъ не дѣйствовали.

Многіе изъ учениковъ захолопали.

Борисъ долго не могъ ничего сказать; ему хотѣлось уйти изъ класса, остаться одному, не показывать всеѣмъ товарищамъ, что онъ тронутъ.

— Повтори послѣднія строфы! кричалъ Горшковъ. — Иванъ Егорычъ, позвольте еще разъ повторить.

Ергачовъ кивнулъ головой.

— Боря, пожалуйста повтори, — приставалъ Горшковъ.

— Нѣтъ, Валерьянъ, отвѣтилъ Борисъ, я усталъ.

— Ну маточка, пожалуйста, не кобенься, коли просить тебя.

Борисъ началъ опять читать и снова передъ нимъ проходили прекрасныя образы, тайное, страстное свиданье и поцѣлуй и крикъ, въ которомъ было:

Любовь страданье
 Упрекъ съ послѣднею мольбой,
 И безнадежное прощанье —
 Прощанье съ жизнью молодой.

И картина прекрасной смерти; гробъ, изукрашенный цвѣтами и чудное лицо съ вѣчной и неразгаданной улыбкой, и свѣтлый рай съ легкокрылымъ ангеломъ, несущимъ грѣшную душу, и встрѣча съ мрачнымъ демономъ.

Точно какой внутренней голосъ подсказывалъ ему чудныя слова:

Узнай! давно ее мы ждали!

Ему пришла мысль, что еслибъ тотъ же ангелъ несъ душ ея, онъ сказалъ бы тѣ же слова и такъ же бы кончилъ:

Она страдала и любила —
И рай открылся для любви!

Прозанческій звонокъ не далъ Борису докончить самыхъ по слѣднихъ строчекъ поэмы.

Слѣдующій урокъ, у Француза, онъ ничего не дѣлалъ; не множко поболталъ съ учителемъ и стало ему ужасно скучно в этой однообразной, пошлой гимназіи. Только тутъ онъ впервые почувствовалъ, какъ безцвѣтно проходитъ у всѣхъ цѣлая половина дня, тогда какъ она могла бы быть наполнена настоящей жизнью.

Еслибъ ему не было совѣстно, онъ сейчасъ убѣжалъ бы, рискуя даже попасться инспектору и просидѣть еще разъ безъ обѣда.

«А что, если меня теперь какъ-нибудь оставятъ? подумал онъ; какъ я явлюсь къ тѣтѣ? Ничего!» отвѣтилъ онъ.

И не обманывалъ себя; онъ не чувствовалъ при этой мысли никакого особеннаго смущенія. Ихъ отношенія были уже настолько просты и задушевы, что онъ не боялся явиться передъ нею школьникомъ. Борисъ чувствовалъ, что она его уже знаетъ и нечего ему драпироваться, казаться *большимъ*, когда онъ, въ самомъ-дѣлѣ, былъ не *маленькій*.

— Нѣтъ, послушай Абласовъ, говорилъ Горшковъ, согласишься что у Телепнева нынче было что-то особенное... чувство какое... глубина, братецъ, какая... вѣдь я не изъ слезливыхъ, просто меня прошибло. Послушай, Боря, Боря, да проснись!

— Что? спросилъ Борисъ, поднимая голову, которую он держалъ опущенной на сложенные руки.

— Что? Ты куда занесся? Богъ знаетъ, что съ нимъ такое... И потомъ, точно вспомнивъ, что три дня передъ тѣмъ были похороны борисова отца, Горшковъ проговорилъ: съ тобой ничего не случилось вотъ на этихъ дняхъ?

— Ничего, отвѣтилъ Борисъ, разсѣянно, а что?

— Ахъ, какъ ты надоѣлъ съ своимъ «а что!» А то, что тебѣ должно быть влюбился въ кого-нибудь... Ты вѣдь нынче всѣмъ насъ въ чувствіе привелъ, просто, Мочаловъ какой-то!.. Хочешь сейчасъ ручьи слезъ проливай!.. Вотъ и дѣдушка Абласовъ и рекъ, что это не спроста.

— Влюбленъ должно быть, проговорилъ Абласовъ, поглядывая искоса на Бориса.

— Ужь не въ Надю-ли опять? шепнулъ Горшковъ на ухо, давно бы пора, неблагодарный эгоистъ!

Борисъ ничего почти не слыхалъ, что ему говорилъ Горшковъ, и когда прозвонили, онъ, точно первоклассникъ, бросился въ шинельную.

XIX.

Съ особеннымъ удовольствіемъ сѣдлся Борисъ въ сани и думалъ о возвращеніи домой. Онъ зналъ, что его тамъ ждали, и будутъ встрѣчать, и скажутъ ласковое слово. Дорогой онъ перетолковалъ съ Теофаномъ, насчетъ лошадей. Въ последнее время на конюшнѣ стояло до десяти лошадей; но порядочныхъ не было и четвертки. Всѣ онѣ, отъ долгаго стоянья, сѣли на ноги; надо было ихъ продать и завести нѣсколько молодыхъ, хорошихъ лошадей.

Борисъ толковалъ о лошадяхъ, а самъ думалъ совсѣмъ о другомъ.

— Я тебя позову какъ-нибудь Теофанъ, сказалъ онъ кучеру, мы съ Федоръ Петровичемъ переговоримъ объ этомъ.

— Слушаю-съ, отвѣтилъ Теофанъ; только батюшка, Борисъ Николаичъ, вотъ эту савраску надо ужъ оставить при домѣ лошаденка надежная, послать за кѣмъ, или другое что...

— Хорошо, хорошо, отвѣтилъ скороговоркой Борисъ.

Въ эту минуту сани въѣхали въ ворота.

Борисъ не обманулся: его ждали; Софья Николаевна и Маша ходили по залѣ, и вѣстѣ подошли къ нему.

— Вотъ ты опять гимназистъ, кричала Маша, дергая его за полы сюртука.

— Ахъ, вотъ ты какой, въ красномъ воротникѣ! сказала Софья Николаевна, протягивая ему руку.

Дома Борисъ носилъ партикулярное платье.

Ему сдѣлалось немного стыдно своего красного воротника.

— Ну, какъ ты въ гимназіи? продолжала Софья Николаевна.

— Все по старому пошло; съ инспекторомъ немножко побранился.

— За что же?

— Требовалъ, чтобъ я непременно записку представилъ, почему не былъ. Я предложилъ вотъ отъ Маши привести записку.

— Полно, полно, не выжи! сказала ласково Софья Николаевна, начальство надо уважать; этакъ ты и со мной затѣнешь войну.

— Да вѣдь у насъ съ нимъ давнишняя борьба; онъ меня за революціонныя мысли не долюбиваетъ.

— Вы не знаете тетя, заговорила Маша, его этотъ инспекторъ на той недѣлѣ вдругъ взялъ, да и оставилъ безъ обѣда.

— Какъ это? спросила Софья Николаевна, и во всѣ глаза поглядѣла на Бориса.

— Очень просто, тетя, взялъ да и велѣлъ запереть, отвѣтилъ онъ.

— Вотъ тебѣ и стыдно теперь, сказала она; смѣясь,—вонъ какъ покраснѣлъ.

Борису въ-самомъ-дѣлѣ было стыдно, но не потому, что онъ сидѣлъ безъ обѣда, а потому, что онъ вдругъ покраснѣлъ.

Онъ разсмѣялся, довольно-непринужденно и проговорилъ:

— Что жъ дѣлать, тетя, наше дѣло подначальное, я еще школьникъ, ну, и наказанія школьныя.

Софья Николаевна подарила его улыбкой.

— И слава Богу, сказала она.

— Его, тетя, тогда не за лѣность наказали, виѣщалась Маша,—онъ вѣдь умный; Борисъ заступился за какого-то гимназиста. Инспекторъ у нихъ злющій такой!

— Правда ли? спросила Софья Николаевна.

— Правда, отвѣтилъ Борисъ, скромно опуская глаза.

— Прощаю и разрѣшаю на будущее время оставаться безъ обѣда, сказала Софья Николаевна и, помолчавъ, прибавила: неужели у васъ въ ходу такія глупыя наказанія? Нѣтъ ужъ лучше не оставайся, Борисъ, въ другой разъ, а то мнѣ будетъ за тебя досадно.

Борисъ поглядѣлъ на нее, и выраженія ея лица особенно понравились ему въ эту минуту. Что-то говорило ему, что она дѣйствительно не считаетъ его школьникомъ.

— А что вы сегодня дѣлали, тетя? проговорилъ онъ.

— Ахъ, очень многое! Опекунъ былъ; мы съ нимъ протолковали часа два, все объ дѣлахъ; онъ мнѣ показывалъ вѣдомости разныя, сказки, крѣпости и разныя разности... Это для меня все ново, но я кой-что понимаю, и мы съ тобой, Борисъ все это еще разъ пересмотримъ. Онъ говорилъ, что самъ отправится скоро по деревнямъ, чтобъ все на мѣстѣ осмотрѣть.

— Разумѣется, нужно осмотрѣть, отвѣтилъ Борисъ; въ бо-
лизнь папеньки все заглазно дѣлалось. Ну, а съ Машей вы
какъ условились?

— Тетя со мной ужь занималась, заговорила Маша: у насъ
былъ урокъ грамматики; тетя сказала, что я мало дѣлаю ошибокъ.

— Мы съ ней будемъ заниматься по утрамъ каждый день.

Борисъ хотѣлъ переговорить съ Софьей Николаевной объ уро-
кахъ музыки, о Горшковѣ и Абласовѣ, но человекъ пришелъ
доложить, что кушать подано.

— Ахъ, Борисъ! сказала Софья Николаевна, ты знаешь, что
мы обѣдаемъ въ бильярдной?

— Какъ при дѣдушкѣ, — замѣтилъ Борисъ, — это всего удоб-
нѣе. Но что намъ теперь дѣлать съ диванной?

— Я бы туда переняла; отозвалась Софья Николаевна, только
я такъ далеко буду отъ Маши. Тебѣ, Борисъ, можетъ, хочется
перейти наверхъ?

— Нѣтъ, тетя, пожалуйста, оставайтесь тамъ; мы будемъ си-
дѣть въ диванной по вечерамъ, сдѣлаемъ изъ нея хорошенькую
гостиную...

— И вотъ я тебѣ еще что скажу, продолжала Софья Нико-
лаевна: я нынче сама обѣдъ заказывала; ты увидишь много ли
у меня воображенія.

— Ахъ, какъ радъ! вскричалъ Борисъ, ужь вѣрно не будетъ
ножекъ и жованыхъ котлетъ.

Маша разсмѣялась.

— Я знаю, что будетъ, говорила она, да не скажу тебѣ,
Борисъ.

Столъ былъ накрытъ по сю сторону бильярда. Борисъ не
узналъ большого дикаго дома въ сервировкѣ стола. Скатерть и
салфетки поражали своей чистотой, тарелки были точно другія,
затрапезные ножи и вилки замѣнены новыми. Митька буфет-
чикъ стоялъ въ новомъ фракѣ, и его физиономія не была такъ
грязна, какъ обыкновенно.

— Я вижу, что вы теперь хозяйка, шепнулъ Борисъ.

Ножки и жованыхъ котлеты уже болѣе не появлялись. Зака-
зашъ былъ очень хорошій обѣдъ. Его, точно, готовили совсѣмъ
другіе повара. Супъ смотрѣлъ супомъ, а не болтушкой; все бы-
ло вкусно; Маша ѣла улыбаясь, поглядывала на тетку, и передъ
каждымъ блюдомъ спрашивала Бориса: а что теперь подадутъ,
отгадай, Боря?

— Вы чудеса творите, тѣтя, говорилъ Борисъ Софѣ Николаевнѣ, я не знаю нашихъ поваровъ.

— Да они совсѣмъ не такъ дурны, отвѣчала она, только ихъ приучили готовить жованое... Я ужь ихъ призывала...

— И вѣрно находите, что довольно будетъ и одного, а не трехъ?

— Конечно, отвѣтила она, здѣсь все было съ надлинкомъ...

— И все дурно, промолвилъ тихо Борисъ.

Послѣ обѣда всѣ отправились наверхъ.

— Тѣтя, я пойду урокъ учить, что вы задали къ завтраму, сказала Маша и прошла къ себѣ въ комнату.

Борисъ вошелъ къ Софѣ Николаевнѣ и поторопился заговорить съ ней.

— Вотъ, тѣтя, началъ онъ, что я хотѣлъ вамъ сказать на счетъ Маши: я бы могъ попросить одного изъ моихъ товарищей раздѣлить съ вами занятія, напимѣръ, учить ее ариметикѣ; да я и самъ, у меня время есть.

— Нѣтъ ужь, голубчикъ, вы на себя-то не берите. Что жь я-то стану дѣлать? Сложь ручки сидѣть? Машу я немощки проэкзаменовала и вижу чему и какъ ее учили. Вы теперь кончаете курсъ: вамъ время дорого. Ариметику я, пожалуй, уступлю. Кого же вы думаете просить?

— Одною изъ самыхъ близкихъ товарищей, Абласова—славный малый! а другой мой товарищъ, Горшковъ — прекрасный музыкантъ, талантъ огромный; онъ бы могъ учить Машу музыкѣ. У нея слухъ хорошій, а до-сихъ-поръ она еще не начинала, въ домѣ была всегда тишина...

— Ты меня обижаешь, Борисъ: никакихъ во мнѣ дарованій не признаешь...

— А вы музыкантша? быстро спросилъ онъ.

— Ну, не музыкантша это слишкомъ громко, а играю.

— И поете, тетя?

— И это тоже.

— Ахъ, какъ это хорошо! Мы будемъ вѣтъ дуеть?

— Будемъ, будемъ! Вотъ видишь, сколько у меня талантовъ, — продолжала она.

— А твой товарищъ хороній музыкантъ?

— Какъ же, тетя, помигуйте, это огромный талантъ; онъ композиторъ, потому-то я и думалъ...

— Что же, и прекрасно! мужское ученье всегда лучше, осо

бнно въ музыкѣ: строже и серьезнѣе. Только какъ же мы все это распредѣлимъ?

Они сѣли на диванъ и долго толковали объ урокахъ Маши.

— Вы мнѣ позвольте, тетя, представить вамъ моихъ товарищей, сказалъ послѣ того Борисъ; они общались ко мнѣ завтра вечеромъ.

— Пожалуйста, голубчикъ, мнѣ хочется войти въ твою жизнь, познаться со всѣми твоими интересами... Тебѣ не нужно ли заниматься? вдругъ спросила она.

Борисъ сейчасъ же почувствовалъ себя ученикомъ.

— Вы хотите, тетя, сказать: не нужно ли мнѣ уроки готовить? Софья Николаевна точно угадала его мысль.

— Вѣдь нужно? сказала она, улыбаясь.

— Разумѣется, нужно. Я все это время совсѣмъ позабылъ о своей гимназiи. Когда же было заниматься? я уроки готовилъ урывками, между классовъ.

— А ты изъ хорошихъ учениковъ? спросила она.

— Я сижу вторымъ, — отвѣтилъ Борисъ и немножко потупился...

— Такъ, значитъ, ты очень хорошо учишься?

Слово *учишься* какъ-то неприятно зазвучало въ ухахъ Бориса:

— Нѣтъ, тетя, промолвилъ онъ, вѣдь кабы вы знали, что у насъ такое гимназiя... Право, стыдно сказать, что учимся... такъ все идетъ, какъ говорится, черезъ пень колоду. Я, вотъ, считаюсь лучшимъ ученикомъ, а ничего порядочно не знаю, все по верхамъ. Да и трудно ли у насъ быть на хорошемъ счету? Въ послѣднее время мнѣ и въ книгу-то заглянуть некогда было, а я все сидѣлъ вторымъ.

Софья Николаевна слушала его внимательно и съ любопытствомъ глядѣла на его оживленное лице.

— А много ты читалъ? спросила она.

— Теперь ничего не читаю, тетя; прежде читалъ много, да все такъ, безъ порядка, что попадется.

— Будемъ читать вмѣстѣ по вечерамъ, сказала Софья Николаевна. Я привезла съ собой свои любимыя книги. Знаешь, книги, какъ люди, только тогда онѣ и хороши, когда ихъ полюбишь. Ты по-английски знаешь?

— Нѣтъ, тетя начиналъ учиться; и кое-что болтаю, но хорошенько не знаю.

— Хочешь учиться у меня?..

— Ахъ, голубушка! вырвалось у Бориса, и онъ вдругъ остановился; ему сдѣлаюся совѣстно, что онъ такъ называлъ тѣтку.

— Что жъ ты остановился? ты думаешь, я обидѣлась, что ты меня называлъ голубушкой? Отчего же, если я тебя зову голубчикъ, ты мнѣ не можешь сказать голубушка?

И она разсѣялась.

— Я, тѣтя, объ томъ только и мечталъ, заговорилъ Борисъ, чтобы мнѣ выучиться по-англійски.

— Вотъ и прекрасно! Я тебѣ буду давать уроки три раза въ недѣлю: по вторникамъ, по четверкамъ и по субботамъ, послѣ чая. Ты умѣешь читать и говорить даже?

— Такъ, немножко. Я выучился у Теляпиныхъ, въ семействѣ одного моего товарища.

Софья Николаевна встала.

— Ну, голубчикъ мой, сказала она, ступай заниматься, я тебя прогоню.. Ненужно раскисать: жизнь-то такъ и плыветъ, кусочекъ за кусочкомъ, а тамъ, глядишь, и ничего не сдѣлано. Только вотъ что: мнѣ тебя жаль. ты тамъ: внизу, одинъ въ спальнѣ... Она помолчала.— Тяжело тебѣ? спросила она, взявши его за руку, право, лучше ты опять сюда переселись.

— Нѣтъ, тѣтя, надо же привыкнуть, надо работать получше, да вотъ бѣда-то: совсѣмъ это меня не удовлетворяетъ.

Она улыбнулась.

— Ты въ большіе ужъ очень глядишь, Борисъ.

Борисъ покраснѣлъ.

— Нѣтъ, тѣтя, я совсѣмъ...

— Знаю, вижу, что не рисуешься, да вотъ что я тебѣ скажу добрый мой: ты вообрази, что ты не гимназистъ, а студентъ; вѣдь и вмѣ приходится учить не все записательныя вещи... Ну, прощай. Мнѣ надо также письмо написать въ Москву. Чай будемъ у меня, здѣсь, пить.

Борисъ поцѣловалъ у тѣтки руку и медленно началъ спускаться внизъ.

Яковъ, по обыкновенію, ходилъ въ бильярдной. Борисъ отперъ дверь, спросилъ свѣчу, и сѣлъ къ своему старому столу, перенесенному сверху.

Долго не могъ онъ заглянуть въ книгу; нѣсколько разъ садился и вставалъ.

Странное вліяніе производила на него Софья Николаевна.

Еще впервые почувствовалъ онъ себя мальчикомъ, ученикомъ въ такой степени, какъ теперь, въ разговорѣ съ нею, но это не раздражило его: она говорила съ нимъ скорѣе, какъ съ товарищемъ, а не какъ съ ребенкомъ, котораго она собирается увѣщевать. И повторяя всѣ ея слова, онъ осмотрѣлся назадъ, на всю свою ученическую жизнь—и ему сильнѣе, чѣмъ когда-либо, захотѣлось учиться съ толкомъ; въ немъ зашевелилось не простое самолюбіе гимназиста, а что-то покрупнѣе, посерьезнѣе, что-то такое, отъ чего его грудь дышала порывистѣе, отъ чего онъ читалъ «Демона» съ такимъ одушевленіемъ, отъ чего онъ плакалъ на своей постели.

Въ большіе онъ не лѣзъ, но хотѣлъ больше развиться, полнѣе жить, привести въ гармонію свое прошедшее съ своимъ настоящимъ.

Повѣсть Софьи Николаевны все еще наполняла душу его живымъ интересомъ, но ему хотѣлось проникнуть глубже, самому узнать эту натуру, это сердце, которое оставалось для него даже неразъяснимымъ. Онъ вѣрилъ ей, но обаяніе, производимое Софьей Николаевной, вызывало въ немъ вмѣстѣ и какое-то недовѣріе, безпокойство, желаніе совладать со всѣмъ этимъ, не скрывая новыхъ ощущеній, мыслей, образовъ...

Нескоро принялся Борисъ за свои учебныя книги, да и нечего было съ ними дѣлать. Опять все тотъ же Смарагдовъ, тотъ же Устряловъ и тѣ же тетрадки съ ключками латинскихъ переводовъ.

Не было у него подъ-рукой никакой любимой книги, и онъ въ первый разъ спросилъ себя: отчего у него нѣтъ любимаго поэта, задумавшаго друга, съ которымъ бы онъ отдыхалъ, у котораго онъ учился бы жизни, красотѣ и правдѣ? «А вѣдь я много читалъ,» думалъ про-себя Борисъ, «сколько стиховъ знаю наизусть! и многое мнѣ нравилось, а все это проскользнуло, не жилось со мной, не осѣлось. Видно, я еще не жилъ настоящей-то жизнью, оттого такъ холодно все и принималъ — и мысли, и стихи, и прозу. А надо, вѣдь, выйти изъ такого дѣтскаго состоянія.

Борисъ всталъ, и долго ходилъ по комнатѣ; потомъ нѣсколько разъ присаживался къ столу, бралъ книгу въ руки, пробѣгалъ машинально нѣсколько строкъ, и бросалъ.

«Я думаю, что бы мнѣ написать для Ергачова..» сказалъ онъ, и началъ опять ходить взадъ и впередъ. Ему бы хотѣлось опи-

сать то, что въ немъ самомъ происходило. «Не начать ли дневникъ» спросилъ онъ. И какой-то тонкій голосъ шепталь ему: начини, у тебя есть что записывать; ты каждый часъ переживаешь; все новыя чувства и мысли приходятъ не такія, какъ прежде.

Но, не знаю почему, Борисъ боялся написать свой дневникъ; онъ боялся оставаться одинъ самъ съ собой, раскрывать свою душу и читать въ ней.

Когда часы пробили семь, Борисъ чувствовалъ боль въ головѣ и усталость во всемъ тѣлѣ. «А вѣдь ничего не сдѣлалъ путнаго» проговорилъ онъ.

Маша пришла звать его пить чай; онъ обрадовался этому, какъ ребенокъ; но когда напился чаю, тотчасъ же опять ушелъ и просидѣлъ у себя до ужина;—и опять ничего не дѣлалъ. «Я только выдѣрживаю характеръ», сказалъ онъ съ усмѣшкой, въ которой была внутренняя грусть.

XX.

На другой день, часу въ семьомъ, Горшковъ и Абласовъ были у Бориса. Онъ ихъ принялъ сперва у себя въ спальнѣ. Прежде, при бабушкѣ, Борисъ никогда почти не звалъ товарищей, это его стѣсняло: ему нужно было сидѣть съ ними наверху, а сойдешь внизъ,—столкнешься съ бабушкой.

— Это отцовская комната? спросилъ Горшковъ, осматривая спальню. Я здѣсь въ первый разъ, Борисъ.

— Ты теперь бариномъ, замѣтилъ Абласовъ, тихо улыбаясь.

— Да, бариномъ,—повторилъ Борисъ со вздохомъ. Одинъ бы я и не справился со всѣми этими домогъ. Овсунъ-то у меня хорошъ.

Борисъ принималъ теперь товарищей какъ хозяинъ, и ему было это очень странно.

Онъ предложилъ имъ покурить и сказалъ, что тѣтенька будетъ съ ними пить чай въ диванной.

Горшковъ засѣлъ, по своей привычкѣ, на кровать и закурилъ папиросу.

— Скажи-ка, Борисъ, началъ онъ,—это диванная-то угольная комната, гдѣ бабушка всегда сидѣла?

— Да; ты тамъ тоже никогда не бывалъ?

— Не бывалъ, братъ, да я твою бабушку одинъ разъ всего и видѣлъ. Схожу я отъ тебя, сверху, и мурлычу что-то подъ-

ность. вдругъ она винау, въ корридорѣ, какъ дастъ на меня осликъ: «кто это тамъ распѣлся?» Я давай Богъ ноги, бросился въ переднюю.

— А какъ ты съ челядинцами? спросилъ Абласовъ, оставилъ всю эту араву?

— Нѣтъ, много по билету пойдутъ; ну, а старухъ надо оставить; имъ некуда дѣваться.

— Фабрику открой, Борисъ, закричалъ Горшковъ, заставь ихъ мыновки влести, какъ въ богоугодныхъ домахъ, и намъ въ гимназію поставляй.

Часы на бюрю пробили семь.

— Ну! пойдете пить чай, — проговорилъ Борисъ, — тѣнька насъ ждетъ.

Въ залѣ горѣла лампа свѣтлѣе обыкновеннаго. Дверь въ гостиную была отворена. Гостиная тоже освѣщалась лампой. Давно Борисъ не видалъ ее при вечернемъ освѣщеніи; на него она произвела почти такое же впечатлѣніе, какъ и на его товарищя.

Въ диванной, на столѣ, горѣли двѣ свѣчи, но тамъ было все-таки довольно темно.

Софья Николаевна встрѣтила гостей посрединѣ комнаты. Борисъ хотѣлъ ихъ представить, но она не дала ему начать.

— Я ужъ васъ знаю, господа, сказала она съ улыбкой; вотъ вы—Горшковъ, а вотъ вы—Абласовъ, вѣдь я не ошиблась?

— Нѣтъ, угадали, отозвался Горшковъ, вайъ Боря вѣрно сказалъ о моемъ вихрѣ. Вотъ вы и узнали.

Абласовъ молчалъ; онъ стѣснялся, нахмурилъ брови.

— Садитесь, господа, сказала Софья Николаевна, будемъ пить чай.

Она сама разливала. Въ дверяхъ показалась вымытая рожа Митьки, и тотчасъ же скрылась. Маша сидѣла на боковомъ диванѣ, сложя ручки, очень кротко и съ любопытствомъ посматривала на гимназистовъ.

— Нѣтъ, о вихрѣ я ничего не слыхала, — продолжала Софья Николаевна.

Всѣ разсмѣялись.

— Вся ваша фигура показываетъ, что вы художникъ; въ васъ что-то такое есть свободное...

— Даже черезчуръ свободное, добавилъ Горшковъ. Мнѣ ужъ не мало говорить, что я дѣлаю слишкомъ много движеній.

— Я еще не замѣчала этого.

Софья Николаевна, разговорчивая, наливала чай. Борисъ слѣдилъ за ней глазами и каждый разъ, какъ она обращала лицо въ его сторону, онъ потуплялся.

— Садитесь поближе, говорила она, показывая Абласову мѣсто на диванѣ. Сладко вамъ?

— Сладко, отвѣтилъ Абласовъ спокойнымъ тономъ.

Борису хотѣлось втравить его въ разговоръ, но Софья Николаевна предупредила.

— Скажите пожалуйста, начала она, больше относясь къ Абласову, вы съ первыхъ классовъ составляете такой триумvirатъ?

— Какъ же! отвѣтилъ Абласовъ, мы всегда сидѣли вѣсть и сошлись, потому, можетъ быть, что у насъ такіе характеры, Горшковъ свѣтлый такой...

— Какъ это хорошо сказано, замѣтила Софья Николаевна, именно свѣтлый.

— Тепленьвъ ровень очень; у него какъ-то все это въ иѣру дѣлается, а я больше молчу, заключилъ Абласовъ съ добродушнѣйшей улыбкой.

Софья Николаевна значительно посмотрѣла на него: «Какой онъ умный, мальчикъ», подумала она и сказала вслухъ:

— Будто вы все молчите?

— Немного говорить, отвѣтилъ за него Горшковъ; это оттого, что онъ у насъ философъ; въ каждую штуку вдумывается, а мы больше скользимъ...

— Я за то люблю Абласова, отозвался Борисъ, что онъ никогда не лжетъ и ничѣмъ безъ толку не вѣсторгается...

— Ужъ полноте, господа, вы меня очень захвалили, проговорилъ Абласовъ, посматривая на своихъ друзей.

— И вы, вѣрно, сидите первымъ въ классѣ? спросила его Софья Николаевна.

— Первымъ, самымъ первымъ, крикнулъ Горшковъ.

— Вы меня конфузите, промолвилъ Абласовъ; обращаясь къ Софьѣ Николаевнѣ, точно у меня такая казенная физиономія сейчасъ можно увидать, что я первый ученикъ.

— Нѣтъ, не потому, отвѣтила Софья Николаевна, но у васъ лицо серьезнѣе, вы, вѣрно, прилежниѣе вотъ ихъ обоихъ?

И она указала на Горшкова и Бориса.

А Борисъ пилъ чай, и съ улыбкой посматривалъ на Абласова «Вонъ какъ начинается,» думалъ онъ, «браво Абласовъ!» Борисъ пріятно было слѣдить за разговоромъ, любоваться теткой и на

блюда въ надъ своимъ серьезнымъ товарищемъ, который все по-маленьку обрасывалъ съ себя свою сдержанность и больше и больше воодушевлялся.

— Я только и беру прилежаніемъ, проговорилъ Абласовъ, въ этомъ проку мало.. Телепневъ подаритѣ меня будетъ. Да учиться-то у насъ съ толкомъ нужно...

— Вотъ то же самое твердить и Борисъ, замѣтила Софья Николаевна, да я какъ-то это дурно понимаю, госнода; мнѣ кажется, вездѣ нужно учиться...

— Конечно вездѣ, вмѣшался Горшковъ, да дѣло-то въ томъ, что мы не гении, а просто гимназисты; и радъ-бы приняться да не знаешь какъ? Неужто мы всѣ такія тупицы? а вотъ прошло семь лѣтъ—мы по-латини аза въ глаза не знаемъ! Отчего? оттого, что въ первыхъ классахъ, когда глупы были, по книжкѣ читали, да вмѣсто перевода писали: *зоть весною и тепленько, а зимою холодненько*, и все это сходило съ рукъ; а вотъ какъ до 7-го класса мы добрались, оглянулись—да позно ужъ локти-то кусать...

— Да и это еще не все, прервалъ его Абласовъ. Онъ поставилъ чашку на столъ, и выпрямился. Позвольте мнѣ васъ спросить, Софья Николаевна,—сказалъ онъ смѣлымъ, мужественнымъ голосомъ, есть-ли возможность дѣлать какое-бы то ни было дѣло, когда вы видите, что это дѣло никто не любитъ. На ка-еодрѣ сидитъ учитель; мнѣ только и видно, что на немъ вицмундиръ надѣтъ, что онъ чиновникъ, а больше ничего, да каждый изъ нихъ чиновникъ и есть... Часъ свой отсидѣлъ, и довольно. Вѣдь, коли семь лѣтъ фигуру-то этакую передъ собой видишь, такъ какая же любовь къ наукѣ родится?

Абласовъ остановился, быстро оглянулъ всѣхъ и точно самъ испугался своего краснорѣчія.

— Bravo Абласовъ! сказалъ Борисъ, приподнимаясь, такъ, такъ, совершенно справедливо. «Откуда это у него берется?» спрашивалъ онъ себя; это все тѣтя вызвала...

— Вотъ это-то, продолжалъ Абласовъ съ новою силою, вотъ это-то и есть корень всего зла. Кабы учителя то наши были не начальство, не чиновники, такъ они насъ знали бы и указывали бы намъ, на что каждый изъ насъ годенъ... Вотъ я первымъ сижу, такъ и аттестуюсь и по успѣхамъ, и по способностямъ, а кто изъ нихъ знаетъ, что на послѣдней партѣ не сидитъ какой-нибудь Кильдіаровъ — лѣнтивъ, съ самой свѣтлой го-

ловой; онъ сложенія не знаетъ, да, можетъ быть, къ языкамъ имѣеть талантъ. Оттого-то мы всѣ и ходимъ какъ овцы...

— Безъ пастыря, крикнулъ Горшковъ; да начальство наше ругаемъ...

— Въ томъ у насъ и время проходитъ, добавилъ Абласовъ. Вамъ Борисъ рассказывалъ, за что насъ безъ обѣда оставили?

— Да, я знаю, отвѣтила Софья Николаевна.

— Вѣдь глупо, очень глупо! Такъ, вѣдь, и въ ученьи то же самое. Радъ бы и прочесть и потолковать, да не знаешь что. А тутъ еще глупость, да гадости на каждомъ шагу, чело-вѣческаго слова не услышишь... директоръ-то богдыханомъ ка-кимъ-то является... Одно недовольство въ насъ живетъ, по нустякамъ время тратимъ, смѣемся, а оно, выходятъ совсѣмъ не такъ смѣшно.

И Абласовъ, очень энергически махнулъ рукой.

Софья Николаевна все время глядѣла на него съ интересомъ; ее удивила энергія, умъ и простота его тона. Скромная фигура и лице Абласова еще усиливали впечатлѣніе его рѣчи.

Когда онъ остановился, она подвинулась къ нему, положила одну руку на столъ и, наклонивши голову, проговорила:

— Вы правы, я теперь понимаю. Какъ же это грустно, однако; а вы ужъ всѣ кончаете курсъ, назадъ ужъ не пойдешь.

— Въ томъ-то и обѣда, началъ опять Абласовъ. Вотъ шесть лѣтъ прошло, я ни по-французски, ни по-нѣмецки не знаю, вѣдь, не оттого-же, что изъ рукъ вонъ лѣнился; я въ это время, читалъ же книги, мудрость не большая... а университетъ, на носу. Куда ни сунься, вездѣ книги—нѣмецкіе источники нужны—вотъ и начинай опять съ азбуки, и начнешь.

— Языки у васъ плохи? спросила Софья Николаевна.

— Шестой годъ *les langues de Dalmugre* переводимъ, отвѣтилъ Горшковъ, къ маю кончимъ.

— Да, все это ужасно грустно, проговорила Софья Николаевна;—но коль-скоро вы разъ это сознали вамъ ужъ можно теперь работать самимъ.

— Да мы и читаемъ, грустно отвѣтилъ Абласовъ, а для класса все по казенному идетъ, по учебникамъ, да иначе и быть не можетъ; выбора въ чтеніи у насъ нѣтъ... такъ бур-да какая-то.

«Вотъ онъ ей тоже говорить» думалъ въ это время Борисъ,

«а она ему точно больше повѣрила, чѣмъ мнѣ». И, подумавши это, онъ тотчасъ покраснѣлъ.

— Я вамъ скажу откровенно, Абласовъ, начала Софья Николаевна, въ вашемъ тонѣ много правды и искренности; только одно мнѣ не нравится... Она остановилась и вскинула на него глаза.

— Что же? тихо спросилъ онъ, точно оробѣвъ.

— Въ васъ слышится какое-то затаенное недовольство; не развѣивайте вы въ себѣ этого, это нехорошо.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, проговорилъ онъ; вы хотите сказать, что я нахожу много дурнымъ...

— Не одно это; я вотъ чего боюсь: вы останетесь съ постояннымъ протестомъ противъ того, что дѣлается вокругъ насъ.

— Не знаю-съ. Видно это въ моемъ характерѣ; нельзя быть довольнымъ тѣмъ, что дурно. Разумѣется я желалъ-бы, быть такимъ же беззаботнымъ, какъ былъ въ первомъ классѣ, да нельзя. Намъ наше начальство, да и вся наша обстановка послѣ не заплатятъ того, что они въ насъ на вѣкъ попортили, такъ по-неволю поймешь, каково приходится жить на свѣтѣ...

Все это Абласовъ произнесъ спокойно, напирая на каждое слово. Въ его тонѣ чувствовалось сильное, глубокое убѣжденіе, какое трудно было предположить въ молодомъ мальчикѣ.

Борисъ все смотрѣлъ на Абласова и не могъ узнать его; никогда еще онъ не говорилъ такъ много и съ такимъ одушевленіемъ. Даже Горшковъ удивленными глазами поглядывалъ на молчаливаго товарища.

— Онъ у насъ скептикъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Софьѣ Николаевнѣ.

— Да, господа, отвѣтила она, вы что-то рано начинаете жить умомъ... Я почти увѣрена, что вы смѣтаетесь уже надъ многими... напримеръ, надъ поэзіей...

— Помилуйте, почему же? вскричалъ Горшковъ. Да вотъ не дальше, какъ вчера, Борисъ, читая намъ вслухъ «Демона» и съ такимъ чувствомъ, такъ хорошо, что мы всѣ были увлечены... Я вамъ долженъ сказать, Софья Николаевна, что онъ никогда такъ хорошо не читалъ... просто въ слезы меня ввелъ.

Софья Николаевна взглянула на Бориса. Онъ не много потупился.

— Что же это съ тобой такое было? проговорила она.

— Не знаю, тѣтя, на меня какъ-то особенно дѣйствовалъ стихъ... Я никогда еще такъ не понималъ и не чувствовалъ того, что читалъ, какъ въ этотъ разъ.

— Жить начинается, замѣтилъ Абласовъ и тихо улыбнулся. Борисъ встрѣтилъ взглядъ Софьи Николаевны, неопредѣленный, загадочный взглядъ и смутился. Ему очень хотѣлось, чтобы переѣмили разговоръ.

— И я увѣрена также, сказала Софья Николаевна, опять обращаясь въ сторону Абласова, что всѣмъ вамъ гораздо больше нравится Лермонтовъ, чѣмъ Пушкинъ.

— Разумѣется, такъ, вскричалъ Горшковъ, сила-то кака! Мысль! ..

— А въ Пушкинѣ-то, значить, и мысли нѣтъ? возразила Софья Николаевна, смотря на Абласова.

— Этого никто не говорить, промолвилъ онъ, опуская глаза.

— Вотъ самъ Пушкинъ, крикнулъ Горшковъ:

Играй Адель,
Не знай печали.
Хариты, Мель
Тебя вѣчали
И колыбель
Твою качали!

Ха-ха-ха!...

— Ты паясничаетъ, Горшковъ, прервалъ его Борисъ, точно будто во всѣмъ Пушкинѣ и есть только, что одна Адель?

— Какъ вамъ не стыдно, Горшковъ, вскричала Софья Николаевна, вы артистъ—художникъ и забываете «Бориса Годунова», «Каменнаго Гостя», Моцарта и Сальери, «Скупаго рыцаря»?...

— Вы его не вините, отозвался Абласовъ, онъ это такъ, онъ всѣмъ этимъ восхищается, что вы сейчасъ назвали; но, вѣдь, это все художество... хорошо, спору нѣтъ, да какъ-то мало оно за сердце хватаетъ; мы что-то другаго ищемъ. Я дурно выражаюсь, но говорю дѣйствительно то, что въ насъ есть... Вы возьмите-ка лирическіе стихи у Пушкина, учили мы всѣ ихъ, пока доберешься до одного слова, что задѣнетъ тебя за живое... все цвѣточки, да дѣвы, да посланія, да вакханки, да пиры какіе-то.

— Горшковъ правскачилъ на мѣстѣ и, останавливая рукой Абласова, закричалъ:

— Помнишь ты это?

Образъ Елены
 Въ сердцѣ пылалъ!
 Ахъ возвратися
 Радость очей,
 Хладно тронная
 Грустью моею!...

Ха-ха-ха!...

— Ахъ, какой несносный Горшковъ! воскликнула Софья Николаевна. Да вы вспомните, когда это писано? сколько было ему лѣтъ?

— Да ужь води на лѣта пошло, возразилъ Абласовъ, такъ вотъ какой стихъ былъ у Лермонтова въ шестнадцать лѣтъ, тоже въ нѣжномъ родѣ...

— Знаю, что ты хочешь привести, прервалъ его Борисъ. Она поетъ?

— Да, да. Прочти, прочти ты лучше меня...

Борисъ, не отрывая глазъ отъ Софьи Николаевны прочелъ:

Она поетъ — и звуки таютъ
 Какъ поцѣлуй на устахъ;
 Глядитъ — и небеса играютъ
 Въ ея божественныхъ глазахъ;
 Идетъ ли — всѣ ея движенья
 Иль молвить слово — всѣ черты
 Такъ полны чувства, выраженья!
 Такъ полны дивной простоты...

Всѣ притягли подъ обаяніемъ музыки стиха.

— Хорошо, прекрасно! сказала Софья Николаевна. Да какъ ты славно читаешь, Борисъ!

— Онъ у насъ первый чтецъ, провозгласилъ Горшковъ.

Борису приятно было, что она его похвалила. Онъ ничего на это не сказалъ, и только улыбнулся.

— Да все-таки это не доказательство, господа, начала опять Софья Николаевна. Вы забываете эпоху, вы забываете то, кому труднѣе было создавать новый стихъ.

— Совершенно справедливо, возразилъ Абласовъ, но не въ этомъ дѣло-сь. Не о стихѣ я и говорилъ. Содержанія больше такого, которое насъ всѣхъ волнуетъ... Вы возьмите у Лермонтова любое маленькое стихотвореніе: вездѣ что-то живое, кровное... онъ страдаетъ, онъ возмущенъ; его тѣснить и давить... онъ нашъ, принадлежитъ нашему времени—вотъ что дорого-сь.

И точно въ отвѣтъ на это Борисъ прочелъ въ полголоса:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
 На что намъ знать твои волненья,

Надежды глупыя первоначальныя лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?...

— Слышите? проговорилъ Абласовъ. А эти помните слова?
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза невѣрный стихъ,
Облитый горестью и злостью!...

Отъ этого защемило на сердца—намъ то и нравится, Софья Николаевна, что намъ ближе. Назадъ, вѣдь, ужъ не войдешь. Вы посмотрите въ журналахъ: одно направленіе, одинъ духъ—не Пушкинскій духъ... насущныя нужды есть... Вотъ въ Некрасовѣ какія все струны задѣваются: вся наша жизнь тутъ не цвѣточки, не амуры да эроты какіе-нибудь, не сладкія элегіи....

На лицѣ Софьи Николаевны выразилось нетерпѣніе; она покраснѣла, и только-что Абласовъ немного остановился, прервала его:

— Что вы говорите, Абласовъ, начала она съ силой, но сдержанно. Я понимаю, что вамъ всѣмъ нравится это направленіе, и слава Богу; видно, что вы и думаете и хотите жить, отъываясь на все, что у насъ есть тяжелаго и возмутительнаго; но вы всѣ, господа, схватили только верхи, вамъ дали это готовое, и вы забываете, черезъ что прошло общество; вы забываете, кто былъ нашъ учитель, кто далъ намъ почувствовать, что такое русская жизнь и русскій человѣкъ. Пушкинъ сдѣлалъ это, друзья мои. Когда Онѣгинъ вышелъ, мы прозрѣли; да, мы увидѣли все, что только есть, и высокаго, и низкаго, и глубокаго и пустаго въ нашей натурѣ и въ нашей судьбѣ... Я увѣрена, что вы не разъ прочли Онѣгина, да какъ: первый разъ, когда были дѣти, вы только скользили по стиху, а теперь, въ седьмомъ классѣ, прибавила она съ улыбкой, вы прочли его съ ранѣе составленнымъ убѣжденіемъ, что все это цвѣточки и пустички предъ Некрасовымъ...

Борисъ не отрывалъ взгляда отъ лица Софьи Николаевны. Онъ слышалъ опять тотъ же задушевный, увлекательный тонъ, который такъ обаятельно дѣйствовалъ на него, когда она ему рассказывала свое прошлое.

Абласовъ сидѣлъ потупившись; Горшковъ подался впередъ и потряхивалъ вихромъ.

Борисъ слушалъ, и какая-то новая гордость наполняла его; и ему было отъ того еще отрадно, что онъ самъ понималъ Пушкина почти такъ же, какъ говорила теперь Софья Николаевна.

— Да, когда я сама, продолжала она, начала разгадывать немножко действительность я открыла Онѣгина. и впервые нашла въ немъ поэзію и правду жизни. Что таилось во мнѣ непонятнаго для меня самой — все это улеглось, разъяснилось, и нѣтъ такой стороны нашего житья-бытья, которую бы все тотъ же Онѣгинъ не разрѣшилъ... Вы говорите, что содержанія мало, правды... Послушайте господя: вы молоды, начинаете жить; не нынче такъ завтра, не черезъ годъ, такъ черезъ два, вы полюбите... Задумывались ли вы надъ идеаломъ русской женщины? Кто создалъ намъ свѣтлый, чудный образъ Татьяны? И гдѣ найдется другая Татьяна? И не живая ли она стоитъ передъ вами, не дышетъ-ли она праведной, натурой?... Какого же вамъ еще содержанія? какихъ еще интересовъ? Вамъ семнадцать лѣтъ и вы не любите прекраснаго, когда это прекрасное взято изъ родной вамъ жизни!

Она смолкла, отодвинулась назадъ и, какъ-бы желая приласкать ихъ всѣхъ, улыбнулась...

— Вотъ мои убѣжденія добавила она: я ихъ не вычитыла, а пережила.

Борисъ кинулся-бы разцѣловать ея руки, но ихъ раздѣлялъ столъ. Онъ всталъ и подошелъ къ дивану съ той стороны, гдѣ она сидѣла.

— Тѣтя, — шевнуль онъ ей, дайте мнѣ вашу ручку, — вы ангель.

Она обернулась, и съ глубокой нѣжностью потрепала его по щегѣ.

— Вы, можетъ, и правы, Софья Николаевна, проговорилъ наконецъ Абласовъ, поднимая голову, вы все это сами по-себѣ испытали, а мы какъ-то прошли мимо, значитъ въ насъ самихъ есть что-нибудь другое.

— Правда ли это? спросила она Бориса, давая ему цѣловать свою ручку, и ласково смотря на него.

— Не знаю, тѣтя, отвѣчалъ онъ, я самъ не отвѣчу, кто ближе мнѣ: тотъ или другой поэтъ; но если они поэты, ихъ нельзя не любить.

— Вотъ это такъ, дорогой мой, сказала она и поцѣловала его въ голову.

Борисъ въ эту минуту былъ вновь счастливъ.

— А я скажу, отозвался Горшковъ, что для меня стихъ Лермонтова — чистая музыка! Я гармонію люблю; что за страсть!

какіе переливы! Романы только и можно писать на его слова: это я самъ испробовалъ.

— Вы много писали для пвнія?—спросила его Софья Николаевна.

— Нѣтъ, очень мало; я больше для оркестра, да фортепьянное.

Разговоръ перешелъ на музыку. Софья Николаевна, чрезвычайно умно и деликатно затронула всѣ пункты, на которые могъ откликнуться Горшковъ. Онъ очень радъ былъ поимѣняться съ ней мыслями и вкусами, потому-что сейчасъ же увидѣлъ въ ней не барыню, заучившую нѣсколько десятковъ фразъ, а любительницу, съ чувствомъ и смысломъ.

Видно было что Софья Николаевна много слышала и во многое вдумывалась. Она не судила рѣзко; но всѣ ея вопросы и замѣчанія были оригинальны, серьезны, съ какими-то особеннымъ оттѣнкомъ изящнаго и тонкаго вкуса.

— Я, сказала она, между прочимъ; не признаю дѣленій въ музыкѣ, клѣточекъ, черезъ которыя точно и перескочить нельзя, я чувствую звуки, я слушаю мелодію—нѣмецкая она или итальянская—мнѣ все равно.

— А глубина, содержаніе? встрячалъ Горшковъ. Развѣ можно поставить на одну точку семигривенные конфеты какого-нибудь маэстро Верди съ мелодіей, вотъ, напримѣръ, въ Цемольной симфоніи Бетховена?

— Да я и не ставлю ихъ на одну доску, отвѣтила она. Итальянецъ весь въ своей музыкѣ, зачѣмъ же вы требуете отъ него глубины? Онъ не можетъ быть глубока, онъ поетъ о томъ, что поражаетъ его чувства...

— Оттого-то, подхватилъ Горшковъ, у нѣмцевъ чувства, а у итальянцевъ одна чувственность.

— Да хоть бы и чувственность, повторила Софья Николаевна, когда это искренно, значитъ тутъ есть и смыслъ и своя доля красоты...

— Однако, есть же, вѣдь, мѣрило, по которому мы находимъ одно высокимъ, а другое посредственнымъ?

— А развѣ я его отвергаю? отвѣтила она, улыбаясь... Сила, глубина, вдохновенные звуки всегда будутъ велики и прекрасны, но зачѣмъ уничтожать все остальное, что живетъ и въ чемъ есть также доля хорошаго? Вы немножко всѣ теоретики доктринеры какіе-то; это, конечно, пройдетъ.

Потомъ зашла рѣчь о Глинкѣ и русской музыкѣ. Горшковъ говорилъ долго и съ большимъ одушевленіемъ. Его добродушный тонъ и юморъ очень понравились Софѣ Николаевнѣ.

— Да, вы русскій музыкантъ, промолвила она, въ васъ есть что-то такое самобытное...

— Я то же скажу, отвѣтилъ Горшковъ, не потому люблю Глинку, что русскій...

— А потому, что онъ Глинка, до'авила Софья Николаевна.

Борисъ слушалъ ихъ, нарочно не вступая въ разговоръ; онъ входилъ какое-то особое удовольствіе слѣдить за выраженіемъ лица тѣтки, а иногда зажмуривалъ глаза и прислушивался къ звуку ея голоса.

Обернувшись въ ту сторону, гдѣ стоялъ диванъ, онъ увидѣлъ, что Маша лежитъ и спитъ...

— Посмотрите тѣтя, сказалъ онъ, тихонько вставая: она уснула подъ наши разговоры.

Всѣ на минуту притихли.

— Ахъ, голубушка! промолвила Софья Николаевна, ну пускай ее спитъ, не буди ее, Борисъ... Ахъ, вотъ, господа, она напомнила, что о ней нужно перетолковать. Вы не откажетесь помочь намъ? вамъ Борисъ уже говорилъ.

— Горшковъ и Абласовъ отвѣчали наклоненіемъ головы.

— Я очень буду счастливъ, началъ Горшковъ, чему-нибудь ее научить...

— Мы составимъ такимъ образомъ цѣлое педагогическое общество, сказала весело Софья Николаевна, и вы Абласовъ, намъ можете?

— Чѣмъ могу, скромно отвѣтилъ онъ.

— Только вотъ что, Борисъ, надо позаботиться объ инструментѣ, вѣдь здѣсь въ родѣ цимбалъ. Мы также можемъ играть съ вами Горшковъ... если вамъ не очень надоѣло... разумѣется серьезныя вещи.

— Да развѣ ты играешь? спросила она Бориса.

— Какже тѣтя, я шлю на скрипкѣ.

— И очень солидно, прибавилъ Горшковъ.

— Ахъ, какъ это славно! такъ мы будемъ съ тобой играть дуэты.

— Да онъ и на фортепяно лѣвую руку можетъ изобразить, вскричалъ Горшковъ. Онъ у насъ на всѣ руки.

— Это все новыя удовольствія.

— Мнѣ бы хотѣлось послушать что-нибудь хорошенькое, промолвилъ Борисъ, подходя къ Горшкову. — Валерьянъ съиграй хоть на нашихъ, на цамбалахъ.

— Да есть ли возможность? спросилъ Горшковъ.

— Возможность-то есть. И, обращаясь къ тѣткѣ, Борисъ тихо проговорилъ: — музыки что-то ужасно хочется.

Она отвѣчала ему глазами, что раздѣляетъ его желаніе, и пожала ему руку. Онъ весь вспыхнулъ.

— Пойдите тише, проговорила Софья Николаевна, — опираясь на руку Бориса, пусть ее спать; прибавила она, указывая на Машу.

Всѣ тихо вышли изъ диванной и Горшковъ притворилъ за собою дверь.

Лице Абласова было очень оживлено, точно будто разговоръ съ Софьей Николаевной развязалъ ему языкъ и всю его натуру.

Горшковъ, проходя сзади, удержалъ его на минутку и шепнулъ:

— Что ты, Циагоръ, откуда у тебя медоточивая струя полилась?

На это Абласовъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Барыня больно хороша.

Горшковъ шагнулъ и догналъ Софью Николаевну съ Борисомъ. ●

Онъ сѣлъ за фортепяно, открылъ крышку и обмахнулъ платкомъ пыль съ клавишъ, къ которымъ уже болѣе полгода никто не прикасался.

Дрожащій, наивный звукъ издало старое добродушное фортепяно. Этотъ звукъ, напоминая моцартовскія менуэты и сонаты Гайдена, напоминалъ бабушекъ въ рабронахъ и пудренныхъ парикахъ...

— Какая древность! произнесла Софья Николаевна, наклонясь надъ фортепяно.

Горшковъ взялъ нѣсколько аккордовъ и заигралъ, заигралъ свое. Это была какая-то торжественная мелодія, но глубокая и страстная. Борисъ, слушая ее перенесся душою къ образу отца, и ощутилъ новую грусть и новыя слезы... Онъ былъ очень растроганъ и весь ушелъ въ свою грусть, забывъ на мигъ то, что его окружало, забывъ и чудный голосъ, и сладкія рѣчи и огненные глаза женщины, которая явилась послѣ смерти отца, и такъ скоро, такъ всецѣло овладѣла его молодой натурой.

— Это ваше? спросила Софья Николаевна, также тронутая, когда Горшковъ кончилъ.

— Да-съ, отвѣчалъ онъ, это мнѣ, пришло дня три назадъ. Хочу теперь духовной музыкой заняться; я хорошенько надъ ней еще не задумывался, а такъ только юлялъ вокругъ да около.

— Борисъ. не правда ли какъ хорошо? сказала Софья Николаевна, обратившись въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ.

Борисъ обернулся и встрѣтилъ ее взглядъ, на глазахъ его блеснули слезы.

— Да, чуть—слышно промолвилъ онъ.

— А чтобы вы свѣли что-нибудь? проговорилъ Горшковъ, чь, вѣдь, вѣрно поете, Софья Николаевна.

— Почему-же вы такъ увѣрены въ этомъ?

— Да у васъ голосъ такой, что должны пѣть. Вѣдь у Бориса очень недурной тенорочекъ... коли поете, вѣрно, знаете что-нибудь наизусть, дуэтъ какой-нибудь.

— Послушай, Борисъ, сказала она, у тебя рѣшительно открываются всѣ таланты: ты и поешь — это меня еще болѣе утѣшаетъ, чѣмъ твоя скрипка. Что бы такое спѣть? не знаешь ли элегію Яковлева?

— Аранжированную Глиной? вѣшался, Горшковъ, знаетъ, знаетъ!

— Знаю, отозвался Борисъ: «Когда душа просилась ты»? Дельвига слова?

— Да, да, отвѣтила Софья Николаевна.

Они начали. Горшковъ имъ аккомпанировалъ.

Барисъ какъ-бы впередъ зналъ, что у Софьи Николаевны такой голосъ: контральный, полный, страстный, съ отбѣнками ласкающей нѣжности.

Барисъ пѣлъ съ особымъ одушевленіемъ, и какъ его голосъ сливался съ голосомъ Софьи Николаевны, ему все не вѣрилось что они дѣйствительно поютъ вмѣстѣ.

Точно, въ этомъ пѣніи она еще ближе подходила къ нему и сердце его открывало ей свою глубокую, затаенную исповѣдь.

Долго были они у фортепьяно. Софья Николаевна спѣла нѣсколько Глинкиныхъ романсовъ, пѣла изъ «Жизни за Царя». Горшковъ игралъ по ея просьбѣ изъ Шопена, потомъ сыгралъ *andante* одной ея любимой бетховенской сольтѣ.

Время затянулось за полночь.

Софья Николаевна замѣтила наконецъ, что пора поужинать. Ужинали въ диванной.

Машу разбудили. Она спросила навнѣйшимъ образомъ: который часъ и начала кушать, поглядывая на Бориса и улыбаясь.

Послѣ ужина Софья Николаевна увела ее, простившись съ Горшковымъ и Абласовымъ.

Борису она сказала тихо взглянуть на него:

— Ты какой грустный сталъ; приди наверхъ проститься я тебя такъ не отпущу спать.

Онъ улыбнулся, и пожалъ ея руку.

— Ну, у тебя тѣтка первый сортъ! вскричалъ Горшковъ, когда они всѣ трое пришли въ спальню, пѣть... Абласовъ-то какъ разходился прошу покорно, что это съ тобой сдѣлалось?

— Да что сдѣлалось, отвѣчалъ Абласовъ, — ничего... Ну, — вижу хорошая такая дама, проста и понимаетъ что говоритъ, ей и высказалъ.

— То-то проста! а ты съ нами-то отчего же больше молчокъ отбавиваешься? приставалъ къ ему Горшковъ.

— Да отвяжись! что мнѣ съ вами разводы разводять, и безъ того меня знаете. Ну, прощай, Телепневъ, сказалъ онъ тебѣ, я вижу, спать хочется.

— Такъ какъ же мнѣ учительствовать-то начинать? спросилъ Горшковъ, взявшись за фуражку.

— Я тебѣ скажу. Вотъ ортепьяно достанемъ, на этихъ цим-балахъ нельзя.

Онъ ихъ проводилъ въ залу.

— Тебѣ житье съ тѣткой, шепнулъ Горшковъ.

Борисъ весь вздрогнулъ отъ этихъ словъ.

— Первую такую барыню вижу, проговорилъ спокойно Абласовъ и, пожимая Борису руку, прибавилъ: есть-таки содержаніе.

Борисъ, простившись съ ними, постоялъ одинъ въ залѣ. Тяжело что-то, грустно ему было; онъ внутренно упрекалъ себя: «вою, веселюсь», проговорилъ онъ, «а давно ли тутъ гробъ стоять?»

И съ поникшей головой, сталъ онъ подниматься наверхъ; ему тоже страшно было идти туда; съ каждой новой ступенькой становилось ему тягостнѣе.

Онъ увидѣлъ Софью Николаевну и чуть не закрылъ глаза.

Она была въ бѣломъ пеньюарѣ, и прямо подошла къ нему близко, близко.

— Я ужъ видѣла, тихо сказала она, что ты затуманился что-то...

— Нѣтъ, тѣтя, я ничего... мнѣ очень хорошо.

— Что ты меня дичишься, какъ-будто я не вижу... вижу отчего тебѣ грустно. Она взяла его за голову.

— Я за то тебя и люблю, что въ тебѣ душа прозрачная.

И, говоря это, она подвела его къ дивану.

— Станемъ вотъ тутъ да и помолимся.

Она опустилась на колѣни, и его увлекла за собой.

Онъ не помнилъ, что онъ говорилъ, что онъ думалъ, произносилъ ли онъ какія-нибудь молитвенныя слова или нѣтъ. Когда онъ очнулся, слезы градомъ текли изъ глазъ, а голова его была на ея плечѣ, и онъ слышалъ ея тихія рѣчи:

— Отецъ твой видитъ тебя, шептала она ему, молись всегда такъ, не приготовляйся, не смущай себя — а только люби, и все будетъ свѣтло, и все примирится къ твоей жизни...

Онъ не сказалъ ни одного слова, а только цѣловалъ ея руки; волненіе его облегчилось слезами, стихло и онъ готовъ былъ заснуть тутъ же, на ея рукахъ.

— Славный, безцѣнный мой мальчикъ, повторила она, какъ много въ тебѣ теплоты! Кто тебя полюбитъ, — будетъ счастливъ.

Эти слова точно кольнули его, Борисъ всталъ, но ему не хотѣлось идти изъ этой комнаты, гдѣ было такъ хорошо.

На площадкѣ она перекрестила его.

«Боже! думалъ онъ, сходя внизъ» что-же это за женщина? одинъ звукъ ея—цѣлый рай! И нѣтъ подлѣ нея ни горя, ни страданья!

XXI.

Въ гимназiи много было толковъ между Горшковымъ, Абласовымъ и Борисомъ. Гимназистамъ Софья Николаевна очень понравилась; видно было, что они вынесли изъ вчерашняго вечера какое-то новое ощущеніе.

— Мы съ твоей тѣткой поладимъ, говорилъ Горшковъ Борису; это не то, что другія барыни; эту, братъ, и Шульгофомъ не прельстятъ... только вотъ что Борисъ, я хотѣлъ тебѣ сказать: ты бы сегодня завернулъ хоть на минуточку, къ Теляпинымъ...

— Зачѣмъ? спросилъ Борисъ разсѣянно.

— Какъ зачѣмъ? Ахъ ты, презрѣнный этакой... Да что ты, въ самомъ-дѣлѣ, зарылся, сдѣлался бариномъ, такъ никого и знать не хочешь! Ты постыдись Борисъ, ты Надѣ-то хоть бы слово сказалъ, хоть бы плюнулъ, съ позволенія сказать. Она о тебѣ сокрушается... прѣзжала сама... Ты хоть поблагодарить съѣзди.

— Да, я поѣду, проговорилъ Борисъ ему, въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлалось стыдно, какъ нибудь на-дняхъ...

— Да нѣтъ, не на-дняхъ, а сегодня. Я за тобой зайду и не отстану, пока въ сани не посажу.

Борисъ разсѣялся, но внутренне онъ сознавалъ, что Горшковъ былъ правъ.

Дома Борисъ все молчалъ. Софья Николаевна рассказывала ему

за обѣдомъ, какія она думаетъ сдѣлать распоряженія по дому; онъ ее слушалъ, но его мысли были гдѣ-то далеко.

Послѣ обѣда онъ нарочно не пошелъ за ней на-верхъ. «Что же это я, точно хвостомъ, хожу за ней», сказалъ онъ про-себя

— Ты что нынче собираешься дѣлать? спросила его Софья Николаевна и, разглаживая рукой лобъ его, прибавила: Вотъ нынче опять нахмурился, въ пространство смотришь...

— Я немножко позаймусь, отвѣтилъ Борисъ, а тамъ хочу сѣздать.

— Куда?

— Къ Теляпичимъ. Они ко мнѣ такъ добры всегда; надо у нихъ побывать. За мной заѣдетъ Горшковъ.

— А изъ кого состоитъ ихъ семейство?

— Мать и двое дѣтей: сынъ, мовхъ лѣтъ, и дочь Надя...

— Какихъ? спросила Софья Николаевна, и улыбнулась.

— Пятнадцати, отвѣтилъ очень серьезно Борисъ.

— Ну, ступай голубчикъ, это тебя немножко разсѣетъ, проговорила она и пошла на-верхъ.

А Борису не хотѣлось ѣхать. Каждый шагъ изъ дома былъ для него неприятенъ.

Часу въ седьмомъ явился Горшковъ, и повезъ его къ Теляпичимъ.

Дорогой Борисъ мало говорилъ, за то Горшковъ болталъ безъ умолку.

— Я тебя скоро оттуда не выпущу, Борисъ, ны тамъ музыку затѣмь.

— Мнѣ бы хотѣлось домой.

— Да успеешь еще насидѣться—экой медвѣдь! Ты посмотри только, какъ Надя-то тебѣ обрадуется! Чтѣ это за прелесть, братъ, просто, я тебѣ признаюсь, смотрю, смотрю на нее, да, кажется, во одно прекрасное утро какъ винуюсь, да и ну ее глотать.

— Тебя по шеѣ и выгонять.

— Кто это? Матрона у себя въ кабинетѣ, а англичанкѣ я сать сладя дамъ.

У Теляпиныхъ они не нашли никого въ залѣ, и отправились на-верхъ къ Петинькѣ. Петинька лежалъ на кровати и плевалъ въ потолокъ, что составляло его обыкновенное послѣобѣденное занятіе.

Надя еще не кончила урока съ англичанкой; но когда мальчики сошли внизъ, чрезъ полчаса, она была уже тамъ.

Всѣ сидѣли въ классной. Надя съ радостной улыбкой подошла къ Борису, и долго пожимала его руку.

— Ахъ, какъ вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали къ намъ, проговорила она. Вы еще не видали шамап пойдите къ ней. И она повела Бориса, употребляя маленькую хитрость, чтобъ не оставаться въ классной, чего не позволяла англичанка, и быть вмѣстѣ съ Борисомъ.

«Какая она славная дѣвочка! подумалъ Борисъ, глядя на нее, и онъ подумалъ такъ спокойно, что Горшковъ, еслибъ могъ это почувствовать, непременно обозвалъ бы его презрѣннымъ рабомъ.

Мастодонъ что-то такое читалъ все лежа, когда Надя и Борисъ вошли въ его кабинетъ.

Лидія Михайловна приподнялась, величественно улыбулась и даже протянула руку Борису; мальчика надо было обласкать; онъ дѣлался первымъ будущимъ женихомъ въ городѣ.

— Bonjour cher m-g Telerneff,—запѣла она... enchantée... я много о васъ думала... Садитесь вотъ тутъ, на кресло... Nadine, вели мнѣ подать мантилю.

Борисъ сѣлъ.

— Ну, какъ вы,—продолжала принцесса,—я воображаю, какъ вамъ трудно одному въ большомъ домѣ. Ваша grande-shaman, уѣхала.

— Я не совсѣмъ одинъ, отвѣтилъ Борисъ.

— Ахъ, да! я слыхала... кто-бишь мнѣ говорилъ? да, Горшковъ, что къ вамъ пріѣхала ваша тѣтка изъ Москвы... И Лидія Михайловна какъ-то поморщилась.

Борисъ покраснѣлъ, и готовъ былъ обругать эту крашеную статую.

— Она здѣсь не жила? спросила вдова.

— Нѣтъ-съ, отвѣтилъ Борисъ сухо, и минутъ чрезъ десять ушелъ изъ кабинета, сказавъ, что не хочетъ мѣшать Андѣи Михайловнѣ заниматься чтеніемъ.

— Какъ я за васъ рада сказала ему Надя, въ залѣ; вамъ теперь полегче; ваша тѣтушка живетъ теперь съ вами. Знаете, Боря, — сказала чуть-слышно Надя — мнѣ бы очень хотѣлось съ ней познакомиться, и съ вашей сестрой; она мнѣ такъ понравилась. Расскажите мнѣ про вашу тѣтушку, она молода?

— Молода, отвѣтилъ Борисъ, глядя на Надю съ улыбкой.

— И хорошенькая?

— Очень, сказалъ онъ, и ему почему-то сдѣлалось жалко Нади.

— Она не прїѣдетъ къ намъ? спросила Надя.

— Видите, Nadine, отвѣчалъ Борисъ, я не думаю, чтобъ тѣтенька стала знакомиться здѣсь въ городѣ.

— Отчего же?

— Она не можетъ выѣзжать.

Борисъ самъ не зналъ, почему онъ отвѣчаетъ за Софью Николаевну такъ утвердительно.

— Съ нами-то можно, только съ нами, проговорила Надя, опуская глаза.

— Да, вѣдь, если тѣтенька познакомится съ вашей маман, она должна будетъ ко всѣмъ ѣхать.

Ему дѣйствительно не хотѣлось, чтобъ Софья Николаевна знакомилась съ Теляпиной.

Надя немножко огорчилась.

— Вотъ вы какой нехорошій, тихо промолвила она. А ваша музыка?

— Будемъ играть, отвѣтилъ Борисъ, а самъ въ эту минуту думалъ о своихъ дуэтахъ съ Софьей Николаевной.

— Тѣтушка ваша музыканша? спросила Надя, краснѣя и поглядывая на Бориса какъ-то сбоку.

— Она играетъ и поетъ.

— И даже очень хорошо, виѣшался Горшковъ, подходя къ нимъ. Мы ужъ вчера музыканили.

— Такъ, вы, этакъ насъ совсѣмъ забудете, проговорила Надя, и вся затуманилась.

Горшковъ сдѣлалъ одушевить общество, но ему не удавалось.

Онъ игралъ, и одинъ, и съ Надей, заставляя Бориса играть дуэтъ съ Надей, былъ даже любезенъ съ миссъ Гортъ и не дразнилъ Петиньку, но все какъ-то не клеилось. Часу въ десятомъ Борисъ взялъ фуражку, и распрощался.

— Прощайте, Борисъ Николаичъ, сказала ему Надя, я знаю, что вы у насъ не будете теперь нѣсколько мѣсяцевъ.

И въ голосѣ бѣдной дѣвочки были чуть не слезы...

Борисъ пожалъ ей руку, и промолчалъ.

— Ты со мной ѣдешь, Валерьянъ? сказалъ онъ Горшкову.

Горшковъ сердито трянулъ своимъ вихромъ и проворчалъ:

— Убирайся, я съ тобой говорить не хочу. Я здѣсь еще остаюсь.

Борисъ улыбнулся, и вышелъ.

Дорогой онъ все думалъ о Надѣ. «А вѣдь я дѣйствительно скверно веду себя. Какъ она добра со мной, какое участіе—и такая миленькая, а я хоть бы одно теплое слово...» И ему стало очень стыдно.

«Неужели я такъ поглащенъ однимъ...»

Онъ не досказалъ чѣмъ... Точно будто я потерялъ всѣ чувства и забылъ про всѣхъ для того, чтобы знать и думать только объ одномъ»...

Упреки, одинъ за другимъ, начали вѣлывать въ его душѣ, и ему становилось все грустнѣе и грустнѣе.

Пріѣхавъ домой, Борисъ пришелъ къ себѣ въ спальню, отпустилъ Якова, и хотѣлъ запереть дверь изнутри.

Вдругъ вошла Маша. Она подбѣжала къ нему, и крѣпко его обняла.

— Ты развѣ не придешь къ намъ?

— Нѣтъ, голубчикъ, мнѣ что-то спать хочется.

Онъ сѣлъ въ большое кресло, и посадилъ ее на колѣни.

— Ты и проститься не хотѣлъ придти, спросила дѣвочка, и прибавила грустнымъ голосомъ: ты меня разлюбилъ, Борисъ...

— Что ты, Машенька! Господь съ тобой...

— Я ужъ вижу, продолжала она, ты ужъ не тотъ; я тебя совсѣмъ не вижу, Борисъ... И она заплакала.

Борисъ началъ ее цѣловать.

— Ты тѣтю больше любишь, чѣмъ меня, говорила Маша, продолжая плакать: ты только на нее и смотришь, и ручки у ней цѣлуешь...

— Развѣ тебѣ завидно, Маша?

— Нѣтъ, не завидно. А какъ ты меня разлюбишь?... ты такой сталъ мудреный, Борисъ... мнѣ страшно на тебя смотреть... Что съ тобой тѣтя дѣлаетъ? спросила она, глядя на него своими синими прозрачными глазами.

Борисъ невольно усмѣхнулся.

— Да ты не смѣйся, Борисъ, мнѣ тебя жалко очень..., не знаю почему.

И она обняла его шею.

— Тебѣ грѣшно будетъ, коли ты меня разлюбишь; папа уязвитъ и ему больно будетъ.

Въ словахъ ребенка была какая-то чудная смѣсь дѣтскаго лести со словами глубокой правды; каждое слово Маши проникало въ его душу. Борисъ чувствовалъ себя подавленнымъ; онъ не смѣлъ взглянуть на нее, и цѣловалъ только ея худенькіе, холодные пальчики.

Онъ вынесъ Машу на рукахъ изъ спальни, и поднялся съ ней на-верхъ. На площадкѣ онъ ее перекрестилъ и жарко поцѣловалъ.

— Полно, голубчикъ, сказалъ онъ ей, я немножко грустилъ, а ты меня совсѣмъ разогорчишь, если будешь говорить, что я тебя разлюбилъ.

— Не буду, не буду, Боринька. И она кинулась обнимать его. Ты не зайдешь къ тѣтѣ? спросила она.

— Нѣтъ, Маша, она ужъ, вѣрно, раздѣлась.

— Мы ждали тебя ужинать.

— Скажи, что я очень усталъ. Прощай.

Онъ сбѣжалъ съ лѣстницы. Въ корридорѣ взяла его за руку Ирионовна.

— Что, долговязый, тебя невидно цѣлый день? Ты нынѣ баринъ: съ тобой надо о дѣлѣ толковать... теперь вотъ въ кладовой...

— Ахъ няня! завтра объ этомъ...

— Да когда же завтра? завтра съ тѣтенькой на-верху засядешь... Эхъ Боря! ты у меня что-то совсѣмъ развихлялся, и меня, старуху, совсѣмъ забылъ: ни разочка не заглянешь...

— Полно, голубушка, Мироновна, ты знаешь, я все еще такъ какъ-то...

Онъ не докончилъ, поцѣловалъ ея, и ушелъ къ себѣ.

А старушка долго еще стояла на одномъ мѣстѣ.

«Всѣ, всѣ говорить одно» — думалъ Борисъ, сидя на кровати — «неужели мнѣ до нихъ больше дѣла нѣтъ?.. Маша моя безцѣпная! какія слова! и Надя же, Надя... я долженъ быть для нея все, все»!..

«Тетя»... прошепталъ онъ, и заплакалъ.

Минуты черезъ двѣ онъ вскочилъ съ кровати. О! какъ ему захотѣлось бѣжать къ ней, на-верхъ. «Вѣдь она ждетъ меня: она огорчится!» повторилъ онъ и порывался уже къ двери; но вдругъ бросился на подушку, и зарыдалъ еще болѣзненнѣе чѣмъ въ первый разъ на этой самой кровати...

Петръ Боборыкинъ.

ХОДЪ

НАШЕГО УМСТВЕННОГО РАЗВИТІЯ

ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ.

Въ составъ понятія «общество» входитъ необходимо понятіе о единствѣ, о связи между многими лицами. Это единство, эта связь выражается преимущественно въ общей политической вѣрѣ. Общество вѣритъ въ здоровыя начала своей жизни, въ силу своего союза, въ свое могущество, въ таланты своихъ министровъ, въ пригодность своихъ учрежденій, и т. д. Полной равномерности въ распредѣленіи такой вѣры, конечно, никогда не бываетъ, но въ этой-то неравномѣрности и есть именно залогъ прогресса цѣлаго общества.

Стремленіе къ отдѣльному единичному прогрессу есть у всякаго. Но прогрессъ цѣлаго общества еще не въ этомъ стремленіи отдѣльныхъ лицъ.

Не всякій, стремящійся къ своему личному прогрессу, видитъ истинныя причины, задерживающія его ходъ впередъ. Спросите простыхъ людей: они всегда отвѣтятъ вамъ невѣрно. Простой чиновникъ скажетъ вамъ, что для него необходима сѣбѣ того или другаго начальника, мелкій торговецъ потребуетъ наложенія большихъ пошлинъ на заграничныя товары. У этихъ людей кругозоръ узкій; они видятъ только то, что подъ-руками; они не вѣрятъ только въ близкихъ людей, въ близкое, касающееся непосредственно до нихъ промысла постановленіе, и вѣрятъ во все то, что далеко, во всѣ начала, на которыхъ построено общество.

Есть другой сортъ людей, это—сомнѣвающіеся. Они не ос-

та навливаются на мелкихъ проявленіяхъ зла; имъ мало дѣла до плохаго начальника какой-нибудь фаланги чиновниковъ; они стремятся устранить ту причину, которая создала этихъ начальниковъ; они ратуютъ за коренныя преобразованія въ воспитаніи, за уничтоженіе рабства женщины, то есть той личности, которая прежде всѣхъ другихъ вліяетъ на душу человѣка. Эти люди сомнѣваются въ основныхъ дѣйствующихъ началахъ, которыя, видоизмѣняясь, проявляются во всевозможныхъ жизненныхъ отправленіяхъ и мѣшаютъ личному прогрессу каждаго.

Свободное взаимодѣйствіе этихъ двухъ категорій людей другъ на друга есть вѣрный залогъ покойнаго постепеннаго прогресса. Къ сожалѣнію, не всегда такъ бываетъ. Сомнѣвающихся, какъ оппозицію основнымъ началамъ, часто не любятъ; ихъ стараются объединить, и достигаютъ, обыкновенно, безъ особеннаго труда, этого объединенія.

Объединеніе, однако, не убиваетъ сомнѣнія, напротивъ того, оно его усиливаетъ. Объединеніе въ глазахъ сомнѣющагося представляется естественно доказательствомъ того, что его сомнѣнія справедливы: не даромъ же объединили его. Безъ объединенія, въ виду практическихъ затрудненій, можетъ быть, и рѣшился бы онъ терпѣть необходимое зло, при объединеніи практическая жизнь отъ него далека. Чѣмъ сильнѣе объединеніе, чѣмъ дальше оно продолжается, тѣмъ болѣе падаетъ прежняя вѣра объединеннаго и естественно появляется вмѣсто нея новая, то есть теорія. Далекая практическая жизнь не представляетъ ей развитія. Будь еще возможность, если не дѣйствовать въ практической сферѣ, то, по крайней мѣрѣ, ясно высказывать свои теоріи—все же было бы лучше. Ясныя, вѣдѣныя понятныя теоріи, съ показаніемъ практическихъ перемѣнъ въ общественномъ строѣ, необходимы для ихъ осуществленія—такія теоріи, можетъ быть, встрѣтили бы сильную оппозицію, и намъ бы отъ нея.

При объединеніи взаимодѣйствіе исчезаетъ совершенно; теоріи не видоизмѣняются ни практической жизнью, ни оппозиціей общества; съ другой стороны, остаются въ прежней силѣ и вѣра массы во все далекое и ея сомнѣнія, ея злоба на то, что близко, чему она приписываетъ задержку въ своемъ личномъ прогрессѣ. Такъ общество разрывается на двѣ половины, изъ которыхъ каждая остается при своемъ, безъ взаимнаго движенія впередъ. Жизнь совершенно прекращается.

Но вотъ явится какое-нибудь громкое событіе. Странный голодъ, моровое повѣтріе, несчастная война потрясетъ общество, и тогда во имя своего невѣрія въ то, что близко, буйствуетъ толпа. Дорого заплатится кабачный сидѣлецъ, не спустятъ мелкому взяточнику, богачу, виноватому только тѣмъ, что онъ нажилъ себѣ богатство. Причины же, породившія зло, остаются въ полной силѣ, но не на-долго. Начинаются толки, и объясняются событія; зараждается, то есть, анализъ въ средѣ самого общества, независимо отъ сомнѣвающихся. Какъ слѣдствіе анализа является ослабленіе прежней вѣры и стремленіе замѣнить ее новою. Тогда то воскресаютъ для общества во всеоружіи теоріи, составленныя объединенными. За нихъ хватаются съ жадностью, ими хотятъ восполнить потерянное; ихъ воплощаютъ въ жизненные формы. Столкновеніе съ жизнью часто выказываетъ непрактичность теорій; затѣмъ охлажденіе къ нимъ, потомъ ненависть, и эта ненависть переносится на самихъ создателей теорій, виноватыхъ только тѣмъ, что они, объединенные, далеки отъ жизни, не могли составить болѣе практическихъ теорій, тѣмъ, что ихъ теоріи не могли быть, по мѣрѣ развитія, противрѣяемы жизнью и обществомъ, для которыхъ составлялись. Создать свои теоріи новыя, людямъ неприготовленнымъ—трудно; старыя нехороши. Такъ что бываетъ часто, что, оставшись не при чемъ, масса снова начинаетъ дѣйствовать, во имя своихъ прежнихъ убѣжденій, на близкое; снова буйствованіе замѣняетъ разумныя реформы.

При нормальномъ развитіи жизнь идетъ постоянная въ цѣломъ организмѣ; слишкомъ фантастическія теоріи, которымъ нѣтъ даже основанія появляться, умираютъ, самая масса образовывается, но не по азбукамъ, не по учебникамъ ариѳметики: она образовывается тѣмъ, что, благодаря сомнѣніямъ и теоріямъ людей дальнозорныхъ, въ сознаніи ея все больше, да больше просвѣтляются понятія обо всѣхъ отправленияхъ страны. Лишняя масса не приметъ: здравый смыслъ слишкомъ хорошій критикъ. Такъ является образованность, и общечеловѣческая, и своя національная, безъ которой первая, какъ непровѣренная, на своемъ близкомъ, мало состоятельна. Пусть придетъ какое угодно громкое событіе, и не возбудитъ оно ни въ комъ, ни ярости, ни отчаянія, ни поисковъ въ темнотѣ ошупью; оно представится въ формѣ послѣдняго доказательства той или другой теоріи.

Умъ вступаетъ въ свои права; а гдѣ умъ а не увеличеніе, тамъ ровный, покойный, плодотворный прогрессъ.

И у насъ, какъ вездѣ, были, и вѣрующіе, и сомнѣвающіеся. Мы оставимъ въ сторонѣ то время, когда воспитателемъ общества былъ благородный Новиковъ и его сотрудники; мы подвижемся ближе. Мы не станемъ разбирать и самыхъ теорій; мы будемъ говорить только объ общей формѣ, въ какой являлись теоріи на видъ публикѣ. Съ Пушкинымъ явилось безотчетное, безпричинное недовольство, съ Марлинскимъ—драппировка въ плащи всякихъ героевъ, съ Лермонтовымъ затаенная, сосредоточенная злоба и отрицаніе. Явились подражатели и въ обществѣ; но они были смѣшны, и очень скоро потеряли кредитъ. Они были смѣшны потому, что неполнѣ понимали тѣ образы, отъ которыхъ заимствовали внѣшность. Они повторяли слова «Печорина» или «Кавказскаго плѣнника», не понимая, почему именно были вложены эти слова въ уста того и другаго; они не видѣли тѣхъ корней, которыми эти образы держались за нашу жизнь и потому были непослѣдовательны и сбивались съ пути, что и было причиной насмѣшекъ. Затѣмъ появились теоретики, славянофилы и западники съ Бѣлинскимъ, но обществу было отъ этого нелегче; напротивъ того, ему было еще труднѣе. Прежде вліяли на него образы плѣнниковъ, Бѣлозоровъ и другихъ, образы, понятныя хотя съ внѣшней стороны; теперь давали теоріи. Конечно, теорія лучше: она прямо идетъ къ цѣли, но только въ такомъ случаѣ, если она можетъ быть понята, если она составляетъ что-то въ родѣ самоучителя. А наши теоріи основывались на изученіи западной науки: на слѣдованіи ей (западники) или на противодѣйствіи нѣкоторымъ ея сторонамъ (славянофилы). Чтобъ ихъ понять, надо было быть знакомымъ съ западомъ, и, главное, надо было имѣть на столько знанія своего, на столько развитое гражданское чувство, чтобъ быть въ состояніи представлять себѣ наше собственное положеніе такъ, какъ представляли его въ своемъ умѣ сами создатели теорій. Забавныя часто подтруниванья и насмѣшки, появлявшіяся въ печати, ясно показываютъ, что не обладали ни тѣмъ, ни другимъ знаніемъ даже и очень многіе изъ подвизавшихся на литературномъ поприщѣ. Эти теоріи были слишкомъ высоки для публики, а спуститься имъ, низойти до разъясненій, высказать, что наша теорія вотъ такъ можетъ быть приложена къ нашей

жизни, то есть сдѣлаться понятными для публики этимъ теоріямъ было нельзя. Всѣ эти разъясненія дѣлались только въ дружескихъ кружкахъ, а до общества доходило какое-то темное облако, безъ всякихъ корней, которые бы связывали его съ землей, и именно съ нашей землей. Пожалуй иной, вникая съ трудомъ въ смыслъ фразы, снимая всевозможныя обложки, укутывавшія дѣло и находилъ связь съ чѣмъ-нибудь близкимъ ему, но этихъ иныхъ не могло быть много. Такая работа требовала и много времени, да и была не по силамъ огромному большинству, такъ-что политическаго воспитанія общества не было вовсе, было воспитаніе очень немногихъ единицъ.

Есть, однако, кое-какіе лихорадочные факты, относящіеся къ тому времени, которое показываетъ, что общество чего-то искало, что оно чувствовало потребность политической жизни, что ему нужны были предметы, на которыхъ бы могли сосредоточиться общіе для всѣхъ интересы, что жизнь того времени не вполнѣ удовлетворяла общество. Сюда можно отнести, напримѣръ, возведеніе на высочайшіе пьедесталы Брюлова, Кукольника, и другихъ, преклоненіе передъ ними, сравненія по ихъ поводу себя съ иностранцами, чванство по этому случаю. За нѣмнѣишемъ другаго, общество на время увлекалось, хоть, чѣмъ-нибудь, потомъ, замѣтивъ, что игрушка его не удовлетворяла не наполняла его жизни, бросало ее и принималось за другую.—И такъ, неудовлетворительность, неполнота жизни чувствовалась, однако же теоріи, какъ мы замѣтили, независимо отъ ихъ создателей, не могли ее наполнить. Они указывали на врачеванія, отстаивали тотъ или другой методъ леченія, но не указывали на болѣзни, которыя хотѣли лечить. Общество знало, напримѣръ, взятки, знало ихъ вредъ, относилось за угломъ очень злобно къ лихоимцамъ, было бы радо ихъ смѣти; но что ему было за дѣло до бюрократизма, о которомъ, положимъ, говорилось въ теоріи, безъ всякаго примѣненія къ нашей жизни? Относясь злобно къ лихоимству, общество холодно относилось къ теоріи бюрократизма; желая смѣны лихоимца, общество было равнодушно къ системѣ бюрократизма. А теорія не могла выяснитъ связи между тѣмъ и другимъ на нашей почвѣ, и, раздробивъ неудовольствіе перенести часть его съ лицъ на принципы. Вотъ потому-то воспитанія общественнаго и не было; не было полной органической жизни.

А между тѣмъ, сами теоріи, не сталкивавшіяся ни съ практи-

ческую жизнью, ни съ контролем общества, были совершенно свободны, а потому въ иныхъ головахъ развивались въ чисто-фантастическія арабески.

Всякій изъ обращавшихся въ нашемъ образованномъ обществѣ средней руки, безъ сомнѣнія, помнитъ, какими яркими цвѣтами загорѣлась еще такъ недавно наша старая вѣра. И въ залѣ, и въ гостиной, и въ скромной каморкѣ все улыбающіяся лица, да самодовольныя позы. Проснулись на время и равнодушныя ко всемъ дѣламъ міра сего любители ералаша и преферанса. То поютъ, то толкуютъ все о томъ, какъ не сдобровать на Руси племяннику. Сомнѣнію, даже и легкому, не было мѣста, и не думалъ ни одинъ, что за племянникомъ тянулись, и англичане, и турки, и сардинцы. Велика была вѣра въ нашу неодолимую силу.

Пошли своимъ ходомъ событія, стали доходить сначала слухи потомъ и вѣрныя извѣстія, и вдругъ оборвалась горделивая пѣсня

Что жъ было дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? Заколебало одно изъ главныхъ, одно изъ самыхъ распространенныхъ вѣрованій, то, на которое почти не было сомнѣвающихся, то которое поддерживалось многими яркими прошлыми событіями. Фактъ совершился, ударъ былъ нанесенъ, скрижали разбиты. Приходилось или впасть въ отчаяніе, опустить руки, возопитъ слезно, посѣпать голову пепломъ, сознаться въ немощи и молить о дарованіи смиренномудрія или съ благородною надеждою на будущее, свойственною молодому народу, не унижать себя нравственно, сохранить вѣру, и въ себя, и въ свою силу, и, взявшись за анализъ, открыть причины, лежащія внѣ насъ, внѣ нашей натуры, тѣ причины, которыя вызвали фактъ, противорѣчившій нашему истинному, неоспоримому вѣрованію въ свою народную силу. Самоуничиженіе и отреченіе отъ вѣрованія, или сохраненіе его и пожертвованіе многимъ другимъ—третьяго пути не было. Слишкомъ сильно было развито наше общество, слишкомъ малъ былъ и самый фактъ для того, чтобы удраться въ самоуничиженіе и отчаяніе; оставался только анализъ.

И необходимъ былъ свѣдѣнный, быстрый анализъ; заходила ногою льдина, и, во что бы то ни стало, надо было тотчасъ же переставить эту ногу. Надо было тотчасъ же дойти до результатовъ, потому что нельзя же долго ославаться безъ вѣрованія.

шло было съ разу найти тотъ или другой предметъ, указать на него какъ на виновника, и разогнуть согнутую спину.

Надо было найти, но гдѣ же было искать? Общество, не-приготовленное сомнѣніемъ, никогда не задумывавшееся объ общихъ своихъ дѣлахъ, общество, въ простодушномъ упованіи на всякое благо, покойно занимавшееся картами, пѣніемъ да музыкой, общество, до котораго не доходили ни опасенія, ни теоріи, ни надежды сомнѣвавшихся кружковъ, могло ли такое общество съ разу попасть на вѣрную дорогу, указать прямо на главныя причины, обусловившія неудачу? Нѣтъ; такому обществу предстоялъ долгій путь, цѣлая бездна ошибокъ; ему надо было начинать съ азбуки. Оно съ нея и начало. Ему, нисколько неподготовленному сомнѣніемъ, пришлось перелистывать невиданныя до-тѣхъ-поръ медицинскія книги въ то самое время, когда разразилась болѣзнь; пришлось во время самой игры разбирать по мастямъ и по крапу спутанныя карты. Событіе застало врасплохъ и естественно должна была послѣдовать въ средѣ са-мого общества бѣготня, неурядица, поминутныя паденія, все-возможныя крайности.

Въ первый же моментъ переполоха, на основаніи прежняго наловѣрія, во все то, что близко, что непосредственно у дѣла, набросился на дѣйствія лицъ. Разомъ, безъ промежутка, въ тѣхъ же комнатахъ появились другіе звуки, другія пѣсенки, обвинянія того или другаго непосредственнаго распорядителя, но сходныя по смыслу съ прежними пѣснями: тѣ выражали нашу вѣру, эти, укоряя лица, прославляли возстановленіе ея же.

Но оказался плохъ якорь, не выдержали канаты и одной недѣли, и такъ же спѣшно, такъ же порывисто пошли дальше, и добрались до слоговъ. Выступила на сцену непроходимая грязь по дорогамъ, плохое образованіе того или другаго ученаго, видѣвшаго болото тамъ, гдѣ была твердая почва, прежняя нераспорядительность, дѣйствія, спустя рукава, нерадивость того или другаго учрежденія, злоупотребленія и ихъ причины: огромныя переписки, формальности, недостатокъ контроля, боязнь взять на себя отвѣтственность, стараніе все свалить на высшихъ, и даль-ше, какъ общая всему причина, выставилась опека, проявлявшаяся въ тысячѣ разнообразныхъ формъ, начиная отъ дѣтскихъ воспитательныхъ заведеній. Опека, пользуясь которой, каждый становилъ себя въ лично-выгодное положеніе орудія, ради кото-рой каждый дѣйствовалъ не столько по разуму и совѣсти, сколь-

ко по формѣ, и находилъ такіа дѣйствія достаточными и честными, потому-что бдительный глазъ опеки, проникавшій во всё поры, какъ бы снималъ съ каждого обязанность отвѣчать самому за себя. Та опека, которая старалась съизмала стирать индивидуальныя особенности, которая, подводя всѣхъ подъ одну предварительно-изобрѣтенную формулу, сортировала лица не по ихъ особенностямъ, не по ихъ личнымъ качествамъ, а по количеству шаговъ, сдѣланныхъ по одной общей бюрокритической дорогѣ. Но и тутъ нельзя было остановиться, потому-что корни опеки сидѣли глубоко въ исторіи. Взялись за исторію, и стали блекнуть многіе изъ золотыхъ лучей, окружавшихъ величественный образъ Петра; стали казаться шаткими основанія, на которыхъ работалъ честный бодрый Сперанскій; отвели и Бѣлинскому почетное мѣсто въ исторіи, но пересталъ и онъ быть идоломъ. Быстро падали, одна за другой, личн сти—но не вся тутъ работа. Эти личности, которыхъ вліяніе протягивалось непрерывной нитью до послѣднихъ событій, они, которыхъ дѣятельность вмѣстѣ съ позднѣйшими ошибками обуславливала самыя послѣднія событія — они сами не были же независимы; они дѣйствовали на основаніи разныхъ своихъ принциповъ философскихъ и другихъ, которые давали направленіе имъ, а они—цѣлой исторіи. Оказалось неизбежной критика всевозможныхъ принциповъ; надо было въ нихъ отличить истину отъ лжи, надо было измѣнить прежде ихъ, а потомъ успокоиться, потомъ остановиться твердо.

Замѣтилъ хозяинъ въ стѣнѣ своей трещину, и вотъ, замазавъ ее наскоро первой попавшейся подъ-руку глиной, не оставилъ онъ, благоразумный, своей работы, а сталъ, кирпичъ за кирпичомъ, разбирать всю стѣну. Добрался онъ и до фундамента, до почвы, на которой стоитъ онъ, для того, чтобы открыть первыя причины этой трещины, чтобы устранить ихъ и вывести вновь, или цѣлый кусокъ стѣны, или всю ее цѣлою и твердою. Такъ работалъ неутомимый анализъ.

Падали, другъ за другомъ, идеалы, туманилось то, во что вѣрили слѣпо; острымъ клиномъ вбивался анализъ во всё близкія отношенія, гдѣ, казалось, было все такъ тѣсно связано. Ораторы кружка, въ честность дѣятельности которыхъ такъ сладко было вѣровать, не для того ли только ихъ рѣчи, чтобы выказать острогу своего ума, не для того ли, чтобы отличиться на-

учными положительными взглядами, недоступными, намъ простымъ смертнымъ, не для того ли, чтобъ похвастать способностью цѣпляться за чужія слова такъ же, какъ цѣпляются рыболовные крючки, которые рвутъ, но не опровергаютъ?

Немыслимо отрицаніе безъ положенія. Отрицающій анализъ, вызывалъ постоянно положительные идеалы. Падало что-нибудь одно, и на мѣсто его являлось тотчасъ другое: указывалъ анализъ на злоупотребленія лицъ; падала вѣра въ нихъ и замѣнялась тотчасъ же положительнымъ — вѣрой въ гласность. Шелъ анализъ дальше, указывалъ, что далеко не все въ злоупотребленіяхъ, отодвигался на второй планъ и самый идеалъ, соответствовавшій злоупотребленіямъ — гласность; къ ней охладѣвали, надъ ней подсмѣивались. Мы шли, можетъ быть, не рационально но совершенно естественно, и иначе идти мы не могли. Конечно, многіе наши идеалы падали не развившись; пылая вѣра въ нихъ простывала мгновенно, за такую неустойчивость укоряли насъ, а все-таки иначе идти было невозможно; избѣжать паденій идеаловъ нельзя.

Еслибъ можно было намъ раздвоить человѣческую натуру; мы бы могли идти болѣе рационально. Можно было бы приказывать себѣ заниматься только однимъ анализомъ и потомъ, когда бы онъ дошелъ до конца, когда бы онъ открылъ первую причину зла, тогда бы мы построили общій идеалъ, который бы соответствовалъ этой первой причинѣ и составлялъ бы всеобщее врачующее средство. Конечно, это было бы лучше; но бѣда въ томъ, во-первыхъ, что анализъ не кончается никогда, и не дошли бы никогда до первой причины; а во-вторыхъ бѣда въ томъ, что раздвоить человѣческую натуру нельзя. Эта натура основана на постоянной гармоніи анализа и идеала, и у кого нѣтъ идеала для противовѣса отрицающему анализу, тотъ застрѣливается или отравляется. Значить, чтобъ идти тѣмъ истинно рациональнымъ путемъ, котораго требуютъ иные, надобно бы намъ всѣмъ сначала умереть, а потомъ построить идеалъ. Это вѣтъ очень трудный. Если ты почувствовалъ первые позывы голода—не ѣшь первое попавшееся, а ищи болѣе рациональнаго лучшаго кушанья; не ѣшь и то, что тебѣ попадетса во вторыхъ, а разложи химически, и когда найдешь недостатокъ и въ этой второй пищѣ, не ѣшь и ее, и ищи лучшей, и такъ все дальше.

Мы шли болѣе худымъ но болѣе естественнымъ путемъ, шли, какъ идутъ философы и естествоиспытатели. Философъ видитъ

около себя десять фактовъ, въ которыхъ зло; у него является теорія для излеченія этого зла. Прилагаетъ онъ въ умъ своею эту теорію къ дѣлу, и замѣчаетъ, что ей не подчиняются другіе десять фактовъ; что она не есть общее врачующее средство. Онъ отодвигаетъ ее на второй планъ, и изобрѣтаетъ новую. Если бы не вѣровалъ онъ въ первую, то-есть, если бы онъ не ошибаеся, онъ не видѣлъ бы ея несостоятельности; теорія бы жила; не было бы ея паденія. Но безъ приложенія ея къ дѣлу, къ фактамъ, безъ временной вѣры въ истинность ея, то-есть безъ его ошибки, не открылась бы несостоятельность теоріи и не изобрѣлъ бы онъ лучшую. Естественный испытатель идетъ также: увѣровалъ онъ, что вся сила въ цвѣткѣ, приложилъ эту теорію къ дѣлу, ошибочно расположилъ всѣ растенія по цвѣткамъ, и тогда только, когда нѣкоторыя растенія не подчинились классификаціи, увидѣлъ онъ ошибку — теорія пала и перешелъ онъ къ формѣ общему основанію для дѣленія — къ сѣмени. Не увѣруй онъ въ переходную теорію, не ошибись онъ, не приложи ее къ дѣлу и не явилась бы лучшая. И всѣ такъ идутъ. Ошибка необходима; безъ нея нѣтъ развитія. А развитіе должно было быть необходимо, потому-что независимо ни отъ кого изъ насъ явился анализъ. Значитъ, необходима была и ошибка, неизбежно было и паденіе переходныхъ идеаловъ. Если въ сознаніи общества они падаютъ быстро другъ за другомъ, то это значитъ, что быстро движеніе впередъ. Чѣмъ больше дороги позади, тѣмъ болѣе пройденный путь.

Такимъ образомъ явилась у насъ вѣра въ гласность и скоро отодвинулась эта гласность на второй планъ. Заикли толки о свободной торговлѣ; мало кто прислушивался къ позднимъ спорамъ ея защитниковъ и противниковъ, не ходили на лекціи; все потому, что анализъ пошелъ дальше, явились новые идеалы и полезное дѣло свободной торговли отодвинулось на второй планъ. При ней остались честные дѣятели, но другіе пошли дальше, увѣровавъ, что внутренняя припарка если и прекратитъ зубную боль, то только на время, и что если это и очень хорошая припарка, могущая принести пользу, то все же она не будетъ дѣйствительна пока не очистится желудокъ, способствующій гніенію зубовъ. Очистимъ его, а потомъ приложимъ и припарку — и будетъ она вполнѣ хороша. Отсюда же охлажденіе къ воскреснымъ школамъ, совершенно естественное. За ними остались дѣятели; разработываютъ они почву, но недѣля же был

сидѣть за ними всѣмъ, нельзя же было восторгаться ими всѣмъ, точно также, какъ восторгались въ то время, когда эти школы составляли послѣднюю нашу станцію, когда онѣ были послѣднимъ переходнымъ идеаломъ, когда анализъ то-есть дошелъ до той степени, что противовѣсившимъ ему идеаломъ явилось именно школы. Пошелъ анализъ дальше, и школы остались позади не потому, что онѣ худы, а точно также, какъ остаются позади всѣ вопросы, кромѣ хлѣбныхъ, въ то время, когда начинаютъ нагнетать матеріальные недостатки. Сначала пища, а тамъ школы, а тамъ свободная торговля, а тамъ ассоціаціи, акціонерныя общества. Порядокъ необходимъ, и въ нашемъ развитіи онъ былъ и очень строгій. Мы начали только съ конца, положимъ, съ акціонерныхъ обществъ, то есть не съ принциповъ, а шли къ нимъ отъ слѣдствій естественнымъ путемъ; шли отъ того, что было передъ глазами, отъ поверхности, которая закрывала фундаментъ, а не отъ фундамента котораго не было видно. Анализъ, за нимъ теоріи; опять анализъ, паденіе или отхожденіе на второй планъ первой теоріи; новая теорія, и такъ дальше. Идемъ къ обмену, начиная отъ сучковъ и листьевъ. Тѣмъ же самымъ объясняется увлеченія акціонерными обществами, научными лекціями и нѣкоторое охлажденіе къ тѣмъ и другимъ. И тѣмъ и другимъ еще занимаются; но большинство, занимавшееся прежде, занимается, какъ дѣломъ очень полезнымъ, но второстепеннымъ, занимается, можетъ-быть, серьезнѣе прежняго, но безъ того увлеченія, когда то и другое составляло вѣрованіе, и когда лекціи, особенно естественныхъ наукъ, прославлялись сильно, когда явилась цѣлая фаланга книгъ по естественнымъ наукамъ. Есть и такіе, которые учатся горячо, потому-что они только вступили въ этотъ болѣе ранній періодъ развитія. Имъ предстоитъ тотъ же путь. Они не принадлежатъ еще обществу, но кандидаты ко вступленію въ него. Если спросить ихъ: чего вамъ надо? они, можетъ-быть, отвѣтятъ: школы; но не слѣдуетъ увлекаться подобнымъ отвѣтомъ, принимая въ соображеніе предстоящій имъ путь дать большее, именно то, до чего дошло общество. Когда они на своемъ пути будутъ мало-по-малу находить уже готовое, они не будутъ идти съ тѣмъ же пыломъ, съ которымъ шло общество, не будутъ выносить тѣхъ же раздражающихъ пожертвованій и тягостнаго паденія идеаловъ, а будутъ примиряться съ жизнью, и идти своимъ путемъ безъ тревоги и волненій, пользуясь прежней тягостной работой общества. Вотъ по-

чему, при настоящемъ строе общества, никакъ нельзя согласиться съ пословицей, которая увѣряетъ, что гласъ народа—гласъ Божій, и тѣ, которые хотятъ прислушиваться только къ этому гласу, сильно ошибаются. Вышедшему на работу поздно дается тотъ же талантъ, какъ и вышедшему рано. Мало работавшему—столько же, сколько работавшему много, потому что эта многая работа отъ случайности, отъ того, что второй случайно стоялъ впереди, то есть въ обществѣ. Это дѣлается ради мира, любви и покоя, ради облегченія пути множеству вслѣдствіе заслугъ, труда и потерь немногихъ. Въ этомъ принципѣ догматъ искупленія. Оно повторяется постоянно въ развитіи народовъ. Полумѣра есть то, что удовлетворяетъ требованіямъ недошедшихъ—это полуталантъ, данный всѣмъ вообще; коренная мѣра того, что удовлетворяетъ ушедшихъ далѣе;—цѣлый талантъ, данный всѣмъ работникамъ, независимо отъ количества работы. Въ этомъ философія прогресса.

Большею частью идеалы, на которыхъ отдыхали мы на пути, были не новые: легко можно было отыскать ихъ въ книгахъ, печатавшихся въ началѣ царствованія императора Александра I и раньше. Эти стремленія, въ то время гласныя, вѣроятно, и послужили первыми ступенями теорій, развивавшихся потомъ въ кружкахъ сомнѣвавшихся. Но для публики эти старыя книги были мертвы; между ними и новымъ поколѣніемъ легли цѣлыя тридцать лѣтъ или даже больше, въ которыя общество не слагалось, въ болѣе плотную массу не спланивалось, а разлагалось. Въ эти годы усиливались индивидуальныя стремленія къ заимствованію блеска отъ чиновъ, и тому подобныхъ цѣлей, разлагающихъ общество на единицы, независимыя другъ отъ друга духовно. Общество уединялось въ кружки. При такомъ положеніи дѣла, конечно, были мертвы всѣ старыя стремленія; не вліяли и не доходившія до общества теоріи кружковъ.

Бывали, какъ мы замѣтили выше, попытки сгруппироваться около Брюлова и другихъ, но все это было такъ слабо; основанія къ группировкѣ были маловажны.

Когда анализъ вызвалъ потребность идеаловъ, когда въ последнее время стало группироваться общество на основаніи единства убѣжденій о существенныхъ нуждахъ каждаго, тогда выступили необходимо и старыя теоріи. Изъ нихъ стали черпать идеалы. Тогда только стали понимать ясно теоріи и тѣ образы въ романахъ и повѣстяхъ, въ которые они облакались. Из-

вѣстность Бѣлинскаго, Хомякова, Аксакова и другихъ стала распространяться; о нихъ заговорили.

Но если идеалы наши были уже не новые, если они встрѣчаются въ старинныхъ книгахъ, если они послужили уже къ дальнѣйшимъ выводамъ, то зачѣмъ же новое общество пошло сначала? Первоначальный анализъ въ кружкахъ уже былъ, были и переходные идеалы, они уже падали и отодвигались въ средѣ этихъ кружковъ; эти паденія способствовали уже зарожденію идеаловъ болѣе общихъ — зачѣмъ же новое общество повторяло этотъ путь? Напримѣръ: хотъ бы славянофилы не установились на какой-нибудь гласности, они во время возрожденія общества дошли уже до положенія, что многое изъ западнаго намъ не пригодно. Зачѣмъ же мы съ разу не хватились хотъ бы за этотъ или за какой-либо другой такой же общій принципъ? Намъ путь былъ бы легче; не было бы столько паденій.

Отчего же мы хотѣли доходить непременно сами, а не взяли готовыхъ теорій, дошедшихъ до общихъ принциповъ? Отчего работа кружковъ пропала почти даромъ? Отвѣтъ простой: оттого, что мы прежде не шли, прежде не знали этой работы. Общество, до котораго не доходило сомнѣній, было далеко отъ того анализа, который вызвалъ общіе идеалы въ кружкахъ, и нужно было дойти до него. Въ умственномъ развитіи не бываетъ скачковъ двуутробки; въ немъ—последовательное движеніе. Намъ начала учить не теорія. Жизнь дала намъ первый урокъ, и породила анализъ жизненныхъ фактовъ. Поздно было хвататься за изученіе теорій, когда жизнь приняла на себя роль учителя. Свалилъ анализъ одно вѣрованіе, пришлось тотчасъ же поставить вмѣсто него идеаль; свалился и этотъ, и пошло такъ дальше последовательно, все по урокамъ жизни. Оставаться безъ вѣрованій и въ это время изучать теоріи съ принциповъ нельзя было, потому что безъ вѣрованія, безъ идеала оставаться нельзя ни минуты. Такъ и пошли отъ слѣдствій къ принципамъ, не успѣвая усвоивать теорій въ ихъ цѣлости.

Намъ привелось идти своими ногами, да врядъ ли и наука избавляетъ отъ этого. Наука—шосохъ, и опираясь на нее, идти до полнаго убѣжденія надо все-таки самому. Политическая мудрость дается одною жизнью; наука только помогаетъ. У насъ такой помощи, конечно, было мало, а запастись ею во время самаго чередованія анализа и идеаловъ было трудно. И не по нашей винѣ было мало этой помощи. Анализъ у насъ началъ

ся сначала съ азбуки, потому-что прежде не доходило сомнѣнiе, и тѣмъ опредѣлился надолго дальнѣйшiй ходъ. Общество должно было создавать тѣ самыя теорiи, которыя создавались въ кружкахъ, и только въ настоящее время наступила заря образованiя партiй, только теперь многiе доходятъ до тѣхъ убѣжденiй, которыя были уже давно готовы въ кружкахъ. Прежде была провѣрка теорiй, ревизiя, начавшаяся поздно, та провѣрка, которая, при нормальномъ ходѣ, дѣлается по мѣрѣ развитiя самыхъ теорiй. Чтобы убѣдиться вполне, чтобы увѣровать твердо, надо самому пройти сквозь всѣ фазисы умственнаго развитiя, надо до всего дотронуться пальцемъ. А убѣдиться вполне мы желали независимо отъ нашей воли на столько же независимо, на сколько независимо кажутся сани до низу ледяной горы, тѣ сани, которыя сдѣлали первый шагъ пути. Этотъ первый шагъ—было начало анализа. Стремленiе къ полному убѣжденiю лежигъ въ потребности чувствовать себя вполне удовлетвореннымъ, а эта потребность въ человѣческой натурѣ. Принять готовымъ, никогда прежде непровѣренныя теорiи значило то же, что отказаться отъ потребности чувствовать себя удовлетвореннымъ, а это невозможно. Однимъ словомъ, мы никакимъ образомъ не могли идти иначе, чѣмъ шли.

Опѣшность, торопливость, пылъ, лихорадочность, замѣчаемыя въ нашемъ развитiи, завистли отъ двухъ причинъ, и были опять совершенно неизбежны. Проснувшемуся обществу необходима политическая вѣра; она необходима во всякiй моментъ его существованiя. Событiе потрясло одно вѣрованiе и въ ту же минуту явилась другая вѣра, говорившая: новые люди будутъ лучше. Исслѣдованiе тотчасъ же показало неосновательность такого идеала, явился второй, третiй, и люди пылаго воображенiя, одаренные способностью критики, перебѣгали необыкновенно быстро, тѣмъ быстрее, чѣмъ ближе были къ началу, точно такъ же, какъ быстрее уснѣхи ученика, чѣмъ они ближе къ азбукѣ. Не виноваты они въ томъ, что имъ нужна была необходима вѣра, а остановиться было имъ не на чемъ. Общество, во имя исканiя той же вѣры шло, также быстро, до тѣхъ поръ, пока грубая недостаточность идеаловъ ясна была всякому; никто не остановился на идеѣ смѣнить лица; для всѣхъ этотъ вопросъ отодвинулся на второй планъ. Затѣмъ многiе, не обладая чуткостью усовъ насѣдомыхъ, не чувствовали недо-

статичности послѣдующихъ идеаловъ, хотя и оглядывали ихъ. Осмотрѣвъ во второй разъ, нѣкоторые подвинулись впередъ.

Въ настоящее время, остановка эта замѣтна сильно, и въ ней то надо искать зародыша партій. Однако, необыкновенно сильно ошибся бы тотъ, кто почелъ бы эту остановку за возвращеніе къ старому, Она значитъ: *мы дошли до безукоризненныхъ, на наше мнѣніе, идеаловъ, приданныхъ для насъ вполне и не хотимъ идти дальше.* Это не консерваторы стараго, это ратоборцы не за отжившее, а консерваторы тѣхъ идеаловъ, на которыхъ они остановились и которые они считаютъ для всѣхъ пригодными. Они остановили свой анализъ, но не уничтожили прежняго. Имъ предстоитъ работа къ воплощенію ихъ послѣднихъ идеаловъ. Анализъ кончился для нихъ, по-крайней-мѣрѣ, на время. Если такое воплощеніе совершится скоро, то образуется сильная партія; если нѣтъ, не на что будетъ опереться этимъ остановившимся, и продолжающійся анализъ другихъ возьметъ скоро верхъ. Анализъ этотъ можетъ указать имъ на несуществованіе ихъ идеаловъ на дѣлѣ и указать имъ на тотъ фактъ, что пока они шли впередъ, оставляемые ими идеалы воплощались въ обществѣ, какъ было съ гласностью, съ акціонерными обществами и со многими другими. Продолжающіе анализъ, могутъ доказать фактами, что надо двигаться дальше, чтобы воплотилось пройденное... Дѣло, но только одно дѣло можетъ опровергнуть этотъ аргументъ; его-то и ждутъ, на него-то и рассчитываютъ остановившіеся. Остановившимся, если не хотятъ они быть увлеченными вновь, надо работать надъ осуществленіемъ ихъ послѣднихъ идеаловъ, другаго пути мы не знаемъ. Воплощеніе этихъ идеаловъ должно удовлетворить сначала всѣхъ, но съ тою разницею, что для остановившихся эти идеалы будутъ до известнаго времени конечными, для анализирующихъ — переходными. Явятся двѣ партіи, и вслѣдъ за ними, правильная, но выраженіи «Русскаго Вѣстника» — вертикальная, безопасная, а не горизонтальная, сословная и гибельная борьба. Настоящая минута представляетъ моментъ очень выгодный для того, чтобы перевести наше фаталистическое до-сихъ-поръ развитіе, шедшее на основаніи прежнихъ задатковъ исторіи, перевести въ развитіе органическое. Такъ что, оппозиція, замѣчаемая въ нѣкоторыхъ новременныхъ изданіяхъ, не есть оппозиція движенію впередъ на дѣлѣ: это споръ о томъ, какіе идеалы слѣдуетъ воплотить, а не о томъ слѣдуетъ-ли воплощать что бы то ни было.

Если идеалы остановившихся не воплотятся, эта партія проиграет и бесполезность спора, если она выяснится на дѣлѣ, уничтожить партію остановившихся.

Другая причина пыла, которымъ отличается наше умственное развитіе объясняется прежнею сдержанностью гражданскаго чувства. Только одна матеріальная природа у человѣка, или есть въ тоже время и духовная часть—это все равно. Во всякомъ случаѣ матерія способна сохранять впечатлѣнія прежняго времени, и они-то вызываютъ, рано или поздно, реакцію. Если прослѣдить это по лицамъ, то нѣтъ сомнѣнія, что окажется, за малыми исключеніями, что пылу болѣе у того, чье предъидущее развитіе было болѣе сдавлено обстоятельствами. Подъ подобными же обстоятельствами развивались мы всѣ, вотъ почему у всѣхъ, по-крайней-мѣрѣ въ первое время, было и достаточно пыла. Всѣ мы существовали отдѣльно и никто изъ насъ не существовалъ политически, то есть за всѣхъ и для всѣхъ, и вотъ почему являлось страшное желаніе существовать политически; заявить чѣмъ бы то ни было о своемъ существованіи, о томъ, что мы налицо, что мы еще не умерли. Это обстоятельство, съ своей стороны, совокупно съ другими, поддерживало страсть къ рѣшительнымъ приговорамъ, ко всевозможнымъ, предпріятіямъ. Говорять: воздержитесь. Но вѣдь воздержаніе предполагаетъ уже извѣстную степень мудрости, которая дается одною жизнью, и гдѣ же ее было взять обществу, которое вовсе не жило? Вторыхъ, эта невоздержность, этотъ пылъ не обуславливался ли сильною закоснѣлостью тѣхъ, которымъ лично были выгодны прежнія начала и которые могли ихъ отстаивать, стараясь пугать воображеніе встрѣчнаго и поперечнаго всякими страшными призраками и тѣмъ самымъ задерживать на дѣлѣ то движеніе, которое неизбѣжно происходило во сферѣ ума. Если бы переслабили эти лица, то дисгармонія между внутреннимъ развитіемъ и дѣломъ была бы страшная, и они то именно, эти-то люди, являшіеся подъ личиною благоразумія, они именно и могли, достигнуть результата противоположнаго тому, который былъ у нихъ на устахъ. Они-то именно въ своемъ незнаніи и работали на пользу тѣхъ призраковъ, которыми старались запугать воображеніе всякаго своего случайнаго сосѣда. Если на пылъ и увлеченія смотрѣть съ этой точки зрѣнія, а такая точка намъ кажется вполнѣ справедливою, то есть съ точки зрѣнія противодѣйствія закоснѣлости, то и пылъ и увлеченія окажутся

въ высшей степени полезными, содѣйствовавшими сильно къ возделѣнному миру и покою.

Такимъ образомъ общество выработывало себѣ вѣрованія, но ими не могъ еще кончиться процессъ. Эти вѣрованія далеко не были равносильны тѣмъ, которыхъ мѣсто имъ надо было занять. Прежнія вѣрованія были воплощены въ историческихъ лицахъ, въ преданіяхъ, въ разныхъ учрежденіяхъ; новыя являлись въ формѣ убѣжденій. Для полноты замѣны старыхъ новыми, необходимо было воплотить и эти новыя. Вотъ откуда идетъ начало того бурнаго стремленія, которое тотчасъ же перевело гласность въ обличеніе, которое съ восторгомъ было привѣтствовано публикой! Вотъ гдѣ начало основанія множества акціонерныхъ обществъ: ими воплощалось вѣрованіе въ благо самодѣтельности безъ опеки. Въ это время и люди покойные, которые теперь укоряютъ другихъ въ поспѣшности, не говорили ничего, потому что и для нихъ въ этихъ новыхъ учрежденіяхъ воплощалось вѣрованіе. Потомъ стали передъ нами новые идеалы; всякія акціонерныя общества подчинились имъ и естественно началась критика ихъ, а иногда и наивное сваливаніе всего гуртомъ на русскую натуру. Мы сдѣлали шагъ впередъ, и тогда только стала возможна критика. Когда стояли на воплощеніи идеала самостоятельности, когда была первая горячая потребность воплотить этотъ идеалъ какъ бы то ни было, хотя бы въ бѣдной формѣ акціонерныхъ обществъ, когда неполнѣе еще было ясно, что эта частная самодѣтельность подчиняется болѣе общимъ формамъ той же самодѣтельности, въ то время, когда поджигало невыносимо не только увѣровать въ идеалъ но и воплотить его, потому что немыслима политическая вѣра безъ осязательныхъ ея представителей, безъ воплощенія, въ такое время не могло быть и критики. Мало еще убѣжденія, нуженъ фактъ, въ которомъ оно осуществляется. Наконецъ, если и была кое-какая ничтожная предусмотрительность, боязнь за будущее, то эта предусмотрительность основывалась не столько на сознаніи, сколько на привычкѣ гувернирствовать, которая всегда была въ ходу. Общество не прислушивалось ни къ чему, потому что ему надо было воплотить свою вѣру, ему надо было удовлетворить высшей потребности. Помогали этому дѣлу и пылъ и желаніе заявить о своемъ существованіи. Самыя нелѣпыя спекуляціи удавались и эта удача доказываетъ именно, какъ сильно было желаніе воплотить новое вѣрованіе. Тѣми же началами

Объясняется появленіе множества журналовъ, лекцій, особенно естественныхъ и экономическихъ наукъ, появленіе множества книгъ по этимъ отраслямъ знанія. Двинулись мы дальше—и все это отстало. Главный пунктъ дѣйствія перенесенъ впередъ, и все старое осталось позади; явились требованія о воплощеніи болѣе общихъ идеаловъ, подчинившихъ въ умѣ всѣ уже воплотившіеся. Всякій знаетъ, какъ дорого стоила эта дорога всѣмъ, а идти иначе, какъ мы шли, было для насъ невозможно.

Мы твердо убѣждены, что всѣ споры, всѣ микроскопическія явленія литературныя и другія всѣ явленія болѣе важности подходятъ безъ всякой натяжки подъ высказанныя нами основанія, и объясняются ими вполнѣ. Въ настоящее время мы не намѣрены заниматься этими объясненіями.

К. Варнекъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РЕФОРМАТОРЪ БВЗЪ РЕФОРМЫ.

(Окончаніе.)

II. НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕФОРМЫ СПЕРАНСКАГО.

Жизнь графа Сперанскаго. Сочин. барона Корфа. Спб. 1861 года.

Дружескія письма графа М. М. Сперанскаго къ П. Г. Мавальскому. Спб. 1862 г.

Въ нашей предъидущей статьѣ мы старались показать, что вся финансовая реформа Сперанскаго опиралась на одной его личности. Онъ рѣшалъ, на сколько слѣдовало сократить издержки; онъ устанавливалъ новые налоги и опредѣлялъ монетную единицу государства. По выраженію барона М. Корфа, Сперанскій былъ полновластенъ въ финансовыхъ дѣлахъ имперіи (т. 1 стр. 202) и, какъ мы старались показать, онъ оказался очень слабымъ.

* См. «Библіотеку для Чтенія» за 1862 г. № 2.

На поприщѣ финансовыхъ преобразованій Сперанскій не встрѣчалъ серьёзнаго противодѣйствія почти до послѣдней минутъ своей власти, т. е. до манифеста 11 февраля 1812 года, въ которомъ нашъ реформаторъ такъ ошибочно отступилъ отъ своего собственнаго плана. «Члены Государственнаго совѣта—говорить баронъ Корфъ—устранались отъ самыхъ замѣчаній на планъ Сперанскаго, частью по недостатку свѣдѣній, частью изъ домашнихъ разсчетовъ». Если же возникали въ совѣтѣ какія-либо мелочныя несогласія, то государь всегда принималъ сторону Сперанскаго. Богатое дворянство, враждебное нашему реформатору, не было затронуто ни его финансовыми мѣрами, ни введенными имъ налогами и оставалось къ нимъ почти-что равнодушнымъ. Записка Карамзина, выразившая нѣкоторыя мнѣнія высшаго класса или по-крайней-мѣрѣ большинства его, эта записка преслѣдуетъ финансовыя преобразованія Сперанскаго гораздо меньше, чѣмъ другія стороны его дѣятельности. Карамзинъ, между прочимъ не одобряетъ прекращеніе выпуска ассигнацій и нѣкоторую гласность въ дѣлѣ финансовъ. Нѣсколько замѣчаній Карамзина заставляютъ вспомнить, что ассигнаціи выпускались между прочимъ, для помощи и для ссудъ дворянскимъ имѣніямъ. Впрочемъ, съ этой стороны интересы дворянства не могли быть затронуты сколько-нибудь чувствительнымъ образомъ. Въ то время ассигнаціи были выпущены уже въ такомъ количествѣ, что трудно было помышлять о дальнѣйшихъ выпускахъ. Правда, Сперанскій не полагалъ основаній для кредита или, лучше сказать, его предположенія были неизвѣстны; но это выходило уже за предѣлы сознанія тогдашняго дворянства. «Податныя сословія, какъ говоритъ баронъ Корфъ—роптали на налоги и готовы были вѣрить всякому неблагоприятному слуху о Сперанскомъ». Ропотъ усилился послѣ манифеста 1-го февраля 1812 г., изъ котораго увидѣли, что правительство противорѣчитъ въ своихъ показаніяхъ и скрываетъ настоящее положеніе дѣлъ. Впрочемъ, возвышеніе налоговъ всегда не нравится и мнѣніе податныхъ сословій выражалось отдѣльными толками по домамъ, либо не доходило до правительственныхъ круговъ или являлось въ нихъ преобладающимъ интересами придворныхъ противниковъ Сперанскаго. Финансовая реформа не затрогивала интересы этихъ противниковъ и въ ней Сперанскій былъ полновластенъ.

Не то видимъ мы въ общегосударственной или, какъ называетъ ее баронъ Корфъ, въ организационной реформѣ. Почти всѣ-

ли подробностями ея Сперанскій сталкивался съ какими-либо интересомъ разныхъ классовъ общества, а тѣмъ болѣе съ интересами придворныхъ. Въ обще-государственной реформѣ Сперанскому пришлось выдерживать постоянную борьбу и здѣсь его личность пріобрѣтала важнѣйшее значеніе. Посмотримъ же насколько Сперанскій былъ одаренъ нужными силами для того, чтобы выполнить всѣ трудности преобразования.

Кто знаетъ, что обстановка первыхъ лѣтъ имѣетъ самое сильное и часто неотразимое вліяніе на всю жизнь человѣка, тотъ не можетъ достаточно пожалѣть о скудости свѣдѣній относительно молодыхъ годовъ Сперанскаго.

Сперанскій былъ сынъ священника помѣщичьяго села Черкутина, Владимірской губерніи.

Когда сыну минуло семь лѣтъ, отецъ свезъ его во Владиміръ, въ семинарію. Мальчикъ помѣстился въ домѣ своего дяди, старика-священника, усердно спрашивавшаго у него уроки дома и разъяснявшаго непонятое. Дочь этого старика, бывшая замужемъ за однимъ изъ владимірскихъ священниковъ, Смирновымъ, очень полюбила малютку и была главною воспитательницей его.

Сперанскій пробылъ въ семинаріи 11 лѣтъ. Какъ лучшій воспитанникъ, онъ былъ отправленъ въ ново-образованную въ Петербургѣ александро-невскую семинарію, переименованную потомъ въ духовную академію. Тамъ Сперанскій точно также показал свои способности и былъ первымъ ученикомъ. Онъ занимался тогда преимущественно математикою, и дѣйствительно въ формѣ разныхъ его записокъ мы замѣчаемъ отголосокъ строгаго расположенія математическихъ теоремъ.

По окончаніи курса онъ былъ оставленъ при Семинаріи.

Митрополитъ сталъ всячески убѣждать Сперанскаго идти въ монахи, но тотъ настойчиво отклонялъ всѣ предложенія. Въ этихъ стараніяхъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ и наконецъ Сперанскаго назначили преподавателемъ математики, физики и краспорѣчія въ александроневской семинаріи. Ему было тогда немного болѣе двадцати лѣтъ.

Свѣдѣнія вынесенныя Сперанскимъ изъ духовныхъ училищъ были, конечно, далеко необширны, а тѣмъ болѣе основательны, но за то духовныя училища дали ему привычку на трудъ и развитіе діалектики.

Позже, наверху своей власти, Сперанскій является настоящим гигантомъ труда. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ успѣваетъ ознакомиться съ сочиненіями по части, ему очень мало извѣстной, и составить болѣе или менѣе дѣльный проектъ. Работая по нѣсколькимъ учрежденіямъ, по нѣсколькимъ комиссіямъ, Сперанскій вездѣ является впереди и въ то же время успѣваетъ составлять безчисленные проекты преобразованій, цѣлыя книги о реформѣ, какъ говоритъ онъ въ одномъ мѣствѣ. На боргоскомъ сеймѣ въ шумной приемной, гдѣ толпится и разговариваетъ свита императора, Сперанскій переводитъ финляндское уложеніе. Простой перечень его сочиненій, изъ самыхъ ранообразныхъ областей знанія, объемомъ своимъ, конечно, превзошелъ бы все, что болѣею частью изъ нашихъ государственныхъ людей было написано въ цѣлую ихъ жизнь. Богословіе, исторія, археологія, древности церковныя, право, философія, филологія— все это онъ разработывалъ и часто въ многомъ приводилъ очень оригинальныя мысли. При этомъ въ своихъ работахъ Сперанскій бывалъ способенъ удовлетворить самымъ разнообразнымъ требованіямъ. Онъ умѣлъ составить и такой проектъ, который могъ быть истолкованъ далеко не въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ.

Но духовныя училища еще болѣе способствовали къ развитію діалектики нашего реформатора. Онъ говорилъ потомъ, что берется опровергать какую угодно мысль, хотя бы она была высказана имъ самимъ. Догматическая положительность и нѣкоторая врожденная мягкость его рѣчей отчасти напоминали духовное воспитаніе Сперанскаго. Въ преніяхъ онъ умѣлъ внимательно слушать и, кромѣ того, прививать свои идеи другимъ, незамѣтно для нихъ самихъ. Не разъ въ государственномъ совѣтѣ, собираясь оспоривать какое-нибудь мнѣніе, Сперанскій начиналъ съ панегирика ему, повторялъ всѣ тѣже доводы, развивалъ ихъ еще сильнѣе, воплилъ, касалось, раздѣлялъ это мнѣніе, и вдругъ, посредствомъ искуснаго поворота, приспособленнаго къ дѣлу и къ личности слушателей, увлекалъ за собою и ихъ, и даже того, кому возражалъ. Сперанскій точно также умѣлъ вести въ гостиныхъ занимательную бесѣду.

Пробывъ три года въ должности преподавателя, Сперанскій сдѣланъ профектомъ семинаріи, получилъ катедру философіи и усердно занялся философскими сочиненіями. Ньютонъ былъ

перемѣненъ на Декарта, Локка, Лейбница и другихъ до славнаго въ то время Кондильяка. Результатомъ этихъ трудовъ явилось нѣсколько записокъ философскаго содержанія, напечатанныхъ въ приложеніи къ недавно вышедшей книгѣ Масальскаго. Сохранилось преданіе о томъ, что Сперанскій принималъ въ это время участіе въ журналахъ.

Въ рукахъ профекта сосредоточивалось все нравственное управленіе училищемъ; но, несмотря на это, довольно важное мѣсто, Сперанскій вскорѣ очутился на совершенно иной дорогѣ.

Одному изъ тогдашнихъ вельможъ, князю А. Б. Куракину, брату извѣстнаго нашего посланника при Наполеонѣ I, понадобился домашній секретарь. Нѣкто Ивановъ, землякъ Сперанскаго, служившій у князя и жившій въ его домѣ, отрекомендовалъ князю нашего будущаго реформатора. Сперанскому назначили прѣдти для пробы, какъ то къ восьми часамъ вечера. Цѣлый часъ князь рассказывалъ Сперанскому содержаніе одиннадцати писемъ, которыя тотъ долженъ былъ написать. Къ утру слѣдующаго дня письма были готовы. Князь удивился очень и тотчасъ принялъ къ себѣ Сперанскаго.

Въ домѣ Куракина Сперанскій подружился съ пруссакомъ Брюнеромъ, служившимъ въ качествѣ гувернёра и главнаго наставника княжескаго сына. Брюнеръ обладалъ глубокими и многосторонними свѣдѣніями, благоговѣлъ передъ Вольтеромъ и энциклопедистами, и вообще былъ преданъ либеральному направленію того времени, что тщательно таилъ отъ стараго князя, заклятого врага такихъ идей. Въ каждый свободный часъ Брюнеръ и Сперанскій сходились въ комнату перваго, бывшей въ сторонѣ отъ прочихъ, и вели тамъ длинныя бесѣды, неоставшіяся безъ вліянія на будущаго реформатора.

При восшествіи на престолъ Павла I, князь Куракинъ былъ сдѣланъ генерал-прокуроромъ, и на него полились царскіе милости. Тогда Сперанскій тотчасъ вышелъ изъ духовнаго вѣдомства и поступилъ на службу въ канцелярію Куракина, быстро осыпавшаго его наградами и повышеніями.

«Въ тогдашнее время—говоритъ баронъ Корфъ—лица имѣвшія власть, нерѣдко выводили свою прислугу въ чиновники и обращались съ подчиненными немного лучше, чѣмъ съ прислугою.»

Сперанскій вскорѣ долженъ почувствовать это, хотя тотчасъ выдѣлился изъ рядовъ и сумѣлъ сохранить свое мѣсто при

всѣхъ генералъ прокурорахъ Павла, перемѣнявшихся удивительно быстро, и часто вмѣстѣ совсами ихъ чиновниками, за исключеніемъ одного Сперанскаго.

Вскорѣ князь Куракинъ палъ и на его мѣсто назначенъ Лопухинъ. Вскорѣ Лопухинъ смѣненъ Беклешовымъ. «Какой былъ генерал-прокуроръ Куракинъ, какой—Лопухинъ!» говорилъ Павелъ I Беклешову. «Ты да я, я да ты: впередъ мы одни будемъ дѣла дѣлать.» Вскорѣ Беклешовъ смѣненъ Оболяниновымъ.

При всѣхъ этихъ очень не сходныхъ лицахъ Сперанскій почти управлялъ всею канцеляріей, а въ ней чуть-ли не сосредоточивались всѣ министерства. Молодому чиновнику приходилось учиться въ самомъ пылу работы и каждое дѣло, каждая бумага, каждый вопросъ распространяли его свѣденія въ области до тѣхъ ему вовсе незнакомой. Но мало того, что приходилось работать съ утра до вечера, нужно было прилагать еще больше стараній, чтобы угодить начальнику: одному такъ, а другому иначе. Для одного нужна была только исправность въ дѣлахъ, а для другого требовалось быть всегда въ пудрѣ, въ мундирѣ и при шпагѣ. Сперанскому въ особенности трудно было ладить съ Оболяниновымъ, отличавшемся чрезмѣрною грубостью, но онъ и здѣсь нашелся. Когда Оболяниновъ былъ назначенъ обер-прокуроромъ, Сперанскій явился къ нему въ самомъ щегольскомъ костюмѣ того времени, и это подѣйствовало. Оболяниновъ обошедся съ нимъ на столько вѣжливо, сколько могъ, но вскорѣ онъ опять почувствовалъ себя начальникомъ. Въ порывахъ необузданной вспыльчивости, онъ не только безпрестанно бранился но и щедро расточалъ угрозы кандалами, крѣпостью, каторгою и пр.

Однажды, въ Гатчинѣ одинъ изъ товарищей Сперанскаго засталъ его во горькихъ слезахъ. «Что такое?»—«Помилуйте, хоть бы сейчасъ броситься въ прудъ! Работаю день и ночь, а отъ Петра Хрисанфовича слышу одни ругательства; сейчасъ еще, Богъ знаетъ за что, разбилъ меня въ пухъ. Запрячу въ казематы на семь сажень подъ землю, кричить. Этого вынести нельзя!...» Ниже мы увидимъ, какой взглядъ на администрацію вынесъ Сперанскій изъ начала своей службы. За то любимцы Павла I осыпали Сперанскаго наградами и, благодаря рекомендаціи своего будущаго врага Ростопчина, Сперанскій получалъ еще одно мѣсто почти безъ обязанностей, но съ порядочнымъ жалованьемъ.

Сперанскій, между тѣмъ, уснѣлъ жениться на бѣдной англичанкѣ. Счастливо прожилъ онъ съ нею болѣе года; но возвратясь однажды со службы изъ Павловска, Сперанскій нашелъ дома остывшій трупъ жены. Паденіе изъ экипажа развило у нея чахотку, на время пріостановленную беременностью. Оставивъ у изголовья жены записку, въ которой онъ назначалъ имя родившейся дочери, Сперанскій исчезъ. На слѣдующее утро, съ включенными волюсами, съ страшно измѣнившимся лицомъ являя онъ на свою квартиру, приложился къ трупу и опять ушелъ; такъ повторялось нѣсколько дней и даже на похороны жены Сперанскій не пришелъ. Нѣсколько недѣль онъ не показывался ни на службѣ, ни у знакомыхъ, и наконецъ его отыскивали въ глуши на одномъ изъ невскихъ острововъ.

Друзья удержали Сперанскаго отъ попытки къ самоубійству только напоминаніемъ о малюткѣ. Злобно отрицалъ онъ всѣ утѣшенія религіи.

Воспоминанія о первый женѣ никогда не изгладились въ Сперанскомъ; позже нашъ реформаторъ часто говаривалъ, что въ кругу придворныхъ, «надобно стать на якорь обручальнаго кольца», но онъ навсегда остался вдовцомъ и долго избѣгалъ всякихъ собраній, пока, наконецъ на него обрушился новый ударъ — осыпая, клевета и обманъ со стороны близкихъ.

Еще во времена Павла, заявивъ свои необыкновенныя способности, Сперанскій слылъ нервою знаменитостью молодого поколѣнія; при Александрѣ, какъ мы увидимъ ниже, онъ составлялъ всѣ важныя государственныя бумаги, сперва при Троципскомъ, представителѣ старой партіи, а потомъ при Кочубеѣ, бывшемъ въ числѣ предводителей партіи реформы. Такимъ образомъ постепенно двигался канцелярскимъ путемъ, Сперанскій подходилъ ближе и ближе къ источнику тогдашнихъ преобразований. Какъ извѣстно, все общество ждало улучшеній отъ молодого императора и Сперанскій раздѣлялъ эту общую вѣру.

Обыкновенно рассказываютъ, что нашъ реформаторъ былъ совершенно пропитанъ французскими теоріями тогдашняго времени. Конечно, вліяніе такихъ теорій замѣтно въ трудахъ нашего реформатора, но судя по запискѣ объ Англійской Аристократіи, приведенной въ статьѣ г. Лонгинова, можно заключить, что періодъ англоманіи, бывший при первыхъ любимцахъ Александра, не проределъ безъ вліянія на Сперанскаго.

Періодъ англomanіи, какъ мы увидимъ ниже, не прошелъ безъ слѣдовъ и для проекта организаціонной реформы.

Упомянутая нами записка можетъ служить примѣромъ смѣлой рѣшимости Сперанскаго въ его соображеніяхъ, которая часто далеко отрѣшалась отъ всякой связи съ дѣйствительностью. Нельзя не замѣтить, что при всей обширности и многосторонности свѣденій реформатора, они не отличались особенною глубиною.

Состоя при Кочубеѣ, Сперанскій былъ всегда чрезвычайно занятъ и потому избѣгалъ общества. Къ тому же выдвинувшись изъ ряда, онъ не попалъ еще на одну ступень со знатію. Сперанскій не хотѣлъ сносить ея надменности и его за это упрекали въ гордости.

Во время своей близости къ Александру, нашъ реформаторъ былъ заваленъ работою. Иногда ему приходилось трудиться по 18 часовъ въ сутки и разстраивать свое здоровье до того, что онъ могъ употреблять пищи, не принявъ напередъ лекарства, а временами по цѣлымъ недѣлямъ не могъ разогнуть спины. При такихъ занятіяхъ Сперанскій еще рѣже показывался въ свѣтъ. Придворные и вельможи обходились съ нимъ лицомъ къ лицу, какъ съ фоваритомъ, а за глаза толковали о немъ, какъ о выскочкѣ.

Сперанскій шелъ въ разрѣзъ съ стремленіями придворныхъ и очень мало уважалъ ихъ, чтобы не сказать болѣе. Онъ хорошо зналъ, что его реформы не могли имъ нравиться; зналъ, что онѣ распространяютъ о немъ всяческіе слухи и, сколько кажется, не всегда удерживался отъ выраженія своихъ мнѣній, какъ о недостаткахъ управленія, такъ и о лицахъ. Онъ самъ признается въ этомъ въ пермскомъ письмѣ, напечатанномъ теперь въ книжкѣ Масальскаго. Баронъ Корфъ говоритъ, что «Сперанскій умѣлъ зло подсмѣиваться надъ тѣми, кого превозносилъ въ глаза». Въ немъ была привычка нѣкотораго злорѣчія и даже большой скорости въ приговорахъ о лицахъ и вещахъ.

Въ пермскомъ же письмѣ своемъ Сперанскій горячо оправдывается въ обвиненіяхъ относительно подобной злорѣчивости о самомъ Александрѣ I. Всѣ обстоятельства дѣйствительно убѣждаютъ, что онъ имѣлъ полную вѣру въ императора и былъ очень привязанъ къ нему.

Неудовольствіе придворныхъ на Сперанскаго переходило постепенно во всѣ слои общества, а главное въ среду подьячичь,

задѣтыхъ указомъ объ экзаменахъ. «Какъ меня бранили въ то время!—вспоминалъ потомъ Сперанскій, — а вѣдь самая мысль указа принадлежитъ не мнѣ, а графу Завадовскому.» (См. «Друж. письма»). Сатиры, каррикатуры и эпиграммы сыпались на Сперанскаго. Какой-то господинъ нарядился въ старинный, фантастическій и каррикатурный мундиръ, прицѣпилъ къ воротнику на спинѣ своей надпись:

«№ 1,200,301, вѣчнаго цѣха титулярный совѣтникъ» и явился въ такомъ видѣ въ маскарадъ. Эффектъ былъ силенъ и полиція попросила снять со спины острогу. Цѣлую недѣлю публика шумѣла и сплетничала объ этомъ происшествіи.

Отшельникъ — реформаторъ безпокоилъ все общество и оно принимало всякія мѣры. Въ письмѣ Масальскаго къ Сперанскому говорится и о томъ, что старались подкупить самую прислугу Сперанскаго, именно лакея Лаврушку, горькаго пьяницу и лѣвиваго до крайности, всякое художество котораго баринъ терпѣливо сносилъ болѣе 30 лѣтъ. Не мѣшаетъ прибавить, что Лаврушка горько и долго негодовалъ за то, что баринъ не выпросилъ ему—чина!

Привязанность нѣсколькихъ близкихъ друзей вознаграждала Сперанскаго за общую ненависть. Въ числѣ знакомыхъ Сперанскаго мы видимъ помѣщиковъ, купцовъ, чиновниковъ и ни одного военнаго, — черта очень замѣчательная потому, что образованные люди тогдашняго времени служили преимущественно въ военной службѣ.

Мы не знаемъ, почему Сперанскій не успѣлъ познакомиться съ молодыми офицерами. Походы, правда, были часты, но не безпрерывны. Или, рѣдко бывая въ обществѣ, онъ не встрѣчался съ военными? Какъ бы то ни было, но Сперанскій видѣлъ общественное мнѣніе нерасположеннымъ къ преобразованіямъ и, мало-по-малу, сталъ почти презирать его.

Въ своемъ перскомъ письмѣ онъ говоритъ: «Сіе мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно, когда его презираютъ; напротивъ, строптиво и ужасно, когда его слушаютъ».

Къ сожалѣнію, должно сознаться, что придворныя сметни и московскія вѣсти дѣйствительно сильно распространялись въ обществѣ и дошли наконецъ, въ удобную минуту, даже до крестьянскихъ избъ. Странно видѣть, что Сперанскій не принималъ противъ этого никакихъ мѣръ. Мы увидимъ ниже, что общество

дѣйствительно находилось въ полномъ невѣдѣніи относительно существа предположеній Сперанскаго, и видѣло только мѣры, потерявшія смыслъ и значеніе, а также безпрестанное возвышеніе налоговъ. Конечно, не отъ Сперанскаго зависѣло болѣе открытый образъ дѣйствій, но странно, что человекъ, умѣвшій найтись съ Обольяниновымъ, не сумѣлъ здѣсь извернуться. Одинъ намекъ могъ поставить огромное большинство народа на сторону Сперанскаго.

Какъ бы то ни было общество было или равнодушно (военные), или стояло противъ Сперанскаго, и всѣ надежды реформатора сосредоточивались на императорѣ и въ немъ одномъ онъ имѣлъ поддержку.

«Одинъ Богъ будетъ свидѣтелемъ того, что было между нами!» писалъ онъ потомъ Александру I-му.

III. СБЛИЖЕНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I СО СПЕРАНСКИМЪ.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II повсемѣстное разстройство внутреннихъ дѣлъ Россіи дошло до такой крайней степени, что молодой великій князь Александръ Павловичъ пугаясь омидавшей его короны и думалъ отказаться отъ престола. Сообщая это намѣреніе своему другу Виктору Павловичу Кочубею Александръ писалъ: «Въ вашихъ дѣлахъ господствуетъ немовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отсюда, а имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей нѣтъ возможности одному человеку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія.

Взглядъ Александра былъ тѣмъ мрачнѣе, что его мысли о необходимости реформы смикомъ много связывались съ тогдашнимъ положеніемъ тѣхъ силъ, на которыя онъ думалъ опереться. Вотъ что говоритъ Александръ о тогдашнихъ придворныхъ въ упомянутомъ нами письмѣ къ князю Кочубею:

«Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь пертится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагѣ для полученія вышнихъ отличій. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ та-

нихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями, а между тѣмъ они занимають здѣсь вышія мѣста, какъ напр. З... П... Б... оба С... М... и множество другихъ, которыхъ не стоить даже называть и которые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся.»

По разнымъ причинамъ намѣреніе Александра отказаться отъ престола не могло осуществиться. Въ 1801 г., марта 12, онъ былъ уже императоромъ.

Къ тому времени дѣла еще больше запутались. Мы имѣемъ свидѣтельство этого въ словахъ самого Александра. «Въ послѣдніе годы жизни Екатерины порядка было мало, но все нѣсколько держалось еще прежнимъ; со вступленія на престолъ Царя дѣла еще болѣе запутались». Окончательный разрывъ со всѣми преданіями, со многими стремленіями общественной среды начатъ не Александромъ: еще до него преобразованія совершались преимущественно канцелярской работой и получили крайній теоретическій характеръ.

Вступая на престолъ, Александръ объявилъ, что будетъ царствовать «по разуму и законамъ Екатерины». Вся Россія стала ждать исполненія своихъ надеждъ и самыхъ важныхъ мѣръ по внутреннему управленію.

Лучшій періодъ царствованія Екатерины былъ еще живъ въ памяти общества. Что бы ни говорили объ этомъ періодѣ, но нельзя отвергать смягченія нравовъ, произведенное императрицею, по крайней мѣрѣ, въ дворянствѣ а это не могло забыться. Еще въ двадцатыхъ годахъ этого столѣтія встрѣчались люди «временъ Очакова и покоренія Крыма». Эти люди прежняго времени, а съ ними вмѣстѣ «отставныя значительности» двора, проживавшія на покоѣ въ Москвѣ, ждали отъ новаго императора возстановленія и развитія екатерининскихъ учрежденій и одно работливое подраженіе мѣрамъ императрицы считали уже полною и смѣлою мѣрою.

Между тѣмъ молодое поколѣніе успѣло ознакомиться съ духомъ европейской жизни, что не давалось намъ во все XVIII столѣтіе. Всѣ друзья Александра принадлежали къ этому поколѣнію т. е. Кочубей, Новольсильцовъ, Чарторижскій, Строгановъ. Они стремились осуществити въ своей варварской родинѣ идею

См. Восшествіе на престолъ Императора Николая I, составъ бар. Король. 3-хъ

лы европейскаго устройства, получившими недавно новое развитіе. Уже въ концѣ царствованія Павла, первую знаменитостію молодого поколѣнія по уму и свѣденіемъ считался Сперанскій, впрочемъ вѣрный слуга всѣхъ генераль-прокуроровъ Павла и Сперанскаго приблизили къ себѣ друзья императора.

Около Александра находились люди обоихъ направленій; но разумѣется молодые друзья государя преобладали. Состарѣвшаяся княгиня Дашкова пріѣхала взглянуть на новый дворъ и осталась недовольна всѣмъ до мелочей до манеръ. Всѣ новые придворные казались ей либо якобинцами, либо капралами.

Относительно послѣднихъ баронъ Корфъ подтверждаетъ слова Дашковой, не выдавшей впрочемъ двора предшествовавшаго царствованія.

«Умы этого разряда, говоритъ баронъ Корфъ, ратуя противъ всякаго преобразованія противъ всякой новой мысли, не стыдятся даже утверждать, что бездарная посредственность полезнѣе для дѣла, нежели люди даровитые, и что послѣднихъ должно бояться и допускать къ дѣлу развѣ въ однихъ подчиненныхъ должностяхъ, какъ механическое орудіе, направляемое другими потому что они—*свѣдѣлы*, а не только опасна та или другая идея, но и опасно и всякое *движеніе идей*». Баронъ-Корфъ превосходно характеризуетъ лучший типъ этихъ людей, графа Аракчеева, но мы не имѣемъ мѣста для выписки.

Что касается до якобинцевъ, то вѣроятно какой либо придворный желая порисоваться передъ состарившеюся героиней, наговорилъ самъ на себя такихъ стремленій, которыя не жили даже въ одной головѣ его. Мы знаемъ, что этимъ путемъ русскіе бояре, часто вводили иностранцевъ въ великое заблужденіе. Люди, показавшіеся Дашковой якобинцами, на самомъ дѣлѣ были «баре» мало способные къ упорной работѣ, хотя честнѣйшіе, благороднѣйшіе и умные люди.

Первымъ сотрудникомъ и наперстникомъ Александра мы видимъ усерднаго дѣльца Трошинскаго, не получившаго никакого образованія, не знавшаго ни одного иностраннаго языка, но усердно читавшаго все русское; онъ былъ неисправимымъ приверженцемъ старины. Сдѣланный личнымъ докладчикомъ и главнымъ редакторомъ при лицѣ государя Трошинскій нуждался «въ чловѣкѣ съ головою и перомъ». И его выборъ остановился на Сперанскомъ. Такимъ образомъ будущій реформаторъ былъ очень

близокъ къ обѣимъ придворнымъ партіямъ и каждая изъ нихъ старалась овладѣть имъ. Сначала онъ былъ сдѣланъ статсъ-секретаремъ,—при тайномъ совѣтникѣ Троицкинскомъ. 30 Марта 1801 г. учрежденъ постоянный государственной совѣтъ, завѣдываніе канцелярією котораго поручено Троицкинскому и послѣдній опредѣлялъ Сперанскаго начальникомъ одной изъ экспедицій совѣта.

Сперанскій статсъ-секретарь и штатскій генералъ на пятомъ году своей службы составлялъ Троицкинскому всѣ многочисленныя манифесты и указы начала царствованія, Александра, хотя разумѣется былъ только редакторомъ на заданную тему. Но вскорѣ Сперанскій сдѣлался такимъ же довѣреннымъ лицомъ въ противной партіи.

Разумѣется, Троицкинскій былъ не умѣста и немогъ продержаться при молодомъ императорѣ даже нѣсколько мѣсяцевъ. Втайнѣ отъ Троицкинскаго уже заготовлялось измѣненіе коллегіальнаго устройства чрезъ образованіе министерствъ. Мысль этого учрежденія возникла въ средѣ молодыхъ друзей императора.

Манифестомъ 8 сентября учрежденіе министерствъ приведено въ исполненіе и Троицкинскій удаленъ. Его мѣсто заняли Кочубей, Новосильцовъ, князь Чарторижскій и графъ Строгановъ. Трое послѣдніе заключили неразрывный союзъ, который публика назвала триумвиратомъ; Александръ назвалъ его шути *comité du salut public*. Однако первый трудъ, въ которомъ участвовалъ комитетъ, былъ весьма неудовлетворителенъ. Учрежденіе министерствъ поспѣшно набросано въ общихъ очеркахъ, безъ всякихъ подробностей, безо всякаго согласованія съ правами и властью сената и коллегій, покажеть оставленныхъ вопрежнему. Министрамъ приходилось не только управлять министерствами, но и организовывать ихъ.

Кочубей занялъ мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ, а члены триумвирата ограничились мѣстами помощниковъ въ разныхъ министерствахъ. Всѣхъ этихъ пылкихъ, благороднѣйшихъ людей и притомъ, людей большаго образованія, упрекають, и очень справедливо въ незнаніи родины. Кромѣ того—ихъ называютъ англоманами (Дашкова назвала ихъ якобинцами), но мы рѣшительно не видимъ слѣдовъ этого англоманства, нигдѣ, можетъ быть, за исключеніемъ внѣшнихъ сношеній. Мы не знаемъ о

челъ друзья императора бесѣдовали съ нимъ; но, во всякомъ случаѣ, эти бесѣды не привели ни къ какимъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Намъ кажется, что съ гораздо болѣею основательностью можно упрекнуть друзей Александра въ сохраненіи многихъ привычекъ барства, въ нерѣшительности собственно на трудъ.

Предварительныя мѣры по образованію министерства внутреннихъ дѣлъ, еще до изданія манифеста 8 сентября, были поручены Кочубею Сперанскому. Сдѣлавшись министромъ Кочубей опредѣлялъ Сперанскаго къ себѣ, и тутъ то началась преобразовательная дѣятельность послѣдняго. Сперанскій хотѣлъ вести дѣло такъ горячо, что министръ по временамъ сдерживалъ его порывы. Многое изъ предпринятаго тогда погибло, но многое памятно досихъ-поръ. Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, положеніе о евреяхъ, вольный промыселъ солью, возвышеніе Одессы, распространеніе тонкоруннаго овцеводства и пр., были въ числѣ предпринятаго. Министерство внутреннихъ дѣлъ, имѣя такого работника, какъ Сперанскій, опередило всѣ другія и даже начало издавать журналъ, гдѣ печатались отчеты, правительственные акты и ученые статьи. Еще не участвуя въ главномъ источникѣ преобразованія, Сперанскій, какъ говорить онъ, и мыслью и сердцемъ слѣдилъ за ними.

Въ 1803 г. Александръ задумалъ приступить къ преобразованію всѣхъ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ имперіи и чрезъ Кочубея поручилъ эту работу Сперанскому. Это порученіе вполне доказываетъ малую способность къ работѣ Кочубея и другихъ друзей Государя. Въ своемъ перискомъ письмѣ Сперанскій говоритъ, что принялъ эту работу съ радостью и исполнилъ ее со всею усердіемъ, къ которому былъ только способенъ.

Въ 1806 г. Кочубей заболѣлъ и послалъ съ докладами къ государю «своего напересника», Сперанскаго. «Для послѣдняго это встрѣча была роковая, говорить б. Корфъ. Докладъ былъ всегда тѣмъ чѣмъ для Наполеона битва». Императоръ остался очарованнымъ, и сталъ давать Сперанскому разныя личныя порученія.

Обаятельное краснорѣчіе, обширныя всестороннія свѣдѣнія, пылокое стремленіе къ преобразованіямъ, самая мечтательность, представлявшая легкими всѣ препятствія, и въ то же время быстрый организующій умъ, гигантская способность на трудъ и пр.: все это Александръ не встрѣчалъ еще, въ одномъ чело-

нѣтъ. Этими качествами Сперанскаго притягиваетъ баронъ Корфъ то сильное вліяніе на императора, которое вскорѣ почувствовалъ нашъ реформаторъ. Намъ кажется, что, кромѣ этихъ качествъ, Александру не могла не понравиться самая мягкость и известная уживчивость Сперанскаго, который, служа у Трошчинскаго и очаровывая его, въ то же время умѣлъ готовить преемствъ для Кочубея, главы партіи, противной Трошчинскому. Человѣкъ, котораго объ партіи преемствъ себя въ 1802 г. былъ весьма полезенъ для императора. Въ самомъ дѣдѣ мы увидимъ да-лѣе, что Сперанскій молчалъ, какъ могъ, о порученныхъ ему работахъ и защищая ихъ горячими речіями умѣлъ не проронить ни одного слова о дальнѣйшемъ развитіи реформы.

Сближеніе со Сперанскимъ пошло тѣмъ быстрѣе, что государь сталъ охлаждать къ своимъ прежнимъ любимцамъ. Въ то время Александръ I начиналъ свое известное сближеніе съ Наполеономъ, а всему обществу было извѣстно, что его прежніе друзья, — «англоманы».

Баронъ Корфъ свидѣтельствуетъ, что сближеніе Александра со Сперанскимъ происходило преимущественно внѣ вѣзровъ придворныхъ, именно во время поѣздокъ императора. Въ октябрѣ 1807 года отправляясь въ Витебскъ, для сматра 1-й арміи Александръ взял Сперанскаго съ собою. Наконецъ между ними пала послѣдняя «преграда» (выраженіе бар. Корфа): Кочубей вышелъ въ отставку.

Отправляясь на эрфуртское свиданіе съ Наполеономъ, Александръ взялъ съ собою Сперанскаго и здѣсь они сблизились окончательно и сошлись въ общемъ сочувствіи къ французскимъ порядкамъ.

Между Александромъ I и Сперанскимъ, какъ это впрочемъ почти всегда бывало со всѣми приближенными императора — установились отношенія болѣе близкія и болѣе искреннія, чѣмъ какія обыкновенно бываютъ между государственными людьми одинакихъ убѣжденій. Александръ повѣрялъ Сперанскому свои сокровенныя мысли о правленіи; но эти разговоры умерли въ Сперанскомъ. Онъ говоритъ въ одномъ изъ писемъ къ Александру, приведенныхъ барономъ Корфомъ: «о томъ что было между нами единый Богъ пребудетъ свидѣтелемъ». Цѣлыя вечера проводили они читая разныя книги по государственнымъ вопросамъ.

Послѣ эрфуртскаго свиданія было рѣшено приступить къ общей реформѣ и повести ея крайне энергически. «Il faut trancher

dans le vif, tailler en plein drap» одблалось любимымъ выраженіемъ Сперанскаго.

Проектъ общей реформы долженъ былъ осуществить, по словамъ Сперанскаго, ту задушевную мысль императора, которой онъ оставался вѣренъ съ самаго начала царствованія, несмотря на перемену лицъ, на измѣненіе частныхъ. Мы не знаемъ, въ какой степени былъ справедливъ Сперанскій, говоря эти слова.

«Изъ всѣхъ предшествовавшихъ упражненій, — писалъ Сперанскій уже въ опалѣ — изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій Вашего Величества надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія. Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго; но идеямъ, съ 1801 года занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе. Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, что бы посредствомъ законовъ утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствию сей власти болѣе достоинства и силы».

Подъ рукою Сперанскаго проектъ реформы создавался быстро, и въ октябрѣ 1809 онъ уже лежалъ на столѣ Александра. Два мѣсяца прошло въ разсмотрѣніи проекта. Сперанскій сдѣлалъ множество дополненій, измѣненій и исправленій. «Наконецъ рѣшено было приступить къ исполненію этого плана» говоритъ Сперанскій. Но тутъ начались колебанія и вскорѣ рѣшено приводить планъ въ исполненіе по частямъ. По новому предположенію, вся реформа должна была быть введена въ дѣйствіе къ 1 сентября 1811 года.

Но въ чемъ же состоялъ проектъ общегосударственной реформы Сперанскаго?

Прежде чѣмъ по возможности отвѣчать на этотъ вопросъ, мы считаемъ совершенно необходимымъ передать не менѣе интересный взглядъ Сперанскаго на причины разстройства внутреннихъ дѣлъ имперіи.

IV. ВЗГЛЯДЪ СПЕРАНСКАГО НА СОВРЕМЕННОЕ ЕМУ ПОЛОЖЕНІЕ РОССИИ.

Несмотря на чрезвычайную занимательность и часто замѣчательную вѣрность взгляда Сперанскаго на современное ему по-

ложенію Россіи, большинство писавшихъ о нашемъ реформаторѣ упустило изъ виду этотъ взглядъ. Въ книгѣ барона Корфа онъ разбросанъ въ отрывкахъ по всѣмъ главамъ и авторъ не обращаетъ на него своего вниманія. Г. Лонгиновъ и лица, писавшія о книгѣ барона Корфа, сдѣлали то же самое и потому мы, по новости дѣла, принуждены войти здѣсь въ значительныя подробности.

Отрывки, приведенные барономъ Корфомъ и г. Лонгиновымъ, а преимущественно статья Сперанскаго, напечатанныя въ «Архивѣ» г. Калачова, даютъ намъ возможность обрисовать взглядъ Сперанскаго почти въ полномъ объемѣ.

Сперанскій вполнѣ сознавалъ тотъ хаосъ, ту неурядицу, въ которыхъ вращались внутреннія дѣла имперіи и которыя очень рельефно обрисованы въ письмѣ Александра I къ Кочубею. Впрочемъ, взглядъ Сперанскаго былъ глубже, рѣшительнѣе.

Источникомъ всѣхъ внутреннихъ бѣдствій страны Сперанскій считалъ приказный характеръ управленія и повсемѣстное развитіе личнаго произвола.

Разумѣется, крѣпостное право служило однимъ изъ главнѣйшихъ подтвержденій этой мысли, и прежде чего либо другого наводило на нее. Въ запискѣ *о крѣпостныхъ людяхъ* (Архивъ Истор. и Прак. Свѣд. отн. до Россіи 1859 г. кн. 3.) Сперанскій называетъ крѣпостное состояніе «рабствомъ крестьянъ» и говоритъ, что «такое унижительное мнѣніе о немъ распространено и внутри Россіи и внѣ ея». Сперанскій замѣчаетъ, что крѣпостное право послѣднихъ лѣтъ ближе къ неволѣ, чѣмъ крѣпость прошлаго времени (до ревизіи 1719 г.). Впрочемъ, въ крестьянскомъ вопросѣ Сперанскій не обращалъ никакого вниманія на надѣлъ землею и вообще видѣлъ въ немъ вопросъ только о личномъ произволѣ.

«Отъ неограниченной свободы обращать крестьянъ въ дворовыхъ людей—говоритъ Сперанскій—наводнились дома дворянскіе толпою праздныхъ служителей, усилились прихотливья, а часто и распутныя затѣи, расширилась безумная роскошь разорительное тщеславіе, явились новыя нужды, новыя на крестьянъ налоги и долги неоплатныя; состояніе крестьянъ обрѣтѣлось еще болѣе тѣмъ, что за всю сію праздную толпу, къ деревни приписанную, подушныя деньги и рекрутская очередь часто деревнею отправляются.

«Отъ права продажи крестьянъ безъ земли, отъ права отда-

вать ихъ въ рекруты безъ очереди, лицо крестьянина сдѣлалось вещью, дѣйствительнымъ имуществомъ, конимъ владѣлецъ можетъ располагать по произволу, а сей произволъ сколь часто бывалъ, да и нынѣ еще *иногда* бываетъ жестокъ и злоупотребителенъ, то доказываютъ дѣла и опытъ (стр. 6).

Вопросъ о крѣпостномъ правѣ понимается и разсматривается Сперанскимъ въ самомъ обширномъ объемѣ. Онъ слѣдитъ за послѣдствіями этого права по всѣмъ ступенямъ общества. Онъ находитъ, что, безъ уничтоженія крѣпостнаго права, для Россіи невозможны никакіе дѣйствительные успѣхи въ цивилизаціи. Впрочемъ, представимъ читателю подлинныя мысли самого реформатора.

«Для народа рабовъ просвѣщеніе является средствомъ только для болѣе рѣзкаго ощущенія всего несчастія положенія ихъ, а также источникомъ болѣзней, которыя поведутъ къ еще политическому рабству, или повергнуть страну во всѣ ужасы анархіи; и гуманность столько, сколько и политика, требуютъ, чтобы рабы оставались въ невѣжествѣ, если не хотятъ предоставить имъ свободу.»

Если не прикасаться къ этому основному порядку вещей, то всѣ заботы правительства должны ограничиться слѣдующими второстепенными предметами:

1) Населять и обрабатывать земли бесплодныя и ненаселенныя потому, что родъ человѣческій можетъ плодиться даже подъ произволомъ, если только послѣдній уже не слишкомъ жестокъ.

2) Содержать большую армію.

3) Улучшать полицію.

4) Упрощать процедуру суда, потому-что при произволѣ судъ никогда не можетъ дойти до правосудія, но онъ можетъ быть покрайней-мѣрѣ дѣтеленъ и скоръ.

5) Составлять систематическіе своды законовъ и указовъ.

6) Привести въ порядокъ налоги и финансовое управленіе.

Вотъ все, что возможно и вотъ что должно желать при те-перешнемъ порядкѣ.

Чтобы быть вѣрны этимъ намѣреніямъ, чтобы не расточать народныя богатства въ бесполезныхъ попыткахъ, правительство должно въ то же время отказаться:

1) отъ всякаго рода усилій въ пользу народнаго просвѣщенія: гуманность заставляетъ признать этотъ принципъ такъ,

какъ самый несчастный человѣкъ на землѣ, это — пресвѣщенный рабъ; благоразумная политика заставляетъ сдѣлать тоже самое, потому-что, просвящая большинство народа, невозможно не погрѣсти произвола и не вызвать волненія и неповиновенія;

2) отъ всѣхъ предпріятій для усовершенствованія народной промышленности, т. е. отъ учрежденія фабрикъ или мануфактуръ, требующихъ приложенія свободныхъ искусствъ;

3) отъ всякаго возвышенія народнаго духа, потому-что рабство не можетъ имѣть его: рабъ можетъ быть здоровъ тѣломъ, крѣпокъ физически, но онъ не можетъ быть способенъ на великія дѣла; конечно, бываютъ исключенія, но они не разрушаютъ общаго правила;

4) отъ всякаго значительнаго увеличенія народнаго богатства: главное основаніе всякаго богатства состоитъ въ религіозномъ уваженіи права собственности; но это уваженіе невозможно, за отсутствіемъ законовъ;

5) тѣмъ болѣе должно отказаться отъ улучшеній въ положеніи низшаго класса народа: плоды его трудовъ всегда будутъ жертвою роскоши высшаго класса.»

Въ глазахъ Сперанскаго, по крайней-мѣрѣ въ лучшую эпоху его дѣятельности, крѣпостное право составляло одну изъ главныхъ причинъ разъединенія народа на различныя классы и бесплодной борьбы между ними, ведущей, въ свою очередь, къ усиленію общаго произвола. Интересы одного класса требуютъ неволи другого. Въ глазахъ крестьянъ администрація является единственнымъ противувѣсомъ помѣщичьей власти, и они не прочь отъ того, чтобы владѣльцы были поработочены администраціей. Такимъ образомъ является круговая порука безграничнаго произвола на русской землѣ. При такихъ условіяхъ не помогутъ никакія улучшенія правленія, ни права дворянства, ни права городовъ, ни два сената, ни выборное начало, ни думы и пр.

Въ крѣпостномъ правѣ Сперанскій видѣлъ одну изъ ближайшихъ причины бѣдности городовъ и мѣщанъ. Ремесленныя заведенія разсѣяны по деревнямъ и каждый помѣщикъ приготовляетъ все, ему нужное, и даже предметы прихоти даровымъ крѣпостнымъ трудомъ, хотя худо, хотя нестройно и убыточно, но у себя дома, и даже пускаетъ эти произведенія въ продажу. На какихъ же потребителей приходится работать мѣщанамъ въ городахъ? Могутъ ли усовершенствоваться ремесла «безъ сорев-

нованія ремесленниковъ? а какое можетъ быть соревнованіе когда они разсыяны и въ рабствѣ?»

«Утвердительно можно сказать!—говоритъ Сперанскій,—что, при семь порядкѣ, у насъ ни городовъ, ни простого городского сословія не будетъ».

Нѣсколько разъ уже было высказано что, положеніе государственныхъ крестьянъ очень часто весьма мало различается, въ существѣ дѣла отъ положенія помѣщичьихъ крестьянъ. Во времена блестящей дѣятельности Сперанскаго это явленіе было еще въ большемъ развитіи и очень хорошо понималось нашимъ реформаторомъ.

Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права представлялъ, какъ извѣстно, огромныя трудности для исполнѣнія успѣшнаго рѣшенія, особенно во времена Сперанскаго. Въ числѣ этихъ трудностей мы разумѣемъ недостаточное развитіе образованія въ владѣющемъ сословіи, а также затруднительное положеніе вопроса о надѣлѣ, въ виду тогдашняго состоянія экономической науки. Хотя, по русскому законодательству, помѣщикъ не имѣлъ права окончательной полной собственности на крестьянскія земли, но легко могло случиться, что образованный реформаторъ не обратилъ бы на это вниманія, увлекшись тогдашнимъ направленіемъ экономической науки, еще неразяснившей характера поземельной собственности. Если въ наше время не одинъ журналъ, высказывалъ мнѣніе, что освобожденіе крестьянъ можно бы сдѣлать и безъ надѣла ихъ землею, то слишкомъ легко было бы ожидать, что реформаторъ начала этого столѣтія вовсе упуститъ изъ виду необходимость надѣла, или поведетъ эту мѣру не довольно энергически. Сперанскій дѣйствительно мало обращалъ вниманія на вопросъ о надѣленіи крестьянъ землею въ его конечныхъ видахъ, и потому для него цѣлая половина трудностей освобожденія почти несуществовала.

Затѣмъ трудно рѣшить, какія трудности уничтоженіе крѣпости представляло взгляду Сперанскаго. Въ запискѣ «О крѣпостныхъ людяхъ,» Сперанскій какъ бы высказываетъ тотъ взглядъ, что уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, въ тогдашнее время, уже не представляло значительныхъ затрудненій.

«По мѣрѣ населенія, говоритъ—Сперанскій,—возвышается цѣна на земли, умножается количество рукъ, умѣрнется цѣна воль-

ныхъ работъ и работы принужденныя теряютъ свое преимущество. Толпы дворовыхъ людей день-о-то-дня становятся тягостнѣе и несноснѣе. Такимъ образомъ каждый день случаются прежнія побужденія, измѣняются прежніе расчеты, разрѣшаются сомнѣнія и устраняются препятствія».

Мы не думаемъ, чтобы Сперанскій высказался здѣсь откровенно. Выписанныя нами строки проистекли, всего вѣроятнѣе, изъ привычки къ официальной риторикѣ, которой не былъ чуждъ Сперанскій, и которая требовала, чтобы каждое задуманное преобразование представлялось непременно въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, а затрудненія дѣла и настоящее положеніе вещей скрывались изъ какого-то официального приличія. Мы уже говорили, что у многихъ нашихъ государственныхъ людей была привычка являться на служебномъ поприщѣ, въ официальныхъ бумагахъ и т. д. въ какой-то особенной исторической роли, которая сбрасывалась въ частной жизни.

Привычка къ официальной риторикѣ, съ которою Сперанскій часто излагалъ обстоятельства дѣла, много повредила нашему реформатору. Онъ безпрестанно путался чрезъ это, повидимому, мелкое обстоятельство. Казалось бы замашка представлять задуманныя преобразования въ наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ должна была повести къ рѣшительности предпринимаемыхъ мѣръ; но на самомъ дѣлѣ эта замашка вела къ совершенно противоположному результату. Практическія трудности дѣла, которыя реформаторъ не считалъ достойными своего вниманія, вскорѣ вставали въ его глазахъ чудовищными призраками и заставляли принимать рядъ нерѣшительныхъ и неопредѣленныхъ распоряженій.

Впрочемъ, о проектѣ уничтоженія крѣпости, составленномъ Сперанскимъ, мы будемъ говорить ниже. Здѣсь мы хотѣли указать только на направленіе его взгляда и на одинъ изъ источниковъ колебанія, которое мы увидимъ ниже.

У. ПРИКЛАЗНЫЙ ХАРАКТЕРЪ АДМИНИСТРАЦИИ.

Въ системѣ современной ему администраціи Сперанскій обозначалъ четыре ступени: а) министерства, т. е. центральное управленіе, б) губернію, в) уѣздъ и г) волость.

Взглядъ Сперанскаго на центральное управленіе извѣстенъ намъ съ большою подробностію. Кромѣ многочисленныхъ отрывковъ въ книгѣ барона Корфа, мы имѣемъ записку Сперанска-

го. *О государственномъ установленіяхъ*, * въ которой излагается исторія центрального управленія, начиная съ 1710 года.

Самый бѣглый обзоръ этой записки тотчасъ опредѣлитъ исходную точку воззрѣній нашего реформатора, къ сожалѣнію, очень часто забываемую у насъ.

Въ Россіи XVII вѣка Сперанскій еще видитъ связь администраціи съ земствомъ; но замѣчаетъ что, къ сожалѣнію, совѣщательныя палаты не имѣли единства. Въ большей части случаевъ администрація была «дѣйствительно самовластнымъ приказнымъ управленіемъ». Беспорядки и злоупотребленія личного приказнаго управленія заставили ввести коллегіальный порядокъ. Сперанскій подробно излагаетъ, какъ коллегіи постепенно тяготѣли къ прежнему приказному порядку и какая путаница происходила изъ того, что ихъ дѣйствительное значеніе было совершенно иное, чѣмъ значеніе установленное, писанное. Въ сенатѣ постоянно болѣе или менѣе господствовала власть генерал-прокурора, особенно при императорѣ Павлѣ I, а въ коллегіяхъ точно такъ же возрастала власть президентовъ. Противорѣчіе между дѣйствительнымъ ходомъ дѣлъ и установленными формами вело къ постоянному смѣшенію круга дѣйствій и умножало формальности, тщетно стремившіяся привести въ исполненіе установленный порядокъ.

Сперанскій не скрывалъ отъ себя, что учрежденіе государственнаго совѣта и министерствъ далеко не уничтожило приказный порядокъ управленія.

У насъ очень распространено мнѣніе о томъ, что всѣ недостатки администраціи Сперанскій приписывалъ несовершенству уставовъ и распоряженій, и что, усовершенствовавъ эти уставы, легко придти къ лучшему порядку. Но можно поручиться за то, что въ лучшее время своей дѣятельности Сперанскій не имѣлъ вѣры въ уставы, хотя и придавалъ имъ большое значеніе.

«Мнѣ неизвѣстны, — говоритъ Сперанскій, — настоящія намѣренія преемниковъ Петра Великаго, но все-таки легко замѣтить, что установленныя формы администраціи сохраняли прежній приказный порядокъ почти во всей его силѣ. Думали ли у насъ, что писанные уставы и право, совершенно достаточны для созданія другого порядка, или считалось необходимымъ пріучить народъ къ словамъ, не давая ему еще содержанія ихъ? Созна-

* Архивъ ист. и прак. свѣд. 1859. кн. 3-я.

вади ли мы дѣйствительную справедливость и полезность тѣхъ началъ, которыя мы не рѣшались провести въ дѣйствительности? Или у насъ дѣйствовали по внезапному вдохновенію, безъ опредѣленнаго плана? какъ бы то ни было, но пятъ ни одной страны, въ которой слова такъ бы мало согласовались съ содержаниемъ, какъ у насъ, въ Россіи. Отсюда проистекають ошибки всѣхъ тѣхъ, кто судитъ о Россіи по одной внѣшности?»

Во избѣжаніе повтореній подробности взгляда Сперанскаго на центральное уравненіе мы, изложимъ вмѣстѣ съ проектомъ его организационной реформы.

Очень интересенъ взглядъ Сперанскаго на губерпскія учрежденія. Они, какъ извѣстно, установлены императрицею Екатериною II-ю, и, обсуждая ихъ, Сперанскій высказывалъ свой взглядъ на предшествовавшее ему преобразование.

Нашъ реформаторъ цѣнилъ многія второстепенныя подробности екатерининскаго, правда, неоконченнаго преобразования, и даже старался слѣдовать имъ, т. е. цѣня авторитетъ Императрицы, помѣщать эти подробности въ своей реформѣ. Но сущность екатерининскаго преобразования была уже далеко отъ нашего реформатора. Почти во всѣхъ своихъ запискахъ Сперанскій высказываетъ ту мысль, что губерпскія учрежденія представляютъ новое торжество приказнаго характера управленія. Слѣдуя нашему обыкновенію, предоставимъ говорить самому реформатору. Въ статьѣ «О государственныхъ установленіяхъ» Сперанскій говоритъ:

«Въ новыхъ губерпскихъ коллегіяхъ установленъ порядокъ тройкій: въ губерпскихъ правленіяхъ онъ есть совѣщательный и вмѣстѣ приказный, т. е. члены правленія даютъ по дѣламъ мѣтнія, но рѣшаютъ все и *могутъ рѣшить противъ всѣхъ—однаго губернатора*. Въ казенныхъ палатахъ порядокъ есть судебный и вмѣстѣ приказный. Есть родъ дѣлъ, которыя совѣтники экспедиціи производятъ самъ собою одинъ безъ всякаго другихъ участія; есть другія дѣла, важнѣйшія; эти вносятся изъ экспедиціи въ общее присутствіе и тамъ рѣшаются большинствомъ голосовъ; наконецъ въ палатахъ уголовной и гражданской, порядокъ есть судебный».

Сперанскій развилъ основаніе этой мысли съ значительными подробностями въ статьѣ «О губерпскихъ учрежденіяхъ». * Мы приведемъ здѣсь наиболѣе опредѣляющія мѣста.

* Архивъ ист. и прав. свѣд. 1859. кн. 4 и 5-я.

«Одна личная власть губернатора даетъ всю силу исполненія и суду и хозяйству въ губерніи. Утвержденію гражданскаго губернатора дано страшное право: опредѣлять окончательно торговую казнь и каторгу, замѣнившую у насъ казнь смертную.

«Къ избытку личного самовластия присоединяется еще недостатокъ законной власти. Власть законная каждому начальству дается его уставомъ. Уставы наши, во-первыхъ, недостаточны, а во-вторыхъ, всѣ они составлены въ духѣ крайней недовѣрчивости къ мѣстному начальству; и не безъ основанія, ибо какъ можно вѣрять исполнителю безотчетному? Между тѣмъ отъ сего недостатка законной власти, отъ его стѣсненія въ самыхъ мелочахъ рождаются непрестанные вопросы, тысячи сомнѣній, огромная переписка съ высшимъ начальствомъ, медленность въ рѣшеніяхъ, упущеніе времени, предлогъ къ новымъ жалобамъ и злоупотребленіямъ».

«Губернское правленіе въ составѣ своемъ имѣетъ видъ установленія, но въ существѣ это только канцелярія гражданскаго губернатора. Какую силу имѣетъ въ немъ голосъ совѣтника? Предложенія или резолюція губернатора рѣшить все дѣло и мнѣніе его приводится въ исполненіе, не взирая ни на какія возраженія.»

«Есть надзоръ прокурора? но, во-первыхъ протесты его не могутъ остановить исполненія; во-вторыхъ, что значитъ надзоръ лица высшаго надъ низшимъ? Что значитъ надзоръ, коего послѣдствія являются мѣсяць, два, годъ послѣ исполненія? И что можетъ сдѣлать этотъ надзоръ разсѣянный на многія тысячи дѣлъ судебныхъ, хозяйственныхъ и полицейскихъ?»

Остается послѣднее средство: жалоба сенату или министерству. Но во-первыхъ есть дѣла, есть притѣсненія, упадающія, на людей безгласныхъ, каковы суть сельскіе обыватели, отъ коихъ рѣдко могутъ быть жалобы; во-вторыхъ какъ никого нельзя винить безъ отвѣта, а отвѣтъ и объясненія безъ повѣрки документовъ на мѣстѣ, безъ сообщенія ихъ просителю, рѣдко могутъ быть достовѣрны, то и рѣшеніе сената или министерства, на нихъ основанное, случайно только можетъ быть справедливо, а случайность не правило и не замѣняетъ порядка.

Приказный характеръ губернскаго управленія усиливался громаднымъ сосредоточеніемъ дѣлъ въ рукахъ губернатора и чрезвычайнымъ расположеніемъ ихъ, произведеннымъ сложностью формъ управленія.

«Непомѣрное количество дѣлъ стекающихся къ гражданскому губернатору, жалобы на земскія и городскія полиціи, жалобы на самые суды уѣздные и городскіе, въ медленности рѣшенія, производство разныхъ слѣдствій, пересмотръ всѣхъ безъ изъятія проговоръ уголовныхъ (а ихъ бывають тысячи), участіе во многихъ дѣлахъ хозяйственныхъ, распорядокъ земскихъ повинностей, дѣла приказа, сношенія со всѣми министерствами, кипы ежемѣсячныхъ вѣдомостей, объясненій и допесеній, обзорніе губернім, рекрутскіе наборы и во всѣхъ сихъ дѣлахъ помощники исполненія — толпа канцелярскихъ служителей малограмотныхъ и притомъ нищихъ; полиція составленная большею частью изъ людей или неопытныхъ или служащихъ поневолѣ; городничіе опредѣляемые постороннимъ начальствомъ и пр. и пр. — трудно и бесполезно было бы исчислить всѣ неудобства сего положенія, по опыту впрочемъ всѣмъ извѣстныя.»

Тотъ же самый приказный характеръ и тѣ же неудобства находитъ Сперанскій въ управленіи уѣздномъ и волостномъ. Здѣсь безчисленныя формальности до того стѣсняють дѣятелей, что, по выраженію Сперанскаго «удивительно не то, что есть злоупотребленія и упущенія въ уѣздномъ управленіи, подивиться, постигнувъ должно, что есть въ уѣздѣ какая-нибудь тѣнь управленія, — правда, что одна только тѣнь и то весьма слабая.»

Губернское правленіе ограничивается распоряженіями и предписаніями, а земскій судъ въ уѣздѣ, хотя въ меньшемъ кругу, но самъ непосредственно почти все исполняетъ. Если трудно предпринять, то еще труднѣе исполнять, когда нѣтъ средства къ исполненію. Отъ слѣдствія о маловажномъ пожарѣ до исполненія судебного приговора по тяжбному дѣлу, рѣшенному въ общемъ собраніи сената и составляющаго часто огромную тетрадь разныхъ распоряженій, которой содержаніе и силу даже законнику трудно бываетъ разобрать, земскій исправникъ или засѣдатель все долженъ знать, все обязанъ исполнить. Отъ поминки простаго бродяги до самыхъ важныхъ и многосложныхъ уголовныхъ слѣдствій, все лежитъ на его попеченіи. Отъ полтинной пошлины за гербовую бумагу до сотенъ тысячъ недоимокъ, во всемъ онъ отвѣтствуетъ, за все его винять и съ него взыскиваютьъ.

«Но кто же есть сіе странное лицо, спрашиваетъ Сперанскій, отъ коего требуютъ такой всеобъемлемости?»

«Это большею частію отставной офицеръ весьма малограмот-

ный, служащій или поневоля или изъ куска насущнаго хлѣба.»

Волостное управленіе представляетъ высшую степень всѣхъ неудобствъ приказнаго характера администраціи. Мы видѣли уже, что по взгляду Сперанскаго, въ его время, государственные крестьяне находились почти въ такомъ же положеніи, какъ и помѣщичьи.

Въ запискѣ «*О губернскихъ учрежденіяхъ*» Сперанскій дѣлаетъ относительно волостнаго управленія только одно замѣчаніе, но вполне обрисовывающее сущность его взгляда. Вотъ оно.

«Извѣстно, что вообще злоупотребленія власти менѣе дѣйствуютъ на дѣла общества и сословія, нежели на частныя лица. Отъ сего первоначально и возникли городскія, а потомъ и сельскія общества. Если бы земскій чиновникъ менѣе имѣлъ дѣла съ отдѣльными лицами и болѣе съ мірскими обществами т. е. если бы мірскія сія общества были лучше организованы и имѣли свое собственное твердое управленіе то нѣтъ сомнѣнія, что симъ однимъ пресѣкся бы главный поводъ къ притѣсненіямъ и жалобамъ, нынѣ столь вопіющимъ.»

Въ этомъ замѣчаніи Сперанскій высказываетъ свою неходную точку зрѣнія и обозначаетъ тотъ путь, которому онъ думалъ слѣдовать въ своей реформѣ.

VI. ПРОЕКТЪ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ РЕФОРМЫ.

Крайняя скудость свѣдѣній объ этомъ проектѣ заставляетъ насъ прежде всего отказаться отъ всякаго намѣренія дать читателю полное понятіе объ этомъ главнѣйшемъ трудѣ Сперанскаго. Съ другой стороны, по чрезвычайной интересности дѣла, мы рѣшаемся представить здѣсь всѣ омычочныя черты, разбросанныя въ различныхъ сочиненіяхъ о нашемъ реформаторѣ.

Мы уже видѣли выше, что личный произволъ крѣпостнаго права, получившаго такое повсемѣстное развитіе въ обществѣ, а за тѣмъ приказной характеръ администраціи были въ глазахъ Сперанскаго главными причинами разстройства внутреннихъ дѣлъ Имперіи.

Всѣ свѣдѣнія о реформѣ Сперанскаго сходятся въ томъ, что главнѣйшею заботою реформатора было устраненіе всѣхъ этихъ причинъ.

Для уничтоженія личнаго произвола, Сперанскій полагалъ необходимымъ сравнять всѣхъ членовъ государства въ ихъ правахъ, — что приводило къ мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Новое устройство органовъ законодательной, судебной и административной власти, основанное на выборномъ началѣ, должно было дать правильный ходъ всѣмъ отраслямъ общественной жизни.

Упроченіе совершенной реформы Сперанскій полагалъ достигнуть чрезъ образованіе административнымъ путемъ особой аристократіи, основанной на правѣ первородства.

Въ тѣхъ отрывкахъ изъ проекта организаціонной реформы, которыя извѣстны намъ, Сперанскій съ особенною силою настаиваетъ на томъ, что въ его проектѣ не было ничего особенно новаго сравнительно съ мѣрами предшествовавшихъ царствованій. Онъ говоритъ, что вся его задача состояла въ томъ, чтобы дать окончательное развитіе и единство этимъ мѣрамъ, а также упрочить имъ твердое основаніе.

Къ уничтоженію крѣпостнаго права, какъ извѣстно, уже принимались мѣры Императорами Павломъ и Александромъ I. Главнѣйшую изъ этихъ мѣръ должно считать указъ Павла I объ ограниченіи барщины тремя днями.

Выборное начало было провозглашено и введено Императрицею Екатериною II и ниже мы увидимъ, что Сперанскій старался, сколько возможно, слѣдовать предначертаніямъ императрицы.

Учрежденіе аристократіи могло быть достигнуто, по словамъ Сперанскаго, простымъ возстановленіемъ законовъ Петра Великаго о маіоратѣ.

Повторяемъ еще разъ, что крайняя скудость и отрывочность свѣденій объ организаціонной реформѣ Сперанскаго отнимаютъ у насъ всякую возможность представить его проектъ хотя съ нѣкоторою полнотою и ясностію.

Приступаемъ къ своду того, что извѣстно намъ изъ разныхъ источниковъ и преимущественно изъ книги барона Корфа и изъ опубликованныхъ записокъ самого реформатора.

Въ нашемъ изложеніи мы будемъ держаться того, такъ сказать, строго симметричнаго порядка, которымъ отличаются всѣ записки Сперанскаго.

Пропуская сводъ теоретическихъ соображеній, которыми руководствовался нашъ реформаторъ, мы изложимъ сперва его

мысли: а) объ учрежденіи аристократіи и уничтоженіи крѣпостного права, и б) объ уничтоженіи приказнаго характера управленія чрезъ новое устройство: 1) законодательнаго, 2) судебнаго и 3) административнаго порядка.

а) *Учрежденіе аристократіи и уничтоженіе крѣпостнаго права.*

Вопросъ объ учрежденіи аристократіи путемъ административныхъ распоряженій до того страненъ, что мы ограничимся однимъ только приведеніемъ мыслей Сперанскаго о такомъ явномъ неудачномъ предположеніи. Къ сожалѣнію нашъ реформаторъ, предлагая возстановленіе законовъ Петра Великаго о маіоратѣ, не обратилъ серьезнаго вниманія на причины совершеннаго неуспѣха этихъ законовъ.

Мы постараемся ознакомить читателя преимущественно съ соображеніями Сперанскаго относительно уничтоженія крѣпости.

Нашъ реформаторъ, какъ увидимъ ниже, приходилъ къ этому громадному вопросу путемъ политическихъ соображеній, въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Несмотря на ту легкость уничтоженія крѣпостного права, которую Сперанскій излагалъ въ своихъ различныхъ запискахъ, онъ, повидимому, очень хорошо чувствовалъ всю практическую трудность этого дѣла, особенно для него самого не имѣвшаго никакихъ связей при дворѣ, совершенно нерасположенномъ къ подобной мѣрѣ. Нашъ реформаторъ предлагалъ обратиться вначалѣ къ переходнымъ мѣрамъ и никогда не означалъ въ своихъ проектахъ срока окончательнаго уничтоженія крѣпости. Онъ ограничивался только заявленіемъ, что конецъ крѣпостного права не избѣженъ.

Чтобы дать болѣе ясное понятіе объ отношеніяхъ Сперанскаго къ этому громадному вопросу, мы рѣшаемся на большую выписку, передающую сущность соображеній Сперанскаго. Желающихъ познакомиться со всѣми подробностями его проекта объ уничтоженіи крѣпости, напр. съ порядкомъ предварительныхъ мѣръ, съ распоряженіями относительно дворовыхъ и пр. мы отсылаемъ къ самой запискѣ Сперанскаго «о крѣпостныхъ людяхъ».*

Въ предлагаемой выпискѣ мы дѣлаемъ самыя незначительныя сокращенія.

* Архивъ Истор. и Прак. свѣд. относящ. до Россіи, 1859 г., кн. 3-я.

«Предполагая, что благія намѣренія императора встрѣтять препятствія въ самой силѣ обстоятельствъ, мы постараемся самымъ тщательнымъ образомъ опредѣлить тѣ средства улучшения, которыя возможны при настоящемъ положеніи дѣлъ.

«Въ чемъ должно заключаться преобразование?... Оно должно по крайней мѣрѣ стереть явное противорѣчіе между кажущеюся и дѣйствительною формою управленія; оно должно упрочить престолъ, утверждая законъ и общественный порядокъ, а не повергая народъ въ летаргическій сонъ и въ раздоры.

.....

«Мудрость правительства состоитъ не въ томъ, чтобы ожидать событія и переносить ихъ, но въ томъ, чтобы управлять ими, чтобы отпять у случая все то, чѣмъ онъ можетъ быть опасенъ.

«Предпринимая преобразование, необходимо начать съ новаго устройства различныхъ слоевъ народа и съ измѣненія ихъ настоящихъ отношеній какъ другъ съ другомъ, такъ и къ правительству.

«Мы полагаемъ, что въ благоустроенномъ государствѣ вся масса народныхъ силъ должна быть раздѣлена на классъ высшій и низшій.

«Высшій классъ долженъ быть основанъ на правѣ первородства. Онъ предназначается для исполненія высшихъ должностей имперіи и для наблюденія за исполненіемъ законовъ. Соединенный съ народомъ неразрывными узами родства и владѣнія, онъ будетъ соединенъ и съ престоломъ какъ почестями и отличіями, такъ и правомъ короны вводить въ этотъ классъ всѣхъ, кого онъ найдетъ достойнымъ. Этотъ классъ составитъ настоящее монархическое дворянство.

«Низшій классъ составитъ изъ всѣхъ, кто не будетъ призванъ въ высшій ни правомъ первородства, ни волею монарха. Этотъ классъ будетъ связанъ съ престоломъ военною и гражданскою службою, почестями и богатствами, а съ высшимъ классомъ узами родства, уваженія и мыслию что онъ охраняетъ законъ. Къ низшему классу, по необходимости, будетъ принадлежать огромная часть богатства и просвѣщенія страны. Въ немъ не можетъ быть другихъ отличій, кромѣ таланта, способностей и добродѣтели. Кто дерзнетъ тогда презирать или насиловать этотъ классъ?

«Ничто не мѣшаетъ правительству отдѣлить теперь четыре

класса отъ остальнаго дворянства и установить въ этойъ классахъ право первородства. Собственно говоря, въ этомъ не было бы нововведенія.

«Подобное преобразование не могло бы быть не пріятно для самаго высшаго класса, или вредно для него.

«Безъ сомнѣнія, здѣсь встрѣтилось бы то неудобство, что въ теперешнихъ четырехъ классахъ есть лица, неизмѣющія ни значенія, ни достоинствъ и потому не возбуждающія никакого уваженія. Но это неудобство будетъ временное: не пройдетъ столѣтія, какъ эта знать очистится и пріобрѣтетъ нужный блескъ и значеніе. Отъ воли монарха будетъ зависѣть ввести въ этотъ классъ нѣсколько богатыхъ лицъ изъ низшаго класса. Вопреки всѣмъ грезящимъ о метафизическомъ равенствѣ, великое государство должно имѣть не однихъ Юліевъ Цезарей, но и Крезовъ. Пока существуютъ послѣдніе, другіе не могутъ захватить верховную власть.

«Теперешнее низшее дворянство не будетъ имѣть поводовъ къ жалобѣ на преобразование... Развѣ теперь оно не засѣдаетъ въ судахъ рядомъ съ представителями низшихъ классовъ и развѣ государь не можетъ обратить въ дворянъ цѣлую половину народа?

«Остается опредѣлить время раздѣленія и средства исполненія его.

«Если для составленія законовъ, по примѣру Екатерины II будутъ созваны выборные, то имъ же можетъ быть поручено составить первыя основанія для этого раздѣленія.

«Чтобы не подвергнуться нареканіямъ необходимо:

«1) Чтобы это раздѣленіе было бы означено въ принципахъ вѣтхъ распоряженіяхъ, которыми будутъ созваны выборные и которыя для первыхъ четырехъ классовъ назначать особыя засѣданія, а остальное дворянство будетъ собрано вмѣстѣ съ выборными народа.

«2) Чтобы во время занятій выборныхъ, думъ первыхъ классовъ было предложено возстановить законъ Петра Великаго первородствѣ, примѣняя его только къ однимъ высшимъ классамъ: низшая дума не будетъ возражать, такъ какъ это до нея не будетъ непосредственно относиться.

«3) Въ то же время должно быть предложено уничтоженіе всѣхъ чиновъ: такъ чтобы совѣтникъ былъ дѣйствительно совѣтникомъ, регистраторъ на самомъ дѣлѣ регистраторъ и боя-

ше ничѣмъ; чрезъ это всѣ отличія классовъ и чиновъ будутъ уничтожены; останется только одно отличіе, неразрывное съ взаимнымъ мѣстомъ или съ исполняемою должностію.

4) Всѣ должны судиться всѣми членами суда, за исключеніемъ четырехъ классовъ, которые въ дѣлахъ уголовныхъ вѣдаются особымъ высшимъ судилищемъ. Исполненіе подобнаго закона въ такой степени легко, что въ настоящее время нужно было только два-три голоса для того, чтобы подобный законъ былъ утвержденъ сенатомъ.

«Когда время освятитъ эти четыре распоряженія, то настоящія дикія различія исчезнутъ и всѣ части народа соединятся въ одно цѣлое. Дворянинъ сохранитъ свой титулъ и можетъ имъ гордиться, если ему угодно; но весь русской народъ будетъ пользоваться тѣми же правами какъ и онъ.»

«Впрочемъ, несмотря на всѣ эти измѣненія, дворянство сохранить за собою привилегію, которая будетъ отличать его отъ другихъ классовъ,—дворянство будетъ владѣть крѣпостными. Но каковы бы ни были затрудненія для освобожденія крестьянъ, крѣпостное право въ такой степени противорѣчитъ здравому смыслу, что на него должно смотрѣть какъ на временное зло, которое неминуемо должно кончиться.»

«Мнѣ кажется, что, раздѣляя освобожденіе на двѣ различныя эпохи, можно бы придти къ счастливому рѣшенію дѣла.»

«Въ первую эпоху должно опредѣлить повинности, которыя помѣщикъ въ правѣ требовать отъ крестьянина. Въ интересъ самихъ владѣльцевъ, необходимо учредить въ то же время особые суды для разбора недоразумѣній помѣщиковъ и крестьянъ. Подобное учрежденіе было обозначено въ Наказѣ Екатерины. Подобнымъ путемъ, безо всякаго особеннаго закона, крестьяне, крепостные и рабы, чтобы они ни были, будутъ прикрѣплены лишь къ одной землѣ, *glebae adscripti*. Это будетъ первою ступенью освобожденія.»

«Къ этой мѣрѣ можно присоединить еще двѣ: а) обращеніе подушной подати въ поземельную и б) приказаніе, чтобы въ публичныхъ актахъ означалось не число душъ, но количество земли.»

«Во второмъ періодѣ, которому должны предшествовать нѣкоторыя второстепенныя мѣры, крестьянамъ будетъ воавращено старинное право перехода отъ одного помѣщика къ другому. Этимъ будетъ исполнено окончательное освобожденіе крестьянъ.»

Уже изъ этого отрывка совершенно ясно, что Сперанскій, идя путемъ тогдашнихъ политическихъ соображеній, вовсе не думалъ сдѣлать крестьянъ собственниками и не приходилъ къ мысли о выкупѣ.

Въ этомъ можно еще болѣе убѣдиться, бросивъ взглядъ на окончательныя мѣры освобожденія, изложенныя въ запискѣ.

Сперанскій полагалъ, что первую изъ этихъ мѣръ должно быть устройство казенныхъ крестьянъ. Затѣмъ помѣщичьихъ крестьянъ надо было привести въ то же положеніе, которое было бы опредѣлено для крестьянъ казенныхъ. Отношенія помѣщичьихъ крестьянъ къ владѣльцамъ земли должны быть почти тѣ же, какъ крестьянъ казенныхъ къ казнѣ. Все различіе можетъ состоять въ устройствѣ полиціи и въ особенномъ порядкѣ, по которому оброки въ помѣщичьихъ селеніяхъ могутъ быть замѣняемы работами на хозяйственныхъ помѣщичьихъ заведеніяхъ. Для этого необходимо преобразовать земское управленіе.

Такимъ образомъ Сперанскій предлагалъ для русскихъ крестьянъ почти то же самое положеніе, которое въ 1804 г. было введено въ Лифляндіи и затѣмъ уничтожено въ 1819 г. когда помѣщикамъ предоставили неограниченное право собственности на крестьянскія земли. Извѣстно, что всѣ послѣдующія затрудненія въ прибалтійскихъ губерніяхъ произошли преимущественно отъ положенія 1819 года, отъ котораго такъ существенно разнилось первое положеніе.

Планъ Сперанскаго подходилъ также очень близко къ преобразованію, совершенному въ то время въ Пруссіи. Легко замѣтить, что Сперанскій, подобно Штейну, оставлялъ за помѣщиками нѣкоторыя вотчинныя права («особый видъ полиціи».)

Намъ представляется любопытный вопросъ о томъ: каковы были бы послѣдствія полнаго заявленія реформы Сперанскаго въ 1809 году.

Повидимому, устрашаясь трудностей дѣла, Сперанскій полагалъ произвести реформы, не трогая еще непосредственно крѣпостнаго права, такъ, вѣроятно, проектъ уничтоженія крѣпости полагали составить при участіи выборныхъ отъ всей земли. Повидимому, Сперанскій опасаясь нареканій, не хотѣлъ самъ налагать руку на этотъ щекотливый вопросъ. Но, собственно говоря Сперанскій, подымалъ его во всей силѣ. Одно заявленіе организационной реформы прежде всего отвѣтила бы на эту главную потребность страны и вопросъ созрѣлъ бы

однимъ изъ первыхъ, и созрѣлъ въ такой степени, что рѣшеніе его сдѣлалось бы неизбѣжнымъ въ самомъ близкомъ времени. Очень можетъ быть, что первые выборные явились бы подъ всемогущимъ тогда вліаніемъ помѣщиковъ и администраціи, и не были бы расположены къ уничтоженію крѣпости; но вопросъ все-таки былъ бы рѣшенъ въ ту минуту, когда правительство заявило бы его и стало на его сторонѣ. Нерѣшительность Сперанскаго только кажущаяся, а на самомъ дѣлѣ онъ дѣлалъ простой маневръ, чтобы въ глазахъ противниковъ перебросить хотя часть отвѣтственности за уничтоженіе крѣпости на ихъ собственныя плечи.

Какъ бы громадны ни были недостатки реформы Сперанскаго, но отъ нея нельзя отнять того достоинства, что она дѣйствительно ставила крѣпостное право въ такое положеніе, при которомъ оно перестало бы существовать, при незначительномъ толчкѣ со стороны правительства. Не надо забывать, что на этотъ разъ дѣло шло не о нѣсколькихъ губерніяхъ, населенныхъ другимъ племенемъ, а обо всей Россіи.

Мы полагаемъ даже, что Сперанскій могъ бы добиться именно того освобожденія, которое онъ задумалъ, т. е. что выкупъ крестьянскихъ земель или, лучше сказать, повинностей былъ бы отсроченъ, какъ это случилось въ Пруссіи.

Намъ кажется, что на подобные результаты реформы, какова бы она ни была во всемъ ея объемѣ, было бы трудно пожаловаться. Конечно, освобожденіе не совершилось бы безъ страданій; но эти страданія все-таки были бы легче крѣпостной участи крестьянъ, воспитали бы народъ. Если бы приведеніе въ исполненіе реформы Сперанскаго оказалось возможнымъ, то, къ настоящему времени, множество крестьянъ имѣло бы собственность, и во многихъ мѣстностяхъ повинности были бы выкуплены.

Разумѣется, всѣ эти соображенія касаются только самаго плана Сперанскаго, и мы нисколько не поднимаемъ вопроса о томъ, въ какой степени было возможно обнародованіе этого плана. Извѣстно, что этого обнародованія не послѣдовало, и причины такого оборота дѣлъ очень понятны. Но Сперанскій не былъ виноватъ въ нихъ.—Мы старались показать только, что, относительно проекта уничтоженія крѣпости, несмотря на всѣ недостатки этого проекта, забывшаго совершенно о выкупѣ, Сперанскій не стоялъ ниже предшествовавшихъ ему реформаторовъ, какъ это недавно было заявлено въ одномъ журналѣ. Мы

старались указать хотя на одинъ пунктъ, въ которомъ преобразование Сперанскаго было выше и даже практичнѣе предначертаній предшествовавшихъ царствованій. Этими словами мы хотимъ только снять со Сперанскаго упрекъ въ томъ, что, изъ всѣхъ нашихъ реформаторовъ, онъ былъ самый отъявленный теоретикъ. Напротивъ, мы видимъ, что, по одному изъ самыхъ существенныхъ и наиболѣе созрѣвшихъ вопросовъ, Сперанскій не уступалъ отъ желанія рѣшить дѣло однимъ канцелярскимъ порядкомъ, и, можетъ-быть, не безъ намѣренія избиралъ путь болѣе согласный съ обстоятельствами.

Представивъ важный государственный вопросъ, въ которомъ голова Сперанскаго вовсе не закружилась отъ предоставленной ему власти, и въ рѣшеніи котораго нашъ реформаторъ не былъ однимъ только теоретикомъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ принужденъ были сдѣлать первое нападеніе на ту почти ребяческую искренность, которую многіе предполагаютъ въ Сперанскомъ. Въ дѣлѣ уничтоженія крѣпости нашъ реформаторъ очевидно шелъ и извѣстное соглашеніе съ обстоятельствами, на компромиссъ и ставилъ его такъ, что не уступалъ своихъ убѣжденій. Это случилось по вопросу наиболѣе созрѣвшему, по дѣлу самой на сущной важности, и очень легко могло случиться, что если бы другіе вопросы стали также настоятельно, то Сперанскій сумѣлъ-бы извернуться, не жертвуя сущностью своихъ убѣжденій по покидая нѣкоторыя вѣрованія, которыя, по мнѣнію одного журнала, были въ немъ непоколебимы.

Когда императоръ рѣшился на переходныя мѣры, то крѣпостное право оставили на-время въ сторонѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ отложены заботы объ учрежденіи аристократіи.

Съ оставленіемъ въ сторонѣ вопроса о крѣпостномъ правѣ по новому проекту Сперанскаго, время составленія котораго мы уже не можемъ опредѣлить въ точности, народъ долженъ былъ раздѣлиться на три класса а) дворянство б) средній классъ и в) работники. Къ сожалѣнію, этотъ проектъ отличается одними недостатками. Послѣдній классъ пользовался бы гражданскими правами принадлежащими всѣмъ гражданамъ. Среднему классу предоставлялись особенныя гражданскія права, которыя давались бы имъ по образованію и по образу жизни. Политическими правами пользовались бы собственники т. е. дворянство; только они одни могли участвовать въ выборномъ началѣ.

Дворянинъ освобождался отъ личной рекрутской повинности

но обязанъ былъ прослужить правительству десять лѣтъ въ гражданской или военной службѣ, не перемѣнивъ одмажды выбраннаго образа ея. Дворянамъ предоставляется заниматься всякаго рода промышленностью, безъ потери дворянскихъ правъ. Дворянство будетъ наследственное и личное. Дѣти наследственныхъ дворянъ приобретаютъ права дворянства не прежде, какъ отслуживъ узаконенный срокъ. Дѣти личныхъ дворянъ переходятъ въ средній классъ. Личный дворянинъ, прослуживъ известный срокъ, не становится дворяниномъ наследственнымъ: для приобретения послѣдняго права онъ долженъ оказать особенныя заслуги. Отказъ отъ вступленія на службу или недослуженіе положеннаго срока ведетъ наследственнаго дворянина къ потерѣ его правъ. Точно также наследственное дворянство терется по судебному приговору, а также вступленіемъ въ классъ работниковъ. Личная рекрутская служба средняго класса опредѣляется особымъ закономъ съобразно положенію и роду промышленности каждаго. Средній классъ можетъ приобрести личное дворянство вступивъ на службу вторично, послѣ отбытія собственнаго срока опредѣленной службы. Средній классъ состоитъ изъ купцовъ, мѣщанъ, однодворцевъ, а также изъ крестьянъ владѣющихъ нѣкоторою поземельною собственностію. Работники будутъ пользоваться общими гражданскими правами. Переходъ въ высшій классъ будетъ дозволенъ для воѣхъ работниковъ, приобретшихъ известную поземельную собственность и отбывшихъ назначенную имъ закономъ рекрутчину. Всѣ крестьяне, живущіе на земляхъ дворянъ, а также слуги причисляются къ низшему классу. Такимъ образомъ всѣ классы народа будутъ соединены другъ съ другомъ. Лица низшаго класса своими трудами всегда могутъ достигнуть класса высшаго.

Увлекаясь теоріей, до послѣднихъ предѣловъ, Сперанскій очевидно предлагалъ приписать воѣхъ къ какому либо роду государственной службы. Идея замѣнить рекрутскую повинность государственною службою дворянъ, — достигаетъ дѣйствительно до рубежа теорій, потерявшей всякую связь съ дѣйствительностію. Возстановленіе обязательной службы дворянства раздражило бы враговъ Сперанскаго, вѣроятно, не менѣе открытаго прикосновенія къ крѣпостному праву.

Впрочемъ мы не знаемъ времени этой прибавочной записки Сперанскаго, но многія причины заставляютъ думать, что она относится къ 1809 или 1810 году.

Нельзя вообще не замѣтить, что Сперанскій бывалъ крайни теоретикомъ преимущественно въ хитропоставленныхъ пригот вительныхъ мѣрахъ. Онъ становится гораздо практичнѣе, ка только можно было дѣйствовать рѣшительнѣе и когда его пр ектъ могъ получить дѣйствительно важное значеніе.

Новое дѣленіе народа на три класса, съ своею обязательн службою дворянъ, должно было раздражить помѣщиковъ; съ тѣ вмѣстѣ затронулся бы крестьянскій вопросъ, но до такой ст пени неудовлетворительнымъ образомъ, что трудно предпом жить серьезное намѣреніе привести въ исполненіе подобн проектъ: въ такомъ огромномъ промахѣ, безъ сомнѣнія, винов то не одно увлеченіе теорій.

VII. ИЗМѢНЕНІЕ ПРИКЛАЗНАГО ХАРАКТЕРА УПРАВЛЕНІЯ И УЧРЕЖДЕНІЕ НОВАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО, СУДЕБНАГО И АДМИНИСТРАТИВНАГО ПОРЯДКА.

Намъ извѣстенъ только тотъ проектъ реформы управленія который былъ составленъ уже въ то время, когда предположенія объ учрежденіи аристократіи и уравненіи правъ были покинуты.

Эту часть своего труда Сперанскій называлъ органическими законами, т. е. «законами о тѣхъ учрежденіяхъ, посредствомъ которыхъ дѣйствуютъ силы правительства». Такихъ учрежденій Сперанскій поименовываетъ въ своемъ проектѣ четыре: государственнн совѣтъ, правительствующій сенатъ, судебный сенатъ и министерства. Сообразно съ этими учрежденіями устраивалось управленіе во всѣхъ подраздѣленіяхъ имперіи.

«Настоящее поземельное раздѣленіе имперіи—говоритъ Сперанскій—весьма недостаточно; было-бы сообразнѣе съ цѣлью формы раздѣленіе на области и на губерніи».

«Названіе *областей* будетъ присвоено тѣмъ частямъ имперіи, которыя, по своему пространству и народонаселенію, могутъ войти въ систему общей администраціи. Таковы: Сибирь до Уральскаго хребта, Кавказъ, Грузія и Астраханская область, Оренбургская область, Земля донскихъ казаковъ и прочее въ Россіи».

«Области получаютъ особое устройство, по возможности различное съ основными законами имперіи, но примѣненное исключительному положенію этихъ земель».

«Губерніи будутъ заключать населенія отъ ста до 300 тысячъ жителей».

сечь душъ. На-время можно оставить существующее разграниченіе губерній.

Каждая губернія будетъ раздѣлена, по-крайней-мѣрѣ, на два уѣзда, и не болѣе какъ на пять.

Каждый уѣздъ будетъ заключать въ себѣ нѣсколько волостей и окружныхъ городовъ, которые откроются въ волости.

Первая ступень законодательнаго, юридическаго и административнаго порядка будетъ находится въ окружныхъ городахъ; вторая—въ уѣздныхъ, третья — въ губернскихъ, четвертая—въ столицахъ.»

Слѣдуя симегрическому расположенію статей Сперанскаго, обратимся сперва къ законодательному и судебному порядкамъ.

Баронъ Корфъ сообщаетъ намъ, что предположенія Сперанскаго относительно законодательнаго порядка, выраженные въ формѣ учрежденія правительствующаго сената изъ выборныхъ, не были покинуты даже послѣ отложенія общаго плана реформы.

Сущность проекта Сперанскаго, по словамъ барона Корфа, состояла въ расширеніи выборнаго начала, и въ придачіи сему собранію выборныхъ формъ постоянного учрежденія.

Наше правительство и прежде Сперанскаго обращалось къ собранію мнѣній относительно разныхъ законодательныхъ вопросовъ. По частнымъ вопросамъ очень часто призывались эксперты. Иногда вызывались депутаты отъ сословій, и, какъ извѣстно, собирались иногда въ особое собраніе. Такимъ образомъ, и здѣсь Сперанскій основывался на предшествовавшихъ опытахъ.

Изъ статьи «О государственныхъ установленіяхъ» мы узнаемъ, что въ бумагахъ, оставшихся послѣ императрицы Екатерины II, сохранился проектъ преобразованія сената. Мысль этого проекта состояла въ томъ, чтобы раздѣлить сенатъ, по образцу дѣленія, принятаго въ губернскихъ учрежденіяхъ, куда, какъ извѣстно, императрица призвала выборныхъ. Сенатъ предполагалось учредить въ обѣихъ столицахъ, въ Кіевѣ и Казани. Екатерина II думала приступить къ этой мѣрѣ спустя пять лѣтъ послѣ изданія учрежденія о губерніяхъ. Сперанскій старался приурочить свой проектъ къ плану императрицы, и точно также отдѣлялъ сенатъ судебный отъ правительственнаго, а также думалъ помѣстить отдѣленія судебного сената въ столицахъ, Кіевѣ и Казани.

Порядокъ выборовъ въ правительствующій сенатъ Сперанскій

предполагать производить по всѣмъ ступенямъ своего много-этажнаго общественнаго дѣленія.

Переходимъ теперь къ судебному порядку:

1-я ступень. — Волостный судъ.

«Задача волостнаго суда состоитъ въ разборѣ споровъ мѣжду частными лицами, чрезъ посредниковъ, и по возможности въ соглашеніи спорящихъ сторонъ. Для разбора полицейскихъ проступковъ необходимо сокращенное разбирательство вмѣсто формальнаго и бумажнаго.

«Волостный судъ состоитъ изъ судьи, его помощника и изъ судей выборныхъ отъ разныхъ мѣстъ волости, и живущихъ въ разныхъ мѣстахъ ея.

«Законъ укажетъ на тѣ проступки и преступленія, которыя волостный судья не будетъ имѣть права рѣшать безъ участія двухъ членовъ волостнаго совѣта, которые исполняютъ обязанность присяжныхъ. Судья будетъ le president du jury.

«Присяжные должны браться изъ того класса, къ которому принадлежитъ подсудимый. Въ случаѣ неимѣнія такихъ присяжныхъ подсудимый препровождается къ уѣздному суду.

2-ая ступень. — Уѣздный судъ.

«Онъ составляетъ первую инстанцію судебного порядка.

Онъ раздѣляется на два отдѣленія: гражданское и уголовное. Число судей будетъ назначено особымъ распоряженіемъ, сообразно населенію уѣзда.

Каждое отдѣленіе имѣетъ своего президента.

Должность президента будетъ состоять въ наблюденіи за исполненіемъ законныхъ формъ и порядка.

Президентъ назначается по списку 20 почетнѣйшихъ гражданъ уѣзда, и утверждается министромъ юстиціи.

Законъ опредѣлитъ тѣ случаи, въ особенности относительно уголовныхъ дѣлъ, когда президентъ обязанъ призвать въ должность присяжныхъ членовъ уѣзднаго совѣта.

Присяжные избираются изъ того класса, къ которому принадлежитъ подсудимый.»

3-я ступень. — Губернскій судъ.

«Онъ будетъ учрежденъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и судъ уѣздный. Президенты, избранные изъ числа означенныхъ въ гу-

берискомъ списки будутъ назначаться министромъ юстиціи и утверждаться въ должностяхъ государственнымъ совѣтомъ.

4-я ступень, — Сенатъ.

Сенатъ будетъ высшимъ судомъ въ имперіи.

Онъ дѣлится на четыре департамента: два гражданскихъ и два уголовныхъ, распределенныхъ поровну между обѣими столицами.

Сенатъ состоитъ изъ опредѣленнаго числа членовъ.

Каждые три года всякій департаментъ сената избираетъ трехъ кандидатовъ, изъ числа которыхъ верховная власть назначаетъ президентовъ.

Къ каждому департаменту причисляется извѣстное число регистровъ, подъ предѣлательствомъ оберъ-прокурора; всѣ они назначаются верховною властью, по представленіямъ министра юстиціи.

Регистры готовятъ дѣла къ разсмотрѣнію сенаторовъ. Предварительно они сообщаютъ свои рапорты судящимся сторонамъ.

Если эти стороны найдутъ изложеніе дѣла неправильнымъ, они могутъ войти съ жалобой къ министру юстиціи.

Если онъ найдетъ жалобу справедливою, то приказываетъ удовлетворить ей, а въ противномъ случаѣ даетъ приказаніе продолжать дѣло.

Составленные такимъ образомъ рапорты печатаются, и генерал-прокуроръ передаетъ сенату достаточное число экземпляровъ.

Засѣданія сената публичны.

Рѣшенія сената печатаются; они составляются по опредѣленной формѣ.

Тотъ же порядокъ опредѣляется для дѣлъ уголовныхъ.

Между тѣмъ есть нѣкоторые преступления напр. измѣна, а также преступления членовъ государственнаго совѣта, правительственнаго сената, судебного сената, министровъ, главныхъ начальниковъ, генерал-губернаторовъ и губернаторовъ, разбирательство которыхъ должно принадлежать особому судилищу.

Для этой цѣли будетъ учрежденъ въ средѣ сената верховный уголовный судъ.

Этотъ судъ будетъ созываться верховною властью, по обвиненіи въ государственномъ совѣтѣ.

Онъ будетъ состоять изъ трехъ сенаторовъ обомъ департа-

ментовъ, изъ всѣхъ членовъ государственнаго совѣта, изъ всѣхъ министровъ и изъ извѣстнаго числа членовъ, правительственнаго сената.»

Баронъ Корфъ прибавляетъ, что особыя отдѣленія судебнаго сената, предполагались въ Кіевѣ и Казани; по подробности этой мѣры намъ неизвѣстны.

Баронъ Корфъ сообщаетъ намъ, что проектъ учрежденія обоихъ сенатовъ былъ сперва разсмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ, изъ графа Завадовскаго, князя Лопухина и графа Кочубея, а потомъ разосланъ въ печатныхъ экземплярахъ ко всѣмъ членамъ государственнаго совѣта, и въ юнѣ 1811-го внесенъ въ общее его собраніе. Въ совѣтѣ начались очень настойчивыя и рѣзкія пренія, — «вся консервативная партія» была противъ проекта.

Баронъ Корфъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ сдѣланныя на проектъ возраженія:

- 1) Переимѣна такого стариннаго учрежденія какъ сенатъ произведетъ неблагопріятное впечатлѣніе на умы.
- 2) Раздѣленіе судебнаго сената по округамъ можетъ повести къ злоупотребленіямъ болѣе легкимъ въ дальнихъ городахъ, а также трудно пріискать, нужнаго для такого раздѣленія количества способныхъ людей, и оно будетъ стоить дорого.
- 3) Назначеніе сенаторовъ по выбору противно разуму самодержавнаго правленія, и скорѣе обратится во вредъ, нежели въ пользу. Выборы могутъ быть произведены подъ вліяніемъ мѣстныхъ чинowników, а въ другихъ богатые помѣщики наполнятъ сенатъ людьми имъ преданными, и присвоятъ себѣ чрезъ то возможность и власть безнаказанно тѣснить кого захотятъ.
- 4) Нѣтъ основанія удѣлять судебному сенату одну изъ существенныхъ принадлежностей самодержавной власти, окончательное безъ права жалобы Государю рѣшеніе дѣлъ тяжбныхъ.
- 5) Выраженіе въ проектѣ употребленное: державная власть, несвойственно Россіи потому, что мы знаемъ одну власть самодержавную, императорскую.

Изъ той же книги б. Корфа мы узнаемъ, что главнѣйшею частью своей реформы Сперанскій считалъ учрежденіе сенатовъ и согласованіе съ ними всего управленія.

«Дай Богъ—писалъ Сперанскій въ своемъ пермскомъ письмѣ, дай Богъ, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ время его (т. е. исполненія проекта сенатовъ) настало.»

Переходимъ теперь къ административному порядку, проекти-

рованному Сперанскимъ. Очевидно онъ составлялъ второстепенную и самую слабую часть проекта.

Административный порядокъ.

Порядокъ управления состоитъ изъ четырехъ главныхъ частей: 1) управление государствомъ т. е. министерство 2) управление губерніей, 3) управление уѣздомъ и 4) управление волостью.

Главные основанія управления состоятъ въ единствѣ дѣйствій и въ отвѣтственности.

Управление можетъ проистекать только отъ верховной власти, и потому всѣ его второстепенныя и низшія подраздѣленія должны сколь возможно болѣе согласоваться съ высшими учрежденіями. Отсюда слѣдуетъ, что прежде всего должно организовать министерства.

Министерства.

Учрежденіе министерствъ 1802 г. безъ сомнѣнія было первымъ и важнѣйшимъ основаніемъ для лучшаго устройства внутренняго управления имперіею.

Но это учрежденіе имѣетъ много недостатковъ, истекающихъ:

- 1) отъ недостатка отвѣтственности.
- 2) отъ нѣскольکو неравномѣрнаго распредѣленія дѣлъ.

1) Недостатокъ отвѣтственности.

Мы пропускаемъ здѣсь замѣчанія Сперанскаго относительно специальности въ раздѣленіи дѣлъ и относительно недостатка уставовъ. Всему этому Сперанскій придавалъ слишкомъ большое значеніе.

Управление губерній.

«Эго управленіе должно имѣть то же единство, которое вообще необходимо для исполнительной власти.

«Губернія предслагаетъ въ меньшемъ объемѣ то же управленіе, какъ и министерства.

«При теперешнемъ порядкѣ только одна полиція непосредственно подчинена губернатору; на другія части управления онъ имѣетъ только косвенное вліяніе. Отсюда смѣшеніе въ управленіи.

«Въ этомъ отношеніи можно-бы принять слѣдующія мѣры:

а) Соединить губернское правленіе съ казенною палатою, подъ названіемъ губернскаго правительства.

б) Эго правительство раздѣлить на нѣскольکو экспедицій (подробно пропускаемъ).

Рядомъ съ губернскимъ правительствомъ долженъ быть составленъ изъ выборныхъ отъ всѣхъ поземельныхъ собственниковъ въ губерніи, безъ различія сословія.

«Этотъ совѣтъ собирается ежегодно въ опредѣленное время.

«Губернаторъ представляетъ отчетъ совѣту во всѣхъ доходахъ и расходахъ губерніи, а также бюджетъ на слѣдующій годъ.

«Разсмотрѣвъ бюджетъ, совѣтъ опредѣляетъ земскія повинности на будущій годъ».

Уѣздное управленіе.

«Это управленіе должно быть учреждено по образцу губернскаго, но въ меньшихъ рамахъ. Вице-губернаторъ замѣняетъ губернатора.

«Волостное правленіе будетъ имѣть такое же устройство, но еще въ меньшемъ объемѣ.

«Такимъ образомъ всѣ части управленія будутъ имѣть одинаковое устройство. Отъ министерства до волостнаго правленія дѣла будутъ имѣть теченіе, такъ сказать, по прямой линіи и тѣмъ будутъ отстранены безконечные переходы ихъ.

Въ другихъ запискахъ Сперанскаго его «губернское правительство» предполагается составить изъ начальниковъ частей управленія подъ предсѣтельствомъ губернатора.

Мы представили читателю почти всѣ свѣдѣнія о проектѣ общегосударственной реформы Сперанскаго, которыя только могли найти. Въ нашемъ сводѣ пропущены только подробности, болѣе или менѣе незначительныя. Противорѣчія, встрѣчающіяся въ этихъ свѣдѣніяхъ, впрочемъ неважныя, происходятъ вѣроятно отъ разновременности проектовъ, неизвѣстныхъ намъ въ полномъ объемѣ.

Послѣ всѣхъ нашихъ изысканій объ организаціонной реформѣ Сперанскаго, сущность ея все-таки остается неизвѣстною для насъ. Учрежденіе аристократіи, сравненіе правъ, приступъ къ уничтоженію крѣпости—вотъ все, что мы знаемъ, а это слишкомъ обще и неопредѣлительно и, наконецъ, въ извѣстномъ смыслѣ, все это предпринималось въ XVIII столѣтіи. Рѣшительный отзывъ о Сперанскомъ, конечно, можетъ быть произнесенъ только на основаніи его главнаго проекта, оставшагося въ полной неизвѣстности.

И такъ, въ нашей статьѣ рѣшительнаго отзыва о Сперанскомъ не будетъ.

Намъ извѣстенъ, и то не вполне, только тотъ планъ преобра-

зованія, который былъ составленъ послѣ отложенія первоначальнаго проекта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ планъ составился подъ вліяніемъ наполеоновскихъ идей, и страдаетъ огромными недостатками.

Главный недостатокъ его, конечно, состоитъ въ томъ, что, желая вызвать самоуправленіе общества, Сперанскій въ то же время регламентировалъ его до послѣднихъ подробностей. Въ этомъ отношеніи шесть законодательныхъ комиссій, избираемыхъ правительствующимъ сенатомъ съ одной стороны, и съ другой, всякія подробности волостнаго управленія съ этими смѣшными списками двадцати достойнѣйшихъ гражданъ, дѣйствительно очень странны. Самоуправленіе, втиснутое въ общество въ видѣ вполнѣ законченной формы, является какимъ-то приказаніемъ и стѣсненіемъ. Все достоинство самоуправленія состоитъ въ томъ, чтобы люди стояли на своихъ ногахъ, дѣйствовали самостоятельно, а вовсе не въ одножъ исполненіи новыхъ формъ, хотя бы и близкихъ къ дѣлу. Рѣшеніе огуломъ всѣхъ учредительныхъ вопросовъ и подробностей не ведетъ еще къ правильному установленію ихъ на дѣлѣ. Грустно видѣть, что Сперанскій сперва хотѣлъ ввести формы, не принимая заботъ къ развитію настоящихъ основъ ихъ. Въ то время, когда общій планъ реформы былъ отложенъ, было бы гораздо разсчетливѣе принимать мѣры къ развитію основъ новаго порядка, чѣмъ вводить формы его, наполняя ихъ другимъ содержаніемъ.

Регламентация проведена въ планѣ Сперанскаго до послѣдняго предѣла; въ нисшей инстанціи власть судебная строго отдѣлена отъ полицейской. Это дѣлало невозможнымъ введеніе мировой юстиціи.

Въ исторіи другихъ государствъ мы тоже видимъ, что самоуправленіе началось иногда какъ обязанность; но тамъ законъ обращался прямо къ лицамъ, и имѣлъ въ виду только эти обязанности, а отнюдь не формы. Сперанскій же поступилъ совсѣмъ наоборотъ.

Но, оставляя въ сторонѣ самый планъ, надо признать, что исполненіе его на дѣлѣ было еще неудовлетворительнѣе.

Сперанскій считалъ здѣсь главною ошибкою объявленіе плана по частямъ. Онъ пишетъ:

«Полезнѣе, можетъ быть, было бы всѣ установленія, приутоживъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности, и не произвели бы въ дѣлахъ ника-

кого смѣшенія. Новаше величество признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ переменить, основавшись на одной теоріи. Сколь предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но впоследствии оно сдѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили о намѣреніяхъ его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не вида точной цѣли и конца перемены, страшились вредныхъ установленій.»

Но уступки ограничились не однимъ распредѣленіемъ реформы на длинное время. Легко замѣнить, что были сдѣланы другія, гораздо важнѣйшія уступки. При приведеніи реформы въ исполненіе, постепенно уступался самый смыслъ преобразованія.

Первою мѣрою къ реформѣ было—новое образованіе государственнаго совѣта. Онъ былъ открытъ съ необычайнымъ торжествомъ. Государь произнесъ рѣчь «исполненную такихъ мыслей, какихъ Россія никогда не слыхала съ престола»; члены даже приняли особую присягу.

Сперанскій, назначенный государственнымъ секретаремъ, вскорѣ могъ лично увидѣть настоящіе плоды своего преобразованія. По собственному сознанію реформатора, въ совѣтъ было много лицъ, не имѣвшихъ ни свѣдѣній, ни другихъ достоинствъ, и реформа привела въ исполненіе только самое несущественное.

Совѣтъ не замедлилъ получить приказный характеръ; вскорѣ въ немъ преобладала только власть Сперанскаго.

Въ такомъ же родѣ вышло и преобразование министерствъ. Сперанскій самъ сознавался, что главныя черты его—лучшій порядокъ отвѣтственности министровъ—не былъ даже затронутъ. «Эго учрежденіе лежитъ теперь покрыто пылью и прахомъ», писалъ нашъ реформаторъ изъ своей ссылки (Т. I, стр. 126). Въ совѣтъ это преобразование прошло безъ всякихъ замѣчаній,—до того оно было обезцвѣчено.

Наконецъ приступили къ главной мѣрѣ—къ преобразованію сената. Проектъ былъ внесенъ въ совѣтъ въ срединѣ 1811 года, и пренія о немъ были высшею степенью торжества для Сперанскаго. Всякій разъ, какъ Сперанскій выходилъ отъ государя въ залу общаго собранія, члены обступали его, шептывая приятныя рѣчи, отбивая другъ у друга; другіе безмолвно обращались къ нему, какъ подсолнечники къ солнцу, и ловили ласковый взглядъ (Т. I, стр. 130).

Несмотря на жаркія пренія, приверженцы стараго порядка, оказались при рѣшеніи дѣла на сторонѣ проекта, или, выражаясь словами И. И. Дмитріева, — на сторонѣ «домашнихъ разсчетовъ».

А Сперанскій дѣлалъ уступку за уступкой. Онъ соглашался составить правительствующій сенатъ изъ министровъ, ихъ товарищей, начальниковъ отдѣльныхъ частей и пр. — выборные отступали на второй планъ.

Несмотря на утверженіе проекта, Сперанскій двумя записками убѣждалъ государя отложить преобразование, какъ «неудобное при такомъ расположеніи умовъ». Хотя императоръ думалъ сначала привести проектъ въ исполненіе, но возраставшая опасность близкой войны вскорѣ измѣнила намѣреніе Александра.

Въ началѣ 1812 года Сперанскій написалъ манифестъ о финансахъ, въ которомъ еще болѣе сдалъ свои убѣжденія, и поступилъ даже противъ нихъ.

Эта привычка отступать отъ смысла встрѣчается у насъ очень часто, и она испортила не одно преобразование.

Слѣдить за Сперанскимъ въ его паденіи мы вовсе не намѣрены: это слишкомъ печальная картина!

С. И. Челнщевъ.

ФИЛОСОФІЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ПРАВА.

(The Province of Jurisprudence Determined; the lectures on jurisprudence or the philosophy of positive law. By John Austin. London, 1861).

Нѣтъ предмета, на который было бы употреблено больше способностей и учености, чѣмъ на англійскіе законы, и вместе съ тѣмъ нѣтъ науки, для которой англійскіи литература сдѣлала бы такъ мало, какъ для всеобщей юриспруденціи. Причины этого не становятся менѣе интересны оттого, что онѣ очевидны для всякаго, кто имѣетъ практическое знакомство съ предметомъ. Это обстоятельство часто приписываютъ предполагаемой неспособности или нелюбви англичанъ ко отвлеченному всеобщему умозрѣнію, или же тому, что всѣ даровитѣйшіе люди Англій заняты исключительно преслѣдованіемъ цѣлей, служащихъ непосредственно къ ихъ личному возвышенію; но такой взглядъ невѣренъ и несправедливъ. Много можетъ быть представлено очевидныхъ доказательствъ способности англичанъ ко всеобщимъ умозрѣніямъ, и между ними никогда не было недостатка въ людяхъ, склонныхъ къ жизни философствованія и изученія, которые теоритически изслѣдовали предметы, становившіеся интересными вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ.

Настоящую причину, — почему всеобщая юриспруденція не была обрабатываема въ Англій, должно искать въ отсутствіи поводовъ, которые въ другихъ странахъ побуждали людей изучать ее. Популярность всеобщихъ умозрѣній въ законовѣдѣніи также, какъ и во всякомъ другомъ предметѣ, зависитъ главнымъ образомъ отъ степени практической важности и достоинства,

которыя съ ними соединены. Напр., когда умы людей заняты—какъ это было во Франціи въ прошломъ столѣтіи—предчувствіемъ великихъ соціальныхъ перемѣнъ, то это служитъ сильнымъ побужденіемъ сочинять теоріи объ устройствѣ общества и о свойствахъ и бредѣлахъ политическихъ обязательствахъ, чтобы дать бойцамъ оружіе для предстоящей борьбы. Происхожденіе и развитіе науки политической экономіи въ теченіе прошлаго столѣтія представляетъ другой примѣръ того же самаго вліянія. Всеобщее сознаніе, что накопленіе и распредѣленіе собственности мало понятны и что ихъ правила, будучи хорошо постигнуты, прочно усвоены и ясно установлены, могли бы повести къ великимъ практическимъ результатамъ,—послужило главною причиною вниманія, которое было обращено на этотъ предметъ. Такимъ же точно образомъ степень, въ которой люди замѣчаютъ необходимость общихъ правилъ и обширныхъ взглядовъ относительно предметовъ законовѣдѣнія, зависитъ отъ степени, въ которой они чувствуютъ необходимость въ нихъ; и хотя это можетъ показаться парадоксомъ, но несомнѣнно, что, при многихъ обстоятельствахъ и во многихъ состояніяхъ общества, изученію юриспруденціи вредитъ хорошее устройство суда, хорошая система законодательства, и наоборотъ, ему благопріятствуетъ плохое устройство суда, плохая система законодательства. Англійскіе законы въ настоящее время могутъ быть несовсѣмъ несправедливо названы массою подробностей, которыхъ не въ состояніи объять никакая память и которыя едва-ли какое бы то ни было разумніе можетъ подвести подъ категоріи, къ которымъ онѣ собственно принадлежатъ; но это состояніе вещей,—къ исправленію котораго, безспорно, много послужило бы болѣе распространенное между адвокатами знаніе юриспруденціи, можетъ быть явственно возведено къ тому факту, что въ Англии судебная администрація въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій была лучше, систематичнѣе и вліятельнѣе, а законодательство было разумнѣе и опрѣдѣленнѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ Европы.

Главный предметъ юриспруденціи состоитъ въ томъ, чтобы установить принципы относительно сущности закона и придумать, для легальныхъ цѣлей, классификаціи различныхъ дѣйствій и отношеній между людьми. Но практическое достоинство подобныхъ теорій мало ощутительно тамъ, гдѣ установлена система законодательства, удовлетворяющая элементарнымъ потребностямъ огражденія личности и собственности; и прямое вліяніе

этихъ теорій на судебныя рѣшенія уменьшается въ строго-пропорциональной степени силы, которую имѣютъ на практикѣ постановленія хорошо обозначенной верховной законодательной власти. Мы такъ привыкли дѣлать воображаемую неспособность англичанъ къ систематическому мышленію и къ систематическимъ учрежденіямъ предметомъ легкомысленнаго сѣтованія, и еще болѣе легкомысленной похвалы, что почти совершенно забыли тотъ фактъ, что, въ теченіи большей части новѣйшей исторіи Европы, Англія была единственною страной, которая дѣйствительно обладала законодательною властью, или единообразною администраціей суда. Французы, о врожденной способности которыхъ ко всему систематическому, или употребляя одну изъ фразъ, которыя въ такомъ ходу въ настоящее время—логичному, мы такъ много слышимъ, въ теченіи многихъ столѣтій оставляли свои законы въ состояніи безпорядка, которому въ Англіи не было примѣра со временъ владычества семи саксонскихъ королей. Во Франціи не только различныя юрисдикціи безпрестанно сталкивались одна съ другою, но тамъ была такая путаница въ законныхъ постановленіяхъ, что ни въ какой данной юрисдикціи невозможно было опредѣлить, что—законъ и что не законъ. Въ Англіи статуты, судебныя рѣшенія и немногія классическія руководства въ теченіи многихъ столѣтій были единственными авторитетами, которымъ подчинялись лица въ судебныхъ дѣлахъ. Во Франціи, даже въ настоящее время, судьямъ и адвокатамъ предоставлено гораздо болѣе обширное поле; продолжительное отсутствіе тамъ всякой установленной власти, которую бы всѣ признавали и слушали, было причиною любви французскихъ законовѣдовъ къ общимъ теоріямъ гораздо въ большей степени, нежели какое-нибудь врожденное превосходство ихъ пониманія надъ способностями англійскихъ юридическихъ писателей. И эта привычка французскихъ юристовъ къ умозрѣніямъ не была уничтожена даже обнародованіемъ «гражданскаго кодекса» (*Code civil.*) Во Франціи черта между теоріею и властью была—если только была—проведена очень не ясно. Въ странѣ, которая имѣла у себя семнадцать или восемнадцать верховныхъ судовъ, и безконечное число мѣстныхъ юрисдикцій, съ большимъ или меньшимъ объемомъ власти, и управлялась отчасти обычаями, отчасти римскимъ правомъ (которыя были обязательны не столько вслѣдствіе принятія ихъ законнымъ порядкомъ, сколько вслѣдствіе употребленія ихъ съ незапамятныхъ временъ), отчасти королевскими

ордонамсами, отчасти законами генеральных штатовъ (собиравшихся, можетъ-быть, одинъ разъ въ столѣтіе) и отчасти тѣмъ, что называлось основными законами — слово «законъ» не имѣло яснаго опредѣленнаго смысла. Такимъ образомъ для писателей существовало сильное побужденіе къ попыткамъ возвыситься надъ этою массою мелочныхъ и запутанныхъ правилъ во имя справедливости и мудрости своихъ теорій, и добиться, чтобы за ними было признано право регулировать дѣла людей. Съ другой стороны отсутствіе всякихъ главныхъ властей, которымъ были бы одинаково подчинены всѣ суды, естественно располагало судей поощрять подобныя теоріи, придавая имъ такую важность, которой они никогда не пріобрѣтали въ Англіи.

Въ Англіи двойная власть парламента, съ одной стороны, и трехъ судовъ Вестминстер-Гола, съ другой, была неоспоримо признана во всей странѣ. Даже въ отдѣльныхъ юрисдикціяхъ, за однимъ или двумя незначительными исключеніями, судъ отправляли двѣнадцать судей. Единственнымъ различіемъ между закономъ Ланкашира, Корнуэля, съ одной стороны, и закономъ Йоркшира и Девоншира, съ другой, было то, что въ послѣднихъ двухъ графствахъ позывы къ суду дѣлались именемъ царствующаго государя, и судьи засѣдали по его власти; между тѣмъ какъ, перейдя границу какого-либо изъ двухъ первыхъ графствъ, тѣ же самыя лица исполняли тотъ же самый законъ, посредствомъ того же самаго суднаго процесса по волѣ того же самаго государя, но именемъ герцога ланкастерскаго или корнуэльскаго, а не короля Англіи.

Такимъ образомъ въ этой странѣ съ незапамятнымъ временемъ юрисдикція была опредѣлена, и главныя черты закона были набросаны. Результатомъ этого было, что общія теоріи, относительно значенія закона, или относительно принциповъ, которыми должны регулироваться его дѣйствія, судьи всегда предоставляли законодательной власти. Безъ сомнѣнія, судьямъ всегда было, и, по самому свойству вещей, всегда будетъ предоставленно большее участіе въ законодательствѣ; но, признанная супрематія законодательной власти и большая сила судовъ, суживаютъ сферу дѣла, въ которомъ онѣ дѣйствуютъ. Тулузскій парламентъ могъ иначе, нежели руанскій, думать о принципахъ, на основаніи которыхъ должна происходить продажа имуществъ; но когда вестминстерскіе судьи разъ устанавливали какое-нибудь правило, то пресмики были связаны имъ, и никакой другой судъ въ Англіи

не могъ быти не согласенъ съ ними. Безспорная супрематія короля была великою охранительницею свободы и благоденствія Англіи; но, подобно всемъ другимъ безспорнымъ властямъ, она имѣла свои невыгоды. Еслибы въ Йоркѣ, Бристолѣ и Нораичѣ были также, какъ въ Лондонѣ, суды съ равностепенною властью, то общество вообще отъ этого пострадало бы; но Англія, вѣроятно, имѣла бы тогда болѣе значительное число авторитетныхъ писателей по юриспруденціи.

Однако же должно замѣтить, что явственная и даже рѣзкая черта, проведенная въ этой странѣ событіями, между юридическими теоріями и легальными властями, можетъ, въ канечномъ результатѣ, столько же благоприятствовать просвѣщенному изученію юриспруденціи, сколько она замедлила его успѣхи, такъ-какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что надежда произвести важныя непосредственныя практическіе результаты, имѣетъ также немалое вліяніе и на теорію. Едва-ли кто-либо предается умозрѣніямъ о политикѣ или теологіи чисто-нейтральнымъ образомъ. Разсудительнѣйшіе изъ писателей думаютъ о томъ, какое вліяніе будутъ имѣть ихъ взгляды на настоящій ходъ событий, и согласно этому дѣлаютъ свои первыя посылки и заключенія. Относительно предметовъ, которые привлекаютъ всеобщее вниманіе, и возбуждаютъ всестороннюю критику, въ этомъ, можетъ быть, нѣтъ большаго вреда, такъ-какъ эта критика имѣетъ своимъ результатомъ открытіе истины; но предметы, имѣющіе спеціальнй характеръ, обращаютъ на себя, сравнительно, мало вниманія. Споръ бываетъ обыкновенно односторонній, и здѣсь много можно произвести прочныхъ результатовъ, которые останутся незамѣченными публикой. Поэтому очень важно, чтобы подобныя споры не имѣли для себя никакой другой цѣли, кромѣ истины; и лучшаго ручательства за подобный результатъ слѣдуетъ искать въ проведеніи сколько возможно явственной черты между теоріей и властью, и въ строгомъ устраненіи одной изъ нихъ отъ всякаго прямого вліянія на другую. Каковы бы ни были недостатки англійскаго законодательства, но не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что оно достигло этой цѣли вполне. Сдѣлавшаяся пословицею фраза, что «законъ есть законъ» съ выразительною точностію показываетъ разграниченіе, которое англичанамъ удалось провести между практикою и теоріей, между искусствомъ и наукою. Можетъ быть, очень трудно узнать въ точности какой законъ дѣйствуетъ въ данномъ

мѣтъ, но не трудно опредѣлить, гдѣ должно искать его, и, во всякомъ случаѣ, никто не можетъ пожаловаться, что мудрость англійскихъ судебныхъ звѣй можетъ быть отуманена какимъ нибудь чародѣемъ теоретикомъ, какъ бы ни былъ онъ искусенъ въ своихъ заклинаніяхъ.

Эти замѣчанія служатъ необходимымъ предисловіемъ къ разбору книги м-ра Остина, показывая мѣсто какое она занимаетъ въ англійской юридической литературѣ. Интересъ этого сочиненія происходитъ отчасти изъ своего особеннаго источника. Это есть послѣдній памятникъ великаго человѣка, который не оставилъ намъ ни одного, или почти ни одного, видимаго залога признанія публикой его рѣдкихъ заслугъ. Трогательное предисловіе, прибавленное вдовою автора къ настоящему изданію его книги, даетъ читателямъ средство составить нѣкоторую оцѣнку мыслителя, который былъ при жизни своей извѣстенъ немногимъ, но на котораго едва ли не всѣ его знавшіе смотрѣли съ какимъ то особеннымъ уваженіемъ. Событія жизни м-ра Остина могутъ быть изложены въ немногихъ словахъ. Онъ родился въ 1790 и умеръ въ 1859 г. Онъ служилъ въ арміи пять лѣтъ во время войны, и его военная жизнь оставила на его манерахъ и ѳсанкѣ отпечатокъ, котораго невозможно было не замѣтить. Въ 1818 г. онъ поступилъ въ судебное сословіе, и, въ качествѣ кандидата, практиковался въ адвокатской должности, но съ малымъ успѣхомъ, до 1825 г. Въ 1826 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ законовѣдѣнія въ только-что основанномъ тогда лондонскомъ університетѣ, и изучалъ свой предметъ въ Германіи два года, прежде чѣмъ началъ свои лекціи. Между 1828 и 1832 г. онъ написалъ курсъ, который послужилъ фундаментомъ для настоящаго тома, а въ 1834 г. написалъ другой курсъ, въ Иниер-Темплѣ; въ 1833 г. онъ былъ назначенъ членомъ «коммиссіи уголовныхъ законовъ» съ жалованьемъ по 800 фун. стерл. въ годъ. Съ великодушною деликатностью и благородствомъ—хотя, можетъ быть, въ этомъ случаѣ м-ръ Остинъ былъ несправедливъ къ самому себѣ, онъ отказывался отъ этого мѣста, несмотря на свою бѣдность и немнѣніе никакихъ другихъ занятій, единственно по той причинѣ, что считалъ способности и понятія коммиссіи слишкомъ ограниченными для произведенія реформъ, которыхъ по его мнѣнію должно было ожидать отъ нея. Спустя около двухъ лѣтъ послѣ того, онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ м-ромъ Льюисомъ, королевскимъ комиссаромъ, въ ком-

миссію для изслѣдованія жалобъ мальтійскихъ жителей, и это порученіе онъ исполнялъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ до внезапнаго уничтоженія этой комиссіи вслѣдствіе переменъ въ министерствѣ. Затѣмъ онъ проводилъ жизнь въ уединенныхъ ученыхъ занятіяхъ въ Германіи и во Франціи, а остальныя десять лѣтъ жилъ въ Убриджѣ, въ графствѣ Сѣррей.

Изъ отчета, даваемого вдовой м-ра Остина объ оставшихся послѣ него бумагахъ, и изъ его собственнаго конспекта книги, которую онъ намѣревался написать, видно, что у него въ умѣ былъ планъ трактата о человѣческихъ обязанностяхъ во всѣхъ ихъ формахъ, юридическихъ и нравственныхъ. Онъ думалъ изслѣдовать принципы и основанія юриспруденціи, положительную нравственность и этику. Подъ юриспруденціей онъ разумѣлъ законъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова; подъ положительною нравственностью—правы каковы они есть, а подъ этикой—правы, каковы они должны быть. Чтѣ бы показать, въ какомъ отношеніи эти предметы, въ его планѣ, находились одинъ къ другому, для этого довольно будетъ привести одинъ примѣръ. Бракъ съ сестрою умершей жены не законенъ. Онъ также и безнравственъ въ той мѣрѣ, какъ онъ противорѣчитъ взгляду общества на подобныя браки. Если бы законъ былъ измѣненъ, то этотъ бракъ пересталъ бы быть незаконнымъ. Онъ могъ бы также перестать быть безнравственнымъ; но это зависѣло бы отъ вопроса: произвела ли нѣтъ эта перемѣна закона соответствующую перемѣну въ общественномъ чувствѣ. Должны или не должны такіе браки считаться безнравственными, или, по выраженію Остина, неэтичными—это вопросъ, который будетъ зависѣть отъ того, въ какой мѣрѣ они клонятся вообще къ произведенію человѣческаго благополучія.

Объ обширности размѣровъ, въ которыхъ м-ръ Остинъ предполагалъ изложить эти предметы, можно судить изъ того, что онъ относилъ международное право и дипломатію къ положительной нравственности.

Изъ этого обширнаго плана, который, какъ видно изъ его бумагъ, онъ обдумывалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и которому онъ далъ значительную степень единства по опредѣленности, былъ оконченъ только одинъ отрывокъ. Этотъ отрывокъ заключается въ лекціяхъ, содержащихся въ настоящемъ томѣ, который составлялъ первый отдѣлъ первой части сочиненія, именно той, предметомъ которой долженствовало быть изслѣдованіе

закона въ собственномъ смыслѣ. О значительномъ числѣ другихъ лекцій, въ которыхъ былъ продолжаемъ тотъ же предметъ, остались и готовятся къ печати подробныя замѣтки; но, повидимому, м-ръ Остинъ не оставилъ ничего достаточно-приготовленнаго къ изданію о предметахъ положительной нравственности и этики.

Предметъ настоящаго тома состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить область юриспруденціи, и это исполнено посредствомъ тщательныхъ опредѣленій главныхъ отношеній, съ которыми она имѣетъ дѣло. Его общее содержаніе, говоря кратко, состоитъ въ установленіи и объясненіи трехъ слѣдующихъ положеній:

1) Законъ есть приказаніе, предписывающее извѣстный образъ поведенія.

Приказаніе есть внушеніе со стороны сильнѣйшаго слабѣйшему разумному существу, что если слабѣйшій сдѣлаетъ, или допуститъ сдѣлать такой то поступокъ, то сильнѣйшій сдѣлаетъ ему вредъ.

2) Коренные законы человѣческаго поведенія заключаются въ совѣсти. Критерій, по которому можно узнать значеніе законовъ, состоитъ въ томъ, что ими предписывается всякій образъ поведенія, клонящійся къ всеобщему благополучію человечества, и запрещается всякій образъ поведенія, клонящійся къ уменьшенію благополучія.

3) Люди постановляютъ законы другъ для друга. Лица, устанавлиющія законы, называются государями, а тѣ, для которыхъ эти законы установлены, называются подданными. Въ каждомъ независимомъ политическомъ обществѣ есть государь и есть подданные; и признаки, по которымъ можно узнать общество, состоятъ въ томъ, что, *во-первыхъ*, масса даннаго общества повируется извѣстному и общему для всѣхъ высшему лицу—будетъ ли это лицо отдѣльная личность, или лицо фиктивное, собирательное—состоящее изъ многихъ отдѣльныхъ личностей; *во-вторыхъ*, этотъ высшій начальникъ надъ всѣми не долженъ повиноваться другому какому-либо опредѣленному начальнику.

Нужно имѣть нѣкоторое знакомство съ юридическими и нравственными умозрѣніями, чтобы оцѣнить важность этихъ положеній, и понять трудность ихъ выработки и примѣненія къ человѣческимъ дѣламъ; но какъ ни просты они могутъ показаться, они составляютъ основу того взгляда на законъ, нравствен-

ность и политику, который, по всей вѣроятности, предназначенъ имѣть неощутимыя послѣдствія. Они ставятъ юриспруденцію на такую же систематическую и истинно-научную почву, на какой стоитъ политическая экономія, и такимъ образомъ представляютъ другой примѣръ нравственной философіи въ истинномъ значеніи этихъ словъ.

Такъ-какъ никакія фразы не употребляются болѣе произвольно, чѣмъ слова: «нравственная философія», то, можетъ быть, не будетъ излишнимъ остановиться на смыслѣ и важности этого положенія. Сравнительно, немногія лица имѣютъ явственное понятіе о томъ, что они разумѣютъ, когда говорятъ о какой-нибудь наукѣ, и еще ограниченнѣе число людей, знающихъ, что именно они разумѣютъ подъ именемъ «нравственной философіи». Однако же для опредѣленности мысли очень важно имѣть ясныя понятія объ этихъ предметахъ. Все человѣческое знаніе можетъ быть изображено какъ огромное множество впечатлѣній, высказанныхъ словами, и истина этого положенія не измѣняется отъ большихъ споровъ относительно источника этихъ впечатлѣній и степени авторитета, соединяемаго съ словами, въ которыхъ выражены эти впечатлѣнія, словами, которыми постоянно занимали умы метафизиковъ. Чтобы создать науку для этого необходимо, во-первыхъ, отдѣлить одну группу этихъ впечатлѣній, или, говоря точнѣе, фразы, описывающія одну группу этихъ впечатлѣній отъ другихъ. Затѣмъ они должны быть классифицированы и наконецъ сжаты, если возможно, въ систему правилъ, расположенныхъ такъ, чтобы болѣе общія правила обнимали собою каждый изъ отдѣльныхъ случаевъ, которые подходятъ подъ ихъ категорію. Для распредѣленія и сочетанія этихъ правилъ, огромное множество впечатлѣній можетъ быть подведено подъ меньшее число условныхъ главъ, которыя могли бы быть прилагаемы, комбинируемы различнымъ образомъ, смотря по надобности. Математика представляетъ собою наилучшій и простѣйшій примѣръ существеннаго характера науки. Первый процессъ въ ней состоитъ въ томъ, чтобы установить фразы, изображающія группу впечатлѣній, относящихся къ числу, пространству, вѣсу, силѣ и т. под. Важнѣйшія изъ фразъ, относящихся къ числу, суть названія самихъ чиселъ—1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 0. Эти цифры опредѣляются, какъ десять числительныхъ знаковъ, и это опредѣленіе есть первая степень классификаціи. Затѣмъ слѣ-

дуть имена отдѣльныхъ чиселъ; напр. можно рассмотреть четыре. Что значитъ слово «четыре»? Оно значитъ—четыре книги, четыре корабли, четыре человека или четыре друге какое-либо предмета, которые, будучи взяты вмѣстѣ, сообщаютъ намъ впечатлѣнiе, выражаемое словомъ четыре. По дальнѣйшемъ изслѣдованiи оказывается, что, получая это впечатлѣнiе, мы всякий разъ получаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другое впечатлѣнiе о двухъ—два, и такимъ образомъ мы доходимъ до второй степени классификацiи чиселъ—степени, выражаемой въ формулѣ, что дважды два—четыре. Все другiя правила ариѳметики суть не болѣе, какъ второстепенныя и комбинацiи этого процесса. Употребленiе этихъ процессовъ хорошо объясняется примѣромъ огромнаго множества сложнѣйшхъ впечатлѣнiй, которыя таблица умноженiя даетъ намъ возможность ясно помнить почти безъ всякаго умственнаго усилiя. Именѣе обыкновенный, хотя едва-ли не столько же знакомый, примѣръ представляютъ правила для вычисленiя силы тяготѣнiя. Всякое движенiе, которое можно отнести непосредственно или косвенно къ тяжести, можетъ служить примѣромъ правила, что сила тяжести измѣняется въ обратномъ отношенiи къ квадрату разстоянiя.

Намъ было бы легко представить множество примѣровъ, но уже и приведенныхъ нами достаточно для показанiя, что наука есть не что иное, какъ только классификацiя, стенографическое описанiе всѣхъ фактовъ, относящихся къ извѣстному предмету, къ которому она принадлежитъ, и что мѣриломъ истины всякаго научнаго правила служить его примѣнимость ко всякому данному случаю обстоятельствъ, которыя оно должно объяснить. Научное правило подобно ключу, который предназначенъ для отпирани цѣлой группы замковъ, и который оказался совершенно годнымъ для того, чтобы отмыкать ихъ съ успѣхомъ.

Если таково существенное свойство науки вообще, то въ чемъ состоитъ существенное свойство нравственной философи? Эти два слова обыкновенно произносятся съ риторическою высокопарностью; которая очень въ сильной степени затемняетъ ихъ смыслъ; но еслибы они были употребляемы правильно, то подъ этимъ фразой должно было бы разумѣть ту науку, которая относится къ челоуѣческому поведенiю. А такъ-какъ науки суть собранiя правилъ, дающихъ наблюдателямъ возможность относить отдѣльные случаи къ извѣстной классификацiи, отъ которой зависятъ эти

правила, то нравственные науки должны означать собранія правилъ, относящихся къ какимъ-нибудь отдѣламъ человѣческаго поведенія. Что нѣкоторые отдѣлы человѣческаго поведенія могутъ быть классифицированы съ точностью для того, чтобы послужить матеріаломъ для истинной науки,—это неоспоримо доказано существованіемъ политической экономіи; равнымъ образомъ этимъ не будетъ удивленъ или пораженъ никто, способный видѣть, что наука находится къ своему предмету совершенно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ географическая карта находится къ представляемой ею странѣ, и что она нисколько не имѣетъ претензіи управлять поведеніемъ, къ которому она относится, подобно тому, какъ морской альманахъ нисколько не имѣетъ претензіи управлять морскими приливами и отливами (хотя иногда подобное управленіе ошибочно приписывается научнымъ «законамъ»).

Что такія науки не помогаютъ знающимъ ихъ людямъ дѣлать специфическія предсказанія—это часто приводится какъ доказательство того, что онѣ не суть истинныя науки, и отвѣтъ на такое возраженіе бросаетъ большой свѣтъ на ихъ истинный характеръ. Этотъ отвѣтъ двойкій. Во-первыхъ, никакая наука, сама по себѣ, не можетъ никому дать возможность сдѣлать специфическое предсказаніе. Для этой цѣли необходимо имѣть не только научное правило, но и положеніе фактовъ, къ которымъ это правило можетъ быть примѣнено. Теорія тяготѣнія никогда не дастъ астроному возможности предсказать какое нибудь затмѣніе, если онъ не знаетъ нѣкоторыхъ фактовъ объ относительномъ положеніи и степени движенія солнца, мѣсяца и земли. Въ наукахъ нравственныхъ факты вообще такъ скоропреходящи и не ясны, и относящаяся къ нимъ очевидность такъ же удовлетворительна, что они рѣдко могутъ быть установлены съ точностью, которая существенно необходима для надлежащаго приложенія научнаго правила; но это не дѣлаетъ самого правила менѣе научнымъ. Напр. истинна теорія Рикардо о рентѣ нисколько не подрывается тѣмъ обстоятельствомъ, что она нигдѣ не оправдывается фактами, точно такъ же какъ правила о блокахъ и рычагахъ нисколько не нарушаются тѣмъ фактомъ, что они видоизмѣняются на практикѣ треніемъ или твердостью матеріаловъ.

Во-вторыхъ термины, въ которыхъ выражаются заключенія

нравственныхъ наукъ далеко не имѣють той степени опредѣленности, которая даетъ наукамъ физическимъ и математическимъ такую, вошедшую въ пословицу, точность. Обыкновеннѣйшіе термины нравственныхъ наукъ суть слова, которыя находятся въ ежедневномъ употребленіи, и которыя вообще высказываются съ большею или меньшею степенью страсти, и безъ всякаго точнаго смысла, но съ большею или меньшею приближенностью къ тому или другому изъ различныхъ значеній. Вотъ истинный источникъ неопредѣленности нравственныхъ наукъ, и въ нихъ были дѣлаемы значительные успѣхи только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти слова были употребляемы надлежащимъ образомъ. Политическая экономія есть покажѣсть единственная изъ нравственныхъ наукъ, въ которой созданы опредѣленія основныхъ терминовъ достаточно точныя для того, чтобы сдѣлаться общепринятыми между всѣми, занимающимися этимъ предметомъ. Послѣдствіемъ этого было то, что выводы людей, знакомыхъ съ этой наукой, приняты и усвоены съ такою степенью довѣренности, которой не приобрѣли никакія другія умозрѣнія, относящіяся, къ человѣческимъ дѣламъ. Политико-экономисты, съ такою же увѣренностью какъ и астрономы, могутъ указать на единственнаго свидѣтеля, который дѣйствительно служитъ мѣриломъ истинности науки, именно—на успѣхъ. Источникомъ ихъ успѣха было то, что имъ удалось придать точныя значенія словамъ, которыя въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ были употребляемы милліонами людей, соединившихъ съ ними живыя, хотя неопредѣленныя понятія, таковы напр. слова: плата, прибыль, капиталъ, цѣнность, рента и многія другія. Важность этого хорошо объясняется однимъ достопамятнымъ случаемъ: опредѣленіе, что слова «фунтъ стерлинговъ» означаютъ собою известный вѣсъ золота, какъ оно ни кажется простымъ, было великимъ социальнымъ и политическимъ событіемъ.

Положенія м-ра Остина, относительно юриспруденціи, имѣють такую же опредѣленность, и, по всей вѣроятности, будутъ признаны впоследствии имѣющими такую же важность, какъ положенія Адама Смита и Рикардо о рентѣ, прибыли и цѣнности. Чтобы показать вполне всю ихъ важность, для этого было бы необходимо перепечатать цѣлую книгу, потому что слогъ ея и изложеніе отличаются, такъ сказать, адамантовою твердостью. Аргументы связаны одинъ съ другимъ, какъ звенья желѣзнаго

каната, или чешуя Левиафана. Они сомкнуты вместе, как будто сплошной печатью; одинъ находится такъ близко возлѣ другого, что между ними не можетъ проникать никакой воздухъ, они сжаты, они слинулись вместе такъ, что не могутъ быть раздѣлены». Однако же мы можемъ предстатить нѣсколько при- мѣровъ объема и содержанія этихъ аргументовъ.

Главное, руководящее опредѣленіе въ книгѣ есть опредѣленіе слова «законъ» (представленное выше). Оно заключаетъ въ себѣ четыре вѣтви: 1) приказаніе, 2) санкцію, состоящую въ угро- зѣ зломъ, которая превращаетъ внушеніе въ приказаніе; 3) об- разъ предписываемаго поведенія; 4) обязанность, состоящую въ подверженности дѣйствию санкции въ случаѣ неповиновенія. Важ- ность свѣта, бросаемаго этимъ опредѣленіемъ почти на всѣ от- дѣлы умозрѣнія, едва ли можетъ быть преувеличена, и самое опредѣленіе отличается глубиной и обширностью, которыя пред- ставляютъ неистощимый источникъ для знанія или усвоенія. Изъ всѣхъ жаргоновъ настоящаго времени нѣтъ ни одного болѣе по- пулярнаго и вреднаго, чѣмъ тотъ, въ которомъ слово «законъ» играетъ видную роль. Мы со всѣхъ сторонъ слышимъ о зако- нахъ того или другаго рода. Законы здоровья, законы прогрес- са, законы физиологій, законы социологій, законы, управляющіе возрастаніемъ видовъ и всякіе роды другихъ законовъ, провоз- глашаются такимъ тономъ, какъ будто надъ человѣчествомъ тя- готѣетъ желѣзный деспотизмъ цѣлаго полчища абстракцій. Раб- скому фатализму, который сильно распространяется въ настоя- щее время, много способствуетъ постоянное употребленіе этой неточной метафоры, и отсутствіе всякаго дѣйствительно-яснаго смысла, который надъ нею предполагается. Опредѣленіе закона дѣлаемъ Остиномъ, даетъ ему возможность показать—до какой степени слабо сходство между этими метафорическими законами, и законами въ собственномъ смыслѣ этого слова. Онъ показы- ваетъ, что изъ четырехъ существенныхъ элементовъ закона въ собственномъ смыслѣ, именно: повелѣній, власти, обязанности и предписываемаго образа поведенія, въ большей части метафори- ческихъ законовъ повторяется только одинъ, и притомъ слабѣе и не прямо, именно—единообразіе, имѣющее въ нѣкоторой степени сходство съ однообразіемъ поведенія, которое было бы провѣ- ведено закономъ, обязывающимъ разумное существо исполнять нѣмъ повинности.

Какъ ни важенъ этотъ результатъ (и еслибъ онъ былъ вполне понятъ и усвоенъ кѣмъ слѣдуетъ, онъ произвелъ бы въ высшей степени благотворительную перемену во всемъ тонѣ большей части новѣйшаго умозрѣнія), онъ есть только одинъ изъ многихъ результатовъ, вытекающихъ изъ опредѣленія м-ра Остина. Этотъ результатъ даетъ ему возможность описать вразумительнымъ образомъ границы между тѣсно связанными другъ съ другомъ предметами закона въ собственномъ смыслѣ, международнаго закона (или какъ онъ болѣе точно называетъ его, по примѣру Бентама—международной нравственности), и положительной нравственности. Въ первомъ случаѣ приказаніе обыкновенно бываетъ вначало; высшій власть, которую оно налагается и наказаніе составляющее санкцію—опредѣлены. Во второмъ и третьемъ случаяхъ нѣтъ собственно такъ называемаго приказанія, хотя и предписывается извѣстный образъ поведенія; нѣтъ также никакой опредѣленной высшей власти и санкціи. Далѣе Остинъ обводитъ ластенными границами области закона, нравственности и этики, и показываетъ, какъ онѣ иногда совпадаютъ, иногда расходятся, иногда сталкиваются одна съ другою. Было бы невозможно безъ пространныхъ и подробныхъ объясненій дать людямъ, незнакомымъ съ подобными предметами, какое-нибудь понятіе о массѣ путаницы и темноты, которую онъ устраняетъ такимъ образомъ, а для людей знакомыхъ съ ними это не нужно. Слова: *долгъ, право, обязанность, нравственная обязанность, несовершенная обязанность* и т. и., которыя всегда были обильнымъ источникомъ запутанности и недоразумѣнія, сгруппированы здѣсь съ удивительною соразмѣрностью и полнотою вокругъ центрального опредѣленія.

Возьмемъ хоть слово «право» для примѣра. Почти каждая глупая статья, или рѣчь въ какомъ-нибудь публичномъ митингѣ, представляетъ намъ доказательство запутанности, въ которую вовлекаетъ людей неопредѣленность смысла, соединяемаго съ этимъ терминомъ. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ говорить о «правахъ», какъ будто они сами по себѣ суть нечто превосходное и желательное; и какъ будто существуетъ гдѣ-нибудь какое-то божественное право, съ которымъ должны быть сообразованы всѣ черты права, независимо отъ послѣдствій. Еслибы опредѣленія м-ра Остина были поняты и приняты всеми тѣмъ, что и войти во всеобщее употребленіе, то половина теперешнихъ

споровъ о подобныхъ предметахъ исчезла бы, а другая половина обратилась бы къ осязательнымъ результатамъ, вмѣсто того, чтобы производить почти-что одиѣ громкія фразы и неосновательные предрасудки, выдаваемые за мнѣнія.

По опредѣленію Остина, право есть власть, даваемая и, въ случаѣ нужды, поддерживаемая закономъ; и существованіе его можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, полезно, вредно или безразлично для массы и для лица которое обладаетъ имъ. Напр. человекъ имѣетъ право получить плату за имущество, которое онъ продалъ. Это значить, что государь повелѣваетъ, чтобы долги были уплачиваемы и поддержать это приказаніе силой, въ случаѣ невниманія или неповиновенія. Это право весьма полезно по очевиднымъ причинамъ. Еслибы государь издалъ законъ, что А. Б. можетъ отрубить голову всякому, кого встрѣтитъ на улицѣ, то А. Б. имѣлъ бы точно такое же право сдѣлать это какъ получить уплату должныхъ ему денегъ; но это право было бы столько же чудовищно, какъ другое полезно. Это примѣры легальныхъ правъ, или правъ соответствующихъ законамъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Нравственные права находятся въ такомъ же точно отношеніи къ нравственнымъ правиламъ, въ какомъ легальныя права къ законамъ, и отличаются отъ легальныхъ правъ въ подробностяхъ, соответствующихъ тѣмъ, въ которыхъ нравственные правила отличаются отъ законовъ. Далѣе нравственные правила предписываютъ извѣстный образъ поведения, но они не налагаются какимъ-нибудь опредѣленнымъ начальникомъ, и не поддерживаются какою-нибудь опредѣленною санкціей. Такимъ образомъ нравственные права суть такія права, пользованіе которыми покровительствуется неопредѣленнымъ начальникомъ, налагающимъ неопредѣленные наказанія; и моральныя права, подобно легальнымъ, могутъ быть или полезны, или вредны.

Напр., во всѣхъ извѣстныхъ намъ частяхъ свѣта родители имѣютъ нравственное право на повиновеніе и уваженіе своихъ дѣтей. Это значить, что безмолвно подразумѣваемое правило «дѣти должны повиноваться и оказывать почтеніе своимъ родителямъ» господствуетъ во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, что нарушеніе этого правила наказывается потерей уваженія и порицаніемъ, которое выражается различнымъ образомъ. Это нравственное право благотельно, по очевиднымъ причинамъ

но легко можно указать на другія нравственныя права, которыя столько же очевидно вредны. Въ Китаѣ отецъ нравственно обязанъ изуродовать ногу своей дочери, а его сосѣди имѣютъ нравственное право требовать, чтобы нога дочери его была изуродована т. е. китайскія понятія установили безмолвное правило, что нога женщины должна быть изуродована, и нарушение этого правила наказывается потерей уваженія и порицаніемъ, выражаемымъ различно. Это нравственное правило, по очевиднымъ причинамъ, вредно.

Всякій свободенъ употреблять слова въ какомъ ему угодно смыслѣ, но тѣхъ поръ пока онъ употребляетъ ихъ однообразно, и потому подобныя теоріи не могутъ быть названы ни истинными, ни ложными; онѣ, какъ научныя опредѣленія всегда должны быть ни что иное, какъ соперничающія классификаціи, болѣе или менѣе полныя и пригодныя. Ничто не можетъ быть пригоднѣе опредѣленій Остина. Онѣ вполне устраняютъ смѣшеніе, которое безпрестанно возникаетъ между дѣйствительнымъ и идеальнымъ порядкомъ вещей, между состоящими подъ защитой закона правами, которыя существуютъ, и тѣми правами, которыя по тому или другому принципу должны бы существовать; а это смѣшеніе дало свой колоритъ почти всѣмъ спорамъ о подобныхъ предметахъ, — волновавшимъ и еще продолжающимъ волновать человѣчество.

Понятія о верховной власти, — изслѣдованіе которой пополняетъ послѣднюю треть настоящаго тома, — стоитъ дальше отъ обыкновенныхъ ежедневныхъ споровъ о понятіяхъ: закона, права, обязанности и т. под. Однако же оно примѣшивается ко всѣмъ сколько-нибудь значительнымъ политическимъ спорамъ; и хотя въ настоящее время подобные вопросы занимаютъ англійскую публичку, но нѣтъ причины думать, что они не получатъ важности когда-либо въ будущемъ, вслѣдствіе хода событий; и существуетъ мало надежды на то, что, въ такомъ случаѣ путаница, такъ часто происходившая отъ смутныхъ, неопредѣленныхъ взглядовъ на основныя политическія идеи, не возникнетъ вновь. Хотя многіе изъ взглядовъ, защищаемыхъ м-ромъ Остинымъ были уже излагаемы другими писателями до него, и хотя ихъ истинность, въ существенныхъ чертахъ, давно уже была безмолвно признаваема мыслящими и образованными людьми, но нигдѣ они не были изложены лучше, чѣмъ въ шестой

его лекціи, Ихъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ. Всякій разъ, когда люди соединяются между собою для политическихъ цѣлей, кто-нибудь одинъ или нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ властью издавать и поддерживать силой повелѣнія, которая не подчинена никакой другой власти того же рода, хотя она ограничивается положительными нравственными правилами, которыя фактически были установлены общимъ чувствомъ ассоціаціи, включая сюда идею, которую они могли составить себѣ о божественномъ законѣ. Люди, обладающіе этою властью, представляютъ въ своемъ лицѣ индивидуально или коллективно государя общества, и верховная власть всегда, уже по самой природѣ своей, абсолютна. Такимъ образомъ это совершенное заблужденіе раздѣлять правительства на деспотическія и свободныя; по-крайней-мѣрѣ, подобныя классификаціи показываютъ не на объемъ власти правительства, а на употребленіе, которое они дѣлаютъ изъ нея. Изъ этого слѣдуетъ, что верховная власть не можетъ подлежать легальному ограниченію. Причина этому та, что законъ есть повелѣніе, предписываемое общимъ властителямъ, и еслибы государь имѣлъ надъ собою какого-нибудь властителя, то онъ не былъ бы государемъ; однако же государь можетъ находиться подъ вліяніемъ нравственныхъ или религіозныхъ обязанностей, потому что такія обязанности предписываются или Богомъ, или тѣми, которыхъ общее чувство устанавливаетъ нравственные правила.

Конечно, эти мнѣнія нѣкоторымъ покажутся благопріятными для тиранніи, но такая мысль тотчасъ же можетъ быть уничтожена: ссылкою на примѣры, которые представляетъ м-ръ Остинъ для объясненія своего понятія о политическихъ тѣлахъ, управляемыхъ верховною властію. Напр. онъ говоритъ, что въ Англіи верховная власть, которая, должно помпѣть, означаетъ власть составлять и предписывать законы, заключается совокупно въ король, въ палату лордовъ и въ лицахъ, которыя избираютъ членовъ палаты общинъ; участіе свое въ верховной власти эти избиратели передаютъ своимъ представителямъ, безъ всякаго ограниченія, съ единственнымъ исключеніемъ, именно съ исключеніемъ права выбирать представителей. Легко можно видѣть, съ какою точностью признаки верховной власти, представленныя выше, прилагаются къ этому политическому тѣлу. Каждый членъ верховной власти можетъ быть — и каждый, въ свою очередь,

быть ограниченъ закономъ. Король долженъ быть протестантъ; палата лордовъ не можетъ дѣлать поправки въ билляхъ о деньгахъ; палата общинъ не можетъ издавать законы посредствомъ простой резолюціи; корпусъ избирателей былъ преобразованъ биллемъ о реформѣ; но попытки ограничить самую верховную власть просто не имѣютъ никакого значенія. Напр. статьями соединенія Англіи и Шотландіи охраненіе англійской и шотландской церковей объявлено основнымъ условіемъ соединенія, но никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что существующій парламентъ Великобританіи можетъ, если захочетъ, уничтожить одну изъ нихъ или обѣ, и это уничтоженіе будетъ легально въ строгомъ смыслѣ этого слова. Равнымъ образомъ вѣрно то, что, относительно столь опредѣленной верховной власти, никто не имѣетъ легальныхъ правъ. Право человѣка не быть подвергнутымъ смерти есть самое важное и очевидное благодѣтельное изъ всѣхъ правъ; однако же билль о политической смерти, актъ парламента объ отсѣченіи головы человѣка, неувличеннаго ни въ какомъ преступленіи—такой же законъ, какъ и всякій другой билль, и не только исполненіе его будетъ легальнымъ дѣйствіемъ, но неисполненіе его будетъ преступленіемъ.

Приложеніе этого понятія о верховной власти къ различнымъ формамъ правленія, существовавшимъ въ различныя времена и въ различныхъ странахъ, есть дѣло сложное, хотя въ высшей степени поучительное, и хотя его практическое вліяніе иногда бываетъ очень важно. Пока узелъ не былъ перерубленъ или, можетъ быть, еще болѣе запутанъ гражданской войною, вопросъ о томъ, —гдѣ пребываетъ верховная власть Соединенныхъ Штатовъ возбуждалъ большой интересъ, и игралъ значительную роль въ тѣхъ спорахъ между защитниками правъ отдѣльныхъ штатовъ и защитниками верховной власти союза, которые въ теченіи многихъ лѣтъ воспламеняли вражду между сѣверомъ и югомъ, и такимъ образомъ подготовили путь къ междуособной войнѣ.

Главные слова, которымъ м-ръ Остинъ, побуждаемый своею теоріей, далъ опредѣленную форму суть «свобода» и «справедливость». Его понятія о смыслѣ, который долженъ быть соединяемъ съ каждымъ изъ этихъ словъ, почти, если не совершенно тѣ же самыя, какъ понятія Гоббеса. «Свобода, —говоритъ онъ—означаетъ ту сумму отсутствія ограниченія, которое предоставлено

пользоваться гражданамъ известнаго государства. Напр. свобод заключеннаго въ тюрьмѣ состоитъ въ данномъ ему позволеніи ходить по своей комнатѣ;—относительно той части ея, гдѣ онъ должен сидѣть или лежать, онъ нестѣсненъ никакими приказаніями. Справедливость значить соблюденіе законовъ, хорошихъ или дурныхъ. Такимъ образомъ, напр., законъ, что седьмые сыны седьмыхъ сыновъ должны быть предаваемы смерти на двадцать-первомъ году жизни, въ день своего рожденія, былъ бы нелѣпъ, жестоко безнравственъ, противенъ религіи и подвергнувъ бы тѣхъ, которые его выдумали порицанію людей и наказаніямъ, охраняющимъ исполненіе божественныхъ законовъ; но онъ не былъ бы несправедливъ; напротивъ, было бы несправедливо не исполнитъ его въ представившемся случаѣ. Это опредѣленіе слова, безъ сомнѣнія, было бы противно общему чувству, но Остинъ объясняетъ его слѣдующимъ образомъ: — Слова «справедливый» и «несправедливый» по общему употребленію и въ той мѣрѣ, какъ они имѣютъ какой-нибудь опредѣленный смыслъ, совпадаютъ съ словами: «вообще полезный» или «вообще вредный». Дѣло называется справедливымъ въ усиленномъ смыслѣ этого слова когда оно совпадаетъ съ законами божескими, но законы божескіе должны быть узнаваемы по ихъ всеобщей пользѣ; слѣдовательно слово «справедливый», употребляемое въ усиленномъ смыслѣ безъ опредѣленнаго отношенія къ какому-нибудь особенному закону, значить «вообще полезный», хотя намъ, ошибочно, кажется, что оно имѣетъ болѣе обширное значеніе.

«Конституціонный» есть другое слово, съ которымъ теорія Остина соединяетъ явственный смыслъ. Каждая форма правленія имѣетъ свой собственный характеръ и свои собственные цѣли, и люди, живущіе подъ ея господствомъ, смотрятъ на нее чувствами, которыя постепенно складываются въ систему, имѣющую такое же отношеніе къ общественнымъ дѣламъ, какъ обыкновенная нравственность имѣетъ къ частному поведенію. Такимъ образомъ составлена въ отношеніи къ правленію система положительной нравственности, которая предписываетъ нравственными санкціями; и дѣйствія бывають конституціонными, если это чувство одобряетъ ихъ, и неконституціонными, если оно не одобряетъ ихъ. Всякій можетъ убѣдиться въ удобствѣ, которое возникло бы отъ употребленія вышеприведенныхъ словъ въ смыслѣ, который даетъ имъ м-ръ Остинъ, если обратиться къ спорамъ, въ которыхъ они играли значительную роль. Такимъ

точно образомъ, еслибы слова—«справедливый» и «несправедливый» были употребляемы. по желанію Остина, какъ понятія сродственныя закону, и еслибы слово законъ единообразно было ограничѣнъ предѣлами своего настоящаго точнаго смысла, то многіе споры, и соціальныя, и метафизическія, или кончились бы сами собою, или пришли бы къ ясному результату, который могъ бы быть рѣшенъ очевидностью. Пусть сомнѣвающійся въ этомъ прочтетъ газетныя споры о такъ называемыхъ «ударахъ» * и скажетъ—неужели спорящіе, еслибы они соединили какое-нибудь опредѣленное значеніе съ словами «справедливость» и «право», не замѣтили бы, что ихъ аргументы или вовсе не имѣютъ смысла или выражены такъ темно и запутанно, что смыслъ, который они должны бы имѣть, едва-ли можетъ быть выведенъ изъ языка, въ который они облечены.

Эти замѣчанія и примѣры могутъ дать, нечитавшимъ книгу Остина, возможность составить себя нѣкоторое понятіе о ея общемъ содержаніи и важности, но они не могутъ дать никакой идеи о тщательности ея обработки, или объ умственныхъ качествахъ, которыя она обнаруживаетъ. Вдова автора относитъ его неохоту окончить огромное сочиненіе, которое онъ имѣлъ въ своемъ умѣ, между прочимъ, къ чрезвычайному труду, который былъ бы необходимъ для осуществленія его идеи; и безъ сомнѣнія та часть, которую онъ издалъ, внушаетъ мысль, что ни одинъ англійскій писатель не трудился болѣе его надъ своими сочиненіями. Книга Остина во многихъ своихъ подробностяхъ имѣетъ сильное сходство съ «Аналогіей» Бѣтлера: и въ той и въ другой мы видимъ преобладаніе одной руководящей идеи, постоянно присутствующей въ умѣ автора и постоянно представляемой читателю подъ различными формами; въ той и въ другой та же самая строгость и неослабная сжатость мысли. Читатель долженъ останавливаться почти на каждой фразѣ, чтобы подумать; и единственнымъ побужденіемъ продолжать далѣе служить для него желаніе добратся наконецъ до того, что именно хотѣлъ сказать авторъ. Сверхъ того, каждая изъ этихъ двухъ книгъ оставляетъ въ умѣ одинаковое впечатлѣніе. Понявъ ее вполнѣ, мы усвоиваемъ ее навсегда. Можно соглашаться или не соглашаться съ изложенными здѣсь мыслями, но невозможно

* Strikes. Такъ называются въ Англій случаи, когда работники всею массою отказываются работать до тѣхъ поръ, пока не будетъ увеличенъ размѣръ ихъ жалованья.

отвѣчать, что здѣсь представленъ рациональный, связанный взгляд на предметъ громаднаго интереса, и что его нельзя поколебать или опровергнуть безъ полнѣйшаго изслѣдованія всего аргумента въ отношеніи его различныхъ частей одна къ другой и къ общему ихъ цѣлому. Самая любопытная черта сходства между этими двумя книгами заключается въ слогѣ. Оба автора пишутъ, какъ адвокатъ и судья. Цѣлыя главы Бѣтлера изложены подобно лучшимъ заключеніямъ въ законодательныхъ проектахъ и этимъ замѣчательно, что Бѣтлеръ не получилъ юридическаго воспитанія, усвоилъ юридическій слогъ потому, что онъ подходит къ тону его мышленія. Съ другой стороны, Остинъ писалъ какъ законовѣдъ потому, что онъ былъ таковымъ, и слогъ его всегда показываетъ глубочайшіе и явственнѣйшіе слѣды юридическаго воспитанія. Крупныя части своихъ лекцій онъ излагаетъ такъ, какъ ихъ изложилъ бы какой-нибудь нотаріусъ или адвокатъ. Возьмите напр. слѣдующія фразы:—«Исключивъ изъ моего настоящаго разсужденія мой анализъ тѣхъ выраженій, я выполню въ моемъ настоящемъ разсужденіи упомянутую выше цѣль, насколько могу выполнить ее удовлетворительно за сдѣланнымъ исключеніемъ».—«Объщатель, т. е. сторона, дающая обѣщаніе, обѣщаетъ принимающему обѣщанія, т. е. сторонѣ, которой онъ дается, что онъ сдѣлаетъ или выполнитъ какое-нибудь одно или многія данныя дѣйствія; или сдѣлаетъ или выполнитъ одни дѣйствія, и также откажется и удержится отъ другихъ. *И дѣйствія или выполненія, которыя онъ обѣщаетъ* могутъ быть названы предметомъ его обѣщанія, а также предметомъ договора». Можетъ быть никакой другой англійскій писатель, за исключеніемъ адвоката-спеціалиста, не заботится о точности до такой степени чтобы вздумать передать словами разницу, выражаемую въ коммерческихъ документахъ извѣстнымъ сокращеніемъ. Другой примѣръ этой крайней точности можно найти въ томъ фактѣ, что Остинъ постоянно замѣняетъ мѣстоименія повтореніемъ словъ мѣсто которыхъ они заступаютъ. Напр. «Разматриваемые, какъ правила положительной нравственности, *обычные законы* происходятъ изъ соглашенія управляемыхъ... Разматриваемые какъ нравственныя правила, превращенныя въ положительные законы, *обычные законы* устанавливаются государствомъ. Въ этомъ Остинъ былъ похожъ на лорда Маколея, у котораго многія антитезы составлены такъ, что первый членъ фразы повторяется во второй съ однимъ значительнымъ измѣненіемъ.

Нельзя отрицать, что столь точный слогъ въ такомъ мало-знакомомъ предметѣ дѣлаетъ книгу Остина въ высшей степени трудною для чтенія, и вполнѣ объясняетъ то обстоятельство, что она до настоящаго времени не приобрѣла себя популярности. До тѣхъ поръ, пока послѣднія реформы въ системѣ юридическаго образованія не возбудили требованія на эту книгу, достоинство ея было извѣстно только немногимъ, занимающимся людямъ; и мало поводовъ надѣяться, что она будетъ когда-либо изучаема всѣми; но нѣтъ никакой причины сомнѣваться, что по тѣхъ поръ, пока только будетъ изучаема юриспруденція, сочиненіе Остина останется негибнущимъ памятникомъ добросовѣстнаго труда, глубокаго мышленія, и необыкновенныхъ способностей ума, которыя употребилъ на него авторъ.

ЧИНОВНИЧЕСТВО.

По поводу проекта объ устройствѣ С.П.Бургскаго общества взаимнаго вспоможенія лицъ гражданской службы. 1861 г.

Въ предисловіи къ проекту объ устройствѣ петербургскаго общества взаимнаго вспоможенія лицъ гражданской службы сказано: «Возвышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе поставляетъ въ стѣснительное положеніе чиновниковъ, не имѣющихъ другихъ средствъ, кромѣ получаемаго на службѣ содержанія, которое, несмотря на увеличеніе отъ времени до времени правительствомъ окладовъ и на временныя пособія, не можетъ возвышаться пропорціонально возрастанію цѣнъ на предметы по причинамъ, зависящимъ, съ одной стороны отъ финансовыхъ средствъ государства, а съ другой, отъ исключительныхъ условій, въ которыхъ находится трудъ чиновника. Это стѣснительное положеніе въ особенности чувствуется чиновниками, стоящими на нисшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы, а слѣдовательно получающихъ небольшое содержаніе.» Пояснимъ это примѣромъ. Канцелярскіе чиновники Сената получаютъ жалованье трехъ окладовъ: 9 р. 93 к. с., 12 р. 29 к. и 17 р. 56 к. въ мѣсяць, то есть 120 р., 147 р. и 214 р. въ годъ. Спрашивается: есть-ли физическая возможность существовать на эти деньги въ столицѣ не только семейному, но даже одинокому человѣку, удовлетворяя своимъ единственно-насущнымъ потребностямъ жизни? Въ видѣ отвѣга сдѣлаемъ расчетъ, во что

обойдется наемъ квартиры, во что станетъ зеведеніе необходимаго платья и употребленіе пищи чиновнику одинокому и семейному, полагая семейство, состоящимъ изъ пяти человекъ, мужа, жены и 3-хъ дѣтей. Квартиры въ ближнихъ частяхъ города, около присутственныхъ мѣстъ, по своей дороговизнѣ, совершенно не доступны для бѣднаго чиновника: ему по-неволѣ приходится помѣщаться на жительство въ сырыхъ, полуразрушившихся домахъ, въ Колтовской улицѣ, что на Петербургской сторонѣ или по конецъ Выборгской стороны, или около взморья въ Гавани—на Васильевскомъ острову, или, наконецъ, на Пескахъ, около Смольнаго монастыря и въ другихъ отдаленныхъ частяхъ города. Говорятъ, что такая отдаленность мѣстожительства отъ мѣстослуженія, какъ Гавань отъ Сената (находится въ разстояніи $5\frac{1}{2}$ верстъ) еще приноситъ пользу чиновнику, укрѣпляетъ его здоровье, въ немъ усиливается циркуляція крови, препятствующая развитію геморою. Но говорящіе такъ забываютъ, что моционъ можетъ быть полезенъ здоровью, но только дѣлаемый въ известной мѣрѣ, по свободной волѣ; что онъ положительно вреденъ, когда совершается въ дурную погоду и ускореннымъ шагомъ; притомъ и самая польза, еслибъ она и существовала отъ такого хожденія, совершенно парализируется сыростью и гниlostью квартиръ, въ которыхъ живутъ путешествующіе къ присутственнымъ мѣстамъ. За квартиру, объ одномъ окнѣ комнатку, гдѣ едва можетъ устаться кровать, столъ и стулъ, да можно сдѣлать дватри шага ходьбы, одинокій чиновникъ платитъ въ мѣсяць 3 р. с., что составить въ годъ 36 руб. Чтобы одѣться ему, мало-мальски прилично, нужно употребить на платье 45 р. с. въ годъ, это ему обойдется еще при томъ исключительномъ условіи, когда онъ будетъ покупать платье верхнее и нижнее и другія принадлежности одежды готовыми на Апраксиномъ, на Толкучемъ рынкѣ; можете судить, какого достоинства матеріаловъ, изъ котораго бываютъ сдѣланы всѣ эти вещи, и сколько требуется практической опытности отъ покупателя. Случается такъ, что бѣдный чиновникъ покупаетъ себѣ готовое пальто, кажется на видъ хорошо, а смотришь, разъ, другой попало подъ дождь—и черный цвѣтъ сукна превращается въ рыжеватый съ разными вставками другихъ цвѣтовъ: заштукровка и замазка, смывается и заплаты выходятъ наружу. Скажутъ, зачѣмъ такъ рисковать, не лучше ли бы заказать себѣ платье у портнаго? Никто и не споритъ, что это было бы гораздо лучше, но для этого потребны не тѣ сред-

ства, которыми может располагать чиновникъ. Мы сказали, что на годовичное экипированіе надо положить, приблизительно, рублей 45. Цѣна эта выставлена не произвольно, а на основаніи извѣстныхъ данныхъ: такъ на Апраксиномъ можно приобрести поношенный форменный сюртукъ за 5 р., суконные брюки за 2½, жилетъ за 2 р. зимнее пальто за 8 руб., а лѣтнее за 6 р., сапогъ 3 пары стоятъ 9 руб. колоши 70 к., фуражка 30 к., два галстука 1 р. Видите одна верхняя необходимая одежда встанетъ 34 руб. 50 коп.; требуется еще бѣлье, носки, носовые платки, личные полотенца и другая мелочь, на все это остается только 10 р. 50 к.; кажется не много? На эти деньги костюмъ выходитъ очень незавидный, но и онъ по времени приходитъ въ ветхость, становится еще неизящнѣе; платье изнашивается, а поправить его не оказывается средствъ. Глядя на подобнаго рода костюмъ, иногда дѣлаютъ такого рода заключеніе, что все это происходитъ отъ пьянства, развращающаго поведенія чиновника, а не отъ недостатка матеріальныхъ средствъ. На подобныя поверхностныя сужденія не стоитъ возражать. Замѣтимъ еще то, что недостатокъ приличной одежды заставляетъ бѣднаго чиновника избѣгать общества: онъ чего-го совѣстится, а потому по необходимости ограничивается своимъ чиновничьимъ кругомъ, уединяется, чрезъ что лишаетъ себя возможности развиваться. Теперь обратимся къ тому, чѣмъ питается этотъ бѣдный людъ? Обыкновенный одинокій чиновникъ живетъ на хлѣбахъ у квартирной хозяйки, которая беретъ за одинъ обѣдъ, состоящій изъ двухъ блюдовъ, шей да куска говядины сомнительнаго достоинства, въ мѣсяцъ 4 р., что составитъ 48 р.; обѣдъ же у кухмистра въ 20 к. стоитъ 72 р. Мы уже не говоримъ о чаѣ, да впрочемъ; у самаго бѣднаго чиновника, получающаго 120 р., а расходующаго, какъ мы видѣли въ годъ 128 р. (на квартиру 36 р., одежду 45 р. и обѣдъ 48 р.) не хватаетъ еще 8 р., такъ о чаѣ не приходится и говорить, когда еще надо упомянуть, объ освѣщеніи, надо купить хоть салныхъ свѣчей, о стиркѣ бѣлья и пр., на все это не хватаетъ жалованья, а далѣе увидимъ, есть ли у чиновника способы и время для постороннихъ, внѣслужебныхъ занятій. И такъ жалованья не хватаетъ на то, чтобы не умереть съ голоду или холоду, чтобы удовлетворить своимъ существеннымъ потребностямъ, поддержать свою чисто-животную жизнь. О нравственныхъ потребностяхъ, эстетическомъ наслажденіи, музыкѣ, те-

атрѣ, не можетъ быть и помину—все это: зачерствѣваетъ, дѣлается грубымъ человѣка; чиновникъ становится вещью, какимъ-то винущимъ аппаратомъ—таково положеніе бѣднаго чиновника, одинокаго; каково же положеніе женатаго чиновника, семейнаго, самъ-пять, при томъ же самомъ жалованьи? Издержки съ увеличеніемъ семейства все болѣе и болѣе увеличиваются. Круглымъ счетомъ, полагая семейному чиновнику на одиѣ насущныя потребности, въ годъ требуется издержать: на столъ для пятерыхъ 180 р., по 15 р. въ мѣсяцъ, готова кушанья два, три блюда, у себя дома, изъ провизіи 3 разряда, то есть сомнительнаго достоинства. Такимъ образомъ жена должна въ одно и то же время быть и кухаркой и нянькой за дѣтьми: несчастной женщинѣ рѣшительно нѣтъ свободной минуты отъ занятій по домашнему хозяйству, нѣтъ минуты отдыха! Далѣе на квартиру, комнату съ кухнею, съ водою, но безъ дровъ, 72 р. по 6 р. въ мѣсяцъ. Разумѣется, квартиры эти тоже въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города, тоже сырыя, въ родѣ казематъ, но и это прибѣжище нужно же омеблировать по возможности, хоть кое-какъ отличить отъ сарая, а на это тоже нужны деньги; да вѣдь требуется и топить зимою, кромѣ кухни, и комнату, а на это нужны дрова, а чтобы ихъ купить нужны опять деньги. Но тутъ оказывается рѣшительно невозможность покупать дрова на дровяныхъ дворахъ, вслѣдствіе баснословныхъ цѣнъ, какія существуютъ въ столицѣ; поэтому чиновники дѣтотомъ еще заготавливаютъ саму топливу, подбирая щепки около строящихся домовъ, лова доски и другіе куски дерева, плывущіе по Черной-рѣчкѣ или прибываемые ко взморью; но этого запаса не хватаетъ на зиму, въ особенности при большихъ холодахъ; тогда бѣдный людъ покупаетъ дрова вазанками, ношани у домовыхъ дворниковъ или будочниковъ, такъ-что, все-таки надо положить и на это въ годъ 24 р., слѣдовательно квартара стоитъ 96 р. Обратимся еще къ тому, что стоитъ одежда. Мы видѣли, что для одинокаго 45 р.; вѣдь надо же положить, что на жену и троихъ дѣтей придется издержать 30 р., нужно платье, верхнее и нижнее, обувь, сапоги, башмаки и пр. не говоримъ уже о шитьѣ—въ этомъ случаѣ женѣ и еще прибавляется занятіе: она должна обшивать, обмывать цѣлое семейство. И такъ на столъ, одежду и квартиру въ годъ требуется издержать не менѣе 351 р., не упоминая о одновременныхъ расходахъ, какъ-то мебельовкѣ квартиры, покупокъ ку-

хонной посуды и пр., а окладъ-то жалованья все остается одинъ и тотъ же, именно 120 р., 147 и 214 рублей въ годъ! Какъ видите положеніе безвыходное; чиновничество ведетъ человѣка прямымъ и рѣшительнымъ путемъ къ нищенству и всѣмъ его послѣдствіямъ! На это намъ скажутъ: сами виноваты эти господа: кто велѣлъ имъ жениться зря, не рассчитавъ себя предварительно? На подобнаго рода вопросъ и можно отвѣчать только вопросомъ: развѣ всѣ должны быть монахами или скѣпцами? развѣ всѣ имѣютъ средства содержать намелій и наложницъ? Бракъ для бѣднаго чиновника есть единственно-возможная стора сожитія: ему нужна хозяйка, работница, а не любовница, не идеальная подруга жизни. Постоянно вести холостую жизнь для бѣднаго чиновника еще опасно и для здоровья, а въ здоровѣ для него заключается все: и средства для существованія и самая жизнь. Но если мы подъ чиновникомъ будемъ разумѣть не живой, свободный организмъ, а машину, тогда дѣлается возможнымъ и вопросъ, зачѣмъ это бѣдный чиновникъ женится, равносильный вопросу, зачѣмъ такое-то колесо вертится, почему такой-то винтикъ развинтился?

Теперь посмотримъ, какимъ способомъ проектъ санктпетербургскаго общества взаимнаго вспоможенія думаетъ помочь бѣднымъ чиновникамъ; для этого укажемъ на его главные основанія. Проектъ, какъ водится, раздѣляется на главы, главы—на отдѣленія, отдѣленія—на параграфы—все, какъ слѣдуетъ, по формѣ. § 1 гласитъ: «Общество взаимнаго вспоможенія лицъ гражданской службы учреждается съ цѣлью: во 1-хъ облегчить своимъ членамъ, преимущественно недостаточнымъ, способы къ удовлетворенію вещественныхъ и нравственныхъ нуждъ; и во 2-хъ, предотвратить послѣдствія безпомощнаго состоянія членовъ своихъ и семействъ ихъ, въ случаѣ болѣзни, несчастія и лишенія силъ трудиться». Не правда ли сказано очень трогательно; только прискорбно, зачѣмъ это двѣ—цѣли, которыхъ придется достигать, да притомъ и первая-то цѣль двоятся въ глазахъ: на нужды вещественныя и нравственныя. Что то ужъ очень хитро! Изъ §§ 2 и 3 мы узнаемъ, что общество должно состоять изъ членовъ дѣйствительныхъ, то есть недостаточныхъ, которымъ и слѣдуетъ помогать, и членовъ почетныхъ и сотрудниковъ, которые «содѣйствуютъ этой помощи своими вещественными и нравственными средствами», то есть этими членами могутъ быть купцы, откупщики, литераторы. Кажется,

ясно; но тутъ есть примѣчаніе такого рода: «по мѣрѣ услугъ, оказанныхъ обществу сотрудниками, могутъ быть имъ предоставлены права дѣйствительныхъ членовъ». Говоря проще, когда купцы, откупщики, литераторы, исполняютъ свою мѣру услугъ, то имъ слѣдуетъ тоже помогать;—поистинѣ общество взаимныхъ одолженій! 1-й параграфъ прямо сказалъ, что общество имѣетъ въ виду преимущественно помощь недостаточнымъ чиновникамъ, а вотъ § 10 говоритъ, чтобы воспользоваться этою помощью, сдѣлаться членомъ этого общества, надо сдѣлать взносы: «А, первоначальный въ 10 или 20 р., смотря по количеству жалованья и В; ежегодный не менѣе 2 р.» Все это понятно; но зачѣмъ § 11 предоставляетъ право, вмѣсто ежегоднаго взноса по 2 р., уплатить одновременно 150 р. чтобъ освободиться напередъ отъ всякихъ взносовъ? Какихъ это по преимуществу недостаточныхъ чиновниковъ проектъ имѣлъ въ виду, которые могутъ располагать такими деньгами, какъ 150 р.? не тѣхъ ли, которые получаютъ въ мѣсяць 9 р. съ копейками? По § 22 «Если дѣйствительный членъ не сдѣлаетъ ежегоднаго взноса въ теченіе срока (съ 1-го января по 1-е марта), считается выбывшимъ изъ общества и, при поступленіи вновь, долженъ сдѣлать опять установленный первоначальный взносъ», то есть бѣдный чиновникъ внесъ свои послѣдніе 10 р. въ общество, въ ожиданіи отъ него всѣхъ благъ, сдѣлалъ первоначальный взносъ безъ разсрочки, потомъ 2 марта, или позже приноситъ еще и ежегодной взносъ 2 р., ему говорить: «не угодно ли еще прибавить 10 р.: вы просрочили взносомъ, а потому исключены изъ общества, не можете пользоваться его помощью». Горько заплачется бѣдный чиновникъ, у котораго общество отняло, можетъ быть послѣдніе 10 р., внесенные имъ въ ожиданіи будущихъ благъ! Нечего сказать, хорошо вспоможеніе! Но утѣшимся. Если бы бѣдный чиновникъ и попалъ въ дѣйствительные члены общества, да на 2-й годъ послѣ своего вступленія заболѣлъ, или случилось съ нимъ какое-нибудь несчастіе, то общество не помогло бы ему. Вы не вѣрите? читайте сами § 30: «Обязанность оказывать безвозмездное пособіе членамъ, внавшимъ въ несчастіе, или болѣзнь, или лишившимся силъ трудиться, общество принимаетъ на себя тогда, когда членъ пробылъ въ немъ не менѣе 3-хъ лѣтъ, независимо отъ числа лѣтъ, за которыя сдѣланъ взносъ». Желательно бы знать кто сочинилъ такую статью? Сообразно различнымъ цѣлямъ обще-

ства и дѣятельность его дѣлится на части: «первую часть составляютъ мѣропріятія и способы, могущіе облегчить удовлетвореніе вещественныхъ и нравственныхъ нуждъ членовъ, которые могутъ трудиться; ко второй части относятся мѣры и способы пособій членамъ общества, при безпомощномъ ихъ состояніи, въ случаѣ болѣзни, несчастія или лишенія силъ» (§ 52). Къ мѣропріятіямъ для удовлетворенія вещественныхъ и нравственныхъ нуждъ членовъ, которые могутъ трудиться, проектъ относитъ 1-е постройку и пріобрѣтеніе домовъ и загородныхъ земель. «При постройкѣ домовъ общество руководится основнымъ своимъ правиломъ: облегчать способы къ удовлетворенію потребностей первой необходимости; на этомъ основаніи оно пріиспособляетъ всѣ постройки, соотвѣтственно таковымъ потребностямъ своимъ членовъ, какъ одинокихъ такъ, и семейныхъ» (§ 56). Приспособленіе построекъ къ удовлетворенію потребностей первой необходимости состоитъ — какъ пояснено въ примѣчаніи — въ кладовыхъ для помѣщенія жизненныхъ потребностей, въ комнатахъ, необходимыхъ для общаго стола, чтенія книгъ, газетъ, лекцій и пр. Кромѣ такихъ общественныхъ домовъ, съ приспособленіями «обществомъ будутъ строятся общественные дома, или дачи, и квартиры въ нихъ будутъ отдаваться въ наемъ членамъ на тѣхъ же основаніяхъ, какія поставлены для домовъ въ городѣ» (§ 59). И все это дѣлается для чиновниковъ преимущественно недостаточныхъ, Что за роскошь! подумаешь: въ городѣ квартира съ приспособленіями, за городомъ дача, предполагается тоже съ приспособленіями, садами, рощами, прудами и фонтанами! знай только подавай деньги; да и объ этомъ нечего безпокоиться: изъ жалованья вычтутъ, то есть изъ 9-ти рублей съ копейками въ мѣсяцъ! Да при томъ, что и за удобство ходить на службу, положимъ изъ за марской заставы да въ Сенатъ — нечего сказать, моціонъ порядочный! За то полезно для здоровья. Да ужъ не слишкомъ ли общество заботится о здоровьи своихъ членовъ? Ко второму мѣропріятію относятся коммисіонерскія операціи, состоящія въ призаведствѣ оптовой закупки жизненныхъ припасовъ, въ пріисканіи и договариваніи домовъ для отдѣльныхъ и общихъ квартиръ. Последняя операція имѣетъ своей цѣлью удовлетвореніе не только матеріальной, но и нравственной потребности членовъ, именно: «въ общихъ квартирахъ и въ помѣщеніяхъ для общественныхъ столовъ общество заботится о заведеніи библиотекъ

и выпиской журналовъ, а также о чтеніи лекцій и составленіи музыкальныхъ вечеровъ» и пр. (§ 76). Что за жизнь! Пришелъ се службы часовъ въ 6, сѣлъ за столъ—вѣшь-себѣ каму или щи да почитываешь, для сваренія пищи, какую-нибудь книжку, а тутъ тебѣ, еще только успѣешь отобѣдать, музыка заиграетъ, лекціи начнутся—словомъ разная такая, духовная пища! Вотъ какъ легко и просто можно удовлетворить вещественнымъ и нравственнымъ нуждамъ чиновника по преимуществу недостаточнаго! Третье мѣтропріятіе общества заключается въ учрежденіяхъ для приложенія и развитія труда и познаній, съ цѣлью «доставить членамъ своимъ возможность пріобрѣтать средства къ улучшенію своего быта личнымъ трудомъ внѣ служебной обязанности» (§ 79). Можетъ быть проектъ полагаетъ, что это достигнется составленіемъ и перепискою всякаго рода дѣловыхъ бумагъ, доставленіемъ справокъ изъ дѣлъ, производящихся въ присутственныхъ мѣстахъ, и проч? Только желалъ бы знать, будетъ ли время у бѣднаго чиновника, просидѣвшаго въ присутственномъ мѣстѣ съ утра до 6 часовъ вечера, заниматься еще въ конторѣ или дома все тѣмъ же писаніемъ и переписываніемъ бумагъ? При томъ, какъ это онъ будетъ успѣвать? сходить послѣ службы, 6 часовъ вечера, на квартиру въ Колятовскую или Гавань, пообѣдать, сходить въ контору за дѣломъ обратно съ данными дѣломъ, потомъ заняться дѣломъ! Для такого моціона и такой усиленной дѣятельности требуется воловье здоровье, а не человеческое! Но вотъ еще изъ § 48 видно, что общество будетъ заводить учрежденія для занятій членовъ своихъ по разнымъ отраслямъ искусствъ и ремеслъ. Удивительно, какъ это бѣдный чиновникъ совмѣститъ свои служебныя занятія, положимъ, съ игрою на скрипкѣ или точаньемъ сапогъ? Известно, чтобы сдѣлаться сноснымъ музыкантомъ или порядочнымъ сапожникомъ, нужно много времени учиться, нуженъ постоянной, непрерываемой трудъ; но положимъ, что есть диллетанты въ музыкѣ, а что-то не слышать про диллетантовъ въ сапожномъ мастерствѣ. То и другое занятіе требуютъ исключительной дѣятельности человека: надо вполне отдаться музыкѣ, все свое время посвятить ей изученію, если желаешь быть артистомъ, а не скрипачомъ, не таперомъ! Кромѣ этихъ учрежденій, «общество будетъ заводить воскресныя и вечернія бесѣды и чтенія, для предоставленія возможности членамъ, желающимъ пополнить или расширить кругъ своихъ познаній, или изъ-

учить технической предметъ» (§ 87). Все это дѣлается для чиновниковъ, по-преимуществу нуждающихся, то есть, для тѣхъ, которые едва перебиваются со дня на день при своемъ девяти-рублевомъ въ мѣсяцъ жалованьи! Очевидно, если у нихъ выпадеть свободное время въ воскресный день, они скорѣе займутся частнымъ дѣломъ, чтобы зашибить копейку, чѣмъ пойдутъ слушать лекціи, хоть по исторіи или астрономіи. Ихъ и винить нельзя въ нежеланіи образоваться, въ неуваженіи къ святымъ истинамъ науки, и прочее. Они вамъ прямо скажутъ: обезпечьте сначала наше матеріальное благосостояніе, а потомъ и тогда говорите о нашемъ образованіи, тогда объ этомъ мы и сами позаботимся. Но общество не ограничивается только этимъ, оно, въ видахъ облегченія обученія дѣтей наукамъ, искусствамъ и ремесламъ, имѣющимъ приложеніе къ практической жизни, съ разрѣшенія правительства, учреждаетъ учебныя заведенія; а для первоначальнаго обученія дѣтей недостаточныхъ членовъ—*бесплатныя школы* (§ 86). Зачѣмъ это заводить особенныя, учебныя заведенія для чиновничьихъ дѣтей, тѣмъ болѣе воскресныя школы, когда существующія нынѣ открыты для всѣхъ желающихъ учиться, слѣдовательно и для дѣтей чиновничьихъ? Быть можетъ у проекторовъ, при написаніи такого параграфа, была задняя мысль, руководившая ими, именно та, какъ можно, чтобы сынъ чиновника, какого-нибудь надворнаго совѣтника, или—подымай выше! сидѣть въ школѣ рядомъ съ сыномъ какого-нибудь сапожника! Подобнаго рода непроходимая дичь не требуетъ возраженія. Намъ скажутъ, что не эта мысль, а другая была въ виду у проекторовъ, именно мысль о недостаткѣ вообще учебныхъ заведеній для техническаго, реального образованія. Но это предположеніе несправедливо, потому что устройство реальной школы потребовало бы огромныхъ средствъ, которыя еслибы и были у общества, такъ имъ уже есть назначеніе болѣе близкое къ прямой цѣли общества. Четвертое мѣропріятіе состоитъ въ учрежденіи ссудно-сберегательной кассы. Это уже, никакого нѣтъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду одну матеріальную помощь по-преимуществу недостаточнымъ членамъ общества, то есть чиновникамъ, получающимъ въ мѣсяцъ 9 р. съ копѣйками. § 89 говоритъ прямо «Касса учреждается для доставленія членамъ общества возможности: во 1) въ случаѣ нужды, пользоваться небольшимъ ссудами, и во 2) съ выгодой помѣщать на сбереженіе небольшіи

суммы». Изъ этого слѣдуетъ, что и это мѣропріятіе не имѣетъ въ виду помощи самымъ бѣднымъ чиновникамъ, то есть истинно-нуждающимся; именно ссуды эти производятся небольшими суммами не болѣе 50 р., за извѣстный процентъ, 6% въ годъ, съ обязанностью непрѣмной уплаты къ извѣстному сроку, который не можетъ быть долѣе 4 мѣсяцевъ, притомъ за поручительствомъ двухъ членовъ общества. Это ужъ не будетъ ссуда, а чисто заемъ съ ростомъ, хотя съ менѣе стѣснительными условіями, какія представляетъ заемъ денегъ у частныхъ лицъ, хотя трудно себѣ представить, чтобы чиновникъ, получающій 9 р. въ мѣсяць, поручился въ уплатѣ занятыхъ денегъ чиновникомъ, тоже получающимъ 9 р. въ мѣсяць. А по § 102 «поручитель въ то же время можетъ быть заемщикомъ кассы, и наоборотъ заемщикъ — поручителемъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы сумма, въ уплатѣ которой дано поручительство, и сумма займа не превышала полугодоваго содержанія или пенсіи». Спрашивается чѣмъ будетъ существовать такой бѣдной чиновникъ остальную половину года, въ которую его небольшое жалованье все пойдетъ на уплату долга кассы? Но, какъ видно, общество будетъ помогать не истинно-нуждающимся, бѣднымъ чиновникамъ, а тѣмъ, которые могутъ «вкладывать въ кассу на сбереженіе безсрочно суммы, начиная отъ 50 к. включительно до 2000 руб. с.» (§ 115). Если чиновникъ принужденъ занимать деньги, то, значитъ, нѣтъ у него лишнихъ денегъ для сбереженія; если же онъ можетъ отдать въ банкъ 2000 р., то, значитъ, не нуждается въ помощи общества. Такова 1-ая часть дѣятельности предполагаемаго общества, таково удовлетвореніе нуждъ членовъ, которые не могутъ трудиться! Нечего и говорить, это дѣло благотворительности; а извѣстно, что подобныя подачи не улучшаютъ матеріальнаго благосостоянія получающихъ ихъ, они только даютъ средства къ продолженію нищенства. Проводниками такой благотворительности будутъ служить избранные изъ среды общества сердобольные члены, подъ названіемъ попечителей; они по § 156, «соединяясь въ общемъ стремленіи къ одной указанной цѣли, должны имѣть въ опредѣленное время еженедѣльное засѣданіе, въ которомъ дѣлятся мыслями, свѣдѣніями и обязанностями, соотвѣтственно лѣтамъ, полу, мѣстужительства, способностямъ и положенію каждаго попечителя (то есть чинамъ)». Что это такое? Какія образцовыя нецѣпости можно сочинять! Въ концѣ проекта — а извѣстно, конецъ вѣнчаетъ дѣло —

наложены въ 70 параграфахъ (что составляетъ почти $\frac{1}{3}$ всего проекта) правила объ управленіи дѣлами общества посредствомъ общаго собранія, правленія, съ подвѣдомственными ему служащими лицами, и наблюдательнаго комитета. Такимъ образомъ еще является чиновничество надъ чиновничествомъ, вѣ чиновничества и изъ чиновничества! Хитрый проектъ! Да отчето и не писать проектовъ, когда бумага терпитъ все, что на ней напиши, благо на словахъ можно даромъ и занимательно оказать помощь бѣдному, стоитъ только дать волю языку — какъ-разъ вещественныя и нравственныя нужды человѣка и удовлетворятся! Но внимательный разборъ настоящаго проекта, ясно показываетъ, что на самомъ-то дѣлѣ общество будетъ не въ состояніи удовлетворить ни вещественнымъ, ни нравственнымъ нуждамъ своихъ членовъ—бѣдныхъ чиновниковъ. Оно и не можетъ быть иначе. Развѣ можно возбудить растительность въ деревѣ, его внутреннія отправления, когда кору этого дерева покрываютъ разные наросты, когда нѣтъ ему простора отъ разнаго валежника, который заглушаетъ его? Снимите наросты, очистите весь этотъ мусоръ, хламъ, тогда и удобряйте почву, гдѣ стоитъ дерево—словомъ дайте ему матеріальныя средства: тогда увидите, какъ прямо и роскошно зарастетъ дерево, какъ здоровая, внутренняя жизнь его отразится и во внѣшности, свѣжестью цвѣта, правильностью формъ каждой части, листочка, вѣтки дерева! Точно такъ же, развѣ можно возбудить внутреннюю жизнь въ человѣкѣ, дѣятельность его ума когда организмъ его боленъ отъ холода и голода, когда онъ гложетъ въ канцеляріяхъ, когда спина его не разгибается и т. п.

Быть чиновниковъ можетъ быть исправленъ не временными подачками, еще меньше экономическими обществами, которыя будутъ ихъ же эксплуатировать. Чиновничество явилось, и развилось при обстоятельствахъ, которыя продолжаться не должны. Въ прежнее время кормленье всякаго должностнаго лица отъ его должности было явленіемъ нормальнымъ, не расходившимся со всею системою воззрѣній русскаго человѣка. Во время болѣ близкое къ намъ, общественная совѣсть тоже легко мирилась со всѣми возможными тепленькими мзстечками. Теперь много перемѣнилось; стремленіе къ лучшему заявило себя и съ этой стороны, и наша современная задача относительно чиновничества должна быть разрѣшена такъ, чтобъ оно было въ состояніи подняться до той высоты нравственнаго уровня, которой мы до

стигли, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, и въ то же время не было осуждено на такое несчастное состояніе, въ которомъ оно теперь находится. Этого можно достигнуть только уменьшеніемъ канцелярскаго дѣлопроизводства, сокращеніемъ бюрократическаго начала вообще, гласностью суда и т. п. Этимъ путемъ уменьшится масса чиновничества, слѣдовательно получится возможность бoльшаго вознагражденія за трудъ чиновниковъ. Этимъ же путемъ значительная масса чиновниковъ лишится совсѣмъ средствъ къ существованію. Но эта масса должна быть обезпечена другими средствами, которыя, если поискать, то можно и найти. Мы слышали, что есть другой проектъ улучшенія быта чиновниковъ, именно: посредствомъ сокращенія штатовъ и надѣленія выбывающимъ чиновникамъ землею въ достаточномъ количествѣ, и притомъ не въ Архангельской губ., а въ южныхъ и восточныхъ плодородныхъ губерніяхъ. Это другое дѣло. Къ такому проекту стоитъ прибавить другой проектъ о томъ, какъ воставить недостаточныхъ чиновниковъ въ возможность начать въ чисто-экономическіе, производительные труды съ пользою для себя и для народнаго благосостоянія вообще.

А. Г.

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ). *

Въ февральской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія», въ отдѣлѣ внутренняго обзорѣнія, я прочелъ, между прочимъ, статью объ отказѣ г. Глинки отъ попечительства надъ тверскою гимназіею. Состоя директоромъ этой гимназіи, считаю обязанностью возстановить истину фактовъ, переданныхъ въ совершенно ложномъ видѣ, тѣмъ болѣе, что факты эти проливаютъ особенный свѣтъ не только на мои собственные распоряженія, но и на дѣйствія всего совѣта тверской гимназіи. Мнѣ лично и моимъ сослуживцамъ самъ г. почетный попечитель тверской гимназіи Ѡ. Н. Глинка, никогда ни словесно, ни письменно не заявлялъ о тѣхъ упущеніяхъ, которыя корреспондентъ, или составитель внутренняго обзорѣнія редактируемаго вами журнала возводитъ на гимназическое начальство. Поэтому и всѣ возраженія мои будутъ относиться къ заявленіямъ, помѣщеннымъ въ вашемъ журналѣ. Дѣйствія мои всегда были открыты и чисты, въ чемъ г. почетный попечитель неоднократно могъ убѣдиться: Ѡ. Н. Глинка посѣщалъ гимназію и благородный пансіонъ, присутствовалъ въ совѣтахъ гимназіи, съ мнѣніемъ которыхъ, какъ свидѣтельствуяютъ документы, постоянно соглашался и повидимому былъ совершенно доволенъ всѣми нашими распоряженіями. И я никакъ не могу предполагать, чтобы кратковременная моя отлучка изъ г. Твери такъ поразительно-странно обставила весь ходъ дѣла.

Приступаю къ разбору самыхъ фактовъ. Г. корреспондентъ говоритъ, что «какъ всякій почетный попечитель гимназіи, г. Глинка помогалъ благородному пансіону, во-первыхъ, матеріальными пожертвованіями. Судьба приношеній, сдѣланныхъ самимъ почетнымъ попечителемъ до того поразительна, что трудно себѣ представить, что дѣлается съ остальными-то». Дѣйствительно, г. Глинка при

* Въ 2 № «Библіотеки для Чтенія», мы представили выдержки изъ письма г. Глинки къ тверскимъ дворянамъ и изъ протокола ихъ сѣзда. Мы получили теперь опроверженіе находящихся тамъ фактовъ, которое и печатаемъ здѣсь.

моиъ предшественникѣ, пожертвовалъ минералогическій кабинетъ, въ даръ ли пансіону, или гимназіи — не знаю. Камни, какъ гласитъ преданіе, были доставлены въ гимназію въ ящикахъ; ящики потребованы назадъ, а камни свалены на столы въ актовомъ залѣ. Ни систематическаго описанія этихъ камней, ни простого каталога съ обозначеніемъ числа при нихъ не было, и не удивительно, что мы не могли пользоваться не только воспитанники гимназіи, но и самъ преподаватель. Это было до меня. Я самъ засталъ камни эти неопредѣленными, безъ списка, безъ показанія даже количества ихъ. По приведеніи ихъ въ извѣстность г. старшимъ учителемъ естественной исторіи. Никулинымъ 2-мъ, оказалось, что число ихъ огромно: оно простиралось до четырехъ тысячъ экземпляровъ. Но служить пособіемъ при преподаваніи даже и гимназическаго курса минералогіи они не могутъ вполне, ибо заключаютъ экземпляры породъ обыкновенныхъ и далеко нехарактеристичныхъ и разнообразныхъ. Двѣ тысячи экземпляровъ изъ нихъ идутъ на долю измельченныхъ различныхъ горныхъ породъ (т. е. такихъ рѣдкостей, которыя составляютъ цѣлыя горы, цѣлыя толщи земной коры нашей планеты), а по измельченности своей они составляютъ долю того, что при обыкновенныхъ коллекціяхъ называется мусоромъ. Изъ остальныхъ двухъ тысячъ, кварца 198 экземпляровъ, полеваго шпата 223 экзempl., известняку 130 экзempl., желѣзныхъ рудъ, бураго желѣзняка и блеска 374 экзempl., пестрой мѣдной руды 238, разныхъ органическихъ остатковъ, Вогъ вѣсть откуда добытыхъ, 212 экзempl. Остальные затѣмъ экземпляры приходятся на слюду, тальковый сланецъ, каменный уголь, гранитъ, сіенитъ, гнейсъ и проч. — словомъ, на такія минералогическія особи, которыми по большей части, благодаря нашимъ финляндскимъ горамъ, одѣлены всѣ губерніи средней полосы Россіи, въ видѣ валуновъ, булыжника и галекъ. И такъ, по приведеніи въ извѣстность, коллекція почетнаго попечителя раздѣлилась на двѣ части. Весьма незначительная, сравнительно, вошла въ составъ минералогическаго кабинета тверской гимназіи и помѣщается вмѣстѣ съ коллекціями г. Молошнікова и пріобрѣтенною мною изъ границы отъ г. Кранца въ классныхъ шкапахъ. Остальная же, самая огромная часть минераловъ, пожертвованныхъ г. Глинкою, за камильиномъ шкаповъ и мѣста, уложена г. Никулинымъ 2-мъ въ ящики, запечатана и сдана въ храненіе г. эконому, у котораго она до-сихъ-поръ находится, и въ чемъ можетъ убѣдиться каждый посетитель гимназіи, если того пожелаетъ. Поэтому, — выраженіе: «послѣ сжиганія г. Ржевскаго (моего предмѣстника), этотъ кабинетъ по чьему-то былъ отправленъ въ подвалъ, потомъ на чердакъ и затѣмъ исчезъ неизвѣстно куда», ложно и не имѣетъ ни малѣйшаго основанія.

Нисколько не поразительна судьба и втораго приношенія г. почетнаго попечителя. Этотъ даръ состоитъ изъ 28 названій, каталогъ которымъ прилагается *. Что было при моемъ предшественникѣ —

* Каталогъ книгъ, портретовъ и медалей, пожертвованныхъ въ тверской благородный пансіонъ г. почетнымъ попечителемъ Ф. Н. Глинкою.

1) Ювь, свободное подражаніе священной книгѣ Іова. Ф. Глинки.

не знаю, но то же преданіе гласить, что, по просьбѣ г. почетнаго попечителя, для большаго назиданія учениковъ, нѣкоторые живописныя книги были прибиты гвоздями къ столамъ рекреативной залы пансіона. Воспитанники сначала ихъ разсматривали, потомъ стали вырывать картинки, что и заставило убрать книги въ шкапы.

Въ настоящее время всѣ эти книги, рисунки и проч. находятся въ шкапахъ и составляютъ малую часть пансіонской библіотеки, прочное основаніе которой положено бывшимъ попечителемъ, княземъ С. А. Голицынымъ, пожертвовавшимъ въ пансіонъ полное собраніе русскихъ классиковъ и, кромѣ того, еще нѣкоторыя другія хорошія русскія книги. Библіотека со всѣми принадлежащими къ ней книгами, рисунками и проч. состоитъ въ заведываніи старшаго учителя русской словесности г. Зыкова.

Во время моего директорства въ гимназія, ни ея благородный пансіонъ никакихъ приношеній со стороны почетнаго попечителя и получали, кромѣ двухъ экземпляровъ книги «Жизнь Пресвятыя Богородицы», соч. Авдотьи Глинки, туземныхъ пряниковъ и конфектъ послѣдніе тотчасъ и были раздаваемы всѣмъ пансіонерамъ отъ мал до велика. Что же касается пожертвованій, сдѣланныхъ въ бытность мою директоромъ, совершенно посторонними лицами, то снѣтъ завѣрить г. корреспондента, что всѣ они находятся на лицо и даже пустили глубокіе корни на гимназическихъ угодьяхъ. Эти пожертвованія состояли изъ живыхъ растений, деревьевъ и кустарниковъ, въ числѣ 1471 экземпляра, отъ г. исправляющаго должность директоръ леснаго института, полковника Брауна; 21 видъ деревьевъ и кустар-

2) Урал Стихотвореніе О. Глинки.

3) Сборникъ въ пользу бѣдныхъ семействъ басманнаго отдѣленія на 1849 годъ I томъ.

4) Ювъ и его друзья. По поводу произведенія О. Н. Глинки. Ст. с. Шаурова.

5) Путешествіе въ Персію. Письма Салтыкова.

6) Разсужденіе о важности греческаго языка. Косовича.

7) Изъ Рима въ Иерусалимъ. Соч. графа Ник. Адлерберга. I т.

8) Разказы о земной жизни Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа. I и II т.

9) Гражданскіе законы, заключающіеся въ X томѣ свода законовъ россійской имперіи, изданія 1842 года и 19 продолженій ихъ. М. Усова. I томъ.

10) Сборникъ извѣстій, относящихся до настоящей (крымской) войны. Изд. Штилова. Книги 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

11) Соревнователь просвѣщенія и благотворенія на 1825 годъ, одинъ 3 №.

12) Воспоминанія о Сициліи. Черткова. Раскрашенные изображенія нѣкоторыхъ мѣстностей Сициліи.

13) Русскій художественный листокъ съ эстампами. Тимма. Одинъ томъ новый, въ переплетѣ, съ рисунками, разрозненными—различныхъ годовъ. (Нѣсколькихъ времени былъ прибитъ на столъ въ пансіонѣ).

14) Atlas universel de Géographie ancienne et moderne. Dressé et gravé par Broise. Paris MDCCCXLVII.

15) Magazin pittoresque 1855 г. № 22 (за декабрь).

16) Almanach du Magazin pittoresque 1856 г. 1 экз.

17) 21 №№ Современной литературы (безъ 1, 2, 3, 5 и 19 № №).

18) Живописная русская библіотека 32 № № разрозненныхъ (безъ 3, 4, 25, 27 и 28 № №).

19) Арифметическій самоучитель А. Львова. I томъ.

20) Журналъ назрѣваго чтенія съ русско-французскимъ текстомъ 1859 г. 1, 2, 3 и 4.

21) Journal pour tous t. I.

никовъ отъ академика Н. И. Желѣзнова и сѣмянъ отъ гг. директоръ земледѣльческой школы въ Москвѣ, Н. И. Анненкова и императорскаго ботаническаго сада въ Петербургѣ, Е. фон-Регеля и инспектора тверской врачебной управы, К. В. Пупарова.

Далѣе г. корреспондентъ продолжаетъ: «Жолая сдѣлать для воспитанниковъ все, что сдѣлалъ бы для своихъ собственныхъ дѣтей, г. Глинка, къ сожалѣнію, и тутъ долженъ былъ ограничиться пригласеніемъ учениковъ на свои вечера». Отчего долженъ былъ ограничиться г. Глинка только вечерами?—*не понимаю!* Кто же могъ препятствовать г. почетному попечителю, какъ въ дальнѣйшихъ матеріальныхъ, такъ и въ дальнѣйшихъ нравственныхъ улучшеніяхъ тверскаго благороднаго пансіона?—Кажется, и уставъ, на который жалуется г. Глинка, въ этомъ отношеніи не стѣсняетъ дѣятельности почетнаго попечителя, да чуть-ли не заключается въ этомъ и главная обязанность его.

А что ревностный попечитель не могъ заступиться за «исключаемыхъ воспитанниковъ», то подобное изреченіе, вѣроятно, вылилось изъподъ пера г. корреспондента отъ незнанія ни коллегіальныхъ учреждений, ни самыхъ правъ гг. почетныхъ попечителей. На каждое постановленіе совѣта, съ которымъ почетный попечитель несогласенъ, онъ, кромѣ подачи своего отдѣльнаго мнѣнія, можетъ, по уставу, прямо обратиться къ г. попечителю округа. А такъ-какъ протоколъ подписанъ самимъ г. почетнымъ попечителемъ, то ясно, что онъ согласился съ мнѣніемъ совѣта. Наконецъ послѣдовательность мѣръ наказанія была тоже соблюдена: воспитанники уволены за повторившееся употребленіе спиртныхъ напитковъ и за безнравственное вліяніе на товарищей. Оставленіемъ въ пансіонѣ подобныхъ воспитанниковъ г. почетный попечитель прямо погубилъ бы еще многихъ другихъ. Власть же директора въ этихъ случаяхъ, равно какъ и въ другихъ, опредѣлена уставомъ. Ее, пожалуй, можно назвать какъ хочешь, *диктаторскою*, какъ говоритъ г. корреспондентъ, или иначе—названіе вещи не перемѣняетъ. Всякій, открывъ уставъ, легко удостовѣрится, какія права онъ даетъ, и какія обязанности возлагаетъ.

Еще можно понять, заявленіе невозможности, приносить настоящую пользу и, вслѣдствіе того, видѣть себя вынужденнымъ отказаться отъ какихъ-либо обязанностей, но заявлять причину отказа въ нежеланіи—какъ говоритъ г. Глинка, по словамъ г. корреспондента—«приходить въ столкновеніе съ тѣми, отцы которыхъ не были еще «на свѣтѣ, когда я стоялъ въ рядахъ русской арміи офицеромъ на «поляхъ Аустерлица, Вородина и Лейпцига»—странно! Едва-ли по-

22) Дѣтскій сборникъ или собраніе текстовъ священ. Писанія для cadaго дня.

23) Минути уединенныхъ размышленій христіанина Арх. Кирилла.

24) Портретъ графа Остенъ-Сакена. 1 экзмп.

25) Портретъ П. В. Голубкова. 1 экз.

26) Бронзовая медаль въ память 28 лѣтняго юбилея л.-гв. Московскаго полка.

27) Бронзовая медаль въ память коронованія Имп. Александра Николаевича.

28) 10 руб. на выпускъ Журнала для Дѣтей (въ первый годъ попечительства).

добныя выраженія могли быть заявлены «извѣстнымъ нашимъ писателемъ *В. Н. Глинкой, единогласно выбраннымъ дворянствомъ тверской губерніи въ должность почетнаго попечителя мѣстной гимназіи и состоящаго при ней благороднаго пансіона*». Кто же виноватъ, что отцы наши *мы* родились позже упомянутой эпохи и по *непреложнымъ законамъ природы не могли дѣйствовать раньше нашего рожденія*.

Далѣе г. корреспондентъ говоритъ о явленіи г. Ненсберга¹. Оставимъ уже въ сторонѣ то, что г. медикъ благороднаго пансіона не имѣлъ никакого права быть на съѣздѣ дворянъ², разберемъ, собственно то, что по словамъ г. корреспондента, говорилъ г. Ненсбергъ: «Число больныхъ отъ 24 въ 51 году дошло до 152 въ 61 году: развитіе болѣзней слѣдуетъ приписать недостатку надзора за дѣтьми, часто простуживающимися при ихъ легкой одеждѣ, а также дурному качеству пищи, на которое постоянно жаловались воспитанники, до принятія мѣръ исправляющимъ должность губернскаго предводителя дворянства и почетнымъ попечителемъ». «Г. Ненсбергъ подтвердилъ свои показанія въдомостями».

Не знаемъ, какими въдомостями г. Ненсбергъ подтвердилъ свои показанія. Дѣло весьма интересное. Если тѣми въдомостями, которыя находятся въ архивѣ у г. инспектора гимназіи, то по суточнымъ рапортамъ видно, что число больныхъ въ 51 году было не 24, но 37. Больничная же книга (скорбные листы) начинается только съ 56 года и притомъ числомъ больнымъ въ 2/3³ раза противъ числа приведеннаго г. Ненсбергомъ за 51 годъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ году число больныхъ возросло при 66 человекѣхъ пансіонеровъ на 82, т. е. въ три раза болѣе противъ 51 года. Въ 60 году число больныхъ при 91 воспитанникѣ было 117, въ 61 году при 90 воспитан. оно возросло до 154 (число, опять противорѣчащее показанію г. врача⁴), такъ, что въ 61 году *каждый воспитанникъ пребывалъ въ больницѣ почти два раза*. Фактъ очень прискорбный, еслибы онъ не объяснялся особыми причинами, нисколько не совпадающими съ худшимъ прсмотромъ, легкою одеждою и дурною пищею.

Разсмотримъ, что говорятъ факты. Г. врачъ пансіона, во-первыхъ ввелъ свою собственную классификацію болѣзней. Такимъ образомъ у г. Ненсберга явилась рубрика *Febris pritorialis* (болѣзнь притворства или лѣности). Бывали случаи, что воспитанникъ болѣлъ притворствомъ нѣсколько часовъ и даже нѣсколько сутокъ, напримѣръ въ 57 году №№ 33 и 34 трие суткѣ, въ 60 году № 90 двое сутокъ, а въ 61 году № 11 даже и пять сутокъ, и въ такомъ случаѣ вѣроятно, по серьезности болѣзни, имъ даже выписывалось лекарство отъ 50 коп. до 1 руб. 50 коп.—И это дѣлаетъ врачъ учебнаго

¹ Нерасположенность ко мнѣ г. Ненсберга я еще понимаю. Онъ дѣйствително, благодаря моему представленію, за довольно важныя съ его стороны упущенія по службѣ, по приказанію высшаго начальства, долженъ былъ подать въ отставку: *Прим. ред.*

² Почему же это? Дво, яже могли пригласить кого угодно.

³ Т. е. 60 человекъ больныхъ. *Прим. ред.*

⁴ Т. е. еще превышающее цифру, показываемую врачомъ (182 ч.) *Прим. ред.*

заведенія! Далѣе, къ числу болѣзней, вѣроятно, тоже крайне серьез-ныхъ и требующихъ непремѣнно *клиническаго* леченія, какъ гово-рятъ скорбные листы, относятся кромѣ того: угри (3 дня леченія), мозоли (отъ 1 дня до 5 дней), прыщи и чирьи (отъ 1 дня до 8 дней), волгоѣды (отъ 1 до 6 дней), головныя боли (отъ 1/2 до 8 дней) и т. д., все это лечилось съ помощью пособій латвиской кухни, вѣроят-но, на томъ основаніи, что пансіонская кухня хуже и дешевле.

Второй элементъ, дѣлающій показанія г. Ненсберга нестрашными, заключается въ успѣшности самаго хода леченія. Не только упомя-нутыя, часто мнимыя болѣзни излечивались быстро (нельзя сказать успѣшно, ибо онѣ часто возобновлялись), но даже и такія, каковы наприм.: жаба (излечивалась иногда менѣе чѣмъ въ одни сутки), катарръ (сутки), кровохарканье (сутки), желудочная лихорадка (сутки), глсты (сутки), воспаленіе уха (сутки), воспаленіе глазъ (сутки), гриппъ (двое сутокъ), катарръ эпидемическій (двое сутокъ), *torticollis*, (двое сутокъ) и даже рѣдко встрѣчаемая болѣзнь, заваль поджелу-дочной железы излечивался въ продолженіе сутокъ. Обращаемъ вни-маніе гг. медиковъ на столь быстрое излеченіе, въ особенности по-слѣдней, довольнорѣдкой и замѣчательной болѣзни. Такимъ образомъ на долю больныхъ, пробывшихъ въ больницѣ отъ половины сутокъ до двухъ, въ 60 и 61 годахъ приходится одно и то же число, имен-но: въ 60 году 54, въ 61 году 55. Странный фактъ, въ особенности если мы обратимъ вниманіе на то, что главными болѣзнями въ этихъ случаяхъ были головныя боли, желудочное расстройство, кашель и проч., которыя, по всей вѣроятности, въ другихъ заведеніяхъ, при болѣе серьезномъ взглядѣ на дѣло, и не составляютъ предмета кли-ническаго леченія. Но г. Ненсбергъ смотритъ на все это иначе. Онъ кладетъ воспитанника тотчасъ въ больницу, будетъ ли это ячмень, — запоръ, поносъ, флюсъ, боль въ головѣ и ногѣ, ссадина на ногѣ— это все болѣзни, отмѣченныя въ скорбныхъ листахъ); онъ не прене-брегаетъ даже и *febribus privergialibus*, все это хотя и излечивается быстро, но тѣмъ не менѣе стоить значительныхъ издержекъ для пансіона, такъ, что, при 30% уступки со всей суммы, въ 61 году пансіонъ заплатилъ въ аптеку за 447 нумеровъ лекарства 146 руб. 72 копѣйки.

Если дѣйствительно число больныхъ съ переходомъ пансіона въ новый домъ * стало увеличиваться, то причина тому довольно по-ясна. Домъ отопляется посредствомъ худо-устроенныхъ амосов-скихъ печей, воздушныя камеры получаютъ воздухъ не съ надворья и притомъ не изъ чистыхъ слоевъ атмосферы, но изъ корридора подвального этажа: далѣе въ камерахъ не влѣбаны резервуары для воды. Правда, топлива идетъ гораздо менѣе, но на здоровье сухой и пыльный воздухъ дѣствуетъ пагубнымъ образомъ. Я объ этомъ уже доводилъ до свѣдѣнія высшаго начальства; но такъ какъ денегъ на перестройку печей нѣтъ, то и зла этого пока перемѣнить нельзя.

* Желательно было бы знать, въ какомъ году пансіонъ переведенъ въ новый домъ?

Надзоръ за дѣтьми если не улучшился — въ чемъ я немного сомнѣваюсь, то ужь никакъ не сдѣлался хуже—даже и надзиратели большею частію тѣ же. Зачѣмъ позорить г. Ненсбергъ своихъ сослуживцевъ? И понять трудно! Миѣ онъ этимъ *повредить* не можетъ—я одинъ въ этомъ отношеніи ничего сдѣлать не могу. Одежда все та же: вѣдь у насъ не частный пансіонъ, все опредѣлено уставомъ и все дѣлается съ разрѣшенія совѣта. Вотъ что касается пищи, такъ тутъ уже истинная ложь. Никакихъ мѣръ для улучшенія пищи ни г. Бровцынымъ, ни г. Глянкой предпринято не было. Не знаю, «сѣумѣли» ли бы, или не сѣумѣли этого сдѣлать, но фактъ тотъ, что съ ихъ стороны распоряженій на этотъ счетъ никакихъ не было. Недурно было бы, еслибы составитель внутреннего обозрѣнія, или его корреспондентъ, до напечатанія фактовъ, собирали о нихъ вѣрныя свѣдѣнія. Да и г. Ненсбергъ, не думаю, чтобы вздумалъ говорить такую вещь въ собраніи дворянъ; а если сказалъ, то какъ понять молчаніе гг. Бровцына и Глянки, лицъ, пользующихся полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ дворянства, которые, видя, что именами ихъ покрываютъ явную ложь, не возразили на это? Кому же должно быть лучше извѣстно: предпринимали или не предпринимали они какихъ-нибудь мѣръ, какъ не самихъ гг. Бровцыну, управляющему должность губернскаго предводителя дворянства, и Глянкѣ, почетному попечителю гимназій? Я вполне увѣренъ, что этого всего не было, и быть не могло. *

Заклучимъ и нашу статью желаніемъ, но желаніемъ большаго успѣха будущимъ выборнымъ отъ дворянства или другихъ сословій, когда имъ вздумается отдавать отчетъ своимъ избирателямъ. Желаемъ имъ составлять свои отчеты вѣрно, безпристрастно и честно. А г. составителю внутренняго обозрѣнія, или корреспонденту, смѣемъ посоветовать, до заявленія какого бы то ни было факта гласно—справиться и о правотѣ его, чтобы, сдѣлавшись его поборникомъ, не навлечь на себя справедливаго упрека за распространеніе лжи.

Н. ВАРНЕГЪ,

директоръ училищъ тверской губ.

* Увы! это ходитъ по рукамъ всей Россіи въ спискахъ протоколовъ тверскаго дворянства.

НѢСКОЛЬКО ВОПРОСОВЪ,

о положеніи фабричныхъ рабочихъ, преимущественно на петербургскихъ фабрикахъ.

(Посвящается г. Арлеву.)

Быть русскихъ фабричныхъ рабочихъ сложился совершенно подъ иными условіями, чѣмъ бытъ иностранныхъ фабричныхъ. Большинство работающихъ на русскихъ фабрикахъ состоитъ не изъ пролетаріевъ, а изъ крестьянъ, надѣленныхъ землею, къ сожалѣнію, не вездѣ въ достаточномъ количествѣ (государственные крестьяне). Положеніе 19 Февраля 1861 года признало право на надѣлъ землею для крестьянъ работающихъ на помещичьихъ фабрикахъ, а также на горныхъ заводахъ. Только меньшинство нашихъ фабричныхъ состоитъ изъ прелетаріевъ, но зато, тѣмъ горше бѣдствія ихъ, тѣмъ менѣе возбуждаютъ они вниманія и заботы. Въ числѣ этого злополучнаго меньшинства встрѣчается много мужчинъ и женщинъ, загнанныхъ на фабрику разными несчастіями жизни, и, увы! фабрика представляетъ имъ далеко не убѣжище, но скорѣе вѣчную муку бѣдности и изнеможенія. Наши фабричные-пролетаріи скопляются преимущественно въ столицахъ, но до сихъ-поръ положеніе ихъ остается неизслѣдованнымъ и неизвѣстнымъ для общества. Такіе фабричные рабочіе выходятъ преимущественно изъ среды мѣщанъ, т. е. одного изъ наиболѣе бѣдныхъ классовъ, который ожидаетъ теперь прилива части освобожденныхъ дворовыхъ и бобылей.

Въ настоящей статьѣ мы не думаемъ касаться вопроса объ

обезпеченіи безземельныхъ рабочихъ, о которомъ уже говорилось въ этомъ журналѣ. Мы желали бы обратить вниманіе читателя на другіе вопросы изъ быта фабричныхъ, не столь важные, но тѣмъ не менѣе настоятельные для рабочихъ. Эти вопросы не потеряютъ своего значенія даже при удовлетворительномъ обезпеченіи всего рабочаго класса.

Вопросы, о которыхъ мы намѣреваемся говорить, проистекаютъ изъ того обстоятельства, что фабрики пользуются не только трудомъ, но и *здоровьемъ* рабочихъ, въ особенности малолѣтнихъ: машины, которыхъ опасныя части не прикрыты, производятъ увѣчья, не смотря ни на какую осторожность рабочихъ. Мастерскія имѣютъ иногда устройство, заставляющее думать, что хозяева ихъ совершенно забыли о томъ, что въ этихъ мастерскихъ будутъ работать люди. На нѣкоторыхъ производствахъ, особенно вредныхъ для здоровья, требуются особенныя предосторожности. Помѣщеніе рабочихъ дома ужасаетъ иногда своими подробностями, о которыхъ читатели узнаютъ ниже. Почти на всѣхъ петербургскихъ фабрикахъ, самыхъ маленькихъ дѣтей подвергаютъ такой работѣ, которая можетъ быть прямо названа злоупотребленіемъ ихъ здоровья, имѣющимъ прямое вліяніе на ихъ жизнь.

Читатели видятъ, что мы хотимъ заняться тѣми вопросами о бытѣ фабричныхъ, которые въ нынѣшнемъ столѣтіи обратили на себя вниманіе иностранныхъ правительствъ, и вызвали всѣмъ памятные вопли общественнаго мнѣнія. Въ многихъ странахъ большинство этихъ вопросовъ уже получило болѣе или менѣе удовлетворительное рѣшеніе, и они уже были подняты у насъ разными комиссіями, труды которыхъ, за исключеніемъ послѣдней, учрежденной въ Петербургѣ, къ сожалѣнію, остались нераспубликованными. Впрочемъ нельзя сказать чтобы мы очень много потеряли отъ этого; прошлыя комиссіи, уже по одной ограниченности ихъ состава, не могли изслѣдовать положеніе рабочихъ съ достаточною подробностію. Вообще эти комиссіи очень мало походили на то, что называется, въ иныхъ странахъ, специальнымъ изслѣдованіемъ.

Къ крайнему нашему сожалѣнію, мы очень бѣдны данными о положеніи нашихъ фабрикъ, даже въ Петербургѣ, не говоря уже о губерніяхъ, или о горныхъ заводахъ. Мы будемъ пользоваться однако же опубликованнымъ докладомъ Комиссіи, учрежденной въ 1859 г. при с. петербургскомъ военномъ ге-

губернаторъ для изслѣдованія положенія петербургскихъ фабрикъ. Будемъ ожидать отъ будущаго болѣе подробныхъ изслѣдованій о положеніи фабричныхъ, особенно вдалекѣ отъ столицъ, и на горныхъ заводахъ.

Эти изслѣдованія крайне необходимы, и, Богъ вѣсть, какія чудеса скрываются въ теперешней тайнѣ о бытѣ фабричныхъ. Въ Англии никто не подозрѣвалъ, чтобы въ рудникахъ совершались такіе ужасы, которые были открыты разными изслѣдованіями, а также заявленіями частныхъ лицъ. Оказалось, что работники всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ работаютъ въ рудникахъ нагиши, по причинѣ духоты и жара, и пр. и пр.

Мы утѣшаемъ себя мыслию, что если наша статья окажется безсильною, даже какъ напоминаніе о нѣкоторыхъ вопросахъ изъ быта фабричныхъ, то все-таки она можетъ пригодиться, какъ канва для собиранія свѣдѣній по этимъ вопросамъ. Смѣемъ надѣяться, что лица, знакомыя съ бытомъ фабричныхъ и горнозаводскихъ рабочихъ, сознаютъ необходимость подѣлиться своими свѣдѣніями съ обществомъ, что сдѣлалось давно уже самою простою обыденностію въ странахъ болѣе образованныхъ.

Въ настоящей статьѣ мы рассмотримъ вопросы: 1) объ огражденіи опасныхъ частей машинъ; 2) о работѣ дѣтей и женщинъ; 3) о помѣщеніи рабочихъ на фабрикахъ, т. е. о мастерскихъ; 4) нѣкоторыя мѣры, требуемыя особенно опасными производствами; 5) устройство надзора за фабриками; 6) штрафы съ фабрикантовъ и рабочихъ; 7) помѣщенія рабочихъ по домамъ.

Мы будемъ приводить данныя исключительно петербургскихъ фабрикъ, по той простой причинѣ, что другихъ не имѣемъ.

I.

Прикрытія машинъ и вознагражденія за увѣчье.

Прошлою осенью, на одной изъ петербургскихъ фабрикъ, дѣвушка, пришедшая на работу, должна была перевести рукою ремень съ глухаго барабана на вольный. Работа на фабрикахъ начинается самымъ раннимъ утромъ; несчастная работница не успѣла хорошенько причесаться, и ремень подхватилъ небольшую прядку ея волосъ. Разумѣется, вата не успѣли остановить; ремень все больше и больше захватывалъ волосы несчастной дѣвушки, и наконецъ ея черепъ сорвало.

Подобное несчастіе не могло бы случиться на большинствѣ

заграничныхъ фабрикъ: почти всѣ иностранныя законодательства обязываютъ фабрикантовъ устраивать рычажные приформы для переходовъ ремня по барабанамъ. Жюль Симонъ говоритъ, что даже во Франціи, отличающейся самыми неудовлетворительными результатами по надзору за фабриками, законъ о рычажныхъ приборахъ исполняется достаточно строго.

Иностранныя законодательства требуютъ отъ фабрикантовъ огражденія всѣхъ частей машинъ, которыя представляютъ опасность для рабочихъ, и почти вездѣ учрежденный надзоръ за фабриками обязанъ зорко слѣдить за всѣми случаями уклоненій со стороны фабрикантовъ.

На петербургскихъ фабрикахъ ежегодно значительное число рабочихъ подвергается тяжкому увѣчью отъ машинъ; къ сожалѣнію, большинство случаевъ менѣе сильныхъ поврежденій остается въ тайнѣ, и только, при необходимости отправить изувѣченнаго въ больницу или призвать врача, увѣчье рабочаго дѣлается извѣстнымъ, и иногда публикуется въ газетахъ. О подобныхъ случаяхъ полиція даетъ знать въ ордонансъ-гаузъ, и о важнѣйшихъ изъ нихъ производятся слѣдствія, которыя передаются на разсмотрѣніе Управы Благочинія.

Описанія различныхъ случаевъ увѣчья составляются полиціею, чрезвычайно краткія, неопредѣленные и неточныя. Изъ нихъ почти всегда оказывается, что увѣчье получено работникомъ *«вслѣдствіе его неосторожности.»* Такъ было объявлено, что на Новой бумагопрядильнѣ, мальчикъ *девяти лѣтъ, по неосторожности своей,* повредилъ на рукѣ *четыре* пальца. Полагаемъ, что нѣсколько затруднительно ожидать осторожности отъ девяти-лѣтняго ребенка, можетъ быть, уже изнуреннаго работой. Въ полицейскихъ описаніяхъ обыкновенно ограничиваются лаконическимъ замѣчаніемъ: «такому-то повредило машиной руку или пальцы» а иногда «причицило значительныя поврежденія.» Почти никогда не означается ни родъ машины, причинившей увѣчье, ни время несчастія, часто случающагося ночью, ни возрастъ рабочаго, тогда какъ машины часто увѣчаютъ дѣтей и пр. Кромѣ того, исходъ увѣчья въ больницу, такъ не рѣдко оканчивающійся смертію, остается неизвѣстнымъ, даже въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ. Отъ такой неопредѣленности извѣстій, почти никогда нельзя судить о томъ, въ какой степени былъ виноватъ въ увѣчьи рабочаго самъ фабрикантъ, вслѣдствіе не-

огражденія машинъ, или какихъ либо другихъ неразумныхъ распоряженій.

Число увѣчій на петербургскихъ фабрикахъ постоянно возрастаетъ. Въ 1855 г. сдѣлалось извѣстными 31 случай самыхъ тяжелыхъ поврежденій, въ 1856 до 35 случаевъ въ 1858 году до 57, въ 1859 г. до 96.

Это увеличеніе несчастныхъ случаевъ объясняется еще увеличеніемъ числа фабрикъ въ Петербургѣ; но мы замѣтили по вѣдомостямъ, что, на одной и той же фабрикѣ, даже неувеличившей числа рабочихъ, несчастія стали нѣсколько чаще.

Такое постоянное возрастаніе числа несчастій привело въ 1859 г. къ образованію особой комиссіи, которой было поручено осмотрѣть петербургскія фабрики и проектировать мѣры для предупрежденія увѣчья рабочихъ. Мы отчасти пользуемся свѣдѣніями собранными этою комиссіею.

Наибольшее число несчастныхъ случаевъ приходилось на бумагопрядильни, а именно до 60%, на чугунолитейные заводы 16%, на ватныя и красильныя фабрики до 4% и пр.

Съ другой стороны уже изъ вѣдомостей видно, что, по возрасту рабочихъ, увѣчья всего чаще случаются съ малолѣтними и несовершеннолѣтними рабочими до 16 лѣтъ, а именно на нихъ приходится до 60% общаго числа пострадавшихъ *. Собственно на малолѣтнихъ т. е. неимѣющихъ еще 14 лѣтъ приходится 40%.

На красильнѣ дворянки *Гукъ*, каждый годъ, большинство несчастій случалось съ дѣтьми. Оказалось, что на этой фабрикѣ находится колотильная машина, около которой работаютъ малолѣтніе, подставляя подъ молотки ея куски матерій. При малѣйшей неловкости или разсѣянности дѣтей, молотки отбиваютъ и раздробляютъ имъ пальцы рукъ. Жертвою этой машины каждый годъ погибало отъ 2 до 4 малолѣтнихъ.

Главными причинами чрезвычайно частыхъ случаевъ увѣчья на петербургскихъ фабрикахъ должно считать:

а) неогражденіе опасныхъ частей машинъ фабрикантами, и безпечность ихъ въ дѣлѣ ознакомленія рабочихъ съ опасностью, представляемою этими частями машинъ. Наибольшее число машинъ приходится на бумагопрядильни, въ которыхъ почти все производство идетъ путемъ механическимъ, и это, при неогражденіи опасныхъ частей, вполне объясняетъ почему наибольшее

* Здѣсь взяты цифры за 1859 годъ.

число увѣчій, приходится именно на фабрики, обрабатывающія хлопокъ.

b) чистка машинъ на ходу.

c) тягость работы для дѣтей особенно ночью.

d) неудовлетворительность одежды рабочихъ, и

e) нѣкоторыя особенныя обстоятельства петербургскаго класса фабричныхъ рабочихъ.

Неогражденіе опасныхъ частей машинъ встрѣчается на большинствѣ петербургскихъ фабрикъ, и таблица увѣчій вполне соответствуетъ степени заботливости фабрикантовъ о рабочихъ. Изъ числа 60 случаевъ, приходящихся на бумагопрядильни—16 были на *Невской*, 15 на *Новой*, 12 на *Самсоніевской*, 7 на *Россійской* и пр. Несчастные случаи *Невской* фабрики приходятся на старый корпусъ, гдѣ механизмъ не былъ огражденъ, что исполнено въ новомъ корпусѣ. На фабрикахъ *Самсоніевской*, *Василье-островской*, *Голенщицева* и *Петрова*, *Торшилова* огражденіе было недостаточно въ сильной степени. На фабрикѣ *Рейта* механизмъ въ трепальномъ и кордовомъ отдѣленіи не прикрытъ, а на *Россійской*—барьеръ одной машины слишкомъ низокъ. За то на *Охтенской* мануфактурѣ, при огражденіи машинъ, изъ числа 803 рабочихъ, пострадалъ одинъ, тогда какъ на иныхъ фабрикахъ пострадалъ 1 изъ 60. На бумагопрядильнѣ *Шая* опасныя части машинъ прикрыты, и въ узкихъ проходахъ между механизмами устроены барьеры.

Неогражденіе машинъ производило страшныя увѣчья на бумагопрядильняхъ. На *Невской* фабрикѣ, «мальчику 10 лѣтъ раздавило черепъ и мальчикъ этотъ тотчасъ умеръ.» На *Самсоніевской* мануфактурѣ, «18-лѣтній рабочій попалъ между ремнемъ корды машины, и вынуть мертвымъ и съ весьма значительными поврежденіями всего тѣла» прибавляетъ официальное извѣстіе. На *Василье-островской* колесомъ машины оторвало у мальчика 14 лѣтъ кисть лѣвой руки, и ранило голову.

Несмотря на то, что причина несчастій въ огромной части случаевъ зависитъ отъ степени огражденія машинъ, и несмотря на законъ, позволяющій искать на фабрикантѣ за увѣчье, на *Россійской* бумагопрядильнѣ постановлено, что рабочникъ, поступающій на фабрику, обязывается принимать на себя отвѣтственность за ушибы и поврежденія, могущіе случиться съ нимъ отъ неосторожности. Такъ, какъ въ случаѣ дѣйствительной неосторожности или небрежности рабочаго, подобное постановленіе совер-

шенно бесполезно, въ такомъ случаѣ работникъ и по закону не можетъ искать на фабрикантѣ. И такъ, смыслъ постановленія понзтенъ, какъ ни мало-вѣроятно оно.

Нельзя не замѣтить также, что многіе фабриканты слишкомъ безпечны относительно совершенно необходимаго разъясненія опасности иныхъ частей машинъ, въ особенности для вновь прибывающихъ рабочихъ.

Чистка машинъ на ходу, по замѣчанію комиссіи, производится иногда по приказанію самихъ фабрикантовъ, хотя она запрещена мѣстными полицейскими властями, и почти въ каждомъ отдѣленіи фабрики висятъ печатныя объявленія, гласящія и чистить машины на ходу не дозволяется.» Кромѣ того, сами рабочіе, получая по вной работѣ не поденную, а заработную плату, по числу пудовъ выдѣлываемой ими пряжи, очень часто слишкомъ рискуютъ, а мюльщики подвергаютъ опасностямъ мальчиковъ, находящихся въ ихъ распоряженіи. На многихъ фабрикахъ спускъ машинъ на ходъ не дается знать ударами колокола, какъ бы то следовало.

Тягость дѣтской работы доходитъ до послѣднихъ предѣловъ при такъ называемыхъ мюль-машинахъ. Тутъ дѣти очищаютъ отъ пыли бруски и тѣлжки, и, ползая подъ мюль-машиной, во время ея хода, обметаютъ пыль съ пола. Если мальчикъ не успѣетъ проползти подъ мюль-машиной, пока она не дошла до бруска, или если онъ находится подъ мюль-машиной, когда она пускается въ ходъ, то его можетъ придавить, и, вѣроятно, упомянутый нами случай о мальчикѣ, которому раздавило голову, случился на мюльной работѣ. При каждомъ мюльщикѣ находится обыкновенно два или три мальчика: подручный и задніе. Къ несчастію, иногда, мюльщики поручаютъ пускать машину въ ходъ своимъ малолѣтнимъ помощникамъ, а тѣ дѣлаютъ это прежде, чѣмъ мальчикъ, ползающій по полу, успѣетъ выбраться изъ подъ машины. Въ случаѣ увѣчья мальчика фабриканты должны подвергать мюльщиковъ штрафу. Совершенно понятно, что, при ночной работѣ, на которой у насъ почти всегда участвуютъ самыя маленькія дѣти, несчастія случаются еще чаще.

Иная одежда рабочихъ удобно захватывается машинами, и оттого происходятъ страшныя увѣчья. На красильнѣ *Ауха*, машина захватила рубашку крестьянина Ивана Степанова, и, обернувъ его два раза вокругъ вала, ударила о каменный полъ, переломила бедрянную кость, и повредила легкія. Степанова от-

правили въ больницу чернорабочихъ, и неизвѣстно остался ли онъ въ живыхъ. На бумагопрядильняхъ дѣти и взрослые работаютъ въ рубашкахъ съ засученными рукавами, но на механическихъ работахъ они одѣты ужь въ болѣе удобныя блузы и куртки, съ узкими рукавами, застегнутыми у кисти. Въ большей части случаевъ бѣдность принуждаетъ работниковъ имѣть лишь одну одежду, а русскіе простолюдины не легко разстанутся съ своимъ національнымъ костюмомъ, не совсѣмъ безопаснымъ около машинъ.

Особенныя обстоятельства, увеличивющія число увѣчій въ Петербургѣ, заключаются въ томъ, что въ нашей сѣверной столицѣ очень мало опытныхъ рабочихъ, и почти вовсе нѣтъ постоянного фабричнаго населенія. Большинство петербургскихъ фабричныхъ является сюда на заработки изъ деревень, что имѣетъ великія преимущества, но, при безпечности фабрикантовъ въ огражденіи и разъясненіи опасности тѣхъ частей машинъ, увеличиваетъ отчасти число увѣчій. Мы говоримъ это въ томъ смыслѣ, что, при наплывномъ фабричномъ людѣ, фабрикантамъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ оградить машины, и озаботиться разъясненіемъ опасности иныхъ механизмовъ для новоприбывшихъ. Небольшое же число постоянныхъ рабочихъ, фабричные *завсѣдатели*, какъ ихъ называютъ, войдя во всѣ пріятности столичной жизни, приобрѣтаютъ привычку безпрестанно переходить съ фабрики на фабрику такъ, что иногда рабочіе постоянно приходящіе изъ деревень, оказываются опытнѣе ихъ. Довольно часто бываютъ несчастія съ случайными рабочими и работницами, работающими на фабрикѣ очень короткое время. Въ число фабричныхъ рабочихъ Петербурга поступаютъ на время напр. горничныя, кухарки и пр., являющіяся на фабрику на срокъ интереснаго положенія. Петербургскіе фабриканты иногда нуждаются въ рабочихъ, и поспѣшный наборъ ихъ, при забывчивости о необходимости предупрежденія относительно опасныхъ частей машинъ, отчасти усиливаетъ число несчастій.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что общество вправѣ требовать отъ фабрикантовъ прикрытія опасныхъ частей машинъ точно такъ, какъ оно требуетъ извѣстной прочности для паровыхъ котловъ, или извѣстныхъ мѣръ осторожности на пороховыхъ заводахъ.

Въ Москвѣ, подобное требованіе было уже заявлено генералъ-губернаторомъ, но къ сожалѣнію оно не исполняется. Въ иностранныхъ государствахъ, какъ мы говорили выше, это требо-

ваніе поддерживается очень энергически, и всякое уклоненіе фабриканта отъ исполненія его влечетъ за собою значительный штрафъ. Въ Англій законъ 1844 года объ огражденіи машинъ исполняется очень успѣшно, и въ 1859 встрѣтилось во всей Англій только два уклоненія отъ него фабрикантовъ, за которыми впрочемъ сильно наблюдаетъ общественное мнѣніе. Исполненіе этого закона представляетъ тѣмъ менѣе затрудненій, что прикрытіе машинъ стоитъ вовсе не дорого. Механическіе заводы обзываются отпускатъ машины или части ихъ, не иначе какъ съ нужнымъ прикрытіемъ.

Изложимъ здѣсь необходимыя требованія относительно прикрытія машинъ:

а) Для передвиженія приводныхъ ремней съ глухого барабана или шкива на вольный, должны быть устроены переводные рычажные приборы, и съ тѣмъ вмѣстѣ переводъ рукою нужно запретить, чтобы фабрикантъ ни въ какомъ случаѣ не могъ потребовать его.

б) Механическіе заводы должны отпускатъ машины или части ихъ не иначе, какъ съ нужными прикрытіями.

в) Паровыя машины и общіе двигатели должны быть ограждены, въ подлежащемъ разстояніи, прочными перилами.

г) Приводы паровой машины или другихъ двигателей, отверстія и люки, какъ для подъема тяжестей, такъ и для другихъ назначеній, должны быть ограждены и прикрыты.

е) Всѣ передаточныя части рабочихъ машинъ, какъ-то шестерни, зубчатая колеса и пр., должны быть прикрыты металлическими или деревянными коробками, колпачками, сѣтками или рѣшетками, и

ж) Между станками или машинама, гдѣ приходится проходить рабочимъ, слѣдуетъ оставлять не менѣе $\frac{3}{4}$ аршина разстояніи, а всѣ болѣе узкіе проходы и промежутки слѣдуетъ заградить барьерами.

За неисполненіе этихъ требованій, виновныхъ фабрикантовъ, кромѣ опубликованія о нарушеніи закона, должно подвергать штрафамъ, усиливая размѣры взысканій при повтореніи небрежности.

Чистка машинъ на ходу, разумѣется, должна быть запрещена, а, относительно безопасности рабочихъ, фабрикантамъ слѣдуетъ имѣть надзоръ, къ которому ихъ можетъ побудить толковая гласность относительно происшествій на фабрикахъ.

Гораздо затруднительнѣе принять мѣры относительно неудобной одежды фабричныхъ.

Съ русскаго мужика не снимешь его рубашки, безъ многихъ и многихъ стараній. Между тѣмъ, на болѣе опасныхъ работахъ механическихъ заводовъ, русскіе уже носятъ блузы съ застегнутыми рукавами, и куртки. Продажа фабрикантами удобной одежды, сначала по удешевленной цѣнѣ, можетъ быть, окажетъ вліяніе, особенно если ей поможетъ несчастіе рабочаго, отъ котораго конечно упаси Боже, но увы! безъ котораго не обойдется. Особенно опасныя женскія мантильи, накидки и т. п. должны быть запрещены, по крайней мѣрѣ, фабрикантами.

Въ дѣлѣ разъясненія рабочимъ опасности нѣкоторыхъ частей машинъ еще труднѣе постановить какія-либо правила, которыя привели бы къ дѣйствительнымъ результатамъ. Тутъ, развѣ гласность можетъ наблюдать за фабрикантами, и воздавать каждому по дѣламъ его. Впрочемъ можно надѣяться, что примѣръ болѣе гуманныхъ и болѣе просвѣщенныхъ фабрикантовъ не останется безъ вліянія. Въ этомъ дѣлѣ могутъ оказать нѣкоторое пособіе школы для фабричныхъ, и мы дѣйствительно знаемъ, что, въ школахъ за Шлиссельбургскою заставой, возникало предположеніе объ ознакомленіи съ устройствомъ машинъ, хотя наиболѣе успѣвшихъ учениковъ. Къ сожалѣнію, въ то время, это предположеніе отчасти встрѣтило неожиданныя и совершенно постороннія препятствія.

Относительно работы малолѣтнихъ на фабрикахъ, мы будемъ говорить ниже, а здѣсь скажемъ только, что ползаніе мальчиковъ подъ мюль-машинами можетъ быть замѣнено устройствомъ чистильныхъ суконъ, которыя двигаясь съ тѣлежкой, подметали бы пыль. На иныхъ бумагопрядильныхъ такія сукна уже устроены, но ихъ нѣтъ еще на *Василье-островской*, *Рейта* и на простыхъ машинахъ *Торшилова*.

Рядомъ съ заботами объ огражденіи опасныхъ частей должно идти улучшеніе мѣръ къ правильному исходу исковъ рабочихъ на фабрикантахъ, въ случаяхъ, когда первые пострадали отъ вины послѣднихъ.

Право на вознагражденіе всякаго работника, пострадавшаго по винѣ фабриканта напр. отъ неогражденія машинъ, неоспоримо. Въ такомъ случаѣ фабрикантъ обязанъ вознаградить рабочаго за все время, на которое послѣдній сталъ неспособенъ къ работѣ, а также принять на свой счетъ всѣ издержки ле-

ченія. Если рабочій получилъ такое увѣчье, что не можетъ болѣе работать, то фабрикантъ обязанъ обезпечить его. Въ случаѣ смерти или увѣчья рабочаго, содержавшаго своими трудами семейство, фабрикантъ обязанъ помочь этому семейству, которое можетъ сильно пострадать по его вину. Помощь, разумѣется, должна доставить необходимое для содержанія семейства умершаго до совершеннолѣтія дѣтей, а при увѣчьи за время неспособности работника къ труду.

Въ настоящее время, если работникъ подвергнется увѣчью, то фабрикантъ ограничивается извѣщеніемъ полиціи о происшествіи и сдачею ей увѣчнаго, для отправленія въ больницу. До сихъ поръ законъ не обязываетъ фабрикантовъ къ огражденію машинъ, а потому безопасность его, каковы бы ни были ея послѣдствія, не считалась противузаконною, и, при неопредѣленности общаго закона о вознагражденіяхъ за «поврежденія въ здоровьѣ» (ст. 647 и 660 т. X св. зак.), а также по неудовлетворительности предварительныхъ изслѣдованій, иски рабочихъ на фабрикантахъ, были обыкновенно безуспѣшны. Къ тому же, работникъ рѣдко имѣетъ возможность начать дѣло судебнымъ порядкомъ. Часто онъ лежитъ изувѣченный въ больницѣ, не имѣя денегъ даже для написанія просьбы. На случай даже успѣшнаго хода дѣла, вознагражденіе, при нашихъ судебныхъ порядкахъ, можетъ получиться не ранѣе нѣсколькихъ лѣтъ. Чѣмъ же изувѣченный до неспособности къ работѣ будетъ содержать себя такой длинный срокъ? И что станется въ нѣсколько лѣтъ съ семействомъ убитаго машиной?

Дѣла о вознагражденіяхъ за увѣчье, конечно, не могутъ быть рѣшены безспорнымъ порядкомъ. Въ нихъ необходимо разсмотрѣть, кто виноватъ и точно опредѣлить размѣры причиненнаго вреда, чрезвычайно различные въ разнообразныхъ случаяхъ увѣчья и обстоятельствахъ рабочаго. Подобныя дѣла о вознагражденіяхъ приходится разбирать гражданскому судебному мѣсту. Такимъ образомъ и въ этомъ частномъ случаѣ мы приходимъ къ необходимости, обѣщанной на нынѣшней годъ, судебной реформы.

Было высказано желаніе, чтобы дѣла объ увѣчьи разбирались въ преобразованныхъ словесныхъ судахъ, въ стряпчихъ которыхъ, рабочіе могли бы находить себя бесплатныхъ ходатаевъ. Увѣчный рабочій, особенно безграмотный, не можетъ вести свое дѣло, да еще изъ больницы.

Кромѣ того было бы желательно, чтобы законъ точно опре-

дѣлать право вознагражденія за увѣчье, происшедшее отъ безпечности фабриканта или неисполненія имъ предписанныхъ закономъ требованій. Такъ, какъ наши простолюдины мало знакомы съ законами, то не мѣшало бы выставить на фабрикѣ изложеніе касающихся до нихъ законоположеній.

Независимо отъ вознагражденія пострадавшаго, виновный фабрикантъ долженъ подвергаться штрафу за нарушеніе закона, и подобный штрафъ полезно значительно уменьшить на случай вознагражденія фабрикантомъ рабочаго, по добровольному согласію, безъ обращенія къ суду.

Нельзя сказать, чтобы петербургскіе фабриканты не принимали никакого участія въ судьбѣ пострадавшихъ рабочихъ. Напротивъ на иныхъ фабрикахъ, получившіе значительное увѣчье напр. тѣ, которымъ оторвало руку, опредѣляются въ болѣе легкія должности сторожей или рассыльныхъ. Фабриканты за Шлиссельбургской заставой содержатъ на свой счетъ больницу для рабочихъ, а другіе имѣютъ докторовъ. Относительно рабочихъ, получившихъ такое тяжкое увѣчье, которое отнимаетъ возможность исполнять какую либо должность, до сихъ поръ еще не принято нужныхъ заботъ. Очевидно, что фабрикантамъ весьма слѣдовало бы озаботиться объ устройствѣ богадѣльни для такихъ несчастныхъ. Мы имѣли случай высказывать эту мысль людямъ, хорошо знающимъ фабричный бытъ.

— Помилуйте, отвѣчали намъ, это поведетъ къ усиленію увѣчій. Повѣрьте, что многіе нарочно попадутъ въ машину, чтобы попасть потомъ на пенсію, и ничего не дѣлать въ богадѣльнѣ. Еслибы вы лучше знали этого людъ вы убѣдились бы, что ваша мысль вредна, и что ее даже высказывать не слѣдуетъ.

Къ сожалѣнію мы не убѣдились, и вполне надѣемся, что, рано или поздно, фабриканты заведутъ богадѣльни для призрѣнія своихъ ветерановъ.

II.

Работа малолѣтнихъ и женщинъ.

Вопросъ о работѣ дѣтей до сихъ поръ еще не затронутъ въ нашей административной практикѣ; разумѣется, беззащитность малолѣтнихъ ведетъ часто къ самымъ страшнымъ результатамъ.

Коммиссія нашла на нѣкоторыхъ фабрикахъ семилѣтнихъ ребятъ, работающих столько же часовъ, сколько и взрослые. Ма-

ло того, дѣти подвергаются всей изнурительности ночной работы, точно также наравнѣ съ совершеннолѣтними, и работаютъ на такихъ производствахъ, которыя дѣйствуютъ губительно даже на вполне сложившійся организмъ человѣка, особенно у насъ, гдѣ не принимаются нужныя мѣры предосторожности въ этихъ вредныхъ производствахъ.

На дурно устроенныхъ красильняхъ и бѣляльняхъ, гдѣ за густыми парами вредоносныхъ испареній, за которыми рабочіе не видятъ другъ друга, работаютъ также самые малолѣтніа дѣти. На многихъ изъ этихъ фабрикъ не устроены покатыя полы, и рабочимъ приходится стоять въ водѣ, покрывающей полъ. На сушильнѣ ситцепечатной фабрики *Шурта*, гдѣ температура стоитъ постоянно между 40 и 30 °/о по Реомюру, комиссія нашла мальчика 11 лѣтъ, постоянно работающаго въ этомъ раскаленномъ воздухѣ. Изнеможенный, болѣзненный видъ Сергѣя Абрамова ясно показывалъ, что стоитъ ему и чѣмъ отзовется ему эта каторжная работа.

Наибольшее число дѣтей работаетъ на фабрикахъ, дѣйствующихъ преимущественно механизмами, и дѣтей всего болѣе на бумагопрядальняхъ. Изъ общаго числа дѣтей, работающихъ на петербургскихъ фабрикахъ, 616 приходится на бумагопрядильни; а именно: 414 мальчиковъ и 212 дѣвочекъ.

Работа на бумагопрядальняхъ дѣйствуетъ особенно губительно на развитіе малолѣтнихъ. Въ числѣ фабричныхъ дѣтей, пришедшихъ въ воскресную школу, вы тотчасъ отличите работающихъ на «мануфактурахъ.» Желтизна лица, красныя, опухшія вѣки, усталый, болѣзненный взглядъ, впалая грудь и пр., являются непреложнымъ свидѣтельствомъ и непремѣннымъ послѣдствіемъ двухъ-трехъ годовъ, проведенныхъ на бумагопрядильнѣ. Подойдите къ такому, часто страшно изнуренному мальчику, и спросите, который ему годъ, и вы можете быть содрогнетесь отъ полученнаго отвѣта: шестнадцатилѣтніе мальчики глядятъ десятилѣтними, одиннадцатилѣтними измученными ребятами. Такъ работа на бумагопрядальняхъ останавливаетъ развитіе дѣтей.

Подобные результаты вовсе неудивительны, если вспомнить, что, напр. при мюль-машиннахъ, малолѣтній проводитъ до 14 часовъ въ сутки, безпрестанно ползая въ растяжку по полу и стирая пыль. Къ сожалѣнію, по самому устройству машинъ, это ползаніе, столь мало способное укрѣпить организмъ, не можетъ быть воз-

ложено на взрослыхъ, и необходимость чистительныхъ суконовъ, о которыхъ мы говорили выше, является потому еще болѣе настоятельною.

На бумагопрядильняхъ стоитъ вѣчная пыль отъ хлопчатой бумаги, дѣйствующая на здоровье рабочихъ крайне губительно. Она производитъ такъ называемую хлопчато-бумажную чахотку (*phthisie cotonneuse*). Въ нашихъ больницахъ не ведется особыхъ списковъ больныхъ, поступающихъ съ фабрикъ, и потому о распространеніи въ Петербургѣ хлопчатной чахотки почти ничего неизвѣстно, и къ тому же рабочее населеніе Петербурга мѣняется слишкомъ часто; но за существованіе такой болѣзни у насъ ручается крайне изнуренный видъ всѣхъ дѣтей, остающихся на фабрикѣ долгое время. Надо замѣтить, что многія бумагопрядильни не имѣютъ еще достаточной вентиляціи, и что въ хлопчатная пыль густыми слоями покрываетъ волосы рабочихъ. Можно судить изъ этого какимъ воздухомъ приходится дышать въ такихъ мастерскихъ, и какъ онъ долженъ дѣйствовать, особенно на малолѣтнихъ?

На фабрикахъ для приготовленія сигаръ и папиросъ, малолѣтнимъ приходится глотать табачную пыль, что также крайне вредно для здоровья.

Впрочемъ чрезвычайная продолжительность работы на бумагопрядильняхъ, ткацкихъ, набивныхъ и другихъ фабрикахъ, можетъ быть, всего болѣе разстраиваетъ здоровье, и останавливаетъ развитіе малолѣтнихъ. На бумагопрядильняхъ, работа продолжается до 14 часовъ каждые сутки, одинаково, какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. Рабочему нужно употребить около часа, а иногда и болѣе, на приходъ на фабрику и на возвращеніе домой. Что же остается ребенку на сонъ, на отдыхъ? Многія бумагопрядильни, когда сбытъ удовлетворителенъ, работаютъ ночью, для чего дѣлятъ рабочихъ напр. на три смѣны: работающіе по 8 часовъ въ день, или на четыре по 6 часовъ? Каково будетъ ребенку проработать иной день 16 часовъ, а въ другой 8 ночныхъ?

Мы говорили выше, что продолжительность работы, а въ особенности ночная работа увеличиваютъ число несчастій, случающихся всего чаще съ дѣтьми. Разумѣется, едва держась на ногахъ, къ концу дня, отъ усталости, малолѣтніе становятся неосторожными, но какъ же упрекнуть ихъ за это?

Ни на одной изъ петербургскихъ фабрикъ, женщины не поль-

зуются никакими облегченіями за исключеніемъ писчебумажной фабрики *и-жи Кайдаловой* (въ петербургскомъ уѣздѣ), гдѣ женщинамъ дается суббота на отдыхъ. Впрочемъ эта фабрика принадлежитъ помѣщицѣ, и на ней работаютъ помѣщичьи фабричные крестьяне. Послѣдствія четырнадцати или 16 часовъ отлучекъ изъ семейства всѣхъ женщинъ, могущихъ работать, всѣмъ хорошо извѣстны: семейство почти разрушается ими. Матери должны сдавать своихъ маленькихъ дѣтей на попеченіе старухъ, которыя, чтобы не возиться съ огромнымъ числомъ поручаемыхъ имъ дѣтей, обыкновенно кормятъ ихъ какими-либо усыпляющими снадобьями. Фабриканты нисколько не интересуются этими заведеніями для приѣма дѣтей, содержимыми большею частью нищими старухами, а сами фабриканты, сколько намъ извѣстно, никогда не устраивали подобныхъ пріютовъ. Мы приводимъ эти подробности, преимущественно для того, чтобы снять съ фабрикантовъ подозрѣніе въ сколько нибудь дѣятельной благотворительности. Большинство петербургскихъ фабрикантовъ—иностранцы, часто думающіе всего болѣе о скорѣйшемъ возвращеніи на родину, съ порядочнымъ капиталцемъ, пріобрѣтенномъ въ Россіи.

Въ Петербургѣ, женщины работаютъ также при производствахъ, наиболѣе гибельныхъ для здоровья, хотя нѣкоторыя фабрики этихъ производствъ обходятся же безъ работы дѣтей или женщинъ. Такъ красильная *Дюка* умѣла обойтись безъ дѣтской и женской работы, а мы уже говорили выше о колотильной машинѣ, раздробляющей пальцы дѣтей на красильнѣ и бѣлильнѣ *Гука*.

Распространеніе механическихъ производствъ дало возможность женщинамъ и дѣтямъ участвовать въ фабричной работѣ. Большинство механизмовъ требуетъ не физической силы, но постоянства работы, а иногда гибкости пальцевъ. Въ нѣкоторыхъ производствахъ работа женщинъ и дѣтей выгоднѣе для фабриканта, который, все таки пользуясь многочисленностью желающихъ работать на фабрикѣ, и въ этихъ случаяхъ платитъ имъ далеко меньше, чѣмъ мужчинамъ. Наконецъ надо признать, что, большею частію, дѣти и женщины берутся на фабрику преимущественно вслѣдствіе болѣе дешевой заработной платы.

Спрашивается: имѣютъ ли фабриканты право пользоваться не только трудомъ, но и здоровьемъ рабочихъ и, пользоваться при

томъ въ такой степени, которая влечетъ за собою разстройство здоровья малолѣтнихъ, почти неисправимое во всю жизнь?

Фабрикантъ очень хорошо понимаетъ, что значить для дѣтей слишкомъ продолжительная или ночная работа, и петербургскіе фабриканты, прямо высказали комиссіи, что ночная работа особенно гибельна для женщинъ и для дѣтей. Между тѣмъ, малолѣтній, взятый на фабрику, вовсе не сознаетъ всей неизмѣримости той опасности, которой подвергается онъ. Въ такихъ обстоятельствахъ законъ имѣетъ полное право отворотить послѣдствія найма дѣтей, слишкомъ вредныя для ихъ здоровья.

Ограниченіе въ приѣмѣ дѣтей на фабрики, при теперешнемъ еще не очень значительномъ числѣ малолѣтнихъ рабочихъ, не представитъ особеннаго стѣсненія для промышленности.

Правительство тѣмъ болѣе имѣетъ права на подобную мѣру, что изнуреніе малолѣтнихъ на фабрикахъ увеличиваетъ число больныхъ, увѣчныхъ, неспособныхъ къ работѣ, призрѣніе которыхъ, при не развитіи у насъ частной благотворительности, лежитъ на самомъ правительствѣ. Грѣхи фабрикантовъ по изнуренію дѣтей падаютъ такимъ образомъ прямо на казну, и она, уже изъ одной фискальной цѣли, конечно должна заботиться объ уменьшеніи лежащей на нее тяжести.

Намъ могутъ замѣтить, что въ отдачѣ дѣтей на фабрики участвуютъ не одни фабриканты, но и родители или тѣ лица, у которыхъ живутъ дѣти. Ограниченіе работы дѣтей, могутъ сказать намъ, отнять у семейства часть средствъ къ существованію и безъ того уже крайне скудныхъ, а такое обѣдненіе семейства будетъ неблагоприятно для самихъ дѣтей.

Все это очень справедливо; но надо обратить вниманіе на то, что плата, получаемая малолѣтнимъ, всегда очень малая, обходится семейству крайне дорого. Усиленный трудъ малолѣтняго ведетъ за собою такое изнуреніе, что черезъ нѣсколько лѣтъ, иногда еще въ зрѣломъ возрастѣ, рабочій не имѣетъ силъ работать какъ бы слѣдовало, или становится просто неспособнымъ къ работѣ, и, вмѣсто помощи своимъ престарѣлымъ родителямъ, составляетъ для нихъ тяжесть. Такіе случаи весьма не рѣдки, и постоянный фабричный почти никогда не достигаетъ тѣхъ преклонныхъ лѣтъ, которыя такъ часты между земледѣльческимъ классомъ.

Законъ, при всемъ уваженіи къ помощи, доставляемой дѣтямъ

семейству, не можетъ не останавливать злоупотребленій родительской власти, заставляющей дѣтей работать въ такомъ возрастѣ, когда это слишкомъ разрушительно для развивающагося организма, и притомъ проводить на работѣ столько же часовъ, какъ взрослые, которые сами изнуряются отъ продолжительной работы.

Къ этому надобно прибавить, что работа наиболѣе малолѣтнихъ не даетъ имъ даже свѣденій въ ремеслѣ потому, что фабриканты не рѣшаются допускать маленькихъ дѣтей къ какому-либо производству при машинѣ, а употребляютъ ихъ для метенія коридоровъ, стирки пыли на мюль-машинахъ и т. п. Такимъ образомъ трата дѣтьми при усиленной работѣ, такъ сказать, не только процентовъ съ здоровья, но и самаго капитала, въ большей части случаевъ (на бумагопрядильняхъ, гдѣ работаетъ большее число дѣтей), не вознаграждается даже приобрѣтеніемъ свѣденій.

Относительно самихъ дѣтей надобно замѣтить, что законы всѣхъ странъ, не сознавая ихъ равноправности, не дозволяютъ имъ распоряжаться собственностью, входить въ обязательства и пр. Полагаемъ, что разумность этихъ постановленій трудно оспаривать. Не дозволяя ребенку распоряжаться своею собственностію, тѣмъ болѣе не возможно дозволить ему распоряженіе еще болѣе важною собственностію—здоровьемъ, и почти-что самую жизнью. Разумѣется, что ни родители, ни опекуны, ни фабриканты не могутъ имѣть права распоряжаться безотчетно здоровьемъ малолѣтняго, хотя точно также, какъ сами родители не имѣютъ права вполне располагать движимою или недвижимою собственностію ребенка. Всѣ законодательства не признаютъ труда малолѣтнихъ за трудъ свободный, что, кажется, очень понятно. На этомъ основаніи, почти всѣ экономисты, и даже тѣ изъ нихъ, которые считаютъ святотатствомъ всякое ограниченіе свободы труда, признаютъ необходимымъ ограниченіе работы дѣтей на фабрикахъ.

Считая необходимымъ такое ограниченіе, необходимо: а) назначить возрастъ, ранѣе котораго малолѣтній не можетъ быть принятъ на фабрику и б) опредѣлить, для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ рабочихъ, число рабочихъ часовъ въ сутки, которое не разстраивало бы ихъ организма.

Полагая, что, для многихъ изъ нашихъ фабрикантовъ, по-

добное постановленіе покажется неслыханнымъ стѣсненіемъ промышленности, препятствіемъ непреодолимымъ, мы переходимъ теперь къ бѣглому обзору постановленій иностранныхъ государствъ о работѣ малолѣтнихъ. Въ этихъ странахъ, ограниченіе работы дѣтей возбуждаетъ постоянно усиливающееся сочувствіе общества, и даже самихъ фабрикантовъ.

Начнемъ съ Франціи.

Законъ 22 марта 1841 г., въ которомъ заключаюгся постановленія о работѣ малолѣтнихъ, обязательны для всѣхъ фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ, дѣйствующихъ посредствомъ механическаго движителя или непрерывнаго огня, и для всѣхъ фабрикъ, на которыхъ работаетъ болѣе 20 работниковъ въ одной мастерской. Впрочемъ администрація предоставляется распространять кругъ дѣйствія закона.

Отъ 8 до 12 лѣтъ дѣти могутъ работать не болѣе 8 часовъ въ сутки, раздѣленныхъ временемъ для отдыха, а малолѣтніе, имѣющіе отъ 12 до 16 лѣтъ, могутъ работать, не болѣе 12 часовъ, раздѣленныхъ точно также. Ночная работа, считая ее между 9-ю часами вечера и 5-ю часами утра, запрещена для дѣтей, не достигшихъ 13-лѣтняго возраста. Впрочемъ, въ случаѣ починки машины, бездѣйствія водянаго движителя и т. п., ночная работа дозволяется 12-лѣтнимъ, но не иначе, какъ съ зачетомъ двухъ часовъ за три. Не достигшихъ 16 лѣтъ, запрещается заставлять работать по воскресеньямъ и праздникамъ.

Законъ 1841 г. требуетъ обязательнаго посѣщенія школъ. Каждый малолѣтній, поступившій на фабрику, обязанъ ходить въ школу до 12-лѣтняго возраста, а болѣе взрослые дѣти могутъ не посѣщать школы только въ томъ случаѣ, если представляютъ свидѣтельство о первоначальномъ образованіи.

На особенно вредныхъ производствахъ, администрація можетъ сокращать число часовъ работы и возвышать возрастъ дѣтей, необходимый для пріема ихъ на фабрику, и даже прямо не допускать къ инымъ вреднымъ работамъ, всѣхъ не достигшихъ 16-лѣтняго возраста. Кроме того, администрація должна преслѣдовать злоупотребленія наказаній.

Въ 1846 году были предложены слѣдующія измѣненія въ законъ 1841 года: а) распространеніе закона о дѣтской работѣ на всѣ фабрики и заводы и б) запрещеніе принимать на фабрики дѣтей моложе 10 лѣтъ, и ограниченіе работы дѣтей и несовершеннолѣтнихъ 12 часами въ сутки.

Комиссія, избранная для разсмотрѣнія предложенныхъ измѣненій, полагала между прочимъ ограничить работу женщинъ и дѣвушекъ 12 часами въ сутки, а для юношей сократить работу до 11 часовъ—три дня въ недѣлю. Этотъ проектъ и предположеніе комисіи не получили утвержденія.

Временное правительство 1848 года издало 2 марта декретъ, которымъ, для всѣхъ рабочихъ въ Парижѣ, суточная работа ограничивалась 10 часами, а въ провинціяхъ 11 часами. Въ томъ же году національное собраніе, закономъ 9 сентября, опять ограничило число работы 12 въ сутки. Затѣмъ были сдѣланы исключенія для нѣкоторыхъ работъ, которымъ трудно назначить срокъ наприм. для топки печей, паровыхъ машинъ и проч., а для другихъ работъ дозволено 13 часовъ въ сутки и даже 14.

Законъ 22 февраля 1851 г., о контрактахъ для принятія дѣтей въ обученіе мастерствамъ, постановилъ для учениковъ, не достигшихъ 14 лѣтъ, десять рабочихъ часовъ въ сутки, а для имѣющихъ отъ 14 до 16—двѣнадцать. Ночная работа запрещена для не достигшихъ 16 лѣтъ.

Министерскій циркуляръ 25 сентября 1853 года распространилъ законъ 1841 года на дѣтей, работающихъ подневно или поштучно, подъ руководствомъ нанимающаго ихъ мастера.

Въ Англии ограниченіе работы малолѣтнихъ началось еще 1802 г.

Въ 1833 г. рабочимъ, не достигшимъ 18-лѣтняго возраста, была запрещена ночная работа, а число часовъ дневной ограничено 12. За исключеніемъ шелкопрядильнъ не дозволялось допускать на фабрики дѣтей моложе 9 лѣтъ. Затѣмъ работа малѣтнихъ была постепенно ограничиваема.

Въ 1837 г. дѣти моложе 13 лѣтъ не могли работать въ сутки болѣе 9 часовъ. Въ 1843 дозволено принимать на фабрики дѣтей, достигшихъ 8 лѣтъ, если они представляютъ медицинское свидѣтельство о своемъ возрастѣ, но работа ихъ не должна продолжаться долѣе 6½ часовъ въ сутки, и въ рѣдкихъ случаяхъ долѣе семи часовъ.

Болѣе продолжительная работа, чѣмъ опредѣленная закономъ, допускается кромѣ субботы, только въ случаѣ потери времени отъ остановки машинъ, недостатка или обилія воды, и не иначе какъ съ оповѣщеніемъ инспектору, а также ни въ какомъ случаѣ не позже 7 часовъ. Разумѣется, это относится для дѣтей несовершеннолѣтнихъ.

Дѣти могутъ работать по десяти часовъ въ сутки, черезъ день, на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ работа никогда не продолжается долѣе 10 часовъ, но если взрослые работаютъ по 10¹/₂ часовъ, то упомянутое выше дозволеніе уже отнимается.

Дѣти работаютъ съ 6 часовъ утра до часу пополудни съ полчасовымъ промежуткомъ для отдыха, или они могутъ начать работу послѣ обѣда и работать до 6 часовъ вечера. Въ субботу они не должны работать позже 2 часовъ пополудни.

Несовершеннолѣтніе, отъ 13 до 18 лѣтъ, и женщины не должны работать ранѣе 6 часовъ утра и позже 6 часовъ вечера, а въ субботу позже 2 часовъ пополудни. Число часовъ работы несовершеннолѣтнихъ и женщинъ не должно превышать 10¹/₂ въ сутки, и послѣ пяти часовъ работы слѣдуетъ отдыхъ. Во время отдыха, дѣти, несовершеннолѣтнія и женщины не должны находиться въ мастерскихъ, гдѣ идетъ работа.

Въ Англіи законъ о фабрикахъ требуетъ усерднаго посѣщенія школъ. Въ удостовѣреніе посѣщенія школы, фабрикантъ долженъ получать отъ дѣтей свидѣтельство учителя, которое препровождается инспектору. Дѣти, работающія ежедневно, должны ходить въ школу каждый день, исключая субботы и воскресенья. Если они ходятъ утромъ, то учатся три часа, а если вечеромъ, то для времени съ 1 ноября по 1 марта ученіе ограничивается 2¹/₂ часами, продолжаясь по три въ остальное время года. Дѣти, работающія по 10 часовъ, черезъ день, учатся въ школѣ также черезъ день по пяти часовъ, кромѣ субботы. При этомъ наблюдаютъ, чтобы суббота приходилась по возможности на работу въ фабрику. Ученіе въ школѣ должно начинаться не ранѣе 8 часовъ утра, и не заходить позже 6 часовъ вечера. Наблюденіе за посѣщеніемъ дѣтьми школы возлагается, какъ на фабрикантовъ, такъ и на родителей или на лицъ, получающихъ заработную плату дѣтей. Ниже мы упомянемъ о штрафахъ, взысканныхъ не только съ фабрикантовъ, но и съ родителей за небрежность наблюденія.

Въ Пруссіи, законъ 16 мая 1853 года опредѣлилъ, что съ 1 іюля 1853 на фабрики запрещается принимать дѣтей моложе 10 лѣтъ, съ 1 іюля 1854 г. моложе 11, а съ іюля 1855 г. моложе 12 лѣтъ. Дѣти, не достигшія 14 лѣтъ, могутъ работать не болѣе 6 часовъ въ сутки, и обязаны учиться ежедневно въ школѣ не менѣе 3 часовъ. Въ случаѣ затрудненій для фабрикъ,

въ этомъ законѣ могутъ быть допущены временныя изыятія чрезъ соглашеніе министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Работа на фабрикѣ начинается въ 5¹/₂ часовъ утра и оканчивается въ 8¹/₂ часа вечера. Остальные часы считаются ночной работой. Несовершеннолѣтній до 16-лѣтняго возраста не принимается на фабрику, если не посѣщалъ школы въ теченіи 3 лѣтъ, или не представитъ свидѣтельство, что умѣеть свободно читать, и началъ учиться писать; — исключенія изъ этого правила позволяется для фабрикъ, имѣющихъ школы. Не достигшіе 16 лѣтъ, не могутъ работать болѣе 10 часовъ въ сутки. Рабочіе, еще не бывшіе на первой исповѣди, освобождаются отъ работы на время, назначенное пасторомъ для ихъ духовнаго образованія.

Въ *Баваріи* останавливаетъ вниманіе требованіе медицинскаго свидѣтельства въ томъ, что дѣти достигшія 9 лѣтъ, ранѣ котораго приѣмъ ихъ не дозволяется, могутъ быть взяты на фабрику, безъ вреда для ихъ здоровья. Ученье въ школѣ продолжается, по крайней мѣрѣ, два часа въ день, и учащіеся подвергаются ежегодно публичному экзамену.

Въ *Бельгіи*, въ началѣ 1860 г. былъ предложенъ законъ о работѣ женщинъ и дѣтей на фабрикахъ, въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: а) дѣти моложе 12 лѣтъ не должны быть принимаемы ни работниками, ни учениками на мануфактуры, фабрики, заводы и другія промышленныя заведенія и б) женщины и дѣвушки всѣхъ возрастовъ, и работники и ученики не достигшіе 18 лѣтъ, могутъ работать, не болѣе 12 часовъ въ день, не включая время отдыха.

Изъ этого бѣлаго очерка, кажется, позволительно заключить, что ограниченіе работы малолѣтнихъ вовсе не составляетъ *мемлтаннаго* стѣсненія промышленности или *непреодолимаго* препятствія для нея. Сколько извѣстно фабрики Англіи и Франціи ведутъ свои дѣла едва ли не успѣшнѣе русскихъ, пока еще не знающихъ стѣснительнаго и бесполезнаго ограниченія работы дѣтей.

Когда коммисія, учрежденная петербургскимъ губернскимъ начальствомъ, обратилась къ здѣшнимъ фабрикантамъ, и преимущественно къ владѣльцамъ бумагопрядилень, за отзывами объ ограниченіи дѣтской работы, то фабриканты высказали слѣдующія соображенія:

Директоры *Новой* и *Василье-островской* бумагопрядилень

высказали, что считают невозможным не заставлять дѣтей работать ночью, но впрочемъ не представили никакихъ объясненій, почему они имѣютъ такое мнѣніе. Директоръ Новой бумагопрядильни высказалъ затѣмъ, что ограниченіе работы 6 часами въ сутки для самыхъ маленькихъ дѣтей сопряжено буд-то бы съ величайшимъ затрудненіемъ, но не извѣстно, какими именно. Этотъ же директоръ находитъ, что недозволеніе несовершеннолѣтнимъ отъ 14 до 16 лѣтъ работать ночью болѣе 6 часовъ, неизбѣжно остановитъ ночную работу каждой бумагопрядильни. Этотъ директоръ считаетъ маленькихъ дѣтей, необходимыми для фабрикъ потому, что даже дѣти старшаго возраста не имѣютъ необходимой гибкости пальцевъ. Наконецъ, *высчитывая праздники и отлучки рабочихъ*, и, опредѣляя 240 рабочихъ дней въ году, онъ исчисляетъ, что работникъ круглымъ числомъ работаетъ только 8½ часовъ въ день. Директоры бумагопрядильенъ *Невской* и *Охтенской* и г. *Реутъ* объяснили, что считают ночную работу вредной для дѣтей, а г. *Барловъ* съ *Охтенской* бумагопрядильни—что увѣчья рабочихъ случаются болѣею частію ночью, и притомъ издѣлія ночной работы выходятъ гораздо хуже. Управляющій бумагопрядильнею *Големищевыхъ* присовокупилъ, что безъ дѣтей ночная работа не возможна, и что на ней чрезвычайно изнуряются и взрослые такъ, что было бы полезно положить на всѣ, безъ исключенія, фабрики завреть работать ночью.

Гг. *Рейтъ*, *Шай*, директора бумагопрядильенъ *Невской*, наслѣдниковъ *Големищева*, и *Самсоніевской* отозвались, что они находятъ возможнымъ не принимать на фабрики дѣтей ранняго возраста. Директоръ *Николаевской* фабрики говоритъ, что дѣтей лѣтъ 10 можно приучать къ фабричнымъ занятіямъ, но отнюдь не къ машинамъ.

Ночная работа, самая гибельная для дѣтей и для женщинъ, представляетъ чрезвычайно много неудобствъ и для фабриканта. Ночью машины портятся гораздо болѣе, чѣмъ днемъ, потому что присмотръ за ними, очевидно, бываетъ не столь тщательнъ. Ночная работа требуетъ освѣщенія для фабрики, что также ложится на цѣну издѣлій. Кроме того, ночью работа идетъ вяло и, какъ уже сказано выше, издѣлія выходятъ худшаго достоинства. Въ виду этихъ неудобствъ большинство петербургскихъ фабрикантовъ предлагало уничтожить ночную работу, если она

будетъ запрещена для всѣхъ фабрикъ. Дѣло въ томъ , что въ работу ночью, гораздо менѣе выгодную чѣмъ днемъ, фабриканты зарываются, гоняясь за конкуренціею. — Мы не думаемъ, чтобы такое запрещеніе было всегда полезно. Фабрики бывають иногда принуждены работать ночью , спѣша исполнить заказъ къ сроку и пр. Къ тому же, взрослые рабочіе могутъ располагать своимъ временемъ какъ имъ угодно , и здѣсь законодательство не должно мѣшаться. Другое дѣло несовершеннолѣтніе рабочіе, которыхъ развитіе такъ прискорбно останавливается чрезъ ночную работу. Многіе считаютъ полезнымъ, и мы въ томъ числѣ, чтобы ночная работа была запрещена для всѣхъ не достигшихъ 16-тилѣтняго возраста. Подобное запрещеніе будетъ косвенно вліять и на ночную работу взрослыхъ. Бумагопрядильни, въ извѣстныхъ производствахъ, не могутъ дѣйствовать безъ дѣтей, и потому запрещеніе ночной работы дѣтямъ, не достигшимъ 16-ти лѣтъ, затруднитъ, если не остановитъ ночную работу женщинъ и мужчинъ.

Относительно возраста, прежде достиженія котораго дитя не можетъ быть принято на фабрику, надобно замѣтить, что мы находимся въ довольно выгодныхъ обстоятельствахъ. Пока дѣтская работа еще не очень распространилась на фабрикахъ, и потому запрещеніе фабричной работы для дѣтей ранняго возраста не встрѣтитъ особенныхъ пренятствій; съ другой стороны, фабричная работа въ такой степени губельна для развитія маленькихъ дѣтей, что нужно желать по возможности отдаленія срока для приѣмки ихъ на фабрику. Мы видѣли, что иностранныя государства постоянно стремятся къ отдаленію этого срока. По этимъ причинамъ, мы полагаемъ, что запрещеніе приѣма на фабрику дѣтей, не достигшихъ 12-ти лѣтъ, не повлечетъ за собою сколько-нибудь чувствительныхъ стѣсненій для промышленности. Впрочемъ можно постановить, чтобы, при изданіи закона, былъ запрещенъ приѣмъ дѣтей, не достигшихъ 10 лѣтъ, а чрезъ годъ не достигшихъ 11 лѣтъ, и наконецъ еще черезъ годъ не имѣющихъ 12-ти лѣтъ. Съ своей стороны, мы полагаемъ, что такое облегченіе было бы излишне, а между тѣмъ оно можетъ стоить дорого для нѣсколькихъ малолѣтнихъ, которые будутъ взяты на фабрику въ продолженіе этого облегчительнаго срока. При введеніи закона, онъ долженъ быть распространенъ и на тѣхъ малолѣтнихъ, которые уже работаютъ на фабрикахъ, т. е. дѣти, не достигшіе 12 лѣтъ, должны быть удалены. Иначе, на

первое время, явится слишкомъ удобное средство для отступленій отъ закона. Фабрикантамъ ничего не будетъ стоить показать, что дѣти приняты до изданія закона.

Малолѣтніе рабочіе, имѣющіе болѣе 12-ти лѣтъ, но не достигшіе еще 16-ти лѣтняго возраста, не могутъ работать то же число часовъ, какъ и взрослые. Комиссія, о которой мы говорили столько разъ, нашла, что на фабрикахъ, заставляющихъ малолѣтнихъ работать по 13 или 14 часовъ, они имѣютъ такой же изнуренный видъ, какъ и на фабрикахъ, томящихъ дѣтей ночью работою. Ограниченіе ихъ работы можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: дѣти, имѣющія отъ 12 до 14 лѣтъ, могутъ работать на фабрикахъ не болѣе 6 часовъ въ сутки, а несовершеннолѣтніе рабочіе, отъ 14 до 16 лѣтъ, могутъ работать не болѣе 12 часовъ въ сутки. Для тѣхъ и для другихъ работа должна быть раздѣлена часомъ на отдыхъ.

Нѣкоторые производства дѣйствуютъ на здоровье рабочихъ до того разрушительно, что многіе находятъ необходимымъ запретить дѣтямъ, не достигшимъ извѣстнаго возраста, и даже совершеннолѣтнимъ, всякое участіе въ подобныхъ производствахъ. Кроме того, высказывалось мнѣніе, чтобы работа на особенно вредныхъ производствахъ была запрещена для женщинъ. Въ настоящее время, на большинствѣ наиболѣе опасныхъ производствъ, дѣти еще не встрѣчаются, и на фабрикахъ химическихъ, кожевенныхъ, волосяныхъ, газовыхъ, стеклянныхъ, водочныхъ, кожеобжигательныхъ и пр., и пр.,—нѣтъ ни одного малолѣтняго рабочаго. При такихъ обстоятельствахъ, недопущеніе малолѣтнихъ на извѣстныя производства, а тѣмъ болѣе на дурно устроенные заводы, удобнѣе предоставить на усмотрѣніе надзора за фабриками, или, лучше сказать, поручить инспекторамъ фабрикъ дѣлать представленія правительству о запрещеніи работы дѣтей на иныхъ опасныхъ производствахъ, а тѣмъ болѣе на дурно устроенныхъ заводахъ. Напр., табачныя фабрики своею пылью оказываютъ крайне вредное вліяніе на здоровье рабочихъ, но это вліяніе можетъ быть значительно устранено хорошею вентиляціею, уносящею табачную пыль. Инспекторъ фабрикъ можетъ требовать сперва исправленія устройства мастерскихъ, а потомъ, въ случаѣ неисполненія его требованій или невозможности улучшить мастерскія, можетъ войти съ представленіемъ о запрещеніи дѣтямъ работать на дурно-устроенной фабрикѣ. Что касается до взрослыхъ женщинъ, работающихъ на опасныхъ

производствахъ, то запрещеніе подобной работы для нуждающихся въ кускѣ насущнаго хлѣба, можетъ быть гибельнѣе самой опасной работы. Въ извѣстныхъ случаяхъ подобное запрещеніе, пожалуй, столкнетъ женщину изъ мастерской, положимъ вредной для здоровья, въ пропасть самаго чернаго разврата. Имѣя въ виду возможность такихъ послѣдствій, трудно рѣшиться на ограниченіе труда взрослыхъ женщинъ.

Нѣкоторые писатели полагаютъ необходимымъ, чтобы на фабрикахъ мальчики и дѣвочки работали въ отдѣльныхъ мастерскихъ. Подобное правило въ Петербургѣ вовсе не соблюдается. Пользу такого постановленія нельзя отрицать, но оно можетъ быть вводимо только постепенно, и притомъ представляетъ то неудобство, что препятствуетъ пополнять недостающее число рабочихъ въ какой-либо мастерской малолѣтними другаго пола. На первое время можно ограничиться однимъ присмотромъ и наложеніемъ штрафа на провинившихся.

За то нельзя достаточно пожелать, чтобы работа женщинъ была нѣсколько облегчена сравнительно съ работою мужчинъ, такъ, чтобы женщина имѣла время хотя нѣсколько прибрать уголь своего семейства, и заняться мелкими хлопотами по хозяйству. Мы полагаемъ, что фабриканты не встрѣтили большихъ затрудненій для болѣе ранняго отпуска женщинъ съ фабрики, по крайней мѣрѣ, въ субботу.

Почти всѣ законодательства, ограничивающія работу дѣтей, дѣлаютъ для нихъ обязательнымъ посѣщеніе школы, на извѣстное число часовъ въ день. Здѣсь не мѣсто входить въ разсужденія объ обязательномъ обученіи; но нельзя не замѣтить, что фабриканты, пользующіеся трудомъ малолѣтнихъ, нѣсколько обязаны заботиться объ устройствѣ для нихъ школъ, хотя самыхъ первоначальныхъ. Дѣйствительно, петербургскіе фабриканты частію устроили, частію способствовали пожертвованіями, къ устройству вокресныхъ школъ: на Выборгской сторонѣ, у Смольнаго монастыря, на Охтѣ и за Шлиссельбургскою заставой. Устроенныя школы очень ясно показали, что фабричные имѣютъ усердное стремленіе къ грамотности; часто школы бывали переполнены и взрослыми и малыми, и даже принуждены были отказывать нѣкоторымъ приходившимъ за недостаткомъ мѣста.

Впрочемъ всѣ школы, о которыхъ мы говорили—воскресныя—и разумѣется однѣ слишкомъ недостаточны для малолѣтнихъ. Сколько мы знаемъ въ Петербургѣ нѣтъ еще ни одной ежедневной

школы для фабричныхъ. Попытка на устройство подобной школы, сдѣланная за Шлиссельбургскою заставой, показываетъ, что вина въ немнѣннхъ средствъ къ образованію падаетъ отнюдь не на рабочихъ. Преподаватели воскресной школы за Шлиссельбургскою заставой учредили на нѣкоторое время ежедневные утренніе и вечерніе классы, для чего были приглашены два постоянныхъ преподавателя. Замѣчательно, что мальчики, проработавшіе на фабрикѣ около 14 часовъ, несмотря на усталость, спѣшили въ школу, и усердно занимались въ ней до 11 часовъ вечера, а иногда и позже. Такое рвеніе не ослабѣвало во все время существованіе этихъ ежедневныхъ классовъ, несмотря на то, что они не успѣли еще устроиться, и разныя неудобства ихъ чувствовались самими учениками. Ежедневные классы существовали около полугода. Къ сожалѣнію, эта попытка на ежедневную школу не встрѣтила сочувствія со стороны фабрикантовъ, которые, можетъ быть, опасались отвлеченія дѣтей съ фабрикъ на утренніе классы школы.

Когда законъ объ ограниченіи дѣтской работы будетъ введенъ, тогда малолѣтніе уже по-неволѣ отвлекутся отъ фабрики, и тогда, можетъ быть, явится надежда на сочувствіе фабрикантовъ къ ежедневнымъ школамъ.

Мы полагаемъ, что устройство такихъ школъ можетъ быть сдѣлано обязательнымъ для фабрикантовъ. Не для чего требовать, чтобы каждая фабрика имѣла свою собственную школу; было бы весьма достаточно, чтобы каждый фабрикантъ принималъ участіе въ поддержаніи какой-либо школы, въ которую бы ходили учиться малолѣтніе, работающіе на его заведеніи. Фабриканты, имѣющіе фабрики по сосѣдству, сходятся иногда на митинги для принятія одинаковыхъ рѣшеній по нѣкоторымъ вопросамъ. Хозяева, собирающіеся на такіе митинги, могли бы учредить общую школу, подобно тому, какъ фабриканты за Шлиссельбургскою заставой учредили общую больницу.

Школы могутъ имѣть очень хорошее вліяніе на нравственность рабочихъ, и потому, въ поддержкѣ ихъ, фабриканты найдутъ для себя значительную выгоду. Это же вліяніе школы заставляетъ сдѣлать устройство ихъ обязательнымъ для фабрикантовъ, тѣмъ болѣе, что, въ настоящее время, а особенно въ Петербургѣ, очень легко достать способныхъ учителей, разумѣется, за порядочное жалованье, около 500 р. с. въ годъ.

Относительно дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, надобно замѣтить еще слѣдующее грустное обстоятельство. На бумагопрядильныхъ мюльщики получаютъ плату съ пуда, и изъ нея нанимаютъ себѣ мальчиковъ на подмогу. Такой же наемъ дѣтей не самимъ фабрикантомъ, а работниками встрѣчается еще на табачныхъ фабрикахъ. Условія найма дѣтей работниками не извѣстны фабрикантамъ, и, въ случаѣ притѣсненій, малолѣтніе не могутъ найти въ нихъ защиту. Только на *Новой* бумагопрядильнѣ фабрикантъ выдаетъ мюльнымъ мастерамъ для двухъ мальчиковъ опредѣленную плату, которая по этому не зависитъ уже отъ произвола мюльщика.

Устранить обычай найма работниками дѣтей помимо фабриканта, обычай существующій не только у насъ, но и за границею, было бы затруднительно. Работа мюльщика уже слишкомъ близко связана съ работою его мальчиковъ подручнаго и задняго, и мюльщики избираютъ себѣ знающихъ помощниковъ, или же берутъ мальчика на обученіе. Очевидно что въ этихъ случаяхъ плата должна быть различна, и потому опредѣленіе ея со стороны фабриканта не вполне удобно. Достаточно требовать, чтобы условія найма дѣтей работниками были извѣстны фабриканту, чтобы малолѣтніе были занесены въ вѣдомость фабрики, и, въ случаѣ нужды, могли бы найти себѣ защиту у фабриканта. На такое требованіе можно возразить, что условія найма малолѣтняго, фабрикантъ можетъ узнать отъ мюльщика, который скроетъ размѣръ платы мальчикамъ, или отъ самихъ малолѣтнихъ; но послѣдніе не покажутъ правды, вполне завися отъ своихъ нанимателей. Впрочемъ на практикѣ, при нѣкоторой опытности, фабрикантъ всегда можетъ судить о степени справедливости показанія.

Работники, нанимающіе дѣтей, обращаются съ ними часто съ непоимѣрной жестокостію. На *Самсоніевской* бумагопрядильнѣ одинъ мюльничій мастеръ, мальчика, который не подалъ ему воды, толкнулъ такъ сильно, что тотъ упалъ, и разбилъ себѣ голову о рельсы, по которымъ ходитъ мюльная тележка. На *Новой* бумагопрядильнѣ мюльщикъ колотилъ мальчика, не стѣсняясь присутствіемъ одного изъ членовъ правительственной комиссіи.

Подобный произволъ работниковъ, относительно нанимаемыхъ ими дѣтей, долженъ быть ограниченъ. Всякое взысканіе съ малолѣтняго должно быть налагаемо съ разрѣшенія кого-либо изъ фабричныхъ властей, и не мѣшало бы сдѣлать эти взысканія денеж-

ными. За побой дѣтей на самой фабрикѣ мальчишки должны подвергаться усиленнымъ взысканіямъ. На всѣхъ вѣтербургскихъ фабрикахъ тѣлесныя наказанія рабочихъ официальнымъ образомъ уже давно не существуютъ, за исключеніемъ писчебумажной фабрики *в-жи Кайдаковой*. Но за то, грѣшно сказать, чтобы побой рабочихъ были уже слишкомъ большою рѣдкостью, а отсюда слѣдуетъ, что малолѣтнимъ приходится обращаться съ жалобою на побой мальчишка не къ фабриканту, а къ тѣмъ лицамъ, которымъ будетъ порученъ надзоръ за фабриками. Къ сожалѣнію это не совсемъ удобно въ городахъ потому, что инспектирующие, при огромномъ числѣ фабрикъ, не могутъ бывать на нихъ довольно часто, и потому въ городахъ по-неводѣ придется искать защиты у фабриканта, и только въ случаѣ крайности жаловаться надзирающимъ во фабриками.

III. Васнобойшиновъ.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

НА «ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ» Г. ВАРНЕКА, ДИРЕКТОРА
УЧЕБНИЦЪ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Помѣщая письмо г. Варнека, редакція считаетъ себя вправѣ присоединить къ нему нѣсколько словъ для оправданія себя въ «распространеніи лжи», въ которомъ упрекаетъ ее г. Варнекъ. Если бы мы сообщили дѣйствительно невѣрное извѣстіе, то это произошло бы, конечно, неумышленно, благодаря невѣрности источника и г. Варнекъ не только не долженъ имѣть на насъ претензію, но онъ самъ долженъ радоваться тому случаю, благодаря которому онъ получилъ возможность опровергать извѣстія, далеко распространившіяся, въ протоколѣ сѣзда тверскаго дворянства.

Но мы находимъ, что опроверженія, представленныя г. Варнекомъ, далеко неудовлетворительны. Не будешь говорить о мелкихъ его возраженіяхъ, будто бы коллекція минераловъ, подаренныхъ г. Глицкою, служить пособіемъ при преподаваніи минералогіи *вовлечь* не можетъ, потому что большая часть ихъ принадлежитъ къ породамъ, составляющимъ *цѣлыя толщи земной коры нашей планеты*, что другіе принадлежатъ къ тѣмъ минералогическимъ особямъ, которыми *одѣлены всѣ губерніи средней полосы Россіи* *. Оставимъ въ сторонѣ и то, что мине-

* Замѣтимъ, впрочемъ, что если и допустить, что минералы, о которыхъ идетъ рѣчь, составляютъ *цѣлыя толщи земной коры нашей*

ралы, находясь у эконома, может быть тоже находится въ подвалѣ, или на чердакѣ, и что, слѣдовательно, наше извѣстіе все-таки можетъ быть истиннымъ; несомнѣнно-истинно оно уже потому, что минералы находятся не въ минералогическомъ кабинетѣ, а у эконома, т. е. въ другомъ и притомъ неизвѣстномъ мѣстѣ. Пусть приношенія г. Глинка незначительны; а приношенія его предшественника кн. Голицына значительны; не смѣемъ не согласиться и съ тѣмъ, что дѣйствія г. Варнека «всегда были, какъ самъ онъ говоритъ, открыты и чисты» и что въ этомъ «г. почетный попечитель неоднократно могъ убѣдиться». Мы обратимъ вниманіе на то, что считаемъ болѣе существеннымъ; а прежде всего выразимъ свое удовольствіе о томъ, что извѣстія объ улучшеніи пици гг. Бровцынымъ и Глинкою, оказывается, по словамъ г. Варнека, несправедливо; очень рады, что доставили г. Варнеку средство опровергнуть это извѣстіе, распространяемое дѣйствительно очень далеко. Не такъ удачны другія опроверженія г. Варнека. Напримѣръ, въ нашихъ извѣстіяхъ сказано было, что попечитель не могъ имѣть никакого вліянія на нравственное вліяніе учениковъ; г. Ненсбергъ утверждаетъ, что надзоръ за учениками недостаточенъ, въ тоже время г. Глинка жалуется, что онъ не могъ заступиться за исключаемыхъ учениковъ. Г. Варнекъ въ отвѣтъ на это пишетъ, что ученики были исключаемы за повторенное употребленіе спиртныхъ напитковъ и за безнравственное вліяніе на товарищей; притомъ они исключены по опредѣленію совѣта. Намъ кажется, что это употребленіе спиртныхъ напитковъ и притомъ повторенное, прямо указываетъ на недостатокъ надзора. Что же это, въ самомъ дѣлѣ, за пансіонъ, въ которомъ ученики пьютъ спиртные напитки? Г. Варнекъ очень часто ссылается на уставъ, которымъ опредѣлена власть директора; мы не знакомы хорошо съ этимъ уставомъ, но намъ кажется, что, по самой сущности дѣла, директору не только принадлежитъ власть, т. е. право, но на немъ лежатъ и обязанности, а первую его обязанностью должно быть дѣятельное нравственное руководство учениковъ. Исключить ученика согласно со статьями гимназическаго устава ниче-

планеты, и распространены въ средней Россіи, отъ этого они не теряютъ научнаго значенія, и ученики внѣ гимназій могутъ ихъ со-всѣмъ не встрѣчать (это слюда, тальковый сланецъ, каменный уголь, гранитъ, сіенитъ, гнейсъ и пр.). Притомъ, видѣвши ихъ на дорогѣ, они все-таки не будутъ имѣть научнаго понятія о нихъ.

го не стоитъ и для этого не нужно ни образованія, ни педагогической опытности. А отъ директора требуется именно это; слѣдовательно онъ долженъ не исключать только, а предупреждать исключеніе, онъ долженъ имѣть нравственное вліяніе на вѣранныхъ ему дѣтей такое, которое могло бы парализировать «безнравственное вліяніе товарищей», — которое не допустило бы возможности образованія такого вліянія. Такииъ образомъ получить смыслъ недовольство г. Глинки на то, что онъ не могъ имѣть достаточно вліянія на учениковъ. Очевидно, его не было ни съ какой стороны; и Ф. Н. Глинка извѣстенъ на столько благородствомъ своихъ убѣжденій, что очень естественно предположить съ его стороны желаніе имѣть вліяніе на учениковъ для ихъ же пользы. А между тѣмъ на дѣлѣ было то, что исключеніе учениковъ стало повторяться часто; этого извѣстія г. Варнекъ не опровергаетъ; потому мы его принимаемъ какъ истинное. А оно очень ладитъ со всѣмъ взглядомъ, который мы высказываемъ на дѣло, и подтверждаетъ его.

Что касается до того, что ученики были исключаемы по опредѣленію совѣта, это возраженіе не имѣетъ большаго значенія. Мы хорошо знаемъ, что многіе педагогическіе совѣты ничего не дѣлаютъ, да и не могутъ ничего дѣлать, кромѣ исполненія воли предсѣдателя, т. е. директора; и вотъ почему: учителя гимназій поставлены въ такую зависимость отъ директоровъ, что должны обыкновенно соглашаться съ ними. Ихъ настоящее и будущее зависятъ рѣшительно отъ директора, такъ имъ ли поднимать голосъ противъ директора? Если находятся такіе храбрцы, такъ ихъ обыкновенно упекаютъ куда-нибудь, такъ что власти директорской очень легко дать названіе диктаторской, какъ она и называется въ протоколѣ. Доказательство мы найдемъ въ самомъ письмѣ г. Варнека. Онъ говоритъ, что г. Ненсбергъ, докторъ гимназіи «благодаря моему (т. е. г. Варнека) представленію, за довольно важныя, съ его стороны, упущенія во службѣ, по приказанію высшаго начальства, долженъ былъ водать въ отставку». Вѣдь самъ г. Варнекъ, конечно, не медикъ; и конечно ему было не легко замѣтить упущенія по службѣ со стороны г. Ненсберга и выставить ихъ, а между тѣмъ онъ написалъ представленіе; и г. Ненсбергъ лишился мѣста. Если бы г. Варнекъ рѣшился написать подобное представленіе о какомъ-нибудь преподавателѣ, то онъ успѣлъ бы гораздо болѣе. И оче-

видно, каждый из преподавателей находится постоянно под страхом подобнаго представленія; другіе рассчитывают на представленія другаго рода — на счет награды, крестика и т. п. Такъ кому же остается спорить съ директоромъ?—Очевидно никому.

Кстати скажемъ, что всѣ тѣ данныя, которыя г. Варнекъ приводитъ, какъ обвинительныя факты противъ г. Ненсберга, намъ не кажутся такими *, равно какъ опроверженіе мѣнія г. Ненсберга о томъ, что ученики простуживаются отъ недостатка надзора, намъ не кажется довольно сильнымъ. Если въ самомъ дѣлѣ форма и всѣ подробности одежды и опредѣлены уставомъ, то во 1-хъ можно во время холодовъ не пускать пансіонеровъ гулять въ такой одеждѣ, которая по уставу недостаточно тепла; это уже зависитъ отъ гимназическаго начальства; а во 2-хъ можно сдѣлать представленіе куда слѣдуетъ, объ измѣненіи одежды въ видахъ сохраненія здоровья учениковъ; это дѣло крайней-мѣрѣ столько же важно, какъ и перемѣна доктора. Вообще возраженія г. Варнека, содержащіяся въ его письмѣ, намъ не кажутся довольно сильными, и не опровергаютъ всѣхъ тѣхъ извѣстій, которыя мы сообщили прежде. Мы напечатали письмо г. Варнека со всѣми упреками, которые онъ относитъ и къ намъ самимъ. Если бы мы были убѣждены, что мы не были правы, то мы безъ дальнихъ словъ просили бы г. Варнека извинить насъ за напечатаніе ложныхъ извѣстій, хотя и ненамѣренное. Къ сожалѣнію, этого мы не можемъ сдѣлать. Кромѣ доказательствъ въ пользу нашихъ извѣстій, содержащихся въ самомъ письмѣ г. Варнека, во всей общности этого дѣла, мы ссылаемся на фактъ, не подлежащій сомнѣнію (напечатанный въ газетахъ), именно на то, что тверское дворянство просило о разширеніи правъ почетнаго попечителя гимназій? Чѣмъ было вызвано это прошеніе? Тѣмъ, что г. Глинка отказывался отъ обязанностей попечителя. — Почему же онъ отказывался? — Мы сказали, что его убѣжденія, благородство его характера извѣстны, и безъ причины отказываться онъ не сталъ бы; слѣдовательно, тутъ что нибудь да есть. Факты, описанные изъ далека, могутъ оказаться не совсѣмъ вѣрны въ подробностяхъ, но въ тоже время они могутъ быть вѣрны своею сущностью — значеніемъ.

* Если только въ нихъ и состоятъ тѣ упущенія по службѣ, за которыя онъ лишонъ мѣста, то объ этомъ надобно только жалѣть.

ОТЖИВАЮЩІЯ ВОЗЗРѢНІЯ.

Чтеніе изъ «Русской Исторіи (съ исхода XVII вѣка).» П. Щебальскаго. Выпускъ 1-й и 2-й 1861 г. 3-й 1862 г. с.-п.-б.

Первые русскіе историки, изъ нѣмцевъ, слѣдя за административными постройками, формами учрежденій, громкими сраженіями и рельефомъ личностей, не обращали вниманія на низшій слой жизни и не могли тутъ подмѣтить самобытныхъ живыхъ ростковъ, ихъ самостоятельнаго древняго развитія; поэтому они мучили слухъ по міру, что въ русской жизни ничего нѣтъ своего; народъ все время спалъ неподвижно и во снѣ ему грезались безобразныя видѣнія. Они сочли его даже негоднымъ къ самостоятельной порядочной жизни, отъискали къ немъ природную страсть къ лѣни, бродяжничеству, воровству, доносамъ и такъ далѣе.

Съ голоса иностранцевъ и наши доморощенные историки прибавляли къ открытымъ ими недостаткамъ новыя, по своему благоусмотрѣнію. Они не хотѣли знать, или вникнуть поглубже, въ жизнь народа, не обращали вниманія на неестественное положеніе, въ которомъ онъ не могъ вздохнуть свободно и повести вокругъ себя смѣлыми глазами; не замѣчали тѣхъ цѣпей, которыми его сковали по рукамъ и по ногамъ, и съ досадою кричали: зачѣмъ онъ не разойдется богатырскими шагами, благо есть мѣсто гдѣ развернуться ему, особенно послѣ сильнаго толчка чародѣя-царя?...

Въ послѣднее время, наконецъ сознали, что писать историческія изслѣдованія не значитъ—высчитывать только шаги и размахи

горсти лицъ, вести болѣе или менѣе красиво перечень побѣдъ безполезныхъ, слѣдугъ за формами учрежденій гражданскихъ и т. п. сознали, что въ исторіи должна быть на первомъ планѣ жизнь народная съ ея проявленіями и развитіемъ, со всѣми ея особенностями. Отсюда и въ древней жизни русскаго народа стали открываться плодотворныя начала, которыя хранить народъ доселѣ и готовъ приняться за ихъ развитіе; а нововведенія, при виѣшней ломкѣ и перестройкѣ, мало доставили ему существенныхъ выгодъ, и потому онъ отказался принять ихъ. Съ этой точки зрѣнія русская исторія является въ новомъ и настоящемъ свѣтѣ, и при разработкѣ общаетъ много данныхъ, которыми легко воспользоваться для практическихъ цѣлей развитія народа.

Наши историки отъ такого оборота историческихъ воззрѣній поставлены теперь въ горькую необходимость или отказаться отъ старыхъ своихъ изслѣдованій и принять убѣжденія современные, или остаться съ прежними отживающими воззрѣніями и объявить войну новымъ взглядамъ. Нѣкоторые уже чувствуютъ свое пеловкое положеніе и прибѣгаютъ къ странной уловкѣ въ своихъ изслѣдованіяхъ: чтобы не показаться отсталыми, они дѣлаютъ небольшія уступки въ пользу началъ народной жизни, останавливаются на проявленіяхъ ихъ, и все-таки остаются при прежнихъ своихъ отживающихъ воззрѣніяхъ на русскую жизнь и исторію. Уловки выходятъ довольно-занимательныя: какъ ветераны науки, они слегка похваляютъ новыя историческія розысканія, но говорятъ, что они только вѣроятны или возможны и не проведены еще сквозь горнило ученой критики.

Къ числу подобныхъ изслѣдователей русской старины, мы можемъ не грѣша присоединить г. Щебальскаго. Многимъ вѣроятно, памятна еще его статья: «Донось и доносчики», помѣщенная въ окт. книжкѣ Отеч. Зап. Довольно было курьезнаго въ этой статейкѣ, но особенно намъ понравилось обвиненіе цѣлаго русскаго народа въ шпіонствѣ. «Страсть или привычка къ доносамъ, философствуетъ почтенный авторъ, есть одна изъ выдающихся сторонъ въ характерѣ нашихъ предковъ».

Это положеніе показалось такъ смѣло, что сами же Отеч. Записки поспѣшили разъяснить въ слѣдующей книжкѣ, что доносъ вовсе не страсть да и не привычка, хотя г. Щебальскій въ своей статьѣ подпиралъ знаменитый свой выводъ и юридическими

намятниками и рядомъ слѣдственныхъ старинныхъ дѣлъ. Для насъ тоже оказались не убѣдительными его доводы. Сначала онъ оговорился что не беретса рѣшить и сомнѣвается даже, можно ли положительно сказать—жизнь ли дала матеріалъ о доносахъ законодательству, или изъ законодательства перелилась въ жизнь несчастная привычка къ доносамъ; а потомъ вдругъ рѣшаетъ самымъ положительнымъ образомъ, что доносы существовали въ жизни и были чуть-ли не лакомствомъ для русскаго человѣка, а отсюда перешли въ законодательство. Г. авторъ находитъ законъ о доносахъ въ уложеніи 1649 года и прибавляетъ, что этотъ кодексъ произвольно составленъ, а заключаетъ въ себѣ опыты жизни, соображенъ съ нуждами и потребностями народа, такъ какъ онъ сочиненъ выборными всей земли русской. Значить, они внесли изъ жизни и законъ о доносахъ въ статью, о государевой чести, какъ оберегать многолѣтнее здравіе его. Г. Щебальскій не много промахнулся въ этомъ случаѣ, не припомнилъ, что при древнихъ вѣчевыхъ учрежденіяхъ, круговой поруки и свободѣ голоса народнаго, не было никакой нужды въ доносахъ, когда можно было говорить все гласно міру или вѣчу. Доносы и происки стали проявляться и сдѣлались необходимою при развитіи централизаціи, когда нужно было зорко слѣдить съ одного пункта, что дѣлается въ разныхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. Тогда потомъ установлена особая должность фискаловъ, которые, по словамъ г. автора, разсыпаны были по Россіи щедрою рукою, поддерживали и развивали систему доносовъ, конечно, люди бездарные или расчетливые, которые на этомъ конькѣ старались попасть въ милость и выѣхать въ люди. Что же касается до практичности уложенія, то мы не признаемъ его правилъ и пунктовъ, вышедшими изъ потребностей жизни: этотъ законодательный кодексъ составляли нѣсколько лицъ и, разумѣется, по мысли царя, большею частію цѣликомъ заимствовали правила изъ старинныхъ узаконеній и указовъ. Выборные же призваны были только послушать и руки приложить; а кто протестовалъ и не хотѣлъ признать его жизненнымъ, того посылали въ ссылку; такъ князь Львовъ и компанія болѣе чѣмъ изъ 150 лицъ отправлены были за протестъ въ соловецкое заточеніе. — Слѣдственные дѣла, представленные г. Щебальскимъ, опять-таки не кладутъ пятна на народъ, будто «страсть или привычка къ доносамъ были въ характерѣ нашихъ предковъ» да при томъ еще одною изъ выдающихся сторонъ. Въ статьѣ «Доносы и доносчики» собра-

ни факты, какъ воры и мошенники, избывая пытки и наказания, съ цѣлью улизнуть изъ тюрьмы, дѣлали доносы и оговоры невинныхъ лицъ, какъ пьяные моваяи слурю и снѣгну кричали «слово и дѣло» и проспавшись не помнили ничего. Очень понятно, что, на основаніи такихъ данныхъ, нельзя утвердить въ цѣломъ народѣ страсть или привычку къ доносамъ. Да если теперь разобратъ какой-нибудь архивъ уголовныхъ дѣлъ; то, по логицѣ г. автора, можно придти къ грустному заключенію, что въ массѣ народа воръ на ворѣ сидитъ, разбойникъ разбойникомъ погоняетъ, можно пожалуй опять отыскать страсть или привычку къ доносамъ. Но самъ же г. Щебальскій утѣшаетъ насъ въ своей статейкѣ, что доносы существовали, ни больше ни меньше, какъ именно 150 лѣтъ тому назадъ. Таковъ взглядъ г. автора на русскій народъ.

Недавно вышелъ 3-й выпускъ «Чтеній изъ русской исторіи (съ конца XVII вѣка)», въ которомъ рассказъ оканчивается царствованіемъ Петра Великаго. Мы кстати взглянемъ на всѣ три выпуска Чтеній, и постараемся познакомить нашихъ читателей съ воззрѣніями г. автора на русскій народъ по подробнѣе.

Въ предисловіи г. Щебальскій высказываетъ что онъ не гонится за двумя цѣлями, назначаетъ свою книгу не для изученія, но для чтенія (каково различіе!). Тонъ разсказа и самое содержаніе, говоритъ онъ, я старался примѣнить къ понятіямъ молодыхъ людей отъ 13 до 15 лѣтъ. «Онъ желалъ имъ дать» такую книгу, которая соотвѣтствуя современному состоянію исторической науки, обнимала бы подробности предмета, изображала бы, съ возможною выпуклостью, личности историческихъ дѣятелей, передавала бы происшествія съ драматическою занимательностію, представляла бы духъ времени и колоритъ шѣственности... Я старался держаться въ ровномъ разстояніи отъ чисто ученаго изслѣдованія и отъ романа, не позволялъ себѣ ни искажать фактовъ, ни представлять историческихъ явленій въ ложномъ свѣтѣ, но допускалъ черты, которыя не позволилъ бы себѣ помѣстить въ чисто-серьезномъ трудѣ. Впрочемъ, всѣ тѣ извѣстія, которыя не проведены еще сквозь горнило ученой критики, все, что не признано *достовернымъ*, а кажется только *вѣроятнымъ и возможнымъ*, изображено въ видѣ наведеній, слуховъ, толковъ и т. п.; внимательный читатель (отъ 13 до 15 лѣтъ?) легко отличить эти полутоны.

Такъ вотъ какую задачу имѣлъ г. Щебальскій при составле-

ни своихъ чтеній. Онъ не задавалъ себѣ труда ученаго изслѣдованія, но все-таки долженъ былъ держаться опредѣленнаго взгляда и разъяснить явленія историческія, откуда и какъ они вытекали. А теперь маленькій читатель, не смотря на живость разсказа, не пойметъ живучей борьбы началъ старыхъ съ новыми, потому-что у г. автора точно прорыта непроходимая каньона между старою и новою Россією. Прослѣдите вкороткѣ за взглядомъ его, и вы повѣрите словамъ нашимъ: Россія 200 лѣтъ тому назадъ было «государство огромное, но безобразно растянутое отъ запада къ востоку, вдоль пустынныхъ, печальныхъ, сѣверныхъ морей», съ сосѣдями у этого государства были безпрестанныя войны, торговыхъ сношеній не было, какъ дѣлается теперь; дороги были не безопасны; промышленность была самая ничтожная, земледѣіемъ занимался каждый на столько, чтобы прокормиться съ семействомъ своимъ. Простой народъ жилъ не иначе какъ въ курныхъ избахъ; города были крыты соломой, «наши предки, какъ народы непросвѣщенные», трудиться не любили, учиться не видѣли надобности, и по этому болѣе просвѣщенные иностранцы называли не безъ основанія Россію *дикою Московією*... Темнымъ угломъ была въ теченіи долгаго времени Россія; она даже затворила дверь отъ этого свѣта, который представлялся ей опаснымъ и вреднымъ; но наконецъ очередь и до нея дошла; въ XVII вѣкѣ замѣтны проблески какого-то отдаленнаго свѣта (?); замѣтны начатки чего-то новаго (?) и, еще болѣе, замѣтно недовольство старымъ. Правительство и церковь недовѣрчиво смотрѣли на это движеніе и старались его сдерживать (совершенно на оборотъ: правительство первое пошло за нововведеніями, даже ранѣе Годунова!); но вотъ явился государь, который не только далъ ему ходъ, но и двинулъ его съ необыкновенной силой. Это былъ Петръ I. Въ заключеніе г. авторъ пишетъ тоже самое, только не много по-фразистѣе: «Къ концу XVII ст. Россія дошла до такого пониженія (а отъ чего жъ она понизилась-то? вотъ любопытно бы прослѣдить!), что долѣе оставаться въ немъ она не могла; съ нею могло бы случиться то, что случилось въ наше время съ Турцією и съ Китаемъ: цивилизація была бы навязана ей силою. Отъ такой печальной участи ее спасъ Петръ: онъ самъ призвалъ въ Россію европейскую цивилизацію. Часть народа замкнулась въ свое невѣжество», возненавидѣла унавишія на нихъ лучъ свѣта, другіе и отчасти самъ царь увлеклись под-

ражаніемъ. Слѣды того и другаго направленія не изгладились даже и въ настоящее время. Люди благоразумные впрочемъ съ любовью отыскиваютъ добрыя начала въ нашемъ прошедшемъ, не презирая сближенія съ Европою». (В. III, стр. 116).

Намъ кажется, вотъ съ очерка этихъ-то добрыхъ началъ и нужно было г. автору повести дѣло: тогда бы яснѣе представилось, что, по-видимому, глупое невѣжество массъ и безсмысленная приверженность къ старинѣ, отвращеніе отъ иноземнаго, какъ еретическаго, имѣли основаніе и вытекали изъ самаго хода дѣла: насильно заставить мыслить человѣка иначе, жить не по своему разумнью, дѣйствовать по приказу — совершенно не возможно, не убивъ въ немъ всего святаго, жизненнаго, не лишивъ его способности къ полезной дѣятельности. Стало-быть у народа упорство вытекало не изъ тупости и невѣжества, а изъ мысли, что жизнь не переломишь по своему хотѣнью, что лучше оставаться при своемъ бытѣ, честно трудиться, приносить относительную пользу, чѣмъ быть своекорыстнымъ, эгоистомъ, заведенной машиной.

«Потомъ наступило время—пишетъ г. авторъ—когда и Россія стала, порою, оказывать вліяніе на другіе народы, правда, болѣе силою оружія, нежели мыслью; но доростемъ наконецъ и мы до своихъ старинныхъ братій и въ просвѣщеніи и въ благоустройствѣ, и къ намъ будутъ иностранцы пріѣзжать учиться и перенимать! А для этого надо намъ учиться и учиться» (стр. 59. 1-й). Фантазируя о будущемъ, г. Щебальскій держится совершенно своеобразнаго взгляда: онъ и похваливаетъ слегка старину, и видитъ въ ней страшный застой, отъ котораго могли спасти ее только европейская цивилизація. Плоды нововведеній разумѣется, онъ сильно похваливаетъ и въ то же время говорить, что много между ними было гнилыхъ и горькихъ. Впрочемъ, касаясь злоупотребленій или особенно рѣзкихъ недостатковъ новой цивилизаціи, г. авторъ не удержится, чтобы не прибавить, что они были въ духъ времени, или въ нравахъ того общества, а иногда старается оправдать тѣмъ, что и въ остальныхъ европейскихъ странахъ то же дѣлалось; не мы, дескать, одни грѣшныя. Вотъ для обрачика: «Въ понятіяхъ того времени, не только у насъ, но и во всей Европѣ, не было никакого средствъ добиться истины, какъ посредствомъ страшнѣйшихъ истязаній наши пытки, по-крайней-мѣрѣ, не были столь разнообразны, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ земляхъ» (1 стр. 132). Шереметовъ

разорилъ мирныя села и деревни— «обычай варварскій, но въ тѣ времена всеобщій...» Если Петръ замѣчалъ за кѣмъ влутовство, тому не миновать, бывало, царской дубинки... да, дубинки— какъ быть? другой вѣкъ, другіе нравы!» (II, стр. 81, 88) и проч. Любить также г. Щербальскій по-временамъ свернуть приличную сентенцію, и мы изъ этого заключаемъ, должно быть, онъ уже не молодъ. Вотъ, напримѣръ, какого свойства эти сентенціи моральныя: «Кровь гражданина должна проливаться только въ честномъ бою противъ враговъ вѣнскихъ!... Казнь эта была вполне справедлива, потому-что заговорщики вездѣ наказываются!» О мятежѣ донскихъ казаковъ при Булавинѣ замѣчено: «это было явное возстаніе, какого ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ терпѣть невозможно!» и т. д. Читая книжки, замѣчаемъ въ авторѣ солидность и степенность; у него вездѣ проглядываетъ *золотая середина* и въ разсужденіяхъ о самыхъ интереснѣхъ вопросахъ все прилично и сглажено, вездѣ полутоны, недомолвки. Не имѣя строго-опредѣленнаго взгляда, онъ хочетъ угодить, чтó называется, и нашимъ и вашимъ; народа съ его самобытными началами и требованіями онъ почти не касается; а если заговорить, то не къ его чести; онъ слѣдитъ за расширеніемъ вѣншей стороны государства, административной Россіи и не показываетъ молодымъ читателямъ: въ какомъ же отношеніи стояла жизнь массы къ этимъ постройкамъ государственнымъ, и чѣмъ же дороги эти формы, если онѣ тяжело ложились на жизнь? Правда, онъ часто рисуетъ вредъ вами и раскольника, и недовольнаго бѣглеца-разбойника, но тутъ дѣло опять не просто: это — отверженники общества, фанатики безмысленные и т. д.

Рисуя въ краткомъ очеркѣ царствованіе Алексѣя Михайловича, г. авторъ прибавляетъ, что оно было несчастливо: войны были довольно-удачны; по миру съ Польшей отходили три губерніи, «а главное—колыбель Россіи, Кіевъ; еще болѣе важнымъ дѣломъ было присоединеніе Малороссіи: это было дѣло славное и выгодное. Но, съ другой стороны, въ это царствованіе Россію постигали разныя несчастія: голодъ, пожары, моровыя повѣтрія; *какое-то темное неудовольствіе* жило въ народѣ (ясно для дѣтей?), который безпрестанно волновался; то тутъ, то тамъ вспыхивали мятежи; и если власти не успѣвали принять быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, то эти мятежи сильно и жестоко разгорались, какъ, напримѣръ, бунтъ Стецьки Разина» (стр. 18 в. I).

Отчего же народъ былъ недоволенъ и постоянно водновался? Отчего разгарались мятежи и разбои? Не думаемъ, чтобы просвѣщенный авторъ, давно извѣстный въ литературѣ, не зналъ положительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ; престо, ему, кажется, не хотѣлось открывать настоящей причины дѣлъ. Но это совершенно напрасно: она съ величайшимъ удовольствіемъ читаетъ книжку г. Костомарова: «Бунтъ Стеньки Разина». Вѣдь и въ царствованіе Петра Великаго разбои не только не уменьшились, но усилились и охватили всю Россію, только появленія ихъ были отрывочны; силы разбойниковъ не соединялись и не обнаруживались въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, каковъ былъ бунтъ Разина. «Темное неудовольствіе» жило въ народѣ и разбои продолжались во весь XVIII вѣкъ, какъ ни старались подавлять ихъ — стало-быть, это явленіе историческое и должно имѣть смыслъ; а г. Щебальскій не обратилъ на него вниманія, тогда какъ страницы о разбойникахъ могли бы быть занимательными для дѣтей, заключая въ себѣ много драматизма и затрогивая воображеніе ихъ. А у г. автора эти заявленія народной силы остались пропущенными и необъяснимыми, точно также, какъ появленіе цѣлыми тысячами бѣглыхъ. Упомянуто вскользь, что бѣглецы толпами уходили изъ русскихъ областей къ вольнымъ казакамъ отъ господскихъ работъ и отъ военной службы; но г. авторъ, кажется, думаетъ, что это отъ дѣли — и дѣло же совсѣмъ чистое; а впрочемъ, онъ прямо не высказываетъ. По нашему же мнѣнію, нужно бы разсказать по-подробнѣе, что въ бѣствѣ и разбояхъ народъ заявлялъ свои права, давалъ знать о своемъ недовольствѣ господствующимъ порядкомъ. Точно также и бѣжалъ народъ въ глухіе лѣса, въ Сибирь, скитался по пустынямъ, уходилъ тысячами за предѣлы Россіи, въ Турцію, Персію, въ Литву, Польшу, Швецію и пр. не отъ вольной же и льготной жизни, а отъ тягостей, которыя ему ввалили на плечи. Широкое явленіе раскола тоже водъ перомъ г. Щебальскаго съузилось: онъ объясняетъ происхожденіе его по методу давно брошенному, именно, что раскольники отказались отъ повиновенія церкви и правительству потому, что сочли богохульствомъ и неправленіе ошибокъ въ церковнобогослужебныхъ книгахъ, такъ что мальчику можетъ показаться раскольническая община чѣмъ-то въ родѣ стада барановъ (стр. 19 — 21). И здѣсь г. авторъ опять-таки прикидывается послѣдователемъ современнаго взгляда на расколъ, и въ тоже время въ раско-

лѣ видѣть одинъ фанатизмъ, одно невѣжество. Говоря о томъ, что раскольниковъ подвергали жестокимъ мученіямъ и смерти, въ надеждѣ устрашить сектаторовъ, г. Щебальскій прибавляетъ: и это поражало умы самихъ православныхъ, которые, по своему непрестѣпенію, не въ состояніи были оцѣнить заблужденій старообрядцевъ, и говорили: «видно ихъ вѣра и впрямъ хороша, когда они идутъ за нее на мученія и на смерть...» Распространеніе образованія между знатными отодвинуло старообрядство въ ту часть русскаго народа, «надъ понятіями которой еще лежитъ густая тьма» (стр. 55). Во 2-мъ выпускѣ г. авторъ рисуетъ и малозависимую жизнь бѣглецовъ-раскольниковъ, вдали отъ воеводъ и подъячихъ, отъ преслѣдованія духовенства и строгой власти помѣщичьей; они откупались деньгами, если ихъ начинали подчинять общему порядку» (Стр. 48 — 9). Значитъ, жизнь ихъ, вдали отъ стѣснительныхъ порядковъ, была несравненно лучше и эти порядки парализовали свободное развитіе общины, ея торговля и промышленности. «Такая жизнь (вольная) по словамъ г. Щебальскаго, соблазняла многихъ и служила приманкою, особенно когда новыя требованія Петра и огромныя предпріятыя имъ работы легли на народъ новою тяжестью. Такимъ образомъ вовсе непонятно, находятъ ли г. авторъ въ раскольникахъ что-нибудь хорошее, или, кромѣ дичи, ничего не видятъ въ нихъ. Народъ, по его взгляду, готовъ былъ всѣ распоряженія Петра считать еретическими, потому-что народъ глубоко-вѣрующій не любилъ царя-нововводителя»; а мы всѣ очень хорошо знаемъ, что все, что ни дѣлаетъ человекъ, который намъ не нравится, кажется дурнымъ и неприятнымъ» (стр. 99). Вотъ вамъ и объясненіе, почему тысячи народа сожигались, а тысячи жгли и казнили, и они, задыхаясь, пѣли гимны и считали себя гонимыми страдальцами за правду. Опять не объяснено, почему они свои мнѣнія считали правыми, а нововведенія—ересью; отчего «слава петровскихъ побѣдъ, начинавшаяся величіе Россіи, первые ростки просвѣщенія возбуждали въ станѣ раскольниковъ только ожесточенныя выходки, горькое порицаніе?» Неужели виновата одна бессмысленная приверженность къ старинѣ? Во всемъ г. Щебальскій преслѣдуетъ формы, «какъ дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый», формы административной Россіи и не хочетъ знать жизни, ея борьбы и развитія. Въ этомъ отношеніи его «Чтенія изъ русской исторіи» не далеко ушли отъ устряловскаго учебника, который мы имѣли несчастье

зазубривать на память до слезъ: тѣ же громкія фразы о небѣдахъ и нашей политикѣ, тѣ же приемы и сродный ему тонъ. Конечно, его книжки заслужили бы похвалы, еслибы издамы были лѣтъ десять назадъ; а теперь ужь мертвая формальность въ исторіи вышла изъ моды, и безъ уясненія началъ древней народной жизни непонятна исторія Россіи. Часто и г. Щебальскій касается жизненныхъ вопросовъ, но обходится съ ними довольно-странно: намекаетъ да и сирячется. Въ разсказахъ о стрѣлецкихъ бунтахъ г. авторъ тоже вѣренъ себѣ; онъ представляетъ, что пружиной ихъ были происки Софіи и ея приверженцевъ или, лучше, любимцевъ. Но объяснять народныя явленія дѣломъ интриги одного лица очень забавно: почему же народная партія была на сторонѣ Софіи, а не Петра? и неужели народъ былъ такъ глупъ, что одна хитрость и пронырство самолюбивой Софіи возбуждали симпатіи стрѣльцовъ и поджигали ихъ энергію? Нѣтъ; стрѣльцы, какъ представители силы народной, видѣли въ царевнѣ умную и дѣльную правительницу, которая имѣла желаніе поддержать массы и помочь въ ихъ тягостномъ положеніи. Самъ же г. авторъ разсказываетъ, что она открыто выходила къ народу и говорила съ нимъ умныя рѣчи; народъ привыкъ ожидать отъ нея ласки и справедливости, а это фактъ многозначительный. Даже когда Петръ былъ царемъ и заключилъ Софію въ монастырь, возмущеніе стрѣльцовъ опять было въ пользу ея: стало-быть народъ не напрасно стремился возстановить ее, презирая нововведенія Петра. Всѣ бунты стрѣлецкіе были не безъосновательной вспышкой мятежнаго духа, а имѣли смыслъ и цѣль — возвратиться къ порядку старому, жизненному, народному. Стрѣльцы вооружались противъ вопіющихъ злоупотребленій бояръ и своихъ начальниковъ: они насмотрѣлись на темныя дѣянія этихъ враговъ жизни народной, которые только и имѣли предъ собой личныя цѣли, оторвались отъ жизненныхъ корней, стали чуждаться началъ и обычаевъ старинной жизни, какъ «отпадшее яблоко дерево» — по выраженію Шакловитаго, тапули все въ свой карманъ. За это-то самоуправство и эгоизмъ, отнятіе жалованья и т. п., Стрѣльцы вмѣстѣ съ народомъ не терпѣли «семибоярщины», и зная сельможъ за измѣнниковъ народной жизни и своекорыстныхъ лицъ, отъ которыхъ можно ожидать всего худаго, легко взволновались изъ за молвы, будто Нарышкины удушили царевича Юанна. Къ чему же послѣ этого фразы: агенты Софіи трубили въ уши по стрѣлецкимъ слободамъ! «Тамъ

на бойкихъ аргамакахъ извивались коварные вѣстники (?) и разжигали стрѣльцовъ!» (стр. 44). Да вѣдь и то нужно прибавить, что стрѣльцы не такъ безсмысленно дѣйствовали, какъ представляетъ г. Щебальскій, называя ихъ янычарами; они стояли за правду, какъ ее понимали, хотѣли «извести измѣнниковъ царскаго рода» и успокоивались, когда говорили съ ними толково, тихо и ласково, какъ дѣлала Софія и Матвѣевъ (стр. 45). И самъ г. авторъ замѣчаетъ, что во время бунтовъ «грабить и особенно воровать стрѣльцы не позволяли: нѣсколькимъ человѣкамъ, пойманнымъ въ кражѣ, отрубили головы». Такъ ужъ ненужно было бы и прибавлять тутъ же, что «страданіе и смерть нѣкоторыхъ веселила мучителей», что они неистовствовали, что это была пьяная, шумная ватага, буйныя толпы» и т. д. (стр. 49, 51). Напрасно также г. Щебальскій унижаетъ начальника стрѣльцовъ, Хованскаго, который пріобрѣлъ такую популярность въ народѣ, какой тщетно добиваются многіе изъ ученыхъ и умнѣйшихъ людей. Да насильно милъ не будешь, говоритъ пословица. Право, не достааетъ логики въ слѣдующихъ словахъ г. автора, и народъ является глупымъ ребенкомъ, котораго любовь и честность можно подкупить всякой игрушкой: «Страсть Хованскаго было тщеславіе: онъ только тогда и былъ счастливъ, когда ему кланялись и льстили ему, удивлялись ему. Выѣзжая изъ дома, онъ всегда бралъ съ собою множество мелкихъ денегъ, которыя разбрасывалъ народу и радовался, видя, какъ за нимъ бѣгутъ *толпы разнаго сброду* (каково! это бѣдняки); между новыми своими подчиненными, стрѣльцами, онъ былъ очень популяренъ; они его не иначе называли какъ «батюшкою» и, указывая на шумъ и давку, которыя поднимались, когда онъ появлялся на улицѣ, говорили: «большій ѣдетъ!» Не всякому дается такая популярность и привязанность народа. Пожалуй, другой и сталъ бы разбрасывать деньги, да, чего-добраго, онъ снова, пожалуй, полетятъ ему въ лицо изъ рукъ народа. И можно ли повѣрить, чтобы облагодѣтельствованный имъ народъ «припечаталъ его насмѣшливымъ прозвищемъ тараруя», а не было это дѣломъ его враговъ?» (стр. 56). Въ томъ же духѣ и по источникамъ противной партіи рассказываетъ г. авторъ о бунтѣ знаменитаго расколуучителя Никиты Пустосвята: «когда нѣсколько полуграмотныхъ постниковъ затѣяли состязаться съ нашимъ высшимъ духовенствомъ, между которыми были и *учелые люди*» (1). И тутъ тѣ же фразы:

«стрѣльцы сдѣлались для Москвы сущою бѣдою, божимъ наказаніемъ; завидя ихъ издали, всякій сторонился; не осмѣливались выглянуть за ворота; это было совершенно какъ татарское нашествіе!...» Шакловитому сдѣлалъ авторъ приговоръ хуже, чѣмъ Хованскому; «честолюбіе его не имѣло предѣловъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые являются во время революцій и увлекаютъ народныя толпы своею отвагою, энергіей, дерзостью своихъ замысловъ, все истребляютъ, все заливаютъ кровью» (1). Ничто не останавливало Шакловитаго: онъ все отбрасывалъ въ сторону, когда ему нужно было пройти! (стр. 118—119). Участіе Шакловитаго въ заговорѣ противъ Петра и стремленія царевны Софіи составляютъ самую темную страницу въ исторіи русской, которая ожидаетъ еще разработки. Кажется, Софія была права, когда говорила, вмѣшавшись въ толпы народа: «Злые люди разсорили меня съ братомъ и распускаютъ слухъ о заговорѣ на жизнь младшаго царя. Не вѣрьте этому, не давайте брать людей добрыхъ и вѣрныхъ: ихъ станутъ пытать, и они, не стерпя пытки, оговорятъ свою братью, многихъ, 9 человекъ оговорятъ 900. Вы знаете, что я правила государствомъ болѣе 7 лѣтъ: всегда я была къ вамъ милостива, и общаю новыя милости» (129—130). Отъ бояръ чего нельзя было ждать! Очень характеристично высказывается историческій взглядъ г. Щебальскаго въ его словахъ о ссорѣ Софіи съ Петромъ: «ошибалась бѣдная царевна! Народъ, къ которому она обращалась, не привыкъ принимать въ дѣлахъ государственныхъ участія, смутно зналъ, что дѣлало правительство и всякій интересовался только тѣмъ, что до него касалось (да, по скрытности, и нельзя было ни принимать участія, не интересоваться!) Царевна должна была убѣдиться, что ей, со всѣми ея заслугами предъ государствомъ, невозможно бороться противъ царя вѣчнаго, противъ принципа самодержавія, противъ вѣковой привычки народа...»

Со втораго выпуска г. Щебальскій беретъ время Петра, «когда Россія начала перерождаться». Преобразования Петра не увлекаютъ г. автора до поклоненія и обожанія, какъ бывало прежде, а напротивъ, онъ хвалитъ ихъ умѣренно и жалѣетъ, что въ людяхъ, окружавшихъ царя мало находилъ поддержки, а эти люди не видѣли дальше своего носа; поэтому онъ привыкъ не терпѣть возраженій, ни съ кѣмъ не совѣтоваться,

когда ему казалось что-нибудь полезно для Россіи, хотя бы это было и тяжело для нея; заставлялъ ее дѣлать странныя усилія и былъ неумолимо строгъ къ послушникамъ своей воли». (II, 29 стр.). Но при всемъ этомъ г. Щебальскій преобразованія Петра считаетъ въ высшей степени полезными, хотя они и вводились иногда слишкомъ круто, а по временамъ прекратили, и утѣшаетъ читателя, что народъ не понималъ пользы всѣхъ трудовъ и расходовъ, которые заставлялъ его дѣлать Петръ. Конечно, легко философствовать о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ развитія торговли промышленности, напримѣръ, послѣ взятія Азова и по окончаніи шведской кампаніи (II, 27 и 77—8 стр.); хорошо воспѣвать панегирики во славу русскаго оружія и перестроекъ государства; но всѣ эти наборы, походы, лишніе налоги дорого обходились народу, поглащали плоды трудовъ его, не принося существенной пользы, страшнымъ гнѣтомъ давили и стѣсняли его развитіе и умственное и матеріальное. Громкія завоеванія и побѣды важны бывають, когда внутри страна обезпечена, свободныя учрежденія не препятствуютъ развитію труда и промышленности, которыя съ избыткомъ вознаграждаютъ труженника; а если въ самомъ государствѣ нѣтъ никакого обезпеченія отъ злоупотребленій всякаго рода, нѣтъ обезпеченія ни имущества, ни самостоятельности труда, ни личной свободы, въ такомъ случаѣ можно считать излишнею тяжестью для народа постороннія предпріятія во славу оружія. Такъ было и при Петрѣ: русскій народъ не любитъ войны, какъ самъ же г. Щебальскій говоритъ, а его постоянно и насильно заставляли дѣлать крѣпости, корабли, походы и т. п. Все это возбуждало ропотъ и открытыя возстанія въ народѣ и въ войскѣ. Послушайте что говоритъ «подметное письмо» Петру Великому: «Доношу вашему царскому величеству, что слышалъ, то объявляю истинное что уже парочко всяко провѣдовалъ и увѣдомился прямо изъ солдатства, не только что отъ другихъ, но и отъ своихъ полковъ, говорятъ собрався: Уже чрезъ мѣру лѣта и осень ходимъ по морю, чего не слышано на свѣтѣ, а зиму также упокою нѣтъ на корабельной работѣ, а иные на камняхъ зимуютъ, съ голоду и холоду помирать. А государство свое разорилъ, что уже въ иныхъ мѣстахъ у мужика не сыщешь овцы. Чѣмъ отдохнуть и Богу благодареніе воздать и царство свое управить, развести всякія неправды, утолить сырыхъ нашихъ, — и слава бы во всѣ страны

произошла... Смолилися чоловік 100 и 200, хотя-де и не похотятъ какіе дворянчики, а иные есть на нашу руку, а въ другихъ-де полкахъ со многими говаривали—всѣ готовы, такожъ и черныи народъ, и они такожъ говорятъ: отъ такова распорядку и чрезмѣрной такой войны быть намъ въ великой скудости; одно — воевать только и вытвержено; надъ нами то уже дѣлають, что не можно человеку вытерпѣть. Вѣдь мы не въ монастырь постриглися! Что говорятъ: умная голова, умная голова! колибъ умная голова, могъ бы такую человѣческую нужду разсудить... Уже-де въ Петербургѣ поморилъ всякихъ чиновъ людей напрасною смертію человекъ больше миллиону... Гдѣ мы мудрость его всю видимъ? Выдалъ штуку въ градскихъ правахъ, учинилъ сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы де хоть одного челобитчика, рѣшили-ль хоть одному безволонитно, прямо, да сыскавъ за такое непослушаніе хоть одному штрафъ учинилъ» (чт. въ общ. истор.» 1860 г.). Вотъ какъ не понимали пользы учрежденій и военныхъ подвиговъ Петра! Такъ формы преобразованій царя реформатора были далеки отъ потребностей и нуждъ жизни народнои, приносили съ собою только одніи тягости и стѣсненія, хотя г. Щебальскій недовольство народа преобразованіями объясняетъ очень просто, опять-таки привязанностью къ старинѣ, и говорить: «Все это были мѣры тяжелыя для народа, но необходимыя въ настоящую минуту».

Русскій народъ любить въ дѣлѣ сущность, дорожить духовной стороною явленія; а у Петра всѣ преобразованія ограничивались формами, внѣшностью, которая вовсе ненужны были, чужды требованіямъ жизни. Поэтому народъ и пошелъ особнякомъ, махнувъ рукой на бесполезныя реформы; при высокои давленіи, силы его сжимались и дѣлались упорнѣе, всѣ заветныя убѣжденія и обычаи казались ему еще выше и священнѣе. Народъ вспоминалъ о своихъ старыхъ правахъ и льготахъ, когда онъ могъ, не боясь, объясняться съ властью безъ посредства подметныхъ писемъ, которыхъ появилось при Петрѣ «несметное множество», по выраженію г. Щебальскаго. Народъ уходилъ въ себя, сдѣлался недовѣрчивымъ и подозрительнымъ, но сохранялъ привязанность къ лучшимъ своимъ началамъ старой жизни. Самоуправство Петра до желанія подчинить самое мышленіе народа, уничтожить личность возбуждало возстаніе массъ; а лица, изуродованныя новой

цивилизацией, еще рѣшительнѣе поддерживали крестьянъ въ ихъ обращеніи отъ иноземцевъ и европейской жизни. Цивилизація, принятая насильно, ничуть не измѣняла души бояръ; они выносили изъ за границы и перенимали отъ иностранцевъ на своей родинѣ одні лишнія претензіи, тяжелыя для каждаго неиспорченнаго человека, особенно для крестьянъ; старались задать звону однимъ противнымъ чванствомъ, величали невѣждою каждаго, не умѣшаго сказать нѣсколько иностранныхъ словъ; хотѣли жить на политичный манеръ, и со всей нахвостью щеголяли русскимъ барствомъ, фразами, безвкусіемъ роскоши и широкими размахами блестящей внѣшности, пестрой и комичной. Съ народомъ новополированные русаки разошлись окончательно, смотрѣли на него съ презрѣніемъ, какъ на законнаго раба, назначеннаго къ ихъ услугамъ; а массы, съ своей стороны, на нихъ смотрѣли со смѣхомъ, или съ сожалѣніемъ, какъ на уродовъ и обезьянъ, лишенныхъ истины и жизни. Немудрено, что энергическіе простые люди въ подметныхъ письмахъ заявляли свой горькій вопль противъ притѣсненія воеводъ и начальниковъ, которые не хотѣли знать ихъ нуждъ, жаловались на тяжелыя подати и работы, предавали анаѣмъ всякія нововведенія. (II стр. 105). Отъ всего этого не спасали народъ проекты Лейбница и другихъ иностранцевъ, которыхъ считаетъ г. Щебальскій чуть-ли не спасателями Россіи, и восхищается, что «по мысли Лейбница, всѣ части русскаго управленія должны были имѣть соразмѣрность и правильность часоваго механизма, дабы, писалъ онъ, стрѣлка мудрости указывала странѣ часы благополучія» (III, стр. 13—15). Въ этомъ то и несчастье Россіи, что изъ нея хотѣли сдѣлать часовой механизмъ, въ которомъ бы люди двигались, какъ колеса; а она нуждалась въ просторѣ и самостоятельности дѣйствій. Оттого-то безжизненныя учрежденія, по выраженію г. автора— «не водворили въ Россіи справедливости, порядка и вообще благоденствія...» Проекты Лейбница и постройки по нимъ не имѣли ничего жизненнаго, близкаго душѣ народа; ихъ фантастическіе чертежи необходимо заключили въ самомъ основаніи ложь и беспорядокъ. Лейбницъ писалъ свои проекты изъ корыстныхъ видовъ, и едва-ли самъ былъ увѣренъ въ ихъ полезномъ вліаніи, что такъ быстро отъ ихъ исполненія зацвѣтутъ въ Россіи науки и искусства. Отъ введенія этихъ коллегій, судовъ и магистратовъ, отъ новой цивилизаціи усилилось только рабство народа, такъ-что самыя близкіе къ царю вель-

можи постоянно уличались въ незаконныхъ продѣлкахъ, въ лихоимствѣ и самоуправствѣ, и г. авторъ напрасно обвиняетъ въ этомъ случаѣ старину и сваливаетъ всю вину на нравы того времени. Виноваты не нравы, а реформы, изуродовавшія нравы, нововведенія, которыя оторвали высшій начальственный классъ народа отъ корней народной жизни, отъ самобытныхъ учреждений, на которыхъ опирался законъ и которыя служили оградой злоупотребленій. Если бы Петръ поддерживалъ въ народѣ самостоятельныя юридическія обычаи, выборное начало, областныя своеобразныя учрежденія, тогда и контроль былъ бы противъ злоупотребленій, и народъ самъ способенъ былъ бы не дать имъ развиться и нашелъ бы расправу и защиту отъ своекорыстныхъ судей въ собственной силѣ общины. «Кажется, царь дошелъ,—говорить г. Щебальскій,—наконецъ до того ужаснаго убѣжденія, что вокругъ него нѣтъ честныхъ людей!..» (III, стр. 15, 16). Видите ли къ чему привели чуждыя жизни и дикія учрежденія! А въ то же время царь не замѣчалъ и знать не хотѣлъ тысячи честныхъ людей, которые не щадили ничего для добраго дѣла, шли на казнь, и сожженіе во имя защиты правды и убѣжденій, за страданія и кровь народа. Напрасно г. авторъ старается успокоить читателя, ссылаясь на примѣръ Якова Долгорукова, «что если встрѣчались такія смѣлыя выходки, стало быть общество было не все дурно». (III стр. 29) Нѣтъ такихъ смѣльчаковъ было мало—одинъ да и обсчитался.

Вообще оправданіе Петра Великаго г. Щебальскимъ похоже на защиту того же лица Щербатовымъ, который писалъ «О порокахъ и самовластіи Петра Великаго» еще въ прошломъ столѣтіи. Онъ выставляетъ слѣдующіе пороки: Петръ былъ строгъ непомярно, любилъ казни и пролитіе крови и, не разбирая ни роду, ни чиновъ уподлялъ себя бѣніемъ окружающихъ его; сына своего смерти предалъ; въ любострастіе и роскошь ввергался, самъ излишне пивалъ и многихъ пивалъ; самовластіе до крайности разпростиралъ; взялъ дѣтей насильно и послалъ учиться разнымъ наукамъ и мастерствамъ; тягости народа тогда были почти несносны, предалъ казни вдругъ 7000 стрѣльцовъ. обогрѣлъ самъ священныя руки кровью подданныхъ и зрѣлся между палачами; развѣсилъ трупы на зубахъ стѣнъ дѣвичья монастыря предъ окнами, гдѣ сидѣла въ заточеніи Софія... Се есть жестокость, имѣющая мало примѣровъ въ исторіи!» прибавляетъ

Щербатовъ и оправдываетъ Петра тѣмъ, что онъ худо воспитанъ, окруженъ врагами, въ числѣ которыхъ находился сынъ его; что Россія сохранила жестокость послѣ раздоровъ и бунтовъ; вельможи и весь народъ погружены были въ суевѣріе; крѣпко вкоренились въ русскіихъ лѣность, увальчивость, загрубѣлость и привязанность къ старымъ обычаямъ; что не было ни одного вельможи, который пожаловался бы на Петра за побой, ни устыдился бы сказать объ нихъ. «Я самъ еще зналъ многихъ — прибавляетъ наивно Щербатовъ, которые сами любили рассказывать объ этомъ. Но что пріятно было вельможамъ и что прощали они царю, то пріизиралъ и ненавидѣлъ народъ...».

Этимъ мы заключимъ нашъ разборъ книжекъ г. Щебальскаго въ надеждѣ, что достаточно познакомили нашихъ читателей со взглядомъ и направленіемъ почтеннаго автора. Много еще интересныхъ замѣчаній высказалъ онъ въ тирадахъ о процвѣтаніи наукъ, литературы и искусствъ во времена петровскія въ Россіи; но мы говорили уже объ этомъ предметѣ въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала по поводу изслѣдованія г. Пекарскаго. А теперь передадимъ забавный анекдотъ, характеризующій степень привитія цивилизаціи къ нашимъ предкамъ. При Петрѣ въ аттестатахъ ученыхъ отмѣчали до мелочей, кто зналъ какія иностранныя науки и искусства. Вотъ одинъ изъ подобныхъ лицъ отдалъ свой аттестатъ слугакѣ для прописки; тотъ встрѣтилъ въ немъ отмѣтку: «танцуетъ *менуэтъ*» и задумался, что бы это такое значило. Догадливый слугака впрочемъ скоро смекнулъ, и, чтобы не было недоразумѣній на будущее время, отмѣтилъ съ объясненіемъ: «танцуетъ, *милуэтъ*, сирѣчь никого на задѣваетъ».

Въ заключеніе нельзя не сказать, что плохо везетъ русскому молодому поколѣнію въ образованіи. Когда устарѣетъ взглядъ на свое отечество до жесткости, найдетъ добродѣтельный чело­вѣкъ и заключить отживающія воззрѣнія своихъ отцовъ и дѣдовъ въ особія книжки, добавитъ своими болѣе или менѣе, поучительными сентенціями, разрисуетъ лишними фразами—и адресуетъ ихъ молодому поколѣнію. Прочитавъ эти книжицы, мальчикъ лѣтъ 15-ти натолкнется на другія статейки и увидитъ, что о русской жизни онѣ говорятъ совсѣмъ не такъ, какъ въ сочиненіяхъ, специально-назначенныхъ для юношества: тамъ и лоскъ и основательнѣе, а здѣсь, въ сборникѣ фактовъ онъ не находитъ однообразнаго освѣщенія и путается въ нихъ, не имѣя

живой связующей мысли, руководящей нити, по которой бы развивались его самостоятельныя воззрѣнія. Онъ замѣчаетъ, что ему какъ-будто боится все высказать ясно, толково, и сомнѣвается повѣрить на слово автору. Разказы, непроникнутые одной цѣльной мыслью (мы не считаемъ мыслью, что старина-дрянь, а нововведенія спасительны!), мало принесутъ пользы дѣтямъ въ ихъ развитіи. А высказываемыя фразы, наподобіе такихъ, напримѣръ: «скверно было, но—что дѣлать! — таковъ былъ духъ времени, такъ-водилось въ образованныхъ странахъ», нисколько не успокоительны для любознательнаго мальчика. Этими фразами можно достигнуть одной только цѣли—убить энергію и самостоятельность мысли дитяти. Вѣдь бойкій гимназистъ IV класса вправѣ оправдать каждый свой и чужой худой поступокъ, когда ему сдѣлаютъ замѣчаніе. «Помилуйте, возразить онъ, таковъ духъ времени! У насъ каждый способенъ сдѣлать тоже самое и еще хуже». И къ чему эта ревнивая забота оберегать юношество отъ соблазна, гдѣ дѣло касается грязныхъ сторонъ русской жизни? Вѣдь дѣти и въ окружающей ихъ средѣ видятъ постоянно много плохаго, которое однако, не считаютъ хорошимъ и не всегда увлекаются имъ, несмотря на свою неразвитость.

И не понимаемъ мы, съ какою цѣлью пускаются въ оборотъ оговорки, какъ-будто оправдывающія недостатки и пороки: «Хотя это скверно, а впрочемъ недурно было въ свое время!».

Н. Вѣтвицкій.

НЕ ВЪ БРОВЬ, А ВЪ ГЛАЗЬ.

ОТЦЫ И ДѢТИ. Романъ И. С. Тургенева. (Рус. Вѣстникъ. Февраль. 1862.)

(Окончаніе.)

Мнѣнія о романѣ г. Тургенева плодятся. Въ предыдущей статьѣ нашей мы заявили только о трехъ; съ тѣхъ-поръ ихъ появилось столько, что и не перечтешь. Новаго въ новыхъ мнѣніяхъ нѣтъ ничего. Никто не превзошелъ г. Антоновича смѣлостію соображеній; никто не сравнился съ г. Писаревымъ въ откровенности; степенное мнѣніе *От. Записокъ* нашло себѣ дружную поддержку во *Времени*; затѣмъ, юмористическіе стихотворцы и всякіе другіе прогрессисты на пути своего собственного паденія, получивши подачку инициативы, безъ которой они не осмѣливались отворить своихъ смѣшливыхъ устъ, со всеусердіемъ постарались обезчестить самихъ себя, обозвавши г. Тургенева, съ чужихъ словъ, отставнымъ, отсталымъ и, какъ водится, обскурантомъ. Свѣтляки! — дѣло извѣстное; оттого и соображенія у нихъ нечеловѣческія; они при свѣтѣ перестаютъ казаться свѣтлацими червячками: выходитъ, солнышко—обскурантъ. А если само солнышко обскурантъ, то стоитъ ли церемониться съ г. Тургеневымъ, в чѣмъ такое тотъ яркій огонекъ, которымъ онъ время отъ времени не перестаетъ озарять нѣкоторыя стороны русской жизни? Во всемъ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго. Безчинное обращеніе съ нашими огоньками, без-

честное плеваніе на нихъ, бессмысленное гашеніе ихъ воѣми средствами, кромѣ благопристойныхъ, глубина невѣжества самихъ гасильщиковъ, ихъ возмущающее раболѣпіе передъ тѣми, въ рукахъ которыхъ находится подачка, и ихъ вольнонаемная наглость противъ тѣхъ, на кого ихъ направляютъ подачкою, — все это для насъ дѣло привычное. Но въ этомъ дѣлѣ всего нашего вниманія заслуживаетъ то, что огоньки не гаснутъ и не перестаютъ зажигаться, — огоньки рѣдкіе, разъединенные пространствомъ и временемъ, но тѣмъ не менѣе не лишенные путеводнаго свойства. Напрасно у гасильщиковъ раздуваются щоки, напрасно на этихъ щекахъ вздуваются волдыри — слѣды обжоговъ: огоньки не гаснутъ и не перестаютъ исполнять свое назначеніе — разсѣивать мракъ. Доказательство на лицо: романъ г. Тургенева. Онъ явился въ эпоху финансовыхъ, торговыхъ, общественныхъ и всякихъ другихъ затрудненій; онъ явился назадъ тому болѣе трехъ мѣсяцевъ, и вотъ въ продолженіе болѣе трехъ мѣсяцевъ люди — общества и литературы продолжаютъ имъ заниматься, наравнѣ съ самыми неотлагаемыми своими заботами и имѣя при этомъ самыя разнообразныя цѣли и заднія мысли: кто хочетъ осмотрѣться при этомъ огонькѣ и заглянуть впередъ, кто выглядываетъ врага, кто узнаетъ единомышленника, кто разрываетъ связь, заключенную въ темнотѣ и по ошибкѣ, кто срываетъ съ себя предубѣжденіе, кто отказывается отъ напускнаго дурачества, а кому огонекъ рѣжетъ глаза, тому, разумѣется, хочется поплевать на него. Г. Тургеневъ, въ продолженіе своей полезной жизни и обильной литературной дѣятельности, зажигалъ уже много огоньковъ, но ему еще ни разу не удавалось зажечь такого, какъ теперешній, при которомъ бы видно было такъ много предметовъ, такой первостепенной важности и въ такомъ опредѣлительномъ свѣтѣ. Яснѣе всего, при этомъ огонькѣ, видно, разумѣется, то, что крупнѣе всего; а крупнѣе всего, что охватывается его свѣтомъ, — это прогрессъ и его старыя и новыя дѣлатели, способъ жить и мыслить, свойственный двумъ смежнымъ поколѣніямъ: *Отцы и Дети*, — этимъ удачнымъ заглавіемъ не хуже предисловія объясняется все, на чемъ зажигатель огонька предположилъ остановить упорное вниманіе русскаго общества. Центромъ освѣщенной группы и всѣхъ окружающихъ ее подробностей служить, какъ это очень хорошо и очень давно уже извѣстно всѣмъ и каждому, Евгенийъ Васильевичъ Базаровъ, — истинный герой романа, и еще болѣе герой

послѣ романа, теперь, когда на его счетъ и по поводу его возбуждено столько толковъ, столько сплетенъ, столько философскихъ недоразумѣній, сколько, пожалуй, и не нужно для смертнаго, чтобы попасть въ герон.

Наши критики не даромъ такъ много изощряли свои способности къ анализу на этомъ лицѣ, а нѣкоторые даже и ограничили однимъ этимъ лицомъ. Съ Базаровымъ приходитъ новый человѣкъ въ русскую жизнь, человѣкъ крайне безцеремонный, съ своимъ уставомъ—даже въ послѣднихъ мелочахъ, съ печатью очевидной силы и съ такою нестерпимою дерзостію, какъ будто всѣ люди другаго нравственнаго настроенія должны проинкнуться убѣжденіемъ, что они не болѣе, какъ простые деревянные пѣшки. Онъ приходитъ не воровать, не грабить, не рѣзать подобныя себѣ существа, какъ полагаетъ г. Писаревъ; однако въ немъ сильно развита склонность — распространять вокругъ себя боязнь. Онъ считаетъ себя Коломбомъ, открывшимъ новый міръ, хотя, въ знаніи стараго міра, его можно сбить на самыхъ пустякахъ. Можно сбить, — но ему кажется, что этому никогда не бывать: по его собственнымъ словамъ, онъ никогда еще не встрѣчалъ силы, передъ которой бы ему пришлось спасовать, — обстоятельство, на которомъ воспитана вся его дерзость.

Откуда взялся такой человѣкъ, и какъ могло случиться, что онъ ни передъ кѣмъ не спасовалъ?

Есть мнѣніе, будто Базаровъ взялся изъ книги, по которой онъ учился или которой читался, будто у него нѣтъ другой родословной, кромѣ книги, изъ которой онъ будто бы и произошелъ во всеоружіи своихъ здравыхъ мыслей и всевозможныхъ локостей. Это мнѣніе почти вообще считается самымъ уничтожительнымъ упрекомъ для Базарова. Что хотятъ выразить этимъ упрекомъ? Если то, что внутри Базарова нѣтъ живого, самостоятельнаго человѣка, а есть одна только начитанность, что у него нѣтъ своего собственнаго мозга, своего сердцебіенія, нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ дѣйствительностію и, поэтому, нѣтъ будущности; короче, если этимъ упрекомъ хотятъ выразить, что Базаровъ — явленіе феноменальное, преходящее, какъ болотный огонекъ, то эготъ упрекъ одна изъ величайшихъ безсмыслицъ, и въ немъ столько же правды, какъ въ римской легендѣ о воспитаніи основателей Рима волчицей: о герояхъ вообще рассказываютъ сказки. Въ Базаровѣ, преходящаго ровно

столько, сколько во всем, чему предназначено развиваться долго и пышно, а не застыть на одномъ моментѣ. Если же этимъ упрекомъ хотятъ сказать, что Базаровъ весьма многимъ одолженъ книгѣ, болѣе, чѣмъ обыкновенные, дюжинные люди, никогда не мудрствующіе лукаво, то это значитъ упрекать его за то, что онъ не дурно учился и стоитъ на поверхности всѣхъ изученныхъ имъ предметовъ: опять безсмыслица, и къ тому же самообличительнаго свойства.

Не то худо, что Базаровъ не дурно учился, а то, что ему стоило неимоверныхъ усилий, чтобы выучиться хоть такъ недурно, какъ онъ выучился, что онъ очень долго принужденъ былъ учиться урывками и воровскимъ образомъ, какъ чловѣкъ, дѣлающій преступленіе, что руководившіе его люди на каждомъ шагу сбивали его съ толку и, чего добраго, били его корешками книгъ, чтобы выбить изъ него то, что они, въ простотѣ своего сердца, почитали дурью; худо то, что Базаровы, вслѣдствіе всѣмъ намъ извѣстныхъ роковыхъ обстоятельствъ, почти вплоть до этого времени, въ нашихъ школахъ и въ нашей жизни, какъ огурцы въ парникахъ, выгонялись скороспѣлками и что ихъ судьба очень много напоминаетъ меланхолическую судьбу того ранняго плода, о которомъ сказано:

«Такъ ранній плодъ, до времени созрѣлый,
 Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
 Виситъ между листовъ — пришлецъ осиротѣлый,
 И часъ ихъ красоты — его паденья часъ.»

Большинству людей, познакомившихся съ Базаровымъ изъ романа г. Тургенева, прежде всего бросаются въ глаза уродливость его характера и причуды его ума, и они готовы осуждать его за эти недостатки гораздо строже, чѣмъ онъ стоитъ того. Они не знаютъ, послѣдствіемъ какихъ печальныхъ обстоятельствъ служатъ эта уродливость и эти причуды, — достоинства самыхъ ядовитыхъ насѣшекъ, если ими гордятся, какъ достоинствами, и стоящія всякаго снисхожденія, или, по крайней-мѣрѣ, самаго обязательнаго вразумленія, если ихъ просто не признаютъ. Въ позднѣйшихъ Базаровыхъ эти недостатки не должны встрѣчать ни терпимости, ни потачки; они не могутъ быть свободны ни отъ сарказма, ни отъ сатиры, ни отъ другихъ подобныхъ вразумленій; потому что позднѣйшіе Базаровы будутъ формироваться, и уже формируются, при другихъ условіяхъ: они имѣютъ за собою всѣ выгоды времени и преподава-

емыхъ имъ уроковъ. Если они удержатъ за собою пороки своего первообраза, значить, они прямо будутъ напрашиваться на то, чтобы ихъ сравнивали съ обезьянами, будутъ прививать къ себѣ искусственныя свойства, будутъ стараться имѣть сердитый видъ при отличномъ расположеніи духа, дерзкій языкъ при совершенномъ простосердечіи, дурныя и угловатыя манеры, при полномъ умѣнши показать себя людьми, цивилизованными внутри и снаружи, будутъ показывать притворную боязнь къ сердечнымъ увлеченіямъ и семейной жизни, при сильнѣйшемъ расположеніи къ тому и другому и при совершенной возможности не отказывать себѣ ни въ чемъ, общающемъ счастье; однимъ словомъ — черты серьѣзнаго и внушительнаго характера, они будутъ намѣренно обращать въ смѣшныя и уморительныя, сознательно переживать нелѣпую болѣзнь, заявленную философомъ *Русскаго Слова*. Но въ настоящемъ Базаровѣ нѣтъ и тѣни ничего искусственнаго; ему, безъ сомнѣнія, и на умъ не приходило, чтобы онъ переживалъ какую-нибудь шутовскую болѣзнь своего времени. Онъ былъ болѣзнь — это фактъ: чрезмѣрная раздражительность, крайнѣйшая нетерпимость ко всякому мнѣнію, не подходящему къ его образу мыслей, несправедливость къ чужимъ характерамъ, какое-то особое умѣнье всякій споръ свести на ссору, почти постоянная непримиримость даже съ самимъ собою — все это, конечно, болѣзнь; но Базаровъ знакомъ съ ними съ такого давняго времени, что потерялъ память объ нихъ и считаетъ себя человѣкомъ цвѣтущаго здоровья. Онъ до такой степени убѣжденъ въ исправности своего здоровья и въ совершенствѣ своего здравомыслія, что всѣхъ другихъ людей считаетъ больными или полоумными. По его мнѣнію, онъ даже навѣрное знаетъ, что они больны и полоумны. Этого было бы достаточно, чтобы принимать его за шута, если бы не было извѣстно, что къ такому складу ума и характера, онъ пришелъ не по своей волѣ, а былъ доведенъ до него довольно печальнымъ образомъ; не худо помнить также, что у Базарова не было ни довольно времени, ни довольно счастливыхъ встрѣчъ, даже просто не было столько разнообразныхъ столкновеній съ человѣческими характерами, сколько нужно для того, чтобы сознать надлежащимъ образомъ, что самое искусное распластаніе лягушекъ не даетъ права обращаться съ своими ближними съ безыскусственностію калмыцкой лошади или краснокожа-

го дикаря. Въ этомъ заключается извиненіе Базарова. Если въ отношеніи къ нему можно быть строгимъ, то съ непремѣнною оговоркою, что строгость простирается здѣсь на лицо, предназначенное для урока. Но прежде, чѣмъ свирѣпствовать надъ нимъ, нужно понимать его.

Базаровъ — сынъ полковаго лѣкаря, который, какъ человѣкъ семейный и своему начальству не противный, пользовался вмѣсто одного, положеннаго по штату, двумя деньщиками. Одинъ изъ нихъ исправлялъ должность слуги въ походномъ хозяйствѣ полковаго доктора, а другой былъ сперва нянькою, а потомъ и дядькою маленькаго Базарова. Его гимнастическое воспитаніе и то, что англичане осмѣливаются называть мускулярною религіей (*muscular religion*), не имѣло другого руководителя. Можно себѣ представить, сколько грубѣйшаго суевѣрія должно было вкратиться въ эту религію. Совершенство человѣческихъ манеръ, которое могло казаться Базарову идеальнымъ, онъ видѣлъ въ армейскихъ кавалерійскихъ офицерахъ, можетъ быть, того самаго полка, эскадронный командиръ котораго, на вѣчное удивленіе всѣхъ истинно-храбрыхъ людей, пересѣкъ, на одномъ балѣ, съ своимъ эскадрономъ цѣлое общество порядочныхъ людей, не исключая дамъ и дѣвицъ. Этотъ анекдотъ разсказывается три десятилѣтія слишкомъ; Базаровъ, навѣрное, слышалъ его въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, во время перваго пробужденія религіи мускуловъ, и слышалъ его — разсказанный съ жестами и патетическимъ увлеченіемъ. Идеалы физическаго совершенства были съ отцомъ Базарова на *ты*, потому что считали его добрымъ малымъ, который, какъ мы знаемъ изъ самаго текста романа, въ своей молодости былъ доступенъ увлеченію даже такихъ страстей, которыя возбуждаются проигрышемъ въ банкъ послѣдняго жалованья: стало быть, маленькій Базаровъ имѣлъ случай наблюдать еще и другія благородныя тѣлодвиженія, относящіяся до религіи мускуловъ. Когда для него наступила пора учиться грамотѣ и *чистописанію*, то естественнымъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ около него очутился полковой писарь. Религіи мускуловъ ничего не потеряла отъ такого ментора, да и религія грамоты началась нисколько не лучше. Четыремъ правиламъ арифметики, необходимымъ для того, чтобы вступить въ гимназію совершенствомъ, его научилъ тотъ же самый энциклопедическій менторъ; а столь же необходимое умѣнье читать по

латыни, по-немецки и по-французски, ему преподавалъ уже самъ родитель, который *voilà tout* выговариваетъ *волату*. Въ гимназіи, въ которую Базаровъ поступилъ лѣтъ тринадцати, онъ въ первый разъ, и очень скоро, если не понялъ, то *ощутилъ*, что на свѣтѣ есть отвратительный прогрессъ, котораго онъ не слышалъ еще и названія, прогрессъ, свойственный всякой гадости. Въ полку онъ видѣлъ азартъ, обрушаемый на людей безответныхъ, но все-таки совершеннолѣтнихъ и выносливыхъ; здѣсь онъ увидѣлъ звѣриную лютость, истощаемую на дѣтей. Учился онъ прилежно, хотя и по чужимъ книжкамъ: тѣмъ хуже для него; педагогическій надзоръ надъ нимъ обратился въ шпионство, онъ сдѣлался отвѣтчикомъ за каждую коллективную шалость его товарищей, за каждую бумажку, привѣшенную сзади къ мундирному фраку нелюбимаго учителя. А между тѣмъ любимаго-то, пожалуй, и вовсе не было: выходить, лямку ученія нужно было тянуть совѣмъ на военномъ положеніи, не перевода духу и не вѣдая ни дня, ни часа, въ который можетъ послѣдовать экзекуція или достаться корешкомъ по лбу какой нибудь пятифунтовой латинской хрестоматіей. Любовь у Базарова былъ широкій, черепъ здоровый, станъ плечистый, смотрѣлъ онъ въ подлобья, какъ вообще смотрятъ опаснѣйшіе изъ школьныхъ предводителей, такъ что вся фигура его поощрала на злобу и какъ-будто говорила: дескать — выдержу, не церемоньтесь. Ну за то и выдерживала она много. Для Базарова еще одинъ *пришелецъ*, внушенный ему полковымъ писаремъ, обратился въ *ощущеніе*, и именно тотъ, что «корень ученія горекъ». Онъ судилъ объ этомъ по корешку латинской хрестоматіи. Охота бѣсить людей, столь искусно и столь настойчиво привитая къ Базарову, въ немъ понемножку переходила въ страсть. Онъ зналъ, что ему стоитъ повести бровями, насупиться какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, или выглянуть волчкомъ, чтобы разбѣсить любого учителя до пѣны; этотъ опытъ удавался ему каждый разъ, какъ только у него являлась фантазія прибѣгнуть къ нему: отсюда онъ сдѣлалъ заключеніе о своей силѣ и о томъ, что съ людьми можно позволять всевозможныя шалости, и принимать ихъ за помѣшанныхъ, особенно не школьнику, котораго все-таки можетъ удерживать въ предѣлахъ латинская хрестоматія. Съ четвертаго класса педагогическая охота за Базаровымъ приняла еще болѣе озлобляющее и, если возможно, то и болѣе бессмысленное свойство: его стали травить и ловить за недозволенное чтеніе. А къ чтенію Базаровъ пристрастился скоро, и читалъ все,

что повадалось подъ руку, безъ всякаго разбора и толку,—разрозненныя журнальныя книжки, переводную драму Шекспира, Чорную Женщину, Тараса Бульбу, Амалать-Бека, Евгенія Онѣгина, повѣсти графа Соллогуба. Систематическаго въ чтеніи Базарова только то и было, что ему за все одинаково доставалось. И за то, что за всѣ эти вещи ему одинаково доставалось и что всѣ онѣ принесли ему совершенно одинаковую пользу, то есть—никакой, онѣ, возмужавъ и окрѣпнувъ, сначала догадался, что всѣ они одинаково писаны не для него, а потомъ порѣшилъ, что всѣ онѣ одинаковая дрянь. И пусть педантъ-учитель словесности, который такъ глубоко опротивѣлъ Базарову своимъ дуррацкимъ, своимъ учительскимъ восторгомъ, одинаково возбуждаемымъ одою Державина и монологомъ изъ Короля Лира, пусть этотъ франтъ, для котораго приказаніе — учить по программѣ, не отступая отъ нея ни на іоту, казалось величайшимъ благодѣяніемъ, какое только можетъ быть оказано педагогу его тупоумія и бездарности, пусть этотъ нарядный шутъ попробовалъ бы убѣдить Базарова, что Король Лиръ не такая же пошлость, какъ Амалать-Бекъ, пусть бы онѣ доказалъ Базарову, что всѣ эти гигантскіе образы, вызванныя изъ тумановъ исторіи—сочинительной достовѣрности, всѣ эти колоссальныя страсти и титаническія несчастія, можетъ быть, ни съ кѣмъ никогда не случавшіяся, не должны казаться мыльными, разноцвѣтными пузырями, способными занимать только дѣтей перваго возраста, что они могутъ что-нибудь значить для юноши, который успѣлъ уже познакомиться съ несчастіемъ худыхъ сапоговъ и пробитаго на локтяхъ вицмундира, который отвѣдалъ энергической брани квартирной хозяйки, не получившей своевременно уплаты денегъ, по случаю запоздавшей присылки ихъ изъ родительскаго дома, гдѣ изъ-за нихъ тоже бывають порядочныя неприятности,—который испыталъ, что такое значить корешокъ по лбу пятифунтовымъ фоліантомъ во время безсмысленнаго увлеченія надутыми словами, придуманными для выраженія вымышленнаго несчастія, который, наконецъ, очень хорошо знаетъ, не хуже циническаго лексикографа и великаго человѣка Джонсона, что «если бы та большая и модная барыня, что плачетъ надъ великолѣпнымъ монументомъ о своемъ умершемъ мужѣ, была простая прачка, и если бы у нея было семь человѣкъ дѣтей, то она и не подумала бы франтить свою печалью». Вы, педантическіе педагогии въ особенности вы, учителя словесности, столь про-

сладенные своею безсловесною тупостью! вы приторные поклонники высокаго и прекраснаго, къ которому свою чуткость вы обнаруживаете однако по указкѣ, а не по собственному сердцебіенію! вы бессмысленные долбители фразъ и шутовскіе истолкователи пузырныхъ идеаловъ! Это вы одни виноваты въ томъ, что для Базарова потеряла всякое значеніе лучшая сторона человѣческой дѣятельности, для пышнаго развитія которой человѣкъ записывается на время въ чернорабочіе, трудится въ поту лица, изобрѣтаетъ машины, пластаетъ лягушекъ, дѣлаетъ всевозможныя открытія. Вы настолько отличились въ этомъ полезномъ дѣлѣ, что отчасти успѣли заставить человѣческую мысль принять обратное шествіе, поворотить къ животнымъ, внушили желаніе отвѣдать ихъ нравственности, ихъ безпечнаго житія и вообще существующихъ между ними порядковъ. Теперь вы жалуетесь на такой оборотъ дѣла, обвиняете цѣлое поколѣніе, очевидно вырывающееся изъ вашихъ когтей, лишенныхъ всякаго идеальнаго очарованія, толкуете про какія-то иностранныя книжки, будто бы единственные виновники всего того, что вы называете зломъ. Но почему же эти книжки вдругъ показались столь любезными и столь привлекательными? Не потому ли, что онѣ приносятъ съ собою благу вѣсть, которая видимымъ образомъ проникаетъ во всѣ области человѣческихъ порядковъ и знаній, въ область суда и права, въ философію, педагогику, семейную жизнь и политическую экономію? Пора оставить ребяческое утѣшеніе, надъ которымъ серьезныя люди могутъ только смѣяться, утѣшеніе, столь неудачно находимое въ томъ, будто новое направленіе, со всѣхъ сторонъ врывающееся въ нашу жизнь и стремящееся сдѣлаться преобладающимъ въ нашей литературѣ, нисколько не прочтѣе того направленія, представителями котораго у насъ были-де скарать доморощенные вольтеріанцы екатерининскаго времени, эти щеголеватые вольнодумцы, которые снаружи отличались атеистическими каламбурами, а внутри боялись чорта не хуже любого капуцина. Искать утѣшенія въ этомъ сравненіи значитъ обличать только свое собственное легкомысліе. Положимъ, что эти легковѣрные люди дѣйствительно боялись чорта, и что ихъ вольнодумство, точно, имѣло сходство съ вольнодумствомъ татарина, позволяющаго себѣ пить вино, запрещенное пророкомъ, и однако не перестающаго оттого быть магометаниномъ; но съ какой же стороны нужно смотрѣть на этотъ фактъ, чтобы съ отрадою и утѣшеніемъ видѣть въ немъ что-

нибудь уничтожительное для преобладающего теперь направле-
 ния? Если на него указывают за тѣмъ, чтобы показать, что
 вотъ у насъ возникали уже великія и плодотворныя идеи, да
 не вышло изъ этого никакого толку, — то это дурная радость;
 въ такомъ случаѣ объ этомъ фактѣ слѣдовало бы скорбѣть, а
 не утѣшаться имъ; если же его выставляютъ наружу съ тою
 цѣлю, чтобы озадачить кого слѣдуетъ живыми примѣрами, что
 и впредь не будетъ никакого толку, то тутъ кромѣ дурной ра-
 досты есть дурное соображеніе, есть какое-то дѣтское невни-
 маніе къ вещамъ самымъ простымъ и удобопонятнымъ. Какъ
 будто есть что-нибудь общее между нашими прежними и тепе-
 решними послѣдователями здраваго направленія, и будто шансы
 на успѣхъ у тѣхъ и у другихъ совершенно равносильны? Пре-
 жнія, какъ извѣстно, происходили изъ большихъ баричей, лю-
 бившихъ предаваться вольнодумству болѣе потому, что выра-
 женное на французскомъ діалектѣ оно имѣло въ гостинныхъ все
 очарованіе комплементовъ; въ сущности оно не было даже направ-
 леніемъ, не было даже начитанностію, а просто въ видѣ го-
 товыхъ каламбуровъ вывозилось изъ Парижа, вѣроятно съ удиви-
 тельными вещицами для туалета, табакерками съ музыкой и по-
 кроемъ французскихъ кафтановъ. А вотъ нынѣшній Базаровъ
 въ третьемъ колѣнѣ происходитъ отъ дьячка; по французски
 онъ, по всей вѣроятности, не умѣетъ даже и говорить, а не
 только острить; образомъ своихъ мыслей онъ любитъ скорѣе
 озадачивать и приводить въ отчаяніе, чѣмъ щеголять; направ-
 ленія своего онъ не откуда не выписывалъ, а дошелъ до него
 путемъ научнаго академическаго образованія и усиленныхъ за-
 пятій, за которыми надѣется получить степень доктора медицин-
 скихъ наукъ. Прежніе вольнодумцы находили удовольствіе жи-
 вѣть своими мыслями только между собою, тщательно скры-
 вая ихъ отъ всего, что стояло ниже ихъ, и въ особенности отъ
 своихъ крѣпостныхъ, а нынѣшніе поступаютъ совершенно на-
 оборотъ; крѣпостныхъ они вовсе не имѣютъ, а бесѣды и раз-
 говоровъ чуждаются только съ тѣми, которые стоятъ выше ихъ.
 Прежніе даже и не догадывались, что бы какой бы то ни было
 образъ мыслей могъ обязывать къ сообразной съ нимъ прак-
 тикѣ, и они были очень довольны, что міръ и человѣческія об-
 щества устроены не много стройнѣе, чѣмъ изъ безсвязныхъ
 мыслей, а нынѣшніе страдаютъ, напротивъ, обратными пороками;
 они такой только образъ мыслей и уважаютъ, въ которомъ есть

толкъ и который можетъ быть примѣненъ къ дѣлу, и они кромѣ того, полагаютъ, что въ этомъ мѣрѣ далеко не все такъ стройно и въ особенности не такъ сообразно съ истинными понятіями о человѣческой природѣ, какъ бы того требовало здравомысліе. Это обстоятельство ихъ огорчаетъ, по-крайней-мѣрѣ, должно бы огорчать, и оно во все времена будетъ служить исходнымъ пунктомъ всехъ лучшихъ ихъ усилій, ихъ благороднѣйшихъ предпріятій, словомъ — всего ихъ направленія. Такъ много ли заключается осознательности въ томъ предположеніи, будто это направленіе ничѣмъ не лучше, не серьезнѣе и не прочнѣе нашего доморощенного и игрушечнаго вольтерьянства? Одно, какъ вы видите — фанфаронство, мода, «философія послѣ выпивки»; а другое — успѣхи науки, требованія современности. Спрашивается: что серьезнѣе и долговѣчнѣе — болтовня фанфарона или научная истина?

Къ концу гимназическаго курса, Базаровъ, при его довольно не общемъ умѣ и болѣзненно развитомъ самолюбіи окончательно предоставилъ своимъ юношескимъ товарищамъ утѣшать себя мечтами, что изъ нихъ могутъ выйти поэты, литераторы, педагоги, геройскіе офицеры и другіе безтолковыя, по его мнѣнію, люди, и твердо порѣшилъ съ самимъ собою, что если какіе-нибудь предметы гимназической программы могутъ помочь ему въ составленіи карьеры, такъ это предметы положительныхъ знаній. Сообразно такому рѣшенію онъ и налегъ на эти предметы, обнаруживъ рѣшительное пренебреженіе къ остальнымъ и занимаясь ими лишь настолько, чтобы они не могли вредить ему въ полученіи удовлетворительныхъ отиѣтокъ и въ успѣшномъ окончаніи курса. Окончаніе же его гимназическаго курса, какъ извѣстно, совпадало съ періодомъ времени, какъ разъ слѣдовавшимъ за смертію Бѣлинскаго, періодомъ самаго печальнаго застоя, и въ нашей жизни, и въ нашей литературѣ; такого печальнаго времени русскимъ юношамъ, можетъ быть, не приходилось еще и переживать, по-крайней-мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ движеніе мысли въ нашемъ отечествѣ получило для нихъ живой интересъ: ни одного внушительнаго имени въ литературѣ, ни одного публициста, ни одного критика, который бы стоялъ выше посредственности, ни одного великаго писателя въ полномъ переводѣ, учитель словесности педантъ и тушца, комментаторъ Овидія и Цицерона, не знающій латинскихъ спряженій, преподаватель исторіи, не знающій ни одного ино-

страннаго языка и не очень бойкій въ объясненіяхъ на своемъ собственномъ, такъ что за неразвязностію человѣческой рѣчи онъ только и зналъ что лаялъ, — словомъ, все обстояло столь благополучно, что пренебреженію ко всякой роскоши человѣческаго развитія очень легко было зародиться и еще легче было ему укрѣпиться до самой неуступчивой крайности, до послѣдней вѣлѣности. А наука, какъ бы ее не искалѣчивали, всегда способна постоять сама за себя, непосредственнымъ образомъ: дважды два четыре, — этого вы никогда не утаите; магнитная стрѣлка своимъ южнымъ полюсомъ всегда обращена къ сѣверу, а сѣвернымъ къ югу, — этого вы ни отъ кого не скроете, у кого есть глаза; печень выдѣляетъ жолчь, головной мозгъ мысли, — этой истины никогда никому не удастся ни утаить, ни опровергнуть. Базаровъ избралъ науку. Средства его отца были таковы, что съ помощію ихъ онъ могъ узнать только, что корень ученія горекъ, а какъ сладки плоды его — этого онъ не могъ отвѣдать безъ пособія казеннаго содержанія. Содержаніе это и въ прежнее время, какъ и теперь, достигалось гораздо удобнѣе при желаніи сдѣлаться студентомъ медицинскаго факультета, чѣмъ какого-нибудь другаго. Базаровъ поступилъ въ мѣдико-хирургическую академію. Начавши съ няньки-солдата и учителя грамоты — военнаго писаря, онъ долженъ былъ заключить свое образованіе пятилѣтнею жизнію академическаго бурсака. Что онъ превосходно учился — это мы знаемъ, что онъ до послѣдней степени ожесточился, это легко понять: съ одной стороны — беззапретное занятіе любимыми предметами, доступъ къ книгамъ, отнимающимъ сонъ и открывающимъ новый міръ, вдохновеніе труда и наглядное убѣжденіе въ могуществовѣ человѣческой мысли, а съ другой — каждодневныя дрязги из-за явдкаго чаю съ недопечеными булками, общее возстаніе из-за худо подслащеннаго сбитеню, правильный заговоръ изъ-за каши, подправленной сальною свѣчкою, все это такіе контрасты, которые мало способствуютъ къ гармоническому развитію силъ нашей человѣческой природы.

Г. Тургеневъ утаилъ всѣ эти подробности о своемъ героѣ; и однако онъ составляютъ ключъ къ его произведенію, и снимаютъ съ него обвиненіе въ клеветливости на своего героя и во враждебномъ къ нему расположеніи. Для чего онъ это сдѣлалъ? Что подробности эти послужили подкладкою для задуманнаго имъ или, лучше сказать, высмотрѣннаго

нѣ характера, и что онѣ зналъ ихъ самымъ микроскопическимъ образомъ, до самыхъ незамѣтныхъ мелочей, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Для доказательства этого достаточно указать на тотъ фактъ, что между людьми бурсацкой жизни, или похожей на нее, одни, — болѣе прямодушные и безъискусственные, — первые признали Базарова и даже увлеклись имъ, какъ такимъ собратомъ, который способенъ составлять истинную гордость бурсы, а другіе, — болѣе щепетильные, любящіе говорить о порядочныхъ кружкахъ и порядочныхъ обществахъ, — обидѣлись имъ, принявши его за сатиру на самихъ себя и даже печатно истолковавши его въ этомъ смыслѣ. Что это значитъ? Значитъ, что Базаровъ задуманъ хорошо и прочно съ знаніемъ всей его подноготной. Но г. Тургеневъ не хотѣлъ, чтобы изъ его романа вышелъ скучнѣйшій трактатъ о воспитаніи, который могъ быть прочитанъ специалистами, но который и въ сотую долю не достигалъ бы тѣхъ разнообразныхъ цѣлей, какія теперь достигаются его романомъ. Онъ хотѣлъ остаться вѣренъ своей службѣ художника, и потому опустилъ всѣ ненужныя ему подробности, изученіе которыхъ, однако, составляло для него необходимый подготовительный трудъ. Притомъ онъ пишетъ для своихъ соотечественниковъ, которые должны же разумѣть что-нибудь и сами; не такіе же они, въ самомъ дѣлѣ, безмозгіе, какъ можетъ казаться иному бурсаку, натерпѣвшемуся всякаго горя отъ человѣческаго неразумія и посмотрѣвшемуся на самыя безсмысленныя несправедливости. Затянуть безконечную лямку, въ родѣ «*Старое старится молодое растетъ*», и оборваться въ этой лямкѣ на семилѣтнемъ возрастѣ своего героя, заставивши его утопиться или быть пришибеннымъ камнемъ, по предложенію редактора журнала, затянуть такую лямку, даже съ лучшими намѣреніями и по самому широкому плану, задуманному съ социальными тенденціями, — на это можетъ достать любого писака, не исключая и Аскоченскаго, который ухитрился же поразить матеріализмъ и безбожіе въ самое сердце какимъ-то *Асмодеемъ нашего времени*. Честь и слава г. Аскоченскому, который и пожалъ за то заслуженные имъ лавры. Но г. Тургеневъ не такой писатель, который бы при исполненіи своего труда имѣлъ нужду пролаживать его къ тѣмъ вкусамъ, за угожденіе которымъ могутъ быть предложены дешевые лавры г. Антоновича. Угодать этимъ и какими бы то ни было чужимъ вкусамъ для писателя съ истин-

нымъ дарованіемъ и дорожащаго своей литературной репутаціей дѣло рискованное. Романъ г. Тургенена — не трактатъ, а его все-таки объявили трактатомъ и еще такимъ, который даже у специалистовъ изъ рукъ валится. Что могло быть, если бы онъ на самомъ дѣлѣ отзывался трактатомъ? Могло случиться, пожалуй, что его тогда-то и пожаловали бы достоинствомъ мастерскаго произведенія. Только очень хорошо извѣстно, что этимъ достоинствомъ нельзя ни пожаловать, ни разжаловать. Оттого-то всѣ поэты, начиная отъ самыхъ великихъ до самыхъ мелкотравчатыхъ, такъ много говорятъ о своей гордости и независимости. Отъ того же самаго и г. Тургеневъ, безъ сомнѣнія, заранѣе предвидѣвшій, кому онъ угодитъ своимъ романомъ и кому не угодитъ, захотѣлъ угодить только своей собственной добросовѣстности. Странно, что эта заслуга всегда достается писателямъ не дешево. Еще страннѣе, что всегда находятъ люди, которые въ добросовѣстности писателя умѣютъ отыскать личность, за которую и стараются заплатить ему уже настоящими личностями, во всей ихъ безыскусственности, — новое обстоятельство, которымъ объясняется, почему старинные поэты такъ много распространялись о своемъ терновомъ вѣнкѣ. Вотъ такого точно обвиненія въ личности, и такого же воздаянія за нее посчастливилось не избѣгнуть и г. Тургеневу. Но мы знаемъ теперь, отъ чего произошло это. Отъ того, что г. Тургеневъ не далъ ключа къ своему произведенію, выдавая его за ларчикъ, который открывается просто; отъ того, что онъ не написалъ предисловія къ своему роману и не объяснилъ въ немъ, что ему, съ своей стороны, извѣстны всѣ смягчающія обстоятельства въ пользу его героя, и что если между строками его романа захотятъ находить затаенныя заднія мысли задѣвающаго свойства, то эти мысли должны относиться въ той же степени и къ остальному русскому обществу, въ какой они относятся къ той его части, представителемъ которой служить герой романа съ его сателлитами.

И точно; между строками романа читаются слова, обращенныя къ обществу: «Посмотри, какая зомящая и какая раздражительная сила народилась въ тебѣ. Что она дѣйствительная сила, въ этомъ сомнѣваться уже поздно, и для общества въ этомъ сомнѣваться даже не выгодно; а что она раздражительная, надъ этимъ слѣдуетъ призадуматься. Значить, ее долго дразнили; не

давали ни простору, ни выхода. Къ этому, общество не должно быть равнодушно. Поставлять ей цѣпки и дѣлать загороди—будетъ повтореніемъ старыхъ ошибокъ, будетъ желаніемъ остановить Волгу у ея истока. Остается общими силами расчищать русло, и заботиться о томъ, чтобы сила приняла правильное теченіе». Слова, обращенныя къ Базаровымъ, могутъ быть прочитаны такъ: «Вы, безъ сомнѣнія, люди сильные, люди будущаго; это всякому должно бы быть извѣстно до очевидности по одному тому, что вы можете вашихъ отцовъ, и должны пережить ихъ. Но, судя по образу вашихъ дѣйствій, можно подумать, будто вы не искренни, даже въ желаніи успѣховъ самимъ себѣ. Вы натерпѣлись въ одномъ мѣстѣ, а вымѣщать хотите по всюду и на каждомъ встрѣчномъ; вы вездѣ воображаете вашу бурсу съ ея порядками; видите личныхъ враговъ тамъ, гдѣ могли бы находить союзниковъ. Это можетъ затянуть ваше собственное дѣло, и пожалуй надолго; потому-что ваша постоянная несправедливость будетъ отбивать отъ васъ даже собственно вашихъ, какъ это и случилось съ Аркадіемъ Кирсановымъ; будетъ обезсильвать васъ приставаніемъ къ вамъ всякихъ ярыжекъ въ родѣ Ситникова, которыхъ все-равно. Вы дѣйствуете новичками, и вы на самомъ дѣлѣ таковы; въ дѣйствительной борьбѣ вы еще не искусны. Это бы ничто, но вы большое значеніе придаете вашей бурсацкой опытности. Это очень прискорбно, и вы должны знать, что способъ дѣйствій и поведенія, сообразный съ этою опытностію, можетъ возбуждать одно только недовѣріе».

Романъ г. Тургенева заключаетъ въ себѣ факты и жизненные явленія, которые хороши тѣмъ, что наблюдаемы очень вѣрно. Единственная попытка заподозрить ихъ точность, сдѣланная критикой, ограничилась натяжками и выдумками въ родѣ тѣхъ, что г. Тургеневъ обращается съ своимъ героемъ, какъ съ своей жертвой, что онъ заставляетъ его ѣсть, какъ обжору, пить какъ пьянчужку, загрызаться въ карты, какъ записного картежника, что онъ вмѣсто одушевленныхъ людей, съ собственными нѣтъ характерами и поведеніемъ, предлагаетъ намъ только куклы съ собственными именами, представляющія будто бы эмансипацію женщинъ, матеріализмъ, аристократизмъ и проч. Эта самообличительная попытка служитъ лучшимъ доказательствомъ, что наблюденіямъ г. Тургенева можно довѣрять смѣло. Критики могутъ насмѣваться надъ, сколько угодно, и могутъ доказывать имъ

какія угодно собственныя свои фантазіи. Но лучшее объясненіе ихъ будетъ то, которое можетъ обойтись безъ выдумокъ, неясженій и натяжекъ, безъ всякаго самообольщенія, что такіе-то грустные и невыгодные для насъ факты непременно ложны. Чего бы, кажется, легче, какъ такое объясненіе?

Повидимому, оно самое легкое, потому-что оно самое простое и естественное. Но для этого нужно имѣть очень много искренности, сильную склонность къ самосовершенствованію и ни малѣйшей потачки своимъ слабостямъ, нужно быть прогрессистомъ не на однихъ словахъ и не въ одной печати, но въ душѣ и на дѣлѣ. А гдѣ же взять и у кого занять такія качества? Мы очень рады обличить себя въ нѣкоторомъ лукавствѣ, и даже нѣкоторой нечестности характера, для того, напримѣръ, фокусъ-покуса, чтобы дать понять своему ближнему, вотъ дескать какой образецъ чистосердечія и честности мы представляемъ собою: проникнись и преклони голову. Но если мы плохіе джентльмены, а любимъ казаться людьми очень развязными, если мы воспитывались въ бурсѣ, а потомъ привинтили къ себѣ слабость говорить о порядочныхъ обществахъ, то можемъ ли мы воздержаться, чтобы не заклеить именемъ пошляка и тупицы всякаго, кто позволитъ себѣ говорить—хотя бы не про насъ, а такъ, въ видѣ общей мысли, что будто изъ бурсы не выходятъ джентльмены? Всякій посторонній человѣкъ можетъ видѣть, что въ этомъ нѣтъ даже ничего обиднаго, что, не бывши джентльменомъ, можно быть еще умнымъ, дѣльнымъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ вполне достойнымъ и даже великимъ человѣкомъ, а намъ все-таки будетъ обидно: про насъ говорятъ, будто у насъ есть ахиллесова пята,—можно ли стерпѣть подобную клевету? Вотъ мы и готовы заподозрѣвать подлинность самыхъ достовѣрныхъ фактовъ; готовы давать имъ объясненіе, самое несообразное съ ихъ внутреннимъ смысломъ.

Мы, однако, рѣшились, не принимать близко къ сердцу ни того обстоятельства, что нѣкоторые существенные недостатки Базарова объясняются цѣлымъ рядомъ неуклюжестей въ его воспитаніи, ни того, что мадамъ Кукушина подъ эмансипаціей женщинъ разумѣетъ распущенность звѣринныхъ самокъ или бурсака въ женскомъ платьѣ. Мы знаемъ, что такіе факты существуютъ и что они служатъ однимъ изъ великихъ препятствій къ распространенію здравыхъ понятій; мы еще до появленія романа

г. Тургенева говорили, что дѣйствительно есть такія мнѣнія объ эмансипаціи женщинъ, какихъ держится мадамъ Кукушина, и что есть даже писатели, которые стараются сдѣлать эти мнѣнія популярными. Что же намъ за выгода лгать и притворяться незнающими о существованіи этихъ фактовъ, или прикидываться обиженными тѣмъ, что другіе прямодушные люди говорятъ о нихъ безъ утайки? Положимъ, что это одно изъ вѣрныхъ средствъ прослыть безупречнымъ прогрессистомъ; но этихъ средствъ теперь такъ много, что ихъ покупается за грошъ два. Самовѣрнѣйшее изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы ругаться надъ достойными людьми. Значитъ—вы достойнѣйшій, если достойныхъ забрасываете грязью. Въ этомъ отношеніи обругать г. Тургенева, представляетъ великій соблазнъ. Но мы рѣшились воздерживаться и отъ соблазновъ. Мы вѣримъ наблюденіямъ г. Тургенева и хотимъ, на скорую руку, прослѣдить романъ его, именно при постоянномъ довѣріи къ нимъ.

Останавливать вниманіе читателей мы, разумѣется, будемъ на тѣхъ преимущественно мѣстахъ, которыя его останавливали еще прежде нашего указанія и для которыхъ написанъ самый романъ.

Базаровъ-медикъ, можетъ быть, годъ тому назадъ, а можетъ быть только сейчасъ, съ открытіемъ романа, сдавшій свои экзамены блестящимъ образомъ. Ему, однако, двадцать семь лѣтъ: значитъ безпечный родитель довольно-таки запоздалъ пошлениемъ его въ губернскую гимназію, оставляя его на рукахъ его перваго педагога изъ военныхъ писарей. Теперь онъ ѣдетъ въ качествѣ гостя съ своимъ пріятелемъ, юнымъ кандидатомъ петербургскаго университета, Аркадіемъ Кирсановымъ, въ родительскій домъ этого послѣдняго. *Отецъ* Кирсанова, Николай Петровичъ, выѣхалъ встрѣтить своего сына, очень имъ любимого, за цѣлую станцію. Знакомство этого добраго человѣка съ Базаровымъ, разумѣется, происходитъ тутъ же, и тутъ же начинается вырзываться передъ нами строгая фигура Базарова. «Надѣюсь, любезнѣйшій Евгенийъ Васильевичъ, что вы не соскучитесь у насъ», сказалъ Николай Петровичъ. Тонкія губы Базарова чуть тронулись, но онъ ничего не отвѣчалъ, и только приводилъ фуражку». Собственно тутъ слѣдовало бы сказать: покорно васъ благодарю. Но это значило бы сказать рутинную фразу, которая въ подобныхъ случаяхъ сама собой подверты-

вается на языкъ обыкновеннымъ смертнымъ. Базаровъ осто-
ченный врагъ рутинны; онъ преслѣдуетъ ее въ самыхъ посылд-
ныхъ мелочахъ, и онъ думаетъ, что это одно и единственное
спасеніе отъ нея. Трудно осудить его за то, что онъ такъ ду-
маетъ, потому что онъ думаетъ очень искренно; но осудить
самый образъ его мыслей, доказать ему, что есть цѣлая бездна
мелочей, на которыя слѣдуетъ смотрѣть сквозь пальцы, и что
этотъ способъ обращенія съ мелочами облегчаетъ достиженіе
цѣлей болѣе крупныхъ,—это очень легко. Базаровъ полагаетъ,
что, воздерживаясь отъ рутинныхъ словъ, отъ всякихъ рутин-
ныхъ мелочей, онъ сражается съ рутинной; но кто чуждается
рутины еще посерьезнѣе, чѣмъ онъ, тотъ можетъ сказать ему,
что онъ сражается за рутину. Онъ не знаетъ, что совершеннѣе
люди серьезныхъ занятій и производители всякихъ умственныхъ
и политическихъ переворотовъ, давнымъ давно отказались отъ
претензій имѣть наружность римскаго гражданина Кассія или
нѣмецкаго доктора Фауста, отказались именно потому, что этотъ
способъ держать себя началъ казаться уже черезчуръ рутин-
нымъ и педантическимъ, и еще потому, что они почувствовали
самую живую потребность обращаться какъ можно больше съ
людьми и даже имѣть между ними популярность, совершенно
необходимую для ихъ политическихъ намѣреній и даже ученыхъ
открытій. А для этого, разумѣется, не только стоять, но и
слѣдуетъ, и необходимо отказаться отъ вѣковѣчныхъ страшно-
стей своего цѣха. Суровый видъ очень приличенъ былъ доктору
Фаусту, и былъ въ немъ очень естественъ: учоность этого бѣд-
наго алхимика скоплялась, какъ извѣстно, крупницами; онъ соби-
ралъ эти крупницы по греческимъ, латинскимъ и арабскимъ ма-
нускриптамъ, разбросаннымъ чуть не по цѣлому міру; довѣрялся
какой-нибудь легендѣ, онъ проводилъ безсонныя ночи, мечталъ
о томъ, какъ бы угадать мѣсто, на которое указывается въ ле-
гендѣ и въ которомъ скрытъ драгоценный пергаментъ, заклю-
чающій въ себя откровеніе истины; а какой истины,—это для
доктора Фауста было опять предметомъ недоумѣнія, потому что
онъ не старался рѣшить какую-нибудь частную задачу, не добивался
какого-нибудь опредѣленнаго знанія, а просто стремился къ исти-
нѣ, о которой думалъ, что ее, при счастьи, также можно от-
крыть и откопать, какъ откапываютъ клады. О практическомъ
употребленіи найденной истины алхимикъ опять-таки не думалъ
ничего опредѣленнаго, и обладаніе ею, скорѣе всего, разумѣлъ,

какъ упоеніе какой-то не человѣческой мудростію, какъ бесполезную монополію знанія вещей божескихъ и человѣческихъ; ко всему этому любознательный алхимикъ могъ еще опасаться костра, на которомъ его могли изжарить, какъ опаснаго колдуна. Очень понятно, отчего въ докторѣ Фаустѣ такъ естественъ его суровый, таинственный и вмѣстѣ озабоченный видъ. Но съ тѣхъ поръ все это существенно измѣнилось. Теперешніе двигатели науки самымъ опредѣленнымъ образомъ знаютъ всѣ свои задачи и цѣли; задыхаться надъ гнилыми и гіероглифическими пергаментами, а также и отыскивать эти пергаменты съ опасностію жизни, имъ тоже не нужно, потому что ихъ спеціальныя предметы имѣютъ каждый свою литературу, которую они знаютъ или могутъ знать какъ свою ладонь. Оттого они, при самыхъ глубокихъ занятіяхъ, имѣютъ видъ обыкновенныхъ смертныхъ, и отчасти даже гордятся тѣмъ, что не похожи на средневѣковыхъ алхимиковъ; они также гуляютъ, ходятъ въ гости, говорятъ тамъ тѣже любезности и ищутъ тѣхъ же развлеченій, какъ и люди другихъ занятій; самымъ этимъ занятіямъ они предаются съ такою простотою и легкостію, какъ будто они нисколько не труднѣе и не замысловатѣе никакихъ другихъ занятій; въ промежуткахъ этихъ занятій они позволяютъ себѣ всякіе пустяки, въ родѣ переписки съ едва знакомыми людьми, съ которыми видѣлись два-три раза въ жизни и никогда болѣе не увидятся; такъ поступалъ, напримѣръ, Гумбольдтъ, писавшій до трехъ тысячъ писемъ въ годъ и еще болѣе получавшій ихъ. Въ этомъ отношеніи Базаровъ-рутинистъ, и былъ бы совсѣмъ отсталымъ человѣкомъ, если бы не былъ академическимъ бурсакомъ, еще не успѣвшимъ сформироваться въ общественнаго человѣка и не знающимъ даже того, что въ его образѣ мыслей нѣтъ никакой тайны, угрожаемой костромъ или пыткою. Иначе онъ не сталъ бы сразу озадачивать людей, что онъ человѣкъ принадлежащій къ цѣху; по-крайней-мѣрѣ не сталъ бы заявлять этого самымъ неумѣстнымъ образомъ, по поводу вещей, нисколько не вызывающихъ на такую откровенность. Ему изъясляютъ привѣтливость: «надѣюсь, любезнѣйшій Евгений Васильевичъ, что вы у меня не соскучитесь», а онъ отвѣчаетъ на это добродушіе улыбкою, которая, въ глазахъ всѣхъ знающихъ его покороче, означаетъ: «напрасно надѣялись и очень много на себя берете; если бы я не зналъ, что въ вашемъ имѣніи есть болота, въ которыхъ водятся лягушки, а бы

и не подумалъ заглянуть къ вамъ». Однако почему бы не подумалъ? Опошлять значеніе жизни, задаваться заранѣе мыслию, что мы для того родились, чтобы ничему не радоваться, воображать себя существами высшаго разряда, презирать до такой степени своихъ ближнихъ, чтобы ужъ рѣшительно ничего не ожидать отъ общества съ ними, — это опять-таки вышло изъ моды, и вошло въ рутину самаго устарѣлаго свойства. Теперь самые положительнѣйшіе изъ передовыхъ людей соглашались, что судьбы человѣческія несповѣдимы, что они управляются тысячами случайностей, которыя всегда способны поразить насъ самою изумительною неожиданностію. Эта истина подтвердилась на самомъ Базаровѣ: съ прїѣзда къ Кирсановымъ онъ въ короткое время пережилъ цѣлый романъ.

«Аркадій! пришли мнѣ спичку, нечѣмъ трубку раскурить». Читатели знаютъ, какъ неумѣсто были произнесены эти слова Базаровымъ. Съ послѣдней станціи до Кирсановскаго имѣнья онъ ѣдетъ одинъ. Пріятель его пересѣлъ въ коляску своего отца. Добродушный родитель предается своимъ естественнымъ чувствамъ къ своему юному кандидату и сыну, съ которымъ не видался такъ долго и котораго любитъ такъ нѣжно; робѣи и мѣшаясь, посвящаетъ его въ свою частную и вмѣстѣ семейную тайну, состоящую въ томъ, что у него есть сердечная привязанность, отъ которой, за это послѣднее время, пока они не видались, прдизошелъ даже плодъ; потомъ, по случаю удивительно хорошаго дня и вѣзда на свои собственные поля, склоняетъ разговоръ къ тому, что ему, Аркадію, это все должно казаться роднымъ и пріятнымъ. Молодой человѣкъ, видѣвшій въ Базаровѣ своего оракула, сначала разумѣется, почолъ своею обязанностію воспротивиться вліянію, произведенному на него сложностію обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился, осадилъ слегка своего родителя замѣчаніемъ, что все равно—гдѣ бы ни родиться: однако не устоялъ; его собственная юная природа, и та, которая, по видимому, никогда не состарится, въ особенности же то обстоятельство, что онъ въ самомъ дѣлѣ находился въ мѣстахъ, видѣвшихъ его рожденіе и дѣтство, все это взяло перевѣсъ надъ теоретическими понятіями о безразличіи мѣстъ, временъ и обстоятельствъ. и новый философъ до такой степени поощрилъ своего родителя въ его идиллическомъ настроеніи, что тотъ заговорилъ стихами:

«Какъ грустно мнѣ твое явленіе,
Весна, весна пора любви!»

Базаровъ рассчиталъ, что въ коляскѣ, идущей впереди него, должно быть не совсѣмъ ладно, что пріятель его, по условіямъ своего рожденія, не испытавшій всѣхъ сладостей бурсы и потому недостаточно закаленный, чтобы быть безпощаднымъ го-внелемъ рутинны, могъ не устоять противъ такихъ заговорщи-ковъ, какъ его собственная молодость, нѣжность этого старенькаго романтика, виновника его жизни, эти родныя поля — и тутъ-то именно и понадобилось ему громогласно потребовать спичекъ. Въ сущности это несвоевременное требованіе ничѣмъ не лучше и не хуже корешка латинской хрестоматіи при чтеніи короля Лира; тутъ нескрыты даже отношенія ментора къ своему цитомцу, потому-что изъ всего видно, что Аркадій Кирсановъ въ своемъ направленіи — неопитъ посвященный въ него Базаровымъ? Какою-же логикою руководился Базаровъ, оканивая холодною водою и своего добраго пріятеля и едва знакомаго ему человѣка, изъясвившаго всю свою готовность заботиться о его развлеченіяхъ? Оправдать употребленіе корешка латинской хрестоматіи, произведенное столько разъ надъ нимъ самимъ, онъ безъ сомнѣнія, не могъ; не устоять противъ искушенія покурить въ трубку — для его характера, еще ни передъ кѣмъ не спасовавшаго слишкомъ мелко. Причина тутъ, по его словамъ, та, что онъ не хочетъ, и не долженъ потакать старенькимъ романтикамъ. Но объ этомъ его никто и не просить, а только спрашиваютъ—какое онъ имѣетъ право имъ грубіанить? Все право его состоитъ въ томъ, что романтизмъ и вообще всякія понятія, вытекающія не изъ его направленія производятъ на него непріятное ощущеніе и что онъ въ то же время не находитъ въ себѣ ни малѣйшаго расположенія оставаться мученикомъ непріятныхъ ощущеній, когда имѣетъ возможность устранить ихъ. Но это право точно въ такой же мѣрѣ принадлежитъ и старенькимъ романтикамъ; и они имѣютъ ту же самую человѣческую природу въ той же самой степени способную или неспособную выносить непріятныя ощущенія. Стало быть, это такой случай, изъ котораго нѣтъ выхода безъ рукопашнаго боя.

Базаровъ человѣкъ съ толкомъ; мысль его останавливалась на всякихъ вопросахъ, и останавливалась далеко не бесплодно; ему безъ сомнѣнія, приходилось размышлять и о естественныхъ

предѣлахъ человѣческой свободы, въ томъ числѣ и своей собственной, и о способности человѣка къ сознательному и добровольному самосовершенствованію. Не изъ чего не видно, что бы мысли его объ этихъ предметахъ были исполнены такой злодѣйской мрачности и фальши, что бы онъ считалъ для себя безразличнымъ всякій родъ дѣйствій, честный или уголовный, какъ угодно думать г. Писареву. Напротивъ есть полное основаніе думать, что, при встрѣчѣ съ такимъ образомъ мыслей, Базаровъ былъ бы способенъ показать себя человѣкомъ неумолимой строгости, и что, въ борьбѣ со зломъ, при нѣкоторой долѣ вліянія и власти, онъ показалъ бы себя террористомъ. Это мы знаемъ, это мы чувствуемъ, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается та магнитическая сила Базарова, которая привлекаетъ къ нему презвитовъ и которую, какъ надобно подгадать, дѣйствительно призналъ въ немъ и г. Тургеневъ. Всѣ чувствуютъ, что это сила; самому г. Антоновичу показалось, что у г. Тургенева былъ замыселъ о воспроизведеніи демоническаго образа съ печатію великой силы. Что-жъ эта за сила такая? Не просто-же она, такъ себѣ, отвлеченная сила, лишонная содержанія и цѣли, точь-въ-точь какъ та истина, исканія которой составляло заботы доктора Фауста? Если бы она была простая софистическая сила, состоящая въ искусствѣ побалагурить развязаностію ума или языка, въ умѣнны вывертывать козлы диалектическаго свойства, то она въ одинаковой степени была бы лишена способности—какъ возбуждать досаду и приводить въ болезнь, такъ и имѣть презвитовъ. Но она дѣлаетъ и то, и другое. Стало быть это—дѣйствительная сила, не заключающая въ себѣ никакой тайны касательно того, въ чемъ она состоитъ и куда она направлена. А состоитъ она, какъ мы сказали, именно въ томъ, что въ Базаровѣ чувствуется человѣкъ, который въ высшей степени отличается нетерпимостію вообще къ безразличному или неопредѣленному образу мыслей, въ комъ бы то ни было, и который въ особенности гнушается всякаго безразличія между своимъ собственнымъ образомъ мыслей и своимъ поведеніемъ, между своимъ убѣжденіемъ и своимъ словомъ, или между своимъ словомъ и своимъ дѣломъ. Въ какую сторону направлена эта сила, это еще легче знать, чѣмъ то, въ чемъ состоитъ она, потому что это объясняетъ самъ Базаровъ. «Насъ губить грубѣйшее суевѣріе», говоритъ онъ; «всѣ наши акціонерныя общества лопаются единственно отъ того, что ока-

зывается недостаткомъ въ честныхъ людяхъ». Въ переводѣ на боге общій языкъ это значить, что стремленія Базарова направлены къ добру и правдѣ, то есть, къ такимъ предметамъ, на сторонѣ которыхъ стояли всѣ благодѣтельные гении, о которыхъ упоминается въ сказкахъ, и всѣ истинные поборники человечества, о какихъ только упоминается въ исторіи; а такъ какъ никто не отвергаетъ въ Базаровѣ присутствія силы, то мы должны еще добавить, что стремленія его къ означенной цѣли направлены—самымъ рѣшительнымъ образомъ.—Это очень не дурное и очень не безразличное направленіе для какой угодно силы. Выходить: молодое поколѣніе не можетъ пожаловаться ни на то, чтобы г. Тургеневъ употреблялъ ужь слишкомъ большія усилія, чтобы опорочить его, ни на то, будто бы онъ не могъ или не хотѣлъ понять его лучшихъ инстинктовъ. Молодому поколѣнію очень нужно принять это обстоятельство къ сведенію и, конечно, не столько для того, чтобы считать г. Тургенева несправедливо оклеветаннымъ, сколько для того, чтобы не подпасть несправедливости—клеветать на него, то есть, не столько для г. Тургенева, сколько для самого себя. Г. Тургеневъ ровно ничего не потеряетъ, если молодое поколѣніе будетъ заблуждаться на его счетъ, а молодому поколѣнію не можетъ пройти даромъ это заблужденіе, какъ и всякое другое легкомысліе; оно потеряетъ отъ него ровно настолько, на сколько должно считаться презрительнымъ и отвѣтственнымъ для насъ наше равнодушіе или невниманіе къ людямъ, которые столько же искренно, какъ и мы, только гораздо прежде насъ и гораздо болѣе доказаннымъ образомъ, дорожили тѣми самыми интересами, которые сдѣлались, въ свою очередь, дорогими и для насъ, какъ сдѣлаются, тоже въ свою очередь, дорогими для тѣхъ, которые, безъ всякой заслуги съ своей стороны, составить новое молодое поколѣніе, долженствующее смѣниться опять новымъ, и такъ далѣе, можетъ быть, безъ конца. Молодое поколѣніе должно думать о себѣ, что оно — человѣкъ, желающій сдѣлать состояніе, но еще далеко—не капиталистъ. Начинать съ того, чтобы подобно купеческимъ сынкамъ спускать нажитое и еще наживаемое отцами, значить—начинать очень дурно, значить—заранѣе мѣтить въ отцы, которые нисколько не могутъ сомнѣваться на счетъ своей эпитафій и своего приговора со стороны поколѣнія, уже съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ приходящаго на смѣну теперешнему:

И прахъ нашъ съ гордостью судьи и гражданина
 Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ.
 Насмѣшкой горькою обманутаго сына
 Надъ промотавшимся отцомъ.

Такъ вопросъ не въ томъ, считаетъ ли г. Тургеневъ своего героя обладающимъ какой-нибудь дѣйствительной силой и здравомысліемъ, а въ томъ, отъ чего эта сила обнаруживаетъ постоянную склонность, при самыхъ ничтожныхъ поводахъ, доходить до рукопашнаго боя. Если бы Базарову никто и ни въ чемъ не спускалъ, если бы онъ постоянно встрѣчался съ людьми, въ глазахъ которыхъ—уклониться отъ непріятности значить спасовать и которые бы не любили пасовать и считали бы это для себя унижительнымъ, то многія его выходы, въ крайнемъ результатѣ своемъ, непремѣнно должны были бы приносить ему большія непріятности, и это случалось бы съ нимъ каждый день. Онъ не прощаетъ своему пріятелю увлеченія при воспоминаніи о дѣтствѣ, онъ не можетъ извинить отцу нѣжности къ сыну, хотя, въ сущности, это до него нисколько не касается. Это уже такой порокъ, или лучше, такое несчастіе, которымъ г. Тургеневъ дѣйствительно надѣляетъ своего героя въ изобиліи и, что всего грустнѣе въ этомъ дѣлѣ, имѣетъ на это полное право. Даже болѣе, чѣмъ право: не скрывать этого—было долгомъ совѣсти для нашего романиста; это его добрая лепта, принесенная имъ на дѣло нашего совершенствованія. Мы теперь знаемъ лучше, чѣмъ когда нибудь, что недостатки и несовершенство людей базаровскаго типа составляютъ съ тѣмъ вмѣстѣ и несчастіе этихъ людей, и мы знаемъ теперь самый источникъ этого несчастія. Въ нашей журналистикѣ еще прежде появленія романа г. Тургенева были уже указанія на этотъ источникъ, но указанія слабыя, сдѣланныя на жесткомъ языкѣ русской публицистики и запрятанныя отъ большинства публики гдѣ-нибудь въ темнѣйшемъ уголкѣ толстѣйшей журнальной книжки. «Это все семинаристы гадаютъ», гаркнетъ бывало кто-нибудь вороньимъ голосомъ и, разумѣется, безъ всякаго успѣха, кромѣ полученія заслуженныхъ похвалъ, свойственныхъ вороньему карканью. Оттого большинство бублики, холодное и безучастное, не переставало считать чисто-личные недостатки людей, представляющихъ собою направленіе, недостатки, равносильные несчастію, существенными свойствами самаго этого направленія. Теперь указанія на самый корень зла сдѣланы

тѣмъ способомъ который долженъ придать имъ самую распространенную популярность. Этотъ сынъ полковаго лекаря, воспитанный почти вплоть до академіи на корешкѣ латинской хрестоматіи, а потомъ выстрадавшій все ожесточающее вліяніе академической бурсы, этотъ человѣкъ, одолженный школьному и академическому воспитанію только тѣмъ, что оно открыло ему возможность къ самовоспитанію, — то украдкой, то среди борьбы съ невыносимыми дразгами, не требуетъ особыхъ комментаріевъ, для объясненія того, отчего тревожная душа его не знаетъ ни покоя, ни снисхожденія, и отчего она находитъ столько удовольствія, не чуждаго страданій, въ уязвленіи другихъ человѣческихъ душъ. Базаровъ искренно убѣжденъ, что онъ перенесъ такую не общую судьбу, испыталъ такіа подвотныя подробности самаго положительнаго горя и до того мало былъ балованъ, что жизнь всѣхъ другихъ людей, пользующихся нѣкоторымъ благосостояніемъ, ему представляется какою-то пошлою забавою, лишенною всякихъ уроковъ, а сами эти люди какими-то пошлыми верхоглядями, съ которыми онъ, имѣвшій, по его мнѣнію, всю возможность сформироваться въ настоящаго человѣка, получилъ полное право не церемониться. Мы однако знаемъ все, что Базаровъ могъ извѣдать, и мы знаемъ также, сколько еще остается вещей, о которыхъ онъ не имѣетъ никакого понятія. Самый этотъ старенькій романтикъ, котораго онъ озадачилъ своимъ требованіемъ спичекъ и который, оглядываясь съ высоты пятидесятилѣтняго возраста на пройденную имъ жизнь, говоритъ стихи, обращенные къ веснѣ, — уже можетъ указать ему на такіе жизненные опыты и превратности, которые съ нимъ, старымъ романтикомъ, уже случались; и оставили его не измятымъ, не изуродованнымъ, а съ Базаровымъ должны только случиться, и еще неизвѣстно, останется ли онъ такою несокрушимою скалою, какъ мы видимъ его почти на порогѣ только-что оставленной имъ буровъ. Онъ, напряжѣвъ, ни передъ кѣмъ до сихъ поръ не спасовалъ ни разу: товарищи видѣли въ немъ кумира, и боялись его или слушались; а то, что его давило, было нравственно ниже его и опиралось только на авторитетъ. А ужъ это зрѣніе извѣстно, что спасовать ему непремѣнно придется; на всякаго пророка бываетъ проруха, и, можетъ быть, какому-нибудь сорванцу, ничтожному фату задастся такая минута, въ которую онъ возвысится

никъ Базаровымъ во имя какого-нибудь простаго практическаго правила, и нееранить его, встѣвить спасовать университетскаго образомъ. Въѣтъ извѣтна иронія Карла V надъ однимъ мертвымъ храбрецомъ, преславленнымъ въ своей эпитафїи. «Тутъ лежитъ рыцарь, который не имѣлъ помятія—что такое страхъ», гласила эпитафїя. «Этому рыцарю, должно быть, никогда не приходилось снимать пальцами со свѣчки», сказалъ насмѣшливый императоръ. Базаровъ, самоувѣренный въ своей ни передъ кѣмъ не спасовавшей силѣ, только-что по выходѣ изъ академической бурсы, подходитъ отчасти подъ эту иронїю, сказанную на счетъ этого рыцаря, не испытавшаго самыхъ простыхъ случайностей. Но рыцарь дожилъ до эпитафїи, и для него потеряли всякое значеніе испытанныя и не испытанныя имъ случайности; а передъ Базаровымъ лежитъ еще цѣлая жизнь. Для насъ очевидно, что всѣ предыдущіе опыты его крайне недостаточны для того, чтобы онъ имѣлъ нѣкоторое основаніе составить свое мнѣніе о людяхъ, думающихъ и поступающихъ возможно по-своему, какъ о существахъ, достойныхъ съ его стороны одного только пренебреженія. Но для насъ очевидно еще и то, что пренебреженіе есть оружіе обоюду-острое, которымъ при малѣйшей неловкости можно поразить самого себя. Базаровъ слишкомъ самоувѣренъ, слишкомъ неопытенъ и, пожалуй, довольно несчастливъ для того, чтобы надлежащимъ образомъ понимать всѣ неудобства этого оружія и потому употребить его безъ разбора. Онъ только-что освободился отъ душнвшаго его авторитета, а до той мысли, что выхода изъ товарищескаго кружка, гдѣ его боялись и слушались, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ и самъ перестаетъ быть авторитетомъ до этой мысли, онъ еще не дошелъ и обдается твердо увѣреннымъ, что ему нѣтъ никакой надобности смѣнять своего обращенія и въ своихъ новыхъ отношеніяхъ къ людямъ. Требованіе смичокъ, по поводу котораго мы показали всѣ эти соображенія, было со стороны Базарова однимъ изъ первыхъ опытовъ стараго неведенія, при новыхъ обстоятельствахъ. Опытъ этотъ Базарову удался; его молодой прозелитъ и прїиель востропендулся; старенькій романтикъ пре-вратить свои ивліянія, и вообще въ комьяскѣ, схавшей вперед, воздарилоя порядокъ. Это тотъ марьяченннй порядокъ, который возбуждалъ когда-то такъ много похвальнаго отвращенія въ Базаровѣ, чутомъ по всякой обидѣ и однако бывшемъ въ

необходимости выолумнивать по двадцати разъ въ день различныя амаргическія внушенія на счетъ порядка: «ай вы пощонки! что вы шумите?» Въ то время этотъ способъ водворять порядокъ приводилъ его въ ярость, а теперь онъ самъ проводитъ его съ яростию: вѣрно, болѣзнь эта изъ числа прилипчивыхъ. Но читателю не худо самому познакомиться съ мастерскою манерою г. Тургенева, съ его необщимъ умѣньемъ посредствомъ нѣсколькихъ словъ и нѣсколькихъ строчекъ—вдвинуть васъ въ самый центръ жизненнаго положенія и сдѣлать самоличнымъ наблюдателемъ происходящаго передъ вами явленія; пусть читатель оцѣнитъ самъ, съ какимъ искусствомъ нашъ романистъ знакомитъ его съ свойствомъ того вліянія, и тѣхъ порядковъ, которые Базаровъ стремится производить вокругъ себя, и пусть онъ потомъ разсудитъ—точно ли г. Тургеневъ вмѣсто живыхъ лицъ предлагаетъ намъ разные философскіе и социальныя термины, замѣняемые человѣческими именами. Мы выпишемъ строки, слѣдующія въ романѣ тотчасъ за требованіемъ спичекъ.

«Николай Петровичъ умолкъ, а Аркадій, который началъ было слушать его не безъ нѣкотораго изумленія, но и не безъ сочувствія, поспѣшилъ достать изъ кармана серебряную коробочку со спичками, и послать ее Базарову съ Петромъ.

— Хочешь сигарку? закричалъ опять Базаровъ.

— Давай, — отвѣчалъ Аркадій.

Петръ вернулся къ коляскѣ, и вручилъ ему, вмѣстѣ съ коробочкой, толстую, черную сигарку, которую Аркадій немедленно закурилъ, распространяя вокругъ себя такой крѣпкій и кислый запахъ заматерѣлаго табаку, что Николай Петровичъ, отроду не курившій, по-новолѣ, хотя незамѣтно, чтобы не обидѣть сына, отворачивалъ носъ.»

Внутри коляски, ѣхавшей впереди, произошла существенная перемена. Не этотъ кислый запахъ крѣпкаго табаку, эта осторожность отца, чтобы не обидѣть сына, и это тяжелое молчаніе, въ которомъ Кирсановы провели остальную дорогу до своей дачи, тѣмъ она лучше стиховъ, обращенныхъ къ веснѣ, отцовской нѣжности къ сыну, и одушевленнаго родственнаго разговора? Въ эстетическомъ отношеніи они не только не лучше, но несравненно хуже. Точно тоже слѣдуетъ сказать объ этомъ и съ утилитарной точки зрѣнія: бесполезная выходка Базарова не убавила ни одного суевѣрія въ Россіи, и не прибавила ни одной капли честности для преуспѣванія акціонерныхъ компаній.

По пріѣздѣ къ Кирсановымъ, у Базарова на другой же день произошла схватка съ дядею своего пріятеля и роднымъ братомъ

отца его, Павломъ Петровичемъ Кирсановымъ. Павелъ Петровичъ, очевидно, предназначенъ въ романѣ служить контрастомъ Базарову. Онъ очень образованный человекъ предыдущаго поколѣнія, Герритъ fort, и потому аристократъ и даже левъ, бывший когда-то замѣтнымъ въ Петербургѣ. Въ то время, хотя и не очень отъ насъ отдаленное, люди, неблагопріятствуемые рожденіемъ, — какъ бы они ни были умны и современно-образованы, — имѣли, сравнительно, самое ничтожное значеніе въ общественной жизни; это были: одинъ учитель на цѣлыя пять гимназій, десятокъ студентовъ на цѣлый университетъ, два молодые столоначальника, изъ кандидатовъ университета, на цѣлую губернію, — кто ихъ зналъ и кто объ нихъ думалъ? Представителями поколѣнія оставались люди болѣе или менѣе аристократическаго происхожденія. Направленіе этихъ людей было тоже самое, какъ и ихъ плебейскихъ товарищей по университету, — одинокихъ и разбросанныхъ учителей гимназій и столоначальниковъ губернскихъ правленій; разница состояла только въ привычкахъ и вообще въ чертахъ самыхъ несущественныхъ. Бѣлинскій, пожалуй, многое нашелъ бы въ Павлѣ Кирсановѣ достойнымъ строгаго осужденія, а въ его братѣ, Николаѣ Петровичѣ, почти вовсе не нашелъ бы ничего такого. Въ этомъ отношеніи, сказать мимоходомъ, люди предыдущаго поколѣнія имѣютъ рѣшительный перевѣсъ передъ людьми теперешняго поколѣнія: ихъ было несравненно меньше, но они были несравненно дружнее, единомысленнѣе, гораздо крѣпче держались другъ друга и покидали одинъ другаго съ меньшимъ легкомысліемъ: этому есть очень много примѣровъ. Базаровъ кинулъ своего пріятеля, Аркадія, не успѣвши хорошенько закрѣпить его, и почелъ его потеряннымъ за одно то, что тотъ влюбился и захотѣлъ жениться. Для Станкевича или Бѣлинскаго... но этихъ именъ не слѣдуетъ произносить всуе, — для хорошихъ людей и единомысленниковъ предыдущаго поколѣнія разрывъ дружеской связи изъ-за ничтожнаго предлога былъ невозможенъ и вообще онъ считался бы неприятымъ событіемъ цѣлой жизни. Г. Тургеневъ этого не говоритъ, и за это предпочтеніе стараго новому слѣдуетъ обвинять только насъ. Г. Тургеневъ, напротивъ, проводитъ параллель между ратоборцами двухъ поколѣній, Павломъ Кирсановымъ и Базаровымъ, со всѣмъ безпристрастіемъ принципиальнаго наблюдателя, соединяющаго въ себѣ это достоинство съ мастерствомъ художника. Недоброжелательные критики на-

шего романиста старались открыть въ этомъ сопоставленіи и въ этихъ схваткахъ Базарова съ Кирсановымъ явное желаніе со стороны г. Тургенева разоблачить своего героя съ одной изъ невыгоднѣйшихъ сторонъ его и черезъ то отдать предпочтеніе его противнику. Въ этомъ нѣтъ ничего вѣрнаго и ничего согласнаго съ подлинною мыслию г. Тургенева. Онъ не потакаетъ ни которому изъ противниковъ и остается строго или снисходителемъ къ нимъ обоимъ совершенно въ одинаковой степени. Трезвое и неподкупное отношеніе къ предмету, въ наше время, такая рѣдкость! и эту-то самую рѣдкость мы и встрѣчаемъ у г. Тургенева,—быть можетъ потому, что онъ, по своему участию къ текущимъ интересамъ своего отечества, одинаково принадлежитъ обоимъ поколѣніямъ. Не будемъ разсуждать и дѣлать натяжки, а только глядѣть въ романъ: это очень полезно въ настоящемъ случаѣ. Оба противника представляютъ крайности своего рода: одинъ, изъ уваженія къ самому себѣ, считаетъ нужнымъ быть одѣтымъ по модѣ и сохраняетъ все пристрастіе свѣтскаго человѣка къ англійскимъ *сьютамъ*, туго накрахмаленнымъ воротничкамъ, лаковымъ полусапожкамъ и къ благовонію своихъ усовъ—даже въ деревенской глуши, даже въ своемъ собственномъ кабинетѣ, который и въ глуши-то составляетъ еще новую глушь; другой, тоже изъ уваженія къ самому себѣ, входитъ въ кирсановскую гостиную въ балахонѣ, которому даже самъ даетъ презрительное названіе одѣжки. Эта крайняя церемонность аристократизма, и эта крайняя безцеремонность плебейзма одинаково составляютъ щегольство, поклоненіе модѣ, въ обоихъ умныхъ людяхъ. Настоящій человѣкъ, который, вѣроятно, придетъ вслѣдъ за Базаровымъ, не приметъ этого щегольства ни въ одной его крайности, ни въ другой. Точно также и при схваткахъ Базарова съ Кирсановымъ, настоящій человѣкъ не будетъ ни на той, ни на другой сторонѣ. Одинъ,—видите ли,—вслѣдствіе роковыхъ обстоятельствъ своего воспитанія, отвергаетъ поэзію и искусство, вкусъ и любовь къ которымъ изъ него выбивали корешкомъ латинской хрестоматіи; порядочный химикъ, по мнѣнію Базарова, въ двадцать разъ полезнѣе всякаго поэта; другой признаетъ и поэзію, и искусство, но за то, вслѣдствіе такихъ же роковыхъ обстоятельствъ воспитанія, признаетъ еще аристократизмъ. Базаровъ, какъ существо незаконное и отчасти искалѣченное, отвергаетъ семью; какъ суще-

ство, пострадавшее въ бурсѣ, отвергаетъ общину, но за то онъ отвергаетъ авторитеты и считаетъ недѣлю всякую вѣру нѣ слово. Кирсановъ признаетъ и семью и общину, но за то онъ думаетъ, что безъ преклоненія предъ авторитетами и безъ вѣры нѣ-слово не возможно существовать, да кромѣ того онъ полагаетъ, будто такихъ неприкосновенныхъ институтовъ, какъ семья и община, есть цѣлые милліоны! Затѣмъ противники въ своихъ словопреніяхъ оба не соблюдаютъ мѣры. — Кто лучше, кто хуже? и кого задѣлалъ г. Тургеневъ? Но мы, собственно мы, должны и здѣсь обвинить Базарова, то есть напомнить читателямъ—какъ онъ несчастливъ. Онъ съ перваго же дня по пріѣздѣ къ Кирсановымъ, повелъ себя какъ существо высшаго разряда; ничего не вычеркнулъ изъ той роли, которую игралъ въ академіи, въ кругу надобострастныхъ къ нему товарищей. Къ Павлу Петровичу, какъ представителю другой моды, онъ не скрывалъ своего явнаго пренебреженія; объ отцѣ своего пріятеля онъ отзывался какъ о добромъ маломъ, котораго пѣсенка однако уже свѣта, и отзывался съ такою неосгорженностію, что тотъ имѣлъ случай услышать этотъ отзывъ собственными ушами. Для Павла Петровича, болѣе животолубиваго, чѣмъ братъ его, несогласіе съ Базаровымъ должно было сразу обратиться въ ожесточенію войну за существованіе. Базаровъ выразился прямо, несколько не двусмысленно: «долой со сцены!» Куда дѣваться? Броситься съ камнемъ въ воду— не хочется, на миръ или пощаду нечего и рассчитывать, остается драться. Вотъ отчего намъ гораздо легче выносить, когда въ словопреніи переступаетъ мѣру Кирсановъ, и гораздо тяжелѣе, когда забывается Базаровъ. Наши симпатіи естественнымъ образомъ склоняются на сторону гонимаго и притѣсняемаго. Нога, съ которой забиралъ Базаровъ, была до того криклива и вопіюща, до того отзывалась бурсой, что она начинала тревожить даже его собственнаго прозелита, своекоштнаго студента петербургскаго университета. Пусть читатель припомнитъ прогулку молодыхъ пріятелей, въ кирсановскомъ саду, экспромтливое и некрошеное знакомство Базарова съ Феничкой, его безцеремонные отзывы о ея красотѣ и о вкусѣ старика Кирсанова, что дескать у него губа не дура, его мнѣніе о бракѣ: «Эге-ге! вотъ мы какіе великодушные! мы еще придаемъ значеніе браку; а этого отъ тебя мы ожидаемъ;» его панихоль любимый мнѣніе, будто «важно

только то, что дважды два четыре, а остальное все пустяки, мнѣніе, до котораго онъ былъ доведенъ извѣстнымъ намъ способомъ еще въ гимназіи, — во всемъ этомъ Аркадію чувствовалось что-то не совсѣмъ ладное.

— И природа пустяки? проговорилъ Аркадій, задумчиво глядя вдаль на пестрые поля, красиво и мягко освѣщенные уже невысокимъ солнцемъ.

— И природа пустяки, въ томъ значеніи, въ какомъ ты ее теперь понимаешь. Природа не храмъ, а мастерская, и человекъ въ ней работникъ.

Медлительные звуки віолончели долетѣли до нихъ изъ дому въ это самое мгновеніе. Кто-то игралъ съ чувствомъ, хотя и неопытной рукой «Ожиданіе Шуберта», и мелодія разливалась по воздуху сладостная мелодія.

— Это что? прошепталъ съ изумленіемъ Базаровъ.

— Это отецъ.

— Твой отецъ играетъ на віолончели?

— Да.

— Да сколько твоему отцу лѣтъ?

— Сорокъ четыре.

— Базаровъ вдругъ расхохотался.

— Чему же ты смѣешься?

— Помилуй! въ сорокъ четыре года человекъ, paterfamilias, играетъ на віолончели!

Базаровъ продолжалъ хохотать; но Аркадій, какъ ни благоговѣлъ передъ своимъ учителемъ, на этотъ разъ даже не улыбнулся.

Мы слышимъ этотъ дикій, этотъ несчастный хохоть, при которомъ Аркадій даже не улыбнулся. Отчего не улыбнулся? Вѣроятно, задумался, почему человеку сорока четырехъ лѣтъ, котораго одинъ только Базаровъ могъ прозвать старикомъ, не играть на віолончели, если онъ умѣетъ играть, хотя бы онъ былъ притомъ и отцомъ семейства? И слѣдуетъ ли точно такъ же думать объ игрѣ Конгскаго на скринкѣ, Рубинштейна на фортепьяно, Ригори на сценѣ? Послушать Базарова, такъ слѣдуетъ; потому что, по его мнѣнію, и Рафаэль не стоитъ гроша, и Шиллеръ и Гёте дрянъ, и природа пустяки съ той точки зрѣнія, съ которой эти люди смотрѣли на нее. Его собственная точка зрѣнія та, что природа не храмъ, а лабораторія, и человекъ въ ней работникъ. Но если дѣло пошло на метафоры, то есть люди, которые въ этомъ отношеніи идутъ еще далѣе Базарова

которые говорят, что природа — поле сраженія, жизнь борьба за существованіе; и человекъ, выходитъ, не работникъ, а солдатъ въ этой жизни и въ этой природѣ, гдѣ онъ долженъ одо- лѣвать своего величайшаго врага — голодъ. Эти люди еще смѣ- лѣе Базарова, и несравненно заслуженнѣе его предъ людьми и наукою, и однако тѣ изъ нихъ, которыхъ можно признать на- стоящими людьми (Кирсановъ догадывается, что Базаровъ не настоящій человекъ) никогда и не думали дѣлать изъ своего положенія тѣхъ выводовъ, до которыхъ доходитъ Базаровъ. Мой пріятель, — продолжалъ размышлять Кирсановъ, — считаетъ этихъ людей нелогичными, которые будто бы говорятъ *дважды два* и не смѣютъ договорить, что изъ этого выходитъ *четыре*; мнѣ начинаетъ представляться, что онъ, юный академикъ, скорѣе всего нелогиченъ самъ, позволяя себѣ выводить изъ *дважды два* и *пять*, и *семь*, и все что ему вздумается. Природа — поле сраженія, лабораторія; человекъ въ ней — солдатъ, ра- ботникъ, сражающійся съ голодомъ и обязанный пріобрѣтать свой хлѣбъ. Но и сражаться принято подъ музыку, принято потому, что эти дрянные фаготы и скверные барабаны имѣютъ свойство уменьшать опасность и увеличивать тяжесть ударовъ, — при- чина чрезвычайно существенная; и работаютъ безъ развлеченій только на галѣрахъ, да въ каторгѣ. Настоящіе люди говорятъ, что и на галѣрахъ-то это скверный и безчеловѣчный способъ работы; а что касается до мастерскихъ, гдѣ работаютъ частные люди, то одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ работниковъ, и энер- гичнѣйшихъ ратоборцевъ противъ голода, какіе когда-нибудь бывали, старался выгнать оттуда этотъ способъ, какъ величай- шаго врага, котораго онъ считалъ не противникомъ а сообщ- никомъ голода. Этимъ доказывается неосновательность Базарова даже съ его собственной точки зрѣнія на природу и человека. Но онъ можетъ быть уличенъ еще болѣе рациональнымъ обра- зомъ, такъ что поэзія и искусство, — если бы онъ не былъ человекомъ, такъ глубоко заѣденнымъ этой проклятой бурсой, — должны бы показаться ему уже не развлеченіемъ, не вспомо- гательнымъ средствомъ, а существенно необходимымъ оружіемъ для сраженія. У человека есть болѣе могучіе враги, чѣмъ го- лодъ; это звѣрство его природы и невѣжество. Враговъ этихъ признаетъ самъ Базаровъ, и потому-то онъ особенно и нело- гиченъ, тутъ-то у него и выходитъ дважды два — семь. Про- тивъ этихъ враговъ мало одной силы мышцъ, даже безконечно

вало односторонней мозговой работы, обращенной на приобретене однихъ положительныхъ знаній; тутъ нужна дѣятельность всѣхъ человѣческихъ способностей, необходимо содѣйствіе всѣхъ ресурсовъ человѣческой природы, столь естественно развившихся изъ первоначальнаго инстинкта самохраненія и достигнутыхъ настоящей степени усовершенствованія. Если уже человекъ боецъ и работникъ, то онъ не долженъ пренебрегать ни однимъ изъ орудій своего ремесла. И въ словахъ моего дяди, что намъ за нѣкоторыя наши мнѣнія слѣдовало бы сидѣть въ калмыцкой кибиткѣ, что мы должны дорожить своей цивилизаціей и ея плодами, и что послѣдній пачкунъ, ou barbouilleur, таперъ и тотъ не бесполезный человекъ, какъ представитель цивилизаціи, не говоря уже о Рафаэлѣ и Гете, — въ этихъ словахъ есть большая доля правды.

Съ этихъ поръ, какъ только въ Кирсановѣ прошли эти мысли, онъ долженъ считаться уже потеряннымъ для Базарова. Покажи онъ серьезный видъ и не улыбнись еще при двухъ-трехъ случаяхъ, которые Базаровъ будетъ считать смѣшными, и Базаровъ назоветъ его галкой, и отвернется отъ него. Это правда, что Кирсановъ затѣмъ только и выведенъ, чтобы показать, какъ инициатива идущая изъ бursы, въ сущности прогрессивная и имѣющая неотразимую будущность, ослабляетъ сама себя своими отчасти калмыцкими свойствами. Но г. Тургеневъ показалъ это съ соблюденіемъ всевозможнаго правдоподобія, безъ всякой вражды и недоброжелательства къ своему герою, какъ къ человеку, о которомъ онъ знаетъ, какъ онъ несчастливъ.

Свобода, случай, и охота людей посмотреть, заводятъ нашихъ друзей въ губернской городъ. Здѣсь замѣчательнаго случилось то, что они встрѣтились съ мадамъ Кукшиной, и познакомились съ Одицовой. Съ Кукшиной познакомилъ ихъ достопочтенный Ситниковъ, новый представитель обильной части молодого поколѣнія. Молодое поколѣніе, кажется, менѣе всего, обижается этимъ представителемъ, и только изрѣдка какой-нибудь неосторожный Ситниковъ дѣлаетъ замѣчаніе своими собственными устами насчетъ нѣкоторой неумѣстности этого лица въ романъ. Такая покорная терпимость къ этому лицу объясняется, во-первыхъ, очень большою распространенностію этого лица; на одного Базарова, то есть человека истинно преданна-

го своему дѣлу, и искреняго даже въ своихъ начальныхъ заблужденіяхъ, — такихъ пошляковъ, страдающихъ науцскою дурью, приходится не одинъ десятокъ; стало быть, усомниться въ достовѣрности такого факта нѣтъ возможности, а принять его на свой счетъ — не ловко; надо быть слишкомъ неосторожнымъ чтобы попасть въ такой просакъ. А во-вторыхъ, вообще принято думать, что такой хвостъ необходимо долженъ быть при всякой арміи, при всякомъ направленіи, хоть бы во главѣ ихъ стояли самъ Вольтеръ или Наполеонъ; стало быть, слѣдуетъ только думать о себѣ, что не принадлежишь къ хвосту, и оставаться спокойнымъ на счетъ того, что онъ существуетъ. Герръ Ситниковъ, какъ его называетъ Базаровъ, такъ именно и рассуждаетъ; у него и думушки нѣтъ, что онъ и въ хвостѣ-то составляетъ самую крайнюю оконечность; онъ даже воображаетъ будто идетъ въ самомъ челѣ, говоритъ мы когда слѣдуетъ сказать *они*, то есть дѣльные люди, и со всеусердіемъ старается опошлить то, что въ Базаровѣ есть дѣльнаго и непреклоннаго. Такъ въ нашей литературѣ побораютъ за прогрессъ юмористическій журналъ *Искра*, имѣющій впрочемъ болѣе снисходительныхъ друзей, чѣмъ этотъ звѣрь Базаровъ. Г. Тургеневъ, къ великой чести своего героя, надѣляетъ его въ совершенно удовлетворительной степени презрѣніемъ къ своему благопріятелю Ситникову. Хотя Базаровъ и говоритъ, что ему такіе люди нужны для обжиганія горшковъ; но потому ли, что онъ не уважаетъ этой работы, или не находитъ ее удовлетворительной, только презрѣніе его къ Ситникову совершенно соразмѣрно пустотѣ и пошлости этого юнаго прогрессиста. И г. Тургеневъ былъ бы плохимъ психологомъ, если бы онъ поставилъ своего героя въ другія отношенія къ Ситникову. Презрѣніе здѣсь не то-что умѣстное, но совершенно естественное и одно только возможное чувство. Однако г. Тургеневу поставилъ въ упренъ и это обстоятельство; его обвинили все въ томъ же ожесточеніи противъ своего героя, въ желаніи представить его такимъ дурнымъ человѣкомъ, который презираетъ своего пріятеля. Особой похвалы г. Тургеневу, конечно, не слѣдовало воздавать за то, что между двумя имъ же самими созданными характерами онъ умѣлъ установить надлежащія отношенія; но морщить его за это можно было только на пари, чтобы доказать, что по-русски все можно написать.

Г. Тургеневъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ умыселъ противъ Базарова, давалъ ему въ адепты такого молодца, какъ Ситниковъ, и заставляя его презирать этого адепта; но только умыселъ его былъ совсѣмъ иного рода. Намъ всѣхъ поражаетъ фактъ изобилія между нами людей, въ родѣ *Провинціальныхъ Корреспондентовъ* г. Щедрина, пишущихъ разныя *искорки* въ двѣ строчки для какого нибудь поморнаго журнальца, подмѣчающихъ за своимъ ближнимъ, въ качествахъ ищущихъ, открывающихъ трюфли, съ кѣмъ онъ играетъ въ карты и по какому кушу, слѣдящихъ за тѣмъ, чѣмъ онъ любитъ закусыть послѣ рюмки водки—икрою или грибами, какія у него особыя примѣты на лицѣ угорь или бородавка, и извлекающихъ изъ всего этого предметы для обличенія. Фактъ изобилія этихъ людей поразилъ даже *Современника*, гдѣ были напечатаны *Провинціальные корреспонденты*, — знакъ, что эти мирмидоны дѣйствительная язва. Не потому язва, что они опошливуютъ серьезное дѣло, освѣщая своими искорками какую нибудь бородавку на чьемъ-нибудь лицѣ, до котораго, и во всей-то его цѣлости, обществу нѣтъ никакого дѣла, а потому, что здѣсь ужъ рѣшительно нѣтъ никакого согласія между словомъ и дѣломъ и что во всемъ существѣ этихъ мирмидоновъ одна только и есть гармонія, это гармонія между ихъ гадецькимъ шпионствомъ и ихъ безобразнымъ поведеніемъ. Самый этотъ Ситниковъ, толкующій о высоко—нравственномъ, въ своемъ родѣ, явленіи мадамъ Кукшиной и кончившій тѣмъ, что попалъ въ литераторы, пріѣхалъ въ губернской городъ, гдѣ встрѣтился съ Базаровымъ, по откупному дѣлу своего отца, возникшему изъ того, что въ одномъ изъ его кабаковъ были приняты краденныя вещи; Ситниковъ привезъ съ собою даже взятку и непременно обдѣлаетъ дѣльце такъ, что и цаловальникъ будетъ правъ и краденныя вещи останутся у него же. Но и самое это дѣлишко Ситниковъ обработаетъ все-таки не своимъ умомъ,—онъ и этого не умѣетъ,—а по инструкціи своего отца, указавшаго ему куда онъ долженъ съходить и написавшаго къ кому слѣдуетъ нужныя письма. Г. Тургеневъ хотѣлъ объяснить намъ посредствомъ этого Ситникова вообще происхожденіе людей этого сорта. Ему кажется,—и мы вполне раздѣляемъ его мнѣніе,—что въ этомъ виноватъ Базаровъ. Онъ полагаетъ, что неразборчивое отрицаніе его героя, —его способъ пропаганды,—его манера говорить срыву и крупно и обращаться безъ всякой церемоніи,—его привычка об-

рывать живых и мертвых и его непривычка—изъ уваженія къ себѣ уважать другихъ,—его отчасти наглая самоувѣренность, съ которою онъ не задумывается произносить рѣшительные приговоры даже о вещахъ; которыхъ онъ никогда не изучалъ и вислоько не понимаетъ,—всѣ эти качества Базарова, по мнѣнію нашего автора, чрезвычайно способствуютъ тому, чтобы у него были такіе прозелиты и чтобы въ числѣ его прозелитовъ было особенно много именно такихъ, которыхъ онъ даже самъ не можетъ не презирать. И это очень естественно: размѣры и способъ отрицанія Базарова дѣйствительно таковы, что Ситниковы должны выростать по его слѣдамъ, какъ грибы, а Кирсановы, пока изъ Базарова не выйдетъ настоящій человекъ, не приобретутъ надлежащей стойкости и не будутъ приносить всей пользы, какую они могли бы приносить при большей определенности своихъ тенденцій. Базаровъ не признаетъ авторитетовъ. Чтожь,—это очень хорошо, это даже не ново и не оригинально; самостоятельные и смѣлые мыслители были еще въ глубочайшей древности, прежде Аристотеля и Платона: пора имъ умножиться въ числѣ и перестать быть авторитетами. Но Базаровъ вспыхиваетъ при одномъ намекѣ, что его мнѣніе сходится съ мнѣніемъ Прудона или расходится съ мнѣніемъ Маколея: «Я ни чьихъ мнѣній не раздѣляю; я имѣю свои,» говоритъ онъ, надменно выпрямляясь и обиженнымъ тономъ. Мы знаемъ, что Базаровъ многое испыталъ и еще больше учился, и намъ вполне понятно—что, по его, значить «имѣть свои мнѣнія,» отличныя отъ мнѣній Прудона. Это значить изучить Прудона, открыть въ его системѣ мыслей ошибки и замѣнить ихъ своими поправками, или и совсѣмъ отвергнуть Прудона, во имя болѣе состоятельнаго образа мыслей. Но Базаровъ говоритъ свысока и презрительнымъ тономъ о Прудонѣ въ присутствіи Кирсанова, который только что приготовилъ на своемъ письменномъ столѣ Прудона, чтобы заняться имъ, и въ присутствіи Ситникова, который хоть и не собирався изучать Прудона, но до сихъ поръ чувствовалъ невольное смущеніе всякій разъ, когда при немъ произносили такія внушительныя имена. Базаровъ своимъ презрительнымъ тономъ сдѣлалъ то, что Кирсановъ навѣрное отложитъ свое намѣреніе заняться Прудонемъ: лучше поговорю,—подумаетъ онъ,—съ Базаровымъ; это будетъ удобнѣе и легче; ну, а Ситниковъ такъ просто очутится въ эмпиреяхъ, онъ получитъ право не стыдиться своего невѣжества; у него достаетъ духу да-

же сейчас же заорать: «долой авторитеты! дрянь Прудонъ! прочь эту бабенку Маколея!»—Базаровъ, вскормленный горемъ и повитый невзгодою, и сейчас только оторвавшійся отъ своихъ оуровыхъ занятій, хохочетъ надъ человѣкомъ, который въ сорокъ четыре года играетъ еще на виолончели. Хорошо, что Аркадій Кирсановъ, рожденный въ небѣдномъ и образованномъ семействѣ, не испыталъ до сихъ поръ никакого особеннаго трагизма, хорошо, что онъ и самъ кое-чему учился и можетъ разсуждать иногда самостоятельно, что онъ знаетъ толкъ даже въ этой игрѣ на виолончели, потому что его въ дѣтствѣ самого учили музыкѣ, и если онъ не нашелъ въ себѣ способности къ ней, то по крайней мѣрѣ понялъ, что это не пустяки, даже не забава или развлеченіе, а что—то гораздо серьезнѣе, хорошо; что съ Аркадіемъ Кирсановымъ случилось все это, онъ можетъ не раздѣлять, онъ даже огорчается этимъ хохотомъ Базарова; но Ситниковъ—сынъ откупщика изъ купцовъ; онъ еще до рожденія былъ обреченъ быть балбесомъ; онъ ровно ничего не испыталъ и ровно ничему не учился, онъ не только раздѣляетъ хохотъ Базарова, но еще тутъ же состряпалъ и отослалъ въ юмористическій журнальчикъ *искорку*, какъ «одинъ paterfamilias, украшенный сѣдиною — брр! въ то время, когда ему нужно бы заниматься съ крестьянами составленіемъ уставной грамоты — брр! проводить цѣлые вечера, играя на виолончели—брр!» Ситникову заподлинно извѣстно, что Николай Петровичъ Кирсановъ давно устроился съ своими крестьянами и покончилъ съ уставною грамотою; но безъ вранья объ этомъ предметѣ какая же выйдетъ *искорка*? До встрѣчи съ Базаровымъ Ситниковъ былъ просто балбесъ, очень нерѣдко конфузливый, иногда даже пѣнявшій на отца за небрежность первоначальнаго воспитанія и потачку; послѣ встрѣчи съ Базаровымъ онъ уже является балбесомъ съ ролью отрицателя, прогрессивнымъ балбесомъ. А такъ какъ теперь, по причинѣ довольно обширной популярности Базарова, балбесовъ безъ роли почти вовсе нѣтъ, то и понятно—почему ими Ситниковымъ легионъ. Вотъ и весь умыселъ г. Тургенева противъ своего героя, какъ человѣка, который презираетъ своего пріятеля.

Конечно, для Базарова было-бы лучше не находиться въ такой необходимости и, вмѣсто того, чтобы оправдываться, будто ему нужны такіе люди, для него было бы лучше не плодить ихъ, не принимать такого скандала на свою совѣсть и не рас-

пространять такого соблазна въ обществѣ. Что и говорить, — это было бы лучше. Только надо принять въ расчетъ, что Базаровъ и самъ-то человѣкъ подневольный. Бурса учреждена не для, и порядки въ ней установлены тоже не имъ. Не онъ виноватъ также и въ томъ, что спасеніе должно было произойти отъ Назарета. Теперь, пока въ обществѣ существуетъ такое смѣшеніе понатій о его личности, его направленіи и его мрамдонской свитѣ, ему не отдѣлаться отъ этихъ Ситниковыхъ; онъ долженъ служить за всѣхъ ихъ козлицемъ очищенія и выносить родственную связь съ ними: сей же родъ ничимъ же можетъ быть изгнанъ; они отыщутъ его на днѣ морскомъ, въ провинціальной глуши, остановятъ его на дорогѣ, чтобы пошквастаться знакомствомъ съ нимъ, чтобы предстать передъ нимъ какъ укоризна совѣсти и обвинить его въ своемъ злополучномъ *перерожденіи* и въ томъ, что дескать вотъ мы куда зашли, по всей Россіи распространились. Встрѣча Базарова и Кирсапова съ Ситниковымъ имѣетъ именно такой характеръ безотвязности и наводятъ на мысль объ очень большой популярности Ситникова.

«Они шли къ себѣ домой отъ губернатора, какъ вдругъ изъ проѣзжавшихъ мимо дрожжекъ выскочилъ человѣкъ не большого роста, въ славянофильской одеждѣ, и съ крикомъ: «Евгеній Васильевичъ!» бросился къ Базарову.

— А, это вы, герръ Ситниковъ, проговорилъ Базаровъ, продолжая шагать по тротуару: какими судьбами?

— Вообразите, совершенно случайно, отвѣчалъ тотъ, и, обернувшись къ дрожкамъ, махнулъ разъ пять рукой и закричалъ: — ступай за нами, ступай! — У моего отца здѣсь дѣло, продолжалъ онъ, перепрыгивая черезъ канавку: ну такъ онъ меня просилъ. Я сегодня узналъ о вашемъ пріѣздѣ и уже былъ у васъ. *Я надѣюсь, вы не отъ губернатора?*

— Не надѣйтесь, мы прямо отъ него.

— А! въ такомъ случаѣ и я къ нему пойду... Евгеній Васильевичъ, познакомьте меня съ вашимъ... съ пимъ...

— Ситниковъ, Кирсановъ, проворчалъ, не останавливаясь, Базаровъ.

— Мнѣ очень лестно, началъ Ситниковъ, выступая бокомъ, ухмыляясь и поспѣшно стаскивая свои уже черезчуръ элегантныя перчатки. — Я очень много слышалъ... Я старинный знакомый Евгенія Васильевича, и могу сказать — его ученикъ. Я ему обязанъ *моимъ перерожденіемъ*.

Аркадій посмотрѣлъ на Базаровскаго ученика Тревожное и глупое напряженіе сказывалось въ маленькихъ, впрочемъ пріятныхъ чертахъ его прилизаннаго лица; небольшіе, словно удавленные глаза

милли пристально и безпокойно, и смѣлся онъ безпокойно: кашитъ-то короткимъ, деревяннымъ смѣхомъ.

— Повѣрите-ли, продолжалъ онъ: что когда при мнѣ *Евгеній Васильевичъ въ первый разъ сказалъ, что не должно признавать астрологию, я почувствовалъ такой восторгъ... словно проврѣлъ!* Вотъ, подумалъ я, наконецъ нашолъ я человѣка! Кстати, *Евгеній Васильевичъ*, вамъ непременно надо сходить къ одной здѣшной дамѣ, которая совершенно въ состояніи понять васъ и для которой ваше посѣщеніе будетъ настоящимъ праздникомъ; вы, я думаю, слышали о ней?

— Кто такая? произнесъ Вазаровъ.

— Кукшина, *Budoxie*, Евдокія Кукшина.— Это—замѣчательная натура. эманируетъ въ истинномъ смыслѣ слова, передовая женщина, замете-ли что. Пойдете теперь къ ней всѣ вмѣстѣ. Она живетъ отсюда въ двухъ шагахъ... Вѣдь вы еще не завтракали?

— Нѣтъ еще.

— Ну, и прекрасно. Она, вы понимаете, развѣхалась съ мужемъ, ни отъ кого не зависитъ.

Просвѣтителемъ и эманиаторомъ мадамъ Кукшиной былъ если не этотъ самый Ситниковъ, то все таки прогрессистъ этого самаго сорта; можно догадываться даже, что онъ былъ не университетскій, а студентъ медико-хирургической академіи, непосредственно слышавшій Вазарова и презираемый имъ въ лицо за свою неограниченную тупость: мадамъ Кукшина говоритъ объ эмбріологіи и Бунзентъ, такъ что Вазаровъ на ея примѣрѣ могъ самолично удостовѣриться, какъ успешно его презанты обжигаютъ горшки для него. Онъ взглянулъ на ихъ дѣло, и съ отчаянія нахилса чуть не-до-пыля. Вотъ намъ и егановится сразу понятнымъ, почему г. Тургеневъ съ такою смѣлостію отвесилъ къ такому деликатному предмету, какъ женскій вопросъ. Впрочемъ, объ этой смѣлости мы говоримъ съ чужихъ словъ, вслушавшись обвиненій противъ г. Тургенева, а сами мы не видимъ здѣсь никакой смѣлости. Г. Тургеневъ осудилъ эманипацію женщинъ, совершающуюся подъ руководствомъ Сачинковыхъ и проявляющуюся въ умѣньи складывать кружечки напросъ, въ безопасномъ куреньи табаку, въ нить шампанскаго, въ пѣньи цыганскихъ тѣсонъ въ оляномъ видѣ и въ присутствіи едва знакомыхъ мо одыхъ людей, въ небрежномъ обращеніи съ журпалами, въ бессмысленномъ толкованіи о Ирудонѣ и Шаколетѣ, при явномъ шевѣжествѣ и даже отвращеніи ко всякому дѣльному чтенію, что доказывается лежащими на столахъ не разрѣзанными журпалами или постоянно разрѣзанными на однихъ только скандальныхъ фельетонатъ,—вотъ тѣ обвинитель-

ные пункты, по которымъ г. Тургеневъ осудилъ способъ развитія у насъ женскаго вопроса. А за тѣмъ предполагается и даже безусловно допускается, что г. Тургеневъ для того только и вывелъ на показъ этотъ экземпляръ русской самодѣльной эмансипаціи, что онъ не только не претивъ, но и положительно стоитъ и за добродѣтель женщинъ, и за порядочность ихъ привычекъ, выработанныхъ цивилизаціей, и за ихъ просвѣщеніе, и за то, что если они будутъ вынуждены жить отдѣльно отъ своихъ мужей, то выдача имъ паспорта не зависѣла бы отъ воли ихъ мужей, и за то, чтобы имъ не приказывали жить насильно съ мужьями-негодями (хорошіе этого никогда не допускаютъ) и не высылали бы ихъ черезъ полицію, и даже по этапной командѣ, на мѣсто жительства этихъ негодяевъ, и за то, чтобы предразсудочное общество не возлагало непременно на нихъ всей отвѣтственности за разстройство семьи, если семья разстроена не ими и если поддержать ее было выше ихъ силъ, и за то, чтобы имъ облегчены были средства къ самостоятельному существованію посредствомъ возможно — широкаго допущенія ихъ къ участію въ такъ называемыхъ свободныхъ профессіяхъ, — словомъ за все, чѣмъ только можно насолить эмансипаторамъ Ситниковымъ, такъ какъ они первые будутъ убиты истинными успѣхами женщинъ. Хладнокровіе — большое достоинство, но мы признаемъ, что тутъ можетъ лопнуть ангельское терпѣніе, когда честнаго человѣка, стоящаго за вещи, которыя мы сей-часъ изчислили, обвиняютъ въ отсталости и обскурантизмѣ потому, что онъ досадуетъ на все, составляющее противоположность этимъ вещамъ или карикатуру на нихъ; когда существуетъ такое вавилонское смѣшеніе ролей, что рутиня и невѣжество выдаются за передовое направленіе, а настоящее-то передовое направленіе объявляется рутинною и отсталостію; когда, наконецъ, какой-нибудь пачкунъ, составляющій искорки, безъ труда находитъ въ униженной литературѣ мѣстечко, отколѣ можетъ лагнуть въ писателя, котораго дѣятельность есть заслуга передъ страной!

— Но, можетъ быть, г. Тургеневу все-таки не слѣдовало такъ жестоко прикасаться къ женскому вопросу; онъ еще такъ недавно возникъ у насъ; можно бы до поры до времени и не указывать на карикатурное развитіе его.

— Если бы можно было подождать, то, вѣроятно, г. Тургеневъ и подождалъ бы; онъ не изъ ярыхъ. Но гдѣ же логичес-

кое основаніе, чтобы ждать? Вѣдь вопросъ возникъ и существуетъ. Требуется онъ развитія или нѣтъ? А если требуетъ, то чего же тутъ ждать? Спассти хоть одну семью, сохранить хоть одно поведеніе, поощрить хоть одну женщину къ серьезному чтенію или посвященію лекцій, принесеть обществу гораздо больше совершенно—осязательной пользы, чѣмъ способно принести самое похвальное и прогрессивное терпѣніе. Ситниковы не ждутъ, потому что ихъ сборы не долги, и роли ихъ не требуютъ никакого подготовленія. Отчего же людямъ, понимающимъ женскій вопросъ настоящимъ образомъ, слѣдуетъ ждать? Напротивъ, именно ждать-то и предосудительно; именно укорять-то за нетерпѣніе и безсмысленно. Среди такой путаницы ходячихъ мнѣній о женскомъ вопросѣ, въ такомъ обществѣ, какъ наше, такая лекція объ этомъ вопросѣ, какую предложилъ г. Тургеневъ на нѣсколькихъ страничкахъ своего романа, посвященныхъ мадамъ Кукшиной, должна казаться не только не преждевременной, а. можетъ быть, немножко запоздавшей. А эта рутинная, старомодная и ужь точно ототалая пѣсенка, будто здравыя указанія на прогрессивную нецѣльность могутъ вообще вредить прогрессивному движенію, — эта пѣсенка должна, дѣйствительно, почитаться спѣтой, какъ говоритъ Базаровъ. Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что ни одна серьезная посѣтительница лекцій, въ качествѣ ученицы, или воскресныхъ школь, въ качествѣ учительницы, не подумаетъ обидѣть г. Тургенева мнѣніемъ, будто у него было въ намѣреніи уронять на нее хоть одну соринку съ неопрятной особы мадамъ Кукшиной.

Контрастомъ Кукшиной, по мысли г. Тургенева, служить въ его романѣ Одинцова. Еще молодая и при томъ красавица она поставлена на сторонѣ отцовъ, очевидно, не по своимъ лѣтамъ, а по своему взгляду на вещи. Недоброжелательные г. Тургеневу критики хотятъ видѣть въ ней олицетворенное предпочтеніе старому, и живую укоризну новому. Это похоже на правду, но только это не правда. Если романисты и художники должны уже терпѣть такое несчастіе, чтобы создаваемые ими образы переводились ихъ критиками на книжный языкъ, и передавались для всѣхъ понятными словами, то текстъ, представляемый мадамъ Одинцовой, можетъ быть выраженъ отъ лица г. Тургенева такъ: «Вы, кто вы бы ни-были, просвѣтители Кукшиной,—вы воображаете, будто вы идете впередъ; но для меня ясно, что вы иде-

те назадъ; вотъ вамъ образчикъ стараго, — сличите съ нимъ новое; я не говорю нелѣпой мысли, будто впередъ ужь вовсе нѣтъ и дороги, и будто представляемый мною образчикъ есть совершенство; но я утверждаю, что вы идете назадъ». И точно, г. Тургеневъ вовсе не воображалъ представлять Одинцову такой возвышенной и симпатической душой, къ которой бы лежало все его авторское сочувствіе, какъ это хотѣлось представить нѣкоторымъ его критикамъ. Въ Одинцовой нѣтъ ничего необыкновеннаго, кромѣ ея красоты, изящной выдержки и приготовленности для жизни. За исключеніемъ красоты, всѣми остальными качествами Одинцовой, при условіи столь же благопріятнаго рожденія и воспитанія, могла бы обладать, и несчастная Кукушина, и всякая другая женщина. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы Одинцова была какое-нибудь существо безличное или мало интересное; напротивъ, это лицо въ высшей степени живое, и это одинъ изъ тѣхъ прихотливыхъ женскихъ характеровъ, въ созданіи которыхъ г. Тургеневъ всегда такъ счастливъ и, кажется, неистощимъ. Если угодно, Одинцова, по общему направленію своего ума и своего способа жить—женщина рутинная. Но рутина новая, распространяемая неудавшейся эмансипаціей, имѣетъ свойствъ стирать всѣ личныя особенности не только характера, но даже самаго пола; Кукушины, всѣ безъ исключенія, похожи одна на другую, какъ двѣ ягоды одного поля, какъ два экземпляра одного и того же Ситникова, какъ двѣ березы въ лѣсу; да, именно двѣ березы въ лѣсу: Базаровъ употребляетъ это самое сравненіе, чтобы показать сходство, которое будто бы имѣютъ всѣ люди между собою. Старая рутина этого не дѣлала, то есть не стирала личности, и потому Одинцова, не будучи «душою возвышенною», какъ называетъ ее г. Антоновичъ, имѣетъ всѣ тѣ особенности, которыя спасаютъ человека отъ названія «дюжиннаго». На Базарова она произвела впечатлѣніе сразу, и именно нѣкоторыми изъ такихъ особенностей, и цѣлыми десятками тѣхъ женственныхъ мелочей, которыя до-сихъ-поръ производили одинаковое вліяніе на людей всѣхъ возможныхъ направленій и, можетъ быть, навсегда будутъ служить завязкою большей части романовъ, которые будутъ еще дѣлаться или писаться въ этомъ мірѣ. Впечатлѣніе Базарова на Одинцову тоже было быстрое, по извѣстной физической и психологической причинѣ, что «противоположности ходятся.»— «Съ вами», говорила Одинцова Базарову впослед-

стии, «говорить весело: точно по краю пропасти ходишь». Успѣхи Базарова во мнѣніи и въ чувствахъ Анны Сергѣевны составляютъ кульминаціонную точку, до которой простираются его удачи, обаяніе или боязнь отъ его личности на окружающихъ, и до которой, между прочимъ, съ нимъ можно считаться; даже онъ сражается не столько съ чужими предубѣжденіями, сколько съ своими собственными; жизнь и время, отъ которыхъ онъ не хочетъ зависить, желая, чтобы скорѣе они отъ него зависели, тѣмъ не менѣе совершаютъ надъ нимъ свою безустанную работу, заставляя его — или подвигаться впередъ, дѣлаться, по его собственному выраженію, настоящимъ человекомъ, или остаться навсегда искалѣченнымъ; въ немъ подымается внутренняя, ожесточенная, еще никогда не испытанная имъ въ такой степени и увы! совершенно безплодная борьба, гдѣ врагами являются — его собственная человѣческая природа, съ одной стороны, и — прогрессивный предрассудокъ и бурса, съ другой; мы можемъ только жалѣть объ этомъ неизцѣлимо раненомъ оленѣ, объ этихъ энергическихъ силахъ, которыми въ такомъ обиліи надѣленъ Базаровъ и которыя достойны лучшаго назначенія, и однако изводятся на борьбу съ призраками. Его чувство къ Аннѣ Сергѣевнѣ нисколько не двусмысленно; ее склонность къ нему тоже весьма способна сдѣлаться рѣшительной, захоти онъ только отказаться хоть отъ нѣкоторой доли своего суевѣрія, которое настолько же вошло въ религію его убѣжденій, какъ и въ религію его мускуловъ. А онъ, — вмѣсто того, чтобы рѣшиться на это полезное дѣло, — онъ, не признающій авторитеты, является истиннымъ фанатикомъ своего предрассудка, подчиняется пустѣйшимъ терминамъ, словамъ сомнительнаго смысла, торричеллиевой пустотѣ. «Любовь», говоритъ онъ, «есть только форма, а главное дважды-два четыре», и потому что это форма, онъ не хочетъ признать никакихъ требуемыхъ ею формальностей, желаетъ, чтобы жареная курочка сама влетѣла ему въ ротъ, и из-за этого еще мучить и насилуетъ себя. Но вѣдь и голодъ форма, не болѣе, какъ форма; главное — дважды два четыре, то есть, чтобы въ желудкѣ была удобоваримая пища; однако, Боже! какимъ безчисленнымъ формальностямъ обязаны подчиняться люди изъ уваженія къ требованіямъ этой формы: трудъ въ потѣ лица, униженіе, рабство, опасности моря и суши, — всѣ эти формальности человекъ выносить изъ одного только подчиненія этой

формѣ. Люди руководящихъ способностей и отличающіеся «инлантропическимъ» чувствомъ добиваются упростить всё эти формальности, а нѣкоторыя и совсѣмъ уничтожить; но еще никто и никогда не мечталъ, чтобы жаренныя куропатки, въ самомъ дѣлѣ, когда нибудь стали сами загѣтать къ намъ въ ротъ. Базаровъ думаетъ, что съ формою любви должно быть иначе, и что переворотъ долженъ начаться именно съ него; онъ готовъ скорѣе вырвать себѣ языкъ, чѣмъ произнести эти пошлыя, эти дико-рутинныя, по его мнѣнію, слова: «я васъ люблю», или сдѣлать вызываемыя этими словами взаимныя обѣщанія; онъ, — во всѣхъ другихъ отношеніяхъ человѣкъ смѣлый, — воображаетъ, что можетъ окостенѣть при звукахъ собственнаго голоса, произнося эти слова и эти обѣщанія. «Для чего намъ эта логика» (логика исторіи), — возражалъ однажды Базаровъ Павлу Петровичу Кирсанову: «вѣдь вы, надѣюсь, не нуждаетесь въ логикѣ, чтобы положить кусокъ хлѣба въ ротъ, когда голодны?» — Если это правило вѣрно, то Базаровъ какъ-разъ находится въ положеніи, въ которомъ могъ бы примѣнить его къ самому себѣ. Но оказывается, что даже исторія пятилѣтней жизни въ бурсѣ имѣетъ свою логику, которую трудно отвергнуть даже и такому отрицателю, какъ Базаровъ, принужденный, въ силу этой логики, бороться съ пустыми терминами, съ философскимъ опредѣленіемъ любви. А между тѣмъ сердце въ немъ еще молодое, не косматое; его лучшая гордость состоитъ въ томъ, что онъ ни фарисей, ни книжникъ, ни подантъ, ни распространитель общества воздержанія, и эта борьба съ терминами для него полна рѣшительнаго значенія. Въ этомъ видѣнъ русскій человѣкъ, желающій взять въ толкъ нѣмецкую штуку. Тѣ, которые идутъ вслѣдъ за Базаровымъ, или даже и сразу съ нимъ, но имѣютъ передъ нимъ то преимущество, что могутъ воспользоваться его примѣромъ, тѣ уже не будутъ поддаваться на такую штуку, чтобы придавать сверхдолжное значеніе философскимъ опредѣленіямъ. «Любовь есть форма»; ну, и пускай будетъ форма; это очень хорошо знать, какъ и вообще хорошо проникать въ самый корень вещей; но главное, жизненное значеніе, базаровское дважды-два четыре въ этомъ опредѣленіи имѣютъ все-таки первыя два слова «любовь есть»; значитъ, есть возможность всякому человѣку когда нибудь сказать о себѣ, подобно веселому царю ассирійскому, герою одной трагедіи Байрона:

«I have loved, and lived, and multiplied my image.»

(Я жилъ, любилъ и умножалъ свой образъ).

Русскій умъ Базарова, придающій въ этой фразѣ сверхдолжную важность слову «форма», дѣлаетъ, очевидно, нѣмецкій промахъ. Только нѣмцы не страдаютъ отъ такихъ промаховъ; а русскій человѣкъ, прежде чѣмъ замѣтитъ свою ошибку, натерпится всякихъ мученій, и надѣлаетъ всякихъ дурачествъ. За то русскій человѣкъ кончитъ тѣмъ, что непременно замѣтитъ свою ошибку и притомъ со скоростію пропорціональною степени его страданій: одна уже быстрая послѣдовательность нашихъ направленій, которая рѣшительно всѣмъ бросается въ глаза, служить сильнымъ доказательствомъ этого и доказываетъ именно только это, а не что-нибудь другое. Вотъ и теперъ, благодаря г. Тургеневу, существенныя ошибки направленія, представляемаго Базаровымъ, уже замѣчены и даже указаны самый ихъ корень, а это направленіе еще такъ ново, что его почти совершенно—справедливо приписываютъ молодому поколѣнію. Товарищи Базарова, или тѣ, которые уже смѣнаютъ его, имѣютъ всю возможность понять, что весьма многое, въ немъ совершенно естественное и неизбежное, въ нихъ уже будетъ казаться напускнымъ и дѣланнымъ, болѣзнію «времени», для которой уже прошло время.

Читатель знаетъ, какъ кончился печальный романъ Базарова: онъ обнаружилъ покушеніе поцѣловать Анну Сергѣевну безъ соблюденія всѣхъ противныхъ ему формальностей и въ особенности безъ всякаго обязательства. То есть онъ, пожалуй, и согнулся передъ этими формальностями, но только для того, что бы тотчасъ же выпрямиться; онъ даже произнесъ эти пошлыя и роковыя слова: «я люблю васъ глупо, безумно», но сдѣлалъ это такимъ образомъ, что тутъ же далъ замѣтить, что совершилъ подвигъ, одержалъ такую неслыханную побѣду надъ собою, что предметъ ея едва-ли стоилъ его усилій и что она, во всякомъ случаѣ, должна быть тотчасъ же увѣнчана лаврами; онъ даже прибавилъ: «вотъ вы чего добились» и уже протянулъ руки, чтобы надѣть лавры. — Отъ него отступили и ему замѣтили, что онъ ошибался, и что и въ немъ ошибались. Самое дыханіе его, которое успѣло коснуться шеи Анны Сергѣевны, она чуть не при немъ отерла платкомъ.

Можетъ быть, эта послѣдняя черта отзывается нѣкоторою жестокостію со стороны романиста; можетъ быть въ рану, кото-

рая здѣсь наносится Базарову и которая и безъ того глубока, бесполезно вливается еще капля яду. Но бываютъ случаи, когда честный общественный дѣятель долженъ являться неумолимымъ. Г. Тургеневъ отстаиваетъ не какой-нибудь маленькій интересъ и сражается не съ какимъ-нибудь маленькимъ зломъ: онъ отстаиваетъ семью, онъ поражаетъ паденіе женщины.

Базаровъ очутился еще въ болѣе рѣшительной необходимости продолжать свою озлобленную жизнь, оставаться вѣрнымъ самому себѣ, или, лучше сказать, своему несчастью, своему самовоспитанію и своей бурсѣ; такъ, по крайней мѣрѣ, должно продолжаться съ нимъ до какой-нибудь новой жизненной встрѣчи большаго значенія, которую онъ могъ бы имѣть и которой однако не имѣлъ: романъ г. Тургенева продолжается лишь нѣсколько недѣль, а для Базарова за это время кончается все, даже и самое время. Дальнѣйшія событія романа чрезвычайно несложныя, какъ и весь романъ, слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ, что заставляютъ слѣдить за ними не перевода духу до послѣдней строчки, за которой уже наступаетъ длинное, длинное раздумье... Всѣ эти событія, разумѣется, имѣютъ своимъ назначеніемъ или дополнять общую мысль романа, или дорисовать его героя; а такъ какъ мы и о направленіи романа, и о характерѣ его героя старались отзываться на основаніи всѣхъ подробностей романа, то останавливаться на этихъ остальныхъ событіяхъ намъ почти не за чѣмъ. Этотъ запоздалый пріѣздъ Базарова въ родительскій домъ, для котораго онъ, повидимому, выѣхалъ изъ Петербурга и который однако ему, какъ отрицателю семьи вообще, и теперь, — послѣ встрѣчи съ Анной Сергѣевной, — какъ мученику этого своего убѣжденія, въ особенности, успѣлъ накутить чуть не въ самый первый день пріѣзда; это приключеніе съ Базаровымъ въ домѣ Кирсановыхъ, при второмъ посѣщеніи ихъ, — то есть, этотъ поцѣлуй, отъ котораго Феничка не успѣла отвернуться, и вызванная этимъ поцѣлуемъ, дуэль Базарова съ Павломъ Петровичемъ Кирсановымъ, и безъ того имѣвшимъ, какъ говорятъ французы, зубъ на Базарова за неуваженіе къ его *Павла Кирсанова* личности; этотъ романъ Аркадія Кирсанова съ сестрою Анны Сергѣевны, за который Базаровъ назвалъ своего пріятеля галкою и который завязывается въ то самое время, какъ базаровскій романъ кончается; этотъ новый возвратъ Базарова въ родительскій домъ, когда

ему куда больше дѣваться, — всѣ эти событія, обставленные подробностями высокаго интереса и поэтическаго достоинства, какъ это обыкновенно бываетъ у г. Тургенева, въ сущности сводятся на то, о чемъ мы уже говорили, а именно, — что есть въ человѣческомъ быту рутинные интересы, которымъ предназначено быть вѣковыми и служить пробнымъ камнемъ истиннаго прогресса, противъ которыхъ всякая борьба смѣшна и нелѣпа, на которые можно нападать, за отсутствіемъ другихъ аргументовъ, только съ пистолетомъ въ рукахъ и которые и отстаиваются такъ же до убійства, до пролитія крови, но имѣютъ еще на своей сторонѣ и всѣ другіе аргументы. Но мы до-сихъ-поръ ни однимъ словомъ не заявили объ одной, очень важной, странности въ романѣ и, вѣроятно, дали замѣтить это читателю.

Мы разумеѣмъ всѣ тѣ случаи, гдѣ Базаровъ встрѣчается съ книжниками. Г. Тургеневъ заставляетъ своего героя считать ихъ за какія-то чуждыя, лишаетъ его умѣнья говорить съ ними и даже приступить къ нимъ. Это противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о Базаровѣ какъ изъ самаго романа, такъ и по самымъ вѣрнымъ соображеніямъ и догадкамъ, и это, кромѣ того, можетъ быть опровергнуто цѣлыми сотнями живыхъ примѣровъ. «Ну», — говоритъ Базаровъ при одной встрѣчѣ крестьянину своего отца, — «издагай мнѣ свои воззрѣнія на жизнь, братецъ: вѣдь въ васъ, говорятъ, вся сила и будущность Россіи, отъ васъ начнется новая эпоха въ исторіи, вы намъ дадите и языкъ настоящій и законы». Базаровъ говоритъ здѣсь одну изъ бессмысленнѣйшихъ книжныхъ фразъ, всего чаще повторяемыхъ славянофилами и всего менѣе свойственныхъ Базарову, а это уже выходитъ смѣшеніе языковъ. Базаровъ, съ гордостью говорящій о себѣ, что онъ въ третьемъ колѣнѣ происходитъ отъ сахара, и о томъ только и хлопочущій, чтобы во всякомъ дѣлѣ проникнуть въ самую суть, отлично хорошо долженъ понимать, что означаютъ эти смутныя ожиданія отъ народа, выражаемыя въ бессмысленныхъ фразахъ нашими книжниками. Онъ, какъ мы полагаемъ, думаетъ, что народъ тѣмъ только и хорошъ, что не имѣетъ почти ни единаго предрассудка, который бы могъ устоять противъ успѣховъ просвѣщенія, и что многіе изъ его предрассудковъ могутъ рухнуть при достаточномъ распространеніи одной только грамотности; это одно изъ самыхъ точныхъ знаній Базарова, которое, въ его глазахъ, доказываетъ его себѣ

ственнымъ примѣромъ. Но законодательной мудрости, настоящаго языка и вообще какихъ-бы то нибыло порядковъ онъ ожидаетъ не отъ этого безсмысленнаго слова «народъ», и не отъ этой полудикой и невѣжественной массы, которая обозначается этимъ словомъ, а отъ того факта, что изъ народа, путемъ образованія, естественнымъ образомъ должны выходить,— и притомъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше,—люди безъ всякихъ предразсудковъ рожденія или преднамѣренно показаннаго воспитанія; люди эти, предполагается, не будутъ болѣе забывать своего происхожденія или съ любовью примыкать къ привилегированнымъ кастамъ, какъ это случалось доселѣ, а, по своей независимости отъ общественныхъ предразсудковъ, останутся, какъ и были съ самаго рожденія, на сторонѣ народа, то есть массы, или большинства; кто съ «ожиданіями» отъ народа соединяетъ какое-нибудь отчетливое понятіе, тотъ, конечно, разумѣетъ именно этихъ людей изъ народа, которые дѣйствительно, каждый на своемъ поприщѣ, лучше чѣмъ кто-нибудь, способны послужить истиннымъ интересамъ большинства и, между прочимъ, языку и законамъ своего отечества. Базаровъ считаетъ себя однимъ изъ такихъ людей и онъ, по общей мысли романа, именно человекъ, дѣйствующій въ этомъ духѣ; несчастье его состоитъ только въ томъ, что онъ, освободившись спозна отъ однихъ предразсудковъ, привилѣ къ себѣ много другихъ, въ которыхъ тоже мало спасенія. Стало быть заставлятъ Базарова обращаться къ мужику съ требованіемъ отъ него воззрѣній касательно жизни, настоящаго языка и настоящихъ законовъ, значить заставлятъ его—сдѣлать то, надъ чѣмъ онъ непремѣнно долженъ смѣяться въ другихъ и надъ чѣмъ онъ дѣйствительно смѣется, въ самомъ романѣ, въ глаза Павлу Петровичу Кирсанову; но заставлятъ его объясняться съ мужикомъ языкомъ «Дня» и «Русской Бесѣды»—это уже рѣшительно противно всякому правдоподобию. Базаровъ, не умѣющій имъ говорить съ мужиками, даже пренебрегающій ихъ и внушающій понятіе о себѣ, какъ о баринѣ, дѣйствительно становится какою-то глупой силой,

«Кометою наводящей страхъ,
Звѣздой, проклятою въ звѣздахъ».

Мы понимаемъ, отколѣ произошла ошибка г. Тургенева. Заставляя своего героя придавать слишкомъ много значенія тому его правилу, что главное—дважды два четыре, а все остальное—

куются, онъ оставляетъ его вѣрнымъ этому правилу и въ его сношеніяхъ съ мужиками. Въ этомъ есть своя доля правды; Базаровъ точно не такой человѣкъ, чтобы онъ могъ, говоря его собственными словами, разсыропиться при одномъ имени мужика. Но и при этомъ мы понимаемъ только то, почему онъ не перемонится съ мужиками; а отчего онъ не умѣетъ говорить съ ними, это все-таки непонятно, или вѣрнѣе, это несомнѣнный *промахъ* г. Тургенева.

Мы до конца остаемся убѣжденными, что это *не злоба*. Мы дошли до послѣднихъ страницъ, гдѣ разсказывается конецъ Базарова: это лучшія страницы, какія только удавалось писать г. Тургеневу, и онѣ не только доказываютъ всю любовь, съ которою онъ рисовалъ этотъ глубоко несчастный образъ Базарова, какъ художникъ, но онѣ говорятъ еще о милосердіи, которымъ онъ проникался къ нему, какъ человѣкъ; по крайней мѣрѣ мы ничѣмъ другимъ не умѣемъ объяснить себѣ того обстоятельства, что эти послѣднія страницы такъ жутко хватаютъ васъ за сердце, и если оно не совсѣмъ зачерствѣло и не боится ложнаго стыда, то выжимаютъ изъ него слезы. Карлейль не съ бѣльшимъ искусствомъ, да и не съ бѣльшею любовью разсказываетъ смерть своего короля-медвѣдя. Умирающій Базаровъ самымъ языкомъ своимъ, твердымъ и до конца не пасующимъ, отчасти напоминаетъ предсмертныя минуты этого царственного медвѣдя.

«Эхъ, Анна Сергѣевна, станемте говорить правду. Со мной конечно. Попагъ подь колесо. И выходитъ, что нечего было думать о будущемъ. Старая штука, смерть, а каждому вновь. До сихъ поръ не трушу... а тамъ придетъ безпамятство и *фюить!* (Онъ слабо махнулъ рукою.)

«Ну, прощайте! живите долго, и пользуйтесь пока время. Вы посмотрите что за безобразное зрѣлище: червякъ полураздавленный, а еще топорщится. И вѣдь тоже думалъ: обломаю дѣлъ много, не умру, куда! задача есть, вѣдь я гигантъ! А теперь вся задача гиганта, какъ бы умереть поприличію.

«Меня вы забудете, — мертвый живому не товарищъ. Отецъ вашъ будетъ говорить, что вотъ, молъ, какого человѣка Россія теряетъ... Это чепуха; но не разувѣряйте старика... Чѣмъ бы дитя не тѣшилось... вы знаете... Я нуженъ Россіи!.. Нѣтъ, видно не нуженъ. Да и кто нуженъ? Сапожникъ нуженъ, портной нуженъ, мясникъ... мясо продаетъ... мясникъ... постоитъ, я путаюсь... Тутъ есть дѣсь...

«Прощайте, — проговорилъ онъ съ внезапною силой, и глаза его блеснули послѣднимъ блескомъ. — Прощайте... Послушайте... вѣдь я

васъ не поцѣловалъ тогда... Дуньте на умирающую лампу, и пусть она погаснетъ...»

Г. Тургеневъ ведетъ насъ на самую могилу Базарова, и проноситъ надъ ней слова любви и примиренія. Но эти чувства въ такой мѣрѣ находятся въ приведенныхъ нами строчкахъ, что могила, какъ могила, ничего не можетъ сказать намъ болѣе сильнаго.—«Я нуженъ Россіи!... Да и кто нуженъ?»— Этими словами г. Тургеневъ заставляетъ Базарова отказаться отъ одного изъ величайшихъ его пороковъ, которымъ онъ такъ много озлоблялъ своихъ ближнихъ и, въ свою очередь, потерпѣлъ такъ много отъ ихъ озлобленія. Дѣйствительно, кто нуженъ Россіи? Ей нужны всѣ, умѣющіе любить ее, и прежде всего ей не нужно никого, кто захотѣлъ бы насильственно навязываться въ нужные для нея люди, кто придавалъ бы себѣ столько значенія, что даже передъ нею не забывалъ бы о своей ничтожности и даже допускалъ бы, будто судьба ея можетъ зависеть отъ перочиннаго ножичка, которымъ можетъ порѣзаться нужный ей человѣкъ, или отъ глупаго колеса, которое можетъ на него наѣхать.

З—ъ.

УЧИТЬСЯ ИЛИ НЕ УЧИТЬСЯ?

Защѣтка относительно того важнаго вліянія, которое г. Чернышевскій имѣетъ въ литературѣ.

Въ одной изъ прошедшихъ книжекъ Современника г. Чернышевскій объявилъ на всю Русь *о своемъ важномъ вліяніи* въ литературѣ. «Тогда, писалъ г. Чернышевскій, я не имѣлъ еще важнаго вліянія въ литературѣ». Это «тогда» относится къ 1856 году и вся эта фраза очень ясно говоритъ, что въ послѣдствіи, т. е. въ 1857, 1858 и слѣд. годахъ, г. Чернышевскій имѣлъ важное вліяніе въ литературѣ. Мы очень рады, что г. Чернышевскій самъ призналъ этотъ фактъ и даже добровольно объявилъ о немъ и тѣмъ самымъ избавилъ насъ отъ необходимости доказывать его; намъ остается только заняться вопросомъ, на кого и какое вліяніе имѣлъ онъ? — что мы и постараемся сдѣлать какъ можно короче».

Чтобы показать какое вліяніе на общество имѣлъ г. Чернышевскій и Современникъ вообще, потому что отдѣлять ихъ одного отъ другаго совершенно нельзя, мы должны обратиться немножко назадъ. Всякій помнитъ то недалекое время, когда въ нашемъ обществѣ почти мгновенно зародились надежды на перемѣну къ лучшему во всѣхъ сторонахъ нашей жизни. Прежніе наши недостатки тоже всѣмъ хорошо извѣстны. Общество надѣялось, что они скоро исчезнутъ, уступятъ мѣсто явленіямъ болѣе совершеннымъ. Но недостатки имѣли крѣпкую опору въ тѣхъ людяхъ, съ интересами которыхъ они были связаны; нужно было, чтобы противодѣйствіе такихъ людей не имѣло силы передъ стремленіями людей болѣе разумныхъ; нужно было, чтобы въ обществѣ развились достаточныя силы для того, чтобы нравственныя требованія его имѣли достаточную обязательность; нужно было, чтобы эти силы были согласно направлены къ дѣланію разумнымъ, къ такимъ, которыя могли бы быть достиг-

нуты. А для этого нужно было, чтобы общество хорошо уснило себя всѣ вопросы, которые нуждались въ рѣшеніи, хорошо сознало недостатки и средства къ искорененію ихъ, чтобы оно отнеслось ко всему этому сколько возможно серьезно, такъ чтобы требованія его были дѣйствительными требованіями здраваго смысла. Что же сдѣлалъ для всего этого г. Чернышевскій, какъ представитель Современника и людей сочувствующихъ ему? Было очень естественно, что общество, прежде нисколько не думавшее о прогрессѣ, когда встрѣтилось съ нимъ наконецъ лицомъ къ лицу, въ своихъ сужденіяхъ о самомъ прогрессѣ было очень неосновательно, что оно за прогрессъ принимало только то, что всего меньше походило по своему характеру на явленія прежняго времени и что въ самомъ дѣлѣ нисколько не было болѣе ихъ прогрессивно. Очевидно, что есть и было очень много людей, которые имѣли и другіе критеріумы прогресса, болѣе разумные, но великая масса молодыхъ, слѣдовательно самыхъ горячихъ прогрессистовъ, равно какъ и тѣхъ, которые изъ прогресса сдѣлали себя промыселъ, понимала прогрессъ именно такимъ образомъ; освѣтить мнѣніе такихъ людей могло, разумѣется, серьезное образованіе; но серьезное образованіе вдругъ не дается; пока оно принесло бы свои плоды, до того времени могло утечь много воды. Предварительно этимъ должна была заняться текущая литература; она дѣйствительно и занялась. Но какъ? было очень много вопросовъ, въ которыхъ литература высказалась; и надобно отдать справедливость Современнику, онъ высказывался не меньше другихъ; напр., начался вопросъ объ эманципаціи женщины. Несомнѣнно, что положеніе женщины въ нашемъ обществѣ, какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, нуждается въ перемѣнѣ къ лучшему. Современникъ занялся этими вопросами, и рѣшилъ ихъ такъ, что пришелъ къ проституціи, которую онъ и представляетъ идеальнымъ положеніемъ женщинъ. Прогрессивнѣе этого, разумѣется, быть нельзя.—Начался вопросъ о томъ, какъ поднять научное образованіе нашего современнаго и будущихъ поколѣній. Находили, что нужно сдѣлать болѣе серьезнымъ университетское преподаваніе, но кромѣ того находили, что наше юношество вступаетъ въ университетъ безъ достаточнаго предварительнаго приготовленія, и было рѣшено, чтобы, не закрывая ни для кого дверей университетовъ, требовать большаго научнаго подготовленія отъ тѣхъ, которые желаютъ пользоваться студенческими правами.

Современникъ нашель, что это совсѣмъ ненужно, и доказывалъ, что объ этомъ думать не стоитъ, а надобно дать не только возможность учиться, но и другія студенческія права тѣмъ, которые совсѣмъ не приготовлены къ серьезному занятію науками. Въ результатѣ былъ бы окончательный упадокъ науки въ Россіи. Но это такъ прогрессивно, что прогрессивнѣе этого, разувѣется, трудно быть и трудно сказать что-нибудь такое, что еще больше привилось бы молодымъ прогрессивстамъ.—Поднялся вопросъ о самоуправленіи. Современникъ, разувѣется, за самоуправленіе; но на простомъ самоуправленіи онъ не остановился; это было бы не довольно прогрессивно, онъ пошелъ до федеральнаго начала, которое очень кстати для потѣхи журнальной братіи, бросился на журнальную арену тоже одинъ очень прогрессивный господинъ; но потомъ оказалось, что Современнику и федеральнаго начала мало, онъ пошелъ и дальше, такъ что прогрессивнѣе его въ этомъ вопросѣ быть никто не могъ, и прогрессивное юношество сочувствовать кому-нибудь больше тоже не могло. Потомъ слѣдуютъ другіе вопросы. Нашъ прогрессъ имѣеть такое свойство, что онъ повидимому не прочь измѣнить въ своемъ смыслѣ даже математическія формулы, и на основаніи ихъ приобретаемыя какія-нибудь практическія данныя, и вотъ, исходя изъ этого основанія, г. Костомаровъ сталъ доказывать, что мы изъ Жмуди. Это была очень прогрессивная теорія и самымъ жаркимъ поборникомъ ея явился Современникъ, и здѣсь быть прогрессивнѣе его оказалось невозможнымъ.—Но специальность Современника составляетъ политическая экономія, а въ политической экономіи, какъ извѣстно, есть двѣ школы: экономическая и социальная; болѣе прогрессивная школа есть социальная; кромѣ Современника, у насъ ей слѣдуютъ нѣкоторые другіе журналы, равно какъ нѣкоторые ученые, чуждые журналистикѣ. Но разумный социализмъ не довольно прогрессивенъ, и Современника онъ удовлетворить не можетъ; и вотъ Современникъ развиваетъ тѣ теоріи, которыя компрометировали социализмъ на Западѣ и компрометируютъ его въ Россіи. Но въ этомъ случаѣ дальше его пойти въ прогрессъ было невозможно, онъ все-таки остался изъ передовыхъ передовымъ. Потомъ начнутся вопросы философскіе; извѣстно, что въ философіи существуетъ вѣчный антагонизмъ между идеализмомъ и тою школою, которую мы здѣсь назовемъ реализмомъ. Это выразилось въ развитіи философскихъ идей у каждаго народа, и отразилось

на вождяхъ религіяхъ, и, какъ можно думать, полная побѣда не можетъ принадлежать никогда никакой школѣ. Всегда каждая изъ спорящихъ сторонъ будетъ имѣть много сказать и про и contra; въ принятіи той или другой системы играетъ слишкомъ большое значеніе собственное субъективное расположеніе чело-вѣка, а кто съумѣетъ возвыситься надъ нимъ, тотъ только бу-детъ повторять свои про и contra на ту или на другую сторону, а вывода не сдѣлаетъ. Но идеализмъ дѣло не новое; уже давно облеченный въ извѣстную форму, онъ восторжествовалъ надъ реализмомъ послѣдняго періода древняго міра. Такъ можетъ-ли такая старая система, не говоря уже о формѣ, а и по содер-жанію своему назаться Современнику иначе какъ обскурантиз-момъ? — И вотъ Современникъ сдѣлался партизаномъ реализма, тѣмъ болѣе, что и самые передовые люди западной Европы, какъ напр. *Шопенъ-Гауеръ*, тоже не долюбиваютъ идеализмъ. Но и самъ Шопенъ-Гауеръ въ своемъ реализмѣ ушелъ очень недалеко, и онъ, такъ или иначе, еще поддерживаетъ связи съ идеализ-момъ, что показалось Современнику опять-таки недовольно про-дессивнымъ; и онъ пошелъ дальше и ушелъ такъ далеко, что даже знаменитый философъ Русскаго Слова дальше его пойти не могъ, а только ограничился подробностями, и все-таки славу передоваго чело-вѣка у г. Чернышевскаго не отбилъ.

И въ другихъ вопросахъ тоже самое; самый крайній про-грессъ, — не разбирая ни потребностей общества, ни средствъ, не придерживаясь ни законовъ здраваго смысла, ни требованій нрав-ственности; короче, — ничего; прогрессъ, такъ ужъ прогрессъ!

Но что въ результатъ? Иванъ Ивановичъ Довгочунъ, встрѣчая нищую, просившую кусокъ хлѣба, очень прогрессивно поднималъ вопросъ о томъ, что ей было бы лучше получить вмѣсто хлѣба говядинки или кашки и т. п., и поговоривши съ нею столь гу-манно отпускалъ ее даже безъ куска хлѣба; а нищая, напрасно потерявши время, должна была идти дальше выпрашивать того же куска хлѣба. Въ дѣлѣ нашего прогресса не то, если бы мы только теряли время! Мы теряемъ нѣчто другое, что стоитъ вре-мени.

Г. Чернышевскій очень вѣрно публиковалъ, что онъ имѣетъ важное вліяніе въ литературѣ. Г. Чернышевскій, или пожалуй Современникъ, (это все равно) не даромъ считаетъ себя пред-ставителемъ нашихъ молодыхъ прогрессистовъ. Но пусть обер-медя г. Чернышевскій около самого себя и посмотритъ на-

его имѣть отъ вліяніе, и какое это вліяніе. Современнику не понравились «Отцы и дѣти,» потому что тамъ Базаровъ представляеть въ дурномъ свѣтѣ. Положимъ, и пусть Базаровъ, представитель молодого поколѣнія, не имѣеть не недостатковъ, а имѣеть только однѣ добродѣтели. На такихъ ли людей г. Чернышевскій имѣлъ вліяніе? нѣтъ, кто знаетъ наше молодое поколѣніе, тотъ знаетъ и то, что не только идеалы всѣхъ добродѣтелей, но и настоящіе Тургеневскіе Базаровы отъ вліянія г. Чернышевскаго свободны. Отъ него же свободны и такіе молодые люди, какъ Аркадій Кирсановъ; они далеко не реалисты въ смыслѣ г. Чернышевскаго. Вліянію г. Чернышевскаго подверглись Ситниковы въ полномъ значеніи этого слова, т. е. дѣйствительные откупщицкіе дѣтки, которые жуворя самымъ разнообразнымъ способомъ съ помощію капиталовъ, нажитыхъ чадолюбивыми папеньками, между прочимъ разнообразять своимъ наслажденіемъ удовольствіемъ дѣленія прогресса, но такъ что ихъ прогрессъ компрометируетъ цѣлое молодое поколѣніе. Кромѣ откупщицкихъ сынковъ тутъ разумѣется найдется и еще довольно господъ, подобнымъ образомъ понимающихъ прогрессъ, между прочимъ такіе обличительные поэты, которые въ видахъ прогресса дѣлають свое обличительное служеніе, и, въ то же время предаваясь различнаго рода наслажденіямъ; въ случаѣ споровъ возникающихъ между ими и трагичными слугами, изъ своего обличительнаго служенія дѣлають угрозу для подобныхъ противниковъ, напр. обвѣщаясь сжечь ихъ, одною искрою и т. п. Въ самомъ дѣлѣ пусть г. Чернышевскій, посмотритъ между прочимъ на литературный кружокъ: на кого заѣсь онъ имѣлъ вліяніе? Было время когда къ нему и къ Современнику относились съ сочувствіемъ лучшіе люди нашей литературы. Въ предпоследніе годы, статьи, помѣщаемыя въ Современникѣ, были подписаны именами принадлежащими людямъ наиболѣе уважаемымъ въ литературѣ. Между прочимъ тамъ были Тургеневъ, графъ Толстой и другіе. Гдѣ они теперь всѣ эти люди? Они пошли своими сочиненіями усиловать противоположные лагеря; другаго имъ ничего не оставалось. Быть сотрудниками Современника, они не могли, если уважали самихъ себя. Прогрессъ Современника дѣло рукъ г. Чернышевскаго, получалъ все болѣе и болѣе такой колоритъ, котораго честные люди принять на себя не могли. Образъ дѣйствительнаго редакціи все больше и больше обнаруживался—до того, что Русскій Вѣстникъ имѣлъ возможность по случаю поминковъ, ко-

торыя редакція Современника устроила надъ могилею Добролюбова, бросить ей печатно въ лицо известную характеристику, и не получить никакой реплики. Бѣдное молодое поколѣніе, какихъ же представителей имѣло ты до смѣхъ поръ! Вездѣ есть свое молодое поколѣніе, есть молодая Франція, молодая Германія, молодая Италия, и изъ какихъ прекрасныхъ возвышенныхъ личностей состоятъ онѣ! Если ихъ упрекаютъ въ чемъ, то все таки въ одномъ только увлеченіи, имѣющемъ источникъ ихъ же собственное благородство. А наше молодое поколѣніе, какъ оно явилось на судъ общества, благодаря людямъ, которые называютъ себя его представителями, то есть каковы эти представители? Однимъ говорятъ въ лицо, что они обираютъ своихъ друзей, другимъ говорятъ, что и ихъ друзья терпѣли ихъ только по неопытности потому, что не хорошо раскусили ихъ; иные дѣлаютъ фальшивыя подписи, для нѣкоторыхъ журнальная дѣятельность есть средство напиться въ публичномъ мѣстѣ и не заплатить за это денегъ и т. п. Еще разъ повторимъ: бѣдное молодое поколѣніе!

Можно было бы серьезно усомниться въ нашей будущности если бы тѣ, которые называютъ себя представителями молодого поколѣнія, дѣйствительно представляли его, но, по счастью, это не правда. Г. Чернышевскій и г. Некрасовъ со своими сорудниками, гг. В. и Н. Курочкины со своими, представляютъ ту часть молодого поколѣнія, которую г. Тургеневъ дѣйствительно очень вѣрно олицетворилъ въ своемъ Сятниковѣ, который по справедливости пользуется презрѣніемъ со стороны Базарова какъ бы онъ нибылъ самъ. Да иначе и быть не можетъ; иллюзія очень долго продолжаться не можетъ; промышленный прогрессъ, имѣя своимъ критеріумомъ не истину, и не общее благо, а выгоду его для самого прогрессиста, здоровою дорогою долго идти не можетъ; рано или поздно онъ долженъ свихнуться въ сторону, отъ здраваго смысла перейти къ абсурдамъ. Не подкрѣпляемый ни дѣйствительнымъ желаніемъ общественной пользы, не руководимый наукою, онъ непремѣнно долженъ имѣть эту судьбу.

И пусть г. Чернышевскій не трудится теперь доказывать, что онъ не расходился съ наукою, не писалъ статей противъ нея; теперь это,—поздно; объ этомъ надобно было думать съ начала, а этого то онъ и не дѣлалъ когда онъ писалъ свои отзывы о Маколеѣ, Гизо или Токвилѣ. И Токвиль и Маколей и еще боль-

ше Гизо, изжить свои недостатки, только не так надобно относиться къ ихъ недостаткамъ, какъ относилсѣякъ нимъ г. Чернышевскій. Его манера была бы очень хороша для осмѣянія общеризнаваемыхъ общественныхъ пороковъ; но она совсѣмъ негодится тамъ, гдѣ дѣло идетъ о научной критикѣ, о спорномъ вопросѣ; шканьемъ и свистомъ научные или общественные вопросы, — не рѣшаются. А потомъ слѣдуютъ отношенія г. Чернышевскаго и Современника къ вопросамъ философскимъ; пусть бы они шли въ свой реализмъ такъ далеко, какъ это имъ угодно. Но отъ чего же не отнестись къ нему все-таки по серьезнѣе? Гдѣ ихъ ученіе не новость; не одни они его принимали прежде, не одни они принимаютъ его и теперь. Всякій хоть сколько нибудь самостоятельный человѣкъ въ дѣлѣ мысли, будучи хоть сколько нибудь знакомъ съ науками общими, не специальными, непременно въ своемъ философскомъ развитіи проходитъ болѣе или менѣе полнымъ и отчетливымъ образомъ, чрезъ всѣ тѣ фразы человѣческой мысли, которыя въ исторіи философіи болѣе полнымъ и отчетливымъ образомъ выразились въ различныхъ философскихъ системахъ. И мыслитель дѣйствительно серьезно не можетъ имѣть презрѣнія ни къ одной изъ этихъ системъ, если только онѣ основательно къмъ нибудь принимаются. Такъ относиться къ нимъ можетъ только мальчикъ, который узнавши вчера своимъ умомъ, или отъ другихъ ту истину, которую себѣ выработывалъ судья Тяпкинъ Ляпкинъ, сегодня уже съ чрезвычайнымъ высокоуміемъ относится ко всякому, кто съ нимъ не согласенъ. Г. Чернышевскій именно такимъ образомъ отнесся къ г. Юркевичу. Мы не принимаемъ философіи г. Юркевича, хотя принимаемъ всѣ тѣ возраженія, которыя онъ слѣлалъ г. Чернышевскому, потому что та философія, которую мы называемъ реализмомъ, имѣетъ за себя тоже много доказательствъ, которыхъ г. Чернышевскій частію даже не коснулся, въ то время какъ съ другими доказательствами онъ справился, очень плохо, и не мы одни такъ относимся къ этимъ двумъ противоположнымъ направлениямъ, — очень многіе даже съ сожалѣніемъ не могутъ имѣть того спокойнаго взгляда, который усвоилъ себѣ г. Юркевичъ. Но не такъ смотреть на эти вещи г. Чернышевскій, на возраженія дѣльныя, идущія изъ внимательнаго наблюденія природы человѣческой выведенныя съ строгою логическою послѣдовательностію, г. Чернышевскій отвѣчаетъ фарсомъ, выходками далеко недостойными сколько нибудь серьезнаго мыслителя, толь-

ко на томъ основаніи, что одна система ему кажется самое первѣйшею, а другая была извѣстна ему еще въ ученическихъ тетрадкахъ. Такъ ли поступаютъ люди, дѣйствительно уважающіе науку и серьезно углубившіеся въ философскіе вопросы? Не правъ ли былъ г. Павловъ, увѣряя, что нѣкоторые вліятельные люди въ литературѣ отвлекали юношество отъ науки? Потому тоже самое явленіе повторилось не менѣе рельефно. Г. Страховъ переводить на Русскій языкъ исторію философіи Куно-Финера. Дѣйствительно общество должно быть благодарно г. Страхову за этотъ переводъ; если намъ чего нибудь недоставало до сихъ поръ исполнѣ, такъ именно исторіи философіи. Слѣдствіемъ этого было то, что философское образованіе въ нашемъ обществѣ до сихъ поръ было чрезвычайно слабо, а отъ этого произошло то, что философіе судьи Тяжкина-Ляпкина, въ послѣднее время дѣйствительно распространились между молодыми людьми полуобразованными и даже совсѣмъ необразованными. Болѣе серьезное философское образованіе можетъ распространиться разумѣется только съ помощію основательнаго изученія исторіи философіи. Но поведенію этого то именно и не хочется г. Чернышевскому, потому что прежде всего оно будетъ имѣть слѣдствіемъ то, что подрветъ какъ незыблемость философіи г. Чернышевскаго, такъ и все вообще его ученіе изъ тѣхъ разностороннихъ областей знанія, въ которыхъ такъ преуспѣлъ г. Чернышевскій. Потому онъ и не остановился предъ тѣмъ, чтобы вооружиться противъ научнаго изученія философіи, какъ прежде Современникъ не усомнился вооружиться противъ мѣръ, имѣвшихъ цѣлю поднять, сдѣлать болѣе серьезнымъ образованіе нашего юношества; г. Чернышевскій и Современникъ вообще инстинктивно или сознательно, только вѣрно понимаютъ свои выгоды. Недостатокъ образованія въ обществѣ дѣйствительно долженъ былъ приносить имъ пользу. Они сами публиковали о своемъ дѣйствительно значительномъ успѣхѣ въ послѣдніе годы; ихъ партизаны (изъ Искры) не перестаютъ до сихъ поръ напоминать объ этомъ публикѣ. О своемъ важномъ вліяніи, о своей извѣстности г. Чернышевскій тоже нашелъ случай заявить передъ публикой. Все это мы признаемъ исполнѣ: но повторимъ при этомъ словами, не разъ сказанными прежде въ другихъ болѣе суровыхъ обстоятельствахъ: вы имѣли важное вліяніе, вы имѣли успѣхъ; но это было тогда, когда народъ потерялъ голову, когда онъ отшатнулся отъ здраваго смысла, а когда на-

родъ возмется за умъ, когда онъ начнетъ придерживаться здраваго смысла, тогда вы потеряете и ваше вліяніе и вашъ успѣхъ. Пожалуй можно сюда прибавить еще и то, что это время уже началось.

И ему давно пора начаться; компрометировать нашъ прогрессъ, успѣхи нашей общественной жизни больше, нежели компрометировали ихъ представители нашего молодаго поколѣнія нельзя. Этого мало, что они не хотѣли знать ни здраваго смысла, ни серьезной науки. они вооружились противъ всего, что есть въ нашемъ обществѣ наиболѣе честнаго, благороднаго, самоотверженно служащаго общей пользѣ; они преслѣдовали и продолжаютъ преслѣдовать всякаго честнаго общественнаго дѣятеля, какъ Пирогова, Тургенева, Л. Толстаго и т. д., и въ тоже время свои собственные дѣла принуждены объяснить исторіею Юдиои; но это объясненіе не удается; другія находятъ въ нихъ большее сходство съ исторіею М-те Ригольбошъ; а все это отъ представителей молодаго поколѣнія переходитъ на самое молодое поколѣніе; и къ сожалѣнію дѣйствительно находятся люди, которые подобныя литературныя Ригольбошъ считаютъ представителями всего молодаго поколѣнія и на этомъ основаніи также легко разочаровываются въ своихъ надеждахъ, какъ прежде легко увлекались ими, и начинаютъ доказывать, что мы всѣ вообще еще не довольно созрѣли.

Надѣмся, что цевѣрность такого заключенія будетъ скоро доказана на дѣлѣ, что все молодое поколѣніе, и все общество честнѣе и разумнѣе будутъ относиться къ прогрессу и серьезнѣе къ наукѣ. Попорченное одними, по счастью, можно еще легко поправить всѣмъ другимъ.

М. Б.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Подметныя воззванія. — Разгулъ прежнихъ дней и разгулъ нынѣшнихъ. — Можно ли говорить «*подъ руку*» нвымъ прогрессистамъ? — Что лучше: фанѳоронство серьезнымъ дѣломъ или пустяками? Купеческій сынъ Прошня П—въ, на поприщѣ «прогресса». — Выборная комедія. — Скоморошничество въ видѣ жертвы. — Процессъ князя Воронцова противъ князя Долгорукова, шедшій въ Парижѣ. — Чехи въ Даканьѣ. — О подражателяхъ г. Бышнеградскаго и рѣчахъ г. Леговскаго про Аристида. — Новая брошюра профессора Кавелина «Дворянство и обсужденіе крестьянъ». — Некрологъ Л. А. Мея. — Объявленіе сентенціи В. Обручеву. — О чутьѣ Н. Ф. Павлова; Викторъ Гюго какъ поклонникъ разсказа г. Чернышевскаго о Добролюбовѣ.

Нынѣшній май далъ Петербургу нѣсколько тяжкихъ дней самаго горькаго испытанія.

Нѣкоторыя подметныя прокламаціи, расплодившіяся теперь во множествѣ, навѣваютъ глубокую тоску на всякаго сколько-нибудь порядочнаго и образованнаго человѣка еще не спятившаго съ ума, или не угорѣвшаго до безсмысленнаго бреда. Однѣ изъ нихъ предполагаютъ съ невѣроятнымъ цинизмомъ такой путь для общественнаго спасенія, отъ котораго отвернулись бы съ ужасомъ даже тѣ дикіе, которые вырѣзываютъ своихъ плѣнныхъ и пьютъ человѣческую кровь.

Впрочемъ какъ проектъ общественнаго преобразованія это воззваніе не имѣетъ никакого значенія и въ этомъ отношеніи на него не стоило бы обращать вниманія. Грустная сторона дѣла заключается въ иномъ, — а именно въ невыносимомъ фанѳоронствѣ общественнымъ дѣломъ, въ желаніи обратить его въ дикую по-

тѣху, въ сумашедшій разгулъ... Тутъ всего отвратительнѣе ма-
лера, тонъ, ухватки.

Еще въ недавнее время русское общество почти вовсе не ин-
тересовалось общественными дѣлами, хотя значительная часть его
не знала куда дѣвать свой досугъ. Каждый рынокъ, каждый депар-
таментъ, каждый полкъ замыкались въ заколдованный кружокъ,
жившій совершеннымъ особнякомъ. Всякій человѣкъ, сколько-ни-
будь заглядывавшій за предѣлы кружка, назначеннаго ему судь-
бою, считался подозрительнымъ, не своимъ, а малѣйшіе призна-
ки участія къ общественному дѣлу, дѣлали человѣка опаснымъ
и вызывали прісмотръ. Въ обществѣ ходили рассказы о чудо-
вищномъ убиваніи досуга. Тамъ рассказывали, что какой-нибудь
помѣщикъ не зная куда ухлопать досужее время разыгралъ въ
своей деревнѣ и на своей собственной особѣ исторію Маго-
мета. Здѣсь рассказывали, что другой молодець, перезначивъ
рюмки буквами французской азбуки и наполнивъ каждую осо-
бом водкою, изучаетъ французскую грамматику, и дошелъ уже до
словъ изъ трехъ буквъ т. е. до умѣнья различать смѣсь изъ
трехъ рюмокъ или различныхъ водокъ. Эти досужіе люди толь-
ко облизывались, слушая рассказы о кутежахъ отставныхъ бояръ
Екатериненскаго двора, выѣзжавшихъ по Москвѣ въ раззолочен-
ныхъ каретахъ, съ толпою грумовъ и задававшихъ баснословные
пыры, на которыхъ всѣ дамы были совсѣмъ осыпаны своими и чужи-
ми брилліантами. Еще въ недавнее время все участіе общества въ
общественныхъ дѣлахъ выражалось такими рассказами объ рус-
скихъ историческихъ лицахъ и генералахъ и пр. что образо-
ваннаго слушателя за разъ и хохотъ забиралъ и волосы вста-
вали дыбомъ. А кто были герои тѣхъ дней? напр. чиновникъ,
который летя во весь опоръ на тройкѣ за коляскою начальника
умѣлъ, на страшномъ морозѣ и на всемъ скаку перемѣнить нѣ-
сколько загрязнившіяся дорогою штаны, чтобы предстать на стан-
ціи безукоризненнымъ предъ его превосходительствомъ. А мо-
лодежь прошлыхъ дней? Она ждетъ еще рассказа о своемъ жить-
бытьѣ, который своими ужасами не уступитъ «Запискамъ изъ
мертваго дома» кутежъ да драки, разбиванье публичныхъ до-
мовъ да травля жидовъ, гдѣ они есть, безсонныя ночи за кар-
тами да ни одной книжки въ комнатѣ, — такое содержаніе жи-
зни далеко не было исключеніемъ.

А сынки то купеческіе, они-то что творили, да какъ еще про-
славлялись!

Въ нѣсколько годовъ русское общество по видимому совершенно перемѣнилось и даже разгулы дикаго досуга сдѣлались участіемъ къ общественнымъ дѣламъ. Многія преобразования весьма дѣльно обсужены обществомъ, открыто большое число школъ, журналы всякаго рода размножились. Въ гостинныхъ, на гуляньяхъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ вездѣ слышны толки по общественнымъ вопросамъ. Нѣсколько разъ въ обществѣ уже былъ явленъ значительный гражданскій смыслъ... Прежняя дичь какъ будто за разъ куда-то выскочила.

Но вотъ мы понѣмному стали обживаться съ новымъ положеніемъ, и сила обстоятельствъ стала брать свое. У насъ нѣтъ дѣйствительной общественной жизни, нѣтъ истиннаго участія въ общемъ дѣлѣ, и это обстоятельство не могло не способствовать къ тому, что оцѣнка общественныхъ дѣателей очень трудна и что подѣ видомъ ихъ могутъ фигурировать всякія побужденія и даже простое фанфаронство, навязное желаніе хотя чѣмъ-нибудь ухлопать свой досугъ, да заявить себя. Стоитъ ли перечислять всѣ явленія, подтверждающія нашу мысль.

Лучше промолчимъ, чтобъ не раздражить кого-либо. А развѣ мы не видѣли, что иные желаютъ разыграть жизнь Робеспьера на манеръ того, какъ помѣщикъ прошлыхъ дней разыгралъ жизнь Магомета. Развѣ мы не видѣли, что иные изучаютъ не только французскую грамматику, но весь университетскій курсъ, преимущественно по рюжкамъ? Покутилъ иной нѣсколько разъ со студентами, покричалъ на двухъ трехъ сходкахъ, побывалъ разовъ пятокъ на лекціяхъ, — ну и заявилъ себя и смѣтрянъ уже держать экзаменъ на кандидата, и готовъ человечество спасать. Развѣ мы не видѣли такихъ плановъ общественнаго спасенія, которые предлагали намъ идти такими трущобами, въ которыхъ ни заманишь даже дикаго сына Африки, носящаго одинъ шнурочекъ? Развѣ у насъ желаніе общественнаго блага не доходило до такой великой степени, что надѣялись на добро для родины ото всякаго безумнаго пути къ нему и развѣ наконецъ не предлагали у насъ распороть себѣ животъ съ крикомъ: «да здравствуетъ родина!»

Мы вовсе не хотимъ сказать, что наше время представляетъ только одинъ подобный уродства и однихъ только кликушъ общественнаго дѣла. Напротивъ мы очень далеки отъ подобной мысли. Русское общество безъ всякаго сомнѣнія сдѣлало нѣсколько значительныхъ успѣховъ въ своемъ развитіи. Никто не мо-

зеть отрицать огромнаго вліанія общества на нѣкоторыя преобразованія, частію исполненныя, частію обвѣщанныя къ исполненію. Стоить только сравнить литературу прежняго времени съ теперешнюю, чтобы увидать какъ значительный успѣхъ ея, такъ и возвышеніе уровня свѣдѣній во всемъ обществѣ. Мы скажемъ даже, что преподаваніе въ нашихъ университетахъ въ послѣднее время нѣсколько улучшилось, хотя мы вмѣстѣ съ «Сѣвѣрною пчелою» вполне сочувствуемъ нѣкоторымъ протестамъ студентовъ. Но чѣмъ болѣе цѣнимъ мы дѣйствительные успѣхи общественнаго развитія, тѣмъ строже должны мы относиться ко всему, что прикрывается его флагомъ, поддѣлывается и коробится въ гражданское дѣло. Чѣмъ выше цѣнимъ мы настоящихъ общественныхъ дѣателей, на всѣхъ поприщахъ: въ дѣлѣ реформъ, науки, искусства и пр., тѣмъ менѣе снисходительны должны мы быть даже къ пустымъ фанфаронамъ, забавляющимся криками и стономъ объ общественномъ горѣ. Что же должны мы сдѣлать когда кто-нибудь рѣшится задать какую-то вальпургіеву ночь изъ общественныхъ затрудненій?

Понятно что подобныя продѣлки не могутъ возбуждать никакой пощады въ литературѣ, а требуютъ прямаго разоблаченія, какъ ни затруднительно оно, по крайнему безумію иныхъ продѣлокъ.

Участіе къ общественному дѣлу, безъ всякаго сомнѣнія, представляетъ одно изъ лучшихъ украшеній человѣческой жизни, но это украшеніе не терпитъ никакой мишуры и уничтожается отъ малѣйшаго присутствія ея. Самая легкая посторонняя подмѣсь даже въ хорошее средство, предлагаемое для излеченія общества, можетъ сдѣлать его отчасти ядомъ, а въ иныхъ случаяхъ только одинъ ядъ и подѣйствуетъ. Мы говоримъ по видимому общими фразами потому-что не желали бы указывать на примѣры. Напр. фанфаронство въ занятіяхъ общественными дѣлами дѣйствуетъ всего болѣе какъ зараза и прежде всего порождаетъ фанфароновъ. Въ нашемъ обществѣ, такъ мало жившемъ общественною дѣятельностію, гдѣ еще не привыкли разглядывать настоящія достоинства дѣателей, фанфаронство или фиглярство государственными вопросами дѣйствуетъ особенно губительно.

Мы очень хорошо знаемъ, что у насъ великая путаница попятій доходитъ до того, что многіе цѣнятъ всякое безуміе лишь бы оно говорило о реформахъ, о нуждахъ народа и пр. Случается что у насъ самая звонкая глупость, сказанная за матеріализмъ, идетъ за великую премудрость, за проведеніе идеѣ и т. п. Иногда

приходится слышать рѣчи въ такомъ родѣ: «пусть только интересуются общественнымъ дѣломъ, а тамъ какъ бы не интересовались все-таки, въ концѣ концовъ будетъ добро!» Но на этомъ основаніи можно махнуть рукой на что угодно, на какую хотите отрасль общественной жизни. Можно, пожалуй, сказать: «пусть дурно лечатъ, скверно строятъ дороги, — все-таки въ концѣ концовъ научатся». Намъ приказываютъ молчать въ виду всѣхъ промаховъ дрянныхъ прогрессистовъ, потому-что только, «пусть лучше ошибаются, но только пусть не забываютъ общаго дѣла». Да развѣ въ настоящую минуту оно можетъ забыться? развѣ занимающіеся имъ плохіе прогрессисты совершаютъ это по какому то помазанію, а не по общему влеченію, почти неотстраивимому? Нѣтъ, мы лучше думаемъ объ основахъ настоящаго движенія, чѣмъ защитники всѣхъ его промаховъ. Мы думаемъ, что нѣтъ той Сахары, въ которой могло бы затеряться теперешнее движеніе, а если оно встрѣтитъ препятствія и самыя жестокія, то наше потворство промахамъ не только не избавитъ насъ отъ нихъ, но легко можетъ встать передъ нами именно какъ препятствіе.

Недавно одинъ очень знаменитый писатель сдѣлалъ очень странный промахъ, разговорившись о словахъ неумѣстныхъ при настоящихъ торжественныхъ минутахъ усилій и увлеченій. Онъ высказалъ мысль, что *подъ руку* человѣку, сосредоточенному въ одномъ дѣйствіи, можетъ говорить или личный врагъ его, или врагъ дѣла, — или человѣкъ до того занятый собой, что не въ состояніи думать о другомъ. Крикните Блондину, когда онъ середь каната, крикните ему изъ чистѣйшаго желанія показать, что вы лучше его знаете статику, а Блондинъ то все-таки упадетъ. Теперь такія торжественныя минуты, говорилъ писатель, что неумѣстно сказанное слово разстроиваетъ гармонию, разрушаетъ строй, бросаетъ подъ ноги полѣно. Только люди, выучившіеся вонъ изъ всякаго сочувствія съ поднимающей волной, не могутъ изъ за случайностей, брызговъ, шереховатостей, безпорядка морскихъ зыбей разглядѣть величавость потока.

Мы, по разнымъ причинамъ, оставимъ въ сторонѣ всякія сужденія о томъ, что именно представляетъ торжественность настоящихъ минутъ и чего именно требуетъ она. Дѣло въ томъ, что чѣмъ торжественнѣе минуты, тѣмъ болѣе неумѣстны промахи, кривлянія, шарлатанства, пошлости. Чѣмъ торжественнѣе минута, тѣмъ отвратительнѣе игра ея и потѣха надъ ея величавымъ

стремь. Толпы народа молчали на обоихъ берегахъ, когда Блондинъ, шель по канату, но закричали бы ему если бы знали, что веревка гнила и дурно натянута. Но вѣдь это еще самъ Блондинъ, а ему и книги въ руки, у него и поучиться можно. Но если бы безумецъ или опынѣлый фанфаронъ бросились къ канату переброшенному чрезъ Ніагару, то неужели честный человекъ могъ бы не закричать несчастному, что онъ дѣлаетъ безуміе. Въ томъ то и дѣло, что на канаты чрезъ страшныя стремнины бросаются такіе люди, которымъ надо бы поучиться взлѣзать на простую гимназическую веревку. Въ томъ то наша бѣда, что иные молодцы не хотятъ узнавать азовъ гимнастики, а бросаются переходить по канатамъ.

Наше горе въ томъ, что вмѣсто настоящаго дѣла и серьезной пользы, хотя очень незначительной, мы умѣемъ только броситься да сломить свою голову, а въ послѣднее время стали являться молодцы, которые до того рады быть жертвою, что задоромъ бросятся въ костеръ.

Очень жаль, что не умѣемъ здѣсь мѣста, чтобы выразить наше недовольство статьей «Русскаго Вѣстника» *къ какой мы принадлежимъ партіи*, но мы все-таки надѣемся спастись отъ неблагоприятныхъ намековъ.

Впрочемъ цензура, предлагаемая этимъ писателемъ, самая страшная цензура общественнаго мнѣнія невозможна уже потому, что вѣдь многіе шепчуть *на руку* всякимъ промахамъ. Для Блондина одинаково опасно если его вниманіе развлекуть наставленіемъ или словами одобренія и удивленія. И тутъ Блондина нужно оставить въ сторонѣ, а вспомнить о томъ, что путь общественнаго развитія и безъ того усѣянъ столькими затрудненіями что умножать ихъ молчаніемъ о промахахъ и фанфаронствѣ, кажется вовсе излишне. Наконецъ люди шепчущіе *на руку* всякимъ уклоненіемъ отъ прамаго пути, вѣроятно, сами не захотятъ оставаться въ привилегированномъ положеніи, и сами готовы будутъ сознаться въ своей ошибкѣ.

Укажемъ для примѣра на одну изъ самыхъ невинныхъ подробностей въ исторіи «Отцовъ и дѣтей» въ литературѣ. Тургеневъ не побоялся, не то, чтобы шепнуть подъ руку, а просто заклеилъ разныхъ фанфароновъ современнаго движенія въ родѣ Ситникова и пр.

По этому случаю, съ высоты одного изъ журнальных си-

паевъ, среди громовъ и молній, обрушенныхъ на Тургенева, намъ возвѣстили такую заповѣдь:

«Гораздо лучше фарсить книгой, чѣмъ кринолиномъ, кокетничать съ наукой, чѣмъ съ пустыми франтами, фанфаронить на лекціяхъ, чѣмъ на балахъ. Это измѣненіе предметовъ, на которыхъ направлено кокетство и фанфаронство представляетъ духъ времени въ очень выгодномъ свѣтѣ.»

Кажется эти слова приходятся *на руку*, — (и еще вовсе не Блондину, а просто разнымъ фатамъ) — хотя изъ нихъ и выходитъ что нашему громовержцу, считающему фанфаронство неизбѣжнымъ явленіемъ, пріятнѣе видѣть стаи воронъ и галокъ на трупѣ дорогаго человѣка, чѣмъ на остаткахъ какой-либо падали. Неужели противъ такой заповѣди нельзя говорить! А если можно, то вѣдь выдетъ уже *подъ руку*? Или позволительно говорить только противу Ситниковыхъ, Базаровыхъ, а противъ Блондина нельзя. Положимъ, что такъ, но вѣдь для этого нужно еще разузнать кто Блондинъ, кто Ситниковъ и опять выдетъ, что придется говорить *подъ руку*. Нелучше ли представить всякихъ героевъ на обсужденіе и позволить каждому говорить то, что онъ считаетъ за правду, это будетъ всего полезнѣе и для дѣла и для самихъ героевъ, разнаго вида а тѣмъ болѣе для говорящихъ имъ *на руку*. Дѣло состоитъ въ томъ *какъ* говорится и вовсе не въ непремѣнномъ направленіи постоянно по шерсти.

Мы увѣрены напр. что возвѣстившій намъ выписанную выше заповѣдь самъ готовъ разбить эту скрижаль и поскорѣй втоптать ее въ прахъ. Мы убѣждены въ этомъ, хотя шаловливый громовержецъ имѣетъ замашку возвѣщать читателю: «Великъ Аллахъ и я пророкъ его!» Увы! въ послѣднее время теорія фанфаронства въ общественныхъ дѣлахъ заявила себя такими фактами, что всѣ тучи, которыми окружили себя иные, должны разсѣяться. Дѣйствительно, забавляясь общимъ дѣломъ, можно доиграться не только до дома умалишенныхъ, но и далѣе того, — до *услуги ярому обскурантизму*.

Впрочемъ, никогда нельзя было сомнѣваться въ томъ, что ни одинъ честный и образованный человѣкъ не только не станетъ говорить на руку, но прямо бросить проклятіе, напр: такимъ господамъ, которые до того желаютъ фанфаронить общественнымъ дѣломъ, что не имѣя къ нему никакого пути рѣшаются заявлять камешную рѣшимость на всякую шутку. А дѣй-

статейно фанфаронство способно очутиться въ такомъ положеніи, что, для заявленія себя, ему будетъ не закрытъ только путь потѣхъ, тогда какъ всѣ другіе пути знанія, изученія, труда либо еще невѣдомы, либо брошены, какъ болѣе трудные. Авторъ строкъ о Блондивѣ, самъ не разъ уже отпихивался отъ фанфароновъ такого полета и хохоталъ надъ наивнѣйшими изъ нихъ. Сами громовержцы, обмахнувшіеся заповѣдью о фанфаронствѣ возьмутъ назадъ свои слова. Они не могутъ не видѣть ихъ нестерпимой фальши.

Впрочемъ эта теорія о фанфаронствѣ не представляетъ ничего новаго. Она уже давно была заявлена извѣстнымъ выродкомъ изъ купечества, купеческимъ сыномъ Прошкой П—вымъ и при томъ заявлена весьма знатными фактами. Представьте теперь Прошку П-ва въ прогрессистахъ, а вѣдь и ему не закрыта же дорога.

Прошка П—въ точно также сообразилъ, что гораздо лучше фанфаронить болѣе современнымъ дѣломъ заграничной поѣздки, чѣмъ выкидывать разныя чудеса на гуляньяхъ напр. искать за большія деньги человѣка, который позволилъ бы высѣчь себя крапивою. Но этотъ молодецъ могъ бы пойти и далѣе.

Приключеніе Прошки П—ва у Тортоизъ въ Парижѣ, очень извѣстно. Онъ сидѣлъ тамъ съ другимъ купеческимъ сыномъ Ваською Жировымъ и роспивалъ невѣроятное количество шампанскаго.

— Идетъ? спросилъ Прошка у Васьки, взявъ бутылку за горло и подмигнувъ на трюмо.

— Идетъ, отвѣчалъ Васька, — и Прошка П—въ шарахнул бутылкой въ трюмо.

Чуть осколки зеркала зазвенѣли и удивленные посѣтители поскакали съ ивѣсть какъ П—въ уже кричалъ: «хозяинъ, что стоитъ?»

Если бы Прошка П—въ попалъ въ прогрессисты, то вѣроятно, засѣдая въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ, распивая чай, да шныряя надъ общественными затрудненіями и горемъ, спросилъ бы товарищей, указывая на то, какъ мужья живутъ съ женами...

— «Идетъ?»

— Идетъ!

Ну, и шарахнули бы бракъ! Знай—можь, мановы мы герои: «запрѣтитъ его, искоренить!»

— «Мы, можь, требуемъ уничтоженія брака какъ явленія въ

высшей степени *безправственнаю* и *не мыслимаю при полномъ равенствѣ половъ* и безъ котораго немислимо уничтоженіе наслѣдства. Мы, молъ, требуемъ полного освобожденія женщины, дарованія ей всѣхъ тѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, какими будутъ пользоваться мужчины.»

Чтожъ, грамматическая связь въ этихъ фразахъ дѣйствительно существуетъ и вотъ наши молодцы могли бы хвастаться что они не то что напр. разбили триумо у Тортона или переколотили всю посуду въ ресторанѣ, но высказали даже мысль, что всякій бракъ,—безнравствененъ! Высказали, дескать, самую крайнюю теорію.

Только П-вы — прогрессисты едва ли могутъ повторить вопросъ купеческаго сына: «а что стоитъ?»

Въ глазахъ особенно народа, который эти безумцы хотѣли бы имѣть за собою, иной бракъ пожалуй окажется такъ дорогъ, что никакіе прогрессисты не найдутъ чѣмъ заплатить за него. Никакого капитала не хватитъ!

Прошка П—въ единожды разкаталъ кабакъ ради своего удовольствія, но только закаялся впоследствии шутить такіе шутки.

А отчего жъ бы ему, бывши въ прогрессистахъ не потѣшиться надъ семьей и не поотнимать дѣтей отъ матери и отца. Онъ возопилъ бы:» Мы требуемъ уничтоженія семьи, *препятствующей* развитію человѣка. Мы требуемъ общественнаго воспитанія дѣтей, требуемъ содержанія ихъ на счетъ общества до конца ученія.»

Эхъ, что бы не пришлось закаяться шутить въ такіа шутки и слова!

Когда Прошка П—въ возвратился изъ своей заграничной прогулки, то на вопросы «что видѣлъ онъ за границей». Прошка могъ рассказать только о первой станціи отъ своего города, о Гриневкѣ. Начиная съ нея, Прошка вошелъ въ такой хмѣль, что уже ничего не помнилъ о городахъ, встрѣчавшихся на дальнѣйшемъ пути этой пьяной головы.

А отправься подобный молодчикъ по пути общественныхъ вопросовъ, онъ пожалуй, такъ захмѣлялъ бы отъ первыхъ брошюръ, которыя попались подъ руку, что все дальнѣйшее развитіе литературы этихъ вопросовъ пронеслось бы мимо его памяти, какъ заграничные города пронесли мимо пьяныхъ глазъ купеческаго сына.

Пожалуй мы и въ 1862 году можемъ услышать старыя отголоски:

«Мы требуемъ заведенія общественныхъ фабрикъ, управлять которыми должны лица, выбранныя отъ общества, обязанныя по истеченіи извѣстнаго срока давать ему отчетъ, требуемъ заведеніи общественныхъ лавокъ въ которыхъ продавались бы товары по той цѣнѣ, которой они дѣйствительно стоятъ, а не по той, которую заблагоразсудится назначать торговцу для своего скорѣйшаго обогащенія.

Какая это старая гниль, всѣмъ извѣстная Гриневка! Какъ давно уже всѣ размышляющіе люди съѣхали съ этой станціи?

Подобныя рѣчи имѣютъ столько же общаго съ социальными задачами, какъ видъ несчастной русской станціи съ картинами иностранныхъ городовъ. Мы очень желали бы представить здѣсь дѣйствительно убійственныя насмѣшки Прудона надъ такими брошюрами, да мѣста нѣтъ.

Очень жаль, что Прошка П-въ, былъ знакомъ, по всей вѣроятности, только съ исторіею своего затхлаго городишка, гдѣ разбитіе кабака было конечно самымъ памятнымъ общественнымъ явленіемъ. Потому Прошка ограничился только заказомъ разбитія питейнаго дома, а знай онъ исторію другихъ городовъ или народовъ, знай онъ, напримѣръ, исторію Франціи, Прошка П-въ или его подражатели, пожалуй, задумали бы заказать картинку повеселѣе кабачнаго боя, что нибудь въ родѣ картинки террора.

«Я,— сказалъ бы купеческій сынъ,— *изучалъ* исторію запада и это изученіе не прошло для меня даромъ: я буду, чортъ возьми, послѣдовательнѣе не только жалкихъ революціонеровъ 48 года, но и великихъ революціонеровъ 93 года (памятникъ ему!). Я не испужаюсь, если мнѣ придется пролить втрое болѣе крови, чѣмъ пролито Якобинцами въ 90 годахъ.»

А потомъ, пожалуй, разошелся бы и воскликнулъ: бей всѣхъ несогласныхъ со мною, бей на крышахъ, бей въ подвалахъ, бей въ каждомъ окнѣ, бей у дверей, бей за дверями, и притомъ бей да приговаривай: «да здравствуетъ Прошка П-въ со товарищи и великая мудрость ихъ!»

При этомъ Прошка П-въ, конечно, не задумался о нуждѣ въ объясненіяхъ, почему онъ избираетъ подобныя подвиги, ибо потребна ему лишь потѣха!

Бываютъ такія положенія въ жизни народовъ и отдѣльныхъ лицъ, въ которыхъ неизбѣжны тяжкія болѣзни, но еще никто

не находилъ полезнымъ начинать прямо съ болѣзни, не зака- зывалъ ее себѣ. Еще ни одинъ человекъ, бросавшійся въ воду, не задумывалъ привить себѣ предварительно простуду или пускаясь въ море привить морскую болѣзнь... Впрочемъ для потѣхи чего нельзя сдѣлать!

Можно не только протанцовать съ бочкой на головѣ и жекать человекъ, который позволилъ бы высѣчь себя крапивною, но для потѣхи голятся и побрякушки на голову и поиски такихъ людей, на которыхъ бы нисколько не подѣйствовала пережитая ими событія 1848 года.

Къ сожалѣнію, оно подѣйствовало очень сильно, и особенно на людей, стоявшихъ къ нимъ близко и принимавшихъ въ нихъ участіе. Дѣйствительно, теперь такъ трудно найти сколько нибудь образованнаго свидѣтеля этихъ событій, который пусталъ бы ихъ мимо своихъ глазъ, что буде отыщется такой рѣдкостникъ, то ему можно, по примѣру нашихъ сказокъ, обѣщать хоть цѣлое царство.

Читатель, можетъ быть, видѣлъ, какъ купеческіе сынки собираются на кутежъ и какъ подмываетъ ихъ пристать къ каждому постороннему. «Кто не съ нами, тотъ противъ насъ, а кто противъ насъ, тотъ врагъ намъ, а враговъ слѣдуетъ истреблять всѣми средствами.» — «И-истреблять», подхватить хоръ и смотришь, молодцы попадаютъ не только въ историческіе, но въ многоисторическіе люди.

Что если подобные молодцы попадутъ на дорогу прогресса, то вѣдь дивныхъ дѣлъ могутъ натворить они съ своею великою мудростію? Неужели на подвиги подобныхъ господъ можно смотреть иначе, чѣмъ на бредъ пьяныхъ или обезумѣвшихъ.

Прошка П-въ, конечно, считалъ себя человекомъ, совершенно необходимымъ для успѣха каждаго кутежа, и готовъ былъ пьянствовать съ кѣмъ угодно. Поступивъ въ прогрессисты, онъ ли неготовъ считать свое присутствіе на какомъ либо собраніи истиннымъ благодѣяніемъ для собравшихся и не навязываться куда угодно для словоизверженія! Онъ готовъ даже рекомендовать вмѣсто себя всякаго своего пріятеля, за котораго можетъ цоручиться хоть столько же, сколько и за любаго Ивана.

Когда мы представляемъ себѣ нашего героя на поприщѣ извѣстнаго прогресса, то мы не можемъ отогнать отъ себя мысли, что если онъ и сталъ бы проповѣдовать необходимость кровавыхъ реформъ, то вѣроятно не былъ бы ярокъ отъ такого са-

исотворенія, чтобы ему самому прописали кровавую реформу, употребляемую иными педагогами. Случаются проекты общественнаго спасенія, не производящіе никакого другаго впечатлѣнія.

Да не подумаетъ читатель, чтобы въ нашихъ словахъ заключалось какое нибудь преувеличеніе и что Прошки П-вы никогда не могутъ явиться на поприщѣ общественной дѣятельности. Хорошо бы было, если бы случилось такъ, а то помилюйте, являются молодцы почище и поудалѣй великаго блуднаго кушеческаго сына. Недавно мы читали проектъ для обращенія выборнаго начала въ потуху.

Намъ проповѣдовали, что для замѣщенія всѣхъ выборныхъ должностей, должно препятствовать выбору нестаронниковъ. Намъ говорили, что временное французское правительство 1848 года, погубило свое дѣло, отступивъ отъ такого мудраго правила.

Но при такомъ правилѣ для чего же играть выборную комедію? Не послѣдовательнѣе ли прямо назначить на мѣсто всѣхъ выборныхъ только однихъ сторонниковъ или чиновниковъ правительства. Къ чему же такая потѣха? А значитъ разошлись, кутимъ...

Какъ не сочувствовать людямъ, страдающимъ общимъ горемъ, общественными затрудненіями? Когда эти люди даже на столько слабы, что не могутъ сдѣлать ничего болѣе полезнаго для общества, кромѣ жертвоприношенія своею особою, то и при такомъ безсиліи имъ нельзя отказать въ сочувствіи. Но если бы кто нибудь вздумалъ прибѣгнуть къ своему дому вывѣску, гласящую: «здѣсь жертвуютъ собою для пользы отечества, и готовы погубить себя за-даромъ въ виду общаго блага», то, кажется, позволительно было бы заключить, что подобные вѣстовщики уже слишкомъ рассчитываютъ на умѣнье пустить пыль въ глаза.

Никто изъ приносившихъ дѣйствительныя жертвы для общаго ли блага, или даже для близкаго человѣка, не оповѣщалъ о своей способности къ подобной добродѣтели и не топорщился ею. Страдать за другихъ дѣло въ такой степени щекотливое, что оно не терпитъ никакого поползновенія на маскарадъ, на фанфаронство.

Или лица, возвѣщающія о своей будущей Голгофѣ, хотятъ сказать, что въ иные минуты должно напрашиваться на страданія, на истязанія. Творцы общественнаго маскарада должны же наконецъ вспомнить, что трудно ручаться за себя и что эта трудность составляетъ самую тяжелую часть всякаго человѣка,

подымающаго крестъ за своихъ ближнихъ. Хорошо, если хватить силъ выдержать роль жертвы... Но если... что тогда? какая гибель можетъ наплотиться изъ явно бесполезнаго покушенія на закланіе самого себя!

Подымая на себя грѣхи міра, хватаясь за общее дѣло, всегда не мѣшаетъ поразмыслить о тѣхъ силахъ, которыя выпали на долю, подумать и о томъ что всякій можетъ ошибиться. Броситься въ водолазы, не умѣя плавать, — можетъ только безумецъ! Если ктонибудь, призывая на общее дѣло, поставилъ послѣднимъ аргументомъ, покрывающимъ всѣ остальные, «полную вѣру въ самого себя, въ свои силы», да еще поставилъ бы это на самый первый планъ, то позволительно значительно усомниться въ способности вызвателя не только къ общему дѣлу, но и къ удовлетворительному исполненію самыхъ пустыхъ обыкновенностей. Удаля, ставящая на первый планъ «полную вѣру въ себя, въ свои силы» и явно пренебрегающая всякими предосторожностями, называется просто русскимъ «авось» и намъ очень хорошо знакомо, что слѣдуетъ ждать отъ нея. Кто же пойдетъ «на авось» перестраивать общественное зданіе!

И не смотря на всѣ эти достоинства будьте увѣрены, что эти господа прежде всего озаботятся поставить себя въ такое положеніе, что дѣльный споръ съ ними почти невозможенъ и нельзя не сознаться, что подобная поза у насъ очень легка и удобна. Нѣтъ такого фельетониста, нѣтъ такого самаго жалкаго душеплетиста, который не принималъ бы эту позу и увѣ! часто не торжествовалъ въ ней. Попробуйте уличить какогонибудь фразера, увѣряющаго васъ, что развратъ и освобожденіе одно и то же, онъ прикинется что не могъ сказать полной своей мысли, что вся мудрость человѣческая заключена между его словами и строками и при этомъ онъ вамъ укажетъ на какихънибудь мало знакомыхъ собесѣдниковъ, сидящихъ въ той же гостиной. Что вы сдѣлаете противъ такой брони, такого желѣзнаго панциря, а вѣдь его можетъ надѣть безумнѣйшій изъ смертныхъ и можетъ творить въ немъ чудовищныя дѣла. О такую броню вы нарываетесь безпрестанно и въ гостиныхъ, и на гуляньяхъ и въ вагонѣ желѣзной дороги...

«Султанъ долженъ объявить войну. Оттоманской Портъ» скажетъ вамъ мудрецъ сего міра, и какъ бы вы не хотали надѣ его словами, онъ можетъ выйти побѣдителемъ. Нужно

только умиль, подмигнуть собесѣдникамъ, ловко улыбнуться, вкленуть двѣ-три шарлатанскія фразы, два-три намека на вашъ счетъ, сдѣлать нѣсколько безсовѣстныхъ удареній на чужихъ словахъ, — и вы проиграете споръ даже о войнѣ султана съ Оттоманскою Портою, — въ глазахъ людей малообразованныхъ а они, — большинство.

«Надобно, говорятъ вамъ, чтобы всѣ жены были красавицы, а до тѣхъ поръ собственно все вздоръ».

Попробуйте, возразить, что хотя красота дѣло доброе, но не слѣдуетъ забывать о хлѣбѣ насущномъ, и при теперешнихъ условіяхъ вы можете проиграть споръ, да мало того, что проиграть, но выйти изъ него опачканнымъ грязью, чуть не оплеваннымъ. Вы можете послушаться такихъ комплиментовъ въ которыхъ «отсталый», будетъ еще нѣжившимъ, а то въ резервѣ всегда остаются еще другія названія, гораздо скорѣе повергающія въ молчаніе, — хоть на минуту невыносимой обиды. Въ препираніи фразами одно мгновеніе упадка голоса, каковы бы ни были причины его, можетъ перебросить побѣду, богъ знаетъ, на какую сторону.

Только одно освобожденіе печати, отъ различныхъ стѣсненій можетъ нанести конечный ударъ подобнымъ явленіямъ. Дѣятельность комиссiи о кнгопечатаніи съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе значенія. Мы были правы говоря, что на г. Головинѣ лежитъ теперь такая отвѣтственность передъ Россіей, какая рѣдко выпадала на долю другихъ министровъ.

Процессъ князя Воронцова противъ князя Долгорукова.

Этотъ процессъ шелъ прошлою зимою, въ одномъ изъ парижскихъ судовъ, и надѣлалъ много шума, чуть ли не на всю Европу. Газеты, наперерывъ, другъ передъ другомъ печатали рассказы объ немъ и даже сообщали телеграфическія депеши о его ходѣ. Въ началѣ нынѣшняго года процессъ оконченъ и теперь, благодаря изложенію, помѣщенному въ «Журналъ Министерства Юстиціи», мы получили возможность познакомиться нашими читателями съ главными чертами тяжбы князя Воронцова противъ князя П. Долгорукова.

Авторъ изложенія справедливо замѣчаетъ, что въ процессѣ бросается въ глаза крайняя скудость свидѣній о личности кня-

за Долгорукова и, потому авторъ приводитъ только оффиціальныя свѣдѣнія о немъ, опубликованныя недавно въ нашихъ газетахъ.

Мы узнаемъ изъ нихъ, что Государь Императоръ, имѣя въ виду нѣкоторыя неблагопріятныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ отставнаго коллежскаго секретаря, князя Петра Владиміровича Долгорукова, повелѣлъ: «объявить князю Долгорукову, чтобы онъ немедленно возвратился въ Россію, а между тѣмъ наложить на все мѣстѣ его запрещеніе».

Въ это время князь Долгоруковъ былъ въ Лондонѣ. Его пригласили явиться въ русское генеральное консульство, но князь Долгоруковъ отказался исполнить это приглашеніе. За тѣмъ Высочайшее повелѣніе было объявлено ему письменно, но онъ отказался отвѣтъ «столь неприличнаго содержанія, что генеральное консульство отослало ему его обратно.»

Министерство иностранныхъ дѣлъ соопщило все это начальнику III-го отдѣленія собственной канцеляріи и; вслѣдствіе доклада, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: поступить съ Долгоруковымъ по всей строгости законовъ,

Тульское губернское правленіе предало князя Долгорукова суду чернскаго уѣзднаго суда, который приговорилъ его за невозвращеніе по вызову правительства, лишитъ всѣхъ правъ состоянія и признаетъ вѣчнымъ изгнанникомъ, а за ослушаніе монаршей воли и неприличныя выраженія отвѣта, буде возвратится въ Россію, сослать въ каторжныя работы, на заводахъ, на 8 лѣтъ.

Рѣшеніе чернскаго уѣзднаго суда, послѣ пересмотра его высшими инстанціями, было утверждено сенатомъ въ такомъ видѣ: за невозвращеніе по вызову правительства князь Долгоруковъ лишается всѣхъ правъ состоянія и приговаривается къ вѣчному изгнанію изъ предѣловъ государства, а за неприличный отвѣтъ который возвращенъ ему, не представляется возможности ни судить о степени неприличія его, ни признать князя Долгорукова виновнымъ въ написаніи его.

Этотъ постановленіе сената, согласно мѣтнію государственнаго совѣта, утверждено Государемъ Императоромъ.

И такъ, князь Долгоруковъ принадлежитъ къ числу русскихъ *refugiés*.

Еще до отъѣзда своего за границу, князь Долгоруковъ занимался генеалогическими и геральдическими изысканіями древнихъ русскихъ дворянскихъ родовъ и напечаталъ объ этомъ извѣст-

его сочиненіе. Изъ этихъ занятій князя Долгорукова и возникъ его процессъ съ княземъ Воронцовымъ.

Долгорукій находилъ, что княжескій родъ кавказскаго наместника и фельдмаршала князя Воронцова не имѣлъ никакой связи съ родомъ Воронцовыхъ, упоминаемыхъ лѣтописями. Князья же Воронцовы говорили, что обладаютъ документами, которыми доказывается, что ихъ родъ идетъ непосредственно отъ боярскаго рода Воронцовыхъ.

Въ 1856 г. князь Долгоруковъ сообщилъ свои сомнѣнія фельдмаршалу; кн. Воронцовъ прислалъ ему цѣлую кипу документовъ.

Лѣто 1856 г. кн. Долгоруковъ жилъ въ своемъ имѣніи, и приготовлялъ къ изданію четвертый томъ своего сочиненія. Въ первыхъ числахъ іюня, онъ послалъ къ князю Воронцову, лечившемуся въ Вильдбаденѣ, письмо, которое было получено и распечатано фельдмаршаломъ въ присутствіи своего семейства и друзей. Въ конвертъ кромѣ письма оказалась записочка, писанная на французскомъ языкѣ, видимо, изломаннымъ, не натуральнымъ почеркомъ и безъ подписи.

Въ письмѣ было написано по французски:

«Князь! Я привожу къ окончанію четвертый томъ родословнаго сборника, въ этомъ томѣ будутъ помѣщены Вельяминовы, а слѣдовательно древній родъ Воронцовыхъ. Я со вниманіемъ разсматриваю документы, доставленные вамъоу свѣтлостию и, до настоящаго времени, не могъ найти въ древнихъ актахъ и хроникахъ доказательства ихъ истинности и подлинности. Чувства высокаго уваженія, которыя я питаю къ вашей свѣтлости, побудили бы меня съ особеннымъ удовольствіемъ сдѣлать вамъ пріятное, но я буду вынужденъ напечатать эту часть моего сборника въ смыслѣ совершенно противоположныхъ желаній, князь, если вы не поспѣшите прислать мнѣ дополнительныхъ документовъ, которые, объяснивъ мнѣ темные вопросы дѣла, могли бы устранить всѣ затрудненія.

«Время идетъ, нужно торопиться присылкою документовъ.

«Я останусь здѣсь, въ деревнѣ до первыхъ чиселъ октября. Адресъ мой: *Тульская губернія городъ Чернь*. Прошу вашу свѣтлость принять выраженіе моего глубокаго почтенія и искренней преданности, съ которыми имѣю честь быть.

Вашъ покорный слуга

Кн. Петръ Долгоруковъ.

Безымянная записка содержала въ себѣ слѣдующее:

«Во свѣтлость князь Воронцовъ имѣетъ зарное * средство къ тому, чтобы его родословная была напечатана въ русской родословной книгѣ въ томъ видѣ, какъ онъ желаетъ. Это средство состоитъ въ

* Подчеркнуто въ подлинникѣ.

томъ, чтобы подарить князю Петру Долгорукову 50 тыс. руб. сер. Тогда все * будетъ сдѣлано по его желанію. Но не надо терять времени».

Кн. Воронцовъ отвѣтилъ чрезъ два дня послѣ полученія письма. Въ этомъ отвѣтѣ онъ говоритъ, что прежде кн. Долгоруковъ разсмотрѣвъ документы представленные фельдмаршаломъ прямо сказалъ послѣднему, что онъ не считаетъ ихъ убѣдительными, но обѣщалъ напечатать все сообщенное, предоставляя публикѣ рѣшить возникшее несогласіе.

«Теперь же, — писалъ князь Воронцовъ, — вы хотите отъ меня новыхъ документовъ, которыхъ я не могу имѣть, и еще менѣе здѣсь, въ Вильдбаденѣ, а между тѣмъ вы торопите меня и я долженъ доставить вамъ ихъ немедленно, потому что вы приступаете къ изданію ваго 4-го тома, гдѣ будутъ помѣщены Вельяминовы и слѣдовательно, какъ вы ихъ называете, древніе Воронцовы. Вы совершенно вольны поступить въ этомъ случаѣ какъ вы хотите. Но я вѣрю въ подлинность документовъ, переданныхъ мною вамъ, и не хотѣлъ бы, чтобы было сказано, безъ возраженій, что теперешніе Воронцовы не имѣютъ ничего общаго съ прежними и что мы проходимъ отъ какого либо бродяги, который, лѣтъ полтораста тому назадъ, принялъ имя рода, изъ котораго онъ не происходилъ, а потому оставляю за собою право протестовать съ своей стороны предъ публикою и передать на ея судъ предметъ существующаго между нами по этому поводу разногласія... Сожалѣю что вы не находите возможнымъ исполнить данное мнѣ обещаніе напечатать мои документы вмѣстѣ съ тѣми которые у васъ уже были о нашемъ родѣ, не высказывая съ вашей стороны рѣшительнаго о нихъ заключенія, а предоставляя это суду публики».

Въ припискѣ къ письму князь Воронцовъ написалъ:

«Къ моему великому удивленію, я нашелъ въ вашемъ письмѣ замѣтку неподписанную и написанную почеркомъ, который кажется мнѣ различнымъ отъ вашего; при семъ прилагаю съ нея копию. Можетъ быть, вы успѣете открыть, кто осмѣлился послать подобную замѣтку въ письмѣ запечатанномъ вами и вашею печатью. Подлинную я счелъ своимъ долгомъ оставить у себя, вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ, и при свиданіи буду готовъ передать вамъ ее, въ надеждѣ, что она послужитъ вамъ для открытія руки, которая ее написала».

На письмо князя Воронцова князь Долгоруковъ отвѣчалъ:

«Я имѣлъ честь получить ваше письмо изъ Вильдбадена. Я пораженъ, читая въ немъ, что вы нашли въ моемъ письмѣ записку неизвестнаго почерка и просмотрѣлъ копию съ этой записки которую вы мнѣ

* Тоже.

прислали; мнѣ бы было очень любопытно знать кто осмѣлился позволить себѣ такую дерзкую штуку, такое дѣйствіе, которому нѣтъ имени.

«Обращаюсь вновь, князь, къ генеалогическому вопросу, на который каждый изъ насъ смотритъ различно. Вы мнѣ говорите въ вашемъ письмѣ, что послѣ изданія, зимою, 4-го тома моей родословной книги вы намѣрены протестовать. На это вы имѣете полное право, каждый можетъ протестовать противъ печатной книги, но если завяжутся полемика по этому предмету, я также предоставляю себѣ, въ свою очередь, издать въ свѣтъ возраженіе противъ вашего протеста, подкрѣпленное фактами и непровержимыми доказательствами. Публика рѣшитъ между нами.

Этимъ письмомъ окончились объясненія между княземъ Воронцовымъ и кн. Долгоруковымъ. Вскорѣ первый умеръ, возвратившись въ Одессу, а кн. Долгоруковъ уѣхалъ за границу и съ тѣхъ-поръ живетъ то въ Лондонѣ, то въ Парижѣ.

Онъ сдѣлался редакторомъ газеты, выходящей за границую на русскомъ языкѣ подъ названіемъ «Будущность», а въ 1860 г. издалъ книгу «Правда о Россіи!»

Вскорѣ, по выходѣ книги, въ парижскомъ журналѣ *Courrier du Dimanche* былъ помѣщенъ библиографическій отзвѣвъ о ней за подписью: А. Мишенскій. Сообщаемъ выдержки изъ нея.

«Кто не помнитъ, какая поднялась буря во всѣхъ гостинныхъ всѣхъ европейскихъ столицъ, во всѣхъ журналахъ всѣхъ странъ, когда появилось сочиненіе маркиза Кюстина о Россіи. Благороднаго автора не щадяли; жестокая брань и всевозможныя оскорбленія посылались на него; говорили, что онъ употребилъ во зло гостепріимство, оказанное ему петербургскою аристократіей. Кто не помнитъ, какъ вскорѣ послѣ того, намъ извѣстный романистъ Бальзакъ, побѣхавшій въ Петербургъ, встрѣтилъ тамъ такой холодной пріемъ, что воротясь, говорилъ, что ему досталось отъ русской аристократіи пощечина, назначенная Кюстину.

«И что же? Теперь передъ нами лежитъ книга о Россіи, конечно далеко болѣе любопытная, чѣмъ книга Кюстина, это—*Правда о Россіи* кн. Петра Долгорукова, русского барина, потомка кн. Якова Долгорукова, извѣстнаго въ русской исторіи народнаго патріота».

Далѣе г. Мишенскій говоритъ о трудности оцѣнки обличительныхъ сочиненій при разборѣ которыхъ можно сдѣлаться невольнымъ орудіемъ личностей и даже сообщникомъ въ распространеніи, со словъ автора, фальшивыхъ и ошибочныхъ фактовъ.

«Недавно,—продолжаетъ г. Мишенскій,—мы имѣли намѣреніе приступить къ разбору одной книги, которая съ перваго взгляда казалась намъ очень любопытною. Содержаніе ее было, — *родословныя біографіи аристократическихъ родовъ одной иностранной земли*. Но вдругъ намъ сообщили письмо отъ автора книги къ одному изъ зна-

«отдельнымъ листъ, родословная котораго должна была появиться въ его сочиненіи».

И г. Мишенскій разсказываетъ, что авторъ книги просилъ 50 т. р. сер. за уничтоженіе документовъ дѣлавшихъ сомнительнымъ прямое происхожденіе аристократа, который въ негоднованіи на недостойную продѣлку приказалъ снять автографные снимки съ нагой записки и разослалъ ихъ въ тысячахъ экземплярахъ.

«Однимъ изъ такихъ снимковъ попалъ намъ въ руки,» говоритъ рецензентъ «и показавъ намъ нравственное значеніе писателя, заставилъ насъ отказаться отъ задуманнаго «разбора его сочиненія, которое въ главахъ нашихъ было уже ничто иное, какъ пасквиль».

Послѣ такого вступленія г. Мишенскій перебираетъ факты, сообщенные княземъ Долгоруковымъ съ нѣкоторою ироніею.

Князь Долгоруковъ, прочтя статью г. Мишенскаго принялъ его намеки на свой счетъ и написалъ къ редактору *Courrier du Dimanche* длинное оправдательное письмо.

«Я не считаю нужнымъ, — писалъ онъ, — входить съ г. Мишенскимъ въ полемику относительно оцѣнки моего труда; ограничусь замѣчаніемъ что онъ съ какимъ-то удовольствіемъ ищетъ представить въ превратномъ смыслѣ цѣль моего сочиненія, перенося на русскій народъ котораго превосходнымъ качествамъ я отдаю полную справедливость и къ которому я съ гордостью считаю себя принадлежащимъ. — Но статья Мишенскаго содержитъ въ себѣ разсказъ, задѣвлющій мою честь, разсказъ порожденный самою низкою клеветою и самымъ наглымъ подлогомъ».

Последнія слова относились къ покойному князю Воронцову. Кн. Долгоруковъ разсказываетъ далѣе, что фельдмаршалъ, зная его мнѣніе о происхожденіи фамиліи Воронцовыхъ, «не переставалъ заискивать и просить автора родословной книги, и тотъ изъ учтивости всегда отвѣчалъ, что онъ очень бы желалъ видѣть и разобрать документы, на которые осылался престарѣлый фельдмаршалъ. Наконецъ уже приступая къ изданію 4-го тома князь Долгоруковъ чтобы отплатить за любезности, написалъ князю Воронцову, свое искреннее сожалѣніе, что не можетъ удовлетворить его желанія «такъ какъ Воронцовъ не доставилъ случаи видѣть документы, о которыхъ говорилъ.» Можно себѣ представить, какъ я былъ пораженъ, писалъ Долгоруковъ, когда Воронцовъ, оскорбляя мою честь, писалъ мнѣ, что-будто въ письмѣ, которое я ему послалъ, онъ нашелъ записку не моей руки и что

въ этой запискѣ ему предлагали прислать миѣ 50 т. р. с. Въ негодovanіи я отвѣчалъ фельдмаршалу не очень вѣжливо въ исъ-
номѣ и требовалъ, чтобъ онъ представилъ миѣ оригиналъ этой
записки. Намѣреніе мое было добиться судебнаго слѣдствія». Ки.
Долгоруковъ рассказываетъ что онъ просилъ правительство о
производствѣ слѣдствія, но получилъ отказъ, и затѣмъ продол-
жаетъ:

«Дня три, четыре, послѣ того я обѣдалъ у баронессы Мейен-
дорфъ, урожденной гр. Штакельбергъ, и тамъ узналъ, о полу-
ченіи изъ Одессы депеши о смерти фельдмаршала. Я рассказалъ
барону и баронессѣ Мейендорфъ случай, бывшій у меня съ фельд-
маршаломъ, и они, конечно, помнятъ какъ глубоко я былъ огор-
ченъ смертію его; она дѣлала для меня невозможнымъ добыть-
ся слѣдствія.»

Князь Долгоруковъ опровергаетъ подробности, сообщенныя г.
Мишенскимъ и не подтвердившіяся при процессѣ, напр. объ уни-
чтоженіи документовъ; онъ говоритъ, что никогда не видалъ
снимковъ съ записки.

«Я не хочу тревожить мертвыхъ, оканчиваетъ князь Долго-
руковъ.—но долженъ сказать, что въ этомъ дѣлѣ очевиденъ яв-
ный подлогъ. Я требую отъ г. Мишенскаго предъявить миѣ ко-
пію съ записки, о которой онъ рассказываетъ, и назвать тѣхъ
лицъ, отъ которыхъ еѣ получилъ. Если онъ это не сдѣлаетъ, я
вынужденъ буду начать противъ него и противъ вашего журна-
ла искъ о личной обидѣ.»

«Обращаюсь къ вашему безпристрастію м. г. для напечатанія
моего письма въ первомъ номерѣ вашего журнала и пр.»

Редакція *Courrier du Dimanche* исполнила просьбу князя Дол-
горукова и присовокупила замѣчаніе, въ которомъ объяснила,
что въ статьѣ г. Мишенскаго ни фамилія автора, ни страна, въ
которой происходилъ рассказанный имъ случай не были назва-
ны, и то редакція не обязана печатать возраженіе князя Долгору-
кова, но такъ какъ онъ самъ признаетъ рассказъ за клевету,
которую хотѣли распространить о немъ, то редакція радуется,
доставляя князю Долгорукову возможность положительно опро-
вергнуть клевету.

Князь Семень Воронцовъ, прочитавъ полемику въ *Courrier du
Dimanche*, рѣшился вступить за честь отца. Онъ могъ либо от-
вѣчать печатно, либо обратиться къ суду. Ки. Воронцовъ избралъ
последній путь, и предъявилъ 1-й камерѣ парижскаго граждан-

скаго суда искъ на князя Долгорукова и на редакцію *Courrier du Dimanche*, предоставляя усмотрѣнію суда назначеніе цѣфы убытковъ и проторей, къ уплатѣ которыхъ онъ просилъ приговорить виновныхъ.

Адвокатами были: со стороны Воронцова, — Матье, со стороны Долгорукова. — Мари, со стороны редактора газеты *Courrier du Dimanche* Лорала, — Шодэ. Прокурорское мѣсто занималъ помощникъ императорскаго прокурора, — Северіень Дюма.

На публичномъ засѣданіи суда присутствовали обѣ стороны: и кн. Воронцовъ и кн. Долгоруковъ.

Адвокатъ Воронцова Матье, рассказавъ въ подробности весь ходъ дѣла и изложивъ содержаніе вышеприведенныхъ документовъ, сталъ доказывать что авторъ, безъименной записки не можетъ быть никто другой, кромѣ самого кн. Долгорукова.

Авторомъ записки могъ бы быть, говорилъ г. Матье либо кн. Воронцовъ, либо кн. Долгоруковъ, но первый не могъ составить ее потому-что она находилась въ пакетѣ за гербовою печатью Долгорукаго, и вмѣстѣ съ письмомъ его самого. Она не могла бѣ быть также составлена и въ конторѣ кн. Воронцова, какъ силіяся доказать это кн. Долгоруковъ въ бумагахъ предварительнаго производства; потому-что ни для кого изъ лицъ, служащихъ въ конторѣ кн. Воронцова, не было интереса прибѣгать къ такому небезопасному и ни къ чему не ведущему дѣйствию.

Напрасно г. Матье, для большей убѣдительности своихъ словъ, не рассказалъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ былъ вскрытъ пакетъ кн. Долгорукова, и не поименовалъ бывшихъ при этомъ свидѣтелей. Что же касается до конторы кн. Воронцова, то поддѣлка могла бы быть сдѣлана въ ней съ намѣреніемъ завладѣть деньгами, которыя были бы отправлены къ князю. При извѣстныхъ обстоятельствахъ такое намѣреніе не представляетъ абсолютной невозможности. Наконецъ, кто-нибудь могъ желать затрудненій для кн. Долгорукова и рѣшился на поддѣлку. Мы согласны, что все это очень мало вѣроятно, а все-таки не мѣшало обратить вниманіе на обстоятельство полученія пакета въ конторѣ кн. Воронцова, а тѣмъ болѣе на вскрытіе его.

Гораздо убѣдительнѣе доказательство г. Матье о чрезвычайномъ сходствѣ почерковъ письма и записки.

Г. Матье говорилъ, что если кто-нибудь желалъ оклеветать кн. Долгорукова, то поддѣлка имѣла бы характеръ либо рабскаго снимка съ почерка его, либо показывала желаніе скрыть по-

торъ ея автора, причеъ не могло появиться сходства съ почеркомъ кн. Долгорукова. Отчего же?—поддѣлка можетъ быть всякаго рода.

Если же записка писана кн. Долгоруковымъ то, въ ней, при всемъ стараніи его, должны бы проскочить привычка его почерка и обнаружиться также такъ называемая сила руки.

Сличая письмо кн. Долгорукова съ безыменной запискою * нельзя не замѣтить чрезвычайнаго сходства почерковъ, а также шаткости руки въ чертахъ, которыя отступили отъ обычной манеры кн. Долгорукова. Сходство подробностей особенно бросается въ глаза, если сличить подпись фамилинъ подъ письмомъ, съ фамиліей князя написанной въ безыменной запискѣ. Кроме того, и въ письмѣ, и въ запискѣ нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ очень оригинальныхъ особенностей почерка и притомъ совершенно одинаковыхъ.

Просматривая снимки съ этихъ документовъ, нельзя не прийти къ мысли о томъ, что записка либо писана кн. Долгоруковымъ, либо представляетъ искусную поддѣлку подъ его руку, съ коварными измѣненіями, именно, въ особенностяхъ его почерка.

Намъ неизвѣстны всѣ подробности процесса, и даже полныя рѣчи адвокатовъ. Г. Матье окончилъ свою рѣчь словами, что если бы князь Долгоруковъ дѣйствительно не былъ причастенъ къ составленію записки, то не въ такомъ бы видѣ выразилъ онъ свое негодованіе, какое излилъ онъ въ письмѣ къ князю Воронцову, «что если свѣтъ, если публика слышать эти прегія, эту защиту славной памяти противъ недостойныхъ, противъ безнравственнаго дѣйствія, которое я раскрылъ предъ вами, она скажетъ, что сынъ фельдмаршала Воронцова исполнилъ свою обязанность, священную обязанность, которую налагали на него и его сыновья любовь и охраненіе своей чести. Выскажу и желаніе моего сердца, это—чтобы тоже публика вмѣстѣ съ тѣмъ сказала, что защитникъ его исполнилъ честно и добросовѣстно свою почетную обязанность.

Мари, адвокатъ кн. Долгорукова, сдѣлалъ намекъ, что по-

* Автографическія копія съ нихъ приложены къ журналу министерства юстиціи.

Автографы письма князя Долгорукова и безыменной записки были сообщены эксперту французскаго банка Деларю. По разсмотрѣніи ихъ, онъ далъ отзывъ, что признаетъ безусловное сходство почерковъ.

водъ въ процессу не оскорбленіе фамилии Воронцова, но нападеніе на кн. Долгоруковымъ книги о Россіи, что поводъ этотъ политическій. Онъ оправдывалъ кн. Долгорукова тѣмъ, что тотъ былъ задѣтъ статьей г. Мышенскаго, и предостерегалъ судъ отъ ошибочности сужденій на основаніи почерка.

Рѣшеніе суда послѣдовало 3-го января 1862 г., и князь Долгоруковъ признанъ виновникомъ чести фельдмаршала Воронцова, клеветникомъ и авторомъ анонимнаго письма. Онъ присужденъ къ уплатѣ издержекъ процесса, кромѣ шестой части, падающей на *Comptoir du Dimanche* и къ опубликованію приговора на его счетъ въ пяти журналахъ, по выбору кн. Воронцова.

Чехи въ Диканьку. Передавая читателямъ извѣстія о чехахъ въ имѣніи князя Льва Кочубея, мы много жалѣли, что князю почему-то нельзя было не отправиться самому въ Диканьку, ни отправить туда довѣренное лицо для удостовѣреній на мѣстѣ.

Теперь въ газетахъ напечатанъ новый отвѣтъ князя Кочубея, изъ котораго видно, что князь отправился наконецъ въ Диканьку, намѣреваясь требовать формальное слѣдствіе.

Пріѣхавъ въ свое имѣніе, князь Кочубей узналъ, что еще до прибытія его, министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало формальное дознаніе.

Ни одно изъ обвиненій, опубликованныхъ въ «Днѣ» не подтвердилось, но открылись другія отступленія отъ контракта: недодача постельнаго бѣлья, замѣна въ подушкахъ шерсти соломою, и невыдача въ некоторыхъ изъ овощей по случаю неурожая. Вѣроятно Диканьское управленіе, присмотрѣвшись къ жизни русскихъ рабочихъ, не считало серьезными обѣщанія о такой роскоши, какъ постельное бѣлье или овощи къ обѣду.

Князь Кочубей «объявляетъ», что онъ «сожалѣетъ объ этихъ отклоненіяхъ отъ контракта».

Впрочемъ дознаніе, произведенное министерствомъ, было полезно для чеховъ: — еще до пріѣзда князя Льва Кочубея Диканьское управленіе «удовлетворило всѣ недодачи».

И такъ статья «Дня» кое-что заработала на свой пай.

При дознаніи, чехи объявили, что они никому не жаловались, а между тѣмъ въ 24 № «Дня» напечатана жалоба, подписанная 15 чехами, — это было письмо ихъ къ одному изъ соотечественниковъ. Оказывается, что поднесенъ на этой жалобѣ не вымышленныя, а напротивъ вполне вѣрныя, за исключеніемъ од-

ной, гдѣ сдѣлана ошибка въ имени. Чѣмъ же объясняется подобная странность? Не угадаете ли, читатель?

Князь, прибывъ въ имѣніе свое, прежде всего прочелъ чехамъ письмо ихъ, напечатанное въ 24 № «Дня»; оказывается, во-первыхъ, что пять человекъ изъ числа подписавшихъ письмо, напечатанное въ «Днѣ», уже оставили Диканьку. Почему же? Надо замѣтить, что князь Кочубей во всѣхъ своихъ отвѣтахъ глубоко промалчиваетъ о тѣхъ обстоятельствахъ, по которымъ нѣкоторые чехи оставляютъ его имѣніе.

Во вторыхъ оказывается, что при уходѣ этихъ пяти человекъ Диканьское управленіе взяло росписку въ томъ, «что они никакихъ претензій не имѣютъ» и что кромѣ того «имъ никакой обиды и угнетеній отъ экономіи не дѣлалось». Для чего бы Диканьскому управленію требовать этихъ росписокъ въ обидѣ, если оно не имѣло поводовъ опасаться какихъ-либо жалобъ?

Наконецъ въ-третьихъ, князь Кочубей сообщаетъ, что остальные, изъ подписавшихъ письмо, объявили ему, что въ первый разъ слышатъ о подобномъ письмѣ, что они, вѣроятно, были обмануты двумя изъ своихъ соотечественниковъ, которые дѣйствительно уговорили ихъ подписать письмо, но не къ соотечественнику, а къ князю, и что это показаніе они готовы подтвердить клятвою. Одинъ изъ подписавшихъ, Энгельбертъ Черный, явившійся въ Диканьку помимо Левинсона, и служащій безъ контракта, объявилъ, что никакого письма не подписывалъ, и доказывалъ это тѣмъ, что его зовутъ Энгельбертомъ, а не Франкомъ, какъ подписано въ письмѣ.

Чехи, къ которымъ обратился князь, дали ему росписку въ своемъ показаніи. Въ ней они свидѣтельствуютъ, «что никогда за вѣдомо не подписывали какой-либо бумаги, которая должна бы служить, какъ жалоба противъ князя Кочубея, или сдѣлана известною чрезъ напечатаніе въ газетахъ. Фидлеръ и Странскій предложили намъ къ подписки одну бумагу, назвавши ее письмомъ къ князю, въ которомъ приносится жалоба за худую говядину, которая намъ была отпущена».

Послѣ прочтенія Чехамъ письма въ 24 № «Дня», князь распорядился переводомъ статьи «Чехи въ Диканькѣ», съ которой печталась полемика.

Это-то по-видимому такъ сильно подѣйствовало на Чеховъ, что худая говядина, на которую они жаловались князю, а въ письмѣ называли падалью, вдругъ оказалась очень хорошею.

Чехи представили князю новый адресъ.

«Мы всегда получали въ опредѣленное время должное намъ жалованье, говорятъ они въ адресѣ, «наши жены и дѣти очень мало работали на помѣщика въ продолженіе зимы; и мы никогда не имѣли причины къ какой-либо жалобѣ.»

А сами же Чехи, говорятъ, что имѣли причину къ жалобѣ обращенной къ князю, и именно въ дурномъ качествѣ мяса? Кроме того, по контракту, публикованному княземъ Кочубеемъ, дѣти переселенцевъ вовсе не обязаны работать на помѣщика.

«Не правда также и то, что мы страдали отъ холода во время зимы въ нашихъ жилищахъ и что намъ *отпускали историченную говядину въ пищу!*»

Какъ это понять? Г. Аксаковъ полагаетъ, что тутъ ошибка переводчика.

«Также неправда и то, что между нами умерло нѣсколько человекъ, которыхъ священникъ не хотѣлъ хоронить. Одинъ только человекъ умеръ отъ чахотки, съ которою онъ уже прибылъ сюда. Въ продолженіе всей зимы умерло трое дѣтей; послѣ долгаго и внимательнаго попеченія здѣшняго доктора, они были похоронены священникомъ съ соблюденіемъ обряда!»

Священникъ Диканьской церкви, протоіерей Зеленскій заявляетъ съ своей стороны, что онъ былъ въ Полтавѣ, когда къ нему пришли Чехи съ просьбою похоронить ихъ умершаго товарища, и что они погребли умершаго, не дождавшись возвращенія священника. На другой день о. Зеленскій, въ полномъ облаченіи, отслужилъ панихиду на могилѣ покойника.

Потомъ умерло двое дѣтей, и священникъ сопровождалъ ихъ до могилы въ полномъ облаченіи, съ назначеннымъ обрядомъ по нашимъ церковнымъ правиламъ.

Появленіе статьи въ «Днѣ» Чехи приписываютъ злему умыслу одного собрата ихъ, и въ заключеніе изъявляютъ благодарность князю Кочубею «за попеченія о нихъ его сіятельства.» Въ чемъ состояли эти попеченія въ адресѣ не говорится.

Князь Кочубей свидѣтельствуетъ кроме того, что къ нему, лично и въ Диканьское управленіе, еженедѣльно поступаютъ письма изъ Богеміи отъ знакомыхъ и частію родственниковъ переселившихся въ Диканьку Чеховъ, которые просятъ о принятіи ихъ на тѣхъ же условіяхъ. На чемъ же основывалось австрий-

свое правительство, опубликовавъ, что «князь Кочубей не обезпечиваетъ вѣрной будущности австрійскихъ подданныхъ?»

Да, въ этомъ дѣлѣ, несмотря на формальное дознаніе, остается много темнаго. Отчего же нѣкоторые рабочіе ушли изъ Диканьки? Что значать противорѣчія, указанныя нами въ адресахъ Чеховъ?

Пожелаемъ же въ заключеніе этой исторіи, чтобы ожидаемая реформа суда совершилась въ возможно скоромъ времени. Только съ преобразованиемъ судовъ институтъ судебныхъ слѣдователей получить свое настоящее значеніе, и будетъ дѣйствовать съ значительнымъ успѣхомъ. Почти каждое дѣло совершающееся на Руси, прежде всего указываетъ на безотлагательную необходимость улучшеній суда, и въ тоже время становится еще болѣе яснымъ, что судебная реформа повлечетъ за собою цѣлое преобразование нравовъ.

Князь Кочубей призываетъ на общественный судъ г. Аксакова, сказавшаго что онъ не сомнѣвается въ извѣстіяхъ, полученныхъ имъ отъ харьковскаго корреспондента. Въ отвѣтъ на этотъ призывъ мы можемъ сказать, что добросовѣстность г. Аксакова, слишкомъ извѣстна не только литераторамъ, но и обществу. Всякій можетъ быть жертвою своего корреспондента, и только одна реформа суда, да полная гласность могутъ заглушить распространителей ложныхъ слуховъ.

О раздражателѣхъ и. Вышнеградскаго и рѣчахъ и. Лаговскаго про Аристиду. «Темное время,—нехорошее время», говорилъ Селифанъ послѣ того, какъ вывалилъ Чичикова изъ кибитки. Жалоба Селифана повторяется теперь очень многими, и дѣйствительно какой то демонъ неудачъ и промаховъ преслѣдуетъ въ настоящее время большинство русскихъ дѣятелей. Говорятъ, теперь нельзя палить стакана вина, чтобы въ немъ не оказалось нѣсколькихъ мухъ; нельзя сойтись въ дружескій кружокъ, чтобы на немъ не явился какой либо докучный, посторонній гость, и въ тоже время трудно сдѣлать шагъ не оступившись. Говорятъ, даже самъ г. Чернышевскій и тотъ чуть-ли не сознается, что провалился,—по-крайней-мѣрѣ онъ не печатаетъ своего разсказа о Добролюбовѣ, а что демонъ неудачъ творитъ съ г. Антоновичемъ, то и сказать трудно,—просто закрутиль. Не мудрено, что въ такое темное, нехорошее время, самъ таинственно неизвѣстный начальникъ акцизнаго управ-

денія, о безкористіи котораго ми узнали изъ публикаціи департамента податей и сборовъ, не былъ столь счастливъ какъ г. Вишнеградскій и вятскій прокуроръ, — извѣстно, что заявленія послѣднихъ не встрѣтили никакого возраженія. Впрочемъ надо замѣтить, что въ ихъ публикаціяхъ, лица предлагавшія взятки не были поименованы. Департаментъ податей и сборовъ назвавъ подкупателя по фамиліи, и теперь г. Лаговскій открылъ полеміку противу своихъ обвинителей.

Онъ объявляетъ, что начальникъ акцизнаго управленія нѣсколько разъ просилъ у него взаймы 1400 р. с. и что наконецъ г. Лаговскій передалъ женѣ начальника 1000 р. но не въ видѣ взятки, а *взаймы*. Обыкновенно деньги взаймы не даютъ безъ росписокъ, развѣ ужъ очень близкимъ лицамъ. Г. Лаговскій не говоритъ, чтобы онъ былъ близко знакомъ съ семействомъ акцизнаго начальника, и не упоминаетъ ничего о какой либо роспискѣ. Впрочемъ, ему лучше знать какъ было дѣло, а онъ говоритъ, что далъ деньги *взаймы*.

Г. Лаговскій задасть еще вопросъ: для чего начальникъ принялъ его просьбу еще тогда, когда самъ не былъ утвержденъ, и когда при томъ назначеніе старшихъ ревизоровъ зависить отъ министерства, а не отъ него, мѣстнаго управляющаго?

Затѣмъ г. Лаговскій, въ свою очередь, представляетъ сильныя жалобы на департаментъ. Увидавъ, что его деньги пропали, онъ подалъ жалобу министру финансовъ, въ которой объяснилъ всѣ подробности своего дѣла, и просьба эта поступила въ департаментъ податей и сборовъ.

На другой день послѣ подачи просьбы въ «Сѣверной Почтѣ», департаментъ сдѣлалъ объявленіе о г. Лаговскомъ, безъ всякаго дознанія, ни даже какого либо вопроса обвиненному.

Г. Лаговскій послѣ того, двумя письмами отъ 11 и 21 апрѣля, просилъ дать его дѣлу законный ходъ, для разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ.

Наконецъ г. Лаговскій пришелъ въ самый департаментъ, и «удостоился чести объясняться съ директоромъ его, тайнымъ совѣтникомъ Гротомъ».

«Забывъ-ли, что говорить не съ подчиненнымъ, или по издревле принятой методѣ, т. е. Гротъ, рассказываетъ г. Лаговскій, — позволилъ себѣ въ объясненіи со мной нѣсколько разныхъ и совершенно неумѣстныхъ выраженій, и закончилъ такими словами:

— Денегъ вашихъ вамъ не видать, какъ своихъ ушей, и разрѣшенія на просьбу вы не получите и черезъ два года. Можете хотъ каждый день ходить сюда за справками, и даже жаловаться.

«Кому же жаловаться на министерство?» спрашиваетъ обвиненный, и рельефно выставляють всю дуриую сторону запальчивости г. Грота. Наконецъ г. Лаговскій говоритъ, что «въ министерствѣ востановили однимъ *общають*, а другихъ *предполагають* опредѣлять».

Г. Лаговскій, впрочемъ, не ограничился возраженіемъ на обвиненія, — онъ пустился еще въ «общія», какъ говоритъ онъ, разсужденія объ истинныхъ качествахъ Аристиды, и съ шоловливою иронією, говоритъ, что если бы онъ былъ увлеченъ во что-нибудь, то не имъ бы первымъ было совершено подобнаго преступленія, и не съ него бы слѣдовало начать обличенія департаменту податей и сборовъ (sic!)

«Я поступилъ бы, продолжаетъ г. Лаговскій, какъ поступаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ всѣ; я не отклонился бы отъ порядка, установленнаго въ нами; я бы соблюлъ бы лишь, такъ сказать, *священный эстетикъ предковъ потомства...*»

Знатокъ и поклонникъ истинныхъ аристидовыхъ качествъ начесть оправдываться, развѣлился до того, что называеъ взятку даже *священными закѣтами*! Что за вялый нравъ!

А все-таки, по закону, никто не можетъ быть лишенъ своей собственности безъ слѣдствій и суда; департаментъ не можетъ самопроизвольно задержать деньги г. Лаговскаго. Надо надѣяться, что желаніе краснорѣчиваго просителя въ ревизоры будетъ исполнено, и мы подождемъ, что такое окажется по суду. Но только г. Лаговскій уже слишкомъ сладкоглаголивъ, и въ этомъ отношеніи заткнетъ за поясъ самаго г. Вышнеградскаго, не меньшаго знатока и поклонника истинныхъ аристидовыхъ качествъ!

Новая брошюра г. Кавелина. Изъ объявленій, напечатанныхъ при письмѣ г. Шле-Ферроти къ А. И. Герцену, мы узнали, что въ Берлинѣ вышла брошюра г. Кавелина: «*Дворянство и освобожденіе крестьянъ*». Г. Кавелинъ находится теперь за границей для обзоренія некоторыхъ подробностей въ устройствѣ тамошнихъ университетовъ. Недавно одинъ изъ нашихъ журнальныхъ корреспондентовъ, имѣющій привычку раздѣлять четверга-

ты общественнымъ дѣятелямъ, объявилъ, что ему часто «хочется посердиться на г. Кавелина». Не знаемъ, заставить ли новая брошюра профессора посердиться нашего законодателя?— Г. Кавелинъ, какъ извѣстно, еще до официальнаго поднятія крестьянскаго вопроса, писалъ объ немъ большую статью, которая ходила по рукамъ, и имѣла большое вліяніе.

Некрологъ Л. А. Мея. Въ Петербургѣ 15 мая, скончался отъ паралича въ легкихъ извѣстный поэтъ *Л. А. Мей*. Нѣкоторые стихотворенія покойнаго, отличавшіяся достоинствами, давали надежду на замѣчательный талантъ. Драма «Псковитянка» еще болѣе укрѣпила эти надежды, но, къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы тяжкая болѣзнь *Л. А. Мея* почти лишила русскую литературу его участія. Покойный обладалъ значительными свѣденіями по русской старинѣ и древнимъ литературамъ. Въ памяти знавшихъ его, онъ оставляетъ память честнаго человека. Теперь выходитъ полное собраніе сочиненій *Л. А. Мея*, издаваемыхъ графомъ Куселевымъ-Безбородко, и, по выходѣ, мы надѣемся высказать о талантѣ покойнаго подробное мнѣніе. — Замѣтимъ здѣсь, что почти всѣ пишущіе теперь поэты, принадлежатъ не къ нашему молодому поколѣнію, и что оно не выставило еще преемниковъ для нихъ. — Это обстоятельство еще болѣе усиливаетъ наше сожалѣніе о потерѣ одного изъ наиболѣе замѣтныхъ между современными поэтами, умершаго въ такихъ лѣтахъ, которыя не отнимали надежды на дальнѣйшее развитіе его таланта.

Объявленіе сентенціи г. Обручеву. Въ «Вѣдомостяхъ С. Петербургской городской полиціи было напечатано, 30-го-мая, что на другой день, «въ 8 часовъ, назначено публичное объявленіе на Мытнинской площади, въ Рождественской части, бывшему отставному гвардіи поручику Владиміру Обручеву, Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта, коимъ определено: Обручева, въ распространеніи такого сочиненія, которое, хотя безъ прямаго и явнаго возбужденія къ возстанію верховной власти, усиливается оспаривать и подвергать сомнѣнію неприкосновенность правъ ея и дерзостно порицать установленныя государственными законами образъ правленія, — лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу на заводахъ на три года, а по прекращеніи сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибирь навсегда».

Сколько мы знаемъ, подобное объявленіе полиціи въ первый разъ послѣдовало наканунѣ самаго совершенія судебного обряда. Прежде такія объявленія появлялись въ № того дня, утромъ котораго обрядъ былъ уже исполненъ. На Мытнинской площади 31 мая собралась значительная толпа, состоявшая преимущественно изъ простонародья; было много дамъ. Толпа хранила глубокое молчаніе.

Говорятъ, что г. Обручевъ былъ судимъ сенатомъ за распространеніе одного листка прошлою осенью, а не за тѣ возмутительныя возванія, о которыхъ было опубликовано на-дняхъ.

Куріозы. О чутьѣ г. Павлова (Н. Ф.). Почти каждый мѣсяцъ въ редакторѣ «Нашего Времени» открываются новыя и неожиданныя достоинства. Теперь г. Павловъ обнаруживаетъ, что онъ можетъ перещеголять того городничаго, который узнавалъ подозреваемыхъ лицъ, по ихъ походкѣ, по ихъ одеждѣ и, — рѣдко ошибался! Мы говорили выше о дѣлѣ г. Лаговекаго, и призываемся, думали, что оно можетъ быть разъяснено только слѣдствіемъ. Г. Н. Ф. Павловъ какимъ-то верхнимъ чутьемъ прозналъ, что начальникъ акцизной части чистъ, какъ первый снѣгъ. Редакторъ «Нашего Времени» ручается за это, плачетъ, негодуетъ въ своей статьѣ и, по всей вѣроятности, не ошибся.

Интересно бы знать, какимъ путемъ, какими средствами приобрѣтается столь полезное для общежитія чутье?

Викторъ Гюго, какъ поклонникъ разсказа г. Чернышевскаго о Добролюбовѣ Въ недавнее время, «Искра» еще разъ пала ницъ передъ «Современникомъ» потому, что будто только въ этомъ журналѣ всѣ статьи щеголяютъ строгимъ единствомъ направленія. Въ самомъ дѣлѣ, «Современникъ» даже умѣетъ переводить иностранныхъ знаменитостей такъ, что онѣ глядятъ въ немъ почитателями г. Чернышевскаго. Въ послѣдней книжкѣ «Современника» совершено такое помѣщеніе перевода послѣдняго романа Виктора Гюго, которое равносильно самому жестокому комплименту для читателей, чему-то въ родѣ «тупоумнаго глупца». Къ сожалѣнію, романъ В. Гюго никакъ не хотѣлъ встать на колѣни передъ г. Чернышевскимъ, и его пришлось поставить въ это положеніе особымъ примѣчаніемъ редакціи. Вотъ оно: «Новый романъ В. Гюго возбуждаетъ такое сильное *любовьство*, что надобно было познакомить съ нимъ и нашихъ читателей (*какая снисходительность къ изъ «тупоумію»?*) Но

первая часть романа, вышедшая въ двухъ томахъ, чрезвычайно растянута. Печатать ее въ полномъ переводѣ, значитъ, напрасно изнурять читателей, и терять бумагу. Потому печатаемъ эту первую часть въ сокращенномъ разсказѣ, — увѣряетъ что кромѣ этого метода, конечно, непочтительнаго къ «великому художнику» (*какъ ѣдко!*) не было никакой возможности сдѣлать ее *сноскою* въ чтеніи.»

Но развѣ почтительно въ отношеніи читателей давать имъ переводы «несносныхъ» для чтенія романовъ! Или «ступоумные глупцы» уже слишкомъ настойчиво требуютъ его? очень любопытствуютъ?

Какъ бы то ни было, но Викторъ Гюго является въ «Современникѣ» съ тѣмъ самымъ слогомъ, которымъ г. Чернышевскій разсказывалъ о своемъ знакомствѣ съ Добролюбовымъ. Художникъ весь въ подробностяхъ, говорятъ многіе, а «Современникъ» сорвалъ ихъ всѣ съ романа Виктора Гюго, всѣ сравненія, всѣ образы, на которые такъ плодѣвить французскій писатель и представилъ своей публикѣ какой-то обглоданный остатъ романа. Иногда сокращеніе состоитъ просто въ усѣченіи фразъ.

Каковы бы ни были недостатки Виктора Гюго, кажется, что не переводчику «Современника» поправлять ихъ, да еще натягивая романъ на слогъ разсказа г. Чернышевскаго. Но онъ, переводчикъ, сдѣлалъ это, и «Искрѣ» нужно еще разъ насть ниць, а за удивительное единство направленія «Козьмы Минина», со всѣми прочими статьями «Современника», — еще поклониться многожды.

КОРОБОЧНИКЪ.

Вотъ опять дорога вьется сѣрою лентою. Солнышко взошло довольно высоко на голубомъ, безоблачномъ небѣ, и сильно пачетъ. Жаркій июнь стоитъ въ нынѣшнемъ году! Лошади идутъ почти шагомъ, обмахивая мухъ хвостами. Извозчикъ, въ одной рубахѣ, дремлетъ на передкѣ. Однообразно покачивается и скрипитъ моя рогожная повозка. Жарко! душно! Пыль густыми облаками поднимается изъ-подъ колесъ, и густымъ облакомъ склоняется на правую сторону дороги. Вверху звенитъ жаворонокъ, сыплетъ свои раскаты въ густомъ воздухѣ. Парить! надобно ждать грозы или дождя.

Густой, теплый вѣтерокъ изрѣдка пахнѣтъ въ лицо, накормитъ васъ пылью, и разгуляется волнами по зеленому хлѣбу, по обѣимъ сторонамъ дороги. Кругомъ ни души, но за то сколько жизни! подъ каждымъ листкомъ что-нибудь сверститъ и стрекочетъ, на каждомъ цвѣткѣ что-нибудь хлопочетъ и жужжитъ. Смѣшанный гулъ несется по полю; изъ него выдѣляется только трескотня кузнечиковъ, да изрѣдка октава шмеля; этотъ басъ между насѣкомыми тычется головою отъ одного листка въ другой, дѣлаетъ быстрый кругъ въ воздухѣ, и опять пошелъ по травѣ и цвѣтамъ, и затащилъ свою однообразную ноту. Шальная муха, какъ сумасшедшая, ворвется въ повозку, на шумитъ, надѣстъ и улетитъ опять на прозрачныхъ, легкихъ крыльяхъ, Богъ вѣсть куда и зачѣмъ. Воробьи перекликаются, черикаютъ, суетятся, точно торговки на базарѣ. Вездѣ жизнь! вездѣ движеніе!

Даже каждый цвѣточекъ, каждая травка смотрятъ такъ весело, такъ привѣтно, какъ-будто хотятъ сказать: *и я живу!*

Дорога побѣжала внизъ; вся мѣстность круто склоняется; въ воздухѣ дѣлается свѣжѣе; повѣяло благоуханіемъ свѣжаго, только-что скошеннаго сѣна. Поля съ хлѣбомъ прекратились; низкій, зеленый лугъ раскинулся вправо и влѣво, зелеными изгибами, пробираясь между сѣрою пашнею.

Покось съ лѣвой стороны отъ дороги выкошенъ. Съ правой сперва послышался крикъ ребенка, потомъ и журчащій шопотъ косъ. Человѣкъ двадцать мужиковъ косили траву извилистой лентой. бѣлѣясь на изумрудной зелени луга. Въ другомъ мѣстѣ бабы переворачивали сѣно. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги стоялъ маленькій лагерь, составленный изъ люлекъ, въ которыхъ спали и кричали будущіе работники, назначенные судьбою всю жизнь свою орошать своимъ трудовымъ потомъ этотъ лугъ и окрестныя поля. Для нихъ, также какъ и для отцовъ ихъ, жить—будетъ значить: работать, и отдыхать—гулянуть. Теперь они лежатъ въ продолговатыхъ лубочныхъ лукошкахъ, привѣтанныхъ на трехъ соединенныхъ вверху палкахъ. На эту треногу накинута холстинный пологъ такъ, что каждая тренога представляетъ высокую треугольную палатку. Между люльками ползало штукъ шесть маленькихъ дѣвченокъ, обязанныхъ качать меньшихъ братьевъ и сестеръ.

При проѣздѣ моемъ, бабы оставили свою работу, обернувшись въ мою сторону, и, приложивъ руки надъ глазами, чтобы закрыться отъ солнца, провожали меня долгимъ, безстрастнымъ взглядомъ. потомъ опять принялись за работу.

Опять пыль, опять поля и смѣшанные аккорды живыхъ звуковъ. Дорога то идетъ на пригорокъ, то спускается съ него, пробѣжитъ по косорогу, и опять прихотливою кривою лентою извивается между свѣжею зеленью. Вдали засинѣлся лѣсъ, по бокамъ побѣжали сѣрыя изгороди, подъ горкою открылась небольшая деревенька, похожая на небольшія копны соломы, почернѣвшей отъ дождей и солнца. Дорога уперлась въ глубокой оврагъ съ крутыми берегами, на днѣ котораго протекала маленькая рѣчка. Черезъ эту пропасть былъ перекинутъ мостикъ, висѣвшій на высотѣ сажени полторы надъ дномъ оврага. И что это былъ за мостикъ! На четырехъ полусгнившихъ, покривившихся столбахъ перекинуты двѣ, почти совершенно стгнившія, балки. Настилка состоитъ изъ неприлаженныхъ бревенъ, кри-

выхъ, сунуватыхъ, наваленныхъ, какъ Богъ послалъ, безъ закрѣповъ, безъ уборовъ.

Извозникъ мой попридержалъ лошадей, и пустилъ ихъ самымъ тихимъ шагомъ.

— А что, кажется, мостъ-то плохъ?—сказалъ я, выглядывая изъ кибитки.

— Ничо́го! — отвѣчалъ извозникъ, выглянувъ на мостъ наза лошадей. —Извѣстно дѣло не почтовой, — прибавилъ онъ мнѣ, какъ бы въ поясненіе.

— Проѣдемъ-ли мы? Дай-ка я лучше выйду.

— Ничо́го! проѣдемъ! Ну, ты, бойся что-ли!—воскликнулъ онъ, обращаясь къ пристяжной, которая жалась и не хотѣла идти

Кибитка сильно стукнулась о первое бревно, подпрыгнула, качнулась съ боку на бокъ, и затанцовала на мосту.

— Вишь ты какой! — продолжалъ извозникъ. — Но, но, но! не бойся ты. Лѣтось здѣсь провалились ребята изъ Сапуновки, — замѣтилъ онъ.

Лошади наши жалась и недовѣрчиво переступали по невѣрной настлѣ моста. Наконецъ мы переѣхали.

— Какъ же они провалились? — спросилъ я.

— Да ѣхали изъ Палилова, значить, выпимши были немного и—кто ихъ вѣдаетъ? —не посрединѣ что-ли ѣхали, али гораздо шибко .. Всѣ ребята-то сидѣли на передней телегѣ и пѣсни втрали, а сзади была привязана еще подвода. Какъ провалились они, такъ не успѣли, значить, отвязать лошади задней подводы-то, и тоѣ тоже втянули за собой.

— Что жь, убились, я думаю?

— И подись ты! какъ есть ничо́го, ни царапинки, точно будто вотъ тебѣ по мосту проѣхали, и не сломалось ничо́го, Вотъ тутъ и гляди, во диво какое! А то тожь въ позапрошлый годъ, подъ самага Миколу весеняго, у насъ на селѣ парень Ванюха былъ тоже выпимши очень, и пошолъ онъ это на мельницу, и легъ спать на вышкѣ, да не оглядѣлся, что тутъ рядомъ дыра большущая надъ пребольшущимъ котломъ, а тамъ, въ котлѣ-то, значить, вода бѣлымъ ключемъ кипить и бѣсть, знашь, это при мельницѣ была сукновальня, что сукно на наши, на мужицкіе звуны валяютъ, ну такъ его, сукно-то это, и поливаютъ самымъ такимъ ключевымъ кипяткомъ. Валѣзь это Ванюха на вышку, и легъ спать, легъ спать, да должно быть поворохнулся нелад-

во, либо што, а можетъ не безъ того, что и нечистый толкнулъ—видитъ, окаянный врагъ, лежить одинъ человекъ хмѣльной, ни молитвы, ни крестнаго знаменья не сотворить ему... Какъ, то есть Ванюха-то, шмякнулся сверху, да прямо въ котель бултыхъ, да какъ зареветь, заголосить благимъ матомъ... Котлище-то высокій, надыть было бѣжать наверхъ, чтобы тащить... Счастливъ его Богъ, что въ тѣ-поры мужики были наѣхавши на мельницу: бросились это они наверхъ, пока сбѣжали, а Ванюха и кричать полно. Вытащили, еле-живъ, кожа и мясо такъ лохмотьями и валятся, зарыли его въ муку, да такъ въ мѣшкѣ и снесли до двора. Сперва голосилъ больно, а потомъ ничѣго, оправился. Только, значить, ногами не такъ ладно владѣть, да красный сталъ такой, что твой ракъ вареный. Такъ его у насъ и зовутъ на селѣ. Ванюха вареный.

— Ну, други! эхъ вы соколики!—прикрикнулъ онъ на лошадей.

Минуть съ пять мы ѣхали мелкою рысью, по бокамъ мелькали поля, но урожай былъ значительно хуже, чѣмъ по ту сторону рѣки. Хлѣбъ былъ низокъ и рѣдокъ, а въ нѣсколькихъ полосахъ, вмѣсто овса, сидѣли какіе-то желтые цвѣты. Вскорѣ потомъ повѣяло прохладой; лѣсъ подвигался все ближе и ближе, и яснѣе обрисовывался. Сперва онъ силѣлъ на горизонтѣ, какъ туча, потомъ началъ выдѣляться, зеленѣть; почва сдѣлалась песчаною, и черезъ нѣсколько минутъ мы вѣхали въ лѣсъ. Деревья протягивали свои вѣтви надъ дорогой, хлестали ими по лицу извозчика, царапали верхъ кибитки, заглядывали во внутрь. Кибитка прыгала по корнямъ деревьевъ и качалась со скрипомъ изъ стороны въ сторону. Я долженъ былъ устремить все свое вниманіе на то, чтобы не разбить себѣ головы объ верхъ кибитки. По сторонамъ тянулись сосны да ели, ели да сосны, мѣстами обожженные стволы; голая почерлѣвшая почва свидѣтельствовала, что здѣсь недавно былъ опустошительный пожаръ.

— Вотъ и перевозъ!—сказалъ извозчикъ, послѣ получасовой ѣзды лѣсомъ.

Дѣйствительно, дорога, глубоко изрытая колесами и лошадиными ногами, спускалась по сыпучему песку къ рѣкѣ, извивавшейся серебряною лентою между песчаныхъ береговъ. Извозчикъ остановилъ лошадей, и, видя, что поромъ на другой сторонѣ, закричалъ:

— Эй! вы! поромъ! Подавай сюда поромъ!

— Пошли обѣдать!—отвѣчалъ чей-то голосъ возлѣ насъ.

Я осмотрѣлся: у перевоза стояли еще два воза и рогатая повозка; подъ тѣню дерева сидѣлъ какой-то господинъ въ картузѣ, въ бѣломъ парусинномъ пальто и синихъ нанковыхъ шароварахъ: шагахъ въ двухъ отъ него лежали: синяя нашивная чуйка, съ длинною бороδοю клиномъ, и два мужика въ довольно-грязныхъ рубахахъ. У порога и возовъ расхаживали еще два мужика: одинъ похлопывалъ вкучомъ и напѣвалъ что-то въ полголоса; другой осматривалъ колеса, и поправлялъ упряжь у лошадей, какъ видно было, совершенно отъ нечего дѣлать. Я вышелъ изъ кибитки и подошелъ къ дереву.

— Богъ въ помочь! — сказалъ я, усаживаясь возлѣ нихъ.

Господинъ въ парусинномъ балахонѣ посмотрѣлъ на меня, и отвернулся, а мужики и чуйки отвѣчали въ одинъ голосъ:

— На здоровье!

Я сталъ прислушиваться къ разговору чуйки и мужиковъ.

— Вотъ, братцы вы мои, — рассказывалъ одинъ изъ мужиковъ, — Кирюха и говорить: «Идемъ, что-ли, говорить, на тетеревовъ? Я, говорить, знаю мѣсто гдѣ токують». Пошли мы. А у насъ, братцы вы мои, рядомъ живетъ баринъ, къ нему что хошь дичи носи — всю возьметъ, ни единой штуки какъ есть не оставитъ. И такой чудный, совсѣмъ дичь какъ есть загнила, душина отъ нея такая пойдетъ, что ажно съ души воротить, а онъ себѣ ничѣго, ѣсть, да еще говорить: это самый смакъ! Чтوبъ ему... И деньги важныя платилъ: теперъ, ежели принесъ ему что по праву, что хошь проси — и слова не скажетъ, за-платить.

— Служить, знать, мамону! — прервала чуйка.

— А ужъ кто его вѣдаеть? Вотъ, значитъ, мы это и пошли на тетеревовъ. Идемъ по лѣсу, а слышь ты, Микита, знашь, оврагъ-то Косою, во ѣный, гдѣ лѣтось поводырь-то уходилъ слѣпого?

— Знаю! — отозвался другой мужикъ.

— Какъ уходилъ слѣпого? — спросила чуйка.

— Да вишь, ходилъ слѣпой, значитъ, старецъ; водилъ его, этого самаго слѣпаго старца поводырь, парень лѣтъ восемнадцати. Ну такимъ, значитъ, манеромъ они ходили и побирались Христа-ради. Извѣстно дѣло, нищая братія. Разъ какъ-то подали имъ холста аршинъ десять, да собирали по грошамъ рубля на два деньгами. Идутъ это они лѣсомъ, дошли до косога оврага. Дѣло то это производилось зимою, морозъ трещалъ такой

что ажно духъ зашмиаетъ и шаръ изъ главъ валить; поводиры подвелъ слѣпаго къ оврагу. да и говорить: Надыть спускаться къ рѣчиѣ, тише не споткнись! дай мнѣ палку! самъ-то держись за меня крѣпче! Слѣпенькій—то старецъ и дай ему палку, извѣстно въ простотѣ душевной, безъ всякаго сумленія. А тотъ. поводиры-то, взялъ эту палку, да этой палкой, по головѣ слѣпаго старца и опарашилъ. Опарашилъ его, братцы вы мои, обобралъ, столкнулъ въ ровъ, и ушелъ. Весной нашли слѣпаго, почернѣлъ весь высохъ и середину тѣла, вотъ отъ груди до колѣна не то собаки, не то волки съѣли какъ есть все сожрали, чтобъ имъ пусто было. Ну поднялось дѣло, наѣхали: судъ, становой, пошли розыски, допросы, слѣдствіе.

— Ну и что же? спросила чуйка.

— Ну поймали малаго. Какъ пріѣхалъ это становой и дохтуръ съ нимъ и начали они эти сухіе кости разбирать. Сняли съ лѣвой ноги лапоть, а въ него въ онучкахъ завернуты два золотыхъ. Поводырь значитъ объ золотыхъ то и не зналъ. Начали опрашивать кто? кто это? Никто не признаетъ. Да будь хоть батька родной, такъ кажись бы не узналъ: лежитъ онъ весь черный и сухой, такъ что и на человѣка-то не похожъ, словно не вѣсть кто. Никто не призналъ! Только какъ его хоронить надыть было, пришла старуха Василиса, посмотрѣла это на покойника, а возлѣ лежитъ разорванный платочекъ. Василиса и говорить такъ и такъ, платочекъ это мой, а подала я его слѣпенькому старцу. Ну тутъ, братцы вы мои, принялись разыскивать слѣпаго и поводиры. Поводыря взяли верстахъ въ семидесяти; онъ шелъ тоже побираться на погорѣлыхъ. Поймали его, привели, значитъ въ оврагъ къ тѣлу старичка, малый и показался во всемъ,

— Ну что-же ему?

— Што? знамо што душегубцамъ бываетъ: отшлепали кнутомъ, да въ Сибирь сослали.

— Мудрено какъ это такъ его поймали! проговорилъ другой мужикъ.

— Значить кровь его вопіяла къ Богу! замѣтила дидактическая чуйка. Кровь человѣческая никогда не погибнетъ даромъ, всегда обрящется!

— Вѣстимо! Человѣкъ вѣдь не муха, чтобъ вотъ сгинуть.

— Богъ въ помощь! проговорилъ чей-то голосъ.

Мы оглянулись. Передъ нами стоялъ мужикъ лѣтъ сорока

пяти или города, въ семи, черный, загорѣлый, съ черною бороδοю. Одѣтъ онъ былъ въ синій нанковый армякъ до пятъ, на головѣ у него красовалась престранная шапка. На двухъ широкихъ черныхъ ремняхъ на немъ, какъ ранецъ на солдатѣ, была пристегнута коробка. Этихъ торговцовъ, у насъ, въ Орловской губернии, называютъ коробочниками. За спиною въ большомъ любочномъ сундукѣ, особенной формы и состоящемъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, они таскаютъ разныя мелочи: щетки, гребенки, ленты, тесемки, крестьянскія серьги, кольца, монисты, пуговицы, крючки, шелкъ, бумагу и тому подобное. Иногда у нихъ можно найти и носовыя платки и кусокъ каленкору. Терпеливо страдаетъ онъ изъ деревни въ деревню, продавая свой грошевый товаръ и перенося, и жаръ, и стужу, и перемѣны погодъ.

— Перевозу-то значить, цѣтъ? спросилъ онъ снимая коробку и опуская ее на землю.

— Обѣдать пошли! отвѣчалъ мужикъ, рассказывавшій о слѣпомъ.

— Ну пусть себѣ пообѣдаютъ! обождемъ! продолжалъ коробочникъ, усаживаясь нѣсколько въ сторонѣ отъ насъ.

Между мужиками снова завязался на прежнюю тѣму разговоръ; стали говорить о бѣдахъ, о дороговизнѣ, неурожаяхъ.

Развращеніе нравовъ! отозвался вдругъ коробочникъ, отирая съ лица потъ клѣтчатымъ носовымъ платкомъ. Последнія времена приходятъ. Въ писаніи сказано: придетъ нужда, и болѣзнь, и гладь, и трусь, и мерзости обуяютъ. И падутъ люди, въ мерзостныя прельщенія и осквернятъ себя скверными, и нѣсть скверны, ею же не осквернятся! Вотъ что!

— Да плохія времена! какъ то боязливо пропичкала чуйка.

— И еще хуже будетъ.

— Еще хуже? спросили мужики въ одинъ голосъ.

— Еще хуже! настанутъ тяжкія времена: и болѣзнь, и недугъ, и супостаты, и варвары, и языкъ на языкъ, и народъ на народъ, отцы на дѣтей своихъ и дѣти на отцовъ, брать на брата, другъ на друга; тогда будетъ гладь, дороговизна и разныя мученія. Вѣдь вотъ все такъ и есть.

— Такъ все и есть! подтвердила чуйка.

— И все это въ писаніи сказано? спросили мужики.

— Все въ писаніи! отвѣчалъ коробочникъ.

— И все сбывается?

— Эхъ вы, головы. Какъ же писавію не сбыться, Вѣдь пи-

санія то писаны святыми угодниками по внушенію Духа Божія. Все и сбывается. Сказано: нѣсть скверны, ею же не осквернятся и что же, какими сквернами люди не осквернились? Табакъ курятъ и нюхаютъ, не думая, что курятъ и нюхаютъ судъ и осужденіе себѣ, погибель вѣчную на радость врагу рода человѣческаго, и что Богъ отвратилъ лицо свое отъдѣлъ ихъ.

— А развѣ курить грѣхъ, дядюшка? спросилъ одинъ изъ мужиковъ.

— Нѣтъ спасенье! Какъ же не грѣхъ! Вѣдь ты дьявольское зелье въ угожденіе ему куришь, оскверняешь себя! Голова! кому ты подобенъ? Развѣ у святыхъ угодниковъ можетъ исходить огонь, пламя и дымъ изъ устъ, носа и ушей? Развѣ отъ нихъ смрадъ и удушье? Святые благоухаютъ, яко цвѣты и крикъ сельскій. А посмотрите-ка на изображеніе дьявола. Изъ рта, ноздрей и ушей исходитъ пламя геены огненной, дымъ, смрадъ и жупель. Такъ вотъ ты и подумай, возьмешь эту божанную трубку, что пахнетъ дымомъ, огнемъ и смрадомъ, то значить и уподобился дьяволу, и затворилъ врата царствія небеснаго, заживо пріялъ геенну огненную. Вотъ какъ, братъ. Мнѣ самому говорили эти люди, которые курятъ, что на другой день какъ встануть то во рту страшнѣйшій смрадъ, и мерзость, и скверна. Этотъ смрадъ остается постоянно во рту, ну подумай же какъ съ такимъ смрадомъ и зловоніемъ явиться предъ престоломъ Божиимъ. Богъ, разумѣется, отвратитъ лицо свое отъ таковой скверны и беззаконія.

— Значить и водку грѣшно пить? замѣтилъ я.

Коробочникъ окинулъ меня быстрымъ испытующимъ взглядомъ, и отвѣчалъ:

— Отчего такъ?

— На другой день тоже зловоніе и смрадъ!

— Нѣтъ водку пить не грѣхъ. Во-первыхъ сказано: ничтоже скверно, иже въ уста, но токмо скверно изъ устъ. Ну такъ вотъ видите-ли, значить, вы водку пьете во уста, оно и не скверно, а табакъ когда курятъ такъ изрыгаютъ дымъ изъ устъ и ноздрей, и выходитъ оскверненіе и мерзость. Во-вторыхъ, я вамъ доложу, вино пить показано и въ писаніи: сказано; «вино веселятъ сердце человѣка, только не упивайтесь виномъ въ немъ же есть блудъ. Отцы церкви и тѣ пили вино, и въ книгахъ говорится праздникъ: разрѣшеніе вина и едея. Вотъ и выходитъ,

что вино пить можно! Вы почитайте писаніе, тамъ все сказано. А вы употребляете табакъ?

Я хотѣлъ передъ этимъ закурить папиросу, но желаніе поговорить и познакомиться съ коробочникомъ поближе превозмогло позывъ къ куренію. На вопросъ моего собесѣдника, я отвѣчалъ не задумываясь:

— Нѣтъ не употребляю.

— Отчего?

— Отъ того, что не привыкъ, не люблю... Не нахожу удовольствія.

— Вотъ то-то и есть! Потому что вы знаете, что это не хорошо, что это значитъ уподобиться дьяволу. Я вижу, что вы добрый человекъ, только вотъ надобно почитать писаніе. Тамъ все это сказано. Ну а вы кто? Сѣли или посадили?

— Какъ сѣли или посадили?

— Да такъ! Кто вы? На чьей значитъ сторонѣ: сѣли или посадили?

Вопросъ былъ нѣсколько страненъ и заставилъ меня задуматься на короткое время. Коробочникъ еще разъ взглянулъ на меня, и въ лицѣ его, въ особенности въ глазахъ, промелькнула легкая насмѣшка. Его лицо казалось говорило: что братъ! задалъ я тебѣ задачу! Эхъ ты! этого-то ужъ не знаешь!

— Посадили! отвѣчалъ я.

— Я это и зналъ. Вотъ оттого-то мы горе и терпимъ, а роптать не должны.

— Чтожь это значитъ: сѣли или посадили? спросила чуйка.

— А вотъ что, други вы мои милые. Кто сѣли то? а? первосвященники Анна и Каіафа, да Пилатъ понтіійскій. А кого посадили?—Христа. Ну вотъ, всѣ, что противъ правды и Бога, распинаютъ правду, и за правду тѣ сѣли, и имѣютъ они доводство, и богатство, и власть въ мірѣ семъ. Кто же идетъ за Христа, за правду, и совѣсть, дѣлаетъ все по закону, такъ этихъ слугъ Христовыхъ посадили: они какъ Христось терпятъ напасти, лишенія, нужду и гоненія. Они не имѣютъ богатства и власти. Такъ вотъ что! избирай что знаешь. Коли не боишься Бога, и не думаешь о спасеніи души, такъ садись съ нечестивыми, тебѣ дадутся всѣ блага міра сего и богатства, и власть надъ братіями твоими, и это все отъ дьявола: ѣшь, пей, веселься въ куреніи табаку и нечестивыхъ зрѣлищахъ. А хочешь спасенія вѣчнаго, будь посадили, и на сѣдалищѣ

губителей не сме, ну тогда будешь терпѣть вся тяжкія, въ бѣдности и ничтожествѣ, это все отъ Христа и страданія отъ страданія его, и раны отъ ранъ его. Онъ не имѣлъ власти и богатства и его сыны не имѣютъ ихъ.

— Да вѣдь Христось былъ сынъ царскій—запѣтилъ я.

— Онъ былъ племена Давыда, а не сынъ царскій; Иосифъ то былъ просто плотникъ. Нѣтъ я вамъ доложу Христось былъ какъ есть простой человекъ, то есть простаго званія. И ремесло плотничье, честное ремесло. Плотники устроятъ дома Божія и святые престолы въ нихъ.

— Отчего жъ это теперича значить житья нѣтъ? спросилъ одинъ изъ мужиковъ. Кула это не обернешься все это дорого и сиверно. Всякъ тебя обижаетъ, разоряетъ въ конецъ, и ша-гдѣ это управы не найдешь!

— А вотъ отчего. Скажу я, вамъ, мои други милые, было двѣнадцать сновъ, посланныхъ царю Мимамеру и эти двѣнадцать сновъ растолковалъ ему мудрецъ по имени Шахарадъ. Объ этомъ есть такая старинная книга, въ ней объясненіе всѣхъ его сновъ значить. Книга эта писана за нѣсколько тысячъ лѣтъ и вѣковъ, а теперь все, что въ ней сказано, исполняется.

— Вишь ты! за нѣсколько тысячъ лѣтъ! воскликнули мужики.

— Да! продолжалъ разнощикъ. Ну и въ этой книгѣ, братцы вы мои, все это и говорится. Видѣлъ этотъ царь Мимамерь людей, подобныхъ всѣмъ, сказано, человекомъ, но изъ устъ и ноздрей и ушей изрыгали пламя, огонь, дымъ, смрадъ, зловоніе и жупель. И на главахъ ихъ были вѣнды золотыя разныхъ степеней власти надъ людьми. И приде велий смрадъ и огонь вѣчный, и, разтерзавъ, поглотилъ всѣхъ изрыгавшихъ пламя, дымъ въ свою утробу разожженную. Это значить они пошли къ отцу ихъ дьяволу. Потому видѣлъ онъ, этотъ царь Мимамерь, что ходятъ желѣзные носы и клюютъ всѣхъ, и кого клюнутъ, того постигаютъ скорби лютыя и печали великія, нужда, нищета и гладъ. И исклевали тѣ желѣзные носы всю правду на землѣ.

— Какіе же это носы? спросила чуйка.

— Не знаешь? а много ихъ, Подумай-ка: что за носы: клюющіе правду?

— Какіе же это такіе носы?

— Желѣзные? эхъ ма! голова! да ты видалъ-ли примѣрно хоть становыхъ или кого-нибудь изъ приказной братіи? бывалъ въ судахъ?

— Да развѣ у нихъ носы желѣзные?

— Что носы! други вы мои милые! носы ихъ только въ рюми смотрѣть горазды. А вотъ пишутъ-то они чѣмъ? вѣдь Господь показалъ писать перьями гусиными, на то онъ Творецъ премудрый и многомилостивый перья птицъ-гусю далъ. Все правдное и святое гусиными перьями писано и Библия святая, и Евангеліе Христово и писанія апостоловъ господнихъ и житія святыхъ, все писано гусиными перьями. А теперь вотъ пошли перья желѣзные, ходятъ они по міру Божьему и творятъ зло и влекутъ правду. Съ той поры и пошло разореніе, нужда и кривда.

— И долго же это будетъ?

— Долго-ли коротко-ли про то одинъ Господь знаетъ. А всѣ эти бѣдствія будутъ расти и умножаться до тѣхъ поръ, пока не придетъ Христосъ со славою, и устроитъ царство свое; и будетъ едино стадо и единъ пастырь.

— А что вы, старой вѣры? спросилъ я.

— Кто-мы? спросилъ разнощикъ.

— Да.

— Нѣтъ мы, значитъ не старой вѣры, а съ измальства писаніе святое читали и разныя книги божественныя; ходишь по свѣту бѣдому, малоль чего насмотришься и научишься.

— И чай и страстей-то навидался и натерпѣлся! проговорила чуйка.

— Всего бывало. Вотъ, онамеднясь, чуть было въ бѣду не попался.

— Какъ же это? спросила чуйка.

— Да вотъ братцы вы мои, шелъ я это шелъ, путемъ дорогою да и запознлся. Пала ночь, дождикъ такъ и хлещетъ, потыма такая что не приведи Богъ! вижу огонекъ, ну, слава Создателю, думаю, переночую по крайности. Подхожу, анъ это постоялый дворъ и стоитъ онъ, что твой перстъ, одинъ одишешенекъ. А мѣсто-то, други вы мои, пустое прецупое, со всѣмъ дикос, лѣсъ, да боръ. Ваошелъ я это на постоялый дворъ, помоллюся какъ слѣдовать быть должно, и сѣлъ въ уголку. Перезабъ это я гораздо и попросилъ чайку; напился, сѣлъ кусочникъ пирога съ горохомъ и прилежъ вадремнуть, а коробку значить хозяинъ спряталъ въ чуланъ. Пріѣхали какіе-то люди, надо быть купцы или Богъ ихъ вѣдаетъ кто, всю ночь это они бражничали, вѣли лѣсни, а къ свѣту и поссорились. По-

ссорились и принялись пьяные драться, только одинъ изъ нихъ, какъ хватить ножъ да товарища 'прямохонько подь сердце, тотъ и не пикнулъ, хоть бы голосъ подалъ, такъ и свалился. Я давай Богъ ноги, еле уползся!

— Чего же вы испугались? спросилъ я.

— Какой же еще напасти-то? Наѣдетъ судъ, слѣдствіе, посадятъ въ тюрьму и пошли тягать. Да тутъ душу всю вытянуть, въ-доставъ разорятъ, въ острогѣ сгниешь.

— Да вѣдь вы ни въ чемъ не виноваты!

— Въ этомъ-то вся и статья значить. Примѣрно будь я виновать такъ тогда легче гораздо. Запирайся тамъ собѣ, коли совѣсть не зазрять, знать молъ не знаю и вѣдать не вѣдаю, а тутъ тебя на поруки и отдадутъ. Этакъ многіе ослобонились; вѣдомо вотъ, что воры и душегубцы, а ничего ходять по бѣлу свѣту. Есть у меня знакомый прудникъ онъ значить мельницу содержать, еще и кумомъ миѣ приходится. Ну этотъ прудникъ имѣлъ денгу, много-ли, мало-ли, не знаю врать не хочу, а только имѣлъ. Разъ ночью слышитъ онъ, что кто-то въ дверь толкается. Спрашиваетъ: кто тамъ? говорятъ мы. Кто вы такіе? что надо?—отвори, говорятъ тебѣ нужно. Смѣкнулъ онъ этииъ дѣломъ, что значить не за добромъ къ нему идуть. Вышибли двери и влѣзли. Кумъ, прудникъ-то, зачалъ съ ними короводиться, бился, бился, кому попало въ рожу, кому куда, всѣхъ перемѣтилъ, только значить не сообразился съ ними, одолѣли они его, тоже избили лихо. Связали ему руки и ноги, деньги выбрали изъ одежи захватили, что было получше, да и говорятъ: смотри, жаловаться не смѣй, а то не слобровать тебѣ и мельницу твою сождемъ и тебя убьемъ какъ собаку! Тогда не пеняй, самъ виновать будешь. Прудникъ на перво-то смолчалъ, а потомъ взяла его злость. Какъ, други вы мои милые, слышитъ что вотъ по сосѣдству рукой подать въ деревнѣ, солдатъ отставной и какіе-то неизвѣстные люди пьянствуютъ и деньгами такъ и сылать. Злость его взяла.

— Да какъ тутъ не возьметъ злость, когда твои деньги проматываютъ и сорять ими какъ-будто своими собственными! заиѣтила глубокомысленно чуйка.

— Вѣстамо, свое добро такъ взговоришь! сказалъ мужикъ. Пошелъ кумъ, продолжалъ коробочникъ, и объявилъ. Объявлялъ это онъ, други вы мои милые, кому тамъ слѣдуетъ, вотъ и забрали всѣхъ этихъ людей повели въ городъ и посадили въ ос-

трогъ. Чего бы кажется? все какъ есть видно. Ну, думаетъ себѣ прудникъ, скрутили молодцевъ, рабовъ Божіихъ,—теперь не вырвутся, да и деньги возвратятъ хоть, и не всё. Чтожъ вы думаете братны мои! Шло это дѣло безъ малаго не полгода. Наконецъ денегъ прудниковыхъ не отыскали и душегубцевъ оправили и выпустили,—всѣ назадъ попришли. Прудникъ такъ и оберъ какъ увидѣлъ ихъ. Ну, говорить, не слобровать мнѣ теперь! Не знаю живъ-ли теперь, сердечный, али ужъ его уходили.

— Чтожъ это за распорядокъ такой! сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Эхъ ты! голова! отвѣчалъ другой. Извѣстно дѣло какой распорядокъ, всегда такъ бываетъ, только поклонись мощной, тамъ не спрашиваютъ своей-ли или чужой, все едино! опра-
вить.

— Такъ вотъ, продолжалъ коробочникъ, стой на своемъ ослобонять! А коли зазрѣла совѣсть покаяся во всемъ, ну тебя присудятъ и сошлютъ тамъ въ Сибирь что-ли; все легче, чѣмъ въ острогѣ-то гнить. Ну а попадешься въ свидѣтеляхъ такъ нѣтъ хуже. Затаскаютъ и заморятъ въ тюрьмѣ. Виновныхъ, смотришь, лавно уже или ослобонили или сослали, а тебя все тягаютъ, да мучать, у насъ ужъ таковой распорядокъ.

— Да ужъ эти суды, да становые такъ чтобъ ихъ! проговорилъ мужикъ и Бога въ нихъ, знать, нѣтъ что-ли! Вотъ, онамнися, съ нами рядомъ изъ нѣмцевъ управляющій засѣкъ и забилъ мужика. Видимое дѣло грѣхъ случился. Пошелъ онъ къ становому. разумѣется не съ пустыми руками, а тамъ сколько надобно за душу христіанскую. Приѣхалъ становой велѣлъ выкопать яму, дѣло было въ самые петровки, пекота стояла страшнѣющая. Велѣлъ этотъ становой, сложить мертваго въ яму и поливать водою, говорить: чтобы не испортился. Ладно! Лили, лили на него воду, вотъ малаго и разнесло и раздуло всего. Потомъ становой говорить, надо просушить, да два дня на солнце пекъ продержалъ. Въмѣсто человѣка, осталось Богъ знаетъ что, и взглянуть такъ съ души воротить. Приѣхалъ дохтуръ и судъ, рѣзали малаго на часточки, расплостали что твою севрюжину и наши, что отдалъ Богу душу, значить по своей причинѣ. Заговорила вотчина, дескать его забили и засѣкли, всѣ сами и рубцы видѣли. Вотъ и осерчали это они всѣ. Гдѣ, говорятъ рубцы? дохтуръ смотрѣлъ мы смотрѣли да ничего не нашли, а вы сиволапы, видѣли!

— Ну чтоже? спросила чуйка.

— Ничего! Такъ тѣмъ дѣло и замирилось. Истинно, что послѣднія времена! Коли нѣтъ у тебя достатку, коли ты не воръ не злодѣй, не душегубецъ такъ тебѣ и житья нѣтъ на свѣтѣ! Просто хотъ ляжъ да умирай.

— Пойдите, сказалъ я, вотъ теперь будетъ лучше, теверъ дана вамъ свобода.

— Оно такъ-то такъ? Да кто ее знаетъ еще мы не видали ее, что это значить за свобода такая. А кто ихъ вѣдаетъ можетъ и лучше будетъ, должно быть лучше, коли дѣлають а мы народъ темный!

— Развѣ вы не рады воля?

— Какъ не рады, очень рады. Только значить въ толкъ ее еще не возьмемъ какъ это она будетъ. По нашему примѣрно по мужицкому, коли воля, такъ дали бы намъ земли клочокъ: на, дескать, живи какъ знаешь, хошь нанимайся у барина, а не хошь иди на всѣ четыре стороны, и ни становой, никто тебя не прижметъ, не обдеретъ. А то примѣрно хошь вольные это крестьяне, чтожъ они развѣ лучше насъ помѣщичьяхъ живутъ? Я примѣрно знаю помѣщика, а тамъ и голова и писарь, и сотскій, и еще какіе это, кто ихъ знаетъ, всякъ лупить и дереть. И стѣны-то у нихъ у вольныхъ строчены хуже барскихъ, да и карманы очищены ловко! Конечно есть господа, что твои Пылаты, ну а остальные ничего. А становой и исправникъ, все одинаково.

— Безъ нихъ тоже нельзя, кто же будетъ творить судъ и расправу.

— Такъ-то такъ!

— Только правды-то отъ нихъ не жди! вмѣшался коробчаникъ. Первое ихъ господа выбираютъ. ну они разуиѣтся противъ своихъ не пойдутъ и будутъ тянуть все на барскую руку, отъ нихъ мужичокъ и не жди правды, коли его забидеть баринъ. А и то надо сказать, что выбираютъ-то какъ есть самую шухеру.

— По нашему, по-мужицкому: собрались бы мы всемъ миромъ: да и присудили бы, что нужно и когда Миръ, коли въ немъ нѣтъ никого заглавнаго, никого не обидить! Всѣ видятъ какъ быть должно.

— Ну братъ, замѣтилъ я, неужели уже не погрѣшите?

— Простите, батюшка, мы люди тешные, болтаемъ значить сгупу, по-мужицки.

— Ничего, баринъ добрый! сказалъ разнощикъ Такъ вотъ какія дѣла-то дѣлаются!

Въ это время подѣхалъ поромъ.

— Ну надѣтъ ѣхать! заговорили мужики.

— Вы куда? спросилъ коробочникъ чуйку,

— Въ городъ.

— Такъ! значить гдѣ ни наестъ были?

— Да мы по деревнямъ ѣдимъ, волну * скупаемъ.

— Такъ!

Мужики тронули возы. Вдругъ раздался громкій крикъ и ругательства. Бѣлое парусинное пальто выходило изъ себя, какъ сѣли мужики прежде его взѣхать на поромъ. Ткнувши одного въ зубы, другаго въ шею, парусинникъ завезъ на паромъ свою кабитку.

— Вишь развоевался!—проговорилъ коробочникъ.

— Кто это? спросилъ я.

— А кто его знать должно быть баринъ, или изъ чиновныхъ.

Мой извощикъ стоялъ уже на поромѣ. Я и коробочникъ взошли также на поромъ по танцовавшимъ бревнамъ. Съѣзды заложивъ шестами и мы отчалили. Поромъ состоялъ изъ плота, который отъ тяжести, двухъ бричекъ погружался въ воду до того, что она выступала на дрянную настилку и мочила ноги. Бѣлое парусинное пальто посматривало на меня съ пренебреженіемъ какъ кажется за то, что я разговаривалъ съ мужиками.

— Ну что вы часто бываете въ этой сторонѣ? спросилъ я коробочника.

— Часто. Извѣстно дѣло идешь постоянно, пока не обойдешь всего пространства. Всю исходилъ эту сторону какъ есть.

— Что жъ хорошая сторона?

— Ничего, сторона хорошая. Кажется чего бы не жить! Жить можно! Какой еще стороны! и живи небѣдно себѣ, все-го бы кажется должно быть въ волю. Да ничего не подѣлаешь: тѣсно жить, ни за что приняться нельзя, ничего не подѣлаешь!

— Отчего?

— Оттого, что ужъ распорядокъ такой, вездѣ надобны деньги, за все плати, того нельзя, другаго не ситѣй, за третье шку-

ру деруть. Должно быть ужь планда такая вышла. Тѣсно жить.

— Какъ тѣсно?

— Да такъ, тѣсно да и только, значить развернуться нельзя, ничего не подѣлаешь; всѣ пути заказаны и тяжесть большая лежить. Вѣдь вотъ все это мудрецъ Шахарадъ объяснилъ царю Мимамеру. И тягота эта будетъ расти и множиться дондеже предѣлъ не придетъ. Все это предсказано въ писаніи: и голодъ, и страда, и бѣдность, и дороговизна, и напасти. Все исполняется, нѣтъ ни правды, ни защиты! Разореніе кругомъ. Тяжко житье.

— Ну а ваша какъ торговля идетъ?

— Ничего, благодареніе Богу, питаемъ свою грѣшную душу, пока не пошлетъ по нее Господь.

— Торговать значить выгодно?

— Да какъ вамъ сказать? Какъ торговать. Если торгуешь по совѣсти такъ конечно барышъ не большой, ну а съ обманомъ такъ и попадешь ловко въ карманъ. Наше дѣло такое, что его надобно знать да знать, гдѣ, что и какъ надлежитъ. Кто наше дѣла не знаетъ, тотъ ни въ жизнь не пойметъ, хоть ты ему рассказывай какъ хочешь. На все своя сноровка, и безъ того проторгуешься. Только иногда какъ попадешься въ лапы желѣзному носу, да онъ тебя поклюетъ,—извѣстно съ приказью слово сказалъ такъ давай ему деньги,—ну такъ поневолѣ обманешь и другаго, чтобъ наверстать свое. Охъ-хо-хо-хо! Приказъ это видно за грѣхи Богъ послалъ ее въ наказанье тяжкое! Они то въ тяготѣ дѣлаютъ тяготу, гдѣ и такъ тяжело, а они вридаютъ. Кажись не будь прикази иначе бы и свѣтъ шелъ, легче и привольнѣй и жить бы было! Приказъ это, что твои шолуди, лихоманка и недуги страшные, затерзали совѣмъ. И что это за люди—шушера! Обиралы!

— Поромъ подѣхалъ къ берегу. Начали собирать за перевозъ.

— Какую тебѣ плату—закричало бѣлое пальто. Развѣ ты не видишь! Я чиновникъ земскаго суда!

Извозчикъ подогналъ лошадей и мимо меня замелкали опять поля и луга, да покривившіяся курныя избенки.

Ф. ЗИНОВЬЕВЪ.

ПО ПРЕДМЕТУ СВОБОДЫ МЫСЛИ И СЛОВА.

Человѣческая дѣятельность вообще, какъ частная такъ и общественная, всегда была болѣе или менѣе ограничена, а нерѣдко и стѣсняема вліяніемъ того общества, среди котораго приходилось человѣку жить, и потому борьба за личную свободу, за личную самостоятельность, не за принципъ свободы воли, противоположаемый ученію фаталистовъ, а за свободу человѣка, какъ гражданина, какъ члена общества, была постояннымъ удѣломъ всѣхъ человѣческихъ обществъ; иногда явно, иногда тайно, но борьба эта всегда лежала въ основѣ общественныхъ столкновеній и недоразумѣній, и минувшаго, и нашего времени. Весьма естественно, что вопросъ о томъ: на сколько человѣкъ обязанъ подчиняться въ жизни своей этому тяготѣющему надъ нимъ авторитету общества—вопросъ самый существенный, и въ теоріи, и въ примѣненіи его въ практической жизни.

Вопросъ этотъ не ускользнулъ отъ проницательности Д. С. Милля. Всматриваясь внимательно во всѣ факты общественной жизни и подвергая ихъ самому строгому критическому анализу, онъ занялся и этимъ вопросомъ, два года назадъ, отвѣтилъ на него цѣлымъ философскимъ трактатомъ подъ заглавіемъ «О свободѣ» (*On liberty.*)

Прежде, однако, чѣмъ входить въ разбирательство вопроса: на сколько человѣкъ, какъ членъ общества, имѣетъ право свободно располагать своими дѣйствіями, и гдѣ та грань, съ которой

контроль общества надъ его дѣйствіями становится вполнѣ рациональнымъ и, слѣдственно, законнымъ, надо обратить вниманіе на пріуготовительный путь къ тому, чтобы свобода человѣка въ его поступкахъ была, и благотворна для него, и безопасна для общества. Кто не самостоятельно разработалъ свои убѣжденія, кто не привыкъ, не робѣя, высказывать ихъ гласно и не сѹмѣетъ постоять за нихъ въ случаѣ столкновенія съ убѣжденіями противными, тотъ совсѣмъ не способенъ и въ дѣйствіяхъ своихъ къ какой-либо самостоятельности; слѣдовательно, вопросъ о свободѣ мысли и слова, какъ первая ступень къ свободѣ человѣка въ сферѣ общественной дѣятельности — долженъ прежде всего обратить на себя вниманіе мыслящихъ людей, и найти себѣ то или другое рѣшеніе.

Между тѣмъ, самое поверхностное наблюденіе надъ системою нашего воспитанія, которую усвоили себѣ всякаго рода гувернёры, гувернантки, наставники, надзиратели—словомъ, всѣ тѣ лица, которымъ на цѣлые годы и съ такимъ довѣріемъ поручается все моральное развитіе молодаго поколѣнія, приводитъ насъ къ самому безотрадному заключенію: не дѣлай того, не дѣлай этого, дѣлай то-то и то-то — вотъ вся ихъ система! Вопросъ: почему? тутъ не имѣетъ мѣста; а если и найдутся такіе снисходительные воспитатели, которые захотятъ отвѣтить пытливому ребенку, почему онъ долженъ поступать такъ, а не иначе, они ссылаются въ доказательство разумности своихъ требованій, на волю родителей, на какой-нибудь авторитетъ, нерѣдко увѣковѣченный въ прописи, на капризъ общества, и только. Конечный результатъ этой системы — рабское повиновеніе посторонней волѣ.

А семейный бытъ и домашній очагъ, столько разъ воспѣтый нашими поэтами? Вглядитесь въ него поглубже: облако очарованія исчезнетъ, и вы увидите, сколько замираетъ здѣсь забытыхъ, въ самомъ зачатіи захваченныхъ мыслей, сколько пронадеетъ здѣсь свѣжей, непочатой силы... Вы ужаснетесь при видѣ безпомощной, бессильной борьбы юной мысли съ деспотическими тенденціями родительской власти надъ умомъ, надъ сердцемъ, надъ чувствомъ ребенка, и вы легко поймете, гдѣ лежитъ корень всей послѣдующей семейной драмы, вѣчнаго роноута родителей, недовольства, нерѣдко злобы дѣтей, глубоко запавшей въ его душу, безконечныхъ ссоръ мужа съ женою, дѣтей съ родителями. Вы найдете тутъ корень и дальнѣйшей не-

способности, несостоятельности молодых *сформировавшихся* людей на всякомъ поприщѣ, куда ни заброситъ его случай. Кто и когда у насъ совершеннолѣтенъ — мы не знаемъ; законъ, правда, ясно указываетъ на годъ совершеннолѣтія, но, вѣдь, это только *de jure*; *de facto* мы видимъ совсѣмъ другое — посягательство родителей на мысль, слово и дѣло дѣтей простирается далеко за предѣлы закономъ опредѣленнаго срока. Не разъ случалось намъ видѣть дѣтей, убѣжденныхъ сѣдинами, которыя, у себя дома, продолжали слыть за барченковъ, за малолѣтнихъ, и оставались при ласкательныхъ именахъ для всѣхъ домашнихъ. Привычка и матеріальные интересы жизни сковываютъ и тѣ рѣдкія тенденціи къ самостоятельности, которыя иногда прорываются у этихъ взрослыхъ младенцевъ, а родители какъ-будто не хотятъ понять, какія ложныя, ненормальныя отношенія установились въ ихъ семейномъ кругу, и какъ порочно въ существѣ, на такомъ началѣ основанное повиновеніе дѣтей ихъ власти.

Намъ не рѣдко случалось слышать отъ весьма почтенныхъ старцевъ: «какое мнѣ дѣло, любить-ли меня сынъ мой; мнѣ нужно, чтобы онъ повиновался мнѣ, и не тревожилъ бы старость мою спорами и бесполезными противорѣчіями. «Плетью обуха не перешибешь», говаривали намъ многіе. Не правда-ли, хороша мораль? хорошо школа для юнаго, гибкаго сердца? Семейныя отношенія до того становятся иногда аномальны, болѣзненны, что то же свойство характера, которое въ старшемъ признается добродѣтелью, въ младшемъ называется порокомъ; характеръ и своенравіе, логичность и заблужденіе, привычка и страстишка и проч. и проч. Зная нѣсколько семейный бытъ, вы не затруднитесь, къ кому отнести то и другое опредѣленіе того же самаго свойства человеческой души — какое къ отцу, какое къ сыну?

Если, наконецъ, мы и допустимъ, что человѣкъ въ 21 годъ освободился отъ всякаго контроля (въ духѣ авторитета и наслія; конечно, всякое другое вліяніе, въ духѣ предупрежденія и совѣта, мы признаемъ законнымъ и благодѣтельнымъ, хотя бы оно продолжалось до конца жизни,) своихъ наставниковъ и родителей надъ его мыслью, словомъ и дѣломъ, то во-первыхъ, 21 года слишкомъ достаточно, чтобы заглушить въ человѣкѣ все, что быть можетъ и было бы нужно ему въ жизни, да казалось лишнимъ и неразумнымъ его воспитателямъ и родителямъ, по-

тому-ли, что она не много устарѣли, или сама въ дѣлѣ развитіи своего ума и сердца оказались недоносками, или потому, что взглядъ ихъ на вещи слишкомъ узокъ, а желаніе навязать личныя мысли и убѣжденіе своему творенію слишкомъ широко, или, наконецъ, просто изъ себялюбія, изъ каприза... какъ бы то ни было, но стараніе въ теченіи 21 года сдѣлать изъ ребенка, гибкаго какъ воскъ покорную, соотвѣтствующую личнымъ своимъ цѣлямъ и интересамъ куклу—слишкомъ часто увѣнчиваются полнымъ, блистательнымъ успѣхомъ. Если общество и страдаетъ отъ этого, если большинство оказывается несостоятельнымъ предъ требованіями закона и правды, за то старшіе довольны и покойны; ихъ потухающая жизнь догораетъ безъ тяжелыхъ сотрясеній, а молодость свое возьметъ: вѣдь затаенная злоба его на старину не умираетъ. Дайте ей опереться, дайте ей стать на ноги и замѣнить старшихъ, она вымѣститъ свою злобу, въ свою очередь, надъ новыми младшими, она съ улыбкою, надавивъ ихъ пятою, скажетъ «потерпите: отцы были хуже насъ, да мы терпѣли, теперь вамъ чередъ». Мы говоримъ такъ потому, что намъ кажется, что свобода и терпимость могутъ родиться только въ атмосферѣ свободы; деспотизмъ же и рабство ничего кромѣ, рабовъ и деспотовъ, создать не могутъ; притомъ намъ случалось не рѣдко видѣть, что крайніе либералы (въ словахъ и убѣжденіяхъ), освободившись изъ-подъ ненавистнаго имъ ига, налагали на другихъ еще болѣе тяжкое ярмо, чѣмъ то, которое несли, какъ бы въ отмщеніе за то, что сами они вытерпѣли, что многіе годы заѣдало въ нихъ цвѣтъ и силу ихъ жизни. Такой психологическій прогрессъ замѣчается въ людяхъ не рѣдко и въ мелочахъ, и въ дѣлахъ первой важности. Затѣмъ, во-вторыхъ, если человѣкъ, вступивъ въ совершеннолѣтіе, сдѣлавшись гражданиномъ и освободившись отъ всякаго рода стѣсненій, сохранилъ и внесъ въ общество извѣстную долю самостоятельности въ сужденіяхъ и, слѣдственно, нѣкоторый задатокъ для самостоятельныхъ дѣйствій, онъ встрѣчаетъ новый родъ стѣсненій, ограниченій со стороны условій общественной жизни, со стороны разнаго рода мелочныхъ приличій, глубоко и свято чтимыхъ, не взирая часто на ихъ нелѣпость и безсмысліе, и стоитъ только ему замолвить слово противъ нихъ, самыя милыя, нѣжныя и соблазнительныя ручки забросаютъ его грязью и камнями, не ставя ему ни во что ни его умъ, ни дарованія, ни способности, какъ бы ни былъ онъ богато одаренъ ими.

Вообще говоря, система воспитанія нашего характера семейной жизни и отношеній общественныхъ и служебныхъ такъ сложилась, что каждому изъ насъ дозволяется играть только двѣ роли: раба или деснота. Чаще всего каждому изъ насъ приходится испробовать и ту и другую роль; насколько и та и другая неудовлетворительны, какъ мало приносятъ онѣ намъ истиннаго счастья, довольства матеріальнаго и спокойствія душевнаго, какъ мало обезпечиваютъ онѣ благосостояніе общества и каждаго изъ его сочленовъ, хорошо знакомо каждому изъ насъ; что причина такого зла, такой ненормальной и болѣзненной жизни отъ колыбели и до могилы заключается въ полномъ отсутствіи въ нашемъ обществѣ уваженія къ правамъ своего ближняго, а слѣдовательно и огражденія своихъ собственныхъ, признано, конечно, большинствомъ нашей мыслящей публики; никто не станетъ отрицать, что посягательство чрезъ мѣру каждаго изъ насъ на мысль, слово и дѣло своего ближняго есть источникъ того разлада, тѣхъ неудачъ, неудовольствій, тѣхъ *petites* и *grandes misères de la vie humaine*, которыя обращаютъ жизнь нашу въ пытку и, ежечасно раздражая и растравляя ея, значительно сокращаютъ самый срокъ ея, а между тѣмъ не только до-сихъ-поръ не было сдѣлано ни малѣйшихъ попытокъ къ освобожденію себя изъ-подъ этого тройнаго гнѣта,—теоретически даже вопросъ этотъ не былъ разработанъ въ литературѣ нашей; вотъ почему мы и съѣшимъ познакомить читающую публику со 2-ю главою помянутаго сочиненія Миля, гдѣ онъ, признавая первымъ условіемъ благосостоянія общества свободу мысли и слова подробно трактуетъ объ этомъ предметѣ. Отъ души желаемъ, чтобы попытка Миля разработать этотъ существенный и столь темный еще въ жизни нашей вопросъ, не осталась безъ подражанія, и чтобы мыслители наши, поработавъ надъ этимъ вопросомъ, подарили литературу нашу такими выводами, которые съ успѣхомъ можно было бы примѣнить къ дѣлу. Вотъ что говоритъ Миль о свободѣ мысли и слова: «Of the liberty of thought and discussion.»

Если мы допустимъ, что не только какое-нибудь общество, но всѣ люди, за исключеніемъ *одного человека*, держатся одного убѣжденія о какомъ бы то ни было предметѣ, и только этотъ одинъ человекъ несогласенъ съ ними, то и въ этомъ случаѣ общество не имѣетъ никакого права принудить его къ соглашенію съ ними, или къ молчанію; въ противномъ случаѣ,

общество справедливо заслужило бы упрекъ въ воровствѣ; это значило бы налагать руку на моральное достояніе всего человѣчества, что значило бы обворовывать какъ современниковъ, такъ и потомство, какъ того, кто идетъ наперекоръ ихъ убѣжденіямъ, столько же, и еще болѣе самихъ себя и своихъ партизановъ, потому-что если убѣжденіе этого человѣка справедливо, чѣмъ ихъ убѣжденіе, они лишаютъ себя возможности промѣнить заблужденіе на правду; если же правда на ихъ сторонѣ, они теряютъ возможность болѣе яснаго, живаго пошманія ея, вытекающаго изъ сопоставленія ея съ понятіями ложными.

Просмотримъ подробнѣе оба эти положенія. Начнемъ съ перваго.

Положимъ, что понятіе того или другаго человѣка, понятіе, которому общество не даетъ хода, справедливо, а убѣжденіе общества, напротивъ, ложно. Посмотримъ, какія послѣдствія выходятъ изъ этого. Стѣснять какое-либо убѣжденіе, не давать ему хода въ обществѣ, значитъ, признавать его ложнымъ и брать на себя право, по справедливости вовсе намъ непрінадлежащее, рѣшать вопросъ за всѣхъ; значитъ претендовать на безусловную непогрѣшимость своихъ убѣжденій. А развѣ можетъ кто-либо ручаться за такую непогрѣшимость? По теоріи, конечно; нѣтъ, но, на практикѣ, къ сожалѣнію, приходится сказать *да*. Мы видимъ, что лица, пользующіяся властью, слѣпо вѣрують въ непогрѣшимость своихъ убѣжденій по всѣмъ предметамъ; люди, поставленные въ менѣе благопріятныя условія, люди, которыхъ дозволяется иногда оспаривать, вѣрують въ непогрѣшимость тѣхъ только своихъ убѣжденій, которыя раздѣляютъ съ ними или то общество, въ которомъ они живутъ, или тѣ люди, которымъ они привыкли вѣрить безусловно, безпредѣльно уважая ихъ, люди одной съ ними партіи, секты, класса и такъ далѣе; подъ горстью такихъ людей они разумѣютъ *всѣхъ* и, ратуя за свое убѣжденіе, ссылаются именно на *всѣхъ*. Такимъ образомъ, не разъ погрѣшали противъ правды не только отдѣльныя личности, но цѣлыя поколѣнія, цѣлыя вѣка. На это, конечно, могутъ возразить, что коль скоро намъ дана способность размышленія, мы должны употреблять ее въ дѣло; и хотя, безъ сомнѣнія, мы можемъ ошибаться, изъ этого не слѣдуетъ, что надо вовсе отказаться отъ права размышлять; нельзя же потому только, что сужденія наши не безошибочны, отложить въ сторону всѣ заботы о нашихъ интересахъ и выполненіе

всѣхъ, лежащихъ на насъ обязанностей. Конечно, прежде чѣмъ дѣйствовать, надо основательно убѣдиться въ возможности справедливости нашихъ сужденій; но, разъ убѣдившись, было бы благородно съ нашей стороны не дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ и брать на себя въ такомъ случаѣ право преслѣдовать и турнить тѣ убѣжденія, которыя намъ кажутся ложными и зловредными для общества, едва-ли не столько же закономъ, сколько и право дѣйствовать согласно своимъ убѣжденіямъ, принимая на себя и всю отвѣтственность за свои поступки. Абсолютной правды нѣтъ, но каждый вѣкъ, каждое общество вырабатывается въ достаточной степени для того, чтобы опредѣлить свою дѣятельность такъ, а не иначе — это безъ всякаго упрека для своей совѣсти.

«Казалось бы такъ по-моему, — говоритъ Миль, — считать свое убѣжденіе безошибочнымъ, когда оно, при всевозможныхъ столкновеніяхъ съ противными убѣжденіями, осталось неопровергнутымъ, и считать его таковымъ же, когда возраженія даже не были допущены — далеко не одно и тоже. Право дѣйствовать согласно нашимъ убѣжденіямъ приобрѣтается увѣренностью въ относительной ихъ справедливости; увѣренность же эта приобрѣтается, въ свою очередь, только при господствѣ полной свободы высказывать свое убѣжденіе и опровергать убѣжденіе другихъ, а слѣдовательно возраженія нашихъ противниковъ лишены всякаго смысла.

Если мы выйдемъ въ исторію развитія убѣжденій и въ характеръ человѣческой жизни и дѣятельности вообще, мы увидимъ въ нихъ постоянное преобладаніе и понятій и поступковъ рациональныхъ. Такимъ успѣхомъ человѣчество обязано тому, конечно, обстоятельству, что его ошибки и заблужденія поправились, что человѣкъ способенъ ощущать, исправлять, укрѣплять свои убѣжденія путемъ свободнаго спора (возраженій и опроверженій), путемъ опыта и *анализомъ* этого опыта. Опытъ въ жизни даетъ намъ факты; ложныя убѣжденія, конечно, блѣднѣютъ предъ фактами, но самые факты, чтобы произвести на умъ то или другое впечатлѣніе, должны быть предоставлены уму, и внутренній ихъ смыслъ долженъ быть комментированъ. Мудрость человѣческая приобрѣтается только тогда, когда человѣкъ не уединяется отъ критики ни убѣжденій, ни поступковъ своихъ, когда онъ внимательно прислушивается ко всему, что говорится противъ него; когда онъ поспремѣнно становится на точку зрѣ-

нія (на извѣстное убѣжденіе) всѣхъ умовъ, и такимъ путемъ старается изучить свое убѣжденіе со всѣхъ сторонъ; только привычка поправлять и дополнять свои убѣжденія сравненіемъ и сопоставленіемъ ихъ съ убѣжденіями другихъ, съ цѣлью удалить отъ себя всякое сомнѣніе, и нерѣшимость при примѣненіи своихъ убѣжденій въ практической жизни, даютъ намъ право вполне довѣриться послѣднимъ.

Есть люди, которые допускаютъ свободу спора (*free discussion*) по предметамъ болѣе или менѣе сомнительнымъ, но отвергаютъ ее въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ достовѣрность, по ихъ понятіямъ, очевидна, хотя бы, допусти они и тутъ эту свободу, убѣжденія противныя непременно вышли бы наружу; слѣдовательно, люди эти опять-таки берутъ на себя непринадлежащее имъ право обсуживать предметъ за всѣхъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, напри- мѣръ, въ обществѣ замѣтно такое явленіе: оно не столько увѣрено въ истинѣ своихъ убѣжденій, сколько въ томъ, что, каковы бы они ни были, оно не могло бы существовать безъ нихъ, слѣдовательно въ силу необходимости, а слѣдовательно и полезности этихъ убѣжденій, правительство, говорятъ, необходимо должно защищать ихъ наравнѣ съ другими интересами общества, противъ всякихъ опроверженій и нападокъ: въ данномъ случаѣ нетерпимость *свободы спора* основывается не столько на истинѣ господствующихъ убѣжденій, сколько на ихъ полезности для общества (по крайнему разумнію послѣдняго). Въ этомъ способѣ понимать вещи мы видимъ тоже притязаніе на непогрѣшимость въ своихъ сужденіяхъ — только предметъ сужденія иной — не истина убѣжденій, а полезность ихъ; но, вѣдь, полезность также, какъ и истина, подлежитъ сужденію и осужденію, и притомъ истина съ убѣжденіемъ составляетъ извѣстную долю и полезности ихъ. Последняя безъ перваго быть не можетъ, слѣдовательно стѣснять, преслѣдовать убѣжденія противныя тѣмъ, которыя въ ходу въ обществѣ, какъ полезныя, значитъ отвергать право и оспаривать истину послѣднихъ, такъ-какъ вопросъ о полезности тѣхъ или другихъ убѣжденій не можетъ быть поставленъ независимо отъ истины ихъ, ибо только одна правда быть можетъ полезна; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, въ этой категоріи мыслителей мы видимъ также незаконное покушеніе рѣшать вопросъ за всѣхъ, — тоже притязаніе на непогрѣшимость своихъ сужденій.

И такъ, преслѣдовать чужое убѣжденіе, вполне быть можетъ спра-

водливое, но заслужившее почему-нибудь наше осужденіе, признавать его ложнымъ, вреднымъ, и держаться упорно своего, быть можетъ, ложнаго — рѣшительно несправедливо. Правило это остается во всей силѣ и тамъ, гдѣ и истина и полезность убѣжденія казалось бы неоспорима, хотя бы, напримѣръ, въ дѣлѣ (религіозныхъ) и вообще моральныхъ убѣжденій. Твердость, стойкость въ такого рода убѣжденіяхъ я не называю претензіею на непогрѣшимость, но я не могу назвать иначе покушеніе весьма многихъ въ вопросахъ, касающихся совѣсти человѣка рѣшать тотъ или другой изъ нихъ для всѣхъ, не допуская послѣднихъ даже выслушивать ничего, чтобъ могло быть сказано въ опроверженіе ихъ. Какъ бы ни было свято для общества его моральное убѣжденіе; нетерпимость эта не законна и очевидно зловредна для него; въ силу этой нетерпимости, этого страннаго заблужденія людей, они нерѣдко впадали въ такія ужасающія ошибки, предъ которыми содрогались послѣдующія поколѣнія; они до ожесточенія преслѣдовали самыхъ лучшихъ согражданъ своихъ, и за совершеннѣйшее ученіе они присудили къ смерти Сократа, умертвили Спасителя.... и замѣтите, эти люди, воступки которыхъ такъ ужасаютъ насъ теперь, были въ своемъ родѣ и въ извѣстной степени прекрасные люди, отнюдь не хуже насъ; между прочимъ, между ними былъ св. Павелъ, Всему виною было только это горькое заблужденіе, это—нетерпимость, о которой мы говоримъ; тѣмъ болѣе поражаетъ оно насъ, когда въ него впадаетъ человѣкъ, извѣстный и своимъ умомъ и своею добродѣтелью. Императоръ Маркъ Аврелій былъ, безспорно, умнѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ своего времени; если онъ заслуживалъ въ чемъ-нибудь упрека, то развѣ только въ излишней снисходительности; существенный характеръ всѣхъ твореній какъ нельзя ближе подходитъ къ христіанскому ученію: это былъ лучшій христіанинъ въ полномъ смыслѣ этого слова, не со стороны догматовъ, конечно, и между тѣмъ онъ преслѣдовалъ христіанство; замѣчательный правитель и философъ, онъ считалъ это преслѣдованіе своею священнѣйшею обязанностью.

Партизаны моральной нетерпимости, между прочимъ, говорятъ, что преслѣдованіе истины не вредитъ ей: истина, рано или поздно, но всегда восторжествуетъ; во 1-хъ, еслибы это и было такъ, теорія эта вовсе не филантропическая, такъ-какъ

она не шадить проповѣдниковъ новой истины, и людей, оканзывающихъ величайшія благодѣянія человечеству, отдасть на жестокия страданія и смерть; и во 2-хъ, взглядъ этотъ, само-по-себѣ ложный. Вспомните Арнольда Бресчанскаго, Саванароллу, альбигойцевъ, гусситовъ и многихъ другихъ проповѣдниковъ реформы: до эпохи Лютера развѣ мало пострадала истина въ лицѣ ихъ? да и послѣ Лютера протестантизмъ сильно терпѣлъ и въ Испаніи, и въ Италиі, во Фландріи и въ Австріи. Конечно, въ свое время правда возьметъ верхъ, но за то сколько кровавыхъ жертвъ стоитъ эта правда!... Въ настоящее время мы не предаемъ уже болѣе смерти проповѣдниковъ новой доктрины, ны не побиваемъ камнями нашихъ пророковъ, какъ это дѣлали отцы наши, и вообще людямъ, несогласнымъ съ нашими убѣжденіями, нѣчего опасаться за жизнь свою, но за то у насъ еще существуетъ, на примѣръ, такой законъ, по которому свидѣтельства и показаніе на судѣ людей, невѣрующихъ въ Бога или въ будущую жизнь, считаются недействительными, слѣдовательно эти невѣрующіе, хотя бы и весьма хорошіе по жизни сограждане наши, поставлены у насъ внѣ защиты закона; ихъ можно оскорблять и грабить безнаказанно, потому-что показанія ихъ на судѣ лишены значенія. Законъ этотъ не выдерживаетъ критики; онъ очевидно-вреденъ и указываетъ только на несостоятельность нашихъ убѣжденій; ибо, признавая атеистовъ лжецами и отвергая всѣ ихъ показанія, какъ ложныя, онъ въ то же время признаетъ показаніе дѣйствительныхъ лжецовъ, т. е. тѣхъ атеистовъ, которые не сознаются въ этомъ, тогда какъ первые, ненавистники лжи, прямо и въ ущербъ себѣ, отвергаютъ ученіе, несогласное съ ихъ убѣжденіями, не боясь общественнаго осужденія. Изъ этого примѣра, и вообще изъ постоянныхъ наблюденій надъ общественною жизнью, нельзя не придти къ тому заключенію, что хотя теперь убѣжденія и не преслѣдуются закономъ, хотя люди, несогласные съ общими убѣжденіями, и не подвергаются тѣмъ пыткамъ, какъ прежде, нетерпимость все-таки еще остается въ своей силѣ, и зло, вытекающее изъ нея, огромно и для общества и для его противниковъ; вліяніе общества, въ этомъ случаѣ на жизнь, съ противными ему убѣжденіями, едва-ли не сильнѣе закона; оно заключается въ манерѣ, въ характерѣ обращенія общества съ этими людьми; не подвергая ихъ какому-либо гласному истязанію, не истребляя даже ихъ внѣшній, оно вынуждаетъ ихъ толь-

ко своимъ обращеніемъ или просто молчать, утаивать свои убѣжденія, или маскировать ихъ. Проходятъ десятки лѣтъ, поколѣнія смѣняются одни другими, а ихъ, новыя-ли, несогласныя-ли съ общими—убѣжденія, ничего не теряютъ, ничего не выигрываютъ; они не озаряютъ общество обширнымъ яркимъ свѣтомъ правды или заблужденія; они истлѣваютъ въ безотрадномъ самоотрепеніи въ тѣсныхъ кружкахъ людей мыслящихъ и ученыхъ. Такое положеніе дѣла многимъ кажется очень хорошо тѣмъ, что хотя людямъ, удрученнымъ несчастною болѣзнію—страстью къ размышленіямъ, и нѣтъ прямаго воспрещенія питать ими свой штиливый, безнокойный умъ, тѣмъ не менѣе никто не посягаетъ на господствующія убѣжденія, не оспариваетъ ихъ, никто не нарушаетъ общаго покоя, и, слѣдовательно, никого не приходится подвергать ни заключенію, ни отвѣтственности. Вотъ чему радуются иные! Признаюсь, заманчивый покой въ сферѣ мысли и чувства! Жаль только, что покой этотъ оплачивается слишкомъ дорого: онъ стоитъ всей силы человѣческаго ума, всей его моральной энергіи; такой порядокъ дѣлъ въ самомъ корнѣ истребляетъ людей съ характеромъ открытымъ, энергичнымъ, смѣлымъ, съ умомъ основательнымъ, логичнымъ; онъ создаетъ намъ людей дюжинныхъ, людей рутинны, прислужниковъ господствующихъ убѣжденій; если же между ними и попадаются иногда поборники правды и новыхъ идей; они крайне осторожны въ дѣлѣ своихъ убѣжденій; высказывая ихъ, они или примѣняются къ характеру своихъ слушателей, или только позволяютъ себѣ мѣшаться въ нѣкоторые мелочные факты въ жизни, не рискуя задѣвать господствующихъ принциповъ. При такомъ отсутствіи полнаго, основательнаго ознакомленія съ новыми идеями, при такомъ нежеланіи общества дать своему взгляду на вещи необходимую ширину и устойчивость—тѣ идеи, которыя не выдерживаютъ критики, правда, при такомъ порядкѣ дѣлъ даже и не появляются на свѣтъ, тѣмъ не менѣе онѣ и не исчезаютъ, и не падаютъ, какъ бы пали въ борьбѣ; но еще не въ этомъ зло; зло этой системы для общества заключается въ дурномъ, вліяніи ея на людей, крайне способныхъ, съ здравымъ смысломъ, но съ нетвердымъ характеромъ; ихъ умственное развитіе совершенно стѣснено опасеніемъ впасть въ заблужденіе и навлечь на себя отвѣтственность; рассудокъ ихъ подавленъ этимъ страхомъ; они не рѣшаются дать свободу смѣлому, энергичному, независимому теченію своихъ мыслей, а между тѣмъ—согласи-

тесъ, что нельзя же сдѣлаться великимъ мыслителемъ, не удивившись, что какія бы ни были послѣдствія, необходимо слѣдуетъ руководствоваться собственнымъ разсудкомъ. Истина гораздо болѣе выигрываетъ отъ ошибокъ и заблужденій тѣхъ людей, которые думаютъ по-своему, чѣмъ отъ справедливыхъ убѣжденій тѣхъ, которые держатся ихъ потому только, что не даютъ себѣ труда поразмыслить. Свобода мысли и спора, которую мы защищаемъ, не есть только необходимое условіе для образованія глубокихъ мыслителей; такіе люди не рѣдко пробиваютъ себѣ дорогу въ средѣ, отличающейся крайнею нетерпимостью. Условіе это въ особенности необходимо тамъ, гдѣ нужно поднять уровень образованія всего общества; гдѣ не соблюдено это условіе, тамъ не можетъ быть и умнаго, развитаго, дѣятельнаго народа. Общество цѣлою массою подвигалось впередъ только тамъ и тогда, гдѣ временно новыя, противныя обществу убѣжденія вводились въ общественную среду безъ страха и сомнѣнія; въ этомъ отношеніи замѣчательно время, непосредственно слѣдовавшее за реформаціею въ Германіи, спекулятивное движеніе второй половины XVIII вѣка, и эпоха Гёте и Фихте.

Переходя ко второму предположенію т. е. что правда на сторонѣ господствующихъ убѣжденій, а заблужденіе на сторонѣ какой-нибудь новой идеи, предлагаемой обществу, Милль доказываетъ, что и въ этомъ случаѣ преслѣдованіе со стороны общества этой новой и ложной идеи, какъ и въ первомъ случаѣ незаконно и вредно для общества. «Всякое убѣжденіе—говоритъ онъ — какъ бы ни было оно справедливо, если только не была допущена полная свобода оспаривать и опровергать его, не заключаетъ въ себѣ живой правды, а есть только мертвый догматъ».

Есть люди, которые думаютъ, что совершенно достаточно для человѣка, если онъ принялъ ихъ убѣжденіе (которое сами они считаютъ за неопровержимую истину), не сомнѣваясь въ немъ, не входя въ разбирагельство причинъ, на основаніи которыхъ они думаютъ такъ, а не иначе, и не будучи, слѣдовательно, въ состояніи защитить это убѣжденіе, взятое на слово, противъ самаго поверхностнаго возраженія. Они полагаютъ, что убѣжденіе, заимствованное отъ авторитета вновь подвергать изслѣдованію, критикѣ скорѣе вредно, чѣмъ полезно для общества,

забывая, что мнѣніе, принятое на вѣру, а не путемъ убѣжденій, легко поддается при малѣйшемъ аргументѣ.

По нашему мнѣнію, коль скоро человѣку данъ разумъ и способность размышлять, онъ необходимо долженъ развивать и обрабатывать эту способность; упражнять, изощрять ее слѣдуетъ ему на предметахъ самыхъ близкихъ ему, о которыхъ онъ необходимо долженъ имѣть точныя понятія; основательное же изученіе тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ составилъ онъ себѣ то или другое понятіе, необходимо ему для того, чтобы понятіе это было въ немъ сознательное, чтобы оно было его собственнымъ трудовымъ достояніемъ, чтобы онъ могъ защитить его хоть противъ самыхъ обыкновенныхъ опроверженій.

Мы знаемъ, что Цицеронъ, заботясь объ успѣхѣ своихъ рѣчей, изучалъ сторону своихъ противниковъ гораздо тщательнѣе, съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ свою собственную; и онъ былъ правъ въ этомъ случаѣ, потому—что дѣйствительно, какъ бы ни были неопровержимы доводы человѣка въ пользу его убѣжденія, но если онъ или вовсе не знаетъ о доводахъ своихъ противниковъ, или не изучилъ ихъ на столько, чтобы быть въ состояніи опровергнуть ихъ, онъ не имѣетъ достаточнаго основанія предпочитать свое понятіе понятію противника; ему остается или держаться авторитета, или той партіи, къ которой онъ чувствуетъ болѣе склонности; напротивъ, если онъ хочетъ, чтобы его убѣжденія были вполне основательны, ему надо отыскать самага рыаного пропагандиста противныхъ ему убѣжденій, возникнуть въ его доводы съ самой ихъ сильной, правдоподобной, убѣждающей стороны и прочувствовать, изучивъ въ нихъ всю силу сопротивленія, мѣшающую ему въ его изысканіяхъ истины, побѣдить ее; иначе его истина не будетъ полная, онъ не будетъ знать именно той доли ея, которая необходима для того, чтобы устранить эту силу сопротивленія, о которой мы говорили. На сто человѣкъ 99 впадаютъ въ эту ошибку, никогда не ставятъ себя на мѣсто своего противника, не входятъ въ настроеніе его ума, не взвѣшиваютъ того, что онъ можетъ сказать противъ нихъ и, слѣдовательно, не усваиваютъ себѣ той доли правды, которою объясняется и пополняется остальная ея часть, имъ извѣстная, не знаютъ тѣхъ соображеній, по которымъ два, по-видимому противорѣчащія понятія, вполне могутъ быть согласимы, или по которымъ изъ двухъ, равно доказательныхъ убѣжденій, предпочитается то, а не другое. Имъ не

доступна вся истина въ полномъ ея объемѣ; она дается только тѣмъ, кто ровно, безпристрастно выслушивалъ обѣ стороны и вникалъ въ ихъ доводы въ полной ихъ силѣ.

Обстоятельство это такъ важно, что если на дѣлѣ не встрѣчается необходимаго оппонента, нужно создать его. Хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что нѣтъ никакой надобности всѣмъ людямъ образовывать свои понятія такимъ сложнымъ путемъ, а довольно, если между ними есть нѣсколько такихъ людей, которые, въ случаѣ надобности, могли бы постоять за общія нѣтъ убѣжденія и доказать ихъ; но это возраженіе нисколько не измѣняетъ нашего вывода въ пользу свободы мысли и спора, потому что безъ этой свободы и эти немногіе не могли бы защищать своихъ убѣжденій, и противники ихъ не могли бы опровергать ихъ, и высказывать свои.

Еще еслибы отсутствіе этой свободы вело только къ неосновательному, неточному образованію понятій и сужденій чело-вѣка, зло было бы только интеллектуальное, падало бы только на умъ его; но при этомъ внѣшнемъ, поверхностномъ образованіи часто теряется для общества самый смыслъ, значеніе понятій, что уже значительно вліяетъ на ихъ образъ дѣйствій и, слѣдственно, производитъ уже зло моральное; такова, по большей части, судьба всѣхъ нравственныхъ доктринъ и (религіозныхъ) вѣрованій. Пока еще живы и ихъ проповѣдники, поборники, ревнители, онѣ полны значенія и жизни, какъ для нихъ, такъ и для ихъ ближайшихъ послѣдователей; онѣ сохраняютъ иногда весь свой внутренній смыслъ и послѣ, иногда даже входятъ въ большую силу, но все это тогда, когда онѣ не установились, когда продолжающаяся борьба даетъ перевѣсъ какому-либо ученію или вѣрованію надъ другими; но приходитъ наконецъ время, когда новое ученіе далѣе не идетъ; оно или беретъ верхъ и дѣлается общимъ, или остается въ извѣстномъ кружку и дѣлается достояніемъ секты; споръ порѣшенъ, борьба кончена, вѣрованіе или ученіе уже не пріобрѣтается собственными усиліями, а переходитъ по наслѣдству отъ поколѣнія къ поколѣнію; съ этого момента начинается ослабѣвать та живая, могучая сила, которая содѣйствовала его пропагандѣ, и оживить въ умахъ людей новою жизнью вѣрованіе, принятое ими не активно, а пассивно, и привить такъ, чтобы оно было глубоко прочувствовано ими и имѣло вліяніе на ихъ жизнь и дѣйствіе—не легко. Они дошли до него несознательно, не путемъ собственнаго опыта, они приняли

только его формальную сторону, и потому всякая связь его съ внутреннею жизнью человѣка потеряна; дѣятельность партизанаго такого ученія проявляется только развѣ въ препятствіи съ ихъ стороны проявленію всякаго новаго, освѣжающаго убѣжденія; ученіе ихъ само-по-себѣ уже ничего не дѣлаетъ болѣе на пользу ихъ ума и сердца, а только остается при нихъ бдительнымъ стражемъ того и другаго.

Найдется-ли, напримѣръ, кто-нибудь, кто бы все ученіе Новаго Завета не признавалъ за законъ, полный самой глубокой истины? Съ другой стороны, найдется-ли хотя одинъ изъ тысячи, кто бы руководствовался имъ въ жизни? человѣкъ быть можетъ, свято чтить всѣ моральные принципы этого ученія, но ведетъ онъ себя въ жизни, согласуясь только съ личными своими интересами и нуждами, съ обычаями свѣта, съ требованіями того общества, въ которомъ онъ живетъ, иногда, пожалуй, и сходными съ христіанскими принципами, но еще чаще діаметрально-противоположными имъ; въра-то этихъ людей искренняя, но мертвая; и напоси имъ кто-нибудь, чего требуетъ отъ нихъ эта въра, они бы осмѣяли того человѣка, вида въ его словахъ только претензію казаться лучше, чѣмъ они; слѣдовательно, они уважаютъ только фразы, но смыслъ и содержаніе послѣднихъ не дѣйствуетъ на ихъ сердце; когда приходится имъ дѣйствовать, они не справляются съ нимъ и слѣдуютъ заповѣдямъ Спасителя на столько, на сколько дозволяетъ имъ та или другая личность, то или другое отношеніе въ жизни. Древніе христіане были не таковы, иначе христіанское ученіе не разошлось бы такъ далеко; въ послѣдствіи только секты ея, бойко развивались и именно потому, что это были секты и имъ приходилось бороться за свою самостоятельность; но коль скоро борьба заканчивалась въ пользу ея, ея проповѣдниками овладѣвало равнодушіе и апатія. Та же судьба постигаетъ всякое житейское ученіе, доставшееся намъ по наслѣдству въ видѣ пословиць, поговорокъ, общихъ замѣчаній. Не разъ вспомнишь и поймешь ихъ, когда уже претерпишь въ жизни несчастье. Большею полезною ошибкою нашихъ въ жизни обязаны мы именно тому обстоятельству, что мы считаемъ за лишнее размышлять о такихъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ, которыя несомнѣнны, и о которыхъ уже нечего и говорить ни pro, ни contra.

Какъ—подумають нѣкоторые—да неужели върованія, однажды

признанныя всѣми, теряютъ уже всю свою силу, значеніе и жизнь? Казалось бы крайняя цѣна умственнаго развитія общества должна заключаться именно въ томъ, чтобы главнѣйшія истины въ жизни дѣлались достояніемъ общимъ, а не одной какой-либо партіи? или полнота побѣды уничтожаетъ собою плоды ея? Я этого не говорю: чѣмъ большее число несомнѣнныхъ истинъ сдѣлалось всеобщимъ состояніемъ, тѣмъ выше благосостояніе общества—первое служить мѣриломъ второму; чѣмъ менѣе спорны понятія и убѣжденія въ обществѣ, тѣмъ они солиднѣе. Я утверждаю только, что, насколько неизбежно и необходимо для блага общества постепенное исчезновеніе всякаго разногласія въ убѣжденіяхъ, на столько же, для основательнаго и живаго пониманія правды, необходимо умѣть доказать какъ ихъ, такъ и неосновательность убѣжденій противника, для чего, въ свою очередь необходимо упражненіе, и если противника нѣтъ на-лицо, нужно замѣнить его вымышленнымъ.

Примѣры подобныхъ словопреній, съ характеромъ, впрочемъ, отрицательнымъ, мы видимъ въ діалектикѣ Сократа, которую передалъ намъ Платонъ въ своихъ разговорахъ, и въ школьныхъ диспутахъ среднихъ вѣковъ, хотя ошибка послѣднихъ заключалась въ томъ, что ученики почерпнули свои доводы не изъ собственнаго здраваго смысла, а ссылались просто на авторитеты; въ нынѣшнемъ же воспитаніи мы и этого и ничего подобнаго не встрѣчаемъ.

Наконецъ есть и третій случай, гдѣ разногласіе въ мнѣніяхъ, и полная свобода высказывать и оспаривать ихъ, такъ же необходимы, какъ въ первыхъ двухъ. Случай этотъ встрѣчается еще чаще именно, когда каждое изъ двухъ противныхъ убѣжденій заключаетъ въ себѣ извѣстную долю правды и убѣжденіе новое, несогласующееся съ обще-принятымъ, необходимо, чтобы дополнить ту долю правды, которая заключается въ послѣднемъ. Обыденныя практическія истины обыкновенно болѣе или менѣе вѣрны, но онѣ не заключаютъ въ себѣ *всей правды*; новыя же понятія по-преимуществу заключаютъ въ себѣ ту ея долю, которая, доселѣ пренебрегаемая, стѣсняемая, силится соединиться наконецъ съ долею правды, заключающеюся въ общепринятомъ убѣжденіи, или стать на ея мѣсто, какъ полная правда; это случается всего чаще, такъ какъ односторонность присуща человѣческимъ сужденіямъ вообще. Подобный случай былъ въ XVIII столѣтіи, когда все европейское общество поклонилось цивили-

защиты, чудесамъ новейшей науки, литературы, философіи и вообще, какъ далеко выше стоитъ оно сравнительно съ древнимъ міромъ. Парадоксальное ученіе Руссо, ратовавшее за исключительное свое господство было гораздо далѣе отъ истины, чѣмъ убѣжденія общепринятая, и тѣмъ не менѣе оно благотворительно подѣйствовало на общество указавъ ему на его односторонность, познакомивъ его съ тѣми именно истинами, которыя были имъ упущены и въ которыхъ оно сильно нуждалось, какъ напримѣръ, уваженіе къ простотѣ въ жизни, убѣжденія въ разрушительномъ вліяніи инквизиціи искусственно-сплоченнаго общества и прочее. Намъ скажутъ, быть можетъ, что есть такія общепринятая убѣжденія, какъ, напримѣръ, религіозное ученіе, въ которомъ заключается вся правда, а не какая-нибудь доля, и слѣдовательно всякая другая мораль, которую вздумается кому-нибудь проповѣдывать, была бы несомнѣнно заблужденіемъ. Но съ этимъ согласиться нельзя. Религія полагаетъ только общіе принципы нравственности, а всѣхъ частныхъ ея вопросовъ она прямо не рѣшаетъ, и потому иногда религія не исключаетъ совершенно подобнаго развитія нравственныхъ правъ изъ другихъ источниковъ.

Вотъ что говоритъ Миль о католицизмѣ: «Онъ неполонъ и одностороненъ; характеръ его реакціонный; это протестъ противъ паганизма, протестъ болѣе отрицательный, чѣмъ положительный, болѣе пассивный, чѣмъ активный; идеалъ этой морали—невинность, а не благородство, воздержаніе отъ зла, а не преслѣдованіе добра, и выраженіе не дѣлай того-то «вездѣ преобладаетъ въ немъ надъ выраженіями дѣлай то-то и то-то». Въ немъ побудительной причиною къ добродѣтельной жизни полагается надежда на будущую жизнь и страхъ адскихъ мученій; онъ придаетъ человѣческой морали характеръ себя-любивый; онъ проповѣдуетъ страдательное повиновеніе авторитетамъ и почти ничего не говоритъ объ обязанностяхъ въ отношеніи отечества. Такія изреченія, напримѣръ какъ слѣдующее: «кто даетъ въ государствѣ мѣсто человѣку, зная, что есть другой болѣе его способный выполнить эту обязанность, тотъ грѣшитъ противъ Бога и отечества» находится не въ ученіи католицизма, а въ коранѣ. Различныя правила наши объ общественныхъ обязанностяхъ заимствованы нами у грековъ и римлянъ, да и въ частной жизни великодушіе, возвышенность мыслей, идея личнаго достоинства, идея о чести—все это дала намъ не религіоз-

ная сторона нашего воспитанія, которая только цѣнитъ повиновеніе, а сторона свѣтская, — словомъ я хочу сказать, что еще помимо этой морали существуетъ много моральныхъ элементовъ, необходимыхъ намъ въ жизни; что исключительное подчиненіе образованія и развитія человѣка, а слѣдовательно и его послѣдующей жизни и дѣятельности только одной ей, съ устраненіемъ изъ воспитанія его всякаго знакомства съ тѣми вѣковыми моральными принципами, которые дополняютъ ее собою и согласуются съ нею, производить самый низкій, презрѣнный, рабскій типъ характера, рѣшительно неспособный возвыситься не до пониманія того добра, которое заключается въ этой волѣ, и сочувствовать ему и, слѣдовательно, выраженіе, опирающееся на системѣ общепринятой морали, не уничтожаетъ нашего убѣжденія въ крайней необходимости допустить до блага общества полную свободу каждому изъ его членовъ думать о чемъ бы то ни было по своему, смѣло высказывать свои сужденія и убѣжденія и гласно опровергать сужденія и убѣжденія другихъ.

Д. ПУЗАНОВЪ.

ДНЕВНИКЪ ТѢТУШКИ.

Тетрадь первая.

26-е августа 1830 года.

Наша оѳфициальная переписка такъ глупа и натянута по милости домашней цензуры, а у меня такъ много на сердцѣ новыхъ, живыхъ впечатлѣній, что по неволѣ приходится дѣлиться ими съ тобой, милая Саша, въ формѣ дневника. Авось, удастся какъ-нибудь переслать его къ тебѣ черезъ добрыхъ людей, а пожалуй и отвезти самой; вѣдь не вѣкъ же мы будемъ жить въ разлукѣ. Ты скоро выйдешь замужъ, ты такая хорошенькая, что вѣрно не засидишься, а не то я перегоню тебя. Да-съ, вѣдь я старше цѣлымъ годомъ. Вотъ и явлюсь я къ вамъ въ Москву подъ ручку съ хорошенькимъ гвардейцемъ. Ахъ, Саша, какъ хорошъ онъ, какъ милъ мой гвардеецъ; какъ прекрасно вьются его черные волосы! Да ты не подумай, пожалуйста, что я влюбилась въ хорошенькое личико, или, чего Боже сохрани, въ гвардейскій мундиръ, право нѣтъ: мнѣ нравится и то и другое, потому что они его, а въ немъ мнѣ все мило и дорого; въ другомъ я ихъ бы и не замѣтила. Вѣдь, ты знаешь, что не смотря на славныя преданія двѣнадцатаго года, такъ заветно хранящіяся въ нашемъ древнемъ домѣ, я совсѣмъ не охотница до военныхъ, и очень равнодушно, а не такъ какъ всѣ, встрѣчала наши полки возвращавшіеся изъ-подъ Варны. Даже, мнѣ кажется, я хотѣла бы лучше, чтобы Челищевъ носилъ штатское платье; вѣдь Пушкинъ ходитъ во фракъ! Я слышу отсюда какъ на этомъ мѣстѣ ты вскрикнешь отъ удивленія:

какъ, Челищевъ? Anatole Челищевъ? А давно ли, скажешь, ты называла его милымъ, добрымъ мальчикомъ, какъ кажется очень умнымъ, но вмѣстѣ и очень дикимъ, очень не развязнымъ, и только.—Саша, вѣдь это была официальная переписка.

Что до сихъ поръ мнѣ гораздо больше нравился старшій братъ его, служащій въ иностранномъ министерствѣ—пожалуй я въ томъ и сознаю. Тотъ старше, выглядитъ серьезнымъ человекомъ, а я мальчиковъ не люблю, то есть не любила; впрочемъ Anatole не мальчикъ, не смотря на его двадцать-два года. Но все же меня болѣе интересовалъ Геннадій Петровичъ. Да надо правду сказать, и онъ обращалъ на меня гораздо болѣе вниманія (съ Анатодемъ мы познакомились хорошенько только недавно, и всему виной наше женское тщеславіе.)

Помнишь, въ маленькой припискѣ, которую мнѣ удалось всунуть въ письмо, потихоньку отъ тѣтенки, я рассказывала тебѣ, какъ мы познакомились съ нимъ въ лѣсу, гдѣ, ища ягодъ, я отстала отъ нашихъ и еще, помнишь, перепугалась такъ. Съ тѣхъ поръ, онъ часто бывалъ у насъ. Застенчивость его прошла, мы сблизились, шутили, смѣялись; но все же я продолжала смотрѣть на него, какъ на очень умненькаго мальчика, не много оригинальнаго и своеобразнаго, и только; мысль о любви не входила мнѣ въ голову. Впрочемъ надо начинать съ начала. Я все забываю, что изъ моихъ официальныхъ писемъ, ты не много могла заключить о всей семьѣ Челищевыхъ; а она носитъ какой-то свой особенный отпечатокъ; одинъ только Геннадій Петровичъ, еще нѣсколько походитъ на всѣхъ молодыхъ людей.

Ты знаешь, что у Анатоля кромѣ брата есть еще двѣ сестры: старшая Зенаида, бездѣтная вдова. Сколько я могла замѣтить, она была очень несчастлива въ замужствѣ, и сохранила отъ того разочарованный, насмѣшливый взглядъ на жизнь. Она никогда не говоритъ прямо о прошедшемъ, а проговаривается часто, когда рѣчь зайдетъ о чувствѣ или о бракѣ по любви. Благоразуміе и расчитанность всякаго шага—вотъ ея девизъ. Катенька, меньшая, съ которой насъ считаютъ друзьями, а, между тѣмъ, каждая изъ насъ на томъ только и стоитъ, какъ бы лучше замаскироваться одна передъ другою, Катенька чрезвычайно умная дѣвушка, но, увы, воплощенная насмѣшка. Все, что носитъ хотя легкій отпечатокъ чувства, она кидаетъ безпомощнымъ названіемъ *сантимекталничанья*, что означаетъ по ея лексикону, верхъ глупости и неестественности. Она такъ

запугала меня, что при ней я не смѣю радоваться полученному отъ тебя письму; почти не смѣю сказать, что люблю тебя. На дняхъ я рассказала ей, что не могу писать къ тебѣ откровенно, что наши письма цезируются тѣтенкой. Я надѣялась, что она предложитъ мнѣ свое посредничество, а она только спросила съ иронической улыбкой: «а у васъ вѣрно есть секретецъ о какомъ-нибудь черноволосомъ или бѣлорусомъ юношѣ?» Я страшно покраснѣла, даже чуть-ли слезы не показались у меня на глазахъ, мнѣ казалось что она угадала меня. Но вообрази: вдругъ лицо ея измѣнилось, она съ такимъ добрымъ взглядомъ подошла ко мнѣ, извинилась въ своей шуткѣ—и предложила пересылать мои письма на почту. Но въ эту минуту вошелъ Анатоль, и я поспѣшно отклонила сея предложеніе; я такъ боялась, чтобы они вмѣстѣ не стали смѣяться надо мною.

Я такъ подробно описываю тебѣ Катеньку потому, что она очень похожа на Анатоля, не только лицомъ, но и характеромъ. Она двумя годами старше его; когда умерла ихъ мать, она нѣсколько занималась даже его воспитаніемъ, то есть руководила его занятіями. Зная, какъ рассказывала мнѣ тѣтенка, озабоченная болѣзнью мужа, предоставила ихъ самимъ себѣ, и теперь хотя по-видимому хозяйка она, а въ сущности всѣмъ въ домѣ распоряжается Катенька. Должно быть она никогда не была ребенкомъ; въ самыхъ раннихъ сея воспоминаніяхъ есть уже отголосокъ мысли, убѣжденія, она много читала и заставляла читать Анатоля; ея вліяніе состарило его прежде времени; онъ только по наружности походитъ на двадцати-двухъ-лѣтняго мальчика, и еще мальчика шалуна. Пока Анатолю не познакомили со мною случайно въ лѣсу, наши отношенія ограничивались поклонами, да полусловами, и то всегда начинала я, заключая изъ разговоровъ его съ домашними, что онъ очень не глупъ. Теперь же онъ вѣчно шалитъ и смѣется; придумываетъ разные фарсы, чтобы разсѣивать меня. Но подъ этой наружною веселостью, какъ узнала я въ послѣдствіи, кроется *не по лѣтамъ серьезный и даже грустный взглядъ на жизнь*. Не даромъ онъ воспитаникъ Катеньки, не даромъ присутствовалъ онъ, ребенкомъ при грустной жизни старшей сестры. По принятому во всей семьѣ тону, они по-видимому очень холодны между собой, но это только маска; въ сущности Катенька обожаетъ Анатоля, гордится имъ какъ своимъ твореньемъ; это проскользаетъ невольное въ ея разговоры о братѣ.

Къ семейному ихъ кругу принадлежить еще одна молоденькая кузина; она по недѣлямъ гостить у нихъ, особенно когда Анатоль врізжааетъ изъ Петербурга. Еще не давно я не обращала на нее никакого вниманія: при оригинальныхъ Челищевыхъ, она казалась мнѣ такой обыкновенной, такъ мало стоящей вниманія; однако еще до знакомства моего съ нею, сплетни сосѣдей довели до моего свѣденія, что она и Анатоль любятъ другъ друга,—что они даже обмѣнялись словомъ и только благоразумные совѣты Зенаиды заставляютъ ихъ откладывать свадьбу. И действительно, они постоянно были вмѣстѣ, съ ней одной онъ говорилъ до моего съ нимъ сближенія, а потомъ я не разъ замѣчала ее непрізнанный взглядъ, когда бывало Анатоль выдумывалъ разные фарсы, чтобы разсмѣшить меня. Иногда она вмѣшивалась въ нашъ разговоръ, и незамѣтно колола меня. А онъ, смотря по расположенію, или оставлялъ меня, и опять уходилъ шептаться съ ней въ уголокъ гостиной, или же нападалъ на нее, и отвѣчалъ насмѣшкой за насмѣшку. Не знаю, какъ я не обращала тогда на эти выходки вниманія; правда, онъ случались такъ рѣдко, да и шалунъ насмѣшникъ Анатоль такъ мало приходилъ на влюбленного, да и что за дѣло было мнѣ до ихъ любви. Двѣ недѣли назадъ, какъ ты уже знаешь изъ моего письма, мы перѣехали съ тѣтенкой по дѣламъ въ нашъ уѣздный городъ. Мнѣ было очень грустно разставаться съ деревней, особенно съ Челищевыми; къ тому же они ждали тогда Геннадія Петровича.

Анатоль давно уже уѣхалъ въ Петербургъ. Совершенно не ожиданно попали мы на званный вечеръ къ судѣ. Мнѣ было очень скучно въ мало знакомомъ и довольно необразованномъ обществѣ, однако я успѣла уже на столько сойтись съ нѣкоторыми дѣвицами, что онѣ начинали, и намеками, и прямо, повѣрять мнѣ свои бальныя тайны. Сашенька Радимова, бывавшая у насъ и въ деревнѣ, желая похвастаться своимъ превосходствомъ надъ остальнымъ обществомъ, усердно смѣялась надъ присутствующими кавалерами, принадлежавшими, большею частью, къ стоящему въ городѣ пѣхотному полку. «Они такіе *mauvais genre*» говорила она, «удивляюсь, какъ можно ими интересоваться, я влюблена въ одного прехорошенькаго гвардейца». Вдругъ она всыхнула и крѣпко сжала мнѣ руку. Я оглянулась и что-жь? въ дверяхъ залы стоялъ Анатоль. Мнѣ, вдругъ, стало какъ-то необыкновенно весело. Онъ искалъ кого-то глазами, и тотчасъ подошелъ ко мнѣ, говоря: я узналъ, что вы здѣсь, и явился просить насъ на вер-

вую кадрили, а между тѣмъ Сашенька шептала мнѣ: «Счастливица... вы съ нимъ знакомы! скажите ему, чтобы онъ ангажировалъ меня».

И не могу рассказать тебѣ подробностей этого вечера, я забыла ихъ за тревогой и счастьемъ послѣднихъ дней. Ахъ, Саша, полюби скорѣй кого-нибудь; право, мы не живемъ полною жизнью пока не любимъ. И не узнавала Анатоля: онъ какъ-будто переродился; куда дѣвалась его дикость съ незнакомыми? Вѣроятно онъ очень самолюбивъ; здѣсь онъ чувствовалъ себя первымъ, и потому-то сталъ такъ милъ и развязенъ. Онъ весь вечеръ не отходилъ отъ меня, танцевалъ или со мною или съ тѣми, на кого я указывала ему. Всѣ замѣтили его вниманіе ко мнѣ. Признаюсь самолюбіе мое, не избалованное до-сихъ-поръ успѣхами, торжествовало, а все же я не чувствовала ничего, кромѣ благодарности за доставленное торжество. Анатолий ѣхалъ къ себѣ въ деревню на нѣсколько дней по очень нужному дѣлу; узнавъ про даваемый судья вечеръ, онъ вздумалъ посмотрѣть въблизи на провинціальное общество, и остался въ городѣ до слѣдующаго утра. За мазуркой онъ спросилъ у меня, будемъ-ли мы на именинахъ у предводителя, куда его сей часъ звали. Къ счастью мы были тоже приглашены. Сначала я обрадовалась случаю провести день вмѣстѣ съ Челищевыми, а потомъ меня взяло раздумье. И сознавала очень хорошо, что Анатолий ухаживалъ за мной въ тотъ вечеръ отъ нечего дѣлать, потому-что онъ былъ одинъ среди незнакомаго общества. А у предводителя будутъ многіе изъ ихъ сосѣдей, а главное будетъ ревнивая кузина, присутствіе которой вѣроятно уничтожитъ мое торжество. Большая часть городскаго общества получила приглашеніе вмѣстѣ съ нами. Что же ожидать меня? думала я, и признаюсь тебѣ, Саша, мнѣ жаль было расстаться съ моей первой, хотя и мимой побѣдой. Это глупо, скажешь ты, но что же дѣлать? *femine est vaire*, говорилъ мнѣ не разъ Геннадій Петровичъ.

Когда мы пріѣхали къ предводителю, все общество собралось уже у него. До обѣда Анатолий мало говорилъ со мною. Мое бѣдное сердце было, предчувствуя поражение. Надо тебѣ сказать, что Анатолий—страшный насмѣшникъ. За обѣдомъ я сидѣла между нимъ и Катенькой, и онъ усердно потѣшался надъ оригинальными костюмами провинціаловъ. И я увлеклась его насмѣшливостью, а главное желаньемъ, чтобы всѣ видѣли насъ въ неумолкаемом живомъ разговорѣ. Да, Саша—тщеславіе дурной совѣтникъ; въдѣ

ты знаешь, что въ душѣ я не люблю насмѣхаться, а тутъ вздумалось мнѣ, ради эффекта, рассказать пресмѣшной анекдотъ, случившійся прошлаго года на балѣ у того же судьи. Помнишь, я описывала тебѣ тогда курьезное происшествіе во время мазурки, смысла и причины котораго я никакъ не могла добиться: зачѣмъ старшая Радимова бросила вдругъ руки державшихъ ее дамъ, пока кавалеры кружились вокругъ насъ и закричала дикимъ голосомъ: «On me battrega!» По окончаніи обѣда, Анатоль, по своему обыкновенію, началъ дразнить меня, грозя пригласить Радимову на первую кадрили, чтобы разспросить объ этомъ непонятномъ возгласѣ. Конечно, онъ бы этого не сдѣлалъ, но я воспользовалась случаемъ показаться съ нимъ виѣстѣ въ первомъ танцѣ и необдуманно сказала: «я не хочу, чтобы вы танцевали съ Радимовой, я приглашаю васъ сама на всѣ танцы въ продолженіе вѣчера». Онъ очень серьезно поклонился. Я считала эти слова шуткой; однакожь вскорѣ, какъ только заиграла музыка, Анатоль пришлъ за мною. При второмъ танцѣ это повторилось: онъ очень серьезно настаивалъ, чтобы я сдержала данное слово. Ужь Катенька своимъ виѣшательствомъ помирила насъ на томъ, что мы будемъ танцевать виѣстѣ черезъ кадрили, и вообрази — ревнивая кузина не сердилась, а любезно заговаривала со мною. Что же это значить? Неужели я кажусь ей такой ничтожной соперницей? Танцы, начавшіеся тотчасъ же послѣ обѣда, продолжались очень долго. Мнѣ никогда еще не удавалось такъ много быть наединѣ съ Анатолемъ. Сперва я поддерживала обычный между нами шуточный тонъ, но на этотъ разъ Анатоль не поддавался ему: онъ былъ какъ-то особенно настроенъ. Началъ рассказывать мнѣ про свое сиротливое дѣтство, про недокоченное, безтолковое воспитаніе, предоставленное попеченіямъ полу-ребенка сестры! «Вотъ и вышли изъ насъ обомхъ, какіе-то нравственные уроды, — старики въ двадцать лѣтъ. Меня обвиняютъ въ дикости, въ излишнемъ самолюбіи, а развѣ приятно чувствовать себя лишнимъ во всякомъ образованномъ обществѣ? Развѣ я учился чему-нибудь какъ учатся другіе? нахватался кой-чего безъ толку изъ книгъ, а теперь вотъ и болтаешь вздоръ, чтобы не попасться въ какой-нибудь глупости.»

Долго, говорилъ онъ въ этомъ тонѣ, много рассказывалъ случасвѣ изъ своего безрадостнаго дѣтства и не болѣе радостной юности. «Вы знаете наше семейство, быть можетъ, мы и очень любимъ другъ друга, но выказывать этого не принято; а я иногда

по глупости, по молодости чувствую потребность въ добромъ, ласковомъ словѣ, въ душевномъ сочувствіи.» Миѣ становилось очень жаль его, по временамъ я даже чувствовала, что слезы готовы были выступить у меня изъ глазъ; но я не довѣряла грусти Анатоля: она такъ мало походила на его обычное расположеніе; что если это комедія, чтобы разчувствовать меня и потому осмѣять виѣстѣ съ Катенькой? Быть можетъ, для успокоенія своей нилой ревнивицы, онъ общалъ ей вдоволь натѣшиться надо мною. Все это передумала я, пока говорилъ Анатоль, и отвѣчала ему полусловами, безпрестанно свертывая на веселую тему. Слово *участье* въ его устахъ окончательно озадачило меня: я растолталась. Вы смѣтаетесь Елизавета Павловна? съ грустнымъ упрекомъ сказалъ Анатоль. Миѣ послышались, какъ-будто, слезы въ его голосѣ; я быстро взглянула на него, и дѣйствительно онъ бѣгалъ въ глазахъ. Онъ замолчалъ и отвернулся. Трудно объяснить словами, что произошло тогда во мнѣ: миѣ было такъ сожестно предъ Анатолемъ, и такъ жаль его, что я съ трудомъ удерживала слезы, а виѣстѣ съ тѣмъ самая глубь души наполнилась такимъ безиѣрнымъ счастьемъ, о которомъ я до сихъ-поръ не виѣла понятія. Я такъ много желала бы сказать ему въ эту минуту, что не могла сказать ни слова. Пришла наша очередь дѣлать фигуру; я невольно, почти безсознательно, крѣпко пожала ему руку; онъ не отвѣчалъ на пожатіе, но взглянулъ на меня съ грустно-благодарной улыбкой? Возвратившись на мѣсто, онъ началъ спрашивать про мое дѣтство и про тебя. Видно они часто говорили съ Катенькой обо мнѣ. Мазурка кончилась, онъ повелъ меня къ ужину, и съѣлъ возлѣ меня уже прежнимъ веселымъ насмѣшливымъ Анатолемъ; но я не въ состояніи была ему вторить. Однако онъ не смѣлся надъ моею задумчивостью. Хозяинъ сталъ усердно подчивать его виномъ. «Не просите, сказалъ Анатоль, я сегодня ничего не пью кромѣ воды: Елизавета Павловна не любитъ, когда при ней пьютъ вино». Я страшно сконфузилась и побранила его за эту неумѣстную выходку, а въ душѣ, признаюсь, шевелилось радостное чувство: вспомнилъ же онъ то, что я говорила давно, въ іюнѣ, когда мы едва были знакомы. Съ помощью сестеръ онъ устроилъ такъ, что тетенька, снова возвращаясь въ городъ, отпустила меня къ нимъ на два дня въ деревню.

Саха, если я проживу сто лѣтъ, я не забуду никогда нашего путешествія въ эту чудную ночь. Мѣсяцъ свѣтилъ такъ радостно

и ярко, какъ будто сочувствуя радостному бiенію моего сердца. Я высунулась въ окно кареты и разсматривала странныя, причудливыя тѣни, дожившіяся отъ него по дорогѣ. Такимъ образомъ, я могла видѣть Анатоля. Онъ свѣсилъ съ козелъ, и при общемъ молчаньи и полудремотѣ окружающихъ насъ, смотрѣлъ на меня съ своси доброй, пріятливой улыбкой. Мы теперь и безъ словъ понимали другъ друга. Но кузина не дремала, и пытливо вглядывалась въ мое лицо.

— Вамъ было очень весело, я вижу, сказала она, выходя изъ кареты. Я не спала всю ночь, нетерпѣливо ожидая, какъ встрѣтитъ меня Анатоля на другое утро. И что же? за завтракомъ явился прежній шалунъ; вчерашняго не было ниге слѣ. — Ужъ не во снѣ ли видѣла я нашъ разговоръ, и все путешествие при лунномъ свѣгѣ, шевелилось у меня на душѣ. Нетерпѣніе и любопытство заставили меня сдѣлать глупость. После завтрака мы сошли съ Катенькой въ садъ, и Анатоля послѣдоваль за нами, шутя и шая болѣе обыкновеннаго. А я все обращала разговоръ на серьезную, а можетъ быть нѣсколько и на чувствительную тѣму. Э, да вы сантиментальны Елизавета Павловна, вотъ ужъ никакъ не ожидалъ, сказалъ насмѣшливо Анаголь. Вѣроятно лицо мое много выражало въ эту минуту; на душѣ у меня было очень горько. Анатоля, продолжая дурачиться, сталъ между мною и Катенькой, и такъ мило, симпатично взглянулъ на меня. «Не выдавайте же нашей тайны», говорила мнѣ его улыбка. Грусть мою какъ рукой сняло, какая-то шумная веселость овладѣла мною, и я начала шалить болѣе Анатоля. Шутя и болтая, я взяла съ него слово, что онъ пріѣдетъ къ моимъ именинамъ, танцовать со мною первую кадрили, у тетушкиной кухни, гдѣ мы всегда проводимъ 5-е сентября.

— «Шопаду подѣ арестъ, а пріѣду», сказалъ онъ мнѣ прощаясь. Въ ночь онъ, увы, отпавился обратно въ Петербургъ. «А вы и вѣрите ему», прибавила Анна Васильевна (ревнивая кузина), когда коляска Анатоля скрылась за облаками пыли; — кто же его отпуститъ? онъ и такъ почти все лѣто прожилъ дома. — Какъ ты думаешь Саша, сдержитъ-ли онъ свое слово? О, когда бъ настало скорѣе 5-е сентября.

5-е сентября.

Саша! Саша! А вѣдь онъ сдержалъ слово! Мы сію минуту вернулись изъ города; на крыльцѣ насъ встрѣтилъ старыи Тихонъ. «Анатолій Петровичъ Челыщевъ сейчасъ завзжали, при-

казали кланяться и поздравить Елизавету Павловну съ днемъ ангела». Мнѣ такъ хотѣлось броситься на шею къ доброму старику. Я отдала ему послѣдній полтинникъ, когда онъ въ свою очередь поздравилъ меня. Бѣгу переѣмнить платье!

7-е сентября.

Странный человѣкъ Анатолю, скакалъ за двѣсти верстъ, чтобы сдержать данное мнѣ слово, сочинилъ какую-то небывалую исторію своему командиру, рискуя попасть на гаубтвахту, и для чего же? чтобы цѣлый вечеръ не подходить ко мнѣ. Мнѣ было такъ грустно вчера, послѣ имениннаго праздника, что я не имѣла силы взяться за перо. Саша, объясни мнѣ Анатоля, чего онъ хочетъ отъ меня? Зачѣмъ пріѣхалъ если не любить?

Челищевы явились только вечеромъ очень поздно, первая кадрия уже кончилась. Я старалась не давать слова на вторую, а Анатолю даже не напомнилъ мнѣ нашего уговора; я должна была сама спросить его, танцую-ли я съ нимъ? «Вѣдь вы мнѣ общали, я явился, какъ видите, за исполненьемъ» — вотъ и весь отвѣтъ. Въ кадрили ни одного задушевнаго слова, а потомъ усѣлся съ кузиной въ уголку; меня, какъ будто тутъ и не бывало. Теперь ужъ это не самолюбивое желаніе побѣды, Богъ съ нею! Пускай всѣ думаютъ, что Анатолю забавляется надо мною, только-бъ я знала, что онъ меня любитъ! Любитъ? да способенъ-ли онъ любить кого-нибудь? О Саша, еслибъ ты видѣла торжествующій взглядъ Анны Васильевны? Какъ я глупа Саша! Зачѣмъ я къ нему привязалась? За что? — пришла ему фантазія разыграть предо мною драматическую сцену, а я...

8-е сентября.

Саша! Саша! Я опять счастлива! Я опять вѣрю Анатолю! Вчера я не могла продолжать моего разсказа, какъ глупый ребенокъ ушла я въ рощу, и плакала, и наплакалась вдоволь; вдругъ слышу голосъ Дуняши: Анатолій Петровичъ пріѣхали, тѣтенька приказали позвать васъ въ гостиную. Я побѣжала. Къ счастью, вѣтеръ освѣжилъ мнѣ заплаканное лицо, однако, кажется Анатолю догадался что было со мною. Онъ такъ любезно встрѣтилъ меня у воротъ сада, что я невольно просіяла, хотя дала себѣ слово отместить ему холодностію. Но онъ сейчасъ же съумѣлъ умилостивить меня подробнымъ разсказомъ объ употребленныхъ имъ хитростяхъ, чтобы вырваться изъ Петербурга. Кроиъ того онъ пожертвовалъ блестящими баломъ на дачѣ, у своихъ родственниковъ — си все это для того только, чтобы поздравить

васъ;» онъ повторялъ эти слова нѣсколько разъ въ продолженіи разговора, и вдругъ неожиданно сказалъ:

— А вы, кажется, сердитесь на меня, Елизавета Павловна?

— За что же? какое я имѣю право?

И страшно покраснѣла и совсѣмъ растерялась.

— А почему я знаю, я не женщина, чтобы понимать всѣ женскія прихоти... Извините я хотѣлъ сказать женскія ощущенія.

И молчала.

— Что же сердитесь?... И не хотите мириться?

— Да право нѣтъ.

— Докажите.

— Чѣмъ?

— Дайте поцѣловать вашу ручку.

И онъ ждалъ позволенія съ такимъ покорнымъ молящимъ взглядомъ, какъ будто жизнь его зависѣла отъ моего согласія. Вѣроятно, лице мое сказало да. Онъ вдругъ самъ взялъ мою руку, и поцѣловалъ ее. И такой долгой, горячій поцѣлуй! Сердце мое билось такъ сладко, что я едва имѣла силу вырвать руку. Надо тебѣ сказать, что у тетушки былъ въ это время какой-то господинъ изъ города по дѣламъ, сестры ея не было дома, и мы сидѣли вдвоемъ на террасѣ. О какъ скоро прошелъ вечеръ! Опять говорилъ мнѣ Анатоль про себя, про свои отношенія къ семейству... Ну, да я не имѣю права повторять даже и тебѣ его откровенныя признанія. Правда, онъ не просилъ меня о тайнѣ, но это оттого, что онъ въ ней увѣренъ. Онъ доврѣяетъ мнѣ потому, что видитъ... Ахъ, Саша, какъ я люблю его!

Къ чаю пришла тетушка; мнѣ стало неловко, грустно. Я долго теперь не увижу его. Онъ заѣхалъ къ намъ проѣздомъ на возвратномъ пути въ Петербургъ. Саша, объясни мнѣ Анатоля. Скажи, какъ ты думаешь, любить-ли онъ Анну Васильевну? Объ ней сегодня ни полслова, какъ будто ее не существовало.

18-е октября.

Я давно не принималась за дневникъ, да нечего было и записывать. Мы все это время больше жили въ городѣ. Два раза видѣла я Катеньку, разъ получила въ ея письмѣ поклонъ отъ Анатоля. Повѣришь-ли, что я отъ души привязалась къ Сашинькѣ Радимовой; она одна безпрестанно говоритъ мнѣ объ немъ, хотя нисколько не подозреваетъ моего чувства. Разъ я

чуть-чуть не проговорила; — да нѣтъ, она не въ состояніи была бы понять меня. Она такъ странно любитъ: все восхищается усиками Анатоля, мундиромъ, каской; объ немъ самою, о его умѣ, сердцѣ ни слова. Есть же такіе странные люди.

Сама, я принялась писать, чтобы немного разсѣяться, такіе страшные слухи ходятъ у насъ по сосѣдству: говорятъ о бунтѣ въ Польша, о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ, — говорятъ, что и гвардію двинуть. Челищевы поѣхали въ Петербургъ. Ахъ, Саша! что будетъ со мною? — Помолись объ немъ, обо мнѣ, помолись, чтобъ ничего не было! И охота полякамъ бунтоваться, ничего вѣдь не выиграютъ! Мнѣ, право, жаль ихъ, — вѣдь и у нихъ есть сестры, матери. вѣдь и ихъ любятъ же, какъ я люблю Анатоля.

26-е ноября.

Опять длинное, скучное, или лучше сказать, грустное время. Челищевы въ Петербургѣ; объ нихъ никакого слуха, только и разговоровъ, что о войнѣ: — какой полкъ ушелъ, какой идетъ. Слава Богу, гвардія до-сихъ-поръ не тронута, что-то будетъ?

8-е декабря.

Сейчасъ получила записку отъ Катеньки: они пріѣхали вчера, и зовутъ меня къ себѣ. Анатолий съ ними. Гвардіи назначенъ походъ. Онъ пріѣхалъ устроить свои дѣла, и провести послѣднее время въ деревнѣ. Послѣднее время!... Понимаешь-ли ты это, Саша? А все же я его увижу, прощуся съ нимъ!

17-е декабря.

Я, все это время, почти каждый день, видалась съ Челищевыми. Анатолий очень мпль со мною; онъ то веселъ, болтаетъ и смѣшать меня по прежнему, то вдругъ притихнетъ; видно, что ему грустно. Кузина постоянно у нихъ. и ревниво слѣдитъ за каждымъ нашимъ шагомъ. Вчера мнѣ удался вполне счастливый день. Поутру, совершенно неожиданно, явился къ намъ Анатолий одинъ, и просидѣлъ вплоть до ужина. У тетушки были гости, всѣ сидѣли за картами. Чего-чего не переговаривали мы подъ шумомъ бостона, а все же о нашихъ взаимныхъ чувствахъ ни слова. Сначала онъ показался мнѣ, какъ будто раздосадованнымъ, но это вскорѣ прошло: онъ сдѣлался очень веселъ, и вполне очаровалъ нашихъ гостей — двухъ старушекъ сосѣдокъ, которыя до-сихъ-поръ считали его букой. Прощаясь, онъ звалъ тетушку къ себѣ на завтра. Кажется, мы поѣдемъ. Слава Богу, она очень любитъ Челищевыхъ.

А мы скоро уѣзжаемъ въ Новгородъ, вплоть до масляницы. Вотъ ужъ не кстати. Неужели Анатолий ничего не скажетъ мнѣ на прощанье?... Если онъ меня любитъ, долженъ онъ уже понять какъ тяжела для меня неизвѣстность. Да полно, любить-ли? Онъ какъ будто старается дѣлать себя по ровну между мною и Анной Васильевной. А, между тѣмъ, все также смѣется надъ чувствомъ, клеймитъ его вмѣстѣ съ Катенькой названьемъ *сентиментальничанья*. Странное семейство! Какъ будто имъ и не жаль разставаться, отпускать любимаго брата въ огонь, быть можетъ не увидать его никогда. Ахъ, Саша! что я сказала! Да нѣтъ, этого не можетъ быть, Анатолий не умретъ! Я это чувствую по тому невыразимому блаженству, которое наполняетъ мою душу въ его присутствіи: какъ будто бы долгая, страшная разлука совсѣмъ не приближалась. О ней по-неволѣ позабудешь у Челишевыхъ: все такъ мирно, покойно, весело, холодно, говорятъ о походѣ, какъ о балѣ, на который бы собрался Анатолий. Одинъ онъ еще изрѣдка притихнетъ, да и то, Богъ его знаетъ — отчего? Быть можетъ онъ отдыхаетъ, дремлетъ въ это время, набѣсившись вдоволь.

Повѣришь-ли, Саша, что я такъ втянулась въ эту колею, такъ сроднилась съ этой семьей, что у нихъ я становлюсь такъ же покойна и холодна, какъ они; то есть становлюсь дѣйствительно, а не притворяюсь. Пока я съ ними, мнѣ и на умъ нейдетъ сентиментальничанье. Вотъ видишь-ли, и выраженіе само попадаетъ подъ перо. За то не спрашивай что бываетъ со мною дома... ночью... про то знаетъ подушка, да иногда Дуняша замѣтитъ поутру, пока я не умылась, что у меня глаза что-то красны.....

23-е декабря.

Саша! Совершилось вотъ ужъ три дня какъ мы разстались, я пишу тебѣ въ Новгородъ. Впрочемъ мы увидимся еще, ему нужно будетъ передъ отъѣздомъ быть здѣсь по дѣламъ. Разстались мы такъ, просто: прощайте Анатолий Петровичъ, сказала я ему, пока онъ сводилъ меня съ лѣстницы, желаю вамъ всего лучшаго. Онъ, молча поклонился, и долго стоялъ на крыльцѣ безъ фуражки, пока наши сани не свернули за уголъ. Не сказалъ онъ мнѣ ничего, только разъ наканунѣ нашего разставанья спросилъ вполголоса, пока я стояла одна, у балконной двери: — «А вамъ жаль будетъ, если меня убьютъ?» Я холодно взглянула ему въ глаза и отвѣчала; — «не убьютъ, пули

подобныхъ вамъ не ищутъ, кто же будетъ гримасничать, да лаять по деревьямъ.» Онъ съ видимою досадою отвернулся, и отошелъ. Чего же онъ хотѣлъ отъ меня Саша? А каковъ я героемъ у Челищевыхъ, они хоть кого такъ охладятъ! Анатолю, какъ видно очень хотѣлось, чтобы я пробыла у нихъ безвыѣздно послѣднiе три дня; онъ нѣсколько разъ намекалъ мнѣ на это, — и тетенька бы согласилась, но ни Зенаида, ни Катенька не сказали ни слова.

7-е января.

Сегодня все кончилось. Анатолю былъ у насъ на полчаса, и прямо изъ нашего дома уѣхалъ въ Петербургъ. Сестры провожали его до Новгорода; — и вообрази, не поѣхали въ Петербургъ, а ускакали обратно въ деревню. Впрочемъ въ эти роковые полчаса, маска нѣсколько спала: мы всё глупо молчали, даже тетушка поддавалась общему настроенью. Подали чай, дорожный колокольчикъ звонилъ у воротъ; — я сидѣла истуканомъ; мнѣ даже не было и грустно, только хололъ подотуналъ къ сердцу да къ головѣ. Показывая мнѣ видъ, на-дняхъ срисованный имъ, Анатолю вдругъ заболталъ, точно отъ толчка, какъ заведенная машина. Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы онъ отдалъ мнѣ эту картину: я нѣсколько разъ принималась хвалить ее, а попросить не рѣшилась. Послѣ его отъѣзда, прощаясь со мною, Катенька отдала мнѣ ее отъ имени брата. Опять странность! Зачѣмъ не отдалъ самъ? Знаешь-ли какъ простились Зенаида и Катенька съ братомъ? — холоднымъ, скорымъ поцѣлуемъ, — какъ будто разетавались послѣ ужина до слѣдующаго утра: что же было мнѣ дѣлать? Какъ осмѣлиться высказать какое-нибудь участие?... Саша, я не могу продолжать, слезы такъ и текутъ по щекамъ... Зачѣмъ же эта комедiя, спросишь ты, вѣдь они любить другъ друга? А вотъ видишь-ли: разъ какъ-то, удивляясь ихъ спокойствiю и холодности я сказала: «а желала бы я видѣть, какъ вы будете разставаться.» Мнѣ и доставили это удовольствiе, показали своего рода *tour de force*. Они всё на томъ стоятъ, чтобы доказывать силу своей воли. Чего жду я, безумная, отъ этой необыкновенной семьи? Чего?...

—
Тетрадь вторая.

20-е апрѣля.

Такая тоска, Саша, что и писать не хочется; меня ничто не занимаетъ, кромѣ военныхъ реляцій, а тетушка возить меня по

вечером! Все жалуются на скуку: танцевать не съ кѣмъ, все кавалеры въ Польшѣ; я же право рада, когда удастся цѣлый вечеръ просидѣть на мѣстѣ—по крайней мѣрѣ, меня тогда не мучить предчувствіе; а то танцуешь, и все думается: «что если въ эту минуту Анатолю раненъ, умираетъ, а я веселюсь.» Я только тогда и бываю покойна, когда въ церкви, и молюсь за него. Тогда все какъ-то вѣрится, что съ нимъ не можетъ ничего случиться.

Къ счастью, одинъ изъ нашихъ знакомыхъ, узнавъ что я такъ интересуюсь войною, каждый день носить мнѣ газеты. Онъ такой добрый, одинъ утѣшаетъ меня.

Кажется, Саша, Радинъ ко мнѣ не совсѣмъ равнодушенъ, и тѣнька не прочь съ нимъ породниться: часто оставляетъ насъ вѣстѣ;—онъ, говорятъ, очень богатъ. Ужь не по этой-ли причинѣ завесновали мы въ Новгородѣ? Мнѣ право совѣстно его обманывать, хотѣлось бы рассказать ему про Анатоля, да духу не хватаетъ. Вчера я спросила у него, не слыжалъ-ли онъ гдѣ квартируетъ—скій полкъ?—Онъ посмотрѣлъ на меня подозрительно; тутъ вошла тетушка, мы и замолчали. Радинъ называетъ меня патриоткой, воображаетъ, что я ненавижу поляковъ, и оттого интересуюсь войною.

Сегодня мнѣ какъ-то особенно грустно — даже молиться не могу. Я уже нѣсколько разъ съ отъѣзда Анатоля принималась за дневникъ, да всякій разъ допишусь до такихъ грустныхъ мыслей, что тутъ же и разорву написанное. О Челищевыхъ я ничего не знаю: Катенька не охотница писать; къ счастью мы на-дняхъ уѣзжаемъ въ деревню, что-то ждетъ меня тамъ? какое извѣстіе?

25-е мая.

Челищевы довольно часто получаютъ письма отъ Анатоля; онъ здоровъ, и еще ни разу не былъ въ дѣлѣ. Они, по-видимому, покойны и веселы, точно ничего особеннаго и не произошло въ ихъ семействѣ. Однако на-дняхъ, я подсмотрѣла какъ поблѣднѣла Катенька, когда ей принесли съ почты газеты, а письма отъ Анатоля не было. Впрочемъ она скоро оправилась, распечатала ихъ неторопливо и покойнымъ голосомъ стала читать вслухъ Зенадѣ, только глаза все впередъ забѣгали, и искали чего-то по страницѣ. Я сидѣла возлѣ и тоже смотрѣла въ газеты, ища съ страшнымъ замираніемъ сердца, знакомаго имени. Катенька подиѣчала за мной, и вдругъ положила газеты, и расхотѣла

лась. «Дѣйствительно вы примѣрная патриотка, Лиза,—сказала она—какое нетерпѣнье. Да не забѣгайте же впередъ, слушайте что я читаю, а то вы ничего не поймете». Тутъ была и Анна Васильевна, она улыбалась иронически Я страшно покрасѣла, и вообрази, Саша, не умѣла сказать ни слова, точно столбнякъ напелъ. Мы сидѣли на балконѣ; вдругъ входитъ человекъ нашихъ общихъ сосѣдей Лукскихъ: они пріѣхали недавно изъ Петербурга и прислали Катенькѣ письмо отъ Анатоля, полученное тамъ Геннадіемъ Петровичемъ.

По-очереди прочли его обѣ сестры, потомъ молча передали его Аннѣ Васильевнѣ, даже не сказали, что Анатоль здоровъ. Право это жестоко! Неужели я такъ искусно притворяюсь, что они ничего не замѣчаютъ? Мнѣ показалось, что, читая письмо, Анна Васильевна надулась, была чѣмъ-то недовольна. Я уже хотѣла спросить, но за мной прислали лошадей, и пришлось ѣхать. Загадка объяснилась третьяго-дня; мы встрѣтились у Лукскихъ, и вдругъ Катенька говоритъ мнѣ, «къ вамъ есть порученіе отъ Анатоля, да извините безъ письма я забыла, что-то о какой-то книгѣ, да о красотѣ Полекъ, которыми, кажется, онъ предпочитаетъ Русскихъ, или наоборотъ, право не помню.» Саша, вѣдь это безбожно такъ издѣваться надъ людьми; я увѣрена, что мнѣ никогда не передадутъ этого порученья въ его настоящемъ видѣ; никогда не дадутъ возможность отвѣчать на него Анатолю; а онъ, вѣроятно, ожидаетъ какого-нибудь отзыва въ сестриныхъ письмахъ отъ меня.

5-е сентября.

Какъ грустно встрѣтила я сегодня свои именины, милая Саша: все напоминало мнѣ прошедшій годъ и мое нетерпѣливое ожиданіе Анатоля. За обѣдней я не выдержала, и горько заплакала. Я не знала еще, что этотъ день готовить мнѣ самый дорогой подарокъ—извѣстіе о взятіи Варшавы. Къ счастью, что мнѣ сообщили его въ саду, безъ тетушки: я ускользнула незамѣтно въ чащу, и тамъ оправилась.

Саша! Саша! вѣдь онъ теперь скоро пріѣдетъ! что будетъ со мной? какъ-то мы встрѣтимся? рѣшусь-ли я сказать?.. О нѣтъ! нѣтъ! это невозможно...

27-е октября.

Нѣтъ онъ не пріѣдетъ, гвардія осталась на неопредѣленное время въ Польшѣ, пока тамъ все успокоится. Вчера Челищевы получили письмо, они скоро ѣдутъ въ Петербургъ, одинъ изъ

ихъ родственниковъ женится. Это время здѣсь жилъ Геннадій Петровичъ.

Я давно его не видала, и какое странное чувство посѣтило меня при встрѣчѣ съ нимъ, какъ будто досада—зачѣмъ онъ здѣсь, когда Анатолий такъ далеко. Никакъ не могла я совладать съ этой глупой досадой; онъ было подошелъ ко мнѣ съ своей обыкновенной радушной любезностью; а я такъ глупо ему отвѣчала, точно онъ оскорбилъ меня. «Что съ вами Лиза?» спросила меня Катенька. Геннадій Петровичъ улыбнулся, и отошелъ. Съ тѣхъ поръ, онъ мало говоритъ со мной, иногда даже старается поймать меня на словѣ и уколоть. Анна Васильевна торжествуетъ. Я еще не сказала тебѣ, что мать ея умерла, и она постоянно живетъ у Челищевыхъ. Что я за несчастная, Саша! точно кто наталкиваетъ меня на новыя глупости! По моей непростительной неосторожности, я съумѣла оттолкнуть отъ себя единственнаго, какъ казалось, хорошо расположеннаго ко мнѣ члена дорогой для меня семьи.

О, да какъ же они всѣ самолюбивы! стоило-ли обращать вниманіе на ничтожный капризъ дѣвочки! Все грустно и странно вокругъ меня, заброшу подальше этотъ песносный дневникъ: онъ какъ будто приноситъ мнѣ несчастье!

6-е января.

Саша! Я кажется съ ума сойду отъ радости! Анатолий пріѣхалъ въ отпускъ, онъ въ Петербургѣ. Сегодня мнѣ приносятъ толстое письмо отъ Катеньки: въ немъ было нѣсколько приглашеній къ сосѣдямъ. 15-го января у нихъ будетъ обѣдъ для молодыхъ, которые, проѣздомъ въ свою деревню, заѣдутъ къ нимъ въ домъ. Катенька проситъ меня съѣздить къ нимъ въ домъ, приказать убрать и отопить его. Они вернутся 10-го вмѣстѣ съ Анатолиемъ. Онъ вамъ кланяется, прибавляетъ Катенька, и надеется, что вы его не забыли. Лошади готовы: я ѣду къ Челищевымъ, тетушка позволила, и какъ-то особенно улыбнулась моей радости.—Неужели она знаетъ!.. и не будетъ противиться!.. О! Саша, какъ я счастлива!..

8-е января.

Не на-долго была моя радость... Вчера пріѣхали къ намъ сосѣди, вернушіеся изъ Петербурга; они видѣли Челищевыхъ, часто бывали съ Анатолиемъ. Они говорятъ, что онъ очень переѣвился, сдѣлался гораздо развязнѣе, часто толкуетъ о красотѣ и любезности Полека. Увы! онъ и въ Петербургѣ уваживалъ за

одной молодой дѣвушкой, дальней родственницей ихъ новой кузины. Она ѣдетъ съ нею къ Челищевымъ въ деревню, я увижу ихъ вмѣстѣ!.. По-крайней-мѣрѣ я буду знать на что мнѣ рѣшиться... Надѣюсь, что Богъ пошлетъ мнѣ силы не измѣнить себя! Да Саша, не удивляйся—я тверда и покойна! мнѣ кажется, я не люблю уже Анатоля; по временамъ, я какъ-будто ненавижу его.

12-е января.

Мы встрѣтились покойно, холодно, точно такъ же, какъ разстались. Я пишу это у Челищевыхъ, куда я не забыла взять съ собою дневникъ. Слушай какъ все было: сегодня около вечера пріѣхала Зенаида благодарить меня за удачныя распоряженія въ ихъ домѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ увести меня къ себѣ на нѣсколько дней, по-крайней-мѣрѣ до 15-го числа. Тетушка отпустила. Вообрази, Саша, десять верстѣ, раздѣляющія насъ отъ Челищевыхъ, не показались мнѣ ни длиннѣе, ни короче обыкновеннаго. Я такъ же покойно сидѣла въ саняхъ, и разговаривала съ Зенаидой, какъ будто меня и не ожидалъ Анатоль; послѣ годовой разлуки даже сердце не билось сильнѣе: оно замерло съ той минуты, когда мнѣ рассказали объ его ухаживаньѣ за m-lle Серебряковой. Насъ встрѣтила Катенька и дружески поцѣловалась со мной. Это случается съ нею очень рѣдко. Начались разспросы и рассказы; Анатоль долго не являлся; мы ходили съ Катенькой по залѣ. Вдругъ я слышу его голосъ въ гостиной; признаюсь, хладнокровіе меня оставило въ ту минуту, особенно когда Катенька сказала «пойдемте» и ввела меня въ гостиную. Однако я ни чѣмъ не измѣнила себя. Мы перемонно раскланялись и обижались обыкновенными разспросами о здоровьи и проч.... Опять начался пустой разговоръ. Чтобы прекратить его, я начала разспрашивать Анатоля о компаніи, о взятіи Варшавы.—«Да мнѣ рассказывали, что вы сдѣлались удивительной патриоткой, Елизавета Павловна, такъ и жаждали крови и уничтоженія бѣдной Польши», сказалъ довольно насмѣшливо Анатоль.

— Кто же вамъ это рассказывалъ? Ахъ, Боже мой, слухами земля полнится; я слышалъ еще, что вы обязаны патриотизму, — побѣдой надъ однимъ очень богатымъ старичкомъ. Я ожидалъ найти васъ за-мужемъ.

— А я думала, что вы привезете намъ новую сосѣдку, — богатую и хорошенькую Польшку?

— Это легко можетъ случиться; я пріѣхалъ не на-долго, и опять вернусь въ Польшу.

Долго говорили мы въ этомъ тонѣ; не знаю за кѣмъ бы осталась побѣда, еслибъ Зенаида не прервала нашего разговора—приглашеніемъ къ ужину, послѣ котораго мы раскланялись такъ же церемонно, и вскорѣ разстались. Завтра ожидаютъ молодыхъ: что то будетъ?...

14-е января.

Саша, мы разстались; уже второй часъ, а я не могу спать; бѣдное мое сердце оживило немного надеждой: М-ше Серебрякова пріѣхала, и я не замѣтила особеннаго вниманія къ ней Анатоля. Онъ все улыбался, и смотрѣлъ на меня такимъ испытующимъ взглядомъ, а при прощаніи шепнулъ «что съ вами? вы какъ-будто на меня сердитесь». Я ничего не отвѣчала ему, чувствуя, что если скажу слово, то непременно расплачусь. Да онъ очень измѣнился: удивительно возмужалъ, и сдѣлался гораздо серьезнѣе.

Молодые пріѣхали передъ самымъ ужиномъ; я едва имѣла время разсмотрѣть мою соперницу. Она довольно хорошенькая блондинка, очень ловко владѣетъ своими голубенькими глазами, которые безпрестанно обращаются на Анатоля. Насъ познакомили: она сказала мнѣ какое-то любезное привѣтствіе, а потомъ долго разсматривала. Развѣ она что-нибудь знаетъ? Странно кто бы могъ сказать ей?... Развѣ Анна Васильевна? Онѣ, по-видимому, большія пріятельницы. Ничего не понимаю; почему же она ревнуетъ меня, и какъ-будто покровительствуетъ другой? Неужели она считаетъ меня опаснѣе?

16-е января.

Страшное испытаніе прошло, и сердце мое наполнено страшною необъятною радостью! Боже! благодарю тебя! Наконецъ-то Анатоль рѣшился сказать мнѣ одно доброе, задушевное слово. А тутъ еще радость, я получила вчера у Челищевыхъ, твое первое свободное письмо, въ отвѣтъ на мой дневникъ. Благодарю тебя, моя Саша, за твое участіе. Прочь всѣ сомнѣнія! теперь я увѣрена въ своемъ свѣтломъ будущемъ. Лѣтомъ Анатоль возвратится окончательно, даже можетъ быть выйдетъ въ отставку; Но нѣтъ, такой хаосъ счастья вертится у меня теперь въ головѣ, что я рѣшительно не могу писать.—До завтра.

20-е января.

Начну съ начала, не пропущу ни одного слова. Какое наслажденіе переживать снова вмѣстѣ съ тобою этотъ счастливый день, милое 15 января!

Я встала позднѣе всѣхъ; не понимаю, какъ это случилось,

как могла я проспать? Правда, я уснула послѣ четвертаго часа. Всѣ сдѣлаи за чайнымъ столомъ, когда я вошла въ залу; Анатолю прислуживалъ м-ше Серебряковой и Аннѣ Васильевнѣ, и онѣ весело смѣялись. Я нарочно сѣла на другой конецъ стола, возлѣ молодой, и завязала съ ней предлинный разговоръ о Петербургѣ. Анатолю по временамъ взглядывалъ на меня, и улыбался по-вчерашнему. Я рѣшилась наблюдать и держать себя подалше отъ него. — Послѣ чаю перешли въ гостиную, я нарочно усѣлась въ уголь, и стала разсматривать альманахи. Не прошло и десяти минутъ, какъ Анатолю подошелъ ко мнѣ.

— Я не узнаю васъ, сказалъ онъ, садясь на табуретъ сзади меня; вы такъ измѣнились, Елизавета Павловна! Что значить эта серьезность, это удаленіе отъ всѣхъ? Вы, какъ будто, дичитесь меня?

— Нисколько! но у васъ гости, и я не хочу мѣшать вамъ заниматься ихъ.

— А вы развѣ не гостя?

— Мы такъ хорошо знакомы съ вашими сестрами, что на этотъ разъ вы можете оставить меня безъ вниманія, я позволяю.

— А если я не хочу?

— Вѣдь это капризъ! Кто мѣшалъ вамъ заниматься мною мера?

— Вчера я былъ не въ духѣ, мнѣ было досадно...

— Досадно? на кого же?

— На себя, на васъ, на всѣхъ. Впрочемъ, что за дѣло...

— Вотъ вы и развеселились, сказалъ онъ, своимъ милымъ ирадивымъ голосомъ, который мнѣ рѣдко удается слышать.

— Да я и не думала грустить.

— Елизавета Павловна, неужели вамъ не надоѣло спорить со мною третьяго-дня вечеромъ? Перестаньте ребячиться; намъ не долго быть вмѣстѣ. Дней черезъ пять я долженъ ѣхать, поговорите о дѣлѣ, вспомните прошлое.

— Нѣтъ, лучше расскажите мнѣ ваше житье въ Польшѣ.

— Что же мнѣ рассказывать? въ дѣлѣ я не былъ, даже издали не слыхалъ грома пушекъ.

— Что же вы дѣлали?

— Скучалъ.

— А хорошенькія Польшки?

— Далеко не такъ интересны въ дѣйствительности, какъ ихъ прокричали. Впрочемъ онѣ такъ усердно избѣгали насъ, что мнѣ

не возможно было убѣдиться въ ихъ любезности. И онъ разсказалъ мнѣ множество анекдотовъ, про усмія своихъ товарищей познакомиться съ богатыми помѣщиками.

— А вы будто не помогали имъ?

— Нѣтъ, вы знаете, что я знакоюсь не легко.

— Ну, а что же вы дѣлали въ Петербургѣ?

— Плясалъ, отдыхалъ отъ скуки, но не веселился....

— Будто?

Онъ улыбнулся въ отвѣтъ. Тутъ подошла Катенька, и заговоривъ со мною, показывала глазами Анатолю, чтобъ онъ шелъ занимать гостей. М-лле Серебрякова не переставала смотрѣть въ нашу сторону, лице ея выражало неудовольствіе, Анатолю не двигался съ мѣста.

Замѣтя досаду Катеньки, я встала.

— Посидите, Елизавета Павловна, мнѣ надо разсказать вамъ еще одинъ анекдотъ.

Катенька отошла, а онъ анекдота мнѣ не разсказалъ, а продолжалъ до самаго завтрака тотъ милый разговоръ, котораго не возможно передать словами. Лице мое, должно быть, сіяло счастьемъ.

— Вотъ теперь я узнаю васъ, сказалъ Анатолю, предлагая мнѣ что-то за завтракомъ.

Вскорѣ начали съѣзжаться сосѣди и приглашенные изъ города. Сашенька Радимова привезла мнѣ твое письмо; я ушла въ комнату Зенаиды, чтобы прочесть его на просторѣ. Вдругъ является Анатолю.

— Куда это вы спрятались? я вездѣ искалъ васъ. А, письмо! и вѣрно интересное?

— Даже и очень; по крайней мѣрѣ для меня: — это первое письмо, которое я получаю отъ кузины Саша, безъ тетушкиной цензуры.

— Дайте мнѣ его прочесть. Я еще никогда не читалъ интимной переписки двухъ дѣвушекъ; вотъ я думаю, секретовъ-то, секретовъ-то!

— Да есть и секретъ.

— Ну такъ дайте.

Онъ протянулъ руку; точно какой-то таинственный голосъ шепталъ мнѣ: отдай письмо. Облакотившись на столъ, чтобы слѣдить за лицомъ Анатоля, во время чтенія, я рѣшительно протянула ему письмо.

— Читайте, только послѣ не раскайтесь, если узнаете что-нибудь лишнее, знаете пословицу...

— Ну такъ не надо, я старѣться не хочу, а раскаяваться и того менѣе.

И онъ ушелъ съ совершенно непонятнымъ для меня выраженіемъ лица. Угадалъ-ли онъ, въ чемъ дѣло, и не захотѣлъ такой быстрой развязки, или совсѣмъ иначе перетолковалъ мои слова? Богъ его знаетъ. А у меня еще и теперь замираетъ сердце, при мысли, что бы было, еслибъ онъ прочиталъ письмо? Не брани меня, Саша, за мою рѣшительность; неизвѣстность томить меня хуже всего. Я была вполнѣ довольна Анатодемъ, хотя онъ не могъ при такомъ множествѣ гостей, безпрестанно сидѣть со мной, но часто подбѣгалъ ко мнѣ, чтобы сказать нѣсколько милыхъ словъ, или выкинуть какой-нибудь фарсъ. Я была рада, что онъ опять былъ тѣмъ, чѣмъ я его знала и прежде. Послѣ обѣда вадумали танцовать подъ фортепяно, Анатолий пригласилъ меня; когда я сидѣла около м-лле Серебряковой; она рѣшительно надулась. Мы стали въ кадриль.

— Анатолий Петровичъ, сказала я ему, вы должны какъ хозяинъ, танцовать съ м-лле Серебряковой.

— Будто долженъ? но я довольно танцовалъ съ ней въ Петербургѣ, — надоѣло.

— Но это невѣжливо, — посмотрите сестры ваши сердятся за ваше невниманіе къ ней.

— Слушаюсь. Сей-часъ же иду приглашать ее, а вы за мое послушаніе должны мнѣ двумя кадрилями, да китильономъ; я такъ люблю вальсировать съ вами.

Саша, я была очень счастлива, такъ счастлива, что забыла даже о завтрашнемъ днѣ, который долженъ былъ разлучить насъ. Дней черезъ пять Анатолий уѣзжаетъ обратно въ полкъ.

Поднявшаяся мятель заставила тетупку и большую часть гостей не только ночевать, но и обѣдать на другой день у Челищевыхъ. Я благословляла судьбу, дарящую мнѣ еще нѣсколько счастливыхъ часовъ; но утро прошло безтолково, въ безпрестанныхъ справкахъ о погодѣ. Мнѣ не удалось поговорить съ Анатодемъ. Въ минуту отъѣзда, пока происходила суматоха прощанья, я отошла къ фортепяно, и грустно прислушивалась къ разговору двухъ близъ стоявшихъ мужчинъ о холерѣ. Мнѣ пришла въ голову опасность, которой можетъ подвер-

гнуться Анатолий, если страшная болѣзнь возобновится. Вдругъ я слышу его голосъ позади себя.

— Елизавета Павловна, вамъ не надоѣла еще жизнь? вы не собираетесь умирать холерой?

— Нѣтъ, что за странный вопросъ? откуда пришелъ онъ вамъ въ голову?

— Да такъ, хорошо, что вы сказали, а то и я пожалуй умеръ бы, для компаніи.

При этихъ странныхъ словахъ, голосъ его былъ ровень, почти беззвученъ; онъ не отзывался ни шуткой, ни задушевной мыслью, однако онъ поднялъ во мнѣ страшную бурю.

— Не умирайте, Анатолий Петровичъ, отвѣчала я ему съ одушевленіемъ, я обещаю вамъ дожидаться возвращенія. И невольнымъ движеніемъ я протянула ему руку. Онъ пожалъ ее, и крѣпко поцѣловалъ, повторяя съ улыбкой, сказанныя ему мною слова при нашемъ первомъ разставаньи: «Прощайте, Елизавета Павловна, желаю вамъ всего прекраснаго» Саша вообрази какая новость! О какъ бьется мое сердце! даже писать не могу: я его сей-часъ увижу. Пока я писала, входитъ Дуняша, и объявляетъ, что Анатолий Петровичъ у насъ на селѣ; остановился у священника. Но зачѣмъ же онъ не зашелъ къ намъ? Рѣшительно не понимаю что пишу. Прощай до вечера.

23-е января.

А вѣдь онъ у насъ тогда не былъ. Я провела день въ страшномъ волненіи, и старалась убѣдить себя, что Дуняшѣ пригрѣзилось. Но сегодня, я ходила гулять, и зашла къ священнику. Дѣйствительно Анатолий заѣзжалъ къ нимъ на минуту съ Катенькой: она провожала его до уѣзднаго города; у нихъ порвалась упряжь. Опять загадка, какъ же было не зайти къ намъ, хотя изъ приличія, если даже онъ не имѣлъ желанья меня видѣть? Чего же онъ отъ меня хочетъ? Онъ меня какъ будто нарочно дразнить, дразнить, а не любить; а я ужъ не въ силахъ разлюбить его! Грѣхъ ему возмущать мое бѣдное сердце. Прощай, моя дорогая Саша! Къ намъ пріѣхала Сашенька Радимова, и общается мнѣ переслать тебѣ эту тетрадь. Утѣшь своимъ милымъ письмомъ твою бѣдную Лизу.

Тетрадь третья.

28-е іюля.

О, какъ долго, долго тянется время! За что, за что, не принималась я, чтобы какъ-нибудь сократить его, а все же каждый часъ кажется унылымъ годомъ. Когда же это вернутся Челищевы? Вотъ уже третья недѣля, какъ они уѣхали въ Петербургъ, на встрѣчу къ Анатолю. Вѣроятно онъ пріѣдетъ съ ними сюда; наконецъ то я узнаю что-нибудь, и на что-нибудь рѣшусь. Последнія двѣ недѣли гостилъ у насъ Радинъ; его присутствіе какъ-то успокоивало меня и занимало. Вчера онъ уѣхалъ; какъ мнѣ жаль его: онъ такой добрый, и такъ меня любить! Третьяго-дня онъ со мною объяснился, просилъ моего согласія, чтобы обратиться къ тетушкѣ. «Знаю говорилъ онъ мнѣ, что вы не можете любить меня, передъ вами я старикъ, я и не требую любви, а только вашего добровольнаго согласія. За счастье ваше я ручаюсь во всемъ, что только будетъ зависть отъ меня. Попробуйте Елизавета Павловна, если только вы никого другаго не любите.» И онъ пылливо взглянулъ мнѣ въ глаза; я страшно покраснѣла, и молчала. Мы вдвоемъ гуляли по саду.

— Ради Бога будьте откровенны: я такъ люблю васъ, такъ искренно желаю вамъ счастья, что готовъ способствовать ему съ другимъ! Я продолжала молчать; напрасно силилась я выговорить хоть одно слово, оно у меня становилось поперекъ горла.

— Сжальтесь, Елизавета Павловна. Я жду отвѣта; не конфузьтесь, не пугайтесь—даю вамъ слово, что никто не узнаетъ нашего разговора. Я нарочно заговорилъ съ вами прежде, чѣмъ обратился къ вашей тетушкѣ: я хочу быть увѣренъ, что вы сами будете согласны. Я какъ-то невольно покачала головой.—Что же? нѣтъ?—Я вамъ противенъ,—или?...

— Я право не могу,—наконецъ-то выговорила я шопотомъ—я...

— Вы любите другаго—вѣрно какого-нибудь офицера ...скаго полка? Такъ? я угадалъ?... Что же? развѣ тетушка не согласна?... скажите мнѣ все, я ее уговорю... Тутъ мнѣ сдѣлалось такъ грустно, что я зарыдала. Радинъ испугался.

— Что съ вами Елизавета Павловна? ради Бога успокойтесь; скажите мнѣ все, я это устрою...

Ахъ, я очень несчастна, Алексѣй Дмитриевичъ, я не знаю любить-ли онъ меня!...

— О, будьте покойны, отвѣчалъ онъ мнѣ такимъ добрымъ голосомъ, цѣлуя мою руку: развѣ можно не любить васъ! Заранѣе приглашаю себя на вашу свадьбу; гвардія теперь вернулась. Вѣдь вы позволите мнѣ, старому холостяку, поддержать надъ вами вѣнецъ.

Онъ старался говорить весело, а между тѣмъ, голосъ его дрожалъ. Радинъ вскорѣ оставилъ меня, и ушелъ въ рошу одинъ. За обѣдомъ, онъ началъ говорить о своемъ завтрашнемъ отъѣздѣ. Я ужасно испугалась, что тетушка угадаетъ его причину, и будетъ бранить меня, и вынуждать къ согласію на его предложеніе; однако я испугалась напрасно. Радинъ еще за нѣсколько дней говорилъ ей о своемъ отъѣздѣ, такъ что она не удивилась. Такой онъ добрый: со всѣхъ сторонъ оградилъ меня. И какъ же было мнѣ грустно разставаться съ нимъ, точно я провожала отца или любимаго старшаго брата. Онъ замѣтилъ мою грусть, и такъ нѣжно, трогательно благодарилъ меня, что мнѣ даже стало совѣстно.

Когда ему стали запрягать лошадей, тетушка ушла къ себѣ, написать письмо въ Новгородъ, а я убѣжала въ садъ, боясь заплакаться; въ вервой же аллеѣ догналъ меня Радинъ.

— Благодарю васъ, Елизавета Павловна, за то, что вамъ хоть не много жаль меня, сказалъ онъ, и такъ спокойно, съ такой увѣренностью, что перенесетъ и это, какъ перенесъ много: — вѣдь мы старики не такъ требовательны, и умѣемъ быть довольны тѣмъ, что намъ дадутъ...

Я чуть-чуть не заплакала, говоря: — Ахъ, еслибъ вы знали Алексѣй Дмитріевичъ, какъ мнѣ грустно, что вы ѣдете. Оставайтесь; велите отпречь вашихъ лошадей.

— Будто вы жалѣете о моемъ отъѣздѣ, а не то, что вамъ жаль меня, — старика, забравшаго себѣ глупости въ голову?

— Пожалуйста не говорите такъ, Алексѣй Дмитріевичъ, если не хотите привести меня въ отчаяніе; мнѣ такъ досадно, что я не могу согласиться, такъ больно отпускать васъ въ городъ; да и самой мнѣ, такъ будетъ грустно безъ васъ; пожалуйста оставайтесь!

Мы долго шли молча, пока не услышали на террасѣ голосъ тетушки; тогда онъ поспѣшно заговорилъ:

Простите, что я не могу исполнить вашу просьбу, мнѣ и самому тяжело покидать васъ: чуть-ли не тяжело, чѣмъ было вчера; но надо успокоиться — выгнать изъ головы молодья бредни. Я вотъ совладаю съ собою прежде, да тогда и явлюсь къ

внѣ...на свадьбу, прибавилъ онъ улыбнувшись. А если: сохрани Богъ, будутъ какія-нибудь препятствія, напишите мнѣ одно слово, я приѣду и все устрою...

Мы подходили къ террасѣ, и должны были заговорить о другомъ.

Не правда-ли, Саша, какой онъ славный. Вотъ мнѣ стало и полегче, какъ я описала тебѣ все.

Странно, какъ длинно и подробно разговорила я объ Алексѣѣ Дмитріевичѣ, припоминала каждое его слово, каждое движеніе. А объ Анатолѣ едва могу сказать нѣсколько словъ, только что намекающихъ на наши разговоры съ нимъ; рассказывать же ихъ подробнѣе не достаетъ силъ.

Прости мнѣ, Саша: мнѣ кажется, что, дѣлаясь ими даже и съ тобою, я совершаю нѣкотораго рода святотатство, краду сама у себя мое лучшее сокровище. Да, я чувствую, что между мною и имъ посредниковъ быть не можетъ.

21-е іюля.

А я таки не избѣжала допроса, тетушка догадалась, что что-то произошло между мною и Алексѣемъ Дмитріевичемъ. Сегодня я сидѣла одна, въ бесѣдкѣ, и, держа книгу, расчтывала когда могутъ приѣхать Челищевы.

Вошла тетушка, и очень ласково заговорила со мной о какихъ-то пустякахъ; и вдругъ, когда я этого совѣмъ не ожидала, спросила:

— О чемъ это Алексѣй Дмитріевичъ говорилъ съ тобою, на-медни въ саду? Ты возвратилась такая разстроенная, и онъ про-падалъ до обѣда: вѣрно не даромъ?

Не приготовившись къ отвѣту, я молчала, и должно было страшно покраснѣла.

— Онъ за тебя сватался?

— Да, тетушка, отвѣчала я, едва слышнымъ голосомъ.

— И ты отказала?... глупо, будешь послѣ рассказываться: на молодыхъ не надѣйся, ты бѣдная дѣвушка — наговорять ту-русы на колесахъ, да съ тѣмъ и отъѣдутъ.

Мнѣ сдѣлалось такъ грустно отъ этихъ словъ, что я никакъ не могла удержаться и заплакала.

— О чемъ же плакать? я говорю дѣло, а воли съ тебя не снимаю; твоя судьба, ты ей и распорядишься. Жди, если хочешь, своего желаннаго, только врядъ-ли въ немъ будетъ прокъ: не женихонъ онъ смотритъ—слишкомъ молодъ. Только будь осто-

рожище: не поддавайся на его ласковые слова, да страстные взгляды; пускай заговоритъ о свадьбѣ, тогда можно повѣрить. Кому же и сказать тебѣ дѣло, какъ не мнѣ; ты сирота, чужіе добру не научать, а только насмѣются надъ твоей неопытностію. Я сама была молода, многое сама испытала, и тебѣ не запрещаю попробовать. Я въ твои дѣла мѣшаться не стану, не хочу, чтобы послѣ ты на меня плакалась, что я заѣла твое счастье. Одно говорю: будь осторожна.—Если заваришь кашу, сама и расхлебывай, а я выручать не стану. А теперь, дурочка, не плачь заранѣе,—прибавила она уже ласково и поцѣловавъ меня въ голову; можетъ быть, все и устроится къ лучшему.

Непривычная ласка ея меня очень тронула; я прижалась къ ней, и продолжала плакать. Въ эту минуту, мнѣ хотѣлось все рассказать ей, и просить ея совѣта.

Можетъ я бы хорошо сдѣлала: она бы, конечно, дурному меня не научила. Но слова не выговаривались; я совсѣмъ не привыкла къ откровенности съ нею, а тутъ еще пришелъ староста за приказаніями. Я ушла въ роуцу, чтобы не показать ему своего расплаканнаго лица: пожалуй, онъ бы еще подумалъ, что тетушка меня бранила. А вотъ я этого совсѣмъ не ожидала, чтобы она подиѣтила любовь мою къ Анатолю. Слава Богу, страшная минута прошла безъ грома и молніи. Я уже знаю, что она мѣшать мнѣ не будетъ, и безъ страха буду проситься къ Челищевымъ. Ахъ, когда только они пріѣдутъ!...

6-е августа.

Сей-часъ вернулась я отъ Челищевыхъ; они пріѣхали третьяго-дня, только Анатоля съ ними нѣтъ. Онъ былъ очень боленъ: оттого то они такъ долго и не ѣхали. Теперь ему, слава Богу, лучше—онъ ходитъ, и они оставили его на дачѣ у родныхъ, подъ присмотромъ доктора. Ахъ, Сапѣа, какой страшной опасности подвергался Анатоль, я до сихъ поръ не могу привыкнуть къ этой мысли! За нѣсколько переходовъ до Петербурга, онъ ходилъ на охоту, и прострѣлилъ себѣ лѣвую руку. Сестры ѣздили къ нему туда: его двѣ недѣли нельзя было тронуть съ мѣста. Слава Богу, что я сидѣла въ углу, за плюшевой бесѣдкой, когда Зенаида рассказывала объ этомъ тетушкѣ: кажется никто не замѣтилъ моей блѣдности. Анны Васильевны здѣсь нѣтъ, она осталась съ Анатодемъ, у ихъ общихъ родныхъ на дачѣ. Счастливица! Какое наслажденіе не покидать его ни на минуту, успокоивать и развлекать! Какъ онъ долженъ любить ее,

за ея участіе и попеченіе объ немъ! А я то, я даже не смѣю сказать его сестрамъ, какъ беспокоитъ меня этотъ случай! Впрочемъ,—что за дѣло? Время-ли теперь думать о себѣ—только бы онъ выздоровѣлъ, и я буду совершенно счастлива.

8-е августа.

Саша, знаешь-ли: вѣдь это не правда, что Анатоль прострѣлъ себѣ руку на охотѣ;—онъ дрался на дуэли съ товарищемъ, за одну Польку, въ которую они оба были влюблены. Боже мой! Только этого не доставало! Я преклоняюсь и благоговѣю передъ Анной Васильевной. Если она его любила, то какъ послѣ того она имѣетъ еще силу и желаніе за нинѣ ухаживать? я бы, конечно, не стала. Дай Богъ, чтобы онъ сюда никогда не прѣзжалъ, по крайней мѣрѣ до того времени, пока я не выйду за-мужъ. Да, тетушка права: я очень раскаиваюсь, что отказала Радину.—Теперь бы я была его женой, и, конечно, уже давно бы забыла Анатоля...

Завтра я расскажу тебѣ какимъ способомъ я все узнала.

Ахъ, я безумная! хвасталась вчера, что могу забыть Анатоля! Не вѣрь, Саша; я такъ глупа, и такъ мало цѣню себя, что сегодня люблю его болѣе, нежели когда-нибудь.—Какое-то безумное, жвучее чувство овладѣло мною съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что онъ на-вѣки потерянъ для меня, что онъ любитъ другую. По-временамъ мнѣ кажется, что я схожу съ ума! Цѣлый день пробѣгала я по рошцѣ: — только я не много успокоюсь, уговорю себя, покориться своей участи, какъ опять что-то тяжкое, горькое, подступить къ сердцу, грудь точно разрывается, и я плачу, плачу, пока слезъ достанетъ. Тетушка дѣлаетъ видъ, что какъ будто ничего не замѣчаетъ;—спасибо ей! Только невѣстка ея спросила меня, когда я пришла къ обѣду: что со мною, о чемъ я плачу?

— Зубы болятъ, отвѣчала я сквозь слезы.

— Такъ зачѣмъ же ты не подвяжешься, и бѣгашь по рошцѣ?

— Оставь ее, сказала тетушка, зубная боль капризна—можетъ ей такъ легче. Лиза, если ты не хочешь обѣдать, уйди, обратилась она ко мнѣ, грустнымъ сострадательнымъ голосомъ. Но мнѣ показалось, что въ ея состраданьи, проглядывала радость: вѣрно она думала, что теперь я пойду за Радина; ей такъ хочется отдать меня за богатаго. Отъ этой мысли, мнѣ

сдѣлалось еще горче, и я воспользовалась позволеніемъ, — убѣжала къ себѣ въ комнату, чтобы опять заплакаться вдоволь.

10-е августа.

А я еще не сказала тебѣ, какими образомъ я узнала объ Анатольевой дуэли. Къ намъ пріѣзжалъ одинъ сосѣдъ, у котораго племянникъ служить въ *** полку; онъ ѣздилъ къ нему, и все узналъ. Анатолю очень хорошо съ полковымъ командиромъ, и дуэль эту скрыли. Къ счастью противникъ его не раненъ; онъ стрѣлялъ первый, какъ обиженный, и Анатолю упалъ отъ перваго выстрѣла. Онъ былъ очень тяжело раненъ: боялись, что пуля затронула легкія; но, слава Богу, ее вынули, легкія оказались цѣлыми, хотя пуля прошла очень близко, теперь онъ внѣ опасности: горячка моя прошла, и я благодарю Бога, что все такъ счастливо кончилось, и молю Его объ одной милости, чтобы онъ дозволилъ мнѣ еще разъ увидать Анатоля, а тамъ будь что будетъ! Ты видишь, Саша, что я образумилась: будь покойна на мой счетъ, я надѣюсь со-временемъ переломить себя, и какъ должно, — въ моемъ горькомъ положеніи, — встрѣтить Анатоля; онъ врядъ-ли скоро сюда пріѣдетъ.

16-е августа.

Слава Богу, у меня не много отлегло отъ сердца. Благодаря Катенькѣ, я могу еще сомнѣваться въ любви Анатоля къ этой ненавистой Полькѣ. Быть можетъ, она сказала и правду, что онъ дрался изъ одного чувства негодованія и жалости къ оскорбленной дѣвушкѣ. Въ такомъ случаѣ, какъ много я виновата передъ нимъ, — я проклинала его за рыцарскій поступокъ, передъ которымъ должна благоговѣть каждая женщина.

Тетушка права: о! какъ должны мы быть осторожны, — не вѣряться каждому, кто напѣваетъ намъ, отъ нечего дѣлать, разныя нѣжности. Какія страшныя послѣдствія могутъ выдти изъ одного неосторожнаго поступка! Но Анатолю не похожъ на другихъ; послѣ выказанныхъ имъ, на дѣлѣ, истинно рыцарскихъ чувствъ, ему можно довѣряться, — не правда ли? Ахъ, Саша, какъ я опять люблю его, когда подумаю что онъ сдѣлалъ для едва знакомой женщины; — но что такое слова? — пустой звукъ, — ими-ли выразить то, что я чувствую въ эту минуту, разбирая въ моемъ воспоминаніи, поступокъ Анатоля, по разсказу Катеньки.

Слушай все, какъ было: вчера тетушка отъ обѣдни поѣхала къ Челищевымъ, и, по ихъ просьбѣ, оставила меня у нихъ по-

гостить. Мнѣ такъ хотѣлось заговорить объ Анатолѣ, да тетушка, вѣроятно, изъ деликатности, не упоминала его имени, а я не смѣла начать первая при ней. Проводивъ ее, мы съ Зенаидой прямо повернули въ садъ; едва сдѣлали нѣсколько шаговъ, я спросила ее о здоровьи Анатолия Петровича.

— Слава Богу, ему лучше; мы вчера получили письмо, онъ скоро надѣется явиться въ полкъ.

Я не выдержала, и сказала, иронически улыбаясь:

— Надѣюсь, что теперь Анатолий Петровичъ будетъ благоразумнѣе, и не станетъ ходить на охоту, если не умѣетъ стрѣлять.

— Объ чемъ же вы смѣтаетесь Лиза? спросила Зенаида удивленнымъ голосомъ; кажется, въ несчастномъ случаѣ, котораго братъ сдѣлался жертвою, нѣтъ ничего веселаго.

Вдругъ Катенька неожиданно вышла изъ-за куста, и нѣсколько раздражительно, обратилась къ Зенаидѣ.

— Развѣ ты не видишь, что Лиза знаетъ истину, — въ такомъ случаѣ нечего и скрывать ее; къ тому же, я увѣрена въ хорошемъ ея расположеніи къ Анатолю: она, конечно, не захочетъ сдѣлать ему непріятности, не будетъ распространять этихъ слуховъ.

Тутъ она пылливо взглянула на меня, а я ужасно покраснѣла.

— Чего же вы краснѣете, Лиза? продолжала она покойно и почти ласково; ужъ если проговорились, такъ договаривайте. Скажите намъ, что и отъ кого вы слышали; а послѣ расскажу вамъ, какъ дѣйствительно было дѣло.

Я назвала ей сосѣда, и прибавила, что онъ рассказывалъ намъ какъ Анатолий Петровичъ дрался на дуэли съ однимъ офицеромъ ихъ полка, Лоцовымъ, за одну Польку, въ которую оба они были влюблены, а она предпочла Лонова.

— Терпѣть не могу клеветы! почти вскрикнула въ негодованіи Катенька. Впрочемъ, этого надо было ожидать: кто же изъ этихъ господъ способенъ оцѣнить безкорыстный поступокъ Анатоля?—Всѣ они слышали хвастовство Лонова, а ни одинъ не вступился, хотя большая часть изъ нихъ, были хорошо приняты въ домѣ дяди панны Гедвиги; а Анатолий и не бывалъ у него. Слушайте, Лиза, все какъ было, и отдайте, хотя вы, полную справедливость брату.

Саша! какъ радостно забилось мое сердце при словахъ, что

Анатоль не былъ у панны Гедвиги; ахъ, еслибъ я могла увѣриться, что это правда! Катенька послѣ мнѣ разсказала, что когда война кончилась, такъ многіе помѣщики стали нѣсколько дружелюбнѣе смотрѣть на нашихъ офицеровъ: многіе помѣщичьи дома открылись для нихъ. Только одинъ богатый панъ рѣшительно избѣгалъ знакомства, пересталъ самъ ѣздить въ такіе дома, гдѣ могъ встрѣтить Русскихъ. А у него было нѣсколько хорошенькихъ дочерей, а особенно племянница, панна Гедвига,—красавица. По однимъ слухамъ чуть-ли не всѣ офицеры были влюблены въ нее, и подбили наконецъ полковника познакомиться съ паномъ. Онъ взялъ съ собою брата и еще одного офицера, который былъ потомъ секундантомъ Анатоля, и отправился къ Поляку-нелюдиму. Ихъ приняли только что не дерзко, чуть-ли не спросили: чего имъ угодно? Едва оставили обѣдать и то только потому, что они пріѣхали за тридцать верстъ. Полковникъ, боясь какихъ-нибудь неприятныхъ послѣдствій, просилъ своихъ спутниковъ не повторять визита; они дали ему слово, и сдержали его. А между тѣмъ, другіе офицеры, какимъ-то образомъ, поймали племянника пана, подружились съ нимъ, и стали бывать у дяди, ухаживая на-перерывъ за Гедвигой. Одинъ изъ офицеровъ, богатъ и князь, сватался, и получилъ отказъ, сопровождаемый просьбою прекратить свои посѣщенія; тогда онъ попробовалъ предложить красавицѣ побѣгъ. Посредникомъ между ними былъ Лоновъ, и привезъ ему самый оскорбительный отвѣтъ. Тутъ вскорѣ назначенъ былъ имъ походъ обратно въ Россію. Отвергнутый женихъ, съ горя выпросилъ себѣ отпускъ, и уѣхалъ впередъ. Вы видите, Лиза, что Анатоль всего одинъ разъ видѣлъ Гедвигу, на минуту за столомъ, и не говорилъ съ нею. На какое же предпочтеніе, съ ея стороны, могъ онъ рассчитывать? Въ этомъ васъ могутъ удостовѣрить всѣ офицеры полка. Не понимаю, какъ могъ нашъ почтеннѣйшій сосѣдушка сочинять такую небывальщану, неужели со словъ своего племянника?

— Но я не вижу за что же было ему драться съ Лоновымъ? замѣтила я съ невольнымъ нетерпѣніемъ. Катенька пристально взглянула на меня, прежде, чѣмъ отвѣтила:

— Это совсѣмъ другая исторія, какъ увидите. Въ одну изъ дней, офицеры собрались между собою, и, за стаканомъ вина, начали подтрунивать надъ Лоновымъ, что онъ худой посредникъ, не сдумалъ помочь товарищу. Кто-то сказалъ еще,

что онъ самъ былъ влюбленъ въ хорошенъкую Польку, и изъ ревности испортилъ дѣло.

Взбѣшенный насмѣшкой, Лоновъ объявилъ, что ему ревновать къ князю было нечего, потому что онъ слишкомъ былъ убѣжденъ въ предпочтеніи къ себѣ панны Гедвиги. Ему, конечно, не вѣрили, и онъ предложилъ представить доказательства. Анатоля при этомъ не было, но ему рассказали эту исторію, полагая что она тѣмъ и кончится, когда пройдетъ излишнее одушевленіе собесѣдниковъ. На другой день, всѣ офицеры и Анатолий съ ними, собрались у одного товарища завтракать. Входитъ Лоновъ, и бросаетъ пачку писемъ на столъ: «вотъ, господа, мои доказательства; свѣрьте почеркъ, — кажется, нѣкоторымъ изъ васъ хорошенъкая панна удостоила написать въ альбомъ нѣсколько прощальныхъ словъ». Письма пошли по рукамъ, и оказались очень нѣжными. Ихъ слывали, пересмѣивали; Лоновъ смѣялся громче всѣхъ, а Анатолий между тѣмъ бѣсился въ углу, придавая почти вслухъ не очень лестныя эпитеты Лонову, который должно быть, услыхалъ что-нибудь. Впрочемъ они давно не ладили, — Анатолий называлъ его не разъ фатомъ, хвастунишкой. Лоновъ подошелъ къ брату, и насмѣшливо подалъ ему одно изъ писемъ, предлагая прочесть. Тутъ, какъ говорится, чаша переполнилась, — нашъ горячка не выдержалъ, и назвадь его очень не солоннымъ именемъ, но приличнымъ его поступку. На другой день они стрѣлялись. Слава Богу, весь полкъ, не исключая и командира, былъ на сторонѣ брата. Лоновъ едва нашелъ себѣ секунданта, — дѣло замяли, приписавъ все охотѣ. Вотъ вамъ святая, чистая истина; мы слышали ее не разъ и не отъ одного Анатоля, а и отъ многихъ его товарищей; они принимали въ немъ живое участіе, а князь такъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ просиживалъ у его постели. Его съ трудомъ удержали отъ новой дуэли съ Лоновымъ, и то только обѣщаніемъ, что того, при первомъ удобномъ случаѣ, попросятъ выдти изъ полка.

Предоставляю тебѣ судить о томъ, что я должна была чувствовать при этомъ разсказѣ. Тутъ ужъ я не выдержала, забывъ свою всегдашнюю осторожность съ Катенькой, и съ восторгомъ заговорила о благородномъ поступкѣ Анатоля, обѣщая ей никому не рассказывать этой исторіи.

— Нѣтъ, Лиза, отвѣчала она цѣлуя меня, перескажите ее ва-

шей тетушкѣ; она слышала клевету, пускай же узнаетъ истину. Я увѣрена, что она насъ не выдастъ. Занять, Саша, холодная Катенька одушевилась до того, что поцѣловала меня; наконецъ-то и въ ней заговорило человѣческое чувство.

15-е сентября.

Les jours ne se suivent, mais ne se ressemblent pas. Какая это милая пословица, Саша, какъ я люблю ее съ сегодняшняго дня. Вчера я была въ отчаяніи, а сегодня на верху блаженства. Только что вышли мы изъ обѣда, тетушка ушла съ Алексѣемъ Дмитриевичемъ въ кабинетъ толковать о своемъ дѣлѣ; я сидѣла одна въ гостиной, какъ вдругъ входитъ Катенька, и прямо начинаетъ извиняться, что не писала. «Право, было некогда: мы совсѣмъ затормошились, а нашъ больной пріѣхалъ съ нами, благодарить васъ за ваше участіе. Извините, что онъ не явился сегодня: онъ очень утомился съ дороги». Я такъ обрадовалась, что невольно крѣпко сжала ей руку, и не могла выговорить ни слова.

— Что съ вами Лиза? вы такъ блѣдны? съ участіемъ спросила она.

— Ничего, я это время была не совсѣмъ здорова, едва выговорила я отъ смущенья. Къ счастью, вошли тетушка и Радивъ; онъ очень подозрительно взглянулъ на меня, а потомъ сдѣлался такой грустный. Мнѣ очень жаль его, Саша. Катенька прощаѣла очень не долго: говорить, еще не успѣла осмотрѣться дома; они пріѣхали вчера поздно вечеромъ. Убѣжая, она взяла съ насъ слово на завтрашній день, что мы пріѣдемъ къ нимъ всей семьей обѣдать; — и Радивъ согласился. Что-то будетъ? Наконецъ-то я увижу моего дорогаго Анатоли!

И весело и страшно! Что-то скажетъ его первый взглядъ, первое слово? — Помолись обо мнѣ, моя добрая Саша...

16-е октября.

Счастье продолжается, какъ бы только не сглазить! Анатоли былъ очень милъ и любезенъ со мною; о дуэли ни пол-слова. Когда тетушка спросила его о здоровьѣ, онъ на-скоро отвѣтилъ ей, и перемѣнилъ разговоръ; — вѣроятно ему мѣшало присутствіе Радива; да и мнѣ было какъ-то не ловко, подъ его испытующимъ взглядомъ. Странно, я не могу припомнить ни одного слова, сказаннаго мнѣ Анатолиемъ; правда, ничего особеннаго и не говорилось. Всѣ сидѣли вмѣстѣ, чинно, около круг-

лаго стола, разговоръ былъ общій и какъ-то не влезся; но я чувствовала его присутствіе, ловила иногда его ласковый взглядъ, устремленный на меня, и была совершенно счастлива, если бы не перемена, которую я нашла въ Анатолѣ. Онъ ужасно похудѣлъ и поблѣднѣлъ, глаза ввалились, по временамъ онъ дѣлаетъ невольную болѣзненную гримасу: вѣроятно рана еще очень его беспокоитъ. Передъ обѣдомъ, я на минуту забылась и невольно засмотрѣлась на него; вѣрно лице мое много выражало; Катенька неожиданно подошла ко мнѣ, и пожала руку.

— Вамъ жаль Анатоля, Лиза? да, онъ и теперь еще очень страдаетъ, особенно при дурной погодѣ, но опасности, слава Богу, нѣтъ, — рана закрывается.

А съ другой стороны подбѣжалъ онъ, и началъ по обыкновенію смѣшить меня, но глаза говорили другое: они такъ нѣжно благодарили за участіе. Да, Саша, я была очень, очень счастлива въ эту минуту. Прощаясь, тетушка заговорила о своемъ пропессѣ и необходимости ѣхать въ Вологду. Какъ-то всегда серьезные разговоры начинаются въ передней; ужь такъ у насъ водится: мы и простояли полчаса въ шубахъ.

— А что же вы сдѣлаете съ Лизой, спросила Зенаида; неужели и ее повезете съ собою?

— Вотъ ужь и не придумаю, отвѣчала тетушка; не хотѣлось бы—что ей тамъ дѣлать, да и для нея одной придется брать лишнюю повозку. Кажется, рѣшусь завезти ее, по дорогѣ, въ Новгородъ, и оставить тамъ у родныхъ.

Въ это время Анатоль отвелъ Катеньку въ сторону, и что-то пошепталъ ей. «Хорошо, отвѣчала она, вполголоса, я поговорю съ Зенаидой, мы это дѣло устроимъ». Чтобы это значило, Саша? ужь не обо мнѣ-ли они говорили? Неужели Анатоль желаетъ, чтобы сестры пригласили меня къ себѣ на это время? Ахъ какое бы это было счастье!...

20-е октября.

А я вѣдь угадала: сегодня пріѣзжала Зенаида, и просила тетушку оставить меня у нихъ на время своего отсутствія. Тетушку очень смутило это предложеніе, но кажется она ему рада; она дѣйствительно не знаетъ что ей дѣлать со мною. Однако, не рѣшилась вдругъ: все говорила, что я ихъ стѣсню, и вопросительно смотрѣла на Радина.

Зенаида не отставала, и, уѣзжая, сказала тетушкѣ, что она

надѣется на ея согласіе. Ей хотѣлось увезти меня съ собою и теперь, но тетушка рѣшительно отказала, вѣроятно ради Алексѣя Дмитриевича. Прощаясь, она шепнула мнѣ:

— Пожалуйста, Лиза, пріѣзжайте къ намъ скорѣе; мы рѣшительно не знаемъ, что дѣлать съ Анатолемъ: онъ ужасно груститъ и скучаетъ—вы намъ поможете его разсѣять.

Какъ мнѣ вдругъ стало весело отъ этихъ словъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и досадно на Радина, что онъ зажился и не уѣзжаетъ? Бѣдный Алексѣй Дмитриевичъ, еслибъ онъ вдругъ прочиталъ что я сейчасъ написала!

22-е октября.

Ахъ, Саша! какъ мнѣ вдругъ стало совѣстно на мою третьяго-дншнюю досаду; вхожу я сегодня поутру въ гостиную, Алексѣй Дмитриевичъ сидитъ одинъ и такой грустный.

— Что съ вами? спросила я его.

— Грустно, Елизавета Павловна, опять раставаться съ вами, а надо; пожалуй, застануть морозы, и не двинешься.

— Что жъ, вы и проживете у насъ до снѣгу.

А сама думаю избави Богъ, меня совсѣмъ не будутъ пускать къ Челищевымъ.

— Зачѣмъ лукавить Елизавета Павловна? вотъ ужъ этого я отъ васъ не ожидалъ, сознайтесь, что теперь я для васъ помѣха.

Я молчала, онъ взялъ меня за руку и продолжалъ тихо.

— Вѣрите ли вы, что я искренно желаю вамъ счастья?

— Вѣрю, вѣрю Алексѣй Дмитриевичъ, поспѣшно и совершенно отъ души сказала я.

— Сегодня, мы долго говорили объ васъ: я уговорилъ Марью Константиновну оставить васъ у Челищевыхъ.

Я невольно пожала ему руку, онъ грустно улыбнулся, и продолжалъ:

Я ручался за ваше благоразуміе, а теперь боюсь, — вы слишкомъ много любите Анатоля Петровича. Мнѣ кажется, — простите Елизавета Павловна, не припишите моихъ словъ ревности, право, я ужъ привыкъ смотрѣть на васъ, какъ на милую дочь...

— Что жъ, догаваривайте, съ нетерпѣньемъ сказала я, а сердце забилось такъ больно, больно...

— Вотъ вы ужъ и поблѣднѣли, не пугайтесь, я право ничего особеннаго не замѣтилъ... Только показалось мнѣ, что Анатолий Петровичъ не довольно цѣнить вашу привязанность,

какъ будто принимаетъ се, какъ что-то должное; будьте же и вы осторожнѣй — знаете, мы мушкетеры таковы, любимъ только то, что трудно достается, а легкія побѣды скоро паскучаютъ.

Тутъ вошла тетушка, а вечеромъ онъ уѣхалъ. Добрый Алексѣй Дмитриевичъ!

24-е октября.

Я опять пишу къ тебѣ у Челлищевыхъ. Тетушка привезла меня сегодня къ нимъ, и оставила на три дня: уѣзжая, она съ благодарностію изъявила свое согласіе на мое пребываніе у нихъ, во время ея отсутствія. Кажется, все устроилось по моему желанію. Я долго, долго буду вмѣстѣ съ Анатодемъ! Отъ чего же мнѣ такъ грустно, такъ грустно, что подъ предлогомъ головной боли, я ушла въ приготовленную мнѣ комнату ранѣе ужина?... Пока тетушка была здѣсь, Анатолий не выходилъ; Катенька сказала намъ, что сегодня, по милости дурной погоды, онъ чувствуетъ себя хуже обыкновеннаго. Но только что тетушка уѣхала, я услышала шаги его въ залѣ; долго ходилъ онъ одинъ, или съ Анной Васильевной, пока не подали огня; только тогда вошелъ онъ къ намъ, такой блѣдный, скучный, сѣлъ въ углу, и не принималъ участія въ общемъ разговорѣ. Зенаида стала спрашивать у меня про Радина, какъ и гдѣ мы съ нимъ познакомились.

— А, такъ вотъ онъ, вашъ обожатель? не красивъ? Отозвался наконецъ изъ другаго угла комнаты Анатолий.

— Кто же вамъ сказалъ, что онъ меня обожаетъ?

— Какъ будто это не замѣтно? онъ напередъ такъ ревниво слѣдилъ за каждымъ вашимъ шагомъ.

— Не знаю откуда вы это взяли, Алексѣй Дмитриевичъ могъ бы быть моимъ отцемъ.

— Тѣмъ правдоподобнѣе: теперь только старики умѣютъ любить—намъ молодымъ не подъ силу.

— Анатолий, да подвинься къ намъ, неужели тебѣ ловко спорить съ Лизой оттуда? сказала Катенька; онъ не хотя подошелъ, и сѣлъ за моимъ кресломъ.

— Знаешь, Анатолий, насмѣшливо начала Анна Васильевна: Елизаветъ Павловнѣ рассказали, что ты былъ влюбленъ въ панну Гедвигу.

Онъ поморщился и обратился ко мнѣ:

— И вы повѣрили? хорошо же вы меня знаете, какъ будто я способенъ любить.

— Почему же и не повѣрить, разговоръ былъ очень правдоподобенъ, она, говорятъ, — красавица.

— Я еще не довольно старъ, чтобы влюбляться въ одну красоту — сказалъ онъ, и умолкъ. Зенаида возобновила разговоръ о Радинѣ, онъ продолжался довольно долго: оказалось, что Алексѣй Дмитріевичъ имъ дальній родственникъ, троюродный дядя по матери. Странно какъ мы не знали другъ друга, живя такъ близко, говорила Зенаида, и при встрѣчѣ не догадались даже, что мы родня. Вдругъ Анатолий перебилъ ее, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы и теперь вѣрите?

— Чему?

— Моей любви къ паннѣ Гедвигѣ?

— Теперь не вѣрю, послѣ того какъ Катенька рассказала мнѣ какъ это было.

— Охота вамъ вѣрить Катенькѣ: у всѣхъ сестеръ известная страсть — представлять братьевъ безкорыстными рыцарями, и моя любовная сестрица, на старости лѣтъ, подчинилась этой страстищкѣ.

— Развѣ Катенька старуха?

— Мы съ ней давно старики: состарились, не бывъ молодыми.

— Если вы старикъ, стало быть способны любить.

— Это уже женская логика, недоступная для меня.

— Вѣдь такъ выходитъ по вашимъ же словамъ, — вспомните, что вы сей-часъ говорили про Радина.

— Я говорилъ про настоящихъ стариковъ, какъ мой любезный дядюшка, — молодые старики не любятъ.

Онъ опять ушелъ въ свой уголокъ; водворилось общее молчаніе. Катенька сѣла за фортепяно, и заиграла что-то шумное. Зенаида и Анна Васильевна вышли изъ комнаты. Долго играла Катенька, мнѣ становилось все грустнѣе и грустнѣе; я облокотилась на столъ, и думала горькую думу, вдругъ слышу за собой голосъ Анатоля. Онъ подкрался такъ тихо, что я не замѣтила.

— О чемъ вы думаете, Елизавета Павловна?

— О тетушкиномъ отъѣздѣ.

— Развѣ вамъ неприятно оставаться у насъ?

— Напротивъ, я очень благодарна Зенаидѣ Петровнѣ за ея приглашеніе.

— Остатки дня.

Я засмѣялась.

— Ну такъ я вамъ скажу отъ души, что я рада остаться съ вашими сестрами, я очень ихъ люблю.

— А меня?

— И васъ тоже, за чтоже мнѣ не любить васъ?—вы всегда вѣжливы и любезны.

— Благодарю за лестное мнѣніе, сказалъ онъ проищаски, я тоже очень радъ, что вы остаетесь у насъ. Съ вами одни я чувствую себя способнымъ говорить откровенно. Не вѣрите ни кому, я действительно влюбленъ въ pannу Гадзиску.

Я опять засмѣялась, хотя сердце мое больно смалось.

— Вы не вѣрите!...

Да вы ее видѣли всего одинъ разъ.

— Развѣ этого мало, какъ будто нужны года, чтобы полюбить?

— Такъ зачѣмъ же вы не бывали у нихъ?

— Я далъ слово; за то я переодѣвался въ крестьянское платье, и часто бродилъ вокругъ ихъ парка, чтобъ хотя издали полюбоваться на нее. Надѣюсь, вы не выдадите моей тайны сестрамъ.

Онъ засмѣялся, и ушелъ къ себѣ.

— Что ты на это скажешь, Саша? кажется, Алексѣй Дмитриевичъ правъ; Анатолю мало цѣнить мою привязанность, если ему доставляетъ удовольствіе мучить меня. Да, мнѣ грустно, очень грустно!

25-е октября.

Опять приходится повторить милую пословицу: *Les jours nees se suivent, mais ne se ressemblent pas*. Она такъ подходитъ къ Анатолю. Вчера я уснула въ слезахъ, а сегодня не могу спать отъ счастья. День прошелъ очень скучно: съ утра пріѣхали сосѣда Туманскія—мать съ двумя дочерьми. Кажется и хозяйка была не очень имъ рады; однако деревня,—не принять нельзя, оставили обѣдать. Вяло тянулся разговоръ о пустякахъ. Анатолю не выходило вплоть до обѣда; явился онъ, и все оживилось. Онъ былъ въ духѣ, подсѣлъ къ двумъ дочкамъ и принялся оживить ихъ, я не узнавала прежняго дикаря. Да, Польша очень его развѣрила. Какъ стало темнѣть, Туманскія, слава Богу,—убрались. Наше маленькое общество усѣлось опять за гостиный столъ круглаго стола. Я принялась за вязанье дровяного

шарфа, который я обѣщала Алексѣю Дмитріевичу. Анатоль продолжалъ шалить.

— Отдайте его мнѣ, приставадь онѣ голосомъ избалованнаго ребента.

— Не могу: онѣ обѣщанъ.

— Знаю, знаю, моему любезному дялюшкѣ, — онѣ подождеть, отдайте.

— Не могу.

— Ну такъ я выдерну спицы, и онѣ дѣйствительно исполниль угрозу.

— Катенька, сказала я, посмотрите, что дѣлаеть вашѣ миленькій братецъ.

— Какъ, какъ вы сказали? перебилъ меня Анатоль.

Я молчала.

— Я миленькій, миленькій, да повторите же.

Повторите было сказано съ какимъ-то особенно нѣжнымъ выраженіемъ. Увѣрю тебя, Саша, что миленькій просто сорвался у меня съ языка, я не придавала ему никакого особеннаго значенія, кромѣ шутливаго. Развѣ бы я рѣшилась его назвать такъ, особенно при свидѣтеляхъ, при Аннѣ Васильевнѣ, начинавшей съ безпокойствомъ прислушиваться къ нашему разговору. А тутъ я вспомнила, что лаская тетушкинаго бульдога, по имени Сторожа, котораго Анатоль знаетъ и очень любить, я всегда называла его миленькимъ, и невольно засмѣялась.

— Чему же вы смѣетесь, Елизавета Павловна? спросилъ Анатоль нѣсколько обиженнымъ голосомъ.

— Я вспомнила... да нѣтъ не скажу, вы разсердитесь...

— Ужь будто я такой сердитый?

Онѣ опять ласково смотрѣлъ на меня.

— Я всегда называю миленькимъ нашего Сторожа.

Я опять засмѣялась, а онѣ какъ будто надулся на одну минуту, но вскорѣ весело продолжалъ:

— Чтожь? подѣ часъ хорошо быть и собакой, особенно сторожемъ хорошенькой женщины.

Эти послѣднія два слова были сказаны сквозь зубы.

Я вѣрю переселенію душъ... когда я умру, душа моя перейдетъ въ вашего сторожа, и тогда берегитесь!.. Конецъ вашей свободѣ! — не вязать вамъ шарфовъ, не любезничать съ молодыми людьми. Вѣрный сторожь все тутъ, какъ тутъ, — лежить себѣ смирно, а только госножа засмѣялась, на сѣдые усы

потеннѣйшаго дядюшки, онъ цапъ ее за руку и былъ таковъ.

— Какъ будто нельзя прогнать такую злую собаку?

— Попробуйте-ка прогнать меня, ужъ не одобровать никому, не исключая...

— Опять о дядюшкѣ, хорошъ племянничекъ!

— Хорошъ и дядюшка, на старости лѣтъ перебывать дорогу...

— Кому?

— Кому бы тамъ ни было! Впрочемъ пускай женится! Я такъ и быть, пожалуй, и не умру. Съумѣемъ быть сторожемъ и въ человѣческомъ образѣ:

— Еще какія выдумки?

— А вотъ увидите,—выходите за Радина: къ дядюшкѣ подѣлаться не трудно, онъ и поручитъ мнѣ охранять молоденькую тетушку. Куда самому старику таскаться по баламъ, да по театрамъ, а услужливый племянникъ тутъ, какъ тутъ,—вездѣ со- нутствуетъ тетушкѣ. Только что она разтанцуется явлюсь какъ привидѣнье. «Тетушка! дядюшка ожидаетъ васъ, онъ, кажется, боленъ». Окружающіе повѣрятъ, и придется уѣхать съ веселаго бала. О я буду страшно ревнивъ... за дядюшку.

Я засмѣялась.

— Да смѣйтесь, смѣйтесь, а тогда придется плакать, умно- ставлять грознаго Аргуса; да не безпокойтесь, я буду не умо- лить. Избави васъ Богъ протанцовать лишнюю кадриль, или проговорить четверть часа съ какимъ-нибудь франтомъ, сей-часъ дядюшкѣ доносъ; тетушку запрутъ, и останется ей одно удо- вольствіе,—общество племянника.

— Желала бы я знать, что Елизавета Павловна понимаетъ изъ всей этой галиматіи, сказала прощически Анна Васильевна.

— Не безпокойся, женщина всегда съумѣетъ понять, что ей говорить, не такъ ли Елизавета Павловна? Онъ пересѣлъ на ближнее ко мнѣ кресло, только что оставленное Зенадой, и нагнувшись, смотрѣлъ мнѣ въ глаза вопросительно ласково. Анна Васильевна вышла изъ комнаты, Катенька давно уже иг- рала на фортепьяно, мы остались одни.

— Чтожъ, вы поняли?

— Одного не понимаю, что станетъ съ вашей любовью, пока вы будете монѣ сторожемъ?

— Какой любовью?

— Къ паннѣ Гедвигѣ.

— Ахъ, я и забылъ про нее...

Онъ засмѣялся.

— А вы и повѣрили? ахъ какъ же легко обмануть женщину. Цанна Гедвига блондинка, а я терпѣть не могу блондинокъ. Что же вы отдадите шарфъ? продолжалъ онъ вырочившимъ голосомъ. Вѣдь надо же заранѣе задобрить племянничка.

Я имѣла слабость обѣщать ему, — теперь придется вязать другой для Алексѣя Дмитріевича.

5-е декабря.

Такъ мнѣ хорошо было эту недѣлю, что даже не хотѣлось записывать. Я боялась прогнать то мирное, покойное счастье, которое жило въ моей душѣ. Сегодня мы поссорились не много съ Анатодемъ, вотъ почему, я берусь за перо. Да ты не безпокойся, поссорились шутя, тутъ же и помирились только для случая Аннѣ Васильевнѣ сказать пословицу «милые бранятся только тѣшутся.» Анна Васильевна рѣшительно не въ духѣ, и вѣроятно наговорила чего-нибудь Зенаидѣ. Она начинаетъ присматриваться и прислушиваться къ нашей болтовнѣ. Да напрасно трудится: съ характеромъ Анатоля, она, своимъ противорѣчьемъ, только вызоветъ его на большее сближеніе со мною. Онъ и то начинаетъ посево-сматривать на Анну Васильевну. Катенька держитъ себя въ сторонѣ, не вѣтпивается въ наши безконечные споры, но мила и ласкова по-прежнему. Да и на Зенаиду я не могу пожаловаться: она нисколько не переиѣвилась. Быть можетъ, все это и не вошло бы мнѣ въ голову, еслибъ я не услыхала случайно одного разговора. Иду я сегодня поутру по корридорю, мимо комнаты Зенаиды, и слышу какъ Катенька говоритъ: «Зачѣмъ же ты хочешь разсердить его больного, отнять у него единственное развлеченіе?—Понятно, что ему скучно съ нами. Неужели ты считаешь Анатоля способнымъ...» Тутъ я вошла, Катенька замолчала, а Зенаида, какъ показалось мнѣ, немного сконфузилась. Разговоръ этотъ очень смущаетъ меня, что-то будетъ далѣе?

15-е декабря.

Еще нѣсколько дней безоблачнаго счастья. Благодарю тебя Господи! Будетъ мнѣ чѣмъ вспомнить свою молодость!

Даже Анна Васильевна умиловилась: не дуется, охотно и весело принимаетъ участіе въ нашей болтовнѣ съ Анатодемъ; онъ такъ милъ, покоенъ, любезенъ, какимъ я его еще не знавала; никого не дразнить, какъ бывало, а еще старается предупредить общія желанья. Однако сегодня, только сегодня,

маленькая тучка чуть чуть не разразилась, на нашем ясномъ небѣ. Анатолю очень любить читать вслухъ. Но это ему рѣшительно запрещено, еще на полгода, пока рана совершенно закроется и не оставитъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Всѣ эти дни, по вечерамъ, намъ читала Катенька, но сегодня у нея заболѣло горло, и она передала книгу Аннѣ Васильевнѣ. Надо сказать правду, она читаетъ стихи очень дурно: монотонно кривливо. Черезъ четверть часа, Анатолю съ нетерпѣньемъ вырвалъ у нея книгу.

— Можно-ли такъ читать? Право каждое ваше слово съ болью отдается мнѣ въ плечо.

И онъ прочелъ цѣлую страницу, голосъ его начиналъ слабѣть; однако онъ не слушался, не переставалъ читать. Онъ сидѣлъ возлѣ меня, и Катенька давно мнѣ показывала глазами, чтобъ я отняла книгу. Наконецъ я рѣшилась, хотя была увѣрена, что онъ разсердится, напротивъ онъ весело сказалъ мнѣ:

— Ну-есть мы слушаемъ, я еще ни разу не слыхалъ какъ вы читаете; а это очень важно: въ чтеніи, да въ музыкѣ выражается душа женщины.

Мнѣ вдругъ стало страшно, кажется я даже поблѣднѣла; однако поблѣдела себя, мы читали Кавказскаго плѣнника. Сначала голосъ мой слегка дрожалъ. Анатолю нагнулся къ книгѣ и ободрять меня взглядомъ; я скоро успокоилась, и прочла одну страницу очень хорошо, какъ никогда не случалось мнѣ читать до сихъ поръ. Я сама чувствовала, что каждое слово выговаривается именно такъ какъ выговорилъ бы его самъ Пушкинъ; особенно удалась мнѣ слѣдующія строфы:

«Ахъ! Русский, Русский для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ на вѣкъ я отдалась!»

Анатолю прервалъ восклицаньемъ.

— Чудесно! неподобно! ни чей еще голосъ не производилъ на меня такого впечатлѣнія. Bravo, Елизавета Павловна!

Ты можешь себѣ представить какъ сердце мое радостно забилось при этихъ похвалахъ, съ тѣхъ поръ я какъ задумаюсь, такъ невольно повторяю: «Ахъ? Русский, Русский, для чего»... Страшно однако, почему именно жалобы бѣдной не любимой Черкешенки выразились у меня задушевною прочаго? Зачѣмъ эти грустныя строфы, а не другія, безпрестанно звучатъ передо мною? Неужели это предчувствіе моей собственной судьбы?

Говорить, будто никогда не должно повторять грустнаго романа или грустныхъ стиховъ, что это приносить несчастье. Но это все вздоръ, Саша? Не правда-ли?

Анна Васильевна встала, походила по комнатѣ и ушла; мнѣ стало жаль ее. Однако черезъ часъ, когда мы перестали читать, она возвратилась и какъ ни въ чемъ не бывало, заговорила со мной и съ Анатодемъ.

22-е декабря.

Саша! Саша! какое небывалое смущеніе овладѣло мною; что мнѣ дѣлать? Три часа какъ мы разошлись, а я не могу не только заснуть, но даже передать тебѣ что было со мною. Анатолий, кажется, непременно хочетъ, чтобы я сказала первая... Что же мнѣ дѣлать? на что рѣшиться?—И нѣтъ никого, никого, кто бы могъ образумить меня; въ бѣдной головѣ моей одинъ хаосъ,—хаосъ невыразимаго счастья, а завтра, можетъ быть, придется дѣйствовать, рѣшать мою участь. Ты далеко, далеко, и не откликнешься на мой отчаянный призывъ. Я знаю, чтобы свазалъ теперь Алексѣй Дмитриевичъ: «Если онъ васъ любитъ, отчего же не успокоить признаньемъ? не мушину ли принадлежитъ первый шагъ въ этомъ случаѣ?» Такъ, прекрасно! Но если любя меня безгранично, онъ самъ готовъ для меня, на всевозможныя жертвы, не можетъ-ли онъ, съ его недовѣрчивымъ характеромъ, требовать, чтобы и я пожертвовала чувству,—моей женской гордостью? Анатолий именно, кажется, этого и хочетъ.

Сегодня послѣ обѣда, Зинаида съ Катенькой уѣхали къ Туланскимъ. Тетушка съ ними не знакома, мнѣ не слѣдъ было къ нимъ ѣхать, и Анна Васильевна осталась со мною. Я ушла къ себѣ въ комнату, написать къ тетушкѣ; когда я возвратилась, то застала обоихъ хозяевъ въ жаркомъ спорѣ; какъ мнѣ показалось, Анатолий очень обрадовался моему приходу.

— Все это вздоръ, говорилъ онъ, при моемъ появленіи.

— Слово вздоръ, не доказательство, отвѣчала Анна Васильевна, а вотъ лучше спросимъ у Елизаветы Павловны.

— Вотъ нашла кого спросить, какъ будто Елизавета Павловна способна чувствовать, жертвовать собою. Не совѣтую и тебѣ съ ней сблизаться, она и тебя испортитъ.

Я съ удивленіемъ слушала эти неожиданныя нападки; ничто предшествовавшее не объясняло ихъ.

— Елизавета Павловна, продолжалъ онъ, да это—олицетворенное приличіе въ бальномъ костюмѣ, котораго она не снѣ-

иметь, ни на одну минуту, а ты хочешь, чтобы она оцѣнила подобный поступокъ.

— Прежде чѣмъ произносить вашъ приговоръ, вы бы рассказали мнѣ, во крайней мѣрѣ, Анатолий Петровичъ, какой это поступокъ.

— Что и рассказывать,—я знаю заранѣе, что вы будете порицать его.

— Однако, все же надо объяснить...

— Да не въ томъ дѣло; одинъ случай ничего не доказываетъ; послушайте лучше прямо мой выводъ, вотъ онъ: Почему порядочная, любящая женщина должна непремѣнно ожидать, чтобъ мужчина сказалъ ей первый, что онъ ее любитъ? почему же она сама не можетъ предупредить его признанье?

— Почему?—отвѣчала я, вспомнивъ кстати твои слова, да потому, чтобъ оно не было также оцѣнено, какъ письма павны Гедвиги къ Лонову.

— Неужели вы всѣхъ мужчинъ считаете такими же негодяями какъ Лоновъ? Жалкая жь опытность въ ваши лѣта!

— Теперь и я у васъ спрошу, зачѣмъ же мужчинѣ ожидать признанья, когда ничто не принуждаетъ его къ молчанью?

— А если онъ не увѣренъ въ себѣ, не рѣшается?

— А женщина должна рѣшиться, когда обычай, приличіе, все противъ нея.

— Приличіе;—вотъ и выговорили ваше великое слово, вашъ оплотъ, не правъ-ли я? Женщины съ сердцемъ, такъ не рассуждаютъ; онѣ умѣютъ только любить и хорошо дѣлаютъ.

Анатолий началъ ходить по комнатѣ: онъ видимо волновался.

— А чѣмъ, скажите, женщина рискуетъ болѣе, чѣмъ мужчина? продолжалъ онъ, останавливаясь прямо противъ меня.

Анна Васильевна, какъ только онъ обратился ко мнѣ, взяла книгу и отошла въ другой уголокъ.

— Да тѣмъ, что она рискуетъ встрѣтить насмѣшку въ отвѣтъ на свой сердечный порывъ, рискуетъ упасть въ мнѣніи—, цѣлаго свѣта, который непремѣнно осмѣетъ ее.

— Насмѣшку?—вы стало быть, предполагаете, что она любить какого нибудь Лонова. Замѣьте, что я говорилъ объ истинно порядочной женщинѣ: у такой есть своего рода чутье; она не способна полюбить чловѣка, недостойнаго ея уваженія.

— Ну а если она не любима?

— Что же!—Тогда тайна ея въ рукахъ честнаго чловѣка,

зя молчаніе котораго, кромѣ его чести, ручается еще и благодарность за такое великое, съ ея стороны, довѣріе. Да этого и быть не можетъ; женщины одарены, болѣе нашего, прозрѣніемъ въ чужую душу; женщина никогда не ошибается во внушаемомъ ею чувствѣ. И какъ же долженъ будетъ любить, уважать ее, послѣ ея признанья, тотъ, кому она довѣрится такъ безгранично.

Ты можешь судить, какое впечатлѣніе произвели на меня эти слова. Я невольно задумалась, даже забыла что Анатолий передо мною; я все еще стояла, прислонившись къ печкѣ, гдѣ засталъ меня этотъ разговоръ. Молчаніе продолжалось довольно долго, вдругъ Анатолий быстро подошелъ ко мнѣ, и нагнувшись, прямо взглянулъ мнѣ въ глаза; я вздрогнула и отскочила.

— О чемъ вы задумались Елизавета Павловна?

— О томъ, по какимъ признакамъ женщина можетъ заключить, что она любима?

— О! вы не женщина, если дѣлаете подобный вопросъ.

— Можетъ быть. Но тѣмъ болѣе мнѣ нуженъ ясный отвѣтъ на мой вопросъ, вѣдь всѣ мужчины любезны съ нами; какъ же отличать обычную любезность отъ истиннаго чувства.

— Любезность,—вы хотѣли сказать вѣжливость, учтивость; конечно, всякій человекъ вѣжливъ съ женщинами, но любить онъ только ту, которую уважаетъ.

— Какъ же отличается уваженіе отъ вѣжливости?

— Съ тѣми, съ кѣмъ онъ только вѣжливъ, его отношенія ограничиваются поклонами, да пустыми свѣтскими разговорами. Ну, а если мужчина, ищетъ общества женщины, если онъ сближается съ нею, высказываетъ ей, въ минуты откровенности, свои задушевныя мысли, дорожитъ ея мнѣніемъ—онъ ее уважаетъ.

И охладѣваетъ къ ней очень скоро, отозвалась, изъ своего угла Анна Васильевна. Анатолий насмѣшливо взглянулъ на нее, и потомъ продолжалъ, обращаясь опять ко мнѣ:

— Въ такомъ случаѣ, она не рискуетъ ничѣмъ, рѣшившись первая на признаніе.

Едва успѣлъ онъ выговорить послѣднія слова, какъ вошла Зинаида съ Катенькой; онѣ не застали Туманскихъ дома. Разговоръ перемѣнился. Какъ ни старалась я скрыть свою задумчивость, она противъ воли овладѣла мною и проглядывала въ моей принужденной веселости. Анатолий безпрестанно взглядывалъ пытливымъ на меня и улыбался; но въ его улыбкѣ не было ничего

основательнаго, она только, казалось мнѣ, подтвердила высказанное имъ желаніе. Прощаясь, онъ опять, потихоньку отъ всѣхъ, назвалъ меня олицетвореннымъ приличіемъ, затушеваннымъ до удушья въ бальный корсетъ. Попалось же ему словечко! Что же скажешь ты, Саша? что мнѣ дѣлать? Боже, Боже мой! я все забываю, что почти тысяча верстъ раздѣляетъ насъ.

24-е декабря.

Сегодня все прошло тихо и благополучно; Анатолю не поминалъ о вчерашнемъ разговорѣ. Цѣлый день мы читали попеременно съ Катенькой, а вечеромъ была всенощная. Ахъ, какъ я молилась, Саша! Слава Богу, я имѣю время одуматься. Будь покойна; я кажется, никогда не рѣшусь исполнить желаніе Анатоля, да и за чѣмъ? Если онъ любитъ меня, пускай скажетъ первый!..

27-е декабря.

Какъ я стала глупо щекотлива. Правду говорятъ, что счастье балуетъ людей. Последніе три дня я жила такой блаженной увѣренностію въ привязанности Анатоля, что сдѣлалась ужъ слишкомъ взыскательна; даже на себя досадно за глупое впечатлѣніе, произведенное на меня однимъ его словомъ, даже можетъ быть пустой шуткой. А кажется я должна привыкнуть! Давно ли увѣрялъ онъ меня, что любить панну Гедвигу; но, съ отъѣзда тетюшки, онъ какъ-будто переродился, совершенно измѣнилъ наши отношенія; кромѣ милаго вниманія, да тайнственныхъ, если не прямыхъ, увѣреній въ привязанности я ничего не слышала. Вотъ почему одно слово, не гармонирующее со всею прочимъ, такъ больно отозвалось въ душѣ, что заставило меня сдѣлать глупость, въ которой я горько раскаиваюсь теперь, со страхомъ думая о завтрашнемъ днѣ: какъ-то мы встрѣтимся съ Анатодемъ?

Что же?—я принужу себя извиниться; а не хотѣлось бы: все онъ оскорбилъ меня, какъ-будто сдѣлалъ шагъ назадъ въ нашихъ отношеніяхъ, когда я считала цѣль свою до того близкою. Сегодня, пока мы еще спали, совершенно неожиданно пріѣхалъ Геннадій Петровичъ. Не знаю почему, но пріѣздъ его сдѣлалъ на меня самое непріятное впечатлѣніе: за чѣмъ бы, кажется, оставалъ ему Петербургъ въ такое веселое время? а намъ, право, и безъ него такъ хорошо жилось. По-видимому, и Анатолю не очень ему обрадовался, онъ ожидалъ отсрочки своему отпуску, рассчитывалъ на хлопоты брата по этому дѣлу, и вдругъ тотъ является въ деревню, чтобы объявить, что на полученіе отсрочки почти нѣтъ надежды. Стоило же пріѣзжать! Я узнала это.

обстоятельство отъ Катеньки, уже послѣ ужина. Знай я его врежде, я бы не сдѣлала несвоевременнаго вопроса, не накликала на себя бѣды.

Передъ обѣдомъ Анатолю ушелъ къ себѣ съ братомъ и долго толковалъ о чемъ-то. Они пришли къ намъ оба нахмуренные и недовольные, какъ казалось мнѣ, другъ другомъ. Однако Геннадій Петровичъ скоро оправился, и сталъ рассказывать петербургскія новости; Анатолю молчалъ. Мнѣ становилось досадно, я уже отвыкла видѣть его въ дурномъ расположеніи духа. Едва кончился обѣдъ, онъ опять ушелъ и не приходилъ до восьми часовъ. Досада моя прошла, я уже начинала жалѣть его и все ходила одна по залѣ, въ надеждѣ его встрѣтить и, можетъ быть, утѣшить, успокоить. А между тѣмъ, пріѣхалъ одинъ молодой человѣкъ, пашъ сосѣдъ, который почему-то не любитъ меня. У насъ, уже не разъ, бывали съ нимъ непріятныя столкновенія не разъ доставалось мнѣ за него отъ тетушки. Наконецъ ожиданія мои исполнились: Анатолю вошелъ въ залу, но пасмурный, грустный, какимъ я его давно не видала.

— Что съ вами? гдѣ вы были такъ долго? спросила я его съ искреннимъ участіемъ.

— Спалъ.

— Вы не здоровы?

— Здоровъ.

— Что же съ вами? Отъ чего же?...

— Отъ чего я не въ дѣхѣ? — васъ видѣлъ во снѣ, отвѣчалъ онъ, иронически улыбаясь.

Въ груди у меня закипѣло: я чувствовала, что способна сказать какую-нибудь дерзость; избѣгая испушенія, я быстро возвратилась и пошла въ гостиную, внутренне обѣщая себѣ отстоять какимъ бы то ни было образомъ.

Случай представился очень скоро. Я еще поутру замѣтила, что Анатолю былъ какъ будто не доволенъ, когда я вступила въ длинный разговоръ съ его братомъ. Я хотѣла принудить себя, чтобы изгладить въ Геннадіѣ Петровичѣ впечатлѣніе нашей послѣдней встрѣчи, хотя говорить съ нимъ мнѣ очень не хотѣлось; а теперь, я готова была любезничать со всякимъ, не исключая и моего врага сосѣда. Эти господа какъ будто отгадали мои желанія, и оба подѣли ко мнѣ. У насъ вскорѣ завязался какой-то споръ.

Теперь я не придумно даже корошечко, въ чемъ было дѣ-

ло: кажется, мы спорили отъ того, что просто не понимали другъ друга Я противорѣчила имъ, чтобъ только продлить время, — душа моя была въ залѣ, откуда слышались шаги Анатоля. Что-то чувствуетъ онъ теперь, думала я, и продолжала съ жаромъ мой возраженъя.

— Елизавету Павловну не переспоришь, сказалъ наконецъ съ явнымъ нетерпѣньемъ Геннадій Петровичъ. Дѣйствительно, я, должно быть, спорила глупо, не поддавалась, быть можетъ, самымъ очевиднымъ доводамъ. Споръ былъ для меня не цѣлью доказать мое мнѣніе, а средствомъ отмстить Анатолю. Мои противники не могли знать этого, къ тому же сосѣдъ человекъ вспыльчивый, нетерпѣливый; ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ отвѣчалъ Геннадію Петровичу явной дерзостью для меня; онъ сказалъ:

— Да и зачѣмъ трудиться? знаете пословицу.

— Какую, спросилъ Челищевъ?

— Какъ въ стѣну горохъ, отвѣчалъ сосѣдъ очень дерзкимъ голосомъ.

Не знаю, что сдѣлалось съ всегда вѣжливымъ Геннадіемъ Петровичемъ? Вѣрно ужъ онъ очень не влюбилъ меня, когда рѣшился поддержать сосѣда.

— Пословица, кажется, кстати, сказалъ онъ, улыбаясь, — какъ вы думаете Елизавета Павловна?

Тутъ я очнулась отъ преслѣдовавшей меня думы. Смутно понимая, что произошло что-то не должное, что мнѣ слѣдовало остановить ихъ, я не находила словъ для рѣзкаго отвѣта. У Катеньки сверкнули глаза, какъ всегда бываетъ, когда ее что-нибудь разсердитъ.

Катенька! послышался въ эту минуту изъ залы, какъ будто дрожащій голосъ Анатоля; она пошла къ нему, и черезъ секунду вернулась; Геннадій Петровичъ повторилъ свой вопросъ.

— Елизавета Павловна вѣроятно думаетъ, отвѣчала за меня Катенька, что напрасно начала разговоръ съ людьми, которые не умѣютъ поддерживать его приличнымъ образомъ для порядочнаго общества.

Геннадій Петровичъ сконфузился и замѣтно неприязненно взглянулъ на сестру; сосѣдъ видимо обиженный, всталъ и отошелъ къ окну; я молчала, какъ вдругъ вошелъ Анатоль съ сверкающими глазами, блѣдный.

— Мнѣ вспомнилась еще пословица, Геннадій, сказалъ онъ насмѣшливо, да изъ уваженія къ дамамъ я ее не повторяю.

И у старшаго брата засверкали глаза; сосѣдъ уткнулся въ окно; я же, просто, хотѣла провалиться сквозь землю, такъ мнѣ было совѣстно за себя и за все. Странно, не смотря на защиту Анатоля, не смотря на его блѣдность, явно говорящую объ участіи, принятомъ имъ въ моемъ оскорбленіи, — досада моя на него не пропадала. Чтобъ прекратить какъ-нибудь тягостное молчаніе, водворившееся послѣ словъ Катеньки и Анатоля, я обратилась къ Геннадію Петровичу съ вопросомъ: привезли-ли съ почты газеты?

— Еще нѣтъ, отвѣчалъ Анатоль.

— Что вы сказали, Елизавета Павловна, спросилъ, не разслыхавшій меня Геннадій Петровичъ.

— Привезли-ли съ почты газеты?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ онъ.

— Развѣ вы мнѣ не вѣрите, сказалъ Анатоль грустнымъ голосомъ, нагибаясь ко мнѣ.

— По несчастью, не всегда можно вѣрить тому, что вы говорите, отвѣчала я насмѣшливо, иначе бы пришлось имѣть объ васъ очень не лестное для васъ мнѣніе. Досада моя разразилась, — я была очень довольна собою, пока не взглянула на Анатоля: онъ смотрѣлъ на меня такъ грустно, и вышелъ изъ комнаты. Сосѣдъ сталъ прощаться. Мы вскорѣ сѣли за молчаливый ужинъ, и тотчасъ же разошлись. Анатоль какъ тогда исчезъ, такъ и не возвращался.

Едва успѣла я раздѣться, какъ ко мнѣ вошла Катенька и, послѣ нѣсколькихъ пустыхъ словъ, начала разговоръ объ Анатоля.

— Ему отказываютъ въ отсрочкѣ его отпуска, сказала она; придется ѣхать въ Петербургъ, а онъ еще не совсѣмъ оправился, онъ такъ огорченъ, а вы еще больше огорчили его, Лиза.

— Я? — чѣмъ же?

— Я не слыхала, что вы ему сказали, но видѣла, что ему не понравился вашъ отвѣтъ. Скажите, что съ вами Лиза? я еще никогда не видала васъ въ такомъ дурномъ расположеніи духа. Надо правду сказать, вы говорили сущій вздоръ Геннадію, а все же я удивляюсь, какъ онъ могъ забыться до такой степени: это совсѣмъ на него не похоже. Вы, пожалуйста, его извините.

— Я, право, не сержусь на Геннадія Петровича, сказала я,

сильно краснѣя, я сама должна просить у васъ прощенья; мнѣ такъ совѣстно что я дала поводъ къ такой непріятной сценѣ. Я боюсь, что Сумскій разсердился и перестанетъ къ вамъ ѣздить.

— Богъ съ нимъ, я буду очень рада, я не люблю его. Она заговорила о Сумскомъ, и мы вскорѣ разстались.

29-е декабря.

— Саша, знаешь-ли что: черезъ недѣлю мы всѣ уѣзжаемъ въ Петербургъ. Господи, у меня духъ захватываетъ отъ восторга, и я не знаю въ состояніи-ли я буду тебѣ рассказать, какъ это случилось.

Вчера, послѣ ужина, я было собралась писать тебѣ, какъ вошла ко мнѣ Катенька и объявила, что намѣрена сообщить нѣчто важное.

— Ахъ извините, вы пишете, такъ прощайте до завтра—еще успеется. Мнѣ вдругъ стало страшно: я думала, ужъ не узнала-ли она о скоромъ возвращеніи тетушки.

— Что такое? ради Бога не мучьте меня Катенька скажите скорѣе.

— Ахъ какія вы смѣшныя! Чего же вы испугались? скажите правду,—хотѣли бы вы побывать въ Петербургъ?

Не знаю что сдѣлалось со мной въ эту минуту, я кажется помѣшалась—это такъ на меня не похоже,—не удержать порыва и изъ такихъ пустяковъ броситься къ Катенькѣ на шею,—она разсѣялась.

— Такъ Анатоля правъ, вамъ этого очень хочется? Радуйтесь же, мы на-дняхъ уѣзжаемъ на всю остальную зиму до поста.

— Какъ это вы рѣшились такъ скоро? Еще третьяго-дня Зенаида Петровна говорила, что всю зиму не выѣдетъ изъ деревни.

— Благодарите Анатоля, онъ сей-часъ уговорилъ ее, и не безъ труда. Меня же нечего было уговаривать: мнѣ такъ не хотѣлось отпустить его одного; а на-дняхъ ему пришлось бы уѣхать. Въ эту минуту мнѣ захотѣлось опять броситься къ ней на шею. Но будь покойна, я удержалась, не сдѣлала вторичной глупости; да, въ этотъ разъ и радость моя была болѣе глубока:—не ребяческое удовольствіе увидать наконецъ Петербургъ.

Долго толковали мы и строили разные планы; Катинька переродилась. Видно она скучаетъ въ деревнѣ; или она такъ страстно любитъ брата, что надежда не разставаться съ нимъ заставляла ее измѣнить своей обычной холодности.

Геннадій Петровичъ уступаетъ сестрамъ свою квартиру, — самъ онъ будетъ жить съ Анатолемъ въ казармахъ ихъ полка. Онъ уѣдетъ 1 или 2 января, и все устроитъ съ своимъ домохозяйномъ: необходимо будетъ прибавить еще комнату. А право, это очень шло съ его стороны — жертвовать сестрамъ своимъ комфортомъ.

Мы проболтали съ Катенькой до четырехъ часовъ, и я ухитрилась такъ заспать, что самоваръ уже сняли со стола, когда я сегодня поутру вошла въ гостиную. Анатолий засуетился, и замѣтивъ, что мнѣ было совѣстно, сталъ увѣрять меня, что онъ тоже поздно всталъ и не пилъ чаю.

— Похозяйничайте для насъ обоихъ, Елизавета Павловна, сказалъ онъ, подвигая мнѣ стулъ къ самовару и самъ усаживаясь такъ, чтобы нѣсколько заслонить меня отъ остального общества, разиѣстившагося въ другомъ концѣ гостиной. Онъ сей-часъ же заговорилъ о Петербургѣ. Видно Катенька уже успѣла рассказать ему о моемъ вчерашнемъ восторгѣ. Вообрази, Саша, ему, кажется, понравилась моя ребяческая выходка! — онъ не смѣлся надо мною, а радушно сочувствовалъ моему удовольствію, обѣщая показать мнѣ все примѣчательное въ Петербургѣ. По-видимому онъ самъ радовался, что ему удалось порадовать меня. Мнѣ было очень, очень весело. Въ разговорѣ съ нимъ Петербургъ казался мнѣ какимъ-то волшебнымъ городомъ. Откуда же моя настоящая тоска? А она все продолжается, какъ не убѣждаю я себя, что глупо тосковать при такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ.

Анатолий попросилъ другой стаканъ чаю, и очень любезно сдѣлалъ мнѣ комплиментъ на счетъ моего умѣнья хозяйничать.

— Да, пріятно бы имѣть такую хозяйку всегда, прибавилъ онъ шепотомъ, нагибаясь къ стакану.

Я невольно вздрогнула; мнѣ казалось: вотъ желанная минута наступила.

— Что съ вами, Елизавета Павловна?

— Ничего, я обожглась, и.... извините, не разслышала, что вы сей-часъ сказали.

Я? я говорилъ, что чай очень вкусенъ.

Тѣмъ и кончилось; къ намъ подходила Анна Васильевна, и попросила чаю.

А все же мнѣ не объ чемъ грустить, Саша, неправда-ли?

1 января 1833 года, въ 2 часа по полуночи.

Поздравляю тебя съ новымъ и, надѣюсь, хорошимъ годомъ!

Дай Богъ, моя Саша, чтобы ты встрѣтила его также счастливо какъ я. Судьба моя рѣшена, или почти рѣшена; она у меня въ ридикюль, въ формѣ отвѣта на одинъ вопросъ Анатоля. Я отдаю его ему при прощаньи. Онъ уѣдетъ раньше насъ, съ Геннадіемъ Петровичемъ. Какъ ни настаивалъ онъ, а сегодня, при столькихъ свидѣтеляхъ у меня не хватило духу передать въ его руки мою судьбу, и тутъ же прочесть ея рѣшеніе въ его глазахъ.

Не брани меня, Саша; жребій брошенъ, отвѣтъ написанъ, будь что будетъ! Однако прощай! Я такъ счастлива, что чувствую потребность молиться. Завтра я все расскажу тебѣ.

1 января, среди дня.

У насъ все суетится, укладывается, дѣлаетъ разныя распоряженія, такъ что мнѣ ничего не осталось, какъ уйти въ свою комнату, и писать къ тебѣ. Сегодня въ ночь, братья уѣзжаютъ и Анна Васильевна ѣдетъ съ ними, не смотря на явное сопротивленіе Зенаиды. Она говоритъ, что ей надо окопироваться, что послѣ траура ей нечего надѣть, и не слушая никакихъ убѣжденій, поставила-таки на своемъ.

Надо тебѣ сказать, что многія изъ нашихъ сосѣдокъ, имѣютъ виды на Геннадія Петровича. Узнавъ о его пріѣздѣ въ деревню, у насъ неожиданно собралось цѣлое общество встрѣчать новый годъ, что не совсѣмъ было пріятно хозяйевамъ, а мнѣ еще менѣе ихъ. Да что дѣлать? деревня: не принять нельзя. А чѣмъ занять гостей? Танцевать не съ кѣмъ, всего четыре кавалера; разговаривать, о чемъ? Анатоль, какъ балованный ребенокъ, рѣшительно отказался ломать себѣ голову; всѣ хлопоты пали на Геннадія Петровича, какъ виновника неожиданнаго сѣзда. Онъ вздумалъ показывать разныя фокусы картами. Какъ нарочно, я ихъ всѣ знала, и постоянно угадывала. Вдругъ ко мнѣ подходитъ Анатоль съ колодою картъ:

— Давайте держать пари, Елизавета Павловна, что вы не угадаете моего фокуса.

— Давайте, я увѣрена, что угадаю.

— Увидимъ! И такъ, по рукамъ? Mesdames, вы свидѣтели?

— Но что же мы выигрываемъ другъ у друга?

— Погодите, дайте подумать. Мнѣ хочется по-строже наказать васъ за вашу догадливость. Катенька, помоги мнѣ придумать: что бы потребовать отъ Елизаветы Павловны.

— Объясни ее, если выиграешь, никогда не спорить, отвѣчала Катенька.

— Какъ не спорить? сказала я, то есть соглашаться со всеми, во всемъ, не имѣть своего мнѣнья? да эдакъ никто не будетъ и говорить со мною? За что же хотите вы лишить меня удовольствія разговаривать?

Катенька отошла уже отъ насъ; за нея отвѣчалъ Анатоль.

— Спорьте, но не слишкомъ.

— Какъ же прикажите? По градусамъ что-ли?

— Вы очень хорошо знаете о какомъ спорѣ говорить Катенька, зачѣмъ же притворяться, что не понимаете. Я сконфузилась, а между тѣмъ, пока длились наши переговоры, Геннадій Петровичъ выдумалъ какой-то мудреный фокусъ, и привлекъ къ себѣ общее вниманіе. Мы остались съ Анатодемъ наединѣ, не смотря на то, что около меня сидѣло нѣсколько дѣвицъ. Только глаза Анны Васильевны продолжали, по обыкновенію, слѣдить за нами.

— Положимъ что я поняла. Развѣ не бываютъ такіе случаи, что спорить потому, что надо, что хочется спорить, но совѣсть не съ той цѣлью, чтобы доказать свое мнѣнье.

— Не понимаю это что-то слишкомъ по-женски, мудрено для меня: спорю потому, что надо спорить.

— Однако это такъ было.

— Послушайте Елизавета Павловна! Если по милости Катеньки, мы коснулись этого предмета (самъ бы я не осмѣлился) зачѣмъ говорить загадками. Скажите прямо: что было съ вами въ тотъ вечеръ? Я никогда не видалъ васъ такою...

— Капризною?

— Это говорите вы, а не я; но дѣло не въ томъ, скажите лучше мнѣ: за что отвѣчали вы мнѣ такъ не милостиво? Я рѣшительно не понимаю зачѣмъ могъ я васъ оскорбить моимъ вѣщательствомъ въ вашъ разговоръ съ Геннадіемъ. По крайней мѣрѣ могу васъ увѣрить, что у меня не было намѣренія оскорбить васъ.

— Я и не подозрѣвала васъ въ этомъ намѣреніи.

— Такъ отчего же вы разсердились?

— Я была сердита на васъ раньше.

— Были сердиты раньше? За что же? Ничего не понимаю.

— Помните, вы мнѣ сказали въ этотъ вечеръ, что вы не въ духѣ, потому что видѣли меня во снѣ.

— Охота же вамъ обращать вниманіе на то, что я болтаю.

А я вѣдь думалъ, что вы разсердились потому, что я помѣшалъ вашему разговору.

— Мнѣ въ сущности вовсе не хотѣлось говорить, я все время думала о другомъ.

Анатолий улыбулся какъ-то симпатически лукаво.

— Все же не понимаю. Положимъ, я сказалъ глупость; но вѣдь я говорю ихъ часто, вы должны съ этимъ согласиться, и однако вы не сердитесь. Даже, еслибъ я и дѣйствительно былъ не въ духѣ именно потому, что видѣлъ васъ во снѣ,—за чтожъ бы было сердиться, и еще такъ долго?

— За что?

— Ну, да. Если хотите, чтобъ я понялъ, говорите яснѣе. Я молчала.

— Говорите же, Елизавета Павловна. Я жду, говорите.

Маленькій столъ раздѣлялъ насъ; я сидѣла, положила на него руки. Онъ нагнулся, и прямо смотрѣлъ мнѣ въ глаза своимъ яснымъ, говорящимъ взглядомъ, который высказывалъ мнѣ, что онъ понимаетъ меня, но хочетъ, чтобы я призналась ему словами. Взглядъ этотъ притягивалъ меня къ себѣ какимъ-то чуднымъ обаяньемъ, я не могла отвести отъ него глазъ, голова моя кружилась,—я молчала.

— Да говорите же... я жду, говорите, повторялъ онъ.

— И теперь не понимаете? наконецъ выговорила я съ усиленіемъ.

— Говорите.

Я показала ему глазами на окружающихъ.

— Какъ-будто женщина не суждетъ говорить такъ, чтобъ ее слышалъ только тотъ, кому нужно.

— Нѣтъ, не могу, отвѣчала я,—послѣ...

Я быстро встала, и подошла къ Катенькѣ. Тамъ толковали объ игрѣ въ вопросы и отвѣты. Сначала Анатолий отказывался играть; увѣрялъ, что онъ слишкомъ глупъ для jeux d'esprit, а потомъ вдругъ согласился, взглянувъ на меня.

— Вотъ случай сказать недосказанное, шепнулъ онъ мнѣ; я пойму полуслово.

Я отвернулась, какъ-будто не слыхала.

Началась игра. Должно быть, всѣ были очень остроумны, по крайней-мѣрѣ безпрестанно раздавался веселый смѣхъ; я смѣялась машинально вмѣстѣ съ другими, машинально писала вопросы и отвѣты, сама не понимая, что пишу.

Знаешь-ли ты эту игру, Саша? — Всѣ пишутъ по-нѣскольку вопросовъ, потомъ ихъ раздаютъ, кому какой достанется для отвѣта. Если случится, что вопросъ попадетъ тому же, кто написалъ его, то должно разсмѣяться. Слѣдя за Анатодемъ, я замѣтила, что онъ спряталъ за рукавъ одну бумажку. Когда уже начали писать отвѣты, онъ обратился ко мнѣ:

— Миѣ попался мой собственный вопросъ; разѣйместесь, Елизавета Павловна.

Онъ отдалъ мнѣ спрятанную бумажку, а у меня взялъ другую. Онъ спрашивалъ: «Когда женщины говорятъ, да не договариваютъ?» Я отвѣчала: «Когда онѣ любятъ такъ глубоко, что не умѣютъ высказаться словами», и хотѣла положить къ другимъ отвѣтамъ, да не рѣшилась; я чувствовала, что выдамъ себя, когда стану громко читать написанное мною. Тогда я прибавила: «Довольны-ли вы теперь, Анатолій Петровичъ? довольны-ли тѣмъ, что я первая говорю, что я люблю васъ?» и надписала свое полное имя. Ужь если довѣряться его чести, такъ довѣряться вполнѣ.

Бумажка эта и теперь лежитъ передо мною, но я твердо рѣшилась отдать ее, и отдамъ сегодня вечеромъ, при прощаньи. Ахъ, какъ страшно, Саша! какъ замираетъ сердце, — но вѣдь надо же кончить?

Когда гости стали разѣзжаться, Анатолий подошелъ ко мнѣ:

— Я видѣлъ, какъ вы писали отвѣтъ на мой вопросъ, онъ принадлежалъ мнѣ, отдайте.

— Не теперь, послѣ.

— Отдайте теперь, я такъ хочу.

— Не могу, послѣ...

— Смотрите, не раскайтесь, я хочу теперь, а послѣ, быть можетъ, и не захочу читать его.

— Не могу.

— Ну, какъ хотите, — станете раскаяваться, да будетъ поздно. И онъ съ досадою отошелъ отъ меня.

Сегодня поутру, за чаемъ, онъ все смотрѣлъ мнѣ въ глаза, какъ будто чего-то ожидая. Непремѣнно отдамъ при прощаньи; будь что будетъ!

1 января, послѣ ужина.

Все кончено, судьба моя рѣшилась, записка моя въ рукахъ Анатоля. Они уѣхали и Анна Васильевна съ ними. Когда всѣ

пошли провожать ихъ въ переднюю, я, стоя въ залѣ, взглядомъ подозвала къ себѣ Анатоля.

— Вотъ мой отвѣтъ, шепнула я ему, подавая бумажку, прочтите его въ Петербургѣ. Общаете?...

— Слушаю-съ, будетъ исполнено въ точности.

Онъ при мнѣ положилъ ее въ портфель. Но что-то голосъ его неприятно отозвался въ моемъ сердцѣ: онъ былъ слишкомъ однозвученъ, я ожидала больше радости съ его стороны. Ахъ, какъ страшно.

Саша! Что если онъ меня не любитъ? Что будетъ со мною? Да не слишкомъ-ли я требовательна? Онъ меня же берегъ, не выказывая своего чувства. Нашъ Аргусъ—Анна Васильевна была не далеко. Я мучаю себя напрасно, не правда-ли? Страшно, очень страшно!

7 февраля.

Я болѣе недѣли въ Петербургѣ, и сегодня первый день имѣю настолько силы, чтобы писать къ тебѣ. Я больна и душою, и тѣломъ; впрочемъ, сегодня я покойна, могу рассказать все по порядку. Всѣ уѣхали на балъ; я употребила хитрость, и осталась. Я бы не была въ состояніи вмѣшаться въ веселую толпу, танцовать; я бы непременно надѣлала глупостей.

Вотъ уже часъ, какъ я сижу одна, и думаю, думаю... и все не могу понять Анатоля. Зачѣмъ, къ чему было настаивать? Неужели весело насмѣяться надъ бѣдной, неопытной дѣвушкой? Саша! вѣдь онъ не любитъ меня! Роковое, страшное слово произнесено. Ахъ какъ мнѣ было тяжело написать его! А быть можетъ, я и ошибаюсь; быть можетъ, это новое испытаніе моей привязанности. Но когда же будетъ конецъ этимъ испытаніямъ? силы мои истощаются. Развѣ онъ не замѣчаетъ этого?

Мы пріѣхали во вторникъ на прошлой недѣли, поздно вечеромъ; одинъ Геннадій Петровичъ встрѣтилъ насъ на квартирѣ, Анатолю и Аннѣ Васильевнѣ были на вечерѣ. Правда, они не ожидали насъ ранѣе слѣдующаго дня, но все же его отсутствіе вмѣстѣ съ нею неприятно поразило меня, какъ предназначающее горькой моей участи. Да ты видѣла, что съ той самой минуты, какъ я отдала ему роковой отвѣтъ, печальныя предчувствія постоянно меня преслѣдовали. Да ужъ поздно было, не передѣлать сдѣланнаго! Отчего не послушалась я совѣта Алексѣя Дмитріевича? По крайней-мѣрѣ, я бы смѣло смотрѣла теперь въ глаза Анатолю, а то краснѣть передъ нимъ, чувствовать свое

униженіе, ежеминутно бояться насмѣшки! Ужасно!... Ахъ, Саша! какъ тяжело рассказывать!—Я, кажется, никогда не дойду до той страшной минуты, когда на слѣдующее утро, сидя за чаемъ, я услышала звонокъ, и вскорѣ за нимъ шаги Анатоля. Сердце мое замерло, въ глазахъ потемнѣло, я не имѣла силы встать, чтобъ ему поклониться. Я ничего не видала и не слышала, какъ онъ здоровался съ сестрами—не знаю, сколько прошло времени до тѣхъ поръ, пока онъ заговорилъ со мною. При первомъ звукѣ его голоса, обращенномъ ко мнѣ, я вдругъ почувствовала, что все кончено для меня.—Такъ былъ не похожъ этотъ голосъ на тотъ, который я привыкла слышать послѣднее время. Я пересилила себя, и взглянула на него, глаза наши встрѣтились. О, какимъ страшнымъ холодомъ повѣяло на меня отъ его взгляда! Я какъ-то невольно закрыла глаза, и должно быть, очень поблѣднѣла. Зенаида бросилась ко мнѣ:

— Что съ вами, Лиза?

— Ничего, кружится голова, должно быть, закачало дорогой.

Я опять взглянула на Анатоля, ожидая, даже быть можетъ, выдѣливая взглядомъ, его участие; а онъ уже ушелъ въ гостиную на встрѣчу къ Аннѣ Васильевнѣ, которая, только что пріѣхала отъ своихъ родственниковъ, гдѣ жила все это время. Шумный говоръ начался между ними и Катенькой, я почувствовала, что опять блѣднѣю. Зенаида отвела меня въ мою комнату. Въ какомъ-то безчувственномъ состояніи бросилась я на постель и пролежала безъ всякой опредѣленной мысли, вплоть до обѣда. За обѣдомъ Анатоля не было, и я успѣла увѣрить себя, что мнѣ все это показалось: вѣдь не могъ же онъ, уговаривала я себя, объясниться со мною при сестрахъ, и съ нетерпѣніемъ ожидала вечера. Наступилъ и вечеръ: къ намъ съѣхалось нѣсколько человѣкъ дамъ и мужчинъ. Пользуясь тѣмъ, что я никого не знала, я пошла бродить одна по первой комнатѣ, въ надеждѣ встрѣтить Анатоля. Дѣйствительно, онъ скоро пріѣхалъ. Небрежно спросилъ онъ у меня о здоровьи, и спѣшилъ проскользнуть. Я остановила его словами:

— Что вы мнѣ скажите хорошенькаго Анатолій Петровичъ?

— А я хотѣлъ спросить васъ о томъ же. Впрочемъ, вы не успѣли еще видѣть Петербурга. Завтра мои сани къ вашимъ услугамъ, я дежурный. Поѣзжайте кататься съ Катенькой.

— Только-то?..

— Извините, билета въ эрмитажъ я еще достать не успѣлъ, доставу послѣ завтра.

Я не выдержала долѣе, отвернулась отъ него, и залилась слезами. Онъ видѣлъ мои слезы, и все же, не говоря болѣе ни слова, ушелъ къ сестрамъ. Къ счастью, я могла пройти черезъ кухню въ свою комнату, и проплакала цѣлый вечеръ. Когда меня звали пить чай, я притворилась спящей. На другой день въ 12 часовъ пріѣхали сани, Катенька повезла меня по лучшимъ улицамъ и магазинамъ. Право, Саша, я ничего не видала, ничего не помню.

— Да что съ вами Лиза? безпрестанно спрашивала меня Катенька, вы вѣрно больны?

Наконецъ я рѣшилась ей сказать, что, должно быть, я простудилась дорогой. Она тотчасъ же велѣла ѣхать домой, и хотѣла послать за докторомъ. Едва уговорила я ее, не дѣлать столько хлопотъ изъ пустяковъ. Однако моему нездоровью вѣрять, особенно съ тѣхъ поръ, какъ случайно заѣхавшій докторъ Геннадія Петровича нашелъ у меня лихорадочный пульсъ, и совѣтывалъ мнѣ беречься. Я все сижу дома съ Зенаидой. Она начинаетъ понимать причину моей болѣзни, но не спрашиваетъ меня; и за то спасибо. Анна Васильевна не живетъ съ нами; подъ предлогомъ что здѣсь тѣсно, она осталась у своихъ родственниковъ, гдѣ, большей частью, пребываетъ и Анатолий съ Катенькой. Я рѣдко вижу его. При сестрахъ онъ еще довольно привѣтливъ со мною: говорить о Петербургѣ, о новостяхъ, иногда шутить и спорить по-прежнему; когда же намъ случается встрѣчаться вдвоемъ, или при Аннѣ Васильевнѣ, отъ него вѣетъ крещенскимъ морозомъ!

Знаешь, Саша, какія на меня находятъ страшныя минуты, вотъ какъ теперь: я начинаю понимать состояніе самоубійцы... Взведенъ курокъ, одно мгновенье, и все кончено... все забыто. Да, кажется, я имѣла бы силу... Господи, прости моему отчаянію! Подкрѣпи меня ты, милосердый! Прости и ты, моя Саша! Не буду, не буду больше такъ думать, стану молиться. Помолись и ты за меня!

20-е февраля.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, моя Саша, какъ я писала ужасныя послѣднія строки. Я много молилась, и Богъ подкрѣпляетъ меня: я образумилась. Не спрашивай только, что происходитъ со мною: слишкомъ больно рассказывать. Со дня на день

все идетъ хуже и хуже: теперь и при сестрахъ, Анатолю очень рѣдко разговариваетъ со мною. Я вижу, я убѣждаюсь, что онъ любитъ Анну Васильевну. Зачѣмъ же было?... Я такъ слѣпо, беззавѣтно вѣрила ему. Да что вспоминать прошлое, стараго не воротишь. Благодарю Бога, что я, по крайней мѣрѣ, могу притворяться покойной, если не веселой. Веселье, радость, счастье эти слова какъ-то странно звучать теперь для моего слуха. А вѣдь мнѣ всего двадцать лѣтъ, Саша! Что же ждетъ меня впереди?... Длинная, длинная безцѣльная жизнь. Ахъ, когда бы скорѣе вернулась тетушка! я бы, по крайней мѣрѣ, не видала... чтобы Алексѣю Дмитриевичу прѣхать въ Петербургъ? было бы съ кѣмъ отвести душу. Затаенное горе душитъ меня. Я уже собралась совѣмъ писать къ нему, да духу не хватило. Какъ пересказать ему все, что было со мною? Какъ перенести его презрительный взглядъ за мои безумные поступки, за полное забвеніе всякаго женскаго достоинства: мнѣ повелѣвали и я слушалась.

Зенаида окончательно оправилась, и стала выѣзжать. Нельзя же мнѣ было одной сидѣть дома: пришлось проводить цѣлые дни у ихъ родственниковъ, видать безпрестанно Анатоля возлѣ Анны Васильевны. Они безжалостны ко мнѣ, нисколько не стѣсняются... Правда, и я была безжалостна когда-то... Только тяжело, Саша. Первое время я чувствовала даже, что мысли мои мутятся; сижу, бывало, истукаюмъ, ничего не понимаю что дѣлается и говорится вокругъ меня. Хозяева попробовали заняться мною, да увидали, что не добиться толку, и оставили меня въ моемъ уголку. Въ одинъ вечеръ ко мнѣ подѣлъ братъ хозяйки, молоденькій юнкеръ, только что поступившій въ полкъ Анатоля. Должно быть, онъ уже очень усердно старался занимать меня, я незамѣтно разговорилась. Съ тѣхъ поръ мы большіе друзья; онъ влюбленъ, и повѣряетъ мнѣ свои сердечныя тайны. И больно, и сладко мнѣ выслушивать его молодую, довѣрчивую любовь. Когда-то и я была какъ онъ; теперь же, мнѣ кажется, что тысяча лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Я думаю, что во всякомъ чувствѣ одинъ кто нибудь — непременно souffre doublemъ другого, тотъ кто истинно любить; но не хочу его разочаровывать, еще успѣть. За нами ужъ начинаютъ подмѣчать и подсмѣиваться надъ нашей дружбой. Пускай, мнѣ все равно. Одного боюсь я, чтобъ Анатолю не вообразилъ, что я стараюсь возбудить его ревность. Только этого униженія не доставало!

26-е февраля.

Какъ тяжело и грустно на сердце, тяжелѣе даже, чѣмъ было все это время. Мнѣ кажется, я не люблю больше Анатоля: по крайней мѣрѣ я вижу въ немъ такого дюжиннаго, пошлаго человека, что за себя больно, когда я думаю о моей безумной любви. Онъ, котораго я ставила такъ высоко, въ моемъ безпредѣльномъ къ нему уваженіи и довѣрїи, онъ похожъ на всѣхъ, даже на полковника Церлинскаго. Саша! Это типъ необразованнаго армейскаго офицера. Помнишь, какъ двое изъ нихъ ѣздили, бывало, къ намъ въ деревню, при твоей незабвенной мамашѣ, и она еще насъ бранила, когда мы смѣялись надъ ними. Церлинскій очень напоминаетъ мнѣ маіора: онъ не глупъ отъ природы, но такъ же грубъ во всѣхъ своихъ мнѣніяхъ и поступкахъ; и онъ, онъ объяснилъ мнѣ Анатоля—стало быть между ними есть духовное родство, и въ своей болѣе изящной формѣ Анатоль внутренно похожъ на Церлинскаго. За что же я люблю его?... Церлинскій увѣряетъ, что всѣ мужчины на одинъ ладъ, да мнѣ не хочется вѣрить... Впрочемъ, пускай ужъ лучше всѣ, чѣмъ одинъ Анатоль! Неужели же мое безумное сердце могло такъ ошибиться, выбрать худшаго изъ всѣхъ?...

15-е марта.

Еще шагъ впередъ въ моемъ грустномъ разочарованїи: вчера я узнала многое, что нѣсколько разъясняетъ поведеніе Анатоля со мною.

Когда Анатолю былъ еще двадцать одинъ годъ, а Аннѣ Васильевнѣ осмынадцать, онъ хотѣлъ непременно жениться на ней; едва уговорила его Зенаида подождать до болѣе серьезнаго возраста; да и мать ея не соглашалась. Оба семейства очень не желали этой свадьбы, ихъ даже попробовали, было, разлучить. Анатоль страшно упрямъ и настойчивъ: препятствія со стороны родныхъ раздражили его до такой степени, что онъ задумалъ увезти Анну Васильевну. Все было подготовлено, она почти согласилась. Наденька Лукская, которая имѣла тогда на нее болѣе вліяніе, уговорила ее не рѣшаться на такой необдуманнѣйшій шагъ, и все рассказать матери. Увидавъ, что дѣло плохо, что строгостью только все испортишь, Анну Васильевну стали попрежнему отпускать къ Челищевымъ. Анатоль долго не могъ простить ей открытіе ихъ тайны; онъ былъ страшно раздраженъ, и вѣроятно, изъ мщенья, чтобы помучать ее, началъ уха-

живать за мною. Анна Васильевна дѣйствительно сильно ревновала его, но на всѣ ея упреки, онъ отвѣчалъ только: что онъ желаетъ быть истинно, глубоко любимымъ, что ему не нужно тепленькаго чувства съ позволенія маменьки, что если онъ убѣдится, что я способна полюбить его такъ, какъ онъ желаетъ быть любимымъ, то непременно на мнѣ женится. У нихъ бывали очень бурныя сцены до отъѣзда его въ Польшу; сестры не знали какъ смирить ихъ, какъ скрыть все это отъ постороннихъ. Съ помощью Катеньки, Анна Васильевна стала замѣчать, что послѣ каждой сцены, онъ становился вдвое любезнѣе со мною: она рѣшилась тогда притворяться равнодушной, оставить его въ покоѣ; и когда ей удавалось выдержать характеръ, онъ опять возвращался къ ней, и только упрасивалъ предоставить ему свободу, говорилъ, что ему весело со мною, но что онъ все же ее одну любитъ. Разъ Зенаида намекнула ему, что намѣрена мало-по-малу прекратить знакомство съ тетушкой; онъ не отвѣчалъ ни слова, но тотчасъ же поѣхалъ къ намъ, и просидѣлъ цѣлый день. Я помню этотъ чудный день: я была очень, очень счастлива! Наденька говорила, что на Анатоля, съ самаго дѣтства, никто никогда не имѣлъ вліянья, кромѣ, развѣ, Катеньки, и то только потому, что она никогда прямо ему не сопротивлялась. Это странная семья: они очень любятъ другъ друга, да какъ-то въ тихомолку, полнаго настоящаго довѣрія между ними никогда не существовало. Когда Наденька была за границей, Анна Васильевна продолжала въ письмахъ повѣрять ей свое горе. Во время перваго возвращенія Анатоля изъ Польши, замѣтивъ его усилившееся вниманіе ко мнѣ, она рѣшилась прекратить ихъ прежнія отношенія, и едва, было, не вышла за-мужъ въ то время, когда они ѣздили на встрѣчу къ больному Анатолю. Ей представлялась очень выгодная партія; всѣ родные уговаривали ее согласиться, но это такъ раздражило больного, что Катенька же упросила ее повременить. Сватовство какъ-то отклонили до болѣе удобнаго случая. Приѣхавъ въ деревню, Анатоль очень покойно объяснился съ Анной Васильевной, и предоставилъ ей полную свободу. Это объясненіе очень ее огорчало: она все еще любила его, и написала отчаянное письмо къ Наденькѣ, обѣщая непременно выдти за-мужъ при первомъ удобномъ случаѣ. Все время, пока я жила у нихъ въ деревнѣ, сестры ожидали каждый день, что Анатоль сдѣлаетъ мнѣ предложеніе, и, хотя нельзя сказать, чтобъ онъ очень желалъ по-

родиться со мною, но зная характеръ брата, сочли лучшимъ не писать. Стало быть Саша, я сама, сама виновата въ моемъ несчастіи; умѣй я держать себя съ нимъ, я бы привязала его, и была бы теперь его невѣстой. Эта мысль сводитъ меня съ ума!

За мѣсяць до возвращенія Лукскихъ въ Россію, Анна Васильевна перестала писать къ Наденькѣ, и встрѣтилась съ нею очень холодно. На всѣ ея вопросы, она отвѣчала только, что дѣла ея идутъ очень хорошо, и переиѣняла разговоръ. Тутъ видно вліяніе Анатоля: онъ никогда не могъ простить Лукскимъ разстройство его плановъ похищенья.

Теперь для меня все ясно: увѣрившись въ моей безумной любви, черезъ мое неосторожное признанье, онъ невольно охладѣлъ ко мнѣ, какъ, говорятъ, охладѣваетъ, въ подобныхъ случаяхъ, большая часть мужчинъ. Я была далеко—Анна Васильевна съ нимъ вмѣстѣ: онъ и возвратился къ своей первой и, можетъ быть, единственной, истинной привязанности. Богъ съ нами! Одного желаю я теперь, чтобъ онъ отдалъ мнѣ доказательство моего безумія, да не знаю какъ спросить. Ну какъ оно попадетъ когда-нибудь въ руки Анны Васильевны!

— Эта мысль убиваетъ меня!

18-е марта.

Сегодня поутру Анатоль оставилъ свой портфель на столѣ, а самъ ушелъ въ комнату къ сестрамъ. Я была одна въ гостиной. Страшное искушеніе овладѣло мною: открыть портфель и посмотреть—нѣтъ-ли въ немъ моей записки. Въ нерѣшимости я держала его въ рукахъ, когда вошелъ Анатоль. Пристально взглянулъ онъ на меня, и не говоря ни слова, опять вышелъ изъ комнаты. Я тоже убѣжала къ себѣ: мнѣ было такъ совѣстно, что онъ засталъ меня. Послѣ завтра мы ѣдемъ; Анатоль остается здѣсь. Моя послѣдняя надежда исчезаетъ. Анна Васильевна проведетъ Святую въ Петербургъ.

25-е марта. Петровское.

Вотъ и опять мы въ деревнѣ. А какъ много пережила я съ тѣхъ поръ, какъ уѣхала отсюда. Какъ тихо, мрачно, грустно внутри и вокругъ меня,—точно могила! И Зенаида съ Катенькой приуныли: имъ явно не нравится новое сближеніе брата съ кузницей. Вѣроятно близкое родство смущаетъ ихъ.

Слава Богу, я нашла здѣсь письмо отъ тетушки. Какъ прозоветъ, она вернется. Провожая ее, не думала я ожидать съ такимъ нетерпѣніемъ ея возвращенія. Нашла я еще письмо отъ

Алексѣя Дмитріевича: онъ все такой же добрый, спрашиваетъ про тетушку, и какъ будто угадываетъ мое горе, утѣшаетъ и ободряетъ меня. Какъ вернется тетушка, онъ прїѣдетъ къ намъ. Не знаю, рѣшусь-ли я все рассказать ему, а, кажется, мнѣ было бы легче: онъ не осудилъ бы строго, а пожалѣлъ бы меня.

Взявшись за дневникъ, я совсѣмъ другое собиралась сказать тебѣ, да какъ-то особенно тяжело выговорить послѣднее слово моей сердечной исторіи.

Въ день нашего отъѣзда, Зенаида и Катенька пошли еще разъ проститься съ родными; я сидѣла одна въ гостиной, и бессмысленно глядѣла въ потолокъ. Вдругъ входитъ Анатолий. Неловко поклонившись, онъ сѣлъ возлѣ меня, и молчалъ. Глупое сердце мое забилося радостнымъ ожиданьемъ, я не смѣла взглянуть на него.

— Елизавета Павловна, заговорилъ онъ наконецъ, смущеннымъ голосомъ, мнѣ показалось третьяго-дня, что вы искали чего-то въ моемъ портфель.

— Я не открывала его, Анатолий Петровичъ.

— Я не то хотѣлъ сказать... но, быть можетъ, вы желали...

Онъ открылъ портфель и рѣшительно подалъ мнѣ, ты знаешь что...

— Я знаю, что это была шутка, я не смѣлъ иначе понять ее, заговорилъ онъ какъ-будто весело, но голосъ его дрожалъ. А все же я искренно благодарю васъ за довѣріе ко мнѣ. Повѣрьте, никто... впрочемъ, я надѣюсь, вы не сомнѣваетесь...

Я сидѣла истуканомъ; онъ нагнулся, нѣжно поцѣловалъ мою руку, и вышелъ изъ комнаты. Мнѣ показалось что онъ шепнулъ что-то похожее на «простите.»

А все же это очень благородно съ его стороны, Саша! Теперь я покойна: Анна Васильевна никогда не узнаетъ. Завтра отправляю къ тебѣ эту тетрадь. Дневникъ мой конченъ, какъ кончены всѣ мои радости. Что же буду я дѣлать на свѣтѣ? быть можетъ придется еще долго жить, а чѣмъ наполнить жизнь? Любить другого я не буду, не могу. Выдти за-мужъ безъ любви? да развѣ это можно? Многое передумала я въ это время; много задавала себѣ вопросовъ, а разрѣшить ихъ не умѣю. Мнѣ кажется,

что, до сихъ поръ, я не такъ понимала жизнь. Нѣтъ, не одно эгоистическое счастье должно быть ея цѣлью. Ахъ, еслибъ я могла приносить какую-нибудь пользу, чувствовать, что я не лишняя на свѣтѣ!.. Только тогда бы, я могла вполне простить Агатолю, примириться съ моею участью!

С. И—ВА.

ЖЕРТВЫ.

(Изъ Барбье.)

Однажды снилось мнѣ... То сонъ ужасный былъ!
 Вкругъ олтара стена, рыдая
 Неизчислимыхъ жертвъ сонмъ грустный проходилъ.
 Десницы къ небу простирая;
 Сіянье яркое—знакъ каждаго чела—
 На лицахъ ихъ печать страданій;
 И носить на себѣ ихъ блѣдныя тѣла
 Слѣды ужасныхъ истязаній.
 Вотъ идутъ старики—потупились они
 И держать жезлъ слоновой кости,
 Какъ старцы—Римляне, къ которымъ въ дни рѣзни
 Ворвались мстительные гости.
 Вотъ утонувшіе—всѣ въ тинѣ и песокъ—
 Носилъ ихъ вѣтеръ, гнали волны
 И послѣ бросили отъ жизни въ далекѣ
 На мохъ сухой скалы безмолвной.
 Вотъ трупы черные, пожранные огнемъ
 Въ быкахъ желѣзныхъ, раскаленцыхъ,
 Вотъ бога пѣвшіе надъ пламеннымъ костромъ
 Средь изувѣровъ разъяренныхъ.
 А вотъ погибшіе святые мудрецы;
 Идутъ вѣщанные позоромъ;
 Идутъ великіе—пророки и пѣвцы,
 Глядя впередъ печальнымъ взоромъ...
 Всѣ тѣни блѣдныя предъ олтарею идутъ,
 Угрюмо плача и рыдая;
 Награды отъ творца они за подвигъ ждуть,
 Десницы къ небу простирая...

О. БЕРГЪ.

К П И Д Ю Ш К А .

(Записки слѣдователя тридцатыхъ годовъ).

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

I.

П о и м к а .

Городъ Душеница утомился; куры усѣлись на насѣсть; однако не должно быть поздно; вонъ свиньи еще не улеглись, хрюкають и возятся въ грязныхъ закутахъ, а у городничаго обыденные гости только двадцатый ровертъ начали.

Рано-ли, поздно-ли а темнота такая на улицахъ, что зги не видать, хоть лобъ разбей объ фонарный столбъ; ну да и черная грязь чуть не по-поясъ.

Только и свѣту, что проберется воровской лучъ огоньку между ставней, да окунется въ лужѣ. Стало быть не поздно коли трактиръ не запертъ, оно для прилики наружныя двери приперты, да въ харчевнѣ еще публики довольно.

Гдѣ-жъ и собраться народу на досугѣ, какъ не въ харчевнѣ, гдѣ и вѣстей послушать, какъ не въ кабацѣ.

— А не пройтись-ли, того, по храниузской, Семень Иванычъ? спросилъ старикъ Парфенычъ, мѣщанинъ огородникъ.

— Можно! отвѣтилъ Семень Иванычъ.

— Отъ чего-жъ бы, дядишка, и не пройтись, подхватить третій собесѣдникъ.

— Малець! подай-ка, тово, хранцузской-кизлярки!

Половой въ красной рубашкѣ, въ желтыхъ широкихъ шароварахъ, зашлепалъ башмаками, бросившись къ выручкѣ и дорогой бѣлымъ фартукомъ вытеръ носъ.

За другимъ столомъ шла бесѣда шопотомъ; какой-то затѣжій, не то купецъ, не то мѣщанинъ, въ длинномъ скюртукѣ, борода клиномъ, подчуесть чаеиъ полицейскаго Криворотова; пытались половые подслушать—да не тутъ-то было, одинъ даже близко подсѣлъ, и соннымъ притворился—не выгорѣло!

Между тѣмъ компанство Парфеныча прошло еще по рюмочки и откашлялось; двое спросили: половой-сь, по трубочкѣ-сь, Фадлерцусъ? и принялись дуть чай; впятеромъ спросили пять паръ, да и потребовали не вѣсть сколько чайниковъ водицы; ужъ не отличишь наблюдечкахъ чай это или помои; однако Парфенычъ спохватился:

— Тово, говоритъ, малець, подитъ-ко подсыпь, тово, да вакинь двѣ пары. Парфенычъ угощалъ кума дворника Семена Иваныча; у него подитъ-ко на трахту какой домина! — постоялый дворъ держитъ.

— А что кумъ? спросилъ Семень, у васъ въ городѣ тихо? у насъ-таки пошаливаютъ.

— Тихо, тово, у Настатьи чулощницы хорекъ всѣхъ курей передумилъ.

— Какъ-сь, дядинька, тихо! анагдысь у Кузнецова лавку-то подломали? ловко очистили, у него для прилики, знаете, на полкахъ деревянныя головы сахару были, значить, гляди: у меня сахару-то громада, такъ и тѣхъ захватили, дядинька!

— И дивное дѣло, добавилъ другой, кажись черезъ улицу—будка, развѣ заспалъ?

— Эко диво, будка! подись-ко и не спалъ бутощникъ—а во такую штуку выкинули, братецъ, одинъ пьянымъ прикинулся, его бутощникъ и потащилъ на съѣзжую; тотъ упирается; ну и пошли; какъ расчелъ тотъ, что тамъ ребята свое сдѣлали, значить, далъ затрещину бутощнику-то, да и былъ таковъ.

— Ха! ха! ха!—закатился хототомъ толстый Семень, такъ что брюхо запрыгало,—ловко,—ково тутъ еще у васъ уколошматили-то?

— Ково? Сиволапова-то? да ктожь знаетъ, чай поживиться не чѣмъ было, — онъ послѣднюю чуйку въ кабакъ снесъ, подрался съ кѣмъ должно быть?

— Это что-то все Киндюшкой пахнет, дядинька.

— Ужъ и Киндюшкой: станеть твой Киндюшка объ еву дрянъ руки марать, презрительно отозвался Семень! подь середу, въ Березинѣ соборную церковь знатно очистили! Во! на это таковскій Киндюшка; а то ево!

— Тово! Киндюшка здѣсь? тово! суетливо спрашивалъ Парфенычъ, да и всѣхъ какъ-то это озадачило.

— Утресь дядинька, на рынкѣ и то болтали, что опять въ нашихъ мѣстахъ онъ съ молодцами.

— Удобность? три уѣзда клиномъ сошлись, да все лѣсь, да лѣсь.

— Господи помилуй, тово, спаси насъ! опять запалить онъ святотатець, тогда полъ города спалилъ.

— Что-жъ это онъ, дядинька, все-съ святыню оскверняетъ; какъ у него руки-то не отвалюся?

— Видно дѣло прибыльное!

— Ужъ какъ его, тово! ужъ гдѣ покажится, тово, али слухъ только пустить, ты и гляди; кажись зарой деньги въ землю—спознаеть.

— Вѣстимо дядинька-съ: нечистая сила ему служить; сколько разъ сквозь стѣны и рѣшотки утекалъ, значить разрывъ траву обрелъ-съ! всеконечно дядинька!

— А мы-съ, Сомень Иванычъ про Березинской Соборъ еще не слышали; хорошо руки-то погрѣли?

— Не плохо!

Въ это время заѣзжій нагнулся къ уху Криворотова и шепчетъ: они у Семена-то кормили, онъ все зналъ; знаешь-ли какъ онъ голубчикъ разбогатѣлъ, голь былъ — сухопарая, а теперь вишь брюхо-то отростилъ; лѣтъ пятнадцать тому назадъ, онъ жилъ въ деревнѣ; одинажды непогода такая была, грязь; подѣхала къ его двору телега, стучатся въ окно: эй, говоритъ, хозяинъ, какъ до Хренова проѣхать, далече-ль отселе будетъ?—Недалече: вотъ выѣдишь изъ деревни, возьми на лѣво за мостикомъ; проѣдишь полце, лѣсокъ будетъ, изъ лѣску какъ выберешься на берегъ-ну, по горкѣ-то опосля спустишь-ся въ лощину тутъ и будетъ—Петрушино; а отъ Петрушина рукой подать до Хренова, тамъ укажутъ, почтенный. Проѣзжій конпомъ кнута чесалъ затылокъ, раздумье брало, темно, боязно одному, а съ нимъ деньги отъ лѣсовщика. Да что те неволить ѣхать? берегомъ больно не ладо, сорваться можно—переночуй

а съ свѣтомъ я пожалуй провожу—миѣ туды надоть. Остался купецъ ночевать или поѣхалъ про то знаетъ Семенъ, да его жена; на нее находить, ужъ какъ онъ за ней ухаживать, боиться, чтобы не сболтнула; только, братецъ, у рѣки подъ каменнымъ обрывомъ были найдены—чужакъ съ лошадыю и телегой, въ прахъ расшиблись! Съ тѣхъ поръ Семенъ жить пошелъ, и Семенъ Ивановичъ сдѣлался, такъ ты смекай и слушай; онъ про Киндюшку все знаетъ!

— Такъ-съ, дяденька-съ, какъ же они въ церковь забрались? чай вѣдь заперта была, да и стоитъ однихоньжъ на горѣ; подступу только и есть, что черезъ мостъ, а на мосту-съ сторожка, мы объ зимнемъ Миколѣ тамъ были, гора крутая, ужаснѣйшая! ни-зашто не влѣзть.

— Оно не штука Киндюшкѣ, влезли, не въ первый. Михѣичъ - то, сторожь-то, обошелъ кругомъ церковь - то, ударилъ три раза въ колоколь, да въ доску постучалъ, рогатку закинулъ; ну, свое дѣло сдѣлалъ, а холодъ пробираетъ, погрѣться надоть, пригрѣешься—не долго и заснуть! Вотъ и вся штука!—Онъ знаешь проснулся; ну ночь глухая, темная, вѣтеръ такъ и визжитъ—однако пошелъ обходить; глядитъ: кой-чортъ, лежитъ накатина—аршинъ въ восемь, не было прежде; въ оконѣ, будто въ церкви свѣтъ маханькой; побегъ кругомъ, а сѣверныя двери-то настезъ; изнутри заперъ самъ, помнитъ; онъ въ церковь,—какъ оглядѣлся такъ и приросъ къ землѣ и ризы серебрянныя сняты, и Евангелія и Креста напрестольнаго нѣтъ, и кружки разбиты! въ набатъ ударилъ, да поздно, гдѣ ужъ искать, и ково искать! только всѣ ахнули—да руками развели,—какъ сбѣжались, а городничій штафетъ отписалъ, говорить въ погоню вѣду.

— Экіе грѣховодники, тово, ужъ добро-бы тово, а то! Господи прости!

— И много, дядинька поживились-то?

— Да протопопъ считаетъ—тысячъ за пятнадцать будетъ ризато одна съ жемчугомъ и каменьями.

— Батюшки свѣты, а икону чудотворную-то неужто похитили?

— Тѣ-то нѣтъ, не знали видно, что за нее старовѣры иѣшокъ золота дадутъ, промахнулись значить, оченно древняя икона! цѣны нѣтъ.

— Какая же цѣна чудотворной!

— Господа, Господа какое безчиство! подитъ-ко; а коли ужь это Киндюшка; такъ сказать онъ иль: зблѣ, что тогда ны его святили.

— Того, то-то, говорилъ тово не трожь; отплатишь; тебе ютъ вьшыло:

— Вы бы ночныхъ наставили.

— Что, дядишка ночные, не усмотришь; онъ знаетъ какимъ-то зельемъ стѣнку, а солнушко пригрѣеть и пошло драть; что тутъ ночные!

Всѣ озирались, точно Киндюшка езди нахъ столы! такія рожи скорчали, что Семень Иванычъ захохоталъ, глядя на нихъ!

— Ну задавъ страу; эй! молодець; обнеси-ка еще по рюмочкѣ, чего такъ есть покрѣче, а то у нихъ животики подвѣдутъ ха, ха, ха.

— Оно тово; оно тово, бормоталъ Парфенычъ.

— Пора, шепнулъ забѣжій Криворотову; пожевой! что тебѣ шуубчикъ; надо съ меня!

— Что изволили спрашивать?

— Ну три пары чаю съ версомъ.

— Шесть гривенъ-съ.

— Двѣ рюмочки травнику ихъ милость выпила.

— Рубль-съ, считалъ вертя фартукомъ головой, еще чего-съ?

— Порція севрюги.

— Сороки-съ; съ огурцами?

— Да.

— Такъ пятьдесятъ-съ, все-съ? полтора рубля, да наводочку; что милости будетъ.

Проѣзжій расплатился, и вышелъ съ Криворотовымъ. Семень Иванычъ проводилъ его глазами и тревожно спросилъ: а знаете что это?

— Нѣтъ дядишка, — проѣзжій какой-то.

— Это Куницынъ шопотомъ продолжалъ онъ.

— Того какой такой Куницынъ?

— Первыйшій бестія, сыщикъ, а я съ-дуру ние разглядѣлъ (и онъ ударилъ себя въ лобъ,) да вишь притаился въ тѣни; то-то гляжу всѣ шепчутся, провалъ ихъ возьми; это онъ што-ни-бувъ по Березанскому дѣлу разнохиваетъ; ужь такой вродѣвъ, что ну!

Теперь за нимъ пришла очередь задуматься; онъ оперся на

столъ обоими локтями; хватилъ ужъ не рюмку, а ставанчикъ кизлярки и только крикнулъ, окладывая глазами комнату.

Чаепитіе превратилось въ попойку: всё тутъ и осталось въ харчевнѣ; куда-жъ ночью идти, въ грязи затонешь или вѣсь разшибешь; у харчевника на то особая каморка есть; стащилъ ихъ туда, какъ кули съ овсомъ и все тутъ!

И у городничаго гости засидѣлись; въ пресерансѣ начали, да такая ремизная пультка выдалась, такія удивительныя игры шли, что ужъ свѣтать начало, а они все безъ двухъ, да безъ трехъ; даже самоваръ два раза разводили.

Между тѣмъ, въ глухую полночь съ боковой дороги въѣзжала въ городъ купеческая кожанная кибитка на тройкѣ добрыхъ коней; язычекъ у колокольчика былъ подвязанъ, чуть только побрякивалъ: двое сидѣло на облучкѣ, двое на кучѣ перинѣ и подушекъ въ кибиткѣ.

Вдругъ лошади на что-то наткнулись и заортачились; раздался ругательства; поперегъ дороги стояла телсженка и клячъ валялась въ грязи; ее хозяинъ схватилъ подъ уздцы купеческаго коренника и гаркнулъ во все горло: караулъ! Не успѣли прѣзжіе соскочить, какъ блеснулъ яркій фонарь, и они увидѣли вокругъ себя толпу людей и нѣсколько солдатъ съ ружьями.

Къ кибиткѣ подошелъ Куницынъ и освѣтилъ фонаремъ лица.

— А, дѣтушки, здравствуйте! васъ-то и надо, да ты не дурь, Митроша, сказалъ онъ одному, не трожь пистолю, вась много.

— А! крестный батько, это ты штуку-то сыгралъ? раздался изъ кибитки звонкій голосъ; ну, здорово, здорово, коли ты здѣсь, жѣлать нечево, не шалить ребята!

— Я, Анкидинъ Сидорычъ, я; здравствуй! какъ живется? голубчикъ!

— Вашими молитвами, Антонъ Ферापонтычъ; что-жъ квартира готова? принимайте гостей съ почетомъ!

— Какъ же, какъ же, милѣйшій, поѣдимъ, готова, чистенькая, бѣлинкая, собственно для тебя особенная.

Между тѣмъ товарищей Киндюшки скрутили и окружили штыками, но одинъ ускользнулъ-таки.

Куницынъ влѣзъ въ кибитку и сѣлъ къ Киндюшкѣ, Косоротовъ замѣстилъ кучера, возлѣприспособилось еще два солдата, и всё потянулись по грязи къ острогу.

- Кто съ тобой, Киндеш?
- Дрянъ все.
- А Сашка?
- Сашка? съ злобнымъ хохотомъ отвѣтилъ Киндюшка—Са-ша-то? шукамъ сережки продаетъ?!
- То есть?
- Да.
- Ты?
- Я.
- Гм! вы отъ Никифора?
- Отъ него.
- Вы на саняхъ были—въ Березинѣ-то?
- У Никифора проѣхали!
- Надули было, надули!
- Чортъ тебя надуетъ ; кто тебя надуетъ , трохъ дней не проживеть! ужъ попадешься въ передѣлъ: натѣшимся и мы, Анто-нень Феравонтычъ.
- Ну когда-то еще попадусь, а вы-то попались.
- Не въ первый, погуляемъ еще.
- Какъ придется, а что? если деньги есть, давай лучше спрячу.
- Возьми, Антонушко, все равно пропадутъ, сѣйся отвѣ-чалъ Киндюшка, отдавая довольно толстый бумажникъ.
- Смотритель былъ предупрежденъ ; арестантовъ, въ острогѣ обыскали, нашли фальшивые паспорта, нѣсколько денегъ и въ глубинѣ кибитки: кистень, отмычки, ломъ, два ружья съ заря-дами,—однимъ словомъ весь инструментъ по ихъ ремеслу.
- Взявши отъ смотрителя свидѣтельство въ поимкѣ и сдачѣ Кин-дюшки съ товарищами, Куницынъ на ихъ тройкѣ поѣхалъ къ городничему. Свѣтало! когда онъ взомель въ переднюю, город-ничій вышелъ въ залу одуматься: онъ поставилъ ремизъ 7 въ червахъ безъ 4-хъ.
- Желаю здравія, Никифоръ Сергѣичъ!
- Это кто? ба! другъ Куницынъ, откуда? съ неба свалил-ся! и крѣпко обнялъ.
- Нарочно, какъ есть, поздравить васъ.
- Съ чѣмъ, родимый?
- *По вашему приказанію*, помочку сдѣлали, потирая руки и подмигивая докладывалъ Куницынъ.
- Я приказывалъ!... что бншь такое?... да, да знаю—шу!

— Трехъ облапали, четвертый ускользнулъ; тайно; знаете, кто въ острогѣ? Киндюшка.

— Какъ? что? гдѣ? спрашивалъ съ испугомъ ошеложенный горюничій, Мин-дю-шка — ой, ой, ой!

— Какъ вы приказали, такъ исполнено; ждали какъ пройти, дорогу загородили, ну и снапали голубчиковъ, радостно пожимаясь и лукаво ухмыляясь продолжалъ Куницынъ:

— Точно такъ, отвѣчалъ вытянувшись во фронтъ у дверей Криворотовъ.

— А что много у нихъ захватили?

— Денегъ? и онъ шепнулъ ему на ухо, и подаль что-то, что заставило Никифора Сергѣича улыбнуться и потянуть въ себя воздухъ.

— Ну а клячи-то мнѣ нужны въ городъ вѣзть.

— Хорошо, хорошо! спасибо, родимый, спасибо! ну что-жъ теперь, надо сейчасъ актъ составить, да въ допросы итъ:

— Актъ-то ваяйте, а ужъ съ допросамъ потрешените лучше, донесите въ губернію сперва, знаете, отпищайте по *между*, дескать, *распоряженію*, такъ и такъ; Куницынъ и прочая; вотъ Криворотовъ доложить, а мнѣ надо съ Киндюшкой пошлякать, парень-то славный, душа, всю подноготную расскажетъ.

— Ой ли? такъ я самъ лучше...

— Ну, васъ побойтея, не сважеть; ужъ вы потрешените, за тѣмъ прощенья просите; я забѣгу къ Киндю, да въ губернію надо поспѣть по-раньше, — это цѣточки, а созрѣютъ, ягоды будутъ; всякаго благополучія.

Надо взглянуть на Киндюшку, а то обрѣютъ полъ головы, надѣнутъ арестантскую сѣрмягу, изуродуютъ чловѣка, и не узнаешь.

Вотъ онъ въ караульномъ домѣ, ждетъ очереди, брѣютъ другъ друга.

Молодецъ! верхковъ восьми росту, чистое открытое лицо, прямой носъ, большіе свѣтлые глаза, русые кудреватые волосы, молодецъ, красавецъ, черная окладистая великолѣпная борода легла на красную рубашку, перепоясанную шелковымъ поясомъ, изъ подъ рубашки висовые шаровары, запущенные въ сапоги; и стоять-то не какъ другіе, а сложилъ накрестъ руки, и смотритъ на всѣхъ съ какою-то презрѣнью; просто точно баринъ какой.

Но вотъ сделаютъ съ него красивую одежду, подаетъ вели-

толстая борода; слезы у него навернулись, бритва тупа или бороды жалко? вот и волосы остригли по-солдатски и обрили юзь от уха до уха через всю голову; напялили узкую толстую рубашку, и измѣнился человекъ.

Такъ и выгладить острожникомъ арестантомъ.

То-то утромъ разказовъ-то пошло по городу; важное событіе для уѣзднаго города, атамана Киндюшку взяли! словно и вонсей годъ визиты дѣлають и грязь забыли, а ужъ какъ выжили, что не знали ничего, а то бы зрителей набралось чуть не вым-города! Оно какъ мужикъ гаркнулъ во всю глотку; арауа! многие вскачили, хотѣли идти на шумъ, да пока се она сапоги искала да огонь выскрала, все кончилось; утихло; гать до утра и не знали что такое.

За то утромъ на перекресткѣ вся грязь притопталась; барыни даже привѣжали, посмотреть на то мѣсто, гдѣ взяли Киндюшка, кажется чтобы тамъ такое? кто-то даже голову къ небу задралъ, гать всмякъ чего-то; звѣзду съ хвостомъ должно быть, а что тамовъ-то было, пересудовъ-то что? цѣлый коробъ, толстая раба баба увѣрала:

— Вотъ-те провалиться моя не видѣла сама, глаза словно фонари, говорить огонь изо рту; ну и хвостомъ такъ и замечать, да вишь крестъ на него наложили, а то гдѣ-бы взять, одень и то, сальникъ; въ сороку обернулся и улетѣлъ.

— А што, нума, бабли въ кибиткѣ-то обглоданнаго младенца выжили?

— Ока, еще бы, кровопийца какъ есть!

— Ну вотъ спасибо солдатикамъ, только святой-бы водицей гъ порывъ стѣны-то окрасить, а то экой антихристь въ замочную скважину пролѣзеть, нечистая выручить,—а не то въ трубу; тогда пропали мы, спалить и душеньку закабалить.

— Матѣевна! ты къ смотрительской нянькѣ-то вхожа, ты бы увидѣла, право слово!

Да всего не переслушаешь; ну ихъ совсѣмъ.

Утромъ, значить черезъ сутки, меня разбудили очень рано съ вросомомъ привезли предписание: сей-часъ произвести строжайшее изслѣдованіе съ военнымъ депутатомъ о Киндюшкѣ дезертирѣ. Я очнуться не успѣлъ не то, что распорядиться, какъ хотѣлъ самолюбивъ Муницкынъ.

— Съ побѣдой, съ побѣдой, отлично!

— И! что за важная оказія! надо бы до корня дойти; вотъ что.

— Расскажи пожалуйста, какъ ты ухитрился.

— Какая же тутъ хитрость, простенькое дѣльцо; что воровъ поймать—надо краденое-то поймать.

— Однако расскажи!

— Да што, помните въ Торговомъ Ярѣ коробочника Александру! приходитъ онъ ко мнѣ ночью на недѣлѣ; говоритъ; вотъ что: прошлаго года—какъ вы Киндюшку прижучили съ казаками, онъ сдался съ шайкой въ О—ую; тамъ чай слышали что творилось? О—ъ-то весь выжгли, ну какъ и тамъ плохъ пришлось, а здѣсь попритихло—они опять здѣсь!—Ой-ли!—право говорятъ, я Киндюшку и Пуговкина самъ видѣлъ! — Какъ это! На что вамъ какъ?—видѣлъ, ужь коли говорю; оно такъ! А вотъ что: они въ Березинѣ на промыслѣ поѣхали, къ собору подбираются!—Охъ, голубчикъ, Саша, удружи, помоги!—Что просить, за тѣмъ пришелъ, а сколько за хлопоты? — Что хочешь!—Знамо: не выдавать, чтобы не выходило по дѣлу, я въ сторонѣ, а то изведутъ! — Ужъ это знаемъ, — Ну а наградите опосля по заслугамъ! — А лицо, знаете, у него такое злобое. Надо, говоритъ, ѣхать: мы ихъ тамъ накроемъ или у дворника Семена Иванова, а не то встрѣтимъ—у нихъ въ корню пѣгаа, сивая слѣва и гнѣденькая поменьше справа, одѣты... Ну да это опосля—надо посидѣть. Поѣхали съ нимъ, пріѣхали къ Отрѣ, а мѣсть своротило. Лѣдъ взломало: гдѣ сперя горой, а гдѣ полыньи, никакимъ способомъ переправы нѣтъ, нечего дѣлать, грызи зубы! пораспросили: говорятъ видѣли третьюво дня пробѣхали такіе,—хорошо, будемъ ждать; ледъ пронесло! стали паромъ наводить.

Александръ съ такой радостью:—говоритъ здѣсь на той сторонѣ, съ кладью, впереди стоять, назадъ нельзя, подводъ двѣсти приперло; какъ съ парома такъ и наши! хорошо, поглядѣлъ точно, кони ихъ. Пуговкина и Киндюшку опозналъ; думаю переплыть, увидятъ—лучше подожду; завтра али черезъ день паромъ пустятъ; два дни прошло, вижу всё тутъ, опаски нѣтъ, хорошо! на третьи аль на четвертые что-ли пошелъ съ озера ледъ, такой это ужасъ, гляжу утресь канатъ ужъ перекинуть, а паромъ у насъ; глядъ на тотъ берегъ, а ихъ и нѣтъ; я къ

Александру и Александра нѣтъ—продалъ мошенникъ; такъ и есть—парошники говорятъ: ночью они въ избѣ спали, кто-то вълазъ должно быть перебрался, до паромъ и перевелъ, какъ не затерло чортъ знаетъ, переправились сами, а на паромѣ лужа крови.

Вотъ злоба-то меня взяла! одурачили ракальи, а пуще мошенникъ Сашка; ужъ думаю: я-жь тебя, попадешься; паспортъ то знаю какой у тебя! Ну время терять нечего, по горячему слѣду за ними; своротили на просѣлокъ, по направленью въ Крутицкіе лѣса! А знаю! къ Никифору, я туды; были, взяли кибитку и поѣхали; такъ я слѣдилъ за ними, а захватить нельзя; мужики ни за-что, боятся его пуще чорта и замкнуться нельзя, сей-часъ предупредить! рассчитываю куда сдадутся? вѣрно въ Душеницы такъ и есть въ Истоминѣ кормить стали, а изъ Истомины верстъ двадцать, днемъ не поѣдутъ въ городъ, ночи дождутся — успѣю, ну и успѣлъ! Никому не сказалъ, и городничій не зналъ! Онъ, разорался бы, накутилъ бы, а я въ тихомолку, у инвалиднаго людей взялъ и городничему послѣ сказалъ, пиши что, по твоему приказу, ну его, пусть пишетъ. Да что балясы-то точить, вамъ вотъ что прежде всего надо; шепнули мнѣ, что церковное серебро здѣсь у серебряника, ищанина Ивана Иванова, надо бы поскорѣ обыскъ сдѣлать.

— Какъ же безъ основанья!

— Ничего! напишите, что Киндюшка оговорилъ! оно такъ будетъ, ужъ повѣрьте, а то пронохаетъ, все скроетъ.

— Нѣтъ! я не рѣшусь такъ, а вотъ что: съѣдимъ, да привеземъ Киндюшку; ты говоришь онъ скажетъ?

— Все; это такая душа на распашку не то, что про другихъ, про себя расскажетъ; онъ на Ваньку-то золъ—да вѣдь съѣздить это вѣдь цѣлые сутки, сто верстъ, а вѣдь взадъ и впередъ двѣсти.

— Что же дѣлать? такъ не могу, не по закону!

— Эхъ трусы, законъ! ну да стойте, я вамъ на это сей-часъ предписанье принесу.

— А я лучше пошлю жандармовъ перевезти этихъ господъ сюда.

— И дѣло! въ Душеницахъ слѣдовать нечево, въ Березинѣ тоже, да здѣсь и острогъ покрѣпче; только смотрите Киндюшку, берегите, чтобъ тово дорогой...

— Ладно, сказано—сдѣлано.

Домишка Ивана Иванова стѣренькій, незранный, стоялъ почти на краю улицы, которая упиралась въ оврагъ; у другихъ всего плоче заборы, да заборы, а у Ивана Иванова напротивъ, — домъ покривился, а заборы высокіе съ навѣсами, и ворота совсѣмъ новые, да такіе видно крѣпкіе, у оконъ ставни тяжелыя съ желѣзными болтами, по той причинѣ: отъ воровъ — серебряникъ и *вывѣска* есть.

На стукъ нашъ долго не откликались! ужъ сосѣди повысунулись изъ оконъ, и из-за калитокъ; стали собираться кучками, что-де за оказіи. Злая собака лаяла и металась за воротами.

— Чтожь вымерли что-ли всѣ? постучали въ окно съ угрозой, что сломаемъ ворота.

— Прибирается! шепнулъ мнѣ Куницынъ, а самъ такъ и дрожить отъ нетерпѣнья.

Наконецъ-то отворилась одна половинка окна, и высунулась женская рука и не дурное, но изнуренное лицо, довольно молодой женщины,

— Каво вамъ надоть?

— Хозяина, отопри ворота,

— Моего-то? Ивана Иваныча? его нетути дома,

— Все равно, ты отопри.

— Какъ же я отопру, да что вамъ надоть?

— Скажемъ, когда пустишь, отпирай что-ли, поворачивайся.

— Да я не знаю какъ же это? вотъ маненько погодите — може вернется.

— Если сей-часъ не отворишь, ворота сломаемъ.

Она скрылась, и захлопнула окно.

Народу собралось порядочно, кучки понемногу подвигались.

— Э-ва на, э-ва на; закричалъ мальчишка, какой-то пѣсъ по крышкѣ лазить.

— Гдѣ? гдѣ! лови, держи его! обрадовались всѣ, и кучки бросились. Какой-то человекъ дѣйствительно поспѣшно присѣлъ за трубой; убѣжать ему было нельзя, дворъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ; я послалъ полицейскаго снять его, а ворота сломать.

Ужъ коли ломать, такъ наши мастера; крѣпкая калитка стала подаваться; послышалось, что отодвигаютъ заборы.

Калитка распахнулась, и въ ней явился высокой, ускогрудой мужчина, въ грязной рубашкѣ съ выпачканными длинными рукавами; большая голова клиномъ; вѣки красныя безъ рѣсницъ;

глаза ушли надъ нависшія брови; водоса щетина, лицо изрыто оспой! все это такъ и бросалось въ глаза.

— Это развѣ можно, глухимъ голосомъ началъ онъ, денной грабенъ-то промазывать, ворота ломать.

— Коли-ты не хотѣлъ отпирать.

— Чево не хотѣлъ, неколи было, да вы что за люди? ково нужно?

— Тебя, ты Иванъ Ивановъ?

— Я-съ-то! такъ чтожь?

— Ну пусти прочь, въ комнатахъ скажемъ?

— Да вы толкомъ говорите, на что я понадобился? безъ того не пущу, такъ силой врваться къ обывателю нельзя! мы триа званіе имѣемъ, законъ, то есть надо, а не то...

— Ты коняшь, ятобъ я тебѣ при всѣхъ сказалъ?

— Чемы бряться-то мнѣ?

— Мы должны сдѣлать у тебя обыскъ по оговору.

— Вотъ что! обыскъ! по канону же это оговору? кто это оговоралъ-то? въ чемъ бы это?

— Ну, любезный, начево разтобарывать съ тобой здѣсь, проходи, а те я тебя веду сей часъ унять.

— Что меца унимать, не я разбой дѣлаю.

Я мигнулъ казакамъ, но онъ успѣлъ захлопнуть и завереть калитку.

Я и не замѣтилъ, что Куницынъ работалъ около забора; вдругъ столбъ откачнулся и доски разлетелись. Ивановъ бросился къ этому мѣсту, но его схватили и вынуждены были связать.

Снятый съ крыши молодой парень, объявилъ, что онъ печникъ и чинилъ трубу.

— А инструментъ гдѣ?

— Инструментъ? я сперва оглядѣть хотѣлъ.

— Ладно, возьмите его.

Маленькіе сѣни вели въ большую комнату съ скамейками, палатями, довольно чистую; у дверей стояла, дрожа, женщина, за нею пряталась дѣвочка; она поклонилась и оперлась о притолку.

— Гдѣ мастерская? она указала рукой, молча,

Нѣсколько только-что отбитыхъ ложекъ, въ шкапу новая не отбѣденая риза, разныя серебряныя вещи; работа не дурная, полировка и чеканка чистая, мастеръ какъ есть настоящій.

На стѣнѣ шлепъ съ посудой и инструментами, вѣсы, все что слѣдуетъ мастеру.

— А горнъ?

Ба! огонь только что потушенъ, еще парокъ идетъ, комки серебра не совсѣмъ растопилась, видно что это церковныя вещи, вотъ уголокъ ризы съ иконы.

— Что это плавилъ?

— Развѣ не видите серебро.

— Это церковныя вещи.

— Да, старый ломъ.

— Гдѣ взялъ?

— Гдѣ взялъ—купилъ.

Въ этотъ день по тщательному обыску, ничего не нашли; мудро не искать, когда не знаешь чего искать! Иванъ Ивановъ опрокидывалъ всѣ вопросы, только не могъ ясно доказать откуда у него собралось столько серебра.

Жена отзывалась незнаемъ, тяжело вздыхала и едва удерживала слезы.

Безъ Киндюшки ничего нельзя было добиться.

По совѣту Куницына, я опечатавъ домъ, и поставилъ надежный караулъ; Ивана отправили въ острогъ, а жену и дочь въ полицію.

Не то было, когда явился Киндюшка, начать съ того, что печникъ оказался убѣжавшій, при поимкѣ товарищей его, бѣглый рекрутъ.

— Ты Анкиндинъ Сидоровъ?

— Кликали такъ в. в. б,

— Который разъ въ бѣгахъ?

— Не могу въ точности сказать, кажется шестой.

— Откуда въ послѣдній разъ бѣжалъ, и давно-ли?

— По веснѣ,—вотъ ровно четыре года теперь; изъ Масловскаго острога.

— Можешь рассказать какъ?

— Отчегожъ не рассказать, какая бѣда рассказать, справку сдѣлаете, узнаете и такъ, да я не таковский, вранья терпѣть не могу, ничего не утаю.

— И про себя?

— И про себя.

— Какъ же ты бѣжалъ? въ Масловскомъ острогѣ стѣна, я знаю, двѣнадцать аршинъ.

— Не чрезъ стѣну разумѣтся, подѣ стѣну подрывишь; видите-ли взяли меня; я бродягой назвался, до времени подѣ чужинѣмъ сидѣлъ; было насъ въ казармѣ человекѣ тридцать, казарма-то къ наружной стѣнѣ пристроена—секретная, а въ секретной извѣстно какихъ держать, самыхъ отчаянныхъ! У арестантовъ всегда одна мысль какъ бы уйти, и отъ казни отбояришься, да и погуляешь пока опять поймають, а отвѣтъ одинъ. Вотъ толковали, толковали и придумали: подрывишь подѣ стѣну. Это обѣ масляницѣ было, отодвинули нары, доску подняли, подѣ поломъ земля; куда ее дѣвать? а потолокъ на что; приспособили въ потолокъ доску. Вечеромъ придетъ вся орда: проверять, посмотреть, ощупають все, ну конечно все на мѣстѣ и уйдуть, ночь-то наша! мы сей-часъ изъ рубашекъ подѣлаемъ мѣшки да землю на чердакъ, къ утру все прибрано, спимъ на нарахъ, всѣ такіе смиренные, послушные; смотритель не нахвалится, табакъ въ награду позволилъ курить!

— А вы добраго человекѣа и подкузили!

— Нашли добраго! сорвать было нечего, такъ и добрый, а подаанье принесуть, половину отнять, если не все; только случай придишь, отдереть на обѣ корки! не добрый былъ, въ томъ-то и дѣло. Ну-съ: докопались мы до фундамента; кирпичной да крѣпкой такой! попытались смачивать, не раздѣлаешь; одинъ и придумалъ—говорить старостѣ изъ нашихъ же: скажи доктору, дескать, постѣ, пынга заведется, позвольте укусу купать во щи, а докторъ былъ чудакомъ такой, изъ масоновъ что-ли, братьями называлъ насъ, цѣловалъ, да больно церковными книгами надоѣдалъ, однако-съ мы любили его; ну, согласился, приказалъ по полуштофу въ день отпускать. Мѣсяцъ работали, копали стѣну, раздѣло; разобрали, повели подкопъ далѣе, никому ни въ запримѣту; вправду раздѣ гарнизонный унтеръ загнѣлъ, землю просыпали, да извѣстное, сударь, дѣло, какіе солдаты въ гарнизонѣ, ледящіе, послѣдніе солдаты, не ходятъ въ армію—въ гарнизонъ. Такимъ манеромъ ужъ въ конѣ поста пробрались на двадцать аршинъ за стѣну, а какъ припли темныя ночи, мы и поползли; стояли въ караулѣ армейскіе, проходъ узкой, душно, полземъ, я высунулъ голову — вижу, тѣна освѣщена, часовой пошелъ въ другую сторону, а на оголодѣ хоть глазъ выколи обѣ кочарышки; я выскочилъ, да чезъ улицу въ садъ, большой садъ, а изъ саду въ поле, да въ длинную рощу; утромъ казакамъ попался,—отпустили.

— А товарищи?

— А кто-жь ихъ знаетъ! какіе они товарищи: не изъ нашихъ; говорили, что ушли семеро, а восьмого часовой замѣтилъ и принялимъ штыкомъ.

— Ну, братецъ Анкиндиятъ, надо разсказать откровенно все.

— А что-жь не разсказать, в. в.-б., отвѣтъ одинъ за все.

— Ну и товарищей не щадить, коли говорить правду, такъ говорить на-чистую!

— Вы, стало, в. в.-б., Киндюшку не знаете? изъ чего мнѣ лгать-то.

— Ну, напредки пригодится, особенно притоны!

— Не надо мнѣ ихъ больше! вѣдь негодяи все, подлецы, кончено, больше не буду.

— Стало быть, ты рѣшился покориться своей участи?

— Какъ бы не такъ, что я за дуракъ, в. в.-б., развѣ охота шесть тысячъ сквозь зеленую рощу пройти.

— Ну, такъ какъ же?

— Извѣстно какъ: уйду! уйду! самоувѣренно повторилъ Киндюшка,

— Ну, положимъ, и уйдешь, опять за то же прямешься.

— Нѣтъ, довольно, больно тяжело: это не жизнь, а каторга; право не лгу, в. в.-б., каждую минуту дрожишь, только и отдыху, какъ туманъ нагонишь, водкихватишь; какая это жизнь, ну ее совѣтъ! Повѣрьте, в. в.-б., еслибъ мнѣ сказали, что не стануть гонять сквозь строй, а прямо сошлютъ въ рудокопню, перекрестясь бы пошелъ, а то зеленая то роща страшна: не вынесеш.

— А уйти хочешь, вѣдь опять попадешься!

— Нѣтъ, ужь не попадусь: я въ Америку уйду.

— Вотъ какъ! далеко, братъ, и языки нужно знать, и денегъ нужно, и паспортъ.

— Что-жь, я по-французски знаю; два года въ Парижѣ жилъ; паспортъ достать не диво, нашелъ поршиваго нѣмца, велѣлъ ему заграничный взять, да нѣмцемъ и поѣхалъ, вотъ и вся недолга; послѣ объявить, что потерялъ; а денегъ, неужто вы думаете, в. в.-б., что у Киндюши денегъ нѣтъ! въ десять лѣтъ не набилъ мошну.

— А по совѣсти: сколько у тебя денегъ?

— Да точно не знаю, тысячъ десятковъ можетъ нѣсколько есть—не считалъ,

— Ого! гдѣ-жъ они у тебя?

— Въ землѣ, въ лѣсу, въ горшкахъ, въ боченкахъ; кроме меня никто не отыщетъ, хоть бы и рассказать—не найтъ; вотъ коли умру, али пропаду, кто случайностью отроетъ, скажетъ: кладъ нашель, татарскій, али французскій, а это и, разбойникъ, кладъ положилъ.

— Да вѣдь бумажки сгниютъ, да и за границей въ нихъ толку нѣтъ?

— Вы, право. в. в. б., за дурака меня считаете, я развѣ не знаю! конечно, золото и серебро; ну, по чеканкѣ годъ видѣтъ, конечно.

— Странный—ты человекъ. Анкиндинъ, умный такой, а на что пустился.

— А что-жъ было дѣлать-то, такъ вышло!

— Много на своемъ вѣку проказничалъ? вѣдь, чай, и грабилъ, и убивалъ.

— Грабить—грабилъ, а убивать на грабежѣ не убивалъ.

— И ни одного убійства на совѣсти нѣтъ?

— Есть три! только эта особая статья.

— Ну, а не грѣхъ ли было церкви-то грабить?

— Вѣдь украшеніе отъ усердія добрыхъ дателей для веле-лѣнія храма. Жертвуютъ отъ себя богачи.

— А какъ они наживаютъ? знаемъ богачей, они честно, что ли, наживаетъ? Не правда что-ли?

— Разумѣется не правда! а развѣ при грабежѣ не случалось убить?

— Никогда, своимъ запрещалъ. Мелентьева за это на осину вздернулъ, какъ же! обобралъ жида, тотъ только гвалтъ дерябить да песики трясутся, а онъ возьми да и зарѣжь его; говорить не видывалъ какъ жида умираютъ; такая безчувственная тварь. какъ есть повѣсилъ—своими руками.

— Чѣмъ больше слушаю, тѣмъ больше удивляюсь, ты како-го происхожденія?

— Я! изъ ярославскихъ крестьянъ.

— Солдатомъ долго былъ?

— Два мѣсяца, али три, — не помню.

— Не долго; что жъ такъ?

— Да такъ пришлось в. в.-б. Хотѣлъ служить честью и прав-

дою, да злые люди помѣшали. Я вижу хочется узнать какъ это? Извольте расказу, только позвольте наручники снять.

— Да ты уйдемь?

— У васъ—нѣтъ; пошлите одного въ острогъ—не уйду; за что васъ губить, вы добрый человекъ; я знаю кого угостить, чай въ Масловъ пошлете, старыя дѣла тамъ, ну, а тамъ и старыя расчеты есть.

— Ну съ ними! онъ ихъ снялъ безъ ключа.

— В. вб. допросъ будете отбирать или по вопросамъ? я писать умѣю, дозволейте лучше самъ напишу, всё какъ есть напишу; неужто запираются, или этихъ мошенниковъ щадить, мелочь, души нѣтъ, ворюшки просто, подлецы; вы смѣтаете, думаете: а ты-то что? Я другое дѣло (тяжело вздохнувъ прибавилъ Киндей); воротиться-то нельзя.

II.

Жизнь Киндюшки.

Въ Ярославской губерніи есть село Кладовицы или деревня, не помню; я тамъ проѣзжалъ еще въ 1837 г.—коляска сломалась, чинили: тогда шоссе только строилось: шоссе къ великому огорченью кладовицкихъ ямщиковъ, провели за рѣкой, а какъ они на станціи гонъ по череду держали, такъ и пришлось мостъ черезъ рѣку на свой коштъ перекинуть! Славное село это: избы что твои швейцарскія, ужъ такъ разукрашены, рѣзба такая хитростная, и пѣтушки, коныки и словно съ кружевами полотенца; да избы высокія въ два, а считать подполье въ три жилища; навѣсы широкіе, ворота тесовыя, тоже съ рѣзбой по жести, такъ и свѣтятся; больно красиво, а балконцы, переходцы, свѣтелки, право очень похожи на швейцарскія, только не замѣтны—русскія значить!—аргуны плотники топоромъ, да долотомъ свахляли. А посмотрѣли бы вы какой порядокъ на дворахъ-то; первая половина какъ токъ чиста; крыша сплошная, высокая, телеги, сбруя и все прочее не разбросано, а все по мѣстамъ стоитъ; ну, другая половина за загородкой—скотная; чистота ужъ какая, пока навозъ не вывезенъ, такъ и то: всякой животинѣ по числу и закуты, что твоя нѣмецкая аккуратность! вотъ огороды и поля другое дѣло, тамъ на это своя причина; широкое приволье! Земля ни почемъ; попламъ съ бариномъ заливныхъ-то луговъ глазомъ не окинешь, поди-ко помахай;

это не то, что сѣянную полоску нѣмцу скосить, да по горсточкѣ травку собирать, просто раздолье: отъ этого у нихъ пашни мало, да пахатой и заниматься некогда; почтовая гоньба, покосы, а главное каплуны да пулярдки! доходная статья эти каплуны и пулярдки, выгодный промыселъ! Осенью, или эдакъ еще въ августѣ, хозяинъ запряжетъ телеги съ клѣтками въ нѣсколько рядовъ, да и пошелъ снова въ глуши, верстъ за двѣсти задается; куръ скупасть по пяточку, по гривенкѣ мѣдью, право; ну закупить штукъ триста, а то и пятьсотъ, и домой.

Тутъ ихъ и разсажаютъ каждую въ особую клѣтку, чтобъ шевелиться не могли; такъ подполье ужъ устроено: все полочки съ гнѣздами; начнется кормленье изъ рукъ; каждый день три раза, шарики изъ разной муки въ ротъ суютъ, а подъ конецъ и изъ грѣцкихъ орѣховъ; воды ни капли; трудъ какой кормить-то, вся семья переиѣнится, мокрая выдетъ, духота страшная въ подпольѣ, а каково бѣднымъ курамъ и пѣтухамъ шесть недѣль сидѣть неподвижно, чтобъ сдѣлаться лакомымъ кусочкомъ для столичнаго обжоры! Дѣлать-то нечего толстѣй себѣ знай, конечно толстота болѣзненная, рыхлая, да трюфелями приправятъ. Какъ установятся морозы, и пойдетъ кровопролитіе, куроизбіеніе, перьевъ возъ нащиплуютъ, а ихъ заморозятъ да къ Рождеству въ Москву, на Хитровъ рынокъ, пѣльми обозами и потянутся; ну гуртомъ меньше не возьмутъ, какъ рублевъ 15 — за десятокъ, а за три-то сотни рублевъ пятьсотъ не менѣе выручатъ; вотъ и годовой запасъ: и на подати, и на оброкъ хватить. Живи припѣваючи, сложа руки остальное время; почтовой-то гонь забавы ради. Привольное, раздольное житье, — за то и народъ какой, свѣжій, красивый! бабы и дѣвки какъ на подборъ писанныя красавицы, какъ есть писанныя, набѣлены, нарумянены, насурмлены; отъ бѣлизнъ только зубы черные; ужъ какія пышныя, да какія разряженныя, а главное чистоплотныя; сарафаны шелковые, не то что кумачныя, сорочки бѣлыя съ кружевами, кички богатыя, а на шеѣ-то, на шеѣ-то сколько бусъ и янтарей напутано, въ избахъ-то, даже глѣ и стряпня — какъ чисто, каждую недѣлю не то, что полы, да скамьи и потолки вымоютъ, тоже стряпухи или батрачихи нанятые! Славно живутъ, да и не въ однихъ Кладовицахъ, а почестъ вся губернію, пожалуй еще надо прихватить часть Костромской и Нижегородской, только промыслы тамъ другіе, у каждаго свои. Ярославцы больше по столицамъ живутъ, въ разношцакахъ, калашни-

кахъ, половыхъ, маркерами: любаго спросите; а вотъ если въ Москвѣ лѣтомъ въ городѣ клюковнаго или яблочнаго квасу случится выпить у мальчишки изъ чистаго стекляннаго кувшина, спросите откуда онъ? это ужъ все Калязинскіе, изъ села Сваскаго. Да вѣдь какія бываютъ вещи и въ голову не придетъ, вотъ хотя бы ножницы, ножички гдѣ больше работаютъ? вы думаете въ Туль? Нѣтъ-съ! нижегородскіе мужички, подѣ Завьяловское клеймо; а всѣ эти оловянные, мѣдныя, серебряныя колечки, сережки, пуговики—это все въ Костромѣ валяютъ, какіе вѣдь художники—одинъ изъ мужичковъ, міроѣдъ богатый, выписываетъ изъ Парижа образцы французской бронзы; по нимъ съ-разу надѣлаютъ возъ браслетъ, цѣпочекъ, брошекъ да такъ надѣлаютъ, что и не отличить, за французскія продаютъ, а эта Франція-то въ Костромѣ; вонъ оно что. Одно только въ Ярославской губерніи не ладно: изъ мужиковъ только и дома, что старыя да малыя, а то все разбредутся по промысламъ, ну бабы одиѣ и остаются, скука одолѣетъ одиѣмъ бабамъ жить; не все же кружева, да сиделки плести; хорошо еще солдатяки стоять: такъ постоялецъ мужскую работу справляетъ, входитъ во всѣ права хозяина и ему хорошо, и имъ не дурно, а народъ бравой, молодой, не изнуренный еще; за то какъ выступать рота или батальонъ вся деревня перехода два провожаетъ, слезъ и не оберешься хоть лопатой гребти, а то съ горя перепьются!—Можетъ отъ того и народъ такъ красивъ, что новыя силы входятъ; точно особая порода!

Вотъ тамъ-то близъ Кладовицъ въ селѣ Чудиновѣ, Катериинскаго баряча Сергѣя Семеновича Ордынскаго родился и подросла Киндюшка; такой святой въ седьмой день по рождовіи пришелся, а то и въ роду эдакого имени не было; развѣ бабы знаютъ всѣ имена, другое такое священникъ дастъ, что языкъ переломишь—ну и изкаверкаютъ, изъ Ксеніи и выдать Аксюта; звала же одна баба сына Спаской, потому что святой приходился въ Спасовъ день.

Спокойно, богато жили и въ Чудиновѣ, однако Киндюшенина семья была изъ бѣдныхъ, больно велика была малолѣтними. Управлялъ Чудиновымъ бурмистръ изъ своихъ, оно по-лучше будетъ управляющихъ изъ дворовыхъ и иѣмцевъ, къ тому же иѣтніе оброчное, собралъ оброкъ, да послалъ, а собрать трудно ли, раскладка не по душамъ, а по карману; иной богатъ одинокой, а за 10 или 12 душь платитъ, а бѣднякъ и съ семью

дѣтьми за одну душу. Раскладка полюбовная, по мірскому приговору, и выходятъ подать не съ души, а съ мошны, съ капиталу значитъ; зкіе, посмотришь, политическіе экономы бываютъ мужични, только волю дай и землю, и тяготу разверстають—во вахъ! случаются подчасъ грѣшки: много и обсчитаютъ, не безъ того, сила вездѣ сила.

Тамъ-то подросталъ Киндюшка; мальчишка шустрый, забіяка; въ бабки-ли, въ свайку-ли, никто и не связывайся, а на кулачки драться или по деревнямъ, да по крышамъ лазить за гнѣздами, другаго поискать — не найдешь! за то и коноводомъ былъ. Какъ-то заѣхалъ коробовникъ, такіе расписанныя картинки привезъ: и страшный судъ, и мыши kota погребаютъ, и Бобелина, и чего тамъ не было; у Киндюшки брентало за пазухой между бабокъ нѣсколько зашпбенныхъ пятаковъ; разгорѣлись глаза на картинки:

— Дяденька, дорого это?

— А что, развѣ курить хочешь?

— Нешто купилъ бы, ухмыляясь и почесываясь отвѣтилъ Киндюшка, а глаза такъ и сверкають.

— Да много-ли денегъ у тебя?

— Вотъ всѣ тутъ, дяденька.

— Ну, коли хошь, выбирай.

— А сколько дашь образковъ-то?

— Какіе возьмешь. Вотъ этикихъ три.

— Накинь, дяденька, еще.

— Ну на, парень-то, вижу, хорошій, тащи.

Потащилъ Киндей, собралъ ребятнишекъ, да бѣда какая вышла, не разберуть, что намазано такое, звѣри али люди и что они дѣлають? оно хотъ и подписано, да кто прочтеть-то?

Всталъ въ тупикъ Киндюшка! разинулъ ротъ и захлопалъ глазами, схватилъ картинки да бѣжать домой!

— Тятенька, дай гривенничекъ.

— На кой-чортъ тебѣ гривенничекъ понадобился.

— Тятенька, азбуку хочу купить.

— Ишь ты, пострѣлъ, умнѣй отпа хочешь быть, да што жъ учить-то тебя шелопаю станеть?

— Ужь только дай.

— Почему не дати! далъ нѣдаковъ; Киндюшка со всѣхъ ногъ къ коробовнику.

— А что, дядя, азбука есть?

— Есть! и купилъ Книжюшпа азбуку, да и засѣлъ въ уголь.

Петровъ день; еще роса въ тѣни не обсохла, а солнце такъ и печеть; на церковной паверти около лѣстницъ у ограды сидятъ, лежатъ мужики и бабы въ праздничныхъ нарядахъ; иные верстъ за десять прїѣхала; это все чужіе, а сельскіе звона ждуть, дома снаряжаются. Да что-жь это, какъ-то не по праздничному всё калякаютъ, какой-то тревожный говоръ и лица то у всѣхъ испуганныя?

— Слышь Васютка, говоритъ одинъ парень, лежа брюхономъ на травѣ, сосѣду: филинъ-то Гайдукъ прїѣхалъ.

— Ужь подлинно филинъ; что бають? зачѣмъ чортъ прїишь.

— Кто-жь знаетъ! мшь ты, Семіонъ Петровичъ подбирался, ни шша, только мычить.

— Оброкъ-то послали?

— Послали по поштѣ—какъ есть до гроша послали.

— Штобы такъ? а ужъ эта холера не даромъ! зловѣщая птица, прямой Гайдукъ.

— Гляди-ко, себѣ оброкъ сдереть.

— Какъ водится.

— Ужь не наборъ-ли, парень? смотри.

— Чево смотрѣть-то, слыкать бы было; что сму наборъ-то?— безъ него сданишь, есть таковскіе.

— Знашъ что? Чаръ, бають, крестьянству воля дать, такъ може оно.

— Какая тебѣ воля? экономическая-то што-ли, ну ее совѣмъ. эту волю; слышь: ономясь былъ я въ Басмановѣ, теперъ они имущества стали; идеть Пантелей-сапожникъ, безъ шапки! Ей дядя, али шапку потерялъ? Не братенько, дома бросилъ, лядъ ее возьми!— Какъ-же оно безъ шапки?—Да вишь што: у насъ начальства, развелось, всякому шапку ломай на улицѣ, такъ лучше безъ шапки идти, не опознаешь! вотъ она воля-то, Митюха, у насъ начальства, одинъ какъ есть Семень Петровичъ! Князя-то свою и въ глаза не видывали, что за князь такой.

— А во Гайдукъ еще.

— Ну евто—пролетный.

Ударили въ колоколъ, мужички сняли шапки, перекрестились и замолчали; стали въ церковь набираться, изъ домовъ стали тоже выходить разряженные, а все невеселые.

Оттрезвонили, а Гайдукъ не показывался; вотъ наконецъ изъ мирской избы вывалилась толстая заспанная фигура въ картузѣ, сюртукъ на распашку, жилетка бархатная, красная съ узорами, галстукъ бѣлый, накрахмаленный, сапоги смазные; за нимъ почтительно вышли бурмистръ Семенъ Петровичъ и земскій Корнюшка.

Важно размяхивая руками зашагалъ Гайдукъ во широкой улицѣ къ церкви; мужички, бабы уступали ему дорогу, становились къ сторонкѣ, кланялись и примыкали сзади.

Между тѣмъ хриплымъ голосомъ Гайдукъ дѣлалъ распоряженія.

— Ты, Корнюшка, положи мнѣ на разсмотрѣнье подворную опись, а вы, Петровичъ созовите мнѣ на показъ всѣхъ мальчишекъ, эдакъ лѣтъ двѣнадцати или пятнадцати къ утру, вечеромъ то голова разболится, жарко да и праздникъ.

— На чтожь бы эвто, Селифонть Ельпидифорычъ подростки-то твоей милости?

— Про то я знаю! награду имъ сдѣлаю! а самъ усмѣхнулся.

— Не ладно думалъ Семенъ, а Карниха смекнулъ, али въ ученье, али въ дворню выбирать будетъ, и на чтобы кажись у нихъ и въ Москвѣ и въ Питерѣ дормоѣдовъ этихъ душъ триста шебалу колотятъ, а у насъ ребятишекъ отнимать.

Корнюха-то угадалъ! барченка въ студенты отдали, такъ къ выходу надо особую дворню; пока онъ обучается и ихъ обучать! камердинера надо, парикмахерство чтобъ зналъ; повара, ну форейтора; еще тамъ кого обучить надо, да отцамъ-то не утѣшно.

— Вотъ Корней вызвалъ изъ церкви богатаго мужичка Липата Фомина; слово и дѣло есть, говорить.

— Хошь штобъ я тебя отъ большой бѣды спасъ?

— Отъ какой-же эвто, Корней Васильевичъ?

— Видѣлъ Гайдука?

— Видѣлъ.

— Ну?

— Ну! а што?

— У тебя меньшимъ-то молодцамъ сколько годовъ?

— Да еще младенцы, 14-ти нѣтъ.

— Ну?

— Ну!

— Вотъ такихъ-то и возьметъ Гайдукъ въ дворню въ ученье.

— Ой-ли! повторилъ Липатъ и посовѣлъ.

— То-то оно и есть! а дашь на кафтанница суконца — выручу.

— Батюшка, Корней Васильчъ, выручи! эка напасть какая, да кто ему на моихъ-то указалъ, развѣ овричь мало?

— Кто его знаетъ, записаны, приказъ есть.

— Неужто обовихъ?

— Може и обовихъ.

— Не то, что суконца, сшитый принесу, убоготвоори только, Корней Васильчъ.

— Ну, заручимся!

— Вотъ те моя рука.

— Смотри же, не сбренди! слушай же! поди ты сей-часъ, да мальчишекъ ушли, скажи, съ работы не приходили, али тамъ у кума, али у какого чорта, все едню; ну, завтра смотри, понимаешь, чтобъ не было на лицо...

— Понимаю, да може онъ опосля? почесывался, недоуважно спрашивалъ мужичекъ.

— Выбирать будетъ неотвѣдно.

— Такъ зайдешь ко мнѣ, Васильчъ.

— Нишени, спровѣдаетъ — отдереть; ты шени, слышь, а ничево не говорилъ!

Да такъ, пока обѣдню да молебствіе служили, Корнюшка и перебралъ человекъ десятокъ; зашибъ — таки конѣйку, а сватъ Степанидъ задаромъ по дружбѣ шепнулъ, чтобы сына прибрала, больно мальчишку любилъ, общался грамотѣ выучить, человекомъ поставить.

Послѣ обѣдни Гайдукъ зашелъ къ священнику, а оттуда къ Семену Петровичу, да такъ нахвостался, что и точно безъ головы весь день былъ; утромъ опохмелся, да опять нагрузился, водка даровая, еще неотступно просить ошастливить память. Такъ прошло дня три, али четыре; извѣстное дѣло, вино язычекъ развязываетъ: много нахвосталъ Гайдукъ, а много и правды сказалъ про свое житье-бытье.

Только вотъ и говорить:

— Ну-ка, Семень, садись, надо и дѣломъ заняться, давай-ка подворную-то; вотъ что возьми въ разумленіе; барченокъ нашъ такой шлопай мальчуганъ, 17 годковъ, а все въ дѣвичью нарывать, раза съ два привозили въ безобразіи домой изъ компаніи; покрыли, старику не сказали. Ну такъ его на выучку въ университетъ отдали; какая ужъ выучка, мало перебивало у насъ

разныхъ учителей; и французы и ивчюра, да все камъ нестоймые кони: побьются, да и плюнуть. А деньжища-то канія имъ платили; такъ возьми въ разумленіе; говорятъ, черезъ три года студентомъ выдестъ; ну не то, что своимъ домомъ, можетъ заживеть и своимъ. а все-таки особую половину отведутъ безвременно, ну, разумѣваешь, Петровичъ?

— Уразумѣвать уразумѣваю! да къ чему ты только эти рѣчи ведешь?

— А вотъ къ чему: особая половина—особая прислуга, ну, уразумѣваешь—надо мальчишковъ приготовить, обучить.

— Такъ зачѣмъ же мужицкихъ-то, тамъ, чай, въ дворнѣ-то мало ли есть, обучемые, чай? вздохнувъ тяжело, возразилъ буринстръ.

— Его сіятельство такъ хотять—вотъ и все, уразумѣй.

— Все кончено и говорить нече, барская воля и твоя, Салфонтъ Ельпидиѳорычъ, вставая и кланяясь, продолжалъ Петровичъ, ужь не обиждай больно-то; есть у насъ сиротки, въ чужихъ домахъ проживаютъ, если милость будетъ.

— Приказано изъ богатыхъ семей выбрать, чтобъ ребята были почище и посмышленѣй.

— Такъ, сударь, такъ; только ты ужь ублаготвори насъ, Салфонтъ Ельпидиѳорычъ, ежели не побрезгуешь, во какъ поклонимся.

— Не могу, велѣно всѣхъ забрать въ Москву на смотръ.

— Да сколько это подводъ-то надо? глядь подростковъ штукъ сто наберешь.

— Экая ты голова, уразумѣй, я выберу, а тамъ еще разсортируютъ.

— Да нѣтъ, што тамъ! тебѣ власть-то дана, ты ужь помилосердствуй.

— А коли уразумѣешь, по душѣ сдѣлаешь; вели-то богатенькихъ сперва приводить, да ты не финти, никого не обходи, да чтобъ ко мнѣ не лезли, а ужь ты тамъ съ нами: разумѣешь?

— Какъ не разумѣть, понура голову, отвѣчалъ голова: да не собратъ-ли сходъ? на міру-то лучше порѣшимъ, кого приговорить-то.

— Какъ-бы не такъ—давай поодиначкѣ, тутъ эдакъ другой рашеть, а то загадять не умирились, особенно бабы.

— Кто-жъ противъ барской воли пойдетъ! и онъ выцелъ, а

Гайдукъ надѣлъ на носъ очки, и принялся выпяску изъ подворной дѣлать.

Пошелъ Степанъ Петровъ постучивать въ окна да повѣщать, чтобъ всѣхъ подростковъ сейчасъ въ мірскую избу вели, набирать въ услуженіи будетъ.

Случалось-ли вамъ быть въ деревнѣ когда наборъ объявятъ, — а на кого очередь упадетъ не знаютъ?—Если у васъ мягкое сердце, да слабые нервы бегите этой картины.

Такъ и въ Чудиновѣ произошло! ошалѣли отцы и дѣды, заголосили матери, завопили и мальчишки, какъ будто каждаго на тотъ свѣтъ снаряжали; ну мальчишки эдакъ нѣкоторые не поняли должно быть въ чемъ дѣло только ротъ разинули, да въ носу ковыряли, а были и такіе, что не прочь и ѣхать, изъ этихъ былъ и Киндюшка!

Отъ того то знать на него и выборъ палъ.

Долго ждалъ Селяфонъ Ельпидифорычъ, соснулъ даже; какъ же иначе: мужички собрались таки у бурмистрова двора, и порѣшили межъ собой: когда такая напасть совершилась, дѣлать нечего, надо ребятъ похуже въ лакеи отдать, а Ельпидифорыча удоблетворить!

Привели къ нему мальчишекъ съ 15, да все такіе грязные, нечесаные, оборванные что Ельпидифорычъ даже сплюнулъ и задумался, дѣло выходило не подходящее.

— Эку сволочь привели, давай всѣхъ, самъ выбирать буду! — (Петровичъ что-то пошепталъ ему): развѣ вотъ что: это какіе— изъ семей?

— Есть и изъ семей, больше не имущихъ, а то сиротки послѣ холеры.

— Такъ вотъ что: ты, черномазый, плутовскіе глаза, ты хорошо смортишь, какъ тебя звать?

— Киндюшка!

— Чортъ знаетъ что за клчка, ну хочешь въ науку? камердинъ будешь, али поваръ!

— Въ городъ-то! хочу, смѣло отвѣчалъ онъ!

Отецъ сзади рванулъ его за волосы, онъ только свернулъ глазами.

— Вишь оборванцы! порѣшили Гайдукъ, уразумѣйте; это милость великая: къ молодому барину на службу, въ столицу значить, по вельможамъ знакомство будетъ, бархатные комзолы сошьютъ, честь великая.

— Какая-же, милость раздумывал отецъ Киндюшки, ему ужъ 15 лѣтъ и грамотѣ научился. Какая-же это милость лакеемъ быть, да и куда выйдешь? маркеромъ али буфетчикомъ—почище будетъ.

Другіе мужички тоже почесывались и вздыхали; хоть и чужіе ребятишки, а въ лакеи жалко отдавать, избалуется, даромѣды будутъ, да ужъ и не увидишь ихъ. Выбраны были мальчишки, которые были порослѣе да благовиднѣе; они бѣдные дрожали всѣмъ тѣломъ, и кулаками удерживали слезы, кромѣ Киндюшки да товарища его Никашки; эти прислушивались и весело переглядывались.

— Аинь, рѣшено! съ міру по ниткѣ, голому рубашка, одѣньте ихъ какъ пи на есть лучше, уразумѣваете Семень Петровичъ; не голь значитъ—семейные; ну вонъ! спать хочу.

Мужики и бурмистръ раболопно поклонились, и молча вышли; у многихъ камень отвалилъ отъ сердца, а у тѣхъ чьи дѣти выбраны? ну стоитъ толковать о мужикахъ и бабахъ.

Ельпидифорычъ развернулъ пачку, подложенную ему бурмистромъ, тщательно раза три перечесть, нахмурился, вѣрно не удовлетворился.

— Надулъ Петровичъ, знать частицу—у себя въ карманѣ забылъ! однако деньги положилъ въ засаленный бумажникъ, хватилъ стаканъ водки, крякнулъ и растянулся на лавкѣ.

Такимъ-то образомъ Киндюшка былъ вырванъ изъ семьи и изъ той среды, въ которой родился и выросъ.

— А знаете в. в-б. говорилъ онъ мнѣ, пока собирали насть, обшивали, мы больно веселились съ Никашкой; знаете, мечты разныя строили, ужъ какая чепуха въ голову лезла; думали поживемъ у молодого барина, весело поживемъ, а на чернѣй день копѣечку будемъ откладывать; какъ скопимъ и выкупимся; за хорошую службу баринъ отпуститъ на волю, и дали другъ другу слово не баловать; а какъ пришлось отправляться, какъ подѣхала подвода, заголосила мать и сестры, такъ сердце-то и заныло, такъ слезы приперли, что глотку перехватило, взялъ бы и убѣжалъ въ лѣсъ, кабы можно; особенно матушка, очень убивалась; я ужъ уткнулся въ землю—хоть-бы уши заткнуть! Страшная минута; послѣ хуже бывало, а такой минуты не было; горько было не разъ, да тогда отчаянность вывозила, озлобленіе было!

Сіятельный князь и все его семейство съ гостями кушали, когда предсталъ Ельпидиѳорычъ изъ своей командировки; старинку князю захотѣлось послѣ стола потѣшиться; приказалъ мушкетеровъ всѣхъ на лицо податы; оно можно было, такіе причесанные, чистенькіе, кафтаны синіе, кушаки красные, сапожки смазаны не дегтемъ, а саломъ. да ихъ и настроилъ Ельпидиѳорычъ какъ держаться, что говорить; разумный былъ человекъ Ельпидиѳорычъ, Киндюшку впереди. на виду поставилъ!

— Славные мальчишки; самодовально замѣтилъ князь, а какъ чисто одѣты, каково у меня мужички-то поживаютъ?

Ему отвѣчалъ хвалебный гимнъ гостей.

— Ну, Саша, выбирай самъ!

Саша, въ щегольскомъ сюртукѣ съ завитымъ хохламъ, съ лорнеткой, подошелъ и началъ разсматривать, — будто анатомировать хотѣлъ.

— Тебя какъ зовутъ?

— Анкиндинъ Сидоровъ.

— Фи, какая гадость, Сидоровъ, ну фамилью дать можно; ты изъ Чудинова?—будь Анкиндинъ Чудиновъ.

— Какъ вашему сіятельству угодно!

— Голосъ славный, знаешь папаша, мальчикъ складной, видно ловкій, его въ камерлинеры приготовить; надо къ парикмахеру отдать, чтобы грамотѣ выучили, завивать, брить.

— Ну это братъ тебѣ не скоро понадобится.

— Вы думаете? надменно отвѣчалъ Саша, и повелъ рукою по губамъ будто усы приглаживаетъ.

— Ну а вотъ этого широкоплечаго въ кучера; вотъ этого рэбова прогоните, какая гадость.

Штатъ былъ составленъ, Киндюшка былъ отданъ къ французу парикмахеру, а Никашка на придворную кухню.

Киндюшкѣ огонь понравился сѣренкій полуфрачикъ съ серебряными пуговицами и галунами, штаны съ щиблетами, и жизнь веселая у француза; дѣла почестъ никакого; утромъ прибрать залу и жилия комнаты, очень развести, а тамъ цѣлый день только и дѣло какъ французъ закричитъ: *шпцы* или *шотка*, *вода*, *мальчишкѣ*! Оно конечно мудрено было тутъ чему-нибудь научиться, да у Киндюшки своя охота была; все замѣчаетъ да надъ товарищами пробуесть, али въ домѣ, домъ-то большой, обрѣсть кого, да такъ ловко; началъ съ бутошника учиться, ужъ какъ же онъ ему бороду дралъ; ну, а потомъ сталъ копѣйки защи-

бать и французскія слова заучилъ! французъ не нахвалится!— черезъ годъ къ дѣлу поставилъ, во фракъ чернѣйшій нарядилъ, некоторые Киндюка за француза принимали. онъ хоть и не пойметъ чего, а все отвѣчаетъ: *Oui votre excellence; plait-il Monsieur? такой право шустрый.*

И не видалъ какъ три года пролетѣло; получилъ аттестатъ Саша, кончилъ науки и Киндюшка; ужъ какъ понравился Сашѣ разбитной камердинеръ, да и тотъ смекнулъ чѣмъ угождать: сначала навелъ на вольное обращеніе, умѣе былъ барина то вѣрно, тотъ ему иначе не говорилъ: *Mon ami, je vous prie!* а не то, что въ усъ да въ рыло, деликатнаго образованія былъ, да и сердце словно воскъ, ну и раздраженія не было, денегъ въ волю, заботы никакой, живи въ свое удовольствіе, почемужъ и добрымъ не быть.

Записался на службу Саша; такіе геніальные люди отечеству нужны; жилъ отлично, съ товарищами знался съ своей братьей, а дѣловыхъ чиновниковъ и знать не хотѣлъ: *Ce sont de bêtes de somme, mon cher;* даже и въ канцелярію не заглядывалъ; такъ что черезъ два года, когда его за отличіе произвели въ чинъ, такъ онъ давъ красненькую швейцару, который принесъ повѣстку, спросилъ: а гдѣ эта канцелярія?

Между тѣмъ Киндюшка не зѣвалъ. уѣдять баринъ (онъ рѣдко дома-то сидѣлъ) онъ возьметъ газету, закуритъ гаванскую сигару и развалится въ креслахъ. Дѣлишки обдѣлывалъ ловко: принесетъ счетъ французъ изъ магазина, Киндюшка разсматриваетъ, да и начнетъ учить; коли процентовъ десять, а то и двадцать не дадутъ и жди, не дай такъ съ счетомъ-то пожалуй годъ проходишь; а про его собственные счета и толковать нечего: ихъ Саша всегда рвалъ — у него деньги безъ счету валялись, а Киндюшкѣ не зѣвалъ конечно.

Получивши чинъ и считая себя преемникомъ Талейрана, Саша объявилъ отцу, что ему надо усовершенствоваться въ политикѣ, людей посмотрѣть, себя показать, а то кого онъ видитъ въ Петербургѣ — это Востокъ, Хива, Китай! т. е. ему захотѣлось путешествовать.

Отецъ совершенно былъ того же мнѣнія и безпрекословно отпустилъ его въ Парижъ, даже не поморщился, хотя пришлось заложить 1000 душъ для этого удовольствія.

И вотъ Киндюшка, Никашка и еще Андрюшка очутились въ центрѣ цивилизаціи: въ Парижѣ. Киндюшка сдѣлался полномочнымъ секретаремъ сіятельнаго Саши, даже за него писалъ, а сія-

тельный Саша, взойдя въ высшій кругъ лоретокъ, зажилъ на распашку; широкая натура расходилась. Киндюшка тоже завелъ свою лоретку, однако не зѣвалъ, зналъ что такъ не долго будетъ и точно дошло до посланника, что князь Ордынскій столько надолжалъ, столько наскандальничалъ, что тюрьмы не миновать; отписалъ отцу, да и выпроводилъ молодцовъ во-свося.

Расходился старый князь! быть не можетъ! Саша не такой, это его оклеветали и съ чего посланникъ взялъ долги, долги! людишки обворовали; онъ чай, дѣломъ занимался, а они обрабатывали, ярославскіе мошенники, онъ такой добрый! хорошо я рассчитаюсь съ ними.

— Ельпидифорычъ! Гайдукъ! Какъ молодой князь пріѣдетъ всѣхъ этихъ Киндюшекъ прямо съ парохода въ казенную, лобъ, слышишь?

— Слушаюсь, ваше сіятельство!

— А комнаты для Саши обновилъ?

— Какъ-же-съ мебель принесли, обойщики работаютъ.

— Назначь ему другихъ въ прислугу, а этихъ франтовъ, грамотѣевъ въ казенную—лобъ!

— Слушаю съ,

Такъ былъ рѣшенъ новый оборотъ въ жизни Киндюшки.

Сашу старый князь хотѣлъ встрѣтить строго, но расплакался, и за что было сердиться: *пошамилъ мальчижъ*, а развѣ онъ самъ не шалилъ также въ свое время; да ну ихъ совсѣмъ не объ нихъ рѣчь!

Пароходъ пришелъ утромъ! Ельпидифорычъ съ другими людьми и экипажами ждалъ у пристани; въ каретѣ сидѣла маменька съ хорошенькой компаньонкой, заготовленной чтобы привязать Сашу къ дому: авось остепенится.

Уклали въ коляску вещи его сіятельства, а вещей очень много завезъ: все рѣдкости да гардеробъ такой, что можно-бы баталіонъ одѣть на эти деньги.

Ельпидифорычъ облапиль Киндюшку, облобызалъ и даже прослезился.

— Что Киндей Сидорычъ, прокутилъ баринъ?

— На чистую, облапошали кругомъ.

— Ну а ты-то подумалъ о себѣ?

— Да что-жъ думать-то, дѣло лакейское.

— Экой братецъ, уразумѣй, дуракъ что-ли ты: то-есть на черныи день запасецъ-то неужели не сдѣлалъ?

— Малую толику уберечь, нельзя-же.

— Ну, вотъ, это умно! я такъ и уразумѣвалъ; оно вѣдь чер-
ный день какъ тутъ.

— А что? въ деревню что-ли? хорошо-бы.

— Како въ деревню,—въ солдаты.

— Въ солдаты? за что-же? спросилъ озадаченный Киндюшка,
да подумалъ прибавилъ:—что-жь *изъ солдаты такъ въ солдаты*
не пропадемъ; я братъ грамотѣ вотъ какъ наострился и по-фран-
цузски просто рѣжу; а все ужъ я не думалъ, ни годалъ что
такъ будетъ, а то-бы...

— А что?

— Да остался бы тамъ навсегда.

— Да за это братъ вздули бы.

— Тамъ не вздуютъ, ничего, живи безъ паспорту.

— Какъ же это такой безпорядокъ? не уразумѣваю.

— Ну, оно порядокъ другой, да! сглуповалъ.

— Какъ есть сглуповалъ.

— Да и то подумаешь, какъ на всегда родину-то бросить.

— Что тебѣ родина-то такое?

— Какъ что? родная земля; теперь ужъ дѣлать нечего, не во-
ротишь, такъ тому и быть.

— А коли отвертеться нельзя, такъ ты вотъ что: уразумѣй;
чай у тебя эдакъ вещицы всякія есть, ну можетъ и денжонки,
такъ на первое время не мѣшало бы припрятать, особенно въ ка-
зармахъ-то: обокрадутъ; и то уразумѣй спознаютъ: экъ скажутъ
нахапалъ у барина! а ты вотъ что Киндей Сидорочъ, дай-ка я
припрячу пока, а послѣ какъ уходятся, уживешься,—и возьми:
пригодится, пожалуй въ офицеры выдешь.

— Ну это долгая пѣсня.

— Отчего долга? ты молодецъ, чѣмъ не офицеръ гляди-ко
отъ барина не отличишься; хотѣлъ передъ тобой шляпу снять,
право ей Богу.

— Да развѣ домой не поѣдемъ?

— Не приказано: прямо въ казенную брать, и бумаги со мной.

— Одного?

— Всѣхъ.

Чѣмъ же мы-то виноваты! Все теперь чай рано въ казенную,
пойдемъ къ ресторану, пожуируемъ напоследокъ ради встрѣчи.

— Ужъ къ ресторану, куда намъ со свинымъ рыломъ да въ

калашный рядъ, уразумѣваешь! тамъ госнода, развѣ въ гостиницу въ особый номеръ.

— Ну, все равно ѣдемъ; ей Никандра; Андрей угадали што-ли? ѣдемъ! я вамъ радость объявлю: водъ красную шанку угостили, что глаза-то выпучили дурачье, хуже что-ли будетъ, здѣсь не Парижъ.

Ельпидифорыча тянуло къ водочкѣ и Киндей все заморскій вина спрашивалъ, однако пирогаиъ и свинымъ котлетамъ очень обрадовался.

Вещи были поручены на сохраненіе *другу* Ельпидифорычу, а имъ подбрили лбы немножко; гарнизонному пирюльнику и утѣру красенькую дали. Оно въ первую ночь ночевать на парихъ, въ щегольск. мѣ сюртукѣ съ золотыми часами; не совсѣмъ ловко было Киндюшкѣ, ну да что дѣлать! впрочемъ Киндюшка и не спалъ, угощеніе сдѣлалъ, фельдфебель даже предложилъ свою комнату, вотъ оно что значить угощеніе-то! солдатики собрались и выпить послѣ зари на чужой счетъ, и рассказовъ послушать! Киндюшкѣ было что рассказать! дивились на него:—что твой солдатъ; онъ и самъ сказалъ, коли привела кривая: буду солдатомъ, вотъ какииъ, настоящииъ, и сдержалъ слово—попалъ въ преображенцы; 8-ми вершковъ росту, съ лица красень, ловокъ, смелъ, ему ружье что перушико. Черезъ двѣ недѣли заправской солдатъ былъ, а много ему науки т. е. совѣтами фельдфебель указалъ, всѣ секреты открылъ какъ въ солдатствѣ жить надо; не фордыбачить, крючья застегивать, амуничку въ порядкѣ держать и все такое! добрый человекъ былъ фельдфебель, особенно какъ по-фельдфебельски натянется на ночь.

Андрей только шелъ плохо, а то Никандру и Киндею, особенно Киндею вотъ какъ далась солдатская наука; что-жъ удивительнаго, человекъ развитой, развязшой, а шуще всего охота есть; что-жъ вымаравка—пустое, шуть его только мучалъ гусиный шагъ разъ, два, три; онъ привыкъ ходить не по щелкѣ, а вольготно съ развальцемъ.

Полюбили его товарищи за добрую откровенную душу, полюбили и начальство за его вѣжливость, расторопность; особенно какъ онъ ротному командиру деньжонокъ далъ взаимы, — у него кромѣ шкатулки и въ карманѣ было, да все золото—такъ полюбили, что ротный командиръ на ученьи при всѣхъ, потрещалъ по плечу да и сказалъ: ты эдакъ Чудиновъ скоро галуны возьмешь!

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ Киндюшка.

— Ну, думалъ Киндюшка, теперь можно у Ельпидифорыча—чемоданъ и шкатулку взять; тогда еще скорѣй въ унтера промведуть; вытрусился вечеркомъ со двора, а старшему сказалъ, я пометъ въ переключиѣ не поспѣю, такъ тово, сударь...

— Ничего, не заѣтятъ!

— Гостишку славнаго принесу; и пошелъ къ Ельпидифорычу

Кабы днемъ шелъ по Невскому франтъ преображенецъ не одна бы барыня изъ-подъ шляпки полюбовалась; впрочемъ и вечеромъ подлетѣла къ нему такая франтовская барыня—ихъ господникъ гвардеецъ проводитъ меня домой, ужасть какъ боюсь идти одна.

— Немогла прятка, отвѣчалъ Чудиновъ, и вѣжливо раскланялся, а другая долго шла рядомъ, не вытерпѣла и говорить: какой хорошенькій, а какой певѣжа. Киндей захохоталъ и не отвѣчалъ; она тоже вильнула хвостомъ и кажется выругалась. Такъ вѣртно довелъ Киндей до княжескаго дома и прямо къ Ельпидифорычу. Горничная Агаша наткнулась на него на лѣстницѣ такъ и всплеснула руками, да на шею по старой памяти и бросилась! Вы, говоритъ ей Киндей, душенька, прѣзжайте ко мнѣ въ казармы, сестрицей назовитесь, а здѣсь не ловко и прошель мимо; та все смотрѣла черезъ перила.

Обрадовался и Ельпидифорычъ; затворился одинъ на одинъ; чаю заварилъ; съ барскаго стола рейнвейну поставилъ: хлопотеть, съ танинъ участіемъ спрашиваетъ, какъ тамъ и что и прочее все; какой доброй человекъ, думаетъ Киндюшка. Вотъ тары да бары, время-то и прошло, Киндею домой пора:

— Попили чайку можно и закусить.

— Нѣтъ ужъ, дядя, время и домой, заболталась.

— Вотъ за это хвалю разумный человекъ, право!

— Вотъ что, Ельпидифорычъ, благодарствуй за добрый советъ и услугу; теперь мнѣ можно чемоданчикъ и шкатулочку къ себѣ взять.

Ельпидифорычъ вытаращилъ глаза на него, и молчалъ.

— Знаешь тамъ платьѣ, надо разобратъся; лишнему распорядки съѣзжать, что не нужное по боку. Ельпидифорычъ молчалъ съ видомъ недоумѣнія; только не много поблѣднѣлъ, а Киндей, не замѣчая ничего, застегивалъ крючки и подтягивался.

— Ну такъ давай, дружкаше, я готовъ.

— Что давать? какъ-то не твердо спросилъ Ельпидифорычъ.

— Какъ что? ну да извѣстно, что я тебѣ далъ.

— Что ты мнѣ далъ такое? не уразумѣваю!

— Да что ты ошалѣлъ или оглохъ дядя? забылъ что-ли? желтый чемоданчикъ о двухъ замкахъ и такую шкатулочку въ футлярѣ, ну что при прїѣздѣ на сбереженіе взять.

— Что такое взялъ; ничево на сбереженіе не брали, уразумѣй, я все какъ есть, что съ пароходу принялъ, то и барину представилъ.

— Шутить что-ли дядя?

— Какія шутки.—

— Да вѣдь это мои вещи, а тебѣ довѣрилъ, ты обѣщалъ побережешь, ну, я пришелъ за ними.

— Какія же у тебя могли быть вещи? у крѣпостнаго развѣ есть свои вещи? извѣстно барское все.

— Да что ты за чепуху несешь: не ты-ли меня самъ надоумилъ, чтобъ за краденое не сочли, у тебя оставить.

— А то, что же могло быть какъ не краденое? я братъ Киндей воровъ не покрываю.

Киндей весь свихнулъ, и не успѣлъ Ельпидифорычъ подняться со стула, какъ Киндей сжалъ ему горло и притиснулъ къ стѣнѣ.

— Такъ эдакъ-то? мошенничать! зажить хочется? жирно будетъ не на того напасть, подлець; ну не орать задую.

-- Вотъ те крестъ не лгу, прохрапѣлъ Ельпидифорычъ.

-- А то и есть лжешь! таковской барину отдать; ограбить вду-малъ, подлець (и онъ другой рукой влѣпилъ ему плюху) отдавай или живаго не вышущу.

-- Отпусти душу на покаянье, отдамъ!

— Не орать, зарублю! и онъ выхватилъ тупой тесакъ. Ельпидифорыча била лихорадка, глаза бѣгали безъ цѣлм.

— Экой бѣшеной, словно бѣлены сбѣлся.

— Не ты-ли хватилъ-то! ну гдѣ чемоданъ?

— Разумѣется здѣсь, дуралей уразумѣй; вонъ онъ торчитъ изъ-подъ кровати, тащи самъ.

Киндей пристально поглядѣлъ на него.

— Ты не хитри, у тебя что-то не то на умѣ, шаромыжникъ; лѣзь самъ, да ну, а то...

Ельпидифорычъ подошелъ къ кровати, крахти вытащилъ чемоданъ; Киндюшка посмотрѣлъ перерыто все, а дѣло.

— Ну, а шкатулка?

Из-подъ груди шубъ изъ-за сундука явилась на свѣтъ и шкатулка, отперли: пожалуй кой-чего и нѣтъ — Ну да провались-ты думастъ, Киндюшка, секретный-то ящикъ вижу не тронуть!

— Такъ-то лучше, а то вишь отмочилъ штуку.

— Глупый ты человекъ. Сидорычъ, шутки не понялъ.

— Ну, подѣломъ тебѣ, не шути такъ, а зачѣмъ всецѣ-то все перерыты?

— Я что-ли? это въ таможиѣ.

— Ну и въ таможиѣ ужъ, стануть тамъ это смотрѣть, не взяли-ли еще пошлывъ?

— Да-таки давши.

— А вотъ лжешь; не смотрѣли, запрещенное есть секретный ящикъ-то ты и не пронюхалъ.

— Какой тамъ секретный?

— Про это я знаю, а то бы денежки слизнуть, ужъ не толкуй Ельпидифорычъ остолбенѣлъ и потъ выступилъ...

— Ну все-таки спасибо, прощай! взваливши на плеча чемоданъ, сказалъ, Киндей.

Однако въ дверяхъ приостановился, оглянулся, покачалъ сомнительно головой, вышелъ и заперъ за собой двери съ паружи, да и не замѣтилъ, что тесакъ остался на столѣ.

Не успѣлъ онъ хорошенько отойти отъ дверей, какъ Ельпидифорычъ началъ ломаться въ дверь съ крикомъ: батюшки рѣжутъ, грабятъ, караулъ, караулъ!

Поспѣшно бросился озадаченный Киндей въ боковой проходъ, проходъ-то ему извѣстны были, да и за ворота, — не заперты еще: онъ черезъ улицу, да въ противную сторону въ переулокъ! ночь; шибко бѣжать нельзя съ такой пошей за плечами, за вора примуть «солдатъ-де стащилъ», и то присталъ городовой: что это несешь братъ? — офицерское, не останавливаясь отвѣчалъ Киндей и ругнулъ офицера. — Да ты бы вопъ гитару взять! — Ты что-ли заплетишь! у меня пусто, а скаредъ-то не дастъ, да и съѣсть какъ же солдату. — Ничего, не видать ночью-то! — Нѣтъ ужъ недалече, дотащу, благополучно! — Счастлива оставаться! — и разошлись, а въ домѣ суматоха какая, доложили барину, что приходилъ Киндюшка и ограбилъ Ельпидифорыча, чуть не задушилъ, а избилъ-таки до полусмерти, будь-ли еще живъ. За полиціей послали, гонцевъ разослали повсюду:

Утомился окольными дорогами и ношей Киндей, прямо-то идти ужь не годилось, да и на душѣ такъ что-то не ладно, точно не доброе дѣло сдѣлалъ, а чтожъ сдѣлать? свои вещи взялъ, да подмеса пристрашалъ, больно его озадачило, что те-сакъ-то забылъ.

Долго шель онъ окольными путемъ, чуть не къ разсвѣту подходило, какъ съ набережной поворотилъ къ казармамъ, а тамъ его ждетъ Никандра.

— Ты Киндей? говоритъ.

— Я... а это ты Никандра?

— Я. Постой, плохо братъ Киндей, что-ты такое начудил!

— Что? вотъ что: и рассказалъ.

— Ну калякать нечево, убирайся-ка по добру, по здорову, хотя къ моей Грушкѣ; къ Дунѣ-то своей не ходи, ужь туда послали.

— Да что-жъ такое!

— Какъ што, жилъ Ельпидифорычъ издыхаетъ, тебя поса-дять, слышь ограбить, убилъ.

— Что-о? да вѣдь я свое взялъ, а бить и не думалъ, звать со страху.

— Доказывай, а изъ-подъ суда не вывернешься; только покажись-ка засодать; ротной такъ и рветъ и мечеть, опозорилъ говорить, полкъ, а про Костылева и говорить нечего, заперся говорить безъ спросу ушелъ, и солдаты голятъ, худо.

— Что жъ это такое, подъ-судъ пожалуй еще отдеруть.

— Да еще какъ, до суда отдеруть, допрашивать начнутъ, а то съ первоначалу и ротной пробереть; улика-то у тебя за плечами, экой чемоданища! что братъ Киндей, ступай лучше пока не замѣтили, а тебя повѣщу, отлучка что ночь, что три, все едино.

Подошелъ другой солдатикъ изъ пріятелей и настрошалъ еще больше; задумался Киндей, да и пошелъ къ Грушкѣ. Прачка была Грушка, жиличекъ держала и тамъ эдакъ особые чуланчики были; чистенкіо съ кровотками, только не знавши и не найдешь. Грушка Киндея знала и пріютила въ чуланчикѣ.

Сидитъ въ темномъ чуланчикѣ Киндей, словно въ тюрьмѣ и походить негдѣ, а кровь такъ и бьетъ въ голову, такъ былъ расхололся, и зло беретъ, и горе растеть на сердцѣ: думаетъ думку Киндей; что будетъ? да и какъ не подумать.

Идти-ли прямо и сказать правду? доказать можно, что вещи не Вльпидифорыча, а его, да что же толку! краденое скажутъ, а тамъ обнаженный тесакъ, значать насиліе было, скверно! вотъ-те и служба, пошла вся къ чорту, вотъ тебѣ и галуны, и эполеты: отъ суда не отвертнись, штрафованный выдешь, въ армию, а въ гарнизонъ выплнютъ, а тамъ какая выслуга,—доля безъ выходная; да хорошо какъ такъ; а какъ сквозь строй, да въ крѣпостные арестанты, нѣтъ! этого не вынесетъ душа, какая жизнь! И за что? и вспомнилъ онъ прежнее, и рождалась ему тихая деревенская жизнь и разгульный Петербургъ, и развратный Парижъ.

Въ такихъ черныхъ думахъ какъ не долго тянулась ночь, а прошла.

Утромъ Грушка принесла чаю и покоялася съ нимъ, подперши щеку рукой и грустно качая несчесаной головой.

Разсвѣло, а въ чуланчикѣ свѣчка горитъ. Пришелъ Никандра в аудиторскій писарь Брандуковъ, благопріятель.

Еще хуже вѣсти принесли: говорятъ велико примѣрно поступить.

Потерялъ голову Киңдей, да Брандуковъ совѣтъ далъ, можно было и дать совѣтъ, Грушка славной водки и огурчиковъ поставила.

— Тутъ братъ Киңдей дѣлать нечего, гдѣ тебѣ вынести—задерутъ до смерти, да и человѣкъ ты деликатный, какъ есть благородный, страму-то хуже палокъ наберешься, завуютъ и все прочее. Братъ! я сердечный человѣкъ, я тебя выручу; ужъ службу въ сторону, начинай новую жизнь! Ступай-ка въ городъ Одессу; на родину не ходи—повадешься!

— Въ Одессу, не на родину, думалъ Киңдей.

— Да, братъ, что сдѣлаешь! доля твоя такая немилосердая! да что унывать-то? службы жалъ? прахъ ее побери, не ты первый, не ты послѣдній, законъ у всякаго свой! можетъ и мы тамъ же будемъ; вонъ моего старшаго, Федюка знаете, два дня до выслуги въ 14 оставалось, не заповиохъ табаку, вздурмилъ Аудиторъ, доложилъ командиру: оборвалъ все и нашивки и галуны, и отодрали, вотъ она служба-то! а какой дѣлецъ-то больше аудитора знаетъ, и морали никакой; напился, да дѣло затерялъ—вотъ и бѣда вся! дѣло-то нашлось, въ кабакѣ заложилъ.

— Какъ же это, думалъ Киңдей, какъ же это жить-то; — не лучше ли въ Неву!

— Ты, братъ, перебилъ Брандуковъ глупостей не затѣвая, у тебя недоброе на умѣ, мы вѣдь людей знаемъ, сей-часъ по фазономъ видимъ, а и тебя выручу: и тебѣ паспортъ слезный принесу, а ночью и убирайся; у меня есть свать извозчикъ до Новгорода довезетъ; ну, разумѣется ему заплатишь и меня не обидишь; а ужъ услужу! только вернуться въ полкъ и не думай, зашлифуютъ, мы законы знаемъ! кабы можно, научилъ бы, да дѣло дрянъ, не вывернешься, прощай. долго нельзя!

— Аграфена Митровна! вы больнова то одного не оставляйте, удовлетворите всѣмъ, а за Думяшей не посылайте, за ней смотреть.

— Это что? амуниція? къ чорту ее, скорѣе къ чорту, въ печь сожгите Аграфена Митровна.

И оставили опять одного Киндея съ думкой горькою!

— Бѣжать! чужое имя принять! какъ же это жить-то? остаться? палки, тюрьма, палки, шпипрутены, истома, срамъ! лучше въ Неву и концы въ воду! а чтожъ впрочемъ? паспортъ будетъ, деньги есть, пожить можно еще, коли судьба такая вышла; кабы проклятаго Ельпидифорыча задушить, вотъ бы отлегло отъ души, душегубъ, подлець! и приняли у Киндея мысли другой исходить, и начало сквозь черную тучу просвѣчивать что-то свѣтлое, неясное, но просвѣчивать стало. Скинулъ онъ мундиръ и все прочее до рубашки, одѣлся въ штатское свое, а обмундировку унесла Груша и въ печку бросила! такая добрая право, сбѣгала къ знакомому цирюльнику, подвязныя бакенбарды и парикъ принесла, такіе славные; усы-то Киндей выбрилъ и не узнаешь! Груша даже съ восторгу поцѣловала его, а ся ученица отъ него и не выходила! хватилъ Киндей для храбрости стаканъ водки, будто и не такъ тяжело стало, какіи-то новыя мысли заерошились въ головѣ.

Вечеркомъ забѣжалъ Брандуковъ, паспортъ принесъ: оставнаго изъ дворянъ юнкера Антона Перельгина, исправной паспортъ какъ слѣдуетъ и сталъ Киндей Автономъ: Киндей и выпивкой, и деньгами удовлетворилъ друга Брандукова; крѣпко обнялись они, Брандуковъ и Никандра даже прослезились, а Груша и ученица навзрыдъ плакали.

За угломъ ждалъ извозчикъ и поѣхали въ Новгородъ, только за заставой поворотымъ въ Гатчино—значить въ Витебскъ на Кіевъ; безопаснѣе, слѣду не будетъ.

— Дезертиръ, преступникъ! шевелилось на душѣ Киндея.

Молодой человекъ въ альмавивѣ и конической круглой шляпѣ, шелъ по бульварной Одесской улицѣ и разсѣянно разглядывалъ выѣски; онъ готовился съѣсть на пароходѣ и ѣхать въ Константинополь на службу къ посланнику. А вотъ, есть! сказалъ онъ, и вошелъ въ двери, надъ которыми была выѣска:

Salomon
perguquier de Paris.

Сбросивъ альмавиву, съ сигарою во рту, онъ дружески подаль руку парикмахеру, и вѣжливо просилъ его остричь и обрить, тотъ закричалъ: вода! мальчикъ, и принялся его мылить. Молодой человекъ въ зеркало долго все всматривался въ парикмахера, который такъ и рѣзалъ по-французски всякой вздоръ.

Только когда онъ его завилъ, отлично къ лицу, молодой человекъ захохоталъ, бросилъ деньги и не требуя сдачи, сказалъ спасибо Киндюшка!

Парикмахеръ тоже захохоталъ, онъ давно узнавалъ своего барина и, не перемѣняя шутилаго тона, отвѣчалъ конечно по-французски:

— Развѣ дурно причесалъ? неужели за мою прежнюю службу вседете въ новую бѣду ваше сіятельство?

— Чортъ тебя возьми! что я полисменъ что-ли; какое мнѣ дѣло до тебя; меня только забавляетъ, что я тебя принялъ сначала за француза; представьте себѣ, обратился онъ къ какому-то офицеру вошедшему въ магазинъ и не знакомому совсѣмъ, какія бываютъ нелѣпости на свѣтѣ: я бывшаго своего камердинера, изъ мужиковъ, принялъ за француза; *le pauvre diable a deserté*, это не мое дѣло!

— Какъ твоя фамилія теперь?

— Какъ и всегда: Salomon.

— Salomon-овъ ха, ха, ха.

Киндюшнѣ духъ перехватывало, а онъ все шутилъ, баринъ рассказывалъ офицеру, *la sotté hystoire de cet homme*, и пошелъ съ нимъ на бульваръ.

— Хорошо держитъ слово, думалъ Киндей, добро бы по законности пошелъ да объявилъ, а то вонъ разболталъ; ну, офицеръ какъ будто не вѣрить, за шутку принялъ, а вѣдь другіе... да! узнаетъ и полиція, спроситъ какъ тебя зовутъ, не отбоярившая! онъ взглянулъ въ окно: на бульварѣ стояла цѣлая кучка и слушала очевидно забавный рассказъ кн. Саши.

Не злой былъ человекъ, не по чувству законности сорвать ма-

ску съ обманщика, для князя низко связываться съ полиціей, а просто изъ пустословья, разболталъ князь исторію Киндей; онъ въ эти три года вполне возмужалъ и даже потолстѣлъ порядочно.

Конечно Киндей словъ не слыжалъ, далеко, да догадался; на это чуть есть, и чутье не обмануло его.

— Рѣшено, сей-часъ же подумалъ Киндей, въ огласку пошло; оставаться нельзя и мѣшкать нечего! Прощай пыльная Одесса, прощай мое заведение, прощай хозяйюшка Рохля, прощай потраченный капиталецъ! тяжело вздохнувши закончилъ Киндей, его ужъ не увезешь.

— Ты оставайся, свазалъ онъ своему подмастерью—спросить; всѣмъ говори, что я пошелъ въ отель къ князю Ордынскому, у котораго прежде былъ гувернеромъ и больно за глупость съѣ.

— А что развѣ не ловко вышло что?

— Никуда не годится! стриги подъ гребенку скорѣй.

— А я-то какъ же? принимаясь проворно стричь, спросилъ подмастерье.

— Ты не шевелись, Александра, не знаешь ничего, у тебя видъ чистый, хоть справки наводи; удивись самъ, ругай меня...

— Не учи, знаемъ свое дѣло! ты мнѣ еще 1,000 р. долженъ, на мои деньги завелся...

— Ну да, конечно, я тебѣ записку дамъ; смотри же, вонъ толпа валить сюда! пустошѣла проклятая, эдакая глупая баша, прощай.

— Еще увидимся?

— Не знаю.

Киндей ушелъ въ заднюю комнату, востѣнно собралъ деньги и пѣнные вещи, напихалъ въ чемоданъ платья и бѣлья, смакнулъ бритвой свои красивыя вокругъ лица бакенбарды и только тщательно посмотрѣлъ паспортъ: онъ у него заранѣе былъ заготовленъ; самъ и печать на аспидной доскѣ ножичкомъ ловко вырѣзалъ.

Не простясь ни съ кѣмъ, даже и съ хозяйкой Рохлей (Рахиль), онъ вышелъ въ заднія ворота, сѣлъ на извозника и хладнокровно сказалъ ему: «къ Зальману портвону.»

Зальманъ встрѣтилъ его какъ незнакомаго и спросилъ: съ приказите?

— Снимай ифрку, штаны.

— А позалуйте лучше ко мнѣ въ каморку, тамъ раздѣться можно.

Когда они вошли и заперлись, Зальманъ спросилъ: ай, ай, визу, бѣда, вей, вей.

— Не твоя Зальманъ.

— А какъ-же хоросій целовникъ пропадантъ, какъ не бѣда.

— Ну послѣднюю службу, нѣтъ ли у какова отъѣзжающаго мѣста въ лакеи, чтобы выѣхать было легче, въ таможи нѣ опознали бы.

— А зацѣить таможию? можно безъ таможи.

— Нѣтъ Зальманъ, прямо лучше.

— Есть маіоръ, славный господинъ; нынче ночью ѣдитъ, свой тарангасецъ, у него деньщикъ въ госпиталю, вотъ по есть! самъ ѣхать боятся.

— Чего лучше, веди къ нему, чемоданъ здѣсь оставлю.

— Ази постойте. надо узнать, можетъ нанялъ! вей, вей— какъ жалко, хоросій такой целовникъ пропади! и самъ затрусилъ во улицѣ.

Смеркалось, а тамъ это быстро дѣлается, сейчасъ и темно. Киндей занялся туалетомъ; у жиды все было отъ чеботовъ до шапкъ; одѣлся Киндюшина оборванцемъ лакеемъ, въ какой-то широкой кунтушѣ, огромные сапоги, такой неуклюжій, не ловкій сталъ.

Не прошло и часу, какъ Зальманъ явился за нимъ и повелъ къ маіору.

Маіоръ стоялъ въ дешевенькой гостинницѣ, чемоданы и ящики загромождали всю комнату, факторъ бѣгалъ суетливо и укладывалъ все въ тарангасъ подъ личнымъ надзоромъ маіора.

— Ты изъ какихъ? первое что спросилъ грубо маіоръ.

— Изъ дворовыхъ наше высокоблагородіе. Марью Антоновну Боровицкую въ Костромѣ, не изволите ли знать?

— Нѣтъ, какъ же ты сюда попалъ изъ Костромы.

— По паспорту, значить на оброкъ, съ однимъ баринкомъ приѣхали, да они изволили на пароходъ сѣсть, а меня оставили.

— Паспортъ? хорошо... хочешь со мной? что возьмешь!

— Да вотъ што ваше в.-благородіе, мнѣ барыня отписала приказъ, явиться къ ней въ Москву, а вы куда изволите ѣхать?

— Въ Москву.

— Такъ не будетъ-ли милости вашей меня довести, да хар-

чевать, а за службу-то, что сами пожалеете, мы за этимъ не по стоимъ.

Маіоръ недоувѣрчиво посмотрѣлъ и опять развернулъ паспортъ; какъ это человекъ такой сгворчивый?

— Ты знаешь этого каналья? спросилъ онъ Зальмана.

— А какъ же иначе, рекомендовать бы сталъ, очень знаю, нѣской человекъ есть, прямой человекъ, и слуга по твоей факторъ.

— Ну, хорошо, ѣдемъ какъ тебя? Феропонтъ. чортъ возьми я буду тебя короче, кликать Фертомъ; ну неси Фертъ!

Зальманъ побѣждалъ за чемоданчикомъ, а Киндей усердно сталъ выносить и укладывать вещи; маіоръ не былъ ни золь, ни капризентъ, только недоувѣрчивъ, стало угодить можно; расчетливъ былъ, не промахъ, себѣ на умѣ, такъ изъ Одессы для обороту кой-чего не мало вывезъ, особенно часовъ; двое на себя надѣлъ, а двое на Киндюшку, пачку зонтиковъ и черешневыхъ чубуковъ хитро подвязали подъ верхъ, такъ чтобы не замѣтно; прочее было подъ военными вещами въ чемоданахъ уложено и сверху положено гдѣ красенькая, а гдѣ и пятидесятная; какъ подынешь крышу въ глаза и бросится.

Къ утру они выѣхали; въ таможи ничего не задержали, почти и не смотрѣли; военный дескать, ну для формы поднимуть крышу, пошарять для прилики, а вещи для чего мять; какой-то господинъ вглядывался въ Киндея, да гдѣ было его узнать; преглубую рожу скорчалъ Киндей, какъ-то согнулся, разгильдяй такой, и глазъ подбить.

Такъ выѣхали они изъ Одессы; мирно и благополучно черезъ мѣсяцъ въѣхали въ Москву; сильно тянула его къ себѣ родная сторонка. Какъ пріѣхали Фертъ спросилъ расчетъ, маіоръ такъ его полюбилъ, что отпустить не хотѣлъ.

— Да, нѣтъ думалъ Киндей, будетъ съ тебя, пошутилъ и довольно! взялъ свой чемоданчикъ, шкатулочку, узелокъ, у половаго переодѣлся, досталъ свой старый юнкерскій паспортъ, и на извозчикѣ поѣхалъ на подворье: по глуше тамъ, чѣмъ въ гостиницѣ. Въ мѣсяцъ у него ужъ отросли и волосы и баки порядочно; похудѣлъ маненько Киндей, ну да вотъ опять на свободѣ, а какая эта свобода, когда страхъ безпрестанно за шиворотъ держитъ.

Сообразилъ Киндей свои средства; видѣть роскошничать нельзя, въ гостиницѣ дорого да и сказано опасно; поѣхалъ за Мо-

скую рюмку на Сиверское подворье, взявъ номерокъ маленькой, рубль ассигнаціями въ сутки—тогда были, а теперь такой дешевизны не водится, да неудачно выбралъ онъ подворье то.

Сначала все шло своимъ порядкомъ, дворникъ внесъ чемоданъ и узелъ, и повпросилъ на чай; явился корридорный въ купеческомъ длинномъ сюртукѣ, остриженъ въ скобку, потребовалъ паспортъ и ушелъ; половой въ желтой ситцевой рубашкѣ и башмакахъ принесъ рюмку рому и три пары чаю, повертелъ въ рукахъ фартукъ и видя, что въ разговоръ съ нимъ не входятъ, ступешался.

Надлалъ Киндей чаю и думаетъ; что же дѣлать? снова стелъ свои капиталы немного, какъ же жить? въ лакеи идти? нѣтъ ужъ отвыкъ онъ отъ чистки сапогъ, да и майоръ дѣбхалъ, а такъ мѣсто найти кто возьметъ? самому торговать? подняться не съ чего да и опять узнаютъ; разбрелись у него мысли какъ овцы безъ пастуха.

Должно быть поздно было, въ номерахъ все затихло, внизу къ харчевнѣ только слышно посуду прибираютъ. да считаютъ выручку; потомъ и это замолкло, кой-гдѣ скрипнетъ дверь да пройдетъ человѣкъ, да отъ куда-то слышненько говоръ разгула.

Полураздѣтый лежалъ Киндюшка на жесткой постели и смотрѣлъ безсознательно какъ суетились на потолокъ тараканы и выволзали изъ щелей клопы; знать почували человѣка, они пробирались на поживу по изорваннымъ и грязнымъ обоямъ.

Въ сосѣдней комнатѣ скрипнула дверь, кто-то вошелъ.

— Спишь Петрушка, послышался шепотъ:

— Видишь что нѣтъ.

— Что?

— Не видно ничево, легъ должно быть спать.

— А ничево?

— Ничево, какъ есть!

— Это что? подумалъ Киндей подсматриваютъ что-ли, чортъ ихъ побери, и повернулся такъ, что кровать затрещала. Все умолкло. Не свалось ему, и свѣчу не тушилъ.

Прошло сколько-то времени, тихо отворилась къ нему дверь (онъ забылъ ее запереть) и показался половой, человѣкъ съ сѣдиной, и въ головѣ, и бородѣ, въ желтой тоже рубахѣ, худощавый, небольшой и началъ съ того, что погрозилъ ему, молчи дескать.

Киндей привсталъ , а тотъ подошелъ къ самой кровати, и всталъ въ ногахъ.

— Не спознаешь землякъ?

— Какой я тебѣ землякъ? кто ты такой?

— Грѣшно братъ Киндей, я тебѣ съ родни Чудиновской тоже, понатужся, возьми глаза-то въ зубы, Антона Филипова запомнилъ что-ли? кажись баринъ не важный, да и видѣлся недавно въ Питерѣ-то.

Киндей въ него молча всматривался и точно признавалъ.

— Хоть бы и такъ, что жъ дальше?

— Экой ты человекъ, тебѣ не зло дѣлать, а ты артачивься, ты выслушай...

— Ну что?

— Тише! чортъ тебя дернулъ у насъ остановиться: собака Кунинъ такъ и рыщетъ, (онъ присѣлъ на кровать и продолжалъ шепотомъ)—намясь въ Гуслицахъ онъ накрылъ шайку Алексашки; такой пройдоха, что чортъ не братъ; его все знаютъ и онъ всѣхъ знаетъ; заговоръ есть у него таковъ, ну а Алексашка у насъ приставалъ, понимаешь, другихъ забрали, а онъ-то ускользнулъ тамъ Кунинъ, такъ и шмыряетъ, понимаешь? ну, а ты чѣмъ лучше Алексашки?

— Что это за Алексашка?

— Кто жъ его знаетъ! атаманъ слышь былъ; (онъ прошепталъ едва слышно) у нихъ надежной прятонъ близъ деревни Соболевки у лѣсника, старца Никифора.

— Мнѣ-то что?

— Что? не чуфырься, а слушай; свой тебѣ говорить, землякъ, заруби на память; не вытерпѣлъ, земляка что сродственника, выручить надо; ухо держи востро Киндей, а придется плохо ступай къ старцу Никифору, ладно будетъ! и онъ вышелъ на пыпочкахъ, дверь и не скрипнула.

Задалъ задачу Антонъ! Да что же я-то тутъ? думалъ Киндей, разбойникъ что ль? а веселая жизнь, должно быть, разбойнику; эдакъ шайку удалцовъ набрать, налетѣть, страху задать, ну добыча по-военному, веселая разгульная жизнь, должно быть; подумаешь соскучиться некогда и деньгу можно зашибить! и въ мечтахъ о разгульной жизни вполчаса Киндюшка заснулъ. Сальная свѣчка оплыла, и вотухла въ широкое под-свѣчникѣ.

Еще не прошелъ чадъ свѣтильни какъ постучались въ двери;

Киндей не успѣлъ очнуться, какъ крючокъ соскочилъ, и передъ нимъ явились со свѣчками какіе-то не ясные образы, а въ дверяхъ гонимыи пѣлая толпа; онъ вытаращилъ глаза и не могъ разобрать во снѣ или на яву это видѣніе?

Однако видѣніе заговорило очень рѣчието.

— М. г. позвольте васъ попросить встать, на минутку.

— Что вамъ надобно? кто вы такіе? медленно подымаясь спрашивалъ Киндей, и вглядясь убѣдился что передъ нимъ квартальный и какой-то живчикъ въ коричневомъ длинномъ сюртукѣ, борода клиномъ.

— Онъ? спросилъ квартальный.

— Нѣтъ, обновочка! отвѣчала борода, вперивъ глаза въ Киндея.

— Скажите-ли, господа, что вамъ надо? что это такое ночью безнокоить.

— Позвольте, два слова, приказано...

— Что мнѣ за дѣло, что приказано, я спрашиваю, запальчиво отвѣчалъ Киндей, по какому праву вы смѣли вломиться ко мнѣ ночью?

— Минутку, по-хладнокровнѣе, сей-часъ уйдемъ! мягко возразила борода, въ вашемъ паспортѣ ошибка, такъ позвольте ваше имя сказать да взглянуть, только взглянуть ваши бумаги, есть же какия-нибудь бумаги!

— Я васъ не понимаю? спросилъ Киндей, говорите яснѣе.

— Ясно, у васъ фальшивый паспортъ, въ годѣ ошибка и въ мѣстѣ, въ этотъ годъ война была, въ отставку не выпускали никого, мой милый, а эдакой полкъ никогда и не стоялъ въ Новоярскѣ.

Киндей захохоталъ: что за чевуху городите, убирайтесь господа вонъ, я завтра съ вами поговорю.

— Ужъ нѣтъ, взвните, за одно, пришла, надо обыскъ сдѣлать.

— Вы дали корридорному свой юнкерскій паспортъ, паспортъ фальшивой.

— Часъ отъ часу не легче! какой же я юнкеръ, да я еще паспорта и не отдавалъ, что вы господа городите!

— Такъ вотъ позвольте взглянуть вашъ паспортъ! перемигнувшись спросили незваные гости.

— Извольте! холодно отвѣчалъ Киндюшка, досталъ шкатулку, отверъ и вынулъ свидѣтельство дворянскаго предводителя, но

въ тоже время квартальный отодвинулъ шкатулку и приказалъ добросовѣстнымъ все пересмотрѣть.

— Влопался, подумалъ Киндюшка, ну на проломъ не пойдешь! махнулъ рукой и началъ одѣваться. причежь ловко такъ спряталъ деньги изъ бумажника, что тамъ искать и въ голову не придетъ.

Между тѣмъ квартальный восторгался и борода лукаво потирала руки.

— Чутье у тебя Куницынъ! гляди-ко, ева аспидныя печати, разные виды, о, да это фабрикантъ, голубчикъ! ну тутъ секретный ящикъ, показывай, что голову-то намъ ломать.

— Ничего нѣтъ! отвѣчалъ Киндей и мигнулъ квартальному; тотъ повертѣлъ, повертѣлъ ящикъ «должно быть дно толстое» и передалъ бородакъ, та начала тоже вертѣть, жать, трясти; ту же операцію совершили добросовѣстные, а секретецъ какъ кладъ не давался; между тѣмъ квартальный подошелъ обыскивать Киндея; тотъ ему шепнулъ: деньги, послѣ тамъ!

— Забирайте все въ часть! крикнулъ квартальный, любезнѣйшій, пожалуйста съ нами, тамъ объяснимся; чутье у тебя Куницынъ?

— Ужъ гдѣ до васъ! отвѣтилъ потирая руки Куницынъ — а кажется жаркимъ не пахнетъ!

Оба захохотали и двинулись сквозь собравшуюся у дверей полусонную толпу!

На сѣзжей квартальный не посадилъ Киндея въ сибирку, а оставилъ въ канцеляріи, приставя къ нему на часы будочника, съ тесакомъ, а вещи взялъ въ присутствіе.

— Ну, господа приходите актъ подписать утромъ.

— Надо же узнать какъ ихъ милость величать, спросилъ борода, подходя къ Киндею.

— Да ваша-то милость, что за птица, чтобъ спрашивать-то?

— Ты не знаешь Куницына? жаль мнѣ тебя.

— Такъ ты-то Куницынъ!! слышали, какъ же!

— А ты кто?

— Я-то! да какъ бы тебѣ сказать: какъ родился не помню, были-ли крестины не знаю, лѣсъ да воздухъ, да широкое поле вотъ моя доля, а звать зови какъ хочешь, хоть китайскимъ императоромъ.

— Оставь его, допросимъ, церемониться не будемъ, какъ вздернемъ заговорить.

— Да ну изволь? Кунницынъ, подарю:

Киндюшка бродяга.

— До свиданья, Киндюшка, увидимся.

— Гдѣ-нибудь встрѣтимся, другъ!

Когда остался одинъ дежурный квартальный, а будочникъ разыгрывалъ носомъ трели и хлопалъ глазами, квартальный подзвалъ Киндею.

— Ну какъ же, такъ бродяга?

— Конечно, что же дѣлать?

— Да вѣдь отдеруть и въ солдаты.

— А не въ Сибирь?

— Ну нѣтъ, пожалуй въ крѣпость еще запрячуть.

— Такъ вотъ что... и они долго шептались, до утра: оно дежурный, спать и не слѣдуетъ!

По-утру квартальный рапортовалъ частному, что ночью на Северскомъ подворьѣ, взявъ бѣглый дворовый человекъ помѣщика Пасхальскаго, ковенской губерніи, Семенъ Липатовъ, который въ этомъ и сознался; подозрительнаго кромѣ носильнаго платья ничего не найдено, а хотя оказались разные паспорты и печати, но онъ отозвался, что нашелъ ихъ въ номерѣ и что это за бумаги и за печати не знаетъ по безграмотству.

Сдѣлали справку, дѣйствительно у г. Пасхальскаго сбѣжалъ, съ полгода назадъ, лакей Липатовъ отъ рекрутства, безъ всякаго другаго преступленія, почему буде нѣтъ препятствія просили выслать его къ помѣщику по-этапу.

Это-то и нужно было Киндею! пошелъ онъ по-этапу, ему и платье отдали и даже денегъ малую толику удѣлало, а въ первомъ острогѣ онъ занемогъ; съ мѣсяцъ пролежалъ, ночи были свѣтлы, уйти-то не ловко, а изъ этапнаго дома почему не уйти; тюрьма что-ли? избушка на курьихъ ножкахъ, хоть руками разбирай.

Въ эдакую-то избушку, стоящую въ полѣ, загнали человекъ пятьдесятъ арестантовъ, двѣ партіи сошлось, страшно утомились и арестанты, и конвойные, скоро богатырскимъ сномъ заснули; чего бояться? двери заверты, всѣ почти скованы, не уйдутъ!

По правдѣ-то оно и не всѣ заснули, трое что-то все шептались, да такъ непонятно, хоть Киндей какъ не прислушивался, даже притворился спящимъ, а понять не могъ; гдѣ ужъ спать,

духота, вонь, храпъ, сопъ, гадость такая! да и не то было у него на умѣ, не идти же къ какому-то Пасхальскому; опознаютъ что Федотъ, да не тотъ. Между тѣмъ, одинъ изъ трехъ оглядѣвъ всѣ-ли спать, сталъ смотрѣть въ разбитое окно будто освѣжиться хотѣлъ, поковырѣлъ, поковырѣлъ, да ражку и снялъ. Киндей это видитъ, постой говорить, пусть работаютъ!

Ношники-то какъ-то погасли вдругъ, масла что-ли мало или вѣтеръ задулъ должно быть.

— Что? спросилъ другой.

— Гвозди, отвѣчалъ шепотомъ тотъ.

— Подаются?

— Еще бы... и звякнуло чуть слышно желѣзо. Они притихли, ничто не отозвалось на звукъ только на противной сторонѣ часовой гаркнулъ: *слушай* и кто-то заходилъ, ему откликнулся голосъ за воротами и все утихло!

Изъ окна потянулъ свѣжій воздухъ! прошло съ полчаса! чуть слышно было что отдираютъ желѣзо, знать тряпкой завернули; вдругъ свѣтъ въ окнѣ исчезъ точно заткнули его, а потомъ опять показался; что-тобрякнуло за окномъ, раздался голосъ: кто идетъ? а ему отвѣтили съ другой стороны: *слушай!*—какъ будто что-то рухнуло и захрипѣло; и во второй разъ заткнулось окно, и въ третій; Киндей тихо всталъ отыскалъ свой иѣшокъ, выглянулъ въ окно! три тѣни едва замѣтно рисовались ужъ у частокола. Онъ осторожно опустился и къ нимъ. «Свой», тихо сказалъ онъ, а то они больно испугались и что-то въ руки схватили. Свой такъ свой, былъ отвѣтъ. Чехарда! другой вскочилъ ему на спину, Киндюшка на другого, третій на Киндюшку и сѣлъ между острыхъ концовъ ветхаго частокола, вспрыгнулъ также и Киндюшка, за руки втащили втораго, только послѣднему было всѣхъ труднѣе. однако втащили; спрыгнуть пять аршинъ пустяки кабы не цѣпи, а сидѣть нельзя долго верхомъ, на свѣтъ видно! Киндюшка скованъ не былъ, на водвореньѣ возвращался, только полбирки обкарнали; что мнѣ съ ними, не дѣтей крестить, подумалъ онъ и шмыгнулъ внизъ, отыскалъ брошенный заранѣе иѣшокъ и давай Богъ ноги. Конный иѣшему не товарищъ; ужъ онъ былъ почти у лѣсу, какъ подвѣлась тревога, раздались крики, конскій топотъ, Киндюшка круто поворотилъ въ сторону; вода шумитъ, рѣка значитъ; берегъ крутой а онъ въ воду, да легъ плахой и поплылъ внизъ по водѣ, чтобы не шумѣла вода, до-тѣхъ-поръ плылъ пока ничего не слышно

стало, тутъ онъ переправился черезъ рѣку и пошелъ, скоро пошелъ, чтобъ обсушиться.

Свобода, думалъ онъ, какая къ чорту свобода, пояголовы обрито, положиши одежда своя, а все днемъ показаться нельзя, гдѣ же поѣсть-то взять? стало свѣтать, а онъ все шелъ безъ усталы; густой лѣсъ завидѣлъ, а тамъ трущоба такая; ну день промататься можно, безъ пищи; какова ни на есть, а все свобода.

И точно день не шевелясь пролежалъ онъ подъ низкими наѣсомъ густой ели, точно шатерь раскинулись сучья и концы къ землѣ прилегли, только ужъ какъ его жажда томила. Слышалъ онъ не разъ не вдальскѣ скрипъ телегъ, говоръ людей, прошли съ пѣснями бабы, видно дорожка близко! осторожно вышелъ онъ — шелесту и шаговъ не слышать — по разгнѣдѣлъ и точно дорожка, такая извилистая, узкая, неровная съ колеями, извѣстно лѣсной проселокъ, а торная, глядитъ въ колѣя на копыла вода: онъ жадно сталъ глотать мутную воду.

Раздался сухой кашель и одинокіе шаги; видитъ Киндей идетъ старуха нищенка, киса сильно оттарачилась; запасъ есть, а ему ѣсть, вотъ какъ хочется, животъ совсѣмъ подтянуло.

Думаетъ: одна, попрошу — дасть, а то залячу, а не то и силой возьму, голодъ не патка!

Испугалась старуха увидя его, остановилась.

— Не бойся бабушка, не трону я заблудился.

— Кажись дорожка пробитая, какъ же это ты заблудился-то?

— Ужъ такъ случилось бабушка, просьба къ тебѣ.

— Охъ, родимой! у тебя никакъ голова-то бритая, да не ты-ли изъ острога-то бѣжалъ нынче?

— Ну бабушка, не твое дѣло, а вотъ что...

— Сердешный ты мой! несчастный! чай съ тѣхъ поръ и не ѣлъ?

— Не ѣлъ бабушка, нѣтъ ли чего, я заплачу.

— За что тутъ платить, ѣшь голубчикъ, только не побрезгуй, подайное; да тутъ на дорогѣ-то не ладно, пойдемъ въ сторонку.

— Вaju ты добрая старушка, пойдемъ вонъ подъ ту елку, ты не бойся меня я право не злой человекъ.

— Да нѣтъ, родимой, чего бояться-то.

Они пошли, старуха вздыхала и жалостливо смотрѣла на него; когда усѣлись она высыпала часть своего запаса: тутъ были корки и объѣдки хлѣба, каша, яйца, лукъ и всякая всячина.

— Кушай, болѣзной мой, не побрезгуй родненькой.—Кандюшка жадно ѣлъ, старуха подперла голову и не сводила съ него слезливыхъ глазъ.

— Ты что родненькой, некрутикъ что-ли али несчастной.

— Все что хочешь бабушка?

— Какъ же это, тебѣ бритому-то ходить, хоть бы ты обстригся совсѣмъ, а то не добрые люди есть, бѣдной? вотъ такъ-то мой сердешный внучекъ чай мается.

— А онъ что бабушка?

— Что голубчикъ, вотъ такой-же, какъ ты; въ некруты сдали въ наборъ, по злобѣ отдали, не по правдѣ, очередь не занани была, за міроѣдомъ Кулакомъ; да богатъ собачій сынъ, откупился такъ нашего и отдали за напрасну, такъ-то!

— Такъ онъ чтожъ ушелъ что-ли? спрашивалъ Кандюшка набивая ротъ кашей.

— Вѣстимо ушелъ! наши все уходятъ нешто! въ солдатахъ-то страдать не охоча, такъ-то! ушелъ какъ есть...

— И не знаешь гдѣ онъ! Киндей хватилъ луку и крѣпко поморщился!

— Какъ не знать родимый въ Гуслицахъ; вѣсточку ономясь прислалъ и три рублевика прислалъ, такъ-то, не забываетъ старуху бабу.

— А далеко это Гуслицы?

— Далеко сердешный! какъ далеко, версть полтараста будетъ, баютъ наши; не видать ужъ знать мнѣ его, стара стала.

— А знаешь, бабушка хочешь поклонъ ему отнесу, ты только скажи какъ въ Гуслицы пробраться и какъ отыскать?

— Не знаю родимый, гдѣ мнѣ знать, вотъ мой Степуха знаетъ

— Это кто Степуха-то?

— А тоже внучекъ, братикъ родненькой, онъ вѣдь съ кладью ѣздитъ, такъ, какъ дороги не знать.

— Какъ бы ты у него спросила!

— Да спрошай самъ, я ужотко приведу.

— А онъ какъ выдастъ?

— Нишни, родненькой, съ чего онъ полезетъ; ты, вотъ што. повѣрь старухѣ внучекъ несчастный есть (и она захныкала) такъ какже и другога-то въ бѣду введу, не бось; вотъ што; до деревни отселѣ всего версты двѣ, я ужъ побреду, а ты здѣсь подожди, мы придемъ, а тамъ и пойдешь, вотъ што! тебѣ што надоть-то, молочка хошь, али вина принести?

— Не дурно бы бабушка! на тебѣ рублевикъ, да я боюсь не выдайте.

— И што ты, родимой, вотъ-те крестъ; у насъ и заведенья такова нѣтути, вѣстимо ино есть такіе проклятые, христіанской крови не жаль, продадутъ, а я то что-ты? а внучекъ-то? эко, ниѣ ты за него, вотъ что! тебѣ помогу, ему добрые люди помогутъ! да ты отселѣ не вылезай, а то кто не ровно... тово!

Ушла старуха раздумье взяло Киндею, ну какъ... да нѣтъ, прямодушна старуха.

Не ошибся Киндей, старуха не только привела Степуху чуть брѣжжить начинало и водки и съѣстнаго и молочка принесла, ножницы даже захватила, обчекрыжила Киндею волосы какъ сьумѣли, снабдила не однимъ наставленіемъ, а и припасемъ, ну сказали какъ внучка доискаться.

— Ну родненькой, ступай съ Богомъ, какъ ночь придетъ, только отыщи ты тамъ внучка-то мово, здѣсь-то Митюхой ко-сымъ звали, а тамъ не вѣсть какъ, только ты спознаешь его: онъ такой чистый изъ себя, маленько востъ, а то ужъ какой взрачной, поклонись ему до земли, теби-де во какъ бабушка и всѣ повидать желаютъ; я вѣдь здѣсь что не день два раза прохожу лѣсомъ-то, такъ и скажи, не ужто не спознаю коли здѣсь будетъ, кажись духомъ почую, родненькой! охъ какъ сердце болить за него; такъ ужъ будь милостивъ сердешный поклонись, и евто скажи ему, а ужъ я за тебя сто земныхъ поклоновъ положу!

Простился Киндей съ старухой, и побрелъ ночью въ Гуслицы, вспомнилъ онъ старичка половаго, вспомнилъ деревню Соболевку, старца Никифора и разгульную жизнь разбойника, чтожъ больше дѣлать? денегъ мало! вездѣ западни, въ *разбойники такъ въ разбойники* подумалъ онъ, какъ когда-то сказалъ *«въ солдаты такъ въ солдаты»*, не пропадемъ.

Старуха долго провожала его и въ задъ все крестила, и лепетала напутную молитву, а кто онъ и какъ зовутъ спросить и не подумала.

Полтараста верстъ да еще безъ дороги шутка-ли не птица не передетишь, оно кабы по большой дорогѣ и въ двое ничего не значило, а какъ было Киндею съ бритой-то головой на большую-то дорогу сунуться; пришлось пробираться проселками да лѣсами да то ночью, а ночи стали холодныя и черныя, что твое

вороново крыло. Пока не истощилась бабушкина провизия все еще сносно было, а тутъ при усталости голодъ сталъ докучать... Гдѣ взять когда нельзя картуза снять. Слыхалъ онъ въ острогѣ, что пастухи очень сострадательны къ бродягамъ; рѣшился подойти, они точно дали ему хлѣба и велѣли убраться къ чорту, а въ другой разъ повезло: пастухъ не только накормилъ его хлѣбомъ въ сухомятку, но продалъ ножъ и подарилъ дубинку на всякій случай: не равно лютой звѣрь или злой человѣкъ встрѣнется, и то волки стали становиться. Наемной былъ пастухъ, самъ если не бродяга такъ бездомокъ, такъ что ему за дѣло.

На половинѣ дороги вышелъ счастливый случай Киндею.

Провелъ онъ день на лугу между четырехъ стоговъ, день былъ ясный, а къ вечеру очень холодно; у него платье-то вътеркомъ было подбито, за лугомъ зеленѣло поле, а за полемъ синѣлъ лѣсъ; сталъ онъ пробираться извилистымъ оврагомъ, вдругъ на поворотѣ очутился лицомъ къ лицу съ охотникомъ. Молодой баринъ щегольски одѣтый въ зеленый казакинъ развалился на откосѣ и курилъ сигару, дорогая собака лежала у ногъ, яхташка и ружье были брошены въ сторонѣ.

Оба изумились, да и испугались оба; охотникъ потянулся за ружьемъ, а Киндей замахнулся дубиной.

— Убью не шевелись!— тотъ поблѣднѣлъ, и даже не всталъ, собака поднялась, и зарычала.

— Кушъ! кривнулъ Киндей и проворно схватилъ ружье.

Все это было дѣло одного мгновенья и въ это мгновенье у него родилась и созрѣла мысль.

— Ну, баринъ чай жизнь дорога? наводя на него дуло, спросилъ дезертѣрь.

— Что ты хочешь? что я тебѣ сдѣлалъ? что тебѣ надо? съ трудомъ и дрожью спросилъ несчастный юноша.

— Во-первыхъ не кричать, а то убью, будешь уменъ, честное слово не трону; во-вторыхъ давай сапоги, мнѣ нужно; видишь мои обтоптались, ну и картузъ мнѣ годится, а! у тебя славный охотничій ножъ? кинька его сюда!

Тотъ повиновался. Киндей, не выпуская ружья надѣлъ на себя яхташку, патронташъ, ружье и вооружился ножемъ: ну

что еще есть? откладывай все! А самъ гдѣтъ не спускалъ съ своей жертвы; великолѣпная сигарочница, часы, бумажникъ — все переходило въ руки Киндея, даже красный фуляровый платокъ; а когда охотникъ хотѣлъ снимать казакинъ Киндей оставилъ, онъ ему малъ былъ: ну это не надо, еще простудишься, вишь какъ дрожишь! Онъ хотѣлъ уже вязать ему руки какъ Милордка, въ свою очередь слѣдившій за движеніемъ Киндея, бросился на него такъ, что онъ долженъ былъ обороняться кинжаломъ!

— Не бей, ради Бога, разбойникъ! Милордъ испи, кушь, на мжи меня лучше.

Киндей круто стануль ему сзади фуляромъ руки, вѣжливо раскланялся, по-французски пожелалъ ему благополучія, совѣтывалъ не преслѣдовать; тотъ и ротъ разинулъ отъ удивленія, ужъ не Каргушъ-ли это оклялъ? а! знаю, это генералъ Хрюшкынъ француза въ учителя нанялъ.

Съ хохотомъ удалился въ лѣсъ Киндей, совершивши первый грабежъ, но чего-то было совѣстно, какъ-то неловко! однако голодъ напомнилъ объ якташѣ; нѣтъ-ли чего кромѣ дичи? вытащилъ сърую куропатку, дятла, сову и двухъ или трехъ дроздовъ; швырнулъ сову и дятла, однако остальное не бросилъ, не равенъ случай гдѣ-нибудь изжарить удастся, затѣмъ о радость! вытащилъ изъ другаго отдѣленія якташки чудные бутерброды въ бумагѣ и кусокъ жаркаго и, о блаженство! фляжку водки и съ-полбутылки вина!

Давно такъ роскошно не ужиналъ Киндюшка.

Горе охотникъ, думалъ онъ, трусишка: съ ружьемъ, съ кинжаломъ, съ эдакой собачицей палки струсилъ; ноги и языкъ отшибло, а тоже охотится!! Вишь настрѣлялъ; сову да филина, а чай цѣлый день шлялся; вправду нѣтъ, провизію-то съѣлъ бы! Нечего сказать кстати попался! сапоги чудесные и ружье важное, да и все-то не дурно; ну давайка сигарочку закуримъ! что въ бумажникѣ? ну утромъ разберу, темно. Однако это вѣдь *грабежъ* называется; подло, а чтожъ дѣлать будешь? (и онъ глубоко, глубоко вдохнулъ) ну да все равно, семь бѣдъ одинъ отвѣтъ! поднялся и пошелъ не было бы погони, пошелъ смѣлѣе, хоть бы и встрѣтился теперь кто, охотникъ идетъ и все тутъ, не заподозрять, заблудился или что та-

кое — да никто и не вристанеть; картузь — то такой, что волосъ и не замѣтно, только борода какъ сапожная щетка у него, а брить не надо, пригодится!

Добрался Киндей до старца Никифора! усомнился бы Никифоръ да прическа знакома, примтилъ у себя въ подпольѣ, въ лѣсной сторожкѣ Киндея; изъ нея въ оврагъ былъ потайной выходъ; занялся Киндей прежде всего составленіемъ разныхъ паспортовъ; Никифоръ досталъ и матеріалы, и бумаги; тогда увѣрился Никифоръ, свелъ его съ Александромъ, съ Пуговкинымъ, попыталъ на промыслѣ извѣдать: видать не человекъ, а золото — быть ему атаманомъ! И сдѣлался скоро Киндюшка атаманомъ! Да вы не подумайте что это въ родѣ Стеньки Разина, шайка нахальная; явная, нѣтъ! эта шайка неуловимая, всѣ врозь, кой-гдѣ, а нужно сойдутся и порѣшать; ужъ какъ у нихъ хитро сношенія устроены, вездѣ друзья пріятеля. Схватятъ одного, всѣ разбѣгутся — тотъ и не знаетъ куда, хоть бы и выдать вздумалъ; ну, а послѣ выручатъ товарища! это ужъ Киндюшка устроилъ, чтобъ выручка была, тѣмъ всѣхъ и привязалъ къ себѣ. Да что рассказывать всѣ его болѣе или менѣ замѣчательные грабежи, поджоги, святотатства; одно хитрѣе, другое по силѣе, вообще дерзкія и рискованныя, ужъ такъ полюбилось Киндюшкѣ; неужели по карманамъ платки таскать, отрады нѣтъ, не забираетъ, не натѣшишься, да и не стоитъ. Вотъ куппа обобрать въ лѣсу, почту или церковь ограбить, не то въ пожаръ спастись шкатулку съ деньгами, ну тутъ и карману и душѣ отъ радно.

И стало извѣстно имя Киндюшки, не въ одномъ окладкѣ да и не въ въ одной губерніи! что и другой сдѣлаетъ удачное или гнусное все Киндюшка, да Киндюшка; даже бабы дѣтей стали страшать Киндюшкой: вотъ съѣстъ тебя Киндюшка! а мужики хотя и знали гдѣ онъ, а языкъ держали за зубами, выдайка товарищи спалить деревню, а то перережутъ или табунъ угонять, выгоднѣе не трогать а помогать; къ тому же у Киндюшки разрывъ-трава есть: хоть и засадить уйдетъ — ишь не разъ брали, а уходилъ же: ни стѣны, ни желѣзо не держутъ; говорили что за шею къ стѣнѣ прикованъ былъ, и то стѣна подалась.

Такую-то славу заслужилъ Киндюшка, а все лежала у него думка, какъ бы съ такой тревожной жизнью покончить. Вотъ и началъ онъ денежка копять. Такъ-то прошелъ не одинъ годъ,

много ограбилъ и разорилъ народу Киндюшка съ товарищами, много крови испортилъ у исправниковъ съ компаніей, и даже у самого Куницына, и вотъ подошла послѣдняя полоса его приключеній; къ ней-то я прямо и перейду, а то расскажамъ о его продѣлкахъ и конца не будетъ, да и къ чему? дѣло извѣстное, что такое на Руси придорожный разбойникъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ИЗВѢСТНОСТЬ

(ИЗЪ ВАРЬЕ).

Извѣстность! Ты, великая блудница!
 Ты на распутіа обнять весь міръ идешь,
 Какъ нимфа древняя, безстыдно глядя въ лица,
 Ты всѣхъ въ объятія на грудь свою зовешь!
 Ты—море вѣчное! Какъ утромъ, все сверкая,
 Оно красуется и тихо, и свѣтло!
 Такъ улыбается царица молодая,
 Когда вѣнцомъ ея украшено чело...
 Журчитъ оно, блестя, у береговъ песчаныхъ
 Въ благоуханіяхъ отъ волнъ и отъ земли,
 Въ туманѣ розовомъ, въ лучахъ зари румяныхъ,
 Въ затишьи пристаней качаетъ корабли...
 Но вотъ гудитъ оно, и пѣнясь и сверкая,
 Отъ ложа тихаго оно, возставъ, идетъ;
 И исполинскій валъ. клубясь и закипая,
 За тучи черныя сѣдой главой встаетъ,
 Клокочетъ яростно и скачетъ, разливаясь,
 И стоны слышатся, и дикій, буйный вой...
 Багровой молніей мгновенно освѣщаясь,
 Какъ съ тысячью звѣрей ведетъ ужасный бой!
 И гнѣвно мечется, и пѣною свергаетъ;
 Отверста пасть и дико блещетъ взоръ—
 Но вотъ, затихнувши, оно ослабѣваетъ,
 Не мечетъ къ облакамъ покрытыхъ пѣной горъ.
 Какъ истомленная вакханка, задыхаясь,
 Ужъ содрогается оно въ послѣдній разъ,
 Выносятъ на берегъ, медлительно плескаясь,
 Лишь трупы синіе погибшихъ въ страшный часъ.

О. Бергъ.

НЕСЧАСТНЫЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Р О З Е Т Т А.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ВАТЕРЛОО.

1.

Что встрѣчается на пути изъ Нивеля.

Въ прошедшемъ (1861) году, въ прекрасное майское утро. одинъ прохожій, тотъ самый, который рассказываетъ эту исторію, направлялся отъ Нивеля къ Ла-Гюльпу. Онъ шелъ пѣшкомъ. Дорога, по которой слѣдовалъ онъ, была широкое шоссе, обсаженное съ обѣихъ сторонъ деревьями, и непрерывно прѣсѣкаемое холмами, то поднимающими дорогу, то опускающими ее, и образующими подобіе огромныхъ волнъ. Онъ уже прошелъ Дилуа и Bois—Seigneur-Isaac. Онъ различалъ уже на востокѣ колокольню церкви Бренъ-л'Алле, имѣющей форму опрокинутой вазы. Онъ оставилъ за собою гѣслъ, расположенный на высотѣ и трактиръ съ слѣдующею вывѣскою на фасадѣ: «Четырехъ вѣтрамъ. Эшабо. Частная кофейня»; этотъ трактиръ помѣщался на углу окольной дороги, рядомъ съ полусгнившимъ столбомъ, на которомъ была надпись: «прежняя застава № 4.»

Пройдя съ четверть лье отъ этого трактира, прохожій дошелъ до глубины маленькой долины, въ которой есть вода, проходящая подъ аркой, слѣпанной въ дорогѣ. Деревья, рѣдко посаженные, но очень зеленые, наполняющія долину съ одной стороны шоссе, съ другой

разсѣиваются по лугамъ и граціозно, какъ будто въ безпорядкѣ, направляются къ Брентъ-д'Алле.

На краю дороги, съ правой стороны, стоялъ трактиръ, передъ дворью его телѣга на четырехъ колесахъ, большая связка жердей съ хмѣлю, лукъ, куча сухаго хвороста подлѣ забора, известка, дымившаяся въ четырехугольной ямѣ, лѣстница вдоль стараго сарая съ соломенными перегородками. Молодая дѣвушка полола въ полѣ, на которомъ разсѣялась большая желтая афиша, вѣроятно возсѣщавшая о какомъ-нибудь ярмарочномъ праздничномъ зрѣлищѣ. Отъ угла трактира, рядомъ съ лужею, въ которой плавала цѣлая флотилія утокъ, шла въ кусты дурно вымощенная тропинка. Прохожій пошелъ по ней.

Пройдя около ста шаговъ, онъ увидѣлъ стѣну времени XV столѣтія, на верху которой были зубцы изъ кирпича; онъ прошелъ вдоль ея, и очутился передъ большою каменною дверью, сдѣланною полукругомъ, въ величественномъ стилѣ Людовика XIV, съ двумя плоскими медальонами по бокамъ. Строгій фасадъ возвышался надъ этою дверью; стѣна перпендикулярная къ фасаду, почти касалась двери и образовывала тутъ крутой прямой уголъ. На лужку, передъ дверью, валялись три рѣшетки, сквозь которыя росли всѣ майскіе цвѣты. Дверь была заперта. Она состояла изъ двухъ дряхлыхъ половинокъ, украшенныхъ старымъ заржавленнымъ молоткомъ.

Солнце восхитительно свѣтило; вѣтки драгивали тѣмъ тихимъ майскимъ трепетомъ, который, кажется, сообщается болѣе гнѣздами, чѣмъ вѣтромъ. Славная маленькая птица, вѣроятно влюбленная, отчаянно распѣвала на большомъ деревѣ.

Прохожій наклонился, и началъ разсматривать въ камнѣ, стоявшемъ по лѣвую сторону двери, довольно широкое, круглое углубленіе. Въ эту минуту дверь отворилась, и изъ нея вышла поселанка.

Она увидѣла прохожаго и замѣтила, на что онъ смотрѣлъ.

— Это сдѣлала французская пуля, сказала она.

И прибавила:

— А то, что вы видите повыше, въ самой двери, вонъ тамъ подлѣ гвоздя, это дыра, которую сдѣлалъ большой Вискаіенъ*. Бискаіенъ не пробѣлъ дерева.

— Какъ называется это мѣсто? спросилъ прохожій.

— Гугомонъ, отвѣчала поселанка.

Прохожій поднялся. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и началъ смотрѣть за заборы. Сквозь деревья, на горизонтѣ, онъ различилъ родъ холма, а на этомъ холмѣ, что-то, издалека похожее на льва.

Онъ былъ на Ватерлооскомъ полѣ.

II.

Гугомонъ.

Гугомонъ—похоронное мѣсто; тутъ было начало прпятствія, первое сопротивленіе, которое встрѣтилъ при Ватерлоо великій дрово-

* Большая пуля.

стѣнъ Вароны, называвшіяся Наполеономъ; Гугомонъ былъ первымъ сучномъ подъ ударомъ топора.

Тогда онъ былъ замокъ, теперь — простая ферма. Для антикварія Гугомонъ тоже что Гугомонъ. Этотъ замокъ былъ построенъ Гуго, сиромъ Сомеральскимъ, тѣмъ самымъ, который снабдилъ доходами шестое капеланство Виллерскаго аббатства.

Прохожіи толкнулъ дверь и вошелъ во дворъ.

Первая вещь, поразившая его здѣсь, была дверь XIV столѣтія, теперь похожая на аркаду, такъ какъ все вокругъ нея упало. Мону-ментальный видъ часто рождается изъ развалинъ. Подлѣ аркады находится въ стѣнѣ другая дверь съ замками временъ Генриха IV, сквозь которую видны деревья фруктоваго сада. Подлѣ этой двери лежатъ для навоза, заступы и лопаты, нѣсколько тележекъ, старый колодезь съ каменной доской, наверху и съ желѣзнымъ колесомъ, прыгающій жеребчикъ, вертящійся колесомъ индюкъ, часовня съ маленькой колокольней, груша въ цвѣту на стѣнѣ часовни — таковъ этотъ дворъ, побѣда котораго была мечтою Наполеона. Этотъ уголокъ земли, еслибъ онъ могъ взять его, далъ бы ему, можетъ быть, обладаніе вселенной. Курицы клюютъ тутъ пыль. Слышится ворчаніе; эта большая собака, показывающая зубы и замѣняющая англичанъ.

Англичане показали здѣсь чудеса храбрости. Четыре отряда гвардіи Кука, въ продолженіи семи часовъ, выдерживали яростный натпоръ цѣлой арміи.

Гугомонъ, если посмотрѣть на него, на геометрическомъ планѣ, со всѣми строеніями и оградой, представляетъ собою родъ неправильнаго прямоугольника, одинъ уголъ котораго вырубленъ. Въ этомъ-то углу находится южная дверь, охраняемая стѣной. Въ Гугомонѣ двѣ двери: южная—дверь замка, и сѣверная—фермы. Наполеонъ послалъ противъ Гугомона своего брата Жерома: дивизія Гильемино, Фуа и Башлю сошлись здѣсь вмѣстѣ, почти весь корпусъ Рея былъ въ дѣлѣ и потерпѣлъ уронъ, ядра Келлермана тщетно били въ этотъ героическій уголъ стѣны. Бригада Бодюэна не могла одолѣть Гугомонъ съ сѣвера, а бригада Суа могла только задѣть его съ юга, но взять не успѣла.

Строенія фермы граничатъ къ двору съ юга. Кусокъ двери, разбитой французами, виситъ на стѣнѣ. Это четыре доски, сбитыя гвоздями и на которыхъ остались слѣды атаки.

Сѣверная дверь, выломанная французами, полуоткрывается въ глубинѣ двора; она врѣзана въ стѣнѣ, закрывающей дворъ съ сѣвера. и сдѣлана внизу изъ камня, а въ верху изъ кирпича. Это простая дверь, какую можно встрѣтить на каждой мызѣ; состоитъ она изъ двухъ широкихъ половинокъ, сколоченныхъ изъ простыхъ досокъ; за нею идутъ луга. Штурмъ этой двери былъ яростный. Долго послѣ того, на ней видны были многочисленные слѣды окровавленныхъ рукъ. Тутъ былъ убитъ Бодюэнъ.

Грозъ битвы еще слышится въ этомъ дворѣ; ужась ея еще видѣтъ

въ ней; свалки сражающихся точно окаменѣла здѣсь; они живутъ; они умираютъ; все это будто случилось вчера. Стѣны испускаютъ послѣдній вздохъ, камни падаютъ, брешн кричатъ; отверстія похожи на раны; наклоненныя и трепещущія деревья, кажется, дѣлаютъ усилія чтобы убѣжать.

Въ 1815 году этотъ дворъ былъ застроенъ болѣе, чѣмъ теперь. Постройки, нынче уже разрушенныя, образовывали реданты, углы и повороты.

Англичане укрѣпились за ними, французы проникли туда, но не могли удержаться. Подлѣ часовни возвышается одно крыло замка — единственная развалина, оставшаяся отъ Гугомона. Замокъ служилъ башнею, часовня — блокгаузомъ. Тутъ происходила страшная рѣзня. На французовъ летѣли выстрѣлы со всѣхъ сторонъ: изъ-за стѣнъ, съ высоты чердаковъ, изъ глубины погребовъ, изъ всѣхъ оконъ, изъ всѣхъ отдушинъ, изъ всѣхъ расщелинъ въ стѣнахъ; тогда французы привнесли фашины, и зажгли стѣны и людей; въ отвѣтъ на пожаръ посыпалась картечь.

Въ разоренномъ флигелѣ, сквозь окна, снабженныя желѣзными рѣшетками, видны разоренныя комнаты кирпичнаго зданія; английская гвардія сидѣла въ засадѣ въ этихъ комнатахъ; спираль лѣстницы, треснувшая отъ нижняго этажа до крыши, кажется, внутренностию разбитой раковины. Лѣстница состоитъ изъ двухъ этажей; англичане, осажденные на лѣстницѣ и сбившіеся въ кучу на верхнихъ ступенькахъ, сбили ступеньки нижнія. Это широкія плиты изъ синяго камня, гряда которыхъ лежитъ теперь въ крапивѣ. Десятокъ ступенекъ держится еще въ стѣнѣ; на первой изъ нихъ вѣрзана ягура трезубца. Эти недоступныя ступени прочны. Все остальное похоже на челюсть безъ зубовъ. Два старыхъ дерева стоятъ здѣсь; одно засохло, другое ранено въ подошву ствола и покрывается зеленою въ апрѣлѣ. Съ 1815 года оно начало расти сквозь лѣстницу.

Въ часовнѣ происходила рѣзня. Внутренность ея, сдѣлавшаяся теперь спокойною, имѣетъ странный видъ. Со времени битвы, въ ней не служили. Но алтарь удѣлалъ — алтарь изъ грубаго дерева, прилощенный къ стѣнѣ изъ необдѣланнаго камня. Четыре стѣны вымазаны известкой, дверь противъ алтаря, два маленькихъ полукруглыхъ окна на двери деревянное распятіе, надъ распятіемъ четвероугольная отдушина, заложенная клокомъ сѣна, на полу, въ углу, старая иконная рама съ разбитыми стеклами — такова эта часовня. Подлѣ алтаря стоитъ деревянная статуя св. Анны, XV столѣтія. Французы, завладѣвши на минуту часовней, подожгли ее. Пламя наполнило эту лачужку; дверь сгорѣла, полъ сгорѣлъ, деревянное распятіе не сгорѣло. Огонь только обжегъ ему ноги, потомъ остановился. Жители страны приписали это чуду.

Стѣны покрыты написями. Подлѣ распятія написано имя: «Генкинецъ» и далѣе: Conde de Rio Maior. Marques y Marquesa de Altagro (Nabana). Тутъ же есть имена французскія съ восклицательными зна-

кажи—выраженіемъ гнѣва. Въ 1849 году снова выбѣлили стѣну. Наци ругались здѣсь одна надъ другою.

У двери этой часовни поднять былъ трупъ съ топоромъ въ рукѣ. Это былъ подпоручикъ Летро.

По выходѣ изъ часовни, налѣво, виденъ колодезь. Въ этомъ дворѣ два колодца. Посѣтитель спрашиваетъ: отчего на одномъ изъ нихъ нѣтъ ведра и блока? Оттого, что изъ него не берутъ больше воды. А отчего не берутъ больше воды? Оттого, что онъ полонъ смелетами.

Последній человекъ, черпавшій въ немъ воду назывался Вильгельмъ—фанъ Кильсомъ. Это былъ поселянинъ, жившій въ Гугомонѣ и занимавшій въ немъ должность садовника. 18 июня 1815 года, семейство его бѣжало и укрылось въ лѣсу.

Лѣсъ, окружающій аббатство Виллерское, въ теченіи многихъ дней и многихъ ночей, укрывалъ все это несчастное населеніе. Еще теперь нѣкоторые слѣды, каковы обожженные стволы деревьевъ, указываютъ на мѣста, гдѣ были эти бѣдныя бивуаки, дрожавшіе въ глубинѣ кустовъ.

Вильгельмъ—фанъ Кильсомъ остался въ Гугомонѣ «для охраненія замка» и спрятался въ погребѣ. Англичане нашли его. Они вытащили его оттуда, и ударами плашмя сабель заставили этого испуганнаго человека услуживать имъ. Жажда томилъ ихъ; Вильгельмъ приносилъ имъ пить. Изъ этого-то колодца онъ черпалъ воду. Многие шли здѣсь своей послѣдній глотокъ. Этому колодцу, изъ котораго пило столько мертвецовъ, суждено было тоже умереть.

Послѣ битвы, посѣщали, прежде всего, похоронить павшихъ. Смерть всегда посылаетъ, во слѣдъ славы, заразу. Тифъ есть какъ бы дополненіе къ триумфу. Колодезь этотъ былъ глубокъ; изъ него сдѣлали гробницу. Изъ него бросили триста человекъ. Можетъ быть, слишкомъ посѣпно. Всѣ ли они были мертвы? Преданіе говоритъ, что не всѣ. Рассказываютъ, что въ ночь, которая слѣдовала за погребеніемъ, изъ колодца выходили слабые голоса, звавшіе на помощь.

Этотъ колодезь стоитъ уединенно посреди двора. Три стѣны полукаменные и полукирпичныя, образующія какъ бы четырехугольную башенку, окружаютъ его съ трехъ сторонъ, четвертая сторона открыта. Тутъ черпали воду. У этой башенки былъ потолокъ, отъ котораго теперь остались только бревна. Если наклониться, то взгляда терпится въ глубокомъ кирпичномъ цилиндрѣ, наполненномъ мракомъ. Нижнія части стѣнъ вокругъ колодца исчезаютъ въ кривизнѣ.

У этого колодца нѣтъ спереди большого сивяго камня, какъ у прочихъ бельгійскихъ колодцевъ. Сивяя плита замѣнена здѣсь перекладною, къ которой прислоняются пять или шесть безобразныхъ обрубокъ дерева, увлочатыхъ и похожихъ на большія кости скелетовъ. При немъ нѣтъ больше ни ведра, ни цѣпи, ни блока, но уцѣлѣла еще каменная локанъ, служившая для спуска воды. Дождевая вода собирается въ ней, и, по временамъ, птица изъ сосѣднихъ лѣсовъ прилетитъ сюда, напьется и снова улетитъ.

Въ одномъ только домѣ, среди этихъ развалинъ, въ домѣ, занимаемомъ фермою, еще живутъ люди. Дверь этого дома выходитъ во дворъ. На ней, рядомъ съ красной дощечкой для замка въ готическомъ вкусѣ, есть желѣзная ручка. Въ ту минуту, когда гановръскій поручикъ Вильда схватывался за эту ручку, чтобы укрыться въ фермѣ, французскій саперъ отрубилъ ему руку ударомъ топора.

Семейство, обитающее въ домѣ, состоитъ изъ внуковъ стараго садовника Фанъ-Кильсома, давно уже умершаго. Сѣдая женщина сказала намъ:—Я была въ то время здѣсь. Мнѣ было три года. Старшая сестра моя боялась и плакала. Насъ унесли въ лѣсъ. Мать моя держала меня на рукахъ. Всѣ припадали ухомъ къ землѣ, чтобы слушать. Я подражала пушкѣ и говорила: *бумъ-бумъ*.

Лѣвая дверь двора, какъ мы сказали, выходитъ въ садъ.

Садъ этотъ ужасенъ.

Онъ состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть—собственно садъ, вторая—садъ фруктовый, третья—лѣсъ. У всѣхъ этихъ трехъ частей одна общая ограда, со стороны входа въ зданіе замка и ферму, съ-лѣво заборъ, съ-право стѣна, въ глубинѣ также стѣна. Правая стѣна изъ кирпича, другая изъ камня. Сначала входишь въ садъ. Онъ поднимается снизу въ верхъ, усаженъ смородиновыми кустами, поросъ дикими растеніями и заканчивается монументальнымъ возвышеніемъ изъ твердаго известняка съ толстыми балками. Это былъ барскій садъ въ томъ первомъ французскомъ стилѣ, который предшествовалъ стилю Ле-Нотра; теперь онъ весь—развалины и бурьянъ. На колонахъ возвышаются шары, похожіе на каменные ядра. Сорокъ три изъ нихъ еще стоятъ, остальные лежатъ на травѣ. Почти на всѣхъ нихъ видны еще слѣды выстрѣловъ.

Въ этомъ-то саду, немного пониже фруктоваго отдѣленія, шесть волтижеровъ перваго легкаго полка, пробравшіеся туда и не имѣя возможности выйти, окруженные какъ медвѣдь въ берлогѣ, ринулись на битву съ двумя гановръскими отрядами, изъ которыхъ одинъ былъ вооруженъ карабинами. Гановръцы окружали эти колонны и стрѣляли съ верху. Волтижеры, отвѣчая имъ съ низу, въ числѣ шести противъ двухъ сотъ, непоколебимые, защищенные только смородиновыми кустами, употребили четверть часа на то, чтобы умереть.

Пройдя нѣсколько ступенекъ, поднимаешься въ фруктовый садъ. Тутъ, на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ футовъ, полторы тысячи человекъ пали менѣе, чѣмъ въ часъ времени. Стѣна кажется еще теперь готовою возобновить битву. Тридцать восемь бойницъ, пробитыхъ англичанами въ разныхъ мѣстахъ, уцѣлѣли до сихъ поръ. Передъ шестнадцатою изъ нихъ стоятъ двѣ англійскія гробницы изъ гранита. Бойницы находятся только въ южной стѣнѣ; главный штурмъ происходилъ оттула. Эта стѣна закрыта нѣвѣ большими плетнемъ; французы подошли, подумали, что кромѣ этого плетня ничего нѣтъ, перелѣзли черезъ него и увидѣли стѣну; пренятствіе и засада, сзади англійская гвардія, огонь изъ всѣхъ тридцати восьми

бѣшущъ, цѣлая буря пуль и картечи. Бригада Суа пала. Такъ начался Ватерлоо.

Фруктовый садъ былъ, однако, взятъ. У французовъ не было лѣстищъ: они ползли по стѣнѣ цѣпляясь ногтями. Подъ деревьями произошелъ рукопашный бой. Вся эта трава была обогрена кровью. Нассаускiй баталiонъ, изъ семисотъ человекъ, былъ здѣсь разгромленъ. Стѣна, противъ которой были направлены двѣ батареи Келлермана снаружи раздроблена картечью.

Въ маѣ, этотъ садъ живетъ, какъ и всякiй другой. У него есть свои золотыя почки и свои бѣлыя маргаритки; трава въ немъ высока, рабочiя лошади пасутся на ней, веревки, на которыхъ развѣшиваются бѣлье, протянуты между деревьями и заставляютъ проходящихъ наклонять голову, нога ступаетъ по вспаханной землѣ и проваливается въ норки кротовъ. Среди травы виденъ лежащiй на ней и зелѣнѣющiй стволъ дерева, вырванный съ корнемъ. Маiоръ Влакленъ умеръ, прислонясь къ этому дереву. Подъ большимъ деревомъ, стоящимъ неподалеку, палъ нѣмецкiй генералъ Дюпла, происходившiй изъ французскаго семейства, бѣжавшаго послѣ отбитыя Нантскаго Эдикта. Рядомъ съ этимъ деревомъ склоняетъ голову старая больная яблоня, которую лечатъ перевязкою изъ соломы и глины. Почти всѣ яблони падаютъ отъ старости. Нѣтъ ни одной изъ нихъ, въ которую не попала бы пуля. Скелеты деревьевъ мертвыхъ разсыяны здѣсь въ изобилiи. Вороны летаютъ въ вѣтвяхъ, а въ глубинѣ—лѣсокъ, наполненный фiалками.

Убитый Бодюэнъ, равеный Фуа, пожаръ, рѣзня, опустошенiе, ручей, составленный изъ крови англiйской, крови нѣмецкой и крови французской, яростно смѣшавшихся между собою, колодезь, заваленный трупами, истребленные поля нассаускiй и брауншвейскiй, убитый Дюпла, убитый Влакманъ, изувѣченная англiйская гвардiя, изъ сорока баталiоновъ корпуса Рея двадцать уничтоженныхъ, три тысячи человекъ варубленныхъ, удушенныхъ, зарѣзанныхъ, разстрѣленныхъ, сожженныхъ въ одной этой гугомонтской лачужкѣ,—и все это для того, чтобы теперь поселянинъ говорилъ путешественнику: «Господишь, дайте мнѣ три франка; если желаете, я объясню вамъ Ватерлооское дѣло».

III.

18-е Юня 1815 года.

Пользуясь правомъ разсказчика, вернемся назадъ, къ 1815-му году и даже немногораньше, къ времени, предшествующему тому, въ которое начинаются происшествiя, разсказанныя въ первой части этой книги.

Велибы, въ ночь съ 17 на 18 Юня 1815 г, не шелъ дождь, будущность Европы измѣнилась-бы. Нѣсколько канель воды заставили склониться Наполеона. Для того, чтобы Ватерлоо сдѣлалось концомъ Аустерлица, Провидѣнiю нужно было только послать маленькiй дождь, и туча, пробѣжавшей по небу вопреки времени года, достаточно была для того, чтобы обрушить вселенную.

Ватерлооская битва могла начаться только въ половинѣ двѣнадцатиго — и это дало Блюхеру время подоспѣть. Отчего же она не могла начаться раньше? Оттого, что земля была влажна. Нужно было дожидаться, чтобы она немного затвердѣла для того, чтобы артиллерія была въ состояніи дѣйствовать.

Наполеонъ былъ артиллеристъ, и не забывалъ этого. Всѣ его планы битвъ имѣють своимъ главнымъ основаніемъ выстрѣлы. Устремить всѣ артиллерійскіе выстрѣлы въ одно и тоже время на одну данную точку — было ключемъ его побѣдъ. Онъ смотрѣлъ на стратегію непріятельскаго полководца, какъ на вѣрность, и разбивалъ ее выстрѣлами. Слабый пунктъ онъ обсыпалъ картечью; онъ завязывалъ и разрывалъ битвы пушкою. Въ геніи его было что-то стрѣляющее. Врываться въ карре, истреблять порохожъ полки, разбивать ряды, давить и разсыѣвать массы, бить, безпрѣстанно бить — все для него состояло въ этомъ, и эту работу онъ поручалъ ядру. Странная метода, которая, въ соединеніи съ геніемъ, дѣлала, въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, непобѣдимымъ этого мрачнаго отлета кулачнаго прамъ войны.

18 іюня 1815 года онъ тѣмъ болѣе разчитывалъ на артиллерію, что численное преимущество было на его сторонѣ. У Веллингтона было всего сто пятьдесятъ девять орудій; у Наполеона — двѣсти со-рокъ.

Предположимъ, что земля была суха и артиллерія могла двигаться, — тогда битва началась бы въ шесть часовъ утра. Она была бы окончена и выиграна въ два часа, то есть за три часа до пруской перепетіи.

Въ какой мѣрѣ Наполеонъ виноватъ въ потерѣ этого сраженія? Можно ли обвинить кормчаго, когда корабль погибаетъ отъ бури?

Очевидное физическое паденіе Наполеона усложнилось — ли въ это время и нѣкоторымъ нравственнымъ паденіемъ? Двадцать лѣтъ боевой жизни приволи-ли въ дряхлость шпагу, также какъ и ножи, душу, также какъ и тѣло? Начиналъ-ли ветеранъ чувствовать въ полководцѣ? Однимъ словомъ, затмѣвался-ли этотъ геній, какъ думали многіе замѣчательные историки? Приходилъ-ли онъ въ бѣшенное состояніе для того, чтобы скрыть отъ самого себя свое ослабѣніе? Пересталъ-ли онъ — что очень важно для полководца — понимать гдѣ есть опасность? Развѣ въ этомъ классѣ великихъ матеріальныхъ людей, которыхъ можно назвать гигантами дѣйствія, есть возрастъ, въ которомъ геній дѣлается близорукимъ? На геніевъ віра идеальнаго старость не дѣйствуетъ; для Данта и Микель-Анжело состарѣться значитъ возрасти; а для Аннибаловъ и Бонапартонъ ужели старѣться значитъ умоньшаться? Что сдѣлалось съ Наполеономъ? Утратилъ-ли онъ прямое чувство побѣды? Пересталъ-ли онъ узнавать подводный камень, угадывать западню, различать гладкій берегъ скрывающій бездны? Пересталъ-ли онъ чутьемъ слышать катастрофы? Онъ, знавшій нѣкогда всѣ дороги триумфа и указывавшій на нихъ, съ высоты своей молніеносной колесницы, царственныи

перевозъ поддался ли теперь зловѣщему оцѣпленію, которое заставляло его вести къ пропасти шумные легіоны его? Овлаждѣло ли имъ, на сорока-шести-лѣтнемъ году, высшее безуміе?

Мы не думаемъ.

Его планъ битвы былъ, какъ сознаются всѣ, образцовымъ произведеніемъ. Пойти прямо въ центръ союзной линіи, разбить непріятеля на двѣ части, половину британскую погнать къ Галю, а половину прусскую къ Тонгру, сдѣлать изъ Веллингтона и Блюхера два обрубка, завладѣть Монъ-Сенъ-Жаномъ, взять Брюссель, бросить вѣщевъ въ Рейнъ, а англичанъ въ море—вотъ что думалъ сдѣлать Наполеонъ въ этомъ сраженіи. Это на первыхъ порахъ, а потомъ что придется.

Нечего и говорить, что мы не имѣемъ намѣренія рассказывать здѣсь исторію Ватерлооской битвы. Одна изъ главныхъ сценъ драмы, которую мы рассказываемъ, имѣетъ связь съ этимъ сраженіемъ; но исторія его не наше дѣло; притомъ же она рассказана съ одной точки зрѣнія, — Наполеономъ, съ другой — Шарра. Что касается до насъ, то мы предоставляемъ двумъ историкамъ спорить между собою; мы же ничто иное какъ свидѣтель, стоящій въ нѣкоторомъ отдаленіи, какъ прохожій въ долинѣ, какъ искатель, склонившійся надъ этою землею, начиненною человѣческимъ мясомъ и принимающей, можетъ быть, вещи кажущіяся за дѣйствительныя; мы не имѣемъ права опровергать, во имя науки, собраніе фактовъ, въ которыхъ есть, безъ сомнѣнія, міражъ; у насъ нѣтъ ни военной практики, ни стратегической опытности, позволяющихъ провозглашеніе какой нибудь системы; по нашему мнѣнію, сплетеніе случайностей управляетъ при Ватерлоо обоими полководцами; а когда дѣло идетъ о судьбѣ, этомъ таинственномъ обвиненномъ, мы судимъ какъ судитъ народъ—этотъ навѣщій судья.

IV.

A.

Тому, кто хотѣлъ бы отчетливо представить себѣ Ватерлооское сраженіе, стоитъ только мысленно представить себѣ букву А, лежащую на землѣ. Лѣвый штрихъ этой буквы будетъ нивельская дорога, правый штрихъ—дорога женапская, штрихъ, проходящій посрединѣ буквы—путь между Огеномъ и Вренъ—л'Алле. Вершина буквы А есть Монъ-Сенъ-Жанъ, тутъ стоитъ Веллингтонъ; нижняя лѣвая оконечность—Гугомонъ, тутъ Рель съ Жеромомъ Бонапарте; нижняя правая оконечность—Belle Alliance, тутъ Наполеонъ. Немного ниже мѣста, въ которомъ средній штрихъ А трогаетъ правый штрихъ ея—находится Haie-Sainte. Посрединѣ этого средняго штриха—то самое мѣсто, на которомъ было произнесено послѣднее слово битвы. На немъ—то помѣстили льва—этотъ невольный символъ послѣдняго героическаго усилія императорской гвардіи.

Треугольникъ, находящійся на верху буквы, между среднимъ штрихомъ и двумя боковыми, представляетъ собою площадку Монъ-Сенъ-

Жана. Оспариваніе другъ у друга этой площадки и составило задачу всей битвы.

Крылья обѣихъ армій разстилаются по правую и лѣвую стороны жепанской и нивельской дороги; д'Эрлонъ стоитъ противъ Пиктона, Рель — противъ Гилли.

За площадкою Монъ-Сенъ-Жана лежитъ суанскій лѣсъ.

Что касается до самой долины, то, чтобы составить о ней понятіе, достаточно представить себѣ широкое волнообразное мѣсто; всѣ эти возвышенности идутъ къ Монъ-Сенъ-Жану, и тамъ примыкаютъ къ лѣсу.

Два непріятельскія войска на полѣ сраженія тоже, что два борца. Одно старается заставить другое поскользнуться. Тутъ цѣпляются за все; кустарничекъ есть точка опоры; уголь стѣны — окошъ для припрыгиванія; при невозможности прислониться хоть къ какой-нибудь лачужкѣ, полкъ теряетъ почву; пониженіе долины, поперечная тропинка кстаи, лѣсокъ, оврагъ, могутъ остановить пятку этого колосса, который называется арміей, и помѣшать ему отступить. Кто вышелъ изъ поля, тотъ проигралъ сраженіе. Отъ этого на отвѣтственномъ начальникѣ лежитъ непремѣнный долгъ осмотрѣть малѣйшій кустъ и изучить малѣйшую выпуклость почвы.

Два полковода внимательно изучили долину Монъ-Сенъ-Жана, называемую теперь Ватерлооской долиною. Еще въ предъидущемъ году, Веллингтонъ осматривалъ ее на случай большаго сраженія. На этомъ мѣстѣ и для этого поединка у Веллингтона были хорошіе шансы, у Наполеона дурные. Англійская армія была вверху, французская внизу.

Было бы почти лишнимъ обрисовывать здѣсь фигуру Наполеона, верхомъ, съ зрительной трубой въ рукѣ, на Россомскихъ высотахъ, на разсвѣтѣ 18 іюня 1815 года. Всѣ знаютъ эту фигуру. Этотъ спокойный профиль подъ маленькой шляпой Бриенской школы, этотъ зеленый мундиръ съ бѣлыми отворотами, этотъ уголь красной ленты подъ жилетомъ, кожаные панталоны, бѣлая лошадь подъ бархатнымъ чепракомъ пурпуроваго цвѣта, выпитымъ по угламъ орлами и буквами N подъ короною, ботфорты на шелковыхъ чулкахъ, серебрянныя шпоры, Маренговская шпага — вся эта фигура послѣдняго Цезаря живетъ во всѣхъ воображеніяхъ, восторженно принимаемая одними, строго осуждаемая другими.

Эта фигура долго была вся окружена блескомъ. Это происходило отъ того легендарнаго затемнѣнія, которое исходитъ изъ большей части героев и всегда, болѣе или менѣе, долго закрываетъ истину; но теперь исторія и ясность берутъ свое.

Эта ясность, то есть исторія, безжалостна. Странно и божественно въ ней то, что не смотря на то, что она есть свѣтъ и именно потому что она свѣтъ, она часто кладетъ тѣнь тамъ, гдѣ прежде были лучи; изъ одного и того же человѣка, она дѣлаетъ два различныя призрака: одинъ нападаетъ на другаго, произноситъ надъ нимъ правый судъ, и мракъ деспота борется съ ослѣпительнымъ блес-

коть полководца. Отъ этого, въ окончательной ещѣнкѣ народовъ больше справедливости. Изнасилованный Вавилонъ умалляетъ Александра; скованный Римъ умалетъ Цезаря; убитый Иерусалимъ умалетъ Тита. Тиранинъ слѣдуетъ за тиранами. Несчастливъ тотъ человекъ, который оставляетъ позади себя темноту имѣющую его форму.

V.

Quid obscurum битвъ.

Всѣмъ извѣстна первая фаза этой битвы; извѣстно начало ея, смутное, невѣрное, колеблющееся то на одну, то на другую сторону, угрожающее обѣимъ арміямъ, но англичанамъ еще больше чѣмъ французамъ.

Цѣлую ночь шелъ дождь; въ землѣ образовались промолны; вода собралась въ углубленіяхъ долины, точно въ лоханкахъ; на нѣкоторыхъ мѣстахъ, колеса обоза уходили до оси въ грязь; грязь капала также съ подпругъ лошадей; если бы пшеница, рожь, смятыя всѣми этими колесами, не наполнили собою всѣ колѣн и не образовали подстилокъ, то всякое движеніе, особенно въ долинахъ со стороны Паплотты, было бы невозможно.

Сраженіе началось поздно. Наполеонъ, какъ мы объяснили, имѣлъ привычку держать всю артиллерію въ рукѣ, какъ пистолетъ, цѣлясь то въ одинъ, то въ другой пунктъ битвы. И теперь, онъ ждалъ, чтобы запряженные Фаттарен могли свободно катиться и галопировать; для этого надо было, чтобъ солнце появилось и высушило землю. Но солнце не появилось. Это было уже не Аустерлицкое свиданіе. Когда раздался первый выстрѣлъ изъ пушки, англійскій генералъ Кольвилъ посмотрѣлъ на часы и увидѣлъ, что была половина двѣнадцатаго.

Лѣвое французское крыло, стоявшее въ Гугомонѣ, открыло битву, и открыло ее съ яростью, большею можетъ-быть чѣмъ та, которой желалъ Императоръ. Въ то же время Наполеонъ атаковалъ центръ, устремивъ бригаду Кю на Haie-Sainte, а Ней двинулъ французское правое крыло противъ лѣваго англійскаго, стоявшаго у Паплотты.

Атака на Гугомонъ была отчасти притворна; планъ ея состоялъ въ томъ, чтобы привлечь сюда Веллингтона и заставить его склониться влѣво. Этотъ планъ удался бы, если-бы четыре отряда англійской гвардіи и храбрые бельгійцы дивизіи Перронше не стояли твердо на своемъ мѣстѣ, такъ что Веллингтонъ, вмѣсто того чтобъ двинуть туда всѣ силы, могъ ограничиться тѣмъ что послалъ въ подкрѣпленіе еще четыре отряда гвардіи и баталіонъ брауншвейгцовъ.

Атака праваго французскаго крыла имѣла явною цѣлью сбить лѣвое англійское, перерѣзать бруксельскую дорогу, загородить путь пруссакамъ, еслибы они пришли, завладѣть Монъ-Сенъ-Жаномъ, прогнать Веллингтона къ Гугомону, оттуда къ Бренъ-д'Алле, оттуда къ Галю. Эта атака почти удалась. Паплотта была взята; Haie-Sainte тоже.

Здѣсь надо замѣтить одну подробность. Въ англійской инфантеріи,

и преимущественно въ бригадѣ Кемпта, было много рекрутъ. Эти молодые солдаты доблестно вели себя въ отношеніи къ нашимъ страшнымъ воннамъ; не смотря на свою неопытность, они были непоколебимы; особенно отличились они въ стрѣльбѣ; солдатъ стрѣлокъ, немного представленный самому себѣ, становится, такъ сказать, своимъ собственнымъ полководцемъ; эти рекруты обнаружили почти французское бѣшенство и искусство. Новички пѣхотинцы дѣйствовали съ жаромъ. Это не понравилось Веллингтону.

Послѣ взятія Haie-Sainte, битва стала колебаться.

Былъ въ этомъ днѣ, съ двѣнадцати до четырехъ часовъ, какой то мрачный промежутокъ; середина этой битвы какъ будто покрыта сумерками, мѣшающими ясно различать ее. Въ этомъ туманѣ едва замѣтны какія-то широкія передвиженія, какой-то головокружій миражъ, видно военное вооруженіе того времени, почти неизвѣстное теперь, гусарскіе кивера, гусарскія тапки, сумки съ граматами, доломаны, красные сапоги съ тысячею складокъ, тяжелыя каски, украшенныя витыми шнурами, брауншвейгская инфантерія, почти черная, смѣшанная съ инфантерією англійскою ярко-красною, англійскіе солдаты съ круглыми бѣлыми подушочками вмѣсто эпюлетъ, легкая ганноверская кавалерія въ кожаныхъ продолговатыхъ каскахъ съ мѣдными полосами и красными султанами, шотландцы съ голыми колѣнами и въ клетчатыхъ плащахъ, наши гренадеры въ бѣлыхъ большихъ штиблетахъ; все картины, но не стратегическія линіи; то что нужно Салватору-Роза, но не то, что нужно Грибовалю.

Къ каждой битвѣ всегда прииѣшивается нѣчто бурное. Quid obscurum quid dicitur. Каждый историкъ приводитъ свои очертанія въ этой свалкѣ...

VI.

ЧЕТЫРЕ ЧАСА ПОПОЛУДИ.

Къ четыремъ часамъ, положеніе англійской арміи сдѣлалось опаснымъ. Принцъ Оранскій командовалъ правымъ центромъ, Гилль правымъ крыломъ, Пиктонъ лѣвымъ. Принцъ Оранскій непоколебимый и отчаянный, кричалъ голландцамъ и бельгійцамъ: «Нассау! Брауншвейгъ! Ни шагу назадъ!» Гилль уже ослабѣвшій, припнулся къ Веллингтону, Пиктонъ былъ мертвъ. Въ ту самую минуту, когда англичане отбили у французовъ знамя 105-го линейнаго полка, французы убили у англичанъ, пулею въ голову, генерала Пиктона. У Веллингтона были въ этой битвѣ двѣ точки опоры: Гугомонъ и Haie — Sainte. Гугомонъ еще держался, но горѣлъ; Haie-Sainte была взята. Изъ нѣмецкаго баталіона, защищавшаго ее, осталось въ живыхъ только сорокъ два человѣка; всѣ офицеры, кромѣ пяти, были мертвы или взяты въ плѣнъ. Три тысячи человѣкъ рубили другъ друга въ этомъ сараѣ. Одинъ сержантъ нѣмецкой гвардіи, первый боксеръ Англій, считавшійся между своими товарищами неуязвимымъ, былъ здѣсь убитъ маленькимъ французскимъ барабанщикомъ. Барянгъ былъ сбитъ съ мѣста, Альтенъ зарубленъ. Многія знамена были отбиты. Сѣрые шю.

ландцы не существовали больше; толстые драгуны Понсонби были уничтожены. Эти доблестные кавалеристы не устояли противъ улановъ Бро и кирасировъ Траеера; изъ тысячи двухъ-сотъ лошадей осталось только шесть сотъ; изъ трехъ подполковниковъ, двое лежало на землѣ: Гамильтонъ раненый и Матеръ убитый. Понсонби палъ, пронзенный семью ударами пикъ. Гордонъ умеръ, Маршъ умеръ. Двѣ дивизіи, пятая и шестая, были истреблены. Послѣ взятія Haie-Sainte и начала колебанія Гугомона оставалось только одно препятствіе — центръ. Это мѣсто все еще держалось. Веллингтонъ укрѣпилъ его. Онъ призвалъ туда Гилла, стоявшаго въ Мербъ-Вренъ и Шассе, стоявшаго въ Вренъ л'Алле.

Центръ англійской арміи занималъ крѣпкую позицію. Онъ стоялъ на площади Монъ-Сонъ-Жана, имѣя позади себя деревню, а съ переди покатость, въ то время довольно крутую. Онъ прислонился къ тому каменному дому, который, въ то время, составлялъ одно изъ вотчинныхъ имуществъ Нивеля и который такъ прочно построенъ, что пули отскакивали отъ него, не производя поврежденій. Вокругъ всей площадки англичане устроили плетни, сдѣлали въ кустахъ амбразуры, поставили пушки между вѣтвями. Ихъ артиллерія сдѣла въ засадѣ подъ кустарниками. Эта коварная работа, бесспорно дозволяемая войною, которая допускаетъ всякаго рода западни, была такъ хорошо сдѣлана, что Гаксо, посланный императоромъ въ девять часовъ утра для рекогносцировки непріятельскихъ батарей, ничего не увидѣлъ и донесъ Наполеону, что нѣтъ никакихъ препятствій, исключая двухъ баррикадъ, загораживающихъ дороги Нивельскую и Жонапскую. Это было время, когда трава очень высока; на опушкѣ площадки, 95-й батальонъ бригады Кемпта, вооруженный карабинами, лежалъ между высокими колосьями хлѣба.

Обезпечивъ себя такимъ образомъ, центръ англо-голландской арміи прочно держался на своей позиціи.

Опасность для этой позиціи представлялъ суанскій лѣсъ, въ то время примыкавшій къ полю битвы, и перерѣзаемый Гренендельскимъ и Буафорскимъ прудами. Армія не могла бы отступить туда безъ того, чтобы не разсѣяться; полки должны бы были, при этомъ отступленіи, отдѣлаться одинъ отъ другаго. Артиллерія погибла бы въ болотахъ. По мнѣнію многихъ опытныхъ людей — мнѣнію, которое правда, оспаривали другіе, — отступленіе въ этотъ лѣсъ было бы большимъ бѣдствіемъ.

Веллингтонъ прибавилъ къ этому центру одну бригаду Шассе отпущенную отъ праваго крыла и бригаду Винке, отдѣленную отъ лѣваго и кромѣ того дивизію Клинтонъ. Своимъ англичанамъ, полкамъ Галькета, бригадѣ Митчеля, Майтландской гвардіи, онъ далъ для укрѣпленія брауншвейскую инфантерію; Нассаускій отрядъ, Ганноверцевъ Кильмансега и вѣмцевъ Омштеды. Такимъ образомъ у него было въ рукахъ двадцать шесть батальоновъ. Огромная батарея, замаскированная мѣшками съ землей, была устроена на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится, такъ называемый, Ватерлооскій музей. Кромѣ того Веллинг-

тонъ помѣстилъ въ одномъ углубленіи тысячу четыреста драгуновъ Сомерсета. Эта была вторая половина той англійской кавалеріи, которая, по справедливости, пользуется громкою славой. Понсеви былъ истребленъ, но оставался Сомерсетъ.

Баттарей была расположена позади очень низкой садовой стѣны, которую наскоро закрыли мѣшками съ пескомъ и широкимъ землянымъ валомъ. Работа эта не была окончена; у работавшихъ не хватило времени сдѣлать ограду.

Веллингтонъ, безпокойный, но безстрастный, былъ на лошади и не сходилъ съ нея цѣлый день; онъ стоялъ немного впереди старой мельницы Монъ-Сенъ-Жана, существующей еще теперь подъ вѣзомъ, который, въ послѣдствіи, былъ купленъ за двѣсти франковъ, срубленъ и увезенъ однимъ англичаниномъ, энтузіастомъ-вандаломъ. Веллингтонъ былъ здѣсь холодно-героиченъ. Ядра сыпался дождемъ. Адъютантъ Гордонъ только что палъ подлѣ него. Лордъ Гилль, указавъ ему на ядро, разрывавшееся не вдалекѣ, спросилъ его: — Милордъ, какія будутъ ваши приказанія въ случаѣ вашей смерти? — Поступать какъ я, отвѣчалъ Веллингтонъ. Клинтону онъ отдалъ лаконическое приказаніе: — Держаться здѣсь до послѣдняго человѣка. — Дѣло очевидно клонилось въ дурную сторону. Веллингтонъ кричалъ своимъ старымъ товарищамъ талаверскимъ, викторійскимъ и саламанкскимъ: — Boys: (ребята)! *можно ли теперь думать объ отступленіи? Подумайте о старой Англій!*

Около четырехъ часовъ, англійская линія подалась назадъ. Вдругъ на вершинѣ площадки остались только артиллерія и стрѣлки; все остальное исчезло; полки, гонимые французскими ядрами, отступили къ мѣсту, которое еще теперь прорѣзываетъ тропинка формы Монъ-Сенъ-Жана. Началось движеніе назадъ. Веллингтонъ отступилъ. — Начало отступленія! крикнулъ Наполеонъ.

- VII.

Наполеонъ въ отличномъ расположеніи духа.

Императоръ, не смотря на то, что чувствовалъ себя нездоровымъ и не могъ, какъ слѣдуетъ, держаться на лошади, никогда не былъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, какъ въ этотъ день. Съ самого утра, улыбка пробилась сквозь его непроницаемость. 18 июня 1815 года эта глубокая душа, облеченная мраморомъ, слѣпо сіяла. Человѣкъ, бывший въ мраморномъ настроеніи при Аустерлицѣ, былъ веселъ при Ватерлоо.

Ridet Cæsar Pompeius flebit, говорили римскіе религіонеры Громноснаго легіона. На этотъ разъ Помпею, не суждено было плакать, но достовѣрно, что Цезарь смѣялся.

Со вчерашней ночи, онъ былъ на лошади, подлѣ дождемъ и бурею, вмѣстѣ съ Вертраномъ, осматривалъ холмы, примыкающіе къ Россому, чувствовалъ удовольствіе при видѣ всего пространства отъ Фришмоа до Бренъ-д'Алле, освѣщеннаго англійскими огнями, и ему казалось, что судьба, которой онъ назначилъ свиданіе на Ватерлоо-

жонъ полкъ, явилась во-время. Разъ, онъ остановилъ свою лошадь и нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно, глядя на молніи, слушаа громъ; и тогда, окружавшіе его услышали, какъ этотъ фаталистъ шепталъ таинственные слова: «Мы согласны между собою». Наполеонъ шибался. Между нимъ и судьбою согласіе уже не существовало.

Онъ не спалъ ни одной минуты; каждое мгновеніе этой ночи было отмѣчено для него какой-нибудь радостью. Онъ объѣхалъ всю гвардейскую линію, остававливаясь по временамъ, чтобы поговорить съ караульными. Въ полонинѣ третьяго, проѣзжая подлѣ Гугомонскаго гѣска, онъ слышалъ шаги движущейся колонны; одну минуту онъ думалъ, что это отступалъ Веллингтонъ. Онъ сказалъ Вертрану: «Это англійскій арьергардъ отступаетъ. Я возьму въ плѣнъ шесть тысячъ англичанъ, только что пріѣхавшихъ въ Остенде». Онъ говорилъ много; онъ выказывалъ ту же живость, которую выказалъ при высадкѣ перваго марта, когда, указавъ великому маршалу на восторженнаго поселяннина, встрѣчавшаго его, онъ вскричалъ:—Видишь, Вертранъ, вотъ уже и теперь у насъ есть подкрѣпленіе!» Въ ночь на 17 и 18 іюля, онъ трунилъ надъ Веллингтономъ.—*Этому маленькому англичанину надо дать урокъ*, говорилъ Наполеонъ. Дождь усиливался; громъ гремѣлъ въ то время, когда императоръ говорилъ.

Въ половинѣ четвертаго утрома, его постигло первое разочарованіе: офицеры, посланные на рекогносцировку, доложили ему, что неприятель не дѣлалъ никакого движенія. Въсѣ оставались на своихъ мѣстахъ; ни одинъ бивуачный огонь не былъ потушенъ. Глубокое безмолвіе царствовало на землѣ, шумъ былъ только на небѣ. Въ четыре часа, объѣзчики привели къ нему одного поселяннина; поселяннинъ этотъ былъ проводникомъ у одной англійской кавалерійской бригады, вѣроятно въ бригадѣ Вивъана, которая отправлялась занять позицію въ Огенѣ, на крайнемъ лѣвомъ пунктѣ. Въ пять часовъ, два бельгійскихъ дезертера донесли ему, что они только что оставили свой полкъ и что англійская армія ждала сраженія.—*Тьмъ лучше!* вскричалъ Наполеонъ. *Мнѣ еще пріятнѣе опрокинуть ихъ, чѣмъ заставить отступить.*

Утромъ онъ остановился на крутизнѣ, образующей уголъ дороги Плансуа, слѣвъ съ лошади въ грязь, велѣлъ принести себѣ изъ Россомской фермы кухонный столикъ и простой стулъ, разостлалъ вмѣсто ковра, влокъ сѣна, сѣлъ и, развернувъ на столѣ планъ сраженія, сказалъ Сульту: *Славная шахматная доска!*

Въ слѣдствіе дождей, обозы съ жизненными припасами не могли поспѣть утромъ: солдаты не спали, были измучены и голодны; но это не помѣшало Наполеону весело крикнуть Нею: *у насъ девяносто шансовъ на сто*. Въ восемь часовъ, императору принесли завтракъ. Онъ пригласилъ къ нему нѣсколькихъ генераловъ. За завтракомъ рассказали, что Веллингтонъ, за день до этого, былъ на балѣ въ Брюсселѣ, у герцогини Сомерсетъ; Сультъ, храбрый волкъ, съ лицомъ архіепископа, сказалъ: *настоящій бѣдъ — сегодня*. Императоръ сѣлся надъ Неомъ, говорившимъ: *Веллингтонъ не будетъ на*

столько прѣсть, чтобы ждать ваше величество. Впрочемъ, труднѣе было въ его привычкахъ. Онъ любилъ шутить, — говоритъ Флора-де-Шабулонъ. Въ основаніи его характера лежала веселость — говоритъ Гурго. Онъ изобиловалъ шутками, скорѣе страстными, чѣмъ остроумными — говоритъ Бенжаменъ Констанъ. Эта веселость гиганта стоятъ того, чтобы на нее обратить вниманіе. Это онъ прозвалъ своихъ гренадеровъ «ворчунами»; онъ ихъ щипалъ за ухо, онъ тянулъ ихъ за усы. Императоръ то и дѣло шалилъ съ нами; эти слова принадлежать одному изъ нихъ. 27 февраля, во время таинственнаго переѣзда съ острова Эльбы во Францію, французскій военный бригъ *Зефиръ* встрѣтился съ бригомъ *Непостояннымъ*, на которомъ былъ спрятанъ Наполеонъ, и спросилъ у Непостояннаго объ императорѣ; тогда Наполеонъ, носившій еще въ то время на шляпѣ бѣло-амарантовую кокарду, взялъ, смѣясь, рупоръ, и самъ отвѣчалъ: *Императоръ здоровъ*. Кто смѣется такимъ образомъ, тотъ фамильярно обращается со всеми происшествіями. Наполеонъ пилъ нѣсколько припадокъ такого смѣха за Ватерлооскимъ завтракомъ. Послѣ завтрака, онъ обдумывалъ что-то съ четверть часа, потомъ, два генерала сѣли на соломѣ съ перомъ въ рукѣ и листомъ бумаги на колѣняхъ, и императоръ началъ диктовать имъ порядокъ битвы.

Въ девять часовъ, французская армія двинулась пятью колоннами, съ музыкой впереди, при звукахъ барабановъ и трубъ, могучая, многочисленная, веселая; на горизонтѣ засверкало цѣлое море касокъ, саблей и штыковъ; въ эту минуту императоръ, полный волненія, вскричалъ два раза: великолѣпно! великолѣпно!

Въ теченіи полутора часа, отъ девяти до половины одиннадцатаго, вся армія, что можетъ показаться невѣроятнымъ, утвердилась на позиціи и выстроилась на шести линіяхъ. Нѣсколько минутъ послѣ образованія боеваго фронта, среди глубокаго молчанія, обыкновенно предшествующаго бурѣ, при видѣ трехъ баттарей, отдѣленныхъ отъ двѣнадцати по его приказанію и которыя должны были начать дѣйствіе, императоръ ударилъ по плечу Гаксо и сказалъ ему: *Генералъ, вотъ двадцать-четыре красавицы!*

Увѣренный въ счастливомъ исходѣ дѣла, онъ ободрилъ улыбкою проходившій мимо его отрядъ саперовъ перваго корпуса, которые должны были, по его приказанію, укрыться въ Монъ-Сенъ-Жанъ, какъ только самое селеніе будетъ взято. Сквозь всю эту безмятежность прошло только одно слово надменнаго состраданія; увидѣвъ влѣво отъ себя, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится высокая могила, удивительныхъ сѣрыхъ шотландцевъ на ихъ великолѣпныхъ лошадяхъ, онъ сказалъ: *жалко*.

Потомъ онъ сѣлъ на лошадь, выѣхалъ за Россомъ, и избралъ наблюдательнымъ пунктомъ узкое возвышеніе вправо отъ дороги между Женапомъ и Брюсселемъ; тутъ была вторая станція его во время битвы. Третья станція, которую онъ выбралъ уже въ семь часовъ вечера и которая находится между *Bele-Alliance* и *Haie-Sainte*, стран-

ла; это довольно возвышенный холмъ, который существуетъ еще теперь и позади котораго, въ одной покатости долины, собралась вся гвардія. Вокругъ этого холма свистали пули, отскакивая отъ полотна дороги до Наполеона. Здѣсь, какъ въ Бріенѣ, надъ головой его свистали пули и картечи. Послѣ битвы, почти въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла его лошадь, были найдены заржавленные ядра, старыя сабли и безобразные куски металла, покрытые ржавчиной. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на этомъ мѣстѣ откопали неразряженную гаубицу. Тотъ, кто пишетъ эти строки, самъ нашелъ въ рыхлой землѣ этого холма остатки горлышка бомбы, пришедшей въ ветхость отъ сорокшести-лѣтней окиси, и старыя куски желѣза, которые ломались въ его рукахъ, какъ вѣтки бузины.

Каждому извѣстно, что волнообразныя возвышенія долны, на которыхъ произошла встрѣча съ Веллингтономъ, теперь не тѣ, что были 18 іюня 1815 года. Отнявъ у этого похороннаго поля то, изъ чего сдѣлали его памятникъ, у него отняли его настоящую рельефную сторону, и исторія совершенно сбивается съ толку. Для того, чтобы прославить его, его обезобразили. Веллингтонъ, посѣтивъ Ватерлоо два года послѣ битвы, вскричалъ: *мнѣ подмѣнили мое поле сраженія*. Тамъ, гдѣ теперь возвышается большая земляная пирамида съ львомъ на вершинѣ, была возвышенность, которая внизъ къ Нивелю образовывала спускъ, удобный для прохода; но верхъ, со стороны Женапской дороги, шелъ почти недоступною крутизною. Вышину этой крутизны можно измѣрить еще и теперь, по вышинѣ двухъ большихъ могилъ, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ Брюссельско-женапской дороги, и изъ которыхъ одна—могила англійская, налѣво, другая, направо—могила нѣмецкая. Французской могилы нѣтъ. Для Франціи, вся эта долина—могила. Благодаря огромному количеству земли, употребленному на сооруженіе возвышенія въ сто пятьдесятъ футовъ вышины и полмили въ діаметрѣ, на площадку Монъ-Сень-Жана теперь легко взойти; въ днѣ битвы, особенно со стороны Haie-Sainte, входъ на нее былъ очень крутъ. Крутизна эта была такова, что англійскія пушки не могли видѣть ферму, расположенную внизу ихъ въ глубинѣ долины и составлявшую центръ битвы. 18 іюня 1815 года, дожди еще наполнили эту крутизну промоями, грязь еще болѣе затрудняла восхожденіе на нее. Вдоль хребта площадки проходилъ родъ рва, присутствіе котораго невозможно было угадать издали.

Скажемъ, что это былъ за ровъ. Брещъ-л'Алле и Огенъ — села въ Бельгіи. Спрятанныя въ изгибахъ почвы, они оба примыкаютъ къ дорогѣ, имѣющей около полуторы льѣ въ длину, проходящей по долинѣ волнообразнымъ уровнемъ и часто врѣзывающейся въ холмы въ видѣ борозды, въ слѣдствіе чего эта дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлается оврагомъ. Въ 1815 году, какъ и теперь, она перерѣзывала хребетъ площадки Монъ-Сень-Жана, между дорогами женапской и нивельской; только теперь, она идетъ въ уровень съ долиной, а тогда образовывала углубленіе. Два окопа ея срыли для землянаго

памятника. Она была такъ узка при вѣздѣ въ Брентъ-л'Алле, что одинъ прохожій былъ тамъ раздавленъ повозкой, какъ свидѣтельствуеъ каменный крестъ, стоящій подлѣ кладбища съ обозначеніемъ имени умершаго «господина Вернара Дебри, Брюссельскаго купца», и мѣсяца, когда приключилась его смерть, «Февраля 1637 года». Самое число стерлось. На площадкѣ Монъ-Сенъ-Жана дорога эта была такъ глубока, что одинъ поселянинъ, Матье Никезъ, въ 1783 году былъ раздавленъ обваломъ земли, какъ свидѣтельствоваъ другой каменный крестъ, вершина котораго исчезла, но опрокинутый пьедесталъ видѣнъ еще и теперь на дерновомъ склонѣ влѣво отъ дороги между Haie-Sainte и фермою Монъ-Сенъ-Жана.

Въ день битвы, эта глубокая дорога, скрытая отъ глазъ, была невидима, то есть ужасна.

VIII.

Императоръ дѣлаетъ одинъ вопросъ проводнику Лакосту.

И такъ, утромъ Ватерлооскаго дня Наполеонъ былъ доволенъ.

Онъ имѣлъ право радоваться. Мы уже сказали, что составленный имъ планъ битвы былъ дѣйствительно удивителенъ.

Едва завязалась битва, какъ и начались самыя разнообразныя перепетія ея. Гугомонъ сопротивлялся, Haie-Sainte твердо держалась, Бодюэнъ былъ убитъ, Фуа выбитъ изъ строя, бригада Суа разбилась о неожиданную стѣну; роковая забывчивость Гильеминно оставила его безъ пороку и снарядовъ; батареи вяли въ грязи, пятнадцать орудій безъ конвоя были опрокинуты Эксбриджемъ въ ямистой дорогѣ, бомбы производили маловажныя опустошенія въ англійскихъ рядахъ, зарываясь въ влажную отъ дождя землю, и образовывали только волканы изъ грязи; пятнадцать эскадроновъ, то есть вся кавалерія, были почти уничтожены; правое англійское крыло не испытало большихъ нападений; лѣвое крыло тоже не получало большихъ ударовъ; Ней, по какому-то странному недоразумѣнію, сводилъ въ одинъ строй четыре дивизіи перваго корпуса, вмѣсто того, чтобы разбить ихъ по эшелонамъ, и такимъ образомъ, подставлялъ подъ картечь двадцать семь рядовъ и фронты изъ двухъ сотъ человекъ, сомкнутые вмѣстѣ; ядра производили страшныя опустошенія въ этихъ массахъ; колонны для атаки были раздѣленны; Кіо былъ отбитъ; лейтенантъ Вье, этотъ геркулесъ, выподшій изъ политехнической школы, былъ раненъ въ ту минуту, когда, ударами топора, онъ выламывалъ дверь Haie-Sainte, стоя подъ непрерывнымъ огнемъ англійской баррикады, загоравшейся поворотъ дороги изъ Женаппа въ Брюссель; дивизія Марконье, попавшая между пѣхотой и кавалеріей, была разстрѣлана Бестомъ и Пакомъ и изрублена Понсонби; семи-пушечная батарея ея была загвозжена; герцогъ саксенъ-вѣймарскій, несмотря на усилія графа Эрлона, охранялъ Фришмонъ и Смогенъ и не уступалъ ихъ; знамя 105-го полка было отбито; знамя 45-го полка—отбито; черный прусскій гусарь арестованъ объѣзчиками легкой колонны изъ трехъ-сотъ егерей, занимавшихъ площадку между

Ванромъ и Плансуа; плѣнникъ этотъ далъ показанія, которыя могли привести въ безпокойство; Груши не приходилъ; полторы тысячи человѣкъ были, менѣе чѣмъ въ часъ времени, убиты въ Гугомонскомъ саду; тысяча-восемьсотъ человѣкъ пали, въ теченіе еще меньшаго времени, вокругъ Haie-Sainte. Но всѣ эти бурныя приключенія проходили какъ боевыя тучи передъ Наполеономъ, едва смущали его взглядъ и не омрачали этого императорскаго лица, полного твердой увѣренности. Наполеонъ привыкъ смотрѣть пристально въ глаза войны; онъ никогда не дѣлалъ мучительнаго сложенія всѣхъ цифръ подробностей; до отдѣльныхъ цифръ ему было мало дѣла, лишь бы въ итогѣ выходило—побѣда; онъ, считавшій себя властелиномъ и повелителемъ конца дѣла, не пугался, когда начало шло дурно; онъ умѣлъ ждать и обращался съ судьбою, какъ равный съ равнымъ. Онъ, казалось, говорилъ судьбѣ: «Ты не посмѣешь.»

Состоя на половину изъ свѣта и на половину изъ тѣни, Наполеонъ вѣрилъ, что добро покровительствуетъ ему, а зло терпитъ его. Событія потворствовали ему—или ему казалось, что потворствуютъ;—можно даже сказать, что они были его даже сообщниками—сообщничество равносильное древней неуязвимости.

Однакожь, когда сзати человѣка, остаются Березина, Лейпцигъ и Фонтенбло, кажется, можно не довѣряться Ватерлоо. Тайнственное нахмуриваніе бровей начинаетъ обнаруживаться въ глубинѣ неба.

Въ ту минуту когда Веллингтонъ отступилъ, Наполеонъ вздрогнулъ. Передъ его глазами площадка Монъ-Сенъ-Жана вдругъ очистилась, и фронтъ англійской арміи исчезъ. Императоръ приподнялся на стреленахъ. Молнія побѣды сверкнула въ его глазахъ.

Веллингтонъ, отбитый къ суавьскому лѣсу и истребленный, представлялъ собою, въ глазахъ Наполеона, окончательное пораженіе Англій Франціею; эта побѣда была отищеніемъ за Кресси, Пуатье, Мальплаке и Рамилъи. Герой Маренго вычеркивалъ Азенкура.

Тогда императоръ, обдумывая страшный ударъ, обвелъ въ послѣдній разъ подозрною трубою всѣ пункты поля битвы. Гвардія его, стоя позади, смотрѣла на него снизу съ какимъ-то религіознымъ чувствомъ. Онъ думалъ; онъ осматривалъ покатою, впивался взглядомъ въ деревья, въ высокіе хлѣба, въ тропинки; онъ, казалось, считалъ всѣ кустарники. Онъ съ какою-то неподвижностью во взглядѣ, посмотрѣлъ на англійскія баррикады двухъ дорогъ: жонапской и нивельской: первая была вооружена англійскими пушками, на второй сверкали голандскіе штыки баррикады Шассе. Подлѣ этой баррикады онъ увидѣлъ бѣлую старую часовню Св. Николая, стоявшую на углу дороги къ Брешъ-л' Алле. Онъ наклонился и въ полголоса спросилъ о чемъ-то проводника Лакоста, поселянна съ непріятельской стороны, захваченнаго въ плѣнъ французами. Проводникъ сдѣлалъ отрицательный знакъ головой, знакъ по всей вѣроятности, коварный.

Императоръ выпрямился и собрался съ мыслями.

Веллингтонъ отступилъ.

Теперь оставалось только довершить это отступление решительным поражениемъ.

Наполеонъ быстро обернулся и послалъ въ Парижъ эстафету съ увѣдомленіемъ, что битва выиграна.

Наполеонъ былъ изъ тѣхъ геніевъ, изъ которыхъ выходитъ громъ.

Въ эту минуту онъ напалъ свой громовой ударъ.

Онъ командовалъ кирасирамъ Мило взять штурмомъ площадку Монъ-Сенъ-Жана.

IX.

НЕОЖИДАННОСТЬ.

Ихъ было три тысячи пять-сотъ человекъ. Развернутый фронтъ ихъ занималъ четверть льѣ. Это были люди—гиганты на лошадахъ—колоссахъ. Они составляли двадцать-шесть эскадроновъ; позади ихъ, для подкрѣпленія, стояли дивизія Ле-Февра Донуэтта, сто шесть отборныхъ жандармовъ, гвардейскіе егеря въ числѣ тысяча ста девяносто семи человекъ и восемь-сотъ восемьдесятъ гвардейскихъ улановъ. Они были въ каскахъ безъ султановъ и въ кирассахъ изъ кованнаго желѣза, съ пистолетами въ сѣдлахъ и съ длинными саблями. Вся армія любовалась ими, когда, въ девять часовъ утра, при звукахъ трубъ, игравшихъ: *Veillons au salut de l'empire*, они выстроились густою колоною въ два ряда, съ одною батареею съ боку, и другою—по срединѣ, между жепапскою дорогою и Фришмономъ, и заняли свое боевое мѣсто въ той могущественной второй линіи, такъ отлично составленной Наполеономъ, которая, имѣя на своемъ лѣвомъ флангѣ кирасировъ Келлермана, а на правомъ—кирасировъ Мило, была, такъ сказать, съ двумя желѣзными крыльями.

Адъютантъ Бернаръ передалъ имъ команду императора. Онъ обнажилъ шпагу, и сталъ во главѣ колонъ. Огромные эскадроны тронулись.

Величественное страшное зрѣлище представилось глазамъ.

Вся эта кавалерія, съ поднятыми саблями, съ развѣвающимися знаменами, при звукахъ трубъ, построенная дивизионными колонами, спустилась, точно одинъ человекъ, съ мѣткостью бронзоваго тарана, дѣлающаго проломъ, съ холма *Belle-Alliance*, врѣзалась въ страшную глубину, въ которой было уже столько человекъ, исчезла въ дымъ; потомъ, выйдя изъ этого мрака, снова появилось по другую сторону долины и, по прежнему, сжатая и густая, осыпаемая картечью, крупною рысью стала подыматься вверхъ по страшной грязной покато-сти Монъ-Сенъ-Жана. Серьезная, грозная, непоколебимая, подымалась она; въ тѣ минуты, когда смолкадъ громъ ружей и артиллеріи, слышался этотъ колоссальный топотъ. Тутъ были двѣ дивизіи, составлявшія двѣ колонны: дивизія Ватье занимала правую сторону, дивизія Делора—лѣвую. Издалека казалось, что, по направленію къ хребту площадки извиваются двѣ неизмѣримыя стальные змѣи. Это явленіе прошло сквозь битву точно какое-нибудь чудо.

Со времени взятія большаго московскаго редута тяжелой кавалеріею, не было ничего подобнаго; не доставало только Мюрата, но за

то былъ Ней. Казалось, что вся эта масса сдѣлалась чудовищемъ, и что у всѣхъ этихъ людей была одна душа. Каждый эскадронъ извивался и надвигался, какъ кольцо полна. Они открывались глазу сквозь широко—стлавшійся дымъ, по временамъ разсѣвавшійся то тутъ, то тамъ. Каски, крики, сабли, бѣшеные прыжки лошадей, громъ пушекъ, звуки трубъ—все это перемѣшивалось между собою въ ужасномъ, но полномъ дисциплины движеніи; а въ довершеніе картины, кирасы сверкали, какъ чешуя гидры.

Эти рассказы принадлежать какъ-будто другимъ вѣкамъ. Нѣчто подобное этому видѣнію появлялось, безъ сомнѣнія, въ древнихъ орфическихъ эпопеяхъ, рассказывавшихъ о людяхъ,—лошадяхъ, о гиппантропахъ, этихъ титанахъ съ человѣческимъ лицомъ и лошадинымъ туловищемъ, которые взлетали на Олимпъ, страшные, неизвѣстные, великіе,—боги и животныя въ одно и тоже время.

По странному стеченію чиселъ, двадцать шесть батальоновъ готовы были встрѣтить эти двадцать шесть эскадроновъ. Позади хребта площадки, въ тѣни замаскированной батареи, англійская пѣхота, разбитая на тринадцать каре, по два батальона въ каждомъ, и на двѣ линіи, ждала прицѣлаться въ тѣхъ, которые шли къ ней на встрѣчу, спокойная, нѣмая, неподвижная. Она не видѣла кирассировъ, и кирассиры не видѣли ее. Она слышала, какъ подымалась эта людская война. Она слышала, мало по малу, увеличивавшійся шумъ трехъ тысячъ лошадей, симметрической стукъ копытъ, бѣжавшихъ крупной рысью, шелесть и ужасъ, звонъ саблей и какъ будто суровое, могучее дыханіе. Наступило страшное молчаніе; потомъ вдругъ, надъ площадкою появился длинный рядъ рукъ, махавшихъ саблями, появились каски, трубы, знамена, и три тысячи головъ съ сѣдыми усами крикнули: да здравствуетъ Императоръ! Вся эта кавалерія въѣхала на площадку, и въѣздъ ея былъ точно начало землетрясенія.

Вдругъ—трагическое обстоятельство: передній рядъ конницы кирассировъ сталъ на дыбы съ страшными криками. Доскакавъ до крайняго пункта хребта, разъяренные, полные бѣшенства и духа разрушенія, кирассиры вдругъ увидѣли, что между ними и англичанами лежалъ большой ровъ. Это было углубленіе Огеньской дороги.

Минута эта была ужасна. Передъ ними былъ оврагъ, неожиданный, вѣющій, крутой, въ два фута глубины; второй рядъ толкнулъ въ него первый, а третій толкнулъ второй; лошади становились на дыбы, бросались назадъ, опрокидывались на спину, скользили ногами въ верхъ, давя и опрокидывая всадниковъ; отступить не было никакихъ средствъ; сила, приобретенная для того, чтобы раздавить англичанъ, раздавила французовъ; неумолимымъ оврагомъ нельзя было завладѣть иначе, какъ наполнивъ его; всадники и лошади покатались туда, давя другъ друга, превращаясь въ этой безднѣ въ одинъ кусокъ мяса,—и когда этотъ ровъ былъ наполненъ живыми людьми, тогда остальные пошли по нимъ и перешли на дру-

гую сторону. Почти треть бригады Дюбуа погибла въ этой провасти.

Этимъ началась потеря сраженія.

Мѣстное преданіе, очевидно приувеличивающее, говоритъ, что въ углубленіи Огенской дороги были схоронены двѣ тысячи лошадей и полторы тысячи человекъ. Въ это число включены, вѣроятно, и всѣ другіе трупы, которыхъ бросили въ этотъ оврагъ на другой день послѣ битвы.

Наполеонъ, собираясь послать на приступъ кирассировъ Мило, осмотрѣлъ мѣстность, но не могъ различить этого углубленія, необразовывавшаго даже простой складки на поверхности площадки. Увидѣвъ однако маленькую бѣлую часовню, стоящую на углу Нивольской дороги, онъ, вѣроятно боясь препятствія, обратился съ вопросомъ къ проводнику Лакосту. Проводникъ отрицательно покачалъ головой. Можно почти сказать, что изъ этого движенія головы поселеннина вышла катастрофа Наполеона.

Его ждали еще другія роковыя преграды.

Была-ли какая нибудь возможность, чтобы Наполеонъ выигралъ эту битву? Мы отвѣчаемъ: нѣтъ. Ктоже помѣшалъ-бы побѣдѣ? Веллингтонъ? Блюхеръ? Нѣтъ. Вѣ помѣшалъ-бы Богъ.

Побѣда Бонапарте при Ватерлоо, была-бы противна судьбамъ XIX-го вѣка. Теперь готовился новый рядъ фактовъ, въ которыхъ Наполеону не было больше мѣста. Недоброжелательство къ нему событій давно уже обнаружилось.

Пора была этому большому человѣку упасть.

Чрезмѣрная тяжесть этого человѣка на всѣхъ человѣческой судьбы нарушала равновѣсіе. Этотъ человѣкъ одинъ вѣсилъ больше, чѣмъ всѣ люди вмѣстѣ. Эти соки всей человѣческой жизненности, были бы смертельно губельны для цивилизациа, еслибъ такой порядокъ продолжался. Для неподкупной высшей справедливости настала пора вмѣшаться. По всей вѣроятности, принципы и элементы, отъ которыхъ зависятъ правильныя положенія въ мірѣ моральномъ, такъ же какъ и въ матеріальномъ, затѣяли процессъ. Дымящаяся кровь, черезъ мѣру наполненные кладбища, плачущія матери—все это страшныя истцы. Когда земля страдаетъ отъ сильнаго давленія, тогда во мракѣ раздаются таинственные стоны, которые слышитъ бездна.

Безконечное получило жалобу на Наполеона, и паденіе его было рѣшено.

Ватерлооская битва—но битва; она—измѣненіе лица вселенной.

X.

Площадка Монъ-Сень-Жана.

Въ одно время съ оврагомъ, обнаружилась и батарея.

Шестьдесятъ пушекъ и тринадцать карре осыпали кирассировъ мстрѣлами въ упоръ. Храбрый генералъ Делоръ отдалъ честь по востанову англійской батарее.

Вся летучая англійская артиллерія вернулась галопомъ въ карре. Кирассиры ни на минуту не остановились. Преграда, встрѣченная ими на дорогѣ, опустошила ихъ ряды, но не лишила бодрости. Они были изъ тѣхъ людей, которые, уменьшаясь въ числѣ; вырастаютъ духомъ.

Въ оврагѣ пострадала только одна колонна Ватъе: колонна Делора, которую Ней, точно предчувствуя западню, повернулъ на лѣво, до-скакала въ цѣлости.

Кирассиры ринулись на англійскіе карре.

Лошади, пущенныя во всю прыть, сабли въ зубахъ, пистолеты въ рукахъ — такова была атака.

Въ битвахъ бываютъ минуты, когда душа дѣлаетъ человѣка жесткимъ до того, что солдатъ превращается въ статую, и все это мясо становится гранитомъ. Англійскіе баталіоны встрѣтили бѣшеное нападеніе и не пошевелились.

Тогда началось нѣчто ужасное.

Атака была поведена разомъ на всѣ англійскіе карре. Ихъ окружилъ бѣшеный вихрь. Эта холодная пѣхота осталась безстрашною. Первый рядъ, стоя на колѣняхъ, принималъ кирассировъ на штыки, второй рядъ разстрѣливалъ ихъ; за вторымъ рядомъ артиллеристы заряжали пушки, фронтъ карре разступался, пропускалъ взрывъ картечи и снова замыкался. Кирассиры, въ отвѣтъ на выстрѣлы, давили враговъ. Ихъ высокія лошади вставали на дыбы, переступали черезъ ряды, прыгали черезъ штыки и падали, точно гиганты, посреди этихъ четырехъ живыхъ стѣнъ. Ядра дѣлали отверстія въ кирассирахъ, кирассиры дѣлали проломы въ карре. Ряды людей пачезали, раздавленные, подъ лошадьми. Штыки вонзались въ животы этихъ центавровъ. Оттуда тѣ безобразныя раны, которыя можетъ быть не встрѣчались нигдѣ болше. Карре, изувѣчиваемые этою бѣшеною кавалеріею, уменьшались, но не двигались съ мѣста. Владѣя неистощимымъ запасомъ картечи, они пускали взрывы въ середину наседающихъ. Чудовищень былъ видъ этого побойца. Эти карре были уже не баталіоны, а огнедышущія горы; эти кирассиры были уже не кавалерія, а буря. Каждый карре былъ волжанъ атакванный тучею; лапа дралась съ громомъ.

Крайній карре съ правой стороны, открытый нападенію болѣе, чѣмъ всѣ прочіе, былъ почти весь уничтоженъ первымъ напоромъ. Онъ состоялъ изъ 75 полка гайлендеровъ (шотландцевъ). Въ то время, когда вокругъ происходила рѣзня, музыкантъ вгравшій на волюнкѣ, сидя на барабанѣ съ своимъ *пайброкомъ* подъ рукою, не обращая ни на что вниманія, и склонивъ къ землѣ меланхолическій взглядъ, полный отблеска лѣсовъ и озеръ, наигрывалъ горныя пѣсни. Эти шотландцы умирали, думая о Венъ-Латіанѣ, какъ умирали греки, вспоминая объ Аргосѣ. Сабля кирассира сшибла пайброкъ и руку державшую его, и убивъ пѣваца, заставила смолкнуть пѣсню.

Кирассиры, число которыхъ было относительно не велико, вслѣдствіе катастрофы въ оврагѣ, имѣли противъ себя почти всю англійскую армію; но они увеличивались въ числѣ, потому что каждый

человѣкъ стоялъ десятерыхъ. Однакожъ, нѣсколько ганноверскихъ баталіоновъ пошатнулись. Веллингтонъ увидѣлъ это и вспомнилъ о своей кавалеріи. Еслибы Наполеонъ, въ эту же самую минуту, вспомнилъ о своей пѣхотѣ, онъ бы выигралъ битву. Эта забывчивость была его большою роковою ошибкою.

Вдругъ нападавшіе кирасиры почувствовали, что на нихъ нападаютъ. Англійская кавалерія была позади ихъ. Спереди карре, сэди Сомерсетъ, Сомерсетъ, то есть тысяча четыреста гвардейскихъ драгуновъ. У Сомерсета справа былъ Дорнбергъ съ нѣмецкою легкою кавалеріею, а слѣва Трипъ съ бельгійскими карабинерами; кирасиры, атакованные съ боковъ и фронта, спереди и съ тылу, пѣхотою и конницею, должны были отбиваться во всѣ стороны. Для нихъ это было все равно: они всѣ были одинъ вихрь. Храбрость сдѣлалась невыразимою.

Кромѣ того, позади ихъ была батарея, непрерывавшая гремѣть. Это нужно было ихъ врагамъ для того, чтобы эти люди были ранены въ спину. Одна изъ ихъ кирасъ, прострѣленная около лѣвой лопатки большою пулею, находится въ коллекціи Ватерлооскаго музея.

Для такихъ французовъ нужны были такіе англичане.

Теперь происходила уже не свалка; мѣсто ея заступили мракъ, бѣшенство, ураганъ молніеносныхъ сабель. Въ одну минуту изъ тысячи четырехъ сотъ гвардейскихъ драгуновъ, остались только осемьсотъ; подполковникъ ихъ Фуллеръ палъ мертвый. Ней приuchsъ съ уланами и егерями Ле-Февра Денутта. Площадка Монъ-Сенъ-Жана была взята нѣсколько разъ. Кирасиры оставляли кавалерію, чтобы обращаться къ пѣхотѣ, или, лучше сказать, вся эта страшная толпа держала другъ друга за воротъ, не выпуская ни на минуту. Карре все еще держались. На приступъ шли двѣнадцать разъ. Подъ Неемъ были убиты четыре лошади. Половина кирасировъ осталась на площадкѣ. Этотъ бой продолжался два часа.

Онъ сильно поколебаль англійскую армію. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы катастрофа оврага не ослабила кирасировъ въ первомъ ихъ напорѣ, то они опрокинули бы центръ и рѣшили побѣду. Эта необыкновенная кавалерія привела въ глубочайшее изумленіе Клинтона, который, однако, былъ при Талаверѣ и Бадаюсѣ. Веллингтонъ, на три четверти побѣжденный, героически высказывалъ свое удивленіе. Онъ говорилъ вполголоса: splendid! (великолѣпно).

Кирасиры уничтожили семь карре изъ тринадцати, взяли и загвоздили шестьдесятъ пушекъ и отбили у англійскихъ полковъ шесть знаменъ, которые были отнесены тремя кирасирами и тремя гвардейскими егерями къ императору, находившемуся передъ фермою Belle-Alliance.

Положеніе Веллингтона сдѣлалось хуже. Эта странная битва была похожа на поединокъ между двумя ожесточенными противниками, которые оба ранены и, продолжая сражаться и сопротивляться, совершенно истекаютъ кровью. Кто же изъ двухъ падеть первый?

Бой на площадкѣ продолжался.

До какого мѣста дошли кирасиры? Никто не можетъ отвѣчать на это. Достоверно то, что, на другой день битвы, мертвый кирасиръ и его лопадь, были найдены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ встрѣчаются и перекрещиваются четыре дороги: нивельская, женаппская, ла-гюльпская и бруссельская. Этотъ всадникъ пробился сквозь англійскіе ряды. Одинъ изъ людей, поднявшихъ этотъ трупъ, живетъ до сихъ поръ въ Монъ-Сенъ-Жанъ. Имя его—Догазъ. Тогда ему было восемьнанадцать лѣтъ.

Веллингтонъ чувствовалъ, что онъ шатается! Кризисъ былъ недалекъ.

Кирасиры не окончили дѣла съ успѣхомъ въ томъ смыслѣ, что не пробрались сквозь центръ. Всѣ владѣли площадкой, но, въ то же время, никто не владѣлъ ею, и большая часть ея все-таки была въ рукахъ англичанъ. У Веллингтона были селеніе и верхняя часть долины; у Нея были только хребетъ и покатость. Обѣ стороны, казалось, пустили корни на этой погребальной землѣ.

Но ослабленіе англичанъ казалось неотвратимымъ. Кровотеченіе этой арміи было ужасно. Кемптъ, на лѣвомъ крылѣ, требовалъ подкрѣпленія. — *У меня нѣтъ подкрѣпленія, отвѣчалъ Веллингтонъ, пускай дерется до смерти!* Почти въ ту же минуту, по странному сближенію, указывающему на истощеніе обѣихъ армій. Нея просилъ у Наполеона пѣхоты, и Наполеонъ отвѣчалъ: *Пѣхоты! Гдѣ мнѣ ему взять ее? сдѣлать, что ли?*

Англійская армія, однако, пострадала болѣе всѣхъ прочихъ. Яростные напоры этихъ большихъ эскадроновъ, въ желѣзныхъ кирасахъ и съ стальными грудями, раздавили пѣхоту. Тутъ нѣсколько человекъ вокругъ знамени обозначали мѣсто, гдѣ былъ цѣлый полкъ; тамъ — командиромъ баталіона остался простой капитанъ или поручикъ; дивизія Альтена, уже прежде сильно пострадавшая при Haie-Sainte, была почти разрушена; храбрые бельгійцы, бригады фонъ-Клюза, лежали грудями въ колосьяхъ ржи вдоль нивельской дороги; отъ голландскихъ гренадеровъ, которые въ 1811 году дрались въ Испаніи въ нашихъ рядахъ противъ Вашингтона, а въ 1815 въ рядахъ англичанъ сражались противъ Наполеона, — не осталось почти ничего. Потеря офицеровъ была значительна: у лорда Эсбриджа, который, на другой день битвы, самъ похоронилъ свою ногу, было раздроблено колено. Если у французовъ, въ этомъ бою кирасировъ, Делоръ, Леритъ, Кольберъ, Дюпъ, Траверъ и Бланкаръ были выбиты изъ строя, то у англичанъ Альтенъ былъ раненъ, Барнъ раненъ, Делансей убитъ, Фанъ-Миренъ убитъ, Омштеда убитъ, весь штабъ Веллингтона истребленъ, и на долю Англій въ этомъ кровавомъ равновѣсіи досталась худшая часть. Второй полкъ пѣшей гвардіи потерялъ пять подполковниковъ, четырехъ капитановъ и трехъ прапорщиковъ; первый баталіонъ 13-го пѣхотнаго полка потерялъ двадцать-четыре офицера и сто-двѣнадцать солдатъ; въ 79-мъ полку горцевъ было двадцать-четыре офицера раненыхъ, восемнадцать мертвыхъ, сорок-пятьдесятъ солдатъ убитыхъ. Ганноверскіе гусары Кумбер-

ланда, составлявшіе цѣлый полкъ, предводительствуемый полковникомъ Геккомъ, въслѣдствіи разжалованнымъ, повернули вспять и бѣжали къ суаньскому лѣсу. Обозы, понтоньеры, багажи, фургоны, наполненные ранеными, видя, что французы болѣе и болѣе завладѣваютъ мѣстностью, и приближаются къ лѣсу, — бросались въ него; голландцы, поражаемые сабельными ударами французской кавалеріи, кричали: тревога! Отъ Вер-Куку до Гренендела, на протяженіи почти двухъ лье по направленію къ Брюсселю, тянулись, по свидѣтельству людей, живущихъ до-сихъ-поръ, толпы бѣглецовъ. Испугъ дошелъ до того, что овладѣлъ принцемъ Конде, находившимся въ Маллиѣ, и Людовикомъ XVIII-мъ, бывшимъ въ Гентѣ. У Веллингтона отъ всей конницы остались только слабый резервъ, расположенный за госпиталемъ, устроеннымъ въ фермѣ Монъ-Сенъ-Жана, и бригады Вивіана и Ванделера, стоявшія на флангѣ лѣваго крыла. Большое число батарей валялось безъ орудій. Всѣ эти факты признаны за достовѣрные Сиборномъ; а Пренгль, преувеличивая быствіе, говоритъ, что отъ англо-голландской арміи осталось всего тридцать-четыре тысячи человекъ. Веллингтонъ оставался спокоенъ, но губы его поблѣднѣли. Австрійскій комиссаръ Венсанъ и испанскій комиссаръ Алава, бывшіе во время битвы въ англійскомъ штабѣ, считали герцога погибшимъ. Въ пять часовъ, Веллингтонъ вынулъ часы, и окружающіе слышали, какъ онъ прошепталъ мрачныя слова:—*Блюхеръ, или ночь!*

Въ эту самую минуту отдаленный рядъ штыковъ сверкнулъ на высотахъ со стороны Фришмона.

Тутъ начинается настоящій переломъ этой гигантской драмы.

XI.

У Наполеона дурной проводникъ, у Бюлова—хорошій.

Всѣмъ извѣстна печальная ошибка Наполеона: вмѣсто Грути пришелъ Блюхеръ, вмѣсто жизни—смерть.

У судьбы бываютъ такіе повороты. Миръ ожидалъ увидѣть троякъ цѣлой вселенной, и увидѣлъ св. Елену.

Еслибы маленькій пастухъ, служившій проводникомъ Бюлову, лейтенанту Блюхера, посоветовалъ ему выйти изъ лѣсу со стороны Фришмана, а не Плансуа, видъ XIX вѣка, можетъ быть, измѣнился бы. Наполеонъ выигралъ бы ватерлооское сраженіе. По какой бы дорогѣ, кромѣ этой, ни пошла бы прусская армія, она бы непременно достигла непереходимаго для артиллеріи оврага, и Бюловъ не могъ бы подоспѣть.

А одинъ часъ замедленія — такъ свидѣтельствуешь прусскій генералъ Муфдингъ — сдѣлалъ бы то, что Блюхеръ не засталъ бы Веллингтона на его мѣстѣ, и битва была проиграна.

И такъ, Бюлову давно была пора придти. Онъ и безъ того крѣпко запоздалъ. Онъ чочевалъ въ Діонъ-ле-Монъ и вышелъ оттуда на разсвѣтѣ. Но дороги были непроходимы, и дивизія его вьезла въ грязь. Грязь доходила по ступицу пушекъ. Кромѣ того, надо было проѣ-

ти черезъ рѣку Диль по узкому ваврскому мосту; но такъ какъ французы подожгли улицу, которая вела къ этому мосту, то для артиллеріи казалось невозможнымъ проходить между двумя рядами горящихъ домовъ,—и пришлось ждать, пока пожаръ не потухъ. Было уже двѣнадцать часовъ, когда авангардъ Бюлова не могъ еще достигнуть часовни св. Ламберта.

Еслибы битва началась двумя часами раньше, она бы кончилась въ четыре часа, и Бюхеръ пришелъ бы на сраженіе, уже выигранное Наполеономъ. Таковы эти безмѣрные случаи, пропорціональные безконечному, ускользящему отъ насъ.

Уже въ двѣнадцать часовъ, императоръ, вооруженный подозрною трубой, первый замѣтилъ на самомъ краю горизонта что-то, обратившее на себя его вниманіе. Онъ сказалъ:—Тамъ вдали я вижу тучу, которая кажется мнѣ войскомъ. Потомъ онъ спросилъ у герцога Далматскаго:—Сутьль, какъ вы думаете, что это тамъ у часовни св. Ламберта?—Маршалъ направилъ подозрную трубу и отвѣчалъ:—Это четыре или пять тысячъ человекъ: очевидно, Груши.—Между тѣмъ эта масса оставалась неподвижною въ туманѣ. Всѣ подозрныя трубы штаба были устроены на «тучу», замѣченную императоромъ. Одни говорили: это отдыхающее войско. Большинство утверждало, что это деревня. Очевидно было одно, что туча не двигалась. Императоръ отправилъ, для изслѣдованія, дивизионъ легкой кавалеріи Дамона.

Бюловъ, дѣйствительно, не двигался. Авангардъ его былъ очень слабъ, и не былъ способенъ ни на какое дѣло. Онъ долженъ былъ ожидать главный корпусъ арміи, и имѣлъ приказаніе сосредоточиться прежде, чѣмъ вступить въ ряды. Но въ пять часовъ, видя опасность, грозившую Воллингтону, Бюхеръ приказалъ Бюлову атаковать и сказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Надо дать воздуху англійской арміи».

Нѣсколько времени спустя, дивизіи Лостена, Гиллера, Гекка и Рисселя развертывались передъ корпусомъ Лабау; кавалерія принца Вильгельма Прусскаго выѣзжала изъ парижскаго гѣса; Плансиуа была въ огнѣ, и прусскія ядра начинали залетать даже въ ряды резервной гвардіи, стоявшей позади Наполеона.

XII.

ГВАРДІЯ.

Остальное извѣстно: вмѣшательство третьей арміи, дизлокировка битвы, совмѣстный громъ восьмидесяти-шести орудій, появленіе Пирха I съ Бюловымъ, кавалерія Цитена, предводительствуемая самимъ Бюхеромъ, отбитіе французовъ, Марконье, сметенный съ огенской площадки, Дюрютъ, выбитый изъ Паллотты, начало новой битвы съ наступленіемъ ночи, битвы, устремленной на наши разрозненные полки, наступательное движеніе всей англійской линіи, гигантское отвѣртіе, сдѣланное во французской арміи, картечь англійская и картечь прусская, помогающія другъ другу, истребленіе, пораженіе фронта, пораженіе фланга, вступленіе гвардіи въ ряды среди этого страшнаго разрушенія.

Гвардія, чувствуя, что ей приходится умирать, закричала: Да здравствуетъ императоръ! Въ исторіи нѣтъ ничего болѣе потрясающаго, какъ эта агонія, разразившаяся въ восторженныхъ кликахъ.

Небо было мокро тучами цѣлый день. Вдругъ, въ эту самую минуту—было восемь часовъ вечера—горизонтъ прояснился, и сквозь вязы Нивельской дороги блѣснула злобщая красота заходившаго солнца. Это самое солнце восходило при Аустерлицѣ.

Каждымъ гвардейскимъ батальономъ предводительствовалъ теперь генералъ. Францъ, Мишель, Роге, Гарде, Малле, Шоре-де-Морванъ были тутъ. Когда высокія шапки гвардейскихъ гренадеровъ, съ ихъ широкими бляхами, появились въ туманѣ этомъ свалки, симметричны, выстроенны въ правильную линію, спокойныя, — врагъ почувствовалъ уваженіе къ Франціи. Ему показалось, что двадцать побѣдъ входили на поле битвы, — и тѣ, которые были побѣдителями, сочли себя побѣжденными и собирались отступить; но Веллингтонъ крикнулъ: «Гвардія, вставай и цѣйся мѣтко!» Красный полкъ английской гвардіи, лежавшій за заборами, всталъ; туча картечи осьмала трехцвѣтное знамя, трепетавшее вокругъ нашихъ ороновъ; всѣ ринулись, и отчаянная рѣзня началась. Императорская гвардія почувствовала во врагѣ, что армія, окружавшая ее, отступаетъ, она почувствовала шумъ пораженія, она услышала крикъ: «спасайся, кто можетъ!» замѣнившимъ: «да здравствуетъ императоръ». — И, чувствуя позади себя бѣглецовъ, продолжала идти впередъ, болѣе и болѣе поражаемая и болѣе и болѣе падающая при каждомъ новомъ шагѣ. Тутъ не было ни колеблющихся, ни робкихъ людей. Въ этомъ отрядѣ солдаты были такими же героями, какъ и генералъ. Ни одинъ человекъ не оказался отсутствующимъ въ этомъ самоубійствѣ.

Онъ, почти обезумѣвшій, великій вѣсѣмъ величіемъ добровольно принятой смерти, подставлялъ себя всѣмъ ударамъ. Въ этомъ схваткѣ подъ нимъ уонга была пятая лошадь. Вѣсь въ поту, съ пламенемъ въ глазахъ, съ пѣною на губахъ, въ разстегнутомъ мундирѣ, съ эполетомъ, полуразрушеннымъ саблею англійскаго всадника, съ бляхою, разплюснутою пулею, съ заломанною шпагою въ рукѣ, окровавленный, загрязненный, великолѣпный, онъ говорилъ: — *Идите посмотрѣть, какъ умираетъ на полѣ битвы французскій маршалъ!* Но напрасно; онъ не умеръ. Онъ былъ полонъ негодованія и дикаго вѣса. Онъ кидалъ Друэ-д-Браону вопросъ: — *чтожь, ты развѣ не стараешься, чтобъ тебя убили?* Среди этой артиллеріи, давившей горсть людей, онъ кричалъ: — *Неужели же для меня ничего нѣтъ!* О, я хотѣлъ бы, чтобъ всѣ эти англійскія ядра влетѣли мнѣ въ животъ! — Несчастныя, тебѣ суждено было сохраниться для французскихъ пуль!

ХІІІ.

КАТАСТРОФА.

Мрачно было отступление, совершавшееся позади гвардіи.

Армія вдругъ подалась со всѣхъ сторонъ разомъ: изъ Гугомона,

изъ *Hoie-Sainte*, изъ *Паплотты*, и изъ *Плансуа*. За крикомъ: нѣмѣна! послѣдовалъ крикъ: спасайся, кто можетъ! Разбѣгающаяся армія то же, что таящій ледъ. Все гнется, разтрескивается, ломается, плыветъ, катится, падаетъ, толкается, спѣшитъ, стремится. Начинается неслыханный беспорядокъ. Нѣй беретъ у кого-то лошадь, вскакиваетъ на нее и, безъ шляпы, безъ галстука, безъ шапки, становится поперегъ бруссельской дороги, останавливая въ одно и то же время англичанъ и французовъ. Онъ старается удержать армію, онъ зоветъ ее обратно, онъ ругаетъ ее, онъ, такъ сказать, цѣпляется за бѣглецовъ. Всѣ усилія его напрасны. Солдаты бѣгутъ отъ него, съ криками: да здравствуетъ маршалъ Ней! Два полка Дюрюта въ испугѣ проходятъ между саблями улановъ и ружейными выстрѣлами бригадъ *Кемпта*, *Веста*, *Пекка* и *Рилланта*; друзья убиваютъ другъ друга, чтобы бѣжать; эскадроны и батальоны разбиваются одинъ о другой, какъ огромныя пѣнистыя волны битвы. *Лобау* съ одной стороны, *Рель* съ другой катятся въ эти волны и пропадаютъ въ нихъ. Напрасно *Наполеонъ* дѣлаетъ стѣны изъ тѣхъ солдатъ, которые остались у него; напрасно онъ истощаетъ въ послѣднемъ усиліи свои собственные эскадроны. *Кіо* отступаетъ передъ *Вивіаномъ*, *Келлерманъ* передъ *Ванделеромъ*, *Лобау* передъ *Бюловымъ*, *Мранъ* передъ *Пирхомъ*, *Домонъ* и *Сюбервикъ* передъ принцемъ *Вильгельмомъ Прусскимъ*. *Гюйо*, водившій на атаку эскадроны императора, падаетъ подъ ногами англійскихъ драгунъ. *Наполеонъ* скачетъ въ галопъ вдоль бѣглецовъ, увѣщеваетъ ихъ, угрожаетъ, умоляетъ. Всѣ рты, кричавшіе утромъ: да здравствуетъ императоръ, теперь молчатъ; эти люди какъ-будто едва знаютъ его. Прусская кавалерія, недавно приходшая и свѣжая, бросается впередъ, летитъ, рубитъ, рѣжетъ, убиваетъ, истребляетъ. Лошади стремительно бросаются впередъ, пушки спасаются бѣгствомъ; артиллерійскіе солдаты выпрягаютъ лошадей изъ ящиковъ и убѣгаютъ на этихъ лошадяхъ; фургоны, опрокинутые колесами вверхъ, загораживаютъ дорогу и даютъ поводъ къ рѣзнѣ. Солдаты давятъ другъ друга, топчутъ, переходятъ черезъ мертвыхъ и живыхъ. Бѣшенная толпа наполняетъ дороги, тропинки, мосты, долины, холмы, поляны, лѣса, наводненные этими сорока тысячами людей. Крики, отчаяніе, мѣшки и ружья, брошенные въ колосья ржи; бѣглецы прокладываютъ себѣ дорогу ударами сабель; нѣтъ больше товарищей, нѣтъ офицеровъ, нѣтъ генераловъ; повсюду неизъяснимый ужасъ. Цитенъ рубитъ Францію, какъ ему угодно. Лыбы сдѣлались козленками. Таково было это бѣгство.

Въ *Женапѣ*, бѣглецы попробовали повернуть, остановиться, выдержать напоръ. *Лобау* собралъ триста человекъ. Передъ входомъ въ село поставили баррикады, но при первомъ взрывѣ прусской картечи всѣ бросились снова бѣжать, и *Лобау* былъ взятъ въ плѣнъ. Виде теперь, вправо отъ дороги и въ нѣсколькихъ минутахъ пути отъ *Женаппа*, на старой башнѣ кирпичной лачуги, видны слѣды этого взрыва. Пруссаки, взбѣшенные конечно тѣмъ, что побѣда ихъ еще такъ мало важна, бросились въ *Женаппъ*. Преслѣдованіе это было

чудовищно. Блюхеръ скомандовалъ истрелять все. Роге уже прежде подалъ ему мрачный примѣръ, погрозивъ смертію каждому французскому гронадеру, который приведетъ ему плѣнника, пруссака. Блюхеръ превзошелъ Роге. Дюлемъ, генераль молодой гвардіи, прижатый къ двери одного женапскаго трактира, отдалъ свою шпагу одному гусару изъ неприятелей, который взялъ ее и убилъ плѣнника. Побѣда окончилась убійствомъ побѣжденныхъ. Мы, пишущіе исторію, скажемъ карательное слово: старый Блюхеръ обезчестилъ себя. Эта лютость довела отчаяніе до послѣдней степени. Въгущая толпа, потерявшая всякую надежду, промчалась черезъ Женанпъ, Четыре-Руки, Сомбрефъ, Фроль, Тюэнь, Шарльруа, и остановилась только на границѣ. Увы! Кто же это бѣжалъ такимъ образомъ? Великая армія.

Это головокруженіе, этотъ ужасъ, это паденіе въ развалины самой высочайшей храбрости, какая когда-либо удивляла исторію,—неужели все это было безъ причины? Нѣтъ. Тѣнь огромной десницы рисуется на Ватерлооскомъ полѣ. День этой битвы—день судьбы. Сила выше человѣческой дѣйствовала въ этотъ день. Оттуда этотъ страшный ужасъ; оттуда эта сдача шпагъ этими великими людьми. Тѣ, которые побѣждали Европу, упали ницъ, чувствуя что имъ нечего больше ни дѣлать, ни гонорить, ощущая во мракѣ присутствіе чего-то ужаснаго. *Nos erat in falis*. Въ этотъ день измѣнилась перспектива рода человѣческаго. Ватерлоо—это дверная петля XIX столѣтія. Исчезновеніе великаго человѣка было необходимо для появленія великаго нѣка. Нѣкто, которому нельзя возражать, распорядился этимъ. Такимъ вышестательствомъ объясняется панической страхъ героевъ. Въ ватерлооской битвѣ мы видимъ не только тучи, но метеоры. Провидѣніе произошло среди ея.

Когда ночь совершенно наступила, Бернаръ и Бертранъ схватили, на женапскомъ полѣ, за полу сюртука и остановили какого-то человѣка съ дикимъ, задумчивымъ, злобщимъ видомъ; увлеченный до Жеваппа толпою бѣглецовъ, онъ только-что слѣзъ съ лошади, взялъ ее за узду и, съ какою-то дикостью во взглядѣ, возвращался одинъ къ Ватерлооскому полю. Это былъ Наполеонъ, пытавшійся еще разъ идти впередъ—Наполеонъ, этотъ неизмѣримо великій лунатикъ въ этомъ разрушившемся снѣ.

XIV.

Послѣдній карре.

Нѣсколько гвардейскихъ карре, неподвижныхъ среди этого потока бѣглецовъ, какъ утесы въ текучей водѣ, держались до самой ночи. Съ приближеніемъ ея, а также и смерти, они храбро стали ожидать этого двойнаго появленія и храбро окружили себя этимъ двойнымъ мракомъ. Каждый полкъ, стоя отдѣльно отъ другихъ и не имѣя болѣе никакой связи съ арміею, разбитою со всѣхъ сторонъ, умиралъ самъ за себя. Чтобъ совершить это послѣднее дѣло, одни изъ нихъ заняли позицію на высотахъ Россома, другіе въ долинѣ Монъ-Сентъ-

Жана. Тутъ, оставленные всѣми, побѣжденные, грозные, эти мрачные каре могущественно умирали. Въ нихъ умирали Ульмъ, Ваграмъ Юна, Фридландъ.

Въ сумерки, около девяти часовъ вечера, внизу площадки Монъ-Сентъ-Жана, изъ всѣхъ этихъ полковъ оставался только одинъ. Въ этой злополучной долині, у подошвы этой покатоги, на которую утромъ взобрались кирасиры и которая теперь была наводнена массами англичанъ, подъ совѣстными выстрѣлами торжествующей артиллеріи враговъ, подъ страшно-густымъ градомъ пуль и картечей, этотъ каре продолжалъ бороться. Имъ командовалъ неизвѣстный есаиръ, по имени Камбронъ. При каждомъ взрывѣ орудій, каре уменьшался и отвѣчалъ выстрѣлами. На картечь онъ отвѣчалъ ружейною пальбою, безпрестанно сѣживая свои четыре стѣны. Въгледы останавливались по временамъ вдали и слушали этотъ мрачный громъ, мало-по-малу слабѣвшій въ темнотѣ.

Когда весь этотъ легионъ сдѣлался горстью, когда знамя ихъ переплатилось въ тричку, когда ружья ихъ, по истощеніи всѣхъ зарядовъ, стали простыми палками, когда груда труповъ сдѣлалась больше группы живыхъ людей,—побѣдители почувствовали какой-то священный ужасъ въ виду этихъ великимъ умирающихъ, и англійская артиллерія замолчала. Это была какъ бы минута отдыха. Вокругъ этихъ бойцовъ какъ-будто ромлись припадѣнія, двигались силуэты всадниковъ, обозначался черный профиль пушекъ, сквозь колеса и лафеты видѣлось бѣлое небо; колоссальная мертвая голова, которую герои всегда видятъ въ дыму сраженія, шла на нихъ и смотрѣла имъ въ глаза. Они могли слышать въ темнотѣ, какъ заряжали пушки; зажженные фитили, похожіе на глаза тигра, сверкающіе въ темнотѣ, окружали ихъ головы; всѣ бомбардиры англійскихъ батарей подошли къ пушкамъ, и тогда, держа послѣднюю минуту этихъ людей въ своихъ рукахъ, одинъ англійскій генералъ, по имени Кольвиль, по другимъ Майтландъ, крикнулъ имъ: — Храбрые Французы, сдайтесь! Камбронъ отвѣчалъ: Г...о!

XV.

КАМБРОНЪ.

Такъ какъ французскій читатель желаетъ, чтобъ съ нимъ обращались почтительно, то лучшее слово, которое, можетъ быть, когда-нибудь произносилъ французъ, не могло быть повторено въ печати. Великія вещи были запрещены къ внесенію въ исторію.

Мы рѣшася, на свой страхъ, нарушить это запрещеніе.

И такъ, между этими гигантами, былъ одинъ титанъ Камбронъ.

Произнести такое слово и потомъ умереть—что можетъ быть выше этого? Потому что вѣдь хотѣть умереть то же, что умереть, и этотъ человекъ не виноватъ въ томъ, что онъ остался живымъ подъ градомъ картечи.

Ватерлооскую битву выигралъ не Наполеонъ, обратившійся въ бѣгство, не Веллингтонъ, отступившій въ четыре часа и пришедшій въ

отчаяніе въ пятъ, не Блюхеръ, не дравшійся въ этотъ день;—вѣтерлооскую битву выигралъ Камбронъ.

Поразить такимъ словомъ громъ, убивающій вась, значитъ побѣдить.

Дать такой отвѣтъ катастрофѣ, сказать это слово судьбѣ, положить будущему льву такое основаніе, бросить такую насмѣшку ночью дождю, измѣнической стѣнѣ Гугомона, огенскому оврагу, занеленію Груши, приходу Блюхера, сдѣлаться ироніею на гробовомъ полѣ, поступить такъ, чтобы удержаться на ногахъ послѣ паденія, утопить въ двухъ слогахъ всю европейскую коалицію, сдѣлать послѣднее изъ словъ первымъ, примѣшавъ къ нему молнію французскаго оружія, дополнить спартаца Леонида французомъ Раблэ, выразить эту побѣду въ отчаянномъ словѣ, которое невозможно произнести, не удержаться на землѣ и удержаться въ исторіи, послѣ этой рѣзни имѣть за себя людей, любящихъ смѣяться—это безвѣрно-великое дѣло.

Это дерзкая насмѣшка надъ громами. Это равносильно эсхиловскому величію.

Слово Камброна похоже на взрывъ. Это взрывъ презрительнаго негодованія, разорвавшій грудь; это взрывъ переполнившей душу агоніи. Кто побѣдилъ? Веллингтонъ? Нѣтъ. Безъ Блюхера онъ бы погибъ. Блюхеръ? Нѣтъ. Еслибъ Веллингтонъ не началъ, Блюхеръ не могъ бы кончить. Этотъ Камбронъ, этотъ никому неизвѣстный солдатъ, этотъ безконечно-малый воинъ чувствовалъ, что тутъ, въ катастрофѣ, есть ложь, и въ ту минуту, когда онъ раздражается яростію, надъ нимъ насмѣхаются, ему предлагаютъ жизнь. Какъ не воспринять! Они тутъ, всѣ монархи Европы, счастливые генералы—у нихъ сто тысячъ побѣдоносныхъ солдатъ, а за этими тысячами еще миллионы, пушки ихъ, съ зажженными фитилями, зѣвуютъ предъ врагомъ, они держатъ подъ пятой императорскую гвардію и великую армію, они только что раздавили Наполеона, и остался одинъ Камбронъ; одинъ этотъ земляной червь остался для того, чтобы протестовать. И онъ протестуетъ. Онъ ищетъ слова, какъ воинъ ищетъ шагу. На губахъ его появляется пѣна, и эта пѣна—слово, которое онъ искалъ. Передъ этой побѣдой, громадной и, въ то же время, посредственной, передъ этой побѣдой безъ побѣдителей, этотъ отчаянный человекъ выпрямляется; онъ гнется подъ ея громадною, но заявляетъ ея ничтожество; и онъ болѣе чѣмъ плюетъ на нее, и, удрученный числомъ и силою, онъ находитъ для души выраженіе—слово, которое мы передали. Повторнемъ, сказать это, сдѣлать это, найти это—значитъ быть побѣдителемъ.

Духъ великихъ дней проникъ въ этого неизвѣстнаго человека въ эту роковую минуту. Камбронъ находитъ свое слово, какъ Руже-де-Лиль-Марсельезу, по нантию дуновения слыше. Одинъ ударъ отдѣляется отъ божественнаго урагана и проходитъ сквозь этихъ людей; и они вздрагиваютъ, и одинъ поетъ предсмертную пѣсню, другой испускаетъ страшный крикъ. Это слово титаническаго презрѣнія

бросается „Камброномъ“ не только въ лице Европѣ во имя имперіи, этого было бы слишкомъ мало; оно бросается имъ въ лице прошедшему во имя революціи. Слушаешь это слово и узнаешь въ камбронѣ древнюю душу гигантовъ. Кажется, что это говорить Дантонъ или ричить Клеберъ.

Когда Камбронъ произнесъ свое слово, англійскій голосъ отвѣчалъ: Пали!—Батареи сверкнули, холмъ задрожалъ, всѣ эти чугунные рты, въ послѣдній разъ, съ ужаснымъ шумомъ, изрыгнули картечь; густой дымъ, слегка побѣленнымъ взомедшею дуною, покатился по воздуху, и когда онъ расбѣлся, на мѣстѣ боя не было больше ничего. Этотъ могущественный остатокъ былъ уничтоженъ. Гвардія умерла. Четыре стѣны живаго редута валялись на землю, и только мэрѣдка было едва замѣтно, какъ трупы вздрагивали. Такимъ-то образомъ, французскіе легіоны, превосходяще величьемъ легіоны римскіе, испустили дыханіе въ Мон-Сен-Жавѣ, на землю, влажной отъ дождя и крови, среди темныхъ колосьевъ ржи, на томъ самомъ мѣстѣ, по которому пробѣжало теперь въ четыре часа утра, смисля и весело погоняя лошадей, Жозефъ, кондукторъ нивольскаго mail-поста.

XVI.

Quot libras in ducis?

Ватерлооская битва—загадка. Она также непонятна для выигравшихъ ее, какъ и для проигравшихъ. Въ глазахъ Наполеона, она—паническій страхъ*; Блюхеръ видитъ въ ней только огонь отъ выстрѣловъ. Беллингтонъ ничего не понимаетъ въ ней. Взгляните въ доносенія: бюллетени спутаны, объясненія темны. Жюмнинъ раздѣляетъ Батерлооскую битву на четыре мгновенья; Муффлингъ на три перипетіи; Шарра, съ оцѣнкою котораго, однако, мы не всегда согласны, единъ разглядѣлъ своимъ гордымъ взглядомъ характеристическія очертанія этой катастрофы человѣческаго генія, вступившаго въ борьбу съ игрою божественнаго случая. Все прочее историки точно ослаблены, и, въ слѣдствіе этого ослабленія, ищутъ ошущью. И, дѣйствительно, молниеносенъ этотъ день, день разрушенія военной монархіи, которая, къ великому изумленію королей, увлекла въ свое паденіе всѣ царства, день паденія силы, бѣгства войны,

въ этомъ событіи, отъѣчномомъ сверхъ-человѣческой необходимостью, на долю людей не приходится ничего.

Отнять Ватерлоо у Беллингтона и Блюхера, значить ли отнять что-нибудь у Англии и Германіи? Нѣтъ. Ни эта доблестная Англія, ни эта царственная Германія не имѣютъ никакого отношенія къ Ватерлооской проблемѣ. Благодаря Бога, народы остаются великими внѣ мрачныхъ приключеній меча. Ни Германія, ни Англія, ни Франція не по-

* Оконченная битва, оконченный день, дуршія мѣры, замѣняемыя «хорошими», болѣе значительные успѣхи, обезпеченные къ слѣдующему дѣлу,—все поглыбло его одной минутой замѣческаго ужаса: (Наполеонъ, *Dictées de Sainte Héloïse*.)

мѣщаются въ ножнахъ. Въ ту эпоху, когда Ватерлоо ничто иное, какъ звонъ сабель, въ Германіи надъ Блюхеромъ возвышается Гете, а въ Англіи надъ Веллингтономъ—Байронъ. Нашъ вѣкъ—вѣкъ великаго разсвѣта идей, и въ этой зарѣ на долю Англіи и Германіи приходится великолѣпный свѣтъ. Онѣ величественны, потому что онѣ мыслятъ. Возвышенный уровень, который онѣ вносятъ въ цивилизацію, составляетъ ихъ существенную, внутреннюю принадлежность; онѣ исходятъ изъ нихъ самихъ, а не изъ случая. То расширеніе, которое онѣ приобрѣтаютъ въ девятнадцатомъ столѣтіи, отнюдь не имѣетъ своимъ источникомъ Ватерлоо. Только варварскіе народы мгновенно вырастаютъ послѣ побѣды. Это преходящее тщеславіе потковъ, вздутыхъ бурей. Народы цивилизованные, особенно въ наше время, не возвышаются и не понижаются вслѣдствіе успѣха или не успѣха полководца. Ихъ специфическій вѣсъ въ родѣ человѣческомъ происходитъ отъ чего-то поважнѣе сраженія. Благодаря Бога, ихъ честь, ихъ достоинство, ихъ просвѣщеніе, ихъ геній не лотерейные билеты, которые герои и побѣдители, эти игроки, могутъ пускать въ лотерею битвъ. Проигранная битва есть часто выигранный прогрессъ. Славы меньше, свободы больше. Барабанъ умолкаетъ, разсудокъ начинаетъ говорить. Это игра въ *qui perd-gagne*, (кто проигрываетъ, тотъ выигрываетъ). Рассмотримъ же Ватерлоо хладнокровно съ обѣихъ сторонъ. Воздадимъ случайное случаю и Вожіе-Богу. Что такое Ватерлоо! Побѣда? Нѣтъ. Квинтерна въ лото. Квинтерна, выигранная Европою, заплаченная Франціею. Право, не стоило изъ-за этого ставить на полѣ этой битвы льва.

Впрочемъ, Ватерлоо есть самая странная верѣчка, какое когда либо была въ исторіи. Наполеонъ и Веллингтонъ. Эти два человѣка не враги, а совершенныя противоположности. Никогда судьба, любящая антитезы, не создавала болѣе порозительнаго контраста и не устраивала болѣе необыкновенной очной ставки. Съ одной стороны точность, предвидѣніе, геометрія, благоразуміе, безпечное отступленіе, упрямое хладнокровіе, непокобимая метода, стратегія пользующаяся мѣстностію, тактика уровновѣшивающая баталіоны, рѣзня, выровненная по шнуру, война веденная съ часами въ рукахъ, непредоставленіе ничего на волю случая, старая классическая храбрость, непреложная правильность; съ другой—вдохновеніе, предъугадываніе, военная странность, сверхчеловѣческій инстинктъ, молниеносный взглядъ на дѣло, что-то не понятное, смотрящее какъ орелъ и поражающее какъ громъ, громадное искусство въ презрительной стремительности; непреклонная воля, заставляющая повиноваться себѣ рѣки, долины, дѣса, холмы; вѣра въ звѣзду, смѣшанная съ стратегическою наукою, возвеличивающая эту послѣднюю, но въ тоже время смущающая ее. Веллингтонъ былъ Баремомъ войны, Наполеонъ былъ ея Микель Анжелло, и на этотъ разъ геній былъ побѣжденъ расчетомъ.

Обѣ стороны ожидали кого-то. Успѣшными оказались ожиданія точнаго расчетливаго человѣка. Наполеонъ ждалъ Груши,—тотъ не пришелъ. Веллингтонъ ждалъ Блюхера,—Блюхеръ пришелъ.

Веллингтонъ — это классическая война, отмщающая за себя. Бонапарте, на зорѣ своей дѣятельности, встрѣтилъ его въ Италіи и великолѣпно разбилъ его. Старая тактика была не только разгромлена, но и скадали-зривана. Кто былъ этотъ двадцати шести лѣтній корсиканецъ, что значилъ этотъ великолѣпный невѣжа который, имѣя все противъ себя и ничего за себя, безъ жизненныхъ припасовъ, безъ военныхъ припасовъ, безъ военныхъ принадлежностей, безъ пукетъ, безъ башмаковъ, почти безъ арміи, съ горстью людей шелъ на массы, бросался на соединенную Европу и не только одерживалъ невозможныя побѣды? Что это былъ за приплещъ въ войнѣ, полный дервкой самоу-вѣренности звѣзды? Академическая военная школа предала его проклятію, отступивъ передъ нимъ. Оттуда непримиримая вражда старого порядка къ новому, правильной сабли къ сверкающему мечу и шахматнаго веденія войны къ гению. 18 іюня 1815 года вражда эта произвела послѣднее слово, и надъ Лодя, Монтебелло, Ментенотоку, Мантуею, Маренго, Арколею, она написала: Ватерлоо. Это былъ триумфъ посредственностей, пріятный большинству Судьба согла-силась на эту иронию. При своемъ закатѣ Наполеонъ снова увидѣлъ передъ собою молодого Суворова.

Дѣйствительно, чтобы получить Суворова, достаточно выбѣлить волоса Веллингтона.

Ватерлоо—первоклассная битва, выигранная второкласснымъ полководцемъ.

Если нужно чему удивляться въ ватерлооской битвѣ, такъ это Англіи, англійской твердости англійской рѣшимости, англійской крови: что было тутъ великолѣпнаго англійскаго, такъ это она сама, — не полководецъ ея, а армія.

Веллингтонъ, странно —неблагодарный, объявляетъ въ одномъ письмѣ къ Лорду Ватерсту, что армія его, та самая армія, которая сражалась 18 іюня 1815 года, была «отвратительная армія». Что думать объ этихъ словахъ, мрачная куча костей, схороненныхъ подъ ватерлооскою землею?

Англія повела себя слишкомъ скромно въ отношенія къ Веллингтону. Сдѣлать Веллингтона такимъ великимъ, значить сдѣлать Англію очень маленькою. Веллингтонъ такой же герой, какъ и другіе, — не больше. Эти сѣрые шотландцы, эта конная гвардія (Horse—guards), эти полки Майтланда и Митчеля, эта пѣхота Пекка и Кемпта, эта кавалерія Понсонби и Сомерсета, эти гайдендеры, играющіе на пайброкахъ подъ градомъ картечи, эти баталіоны Риландта, эти рекруты, едва умѣющіе владѣть мушкетомъ и сражающіеся съ старыми солдатами Эссинга и Риволи — вотъ что велико. Веллингтонъ твердо держался, въ этомъ состояло его достоинство, и мы не отымаемъ его у него, но послѣдній изъ его солдатъ и всадниковъ былъ также твердъ какъ и онъ. *Железный солдатъ* (Iron-soldier) стоитъ *Желездаго герцога* (Iron-duke). Что касается до насъ, то все наше прославление мы посылаемъ англійскому солдату, англійской арміи, англійскому народу. Если есть тутъ трофей, то онъ долженъ при-

надлежать Англійи. Ватерлооская колонна была бы ближе къ правдѣ, еслибы вмѣсто фигуры человѣка, она возносила въ облака статую народа.

Но эту великую Англійю разсердить то, что мы говоримъ здѣсь. У нея осталось еще, послѣ ея 1688 года и нашего 1689, феодальная иллюзія. Она вѣрится въ наследственность и іерархію. Этотъ народъ, котораго никто не превосходитъ могуществомъ и славою, почитаетъ себя, какъ націю, а не какъ народъ. Какъ народъ, онъ охотно подчиняется, и избираетъ себѣ главою лорда. Рабочій, онъ позволяетъ презирать себя, солдатъ — онъ позволяетъ бить себя палками. Мы помнимъ, что послѣ инкерманской битвы, лордъ Рагланъ не могъ въ своемъ донесеніи упомянуть о сержантѣ, который какъ кажется, спасъ армію, — не могъ потому, что англійская военная іерархія, не позволяетъ упоминать въ донесеніяхъ ни объ одномъ героѣ, не имѣющемъ офицерскаго чина.

Чему мы больше всего удивляемся въ дѣлѣ подобномъ ватерлооскому, такъ это удивительному умѣнью случая. Ночной дождь, гумонская стѣна, огенскій оврагъ, Груши, не слышащій грома пушекъ, проводникъ Наполеона, обманывающій его, проводникъ Булова, дающій ему вѣрныя свѣденія, — все это сплетеніе ведено удивительно ловко.

Въ итогѣ, скажемъ правду: въ ватерлооской битвѣ было больше рѣзни, чѣмъ сраженія.

Изъ всѣхъ правильныхъ битвъ, ватерлооская занимаетъ самое меньшее пространство земли, по отношенію къ числу сражавшихся въ ней. Наполеонъ занималъ три четверти льѣ. Веллингтонъ — полъ льѣ: съ каждой стороны было семьдесятъ двѣ тысячи бѣйцевъ. Эта густота и была причиною рѣзни.

Вотъ какой расчетъ былъ сдѣланъ и какая пропорція выведена. При Аустерлицѣ погибло: французовъ четырнадцать на сто; русскихъ — тринадцать на сто, австрійцевъ — сорокъ четыре на сто. При Баграмѣ: французовъ тринадцать на сто; австрійцевъ — четырнадцать. При Москвѣ: французовъ — тридцать семь на сто, русскихъ — сорокъ четыре. При Бауцентѣ: французовъ — тринадцать на сто, русскихъ и прусаковъ — четырнадцать. При Ватерлоо: французовъ — пятьдесятъ шесть на сто, союзниковъ — тридцать одинъ. Итого при Ватерлоо — сорокъ одинъ на сто. Сто сорокъ четыре тысячи сражавшихся, шестьдесятъ тысячъ мертвыхъ.

Въ настоящее время ватерлооское поле покрыто спокойствіемъ, принадлежащимъ землѣ — безстрастной поддержкѣ человѣка — и похоже на всѣ поля.

Ночью, однако, какой-то призрачный туманъ отдѣляется отъ него, и если проходящій по немъ въ эту пору, останавливается, всматривается, вслушивается; если онъ задумывается, какъ задумывался Виргилій въ злополучной Филиппской долинь, — то его охватываетъ видѣніе катастрофы. Страшный день 18-го іюня снова оживаетъ, искусственный холмъ — памятникъ стирается, левъ исчезаетъ, поле

битвы снова входить въ область дѣйствительности; ряды пѣхоты волнуется въ долинѣ, бѣшеные кони скачутъ на горизонтѣ; испуганный мечтатель видитъ сверканіе сабель, сверканіе птыковъ, пламень бомбъ; онъ слышитъ чудовищный перекрестный шумъ громовъ, слышитъ смутный шумъ призрачной битвы, раздающійся какъ хрипѣніе на днѣ могилы; эти тѣни — гренадеры; это сверканіе свѣта — кирассиры; этотъ скелетъ — Наполеонъ; этотъ скелетъ — Веллингтонъ; все это уже не живетъ, но еще толкается и дерется; и овраги покрываются кровью, и деревья вздрагиваютъ, и самыя тучи полны бѣшенства, и въ мрачной темнотѣ смутно являются, увѣчанные вихремъ истребляющихъ другъ друга приведеній. Монъ-Сень-Жанъ, Гугомонъ, Фришмонъ Паплотта, Плансуа.

XVII.

Нужно-ли считать ватерлооскую битву хорошимъ дѣломъ.

Есть одна либеральная и очень почтенная школа, которая благосклонно смотритъ на ватерлооскую битву. Мы не принадлежимъ къ ней. Для насъ Ватерлоо ничто иное, какъ день, въ который свобода почувствовала глубокое изумленіе. Чтобы изъ такого яйца вышелъ такой орелъ — этого конечно нельзя было предвидѣть.

Если взглянуть на дѣло съ высшей точки, то Ватерлоо оказывается намѣренной побѣдой противъ революціонной партіи: Тутъ Европа встала противъ Франціи, Пегербургъ, Берлинъ и Вѣна — противъ Парижа, statu-quo противъ инициативы; тутъ на 14 е іюля 1789 года напали сквозь 20-е марта 1815 года, тутъ правительства забыли тревогу противъ неукротимаго французскаго возстанія. Загасить наконецъ этотъ огромный народъ, извергавшій пламень въ продолженіи двадцати шести лѣтъ — такова была общая мечта. Тутъ проявилась солидарность домовъ Брауншвейскаго, Нассаускаго, Русскаго, Гогенцолернскаго. Габсбургскаго съ Бурбонами. Правда, что такъ какъ имперія была деспотична, то ролязмъ, вслѣдствіе естественной реакціи вещей, долженъ былъ поневолѣ сдѣлаться либеральнымъ, и что изъ ватерлооской битвы, вышелъ конституціонный порядокъ. Ватерлоо, остановивъ сабельные удары, разрушавшіе троны, въ то же время имѣло своимъ послѣдствіемъ продолженіе революціонной работы съ другою стороны. Рубаки покончили, настала очередь мыслителей. Вѣкъ, который ватерлооская битва хотѣла остановить, переступилъ черезъ нее, и продолжалъ свой путь. Эта злобѣщая побѣда была побѣждою свободой.

Безспорно одно: дѣло, которое торжествовало при Ватерлоо, которое улыбалась позади его, которое принесло ему всѣ маршалскіе жезлы Европы, въ томъ числѣ говорятъ и жезлъ маршала Франціи, которое весело катило тачки съ землею, полною человѣческихъ костей, для воздвиженія холма со львомъ, которое торжественно написало на этомъ пьедесталѣ: *18-го іюня 1815 года*, которое ободряло Блюхера, рубившаго бѣглецовъ, которое съ высоты площадки Монъ-Сень-Жана, наклонялось надъ Франціею какъ надъ добычею, это дѣ-

до было — контръ-революція. Это она шептала слово: раздробленіе. Приѣхавъ въ Парижъ, она увидѣла жерло волкана въ близки, она почувствовала, что пепель его жжеть ей ноги, и хватилась за умъ. Она возвратилась къ лепетанію хартіи.

Будемъ видѣть въ Ватерлоо только то, что есть въ немъ. Намѣренной свободы не было никакой. Контръ-революція была невольной либеральна точно также, какъ Наполеонъ былъ невольный революціонеръ. 18-го іюня 1815 года. Робеспьеръ — всадникъ былъ выбитъ изъ стремонъ.

XVIII.

Диктаторство кончилось. Цѣлая европейская система рушилась.

Имперія пала, окруженная мракомъ, похожимъ на тотъ, среди котораго умиралъ Римскій міръ. Предъ глазами людей явилась бездна, какъ во время варваровъ. Только у варварства 1815 года, было короткое дыханіе: оно скоро утомилось и остановилось. Имперія—сознаемся въ томъ — была оплакана, и оплакана глазами героевъ. Если слава заключается въ мечѣ, сдѣланшемся скиптромъ, то имперія — сама слава. Она разлила по землѣ весь свѣтъ, какой она могла дать: свѣтъ мрачный. Скажемъ даже больше: свѣтъ темный. Въ сравненіи съ свѣтомъ дня, этотъ свѣтъ — ночь. Это исчезновеніе ночи произвело дѣйствіе затмѣнія.

Людовикъ XVIII возвратился въ Парижъ. Торжества 8-го іюля изгладили восторги 20-го марта. Корсиканецъ сдѣлался антитезой беварца. На Тюильрійскомъ дворцѣ, развѣялось бѣлое знамя. Изгнаніе сѣло на тронъ. Сосновый столъ Гартвеля занялъ мѣсто передъ царственнымъ кресломъ Людовика XIV. Алтарь и тронъ величественно сдружились. Одна изъ самыхъ неоспоримыхъ формъ общественнаго благосостоянія утвердилась во Франціи и на материкѣ. Европа начала носить бѣлую кокарду. Трестальонъ сдѣлался знаменитымъ. Девизъ «non plus ultra» появился въ каменныхъ лучахъ, изображающихъ солнце на фасадѣ казармы Орсейской набережной. На мѣстахъ стоянки императорской гвардіи появились красные дома. Кладбище Магдалины, страшная общественная могила 93 года, покрылось мраморомъ и япмоку, потому что кости Людовика XVI и Маріи Антуанетты лежали въ этой пыли. Въ Венсенскомъ оврагѣ воздвигнули надгробный столбъ, напоминавшій о томъ, что герцогъ Энгіенскій умеръ въ томъ самомъ мѣсяцѣ, когда Наполеонъ былъ коронованъ. Папа Пій VII, совершившій это коронованіе, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой смерти, спокойно благословилъ паденіе, какъ прежде благословилъ возвышеніе. Въ Шенбрунѣ жилъ маленький четырехлѣтній призракъ, которому считалось возмутительнымъ давать имя римскаго короля. И такія вещи дѣйствительно произошли, и эти короли опять сѣли на свои троны, а владыки Европы были посажены въ клетку, и старый порядокъ сдѣлался новымъ, и весь мракъ и весь свѣтъ земли перемѣнили свои мѣста, и все это потому, что въ одинъ лѣтній день,

послѣ полудня, въ лѣсу, пастухъ сказалъ пруссаку: «ступайте этой дорогой, а не той.»

Этотъ 1815 годъ былъ чѣмъ-то въ родѣ мрачной весны. Старая дѣйствительность, покрылась корою. Ложь соединилась съ 1789 годомъ, божественное право замаскировалось хартіей, выдумки сдѣлались конституціонными, предрасудки, суевѣрія и заднія мысли, съ четырнадцатою статьею свода въ сердцѣ, покрылись лакомъ либерализма. Змѣи перемѣнили кожу.

Человѣкъ былъ въ одно и тоже время возвеличенъ и униженъ Наполеономъ. Въ этомъ царствованіи великолѣпной матеріи идеалъ получалъ странное названіе идеологіи. Со стороны великаго человѣка было важною неосторожностію — насмѣхаться надъ будущимъ. Но народы, это пушечное мясо, такъ сильно влюбленное въ канонера, искали его глазами. Гдѣ онъ? Что онъ дѣлаетъ? — Наполеонъ умеръ, говорилъ нѣкто одному инвалиду, сражавшемуся при Маренго и Ватерлоо. *Онъ умеръ!* вскричалъ этотъ солдатъ, *знаете же вы его!* Воображеніе обоготворяло этого опрокинутаго человѣка. Фонъ Европы, послѣ ватерлооской битвы, былъ мраченъ. Что-то огромное оставалось долго пустымъ послѣ паденія Наполеона.

Старая Европа воспользовалась этимъ для того, чтобы преобразоваться.

Въ присутствіи и въ виду этой преобразованной старой Европы, начали обозначаться очертанія новой Франціи. Будущность, надъ которой издѣвался императоръ, торжественно выступила на сцену. На челѣ у ней блистала вѣзда, имя которой — свобода. Пламенные взоры молодого поколѣнія обратились къ ней. Странное дѣло, въ одно и тоже время развилась любовь къ этой будущности — свободѣ и къ этому прошедшему — Наполеону. Пораженіе возвысило побѣжденнаго. Бонапарте павшій, казался выше Наполеона торжествующаго. Тѣ, которые одержали побѣды, испугались. Англія дала ему въ сторожа Гудзона Лова, а Франція заставила наблюдать за нимъ Монпешю. Его скрещенныя руки составляли предметъ безпокойства для троновъ. Этотъ страхъ происходилъ отъ того количества революціонныхъ элементовъ, которые заключались въ этомъ человѣкѣ. Этимъ-то объясняется и оправдывается бонапартійскій либерализмъ. Этотъ призракъ заставлялъ дрожать старый міръ. Было неловко въ продолженіи всего времени, пока на горизонтѣ былъ видѣнъ утѣсь святой Влены.

Между тѣмъ, какъ Наполеонъ умиралъ въ Лонгвудѣ, шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, падшихъ на ватерлооскомъ полѣ, спокойно сгнили, и кое-что отъ ихъ покоя распространилось по свѣту. Вѣнскій конгрессъ составилъ изъ этого трактаты 1815 года, а Европа назвала это реставраціею.

Вотъ что такое ватерлооская битва.

Но что за дѣло до всего этого безконечному?

Вся эта буря, вся эта туча, эта война, потомъ этотъ міръ, весь этотъ мракъ,—ни на минуту не затемнилъ свѣта въ безмѣрно вели

комъ глазѣ, для котораго мошка, перескакивающая съ одной трави на другую, равна орлу, перелетающему съ колокольни на колокольню по башнямъ церкви Богоматери.

XIX.

Поле битвы ночью.

Возвратимся — того требуетъ необходимость — на это роковое поле битвы.

18-го іюня 1815 г., было полнолуніе. Этотъ свѣтъ благопріятствовалъ лютому преслѣдованію Блюхера, открывъ слѣды бѣглецовъ, предалъ эту несчастную массу ожесточенной прусской кавалеріи и помогъ рѣзнѣ. Въ катастрофахъ встрѣчается иногда такая трагическая снисходительность ночи.

Послѣ послѣдняго пушечнаго выстрѣла, долина Монъ-Сен-Жана опустѣла.

Англичане заняли французскій лагерь. Такъ обыкновенно заявляетъ себя побѣда: побѣдитель ложится спать въ постель побѣжденнаго. Они расположились бивуакомъ за Россомомъ. Пруссаки, спущенные на бѣглецовъ, зашли впередъ. Веллингтонъ отправился въ ватерлооское селеніе для составленія донесенія лорду Батерсту.

Если слова *vis vos non vobis* могутъ быть къ чему-нибудь примѣнимы, то скорѣе всего ихъ должно примѣнить къ этому ватерлооскому селенію. Селеніе это ничего не сдѣлало, и оставалось въ полудне отъ сраженія. Монъ-Сен-Жанъ былъ бомбардированъ пушками, Гугомонъ сожженъ, Паплотта сожжена, Плансуа сожженъ, Нае-Sainte вята приступомъ, Belle-Alliance была свидѣтелемъ объятій двухъ побѣдителей; но эти имена едва извѣстны, а Ватерлоо, не работавшему въ битвѣ, досталась вся честь ея.

Мы не изъ тѣхъ людей, которые лѣстятъ войнѣ: когда случай представляется, мы говоримъ ей въ глаза всю правду. У войны есть ужасныя красоты, которыхъ мы не скрывали; у нея тоже есть, сознаемся въ этомъ, нѣкоторыя уродства. Одно изъ самыхъ поразительныхъ между ними, состоитъ въ быстромъ снятіи одежды съ мертвыхъ послѣ битвы. Заря, слѣдующая за сраженіемъ, всегда занимается надъ голыми трупами.

Кто дѣлаетъ это? Кто кладетъ такое пятно на триумфъ? Чья эта отвратительная рука украдкой залѣзаетъ въ карманъ побѣды? Кто эти воры, обдѣлывающіе свое дѣло за спиною славы? Нѣкоторые философы, между прочими и Вольтеръ, утверждаютъ, что эти воры именно тѣ, которые создали славу. Это тѣже самые люди — говорятъ они — тутъ нѣтъ никакой заманы; тѣ, которые устояли на ногахъ, грабятъ тѣхъ, которые лежатъ на землѣ. Герой дня становится вапиромъ ночи. Какже, въ-самомъ-дѣлѣ, не позволить автору трупа не много порастрастя его? Что касается до насъ, то мы не согласны съ этимъ мнѣніемъ. Намъ кажется невозможнымъ, чтобы одна и таже рука срывала лавры, и воровала башмаки у мертвеца.

Достоверно только то, что, обыкновенно, послѣ побѣдителей при-

ходить воров. Но не будемъ включатьъ въ число ихъ солдата, особенно солдата нашего времени.

У каждой арміи есть хвостъ, и его-то слѣдуетъ обвинять. Существа изъ породы летучихъ мышей, полу-разбойники и полу-лакен, всѣ породы вечернихъ птицъ, зараждаемыхъ тѣми сумерками, которыя называются войною, люди, носящіе мундиръ, но не сражающіеся, мнимые больные, разслабленные, дѣлающіе страшныя вещи, маркитанты-контрабандисты, плетущіеся, часто съ своими женами, на тележкахъ и крадущіе то, что они продали, нищіе, предлагающіе себя въ проводники офицерамъ, бездѣльники, мародеры — вотъ что составляетъ «хвостъ». Ни одна армія и ни одна нація никогда не отвѣчали за этихъ существъ; они говорили по-итальянски и слѣдовали за нѣмцами, они говорили по-французски и слѣдовали за англичанами. Одинъ изъ этихъ негодяевъ, испанецъ, говорившій по французски, измѣннически убилъ и ограбилъ на полѣ битвы, въ ночь послѣ Соризольской побѣды, маркиза де-Феррака, обманутаго его произношеніемъ, и принявшаго его за одного изъ своихъ. Отвратительное правило: «жить на счетъ непріятеля» производило эту язву, которую могла вылечить только строгая дисциплина. Бываютъ извѣстности очень обманчивыя; не всегда понимаешь, отчего нѣкоторые полководцы, правда великіе, были такъ популярны. Тюренни обожали солдаты, потому что онъ не противился грабежу; дозволеніе дѣлать зло составляетъ часть доброты; Тюренни былъ такъ добръ, что позволилъ обречь огню и мечу Палатинатъ. За арміями слѣдовало большее или меньшее число мародеровъ, смотря по степени строгости начальника. У Гоха и Марсо ихъ совсѣмъ не было: у Веллингтона, — мы охотно отдаемъ ему эту справедливость — ихъ было очень мало.

Однакожь, въ ночь съ 18-го на 19-е іюня, мертвыхъ ограбили. Веллингтонъ отдалъ строгій приказъ — разстрѣливать каждаго, кто будетъ пойманъ на дѣлѣ; но грабежъ упрямъ. Мародеры воровали на одномъ краю поля битвы въ то время, когда ихъ разстрѣливали на другомъ.

Луна свѣтила зловѣщимъ свѣтомъ надъ этою долиною.

Около полуночи, какой-то человекъ пробирался или, вѣрнѣе сказать, ползъ по направленію къ Огенскому еврагу. По всѣмъ признакамъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ мы только что охарактеризовали: ни англичанинъ, ни французъ, ни поселянинъ, ни солдатъ, привлеченный запахомъ мертвыхъ, пришедшій ограбить Ватерлооское поле. Онъ былъ одѣтъ въ блузу, не много похожую на солдатскій плащъ, шелъ смѣло, и съ безпокойствомъ, подвигался впередъ и оглядывался. Кто былъ этотъ человекъ? По всей вѣроятности, о немъ больше знала ночная тьма, чѣмъ дневной свѣтъ. Въ рукахъ у него не было мѣшка, но подъ плащомъ, безъ сомнѣнія, были большіе карманы. По временамъ онъ останавливался, оглядывался вокругъ себя, какъ будто для того, чтобы узнать, подсматриваетъ-ли кто-нибудь за нимъ, быстро наклонялся, сдвигалъ съ мѣ-

ста что-то неподвижное и безжолвное, лежавшее на землѣ, потомъ снова подымался и пробирался дальше. Его ползки, приемы, быстрые и таинственные жесты, дѣлали его похожимъ на тѣхъ гробовыхъ, привидѣній, которыя водятся въ развалинахъ и которыхъ старыя нормандскія легенды называютъ ходунами.

Если бы кто внимательно вглядѣлся въ эту темноту, то замѣтилъ бы, въ нѣкоторомъ разстояніи, позади лачужки, стоящей на углу дороги отъ Мон-Сен-Жана въ Бреш-л'-Алле, родъ маленькаго маркитанскаго фургона съ камышевою засмоленной крышей, запряженнаго голодною клячей, которая жевала траву сквозь свою уздечку; въ фургонѣ сидѣло на сундукахъ и связкахъ нѣчто въ родѣ женщины. Можетъ быть, этотъ фургонъ и этотъ человекъ имѣли между собою какую-нибудь связь.

Ночь была свѣтлая. На верху ни одной тучки. Что за дѣло луиѣ до того, что земля красна отъ крови,—она остается бѣлою. Въ этомъ состоитъ равнодушіе неба. Вѣтви деревьевъ, разломанныя картечью, но не сбитыя и висѣвшія на своей корѣ, тихо качались отъ дуновенія ночнаго вѣтра. Какое-то дыханіе двигало кустарниками. По травѣ пробѣгалъ трепеть, походившій на отлетаніе души.

Бдали смутно раздавались шаги патруля и часовыхъ англійскаго лагеря.

Гугомонъ и Haie-Sainte продолжали горѣть — первый на востокѣ, второй на западѣ; къ этимъ двумъ огнямъ присоединялся рядъ огней англійскаго бивуака, расположеннаго огромнымъ полукругомъ на холмахъ горизонта, и это смѣщеніе образовывало точно развязный рубиновый колье съ двумя карбункулами по концамъ.

Мы рассказали о катастрофѣ огенскаго оврага. Сердце приходитъ въ ужасъ при мысли о томъ, чѣмъ была эта смерть для столькихъ храбрыхъ.

Если есть что-нибудь страшное, если существуетъ дѣйствительность, превосходящая сновидѣніе, то она состоитъ въ слѣдующемъ: жить, видѣть солнце, вполне обладать мужественною силой, быть здоровымъ и веселымъ, храбро смѣяться, бѣжать къ славѣ, которая ослѣпительно сіяетъ передъ глазами, чувствовать въ своей груди дыханіе легкихъ, біеніе сердца, разсуждающую волю, говорить, думать, надѣяться, любить, имѣть мать, жену, дѣтей, и вдругъ, меньше чѣмъ въ мгновеніе, провалиться въ бездну, упасть, скатиться, давить, быть раздавленнымъ, видѣть колосья хлѣба, цвѣты, листья, въ не быть въ состояніи удержаться за что-нибудь изъ всего этого, чувствовать, что сабля бесполезна, ощущать людей подъ собою, и лошадей на себѣ; напрасно стараться выбиться, чувствовать, какъ чья-нибудь пята выбиваетъ вамъ глаза, яростно кусать подковы лошадей, задыхаться, вить, быть внизу пропасти и говорить себѣ: только что я былъ живой человекъ!

Тамъ, гдѣ эта печальная картина испустила послѣднее хрипѣніе, теперь все молчало. Оврагъ былъ наполненъ лошадьми и всадниками, составившими страшно-смѣшанную груду, разобрать которую не бы-

лю возможности. Валъ сдѣлался не замѣтнымъ, трупы сдѣлали изъ дороги и долины одну линію. Въ верхней части ея лежала куча мертвыхъ, въ нижней протекала рѣка крови; такова была эта дорога вечеромъ 18-го Іюня 1815 года. Кровь текла до Нивельской дороги, и образовывала тамъ широкую лужу передъ кучею наваленныхъ деревьевъ, загоразивавшею дорогу, въ мѣстѣ, которое до сихъ поръ показываютъ. Какъ читатели помнятъ паденіе кирассировъ въ ровъ произошло на противоположной сторонѣ близъ Женаппской дороги. Густота труповъ была пропорціональна глубинѣ оврага. По срединѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прошла дивизія Делора, гряда труповъ становилась меньше.

Ночной искатель, на котораго мы только что указали читателю, шелъ въ эту сторону. Онъ искалъ чего-то въ этой огромной могилѣ. Онъ разглядывалъ. Онъ производилъ какой-то отвратительный смотръ мертвымъ. Онъ ступалъ въ крови.

Вдругъ онъ остановился.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него въ оврагѣ, въ томъ мѣстѣ гдѣ оканчивалась гряда труповъ, изъ подъ этой кучи людей и лошадей, высывалась открытая рука, освѣщенная луной.

На пальцѣ этой руки, что-то блестяло; это было золотое кольцо.

Незнакомецъ наклонился, посидѣлъ съ минуту на корточкахъ, и когда приподнялся, на пальцѣ не было больше кольца.

Онъ не то, чтобы совершенно приподнялся; онъ остался въ кнѣзкой и безпокойной позѣ, повернувшись спиной къ грудѣ мертвыхъ, вглядываясь въ горизонтъ, опустился на колѣни, опершись всею переднею частью тѣла на два указательные пальца, упершіеся въ землю, высунувъ голову за край оврага.

Потомъ, рѣшившись на что-то, онъ выпрямился.

Въ эту минуту онъ вздрогнулъ и подскочилъ на мѣстѣ. Онъ почувствовалъ, что сзади кто-то держитъ его.

Онъ обернулся; это была открытая рука мертвеца, которая теперь закрылась, и схватила его за полу плаща.

Честный человѣкъ испугался бы. Этотъ расхохотался.

— Каково, сказалъ онъ, это мертвецъ. По мнѣ привидѣніе лучше, чѣмъ жандармъ.

Между тѣмъ, рука, державшая его, потеряла силу, и выпустила полу плаща. Въ могилѣ усміе скоро истощается.

— Что это однако? сказалъ воръ, живъ что-ли этотъ мертвецъ? Посмотримъ.

Онъ снова наклонился, порылся въ кучѣ, отодвинулъ то, что мѣшало ему, схватилъ руку, высвободилъ голову, вытащилъ тѣло и черезъ нѣсколько минутъ тащилъ въ темный уголъ оврага безжизненнаго яли, по-крайней-мѣрѣ, лишившагося чувствъ человѣка. Это былъ кирассирскій офицеръ, какъ видно, изъ старшихъ по чину, толстый золотой эполетъ выходилъ изъ-подъ кирассы, каски у него не было. Страшный сабельный ударъ провелъ шрамъ по его лицу, на которомъ не было видно ничего, кромѣ крови. Впрочемъ, не было

замѣтно, чтобы какой-нибудь членъ его былъ переломанъ, и по какому-то счастливому случаю, если это слово можетъ быть употреблено здѣсь, трупы образовали надъ нимъ арку, которая спасла его отъ опасности быть раздавленнымъ. Глаза его были закрыты.

На кирасѣ его былъ серебряный крестъ Почетнаго Легіона.

Воръ сорвалъ этотъ крестъ, исчезнувшій въ одной изъ пропастей, скрывавшихся подъ его плащемъ.

Послѣ этого, онъ ощупалъ карманъ офицера, нашелъ часы, и взял ихъ. Потомъ отыскалъ кошелекъ, и спряталъ его въ карманъ.

Въ ту минуту, какъ онъ оказывалъ послѣднюю помощь умирающему, офицеръ открылъ глаза.

— Спасибо, сказалъ онъ слабымъ голосомъ.

Быстрота движеній человѣка, управлявшагося съ нимъ, свѣжесть ночи, свободно вдыхаемый воздухъ вывели его изъ летаргическаго состоянія. Воръ ничего не отвѣчалъ. Онъ поднялъ голову. Въ долину слышался шумъ шаговъ,—вѣроятно приближался патруль.

Офицеръ прошепталъ голосомъ, въ которомъ еще слышалась агонія:

— Кто выигралъ битву?

— Англичане, отвѣчалъ воръ.

Офицеръ продолжалъ:

— Поищите въ моихъ карманахъ. Вы найдете въ нихъ часы и кошелекъ. Возьмите ихъ себѣ.

Это и безъ того было сдѣлано.

Воръ какъ-будто исполнилъ желаніе офицера и сказалъ:

— Тутъ ничего нѣтъ.

— Меня обокрали, замѣтилъ офицеръ; очень жаль. Эти вещи были бы ваши.

Шаги патруля раздавались все ближе и ближе.

— Сюда идутъ, сказалъ воръ, дѣлая движеніе человѣка, собирающагося уйти.

Офицеръ, съ трудомъ приподнявъ руку, удержалъ его:

— Вы спасли мнѣ жизнь. Кто вы?

Воръ отвѣчалъ быстро и шопотомъ:

— Я, какъ и вы, находился во французской арміи. Я долженъ васъ оставить. Если меня поймутъ здѣсь, то разстрѣляютъ. Я снесъ вамъ жизнь. Теперь дѣлайте, какъ знаете.

— Какой вашъ чинъ?

— Сержантъ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Тенардь.

— Я не забуду этого имени, сказалъ офицеръ. А вы запомните мое: меня зовутъ Понмерси.

КНИГА ВТОРАЯ.

КОРАБЛЬ ОРІОНЪ II.

№ 24601 дѣлается № 9430.

Жанъ Вальжанъ былъ опять схваченъ.

Мы не будемъ останавливаться на грустныхъ подробностяхъ; а только передадимъ двѣ статейки, помѣщенные въ современныхъ журналахъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ удивительныхъ происшествій въ М—на—М. Статьи эти немного кратки. Какъ извѣстно въ то время не существовало еще Gazette des Tribunaux.

Мы извлекаемъ первую замѣтку изъ журнала: «Бѣлое знамя» отъ 25 юля 1823 года. «Въ округѣ Па-де-Кале случилось недавно необыкновенное происшествіе. Одинъ человекъ, родомъ не изъ этого округа, и называвшійся г. Мадленомъ, въ нѣсколько лѣтъ усовершенствовалъ старинное мѣстное производство изъ чернаго стекла и стеклоруса, имъ изобрѣтеннымъ способомъ. Онъ нажилъ себѣ состояніе, и обогатилъ весь край. Въ благодарность за его услуги его сдѣлали меромъ. Полиція открыла, что этотъ г. Мадленъ никто другой какъ бывшій каторжникъ, Жанъ Вальжанъ осужденный за воровство въ 1796 году. Жанъ Вальжанъ снова попался, и былъ сосланъ на каторгу. До ареста онъ успѣлъ взять у г. Лафита сумму въ полъ-миліона которая ему принадлежала и которую онъ совершенно законно приобрѣлъ торговлею. Неизвѣстно куда онъ спряталъ эти деньги когда возвратился на Тулонскія галеры.»

Вторая замѣтка, болѣе подробная, извлечена изъ «Парижскаго журнала», того же числа:

— «На дняхъ освобожденный каторжникъ, Жанъ Вальжанъ, представленъ въ варскій ассизный судъ, и арестъ его сопровождается обстоятельствами, стоящими вниманія. Этотъ злодѣй успѣлъ обмануть бдительность полиціи; перемѣнилъ свое имя и сѣмъ достигнуть званія мера въ одномъ изъ маленькихъ сѣверныхъ городковъ. Онъ завелъ въ этомъ городѣ довольно значительную торговлю. Наконецъ, благодаря неумолимому усердію публичнаго министерства, онъ былъ уличенъ и схваченъ. Онъ жилъ въ незаконной связи съ публичной женщиной, которая умерла отъ потрясенія въ ту минуту, какъ его арестовали. Этотъ негодяй, одаренный страшною силой, нашелъ средство къ побѣгу; но, три или четыре дня спустя, онъ снова попался въ руки полиціи, въ Парижѣ, въ ту минуту, когда онъ садился въ одну изъ тѣхъ маленькихъ каретъ, которыя содержатъ сообщеніе между столицею и Монфермелемъ. Говорятъ что, въ продолженіе этихъ трехъ или четырехъ дней свободы, онъ успѣлъ взять значительную сумму денегъ, отданную имъ на сбереженіе одному изъ главныхъ нашихъ банкротовъ. Эта сумма доходитъ до шести или семисотъ тысячъ франковъ. Судя по обвинительному акту, онъ спряталъ эти деньги въ мѣстѣ извѣстномъ ему одному и ихъ не могли

найти; какъ бы то ни было, этотъ Жанъ Вальжанъ потребованъ къ ассизамъ департамента Вара какъ обвиненный въ воровствѣ, совершенномъ вооруженною рукою на большой дорогѣ, восемь лѣтъ тому назадъ, у одного изъ тѣхъ честныхъ дѣтей, которыя, какъ говорятъ френейскій патріархъ въ безсмертныхъ стихахъ своихъ.

... De Savoie arrivent tous les ans
Et dont la main légèrement essuie
Ces longs canaux engorgés par la suite.

«Этотъ разбойникъ не хотѣлъ защищаться. Искусный и краснорѣчивый органъ публичнаго министерства рѣшилъ, что воровство было совершено съ соучастниками и что Жанъ Вальжанъ членъ шайки разбойниковъ, поселившейся на югѣ. Вслѣдствіе этого Жанъ Вальжанъ, объявленный виновнымъ, осужденъ на смертную казнь. Преступникъ отказался отъ апелляціи. Король, въ своемъ неистощимомъ милосердіи, благоволилъ смягчить этотъ приговоръ и сослать Жана Вальжана на вѣчную каторжную работу. Жанъ Вальжанъ тогда же отправленъ на Тулонскія галеры.»

Читатель помнитъ что Жанъ Вальжанъ имѣлъ въ М.—на М. религіозныя привычки. Нѣкоторые журналы, между прочими и *Constitutionnel*, представили это смягченіе какъ торжество духовной партіи.

На галерахъ Жану Вальжану переимѣнили номеръ. Онъ сталъ называться № 9430.

Скажемъ еще, чтобъ не возвращаться къ этому предмету, что съ отъѣздомъ Мадлена благосостояніе М.—на М.—исчезло; все что онъ предвидѣлъ въ лихорадочную ночь своего колебанія исполнилось; не стало его, а съ нимъ и души всего.

Послѣ его паденія въ М.—на М. совершился тотъ эгонистическій дѣлежъ великихъ падшихъ существованій, то роковое раздробленіе всего цвѣтущаго, которые ежедневно совершаются въ мракѣ общества человѣческаго и которые исторія замѣтила только одинъ разъ, потому что они совершились послѣ смерти Александра. Намѣстники водятъ себя въ короли; подмастерья дѣлаются фабрикантами. Являются завистливыя соперничества. Обширные мастерскія г. Мадлена закрылись; строенія превратились въ развалины, рабочіе разошлись. Одинъ оставилъ городъ, другіе оставили фабрики. Все приняло меньшіе размѣры, все стало дѣлаться для прибыли, а не для блага ближняго. Центръ исчезъ; повсюду явилась конкуренція, а съ нею взаимная ненависть. Мадленъ распорядился и управлялъ всѣмъ. Съ его паденіемъ, всякій потянулъ въ свою сторону; духъ борьбы замѣнилъ духъ организаціи, сухость—радусію, ненависть одного къ другому—снисходительность основателя ко всѣмъ; связи, образованныя Мадленомъ спутались и разорвались; въ способахъ приготовленія товаровъ появилась подѣлка; доходы сократились, довѣренность уничтожилась; сбытъ товаровъ уменьшился, уменьшились и заказы; задѣльная плата понижилась, мастерскія опустѣли, начались банкротства. Бѣдные остались безъ помощи. Все исчезло. Даже государство замѣтило, что гдѣ-то кто-то погибъ. Въ округѣ М.—на М.—меньше чѣмъ черезъ че-

тыре года поѣлъ того, какъ тождество Мадлена и Жана Вальжана было доказано и онъ приговоренъ къ каторгѣ, расходы по взиманію податей удвоились, и г. де-Вилель обратилъ на это вниманіе трибуны въ февралѣ 1827 года.

II.

Гдѣ прочтутъ два стиха, кажется, принадлежащіе дьяволу.

Прежде, чѣмъ мы станемъ продолжать, считаемъ не лишнимъ разсказать съ нѣкоторыми подробностями странный случай, происшедшій въ тоже самое время въ Монфермелѣ и который, можетъ быть, подтверждаетъ въ нѣкоторой мѣрѣ нѣкоторыя догадки публичнаго министерства.

Въ Монфермелѣ давно уже существуетъ повѣрье очень древнее, тѣмъ болѣе драгоценное и интересное, что народное повѣрье въ со-сѣдствѣ Париза такая же рѣдкость, какъ алоэ въ Сибири. Мы изъ числа тѣхъ, которые уважаютъ все что похоже на рѣдкое растеніе. Повѣрье это вотъ какое: Монфермельцы дунаютъ, что чортъ, съ незапамятныхъ временъ, выбралъ ихъ лѣсъ для скрытія своихъ сокровищъ. Добрыя женщины выдаютъ за достовѣрное что въ сумерки, въ отдаленныхъ частяхъ лѣса не рѣдко можно встрѣтить чернаго человѣка, похожаго на ломоваго извозчика или дровосѣка, въ сабо, въ панталопахъ и въ холщовомъ балахонѣ, и котораго можно узнать по двумъ огромнымъ рогамъ, украшающимъ его голову вмѣсто шляпы или шапки. По этимъ признакамъ въ самомъ дѣлѣ, узнать его не трудно: этотъ человѣкъ обыкновенно занятъ рытьемъ ямы. Встрѣча эта влечетъ за собою три различныхъ послѣдствія. Кто хочетъ испытать первое, долженъ подойти къ этому человѣку и заговорить съ нимъ. Тогда оказывается, что этотъ человѣкъ просто крестьянинъ, что онъ кажется чернымъ вслѣдствіе сумерокъ, что онъ не роетъ никакой ямы, но коситъ траву для своихъ коровъ, и что то, что принимали за его рога ни что иное, какъ навозная вила, которую онъ носитъ за спиной и зубцы которой, вслѣдствіе вечерняго тумана какъ будто выходятъ у него изъ головы. У кого была такая встрѣча, тотъ умираетъ въ теченіе той самой недѣли. Для испытанія втораго послѣдствія, нужно наблюдать за этимъ человѣкомъ, выждать, пока онъ выроетъ яму, зароетъ ее, и уйдетъ; потомъ какъ можно скорѣе бѣжать къ тому мѣсту, разрыть яму и вынуть оттуда «сокровище» которое черныиъ человѣкъ непременно скрылъ тамъ. Въ этомъ случаѣ умираютъ въ теченіи того-же мѣсяца. Наконецъ, для испытанія третьяго послѣдствія, нужно не говорить съ чернымъ человѣкомъ, не смотрѣть на него, а бѣжать во всю прыть. Тогда умираютъ черезъ годъ.

Такъ какъ эти всѣ три способа имѣютъ свои разныя неудобства, а второй представляетъ нѣкоторыя выгоды, между прочимъ ту, что можно пользоваться сокровищемъ хоть одинъ мѣсяць, то онъ употребителенъ болѣе другихъ. Вслѣдствіе этого, смѣлыя люди, которыхъ вводятъ въ искушеніе всякая надежда на успѣхъ, часто, какъ утверждаютъ,

раскопывали ямы, вырытыя чернымъ человекомъ, и пытались обокрасть чорта. Хлопоты ихъ оказывались безуспѣшными; по крайней мѣрѣ такъ можно судить по преданію и въ особенности по двумъ замысловатымъ стихамъ на варварскомъ латинскомъ языкѣ, оставленнымъ однимъ нормандскимъ монахомъ, Трифономъ, отчасти колдуномъ. Этотъ Трифонъ похороненъ въ аббатствѣ Сен-Жоржъ де Бошервилъ около Руана, и на его могилѣ родятся жабы.

И такъ, монфермельцы употребляютъ страшныя усилія, потому что эти ямы обыкновенно очень глубоки: они потѣютъ, роютъ, работаютъ дѣлую ночь, потому это нужно дѣлать ночью, рубашка мочится, свѣча сгараетъ, заступъ тунится, и когда наконецъ достигаютъ дна ямы, когда уже «сокровище» въ рукахъ, что находятъ? Что это за сокровище дьявола? Одинъ су, иногда золотая монета; иногда камень, скелетъ, окровавленный трупъ, иногда привидѣніе, сложное четверо, какъ листъ бумаги въ портфелѣ, иногда ничего. Кажется, это и объясняется стихами Трифона:

Fodit, et in fossa thesauros condit opaca,
As, nummos, lapides, cadaver, simulacra, nihilque.

Въ наше время тамъ, кажется, находятъ то пороховницу съ пулями, то старую порыжѣвную и засаленную колоду картъ, которая, очевидно, употреблялась дьяволами. Въ перечнѣ Трифона не упоминается объ этихъ послѣднихъ находкахъ, потому что Трифонъ жилъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи, а дьяволъ не имѣлъ столько ума, чтобъ выдумать порохъ прежде Рожера-Вакона и карты прежде Карла VI.

Впрочемъ, кто играетъ этими картами, тотъ непременно проширываетъ все состояніе; а порохъ, находящійся въ пороховницѣ, имѣетъ свойство разрывать ружье какъ-разъ у носа того человека, который стрѣляетъ имъ.

Въ скоромъ времени, послѣ того, какъ публично министерству показалось, что бывший каторжникъ Жанъ Вальжанъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней своего побѣга, бродилъ около Монфермеля, въ этой же деревнѣ жители замѣтили, что старый работникъ Вулатрюэль часто хаживалъ въ лѣсъ. Многіе утверждали, что этотъ Вулатрюэль былъ прежде на галерахъ; онъ находился подъ особымъ надзоромъ полиціи и, нигдѣ не находя себѣ занятія, за уменьшенную плату, работалъ на проселочной дорогѣ изъ Ганы въ Ланьи. Этотъ Вулатрюэль былъ человекъ, на котораго косо смотрѣли всѣ мѣстные жители, слишкомъ почтительный, слишкомъ смиренный, торопливо снимавшій шапку передъ всѣми, дрожавшій и улыбавшійся передъ жандармами, по мнѣнію многихъ, сообщникъ какой-нибудь шайки, заподозрѣнный въ томъ, что не разъ по ночамъ онъ сидѣлъ въ лѣсу и будто поджидалъ кого-то. Лучшимъ его качествомъ было то, что онъ былъ пьяница. Вотъ что многіе замѣтили за нимъ:

Съ нѣкоторыхъ поръ, Вулатрюэль очень рано оставлялъ свое занятіе, состоявшее въ поправкѣ и мощеніи мостовой, и уходилъ съ своимъ заступомъ въ лѣсъ. Его встрѣчали въ сумерки въ самыхъ

пустынныхъ прогалинахъ лѣса, въ самыхъ дикихъ чащахъ, онъ какъ-будто что-то искалъ и иногда рылъ яму. Добрыя женщины, проходившія по лѣсу, принимали его за Велзевула, потомъ узнавали Булатрюэля, но это нисколько не успокоивало ихъ. Эти встрѣчи, казалось, очень огорчали Булатрюэля. Было очевидно, что онъ желалъ прятаться, и что въ его дѣйствіяхъ была тайна.

Въ деревнѣ говорили:—Ясно, что дьяволъ гдѣ-нибудь явился. Булатрюэль его видѣлъ и ищетъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ способенъ украсть кладъ у самого Люцифера. Вольтеріанцы прибавляли: Булатрюэль-ли поймаетъ дьявола, или дьявода Булатрюэля?—Старухи дѣлали много крестныхъ знаменій.

Между тѣмъ, продѣлки Булатрюэля въ лѣсу кончились и онъ снова принялся за свою работу на дорогахъ. Тогда стали говорить о другомъ.

Нѣсколько человѣкъ все-таки продолжали любопытствовать, полагая, что тутъ дѣло идетъ не о какихъ-нибудь баснословныхъ сокровищахъ, а о какой-нибудь хорошей находкѣ посерьезнѣе и посущественнѣе банковыхъ билетовъ дьявола—находкѣ, тайну которой, по всей вѣроятности, угадалъ старый работникъ. Самыми «заинтергованными» были школьный учитель и трактирщикъ Тенардье, другъ всего свѣта, не гнушавшійся сдружиться и съ Булатрюэлемъ. — Онъ былъ на галерахъ, говорилъ Тенардье. Э, Жеже мой! нельзя знать ни того, кто тамъ теперь, ни кто тамъ будетъ послѣ.

Однажды вечеромъ школьный учитель утверждалъ, что, въ былое время, полиція навела бы справки на счетъ того, что Булатрюэль ходилъ дѣлать въ лѣсъ, и что его заставили бы говорить и подвергнули бы пыткѣ, и что Булатрюэль не сталъ бы сопротивляться, еслибы его начали пытать, напримѣръ, водою.

— Станемъ пытать его виномъ, сказалъ Тенардье.

Они согласились, и начали поить стараго работника. Булатрюэль пилъ очень много, а говорилъ мало. Онъ соединялъ въ себѣ, съ удивительнымъ искусствомъ, жажду пьянчуги и осторожность судьи. Однакожь Тенардье и школьный учитель продолжали его поить, выспрашивать его, сблизать смыслъ нѣсколькихъ темныхъ словъ, которыя у него вырвались, и изъ нихъ поняли слѣдующее:

Однажды утромъ, выходя на работу, Булатрюэль былъ очень удивленъ, увидѣвъ, въ углу лѣса, подъ кустарникомъ, лопату и заступъ, какъ-будто спрятанные. Впрочемъ, онъ подумалъ, что это вѣроятно лопата и заступъ водовоза Спѣура, и больше не думалъ объ этомъ. Но въ тотъ же день, вечеромъ, спрятавшись за толстымъ деревомъ, онъ увидѣлъ «человѣка, правда, не здѣшняго, но котораго Булатрюэль зналъ очень хорошо»; человѣкъ этотъ пробирался съ дороги въ самую чащу лѣса. Въ переводѣ Тенардье слова: «котораго зналъ очень хорошо»—означали: *товарища каторги*. Булатрюэль упорно отказался сказать его имя. Этотъ неизвѣстный несть какую-то четырехугольную связку въ родѣ большой шкатулки или маленькаго сундука. Булатрюэль былъ удивленъ. Черезъ семь или восемь минутъ ему,

однако, пришло на мысль пойти за «неизвестнымъ». Но было уже поздно, человекъ этотъ ушелъ въ прогалину, ночь наступила и Булатрюэль не могъ его догнать. Тогда онъ рѣшился остаться на сторожѣ у опушки лѣса. Ночь была лунная. Два или три часа спустя онъ увидѣлъ, какъ «неизвестный» вышелъ изъ рожи; теперь онъ несъ уже не чемоданчикъ, но заступъ и лопату. Булатрюэль пропустилъ этого человекъ и не остановилъ его, рассчитавъ, что тотъ втрое сильнѣе его, вооруженъ заступомъ и, конечно, убьетъ его, когда узнаетъ его и увидитъ себя узнаннымъ. Трогательная нѣжность двухъ старыхъ товарищей при встрѣчѣ послѣ разлуки. Но, увидѣвъ заступъ и лопату, Булатрюэль понялъ въ чемъ дѣло; онъ побѣжалъ къ кустарнику, у котораго утромъ видѣлъ лопату и заступъ, и не нашелъ ни того, ни другаго. Изъ этого онъ заключилъ, что его неизвестный вошелъ въ лѣсъ, вырылъ тамъ яму своимъ заступомъ, спряталъ шкатулку, и зарылъ яму лопатой. Такъ какъ сундукъ былъ слишкомъ малъ, чтобы въ немъ могъ помѣститься трупъ, то слѣдовательно онъ заключалъ въ себѣ деньги. Вслѣдствіе этого, Булатрюэль началъ поиски. Онъ осматривалъ весь лѣсъ, ощупывалъ землю, розыскивалъ и рылся вездѣ, гдѣ земля казалась ему недавно тронутою. Все было напрасно.

Онъ ничего не «откопалъ». Скоро въ Монфермелѣ перестали думать объ этомъ. Нашлись только двѣ-три храбрыя кумушки, которыя сказали: Вудьте увѣрены, что работникъ Булатрюэль надѣлалъ всю эту суматоху не даромъ; очевидно, что чортъ приходилъ.

III.

ВЪ КОТОРОЙ РАЗСКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО НАДЪ КАНДАЛАМИ НАДО БЫЛО НЕПРЕМѢННО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ПОРАБОТАТЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ПОТОМЪ ОНИ РАЗБИЛИСЬ ОТЪ ОДНОГО УДАРА МОЛОТКА.

Въ концѣ октября того же 1823 г., въ Тулонскій портъ вошелъ корабль *Orion*, составившій тогда часть эскадры Средиземнаго моря; онъ возвратился въ Тулонъ для исправленія нѣкоторыхъ поврежденій, причиненныхъ на немъ бурейю.

Этотъ корабль, не смотря на поврежденія, произвелъ эффектъ при входѣ въ рейдъ. На немъ былъ какой-то флагъ, въ честь котораго салютовали одинадцатью выстрѣлами; онъ отвѣчалъ тѣмъ же, такъ что всего было двадцать-два выстрѣла. Сосчитано, что на залпы, отдаваніе чести военнымъ, на церемоніальные сигналы, рейдовые и крѣпостные выстрѣлы, на выстрѣлы по случаю восхода и заката солнца и по случаю открытія и закрытія городскихъ воротъ и т. п. и т. п. цивилизованный свѣтъ истрачиваетъ каждыя сутки полтора-два тысячъ совершенно бесполезныхъ зарядовъ. Считаю всякій выстрѣлъ по шести франковъ, это составитъ девятьсотъ тысячъ франковъ въ сутки, а въ годъ триста тысячъ миліоновъ франковъ, уходящихъ на дымъ.

1823 годъ былъ годомъ, который реставрація назвала «эпохою испанской войны».

Эта война заключала много происшествій въ одномъ событіи, и имѣла очень много странностей. Важное семейное дѣло въ домѣ Бурбоновъ; вѣтвь французскаго дерева, помогающая и покровительствующая вѣтви мадридской, то есть, исполняющая обязанность старшаго въ родѣ, видимое возвращеніе къ нашимъ національнымъ преданіямъ, усложненное подчиненіемъ сѣвернымъ кабинетамъ; герцогъ ангулемскій, прозванный въ либеральныхъ листкахъ «героомъ андуарскимъ» и подавляющій дѣйствительно существующій терроръ въ борьбѣ съ химическимъ терроромъ либераловъ; сан-кюлоты, воскресшіе, къ ужасу старыхъ аристократовъ, подъ именемъ *des camisados*; правительство, мѣшающее прогрессу, прозванному анархіею; теорія 89, внезапно прерванная въ ихъ распространеніи; Европа, останавливающая французскую идею, совершающую кругосвѣтныи путь; принцъ кариньянскій, впоследствии Карль-Альбертъ, вступающій рядомъ съ генералиссимусомъ, сыномъ Франціи, въ ряды волонтеровъ этого крестоваго похода королей противъ народовъ; солдаты имперіи, постарѣвшіе, скучные, съ бѣлой кокардой, снова начинающіе компанію послѣ восьмилѣтняго отдыха; трехцвѣтное знамя, развѣваемое за границей горстью храбрыхъ французовъ, точно такъ же какъ тридцать лѣтъ тому назадъ развѣвалось бѣлое знамя въ Кобленцѣ; монахи, смѣшанные съ нашими солдатами; духъ свободы и новизны, образумленный штыками; принципы, сглаженные пушечными выстрѣлами; Франція истребляющая оружіемъ то, что она сотворила умомъ; при этомъ, подкупленные непріятельскіе вожди, колеблющіеся солдаты, города осаждаемые милліонами: отсутствіе военныхъ опасностей и, между тѣмъ, возможность взрывовъ, какъ въ подкопахъ, подвернувшихся внезапному нападенію; мало пролитой крови, мало завоеванной чести, стыдъ нѣкоторымъ, славы никому;—вотъ что было въ этой войнѣ, начатой государями—потомками Людовика XIV и вѣденной генералами, происходившими отъ Наполеона. Вѣ выпалъ на долю грустный жребій не напоминать собой ни великой войны, ни великой полтики.

Было въ ней нѣсколько серьезныхъ подяговъ, между прочими взятіе Трокадеро, славное военное дѣло, но вообще; повторяемъ, трубы этой войны издають разбитые звуки, общій характеръ ея подозрительный и исторія одобряетъ Францію за то, что она отказывается отъ этого ложнаго торжества. — Въ войнѣ этой показалось очевиднымъ, что нѣкоторые испанскіе офицеры, на которыхъ лежала обязанность сопротивляться, сдавались слишкомъ легко, и изъ мысли о побѣдѣ выдѣлилась мысль о подкупности; показалось, что выиграно больше генераловъ, чѣмъ битвъ, и солдатъ — побѣдителей возвратился домой униженнымъ. Грустная война, въ-самомъ-дѣлѣ, во время которой можно было читать въ складкахъ военнаго знамени: «французскій банкъ».

Солдаты, участники войны 1808 года, на которыхъ съ страшнымъ шумомъ обрушилась Сарагосса, нахмуривали брови въ 1823 году, видя съ какою легкостью отворялись ворота крѣпостей, и начинали

жалить о Палафоксѣ. Ужъ таково настроеніе Франціи, что она любить лучше видѣть передъ собою Ростопчина, чѣмъ Баллестеросса.

Возвращаемся къ *Оріону*.

Во время дѣйствій арміи, которою командовалъ принцъ генералиссимусъ, одна эскадра крейсировала въ Средиземномъ Морѣ. Мы только что сказали, что *Оріонъ* составлялъ часть этой эскадры и что нѣкоторыя поврежденія заставили его вернуться въ Тулонскую гавань.

Присутствіе военного корабля въ гавани заключаетъ въ себѣ что-то, собирающее вокругъ него толпу и занимающее ее. Это отъ того, что военный корабль есть нѣчто великое, а толпа любитъ все, что велико.

Линейный корабль есть одна изъ великолѣпнѣйшихъ встрѣчъ человѣческаго генія съ могуществомъ природы.

Линейный корабль составленъ, въ одно и то же время, изъ того что тяжелѣе всего и что всего легче, потому что онъ, въ одно и то же время, имѣетъ дѣло съ тремя формами субстанціи: твердою, жидкою и текучею, и что ему приходится бороться со всѣми тремя. Онъ имѣетъ одинадцать желѣзныхъ когтей для того чтобъ схватывать гранитъ на днѣ моря и много крыльевъ и райцъ, для того чтобъ захватывать вѣтеръ въ облакахъ. Дыханіе его выходитъ изъ ста двадцати пушекъ, какъ изъ огромныхъ трубъ, и гордо отвѣчаетъ грому. Океанъ старается сбить его съ дороги гибельнымъ сходствомъ всѣхъ своихъ волнъ, но у корабля есть своя душа, свой компасъ, который совѣтуетъ ему и постоянно указываетъ на сѣверъ. Въ темныя ночи фонари его замѣняютъ ему звѣзды. Такимъ образомъ, противъ вѣтра у него есть веревка и полотно, противъ воды—дерево, противъ утесовъ — желѣзо, мѣдь и свинецъ, противъ мрака — свѣтъ, противъ необозримаго пространства—простая стрѣлка.

Тому, кто хочетъ составить себѣ понятіе о тѣхъ гигантскихъ подробностяхъ, которыя составляютъ цѣлое линейнаго корабля, стоитъ только войти въ одинъ изъ шести-этажныхъ закрытыхъ доковъ, находящихся въ гаваняхъ Вреста и Тулона. Тутъ строятся корабли. Это колоссальное бревно — рея; этотъ толстый деревянный столбъ, лежащій на землѣ и занимающій огромное пространство—главная мачта. Длина ея — шестьдесятъ туазовъ, ширина въ основаніи — три фута. Главная англійская мачта возвышается на двѣсти семнадцать футовъ надъ уровнемъ ватерлиній корабля. Моряки стараго времени обходились посредствомъ канатовъ, въ нынѣшнее время канаты замѣнены цѣпами. Груда цѣпей, необходимыхъ для сто-пушечнаго корабля, имѣетъ четыре фута въ вышину, двадцать въ ширину, восемь въ глубину. А сколько дерева нужно, чтобъ сдѣлать такой корабль? Три тысячи стеровъ. Это точно плывучій лѣсъ.

Да еще не надо забывать, что мы говоримъ здѣсь о военномъ кораблѣ сорокъ лѣтъ тому назадъ, говоримъ о простомъ парусномъ суднѣ; паръ, находившійся въ то время въ младенствѣ, прибавилъ новыя чудеса къ этому чуду, называемому военнымъ кораблемъ. Напримѣръ въ настоящее время, винтовой фрегатъ—удивительная ма-

шина, которую гонять впередъ паруса, занимающіе пространство трехъ тысячъ квадратныхъ метровъ, и котель въ двѣ тысячи пять-сотъ лошадиныхъ силъ.

Но, не говоря уже объ этихъ новыхъ чудесахъ, старый корабль Христофора Колумба и Рютера есть одно изъ величайшихъ произведеній ума человѣческаго. Сила его неистощима, онъ собираетъ вѣтеръ въ свои паруса, онъ точенъ среди безмѣрнаго смятенія волнъ, онъ плыветъ и царствуетъ.

Бываютъ, однако, часы, когда шквалъ ломаетъ, точно соломенку, эту шестидесяти-футовую рею, когда вѣтеръ гнетъ какъ камышъ, эту четырехъ-сотъ-футовую мачту, когда этотъ якорь, вѣсящій тысячу пудовъ, ломается въ пасти волны какъ удочка рыбака въ чюлсти большой щуки, когда эти чудовищныя пушки испускаютъ жалобный и бесполезный ревъ, разносимый вѣтромъ въ темномъ и пустомъ пространствѣ, когда все это могущество и все это величіе сокрушаются высшимъ могуществомъ и высшимъ величіемъ.

Каждый разъ, когда передъ людьми развертывается огромная сила, оканчивающаяся чрезвычайной слабостью, люди задумываются. По этой причинѣ вы найдете во всѣхъ портахъ, вокругъ этихъ удивительныхъ военныхъ и пловучихъ машинъ, множество любопытныхъ, которые не въ состояніи сами объяснить вамъ зачѣмъ они стоятъ тутъ.

И такъ, каждый день, съ утра до вечера, набережныя плотины Тулонскаго порта были покрыты толпою зѣвакъ, которые занимались тѣмъ, что смотрѣли на корабль *Оріонъ*.

Оріонъ былъ старый корабль, давно уже поврежденный. Во время прежнихъ его плаваній, толстый слой раковинъ до того выросъ на подводной части его, что затруднялъ ходъ; за годъ передъ тѣмъ, его вытаскивали на берегъ, чтобъ отчистить отъ раковинъ, потомъ онъ опять былъ спущенъ въ море. Но эта чистка испортила болты въ подводной части его. Около Балеарскихъ острововъ, обшивка протерлась и треснула; такъ какъ она не дѣлалась тогда изъ желѣза, то въ суднѣ показалась течь. Сильный порывъ равноденственнаго вѣтра, вышибъ бакбордомъ-стемъ и пушечный портъ, и повредилъ портъ-ванты фокъ-зайла. Вслѣдствіе этихъ поврежденій *Оріонъ* возвратился въ Тулонъ.

Онъ сталъ на якорь около арсенала. Онъ вооружился и починался. Поверхность дна не была попорчена снаружи, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доски были, какъ это обыкновенно дѣлается, отбиты для того, чтобъ впускать воздухъ въ кузовъ.

Однажды толпа, глядѣвшая на *Оріонъ*, была свидѣтельницей слѣдующаго случая:

Экипажъ корабля былъ занятъ привязкою парусовъ къ райнѣ. Караульный, ползшій на верхушку марсъ-стенги, потерялъ равновѣсіе. Онъ покачнулся; народъ, собравшійся на Арсенальной набережной, испустилъ крикъ, голова матроса перевѣсила тѣло, онъ закружился около рея, протянувъ руки надъ боздною; но успѣлъ ухватиться за веревочную лѣстницу прежде одной, а потомъ и другой рукой, и по-

висъ на ней. Онъ висълъ на страшной высотѣ надъ поверхностью моря. Толчокъ, произведенный его паденіемъ, сильно раскачалъ веревочную лѣстницу, и бѣдный матросъ леталъ то въ одну сторону, то въ другую, точно камень, перебрасываемый пращемъ.

Подать ему помощь значило бы страшно рисковать собой. Ни одинъ изъ матросовъ не смѣлъ на это отважиться. А между тѣмъ несчастный уставалъ; нельзя было видѣть страданія на его лицѣ, но во всѣхъ его членахъ было замѣтно изнеможеніе. Его руки вывертывались въ страшныхъ судорогахъ. Всякое стараніе, которое онъ дѣлалъ, чтобъ влѣзть на верхъ, только усиливало качаніе веревочной лѣстницы. Онъ не кричалъ, чтобъ не потерять силы. Теперь всѣ ждали только минуты, когда онъ выпуститъ веревку и каждый отвертывалъ голову, чтобъ не видѣть его погибели. Выпадаютъ минуты когда кончикъ веревки, палочка, вѣточка дерева, для человѣка—спасеніе, и ужасно видѣть, какъ человѣкъ выпускаетъ ихъ, и падаетъ какъ созрѣвшій плодъ,

Вдругъ всѣ увидѣли, что какой-то человѣкъ влѣзалъ въ такелажъ съ проворствомъ кошки-тигра; этотъ человѣкъ былъ въ платьѣ краснаго цвѣта, что означало каторжника; на немъ былъ зеленый колпакъ, признакъ того, что онъ былъ осужденъ на вѣчную каторгу. Когда онъ достигъ вершины короба мачты, порывъ вѣтра унесъ его колпакъ и открылъ голову совершенно сѣдую; это былъ не молодой человѣкъ.

Одинъ каторжникъ, работавшій на палубѣ корабля вмѣстѣ съ другими арестантами, увидѣвъ опасность, грозившую матросу, тотчасъ же подбѣжалъ къ вахтенному офицеру, и, среди замѣшательства, и колебанія всего экипажа, въ то время, какъ всѣ матросы бодлись и отказывались подать помощь, онъ попросилъ у офицера позволенія рискнуть жизнью своею для спасенія матроса. Офицеръ согласился, и тогда каторжный однимъ ударомъ молотка расколотилъ цѣпь, прикованную къ ногамъ его, потомъ взялъ веревку и бросился въ вахты. Никто не замѣтилъ въ эту минуту, съ какою легкостію разбилась эта цѣпь. Только въ послѣдствіи вспомнили объ этомъ.

Въ одно мгновеніе онъ былъ на раинѣ. Онъ остановился на нѣсколько секундъ, и, казалось, вымѣрялъ ее глазами. Эти секунды во время которыхъ матросъ качался на ираю веревки, показались гѣками свидѣтелямъ этой сцены. Наконецъ каторжникъ поднялъ глаза къ небу и сдѣлалъ шагъ впередъ. Толпа свободнѣе вздохнула. Всѣ увидѣли, какъ онъ пробѣгалъ раину. Дойдя до оконечности, онъ привязалъ къ ней конецъ веревки, которую принесъ съ собою, а другой конецъ ея свѣсилъ внизъ, потомъ сталъ спускаться руками по этой веревки, и когда надъ пучиной повисли, вмѣсто одного человѣка, двое, неизъяснимый страхъ охватилъ всѣхъ зрителей.

Казалось, что паукъ пришелъ схватить муху; но на этотъ разъ онъ приносилъ ей жизнь а не смерть. Десять тысячъ глазъ смотрѣли на эту группу. Ни одного крика, ни одного слова; всѣ были обмяты какъ будто однимъ трепетомъ. Всѣ уста удерживали свое дыханіе

акъ бы боясь прибавить малѣйшее дуновеніе къ вѣтру, который олыхалъ обонхъ несчастныхъ.

Между тѣмъ каторжникъ успѣлъ спуститься по канату до самаго атроса. Онъ сдѣлалъ это какъ разъ во время; еще минута и несчастный, отчаянный и обезсилившій матросъ упалъ бы въ пучину; другою рукой, каторжникъ обвязалъ его веревкой, на которой держалъ, а другой, въ то же время, продолжалъ работать. Наконецъ опять гбѣзъ на райну и началъ притягивать туда матроса; тамъ онъ подержалъ его съ минуту, чтобъ дать ему время собраться съ силами, потомъ схватилъ его на руки и повесъ по райнѣ до эвельгофта, а оттуда въ марсъ, гдѣ сдалъ его на руки товарищамъ.

Въ эту минуту толпа разразилась рукоплесканіями; на берегу женщины цѣловали другъ друга, и всѣ голоса закричали съ нѣкотораго изда растроганнымъ неистовствомъ: «пощада этому человѣку!»

Онъ, между тѣмъ, тотчасъ же началъ сходить внизъ, чтобъ возвратиться къ своей командѣ. Чобъ скорѣй дойти, онъ соскользнулъ съ такелажъ и побѣжалъ по нижней райнѣ. Всѣ взоры слѣдили за нимъ. Была минута, когда испугались за него; вслѣдствіе усталости или отъ головокруженія, онъ будто зашатался. Вдругъ вся толпа скрикнула: каторжникъ упалъ въ море.

Паденіе не могло не быть опасно. Возлѣ *Оріона* стоялъ на якорѣ фрегатъ *Алжесвирасъ* и бѣдный каторжникъ упалъ между двумя судами. Онъ могъ скользнуть подъ одинъ изъ нихъ. Четыре чело-вѣка поспѣшно бросились въ лодку. Толпа ободряла ихъ, страхъ опять охватилъ всѣ души. Каторжникъ не выплылъ ни разу. Онъ исчезъ въ морѣ, не оставивъ ни одной складки на поверхности воды какъ будто упалъ въ бочку масла. Бросали въ море дотъ, ныряли. Наврасно. Искали до вечера; не нашли даже трупа.

На слѣдующій день въ Тулонской газетѣ были напечатаны слѣдующія строки: «17 ноября 1823 г. Вчера, одинъ каторжникъ; работавшій на кораблѣ *Оріонѣ*, возвращаясь послѣ спасенія одного матроса, упалъ въ море и утонулъ. Трупъ его нельзя было найти. Думаютъ, что его занесло подъ свай арсенальнаго шпица. Этотъ чело-вѣкъ былъ записанъ въ галерной росписи подъ № 9430 и назывался Жанъ-Вальжанъ.»

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЪЩАНІЯ, ДАННАГО ЖЕРТВОЙ.

I.

Вопросъ о водахъ въ Монфермелѣ.

Монфермель расположенъ между Ляври и Шеллемъ, на южной опушкѣ высокой площадки, отдѣляющей Урку отъ Марны. Теперь это довольно большое мѣстечко украшенное цѣлый годъ вилами изъ ливса, а по воскресеньямъ—самодовольно счастливыми буржуа. Въ 1823 г. въ Монфермелѣ не было ни столько бѣлыхъ домовъ, ни

столько довольныхъ гражданъ: онъ былъ просто деревенька въ лѣсу. Тутъ и тамъ попадались, правда, загородные дома богачей прошлаго столѣтiя, которые можно было узнать по ихъ барскому виду, балконамъ изъ искривленнаго желѣза и длиннымъ окнамъ, маленькiя стекла которыхъ бросаютъ на бѣлыя ставни зеленый цвѣтъ всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ. Но Монфермель все-таки оставался деревушкой. Это было тихое и прелестное мѣсто на пустой дорогѣ; люди жили тамъ дешевою сельскою жизнью, столь изобильною и столь легкою. Только, по причинѣ возвышенности площадки, въ немъ было мало воды.

За водой приходилось ходить довольно далеко. Тотъ край селенiй, который примыкаетъ къ Ганьи, бралъ воду въ великолѣпныхъ прудахъ, находящихся въ тамошнихъ лѣсахъ; другой край, окружающiй церковь и примыкающiй къ Шеллю, находилъ воду, удобную для питья, только въ маленькомъ источникѣ, подлѣ Шельской дороги, въ четверти часа ходьбы отъ Монфермеля.

Поэтому, доставка воды составляла для каждаго хозяйства довольно тяжелую работу. Большия дома, аристократiя, Тенардье въ томъ числѣ, платили по грошу за ведро человекъ, который занимался этимъ и зарабатывалъ около осьми су въ день; но онъ работалъ лѣтомъ только до семи часовъ вечера, а зимою до пяти, такъ что, если съ наступленiемъ ночи, послѣ закрытiя ставней, кто-нибудь имѣлъ нужду въ водѣ, то или обходился безъ нея или отправлялся за нею къ источнику.

Это-то обстоятельство приводило въ ужасъ маленькое существо, котораго, можетъ быть, не забылъ читатель -- маленькую Козетту. Мы уже говорили, что Козетта приносила супругамъ Тенардье любящую пользу: мать они заставляли платить себѣ, дочь -- прислуживать; поэтому, когда мать, по извѣстнымъ намъ причинамъ, совершенно перестала платить, Тенардье не прогнали Козетту. Она замѣнила имъ служанку. Ей-то приходилось бѣгать къ источнику за водою, когда воды не хватало. Поэтому, дѣвочка, приходившая въ ужасъ отъ одной мысли -- идти къ источнику ночью, всегда старательно заботилась, чтобы дома не было недостатка въ водѣ.

Рождественскiе праздники 1823 г. были особенно блестящи въ Монфермелѣ. Время, въ началѣ зимы, стояло теплое: ни снѣгу, ни морозовъ еще не было. Уличные комельянты, прiѣхавши изъ Парижа, получили отъ мера дозволенiе построить балаганы на большой улицѣ села; бродячiе купцы, пользуясь тѣмъ же позволенiемъ, поставили свои лавочки вплоть до церковной площади и даже до Хлѣбниковаго переулка, въ которомъ, если читатели не забыли, находилась харчевня Тенардье. Этотъ сѣздъ наполнялъ харчевню и кабаки, и придавалъ маленькой, спокойной странѣ, шумную и веселую жизнь. Чтобы оставаться вѣрнымъ историкомъ, мы должны даже упомянуть, что между рѣдкостями, разставленными на площади, находилась зѣбре-нецъ, въ которомъ отвратительные, неизвѣстно откуда притведенные паяцы показывали въ 1823 г. монфермельскимъ поселянамъ одного

изъ тѣхъ страшныхъ бразильскихъ коршуновъ, которыми нѣтъ королевскій музей владѣетъ только съ 1845 г. и у которыхъ, вмѣсто глаза, трехцвѣтная кокарда. Натуралисты называютъ, кажется, эту птицу, *Caesura Polubogus*. Нѣсколько старыхъ отставныхъ солдатъ — бонапартистовъ, жившихъ въ деревнѣ, ходили съ благоговѣніемъ смотрѣть на этого звѣря. Комедіянты выдавали эту трехцвѣтную кокарду за единственный феноменъ, котораго Богъ создалъ нарочно для ихъ звѣринца.

Вечеромъ, наканунѣ Рождества, нѣсколько человѣкъ, извозчиковъ и разнощиковъ, сидѣли вокругъ стола, освѣщеннаго четырьмя или пятью свѣчами, въ нижней залѣ харчевни Тенардье. Это зала походила на всѣ трактирные залы: столы, оловянные кружки, бутылки, пьющій и курящій народъ, мало свѣта, много шума. Жена Тенардье наблюдала за ужиномъ, жарившимся на славномъ, яркомъ огнѣ; мужъ пилъ съ своими посѣтителями и толковалъ о политикѣ.

Между политическими толками, главный предметъ которыхъ составляла испанская война и герцогъ Ангулемскій, слышались и совершенно мѣстные разговоры, въ родѣ слѣдующихъ:

— Около Нантерра и Сюрена вино славно удалось. Гдѣ разсчитывали на десять бочекъ, тамъ получили двѣнадцать. Сокъ такъ и брызгалъ изъ подъ давила.— Да виноградъ, должно быть, не былъ зрѣлъ? — Въ этихъ мѣстахъ не ждутъ зрѣлаго винограда; только что весна наступитъ, какъ начинаютъ дѣлать вино...

И проч.

То какой-нибудь мельникъ вскрикивалъ:

— Развѣ мы отвѣчаемъ за то, что есть въ мѣшкахъ? Мы находимъ въ нихъ кучу зернышекъ, которыхъ мы не можемъ же очистить, и по неволѣ кладемъ подъ жернова; тутъ попадается и головоюмъ, и чернуха, и журавлиный горохъ, и конопляное сѣмя, и хвостистый амарантъ, и всякая другая дрянь, не считая камешковъ, которыхъ не сочтешь въ иной пшеницѣ, а особенно въ бретонской. Нѣтъ молоть бретонскую пшеницу такъ-же пріятно какъ пильщику пилить бревна, что утыканы гвоздями. Подумайте-ка, сколько тутъ пыли вылетитъ? А потомъ жалуются, что мука не хороша! Жалуются они не имѣютъ права. За муку мы не отвѣчаемъ.

Въ простѣнкѣ между двумя окнами сидѣли косарь и землевладѣлецъ, условившіеся въ цѣнѣ на будущую косовицу. Косарь говорилъ:

— Это ничего, если трава мокрая. Въ тогда еще лучше косить. Роса, сударь, вещь хорошая. Впрочемъ, ваша трава-трава молодая, и не косить трудно...

И проч.

Козетка сидѣла на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, на подножкѣ кушеточнаго стола, подлѣ каминна; она была въ рубашкѣ, держала босые ноги въ деревянныхъ сабо и вязала, при свѣтѣ огня, шерстяные тулупы, предназначенные для маленькихъ Тенардье. Молоденькая кожа играла подъ стульями. Въ сосѣдней комнатѣ слышались свѣжіе

голоса весело-игравшихъ и болтавшихъ дѣтей; это были Эонина и Авельма.

Около камня, на гвоздѣ, висѣла плетка.

По временамъ, крикъ очень маленькаго ребенка, находившагося въ какой-то части дома, пронзительно раздавался въ шумѣ посѣтителей харчевни. Это кричалъ мальчикъ, котораго трактирищица родила въ одну изъ прошедшихъ зимъ, «сама не зная какъ — говорила она — вѣроятно, отъ холода» и которому было три года съ лишнимъ. Мать сама выкормила его, но не любила. Когда отчаянные крики ребенка дѣлались ужъ слишкомъ несносными, Тенардье говорилъ женѣ:

— Твой сынъ все пищитъ, поди же посмотри, чего ему надо. — Ну, вотъ еще! отвѣчала мать—онъ надоѣлъ мнѣ! И покинутый малютка продолжалъ кричать въ темнотѣ.

II.

Два дополненные портрета.

До сихъ поръ читатели наши видѣли супруговъ Тенардье только въ профиль; теперь настало время обойти эту чету со всѣхъ сторонъ и осмотрѣть ихъ во всѣхъ видахъ.

Тенардье было пятьдесятъ лѣтъ съ лишнимъ; госпожѣ Тенардье около сорока, что для женщины тоже что пятьдесятъ для мужчины; такимъ-образомъ, годы мужа и жены находились въ равновѣсїи.

Читатели, съ перваго появленїя этой Тенардье, сохранили можетъ быть нѣкоторое воспоминанїе объ этой высокой, свѣтловолосой, красной, толстой, мясистой, угловатой, огромной и проворной женщинѣ; она была, какъ мы уже сказали, изъ породы тѣхъ колоссальныхъ дикарокъ, которыя показываютъ штуки на ярмаркахъ, подымая камень на своихъ волосахъ. Она убирала сама всю квартиру, стлала кровати, мела комнаты, мыла, стирала, распоряжалась всѣмъ. Ей прислуживала одна только Козетта: мышь была въ услуженїи у слона. При звукѣ ея голоса все трепетало: стекла, мебель и люди. Бѣ широкое лицо, прорытое веснушками, имѣло видъ чумички. У нея была небольшая борода. Это былъ идеалъ носильщика, переодѣтаго въ женское платье. Она великолѣпно ругалась; она хвасталась, что однимъ ударомъ кулака могла разбить орѣхъ. Никогда никому бы не пришла мысль сказать про нее: это женщина,—еслибъ по временамъ изъ подъ этого людоедства не проглядывало жеманство—слѣдствїе прочтанныхъ романовъ. Кто слушалъ ее, говорилъ: это жандармъ; кто видѣлъ, какъ она пьетъ, говорилъ: это извощикъ; кто видѣлъ, какъ она бьетъ Козетту, говорилъ: это палачъ. Когда она молчала, то изъ рта высовывался одинъ зубъ.

Тенардье былъ маленькій, худой, блѣдный, угловатый, костлявый человекъ, по наружности болѣзненный, но на дѣлѣ очень здоровый. Онъ обыкновенно улыбался изъ осторожности и былъ очень учтивъ почти со всѣми, даже съ нищимъ, которому отказывалъ въ грошѣ. У него былъ взглядъ хорька и видъ человека, занимающагося литературой. Онъ очень походилъ на портреты аббата Делла. Кокет-

это его заключалось въ томъ, чтобы пить съ извозчиками. Никто, никогда, не могъ напоить его. Онъ курилъ изъ толстой трубки. Носилъ онъ блузу, а подъ блузой старый черный фракъ. Онъ имѣлъ претензію не на литературныя занятія и на матеріализмъ. Часто, чтобы подтвердить свои слова, онъ произносилъ имена Вольтера, Ренала, Парни и, странная вещь, святаго Августина. Онъ утверждалъ, что дѣйствуетъ по «системѣ». При этомъ, онъ былъ большой мошенникъ. Читатель помнитъ, какъ онъ увѣрялъ, что былъ въ службѣ; онъ любилъ разсказывать, что во время Ватерлооскаго сраженія, бывши сержантомъ, въ 6 или 9 полку, легкой кавалеріи, онъ, одинъ противъ цѣлаго эскадрона гусаровъ смерти, защитилъ собою и спасъ, подъ градомъ картечи, «одного, опасно раненнаго генерала.» Вслѣдствіе этого, стѣна его дома украсилась воинственною вывѣскою, и харчевня получила въ селѣ прозвище «корчмы Ватерлооскаго сержанта.» Онъ былъ либераль, классикъ и бонапартистъ. Въ деревнѣ говорили, что онъ въ молодости готовился къ священническому званію.

Мы же думаемъ, что онъ просто приготовлялся, въ Голландіи, къ трактирному дѣлу. Этотъ мошенникъ смѣшанной породы былъ, по всей вѣроятности, какой-нибудь фламандецъ, изъ Лилля, въ Фландріи, французъ въ Парижѣ, бельгіецъ въ Брюсселѣ, удобно принаравливавшійся къ обонимъ королевствамъ. Его продѣлка на Ватерлооскомъ полѣ уже извѣстна читателю. Какъ читатель видитъ, онъ ее немного преувеличивалъ. Приливъ и отливъ, извилистый образъ дѣйствій, приключенія—были элементами его существованія; разорванная совѣсть влечетъ за собою беспорядочную жизнь; и, по всей вѣроятности, въ бурный день 18 іюня 1815 года, Тенардье принадлежалъ къ той породѣ маркитантовъ мародеровъ, о которыхъ мы говорили, продававшихъ однимъ, обкрадывавшихъ другихъ, слѣдовавшихъ въ какой-нибудь хромой тележкѣ, съ женой и дѣтьми, за войсками, руководясь въ этомъ инстинктомъ, который совѣтовалъ имъ всегда привязываться къ побѣдоносной арміи. Сдѣлавъ эту кампанію и заработавъ деньжонокъ, онъ открылъ харчевню въ Монфермелѣ.

Имущество его, составленное изъ кошельковъ и часовъ, изъ золотыхъ колецъ и серебряныхъ крестовъ, собранныхъ во время жатвы на поляхъ, засѣянныхъ трупами, не составляло большого капитала и недалеко повело этого маркитанта, сдѣлавшагося трактирщикомъ.

Въ жестахъ Тенардье было что-то, такъ сказать, прямолинейное, которое, въ то время когда онъ ругался, напоминало казарму, а когда крестился, напоминало семинарію. Онъ говорилъ очень цѣтливо. Онъ выдавалъ себя за ученаго; однакожъ школьный учитель замѣчалъ, что онъ дѣлалъ грубыя ошибки. Онъ удивительно составлялъ счета для своихъ посѣтителей; но опытный глазъ часто находилъ въ нихъ ошибки правописанія. Тенардье былъ хитеръ, обжорливъ, лѣнивъ и ловокъ. Онъ не брезгалъ своими служанками, вслѣдствіе чего жена его не держала ихъ. Эта гигантша была рев-

лива. Ей казалось, что этот худощавый и жалтый человечекъ былъ предметомъ всеобщихъ пожеланій.

Въ довершеніе всего, Тенардье, человекъ хитрый, былъ плутъ, изъ породы тихенькихъ. Эта порода самая худшая: тутъ примѣняется лицемерство.

Не то, чтобы Тенардье не былъ въ некоторыхъ случаяхъ способенъ сердиться, по крайней мѣрѣ, столько, сколько его жена, но это случалось очень рѣдко, и такъ какъ онъ питалъ злобу ко всему роду человеческому, такъ какъ въ душѣ его лежала глубокая бездна ненависти, такъ какъ онъ былъ изъ людей вѣчно истящихъ, обвиняющихъ все, что проходятъ мимо ихъ, въ томъ, что обрушивается на нихъ, и готовыхъ обрушивать на перваго встрѣчнаго всѣ разочарованія, превратности и несчастія ихъ жизни; такъ какъ вся эта завсаска подымалась со дна его души и вспыхивала на губахъ и глазахъ,—то въ эти минуты гнѣва онъ былъ ужасенъ. Горе тому, кто въ это время подвергался его ярости!

Кромѣ всѣхъ прочихъ качествъ, Тенардье былъ внимателенъ и пронаблюдателен, молчаливъ или болтливъ, смотря по надобности; но во всѣхъ этихъ проявленіяхъ присутствовала высокая понятливость. Въ его взглядѣ было что-то, похожее на взглядъ моряковъ, привыкшихъ щурить глаза, во время разглядыванія въ зрительную трубу. Тенардье былъ государственный человекъ.

Каждый, входившій первый разъ въ харчевню, говорилъ при взглядѣ на жену Тенардье: вотъ хозяйнѣ. Это мнѣніе было ошибочно. Она не была даже хозяйкой, хозяйнѣ и хозяйка соединились въ лицѣ мужа. Она исполняла, онъ творилъ. Онъ управлялъ всѣмъ, дѣйствуя какъ-то магнитически, невидимо и безостановочно. Ему достаточно было сказать одно слово, даже сдѣлать знакъ; Мастодонгъ повиновался. Трактирщица, сама себѣ не отдавая въ томъ отчета, смотрѣла на мужа, какъ на какое-то высшее и особое существо. Въ ней были своеобразныя добродѣтели: если бы она и не соглашалась въ чемъ-нибудь съ «господиномъ Тенардье»—что, впрочемъ, предположить не возможно—то никогда бы не стала спорить съ нимъ публично. Никогда она не сдѣлала бы «передъ чужими», той ошибки, которую такъ часто дѣлаютъ женщины и которая на парламентскомъ языкѣ называется открытіемъ короны. Хотя результатомъ ихъ согласія было одно зло, но въ подчиненіи трактирщицы мужу было какое-то благоговѣніе. Эта гора, составленная изъ шума и мяса, двигалась отъ прикосновенія мизинца этого дряблага деспота. Великое, всемірное явленіе—обожаніе матеріи духомъ, обнаруживалось здѣсь съ его уродливой и мелкой стороны, потому что нѣкоторыя безобразія могутъ существовать даже въ глубинахъ вѣчной красоты. Въ Тенардье было нѣчто невѣдомое; оттуда безусловное владычество этого человека надъ этой женщиной. Иногда она смотрѣла на него, какъ на важную свѣчу, иногда чувствовала его, какъ прикосновеніе ногтею.

Эта женщина была огромное существо, любившее только своихъ

дѣвой и бѣшившаяся только своего мужа. Она была матерью, потому что принадлежала къ породѣ млекопитающихъ. Впрочемъ, матеранская цѣнность ея распространялась только на дѣвочекъ и, какъ увидятъ читатели, не обнимала собою мальчиковъ. У мужа была одна мысль: обогатиться.

Онъ не успѣвалъ въ этомъ. У этого великаго таланта не было достойной сцены. Тенардь въ Монфермелѣ разорился, если разореніе возможно при нулѣ; въ Швейцаріи или въ Пиринеяхъ этотъ годъ-такъ сдѣлался бы милліонеромъ. Но куда судьба помѣститъ трактирщика, тамъ онъ и долженъ оставаться.

Понятно что слово *трактирщикъ* употреблено здѣсь нами въ тѣсномъ смыслѣ и не обнимаетъ собою цѣлаго класса.

Въ этомъ самомъ 1823 году, Тенардь задолжалъ около полуторы тысячи франковъ; кредиторы сильно приставали къ нему и это очень озабочивало его. Какъ ни упрямъ былъ, въ отношеніи къ нему, несправедливости судьбы, Тенардь былъ изъ тѣхъ людей, которые отлично понимаютъ, что значитъ гостепримство — добродѣтель у народовъ варварскихъ и товаръ у народовъ цивилизованныхъ. Впрочемъ, онъ былъ удивительный браконьеръ и славился искусствомъ въ стрѣльбѣ. Смѣялся онъ какииъ-то холоднымъ и спокойнымъ смѣхомъ, который былъ особенно опасенъ.

Теоріи его, какъ трактирщика, брызгали иногда изъ него огненными струями. У него были афоризмы, которые онъ напечатлѣвалъ въ умъ своей жены. — Долгъ трктирщика — говорилъ онъ ей однажды, стремительно и шопотомъ — продавать первому встрѣчному жаркое, отдыхъ, освѣщеніе, грязныя простыни, блохъ, улыбку, останавливать проходящихъ, очищать малюнькіе кошельки и добросовѣстно облегчать большіе, съ уваженіемъ давать пріютъ путешествующимъ семействамъ, обдирать мужа, общипывать перья у жены, сымать шелуху съ ребенка, заставлять платить за открытое окно, за закрытое окно, за уголь около печки, за кресло, за стулъ, за табуретъ, за скамейку, за перину, за матрасъ, за клокъ соломы, расчитать сколько истрачивается заркала челоуькомъ, смотрящимся въ него и остановивъ за это плату наконецъ пятьсотъ тысячъ чертой побери, заставить путешественника платить за все, даже за мухъ, которыхъ всѣхъ его собака.

Этотъ челоуькъ и эта женщина представляли соединеніе хитрости и ярости — соединеніе отвратительное и ужасное.

Между тѣмъ, какъ мужъ соображалъ и обдумывалъ, жена не думала объ отсутствующихъ кредиторахъ, не забиталась ни о вчерашнемъ, ни о завтрашнемъ днѣ и жила только настоящею минутою.

Таковы были эти два существа. Козетта находилась между ними, подчиняясь ихъ двойному давленію, какъ существо, которое въ одно и то же время дробитъ жерновъ и ломаютъ на кусочки щипцы. Мужъ и жена имѣли, каждый, свой образъ дѣйствія; на Козетту сыпались удары, — это происходило отъ жены; Козетта ходила босикомъ, это происходило отъ мужа.

Козетта всходила на верхъ, сходила внизъ, мыла, чистила, терла, мела, бѣгала, задыхалась, двигала тяжелыя вещи и исполняла самыя трудныя, для ея тощаго сложенія, обязанности. Никто не чувствовалъ къ ней жалости; съ одной стороны была суровая хозяйка, съ другой — ядовитый хозяинъ. Харчевня Тенардые была точно паутина, въ которой Козетта запуталась и дрожала. Идеаль угнетенія былъ осуществленъ этой зловѣщею службою. Козетта походила отчасти на муху, прислуживающую паукамъ.

Бѣдное дитя терпѣло и молчало.

Когда эти существа-остаются, съ самаго своего появленія на свѣтъ, маленькими, голыми, между людьми, что происходитъ въ тѣхъ душахъ, которыя покинули Бога?

III.

Людямъ нужно вина, а лошадямъ воды.

Въ харчевню вошли четыре новыхъ проѣзжихъ.

Казетта была погружена въ печальныя думы; потому что, хотя ей было всего восемь лѣтъ, она уже столько выстрадала, что задумывалась съ мрачнымъ видомъ старухи.

Подъ глазами у нея былъ черный знакъ — слѣдствіе удара трактирщицы, которая, при этомъ, по временамъ говорила: экая она уродина съ своимъ синякомъ подъ глазомъ!

Козетта думала о томъ, что на дворѣ было темно, очень темно, что совершенно неожиданно пришлось наполнить водою кружки и графины, въ комнатахъ наѣхавшихъ путешественниковъ, и, что въ домѣ не было больше воды.

Ее успокивало немного только-то, что въ трактирѣ Тенардые вода не употреблялась въ большомъ количествѣ. Въ людяхъ жаждающихъ пить, не было недостатка; но это была та жажда, которая охотиве обращается къ рюмкѣ чѣмъ къ кружкѣ. Человѣкъ, который попросилъ бы тутъ стаканъ воды, показался бы дикаремъ всѣмъ этимъ людямъ. Была, однако, минута, когда Козетта задрожала; трактирщица приподняла крышку кострюли, которая стояла на очагѣ, потомъ схватила стаканъ и быстро подошла къ машинкѣ, гдѣ держалась вода. Она повернула кранъ, дитя подняло голову и слѣдило за всѣми ея движеніями. Маленькая струя воды потекла изъ крана и наполнила стаканъ на половину. — Каково сказала она, воды совсѣмъ нѣтъ. Потомъ наступила минута молчанія. Дитя сдерживало дыханіе.

— А, все равно, сказала трактирщица, смотря на стаканъ, — и этого будетъ довольно.

Козетта снова принялась за работу, но въ продолженіи цѣлой четверти часа, сердце ея сильно прыгало въ груди.

Она считала минуты, проходившія одна за другой и очень бы желала, чтобы поскорѣе настало утро.

По временамъ, кто-нибудь изъ пьющихъ смотрѣлъ въ окно на улицу и вскрикивалъ: — экая темь! Точно въ пещкѣ! или: — Надо быть

вошкой; чтобы ходить по улицѣ, въ эту пору, безъ фонаря!—и Козетта дрожала.

Вдругъ одинъ изъ разнощиковъ, квартировавшихъ въ гостиницѣ, вошелъ и грубымъ голосомъ сказалъ:

— Мою лошадь не поили.

— Нѣтъ, поили, отвѣчала трактирщица.

— Я вамъ говорю, что не поили, продолжалъ разнощикъ.

Козетта вышла изъ-подъ стола.

— О, нѣтъ сударь, — сказала она — увѣрю васъ, что лошадь пила, пила изъ ведра, изъ полного ведра; я сама носила ей пить, да еще разговаривала съ ней.

Все это было неправда. Козетта лгала.

— Экая вѣдь! вскричалъ разнощикъ. Ростомъ съ кулакъ а лжетъ точно великанъ. Я тебѣ говорю бездѣльница, что ее не поили. У нея особенная манера дышать, когда ей не дадутъ воды; я эту манеру хорошо знаю.

Козетта продолжала наставлять и прибавляла голосомъ, охриплымъ отъ боязни и едва слышнымъ:

— Нѣтъ, она славно напилась!

— Ну — возразилъ сердито разнощикъ — полно толковать: пусть напоитъ мою лошадь, и дѣло съ концемъ!

Козетта вернулась подъ столъ.

— Чтожь? вы правы—сказала Тенардье,—если лошадь ваша не пила, надо ее напоить.

Потомъ, посмотрѣвъ вокругъ себя, прибавила:

— Эй ты, гдѣ ты тамъ?

Она наклонилась и увидѣла Козетту, которая забилась подъ другой конецъ стола,—почти подъ ноги извощиковъ.

— Придешь-ли ты! крикнула Тенардье.

Козетта вышла изъ своего убѣжища. Тенардье продолжала:

— Ну-ка ты, мамзель собака, снеси напиться этой лошади.

— Но, сударыня, возразила Козетта, слабымъ голосомъ, въ домѣ нѣтъ больше воды.

Тенардье раскрыла настежь дверь и сказала:

— Ну, такъ ступай за нею!

Козетта наклонила голову и пошла за пустымъ ведромъ, стоявшимъ въ углу, около камня.

Это ведро было больше ея и она могла-бы свободно усѣсться въ немъ.

Тенардье вернулась къ своей плитѣ и, пробуя, деревянной ложкой, то, что было въ кострею, проворчала:

— Вода есть въ источникѣ. Штука не хитрая.

Потомъ она порылась въ ящикѣ, въ которомъ лежали мѣдными монеты, перецъ и чеснокъ, и прибавила:

— Эй ты, мамзель жаба! на возвратномъ пути зайдешь къ булочнику и купишь хлѣбъ. Вотъ тебѣ пятнадцать су.

Въ фартукѣ Козетты былъ маленький карманъ. Не говоря ни слова, она взяла деньги и положила въ этотъ карманъ.

Потомъ она осталась неподвижною, съ ведромъ въ рукѣ, перель раскрытою дверью. Она, казалось, ждала, чтобы кто-нибудь явился къ ней на помощь.

— Ступай-же! крикнула Тенардье.

Козетта вышла. Дверь закрылась за нею.

IV.

Появление на сцену куклы.

Рядъ лавокъ, начинавшихся отъ церкви, простирался, какъ читатель помнитъ, до харчевни Тенардье. Эти лавки, вслѣдствіе того, что буржуа должны были скоро проходить мимо ихъ ко всеобщей, были освѣщены свѣчами, горѣвшими въ бумажныхъ футларахъ, что, по словамъ Монфермельскаго школьнаго учителя, сидѣвшаго въ эту минуту у Тенардье, производило «великолѣпный эффектъ». За то на небѣ не было ни одной звѣзды.

Послѣдняя изъ этихъ лавчонокъ, расположенная какъ разъ противъ двери Тенардье, была наполнена игрушками, сверкала стеклянными вещами и великолѣпными издѣліями изъ жести. На самой передней полкѣ купецъ поставилъ огромную, почти въ два фута вышины, куклу, одѣтую въ розовое креповое платье, съ золотыми колосьями на головѣ, съ настоящими волосами и эмалевыми глазами. Цѣлый день это чудо было выставлено на изумленіе всѣмъ проходившимъ дѣтямъ, моложе десяти лѣтъ; но въ Монфермель не нашлось ни одной матери, достаточно богатой или достаточно расточительной, для того, чтобы купить эту куклу для своего ребенка. Эповина и Аэельма провели нѣсколько часовъ въ созерцаніи ея, и даже Козетта, осмѣлилась, правда украдкой, поглядѣть на нее.

Какъ ни уныла и печальна была она, выходя съ ведромъ въ рукѣ, но не могла удержаться, чтобы не посмотрѣть на эту громадную куклу, на эту даму, какъ она ее называла. Бѣдная дѣвочка остановилась въ глубочайшемъ изумленіи. Она еще не видѣла этой куклы вблизи. Вся эта лавка ей казалась дворцомъ; эта кукла, была не кукла, а видѣніе. Радость, великолѣпіе, богатство, счастье, окруженный какимъ-то химерическимъ сіяніемъ, являлись тутъ этому несчастному маленькому существу, такъ глубоко погруженному въ погребальную и холодную нищету. Козетта, съ наивною и печальною мудростію дѣтскаго возраста, намѣрляла бездну, отдѣлившую ее отъ этой куклы. Она говорила себѣ, что только королева или, по-крайней-мѣрѣ, принцесса могла имѣть такую вещь. Она смотрѣла на это прекрасное розовое платье, на эти прекрасные, приглаженные волосы и думала: какъ эта кукла должна быть счастлива! Она не могла оторвать глазъ отъ этой фантастической лавки. Чѣмъ больше она смотрѣла, тѣмъ больше ослѣплялась. Ей, казалось, что она видитъ рай. Позади большой куклы стояли другія, казавшіяся ей феями и гениями.

Полная такого обожанія, она забыла обо всемъ, даже о своемъ ве-

ручкѣн. Барутъ,—грубый голосъ старухи Тенардье, вернулъ ее къ дѣйствительности: — Какъ, негодяйка, ты еще не ушла! погоди-ка, вотъ я тебя! и что она тамъ дѣлаетъ! ахъ ты чудовище!

Тенардье, выгнувъ на улицу, замѣтила Козетту, стоящую въ экстазѣ.

Козетта побѣжала, какъ могла пибче, унося съ собою ведро.

V.

МАЛЮТКА ОДНА.

Такъ какъ харчевня Тенардье помѣщалась въ той части села, которая находится подлѣ церкви,—то Козеттѣ приходилось ходить, за водою, къ лѣсному источнику, находившемуся около Шеля.

Теперь ужъ она ни разу не остановилась передъ окнами лавокъ. Пока она шла по Хлѣбникову переулку и по улицамъ, близкимъ къ церкви, свѣтъ изъ лавокъ освѣщадъ ей дорогу; но скоро исчезъ послѣдній огонь послѣдней лавченки. Бѣдное дитя очутилось въ темнотѣ. Она пошла впередъ. Но, такъ какъ ею начинало овладѣвать волненіе, то она трясла, изо всей силы, ручкой ведра. Отъ этого происходилъ шумъ, въ сообществѣ котораго ей было не такъ страшно.

Чѣмъ дальше она шла, тѣмъ гуще становилась темнота. На улицахъ не было никого. Впрочемъ, она встрѣтила какую-то женщину, которая, увидѣвъ ее, обернулась, нѣсколько минутъ осталась неподвигною и пробормотала сквозь зубы:—Куда это можетъ идти этотъ ребенокъ. Не бука-ли это какая-нибудь? — Тутъ она узнала Козетту и сказала:—Смотри, пожалуйста это Жаворонокъ.

Козетта прошла, такимъ образомъ, лабиринтъ, извилинъ и пустынныхъ улицъ, закончивающихъ Монфермель со стороны Шеля. Пока по обѣимъ сторонамъ ея шли дома и даже однѣ стѣны, она подвигалась впередъ довольно смѣло. По временамъ, сквозь щель какого-нибудь ставня, пробивался свѣтъ отъ свѣчи, —и это успокоивало ее: значить тутъ жили люди. Но, по мѣрѣ того, какъ она подвигалась впередъ, походка ея, какъ будто машинально сдѣлалась медленнѣе. Пройдя за уголъ послѣдняго дома, Козетта остановилась. Идти дальше послѣдней лавки казалось ей труднымъ; идти дальше послѣдняго дома—казалось ей невозможнымъ. Она поставила ведро на полъ, запустила руку въ волосы и медленно стала чесать голову — движеніе, свойственное дѣтямъ въ минуту нерѣшительности и испуга. Монфермель кончился, начиналось поле. Передъ нею развертывалась черное и пустынное пространство. Она съ отчаяніемъ посмотрѣла въ эту темноту, въ которой не было людей, а были звѣри и даже, можетъ быть, привидѣнія. Она начала пристально глядѣть, и услышала, какъ звѣри ходили по травѣ, и увидѣла ясно, какъ привидѣнія шевелились между вѣтвями деревьевъ. Тогда она схватила ведро; боязнь придавала ей смѣлость.—Пустыяки!—сказала она—я скажу, что въ источникѣ не было воды!—И она отважно пошла назадъ къ Монфермелю.

Но едва она сдѣлала сто шаговъ, какъ снова остановилась и начала

чесать голову. Теперь передъ нею явилась образъ старухи Тенардь, отвратительной Тенардь съ ея ртомъ гнѣны и сверкающимъ гнѣвомъ въ глазахъ. Ребенокъ бросилъ плачевный взглядъ впередъ и назадъ. Что дѣлать? Какъ поступить? Куда идти? Передъ нею — призракъ Тенардь; позади ея — всѣ привидѣнія ночи и лѣсовъ. Она отступила передъ первымъ. Она повернула къ источнику и побѣжала. Бѣгомъ вышла она изъ села, бѣгомъ вошла въ лѣсъ, ни на что не глядя, ни къ чему не прислушиваясь. Она пошла болѣе медленными шагомъ только тогда, когда дыханіе у нея занялось, но не остановилась. Она шла впередъ, точно потерянная.

Въ то же время ей сильно хотѣлось плакать.

Ночной трепетъ вѣтра охватывалъ ее со всѣхъ сторонъ.

Она перестала думать, перестала видѣть. Неземная ночь была передъ лицомъ этого маленькаго существа. Съ одной стороны — весь мракъ вселенной; съ другой — атомъ.

Отъ опушки лѣса, до источника, было всего семь или восемь минутъ ходьбы. Козетта знала эту дорогу, потому что часто ходила по ней днемъ. Странное дѣло, она не заблудилась. Остатокъ инстинкта смутно указывалъ ей дорогу. Но она не смотрѣла, ни на право, ни на лѣво, боясь увидѣть что-нибудь въ вѣтвяхъ и кустарникахъ. Такъ она дошла до источника.

Этотъ источникъ представлялъ собою какъ бы образованную природою дахань, вырытую водою въ глинистой почвѣ, въ два фута глубины, окруженную мхомъ и тѣми, собранными въ складки, травами, которыя называются воротничками Генриха IV; вымощена она была нѣсколькими большими камнями. Маленькій ручеекъ пробивался изъ нея, съ спокойнымъ журчаніемъ.

Козетта ни на минуту не отдохнула здѣсь. Ночь была очень темная, но она хорошо знала этотъ источникъ. Она отыскала лѣвой рукой молодой дубъ, наклоненный надъ водою и служившій ей обыкновенно точкою опоры, ощутила вѣтку, повисла на ней, наклонилась и опустила ведро въ воду. Настроеніе ея было таково, что она чувствовала себя втрое сильнѣе. Между-тѣмъ, какъ она стояла, наклонясь надъ водою, она не замѣтила, что карманъ ея фартука опорожнился. Пятнадцать су упали въ воду. Козетта не увидѣла этого и не услышала паденія монеты. Она вытащила почти полное ведро и поставила его на траву.

Тутъ только она замѣтила свою усталость и изнеможеніе. Кѣ бы хотѣлось сей-часъ же вернуться домой, но вытаскиваніе воды до того утомило ее, что она увидѣла невозможность сдѣлать одинъ шагъ. Но-неволя надо было сѣсть. Она упала на траву и осталась въ этомъ положеніи.

Она закрыла глаза, потомъ снова открыла ихъ, сама не зная почему это дѣлаетъ; но не имѣя возможности дѣлать иначе. Около нея вода, въ ведрѣ, образовывала круги, походившіе на змѣи изъ бѣлаго огня.

Надъ ея головою, небо было покрыто большими черными тучами,

возможи на длубы дыма. Трагическая маска мрака, казалось, склонялась над этимъ ребенкомъ.

Юпитеръ опускался въ бездонную глубину.

Дѣвочка смотрѣла дико, испуганнымъ взоромъ, на эту большую звѣзду, которая была ей незнакома и которая утратила ее. Дѣйствительно, въ эту минуту, планета находилась очень близко отъ горизонта и проходила сквозь густой слой тумана, придававшій ей ужасную красноту. Туманъ, покрытый мрачною пурпурною краской, увеличивалъ объемъ планеты. Она казалась лучезарною ранюю.

Холодный вѣтеръ дулъ изъ долины. Лѣсъ былъ полонъ темноты, листья не колебались; ни одинъ изъ тѣхъ блѣдныхъ и свѣжихъ просвѣтовъ, которые свойственны лѣту, не радовалъ глаза. Вольщія вѣтви страшно рисовались въ немъ. Дряблые и безобразные кустарники свистѣли въ прогалинахъ. Высокія травы шумѣли подъ дуновѣніемъ вѣтра, точно угри. Сучья судорожно изгибались, какъ руки вооруженныя когтями и стремящіяся схватить добычу. Сухія растенія, гонимыя вѣтромъ, быстро катились по землѣ и, казалось, съ ужасомъ убѣгали отъ кого-то. Со всѣхъ сторонъ разстилалось мрачное пространство.

Темнота причиняетъ головокруженіе; человѣку необходимъ свѣтъ. Кто погружается въ темноту, у того сжимается сердце. Когда глаза ничего не видятъ, умъ тоже начинаетъ смутно различать. Затмѣніе, ночь, отсутствіе всякаго свѣта вселяютъ тоскливое безпокойство даже въ самыхъ сильныхъ. Ни одинъ человѣкъ не можетъ безъ трепета, идти ночью по лѣсу. Тѣни и деревья—страшная встрѣча. Химерическая дѣйствительность является въ темной глубинѣ. Непонятное очерчивается, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ, съ призрачной отчетливостью. Въ пространствѣ, окружающемъ васъ, или въ вашемъ собственномъ мозгу вы видите плаваніе чего-то неопредѣленнаго и неуловимаго, похожего на грезы уснувшихъ цвѣтовъ. На горизонтѣ являются какія-то суровыя фигуры. Вы вдыхаете въ себя испаренія необозримаго чернаго пространства. Вы боитесь ж, въ то же время, хотите оглянуться назадъ. Углубленія ночи, дикій видъ всего окружающаго, молчаливые профили, разсѣивающіеся при приближеніи къ нимъ, гробовая неизмѣримость безмолвія, таинственное наклоненіе вѣтвей, страшныя фигуры деревьевъ, трепещущія высокія травы — все это передъ вами и вы беззащитны противъ всего этого. Нѣтъ такой смѣлости, которая не задрожала-бы и не почувствовала близи тоскливаго безпокойства. Въ душѣ зарождается какое-то отвратительное ощущеніе, какъ будто она славается въ одно съ мракомъ. Это проникновеніе темноты дѣйствуетъ невыразимо зловѣщимъ образомъ на ребенка.

Не отдавая себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ, Козетта чувствовала, что эта черная громадность природы охватывала ее. Ею овладѣвалъ не ужасъ, а что-то, гораздо страшнѣе ужаса. Она вся дрожала. Нѣтъ такихъ словъ, которыя могли-бы выразить все, что было страшнаго въ этой дрожи, леденившей ее до глубины сердца... Глаза

ей приняли суровое выраженіе. Ей какъ-будто чувствовалось, что она, можетъ-быть, должна будетъ завтра, въ этотъ самый часъ, придти на это самое мѣсто.

Тогда, по какому-то инстинкту, и для того, чтобы выйти изъ этого страннаго положенія, котораго она не понимала, по которое пугало ее, она начала считать въ-слухъ: одинъ, два, три, четыре, до десяти и окончивъ, начала съ-изнова. Это помогло ей увидѣть въ настоящемъ видѣ вещи, окружавшія ее. Она почувствовала, что руки ея, которыя она замочила, вытаскивая воду, холодны. Она встала. Страхъ вернулся къ ней — страхъ естественный и непреодолимый. Теперь ею овладѣла только одна мысль — мысль убѣжать, бѣжать во всю прыть, черезъ лѣсъ, черезъ поле, до домовъ, до оконъ, до зажженныхъ свѣчей. Взглядъ ея упалъ на ведро стоявшее передъ нею. Ужась, который внушала ей Тенардье, былъ такъ силенъ, что она не могла убѣжать безъ этого ведра. Она схватила ушко обѣими руками и съ трудомъ приподняла ведро.

Такъ она сдѣлала нѣсколько шаговъ, но ведро было наполнено, тяжело, и она должна была снова поставить его на землю. Она отдохнула съ минуту, потомъ снова схватила за ручку и опять пошла. На этотъ разъ она сдѣлала больше шаговъ, но должна была снова остановиться. Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, она опять пустилась въ путь. Она шла, наклонясь впередъ, опутивъ голову, какъ старуха; тяжесть ведра вытягивала и распрямляла ея тощія руки. Желѣзная ручка ведра окончательно оледенила ея маленькіе вымоченные пальцы; по временамъ она должна была останавливаться и, при каждой остановкѣ, холодная вода, переполнявшая ведро, падала на ея голыя ноги. Это происходило въ глубинѣ лѣса, ночью, зимою, въ дали отъ всякихъ человѣческихъ взоровъ; эта дѣвочка была восьмилѣтній ребенокъ; и въ эту минуту только Богъ видѣлъ эту грустную картину.

И, увы! видѣла это, безъ сомнѣнія, ея мать.

Изъ груди ея вылетало какое-то болѣзненное хрипѣніе; рыданія славлявали ей горло, но она не смѣла плакать, — такъ сильно она боялась старухи Тенардье, даже изъ-далека. Она привыкла всегда воображать себя, что трактирщица подлѣ нея.

Однакожь, идя такимъ образомъ, она не могла никакъ подвигаться впередъ. Напрасно она уменьшала продолжительность своихъ остановокъ и старалась, въ промежуткахъ между ними, идти какъ можно дольше. Она съ безпокойствомъ думала, что употребить больше часа на возвращеніе въ Монфермель и что Тенардье прибѣдетъ ее. Къ этому безпокойству примѣшивался ужась отъ одиночества, въ которомъ она находилась. Усталость совершенно одолѣла ее, а она еще не вышла изъ лѣсу. Дойдя до знакомаго ей стараго каштановаго дерева, она останавливалась, послѣдній разъ, отдохнула дольше, въ чѣмъ въ предшествовавшіе разы, потомъ собрала всѣ свои силы, взяла ведро и бодро пошла впередъ. Однакожь, бѣдное маленькое

существо, полное отчаянія не могло удержаться, чтобъ не вскрикнуть: О Боже мой! Боже мой!

Въ эту минуту она вдругъ почувствовала, что ведро ея сдѣлалось очень легкимъ. Чья-то рука, показавшаяся дѣвочкѣ громадною, схватила ручку ведра и съ силою приподняла ее. Козетта подняла голову. Большая черная фигура шла, рядомъ съ ней, въ темнотѣ. Это былъ человекъ, подошедшій къ дѣвочкѣ сзади и незамѣченный ею. Этотъ человекъ, не говоря ни слова, взялся за ручку ведра, которую она несла.

Во всѣхъ встрѣчахъ жизни бываютъ свои инстинкты.

Дѣвочка не испугалась.

VI.

Глазъ, можетъ-быть, доказываются понятливостью Булатруэля.

Утромъ этого самаго дня, какой-то человекъ прохаживался довольно долго въ самой пустынной части Госпитальнаго бульвара въ Парижѣ. Этотъ человекъ, какъ будто искалъ квартиру и казалось останавливался, преимущественно, передъ самыми скромными домами этой разоренной окраины предмѣстія Сень—Марсо.

Читатели увидятъ ниже, что этотъ человекъ дѣйствительно, нанялъ комнату въ этой отдаленной части города.

Весь костюмъ его и вся фигура осуществляли собою типъ того, что можетъ быть названо нищенствомъ хорошаго общества, крайнюю нищетою, соединенною съ крайнею чистотою. Это довольно рѣдкое соединеніе, внушающее разумнымъ людемъ то двойное почтеніе, которое оказывается тому, кто очень бѣденъ, и тому, кто въ высокой степени хранитъ свое достоинство. На немъ была круглая, очень старая и крѣпко вычищенная шляпа, протертый до нитокъ сюртукъ изъ толстаго сукна, цвѣта желтой охры, не казавшагося страннымъ въ то время, длинный жилетъ съ карманами древней формы, черные брюки, сдѣлавшіеся сѣрыми на колѣняхъ, черные шерстяные чулки и толстые башмаки съ мѣдными пряжками. При взглядѣ на него можно было подумать, что онъ старый гувернеръ изъ хорошаго дома, вернувшійся изъ эмиграціи. По его совершенно сѣдымъ волосамъ, морщинистому лбу, блѣдно-мертвеннымъ губамъ, по лицу, въ которомъ все дышало уныlostію и усталостію, ему можно было дать гораздо больше шестидесяти лѣтъ. По его твердой, хотя медленной походкѣ, по странной силѣ, напечатлѣнной во всѣхъ его движеніяхъ, ему нельзя было дать и пятидесяти. Морщины его лба были правильно проведены и располагали въ его пользу cadaго, кто внимательно смотрѣлъ на него. Губы его, сжимаясь, образовывали странную складку, полную смиренія, но казавшуюся строгою. Въ глубинѣ его взгляда была какая-то мрачная ясность. Въ лѣвой рукѣ онъ несъ маленькую связку въ носовомъ платкѣ, правую опирался на палку, вырѣзанную изъ плетня. Палка эта была обработана съ некоторымъ тщаніемъ и казалась не слишкомъ некрасивою; къ ней

была придѣлана какъ-будто коралловая ручка изъ красного сургуча; это была дубинка, имѣвшая видъ палочки.

По Госпитальному бульвару проходитъ мало народа, особенно зимой. Этотъ человѣкъ, безъ всякой однако аффектаціи, казалось, скорѣе избѣгалъ проходящихъ, чѣмъ искалъ ихъ.

Въ это время король Людовикъ XVIII ѣздилъ почти каждый день въ Шуазен-ле-Руа. Эта была одна изъ его любимыхъ прогулокъ. Почти каждый день, около двухъ часовъ, королевская коляска, и свита на коняхъ, проѣзжали во весь опоръ по Госпитальному бульвару.

Этотъ проѣздъ замѣнялъ стѣнные и карманные часы бѣднякамъ, жившимъ тутъ; они говорили:—Вотъ онъ возвращается во дворецъ, значить два часа.

И одни выбѣгали на встрѣчу, другіе сторонились съ дороги, потому что проѣздъ царственной особы всегда производилъ волненіе. Впрочемъ, появленіе и исчезновеніе Людовика XVIII производили нѣкоторый эффектъ во всѣхъ парижскихъ улицахъ. Это явленіе было мимолетное, но величественное. Этотъ король любилъ быструю ѣзду; не будучи въ состояніи ходить, онъ желалъ бѣгать; онъ проѣзжалъ, съ миролюбивымъ и строгимъ видомъ, посреди обнаженныхъ сабель. Его массивная, сверху до-низу вызолоченная карета, на дверцахъ которой были нарисованы толстыя вѣтки лавина, съ шумомъ катилась по мостовымъ. Она катилась такъ быстро, что едва давала время взглянуть во внутрь оя. Въ глубинѣ, направо, можно было различать, на подушкахъ, обитыхъ бѣлымъ атласомъ, широкое, твердое и румяное лице, свѣжій лобъ подъ напудренными волосами, гордый, жесткій и тонкій взглядъ, улыбку ученаго человѣка, два толстыхъ эпюлета съ висячими кисточками, на статское платье, орденъ Золотого Руна, крестъ Святаго Людовика, крестъ Почетнаго Легіона, серебряную бляху Святаго Духа, толстый животъ и широкую синюю ленту; это былъ король. За городомъ, онъ держалъ свою шляпу, съ бѣлыми перьями, на колѣняхъ, укутанныхъ въ высокіе англійскіе штіблеты; въѣзжая въ городъ, онъ надѣвалъ шляпу на голову, но кланялся немногимъ. Онъ холодно смотрѣлъ на народъ, который отвѣчалъ ему тѣмъ-же.

И такъ, этотъ неизмѣнный проѣздъ короля въ одинъ и тотъ же часъ, былъ ежедневнымъ событіемъ на Госпитальномъ бульварѣ.

Незнакомецъ въ желтомъ сюртукѣ, очевидно, былъ житель не этого квартала, да, вѣроятно, и не парижскій житель, потому что онъ не зналъ этой подробности. Когда, въ два часа, королевская карета, окруженная эскадрономъ тѣлохранителей, обшитыхъ серебряными галунами, выѣхала на бульваръ, на лицѣ его выразилось удивленіе и даже испугъ. Онъ быстро спрятался за уголъ одной стѣны, что, однако, не помѣшало герцогу д'Авре замѣтить его. Герцогъ д'Авре, начальникъ тѣлохранительной стражи, бывшій въ этотъ день дежурнымъ, сидѣлъ въ коляскѣ противъ короля. Онъ сказалъ его величеству:—Вотъ человѣкъ довольно подозрительной наружности. Полицейскіе, освѣщавшіе королю дорогу, тоже замѣтили его и одинъ изъ

ихъ получилъ приказаніе догнать его. Но незнакомецъ повернулъ маленькія пустынные улицы предмѣстія, и такъ какъ начинало мѣть, то полицейскій потерялъ его слѣды; такъ заявлено въ до-сеніи, поданномъ въ тотъ-же вечеръ графу Англессу, государ-венному министру и префекту полиціи.

Когда человѣкъ въ желтомъ сюртукѣ ушелъ отъ преслѣдованія полицейскаго, онъ удвоилъ шаги, при чемъ нѣсколько разъ огляды-лся назадъ, чтобы убѣдиться, что никто не слѣдовалъ за нимъ. Въ четверть пятого, то есть когда совсѣмъ стемнѣло, онъ прохолъ передъ Портъ-Сенъ-Мартенскимъ театромъ, на которомъ въ тотъ вечеръ давалась драма «Два Каторжника». Афиша, возвѣщав-ая объ этомъ представленіи и освѣщенная фонарями, поразила его, тому что, не смотря на поспѣшность, съ которою онъ шелъ, онъ становился, чтобы прочесть ее. Черезъ минуту, онъ былъ въ глу-бой улицѣ Планшетъ и входилъ въ домъ, въ которомъ помѣщалась гда контора дилижансовъ Ланьи. Этотъ дилижансъ выѣзжалъ изъ Парижа въ половинѣ пятого. Лошади уже были запряжены, и путе-ественники, созываемые кучеромъ, торопливо взбирались по высо-ой желѣзной лѣсенкѣ экипажа.

Незнакомецъ спросилъ:

— Есть свободное мѣсто?

— Есть только одно, рядомъ со мною на козлахъ, отвѣчалъ ку-черъ.

— Я беру его.

— Взвѣшайте.

Однакожь, прежде чѣмъ тронуться, кучеръ бросилъ быстрый взглядъ на бѣдный костюмъ путешественника, на ничтожность его багажа и просилъ деньги впередъ.

— Вы ѣдете до Ланьи? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчалъ незнакомецъ.

И онъ заплатилъ до Ланьи.

Экипажъ тронулся. Выѣхавъ за заставу, кучеръ попробовалъ всту-пить въ разговоръ, но путешественникъ отвѣчалъ только полусло-ва. Кучеръ счелъ лучшимъ начать свистать и ругать лошадей.

Онъ завернулся въ свой плащъ. Было холодно. Незнакомецъ, ка-жось, и не думалъ объ этомъ. Такъ они проѣхали Гурне и Нельи-Маринъ.

Въ шесть часовъ вечера пріѣхали въ Шель. Чтобы дать вздох-нуть лошадямъ, кучеръ остановился передъ постоялымъ дворомъ, принадлежавшимъ въ старомъ зданіи королевскаго аббатства.

— Я сойду здѣсь, сказалъ незнакомецъ.

Онъ взялъ свою связку и палку, и соскочилъ съ козелъ.

Черезъ минуту онъ исчезъ.

Въ трактирѣ онъ не заходилъ.

Когда, черезъ нѣсколько минутъ, дилижансъ снова поѣхалъ по до-рогѣ въ Ланьи, онъ не встрѣтилъ его на большой шельской дорогѣ.

Кучеръ повернулся къ пассажирамъ, сидѣвшимъ внутри экипажа.

— Вотъ, сказалъ онъ, человѣкъ не изъ здѣшнихъ, потому что я его не знаю. Съ виду онъ совсѣмъ бѣднякъ, а на дѣлѣ деньгами совсѣмъ не дорожить; онъ платитъ до Ланьи, а слѣзаетъ въ Шегъ: Теперь ночь, всѣ дома заперты, а онъ не входитъ въ трактиръ и Богъ знаетъ, куда пропадаетъ. Видно, въ землю провалился.

Незнакомецъ не провалился въ землю, но поспѣшно пошелъ въ темнотѣ по большой шельской дорогѣ; потомъ, не доходя до церкви, повернулъ налѣво, по боковой дорогѣ, ведущей въ Монфермель, какъ человѣкъ, который знаетъ мѣстность и уже не разъ былъ въ ней.

Онъ быстро шелъ по этой дорогѣ. Въ томъ мѣстѣ, въ которомъ она перерѣзывается старою дорогою, ведущей изъ Ганьи въ Ланьи и обсаженною деревьями, ему послышались чьи-то шаги. Онъ быстро спрятался въ ровъ и выждалъ, пока, проходившіе тутъ люди, исчезли. Предосторожность эта была впрочемъ почти излишняя, потому что, какъ мы уже сказали, ночь была очень темна. На небѣ едва мерцали двѣ или три звѣзды.

Въ этомъ мѣстѣ начинается подъемъ на холмъ. Незнакомецъ не повернулъ снова на монфермельскую дорогу; онъ взялъ вправо, пошелъ черезъ поле и большими шагами достигъ лѣса.

Прийдя въ лѣсъ, онъ пошелъ медленно, и началъ внимательно смотрѣть на деревья; онъ шелъ шагъ за шагомъ, какъ-будто отыскивая какую-то таинственную дорогу, известную ему одному. Была минута, когда онъ, казалось, сбился и остановился въ нерѣшимости. Наконецъ онъ достигъ, оцупью, до прогалины, въ которой лежала гряда большихъ бѣловатыхъ камней. Онъ быстро направился къ нимъ и, сквозь ночной туманъ, внимательно осматрѣлъ ихъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кучи каменной стояло толстое дерево, покрытое многими наростами. Онъ подошелъ къ этому дереву и нѣсколько разъ провелъ рукою по корѣ ствола, какъ-будто желая узнать и сосчитать всѣ эти наросты.

Дерево это было ясень; противъ него стоялъ больной каштанъ, къ которому, для излеченія его, была прибита цинковая полоса.

Потомъ онъ потопалъ, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, на пространствѣ земли, между деревомъ и камнями, какъ-будто желая убѣдиться, что никто не перерывалъ эту землю.

Послѣ этого онъ продолжалъ путь черезъ лѣсъ.

Этотъ-то человѣкъ встрѣтилъ Козетту.

Проходя по лѣсной чащѣ, въ направленіи Монфермеля, онъ замѣтилъ эту маленькую тѣнь, которая двигалась, выпуская стоны, опускала какую-то ношу на землю, потомъ снова подымала ее и продолжала путь. Онъ подошелъ ближе и увидѣлъ, что эта тѣнь была маленькая дѣвочка, несшая огромное ведро воды. Тогда онъ подошелъ къ ребенку и, не говоря ни слова, взялся за ручку ведра.

VII.

КОЗЕТТА ВЪ ТЕМНОТѢ, ВОКЪ О ВОКЪ СЪ НЕЗНАКОМЦЕМЪ.

Какъ мы уже сказали, Козетта не испугалась.

Незнакомецъ заговорилъ съ нею серьезнымъ и негромкимъ голосомъ:
— Дитя мое, то, что вы несете, слишкомъ тяжело для васъ.

Козетта подняла голову и отвѣчала:

— Да, сударь.

— Дайте мнѣ ведро, продолжалъ незнакомецъ, я понесу за васъ.

Козетта выпустила ведро. Незнакомецъ пошелъ рядомъ съ нею.

— Дѣйствительно, это очень тяжело, сказалъ онъ сквозъ зубы и потомъ прибавилъ:

— Который тебѣ годъ, малютка?

— Восемь лѣтъ.

— Издалека-ли ты идешь?

— Отъ лѣснаго источника.

— А далеко-ли тебѣ еще идти?

— На четверть часа ходьбы будетъ.

Незнакомецъ съ минуту помолчалъ, потомъ отрывистымъ тономъ спросилъ:

— Значитъ, у тебя нѣтъ матери?

— Не знаю, отвѣчалъ ребенокъ.

И прежде, чѣмъ спутникъ могъ продолжать разговоръ, она прибавила:

— Не думаю. У другихъ дѣвочекъ есть матери, а у меня нѣтъ.

Потомъ, помолчавъ съ минуту, она продолжала:

— Кажется, что у меня никогда ея не было.

Незнакомецъ остановился, поставилъ ведро на землю, наклонился и положилъ обѣ руки на плечи дѣвушки, стараясь разглядѣть ея лицо.

Тощая и дряблая фигура Козетты смутно обрисовывалась при мертво-блѣдномъ свѣтѣ неба.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ.

— Козетта.

Незнакомецъ вздрогнулъ, точно отъ электрическаго прикосновенія. Онъ еще посмотрѣлъ на нее, потомъ снялъ руки съ плечъ Козетты и продолжалъ путь.

Черезъ минуту онъ спросилъ:

— Гдѣ ты живешь, малютка?

— Въ Монфермелѣ, если знаете.

— И мы туда идемъ?

— Да, сударь.

Онъ опять помолчалъ, потомъ продолжалъ:

— Кто же это послалъ тебя за водой, въ лѣсъ, въ такую пору?

— Мадамъ Тенардье.

Незнакомецъ продолжалъ голосомъ, который онъ старался сдѣлать равнодушнымъ, но въ которомъ, однако, слышалось странное дрожаніе:

— А чѣмъ занимается твоя мадамъ Тенардье?

— Это моя хозяйка, отвѣчалъ ребенокъ. Она держитъ трактиръ.

— Трактиръ? сказалъ незнакомецъ. Ну, такъ я въ немъ переночую сегодня. Веди меня туда.

— Да мы и безъ того идемъ, сказала дѣвочка.

Незнакомецъ шелъ довольно скоро, Козетта безъ труда слѣдовала за нимъ. Она перестала чувствовать усталость. По-временамъ она подымала на этого человѣка глаза, полныя невыразимаго спокойствія и безмятежности. Никогда ее не учили обращаться къ Провидѣнію и молиться; но она чувствовала въ душѣ что-то, переходившее на надежду и на радости, и устремлявшееся къ небу.

Такъ прошло нѣсколько минутъ. Незнакомецъ продолжалъ:

— Развѣ у мадамъ Тенардье нѣтъ служанки?

— Нѣтъ.

— И ты у нея одна?

— Одна, сударь.

Послѣ минутнаго молчанія, Козетта снова заговорила:

— То есть у нея есть двѣ маленькія дѣвочки.

— Какія маленькія дѣвочки?

— Понина и Зельма.

Ребенокъ упрощалъ такимъ образомъ романическія имена, столь драгоценныя сердцу госпожи Тенардье.

— Что это за Понина и Зельма?

— Это барышни мадамъ Тенардье, ея дочери.

— Ну, а онѣ чѣмъ занимаются?

— О, отвѣчала дѣвочка, у нихъ чудесныя куклы, вещи съ золотомъ, много вещей. Онѣ играютъ, забавляются.

— Цѣлый день?

— Да, сударь.

— А ты?

— Я работаю.

— Цѣлый день?

Дѣвочка подняла на него свои большіе глаза, въ которыхъ были слезы, невидныя въ темнотѣ, и тихо отвѣчала:

— Да, сударь.

Помолчавъ немного, она продолжала:

— Иногда, когда я окончу работу, и мнѣ позволяютъ, такъ я тоже играю.

— Какже ты играешь?

— Какъ могу. Но у меня нѣтъ игрушекъ. Понина и Зельма не позволяютъ мнѣ играть съ ихъ куклами. У меня только и есть маленькая свинцовая сабля, вотъ такая коротенькая.

И дитя показывало свой мизинецъ.

— Сабля, которая не рѣжетъ?

— Ахъ, нѣтъ, возразила дѣвочка, она рѣжетъ салатъ и мушкетерскія головки.

Они дошли до деревни; Козетта повела незнакомца по улицамъ. Они прошли мимо булочной, но Козетта забыла о булкѣ, которую ей приказали купить. Спутникъ ея пересталъ ее спрашивать, и хранилъ суровое молчаніе. Оставивъ позади себя церковь и, увидя построенныя на улицѣ лавочки, онъ спросилъ Козетту:

— Что это, здѣсь ярмарка?

— Нѣтъ, сударь, святки.

Когда они стали подходить къ трактиру, Козетта робко тронула его за руку:

— Господинь!

— Что, дитя мое?

— Мы сей-часъ будемъ дома.

— Ну, такъ чтожь?

— Позвольте мнѣ теперь взять ведро.

— Зачѣмъ это?

— Затѣмъ, что если хозяйка увидитъ, что вы несли его, такъ прибѣтъ меня.

Незнакомецъ отдалъ ей ведро. Черезъ минуту она была передъ дверью харчевни.

VIII.

Неудовство принимать къ себѣ вѣданныхъ, которые, можетъ быть, богаты.

Козетта невольно бросила еще разъ взглядъ на большую куклу, выставленную у торговца игрушекъ, потомъ постучалась. Дверь отворилась. Тенардье показала со свѣчкою въ рукахъ.

— А это ты, бездѣльница! Слава Богу. Что ты тамъ такъ долго шлялась! Ты вѣрно гуляла шельма!

— Сударыня, сказала Козетта, дрожа отъ страха, вотъ господинь, который желаетъ переночевать здѣсь.

Тенардье сей-часъ измѣнила грубое выраженіе лица на любезную гримасу, и стала жадно искать глазами вновь пришедшаго.

— Этотъ господинь? спросила она.

— Да, сударыня, отвѣчалъ незнакомецъ, снимая шляпу.

Богатые путешественники не такъ вѣжливы. Это движеніе и осмотръ одежды и багажа незнакомца, который Тенардье сдѣлала въ одно мгновеніе, заставили опять исчезнуть любезную гримасу, и злое выраженіе возвратилось. Она сухо продолжала:

— Взойдите почтенный.

«Почтенный» взмохъ. Тенардье еще разъ окинула его взглядомъ, особенно старательно осмотрѣла его совершенно истертый сертукъ и шляпу, дно которой почти проломилось, и, покачавъ головой, сморщивъ брови и, мигнувъ глазами, посоветывалась съ мужемъ, который продолжалъ пьянствовать съ извозчиками. Мужъ отвѣчалъ тѣмъ незамѣтнымъ движеніемъ указательнаго пальца, которое въ соединеніи съ надуваніемъ губъ, значить въ такихъ случаяхъ: «Совѣмъ голякъ». Вслѣдствіе этого, трактирщица вскричала:

— Ахъ, почтенный, мнѣ очень жаль, но у меня нѣтъ мѣста.

— Положите меня куда хотите; сказалъ незнакомецъ, хотъ на чердакъ или въ конюшню. Я заплачу за всякое помѣщеніе, какъ за хорошую комнату.

— Сорокъ су.

— Сорокъ су. Хорошо.

— И прекрасно.

— Сорокъ су! шепнулъ одинъ извощикъ старухѣ Тенардье, вѣдь это все стоитъ двадцать су.

— А для него сорокъ, отвѣчала она также тихо. Я дешевле не уступаю бѣднымъ.

— Это правда, прибавилъ съ кротостью мужъ, этотъ народъ очень портитъ домъ.

Между тѣмъ незнакомецъ, положивъ на скамейку сумку и палку, сѣлъ около стола, на который Козетта поспѣшила поставить бутылку вина и стаканъ. Извощикъ, потребовавшій ведро воды, пошелъ самъ поить свою лошадь. Козетта сѣла на свое мѣсто подъ кухоннымъ столомъ, и принялась за визаніе.

Незнакомецъ, только прикоснулся губами къ стакану съ виномъ, который онъ налилъ себѣ и съ страннымъ вниманіемъ началъ осматривать дитя.

Козетта была дурна собою. При счастливой жизни быть можетъ она была бы хороша. Мы уже очертили эту маленькую темную фигуру. Козетта была худощава и блѣдна, ей было около восьми лѣтъ, но ей нельзя было дать и шести. Ея большіе глаза, впалые и окруженные синевою, почти совсѣмъ потухли отъ слезъ. На углахъ рта была линия постоянной грусти, которая замѣтна у осужденныхъ и безнадежно больныхъ. Ея руки были, какъ угадывала ея мать, совершенно отморожены. Огонь, освѣщавшій ея въ эту минуту, обнаруживалъ угловатость ея костей и еще болѣе выказывалъ ея худобу. Такъ какъ она постоянно тряслась отъ холоду, то у нея вошло въ привычку сжимать колѣни. Вся ея одежда состояла изъ тряпокъ, которыя вызывали состраданіе лѣтомъ, и ужасъ зимою. На ней былъ только дырявый холстъ; ни одной шерстяной тряпки. Тамъ и сямъ видно было тѣло и можно было различать синія и черныя пятна, означавшія мѣста, къ которымъ прикасалась Тенардье. Ея голыя ноги были красны и дряблы. Вся фигура этой дѣвочки, ея походка, видъ, звукъ голоса, промежутки между словами, взглядъ, молчаніе, малѣйшее движеніе все выражали одно чувство: боязнь.

Боязнь была разлита по всему ея существу; она была, такъ сказать, покрыта ею; боязнь заставляла ея держать руки по швамъ, прятать пятки подъ юбки, занимать какъ можно меньше мѣста, дышать, удерживая дыханіе на сколько можно, и сдѣлалась, такъ сказать, привычкой ея тѣла, которая могла только увеличиться, но никакъ не уменьшиться или измѣниться иначе. Въ глубинѣ ея зрачка былъ уголокъ, въ которомъ отражалось удивленіе, смѣшанное съ ужасомъ.

Этотъ ужасъ былъ до того великъ, что, возвратясь съ источника, промокши насквозь, она не смѣла пойти посушиться къ огню и молчаливо сѣла за свою работу.

Выраженіе взгляда этого восьмилѣтняго ребенка было обыкновенно такъ угрюмо а иногда такъ трагично, что въ нѣкыя минуы, она, казалось, начинала становиться идиоткой или демономъ.

До сихъ поръ, какъ мы уже сказали, она не знала что значитъ мо-

даться и никогда еще она не была въ церкви.—Вѣсть мнѣ время водить ее! говорила трактирщица.

Незнакомецъ въ желтомъ сюртукѣ не сводилъ глазъ съ Козетты.

Вдругъ трактирщица вскричала:

— Да, кстати! а хлѣбъ?

Козетта, торопливо выскакивавшая изъ-подъ стола каждый разъ когда трактирщица возвышала голосъ, сдѣлала и теперь тоже самое.

Она совершенно забыла про хлѣбъ, и прибѣгнула къ обыкновенному средству постоянно боящихся дѣтей: она солгала.

— Сударыня, булочная была заперта.

— Надо было постучаться.

— Я стучалась, сударыня.

— Ну и чтожь?

— Мнѣ не отперли.

— Затра я узнаю правда-ли это, сказала Тенардье, и, если ты врешь, ты у меня славно попляшешь. А покуда отдай мнѣ пятнадцать су.

Козетта опустила руку въ карманъ своего фартука и позелѣла. Пятнадцать су тамъ не было.

— Ну что жь! сказала трактирщица, ты слышала что я сказала?

Козетта вывернула карманъ, въ немъ ничего не было. Куда могли пропасть эти деньги? Несчастная малютка не находила словъ. Она окаменѣла.

— Да не потеряла-ли ты деньги-то? хрипѣла Тенардье,—или ужь не хочешь-ли ты украсть ихъ у меня?

Въ это время она протянула руку къ плеткѣ, висѣвшей въ углу около печки.

Это грозное движеніе дало Козеттѣ силу вскрикнуть:

— Пощадите! сударыня! сударыня! я больше никогда не буду!

Трактирщица сняла плетку со стѣны.

Между тѣмъ незнакомецъ въ желтомъ сюртукѣ пошарилъ въ карманѣ своего жилета, такъ что никто не замѣтилъ этого движенія. Да къ тому же всѣ другіе путешественники пили или играли въ карты, и не обращали ни на что вниманія.

Козетта со страхомъ жалась въ углу около печки, стараясь и укрывать свои бѣдные полунагіе члены.

Трактирщица подняла руку.

— Извините, сударыня, сказалъ незнакомецъ, но только я видѣлъ какъ что-то выпало изъ передника этой дѣвочки, и покатилося по полу. Это, можетъ быть, то, что вы ищите.

Говоря это онъ наклонился и сталъ какъ будто искать по полу.

— Такъ и есть она, вотъ извольте, сказалъ онъ поднимая голову.

И онъ подаль трактирщицѣ серебрянную монету.

— Да, это она и есть, сказала она.

Это была не она, а монета въ двадцать су, но Тенардье нашла эту замѣну выгодною. Она спрятала монету въ карманъ и ограничилась тѣмъ, что бросила суровой взглядъ ребенку, сказавъ:—Чтобъ этого больше съ тобой не случилось!

Козетта сироталась въ то, что трактирищица называла ея сканурой, и ея большіе глаза, устремленные на неизвѣстнаго путешественника, начали принимать выраженіе, котораго никогда не имѣли. Это было покамѣсть только наивное удивленіе; но нѣкотораго рода изумленное довѣріе начинало уже примѣшиваться къ нему.

— Кстати, не хотите-ли поужинать? спросила Тенардь у путешественника.

Онъ не отвѣчалъ. Онъ, казалось, глубоко задумался.

— Что это за человекъ? сказала она сквозь зубы. Это какой-нибудь страшный бѣднякъ. У него нѣтъ одного су, чтобъ поужинать. Да заплатитъ-ли онъ, полно, за ночлегъ? Счастіе еще, что онъ не вздумалъ украсть деньги, упавшія на полъ.

Въ это время открылась дверь и вошли Эпонина и Азельма.

Это были двѣ хорошенькія маленькія дѣвочки, скорѣе горожанки нежели крестьянки, очень миленькія; одна съ шелковыми коптановыми косичками, другая съ длинными черными косами, падавшими ей по спинѣ; обѣ живыя, чистенькія, полныя, свѣжія, здоровыя, веселящіе взоръ. Онѣ были тепло одѣты, но съ такимъ материнскимъ искусствомъ, что толщина ихъ платья нисколько не отнимала кокетливости у наряда. Зимняя теплота была соединена съ весеннимъ изяществомъ. Эти малютки были полны свѣта. Кромѣ того, видно было что онѣ тутъ царствовали. Въ ихъ нарядахъ, въ ихъ веселости, въ шутѣ, который онѣ дѣлали, было что-то царственное. Когда онѣ вошли, Тенардь сказала бранчивымъ тономъ, полнымъ обожанія: — Ахъ, вотъ и вы!

Потомъ, привлекши ихъ къ себѣ на колѣни одну за другою, пригладивъ волосы, перевязавъ ленты, и потомъ столкнувъ ихъ съ тою нѣжностію, которая свойственна матерямъ, она вскричала: — Эка какъ онѣ разряжены!

Онѣ сѣли къ огню. У нихъ была кукла, которую онѣ вертели и тормашили съ радостнымъ щебетаніемъ. Время отъ времени Козетта отводила глаза отъ вязанія, и съ мрачнымъ видомъ смотрѣла на игравшихъ.

Эпонина и Азельма не смотрѣли на Козетту. Для нихъ она была тоже что собака. Всѣмъ этимъ тремъ малюткамъ не было вмѣстѣ двадцати четырехъ лѣтъ, а онѣ уже представляли собой все человеческое общество: съ одной стороны — зависть, съ другой — презрѣніе.

Кукла маленькихъ Тенардь была очень измята, очень стара и совсѣмъ поломана, но, тѣмъ не менѣе, она казалась восхитительной Козеттѣ — которая во всю свою жизнь, не имѣла куклы, *настоящей* куклы, выражаясь языкомъ, который поймутъ все дѣти.

Вдругъ трактирищица, продолжавшая ходить взадъ и впередъ по залѣ, замѣтила что Козетта была разсѣяна и вмѣсто того, чтобы работать, смотрѣла на игравшихъ малютокъ.

— А! я тебя поймала! крикнула она. Такъ-то ты работаешь! Я тебя заставляю работать илетькой.

Познакомецъ, не вставая со стула, повернулся къ трактирищицѣ.

— Сударыня, сказалъ онъ почти боязливо улыбаясь, полноте! пусть она играетъ!

Выраженіе такого желанія со стороны путешественника, который съѣлъ бы кусокъ говядины и выпилъ бы за ужиномъ двѣ бутылки вина и который не былъ бы похожъ на «несчастнаго бѣдняка» было бы равносильно приказанію. Но позволить изъявленіе такого желанія человѣку носившему такую шляпу, и ходившему въ такомъ сюртукѣ, — это трактирщица считала невозможнымъ. Она сухо отвѣчала:

— Она должна работать, потому что ѣсть. Я ее кормлю не для того, чтобы она была дармоѣдкой,

— Что же она работаетъ? продолжалъ незнакомецъ кроткимъ голосомъ, который представлялъ странную противоположность съ его костюмомъ нищаго и плечами носильщика.

Тернардье удостоила его отвѣтомъ:

— Чулки. Она вяжетъ чулки моимъ маленькимъ дочкамъ, у которыхъ нѣтъ чулокъ и которыя въ теперешнюю пору ходятъ босикомъ.

Незнакомецъ посмотрѣлъ на бѣдныя красныя ноги Козетты, и продолжалъ:

— Когда она кончитъ эту пару чулокъ?

— Да этой лѣтятикѣ еще будетъ работы на три или четыре дня.

— А сколько такая пара чулокъ можетъ стоять?

Тернардье бросила на него презрительный взглядъ.

— Тридцать су, по крайней мѣрѣ.

— Отдали ли бы вы ее за пять франковъ? продолжалъ незнакомецъ.

— Еще бы! вскричалъ съ густымъ смѣхомъ одинъ извозчикъ, пять франковъ! Я думаю, чортъ возьми, что это недурно!

Самъ Тернадье счелъ нужнымъ вставить свое слово.

— Да, сударь, если это ваша фантазія, то вамъ уступятъ эту пару чулокъ за пять франковъ. Мы не можемъ ни въ чемъ отказывать путешественникамъ.

— Только надо теперь же заплатить, сказала трактирщица своимъ отрывистымъ и рѣшительнымъ тономъ.

— Я покупаю эту пару чулокъ, отвѣтилъ незнакомецъ, и, — прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана пятифранковую монету и кладя ее на столъ, — плачу за нее.

Потомъ онъ обернулся къ Козеттѣ.

— Теперь твоя работа принадлежитъ мнѣ. Играй, дитя мое.

Извозчикъ былъ такъ взволнованъ пятифранковою монетою, что оставилъ стаканъ съ виномъ и подбѣжалъ къ столу.

— А вѣдь и вправду, вскричалъ онъ осматривая ее. Вѣдь настоящая и не фальшивая!

Тернардье приблизился, и молчаливо спряталъ монету въ карманъ. Трактирщица нѣчего было возражать. Она закусила губы и лице ея приняло выраженіе зависти.

Между тѣмъ Козетта, дрожала. Она рѣшилась спросить:

— Сударыня, правда это? Могу я играть?

— Играй! сказала Тенардые страшнымъ голосомъ.

— Благодарю васъ, сударыня, сказала Козетта.

И, въ то время какъ ротъ ея благодарилъ трактирщицу, вся ея маленькая душа благодарила путешественника.

Тенардые снова принялся пить. Жена сказала ему на ухо:

— Кто можетъ быть этотъ желтый человекъ?

— Я видалъ, отвѣчалъ съ царской самоувѣренностью Тенардые, миллионеровъ, ходившихъ въ такихъ сюртукахъ.

Козетта оставила вязанье, но не трогалась съ мѣста. Она привыкла двигаться какъ можно меньше. Она вынула изъ коробки, стоявшей позади ея, старыя тряпки и свою свинцовую саблю.

Эпонина и Азельма не обращали никакого вниманія на происшедшее. Онѣ только что сдѣлали очень важное дѣло; поймали кошку. Онѣ бросили куклу на полъ и Эпонина, старшая, пеленала маленькую кошку, не смотря на ея судороги и мяуканье, въ множество тряпья краснаго и синяго цвѣта. Занимаясь этой важной и трудной работой она въ тоже время говорила сестрѣ, тѣмъ милымъ и восхитительнымъ дѣтскимъ языкомъ, грація котораго, какъ блескъ крыла бабочки, улетаетъ когда хочешь ее приколоть булавкой:

— Видишь-ли сестрица, эта кукла гораздо занимательнѣе той. Она шевелится, она кричитъ, она горячая. Посмотри, сестрица, будемъ играть ею. Это будетъ моя дочка. Я буду дама. Я прииду къ тебѣ въ гости, а ты будешь смотрѣть. Потомъ ты увидишь ея усы, и это удивитъ тебя. Потомъ ты увидишь ея уши, потомъ ты увидишь ея хвостъ и все это будетъ удивлять тебя. И ты мнѣ скажешь: Ахъ, Воже мой! а я тебѣ скажу: да, сударыня, это у меня такая маленькая дочка. Маленькія дочери теперь всѣ такія.

Азельма слушала Эпонину съ восхищеніемъ.

Между тѣмъ, собесѣдники начали пѣть какую-то грязную пѣсню, сопровождая ее хохотомъ, который потрясалъ потолокъ. Тенардые подшѣвалъ имъ и ободрялъ.

Какъ птицы свиваютъ гнѣздо изъ всего, что имъ попадается такъ дѣти дѣлаютъ куклу изъ чего бы то ни было. Въ то время какъ Эпонина и Азельма спеленали кошку, Козетта съ своей стороны пеленала саблю. Сдѣлавъ это, она положила ее къ себѣ на руки и начала тихо пѣть колыбельную пѣсню.

Кукла—одна изъ самыхъ неотступныхъ потребностей и вмѣстѣ, съ тѣмъ, одинъ изъ самыхъ прелестныхъ инстинктовъ дѣтства женщины. Беречь, одѣвать, наряжать, раздѣвать, опять одѣвать, учить, слегка бранить, баюкать, укачивать, усыплять, воображать, что вещь живое существо,—въ этомъ состоитъ вся будущность женщины. Мечтая и болтая, дѣлая маленькія приданныя и пеленки, работая маленькія платья, маленькіе корсажи, маленькія кофточки, дитя ставится молодой дѣвушкой, молодая дѣвушка дѣлается взрослой, взрослая—женщиной. Первое дитя составляетъ продолженіе послѣдней куклы.

Маленькая дѣвочка безъ куклы также несчастна и также невозможна, какъ женщина безъ дѣтей.

И такъ Козетта сдѣлала себѣ куклу изъ сабли.

А трактирщица приблизилась къ желтому человеку. — Мой мужъ правъ, думала она, это, можетъ быть, банкиръ Лафитъ. Богачи вѣдь такіе чудачи.

Она облокотилась на столъ.

— Сударь, сказала она...

При словѣ «сударь» незнакомецъ повернулся. Тенардьё еще не называла его иначе какъ «почтенный».

— Вотъ видите, сударь, продолжала она, принявъ сладковатое выраженіе, на которое было еще непріятнѣе смотрѣть чѣмъ на ея свирѣпый видъ,—я согласна, чтобъ дѣвочка играла, я не противлюсь этому, но это хорошо одинъ разъ, потому что вы великодушны. Видите ли? она нищая. Она должна работать.

— Такъ она не ваша дочь? спросилъ незнакомецъ.

— О Боже мой, нѣтъ, сударь! Это бѣдная малютка, которую мы пріютили такъ, изъ милости. Она изъ породы слабоумныхъ. У нея должно быть, въ головѣ водяная. У нея очень большая голова, какъ вы видите. Мы для нея дѣлаемъ все что можемъ, потому что мы сами небогаты. Мы ужъ сколько разъ писали на ея родину—не получаемъ отвѣта. Надо полагать что ея мать умерла.

— Вотъ что! сказалъ незнакомецъ и снова погрузился въ задумчивость.

— У нея была дрянная мать, прибавила Тенардьё. Она бросила своего ребенка.

Во время всего этого разговора, Козетта, какъ будто предупрежденная инстинктомъ что говорили про нее, не спускала глазъ съ Тенардьё. Она прислушивалась и, по временамъ, схватывала слова на лету.

Между тѣмъ, посѣтители харчевни, почти совершенно опьянѣвшіе, повторяли свою сальную пѣсню съ удвоенною веселостью. Трактирщица пошла посмѣяться съ ними. Козетта, сидя подъ столомъ, смотрѣла на огонь, который отсвѣчивался въ ея глазахъ: она опять стала качивать куклу, которую сдѣлала себѣ, и, убоживая ее, тихо пѣла: Моя мать умерла! моя мать умерла! моя мать умерла!

Послѣ новыхъ настойчивыхъ просьбъ трактирщицы, желтый человекъ-милліонеръ, согласился отужинать.

— Чего вы желаете?

— Хлѣба и сыру, сказалъ онъ.

— Это, окончательно, нищій, подумала Тенардьё.

Пьяные продолжали свою пѣсню, а ребенокъ, сидѣвшій подъ столомъ, тоже пѣлъ свою.

Вдругъ Козетта остановилась. Повернувшись, она увидѣла куклу маленькихъ Тенардьё, которую онѣ бросили для копейки и оставили на полу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кухоннаго стола.

Тогда она бросила спеленутую саблю, не совѣмъ удовлетворявшую

ее, и тихо обвела глазами вокругъ залы. Тенардье шепталась съ мужемъ, и считала деньги. Понина и Зельма играли съ кошкой, путешественника Ъли или пили, или пѣли; ни одинъ взглядъ не былъ обращенъ на нее. Она увидѣла, что нельзя терять ни минуты. Она выползла на колѣнахъ и на рукахъ изъ-подъ стола, еще разъ удостоверилась что ее никто не видитъ, потомъ проворно доползла до куклы и схватила ее. Черезъ минуту она была на прежнемъ мѣстѣ, и снова сидѣла неподвижно; только теперь она повернулась такъ, что закрыла куклу, которую держала въ рукахъ. Счастье играть куклою было для нея такою рѣдкостью, что въ немъ заключалась вся стремительность сладострастнаго чувства.

Никто не видѣлъ этого кромѣ путешественника, медленно уничтожавшаго свой скудный ужинъ.

Эта радость продолжалась четверть часа.

Не смотря на всѣ предосторожности, взятая Козеттою, она не замѣтила что одна нога куклы - *торчала*, и что свѣтъ изъ камина ярко освѣщаль ее.

Эта свѣтлая и розовая нога, выходявшая изъ темноты, внезапно бросилась въ глаза Азельмѣ, которая сказала Эпонинѣ: посмотри-ка! сестра!

Обѣ малютки остановились въ изумленіи. Козетта осмѣлилась взять ихъ куклу!

Эпонина, не оставляя копки, встала, подошла къ матери и стала дергать ее за юбку.

— Да оставь меня! сказала мать. Что тебѣ надо?

— Мама, сказалъ ребенокъ, посмотри-ка!

Она пальцемъ показывала на К.

А Козетта, предавшись вполне восторгу обладанія, ничего не видѣла и не слышала.

Лице Тенардье приняло то особенное выраженіе, которое состоитъ изъ свирѣлости, смѣшанной съ мелочами жизни, вслѣдствіе котораго такого рода женщинъ прозвали: мегерами.

На этотъ разъ оскорбленная гордость еще увеличивала ея гнѣвъ. Козетта переступила всѣ предѣлы: Козетта тронула куклу «этихъ барышень!»

Она вскричала голосомъ, охрипшимъ отъ негодованія:

— Козетта!

Козетта вздрогнула, точно подъ ней сдѣлалось землетрясеніе. Она обернулась.

— Козетта! повторила Тенардье.

Козетта взяла куклу и тихо, съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ смѣшаннымъ съ отчаяніемъ положила ее на полъ. Потомъ, не спуская съ нея глазъ, она сложила руки, и, что страшно сказать про ребенка этихъ лѣтъ, начала ломать ихъ. Послѣ этого появились у ней слезы,—слезы, которыхъ не могли вызвать у нея ни ощущенія того дня, ни ходьба въ дѣсь, ни тяжесть ведра воды, ни потеря де-

эго, ни видъ плетки, ни даже свирѣпыя слова Тенардье. Она раз-
зылась рыданіями.

Между тѣмъ, путешественникъ всталъ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ онъ у трактирщицы.

— Развѣ вы не видите? отвѣчала она, указывая пальцемъ на ули-
цу, лежащую у ногъ Козетты.

— Ну, такъ чтожъ? продолжалъ онъ.

— Эта дрянь, сказала она, осмѣлилась тронуть куклу моихъ дѣтей!

— Такъ весь этотъ шумъ изъ за этого? спросилъ онъ. Ну чтожъ,
любъ даже она поиграла этой куклой?

— Да вѣдь она трогала ее своими грязными руками! продолжала
Тенардье, этими отвратительными руками!

Козетта опять зарыдала.

— Замолчишь-ли ты! закричала ей Тенардье.

Незнакомецъ направился прямо къ двери, выходившей на улицу,
ворпль ее и вышелъ.

Въ дверь затворилась за ними, какъ Тенардье воспользовалась его
сутствиемъ, и такъ сильно толкнула ногой Козетту, что ребенокъ
омко закричалъ.

Дверь снова растворилась, и незнакомецъ снова появился; онъ несъ
въ рукахъ баснословную куклу, о которой мы уже говорили и на
тую всѣ деревенскія ребята глазѣли съ утра, поставилъ ее пе-
редъ Козеттой и сказалъ:

— Вотъ возьми ее,—это для тебя.

Надо полагать, что впродолженіе часа проведеннаго имъ въ глу-
хой задумчивости, онъ машинально смотрѣлъ на игрушечную лав-
ку, которой великолѣпное освѣщеніе виднѣлось черезъ стекло хар-
чевни, какъ иллюминація.

Козетта подняла глаза посмотрѣла на незнакомца, шедшаго къ ней
куклой какъ посмотрѣла бы на солнце, услышала слова: *это для*
тебя, взглянула на него, на куклу, потомъ тихо отступила и спря-
лась далеко подъ столъ, въ самомъ углу стѣны.

Она уже не плакала, не кричала, и, казалось, не смѣла дышать.

Тенардье, Эпонина, Азельма стояли какъ три статуи. Даже поспѣ-
ли перестали пить и пѣть.

Въ харчевнѣ водворилось торжественное молчаніе.

Тенардье, онемѣвшая и только окаменѣлая, снова принялась за
свои догадки: что же это за старикъ? Нищій? Милліонеръ? Можетъ
быть, то и другое, то есть воръ.

На лицѣ Тенардье образовалась та выразительная морщина, которая
является на человѣческомъ лицѣ каждый разъ, когда преобладаю-
щій инстинктъ обнаруживается на немъ со всѣмъ своимъ живот-
нымъ могуществомъ. Трактирщикъ поочередно осматривалъ то кук-
лу, то путешественника; онъ, казалось, обнюхивалъ этого человѣка,
какъ обнюхивалъ бы мѣшокъ съ деньгами. Вся эта операція одно
время. Онъ приблизился къ жонѣ, и тихо сказалъ ей:

— Эта штука стоит не меньше тридцати франковъ. Нечего дурить. Ничкомъ передъ этимъ человѣкомъ!

Грубая природы имѣють то сходство съ натурами наивными, что и тѣ, и другія дѣйствуютъ безъ всякихъ переходовъ.

— Ну, чтожь, Козетта, сказала Тенардье голосомъ, которому она старалась придать кротость и который былъ полонъ кислой сладости, свойственной злымъ женщинамъ: отчего же ты не берешь своей куклы?

Козетта рѣшилась выйти изъ своей норы.

— Милая Козетта, продолжала ласковымъ тономъ Тенардье, этотъ господинъ даритъ тебѣ куклу. Возьми ее. Она твоя.

Козетта смотрѣла на чудесную куклу съ какимъ-то ужасомъ. Лице ея было еще залито слезами, но глаза начинали наполняться, какъ небо во время утреннихъ сумерокъ, странными лучами радости. То, что она теперь чувствовала, было почти схоже съ тѣмъ, что она почувствовала бы, еслибъ ей внезапно сказали: «Малютка, ты французская королева.»

Ей казалось, что если она тронетъ эту куклу, то изъ нея раздастся громъ.

Это, впрочемъ, было въ нѣкоторой степени вѣрно; потому что она говорила себѣ, что Тенардье потомъ разругаетъ ее и прибить. Сила влеченія, однако, одержала верхъ. Она наконецъ подошла и робко проговорила, обращаясь къ Тенардье:

— Могу-ли я взять, сударыня?

Ничто не можетъ выразить вида, съ которымъ она говорила это, вида, въ одно и тоже время полнаго отчаянія, ужаса и восхищенія.

— Еще бы! произнесла Тенардье, она твоя. Вѣдь господинъ даритъ ее тебѣ.

— Правда-ли это, сударь? спросила Козетта: эта дама моя?

Глаза незнакомца были, казалось полны слезъ. Онъ дошелъ до той степени волненія, когда человѣкъ долженъ молчать, чтобъ не заплакать. Онъ сдѣлалъ Козеттѣ знакъ головою, и положилъ руку «дамы» въ ея маленькую руку.

Козетта быстро отняла свою руку какъ будто рука «дамы» жгла ее, и стала смотрѣть на полъ. Мы обязаны прибавить, что, въ эту минуту, она совѣмъ высунула языкъ. Вдругъ, она повернулась и порывисто схватила куклу.

— Я назову ее Катей, сказала она.

То была странная минута когда рублище Козетты встрѣтилось съ лентами и новымъ розовымъ кисейнымъ нарядомъ куклы и страстно прижалось къ нимъ.

— Сударыня, сказала она, вы мнѣ позволите посадить ее на стулъ?

— Конечно, дитя мое, отвѣчала Тенардье.

Теперь настала очередь Эпоняны и Азелмы завистливо смотрѣть на Козетту.

Козетта посадила Катю на стулъ, присѣла передъ нею на полъ, и

осталась неподвижною, не произнося ни одного слова, въ нѣмомъ созерцаніи!

— Играй же, Козетта, сказалъ незнакомецъ.

— О! я играю, отвѣчала дѣвочка.

Въ эту минуту, Тенардьё ненавидѣла болѣе всего на свѣтѣ этого незнакомца, этого неизвѣстнаго, который, казалось, пришелъ сюда какъ Провидѣніе Козетты. Однакожъ, нужно было удерживаться. Какъ она ни привыкала къ притворству, стараясь во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ брать примѣръ съ мужа, но это волненіе превышало ея силы. Она поторопилась спроводить спать своихъ дочерей, потомъ попросила *позволенія* у желтаго челоѣка отослать спать и Козетту, *которая сегодня такъ устала*, прибавила она съ материнскою заботливостію. Козетта пошла спать, держа на рукахъ Катю.

Тенардьё, по временамъ, ходила въ тотъ конецъ залы, гдѣ сидѣлъ ея мужъ, чтобъ *облегчить себѣ душу*, какъ она говорила. Она обмѣнивалась съ мужемъ нѣсколькими словами тѣмъ болѣе яростными, что она не смѣла произнести ихъ вслухъ:

— Старое животное! Какой чортъ сидитъ у него въ животѣ? Приходить сюда безпокоить насъ! Желаетъ чтобъ это маленькое чудовище играло! Даритъ ей куклы! Даритъ куклу въ сорокъ су! Еще немного и онъ ее назоветъ ваше величество, какъ берійскую герцогиню! Ну, есть-ли тутъ смыслъ? Да этотъ таинственный старикъ просто сумасшедшій.

— Отчего онъ это дѣлаетъ? Это очень просто, отвѣчалъ Тенардьё. Это его занимаетъ. Тебѣ хочется чтобъ дѣвчонка работала, а ему хочется чтобъ она играла. Онъ въ своемъ правѣ. Путешественникъ можетъ дѣлать что ему угодно, если онъ платитъ за это. Что тебѣ за дѣло, если этотъ старикъ филантропъ; если онъ дуракъ, это до тебя не касается. Чего ты вмѣшиваешься, если у него есть деньги!

Рѣчь хозяина и разсужденіе трактирщика, которыя не допускали возраженій.

Незнакомецъ облокотился на столъ, и снова впалъ въ прежнюю задумчивость. Всѣ другіе посѣтители отодвинулись подальше, и перестали пѣть. Сидя въ отдаленіи, они осматривали его съ какимъ-то почтительнымъ страхомъ. Этотъ неизвѣстный, такъ бѣдно одѣтый, такъ легко вынимавшій изъ кармана золотыя монеты и дарившій гигантскія куклы маленькимъ грязнымъ босоножкамъ, былъ, вѣроятно, страшный и великолѣпный челоѣкъ.

Прошло нѣсколько часовъ. Всенощная отошла, заутреня окончилась, извошки ушли, харчевня была заперта, зала опустѣла, огонь потухъ, а незнакомецъ оставался на томъ же мѣстѣ и въ той же позѣ. Время отъ времени онъ облокачивался то на одну, то на другую руку. Вотъ и все. Но онъ не проговаривалъ ни слова съ тѣхъ поръ, какъ Козетты не было въ комнатѣ.

Одни только Тенардьё оставались въ залѣ, и то изъ приличія и любопытства.

— Ужъ не просидитъ-ли онъ такъ всю ночь? проворчала Тенардьё.

Когда пробило два часа утра, она объявила себя побѣжденною, и сказала мужу: я пойду спать. Дѣлай съ нимъ что хочешь. Мужъ сѣлъ въ одномъ углу у стола, зажегъ свѣчу и сталъ читать газету «*Courrier français*.»

Такимъ образомъ прошелъ цѣлый часъ. Достойный трактирщикъ уже три раза прочелъ «*Courrier français*», начиная съ номера до фамилии типографщика. Незнакомецъ не двигался.

Тенардь ворочился, кашлялъ, плевалъ, сморкался, стучалъ стуломъ. Незнакомецъ не шевелился.

— Не спитъ-ли онъ? подумалъ Тенардь. Незнакомецъ не спалъ, но ничто не могло вывести его изъ забытья.

Наконецъ Тенардь снялъ шляпу, тихо подошелъ и рѣшился сказать:

Не угодно-ли вамъ будетъ отдохнуть?

He poйдете-ли вы спать показалось ему слишкомъ фамильярнымъ. *Отдыхать* отзывалось роскошью и означало уваженіе. Эти слова имѣютъ таинственное и удивительное свойство увеличивать на другой день итогъ счета, комната гдѣ *спать* стоитъ двадцать су; комната гдѣ *отдыхаютъ* стоитъ двадцать франковъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ незнакомецъ, вы правы. Гдѣ ваша конюшня?

— Пожалуйте, произнесъ Тенардь улыбаясь, я проведу васъ.

Онъ взялъ свѣчу, незнакомецъ взялъ котомку и палку, и Тенардь повелъ его въ комнату, находившуюся въ первомъ этажѣ и очень роскошную, уставленную мебелью изъ краснаго дерева, съ кроватью подъ балдахинномъ и красными коленкоровыми занавѣсками.

— Что это такое? спросилъ путешественникъ.

— Это наша свадебная комната, отвѣчалъ трактирщикъ. Мы съ супругой живемъ въ другой комнатѣ. Сюда входятъ только три или четыре раза въ годъ.

— Я бы также охотно помѣстился въ конюшнѣ, сказалъ незнакомецъ отрывисто.

Тенардь сдѣлалъ видъ, что не слышалъ этого, но слишкомъ лестнаго замѣчанія.

Онъ зажегъ двѣ цѣльныя стеариновыя свѣчи, красовавшіяся на каминѣ. Довольно яркій огонь горѣлъ въ немъ.

На этомъ каминѣ, лежала подъ бокаломъ женская наколка изъ серебряныхъ нитокъ и флёръ-д-оранжа.

— А это что такое? продолжалъ незнакомецъ.

— Это, сказалъ Тенардь, свадебная шляпа моей жены.

Путешественникъ бросилъ на эту вещь взглядъ, означавшій: была же минута когда это чудовище было дѣвственницей!

Впрочемъ, Тенардь лгалъ. Когда онъ взялъ на аренду эту лачужку, чтобъ изъ нея сдѣлать харчевню, то нашелъ эту комнату въ такомъ точно убранствѣ, и купилъ эту мебель и вымѣнялъ эти флёръ-д-оранжъ, думая что это броситъ граціозную тѣнь на сего супругу»

и что домъ его получить, вследствие этого то, что, англичане называютъ «геспестабилити».

Когда путешественникъ обернулся, хозяина уже не было. Тенардые скромно, исчезъ, не посмѣвъ пожелать покойной ночи, и не рѣшившись обратиться съ неуважительнымъ радушіемъ съ человѣкомъ, котораго онъ намѣревался щедро ободрать на слѣдующее утро.

Трактирищикъ пошелъ въ свою комнату. Жена его уже лежала въ кровати, но еще не спала. Услыхавъ шаги своего мужа, она повернулась, и сказала ему:

— Ты знаешь, что завтра я выгоняю Козетту.

Тенардые холодно отвѣчалъ:

— Вотъ какъ ты!

Они больше ничего не сказали другъ другу, и черезъ нѣсколько минутъ потушили свѣчу.

Путешественникъ поставилъ въ уголъ свою котомку и палку. Когда хозяинъ ушелъ, онъ сѣлъ въ кресло, и нѣсколько времени оставался въ задумчивости. Потомъ онъ снялъ башмаки, взялъ одну свѣчку, потушилъ другую, толкнувъ дверь и вышелъ изъ комнаты, осматриваясь кругомъ какъ человѣкъ чего-то ищущій. Онъ прошелъ корридоръ и достигъ лѣстницы. Тамъ онъ услышалъ тихій шумъ, похожій на дыханіе ребенка. Онъ пошелъ на этотъ шумъ и дошелъ до треугольнаго углубленія, устроеннаго подлѣ лѣстницы или лучше сказать образованнаго самой лѣстницей. Это углубленіе было ни что иное какъ мѣсто подлѣ ступеньками. Тамъ, между всякаго рода старыхъ корзинокъ и старыхъ черепковъ, въ пыли и въ паутинѣ стояла кровать, если можно назвать кроватью соломенный матрасъ, прорванный до того, что вся солома торчала изъ него, и дырявое одеяло, сквозь которое былъ виденъ матрасъ. Простыни не было. Это было положено на полъ. Въ этой-то кровати спала Козетта.

Незнакомецъ подошелъ и началъ смотрѣть на нее.

Козетта крѣпко спала и была совершенно одѣта. Зямяко она не раздѣвалась, чтобъ не слишкомъ мерзнуть.

Она прижала къ себѣ куклу, большія открытыя глаза которой блестя въ темнотѣ. Время отъ времени она тяжело вздыхала, какъ будто передъ пробужденіемъ, судорожно обнимала куклу. Около кровати стоялъ одинъ изъ ея сабо.

Сквозь открытую дверь, находившуюся въ камурѣ Козетты, видна была довольно большая темная комната. Незнакомецъ вошелъ туда. Въ глубинѣ ея, чрезъ стеклянную дверь, можно было видѣть двѣ очень чистыя ровныя маленькія кровати. Это были кровати Эпонины и Авельмы. Позади ихъ стояла люлька безъ занавѣсокъ, въ которой спалъ маленькой мальчикъ; это былъ тотъ самый ребенокъ, который кричалъ весь вечеръ.

Незнакомецъ догадался что эта комната сообщалась съ комнатою суируговъ Тенардые. Онъ хотѣлъ уже уйти, когда его взглядъ упалъ на камень одинъ изъ трактирныхъ каминовъ, въ которыхъ такъ мало тепла, когда они топятся и при взглядѣ на которые дѣлается

такъ ходило. Въ немъ не было ни огня, ни даже тепла, но то, что путешественникъ увидалъ въ немъ, привлекло его вниманіе. Это были два маленькихъ башмачка кончатливаго фасона и не одинаковой величины; путешественникъ вспомнилъ давнюю и граціозную привычку нашихъ дѣтей ставить свою обувь въ каминъ, накануне Рождества, и потомъ ожидать отъ своей доброй феи—какого-нибудь блестящаго подарка. Эпюнина и Азельма не позабыли этого сдѣлать, и каждая изъ нихъ положила одинъ башмакъ въ каминъ.

Путешественникъ наклонился.

Фея, то есть мать, ужъ посѣтила ихъ, и въ каждомъ башмачкѣ блестя красная совсѣмъ новая монета въ десять су. Незнакомецъ выпрямился и уже собирался уйти, когда замѣтилъ въ глубинѣ, въ самомъ темномъ углу каминя, еще какую-то вещь. Онъ посмотрѣлъ, и узналъ сабо страшное, деревянное грубое сабо, полуразбитое и совершенно покрытое золой и высохшей грязью. Это было сабо Козетты. Козетта, съ тою трогательною дѣтскою довѣренностью, которая постоянно можетъ быть обманываема и никогда не терять надежды, поставила свой сабо въ каминъ. Надежда въ ребенкѣ, который никогда не знаетъ ничего кромѣ отчаянія—нѣчто великое и сладостное.

Въ сабо ничего не было.

Путешественникъ порылся въ своемъ жилетѣ, наклонился и положилъ въ сабо Козетты лундбрь.

Потомъ на цыпочкахъ возвратился въ свою комнату.

IX.

МАНЕВРЫ ТЕНАРДЬЕ.

На слѣдующій день, по-крайней-мѣрѣ, за два часа до разсвѣта, супругъ Тенардье, усѣвшись въ залѣ харчевни около стола со свѣчей съ перомъ въ рукѣ, сочинялъ счетъ для путешественника въ желтомъ сюртукѣ.

Жена его стояла возлѣ, нагнувшись къ нему, и слѣдила за нимъ глазами. Они не говорили между собою ни слова. Онъ о чемъ-то глубокомысленно размышлялъ, а она была погружена въ то религиозное удивленіе, съ которымъ слѣдятъ за появленіемъ и разцвѣтаніемъ чуда человѣческаго ума. Въ домѣ былъ слышенъ шумъ; это «жаворонокъ» мель лѣстницы.

Черезъ добрую четверть часа, изъ подъ пера Тенардье, вышло слѣдующее замѣчательное произведеніе:

Счетъ господина № 1-го.

Ужинъ	3	франка.
Комната	10	»
Освѣщеніе	5	»
Дрова	4	»
Услуженіе	1	»

Итого . 23 франка.

— Двадцать три франка! вскричала жена съ энтузіазмомъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

Какъ всѣ великіе артисты, Тенардье еще не былъ доволенъ.

— Эка важность! сказалъ онъ.

Это было произнесено тономъ Кастельрега, составлявшаго на Вѣнскомъ конгрессѣ счетъ Франціи.

— Господинъ Тенардье, ты правъ! онъ долженъ именно столько, проворчала жена, вспомнивъ о куклѣ, данной Козеттѣ въ присутствіи ея дочерей. это справедливо, но двадцать три франка — большіи деньги. Онъ не захочетъ заплатить.

Тенардье засмѣялся своимъ холоднымъ смѣхомъ, и сказалъ:

— Онъ заплатитъ.

Этотъ смѣхъ былъ высшимъ выраженіемъ увѣренности и власти. Что было сказано, такимъ тономъ, должно было осуществиться. Жена не настаивала. Она стала убирать столы; мужъ ходилъ по залѣ вдоль и поперекъ. Черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Бѣдъ я же долженъ заплатить полторы тысячи франковъ!

Онъ сѣлъ въ уголъ къ камину и задумался, положивъ ноги на горячую золу.

— Ахъ да! сказала жена, ты не забылъ что я сегодня выгоняю Козетту? чудовище, она мнѣ грызетъ сердце своей куклой! Я не могу продержатъ ее еще день въ моемъ домѣ!

Тенардье закурилъ трубку, и отвѣчалъ:

— Ты отдашь этотъ счетъ этому человѣку.

Потомъ онъ вышелъ.

Въ эту самую минуту въ залу вошелъ путешественникъ.

Тенардье снова появился позади его, и неподвижно остановился въ полуоткрытой двери, такъ что только жена могла видѣть его, Желтый человѣкъ несъ въ рукахъ палку и котомку,

— Какъ вы рано изволили встать! сказала Тенардье, развѣ вы уже уходите отъ насъ?

Говоря это, она съ смущеніемъ вертѣла въ рукахъ счетъ, и ногами дѣлала на немъ складки. На грубомъ лицѣ ея былъ оттѣнокъ, несвойственный ему: онъ выражалъ робость и совѣстливость.

Ей казалось не ловкимъ подать такой счетъ человѣку, который вѣдомъ такъ походилъ на «бѣдняка».

Путешественникъ казался разбѣяннымъ и озабоченнымъ. Онъ отвѣчалъ:

— Да, сударыня, я ухожу.

— Такъ вы, продолжала она, не по дѣламъ пріѣзжали въ Монсермель?

— Нѣтъ, я здѣсь проѣздомъ. Волъ и все. — Сударыня, прибавилъ онъ, сколько я вамъ долженъ?

Тенардье, не отвѣчая ему, подала сложенный счетъ.

Незнакомецъ развернулъ бумажку и посмотрѣлъ; но его вниманіе видимо было направлено въ другую сторону.

— Сударыня, продолжалъ онъ, хорошо-ли идутъ ваши дѣла въ Монфермелъ?

— Такъ себѣ, сударь отаѣчала Тенардье глубоко изумленная тѣмъ, что поданный счетъ не вызвалъ никакого взрыва.

Она продолжала элегическимъ и плачевнымъ тономъ:

— Ахъ, сударь, тяжелыя времена! и при томъ въ этихъ мѣстахъ такъ мало барыша! все это мелкій народъ, какъ вы видите. Еслибъ иногда не жаловали такіе великодушные и богатые путешественники какъ вы, мы бы просто пропали! у насъ столько расходовъ. Вотъ напримѣръ, содержаніе этой дѣвочки, вѣдь оно намъ очень дорого стоить.

— Какой дѣвочки?

— А той маленькой, знаете! Козетты! «жаворонка» какъ говорятъ у насъ въ деревнѣ.

— Вотъ что! сказалъ незнакомецъ.

Она продолжала:

— Какъ они глупы, эти мужики, съ своими прозвищами! Она больше похожа на летучую мышъ, чѣмъ на жаворонка. Вотъ видите ли, сударь? Мы не просимъ милостыни, но не можемъ и раздавать ее. Мы ничего не зарабатываемъ, а у насъ большіе платежи. Поплины, налоги, плата за двери и окна, вы вѣдь знаете что правительство беретъ съ насъ огромныя деньги. А потомъ нужно одѣвать себя, дочерей. Что же мнѣ за неволя кормить еще чужаго ребенка.

Незнакомецъ сказалъ голосомъ, которому онъ старался придать равнодушное выраженіе, но въ которомъ слышалось дрожаніе.

— А еслибъ васъ избавили отъ нея?

— Отъ кого? отъ Козетты?

— Да.

Серлитое и красное лицо трактирщицы освѣтилось отвратительною радостью.

— Ахъ, сударь! добрый мой господинъ! возьмите ее, оставьте ее у себя, уведите ее, унесите ее, сахарте ее, форшируйте ее трюфелями, пейте ее, кушайте ее, и да благословитъ васъ Святая Дѣва и всѣ Святые рай.

— Ну такъ это рѣшено.

— Въ правду? Вы возьмете ее?

— Я ее уведу съ собой.

— Сей-часъ?

— Сей-часъ. Позовите ее.

— Козетта! крикнула Тенардье.

— Между тѣмъ, продолжалъ незнакомецъ, я покуда все-таки заплачу вамъ по счету. Сколько вамъ слѣдуетъ?

Онъ бросилъ, взглядъ на счетъ и не могъ удержаться отъ движенія удивленія:

— Двадцать три франка!

Онъ посмотрѣлъ на трактирщицу, и повторилъ:

— Двадцать три франка!

Въ тонѣ, которымъ были произнесены эти три слова, слышалось то удареніе, которое отдѣляетъ знакъ восклицательный отъ вопросительнаго.

Тенардые успѣла приготовиться къ этому удару. Она съ увѣренностью отвѣчала:

— Да-съ, сударь! двадцать-три франка.

Незнакомецъ положилъ на столъ пять пятифранковыхъ монетъ.

— Приведите сюда малютку, сказалъ онъ.

Въ эту минуту, Тенардые вышелъ на середину залы, и сказалъ:

— Сударь, вы должны только двадцать-шесть су.

— Двадцать-шесть су! воскликнула жена.

— Двадцать су за комнату, продолжалъ Тенардые хладнокровно, и шесть су за ужинъ. Что же касается до дѣвчонки, то я долженъ поговорить объ этомъ съ вами. Жена, оставь насъ.

Старуху Тенардые ослѣпилъ тотъ свѣтъ, который исходитъ изъ неожиданной молніи таланта. Она почувствовала, что великій актеръ входилъ на сцену, не отвѣчала ни слова и вышла.

Только что они остались одни, какъ Тенардые предложилъ путешественнику стулъ. Путешественникъ сѣлъ; Тенардые остался стоя, и его лицо приняло странное выраженіе добродушія и простоты.

— Послушайте, сударь, сказалъ онъ, я вамъ скажу, что я обожаю этого ребенка.

Незнакомецъ пристально посмотрѣлъ на него:

— Какого ребенка?

— Странно! какъ въ человѣкѣ сильна привязанность! Что мнѣ во всѣхъ этихъ деньгахъ? Возьмите-ка назадъ ваши пятифранковые. Я обожаю это дитя.

— Кого это? спросилъ незнакомецъ.

— Кого? да нину маленькую Козетту! Вѣдь вы хотите увести ее отъ насъ? Ну, говоря откровенно, также вѣрно, какъ то, что вы честный человѣкъ, я не могу согласиться на это. Мнѣ безъ нея будетъ неловко. Вѣдь она выросла у меня на глазахъ. Правда, что она намъ стоитъ много денегъ, правда, что у нея есть недостатки, правда, что мы не богаты, правда, что я заплатилъ больше четырехсотъ франковъ за одни лекарства во время ея болѣзни! Но вѣдь нужно же что-нибудь дѣлать, чтобъ угодить Богу. У дѣвочки нѣтъ ни отца, ни матери, я ее воспиталъ. У меня хватаетъ на хлѣбъ для нея и для меня. Признаться вамъ, я дорожу этимъ ребенкомъ. Вы понимаете, что значитъ привязаться; я добрый малый; я не разсуждаю; я люблю эту малютку; моя жена вспыльчива, но она тоже любитъ ее. Вѣрьте: она для насъ то же, что родная дочь. Я привыкъ, чтобъ она болтала подлѣ меня.

Незнакомецъ продолжалъ пристально смотрѣть на него. Тенардые продолжалъ:

— Извините меня, сударь; но, вѣдь, нельзя же отдать такъ свое дитя прохожему. Не правда-ли, что я правъ? Я не говорю противъ того, что вы богаты, вы, кажется, очень хорошій человѣкъ, и для

нея это будетъ счастье? но какъ знать! Понимаете-ли? Предположивъ, что я отпустилъ бы ее съ вами и пожертвовалъ бы собою, я бы хотѣлъ знать, куда она идетъ, мнѣ бы не хотѣлось терять ее изъ виду, я бы желалъ знать, у кого она находится, чтобъ иногда навѣщать ее, чтобъ она знала, что ея добрый кормилецъ близко отъ нея, что онъ бережетъ ее. Наконецъ, есть вещи невозможныя. Я даже не знаю вашего имени. Вы уведете ее, а я спрошу себя: гдѣ же «жаворонокъ»? Куда она ушла? Мнѣ бы нужно предъявить хоть какую-нибудь бумажонку, паспортъ, что-ли!

Незнакомецъ, не переставая смотрѣть на него тѣмъ проникательнымъ взглядомъ, который проникаетъ, такъ сказать, въ глубину совѣсти, отвѣчалъ ему серьезнымъ и твердымъ голосомъ:

— Господинъ Тенардье, кто идетъ за пять льё отъ Парижа, тотъ не беретъ съ собою паспорта. Если уведу Козетту, такъ я уведу ее, вотъ и все. Вы не узнаете моего имени, вы не узнаете, гдѣ я живу, вы не будете знать, гдѣ она будетъ находиться, и мое намѣреніе — чтобъ она во всю жизнь болѣе не видала васъ. Я разорву нитку, которою она привязана за ногу, и она уйдетъ. Согласны вы на это? Да, или нѣтъ?

Какъ демоны и духи узнаютъ по нѣкоторымъ признакамъ о присутствіи высшаго божества, такъ и Тенардье понялъ, что имѣлъ дѣло съ очень сильнымъ человѣкомъ. Онъ понялъ это какъ-будто во вдохновенію, понялъ съ обычною своею отчетливою и быстрою проникательностью. Наканунѣ, распивая вино съ извощиками, кура, распѣвая веселыя пѣсни, онъ, въ то же время, не переставалъ наблюдать за незнакомцемъ, подстергать его, какъ котъ, и изучать, какъ математикъ. Онъ слѣдилъ за нимъ самъ для себя, для собственнаго удовольствія и по инстинкту, и подсматривалъ за нимъ, какъ будто ему заплатили за это. Ни одно движеніе, ни одинъ жестъ человѣка въ желтомъ сюртукѣ не ускользнули отъ его вниманія. Тенардье угадалъ его участіе къ Козеттѣ прежде, нежели незнакомецъ обнаружилъ его такъ явственно. Онъ поймалъ глубокіе взгляды старика, постоянно направившіеся на ребенка: Отчего такое участіе? кто этотъ человѣкъ? зачѣмъ, имѣя столько денегъ въ кошелькѣ, онъ ходитъ въ такомъ несчастномъ костюмѣ? — вотъ вопросы, которые Тенардье предлагалъ себѣ и которыхъ не могъ разрѣшить; это страшно бѣсило его. Онъ продумалъ всю ночь. Человѣкъ этотъ не могъ быть отцемъ Козетты. Ужъ не лѣлъ-ли онъ. Но, въ такомъ случаѣ, къ чему такъ долго скрываться? Кто имѣетъ права, тотъ доказываетъ ихъ. Очевидно, что этотъ человѣкъ не имѣлъ правъ на Козетту. Тогда что-жь все это значило? Тенардье терялся въ догадкахъ. Онъ различалъ много, и ничего не видѣлъ ясно. Какъ бы то ни было, вступая въ разговоръ съ этимъ человѣкомъ, увѣренный, что во всемъ этомъ была тайна, увѣренный, что незнакомецъ хотѣлъ остаться неизвѣстнымъ, онъ чувствовалъ себя сильнымъ. При твердомъ и ясномъ отвѣтѣ незнакомца, когда онъ увидѣлъ, что тотъ таинственный человѣкъ былъ такъ просто таинственъ, онъ

почувствовалъ себя слабымъ. Онъ не предвидѣлъ ничего подобнаго. Тутъ онъ сбился съ толку въ своихъ догадкахъ. Онъ привелъ въ порядокъ свои мысли. Онъ взвѣсилъ все дѣло въ одно мгновеніе. Тенардье былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые съ перваго взгляда обсуживаютъ положеніе, въ которомъ находятся. Онъ разсчиталъ, что настала минута дѣйствовать прямо и рѣшительно. Онъ поступилъ, какъ поступаютъ великіе полководцы въ рѣшительную минуту, которую только они могутъ угадать, — внезапно открылъ свою батарею.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, вы должны заплатить мнѣ полторы тысячи франковъ.

Незнакомецъ вынулъ изъ бокового кармана старый портфель изъ чернаго сафьяна, открылъ его, досталъ оттуда три банковыхъ билета и положилъ ихъ на столъ. Потомъ придавилъ ихъ своимъ широкимъ пальцемъ и сказалъ трактирщику:

— Приведите Козетту.

Что же дѣлала Козетта въ то время, какъ происходило здѣсь все это?

Козетта, проснувшись, подбѣжала къ своему сабо. Она нашла въ немъ золотую монету. Это не былъ наполеондоръ, а одна изъ тѣхъ двадцатифранковыхъ монетъ, вычеканенныхъ во время реставраціи, на которыхъ маленькій прусскій хвостъ замѣнилъ лавровые вѣнки. Козетта была ослѣплена. Ея счастье начинало приводить ее въ упоеніе. Она не знала, что значить золотая монета, она никогда не видѣла золота и поспѣшно спрятала этотъ лундоръ въ карманъ, какъ будто украдала его. Впрочемъ, она чувствовала, что онъ принадлежалъ ей, она угадывала, откуда этотъ подарокъ достался ей, но она испытывала радость, полную страха. Она была довольна и, въ особенности, глубоко изумлена. Эти столь красивыя и великолѣпныя вещи казались ей не дѣйствительно существующими. Кукла пугала ее, золотая монета тоже пугала. Она смутно дрожала передъ такимъ великолѣпіемъ. Одинъ только незнакомецъ не пугалъ ее. Напротивъ, его присутствіе успокоивало ее. Со вчерашняго дня, сквозь ея удивленіе, сквозь сонъ, она, въ своемъ дѣтскомъ умѣ, постоянно думала объ этомъ человѣкѣ, который казался такимъ старымъ, бѣднымъ и скучнымъ, а на дѣлѣ былъ такъ добръ и богатъ. Съ тѣхъ поръ, какъ она встрѣтила его въ лѣсу, все какъ-будто перемѣнилось для нея. Козетта, менѣе счастливая, чѣмъ послѣдняя ласточка, никогда не знала, что значить укрыться подъ крыломъ матери. Съ пятилѣтняго возраста, то есть съ тѣхъ поръ, когда она начала себя помнить, бѣдная дѣвочка тряслась и дрожала отъ холода. До сихъ поръ тѣло ея было всегда обнажено для холоднаго вѣтра несчастья, а теперь ей казалось, что она одѣта. Прежде ея душѣ было холодно, теперь ей было тепло. — Козетта уже не такъ боялась трактирщицы. Она была уже не одна; она имѣла покровителя.

Она скоро принялась за свою ежедневную работу. Этотъ лундоръ, который она держала при себѣ въ томъ же самомъ карманѣ, изъ ко-

того вѣчера выпали пятнадцать су, развлекалъ ее. Она не смѣла рогать его, но проводила по нѣсколькимъ минутъ, любуясь имъ и, можно прибавить, высунувъ языкъ. Выметая лѣстницу, она оставалась, неподвижно стояла, забывая щетку и весь свѣтъ, погруженная въ осматриваніе этой звѣздочки, блестящей внутри ея карана.

Въ одну изъ такихъ минутъ Тенардье застала ее.

По приказанію мужа, она пришла за нею.

Неслышанное дѣло она не дала ей пощечины, даже не сказала ей гнубаго слова.

— Козетта, сказала она почти ласково, иди за мной.

Черезъ минуту, Козетта входила въ залу.

Незнакомецъ взялъ принесенный имъ узелокъ, и развязалъ его. Тотъ узелокъ заключалъ: шерстяное платье, передникъ, бумазейную фоточку, юбку, косынку, шерстяные чулки, башмаки, полный костюмъ для семилѣтней дѣвочки. Все это было черное.

— Дитя мое, сказалъ онъ, возьми это и переодѣнься скорѣй.

Заря занималась, когда по парижской улицѣ Монфермеля проходилъ бѣдно одѣтый человѣкъ; онъ велъ за руку маленькую дѣвочку въ траурѣ, которая держала въ рукахъ розовую куклу. Они шли по направленію къ Ливри.

Это были нашъ незнакомецъ и Козетта.

Никто не зналъ этого человѣка; а Козетту, такъ какъ была уже не въ рубищѣ, многіе не могли узнать.

Козетта уходила. Съ кѣмъ? Она не знала. Куда? она и на это не могла бы отвѣчать. Все, что она понимала, было то, что она оставила харчевню Тенардье. Никто не подумалъ проститься съ нею, и она не подумала объ этомъ. Она уходила изъ этого дома, незамѣтная и ненавидящая.

Бѣдное тихое существо, сердце котораго до-сихъ-поръ не испытывало ничего, кромѣ угнетенія!

Козетта шла серьезно, открывая большіе глаза свои и смотря на небо. Она спрятала свой лундоръ въ карманъ новаго передника. Время отъ времени она наклонялась и бросала взглядъ на монету, потомъ взглядывала на своего благодѣтеля.

X.

Кто ищетъ лучшаго, можетъ найти худшее.

Тенардье, по своей привычкѣ, предоставила мужу полную волю. Она ожидала большихъ приключеній. Когда незнакомецъ и Козетта ушли, Тенардье далъ пройти цѣлой четверти часа, потомъ отвелъ жену всторону, и показалъ ей полторы тысячи франковъ.

— Только-то! воскликнула она.

Въ первый разъ, съ самаго начала ихъ семейной жизни, она осмѣлилась осуждать поступокъ хозяина.

Ударъ попалъ въ цѣль.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты права, сказалъ онъ: я дуракъ. Дай мнѣ мою шляпу.

Онъ сложилъ три банковыхъ билета, уложилъ ихъ въ карманъ, и съ большою поспѣшностью вышелъ. Нѣкоторые люди, у которыхъ онъ освѣдомился, указали ему слѣдъ. «Жаворонокъ» и незнакомецъ, какъ они видѣли, пошли по направленію Ливри. Онъ послѣдовалъ этому указанію, нѣя скорымъ шагомъ и говоря самъ съ собою:

— Этотъ человѣкъ, очевидно, миллионъ, переодѣтый въ желтый сюртукъ, а я—животное. Онъ сначала далъ двадцать су, потомъ пять франковъ, потомъ пятьдесятъ франковъ, потомъ полторы тысячи франковъ, все съ одинаковою легкостью. Онъ бы далъ также точно и пятнадцать тысячъ франковъ. Но я его нагоню.

А потомъ этотъ узелъ съ платьями, напередъ приготовленный для ребенка, все это очень странно; подъ этимъ скрывается тайна. А тайну не слѣдуетъ упускать изъ рукъ. Тайны богачей — губки, полныя золота, нужно только умѣть выжимать ихъ. Всѣ эти мысли толпились въ его мозгу.

— Я просто животное, говорилъ онъ.

При выходѣ изъ Монфермея, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога, ведущая въ Ливри, дѣлаетъ поворотъ, разстилаются на очень далекое пространство равнины. Достигнувъ этого поворота, Тенардье рассчиталъ, что онъ долженъ былъ тутъ увидать незнакомца и Козетту. Онъ посмотрѣлъ такъ далеко, какъ могло простираться его зрѣніе, и ничего не увидѣлъ. Онъ началъ собирать новыя справки. Между тѣмъ, время уходило. Прохожіе сказали ему, что человѣкъ и ребенокъ, которыхъ онъ искалъ, пошли въ лѣсъ, по направленію Ганьи. Онъ поспѣшилъ въ эту сторону.

Незнакомецъ опередилъ его, но ребенокъ идетъ тихо, а онъ, Тенардье, шелъ скоро. Притомъ мѣстность была ему хорошо извѣстна. Вдругъ онъ остановился и ударилъ себя по лбу, какъ человѣкъ, забывшій самое необходимое и готовый вернуться назадъ.

— Я долженъ былъ взять съ собою ружье! сказалъ онъ.

Тенардье былъ одна изъ тѣхъ двойственныхъ натуръ, которыя иногда проходятъ передъ нами помимо нашего вѣдома и которыя исчезаютъ, неузнанныя нами, потому что судьба показала ихъ только съ одной стороны. Многимъ людямъ выпало на долю жить такимъ образомъ, полузакрытыми. Въ спокойномъ и обыкновенномъ состояніи, Тенардье имѣлъ все, что надо для того, чтобы казаться — мы не говоримъ, чтобы быть — тѣмъ, что называется: честный торговецъ, добрый буржуа. Въ то же время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, при вѣкоторыхъ толчкахъ, которые подымали на верхъ то, что было на двѣ его души, — онъ имѣлъ все, что нужно для того, чтобы быть разбойникомъ. Это былъ лавочникъ, въ которомъ было много чудовищаго. Можно почти утверждать, что сатана, по временамъ, забивался въ какой-нибудь уголокъ нещеры Тенардье, и задумывался передъ этимъ мастерскимъ произведеніемъ.

Послѣ минутнаго колебанія онъ сказалъ:

— Нѣтъ, они, покажѣтся, успѣютъ уйти.

И онъ продолжалъ путь, быстро подвигаясь впередъ и съ увѣренностью лисицы, чующей невдалекѣ стадо куропатокъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пройдя пруды и большую прогалину, находившуюся вправо отъ аллеи Вель-вю, и достигнувъ дерновой аллеи, окружающей холмъ и покрывающей сводъ стараго воднаго канала шелльского аббатства, онъ увидалъ надъ маленькимъ кустарникомъ шляпу, которая уже служила для него предметомъ многихъ догадокъ. Это была шляпа незнакомца. Кустарникъ былъ очень низенькій. Тенардье узналъ незнакомца и Козетту, сидѣвшихъ за нимъ. Дѣвочку нельзя было видѣть, вслѣдствіе ея маленькаго роста, но за то видѣлась голова куклы.

Тенардье не ошибся. Незнакомецъ сѣлъ тутъ, чтобъ дать отдохнуть Козеттѣ. Трактирщикъ обошелъ кустарникъ, и внезапно явился передъ тѣми, которыхъ искалъ.

— Виноватъ, сударь, сказалъ онъ, запыхавшись, но вотъ ваши полторы тысячи франтовъ.

Говоря такимъ образомъ, онъ протянулъ незнакомцу три банковыхъ билета.

Незнакомецъ поднялъ глаза.

— Что это значить?

Тенардье почтительно отвѣчалъ:

— Сударь, это значить, что я беру Козетту назадъ.

Козетта затряслась и прижалась къ доброму незнакомцу.

А онъ, очень пристально смотря на Тенардье, съ разстановкою отвѣчалъ:

— Вы бе-ре-те на-за-дъ Козетту?

— Да, сударь, я беру ее назадъ. Я вамъ сейчасъ объясню, я раздумалъ. По настоящему, я не имѣю права отдать вамъ ее. Я честный человекъ, видите-ли. Эта маленькая не принадлежитъ мнѣ, она принадлежитъ матери. Ея мать довѣрила ее мнѣ, я могу отдать ее только матери. Вы мнѣ скажете: да мать умерла. Положимъ. Въ такомъ случаѣ, я могу отдать этого ребенка только человекъ, который принесетъ мнѣ письмо, подписанное матерью, т. е. нѣчто въ родѣ довѣренности, что я могу вручить ребенка этому человекъ. Это ясно.

Незнакомецъ, не отвѣчая, пошарилъ въ своемъ карманѣ, и Тенардье снова увидалъ портфель, изъ котораго онъ получалъ банковые билеты.

Трактирщикъ ощутилъ радостный трепетъ.

— Славно! подумалъ онъ, не поддаваться! Онъ хочетъ подкупить меня.

Прежде, чѣмъ раскрыть портфель, путешественникъ бросилъ взглядъ вокругъ себя. Мѣсто было совершенно пустынно. Ни въ лѣсу, ни въ полѣ не было ни души. Незнакомецъ открылъ портфель, и вынулъ изъ него не горсть банковыхъ билетовъ, которую ожидалъ Те-

марье, но простую маленькую бумажку, которую развернул и подалъ трактирщику, говоря:

— Вы правы. Прочтите.

Тенардье взялъ бумажку и прочелъ:

«М—на—М. 25-го марта 1823.

«Господинъ Тенардье,

«Вы отдадите Козетту подателю этой записки. Вамъ заплатить за всѣ мелочи.

«Имѣю честь вамъ кланяться съ совершеннымъ уваженіемъ.

«Фантина».

— Вы знаете эту подпись? возразилъ незнакомецъ.

Это была подлинная подпись Фантины. Тенардье узналъ ее.

Возражать было нечего. Онъ почувствовалъ двойную досаду: ему приходилось и отказаться отъ подкупа, на который онъ надѣялся, и остаться разбитымъ. Незнакомецъ прибавилъ:

— Вы можете оставить у себя эту бумажку для очищенія совѣсти.

Тенардье отступилъ въ боевомъ порядкѣ.

— Подпись довольно хорошо поддѣлана, проворчалъ онъ сквозь зубы. Ну, нечего дѣлать, пускай будетъ такъ!

Потомъ онъ попытался сдѣлать послѣднее отчаянное усиліе:

— Милостивый государь, сказалъ онъ, положимъ, что это такъ, но вы должны заплатить мнѣ за «всѣ мелочи». А мнѣ много слѣдуетъ.

Незнакомецъ всталъ и, щелчками сметая пылъ съ запыленного истертаго своего рукава, сказалъ:

— Господинъ Тенардье, въ январѣ мать этой дѣвушки считала, что она была вамъ должна сто-двадцать франковъ; въ февралѣ вы ей прислали счетъ въ пятьсотъ франковъ; въ концѣ февраля вы получили триста франковъ, и триста франковъ въ началѣ марта. Значить, то франковъ лишнихъ. Съ тѣхъ поръ прошло девять мѣсяцевъ; считая по пятнадцати франковъ, какъ было условлено, вамъ приходится сто-тридцать-пять франковъ, изъ которыхъ вы получили сто. Остается тридцать-пять франковъ. А я только-что далъ вамъ полторы тысячи.

Тенардье ощутилъ то, что ощущаетъ волкъ, когда чувствуетъ, что опалъ въ стальную челюсть западни.

— Что это за дьяволъ? подумалъ онъ.

Онъ сдѣлалъ то, что дѣлаетъ волкъ, далъ толчекъ. Смѣлость уже азъ удалась ему.

— Милостивый государь, извините, не знаю вашего имени; — скамъ онъ рѣшительно и отложивъ, на этотъ разъ, почтительный звъ всторону, — я возьму назадъ Козетту или вы дадите мнѣ тысячу экю.

Незнакомецъ спокойно сказалъ:

— Ийдемъ, Козетта.

Онъ взялъ Козетту за руку лѣвою рукою, а правую поднялъ пал-
ку, лежащую на землѣ.

Тенардье замѣтилъ громадность палки и уединенность мѣста, въ которомъ они находились.

Незнакомецъ, оставивъ трактирщика неподвижнымъ и смущеннымъ, углубился съ ребенкомъ въ лѣсъ.

Въ то время какъ они удалялись, Тенардье смотрѣлъ на широкія немного сгорбленныя плечи знакомаго и на его большіе кулаки.

Потомъ, посмотрѣвъ на себя, увидѣлъ свои худощавыя руки и костлявыя кисти. Экой я, въ самомъ дѣлѣ, дуракъ, думалъ о томъ, — что я не взялъ съ собою ружья; вѣдь я шелъ на охоту!

Впрочемъ трактирщикъ еще не рѣшился выпустить добычу.

— Я хочу знать куда онъ пойдеть, сказалъ онъ, — и началъ слѣдить за ними издалека. Въ рукахъ у него оставались двѣ вещи, — насмѣшка въ видѣ клочка бумаги, подписанной Фантиной, и утѣшеніе въ видѣ полторы тысячи франковъ.

Незнакомецъ повелъ Козетту по направленію Дивра и Бонди. Онъ шелъ тихо, съ опущенной головой, съ выраженіемъ задумчивости и грусти. Такъ какъ дѣло было зимою, то безъ листьевъ; поэтому Тенардье не терялъ ихъ изъ виду, не смотря на, то что находился въ довольно большомъ отдаленіи. По временамъ незнакомецъ оборачивался и смотрѣлъ не преслѣдуютъ-ли его. Вдругъ онъ увидѣлъ Тенардье. Онъ быстро вошелъ съ Козеттой въ чащу, въ которой обитъ имъ было легко исчезнуть. Чортъ возьми! сказалъ Тенардье. И онъ удвоилъ шаги.

Густота чащи заставила его приблизиться къ нимъ. Когда незнакомецъ достигъ самаго густаго мѣста въ лѣсу, онъ обернулся. Какъ ни старался Тенардье спрятаться за вѣтвями деревьевъ, но не могъ устроить такъ, чтобъ незнакомецъ не увидѣлъ его; онъ бросилъ на трактирщика безпокойный взглядъ, покачалъ головой и продолжалъ путь. Трактирщикъ продолжалъ слѣдовать за нимъ. Вдругъ незнакомецъ обернулся еще разъ. Онъ опять увидалъ трактирщика. На этотъ разъ онъ посмотрѣлъ на него такимъ мрачнымъ видомъ, что Тенардье счелъ «наираснымъ» идти далѣе. Онъ повернулъ назадъ.

XI

№ 9430 опять является, и Козетта выигрываетъ его въ лоттерей.

Жанъ Вальжанъ не умеръ.

Упавъ или, лучше сказать, бросясь въ море, онъ былъ, какъ мы уже сказали, безъ кандаловъ. Онъ доплылъ до одного судна, стоящаго на якорѣ, и къ которому привязана была лодка. Онъ нашелъ средство укрыться до вечера въ этой лодкѣ. Ночью, онъ опять бросился вплавь и достигъ берега не подалеку отъ мыса Брена. Такъ какъ денегъ у него было довольно много, то онъ досталъ себѣ тамъ платье. Харчевня въ окрестностяхъ Балагье была мѣстомъ, хозяинъ котораго получалъ большіе доходы отъ продажи платья бѣжавшимъ арестантамъ. Потомъ Жанъ Вальжанъ, какъ всѣ несчастные бѣглецы, которые стараются сбить съ толку преслѣдованія закона и социальный фатализмъ, пошелъ извѣстными и темными дорогами. Пер-

вое убѣжище онъ нашелъ въ Прадо, около Боссе. Потомъ онъ направился къ Гранжъ-Виллару, около Бриансона, въ верхнихъ Альпахъ. Въ послѣдствіи, нашлъ нѣсколько слѣдовъ его прохода въ Энъ—въ округѣ Сявоизъ, въ Пиннеяхъ — въ Аконѣ, въ мѣстечкѣ. называемомъ Гранжъ-де-Думекъ. около селенія Шаваль и въ окрестностяхъ Перигѣ, — въ Буони кантонѣ Шапель-Генагъ. Онъ достигъ Парижа. Мы только что видѣли его въ Монфермель.

По пріѣздѣ въ Парижъ, первой заботой его было купить траурное платье для семи или восьмилѣтней дѣвочки, потомъ найти себѣ квартиру. Исполнивъ это, онъ отправился въ Монфермель.

Читатели помнятъ, что, во время своего перваго побѣга, онъ совершилъ туда таинственную поѣздку, о которой до полиціи дошли кое-какіе слухи.

Впрочемъ его считали умершимъ. и это сгущало темноту, окружавшую его. Въ Парижѣ ему попалась подъ руку одна изъ газетъ, заавившихъ о его смерти. Онъ совершенно успокоился, какъ будто въ самомъ дѣлѣ умеръ.

Вечеромъ того же дня, въ который Жанъ Вальжанъ вытаскилъ Козетту изъ когтей Тенардье, онъ входилъ въ Парижъ. Онъ вошелъ въ него съ ребенкомъ ночью, черезъ заставу Монсо. Тамъ онъ сѣлъ въ кабриолетъ, который довезъ его до площадки обсерваторіи. Тутъ онъ всталъ, заплатилъ извознику, взялъ Козетту за руку, и оба, окруженные темнотою ночи, направились черезъ пустынные улицы къ госпитальному бульвару.

Козетта странно провела этотъ день, и испытала много волненій: она и проводникъ ея ѣли хлѣбъ и сыръ, которые покупались въ уединенныхъ харчевняхъ, они прятались за плетнями; они часто мѣняли экипажи, много прошли пѣшкомъ... Она не жаловалась; но устала, и Жанъ Вальжанъ замѣтилъ это, потому что она больше и больше ткнула его за руку. Онъ посадилъ ее къ себѣ на спину; Козетта, не выпуская Кати, положила голову ему на плечо. и уснула.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Лачуга Горбо.

1.

Горбо.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, тотъ, кто отправлялся гулять въ уединенныя мѣста, окружавшія госпиталь *Salpêtrière* и доходилъ бульваромъ до итальянской заставы, попадалъ въ такое мѣсто, въ которомъ Парижъ, такъ сказать, исчезалъ. Это мѣсто нельзя было назвать уединеннымъ, потому что тутъ попадались гуляющіе; оно не было загороднымъ мѣстомъ, въ немъ были дома и улицы; оно не было городомъ — по улицамъ шли колен, какъ на большихъ дорогахъ, и въ нихъ росла трава; оно не было деревней — дома въ немъ были слишкомъ высоки. Что же это было такое? Обижаемое мѣсто

въ которомъ не было никого; пустынное мѣсто, въ которомъ былъ кое-кто: это была одна изъ парижскихъ улицъ, ночью болѣе мрачная, чѣмъ дѣсь, днемъ болѣе унылая, чѣмъ кладбище.

Это былъ старый кварталъ лошадиного-рынка.

Когда гулявшій въ этихъ мѣстахъ, отважился выйти за четыре дряхлыя стѣны этого лошадиного рынка, когда онъ соглашался даже пройти улицу Маленькаго-Банкира, и оставляя за собою вправо дворикъ, окруженный высокими стѣнами, потомъ Лужокъ, на которомъ возвышались стоги толченой дубовой коры, похожіе на колоссальныя жилища бобровъ, потомъ загороженное мѣсто, заваленное строевымъ лѣсомъ, балками и стропилами, на верху которыхъ лаяла большаа собака; потомъ длинную низкую стѣну въ развалинахъ съ маленькою черною дверью, поросшую мхомъ, который весною наполняла цвѣтами; потомъ въ самомъ пустынномъ мѣстѣ, ужасное, совсѣмъ развалившееся строеніе, на которомъ было написано большими буквами: «Запрещено прибывать афиши», то этотъ смѣлый прохожій достигалъ наконецъ, до угла улицы Сен-Марсельскихъ-Виноградниковъ улицы, весьма мало извѣстной. Тутъ около фабрики и между двумя садовыми стѣнами, находилась въ то время лачужка, которая, съ перваго взгляда, казалась не больше избушки, а на дѣлѣ равнялась величійному собору. На улицу она выходила одною своею стороною — щипцомъ стѣны; отъ этого происходила ея кажущаяся небольшая величина. Почти весь домъ былъ скрытъ. Видны были только дверь и окно.

Лачуга эта состояла изъ одного этажа.

При взглядѣ на нее, прежде всего поражало то, что дверь ея не могла принадлежать ничему, кромѣ отвратительной лачужки, а окно могло бы пригодиться для отеля.

Дверь была ничто иное, какъ собраніе сгнившихъ досокъ, грубо прикрѣпленныхъ къ шероховатымъ обрубкамъ. Она выходило прямо на крутую лѣстницу съ высокими ступеньками, покрытую грязью, известью, пылью; съ улицы можно было видѣть, какъ она подымалась прямо вверхъ, и исчезала въ темнотѣ между двумя стѣнами. Надъ дверью было безобразное отверстіе, задѣланное узкою доскою, посреди которой прорѣзали треугольную дыру, служившую окошечкомъ въ то время когда дверь была заперта. На внутренней сторонѣ двери кистью, омоченною въ чернила, была грубо написана цифра 52, а надъ окошечкомъ та же кисть намазала 50, такъ что входившій туда останавливался въ недоумѣніи — гдѣ именно онъ находился? Верхняя часть двери отвѣчала: въ номерѣ 50, — а внутренняя сторона возражала: въ 52-мъ. Какія то тряпки пыльнаго цвѣта висѣли, въ видѣ занавѣски, надъ треугольнымъ окошкомъ.

Окно было широкое, достаточное высокое, украшенное рѣшетчатыми ставнями и большими стеклами; только въ этихъ стеклахъ были разнообразныя рамы, которыя скрывались и, въ тоже время, обмечались хитро-придуманнныи бумажными перевязками; а ставни, раздо-

панши и полусерванныя съ цетель, скорѣе угрожали проходившимъ мимо лачуги, чѣмъ охраняли жильцевъ ея.

Эта дверь и это окно — одна отвратительная, другое приличное, хотя полуразвалившеся — походили на двухъ нищихъ, у которыхъ различныя наружности и одинаковыя рубища, и которые идутъ рядомъ, одинъ съ постояннымъ видомъ нищаго, другой — съ видомъ свѣтскаго человѣка.

Лѣстница вела къ очень обширному зданію, походившему на сарай, изъ котораго сдѣланъ домъ. Внутри его шелъ длинный корридоръ, но обѣимъ сторонамъ котораго находились комнаты разной величины, въ крайнемъ случаѣ годныя для жилья и похожія скорѣе на лавочки, чѣмъ на кельи. Эти комнаты выходили окнами на пустынную окрестную мѣстность. Все это было темно, непривѣтно, блѣдно, меланхолично, могильно. Холодные лучи или ледяной вѣтеръ — смотря по тому, гдѣ были щели, въ крышѣ или въ двери — проникали въ это жилище. Интересною и живописною особенностью его, какъ и всѣхъ жилищъ подобнаго рода—была громадная величина пауконъ.

Часть этого зданія была въ послѣднее время разрушена. То, что уцѣлѣло отъ него теперь, можетъ еще дать понятіе о томъ, чѣмъ оно было. Всей этой постройкѣ не болѣе ста лѣтъ. Сто лѣтъ—молодость для церкви, и старость для дома. Кажется, что жилище человѣка соотвѣтствуетъ его кратковременности, а жилище Бога его вѣчности.

Почтальоны называли эту лачугу № 50 — 52; но въ кварталѣ она была извѣстна подъ именемъ дома Горбо.

Скажемъ, откуда происходило это названіе.

Собиратели мелкихъ фактовъ, составляющіе для себя изъ анекдотовъ цѣлыя гербаріумы и прикалывающіе булавками къ своей памяти шмолетныя происшествія, знаютъ, что въ прошедшемъ столѣтіи, около 1770 г. жили въ Парижѣ два прокурора, которыхъ звали: одного Корбо, другаго Ренаръ. Два имени, предугадавныя Лафонтеномъ. * Случай былъ такъ хорошъ, что канцелярскіе писцы не могли не схватиться за него. Пародія на извѣстную басню вошла по галлоремъ судейскаго зданія.

Двумъ честнымъ адвокатовъ надобля эти насмѣшки и хохотъ, провожавшіе ихъ появленіе, и они рѣшились избавитъся отъ своихъ именъ, вслѣдствіе чего и обратились съпросьбой къ королю. Просьба эта была подана Людовику XV-му въ то самое время, когда надѣвали пантуфли на голыя ноги госпожи Любарри, выходившія изъ полъ одѣяла. Король, смѣявшійся въ это время, продолжалъ смѣяться, весело перешелъ къ двумъ прокурорамъ и подарилъ имъ или почти подарилъ ихъ имена. Корбо было позволено назваться Горбо; но Ренаръ былъ менѣе счаст-

* Корбо — по франц: Ворона, Ренаръ — Лисица. Извѣстно что у Лафонтена есть басня съ такимъ названіемъ.

ливъ: ему позволили прибавить въ началѣ своей фамиліи букву П, такъ что изъ Ренара вышелъ Пренаръ *, и, слѣдовательно, особой перемены не произошло.

Вотъ этотъ-то Горбо, судя по мѣстному преданью, былъ владельцемъ дома подь № 50 — 52. Онъ былъ даже строителемъ большого окна.

Отъ этого, — зачуга получила названіе дома Горбо.

Какъ разъ противъ дома подь №50—52, посреди бульварныхъ плантацій, стоять большой вязъ, на три четверти засохшій. Фасадъ его почти выходитъ на улицу Гобеленской заставы, улицу, въ то время не вымощенную, безъ домовъ, усаженную дурно принявшимися деревьями, зеленую или грозную смотря по времени года, и примыкавшую къ городской стѣнѣ Парижа. Запахъ купароса выходилъ, по временамъ, изъ крышъ сосѣдней фабрики.

Застава была очень не далеко. Въ 1823 г. городская стѣна еще существовала.

Эта застава наполняла воображеніе зловѣщими образами. Тутъ шла дорога въ бисенерскую тюрьму. Тутъ, во время имперіи и реставраціи, осужденные на смерть, входили въ Парижъ, въ самый день ихъ казни. Тутъ, въ концѣ 1828 г. было совершено таинственное убійство, извѣстное подь названіемъ «убійства фонтенблоской заставы», виновники котораго не были найдены. — это убійство, сдѣлавшееся неуясненною мрачною проблемою, не разрѣшенною страшною загадкой. Пройдите нѣсколько шаговъ, и вы очутитесь въ той злополучной улицѣ *Gruevorge*, въ которой Плибахъ закололъ книжаломъ иврейскую пастушку, при раскатахъ грома, точно въ мелодрамѣ. Вице нѣсколько шаговъ — и вы у отвратительныхъ безголовыхъ вязовъ заставы Св. Іакова, этой выдумкѣ филантроповъ, скрывающей эшафотъ; этого жалкаго и постыднаго лобнаго мѣста обществу лавочниковъ и буржуа, которое отступило передъ смертною казнью, не посмѣвъ ни величественно уничтожить ее, ни повелительно удержать.

Тридцать семь лѣтъ тому назадъ, самымъ мрачнымъ мѣстомъ этого самага бульвара — не считая площади Св. Іакова, которая всегда внушала особенный ужасъ — было то мѣсто, въ которомъ находился домъ подь № 50—52.

Дома горажанъ начали появляться тутъ только черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ этого. Мѣсто это было очень сурово. По мрачнымъ мыслямъ, которыя охватывали васъ здѣсь, вы чувствовали, что по одну сторону вашу госпиталь *Salpetriere*, по другую бисенеръ, т. е. по одну сторону безуміе мужчины, по другую — безуміе женщины. На всемъ протяженіи, которое могъ обнять глазъ, видны были только бойни, городская стѣна и кое-гдѣ фасады фабрикъ, похожихъ на казармы или монастыри; — вездѣ деревянныя балаганы, старыя стѣны черныя какъ гробы, новыя стѣны, бѣлыя какъ саваутъ; вездѣ параллельные ряды деревьевъ, зданія, вытянутыя по снурку, плоскія

* Пренаръ (Prenard) т. е. взяточникъ:

постройки, холодныя длинныя линии и мрачныя прямыя углы. Ни одной возвышенности почвы, ни одной архитектурной прихоти, ни одной складки. Все леденисто, правильно, отвратительно. Ни что не сжимаетъ сердца такъ, какъ симетрія. И это потому, что симетрія—скука, а скука есть основаніе скорби. Отчаяніе сопровождается зѣвотой. Есть нѣчто ужаснѣе мысли объ адѣ, въ которомъ придется скучать. Еслибъ такой адъ существовалъ, этотъ клочекъ госпиталянаго бульвара былъ бы, можетъ быть, передовою аллею его.

Но съ наступленіемъ ночи, въ ту минуту, когда исчезаетъ свѣтъ, и особенно зимою, въ тотъ часъ, когда вечерній холодный вѣтеръ срываетъ съ вѣзовъ ихъ послѣдніе покрасившіе листья, когда нѣтъ звѣздъ и когда луна и вѣтеръ дѣлаютъ отверстия въ тучахъ, — этотъ бульваръ вдругъ становится страшнымъ. Черныя линии терлись въ сумеркахъ какъ обрубки безконечнаго. Кто проходилъ здѣсь въ это время, не могъ не вспоминать о безчисленныхъ мѣстныхъ преданіяхъ. Уединенный видъ мѣста, въ которомъ совершилось столько преступленій, имѣлъ въ себѣ нѣчто ужасное. Въ этой темнотѣ предчувствовались западни; всѣ смутныя тѣни казались въ ней подозрительными, и длинныя четверугольныя углубленія, который были видны между деревьями, были похожи на могилы. Днемъ, это было гадко, вечеромъ—мрачно, ночью—зловѣще.

Иѣтомъ, въ сумерки, тамъ и сямъ, попадались старуки, сидѣвшія подъ вязами на скамейкахъ, полусгнившихъ отъ дождей. Эти добрыя старухи любили просить милостыню.

Впрочемъ, этотъ кварталъ и тогда уже стремился къ преобразованіямъ. Кто хотѣлъ видѣть его въ первобытномъ видѣ, и тогда уже долженъ былъ спѣшить. Каждый день уничтожалась какая-нибудь подробность этого цѣлага. Въ настоящее время, рядомъ съ бывшимъ предмѣстьемъ, помѣщается станція орлеанской желѣзной дороги — построенная двадцать лѣтъ тому назадъ. Вездѣ, гдѣ строится станція желѣзной дороги, умираетъ предмѣстіе, и зараждается городъ. Кажется, что вокругъ этихъ большихъ центровъ движенія народовъ, среди обращенія этихъ могущественныхъ машинъ, подъ шумнымъ дыханіемъ этихъ чудовищныхъ коней цивилизаціи, которые ѣдятъ уголья и изрыгаютъ огонь, — земля, полная зародышей, трясется и раскрывается, чтобы поглотить прежнія жилища людей и выпустить на свѣтъ новыя. Старыя дома разрушаются, новыя—возстаютъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ станція Орлеанской дороги заняла пространство, окружающее Сальпетриеръ, — старыя узкія улицы, смежныя съ рвами св. Виктора и съ Jardin des Plantes нѣсколько разъ въ день потрясаются потоками дилижансовъ, фіакровъ и омнибусовъ, которые, въ извѣстное время, оттяскиваютъ дома вправо и влево; потому что, какъ справедливо то, что въ большихъ городахъ солнце помогаетъ росту и процвѣтанію домовъ, обращенныхъ на югъ, — такъ же точно справедливо и то, что частый проѣздъ экипажа расширяетъ улицы. Симптомы новой жизни очевидны. Въ этомъ старомъ кварталѣ, въ самыхъ пустынныхъ уголкахъ, показывается мостовая,

начинають расстилаться тротуары, — и все это дѣлается тамъ, гдѣ еще нѣтъ прохожихъ. Въ июль 1845 г. въ одно утро, утро досто-
замѣтное въ этихъ мѣстахъ, вдругъ задымались черныя костры
горной смолы; въ этотъ день можно было сказать, что цивилизація
вошла въ улицу Урсинъ и что Парижъ проникъ въ предмѣстье С.
Марсо.

II.

Гнѣзде совы и малиновки.

Передъ этой-то лачугой Горбо остановился Жанъ Вальжанъ. По-
добно хищнымъ птицамъ, онъ выбралъ себѣ для гнѣзда уединенное
и пустынное мѣсто.

Онъ порылся въ жилетѣ, вынулъ изъ него ключъ, открылъ дверь,
вошелъ, потомъ заботливо заперъ ее и, держа на рукахъ Козетту,
поднялся на лѣстницу.

Взойдя на нее, онъ вынулъ изъ кармана другой ключъ, которымъ
открылъ другую дверь. Комната, въ которую онъ вошелъ и которую
въ ту же минуту снова заперъ, была похожа на довольно обширный
чердакъ, убранство котораго состояло изъ положеннаго на полъ то-
пчана, стола, и нѣсколькихъ стульевъ. Въ углу была затопленная
печь. Въ глубинѣ комнаты было углубленіе, въ которомъ стояла
кровать.

Жанъ Вальжанъ отнесъ дѣвочку на эту кровать, и положилъ ее
такъ осторожно что, она не проснулась.

Онъ выбилъ огонь, и зажегъ свѣчу; и огниво, и свѣча были за-
ранѣе приготовлены на столѣ. Потомъ, какъ наканунѣ, онъ подо-
пелъ и сталъ смотрѣть на Козетту; взглядъ его былъ полонъ во-
сторга, выраженіе доброты, и умиленія доходило почти до помѣша-
тельности. Маленькая дѣвочка, съ тѣмъ спокойнымъ довѣріемъ, ко-
торое свойственно только чрезмѣрной силѣ и чрезмѣрной слабости,
уснула, не зная, съ кѣмъ она была, и продолжала спать, не зная
гдѣ она находилась.

Жанъ Вальжанъ наклонился и поцѣловалъ руку этого ребенка.

Девять мѣсяцевъ тому назадъ, онъ цѣловалъ точно также руку
матери, которая тоже только что уснула.

Сердце его было полно того же мучительнаго, религіознаго и гру-
стнаго чувства.

Онъ сталъ на колѣни около кровати.

Было совершенно свѣтло, а ребенокъ продолжалъ спать. Влѣдныи
лучи декабрьскаго солнца проходили черезъ окно чердака, и образо-
вывали на потолкѣ длинныя полосы сумрака и свѣта. Вдругъ, теле-
га съ камнями, тяжело нагруженная, проѣхала по шоссе бульвара
и, точно раскатъ грома, потрясла лачужку съ верху до низу.

— Слушаюсь, сударыня! вскричала внезапно пробужденная Козет-
та, шду, сей-часъ!

И она вскочила съ кровати, съ полузакрытыми отъ сна глазами,
протягивая руки въ уголь стѣны.

— Ахъ, Боже мой! Гдѣ же моя метла! сказала она.

Она совсѣмъ открыла глаза, и увидѣла улыбающее лицо Жана Вальжана.

— Ахъ, да, правда! сказала дѣвочка. Здравствуйте, сударь.

Дѣти скоро освоятся съ радостію и счастьемъ; такъ какъ они сами счастье и радость.

Козетта увидѣла Катю на полу у кровати, подняла ее, начала играть, и въ тоже время, дѣлала тысячу вопросовъ Жану Вальжану:— Гдѣ она находилась? Великъ-ли Парижъ? Далеко-ли госпожа Тенардь? Не прійдетъ-ли она? и т. д. Вдругъ она вскричала:

— Какъ здѣсь хорошо!

Эта была страшная берлога, но дѣвочка чувствовала себя свободно.

— Прикажете выместъ полъ? спросила она, наконецъ.

— Играй, сказалъ Жанъ Вальжанъ.

Весь день прошелъ такимъ образомъ. Козетта не заботилась по-нять что-нибудь, и была невыразиме счастлива, окруженная этой куклой и этимъ добрымъ старикомъ.

III.

Два несчастья, соединенныя вмѣстѣ, составляютъ счастье.

На слѣдующій день, рано утромъ, Жанъ Вальжанъ опять стоялъ около кровати Козетты.

Онъ неподвижно ждалъ до тѣхъ поръ, пока она проснулась.

Какое-то новое чувство овладевало его душой.

Жанъ Вальжанъ никогда ничего не любилъ. Двадцать пять лѣтъ онъ былъ одинъ на свѣтѣ. Онъ никогда не былъ ни отцомъ, ни любовникомъ, ни мужемъ, ни другомъ. На натуру онъ былъ зоркъ, яраченъ, цѣломудренъ, невѣжественъ и дикъ. Сердце этого старика каторжника было полно дѣвственности. Его сестра и дѣти ея оставили въ немъ только отдаленное и смутное воспоминаніе, которое наконецъ совершенно исчезло. Онъ всѣми силами старался отыскать это семейство, и, не найдя его, совсѣмъ позабылъ о немъ. Такова натура человѣка. Другія нѣжныя волненія юности, если только онъ когда-нибудь испытывалъ ихъ, погибли въ безднѣ.

Когда онъ увидѣлъ Козетту, когда онъ взялъ ее, унесъ и освободилъ, то почувствовалъ сильное внутреннее волненіе. Все, что было въ немъ страстного и шѣжнаго, пробудилось и устремилось къ этому ребенку. Онъ подходилъ къ кровати, въ которой она спала, и дрожалъ отъ радости; онъ испытывалъ чувство матери, и не понималъ его, потому что много непонятнаго и сладкаго въ великомъ и странномъ движеніи сердца, начинающаго любить.

Вѣдное старое сердце, вдругъ помолодѣвшее!

Но такъ какъ ему было пятьдесятъ пять лѣтъ, а Козеттѣ всего восемь, то вся любовь, которая могла бы у него быть въ продолженіи всей жизни, перешла теперь въ какое-то неизъяснимое сіяніе.

Это было второе слѣдое явленіе, встрѣчавшееся ему въ жизни; съ

епископомъ, на его горизонтѣ, занялась заря добродѣтели,— съ Козеттою, заря—любви.

Первые дни прошли въ этомъ ослѣпленіи.

Козетта, съ своей стороны, также становилась другою, сама того не зная! Она была такъ мала, когда мать ее оставила, что не помнила ее. Какъ всѣ дѣти, похожія на отростокъ виноградной лозы, пѣляющей за все, она пробовала любить. Но она не могла успѣть въ этомъ. Всѣ ее отталкивали: супруги Тенардье, ихъ дочери, другія дѣти. Она любила собаку,—собака издохла; послѣ этого никто не смотрѣлъ на нее. Страшно вымолвить—въ восьмилѣтнемъ возрастѣ у нея уже было холодное сердце. Не она была тому виною, и не способности любить не доставало ей; увы! ей не доставало возможности. Поэтому, съ перваго дня, она полюбила этого добраго старика всею душой и всѣмъ разумомъ. Она испытывала то, чего никогда еще не испытывала:—чувство радости.

Добрый старикъ пересталъ даже казаться ей старымъ и бѣднымъ. Она находила Жана Вальжана красивымъ, точно также, какъ лачугу эту прелестною.

Таковы слѣдствія зари, дѣтства, молодости и радости. Нѣтъ ничего прелестнѣе яркаго отблеска счастья на бѣдномъ чердакѣ. У всякаго изъ насъ есть въ прошедшемъ такой отблескъ.

Природа, пятьдесятъ лѣтъ разницы положили глубокое разстояніе между Жаномъ Вальжаномъ и Козеттою; это разстояніе пополнила судьба. Судьба внезапно соединила и обручила своей непреодолимой властью эти два существованія, вырванныя съ корнемъ, раздѣленные возрастами, похожія только по скорби. Въ самомъ дѣлѣ одно изъ нихъ дополняло другую. Инстинктъ Козетты искалъ отца, точно также, какъ инстинктъ Жана Вальжана искалъ дочь. Въ ту таинственную минуту, когда ихъ руки прикоснулись одна къ другой, онѣ соединились на-вѣки. Когда эти двѣ души встрѣтились, онѣ поняли что были необходимы одна другой, и сплелись въ тѣсномъ объятіи.

Жанъ Вальжанъ удачно выбралъ себѣ убѣжище. Тутъ онъ находился въ безопасности, которая казалась несомнѣнною.

Комната съ углубленіемъ, которую онъ занималъ съ Козеттою, окномъ выходила на бульваръ. Это было единственное окошко въ домѣ, поэтому нечего было бояться никакихъ взглядовъ сосѣдей.

Нижній этажъ номера 50—52, было нѣчто въ родѣ стараго сарая и служилъ кладовою огородникамъ; онъ не имѣлъ никакого сообщенія съ верхнимъ этажемъ. Онъ былъ отдѣленъ отъ него поломъ, въ которомъ не было ни лѣстницы, ни потаенныхъ ходовъ. Верхній этажъ состоялъ, какъ мы уже сказали, изъ нѣсколькихъ комнатъ и нѣсколькихъ чердаковъ, изъ которыхъ одинъ занимала старуха, смотрѣвшая за хозяйствомъ Жана Вальжана. Все остальное было пусто.

Это была та самая старуха, украшенная названіемъ *главнаго жмѣльца*, а въ дѣйствительности исполнявшая должность дворничихи, которая отдала ему эту квартиру въ день Рождества. Онъ назвался капиталистомъ, развороннымъ испанскими боами и сказалъ, что пере-

ѣдетъ къ ней съ внучкой. Онъ заплатилъ впередъ за шесть мѣсяцевъ, и поручилъ старухѣ меблировать комнату. Эта-то добрая старуха, въ тотъ вечеръ когда они прѣѣхали, затопила печь и все приготовила.

Прошло нѣсколько недѣль. Эти два существа проводили счастливую жизнь въ этой несчастной лачугѣ.

Козетта, съ ранняго утра, смѣялась, болтала, пѣла. У дѣтей есть своя утренняя пѣсня, какъ у птицы.

Иногда случалось, что Жанъ Вальжанъ бралъ ея маленькую красную и отмороженную руку, и цѣловалъ ее. Вѣдное дитя, привыкшее къ побоямъ, не знало что это значить, и уходило совсѣмъ сконфуженное.

Она иногда дѣлалась серьезною, посматривала на свое черное платье. Она уже не была въ рубищѣ, но ходила въ траурѣ. Она выходила въ нищеты, и входила въ жизнь.

Жанъ Вальжанъ началъ учить ее читать. Иногда, заставляя читать ее по складамъ, онъ думалъ, что самъ выучился читать на галерахъ съ преступными цѣльями. Это намѣреніе смѣнилось желаніемъ учить читать ребенка. Тогда старій каторжникъ улыбался задумчивою улыбкою.

Онъ чувствовалъ въ этомъ предназначеніе свыше, полю кого-то, кто не былъ человѣкъ, и онъ глубоко погружался въ задумчивость. У хорошихъ мыслей есть своя бездна, какъ и у худыхъ.

Учить читать Козетту, смотрѣть какъ она играетъ, вотъ что составляло почти всю жизнь Жана Вальжана. Потому онъ говорилъ ей о матеря, и заставлялъ молиться.

Она называла его: *отецъ*, и другаго имени не знала.

Онъ проводилъ цѣлыя часы, любуясь, какъ она одѣвала и раздѣвала куклу, и слушая ее шепетанье. Жизнь казалась ему полною привлекательности, люди казались ему добрыми и справедливыми; онъ не упрекалъ уже ни въ чемъ никого, онъ не желалъ уже не дожить до глубокой старости, не желалъ теперь, когда эта дѣвочка любила его. Онъ видѣлъ передъ собою цѣлую будущность освѣщенную Козеттою, какъ прелестнымъ свѣтомъ. Лучшіе люди не лишены эгоистическихъ мыслей. Иногда онъ съ какою-то радостью думалъ, что она будетъ дурна собою.

Это только наше личное мнѣніе, но, чтобъ вполне объяснить нашу мысль, мы еще не убѣждены, что Жану Вальжану необходимо было это подкрѣпленіе для того, чтобъ онъ продолжалъ оставаться добрымъ. Передъ нимъ теперь появились недавно новыя картины злости людской, нищеты общества, картины не полныя и показывавшія только одну сторону правды, судьбу женщины—выраженную въ Фантинѣ, общественную власть—олицетворенную въ Жаверѣ; его еще разъ сослали на каторгу, и на этотъ разъ за доброе дѣло; новыя горести наполнили его жизнь; изнеможеніе и отвращеніе овладѣвали имъ, даже воспомнаніе объ епископѣ иногда совсѣмъ исчезало, для того, можетъ быть, чтобъ позже снова явиться сіяющимъ

и торжествующимъ; но, все-таки, это священное воспоминаніе ослабвало, Какъ знать! Можетъ быть, Жанъ Вальжанъ былъ уже близокъ къ унынію и къ вторичному паденію? Онъ полюбилъ, и укрѣпился снова. Увы! онъ былъ шатокъ не менѣе Козетты. Онъ защитилъ ее, она укрѣпила его. Благодаря ему, она могла идти по жизненному пути; благодаря ее, онъ могъ продолжать свою добродѣтельную жизнь. Онъ былъ опорой этого ребенка, а этотъ ребенокъ служилъ опорой ему. О божественная и глубокая тайна равновѣсія судьбы!

IV.

Замѣчанія главной жилицы.

Жанъ Вальжанъ имѣлъ осторожность никогда не выходить изъ-дому днемъ. Всякій вечеръ, въ сумерки, онъ гулялъ часъ или два, иногда одинъ, иногда съ Козеттой, выбирая боковыя аллеи самыхъ пустынныхъ бульваровъ, входя въ церкви при наступленіи темноты. Онъ любилъ ходить въ ближайшую церковь снятаго Медара. Когда онъ не уводилъ съ собою Козетту, то она оставалась съ старухой, но для нея было большою радостью гулять съ Жаномъ Вальжаномъ. Она даже лучше любила проводить часъ съ нимъ, чѣмъ играть съ Катой. Прогуливаясь, онъ держалъ ее за руку, и говорилъ ей ласковыя слова.

Оказалось, что Козетта очень веселаго нрава.

Старуха смотрѣла за хозяйствомъ, стряпала и ходила на рынокъ за провизіей.

Они жили очень тихо, не скаредно, но какъ люди совсѣмъ бѣдные. Жанъ Вальжанъ не перемѣнилъ ничего въ той мебелировкѣ комнаты, которую онъ напелъ въ первый день поселенія своего на этой квартирѣ; только въ кабинетѣ Козетты, онъ, вмѣсто стеклянной двери, велѣлъ вставить деревянную.

Онъ продолжалъ носить свой желтый сюртукъ, черныя брюки и старую шляпу. На улицѣ его принимали за нищаго. Иногда случалось, что добрыя женщины, проходя мимо его, останавливались и подавали ему грошъ. Жанъ Вальжанъ принималъ грошъ и низко кланялся. Случалось также иногда, что онъ, встрѣчая какого-нибудь несчастнаго, просившаго милостыню, оглядывался, и если никто не смотрѣлъ на него, украдкою подходилъ къ бѣдняку, клалъ ему въ руку монету, иногда даже серебряную, и быстро удалялся. Это имѣло свои неудобства. Въ кварталѣ его начинали знать подъ именемъ *нищаго, раздающаго милостыню*.

Старуха, называвшаяся *главною жилицею*, брюзгливое существо, полное той внимательности къ ближнимъ, которое свойственно завистливымъ людямъ, постоянно подсматривала за Жаномъ Вальжаномъ, а онъ и не подозревалъ этого. Она была немного глуха и, въ слѣдствіе этого, болтлива. Отъ ея прошедшаго у ней оставалось только два зуба, одинъ вверху, другой внизу, которые постоянно стлкнувались. Она много спрашивала Козетту, которая, ничего не зная,

ничего не могла ей сказать, кромѣ того, что она пріѣхала изъ Монфермея.

Въ одно утро, эта женщина увидѣла, какъ Жанъ Вальжанъ вошелъ въ одно изъ необитаемыхъ отдѣленій лачужки; видъ его показался ей очень страннымъ. Она послѣдовала за нимъ съ осторожностію старой кошки, и начала слѣдить за нимъ сквозь щель двери, такъ что онъ ее не видѣлъ. Жанъ Вальжанъ, вѣроятно для большей предосторожности, стоялъ къ этой двери спиною. Старуха видѣла, что онъ пошарилъ у себя въ карманѣ, досталъ изъ него футляръ, ножницы и нитки, потомъ сталъ распарывать подкладку помы сюртука, вынулъ изъ сдѣланнаго имъ отверстія желтоватый кусокъ бумаги, и развернулъ ее. Старуха съ ужасомъ узнала банковый билетъ въ тысячу франковъ. Она во второй или третій разъ въ жизни видѣла такіе билеты. Она убѣжала въ большемъ испугѣ. Черезъ минуту Жанъ Вальжанъ подошелъ къ ней, и попросилъ пойти разбираться ему этотъ билетъ, прибавивъ что это полугодовой доходъ его, который онъ получилъ наконецъ.

— Гдѣ? подумала она. Онъ выпшелъ только въ шесть часовъ вечера, а въ эти часы, конечно, правительственная касса не открыта. Старуха пошла рѣшить этотъ билетъ и высказала сосѣдямъ свои предположенія. Этотъ билетъ въ тысячу франковъ, пройдя сквозь разные комментаріи, произвелъ множество горячихъ толковъ между кумушками улицы Виль-Сен-Марсель.

Случилось такъ, что, въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, Жанъ Вальжанъ безъ сюртука, пилялъ дрова въ корридорѣ. Старуха была въ его комнатѣ и хозяйничала. Она была одна, Козетта любовалась въ корридорѣ на пиляшіеся дрова: старуха увидела желтый сюртукъ Жана Вальжана висѣвшій на гвоздѣ, и пощупала его. Подкладка была опять подшита. Добрая женщина внимательно осмотрѣла его, дострогала, и ей показалося, что она почувствовала въ полахъ и обшивкахъ толсто-сложенныя бумаги. Конечно еще тысяча-франковыя билеты!

Кромѣ того, она замѣтила, что въ карманахъ были вещи разнаго рода, не только иголки, ножницы и нитки, которыя она видѣла, но еще толстый портфель, огромный ножъ и, что подозрительно всего, нѣсколько париковъ разнаго цвѣта. Всякій карманъ этого сюртука, казалось, былъ сдѣланъ для непредвидѣнныхъ случаевъ.

Такимъ образомъ жильцы этой лачуги дожили до конца зимы.

V.

Пяти-франковая монета, падая на полъ, производитъ шумъ.

Около Сен-Медара, на ступенькахъ заложеннаго колодца, всегда сидѣлъ старый нищій, которому Жанъ Вальжанъ съ охотою подавалъ милостыню. Онъ никогда не проходилъ его, не подавъ ему нѣсколько су. Иногда онъ заговаривалъ съ нимъ. Завистлики этого нищаго говорили что онъ изъ тайной полиціи. Это былъ старый пономарь семидесяти пяти лѣтъ, постоянно бормочущій молитвы.

Однажды вечеромъ, когда Жанъ Вальжанъ проходилъ по этой улицѣ, на этотъ разъ безъ Козетты, онъ увидалъ нищаго на его обыкновенномъ мѣстѣ, подъ только что зажженнымъ фонаремъ. Этотъ человекъ, по своей привычкѣ, казалось молился и стоялъ совсѣмъ наклонивъ голову. Жанъ Вальжанъ подошелъ къ нему, и положилъ въ руку свое обыкновенное приношеніе. Нищій внезапно поднялъ глаза, пристально посмотрѣлъ на Жана Вальжана, и потомъ быстро опустилъ голову. Это движеніе было мгновенное. Жанъ Вальжанъ содрогнулся. Ему показалось что онъ различалъ, при свѣтѣ фонаря, не набожное и кроткое лицо стараго пономаре, но знакомую и страшную фигуру. Онъ ощутилъ то впечатлѣніе, которое можно только почувствовать при встрѣчѣ лицомъ къ лицу и въ темнотѣ съ тигромъ. Онъ отступилъ, окаменѣвъ отъ ужаса, не смѣя ни вздохнуть, ни говорить, ни оставаться, ни бѣжать, осматривая нищаго, который стоялъ опустивъ голову и, казалось, забывъ о присутствіи Жана Вальжана. Въ эту странную минуту какой-то инстинктъ, можетъ быть таинственный инстинктъ самосохраненія, побудилъ его не произнести ни слова. Нищій былъ того же роста, въ тѣхъ же трапкахъ, имѣлъ ежедневный свой видъ. Пустяки!... сказалъ Жанъ Вальжанъ, я сошелъ съума! я грежу! невозможно! И онъ возвратился домой въ глубокой задумчивости.

Онъ едва осмѣливался признаться себѣ что фигура, которую онъ только что видѣлъ, была фигура Жавера.

Почью, размышляя объ этомъ, онъ пожалѣлъ, что не заговорилъ съ этимъ человекомъ, чтобы заставить его второй разъ поднять голову.

На слѣдующій день, когда стемнѣло, онъ опять пошелъ къ колодецу. Нищій стоялъ на своемъ мѣстѣ. — Здравствуй, старина, сказалъ рѣшительно Жанъ Вальжанъ, давая ему су. Нищій поднялъ голову и отвѣчалъ жалобнымъ голосомъ: — Благодарю васъ, мой добрый господинъ.—Это былъ дѣйствительно старый пономарь.

Жанъ Вальжанъ почувствовалъ себя въ совершенной безопасности: онъ засмѣялся.—И съ чего мнѣ почудилось, что это Жаверъ? подумалъ онъ. Ужъ не помутилось-ли мое зрѣніе? — И онъ пересталъ думать объ этомъ.

Черезъ нѣсколько дней, часовъ въ восемь вечера, когда онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и училъ Козетту читать вслухъ, онъ услышалъ, что кто-то открывалъ и закрывалъ дверь лачуги. Это показалось ему страннымъ. Старуха, единственная обитательница дома, обыкновенно ложилась спать въ сумерки, чтобъ не жечь свѣчи. Жанъ Вальжанъ сдѣлалъ Козеттѣ знакъ молчать. Онъ услышалъ, что кто-то всходитъ по лѣстницѣ. Онъ подумалъ что это могла быть старуха, которая могла заболѣть и идти къ аптекарю. Жанъ Вальжанъ сталъ прислушиваться. Шаги были тяжелые и походили на мужскіе; но старуха носила толстые башмаки и притомъ, ничто не похоже такъ на мужскіе шаги, какъ шаги старой женщины. Однакожь Жанъ Вальжанъ потушилъ свѣчу.

Онъ отослалъ Козетту спать, тихо сказавъ ей: — Раздѣйся какъ можно тише. Въ то самое время, когда онъ цѣловалъ ее въ лобъ, шаги остановились. Жанъ Вальжанъ сидѣлъ на стулѣ, молча, неподвижно, повернувшись спиной къ двери и въ темнотѣ удерживая дыханіе. Черезъ нѣсколько времени, не слыша больше ничего, онъ тихо повернулся, и, когда поднялъ глаза на дверь комнаты, увидѣлъ сквозь замочную скважину свѣтъ. Этотъ свѣтъ образовалъ родъ зловѣщей звѣзды въ черномъ пространствѣ между стѣною и дверью. Очевидно, тамъ кто-то стоялъ со свѣчою въ рукахъ, и слушалъ.

Прошло нѣсколько минутъ, и свѣтъ исчезъ. Только теперь не было слышно никакого шума шаговъ, что казалось, доказывало, что тотъ, кто приходилъ слушать къ двери, снялъ свои башмаки.

Жанъ Вальжанъ бросился на кровать не раздѣваясь, и во всю ночь не сомкнулъ глазъ.

На разсвѣтѣ, онъ задремалъ отъ усталости, но былъ снова разбуженъ скрипомъ двери, открывавшейся на какомъ-то чердакѣ въ глубинѣ корридора, потому что онъ услышалъ тѣже мужскіе шаги, которые наканунѣ входили по лѣстницѣ. Шаги приближались. Онъ соскочилъ съ кровати и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ, довольно большой въ этой двери, надѣясь увидѣть какое-нибудь существо, вошедшее въ лачугу ночью и подслушивавшее у его двери. Дѣйствительно, на этотъ разъ, какой-то мужчина, прошелъ, не останавливаясь мимо комнаты Жана Вальжана. Въ корридорѣ было еще слишкомъ темно, чтобъ можно было различить лице его; но, когда этотъ человекъ подошелъ къ лѣстницѣ, лучъ свѣта извнѣ обрисовалъ его силуэтъ, и Жанъ Вальжанъ увидалъ его спину. Человекъ этотъ былъ высокаго роста, въ длинномъ сюртукѣ, съ дубинкой подъ рукой. Это была страшная фигура Жавера.

Жанъ Вальжанъ могъ бы попробовать удостовѣриться что это дѣйствительно Жаверъ, черезъ свое окно, выходявшее на бульваръ; но для этого нужно было открыть окно;—онъ не посмѣлъ.

Было очевидно, что этотъ человекъ взомелъ съ ключемъ, и какъ бы къ себѣ въ квартиру. Кто ему далъ? этотъ ключъ? что это все значило?

Въ семь часовъ утра, когда старуха пришла убирать комнату, Жанъ Вальжанъ бросилъ на нее пылливый взглядъ, но не сдѣлалъ никакого вопроса. Добрая старуха была таже какъ и всегда.

Мета полъ, она ему сказала:

— Вы, сударь, можетъ быть слышали какъ кто-то входилъ сюда сегодня ночью?

Въ эти года, и на этомъ бульварѣ, восемь часовъ вечера считались за глубокую ночь.

— Ахъ да въ самомъ дѣлѣ; отвѣчалъ онъ самымъ естественнымъ тономъ. Кто же это былъ?

— Это новый жилецъ;—сказала старуха,— который живетъ тутъ въ домѣ.

— И котораго зовутъ?

— Я право не знаю. Дюмонъ или Домонъ. Что-то въ родѣ этого.

— А кто онъ такой, этотъ господинъ Дюмонъ?

Старуха посмотрѣла на него своими хорьковыми глазами, и отвѣтила:

— Онъ также живетъ доходами, какъ и вы.

Она, можетъ быть, говорила безъ всякаго умысла. Жану Вальжану показалось, что у нея было на умѣ что-то недоброе.

Когда старуха ушла, онъ сдѣлалъ свертокъ изъ сотни франковъ, которые хранились у него въ шкапу, и положилъ ихъ себѣ въ карманъ. Не смотря на всѣ старанія его уложить деньги безъ шума, одна монета въ сто су выпала у него изъ рукъ, и покатилась съ шумомъ по полу.

Въ сумеркахъ, онъ сошелъ внизъ, и внимательно посмотрѣлъ во всѣ стороны бульвара. Онъ никого не увидѣлъ. Бульваръ казался всеѣмъ пустыннымъ. Правда, что за деревьями можно было спрятаться.

Онъ поднялся на лѣстницу.

— Пойдемъ, сказалъ онъ Козеттѣ.

Онъ взялъ ее за руку, и они оба вышли изъ квартиры.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧЪ ✓

МИНИНЪ-СУХОРУКЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА, ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІАХЪ, СЪ ЭПИЛОГОМЪ, ВЪ СТИХАХЪ. СОЧИНЕНІЕ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

(«Современникъ». 1862. № I.)

Прежде указанія на эстетическія качества этого новаго произведенія г. Островскаго, мы считаемъ неизлишнимъ высказать свое послѣднее мнѣніе: правильно-ли отнесся авторъ къ той исторической эпохѣ, которую онъ изображаетъ, то есть, по надлежащей-ли канвѣ онъ вышиваетъ свои художественные узоры? Въ такомъ случаѣ, принимается основною извѣстное положеііе, что «искусство есть воспроизведеніе дѣйствительности», а изъ этого вытекаетъ послѣдовательно самъ собою вопросъ: что такое времена междуцарствія на Руси, что за челоуѣкъ могъ быть Мининъ и какова среда, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ?

Нисколько не входя въ подробныя историческія изслѣдованія тогда (чему здѣсь и не мѣсто), мы представляемъ свой взглядъ на эпоху, по крайнему нашему разумѣнію, и имѣемъ въ виду высказать его кратко, но опредѣлительно.

Времена самозванцевъ и междуцарствія были исповѣдью Московскаго государства.

Въ удѣльно-вѣчевой, въ федеральный періодъ Руси, татарская орда поработила ее. Русская федерація оказалась слабою и несостоятельною для противодѣйствія внѣшнимъ напорамъ завоевателей: одна половина Руси досталась татарамъ, другая, чрезъ Литву—Польшѣ. Когда образовалось Московское княжество и сдѣлалось великимъ княженіемъ, имѣвшимъ съ своими властелинами, татарами, непосредственное соотношеніе за всю сѣверо-восточную Русь, оно представляло собою предъ Ордой какъ-бы всю Русь, собирая въ свои руки дань съ удѣльныхъ княжествъ и вѣдаясь за нихъ съ татарами, которымъ было весьма сручно подобное собираніе дани. Это подало поводъ московскимъ великимъ князьямъ, пользуясь своею гегемонією, мало-по-малу, посредствомъ хитрой, послѣдовательной, политики, то приобщать къ Москвѣ удѣльныя княжества, то стѣснять и уменьшать права ихъ, то извращать ихъ прежній строй.

Такъ началось *собираніе* земли Русской воедино.

Только усилившись собираніемъ земли, великіе князья московскіе могли свергнуть со всей Руси иго завоевателей, сдѣлаться изъ подначальныхъ государей «вольными» царями и дать Руси государственную самостоятельность...

Да и существовала-ли бы самая Россія въ такомъ видѣ и смыслѣ, въ какихъ она теперь, безъ московскаго собранія земли? Не были-ли бы мы, русскіе, теперь въ такомъ положеніи, въ какомъ находятся славяне въ Австріи?

Собравъ русскую землю, московскіе цари старались вводить въ нее, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности, государственнй строй, вливать въ государственную форму и натягивать на государственную идею, болѣе или менѣе, всѣ нормальныя данныя тогдашней русской жизни. Очевидно, что это могло дѣлаться круто, неестественно, насильственно — и въ новомъ московскомъ строѣ ирлыось много дикаго нестроенія, несообразностей своего рода и данныхъ, сдержанныхъ, но стремящихся ити врознь. Развитие холопства, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, въ видахъ государственной необходимости, образованіе казачества, управленіе областями посредствомъ воеводъ, совершенное отсутствіе путей сообщенія при централизація, жестокія наказанія, пытки и казни—чего не было въ удѣльной порѣ—множество поборовъ, пошлинъ, податей, стѣсненіе мѣстнаго земскаго самоуправленія, развитіе приказнаго элемента, прѣобщеніе, отчасти, къ способамъ чисто-національнаго управленія, понятій

и форты, заимствованныхъ отъ татаръ и Византии — все это должно было заброить при первомъ удобномъ случаѣ.

Произволь царей, по отношенію къ *болярству* — уничтоженіе права отъѣзда, произволь относительно правъ личности и собственности бояръ, которые уже называются холопами государыни и сдѣлались не болѣе, какъ царскими приказными людьми, обращеніе удѣльныхъ князей въ государственное ничто — все это породило, естественно, въ боярствѣ и дворянствѣ печальныя явленія временъ самозванцевъ и междуцарствія: узкій, своекорыстный, частный эгоизмъ, мелочныя виды и стремленія, отсутствіе прямаго патріотизма, духъ холопства и стараніе, при всякомъ случаѣ, ловить для себя въ мутной водѣ рыбу насчетъ государства и земщины. Бояре и воеводы, во время страшной опасности, смуть, распаденія въ отечествѣ, то-и-дѣло выпрашиваютъ себѣ или у самозванцевъ, или у Шуйскаго, или у Владислава и даже у козодыери — Льва Сапѣги, атамана грабителей — Заруцкаго и у правительственныхъ бояръ актовъ на владѣніе волостями и селами, перебѣгая отъ одного стана къ другому, измѣняя и вновь каясь въ измѣнѣ, единственно изъ мелкихъ своекорыстныхъ видовъ, чему даже нечужды и имена Ляпуновыхъ *; князь Дмитрій Трубецкой присягаетъ даже грубо очевидному псковскому самозванцу, присягаетъ явно съ цѣлью, авось-либо можно будетъ и здѣсь чѣмъ-нибудь покорыствоваться. Словомъ, политическая и всяческая безнравственность высшихъ классовъ русскаго общества является въ эту пору во всей своей цинической наготѣ и безобразіи.

Наконецъ увидѣли бояре и воеводы, что всѣ эти волости и села шатки, что они безпрестанно переходятъ изъ рукъ въ руки, что нѣтъ ничего вѣрнаго, положительнаго, что земля бѣднѣетъ, разоряется и начинаютъ по расчету присоединяться къ *очинцелию земли* отъ наброда чужеземцевъ и разбойниковъ, но все-таки проходя чрезъ обычную тину разныхъ мелко-корыстныхъ крамолъ и смуть... Но, принимая во вниманіе человѣческую слабость вообще, строгій судъ надъ этими людьми можетъ нѣкоторымъ образомъ смягчаться, когда намъ представляется вопросъ: изъ-за чего же было имъ патріотствовать? Какое собственно *юсудаство* они должны были самоотверженно охранять? какія начала, основы его могли быть дороги человѣку? Что пред-

* «Акты историч.» Т. II. №№ 286—298—311 и проч.

ставляло тогда Московское государство, насильственно-сколоченное изъ удѣльно-вѣчеваго, областного строя и сбитое татарско-византійскими скрънями?... Да! эти люди невольно помнили и безумно-разнузданный произволъ Ивана Грознаго, и годуновскія гоненія, и многое тому подобное... А каково-то еще было политическое и нравственное воспитаніе этихъ людей?... Были-ли тогда ограждены въ государствѣ человѣческими, разумными, неизблемымъ закономъ честь, совѣсть, жизнь, личность и имущество человѣка? были ли свободны въ немъ какія бы то ни было гражданскія отправления личности?... Послѣ этого понятно, отчего въ смутное время такъ рѣзко проявилось мелочное матеріальное своекорыстіе, узкое, безгражданственное себялюбіе общественныхъ дѣятелей. Но хранилась исконная, коренно-прирожденная русская доблесть, какъ никогда не умирающая искра, не загасла она и въ это безотрадное время, — и преемственные сосуды-носители ея были земледѣльческой народъ, Пожарскіе, Минины, Гермогены!...

Дѣло *духовенства* относительно очищенія земли по преимуществу начинается съ объявленія царемъ королевича Владислава, а тѣмъ болѣе, когда замѣтно стало притязаніе самого Сигизмунда на московскій престолъ. Очевидно, что *православному* духовенству, при царѣ-*католикѣ* было бы тяжело... Куда бы дѣвались богатые монастырскія имущества, села и деревни, монастырскіе запасы, житницы, погреба, ломившіеся отъ пива и медовъ — вся эта роскошная жизнь въ изобиліи и богатствѣ! Духовенство положительно могло предусматривать, что подобныя блага міра сего будутъ мало-по-малу ограничиваться и уничтожаться при *власцелинѣ-католикѣ*, надъ которымъ имѣетъ верхъ католическое духовенство съ своими иезуитами.

Монастырскія общины въ Московскомъ государствѣ всегда имѣли житейско-практическое направленіе, что показываютъ сотни древнихъ юридическихъ актовъ, представляющихъ тяжбы монарховъ съ крестьянами, помѣщиками и посадскими за земли, ужожи, угоды, рыболовные мѣста и т. п. (Стычки и драки мужиковъ села Лыкова съ монахами и служками Макарьевского монастыря изъ-за экономическихъ отношеній * и проч., и проч.)

О степени нравственности тогдашняго духовенства мы тоже имѣемъ множество памятниковъ: всѣ они, болѣе или менѣе, мо-

* «Иллюстрація». 1862. Статья П. И. Мельникова.

гуть поразить насъ крайнимъ цинизмомъ фактовъ. Не будемъ говорить уже о показаніяхъ иностранныхъ путешественниковъ: въ нашихъ «Актахъ историческихъ», «Актахъ археографической экспедиціи», «Актахъ юридическихъ», «Запискахъ археографическаго Общества» и другихъ издачіяхъ находятся довольно свидѣтельствъ не въ пользу духовенства, которое, большею частью, «смирляя плетми», по тогдашнему выраженію. Изъ этихъ же актовъ видно, что духовенство постоянно стремилось къ великимъ мірскимъ, овоекорыстнымъ цѣлямъ въ сферѣ грубо-матеріальныхъ, экономическихъ отношеній и выгодъ, какъ въ то, такъ и въ нѣсколько позднѣйшее время, въ которое нравы другихъ сословій уже нѣсколько смягчились*.

Подобное поведеніе духовенства, — что можно доказать историческими и юридическими актами того времени, — поставило народъ къ органамъ, учителямъ и провозвѣстникамъ религіи въ такіе отношенія, которыя явственно вредили самой вѣрѣ народа и чистотѣ его религіознаго чувства. Приведемъ изъ многихъ хоть два три примѣра, и возьмемъ ихъ изъ жизни высшихъ и богіе благочестивыхъ представителей религіи, не говоря уже о низшихъ степеняхъ іерархіи, бывшихъ въ непосредственныхъ и повседневныхъ сношеніяхъ съ народомъ.

Вотъ что пишетъ Патріархъ Іовъ о низложеніи своемъ въ Москвѣ:

«Множество народа царствующаго града Москвы видоша во святую соборную и Апостольскую церковь со оружіемъ и древолоемъ во время святаго и божественнаго пѣнія, и видоша во святыи алтарь, и меня, Іева, патріарха, изъ алтаря взяша, и во церкви и по площади таская, позориша многими позорами, и въ царскихъ полатахъ подобіе Христова тѣлеси и Пречистыя Богородицы и Архангеловъ, иже уготовано было на Господню Плащеницу, подъ золотые чеканные образы, — и то вражією ненавистію раздробиша и на колья и на рога тилы втыкая, по граду и по торжищу носяжу, позоряще» («Акты Археогр. Эксп.» Томъ II).

Приведемъ примѣръ дѣявій народа въ другой мѣстности, по отношенію къ духовенству и святынь, именно, въ Ростовѣ:

«Переславци, аки волки свирѣпы, возопиша великимъ гласомъ и начаша къ церкви приступати, и выбиша двери цер-

* «Архивъ» Калачова. 1860—1861. № 2. Матеріалъ для исторіи волжскихъ разбойниковъ.

ковныя, и начаша людей същя, и побивша многое множество народа. Митрополита же взяша и *святительскія ризы на немъ ободраша, а церкви Божія разориха.*»

Далѣе, тутъ же говорится многозначительно, что «не отъ Литовскаго народа бысть больше разореніе, но отъ своего народа христіанскаго» («Литовиес о мног. матеж»).

Или, даже спустя послѣ этого лѣтъ чрезъ двадцать-пять, когда уже Московское государство довольно поустроилось, вотъ что дѣялось въ храмахъ:

«Во время же святаго пѣнія ходять по церквамъ *штими*, съ безстрашіемъ, человекъ по десяти и больше, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и митежъ.» (Изъ памяти патріарха Іоасафа тіуну, — 1636 г.)

Не мѣшаетъ также, кстати, вспомнить *уличные маскарады* Петра I-го, съ его іерархами въ маскарадномъ видѣ, съ этимъ площаднымъ государственнымъ кощунствомъ надъ предметами вѣры и ея органами, чѣмъ народъ, съ своей стороны, тоже потѣшался, да и шутовскую свадьбу Князь-Пауы (Зотова), программа которой подписана архіепископомъ Теофаномъ. Вспомнимъ и афишки этихъ шутовскихъ маскарадовъ съ такими *прозвищами* іерарховъ, что теперь нельзя сказать ни печатно, ни изустно. («Записки Бергольца» томъ IV, приложенія).

Подобныхъ свидѣтельствъ въ нашихъ старинныхъ актахъ такъ много, что всего не выпишешь. Стоять только указать на одно «Сказаніе Авраамія *Палицына*», отъ страницы 34 по страницу 58, не говоря уже о своекорыстныхъ измѣнахъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, какъ, на примѣръ, казначея, іеромонаха Іосифа Дѣвочкина въ пользу католика Сапѣги и «Лютора» Дюсовскаго, осаждавшихъ Троицкую Лавру, да и Лавруто вмѣстѣ съ литовцами и поляками осаждали большею частью *русскіе люди*, съ намѣреніемъ поживиться отъ богатствъ ея.

Сами Палицынъ и знаменитый Діонисій защищали не Московское государство вообще, но, посредствомъ него, собственно свою питаницу, свое гнѣздо, лавру, и писали извѣстныя грамматы въ разныя мѣста, сознавая солидарность Москвы и государства со своею ассоціаціею и корпораціею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стоя за православіе, угрожаемое впереди католичествомъ.

А что тогда были монастырскія общины въ экономическомъ смыслѣ — вотъ тому одинъ изъ многихъ примѣровъ, взятыхъ изъ быта малозначительнаго, вологодскаго Спасо-Врмлуцкаго

монастыря, во время обереганья Вологды сибирскимъ цареви-
чемъ Арсаданомъ Алеевичемъ. Онъ оралъ съ этого монастыря
во все время занятія Вологды, на одного только себя, про свой
личный обиходъ, *ежедневно* одного пива 20 ведеръ, не считая
того, что прежде, и въ это время, монастырь доставлялъ на
прокормленіе войска то неприятелей, то своихъ оберегателей,
огромное количество разнаго хлѣба, рыбы, мкры, крупъ, вина,
меду, овощей и проч. И такъ, патриотизмъ духовнаго сословія
понятенъ, когда дѣло шло о жизни и смерти православнаго
духовенства подъ католиками. Но героическій, самоотвержен-
ный, великій подвигъ Гермогена, моложившаго безкорыстно ду-
шу свою за идею, за Русь своего идеала, разумѣется, не вхо-
дитъ въ этого уровеньъ, какъ носитель глубоко-внутренней, ко-
ренино-жизненной, хоть имѣвшей возможность и поводъ рѣдко
проявляться, прямой русской доблести.

Во всехъ классахъ русскаго народа *практическая жизнь*
была на первомъ планѣ: таково уже свойство народа и, къ то-
му жъ еще, и необходимо вытекающее изъ историческихъ и госу-
дарственныхъ причинъ.

Религія была крѣпко и ненарушимо соблюдаема (особенно въ
ея высшихъ, образныхъ, такъ сказать, этическихъ выраженіяхъ
и постановкѣ), пока только не соприкасались житейскимъ, прак-
тическимъ интересамъ, не сталкивались съ обиходными, насущ-
ными, материально необходимыми данными жизни, первыми ея
потребностями, личнымъ своекорыстіемъ и т. п.

Все это ведетъ насъ къ тому, что г. Островскій почти ис-
ключительно построилъ свою драму на чисто-религіозномъ чув-
ствѣ, которое, разумѣется, должно было вонти въ нее, но не
иначе, какъ аксессуаромъ.

Поэтому мы имѣемъ прямой поводъ думать, что основа дра-
мы г. Островскаго *односторонняя*, следовательно, *недостаточно-
цѣлостная* въ историческомъ и народномъ отношеніи.

Движеніе на освобожденіе Россіи началось въ Нижнемъ Нов-
городѣ съ посадскихъ людей, т. е., съ городского и *торгового*
сословія.

Извѣстно, что государственные беззаконія, внутреннія смуты
и всякая война — петля торговымъ людямъ: отсюда происте-
кають все разоренія и банкротства, дичья и въ настоящее время,
и тѣмъ болѣе въ ту пору, когда Московское государство выно-
дилось было полчищами татарскихъ грабителей, иными дичьями

разбойниковъ, утопало въ крови, освѣщалось пожарами, отъ-
шалося воплями ужасныхъ предсмертныхъ мукъ и пытокъ, и
вообще представляло зрѣлище невиданныхъ и неслыханныхъ
народныхъ бѣдствій и страданій, при разнузданномъ своеволіи,
хаосѣ, всякой безурядицѣ и насиліяхъ.... Чѣмъ же въ это
время и въ послѣдствіяхъ его могло пробавляться торговое со-
словіе, когда совершенно прекратилась всякая *жыла* произве-
деній (выражаясь политико-экономическимъ терминомъ)? Сама
собою вытекала отсюда настоятельно-практическая необходи-
мость *очистить* землю отъ непріятелей и злодѣевъ, — и ини-
ціатива неизбѣжно должна была пойдти именно съ торговыхъ
людей. Вотъ и начинаются ссылки города съ городомъ, области
съ областью, въ видахъ взаимной защиты, сначала въ извѣст-
ныхъ мѣстностяхъ, чтобы можно было хоть сколько-нибудь про-
изводить необходимую мѣну и торговлю, безъ чего было бы и
жыть нечего, и одѣться не во что. Потомъ, вида непрочность
и невѣрность мѣстной безопасности, торговцы должны были
подумать объ очищеніи *всего* Московскаго государства, что яв-
лялось такъ логически, такъ послѣдовательно, такъ неизбѣжно.

Многіе бояре и воеводы, на средства, доставляемые земщи-
ною и торговыми людьми, занимались профессією очищенія
земли, но большею частью безуспѣшно. Соберутъ, бывало, про-
виантъ и другія принадлежности войны, соберутъ, положимъ,
деньги, отдадутъ ихъ въ распоряженіе военачальника (да
онъ, можно полагать, подъ этимъ условіемъ, только и согла-
шавшая предводительствовать), столкнется онъ съ непріятелемъ,
при первой неудачѣ все разбѣжится, — и воевода развѣ не
могъ воспользоваться этими деньгами, отговариваясь, что, при
разгромѣ, они достались въ добычу непріятелю?...

Нижегородскимъ торговымъ и посадскимъ людямъ представи-
лась такая неизбѣжная дилемма: или ничего не предприини-
мать для очищенія земли, — тогда, навѣрное, литва, поляки,
казаки и русскіе воры, рано-ль, поздно ль, нахлынутъ на Ниж-
ній, разграбятъ въ немъ все до нитки, и тѣхъ изъ жителей,
кого не замучать до смерти, пустятъ по міру, заставятъ, какъ
звѣрей, скитаться по лѣсамъ, что необходимо предстояло въ
перспективѣ, при *мемориальности* польской верховной власти
въ Россіи, какъ источника постоянныхъ смутъ впереди, при
правительствѣ, немислимомъ народу и избранномъ, въ край-
нихъ обстоятельствахъ, нѣкоторыми партіями, — или же, собравъ

всевозможныя пожертвованія, нанять войско и соединиться съ другими на *рѣшительное* очищеніе всей земли. За то ужь, рискнувъ своимъ достояніемъ, они и избрали къ нему, *отъ себя*, своего пристаивика и распорядителя, своего выборнаго «излюбленнаго» человѣка — Козьму Минина, который, какъ можно полагать, долженъ былъ отличаться и желѣзной твердостью характера, и своею тонкою *всестороннею практичностью*, и неумытною прямою. Онъ долженъ былъ быть въ набранномъ имъ войскѣ крисс-коммиссаромъ, провіантмейстеромъ, назначаемъ, распорядителемъ всего (кромя самихъ битвъ, разумѣется) и вообще совѣтникомъ и думцемъ. При томъ-же, военный человѣкъ, не то, что торговый, могъ дѣлать лишнія затраты, переилаты и т. п., по неопытности въ экономическихъ операціяхъ. Вѣроятно, изъ всѣхъ воеводъ одинъ Пожарскій, по честной своей натурѣ, способенъ былъ принять такія условія, и онъ согласился быть вождемъ собраннаго нижегородцами ополченія. Поэтому личность Минина, его среда и самый фактъ представляютъ мало драматическаго, но много житейскаго, практичнаго, расчетливаго, — господинъ же Островскій представляетъ его чѣмъ-то въ родѣ Жанны д'Аркъ.

Мининъ, какъ прасолъ, по самому свойству ремесла своего, долженъ былъ часто ѣздить по всей Нижегородской и по сосѣднимъ съ нею областямъ, слѣдовательно, имѣлъ повсемѣстныя знакомства и связи. Вотчина Пожарскаго, Данлехъ, была въ 120 верстахъ отъ Нижняго и, вѣроятно, у Минина были издавна съ Пожарскимъ близкія сношенія по закудкѣ, прокормленію скота и т. п.

У другихъ народовъ были и религіозныя войны, и инквизиція, у Русскихъ никогда ничего подобнаго не было. Самыя раскольничьи согласія держатся болѣе извѣстными *экономическими условіями* своихъ чиновъ, взаимной защитой, помощью и солидарностью, чѣмъ исключительно религіозными идеями.

Намъ могли бы возразить, указавъ, между прочимъ, и на фактъ самосожиганія раскольниковъ и т. п.; но мы всё подобное факты должны причислить не болѣе, какъ къ *исключеніямъ*, къ ненормальному состоянію извѣстнаго рода созерцательныхъ натуръ, къ внезапному припадку болѣзни фанатизма или къ свойственному вообще человѣку упорно-оппозиціонному чувству въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ.

Паденіе патріарха Никона очень понятно: оно выразило со-

бою коренной русской государственной и народной принципъ. Никопъ, какъ патріархъ, думалъ быть послѣдовательно продолжателемъ патріарха Филарета, не взявъ въ соображеніе того, что Филаретъ былъ *царскій отецъ*, и къ тому жъ, при тогдашнемъ разстройствѣ государства.

Очевидно, что, не смотря на всю искреннюю дружбу царя, на все его нравственное подчиненіе Нишону, патріархъ долженъ былъ неизбѣжно пасть, порываясь выѣшиться въ общественныя и политическія дѣла, какъ органъ управленія государствомъ.

Въ началѣ XVI вѣка, одна новгородская рационалистическая ересь проникла въ Москву, и правительство смотрѣло на нее саваою палцы, не внимая посланіямъ новгородскаго іерарха, въ которыхъ онъ, между прочимъ, писалъ, что за такімъ религіознымъ преступленіемъ въ чужихъ краяхъ правительство жжетъ людей сожними. Въ нѣкоторыхъ древнихъ рукописныхъ синодикахъ иногда можно встрѣтить показанія, какъ-бы въ родѣ слѣдующихъ: что, положимъ, два, три монаха, желая основать монастырь во 100 верстахъ отъ Москвы, основали его верста за 300 и болѣе, ибо были упорно выживаемы мужиками изъ многихъ мѣстностей, когда начинали мало-по-малу *завѣтывать себѣ уютелья*. Пришедши на извѣстное мѣсто, они строили часовню и келью: Часовня и краля или поджигались монашеству къмъ, или разграблялись мевѣдомыми разбойниками. Монахи или основались далѣе, въ другомъ мѣстѣ, — и опять та же исторія, пока, наконецъ, достигнувъ болѣе пустынныхъ мѣсть, они не успѣвали основать монастыря.

Распространенію же въ огромномъ количествѣ и цвѣтущему благосостоянію монастырей содѣйствовала, по-преимуществу, вѣра богатыхъ сословій въ будущую жизнь. Они, по смерти своей, отказывали монастырямъ часть своего достоянія, на поминъ души; а до-тѣхъ-поръ, болѣею частью слѣдовали той мысли, что, не согрѣшивъ, не покаемъся; не покаемъся не спасешся, и проч. и проч. Въ этомъ таится тоже своего рода практическій разочетъ, но только вытекающій изъ внутренняго вѣрованія.

Можно думать, что многіе ошибаются, принимая эмпирическіе образы, эмпирическое настроеніе народа за его чисто-религіозное чувство. Изучая русскій народъ, не можешь иногда не прийти къ тому заключенію, что онъ, по натурѣ своей, *практическии рационалистъ въ эмпирическихъ формахъ проявленія*.

Какъ на прямое подтвержденіе нашего мнѣнія, мы еще можемъ указать на произведенія устной народной словесности, гдѣ народъ самъ непосредственно высказывается въ томъ духѣ, о которомъ мы здѣсь говоримъ, напримѣръ, между множествомъ подобнаго рода пѣсенъ, скороговорокъ и сказокъ, намъ стоитъ только указать на народную сказку, подъ названіемъ: *Лиса и Штуха*, помѣщенную въ VI выпускѣ сказокъ А. Н. Аванасьева.

Вся жизнь простолюдина, всѣ движенія его духа основаны болѣею частью на экономическихъ данныхъ и экономическихъ условіяхъ его быта и обстановки. Упомянутыя *эпическія формы* проявленія живутъ и въ настоящее время: доказательство тому всѣ эти Егорцевы, Антоны Петровы, требующіе граммати объ освобожденіи крестьянъ за *золотой печатью* или *державце на воловь «Положеніи»*.... Не эпосъ-ли это, оставшіяся до-сихъ-поръ въ жизни:—опахиваніе земли бабами со священникомъ во время скотскаго надежа и т. п?... Еслибъ на какой-либо свадьбѣ не пѣлись извѣстныя пѣсни, не осыпали бы молодыхъ хмѣлемъ,—въ *народѣ* свадьба была бы не въ свадьбу, и даже бракъ не въ бракъ:—*законъ*, молъ, не исполненъ.

Народонаселеніе поволжья отличается и теперь своимъ меркантильнымъ, промышленнымъ, практическимъ, корыстнымъ направленіемъ, часто въ ущербъ нравственности, что мы могли лично замѣтить и что видно изъ сочиненій туземца А. Ѳ. Писемскаго, глубоко-знающаго мѣстные нравы.

Нижегородцы, пожертвовавъ своимъ достоинствомъ для освобожденія Россіи, *вышли* потомъ *сами* изъ государственныхъ доходовъ своей области потраченныя ими деньги на это патріотическое дѣло... Вотъ что, между прочимъ, говорится въ челобитной Строгановыхъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу: «Въ Нижнемъ Новгородѣ съ торговыхъ людей, въ московское разоренье, бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій бралъ деньги; а какъ изъ Нижняго Новгорода пошелъ подъ Москву, — и нижегородцы и посадскіе люди тѣ свои деньги изъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ взяли назадъ» («Дополненія къ актамъ историческимъ т. VI.)

Г. Островскій увлекся извѣстными стереотипными, рутинными, обычными выраженіями лѣтописей, грамматъ, окружныхъ посланій, писанныхъ, болѣею частью, духовными лицами, и придалъ своей драмѣ, почти-что исключительно, чисто-религіозные мо-

тивы. Къ тому жъ, лѣтописи писались не только людьми изъ духовенства, но еще и подъ надзоромъ правительства. Тогда, какъ и теперь, существовали *официальныя* (часто безъ внутренне-жизненнаго смысла), *общепринятая* слова и выраженія въ извѣстныхъ случаяхъ и положеніяхъ. Неужели можно, напримѣръ, заключить, что монахи были въ то время на самомъ дѣлѣ и въ буквальномъ смыслѣ *нищими*, хоть, пожалуй, изъ этого мѣста: «Да прислалъ, государь, къ намъ, *нищими*, татаръ и казаковъ... да стоячи, государь, тотъ мурза девять дней, взялъ изъ монастыря триста хлѣбовъ печеныхъ, да капусты сто тринадцать ведръ, да на его обиходъ имали изъ монастыря на *всякой день пива по двадцати ведръ*, да овса взяли изъ монастырскихъ житницъ *сто семь четвертей*» и проч. и проч. («Акты Арх. Экс.» Т. III. № 15).

• Это похоже было-бъ на то, если-бъ чрезъ два-три столѣтія заключили о насъ, какъ о дѣйствительно-покорныхъ *слухахъ* другъ друга изъ того, что мы теперь, окончивая свои письма, пишемъ *вашъ покорный слухъ*. Почему намъ и представляется Мининъ г. Островскаго какимъ-то педантическимъ официаломъ и клерикаломъ, употребляя безпрестанно рутинныя, официальныя и клерикальныя выраженія.... Да, кромѣ того, въ Мининѣ, какъ въ характерѣ, созданномъ г. Островскимъ, проглядываетъ его же Русаковъ изъ комедіи «Не въ свомъ сани не садись»; слѣдовательно, въ этомъ характерѣ, нѣтъ ничего новаго:—развѣ только оригинально то, что Мининъ выходитъ какою-то смѣсью Русакова съ Жанной д' Аркъ, и даже иногда кажется себѣ человѣкомъ, начитавшимся современнаго намъ поэта Н. А. Некрасова, какъ, напримѣръ, въ монологѣ, гдѣ онъ говоритъ о народной пѣснѣ.

Въ *женскихъ характерахъ* у г. Островскаго также нѣтъ ничего новосозданнаго: жена Минина напоминаетъ жену Большова и другихъ, рабски и покорно до отупѣнія безгласныхъ жёнъ и матерей комедій этого автора. *Марѳа Борисовна*—это, нѣкоторымъ образомъ, Юліанія Лазаревская, изображенная г. Буслаевымъ; но, возсозданная г. Островскимъ, она представляется читателю какой-то кокеткой на лампадномъ маслѣ. Вѣроятно, не напиши Ѳ И. Буслаевъ объ этомъ лицѣ, не было бы и Марѳы Борисовны въ драмѣ г. Островскаго. Подобныя лица въ древней русской жизни не болѣе какъ *исключенія*, а не изъ типовъ. Исключенія же, а не типы народныя, какъ извѣстно, къ драмѣ не идутъ...

Палицынъ говоритъ о *млози* женщинахъ, появившихся въ плѣнъ полякамъ и казакамъ, что «*млози* бо *желеы* и *дъвицы* не хотяше со беззаконники разлучитися, и *млози*, по искупленіи, паки къ нимъ отбѣгаху». Известно, что натура и страсти женщины, особенно неразвитой строгимъ сознаниемъ, разнузданно высказывались въ это время, когда были виѣшной случайностью разорваны стѣснительныя условія ея теремной, рабски-подчиненной жизни. Кипятокъ жизни всегда скажется, какъ не сгнетай его, подобно заронившейся искрѣ.

Торювое сословіе, по самой сути своего дѣла, проявлялось и тогда такъ же, какъ проявляется и теперь, разумѣется, съ нѣкоторыми оттѣнками, свойственными известному времени и мѣсту. Оно бывало еще и агентомъ правительства въ его государственно-финансовыхъ и экономическихъ операціяхъ и принимало больше къ чиновному, приказному сословію, пользуясь, притомъ, относительною роскошью своей житейской обстановки. Впрочемъ, въ древней Руси всѣ наши сословія, по внутреннему содержанію и характеру, мало различались, исключая развѣ тягловый черныи народъ, да и то только по его бѣдности.

Тягловый земскій народъ, нашъ землепашецъ, питалецъ всей Руси, житель деревни, былъ чище, непосредственнѣе и нравственнѣе другихъ сословій той поры; онъ былъ болѣе другихъ страдотерпцемъ смутнаго времени, принималъ и выносилъ на себѣ всѣ тягости и удары отъ своихъ и чужихъ; и свои, и чужіе выжимали изъ него послѣдніе соки, и питались ими. На него по-преимуществу обращались всѣ бѣды и ужасы этихъ годовъ войны, усобицъ, нестроенія, безгосударности. Прочтите «Сказанія» Палицына (отъ 46-й по 58-ю страницу), гдѣ почти дантовскою кистью изображены адскія муки нашего земскаго народа. Между этимъ народомъ являлись подвижники земскаго дѣла и радѣльцы о немъ въ лицѣ Григорія Лапши, чарочника Федора Краснаго и другихъ, очистившихъ свои округи отъ непріятеля, безъ посредства воеводъ, собственной инициативой, своей кровью. Эти мирные земледѣльцы одолѣли опытныхъ воиновъ только своей внутренней силой.... И явился прѣмымъ героемъ и гражданиномъ скромный, незнаемый подвижникъ сохи и серпа, этотъ всепрощающій народъ, который и теперь, по выраженію поэта:

«Все простить онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,

Онъ, чей духъ годану гнета
Пережилъ и пережогъ....»

Да, у такого народа, съ такими *внутренними* задатками, на что, между прочимъ, даже указываютъ его богатѣйшій языкъ, его *явьмя*, его широкая, гениальная народная *музыка*, его юридическая, экономическая и административная община,—у такого народа, не смотря на его тяжелую, подавляющую исторію, есть великая перспектива громаднаго развитія въ будущемъ....

«Мининъ» г. Островскаго назовемъ драматическою хроникой; его слѣдовало бы точнѣе назвать *діалогической* хроникой, ибо въ ней нѣтъ ничего собственно драматическаго. Драма г. Островскаго ужь скорѣе эпическое произведеніе въ діалогической формѣ: сравните «Минина», какъ съ образцами драматической хроники, съ драматическими хрониками Шекспира,—и дѣло станетъ ясно само собою, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій... Да и Мининъ-то лицо недраматическое. Въ драмѣ г. Островскаго нѣтъ никакихъ пружинъ, обусловливающихъ драму; нѣтъ ни драматическихъ *положеній* и столкновеній, ни постепеннаго возрастанія драматическаго интереса съ каждымъ актомъ, ни развитія характеровъ, ни собственно-драматическаго содержанія (*fabula*).

Паеось Минина, какъ бы слѣдовало по законамъ драмы, нисколько не возрастаетъ *постепенно* съ каждымъ актомъ; онъ всегда и вездѣ стоитъ на одномъ градусѣ, будто дѣйствіе и идея драмы не растутъ и не подвигаются какъ въ немъ самомъ, такъ и вокругъ него. Всѣ акты драмы подернуты какой-то холодностью, скукой, безцвѣтностью и безличностью.... Не даромъ Буало сказалъ коренную эстетическую истину, слѣвавшуюся теперь уже старымъ, избитымъ мѣстомъ, что «всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго».

Впрочемъ, нужно оговориться, что въ холодности и безъэффектности драмы г. Островскаго заключается много *собственно русскаго*. Онъ многое въ ней понялъ художественнымъ чутьемъ и знаніемъ народа, хоть и распорядился въ этомъ случаѣ не какъ драматургъ. Стоитъ вспомнить всѣ драмы изъ русскаго историческаго быта гг. Кукольника и Ободовскаго, гдѣ неистово восклицаютъ: «пей подъ ножомъ Прокопа Лапунова», или то, что Басенокъ бѣгаетъ по сценѣ, какъ «разъяренный быкъ, сорвавшійся съ бойни». Все это чуждо русскому характеру, нравамъ и быту. У нашего народа, въ проваденіи самой глуп-

бокой страсти, замѣтны вышняя сдержанность, отсутствіе всего театральнаго, рисующагося, позирющаго: мы не итальянцы и не испанцы.

Въ произведеніи г. Островскаго почти нѣтъ характеровъ. Воевода Алябьевъ и дьякъ Семеновъ будто отчасти похожи другъ на друга. Торговые люди, Темкинъ и Губанинъ совершенно лишни даже для вышней обрисовки дѣйствія драмы.

Другіе характеры намѣчены только общими мѣстами, напримѣръ, Лыткинъ, узко-корыстный скупецъ. Коззаконъ только едва намѣченъ и сбивается на Любима Торцова: не видно на немъ тѣхъ немногихъ художественныхъ ударовъ творческой кисти, которые съ-разу опредѣляютъ и очертятъ характеръ. Любовъ Поспѣлова къ Марѣ Борисовѣ нисколько не вяжется съ общимъ ходомъ драмы и даже не отдѣляетъ извѣстныхъ мѣстъ ей. Въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ много обоюднаго: монологъ, напримѣръ, Аксенова, иногда могъ бы быть въ устахъ Минина, и наоборотъ. Въ самомъ пошибѣ языка и складѣ рѣчи одного какого-либо лица нѣтъ ничего отличающаго его отъ другаго, ибо особенности внутренняго склада ума и чувства необходимо и ощутительно проявляются и во вышнихъ выраженіяхъ. Въ этой драмѣ можно иногда вложить монологъ одного лица въ уста другаго — и вы этого не замѣтите; можете легко переставлять разговоры лицъ, и драма не перепутается. Да и вообще языкъ драмы не дышетъ извѣстнымъ вѣкомъ, не содѣйствуетъ, съ своей стороны, къ обрисовкѣ его духа и не придаетъ ему красокъ.

Всѣ пять дѣйствій и эпилогъ состоятъ только въ томъ, что собираются снарядить войско и отправить на помощь къ Москвѣ, въ видахъ очищенія земли, и собрались наконецъ.

Первый и второй акты вовсе лишни, ненужны для драмы. Ее смѣло можно было бы начать съ третьяго акта безъ всякаго ущерба дѣйствию.

Въ оправданіе и лишнихъ лицъ, и лишнихъ актовъ, можно было бы представить развѣ то, что автору все это нужно было для всесторонней обрисовки *среды* дѣйствій Минина; для изображенія вообще *быта* того вѣка, характера и цвѣта жизни извѣстной эпохи; но для этого должно было бы распорядиться поискуснѣе относительно архитектоники драмы.

Теперь прослѣдимъ, сколько нужно, за сащими янтами драматической хроники.

Въ первомъ дѣйствиі стряпчій Биркинъ, въ злобѣ, что Мининъ стойтъ не за Владислава, клевететь и сплетничаетъ на Минина старому опытному дьяку Семенову, не имѣвшему ничего до-этихъ-поръ на Минина. Семеновъ *вдругъ* повѣрилъ его сплетнямъ, какъ простодушная дѣвочка, и этотъ внезапно-возникшій антагонизмъ мало, или почти-что не имѣетъ вліянія на ходъ драмы и на Минина... Спрашивается: къ чему же онъ? Здѣсь же Марѳа Борисовна, *сама отъ себя*, говоритъ о *своихъ* добродѣтеляхъ, о *своей* благостинѣ, до какой то еле-ной притворности и наивности, что выходитъ довольно-алиновато. Слѣдовало бы, чтобъ она молчала, а другія лица, если она поистинѣ порядочная женщина, или самое дѣло, дали знать о нихъ читателю (стран. 2ѣ явленіе VIII). Вторая половина VIII явленія (стран. 26-27) въ разговорѣ между Мининъ и Поспѣловымъ, выходитъ очень хороша: въ ней русская жизнь, русскіе нравы, русская рѣчь.

Во второмъ дѣйствиі, въ I-й сценѣ III явленія (стран. 33-34) монологъ Минина тоже хорошъ, хоть мѣстами кажется будто—бы Мининъ, говоря о русской пѣснѣ, начитался предпрительные стиховъ г. Некрасова. Притомъ же авторъ, представивъ Минина такимъ пуристомъ и пѣтистомъ православія, заставляетъ его горячо и страстно говорить о народной (свѣтской) пѣснѣ, что неослѣдовательно и невѣрно со стороны автора по отношенію къ лицу, имъ выводимому. Читайте не толь-ко посланія и проповѣди іерарховъ до-петровскихъ временъ о грѣхѣ и запрещеніи пѣть пѣсни, но даже и акты, писанные свѣтскими людьми, хоть, напримѣръ, «Память верхотурскаго воеводы приказчику Ирбитской слободы».

Вообще, отсутствіе изученія Руси тогдашняго времени замѣтно въ драмѣ. Биркинъ говоритъ о писчикѣ своемъ, Павликѣ. «Проворовался въ чемъ-то—присудили его *новымъ*, онъ и задалъ тигу».

Изъ уголовнаго права того времени извѣстно, что за второе воровство рубили *одну руку*, а только за *третье* ужь *вѣшали*, слѣдовательно Павликъ долженъ являться на сценѣ безъ руки. Между тѣмъ, Павликъ старается подбивать народъ и вообще служить Биркину органомъ между народомъ, — такъ могъ-ли бы все это исполнять человекъ, воочью отмѣченный закономъ для всеобщаго свѣдѣнія и предосторожности. Впрочемъ, это мелочь, и замѣчаніе сдѣлано только вскользь и мимоходомъ. Но, во

всякомъ случаѣ, въ драматической хроникѣ г. Островскаго встрѣчается много другихъ рѣзкихъ и болѣе важныхъ анахронизмовъ, которые означены рецензіей *Сверлой Пчелы* (№ 67, мартъ 1862 г.), гдѣ, между прочимъ, показано, что нижегородцы, эти *благочестивые* патриоты, по изображенію г. Островскаго, грабили церкви въ походѣ на Муромъ съ воеводой Алябьевымъ. Во второй сценѣ втораго дѣйствія, въ I-мъ явленіи, дѣвушка поетъ духовный стихъ:

Пустыня прекрасная,
 Меня многогрѣшную,
 Какъ чадо свое, прими.

Ни въ выраженіи, ни въ метрѣ этихъ стиховъ нѣтъ пошиба того времени; это скорѣе стихъ, намъ современный *по формѣ*.

Да и вообще, сколько намъ приходилось наблюдать, въ народѣ въ глубинѣ Россіи, духовные стихи почти-что не поются *дѣвушками*, а если гдѣ-нибудь изрѣдка и поются пожилыми женщинами, да и то только въ одинъ великій постъ, когда какъ-то не влеть пѣть обыкновенныя (свѣтскія) пѣсни. Для этихъ стиховъ есть свои спеціалисты—нищіе, калѣки переходжіе.

Въ третьемъ явленіи, въ домѣ Марыи Борисовны, разсуждаютъ о современномъ положеніи дѣлъ. Мининъ говоритъ, что малая невсесторонняя помощь войску ни къ чему не поведетъ; кромѣ того, нужно пока *помолиться*, помолиться довольно, укрѣпиться духомъ и потомъ уже «будить уснувшихъ братій», выждавъ время, когда Богъ пошлетъ въ душу твердую вѣру и *знаменья* на подвигъ,—и потомъ ex abrupto восклицаетъ:

Давайте руки. Кто за Божье дѣло?...

Всѣ. Мы всѣ идемъ.

Потомъ тутъ же говорятъ:

Мы будемъ *знаменья* просить у Бога,
 Когда начать. Онъ самъ покажетъ время:
 Тогда собирать казну на помощь ратнымъ...

Во-первыхъ, какъ это практически! а во-вторыхъ, тутъ что-то перепутано въ логическомъ отношеніи.

Когда другіе уходятъ, Поспѣловъ остается у Марыи Борисовны, и начинается признаніе въ любви Поспѣлова и приторно-благочестивое кокетство Марыи.

Поспѣловъ

Чѣмъ я нелюбъ,
 Скажи?...

МАРФА БОРИСОВНА.

И что ты, что ты! Богъ съ тобой!

Съ чего ты взялъ?... Нѣтъ, ты не обижай!...

Кто говоритъ тебѣ, что ты нелюбъ мнѣ?

Говоря, по-видимому, такъ чистосердечно, Марфа Борисовна, въ то же самое время, въ душѣ своей уже проводитъ Поспѣлова, лжетъ ему... Такъ что же послѣ этого русская прямота и благочестіе этой женщины, которая взялся изобразить г. Островскій въ лицѣ Марфы Борисовны? Самое это кокетство и ложь ея ни къ чему не ведутъ, а только нарушаютъ идею характера Марфы. Она до конца вляетъ передъ Поспѣловымъ, подаетъ ему надежды на бракъ и, преднамѣренно обманувъ, удаляется въ монастырь въ концѣ драмы, а Поспѣловъ, не зная этого, остается питать тщетныя надежды. Откажи разомъ, на отрѣзъ Поспѣлову, она поступила бы какъ прямая, честная женщина и, лишивъ его надежды на будущія наслажденія любви въ брачной жизни, она тѣмъ заставила бы Поспѣлова отдать всего себя общимъ интересамъ, заставила бы его, въ отчаяніи, забыть о своей жизни, сражаться за отечество и думать только о немъ. Въ противномъ случаѣ, естественно, Поспѣловъ, *прибережалъ бы* свою жизнь въ битвахъ, имѣя въ виду будущія наслажденія въ бракѣ съ любимой женщиною. Но, при всемъ томъ, нужно отдать справедливость нашему даровитѣйшему автору, что *объясненіе въ любви* Поспѣлова изображено имъ совершенно и особенно въ русскомъ духѣ. Въ драмѣ какого бы то ни было западнаго автора и изъ жизни другихъ народовъ, не могло бы быть подобное объясненіе и выраженіе любви. Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, видно, что, г. Островскій, какъ писатель—«плоть отъ плоти и кость отъ кости русскаго народа и дышетъ съ нимъ одною жизнію»,—а что можетъ быть выше этого въ писателѣ?... Ужь это одно можетъ сдѣлать излишними всякія другія похвалы и славословія г. Островскому. Даже въ самомъ искомомъ Мининымъ «знаменіи» есть *мѣлкоторія народныхъ основаній*, относительно чего, можно, пожалуй, сослаться на «Отписку вычегодцевъ къ пермичамъ, 1611 года, (въ «Сборникѣ грамматъ XIII вѣка», in fol, листъ 9 й, выписанныхъ для князя Щербатова, что вошло и въ «Лѣтопись по Никонову списку»), гдѣ говорится: «Прошлаго де 119 году, мая 26 дня, на память святаго Апостола Карпа, въ постъ святыхъ Апостолъ Петра и Павла, въ Нижнемъ-Новѣгородѣ откровеніе было Божіе чловѣку нѣкоему благочестиву, именемъ

Григорью, вѣрно ему слово Божіе провѣдати во всемъ российскомъ государствѣ, да прешлаго же 119 году Августа въ 24 день въ Володимерѣ было видѣніе, жь...» По этому поводу налагался на всю Россію строжайшій недѣльный постъ, даже и съ малыми млекососущими младенцы».

Въ третьемъ дѣйствіи (явленіе VI, стран. 56) Марѣа Борисовна опять облыжно даетъ слово Поспѣлову быть за нимъ.

Поспѣловъ. Значить, такъ и быть по моему?

Марѣа Борисовна. Да, ну, ужь—ладно, ладно.

Къ чему чрезъ всю драму тянется такое жеманное, аскетическое кокетство?

Вслѣдъ за этимъ (V явленіе), жена Минина рассказываетъ Марѣу, что наконецъ-то желанное *знаменіе*, жданное чудо совершилось: было Минину видѣніе ночное, «бѣ ему сонъ въ нощи» что называется,—нѣтъ какъ видно, даже *на яву...*» Значить, теперь, дѣло должно пойти быстро, энергически. Купцы ужь совѣтуются о сборѣ денегъ на рать. Входитъ Мининъ, и говоритъ о своемъ видѣніи. Это, впрочемъ, такъ народно и въ нравахъ того времени, но только не въ *практическомъ*, жизненномъ отношеніи, а въ *отвлеченно-духовной* сферѣ. Идутъ послѣ этого на воеводскій дворъ за рѣшеніемъ дѣла. Воевода отвѣчаетъ, что онъ не можетъ предводительствовать ратью: «усталъ». Изъ этой сцены видна вся безличность Алябьева. Слѣдуетъ рѣшеніе собрать средства и пріискать воеводу.

Въ *четвертомъ дѣйствіи*, на площади идутъ патріотическія приношенія. Мининъ говоритъ рѣчь съ лобнаго мѣста, отличающуюся своею русскою простотою, безъэффектною и народностью, и въ такомъ же родѣ получаетъ и отвѣтъ на нее отъ народа. Тутъ и Семеновъ раскаивается предъ Мининимъ, и въ такомъ раскаяніи замѣтна вся безцвѣтность этого лица.—Въ четвертомъ же дѣйствіи Марѣа Борисовна уже называетъ Поспѣлова «милымъ», что естественно и тогда было бы въ простонародьи, но не въ томъ общественномъ положеніи, въ которомъ находится Марѣа, какъ женщина. Богатство, обстановка, положеніе Марѣи пріурочиваютъ ее какъ-бы къ боярскому обычаю. Въ этомъ актѣ, продолжая Поспѣлова водить за носъ, она говоритъ жеманно Минина:

Иди мнѣ за-мужъ

Ужъ не приходится: я общала

Вдовой остаться.

Во яломъ дѣйстви болѣе движенія, чѣмъ во всѣхъ прочихъ. Деньги на рать уже собраны, и нижегородцы положительно рѣшились на подвигъ. Сцена открывается въ домѣ Минина. Онъ же «тоскуетъ очень, не глядитъ на свѣтъ, сидитъ, горюетъ».

Аксеновъ.—Что за бѣда такая? Отчего бы?

Нефедь.—Ктоже знаетъ?

Татьяна Юрьевна. Нечто скажетъ!

Аксеновъ.—Вы-бъ спросили...

Нефедь.—Не смѣемъ.

Изъ этого видно, что Мининъ похожъ на всѣхъ другихъ крепней-стариковъ, большаковъ въ домѣ, изображенныхъ прежде г. Островскимъ въ пьесахъ изъ современнаго намъ купеческаго быта. Аксеновъ таки-допрашивается у Минина, и Мининъ говоритъ ему, какъ отъявленный ипохондрикъ. Причина та, что денегъ недостаточно собрано, а больше собрать довольно не легко. Да еще онъ говоритъ, что враги его представляютъ ему препятствія, хотъ изъ драмы видно, что этихъ quasi-враговъ у него было всего-то два: Биркинъ, который, видя къ чему дѣло пошло, махнулъ рукой и уѣхалъ изъ Нижняго, да Семеновъ, раскаявшійся и уже примирившійся съ Мининымъ.

Далѣе Мининъ говоритъ, и это нужно замѣтить:

Послали выборныхъ, просить велѣли
На воеводство князя. Князь Димитрій
Михайловичъ ихъ спроситъ: кто блюсти
И ратнымъ раздавать казну приставленъ.
Меня не назовутъ, ялди другого
Кого нибудь. Все прахомъ и пойдетъ.

Потомъ онъ говоритъ, что предварительно успѣлъ уже повидаться съ Пожарскимъ и высказалъ ему всю суть дѣла, на что Пожарскій отвѣчалъ ему:

Ты правъ, Кузьма Захарьевъ:
Съ такой аравой въ дальнюю дорогу
Мнѣ безъ тебя сряжаться, что безъ рукъ...
Давай же вмѣстѣ Господу послужимъ.
Подѣловались. Съ тѣмъ и отпустилъ.

Здѣсь Мининъ, судя по всѣмъ даннымъ, показываетъ себя рѣшительно больнымъ, разстроеннымъ ипохондрикомъ, ипохондрикомъ, что называется «искусства для искусства».

Да развѣ князь не можетъ передумать:

Наскажутъ на меня, а онъ повѣритъ.

Стоитъ-ли, послѣ этого, довѣрія Минина и Россіи такой легко-

мысленный человекъ, или это только говоритъ мининская ипохондрія... Да и Минину-ли быть ипохондрикомъ, да и Пожарскому-ли быть слабодушнымъ? Это бы противорѣчило и исторіи, и идеѣ самой драмы.

Входятъ Поспѣловъ, бывший съ депутаціею у Пожарскаго, и между прочимъ говоритъ, что, когда Пожарскій сказалъ о выборѣ изъ посадскихъ какого-либо человекъ, чтобъ ему быть вмѣстѣ съ нимъ у такого великаго дѣла и все съ нимъ дѣлать зедино, то депутація отвѣчала:

«Не знаемъ мы такого человекъ.»

Этотъ отвѣтъ со стороны депутаціи былъ не безъ своего рода общественнаго такта: ей сначала должно было вызнать мнѣніе и духъ направленія самого Пожарскаго; нужно было его начальное указаніе, какъ главы всего дѣла. Пожарскій и указалъ имъ на Минина, что депутація и впередъ знала. Минина задѣло за самолюбіе: какъ, молъ, они смѣютъ не знать такого человекъ? Къ тому жъ депутація безпрекословно согласилась съ Пожарскимъ, и отправилась единогласно просить Минина, кланяться ему. Вотъ она приходитъ къ Минину, умоляетъ его вступить въ дѣло. Мининъ, страстно желавши этого въ самомъ себѣ, вдругъ начинаетъ кобениться, ломаться, даже самодурствовать передъ депутаціей (отъ 103 по 107 страницу). Депутація съ сокрушеніемъ отчаянія уходитъ безуспѣшно. Потомъ опять раболопно приходитъ, а Мининъ еще пуще самодурски ломается и оретъ:

Нвѣдъ.—Вернулись батюшко...

Мининъ.—Заприте двери! *Заткните окна!*

Аксеновъ.—Что ты, Богъ съ тобой!

Пусти меня, я расскажу имъ толкомъ,

Чтобъ написали земскій приговоръ.

Видите ли, какая вспышка самодурства, нисколько не идущая къ такому серьезному человекъ, какъ Мининъ, и въ такую великую минуту! Мининъ желаетъ, чтобъ власть его, въ этомъ случаѣ была неограниченна надъ всѣмъ народомъ и надъ всѣмъ народнымъ достояніемъ, и чтобъ все это утвердить *общимъ приговоромъ, закрѣпить записью*, для чего онъ и ломается.... Можно бы, кажется, просто и прямо съ перваго разу сказать депутаціи свои условія, какъ поступаютъ истинно-прямые и правдивые люди... Да и могли-ли быть прочными мірскій приговоръ и запись, когда *въ то время* самую *присягою* вѣроломно играли, какъ мячикомъ, что тоже, съ своей стороны, свидѣ-

тельствуетъ не въ пользу религіозныхъ мотивовъ драмы г. Островскаго... Изъ-за чего же такъ ярѣ хлопочетъ Мининъ, при всей его практичности?

Запись написана, и Мининъ отдается дѣлу.

Эпизодъ заканчиваетъ драму тѣмъ, что изображаетъ картину выступления рати подъ предводительствомъ Пожарскаго.

Вотъ и вся драматическая хроника г. Островскаго: все ея содержаніе, ея мотивы и движенія.

Нѣкоторые, по рутинѣ и изъ предубѣжденій въ пользу авторитета, добродушно восхищаются стихомъ этой драматической хроники.

Восхищаться далеко нечѣмъ: стихъ и языкъ ея въ настоящее время очень обыкновененъ и, послѣ драматическаго стиха г. Мея даже отсталъ.

Въ стопосложеніи г. Островскаго даже иногда не выходитъ стиховъ, не говоря уже о томъ, что въ нихъ часто нѣтъ необходимой цезуры, а все это теперь уже послѣднее дѣло... Вотъ примѣры:

Кузьма Захарычъ идетъ, Кузьма Захарычъ идетъ!

(стран. 20)

Да еще плачетъ, что не совсѣмъ доходить ея копейка.

(стран. 25)

Здѣсь нѣтъ стиха, а вотъ, напримѣръ, нѣтъ и цезуры:

А что грѣшить, — не приводилось видѣть

Такого дива. Баба молодая,

Живетъ въ міру.....

(стран. 25)

или,

И по родному крѣпко обойметъ,

и проч. и проч.

(стран. 27).

Тонъ языка соотвѣтственно вѣку и положенію дѣйствующихъ лицъ тоже не всегда ровно выдержанъ, въ ущербъ художественнымъ достоинствамъ произведенія: ибо извѣстный складъ ума, извѣстныя формы проявленій мысли и чувства обуславливаются и временемъ, и мѣстомъ, и положеніемъ лица. За примѣрами этой невыдержанности ходить не далеко:

Вожда, печальника о насъ, убили

Измельной адской (!)

(Стран. 33.)

или

О, Господи! грѣшу я; малъ я духомъ,

Смѣлъ усумниться въ благодти твоей!

Путь! прочь сомильня! (!?)

(Стран. 35.)

или

И въ *трепетномъ* сіяніи лампы,
 Въ *благоуханной тишинѣ* святини,
 Земное небо рай свой увидала (!!!) (Стран 49.)

Читаешь и не вѣришь глазамъ своимъ... Неужели такъ могла выражаться русская женщина начала XVII-го вѣка? Невольно скажешь, что такъ говорить можетъ развѣ только современная намъ дама, да и то не въ мѣру начивавшаяся разныхъ журнальныхъ лирическихъ стихотвореній.

Далѣе:

Напрасно я фатой широкой крою
 И блескъ очей, и бѣлое лицо...

и проч.

Совсѣмъ противное этому представляетъ драма г. Мея, «*Псковитянка*», въ которой выдержанность тона и языкъ *въсѣ* изумительны. Смѣло можно сказать: съ г. Меемъ русскій драматическій стихъ и русскій языкъ извѣстныхъ историческихъ моментовъ пошли впередъ, переработанные въ горнилѣ художественныхъ потребностей и языка нашего времени. Въ «*Псковитянкѣ*» даже незамѣтенъ дагерротипно-археологическій отбѣнокъ въ языкѣ, что, нѣкоторымъ образомъ, находятъ какъ-бы недостаткомъ въ другихъ произведеніяхъ г. Мея.

Въ «драматической хроникѣ» г. Островскаго нѣтъ того, что называется *поэзією*; въ «*Псковитянкѣ*» г. Мея она есть. Многія мѣста «*Псковитянки*» дышутъ всей полнотою, всѣмъ цвѣтомъ представляемой ею эпохи. Драматическое изображеніе *въсѣ* въ первый разъ появляется въ русской литературѣ съ драмою г. Мея. Разговоръ двухъ сестеръ и откровенный рассказъ одной изъ нихъ представляютъ лучшую страницу русской поэзіи. Здѣсь русская жизнь живьемъ, съ духомъ и плотью, вырвана изъ извѣстнаго момента нашей исторіи и нашего частнаго быта. Объ образцовомъ языкѣ и стихѣ этого мѣста въ драмѣ мы ужъ и говорить не будемъ (актъ 1-й, сцена 2)... И такое произведеніе прошло у насъ какъ-бы незамѣченнымъ и не вознагражденнымъ по достоинству!... Разумѣется, здѣсь не мѣсто говорить о нѣкоторыхъ его недостаткахъ,—гдѣ жъ ихъ нѣтъ и въ чемъ ихъ нѣтъ?

Можно было бы провести параллель между мѣстами драмы г. Мея и драматической хроникой г. Островскаго, но это было бы ужъ во-очью не въ пользу *Минина*, авторъ кото-

раго оказалъ значительныя услуги русской литературѣ и нашему общественному самосознанію, и по всей справедливости считается однимъ изъ первостепенныхъ талантовъ нашего времени.

Послѣ этого понятно будетъ тоже, почему мы и не упомянули при разборѣ *Минина* о драматической хроникѣ великаго Пушкина, *Борисъ Годуновъ*... Малѣйшее сравненіе или сопоставленіе было бы здѣсь болѣе, чѣмъ неумѣстно... Гигантовъ можно только сопоставлять съ гигантами.

Н. Омега.

ИСТОРИЯ ЛУВУА И ЕГО УПРАВЛЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ВОЕННОЕ, ДО НИМВЕГЕНСКАГО МИРА.

соч. Камилля-Русе.

(Histoire de Louvois et de son administration politique et militaire
jusqu'à la paix de Nimègne).

Корреспонденція общественныхъ дѣателей заключаетъ въ себѣ то, чего напрасно мы стали бы искать даже въ самыхъ безпристрастныхъ мемуарахъ. Она заключаетъ въ себѣ факты—всѣ факты, съ ихъ точною данною, въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ или одновременности, факты съ тѣмъ колоритомъ, который они имѣли въ день своего существованія, ежедневныя впечатлѣнія дѣйствовавшихъ лицъ, ихъ надежды, безпокойства, колебанія—все эти нравственные кризисы, которые часто забываютъ они сами, когда смотрятъ на свои дѣйствія издали и которые они скрываютъ почти всегда, когда позируютъ предъ потомствомъ. Корреспонденіи необходимы историку не только для того, чтобы возстановить скелетъ исторіи, но и для того, чтобы облечь его тѣломъ, и воскресить его въ глазахъ публики. Посредствомъ дипломатическихъ корреспонденцій, Минье представилъ намъ мотивы и пружины внѣшней политики Людовика XIV. Посредствомъ инквизиторскихъ корреспонденцій, въ которыхъ волокитство примѣняется къ государственнымъ дѣламъ, Кузенъ написалъ эти очаровательныя и глубокомысленныя картины французскаго общества

въ эпоху Ришельё и Мазарини, вокругъ которыхъ прекрасныя дамы и ученые, люди свѣтскіе и политическіе тѣснятся съ одинаковымъ любопытствомъ. Побуждаемый примѣромъ такихъ предшественниковъ, Кимиль-Русе далъ намъ теперь военную исторію Франціи въ теченіе шестнадцати блистательнѣйшихъ лѣтъ личнаго управленія Людовика XIV, рассказавъ ее на основаніи неизданной переписки Лувуа съ Кондэ, Тюренемъ, Люксамбургомъ, Креки, Шомбергомъ, д'Эстрадомъ, Вобаномъ, д'Аво и прочими генералами и дипломатами, которымъ мы обязаны приобрѣтеніемъ Фландріи и Франш-Конте.

I.

Изъ «исторіи Лувуа» можно узнать многое о Людовикѣ XIV: въ ней окончательно устранены сомнѣнія, которыя были часто возбуждаемы насчетъ его личной храбрости. Людовикъ XIV не только не дрожалъ за свою жизнь, но даже подвергалъ ее иногда опасности безъ всякой необходимости. Въ 1677 г., при осадѣ Камбрэ, онъ однажды доставилъ себѣ бесполезное удовольствіе — дѣлать продолжительные осмотры работъ подъ такимъ сильнымъ огнемъ, что Лувуа, считавшій спасеніе государства крѣпко связаннымъ съ сохраненіемъ его собственной особы, призналъ благоразумнымъ держаться внѣ выстрѣловъ, въ ожиданіи покамѣстъ король не удовлетворитъ своей опасной фантазіи. Столько же, какъ опасности, Людовикъ XIV не боялся и усталости. Какъ ни былъ онъ преданъ роскоши и удовольствіямъ, онъ не оказывалъ въ войнѣ сибаритскихъ склонностей. Во время голландской войны, онъ семь разъ оставлялъ дворъ, въ сезонъ праздниковъ, дождей и грязи, чтобы присоединиться къ своимъ солдатамъ и напасть враслохъ на непріятеля; онъ дѣлалъ до восьмидесяти лѣ въ пять дней; онъ налагалъ на себя продолжительное и трудное путешествіе безъ всякой другой цѣли кромѣ той, чтобы способствовать успѣху какой-нибудь военной хитрости, и охотно переносилъ лишенія и тягости, полезныя для его службы.

Не смотря на эти качества, онъ никогда не слылъ — и справедливо — за великаго генерала; въ критическихъ обстоятельствахъ онъ терялся, былъ нерѣшителенъ и не умѣлъ рисовать. Онъ ничего не хотѣлъ предоставить судьбѣ. Боясь не битвы, а пораженія, опасаясь не того, чтобы компрометировать интересы государства, а того, какъ бы не подвергнуть достоинство своей

королевской особы позору неудачи, робкій, вслѣдствіе гордости, Людовикъ XIV хотѣлъ въ войнѣ поражать только навѣрное, и поэтому—то, къ своей горькой досадѣ, онъ никогда не могъ рѣшиться дать правильное сраженіе. «Если война—великая и прекрасная наука (основательно замѣчаетъ Русе), то все-таки она не смотря на всѣ расчеты геним, не есть наука точная, она всегда въ чемъ-нибудь зависитъ отъ игры случая». Осадная война зависитъ отъ случая менѣе чѣмъ всякая другая, въ особенности съ тѣхъ-поръ, какъ гений Вобана установилъ для нея правила; поэтому она была по-душѣ Людовику XIV, который находилъ въ ней случай изумить Европу театральными эффектами, долго обсуждаемыми и искусно задуманными. Явиться внезапно передъ крѣпостью, которая наканунѣ считала себя безопадною и которой паденіе приготавливалось уже нѣсколько мѣсяцевъ подъ покровомъ непроницаемой тайны, разрушить ее какъ-будто чародѣйствомъ, покорить какъ-будто однимъ своимъ присутствіемъ, выставить на показъ красоту своихъ сложныхъ сооруженій вмѣстѣ съ волшебною силою своего оружія,—для удовлетворенія своей страсти къ подобнымъ спектаклямъ—Людовикъ XIV приносилъ громадныя жертвы. Слишкомъ легкіе успѣхи его военныхъ прогулокъ во время *деволюціонной войны* много способствовали къ раннему развитію въ немъ этой потребности рисоваться театральнымъ величіемъ. Онъ самъ съ гордостью признавался въ этомъ, въ своей *Запискѣ о компаніи 1672 г.*, когда, послѣ тщетныхъ усилій предоставить удовлетворительныя причины своей «нерѣшимости» принять «очень выгодныя» предложенія мира, сдѣланныя генеральными штатами, онъ воскликнулъ: «Потомство по-вѣритъ, если захочетъ, этимъ причинамъ и, по своей фантазіи, припишетъ этотъ отказъ моему честолюбію и желанію отмстить за оскорбленія, которыя мнѣ были нанесены голландцами. Я не стану оправдываться передъ нимъ. Честолюбіе и слава всегда извинительны въ государѣ молодомъ и столь благопріятствуемомъ судьбою, какъ я».

Честолюбіе, слава, мщеніе—вотъ истинные мотивы голландской войны, по сознанію Людовика XIV. Нѣкоторые историки хотѣли видѣть въ ней войну религіозную, родъ крестоваго похода противъ протестантизма и республиканства, и говорили, что Людовикъ XIV изъ-за католическаго и религіознаго фанатизма отказался отъ мудрыхъ преданій Генриха IV, Ришелье и Мазарини. Всѣ эти высокопарныя обобщенія, придуманныя

для простодушнаго юношества — совершенная фантазія. Людовикъ XIV захотѣлъ уничтожить голландцевъ или, по-крайней-мѣрѣ, принудить ихъ къ подписанію постыднаго мира не потому, что они были протестанты и республиканцы, а потому что, «не принявъ участія въ его судьбѣ», они, напротивъ того, стали «на его дорогѣ» во время *деволюціонной войны* потому — что они задерживали его на пути побѣдъ въ испанскихъ Нидерландахъ, — потому — что они осмѣливались предписывать ему законы, и обязывать его къ заключенію міра; потому — что ихъ наглость задѣла его за-живое. Это онъ самъ говоритъ намъ въ помянутой *Запискѣ о кампаніи 1672*, которая должна занимать одно изъ первыхъ мѣстъ между неизданными документами, приводимыми въ *исторіи Лулуа*.

Но изъ того, что Людовикъ XIV, опустошая города голландцевъ, не думалъ объ ихъ религіи, не слѣдуетъ заключать, что онъ былъ равнодушенъ къ присутствію протестантовъ въ его государствѣ. Ему было непріятно все, что противилось, что могло противиться, что имѣло свою собственную жизнь. Независимость въ дѣлѣ вѣры была столько же опасна въ его глазахъ, какъ и независимость положенія. Благо религіи, очевидно, не было одною изъ его главнѣйшихъ заботъ, какъ это съ желчью замѣтилъ франшконтскій публицистъ, баронъ де-Лизола въ своемъ сочиненіи *Щитъ государства и справедливости противъ явно открытаго проекта всеобщей монархіи*. «Хотя протестантская религія отчасти обязана Франціи своими успѣхами — говорилъ онъ, — но это государство не упускаетъ случая возбуждать тайныя надежды католиковъ, чтобы заставить ихъ считать его могущество единственнымъ, которое не будучи связано никакимъ обязательствомъ, можетъ возвратить всѣ акты къ повиновенію римской церкви. Едва какой-нибудь народъ выкажетъ хотя малѣйшую склонность взбунтоваться, — они тотчасъ же дѣлаются его союзниками. У нихъ правило мѣшаться во всевозможныя дѣла и справа и слѣва, и повсюду играть роль посредниковъ, навязывая это посредство силою или хитростью, властью или нечаянностью, угрозами или дружбой. Духъ этого народа имѣетъ врожденную склонность къ военнымъ подвигамъ: это духъ — пылкій, беспокойный, любящій новизну, жаждущій завоеваній, быстрый, дѣлательный и готовый на всѣ средства, которыя онъ находитъ годными для своихъ цѣлей. Правило ихъ правительства — постоянно вести вѣншнюю войну и упражнять ихъ молодое дворянство въ

военной наукѣ во вредъ ихъ сосѣдямъ. Это правило очень политично и очень хорошо приспособлено къ ихъ собственной пользѣ, но оно очень неудобно для всѣхъ остальныхъ государствъ. Въ-самомъ-дѣлѣ духъ французскаго народа не можетъ выносить продолжительной праздности мира: этому огню нужна пища, и если ему не дадутъ ея внѣ, онъ приготовитъ ее самъ изъ внутреннихъ матеріаловъ. Сверхъ того, такъ какъ самыя большіе доходы французской короны состоятъ въ кошелькѣ народа, и въ мирное время нельзя требовать громаднхъ контрибуцій, не возбуждая большаго неудовольствія, то необходимо упавать этотъ народъ дымомъ побѣдъ, имѣть постоянно предлоги къ вооруженію и поддерживать силою эту королевскую власть, которая такъ странно вышла изъ границъ ихъ основныхъ законовъ.

Новая Франція иногда хвалится тѣмъ, что въ ней не осталось ничего отъ Франціи старой; однакоже вотъ старинный портретъ, въ которомъ и теперь еще есть нѣкоторыя черты фамильнаго сходства. Въ немъ нѣтъ лести и, слава Богу, онъ часто переставалъ быть похожимъ на оригиналъ. Теперь это сходство нѣсколько возстановилось. Я знаю даже людей, которые желали бы болѣе полнаго сходства. О, еслибы они могли, вмѣстѣ съ политикой, которая имъ по вкусу, дать, по-крайней-мѣрѣ, Кольбера и Лувуа для ея выполненія!

II.

Лувуа, безспорно, не былъ ни очень любезенъ, ни очень совѣстливъ, ни очень умѣренъ и, однако же какъ удержаться вполне отъ очарованія, которое этотъ удивительный администраторъ произвелъ на своего новаго историка? Быть свидѣтелемъ истинно хорошаго веденія дѣлъ—такая рѣдкость! Такъ пріятно видѣть великое правительство, которое знаетъ чего оно хочетъ, и при какихъ условіяхъ возможно то, чего оно хочетъ; видѣть, что оно, прежде приступленія къ дѣйствию, даетъ себѣ отчетъ въ средствахъ и препятствіяхъ, соразмѣряетъ свои приготовленія съ обширностью своихъ плановъ, идетъ твердо къ своей цѣли, предоставляя судьбѣ только то, чего нельзя у нея отнять ожидаетъ побѣды не отъ грубаго натиска солдатъ, не отъ случайности встрѣчи, но отъ искусно-составленнаго плана, отъ тайны своихъ операций, отъ хорошей организаціи своихъ магазинововъ и войскъ, отъ вѣрнаго взгляда Вобана и Тюрена. Въ

Лувуа—очень удачно замѣчаетъ Русе — заключаются двѣ разныя личности: администраторъ и политикъ. Можно охуждать его политику, но какъ администраторъ онъ стоитъ внѣ всякихъ обвиненій. И въ самомъ дѣлѣ, въ этой старой Франціи, считающей между своими военными администраторами такихъ людей какъ Сюлли и Ришельё, Лувуа не имѣлъ себѣ соперника въ наукѣ, которая должна давать генераламъ ихъ орудія и ресурсы, которая съ самыхъ различныхъ пунктовъ сосредоточиваетъ въ ихъ рукахъ средства дѣйствовать, не выдавая тайны своихъ операций, которая, при ихъ выступленіи въ походъ, должна предать имъ непріятеля уже сбитаго съ толку обманчивыми движеніями войскъ и отрядовъ. Лувуа былъ достоинъ лестнаго упрека, который дѣлалъ ему въ нисѣмъ изъ Альзаса маршалъ де-Люксамбургъ послѣ назначенія Кондэ, въ 1676 г. Въ-место того, чтобы идти къ Кондэ, какъ на назначенный поединокъ, и приказать губернатору, чтобы онъ былъ насторожѣ, вы возбуждали повсюду зависть, велѣли таскать пушку по всѣмъ городамъ; это сопровождалось безконечнымъ множествомъ хитростей, и теперь наши непріатели въ этой странѣ, очень справедливо говорятъ, что ваше путешествіе во Фландрію не было путешествіемъ честнаго человѣка, и что вы не дѣлали ничего другого, кромѣ предательства, чтобы застать ихъ врасплохъ. Я утѣшаюсь тѣмъ, что король не игралъ во всемъ этомъ замѣтной роли; что всѣ эти продѣлки онъ предоставилъ вамъ; что его величество захотѣлъ принять личное участіе въ этихъ дѣлахъ только тогда, когда наступила опасность, и что ему удалось приобрѣсти славу.

Лувуа позволялъ себѣ измѣны менѣе позволительныя. Онъ любилъ употреблять обманъ и насиліе въ государственныхъ дѣлахъ. Воровство, подлогъ, убійство и проч. были ему ни почемъ лишь бы услужить королю и повредить непріятелю. Для этого онъ не имѣлъ даже нужды въ побужденіи необходимости. Послушайте, какъ онъ, въ 1674 г., совѣтуетъ графу д'Эстараду взять, живымъ или мертвымъ, полномочнаго посла императора на кельнскомъ конгрессѣ, этого самаго барона Лизолу, который позволялъ себѣ писать съ такою энергіей противъ политики Людовика XIV. Есть много вѣроятія, что баронъ де-Лизола долженъ скоро выѣхать изъ Литтиха въ Кельнъ. Такъ какъ было бы очень полезно его захватить, и даже не было бы большаго неудобства его убить, въ случаѣ еслибы онъ и его сви-

та стали защищаться, — потому что это человекъ очень дерзкій въ своихъ рѣчахъ и, притомъ онъ употреблялъ всю свою изобрѣтательность, въ которой нѣтъ у него недостатка, во вредъ интересамъ Франціи съ ужаснымъ ожесточеніемъ — то вы не можете себѣ вообразить, какъ угодили бы вы его величеству, еслибъ выполнили этотъ планъ, когда де-Лизола будетъ возвращаться.

Презирая общественное мнѣніе, и считая признакомъ умственного превосходства то, что въ дѣйствительности было не болѣе какъ признакъ узости пониманія, Лувуа тщеславился тѣмъ, что онъ не зараженъ болѣзью своихъ предшественниковъ, которая выразится фразой: *что скажутъ?* Поэтому, онъ пренебрегалъ правительственнымъ средствомъ, которое въ большихъ размѣрахъ употреблялъ Ришльѣ и съ большою пользою, именно — журналами. Самые смѣшные и самые опасные слухи распространялись въ толпѣ, а Лувуа не давалъ себѣ труда ихъ опровергнуть. Вобанъ, котораго болѣе обширный и возвышенный умъ очень хорошо понималъ могущество общественного мнѣнія въ человѣческихъ дѣлахъ, дружески упрекалъ его въ этомъ. «Я желалъ бы имѣть газетчика — писалъ онъ къ Лувуа 14 іюля 1674 г. — который былъ бы способенъ поднять на смѣхъ (только кстати) газетчиковъ голландскихъ и брюссельскихъ, по поводу безконечныхъ иперболъ, которыми они насъ угощаютъ, такъ какъ это позоръ для насъ, если всей Европѣ будетъ казаться, что въ чужихъ земляхъ говорятъ по-французски лучше, чѣмъ во Франціи. Я знаю что вы считаете газету пустяками, но они не раздѣляютъ этого мнѣнія и я думаю что она, во всякомъ случаѣ, имѣетъ вліяніе на репутацію».

Впрочемъ смѣлость, съ которою Лувуа презиралъ общественное мнѣніе, «не дѣлала его нисколько снисходительнымъ къ тѣмъ, которые дурно говорили о немъ. Единственная свобода, которая никогда не исчезала во Франціи, это — свобода разговора, свобода, безъ сомнѣнія, очень драгоценная, но которая, вмѣсто того, чтобы помогать намъ въ преобрѣтеніи другихъ способовъ, слишкомъ часто утѣшаетъ въ ихъ потерѣ. Въ самый блистательный періодъ царствованія Людовика XIV, при дворѣ негодовали на опустошенія, которыя Лувуа приказывалъ дѣлать въ завоеванныхъ странахъ. Утрехтскій епископъ, пріѣхавшій въ Сен-Жерменъ въ 1673 г., въ то время, когда маршалъ де-Люксамбургъ занимался въ его епархіи контрибуціями

и пожарами, былъ очень удивленъ, слушая придворныхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ соболѣзновали о бѣдствіяхъ его провинцій и гнушались жестокостей, которыхъ она была жертвой. Одинъ изъ нихъ увлекся своимъ гнѣвомъ противъ Франціи («à dire le diable contre la France») даже до такой степени, что добрый епископъ, возвратясь въ Утрехтъ, наивно сказалъ Люксамбургу: «Во Франціи говорятъ свободно, и каждый высказываетъ свое мнѣніе». Однако же онъ имѣлъ благоразуміе не упомянуть никакого имени. Лувуа очень бы хотѣлось знать эти имена, Люксамбургу тоже. «Что до меня—сказалъ этотъ послѣдній,—я не знаю чего бы я неспособенъ былъ сдѣлать съ этою сволочью.»

Что онъ *снозобель* былъ сдѣлать — это мы знаемъ изъ его насмѣшливаго разсказа о томъ, какъ онъ наказывалъ Голландію за безстыдство людей, которые осмѣливались противиться его свѣршнымъ домогательствамъ: «Три дня назадъ я послалъ г. де-Маклина для наказанія крестьянъ, которые стрѣляли по одному изъ нашихъ отрядовъ. Онъ нашелъ ихъ въ сборѣ и потому былъ принужденъ сжечь только ихъ деревню, и такъ—какъ онъ пришелъ туда ночью, а жилища этихъ крестьянъ очень удобовоспламенимы, то, нѣтъ сомнѣнія, что все, находившееся въ нихъ, погибло — лошади, коровы, и, говорятъ, довольно много крестьянъ, женщинъ и дѣтей.»

Интендантъ Робертъ, достойный сотрудникъ его въ притѣсненіяхъ, говорилъ съ неменьшимъ остроуміемъ и пріятностью обо «всѣхъ жестокостяхъ, которыя онъ дѣлалъ, чтобы выжать нѣсколько денегъ» у несчастныхъ жителей Утрехта. Вотъ что онъ писалъ къ военному секретарю 14 февраля 1673 г.; «Чтобы дать вамъ понятіе о нищетѣ, господствующей въ народѣ этого города, и о дѣйствіи насилія, съ которымъ мы собираемъ подать, я вамъ скажу, что застава запружена людьми, которые хотятъ уйти изъ города... Я только-что сейчасъ изсколко горячо и можетъ быть не слишкомъ справедливо обошелся съ двумя изъ самыхъ почетныхъ и богатыхъ гражданъ этого города. Одинъ изъ нихъ называется Вульетъ и принадлежитъ къ числу городскихъ чиновъ. У него я нашелъ около двухъ дюжинъ негодныхъ стульевъ, которые принадлежали одному лицу, удалившемуся въ Голландію, чрезъ что Вульетъ подвергался взысканію суммы вчетверо превосходящей стоимость найденныхъ у него вещей, потому что онъ не объявилъ о нихъ; но какъ ска-

занные стулья, если ихъ оцѣнить какъ слѣдуетъ, стоятъ не болѣе двадцати солей каждый, то штрафъ могъ простираться не свыше ста ливровъ. Однакожь, вмѣсто ста ливровъ, я потребоваъ отъ него шесть тысячъ флориновъ, не будучи въ состояніи сказать ему очень удовлетворительныхъ причинъ, почему я требую такого большаго взмоканія, кромѣ развѣ той, что эти стулья найдены въ домѣ, гдѣ сломаны печати, которыя я велѣлъ тамъ наложить. Вотъ предлогъ, которымъ я пользуюсь; несущественная причина моего поступка состоитъ въ слѣдующемъ: я получилъ очень вѣрное свидѣніе, что, въ собраніи штатовъ, никто такъ сильно не противился интересамъ короля, какъ онъ, и я думалъ, что вы не найдете худымъ, если я воспользовался этимъ ничтожнымъ предлогомъ, найденнымъ съ большимъ трудомъ, чтобы сдѣлать ему эту непріятность, которая принесетъ шесть тысячъ флориновъ королю... Я не знаю когда онъ заплатитъ; но вотъ уже пять дней какъ у него помѣщено двенадцать солдатъ, и два дня какъ число ихъ увеличено до двадцати, которые, разумѣется, ходятъ очень роскошно и такъ пресыщены виномъ, что не хотятъ пить ничего, кромѣ шюкраса».

Можетъ быть вы думаете что Лувуа умѣрилъ пылъ своего агента? Ни мало: онъ боится какъ бы этотъ агентъ не сдѣлался слишкомъ чувствительнымъ. «Я васъ прошу не уставать въ жестокостяхъ, и дѣйствовать со всевозможною энергіей». Между тѣмъ въ Голландіи «умирало ужасное количество народа, и водой приносило туда миллионы мертвыхъ и потопленныхъ животныхъ. Эту картину рисовалъ министру Люксамбургъ: «Зная, какъ вы жалостливы—продолжалъ онъ шутливо—я не думалъ было сообщать вамъ объ этомъ изъ страха огорчить васъ, но не могъ удержаться отъ этого, потому-что слѣдуетъ представить вещи такими, каковы онѣ есть.» А Лувуа отвѣчалъ ему въ томъ же родѣ: «Я на васъ въ высшей степени недоволенъ за то, что такъ хорошо увѣдомили меня обо всѣхъ бѣдствіяхъ Голландіи, потому что я былъ тронутъ ими до послѣдней степени и еслибы у меня были здѣсь казуисты, то я спросилъ бы у нихъ совѣта: могу-ли я, по совѣсти, продолжать нападеніе, котораго единственная цѣль погибель моего ближняго? И еслибы они посовѣтовали мнѣ перестать, то я воротился бы въ Парижъ. Къ моему счастью, ихъ нѣтъ при арміи».

По-видимому была какая-нибудь государственная причина для всѣхъ этихъ ужасовъ, которые возбуждали противъ Франціи не-

примиримый гнѣвъ голландцевъ и всеобщее негодованіе. Лувуа сказалъ намъ ее, и здѣсь-то этотъ предусмотрительный администраторъ оказывается близорукимъ политикомъ, помѣшавшимся на одной идеѣ: «Его величество находитъ, что деньги лучше ихъ расположенія... Такъ-какъ городъ Утрехтъ и его территория не могутъ оставаться во власти Франціи, то должно извлечь изъ нихъ всевозможныя выгоды, не заботясь объ удовольствіи или неудовольствіи жителей... Лучше сохранить сотню солдатъ для короля, нежели угождать имъ.

III.

Официальныя отношенія Лувуа къ такимъ генераламъ, какъ Конде и Люксембургъ, Тюренъ и Вобанъ, представляютъ очень много интереса, не только историческаго, но и художественнаго, потому что они очень живо воспроизводятъ характеры всѣхъ этихъ личностей, Конде, появившійся предъ нами здѣсь, вовсе не похожъ на Конде рокруасской битвы. Въ пятьдесятъ лѣтъ, ослабленный преждевременнымъ истощеніемъ силъ, подагрикъ, брюзга, онъ обыкновенно недоволенъ, подозрителенъ, нерѣшителенъ. Онъ потерялъ довѣріе къ самому себѣ. По смерти Тюреня онъ не осмѣливается заступить мѣсто этого великаго чловѣка, котораго онъ былъ такъ долго счастливымъ соперникомъ. Онъ жалуется на войска, требуетъ инструкцій.

Напротивъ того Люксембургъ, во время Голландской войны является во всемъ цвѣтѣ силъ. Русе съ большою истиною и талантомъ изобразилъ характеръ этого горбуна, исполненнаго огня, пороковъ и очарованія. Первоклассный военачальникъ, величайшій изъ учениковъ Конде, обладавшій, подобно этому генералу въ его лучшіе дни, инстинктомъ битвы, внезапнымъ вдохновеніемъ, презрѣніемъ къ опасности, пылкостью, которая увлекала солдатъ; «но къ несчастію, одинъ изъ самыхъ развращенныхъ людей своего времени, чловѣкъ, не имѣвшій ни нравственности, ни принциповъ, ни стыда; не то, чтобы жестокій, но безжалостный, готовый на все для удовлетворенія своего безграничнаго честолюбія, гордившійся болѣе чѣмъ кто-либо своимъ званіемъ и происхожденіемъ и однакоже унижавшійся до крайней фамильярности съ людьми случайными, министрами, фаворитками и лакеями короля,—онъ представляетъ собою, говоря вообще, типъ придворнаго, потерявшаго честь, совѣсть и вѣру».

Добродѣтель и благостостояніе солдатъ не могли быть главнѣйшею заботою для подобнаго генерала. Потому, въ его арміи часто повторялись: утайка жалованья, разграта жизненныхъ припасовъ, грабежи, невинновеніе, дезертирство, словомъ, всѣ безпорядки и преступленія, которыя Лувуа думалъ уничтожить. Министръ жаловался; Люксембургъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ достаточныя причины жаловаться, что своеволие солдатъ дошло до высочайшей степени; но что это совершается въ видѣ припадковъ и проходитъ такимъ же образомъ; а веревка и палка тутъ ничего не помогаютъ. Лувуа настаивалъ. «Нужно найти средство, для того, чтобы это не повторялось въ будущемъ... Его Величество, отвѣтивъ разъ на что-либо, не любитъ слушать въ другой разъ о томъ же». Безпорядки прекращались на нѣсколько времени, но потомъ начинались снова.

Безпечность не была единственнымъ военнымъ недостаткомъ Люксембурга; въ немъ былъ еще и другой, довольно обыкновенный у военныхъ людей его сорта. Ему бывало чрезвычайно пріятно паденіе товарища, онъ не скрывалъ этого, и смиренно признавался, что къ великой досадѣ въ этомъ похожъ на всѣхъ людей, и что онъ не желаетъ ничего болѣе, какъ избавиться отъ этихъ дурныхъ чувствъ посредствомъ полученія главнаго начальства, которое поставило бы его выше подобныхъ мелочей. Эту именно мысль онъ внушилъ Лувуа, когда, будучи еще не болѣе какъ простымъ губернаторомъ Утрехта въ 1672 г., онъ представлялъ министру опасность оставлять различныхъ губернаторовъ завоеванныхъ мѣстъ въ Голландіи безъ одного общаго начальника, который могъ бы умѣрять ихъ соперничество и ихъ взаимную вражду. Быть можетъ, по злобѣ человѣческой натуры, исполненной слабостей и многихъ другихъ вещей, мы будемъ довольны тѣмъ, что здѣсь, съ нашей стороны и не захотимъ, чтобы наши товарищи были также счастливы съ своей, — и по этой причинѣ не подадимъ другъ другу достаточно быстрой помощи, и насъ никогда не увидятъ дѣйствующими согласно съ тѣмъ рвеніемъ, которое необходимо для блага службы нашего государя. Есть одно только средство не допустить насъ до подобной низости: это — поставить надъ нами какого нибудь главнаго, которому вмѣстѣ съ тѣмъ было бы поручено заботиться обо всемъ». Лувуа не захотѣлъ понять этого намека: онъ отвѣчалъ утрехтскому губернатору, что въ настоящее время ему не дадутъ никакого начальника, но что можетъ быть это будетъ

исполнено послѣ. Этотъ отвѣтъ показался Люксембургу насмѣшкою самаго дурнаго тона, и онъ не выдержалъ. «Я вамъ говорилъ когда-то, что я нерожденъ быть товарищемъ нѣкоторыхъ людей, ни даже тѣхъ, которые бы вообразили будто они имѣютъ право командовать мною... Я не имѣю довольно достоинствъ, чтобы находиться на одинаковомъ съ ними посту; и если меня доведутъ до этого, буду просить короля — лучше назначить меня дѣсничимъ въ какомъ-нибудь изъ его помѣстій, чѣмъ ставить меня въ армію на одну доску съ другими». Огорченіе Люксембурга было еще сильнѣе, когда просимый имъ начальникъ былъ назначенъ. Это былъ Конде. Лувуа не сдѣлалъ ничего для за-леченія раны: «Принцъ,—писалъ онъ къ своему гордому клиенту, отправляется начальствовать въ мѣста, гдѣ вы находитесь, Я его увѣрялъ, что вамъ будетъ очень тяжело признать его своимъ начальникомъ и что вы сильно опасаетесь за то, что не будете въ состояніи служить вмѣстѣ съ нимъ, вслѣдствіе темноты его приказаній». И потомъ позже: «Такъ какъ въ настоящее время принцъ находится въ Утрехтѣ, то я долженъ съ этихъ поръ вести переписку съ нимъ, а не съ такимъ незначительнымъ подчиненнымъ его, какъ вы».

Люксембургъ былъ вынужденъ еще два года ожидать этого главнаго начальства, которое должно было имѣть на него такое благотѣльное нравственное вліяніе. Въ самомъ дѣлѣ, при извѣстіи о своемъ назначеніи, съ нимъ сдѣлался трогательный припадокъ смиренія. «Я узналъ морсье, о милости, которую король только что оказалъ мнѣ; я такъ обязанъ его величеству и имѣю такое сильное желаніе служить ему, что почитаю для себя хорошими всѣ должности, начиная съ пѣхотнаго сержанта и доходя до той, на которую возвелъ меня король.... Армія прекрасна и исправна, и если ей недостаетъ чего-нибудь, такъ это только одного, о чемъ я не осмѣлюсь высказать свое мнѣніе, вслѣдствіе моего уваженія къ выбору короля, котораго считаю болѣе непогрѣшительнымъ, чѣмъ папа; притомъ я имѣю поводъ думать, что вы не представляли ему ничего противнаго его чувствамъ. Вы хорошо видите, что это не можетъ относиться ни къ кому другому, кромѣ главнокомандующаго арміей. Затѣмъ, я очень хорошаго мнѣнія обо всемъ остальномъ. Однакожь непріятельская армія сильна; туда собралась разная голландская сволочь изъ Голландіи и говорятъ, что число ея скоро еще увеличится. Все это не разстроитъ злаго настроенія моего слабаго

мозга. Заклинаю васъ предписатьъ мнѣ опредѣлительно что я долженъ дѣлать, для избѣжанія всякихъ ошибокъ съ моей стороны потому, что я постоянно боюсь какъ бы не на дѣлать промаховъ». Маршалъ сказалъ, быть можетъ, больше истины, чѣмъ даже самъ ожидалъ, не потому, безъ сомнѣнія, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ боязливыхъ людей, которыхъ подавляетъ чувство ответственности—трудно было найти человѣка, болѣе дерзкаго и испорченнаго—но онъ слишкомъ опасался не поврагиться королю и чрезъ то потерять выгоды, которыя могли доставить ему въ нѣкоторые моменты его снѣлость. Качества человѣка военнаго могли быть парализованы въ немъ качествами придворнаго. Таковы были дѣйствительно цѣли Людовика XIV! Чѣмъ скорѣе всего можно было ему угодить? Нужно ли было рѣшиться на сраженіе, рискуя проиграть или же броситься на помощь къ какой-нибудь крѣпости съ опасностью потерять ее. Слишкомъ часто задавалъ онъ себѣ подобные вопросы и слишкомъ часто писалъ къ Лувуа, предлагая ихъ ему; это и заставляло мадамъ Севиньи сказать: «Люксембургъ забросалъ насъ курьерами. Увы! Бѣдный Тюренъ не посылалъ ихъ никогда, онъ выигрывалъ сраженіе, и объ этомъ узнавали съ приходомъ почты».

По мнѣнію Лувуа, это былъ вовсе не маленькій недостатокъ Тюреня. Ограничивать власть генераловъ, въ пользу своей собственной, оставлять имъ какъ можно меньшую инициативу въ веденіи возложенныхъ на нихъ операций, управлять арміями изъ своего кабинета—таково было деспотическое и часто опасное стремленіе министра. Почти всѣ генералы подчинялись, или показывали видъ, что подчиняются его волѣ. Самъ Конде выказывалъ чрезвычайное уваженіе въ письмахъ своихъ къ временщику: онъ расточалъ въ нихъ свои поклонны, и принималъ на себя трудъ подробно объяснять свои намѣренія и стараться чтобы они были благосклонно приняты. «Это, говоритъ Руссе,—была забота, которой Тюренъ поддавался не охотно; только онъ одинъ прямо отстаивалъ свои права и личную ответственность во всемъ». Онъ одинъ холодно обращался съ Лувуа. Какъ способный и заносчивый новичокъ, который слишкомъ скоро начинаетъ присвоивать право говорить съ господиномъ какъ господинъ; онъ одинъ требовалъ и добился того, что Лувуа сознался и виновился въ своихъ ошибкахъ. Тотъ молодого администратора бывалъ иногда слишкомъ оскорбителенъ: «Я считаю себя обя-

занимать сказать вамъ,—писалъ онъ къ нордлингенскому побѣдителю, что въ случаѣ, если вы сочтете невозможнымъ исполнить, какое-нибудь повелѣніе его величества, вамъ не худо будетъ подробно объяснить тому причины, и нахожу очень дурнымъ съ вашей стороны, что вы этого до-сихъ-поръ не дѣлали. На подобии грубая выходка Тюренъ сухо отвѣчалъ: «Я хорошо понимаю наизвѣренія короля, и сдѣлаю все возможное, для того, чтобы сообразоваться съ ними; но позвольте мнѣ сказать вамъ, что я не думаю, чтобы точныя приказанія, даваемые такъ издадека даже самому неспособному человѣку во Франціи, могли принести пользу его величеству». Напрасно Лувуа употреблялъ разные извороты, стараясь прикрыть нахальство своихъ мнѣній или своихъ перипатія. «Люди, имѣющіе привычку разсуждать о предметахъ, которыхъ они не понимаютъ, проповѣдуютъ только о томъ, что, если бы вмѣсто того, чтобы оставаться въ Мюльгеймѣ пошелъ дальше, то вы разбили бы непріятелей и заставили бы ихъ удалиться отъ Рейна. Тюренъ отвѣчалъ на это, пожимая плечами: «Если бы кто побывалъ на сомомъ мѣстѣ дѣйствія, то онъ посмѣлся бы надъ этою мыслью. Его величеству извѣстно, что нѣтъ ни одного человѣка, который бы не писалъ или не говорилъ, что если идти на непріятеля, то онъ удаляется какъ можно дальше».

Тюренъ много способствовалъ возвышенію Лувуа, и Лувуа никогда не простилъ ему этого. Вобанъ, напротивъ того былъ протежѣ Лувуа, и чрезъ это Лувуа всегда питалъ къ нему благосклонность. Такимъ только образомъ и можно объяснить эти различныя отношенія, въ которыхъ онъ находился и съ двумя великими людьми, изъ которыхъ оба были честны, горды, настоятельны и своеправны. Вобанъ очень хорошо обрисовываетъ свое положеніе относительно Лувуа въ слѣдующемъ письмѣ, гдѣ онъ высказываетъ, и глубокую преданность къ своему благодѣтелю, и смѣлую свободу мыслей, и справедливую гордость: «Я поверѣннѣе прошу васъ быть сколько-нибудь снисходительнымъ къ человѣку, который весь преданъ вамъ, и не сердиться, если въ письмахъ, которыхъ я имѣлъ честь писать къ вамъ, я предпочитаю неслишкомъ пріятную истину низкой угодливости, которая могла бы только служить къ тому, чтобы обмануть васъ, если это возможно, и обезчестить меня. Я нахожусь на мѣстѣ; я вижу ясно вещи—это моя обязанность знать ихъ; я понимаю свой долгъ, требованія котораго выполню ненарушимо; но еще

богѣ я понимаю то, что имѣю честь быть вашимъ твореніемъ, что вамъ я обязанъ всѣмъ и что вся моя надежда заключается въ васъ. Принимая это въ соображеніе и не имѣя другой цѣли, кромѣ покорной и совершенной признательности, я поступалъ бы вопреки ей и сдѣлался бы недостойнымъ вашихъ милостей, если бы опасаясь неудовольствія и боясь наказанія, не предложилъ бы случай вамъ дѣйствительныхъ средствъ. Вобанъ не требовалъ для себя особенной снисходительности. Затронутый нѣкоторыми ложными слухами, касавшимися его чести и дошедшими до Лувуа, онъ благородно потребовалъ отъ своего друга нелицепріятнаго изслѣдованія всѣхъ своихъ поступковъ. «Разсматривайте смѣло и строго—воскличалъ онъ.—Прочь всякую нѣжность! Сказать вамъ, что, основываясь на безувѣрной честности и искренней преданности, я не боюсь ни короля, ни васъ, ни всего человѣчества вмѣстѣ. Судьбѣ угодно было, чтобы я родился самымъ бѣднымъ французскимъ дворяниномъ, но взаменъ, она наградила меня сердцемъ искреннимъ и до такой степени чуждымъ всякихъ низостей, что оно не можетъ даже представить себѣ ихъ безъ ужаса.»

Это дѣлаетъ честь Лувуа, что онъ имѣлъ такого друга, понималъ его, уважалъ и поддерживалъ. Признательность Вобана бывала иногда чрезвычайно изобрѣтательна. Что можетъ быть оригинальнѣе и трогательнѣе письма, которымъ онъ извѣщалъ Лувуа, что написалъ для него,—и только для него одного—ту *записку для руководства при веденіи осады*, въ которой изложилъ всѣ свои тайны? «Это будетъ книга, наполненная самымъ лучшимъ товаромъ, какой только есть въ моей лавочкѣ и достать который отъ меня могли только вы одни во всемъ королевствѣ. Вы не найдете тамъ ничего общезвѣстнаго, или уже употреблявшагося на практикѣ и однако же ничего такого, что не было бы весьма удобоприимимо къ дѣлу. Все, что я могу сказать вамъ, милостивый государь, это: что если вы прочтете ее раза два, то я надѣюсь, что лучше будете знать осады и траншейныя работы чѣмъ кто-либо въ мірѣ. Наконецъ, я попрошу васъ, милостивый государь, еще о томъ, чтобы вы были такъ добры, никому не давали этого сочиненія, когда получите, потому—что я, кромѣ васъ, конечно, никому не дамъ его».

Вобанъ имѣлъ умъ столько же вѣрный, сколько оригинальный и изобрѣтательный. Чуждый заблужденія предрассудковъ, и снисхожденія къ чьему-либо самолюбію, онъ имѣлъ привычку

ку видѣть вещи такими, какія онѣ на самомъ дѣлѣ, и называть ихъ настоящими ихъ именемъ. Послѣ сенефской битвы, когда всѣ обманывались, хотѣли ошибаться, обманываться насчетъ важности этого событія, тогда самъ Лувуа считалъ эту побѣду рѣшительною. Вобанъ писалъ съ проникательною прямою: «Еще рано намъ радоваться». И въ этомъ дѣлѣ, эта кровавая битва, на которую такъ неблагоприятно рѣшился Кондѣ, не имѣла другого результата, кромѣ потери семи тысячъ человекъ. Совѣты Вобана стояли его приговоромъ: у него гораздо болѣе, чѣмъ у Лувуа и у Людовика XIV было чутья насчетъ того, что желательно и возможно. Всякое отдаленное и эксцентрическое завоеваніе было ему не по-душѣ не потому, чтобы самая политика завоеваній возмущала его честность—онъ слишкомъ свыкся съ траншейною жизнью для того, чтобы много думать о правѣ народовъ—но, по здравому смыслу и по любви къ общественному благу, онъ любилъ только тѣ завоеванія, которыми сдѣланы прочно, которыя тѣсно связаны между собою, которыя легко удержать за собою и которыя полезны для страны въ военномъ и финансовомъ отношеніяхъ. Мастрихтъ и его окрестности, которыми такъ дорожилъ Лувуа, по мнѣнію Вобана, были «скорѣе въ тягость для страны, чѣмъ полезны ей». — «У короля слишкомъ много выданныхъ впередъ крѣпостей—писалъ онъ въ 1676;—еслибы ихъ было меньше пятью или шестью, то онъ сдвинулся бы сильнѣе двѣнадцатую или четырнадцатую тысячами человекъ, а силы непріятеля уменьшились бы, по-крайней-мѣрѣ, на шесть или семь тысячъ человекъ». Отказаться отъ гигантскихъ химеръ, *стыснитесь, ограничьте свои предѣлы*, таковы были спасительные совѣты, которые онъ подавалъ постоянно, какъ среди военныхъ кризисовъ, такъ и при наступленіи мира: «Принимайте всегда въ соображеніе квадратуру, если не круга, то луга. Дѣло прекрасное и полезное держаться за свой фактъ обѣими руками. Это смѣшеніе дружественныхъ и непріязненныхъ крѣпостей нѣтъ не вразится. Вы принуждены содержать три вмѣсто одной; ваши народы отъ этого страдаютъ, ваши расходы значительно увеличиваются, а ваши силы весьма уменьшаются».

«Ваши народы отъ этого страдаютъ»—вотъ мысль, которая, можетъ быть, изъ воѣхъ корреспондентовъ Лувуа, могла придти въ голову только одному Вобану. Онъ не-умѣлъ оставаться равнодушнымъ къ безплоднымъ страданіямъ, и надлежащимъ образомъ понималъ, въ чемъ состояли обязанности короля отно-

сительно Франціи. Послѣ осады камбрейской цитадели въ 1677 г., Людовикъ XIV хотѣлъ принудить защищавшіе ее испанскіе полки сдаться военноплѣнными. Вобанъ возсталъ противъ этого. «Никогда не слѣдуетъ злоупотреблять счастьемъ; и чтобы взять ихъ во чтобы ни стало, для этого потребуется не менѣе пяти, шести, а можетъ быть десяти дней, а вдобавокъ съ потерю семи или восьмисотъ человекъ. Его величество долженъ подумать о томъ, что сохраненіе сотни его подданныхъ для него важнѣе, чѣмъ гибель тысячи его враговъ.»

Однакоже пусть читатель остерегается въ своихъ заключеніяхъ: изъ того, что Вобанъ до такой степени заботился о сбереженіи крови солдатъ и трудовъ народа, еще не слѣдуетъ, что онъ былъ экономистомъ-филантропомъ, въ родѣ членовъ мирнаго совѣта. Это былъ человекъ военный и, въ добавокъ, человекъ своего времени. Въ сношеніяхъ съ иностранцами, онъ былъ нѣсколько черезчуръ того мнѣнія, что слѣдуетъ судиться «съ полными руками» рѣшать процессъ на полѣ битвы. Для него, какъ и для Тюреня, оренскій миръ былъ истиннымъ горемъ. Едва былъ заключенъ этотъ миръ, Вобанъ тотчасъ же далъ Лувуа совѣтъ разорвать его подъ-носомъ посредниковъ безъ лишнихъ церемоній.—Самые правдивые судьи пушки: онъ прямо идутъ къ цѣли, и уже ихъ ничѣмъ нельзя подкупить. Сдѣлайте такъ, чтобы король обратился къ ихъ посредничеству, если онъ хочетъ получить хорошее и скорое правосудіе для удовлетворенія своихъ справедливыхъ требованій».

Мы не имѣемъ претензіи изображать здѣсь вполнѣ знаменитыхъ людей, которые вели переписку съ Лувуа. Мы хотѣли только вызвать на сцену ихъ личности, и заставить ихъ говорить. Чтобы ближе познакомиться съ ними, слѣдуетъ прочитать документы, собранные г. Русе. Можно опровергать нѣкоторые изъ его выводовъ, можно находить его то слишкомъ строгимъ къ Людовику XIV, то слишкомъ снисходительнымъ къ духу завоеваній, но нельзя отнимать у его рассказовъ трехъ равно рѣдкихъ заслугъ: они новы, достовѣрны и живы.

НѢСКОЛЬКО ВОПРОСОВЪ,

**О ПОЛОЖЕНІИ ФАБРИЧНЫХЪ РАБОЧИХЪ, ПРЕИМУЩЕ-
СТВЕННО НА ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ФАБРИКАХЪ.**

(Посвящается г. Арлеву.)

(Окончаніе).

III. Помѣщеніе рабочихъ на фабрикахъ.

Кому случалось бывать на петербургскихъ фабрикахъ, тотъ вѣроятно помнитъ какъ спѣшилъ онъ выйти изъ иныхъ мастерскихъ. Духота жаркой и тѣсной комнаты, ѣдкая пыль, поднимающаяся отъ хлопья, тѣсное размѣщеніе машинъ, между которыми трудно и опасно двигаться, смрадъ отъ верхняго этажа рабочихъ и работницъ, развѣшеннаго по стѣнамъ, гонять изъ мастерскихъ каждаго посторонняго посетителя, а между тѣмъ въ этихъ мастерскихъ рабочимъ приходится дышать по 14 часовъ въ сутки. На иныхъ фабрикахъ нѣтъ даже форточекъ въ окнахъ, или онѣ почти никогда не отворяются.

Въ мотальномъ отдѣленіи *бумагопрядильн* женщины работаютъ только днемъ, но въ продолженіи 12—13 часовъ не могутъ отлучаться съ фабрики. Обыкновенно онѣ приносятъ утромъ завтракъ и обѣдъ, который ѣдятъ холодный въ пыли и смрадѣ мастерской. Мы уже упоминали о томъ, что пыль отъ хлопья производитъ особый видъ чахотки, но, къ сожалѣнію, на большинствѣ бумагопрядильн нѣтъ не только достаточной вентиляціи, но просто форточекъ.

На *Россійской* бумагопрядильнѣ достаточной вентиляціи нѣтъ. На бумагопрядильнѣ *Голенищева* и *Петрова* мастерскія нижняго этажа тѣсны, и въ трепальномъ отдѣленіи вентиляція слишкомъ неудовлетворительна (теперь эта фабрика закрыта.) На *Василье-островской* бумагопрядильнѣ воздухъ удушливый, вонючій; вентиляціи почти вовсе не устроены, и мастерскія очень низки. На *Самсоніевской* и новой мануфактурахъ освѣженіе воздуха недостаточно, за то первая имѣетъ воду, проведенную во всѣ этажи, а вторая просторныя мастерскія. На бумагопрядильнѣ *Торшилова* соблюдены не только эти удобства, но и разставлены огнегасительные снаряды.

Самымъ лучшимъ устройствомъ мастерскихъ могутъ похвастаться бумагопрядильни *Новая* и *Охтенская*. На *Новой* мастерскія просторны, свѣтлы, хорошо освѣжаются; вода проведена во всѣ этажи; всѣхъ разставлены огнегасительные снаряды хорошаго устройства. На *Охтенской* просторныя и свѣтлыя мастерскія имѣютъ до 14 ф. вышины.

Вообще надо замѣтить, что чѣмъ производство фабрики обширнѣе и чѣмъ постройка ея новѣе, тѣмъ скорѣе можно ожидать лучшаго устройства мастерскихъ. Фабрики, устроенныя въ началѣ очень хорошо, къ сожалѣнію, не всегда сохраняютъ такое устройство. Увеличивъ производство, они переполняютъ мастерскія рабочими до того, что даже значительное усиленіе вентиляціи перестаетъ помогать.

Хета вся пыль отъ хлопка не можетъ быть устранена вентиляціею, но законъ въ правѣ требовать чтобы это было исполнено на сколько возможно, и чтобы мастерскія были просторны и свѣтлы.

Въ трепальномъ отдѣленіи бумагопрядильнѣ, гдѣ стоитъ постоянная пыль, необходимо устранивать усиленную вентиляцію нѣсколькими вытяжными вентиляторами.

Вообще усиленная вентиляція должна быть устроена во всѣхъ мастерскихъ для работъ, производящихъ пары, зловоніе, пыль. Механическіе вентиляторы, дѣйствующіе паровою машиною или другимъ двигателемъ, каминны, печи и вытяжныя трубы, уносящія дурной воздухъ и дающія притокъ свѣжаго, могли бы много содѣйствовать къ уменьшенію разстройства здоровья рабочихъ, доходящаго теперь до такихъ страшныхъ размѣровъ.

Теперь, вообще говоря, здоровье рабочихъ предоставлено на добрую волю фабрикантовъ, и они устраниваютъ мастерскія ча-

сто удивляющія своею безчеловѣчностью. Въ то же время прекрасныя мастерскія на фабрикахъ того же рода показываютъ, что оно во все не представляетъ стѣсненія для фабрикантовъ. На иныхъ кузницахъ продохнуть нельзя въ то же время, когда другіе имѣютъ большія отверстія въ потолкахъ для тока свѣжаго воздуха. То же представляютъ механическіе заводы; на однихъ мастерскія тѣсныя, грязныя, съ воздухомъ спертымъ и удушливымъ, съ отсутствіемъ всѣхъ средствъ къ его освѣженію, тогда, какъ другіе могутъ служить образцомъ для всѣхъ заводовъ.

Намъ кажется, что законъ можетъ требовать хорошаго устройства мастерскихъ, въ особенности, если надзоръ за фабриками будетъ устроенъ рационально. Когда фабрикантъ будетъ имѣть право обжаловать требованіе инспектора фабрикъ, то судъ, разбирающій дѣло, можетъ, въ случаѣ особенной нужды, давать фабриканту отсрочку на приведеніе мастерскихъ въ удовлетворительное состояніе. Очень часто дурное помѣщеніе рабочихъ на фабрикахъ зависитъ преимущественно отъ безопасности фабрикантовъ, и такъ какъ петербургскіе фабриканты и рабочіе отличаются особенною безопасностію, то очень можетъ быть, что совѣты и напоминанія инспектора будутъ далеко не излишними и смогутъ пресѣчь вредъ, наносимый здоровью рабочихъ.

Хорошо устроенная мастерская можетъ быть легко запущена, что и случается безпрестанно. Кажется что не мѣшало бы потребовать отъ фабрикантовъ, чтобы они бѣдили мастерскія не менѣе одного раза въ годъ. Это требованіе уже установлено въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ. Не мѣшало бы также, чтобы фабриканты запретили спать рабочимъ въ мастерскихъ, безъ чего трудно ожидать въ нихъ чистаго воздуха.

На табачной фабрикѣ *Миллера* заслуживаетъ особеннаго вниманія отдѣльная комната, въ которой работницы могутъ разогрѣвать свой кофе, и завтракать. Такой примѣръ можно смѣло рекомендовать богатымъ фабрикамъ.

Верхнее платье, приносимое рабочими въ мастерскія и развѣшиваемое ими по стѣнамъ, порождаетъ зловоніе, стѣсняетъ проходъ въ мастерскихъ, часто и безъ того тѣсныхъ. Въ этомъ отношеніи можно указать на *Новую* бумагопрядильню, гдѣ отведена особая комната со шкапами, раздѣленными на ящики.

Нѣкоторыя наиболѣе вредныя производства требуютъ особыхъ предосторожностей въ устройствѣ мастерскихъ.

Изъ числа *красильель* и *бѣльель* заведенія *Гука*, *Ушаковой*

и *Шурта* отличаются особенно дурнымъ устройствомъ, совершенно забывшимъ о здоровьѣ рабочихъ. Въ чрезвычайно тѣсныхъ мастерскихъ не устроено никакой вентиляціи, и рабочіе, задыхаясь отъ жара, за густыми парами воды и красильныхъ снадобій, почти не видятъ другъ друга. Полы мастерскихъ устроены безъ покатостей для стока воды и жидкостей, и рабочимъ приходится работать съ постоянно мокрыми ногами. На одной изъ красильнъ, комиссія нашла комнату безъ свѣта, названную рабочими *черною*.

Впрочемъ и въ Петербургѣ существуетъ небольшое число хорошо устроенныхъ красильнъ и бѣлильнъ. Напримѣръ красильня *Ауха* (вмѣстѣ и шерстопрядильня) имѣетъ обширныя и чистыя мастерскія и особое отдѣленіе для приготовления красокъ и окрашиванія шерсти, отдѣленіе, постоянно освѣжаемое вентиляціею. Такова же бѣлильня тюлевой фабрики компаніи. Въ этихъ заведеніяхъ полы каменные и покатые.

Примѣръ послѣднихъ заведеній показываетъ, что содержатели красильнъ и бѣлильнъ не были бы затруднены, если законъ о фабрикахъ потребуетъ отъ нихъ: а) покатоности половъ, б) вытяжныхъ трубъ для вентиляціи, в) въ бѣлильняхъ, гдѣ готовится флоръ, чтобы аппараты и части ихъ не допускали газа и д) бѣленіе тканей чрезъ сѣрную кислоту производилось не иначе, какъ въ отдѣльныхъ камерахъ съ сильными вытяжными трубами.

По тѣмъ же причинамъ отъ фабрикъ, обрабатывающихъ *конки волосъ, пухъ, перья, шкуры и шерсть для войлока или для набивки*, можно поставить правиломъ: а) имѣть особыя кладовыя, или сараи, сухіе и снабженные вентиляціею, для храненія волоса-сырца, б) котлы для варки волоса должны быть устроены съ плотнымъ желѣзнымъ навѣсомъ и вытяжною трубою и в) мастерскія для варки сырца должны быть отдѣлены отъ мастерскихъ для очистки его.

На *писчебумажныхъ* фабрикахъ здоровье рабочихъ съѣдается хлорнымъ газомъ и хлорною известью. Аппараты для добыванія газа должно помѣщать въ особомъ отдѣленіи, и бѣлильныя камеры должны быть устроены герметически. При бѣленіи чрезъ хлорную известь, бѣлильныя роли слѣдуетъ помѣщать въ особой мастерской съ усиленною вентиляціею. Само собою разумѣется, что трепальные аппараты должны быть снабжены плотными колпачками съ пылеотводными трубами.

Кожевенные заводы относятся къ числу тѣхъ, которые не могутъ быть устроиваемы въ чертѣ города. Вредное вліяніе кожевеннаго производства, идущаго у насъ по застарѣлой рутинѣ, сказывается на здоровьи рабочихъ такъ сильно, что войдя на заводъ, тотчасъ можно узнать работниковъ, пробывшихъ на немъ нѣсколько продолжительное время. Блѣдныя и одутлыя лица сейчасъ говорить, что рабочій пробылъ нѣсколько времени на заводѣ. При поступленіи на заводъ, рабочіе страдаютъ сильною головною болью.

Петербургскіе кожевенные заводы отличаются, за исключеніемъ весьма немногихъ, поразительною грязью, зловоніемъ и тѣснотою; они помѣщаются большею частію въ ветхихъ деревянныхъ постройкахъ. Заводы *Звиркова*, *Кусова*, *Сокова*, братьевъ *Миллеръ* производятъ припарку шкуръ въ мастерскихъ, не слабѣющихъ никакою попыткою къ вентиляціи. Комиссія свидѣтельствуешь, что особенно нечистотою и невыносимымъ зловоніемъ отличается заводъ братьевъ *Миллеръ*, «гдѣ въ парникѣ нѣтъ никакой возможности пробыть нѣсколько минутъ».

При выдѣлкѣ нѣкоторыхъ родовъ кожи, заводы употребляютъ сильно зловонные смигчающіе растворы, и чаны съ этими растворами спокойно заражаютъ воздухъ мастерскихъ.

Необычайная грязь утвердилась всего сильнѣе въ мастерскихъ, гдѣ скоблятъ шкуры. Тамъ, полы покрыты толстыми слоями гниющей жидкости. Какое же должно быть двойное зловоніе и отъ нея, и отъ шкуръ?

Отъ фабрикантовъ кожевенныхъ заводовъ законъ вправѣ требовать:

- а) отдѣльныхъ помѣщеній для припарки шкуръ,
- б) помѣщенія чановъ съ особенно зловонными растворами отдѣльно отъ мастерскихъ, и устройства изъ такихъ чановъ вытяжныхъ трубъ или же устройства усиленной вентиляціи;
- с) покатыхъ половъ въ мастерскихъ для стока жидкостей.

Требованіе, чтобы полы эти были каменные, можетъ быть, на первое время будетъ нѣсколько затруднительно, но фабрикантамъ слѣдуетъ приготовиться къ нему, — рано или поздно оно будетъ установлено.

Фабрики, приготовляющія *фосфорныя спички*, сгораютъ среднимъ числомъ каждые три года, и подобное обстоятельство, кажется, должно пробудить вниманіе ко всевозможнымъ предосторожностямъ. Простой фосфоръ, какъ извѣстно, загорается

даже при незначительномъ возвышеніи температуры, относительно обыкновенной комнатной. Это требуетъ храненія фосфора въ помѣщеніяхъ, отдѣльныхъ отъ мастерскихъ, и даже отъ самаго зданія фабрики. Эти помѣщенія должны быть съ каменными сводами и полами, а также съ усиленною вентиляціею. Сушильни для спичекъ, обмоченныхъ въ фосфорной массѣ, точно также слѣдуетъ помѣщать подалеже отъ мастерскихъ.

Испаренія, поднимающіяся отъ производства фосфорныхъ спичекъ, дѣйствуютъ на здоровье рабочихъ чрезвычайно разрушительно. Они страдаютъ омертвѣніемъ нижней челюсти, хроническими воспалениями, чахоткою и проч. Поэтому должно требовать, чтобы рабочіе, ни въ какомъ случаѣ, не употребляли пищу въ мастерскихъ, и, чтобы, для храненія принесенной на фабрику пищи, и для обѣда или завтрака, фабриканты устроивали особое помѣщеніе. Въ мастерской, гдѣ осѣриваютъ спички, должна быть устроена вытяжная труба, для выноски сѣрныхъ паровъ.

На *химическихъ* заводахъ точно также замѣчено особенное разстройство здоровья рабочихъ: они блѣдны, изнурены, большею частію съ испорченными зубами и пр. Многіе не выносятъ трудности работы, и оставляютъ эти фабрики.

На химическомъ заводѣ *Расстерлева* замѣчено дурное устройство мастерской и недостаточная вентиляція, — послѣднее, впрочемъ, относится къ большинству такихъ фабрикъ. На прекрасно-устроенной фабрикѣ химическихъ пряжъ *Курциуса* все-таки приняты далеко не всѣ мѣры. На фабрикѣ свинцовыхъ бѣлилъ *Бермама* навѣсъ надъ очагомъ, гдѣ лютъ свинецъ, малъ, и не ограждаетъ лица рабочихъ отъ испареній. На фабрикѣ *Петерса*, въ литейной, надъ котломъ нѣтъ навѣса, и фабрикантъ заявилъ комиссіи, что находитъ такое устройство «излишнимъ». (1) Отдѣленіе свинцовыхъ камеръ на заводѣ *Ждамовыхъ* отличается особенною нечистотою и недостаточною вентиляціею. На химическомъ заводѣ генералъ-маіора *Ковальки*, въ мастерской, гдѣ лутруется сѣра, колпакъ надъ очагомъ устроенъ безъ достаточной вентиляціи, и дурно спаяна одна изъ свинцовыхъ камеръ.

Печи и аппараты химическихъ заводовъ должны быть устроены такъ, чтобы они не пропускали газовъ, а въ мастерскихъ, гдѣ обрабатываются соли и кислоты, производящія остроядовитые пары, должна быть усиленная вентиляція. Надъ очагомъ, гдѣ производится плавка свинца, слѣдуетъ устроить колпакъ,

опущенный на столько, чтобы подъ нимъ не находилась голова рабочаго во время производства, и этотъ колпакъ долженъ также прикрывать станокъ съ литейными формами. Въ муфельныхъ печахъ, въ которыхъ производится приготовленіе сурика изъ сорныхъ бѣлилъ, должно устроить наклоненные колпаки съ тягою внутрь печи, и чтобы передній край колпака заходилъ за край шестка.

Вниманіе бѣлилъ изъ плошекъ и укладка ихъ въ бочки представляютъ очень много вреда для здоровья. Для устраненія этого вреда департаментъ мануфактуръ и торговли ввелъ на заводѣ *Друри* особаго устройства будку. Оно нѣсколько сложно, и потому не совѣмъ удобно для обязательнаго введенія на всѣхъ заводахъ, приготовляющихъ свинцовыя бѣлила.

Будка устроивается съ плотными, не пропускающими пыль стѣнами, съ дверью, окномъ и трубою. Черезъ дверь вносятся въ будку бочки, а черезъ окно высыпаются бѣлила въ бочку изъ плошки, и уминаются, но такъ, что голова работника находится за окномъ будки. Изъ верхней части ея проведется желѣзная труба въ даръ, гдѣ осѣдаетъ пыль отъ бѣлилъ, а другая труба изъ нея соединяется съ общею заводскою трубою.

Мы привели эти подробности потому, что, можетъ быть, нѣкоторые химическіе заводчики прочтутъ въ нашихъ упрекахъ напоминаніе о примѣрѣ, поданномъ на заводѣ *Друри*.

На *газовыхъ* заводахъ газъ-гольдеры должны находиться въ отдѣльномъ строеніи отъ прочихъ аппаратовъ и отъ жилыхъ помѣщеній. На случай пожара всѣ окна близъ строенія газъ-гольдера должны быть снабжены желѣзными ставнями.

Въ заключеніе, мы должны упомянуть объ одномъ обстоятельстве, по-видимому слишкомъ мелкомъ, но оно имѣетъ большія послѣдствія для рабочихъ въ гигиеническомъ отношеніи: мы говоримъ объ устройствѣ отхожихъ мѣстъ, доходящемъ на многихъ фабрикахъ до послѣдней степени отвратительности. Часто эти мѣста представляютъ простую яму съ перекинутою доскою. Можно представить себѣ, до какой степени это удобно при сильномъ морозѣ, или въ жаркіе дни лѣта. Надзоръ за фабриками долженъ обратить вниманіе на болѣе замѣчательныя мѣста по отвратительности и вреду для здоровья.

VI. Особенныя мѣры на нѣкоторыхъ вредныхъ производствѣхъ.

На фабрикахъ, наиболѣе разстроивающихъ здоровье рабочихъ, напр., на химическихъ, на приготовляющихъ фосфорныя спички, чувствуется потребность въ еженедѣльномъ посѣщеніи фабрикъ для осмотра рабочихъ и для временнаго устраненія отъ работы заболѣвшихъ. Если у работника обнаружится какимъ-либо образомъ кость на непокрытыхъ частяхъ тѣла, на головѣ или рукахъ, отъ раны, ногтяды и пр., то его необходимо удалить отъ работы до выздоровленія. Изъ химическихъ заводовъ въ Петербургѣ только на трехъ нѣтъ постоянныхъ врачей, а именно: *Жукова* и *Ворошилова*, *Бермана* и *Фалина*. Это показываетъ, что для химическихъ заводовъ требованіе имѣть постоянныхъ врачей не представить стѣсненія.

При нѣкоторыхъ операціяхъ, вредныхъ для здоровья производствѣ, рабочимъ приходится иногда держаться надъ сосудами, содержащими въ себѣ химическія смѣси, издающія ядовитыя испаренія. Это бываетъ, напр., при обмачиваніи спичекъ въ фосфорную смѣсь, при плавкѣ свинца, при разныхъ соприкосновеніяхъ съ свинцовыми бѣлилами въ сухомъ видѣ и пр. Тутъ рабочіе подвергаются такой опасности, что фабрикантамъ приходится наблюдать, чтобы работники завязывали платкомъ ротъ и носъ, или имѣли у рта губку, смоченную водою.

На фабрикахъ свинцовыхъ бѣлилъ, рабочіе должны вынимать изъ горшковъ перегорѣвшіе свинцовые листы, и вообще прикасаться къ какимъ бы то ни было сухимъ свинцовымъ соединеніямъ не иначе, какъ въ кожаныхъ рукавицахъ. Перегорѣвшіе, т. е. обратившіеся въ бѣлила свинцовые листы должно переносить къ мялкѣ или протиральному сити не въ сухомъ видѣ, но въ ушатахъ съ водою. Обминаніе или отколачиваніе бѣлилъ отъ свинцовыхъ листовъ, предъ протираніемъ ихъ чрезъ сито, производить не въ сухомъ видѣ, а подъ водою. Обрабатываемыя въ сурикъ сорныя бѣлила или класть на противень прямо въ томъ видѣ, въ какомъ они остаются на протиральномъ станкѣ бѣлилаго отдѣленія, или предъ измелчаніемъ ихъ смачивать водою. Кромѣ того, должно наблюдать, чтобы, каждый разъ передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, рабочіе полоскали ротъ водою, и обмывали руки съ мыломъ. Фабриканты должны также отправлять рабочихъ въ баню, не менѣе раза въ недѣлю.

Отъ *волосяныхъ* фабрикъ законъ можетъ требовать, чтобы при поступленіи неочищенного волоса-сырца въ кладовыя, его обваривали кипяткомъ, и чтобы до передачи въ мастерскія его нагрѣвали въ камерахъ при 60—70° тепла.

На *обейныхъ* фабрикахъ должно быть запрещено употребленіе мышьяковыхъ красокъ.

V. Надзоръ за фабриками.

Для скорѣйшаго уясненія дѣла считаемъ необходимымъ ообщить бѣглый очеркъ главныхъ чертъ надзора за фабриками въ государствахъ, имѣющихъ его уже продолжительное время.

Французское законодательство стремится къ предупрежденію всѣхъ вредныхъ послѣдствій разныхъ производствъ, и, точно опредѣляя различныя степени опасности ихъ, либо запрещаетъ ихъ безусловно, либо требуетъ различныхъ мѣръ предупрежденія. Англійское законодательство идетъ другимъ путемъ. Оставляя въ сторонѣ надежду опредѣлить впредь всѣ случаи вреда отъ различныхъ производствъ, оно старается дать удобство къ пресѣченію всякаго обнаружившагося вреда.

Французскіе законы поименовываютъ цѣлую серію производствъ (отъ 340 до 350), размѣщенныхъ въ разряды: а) опасныхъ, б) вредныхъ для народнаго здоровья и с) безпокойныхъ или слѣнительныхъ (*inconmodes*). Законъ постановляетъ самыя мелочныя предупрежденія гарантіи и внимательства въ эти производства, болышею частію не достигающія цѣли и не исполняющіяся на дѣлѣ. Всякій предприниматель, по какому-либо изъ такихъ производствъ, подвергается разнымъ формальностямъ, послѣ которыхъ дается ему разрѣшеніе на фабрику. Въ Англии только театры, рестораны, кабаки и общественныя экипажи подчинены почти непосредственному управленію государства, а всѣ другія производства предоставляются всякому желающему, и предоставлены почти полной свободѣ, за то всякое вредное вліяніе ихъ можетъ быть остановлено судомъ. Въ Англии запрещены только такія обстоятельства разныхъ производствъ, которыя вредны, такъ сказать, по самой природѣ своей, и за нихъ полагаются большія наказанія. Такъ металлургическіе и химическіе заводы не дозволяется строить близь обработанныхъ полей, потому что газы, распространяемые этими заводами, вредны для посѣвовъ и для животныхъ. Въ сосѣдствѣ жилыхъ мѣстъ не дозволяется строить заводовъ, распространяющихъ зловоніе, т.

е. коженныхъ, для топки сала, для приготовления салныхъ свѣчь, а также свиныхъ хлѣбовъ.

Постановленія, прямо запрещающія разныя вредныя дѣйствія извѣстныхъ лицъ, издаются очень часто. Хозяева пароходовъ, плавающихъ по Темзѣ, отъ Лондонскаго моста до Ричмонда, обязаны устраивать дымовыя трубы такимъ образомъ, чтобы дымъ не выходилъ наружу. Сперва дымъ пароходовъ разносилъ по всему Лондону черную пыль, коптившую зданія и людей. Сперва это неудобство терпѣли ради выгодъ отъ пароходовъ, но когда были придуманы средства устранить его, то они тотчасъ сдѣланы обязательными для хозяевъ этихъ пароходовъ. Сюда же относятся постановленія о погребеніяхъ въ Лондонѣ, о предосторожностяхъ для переселенцевъ, отправляющихся изъ Англіи, о постройкахъ въ Лондонѣ и пр. Напр., запрещена не только отдача въ наемъ, но и самый наемъ такихъ покоевъ, въ которыхъ тѣснятся несчастныя жертвы общественнаго разврата, часто по пяти, по шести въ одной тѣсной канурѣ. Недавно было напечатано въ газетахъ, что въ Москвѣ такія помѣщенія процвѣтаютъ до сегодня.

Англіійское законодательство представляетъ три пути для пресѣченія вреда отъ разныхъ производствъ, вреда, который во всѣхъ подробностяхъ никогда не можетъ быть предусмотрѣнъ закономъ. Въ судъ можно внести просьбу: а) требуя вознагражденія за причиненный вредъ и убытки, б) преслѣдуя вредное заведеніе гражданскимъ и уголовнымъ судомъ, на основаніи права отвратить, что вредить и с) прося судъ о воспрещеніи производства или предпріятія, прежде приведенія его въ исполненіе, если оно по самому свойству своему грозитъ сдѣлаться вреднымъ.

Англіійскій порядокъ, конечно, приводитъ иногда къ странностямъ, но безвреднымъ для общества. Дюнойе, посланный въ Англію для изученія занимающаго насъ вопроса, раскрываетъ слѣдующій случай. Одна очень богатая компанія пользовалась исключительнымъ правомъ освѣщенія Шефилда, и когда нѣкоторые лица города составили общество, и вступили съ нею въ конкуренцію, она вызвала ихъ къ суду, жалуясь, что проведеніе трубъ новой компаніи портитъ мостовыя и дороги. Судъ два раза изслѣдовалъ дѣло и, не находя достаточныхъ обвиненій, отвергъ просьбу. Не совсѣмъ нормальная сторона этихъ подробностей, все-таки безконечно лучше, чѣмъ длинное стран-

ствование французскихъ разрѣшеній по различнымъ ступенямъ административной лѣстницы съ окончательнымъ рѣшеніемъ важныхъ случаевъ только въ Парижѣ.

Для безопасности фабрикъ, мы должны, прежде всего, стремиться къ улучшенію суда, безъ чего никакой списокъ вредныхъ дѣйствій не будетъ полонъ. Затѣмъ законъ о вредности, конечно, несравненно выгоднѣе для общества, чѣмъ обяванность испрашивать разрѣшенія у администраціи, которая должна все предусмотрѣть, предугадать, но которая, къ сожалѣнію, можетъ ошибиться.

Право искать въ судѣ на дѣйствія вредныя для всего общества неопредѣлено точнымъ образомъ и въ Англіи. Здѣсь, разумѣется, не мѣсто говорить о нашихъ потребностяхъ въ отношеніи этого общаго вопроса, а потому, обозначивъ главныя черты надзора за вредными дѣйствіями, мы перейдемъ къ фабрикамъ.

Излагаемъ, предварительно въ короткомъ очеркѣ, устройство надзора за фабриками во Франціи и въ Англіи.

Во Франціи, при учрежденіи надзора за фабриками, старались избѣгнуть прибавленія новыхъ чиновниковъ къ безъ того непомерно многочисленной французской бюрократіи. Законъ 1841 поручилъ префектамъ составить мѣстныя комиссіи для надзора. Комиссіи составились изъ разныхъ лицъ, принявшихъ на себя обязанности надзора добровольно и безъ платы, но изъ лицъ, избѣгавшихъ столкновенія съ фабрикантами и даже зависѣвшихъ отъ нихъ или бывшихъ съ ними въ разныхъ сношеніяхъ по дѣламъ. Результатомъ такого образованія комиссіи было совершенное отсутствіе дѣйствительнаго надзора за фабриками и полное неисполненіе закона о фабрикахъ.

«Правительствомъ,—говоритъ законъ 28 марта 1841 г., —будетъ учрежденъ надзоръ за исполненіемъ сего закона. Инспекторы могутъ требовать съ каждой фабрики сообщенія имъ списковъ, относящихся до исполненія настоящаго закона, правилъ, касающихся фабрикъ, рабочихъ книжекъ и самыхъ дѣтей; они могутъ посѣщать фабрики въ сопровожденіи врача, командированнаго префектомъ или супрефектомъ (ст. 10).

«Въ случаѣ нарушенія правилъ, инспекторы составляютъ протоколы, которые служатъ доказательствомъ, если не будутъ поровѣргнуты (ст. 11.)

«Въ случаѣ нарушенія правилъ, предписанныхъ правительствомъ, хозяева фабрикъ представляются мѣстному мировому судѣ, и подвергаются полицейскому взысканію, не превышающему 15 франковъ. За допущеніе на фабрики дѣтей, не достигшихъ опредѣленнаго закономъ возраста, за излишнее время работы, взыскиваются за каждое нарушеніе штрафы, которые, въ совокупности, не должны превышать 200 фр. При повтореніи проступка, владѣльцы фабрикъ представляются суду исправительной полиціи, и приговариваются къ штрафу отъ 16 до 100 фр. Совокупность штрафовъ не должна превышать 500 франк. (ст. 12).»

Законъ, кикъ видитъ читатель, точный и строгій, а между тѣмъ комиссіи надзора вовсе не привели его въ исполненіе. Правительство долго боролось съ неудачнымъ составомъ комиссій, но успѣха не было. Наконецъ Кюененъ Гриденъ возложилъ должности инспекторовъ на чиновниковъ, наблюдающихъ за мѣрою и вѣсомъ. Это было лучше, чѣмъ ничего; но эти чиновники не были лицами довольно значительными, чтобы быть достаточно независимыми отъ фабрикантовъ.

Жюль Симонъ въ своей послѣдней книгѣ *L'ouvriѣге* свидѣтельствуетъ, что до-сихъ-поръ Франція «не имѣетъ дѣйствительнаго надзора за работою малолѣтнихъ, и самый законъ остается безсильнымъ и почти бесполезнымъ».

Въ виду подобнаго неуспѣха, многіе предлагали во Франціи, чтобы надзоръ за фабриками былъ порученъ особымъ чиновникамъ, избраннымъ изъ людей самыхъ просвѣщенныхъ, наиболѣе способныхъ взвѣсить всѣ обстоятельства, чтобы не придирались бесполезно къ фабрикантамъ, и притомъ дать этимъ инспекторамъ достаточное вознагражденіе, для того, чтобы отъ нихъ можно было много требовать.

Перейдемъ теперь къ Англіи.

Въ отношеніи надзора собственно за фабриками, она раздѣляется на четыре инспекторства. Рудники имѣютъ особенныхъ инспекторовъ. Каждый округъ поручается особому инспектору, имѣющему пять помощниковъ. Въ Лондонѣ находится бюро инспекторовъ, въ которомъ хранятся всѣ донесенія и документы, относящіеся до фабрикъ.

Каждый фабрикантъ, открывшій фабрику, обязанъ сообщить о томъ въ бюро инспекторовъ, въ теченіе одного мѣсяца.

Инспекторъ и его помощники имѣютъ право посѣщать во

всякое время дня или ночи каждое заведеніе, которое они считают фабрикою, и требовать предъявленія всѣхъ книгъ и списковъ, касательно рабочихъ, заработной платы, возраста и пр.

Во Франціи законъ о надзорѣ распространяется только на тѣ фабрики, которыя дѣйствуютъ парами, огнемъ или другими общими двигателями, и на которыхъ работаетъ не менѣе 20 человѣкъ. Оттого многіе фабрики уклоняются отъ надзора, подъ предлогомъ того, что они представляютъ ремесленное заведеніе, не подходящее подъ законъ о фабрикахъ. Въ Англіи сужденіе о томъ считать ли извѣстное заведеніе фабрикою, какъ мы сказали, предоставляется самимъ инспекторамъ.

Всякое препятствіе инспекторамъ, или ихъ помощникамъ, въ отправленіи возложенныхъ на нихъ обязанностей, будетъ—ли оно сдѣлано со стороны фабриканта или со стороны постороннихъ лицъ, наказывается штрафомъ. Сюда подходятъ: недопущеніе инспектора на фабрику, скрытіе списковъ и т. п. Взысканія налагаются однако же не самими инспекторами, а чрезъ мирового судью, который извѣщается инспекторомъ о случившемся, и который обязанъ выслушать объясненіе отъ фабриканта. Апелляція допускается только на приговоры, подвергающіе обвиняемаго взысканію болѣе 3 фунт. стерл.

Если инспекторъ или его помощникъ замѣтятъ, что на извѣстной фабрикѣ какая-либо опасная часть механизма неограждена, то онъ извѣщаетъ фабриканта о необходимости огражденія. Въ случаѣ спора со стороны фабриканта, необходимость и возможность требуемаго инспекторомъ огражденія разрѣшается посредниками, свѣдущими въ дѣлѣ и выбранными по одному отъ каждой стороны. При разногласіи посредниковъ они избираютъ для рѣшенія спора третье лице.

Въ инспекторы и ихъ помощники выбираются люди хорошаго образованія и пользующіеся довѣріемъ въ обществѣ. Имъ дается значительное содержаніе, а именно: инспекторъ получаетъ жалованья съ разъѣздными до 6 т. р. с.; помощники отъ 1,800 и 2,000 жалованья и кромѣ того разъѣздныя деньги. *

Надзоръ, учрежденный въ Англіи, дѣйствуетъ съ полнымъ успѣхомъ, и даже законъ о малолѣтнихъ, наиболѣе трудный для исполненія, приводится въ дѣйствіе. Инспекторы, впрочемъ, стараются прибѣгать ко взысканіямъ только въ крайнихъ случаяхъ.

* Act to amend the laws relating to labour in factories. Vict. an. 7.

Всѣмъ замѣчанію предшествуетъ обвиненіе нарушенія закона; и уже самое призваніе фабриканта къ суду составляетъ строгое наказаніе. Съ каждымъ годомъ случаи нарушенія закона становятся болѣе рѣдкими. Непріязнь фабрикантовъ къ этому закону о фабрикахъ ослабляется постоянно, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, уже многіе изъ нихъ стоятъ теперь на ея сторонѣ.

Одинъ изъ инспекторовъ писалъ въ своемъ отчетѣ за 1859 г.:

«Двадцати-шестилѣтній опытъ убѣждаетъ меня, что внимательство правительства въ ограниченіе работы малолѣтнихъ, юношей и жейщинъ на фабрикахъ, по сознанію большей части фабрикантовъ, приноситъ и продолжаетъ приносить много пользы, нисколько не препятствуя успѣхамъ промышленности. Я твердо увѣренъ, что предложеніе объ уничтоженіи этого закона возбудило бы сильное противодѣйствіе со стороны хозяевъ фабрикъ; не говоря уже объ опшювиціи, которую оказали бы въ этомъ случаѣ рабочіе; они вполне оцѣниваютъ нравственныя и общественныя улучшенія, которыя этотъ законъ произвелъ, и продолжаетъ производить.»

Каждый инспекторъ обязанъ представлять министру внутренняго дѣлъ два раза въ годъ отчетъ о томъ, въ какой мѣрѣ исполняется законъ о фабрикахъ, не требуетъ ли онъ дополненій и измѣненій, и, въ случаѣ, если требуетъ—то какихъ именно. Къ отчету прилагается вѣдомость о числѣ штрафовъ, взысканныхъ за несоблюденіе закона, о числѣ увѣчій, полученныхъ работниками отъ машинъ и отъ другихъ причинъ. Для единства дѣйствій инспекторы, предъ представленіемъ своихъ донесеній, собираются въ Лондонѣ въ бюро, гдѣ и составляютъ изъ отдѣльныхъ отчетовъ одинъ общій. Министръ представляетъ этотъ отчетъ обѣимъ палатамъ.

Эти донесенія, не смотря на всю ихъ краткость, представляютъ вѣрную картину известной стороны фабричнаго быта въ Англіи. Общій отчетъ, четыре отдѣльныхъ донесенія инспекторовъ и всѣ таблицы составляютъ брошюрку страницъ въ 50.

Мы, просто съ завистію должны читать, что въ первое полугодіе 1859, по всей Англіи было всего на все 877 жалобъ инспекторовъ на нарушеніе законовъ. Изъ числа этикъ жалобъ въ 558 случаяхъ послѣдовало обвиненіе, въ 313 освобожденіе отъ штрафа, и въ 6 случаяхъ обвиняемые были просто отпущены.

Число нарушеній закона распределяется слѣдующимъ образомъ: а) за работу несовершеннолѣтнихъ и женщинъ послѣ шес-

сти часовъ пополудни,—333 (освобождено 121), b) за допущеніе на фабрики несовершеннолѣтнихъ и дѣтей, безъ внесенія въ книги именъ ихъ и времени поступленія на фабрику 149—(освобождено 54); c) принятіе несовершеннолѣтнихъ безъ медицинскихъ свидѣтельствъ—115 (освобождено 53); d) за работу несовершенно-лѣтнихъ и женщинъ ранѣе 6 часовъ до полудня—62 (освобождено 25) e) за работу дѣтей до полудня и послѣ часу полудня того же дня—55 (освобождено 18); f) за приятіе дѣтей безъ свидѣтельства школы—50 (освобождено 15); g) за работу молодыхъ рабочихъ и женщинъ во время обѣда—21 h) за работу тѣхъ же рабочихъ послѣ 2 часовъ пополудни, въ субботу—29.

И такъ, наибольшее число нарушеній закона приходится на постановленія относительно работы женщинъ и дѣтей.

Затѣмъ слѣдуютъ: небѣленіе стѣнъ, по требованію закона,—14-ть случаевъ, обвиненій родителей въ непосѣщеніи дѣтьми ихъ школъ—9 случаевъ; за ложныя показанія въ вѣдомостяхъ о несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ — 7 сл. (тутъ назначены наибольшіе штрафы); за наивременное преимствіе помощникамъ инспекторовъ къ отправленію ихъ обязанностей,—5 сл.; за дозволеніе женщинамъ оставаться въ мастерской, въ которой продолжалась фабричная работа во время обѣда,—2 сл.

Наименьшее число нарушеній закона, приходится на требованіе объ огражденіи машинъ, а именно: призваніе къ суду за неогражденіе, слѣдствіемъ котораго было увѣчье, послѣдовало только одинъ разъ, по которому мы видимъ обвиненіе и наибольшій штрафъ въ 10 фунт. стерл. За неогражденіе опасныхъ частей машины, не имѣвшее еще послѣдствій, послѣдовалъ также одинъ случай призыва къ суду, кончившійся оправданіемъ.

Въ нѣкоторыхъ, германскихъ государствахъ надзоръ за фабриками возлагается или на тѣ лица, которымъ поручено наблюденіе за школами первоначальнаго обученія, или на городскія общины.

На кого слѣдовало бы возложить надзоръ за фабриками въ нашемъ отечествѣ?

Намъ кажется, что, въ разсужденіи объ этомъ, слѣдуетъ прежде всего устранить нашу городскую и земскую полицію. Она и безъ того завалена слишкомъ громаднымъ количествомъ дѣлъ, и нѣсколько затрудняется успѣшнымъ исполненіемъ уже порученныхъ ей обязанностей. Но, главное, отъ городскихъ и земскихъ полицейскихъ властей нельзя ожидать ни независимости

гь отношеніи фабрикантовъ, ни достаточнаго количества свѣденій, необходимыхъ для успѣшности заступничества за рабочихъ, которое, въ тоже время, не ложилось бы на промышленность стѣсненіями.

У насъ уже были дѣлываемы попытки возложить надзоръ за фабриками на городскую полицію. Въ Москвѣ были изданы разныя мѣстные постановленія относительно фабрикъ, а въ Петербургѣ временныя правила. Въ обѣихъ столицахъ эти попытки кончились полнѣйшимъ неуспѣхомъ.

Надзоръ за фабриками можно бы возложить на самихъ фабрикантовъ, опредѣливъ избраніе инспекторовъ изъ среды ихъ, положимъ, даже при содѣйствіи выбора рабочихъ. Но въ Петербургѣ фабричное населеніе наплывное, и потому участіе рабочихъ въ выборѣ инспекторовъ повлекло бы нѣкоторыя затрудненія. Разумѣется эти затрудненія возможно превозмочь, но, вообще говоря, инспекторъ-фабрикантъ представляетъ самъ по себѣ много неудовлетворительнаго.

Инспекторъ, кромѣ техническаго образованія, долженъ имѣть еще достаточныя юридическія свѣденія потому, что опредѣленія взысканій за нарушенія, очевидно, должны дѣлаться по судейскому разбирательству, а не административнымъ труднымъ путемъ. Отъ фабрикантовъ трудно ожидать достаточнаго юридическаго образованія, и, во всякомъ случаѣ, фабриканты, имѣющіе подобныя свѣденія, встрѣчаются только какъ рѣдкія исключенія.

Всякій фабрикантъ слишкомъ занятъ своимъ дѣломъ, и должность инспектора будетъ для него тягостію, которая постепенно устранимъ самую дѣйствительность надзора. Выборная служба вообще говоря, идетъ успѣшно только тогда, когда беретъ служащихъ только досугъ ихъ, и не разстроиваетъ ихъ дѣлъ. Если бы можно было найти такого фабриканта, который перекинулъ свое занятіе на должность инспектора, то какое же огромное вознагражденіе слѣдовало бы ему назначить? Оно должно быть не меньше той прибыли, которую фабрикантъ получалъ отъ своего производства. Наблюденіе за фабриками напр. въ Петербургѣ и его уѣздѣ потребуетъ столько времени, что всякое занятіе производствомъ сдѣлается невозможнымъ. Громадность вознагражденія, необходимаго для инспектора изъ числа фабрикантовъ, врядъ-ли окупитъ тѣ выгоды, которые можно бы ожидать отъ него, вслѣдствіе его прежнихъ занятій.

Наконецъ, на многихъ фабрикахъ введены улучшенія, состав-

ляющія секретъ и собственность фабриканта. Инспекторъ изъ фабрикантовъ, имѣя свободный доступъ во всё отдѣленіе фабрики, можетъ воспользоваться секретомъ. На этомъ основаніи бельгійскіе фабриканты уже просили, чтобы надзоръ за фабриками не былъ возлагаемъ на кого-либо изъ числа фабрикантовъ.

Опытъ нашей земли точно также подтверждаетъ, что надзоръ за фабриками не долженъ быть возлагаемъ на фабрикантовъ.

Когда частыя несчастія на Невской бумагопрядильнѣ обратили на себя вниманіе правительства, оно поручило коммисіи составить правила для этой фабрики. Правила эти были утверждены и опубликованы въ вѣдомостяхъ, причемъ прочіе фабриканты Петербурга получили приглашеніе, составить подобныя же правила для своихъ заведеній. Приглашеніе, о которомъ мы говоримъ, осталось безъ успѣха, и все изложенное нами выше т. е. частыя несчастія отъ неогражденія машинъ, дурное устройство мастерскихъ, чрезвычайная продолжительность работы для дѣтей, отсутствіе всякихъ облегченій для женщинъ и пр. и пр.—все это очень хорошо показываетъ, что фабриканты вовсе не сознаютъ необходимости тѣхъ мѣръ, которыя должны быть введены закономъ о фабрикахъ. Трудно предположить, чтобы, при такомъ обстоятельствѣ, фабриканты были очень расположены или даже способны къ наблюденію за исполненіемъ подобныхъ мѣръ, не возбуждающихъ ихъ сочувствія.

И такъ, возложеніе надзора за фабриками на самихъ фабрикахъ представляетъ много неудобствъ, особенно на первое время. Во всѣхъ государствахъ фабриканты только постепенно примиряются съ законами о фабрикахъ, и было бы грѣшно считать, что бы это примиреніе послѣдовало уже во всѣхъ странахъ,—напр. во Франціи.

Въ такихъ обстоятельствахъ, кажется было бы всего выгоднѣе, установить надзоръ чрезъ особо назначенныхъ для того лицъ, разумѣется, давъ фабрикантамъ и рабочимъ не только право, но и всевозможныя удобства для просьбъ объ увольненіи инспекторовъ, дозволяющихъ себѣ злоупотребленія, послабленія или безпечность. Лица, избираемая въ должности инспекторовъ и ихъ помощниковъ, должны имѣть достаточныя техническія и юридическія свѣденія, а также, по своему образованію, положенію въ обществѣ, и нравственнымъ достоинствамъ,—быть способными имѣть вліяніе на фабрикантовъ. Разумѣется инспекторы и ихъ помощники должны быть вознаграждены значи-

гальнымъ содержаніемъ, которое способствовало бы ихъ независимости относительно фабрикантовъ.

Для предупрежденія произвола со стороны инспекторовъ, взысканія за нарушение закона о фабрикахъ, должны производиться не административнымъ путемъ, но посредствомъ суда, въ который инспекторъ представлялъ бы свое обвиненіе, а фабрикантъ оправданіе. Въ столицахъ разбирательство подобныхъ взысканій можетъ быть поручено словеснымъ судамъ, особенно послѣ ожидаемаго преобразованія ихъ. Въ уѣздахъ такіе разборы могли бы всего успѣшнѣе производить наша мировая юстиція, о которой, вообще говоря, мы имѣемъ весьма благопріятныя свѣденія.

Для разрѣшенія споровъ относительно требуемаго инспекторомъ огражденія опасныхъ частей машинъ полезно бы призывать экспертовъ, и затѣмъ уже дозволить инспекторамъ требовать тѣмъ путемъ всѣхъ огражденій, которыя они признаютъ полезными. Тотъ же путь можетъ быть употребленъ въ спорахъ относительно улучшеній въ мастерскихъ на пр. объ устройствѣ вентиляции, бѣденія стѣнъ и проч.

Инспекторы въ своихъ отчетахъ могутъ представлять о тѣхъ ополченіяхъ или измѣненіяхъ закона о фабрикахъ, которыя они признаютъ нужными и которыя будутъ указаны имъ самою практикою дѣла.

Наблюденіе инспекторовъ можетъ получить значительную мощь отъ печати, отъ полной и прямой гласности. Она можетъ имѣть разныя полезныя указанія и сообщить не лишнія свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на разныхъ фабрикахъ, разумѣется, въ томъ случаѣ, когда на печать будутъ смотрѣть не какъ на общественную болѣзнь. Опубликованіе всѣхъ случаевъ увѣчья рабочихъ машинами съ сообщеніемъ подробностей, опредѣляющихъ истину дѣла, обнародованіе инспекторскихъ отчетовъ, а также тѣхъ взысканій, которымъ фабриканты подвергнутся по суду, съ яснымъ сообщеніемъ именъ фабрикантовъ, дастъ правильный ходъ наблюденію общественнаго мнѣнія, которое безъ этого теряется въ постоянномъ, но бесплодномъ раздраженіи. Очень можетъ быть, что опубликованіе безопасности фабриканта, или являго нарушения имъ разумныхъ требованій закона будетъ еще болѣе дѣйствительно, чѣмъ преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ, бѣгнущимъ гласности.

Изъ числа всѣхъ нарушеній закона, недопущеніе на фабрику инспектора или его помощника должно подвергать фабриканта

наибольшему штрафу, такъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не было выгодно не допустить наблюдателя на фабрику.

Сужденіе о томъ, какія заведенія считать ремесленными, а какія, фабрикою, должно быть предоставлено инспектору, по причинамъ, изложеннымъ нами при очеркѣ наблюденія за фабриками во Франціи. Фабрикантамъ, конечно, должно быть предоставлено право обжаловать постановленія инспекторовъ въ судѣ.

VI. Штрафы съ фабрикантовъ и рабочихъ.

Мы нѣсколько разъ говорили выше, что всякое нарушеніе фабрикантомъ закона о фабрикахъ должно наказываться штрафомъ, по обвиненію инспектора и по приговору суда.

Самый высокій штрафъ долженъ падать за недопущеніе инспектора на фабрику, по причинамъ изложеннымъ выше. Соображаясь съ иностранными законодательствами, можно положить такой штрафъ отъ 50 до 300. р. сер. За тѣмъ наибольшій штрафъ долженъ падать на невѣрныя показанія фабриканта въ пр. лѣтъ рабочихъ въ конторскихъ книгахъ или за ложныя отмѣтки и поддѣлки, а именно: нѣкоторые предлагаютъ разнѣрызысканія отъ 10 до 100 руб. сер. Затѣмъ неогражденіе опасныхъ частей машинъ представляетъ наибольшую опасность, и здѣсь предлагаютъ за всякое нарушеніе правилъ взыскивать отъ 10 до 50 руб., а притомъ, въ случаѣ несчастія, вознагражденіе рабочаго за увѣче не снимается съ фабриканта штрафа за нарушеніе закона. За нарушеніе закона о малолѣтнихъ штрафъ должно взыскивать за каждаго работника, нарушившаго требованіе правилъ и притомъ за ночную работу штрафъ полезно ульвонять.

Если въ теченіе одного года, фабрикантъ вторично нарушитъ законъ о фабрикахъ, по одному и тому же постановленію, то взысканіе должно быть не менѣе половины высшей суммы, опредѣленной за нарушеніе этого постановленія; за одно и то же нарушеніе закона въ третій разъ взыскивается $\frac{3}{4}$ высшей суммы, а за дальнѣйшія нарушенія полная высшая сумма.

Но куда должны идти деньги, получаемыя отъ такихъ взысканій? Кажется что ихъ лучше всего обратить въ пользу благотворительныхъ учрежденій для фабричныхъ, или въ пользу фабричныхъ школъ, только разумѣется, не тѣхъ, которыя будутъ обязательны для фабрикантовъ. Изъ этихъ штрафовъ инспекторы фабрикъ могъ бы раздавать пособія заболѣвшимъ рабочимъ.

На всѣхъ фабрикахъ рабочіе обязываются соблюдать нѣкоторыя правила, предписываемыя фабрикантами и иногда печатаемыя при расчетныхъ книгахъ, выдаваемыхъ рабочимъ съ фабрики. Сообщимъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ правилъ.

Почти на всѣхъ фабрикахъ постановлено, что рабочій, желающій оставить, фабрику долженъ извѣстить о томъ фабриканта за мѣсяць, за двѣ недѣли, а на *Охтенской* бумагопрядильнѣ за 10 дней. Въ обезпеченіе этого условія, контора фабрики постоянно удерживаетъ жалованье, соответствующее требуемому сроку. Работникъ, ушедшій прежде срока, лишается удержанныхъ денегъ. На бумагопрядильнѣ *Голенищева и Петрова* работникъ, поступающій на фабрику обязывался работать въ праздничные дни за полуполторную плату. Неявка на работу, или опоздываніе на нее, а также небрежность работы, порча механизмовъ и всякое нарушеніе правилъ наказывалось денежнымъ штрафомъ, удерживаемымъ изъ жалованья. На *Невской* бумагопрядильнѣ постановлено, что мастеръ, желающій отказать рабочему не за вину, а по своему желанію, обязанъ предупредить рабочаго за мѣсяць, который въ противномъ случаѣ получаетъ мѣсячную плату сполна.

Штрафы, взыскиваемые съ рабочихъ за поврежденіе механизмовъ или за порчи издѣлій, разумѣется должны идти въ пользу фабриканта; но относительно другихъ штрафовъ, не приносящихъ фабриканту прямого вреда, полезно было бы принять правило *Охтенской* бумагопрядильни состоящей изъ такихъ штрафовъ капиталъ для пособія больнымъ и для призрѣнія престарѣлыхъ служителей и рабочихъ бумагопрядильни.

VII. Жилища рабочихъ.

Работающіе на большихъ фабрикахъ живутъ, большею частію, вмѣ ихъ, на такъ называемыхъ вольныхъ квартирахъ.

Записка рабочаго Блахина, написанная имъ въ воскресной школѣ за шлиссельбургской заставой и помѣщаемая нами въ приложеніи къ этой статьѣ, даетъ правдивый очеркъ обыкновеннаго жилища фабричныхъ рабочихъ. Своимъ зловоніемъ и духотою эти тѣсные муравейники много способствуютъ разстройству здоровья рабочихъ, приходящихъ дышать въ нихъ душномъ сирадѣ послѣ 15 или 16 часовъ, проведенныхъ въ далеко нездоровомъ воздухѣ мастерскихъ. Достаточно сказать, что, зимою, комнаты, въ которыхъ живутъ рабочіе, не отапливаются: до того въ нихъ душно. Проходя между фабричными домиками не рѣдко можно видѣть въ

самые сильные морозы, что разбиты оконныя стекла заклеены одною бумагой, лишь бы не дуло и не наносило снѣга. Рабочіе обоюго пола спятъ въ этихъ комнатахъ въ повалку, иногда на нарахъ, устроенныхъ въ три яруса. Такое обстоятельство ведетъ отнюдь не къ щепетильности нравовъ. Изъ записки рабочаго Блахина читатель узнаетъ также главную причину этихъ страшныхъ помѣщеній, а именно недостатокъ средствъ. Трудно думать, чтобы законъ помогъ здѣсь даже въ той мѣрѣ, на сколько тутъ не виновата безпечность и неопрятность рабочихъ. Лучшее устройство фабрикъ, разумѣется, можетъ показать полезное вліяніе на улучшение жилищъ рабочаго люда.

Нѣкоторые фабриканты пробовали устраивать дома для помѣщенія рабочихъ, но послѣдніе не охотно подчиняются нѣкоторымъ стѣсненіямъ, почти необходимымъ при общей жизни большого числа лицъ. Кромѣ того, мы слышали отъ одного изъ фабричныхъ хозяевъ, что хлопоты за паспортами, упадающіе на фабриканта, если онъ заведетъ домъ для помѣщенія рабочихъ, до того велики, что требуютъ почти столько же времени, какъ и самая фабрика. Это обстоятельство сильно останавливаетъ фабрикантовъ отъ устройства помѣщеній для рабочихъ.

На фабрикахъ меньшаго размѣра рабочіе, иногда живутъ при самомъ заведеніи, и въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ пользуются харчами отъ хозяина.

Въ этомъ случаѣ, представляющемъ много удобствъ для хозяина, законъ вправѣ требовать нѣкоторыхъ предосторожностей. Инспекторъ фабрикъ долженъ наблюдать, чтобы покои для рабочихъ бѣлились не менѣ одного раза въ годъ, чтобы нары не устраивались въ два яруса и проч. Помѣщенія для мужчинъ, женщинъ и дѣтей должны быть отдѣльныя, а женатыя рабочіе должны помѣщаться особо отъ холостыхъ. Нары для каждой постели слѣдуетъ раздѣлять невысокими перегородками и по возможности устраивать постели. Солому, сѣно и мочало, которыми набиваются постели должно перемѣнять хотя два раза въ годъ, и вообще постельныя принадлежности провѣтривать или вымывать извѣстное число разъ въ годъ. Рабочимъ слѣдуетъ запретить спать на столахъ, на полу или въ мастерскихъ. Воздухъ въ покояхъ долженъ быть провѣтриваемъ форточками или механическими вентиляторами; кухни и столовыя должны быть въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ отъ спаленъ.

И. Восковойшиковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ЖИЗНЬ ФАБРИЧНАГО РАБОЧАГО.

О зимѣ. Фабричный рабочій постоянно встаетъ зимой и лѣтомъ въ 4½ часа, чтобъ быть непремѣнно на своемъ дѣлѣ въ 5 часовъ утра, онъ работаетъ въ сутки 14 часовъ, раздѣляя на двѣ половины, по ровну до обѣда, и послѣ обѣда по 7 часовъ. Въ 8 часовъ утра, и въ 5 ч. по полудни тутъ-же во время своихъ занятій фабричный рабочій перекусываетъ, или завтракаетъ и пѣужинаетъ, на полу-фунту чернаго хлѣба съ солью и водою. Обѣдъ полагается отъ 12 ч. до 1 часа и тутъ рабочій употребляетъ въ пищу въ скоромный день щи съ говядиной не болѣе полфунта, и гречневую кашу съ коровьимъ масломъ, а въ постные дни простая щи съ капустой, и ту же кашу съ льнянымъ или коноплянымъ масломъ.

Лѣтомъ, въ Петровъ и Успенскій посты, когда зелень дешева, то болѣе употребляютъ лукъ и огурцы, потому что каждый работаетъ, чтобы какъ можно дешевле сошло въ харчи, а сходить въ настоящее время по 6 р. с. съ каждаго лица, да по 1 руб. за квартиру въ мѣсяцъ. Жалованья-же зарабатываютъ отъ 7 р до 12 р. въ мѣсяцъ. Разумѣется во всемъ есть исключенія какъ въ рабочихъ такъ и въ пищѣ: одни получаютъ болѣе,—другіе менѣе, одни кушаютъ лучше, другіе хуже;—я говорю о большей части которые живутъ въ артеляхъ и преимущественно объ одинокихъ. Вѣроятно живущіе съ женами и семействами тѣ живутъ по себѣ особенно, и что называется въ свое удовольствіе: пьютъ и чай, и кофе, тогда какъ одинокій фабричный пьетъ чай только по воскресеньямъ, и то одинъ разъ въ день.

О жилищѣ. Квартирные хозяева вообще женатые. Самъ хозяинъ работаетъ, а жена на мѣсто кухарки. Они нанимаютъ отъ домового хозяина квартиру не болѣе 4 квадратныхъ сажень, отъ 10 до 12 р. въ мѣсяцъ, со своими дровами и водою; дровъ выйдеть, полагая зимой и лѣтомъ круглымъ числомъ по одной сажени въ мѣсяцъ, на 3 р., воды на 1 р. да на квасъ выйдеть 6 р. 50 к.

и на мыло 50 к. что и составить его расходу, хозяину съ прокормленіемъ матки (кухарки), тоже полагая по 1 р. въ мѣсяцъ, 22 р. Поэтому, онъ старается, какъ можно болѣе, набрать къ себѣ народу, а такъ какъ всякій фабричный не желая отъ фабрики далеко ходить, чтобы не опаздывать своего времени, то и жмется все ближе, и нанимаетъ поэтому у нихъ за 1 р. въ мѣсяцъ мѣсто для ночлега не болѣе, да поставитъ подъ свою койку судушишко кое съ чѣмъ. Спать-же на койкѣ по-двое. За тотъ-же рубль сер. квартирный хозяинъ обязанъ его поить квасомъ, и стирать на него бѣлье. И такъ, на 4 квадратныхъ саженахъ, помѣщается человѣкъ 25, считая круглымъ числомъ, потому что зимою бываетъ болѣе, а лѣтомъ менѣе. За вычетомъ стола, на которомъ обѣдаютъ, да прохода въ койкамъ, приходится мѣста на каждого человѣка около двухъ аршинъ ширины и 3 ар. длины; вообще гдѣ спишь тутъ только и сидишь. Поэтому и воздухъ не можетъ быть здоровъ, а особенно въ ночное время атмосфера самая удушливая.

Удовольствій-же фабричный никакихъ не имѣетъ, кромѣ получки жалованья; тогда онъ находитъ для себя одно удовольствіе, чтобы быть весь день пьянымъ, не считая это за гнусной пороку, а также и не понимаетъ никакихъ благодѣтельныхъ учреждений сдѣланныхъ собственно для него (?) Въ Россіи тоже можно сдѣлать все не хуже другихъ государствъ, но только для этого нужно сперва (?) образовать простолудина, чтобы онъ понималъ о себѣ, что онъ человѣкъ созданный Творцемъ и надѣленъ умомъ, и даромъ слова, чѣмъ и отличенъ отъ прочихъ животныхъ, а для этого необходимо нужна грамотность, чтобы всякій простой человѣкъ умѣлъ читать и писать, и звалъ бы непременно Законъ Божій, и тогда можно будетъ ожидать отъ него лучшей жизни, а не такой, какую мы часто встрѣчаемъ въ рабочемъ классѣ.

А въ настоящее время, были бы многіе благодарны, если бы можно было устроить особый домъ собственно для фабричныхъ людей, и чтобы каждый человѣкъ имѣлъ у себя свой уголокъ не менѣе одной квадратной сажени, и здоровой сухой воздухъ; и еще нельзя-ли придумать чтобы имѣли фабричные однопіи, хорошіе и дешевые харчи.

Р. С. Это писано не объ одной какой либо артели а ни объ одной какой-нибудь фабрикѣ, а о всѣхъ вообще.

В ЛАХИВЪ.

ЧЕГО НЕДОСТАЕТЪ НАШИМЪ АКЦИОНЕРНЫМЪ ОБЩЕСТВАМЪ.

Что мы дошли до абсурдовъ, что мы ни въ чемъ не успѣли, теперь въ этомъ едва-ли кто-нибудь сомнѣвается. Этого мало: мы не только ни въ чемъ не успѣли, не сдѣлали ни одного шага впередъ, мы сдѣлали даже шагъ назадъ; безъ сомнѣнія мы имѣемъ право называть шагомъ назадъ наше разочарованіе въ нашихъ надеждахъ, въ нашихъ силахъ, въ нашихъ способностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы дѣйствительно захотимъ осмотрѣться, попробуемъ изслѣдовать и повѣрить пройденное и приобрѣтенное послѣ нами въ послѣднее время, наши наблюденія дадутъ намъ результаты по-истинѣ очень грустные. Чего только мы не ждали, на что не рассчитывали! Впрочемъ повѣсть о нашихъ не сбывшихся надеждахъ была бы очень длинна—такъ много ихъ—и всю массу ихъ мы оставимъ до времени въ покоѣ; еще подождемъ что будетъ. Теперь скажемъ нѣсколько объ одной изъ нашихъ прежнихъ надеждъ. Кто не помнитъ съ камнемъ усердіемъ, въ свое время, русская литература пряталась за статьи о промышленныхъ компаніяхъ, разнаго наименованія? Журналы одинъ передъ другимъ, старались печатать статьи въ которыхъ, описывали всѣ подробности, касающіяся того или другаго рода за границею, и всѣ выгоды, которыя отъ нихъ получаетъ промышленность. А въ тоже время газеты извѣщали объ учрежденіи новыхъ компаній; изъ старыхъ, нныя реформировались; другія безъ всякой реформы, какъ-то принуждены были изъ прежняго затишья и полусвѣта выйти на полный свѣтъ Божій, явился даже Журналъ для Акціонеровъ, специально

заявшійся разработкою и публикаціею всего, что касалось промышленныхъ компаній. Въ веселомъ видѣ представлялась намъ тогда наша промышленная будущность и притомъ очень близкая. Мы надѣялись, что у насъ разовьется наше собственное торговое мореплаваніе, что наши продукты пойдутъ на всѣ рынки Европы, куда имъ слѣдуетъ идти, что это послужитъ къ развитію нашей внутренней промышленности, которая въ то же время получитъ новыя силы отъ устройства желѣзныхъ дорогъ, проектированныхъ въ весьма широкомъ размѣрѣ, и отъ развитія внутренняго пароходства. Мы надѣялись, что жители нашихъ по-крайней мѣрѣ, многочислѣннѣйшихъ городовъ, получатъ дешевле газоваго освѣщеніе. Компаніи пустились и въ предпріятія близкія дѣлу народнаго образованія; и съ этой стороны, мы тоже не воздержались отъ надеждъ. Но, какъ съ этой, такъ и съ другихъ сторонъ, наши надежды оказались не основательными. Если не всѣ, то большая часть нашихъ акціонерныхъ предпріятій не повели ни къ чему. Публика осталась безъ всякихъ новыхъ удобствъ, акціонеры безъ выгодъ, а массы капиталовъ, вмѣсто того, чтобы возрасти, какъ полагалось—уменьшились. Мы стараемся въ другомъ мѣстѣ сдѣлать нѣкоторый сводъ извѣстій, касающихся акціонерныхъ компаній, а теперь мы попробуемъ только заняться вопросомъ: отъ чего плохо шли нашѣ компаніи, и какими средствами можно будетъ на будущее время гарантировать акціонерамъ капиталы, которые они довѣрчиво вносятъ въ кассы общества?

Недавно опубликована была брошюра: «о дѣйствіяхъ правленія новаго общества освѣщенія газомъ Петербурга, въ 1860, 1861 и 1862 годахъ,» Архитектора Шульте. — «При входѣ на заводъ, говоритъ авторъ, тотчасъ же замѣчаешь недостатокъ въ порядкѣ, излишество матеріаловъ, снарядовъ и принадлежностей фабрикаціи, безспорно доказывающіе, что нигдурно управляютъ». Затѣмъ авторъ приводитъ нѣсколько свидѣній о томъ: какъ правленіе распоряжается капиталами внутренними ему; наприм. оно устроило длинную платформу, которая стоила ей 3000 руб. эта платформа ни разу не была въ употребленіи и теперь разобрана для устройства *временныхъ навісовъ!*—Правленіе начало свои дѣйствія въ 1859 году, «а уже весною 1861 года всѣ крыши жилыхъ зданій, нуждались въ капитальной починкѣ, потому-что онѣ угрожали рушеніемъ!»—во всѣхъ остальныхъ постройкахъ тоже самое: всѣ онѣ нуждались въ поправкахъ, и поправлены за большія деньги. «Весною 1862

года желѣзныя бакки, образовавшія покрывку надъ дегтярною цистерною, и поддерживавшія двѣ трубы конденсатора переломились, оттого конечно наклонились, и погрузились въ деготъ. Эта небольшая непріятность обойдется акціонерамъ всего только въ три тысячи рублей, а при другихъ условіяхъ, пожалуй, и побольше». Вотъ въ какомъ положеніи находятся постройки общества! Внутреннее устройство самыхъ аппаратовъ, для добыванія газа, какъ въ экономическомъ, такъ и въ техническомъ отношеніи, весьма походить на то, что мы сказали выше. Самое производство ведется крайне расчетливо и убыточнымъ образомъ; для примѣра расскажемъ слѣдующій общепонятный случай: «очистка газа на заводѣ производится посредствомъ негашеной извести, которой зимою покупалось на 500 р. въ мѣсяцъ.» «Но вмѣсто того, чтобы сохранять остающуюся послѣ очищенія газа известь, для продажи ея весною, ее бросали въ грязь». Или вотъ какъ обращаются съ коксомъ: «Горы кокса навалены на дворѣ. При появленіи же покупателей оказывается или недостатокъ въ рабочихъ для наполненія мѣшковъ и взвѣшиванія кокса,—или же обращеніе съ покупателями такое грубое, что они принуждены немедленно удалиться, и обращаться за покупкою кокса къ старому газовому обществу, не смотря на то, что тамъ пудъ кокса обходится 2 коп. дороже. Къ счастью новаго общества, старое не въ состояніи удовлетворить многихъ потребителей кокса, и потому они принуждены покупать его отъ новаго общества.» Вообще остатки отъ производства, вмѣсто того, чтобы служить къ значительному сокращенію издержекъ общества, теряются самымъ невыгоднымъ образомъ.

На дурное качество построекъ имѣетъ вліяніе между прочимъ слѣдующее обстоятельство: «Въ продолженіи одного мѣсяца смѣнялось около 150 человекъ рабочихъ, по той причинѣ, что г. Маллисонъ допустилъ такое дурное обращеніе съ ними, что нѣкоторые часто и недѣли не пробывали на заводѣ. Изъ числа прежнихъ рабочихъ, развѣ одинъ только занемается теперь въ перегонномъ зданіи».—Весною 1861 г. были наняты за одинъ годъ, для работъ на заводѣ, два плотника, которымъ обѣщано было платить среднимъ числомъ 24 руб. относительно 20 р. сер. въ мѣсяцъ, за что они обязались быть въ распоряженіи правленія не только въ обыкновенные рабочіе дни, но и въ случаѣ надобности, въ воскресные и праздничные дни и даже ночью, что часто и случалось. По окончаніи лѣта, г. Маллисонъ

почелъ за нужное, можетъ быть изъ экономическихъ причинъ, отпустить одного плотника, а другому предложить въ продолженіи зимы 18 р. сер. въ мѣсяць, присовокупляя, что если онъ не согласенъ на это условіе, то и онъ можетъ «убираться».

«Всѣ возраженія этихъ людей, что въ С. Петербургѣ за рабочій день плотнику платится $1\frac{1}{2}$ руб. сер. и что они въ продолженіи всего лѣта не получали даже половинной платы, остались безъ всякихъ послѣдствій; послѣ чего оба плотника оставили заводъ».

«Подобное также случилось съ чернорабочими. Какъ выше упомянутымъ плотникамъ, такъ и имъ было, за лѣтнее время, обѣщано по 15 р. сер. въ мѣсяць; а между тѣмъ какъ они получили съ января мѣсяца только по 12 руб., съ замѣчаніемъ: что, если кто не согласенъ работать за эту цѣну, тотъ можетъ «убираться».

Результаты, разумѣется, соответствуютъ способу веденія дѣл. Благодаря дурнымъ постройкамъ, какъ въ производствѣ такъ и въ храненіи и потребленіи газа происходятъ огромныя потери. Авторъ вычисляетъ что количество употребленнаго угля въ ночь на 1-е января 1862 года было достаточно для производства 782,570 куб. ф. газа. Благодаря несовершенству производства, въ дѣйствительности полученное количество газа простирается только до 514,000.

Изъ этого количества, благодаря дурному устройству газопроводныхъ трубъ, для потребителей газа было только четыреста одиннадцать тысячъ кубич. ф. газа; сравнивая это число съ тѣмъ, которое должно соответствовать количеству употребленнаго каменнаго угля (782,570 куб. ф. газа), мы получаемъ общую потерю 371,370 кубич. ф. газа.

Подобнымъ же образомъ авторъ вычисляетъ, что, съ 1-го мая 1861 года по 1-е мая 1862 года, общество доставило потребителямъ 78 миліоновъ куб. ф. газа, въ то время какъ количество каменнаго угля, употребленнаго для производства, было достаточно на 148 миліоновъ куб. ф. газа! Теперь, если мы сообразимъ эту экономію въ производствѣ вмѣстѣ съ подобною экономіею въ сбытѣ остатковъ производства, равно какъ съ подобною же экономіею въ постройкахъ, которыя, не будучи употреблены въ дѣло самимъ же обществомъ, разбираются для другаго употребленія, то мы дѣйствительно хорошо поймемъ, что дѣла общества не должны быть въ блестящемъ состояніи, какъ

они и оказываются на дѣлѣ. Авторъ сравниваетъ наше новое общество, освѣщенія газомъ съ такимъ же обществомъ въ Гамбургѣ: наше общество имѣетъ 2,400,000 рублей капитала; Гамбургское только 1,520,000 (тоже рублей). Между тѣмъ Гамбургское общество доставляетъ потребителямъ 252,000,000 куб. фут. газа, а наше новое общество только 70,000,000; Гамбургское общество уплачиваетъ 22% въ дивидентъ акціонеровъ, а наше не уплачиваетъ ничего; Гамбургское общество отчисляетъ 66,000 руб. въ резервный капиталъ; а наше тоже ничего. Такимъ образомъ мы видимъ, что состояніе дѣлъ новаго общества освѣщенія газомъ Петербурга крайне неудовлетворительно. Общество не получаетъ тѣхъ выгодъ, на которыя оно было бы въ правѣ рассчитывать; а акціонеры разоряются. Прибавимъ къ этому еще слѣдующее черезъ-чуръ неутѣшительное извѣстіе: канализация газопроводныхъ трубъ сдѣлана такъ плохо, что «случилось нѣсколько взрывовъ, отъ которыхъ, не считая значительныхъ болѣзней, подвергалась опасности жизнь многихъ людей»; притомъ, взрывы такъ часты, «что весь Петербургъ такъ сказать находится на вулканѣ». Въ чемъ же заключается корень всѣхъ этихъ неудачъ, всего зла? Авторъ брошюры прямо говоритъ, что, издавая ее, онъ имѣлъ въ виду только одну мысль: «вывести на свѣтъ Божій злоупотребленія и несоотвѣтственность съ цѣлью устранить ихъ, въ надеждѣ оказать тѣмъ услугу промышленному міру не только теперь, но и впослѣдствіи, при основаніи новыхъ предпріятій».

Что правленія нашихъ акціонерныхъ компаній болѣею частію допускали важныя злоупотребленія въ веденіи компанейскихъ дѣлъ, это всѣмъ извѣстно. Не смотря на то, правленія старыхъ компаній продолжаютъ дѣйствовать по-прежнему; а правленія новыхъ компаній подражаютъ имъ. Очевидно тутъ есть какая-нибудь общая причина, которую нужно устранить. Эта общая причина заключается въ томъ, что наши акціонерные предприниматели, болѣею частію, имѣютъ въ виду не выгоды акціонеровъ, а свои собственныя. И дѣйствительно, положеніе нашихъ директоровъ акціонерныхъ компаній, и вообще людей подъ какимъ бы то ни было именемъ завѣдующихъ дѣлами обществъ, принадлежитъ къ числу самыхъ завидныхъ. Содержаніе правленія какой-нибудь компаніи у насъ стоить болѣе, нежели содержаніе министерства въ какомъ-нибудь государствѣ, имѣющемъ бережливое правительство, а содержаніе

директоровъ далеко превосходить содержаніе министровъ такихъ государствъ; наприм. г. Малисонъ, управляющій дѣлами новаго общества освѣщенія газомъ Петербурга, получаетъ 12,000 руб. сер. годоваго содержанія; въ то время, какъ Бельгій министры получаютъ только 5,000 руб., а въ Швейцаріи президентъ союза, получаетъ только 2,500 руб. а члены союзнаго совѣта, только по 2,000 руб. Содержаніе правленія новаго общества освѣщенія газомъ Петербурга стоитъ 52,000 руб., въ то время, какъ содержаніе министерства иностранныхъ дѣлъ въ Швейцаріи, стоитъ только 17,000 руб., а содержаніе того же министерства для Норвегіи обходится 24,000 руб.

Вообще въ нашихъ акціонерныхъ компаніяхъ дѣла идутъ такимъ образомъ, что учредители общества отъ него много выигрываютъ, и всѣ какъ-бы то ни было привязанные къ правленію обставляютъ свою жизнь самымъ пріятельнымъ образомъ, но акціонеры, большею частію, теряютъ, и публика ничего не выигрываетъ.

Недавно издана другая книга, касающаяся того же предмета: Экономическое изслѣдованіе акціонернаго пароходства въ Россіи «Перовіо». Авторъ сопоставляетъ между собою нѣкоторыя изъ нашихъ и заграничныхъ пароходныхъ компаній. Изъ этого сопоставленія, прежде всего, выходитъ мысль, которую имъ высказали; именно, что наибольшую выгоду наши акціонерныя компаніи приносятъ ихъ учредителямъ и правленіямъ. Въ то время, какъ Англійскому пароходному обществу «Royal Mail» содержаніе правленія стоитъ только 4% валовой выручки, нашему «Русскому обществу пароходства и торговли» содержаніе правленія стоитъ 11% т. е. почти 3 раза больше; а прежде стоило даже 17%. Другимъ иностраннымъ акціонернымъ компаніямъ, упоминаемымъ въ книгѣ г. Перовіо, содержаніе правленія стоитъ 5,88%, — 8,95% — 9,50%; — другимъ нашимъ акціонернымъ компаніямъ оно стоитъ 12,97%, — 8,75%, — 13,60%, 11,52%, — 16%, (Самолетъ), 7,59%, — 5%, (Пароходство по Волхову). 13,59%, — 5,66%, — 14,07%, — 15,44%, — 12,94%, 10,47. Такимъ образомъ, содержаніе большей части правленій нашихъ пароходныхъ компаній обходится имъ чрезвычайно дорого, сравнительно съ содержаніемъ правленій иностранныхъ компаній и притомъ съ такою особенностію, что едва-ли не самыя дорогія правленія въ тѣхъ обществахъ, которыя состоятъ не дають доходовъ акціонерамъ; такъ правленіе Петербургско-

Волжскаго пароходства стоитъ 15,44%, валовой выручки, правленіе общества пароходства по Днѣпру 13,59%,—правленіе общества «Транзитъ» 12,94%,—правленіе «Кавказа и Меркурія» 11,52%; а эти то именно общества и не даютъ дивидентовъ акціонерамъ.

Вообще не блестящее положеніе нашихъ акціонерныхъ обществъ, и въ особенности пароходныхъ компаній, не подлежитъ сомнѣнію; доходы они имѣютъ, довольно значительные, нѣкоторыя получаютъ даже помилую плату отъ правительства; по крайней мѣрѣ доходы нашихъ пароходныхъ компаній, исключая весьма немногихъ, особенно несчастливыхъ, не меньше доходовъ компаній заграничныхъ напр: Англійское Royal Mail получаетъ доходовъ, сравнительно съ дѣйствующимъ капиталомъ, 31,99%, французское Messageries Impariales получаетъ 22,75%. Изъ нашихъ акціонерныхъ обществъ, Россійско-Балтійское получаетъ 50,89%, общество пароходства по Днѣпру 46,73%, Транзитъ 27,49%; и между тѣмъ именно эти компаніи и не приносятъ акціонерамъ выгодъ, въ то время какъ Royal Mail и Messageries Impariales даютъ значительный доходъ своимъ акціонерамъ; и нельзя сказать, чтобы наши пароходныя общества стояли въ положеніи особенно невыгодномъ. Ни одна статья компанейскихъ расходовъ не имѣетъ характера необходимой дороговизны для общества; напротивъ есть одна статья, и очень важная, которая для всѣхъ почти обществъ обходится очень дешево, по крайней мѣрѣ значительно дешевле, нежели для иностранныхъ компаній; это именно топливо. У насъ почти всякое общество, наддерживаетъ на него меньше 20% валовой выручки; въ то время какъ иностранныя компаніи наддерживаютъ около 25% и даже 30%. Впрочемъ есть и у насъ такія общества, которымъ эта статья обходится дорого, но это требуетъ нѣкоторыхъ соображеній напр. есть два общества, которые имѣютъ почти одинаково дѣйствующіе капиталы, почти одно мѣсто и объемъ дѣйствія, и почти одинаковую навигаціонную выручку, это именно: Россійско-Балтійская компанія и компанія С.-Петербургскаго-Любскаго пароходства; а между тѣмъ Петербургско-Любской компаніи топливо стоитъ 98,000 руб. или 36% валовой выручки; а Россійско-Балтійскому обществу, оно обходится только въ 59,000 руб., или въ 15% валовой выручки. Отчего зависить эта громадная разниця, когда эти два общества находятся почти въ одинаковыхъ условіяхъ? Еще болѣе странно то, что Рос-

сїйско-Балтійское общество, имѣя валовой доходъ гораздо болѣе значительный (59% дѣйствующаго капитала), нежели Петербургско-Любское общество (46%) ведетъ свои другія издержки такимъ образомъ, что имѣеть чрезвычайно незначительный остатокъ отъ расходовъ, и акціонерамъ платить дивиденда не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ: почему жалованье и содержаніе экипажей Россійско-Балтійскому обществу обходится дороже, нежели Петербургско-Любскому на 32,000 руб.; матеріалы припасы и навигаціонные расходы на 74,000; ремонтъ имущества на 43,000? Судить объ этомъ по голымъ цифрамъ отчетовъ довольно трудно; быть можетъ здѣсь со стороны Россійско-Балтійскаго общества много предусмотрительности, а быть можетъ ея напротивъ и очень мало, что гораздо больше походить на правду; плохая предусмотрительность правленія того общества, акціонеры котораго не получаютъ дивиденда.

Потомъ: отчего общество пароходства по Волхову, имѣя 80,000 валовой выручки, тратитъ на топливо 20,000 руб. т. е. $\frac{1}{4}$, а Самолетъ, имѣя 600,000 валовой выручки, тратитъ только 100,000 руб. на топливо или $\frac{1}{6}$ когда на мѣстѣ дѣйствія Самолета топливо дороже, нежели на мѣстѣ дѣйствія общества пароходства по Волхову?

Отчего Россійско-Балтійское общество, имѣя 600,000 дѣйствующаго капитала, платитъ своему правленію 30,000 руб. въ то время какъ Дельфинъ, имѣя почти такой же капиталъ, платитъ только 17,000 руб? *

Наконецъ, что же это за огромныя услуги, правленія Русскаго общества пароходства и торговли, что они требуютъ 429,000 вознагражденія? Что за огромныя услуги правленія Кавказа и Меркурія, что они требуютъ 142 т. вознагражденія, въ то время, какъ акціонеры ничего не получаютъ?

Вообще, состояніе нашихъ акціонерныхъ пароходныхъ обществъ, представляетъ многое, вызывающее на размышленія. Того дѣла, котораго отъ нихъ ждало общество, они конечно не сдѣлали; акціонеры большею частію потерпѣли убытокъ, въ то время, какъ директоры и другія сопрякосновенныя лица обогащались.

* При этомъ не надобно забывать то, что акціонеры Дельфина, получаютъ около 5% на свой капиталъ, а акціонеры Россійско-Валтійскаго общества не получаютъ ничего.

Другія общества представляютъ тоже самое. О главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ мы не говоримъ: дѣла его слишкомъ извѣстны. Изъ другихъ обществъ особенно обмануло надежды всѣхъ общество петербургскихъ водопроводовъ, котораго дѣла недавно всплыли наружу. Имѣя около 2,000,000 руб. капитала, оно не счумѣло, какъ предполагало прежде снабдить Петербургъ водою, и теперь не имѣетъ средствъ для окончанія предпріятій; акціи совершенно упали въ цѣнѣ. Акціонеры хотѣли было взяться за умъ, да и то какъ-то не удалось: смѣнили прежнее правленіе, даже назначили комиссію для повѣрки его дѣйствій, но, въ эту самую комиссію, избрали членовъ прежняго правленія. Намъ кажется, что кто въ этомъ фактѣ, въ выборѣ членовъ комиссіи, заподозреть только простоту акціонеровъ, тотъ самъ по-справедливости можетъ быть заподозрѣнъ въ ней.

Вообще въ дѣйствіяхъ правленій нашихъ акціонерныхъ компаній, подозрѣвать только одну простоту было бы слишкомъ не дальновидно. Люди, знакомые съ компанейскими дѣлами, рассказываютъ множество фактовъ, приводящихъ совсѣмъ къ другимъ заключеніямъ. Такъ говорятъ, что правленіе одного общества нарочно старалось запутать дѣла его, съ тѣмъ чтобы понизить цѣну акцій. Правленіе состоитъ изъ капиталистовъ очень значительныхъ, которые, уронивши акціи, думали по-немножку перекупить ихъ, и за безцѣнокъ прибрать къ своимъ рукамъ предпріятіе, обещающее много выгодъ въ будущемъ. Мы не сомнѣваемся, что таковы именно и были замыслы членовъ правленія, и очевидно это дѣло представляетъ ни что иное, какъ дѣйствительный грабежъ маленькихъ акціонеровъ большими. Противъ этого уже слѣдуетъ принять какія-нибудь мѣры. Вообще въ послѣднее время акціонеры очень многихъ компаній страдали больше или меньше; довѣріе къ акціонернымъ обществамъ падаетъ, если не совсѣмъ упало. Своихъ цѣлей почти ни одно общество не достигло; и съ какой стороны не смотрите, окажется, что акціонерныя компаніи не усилили развитія народнаго богатства, производительныхъ силъ страны, а повредили имъ. Необходимость реформы нашихъ законовъ касательно акціонерныхъ компаній все больше и больше чувствуется.

Мы намѣрены высказать нѣсколько мыслей относительно того, въ чемъ должна заключаться эта реформа. Очевидно она должна быть такова, чтобы заключала въ себѣ возможность

парализировать вредныя дѣйствія тѣхъ причинъ, изъ которыхъ происекалъ неуспѣхъ нашихъ акціонерныхъ компаній. Какъ мы сказали, источникомъ его не были ни простота, ни недостатокъ искусства и опытности. Если они играли какую-нибудь роль, то безъ сомнѣнія не главную. Главную роль тутъ играла недобросовѣстность, которая, къ сожалѣнію, у насъ почти вездѣ играетъ главную роль, и противъ нея-то и должна быть направлена реформа нашихъ акціонерныхъ обычаевъ. Надобно поставить дѣло такимъ образомъ, чтобы правленія акціонерныхъ обществъ не имѣли возможности грабить своихъ акціонеровъ, чтобы они составлялись изъ людей благонамѣренныхъ и притомъ безпристрастныхъ представителей всѣхъ акціонеровъ, а не какой-нибудь ихъ части, и чтобы большіе капиталисты въ компаніяхъ не могли дѣйствовать ко вреду маленькихъ, наконецъ, чтобы веденіе компанейскихъ дѣлъ поручалось людямъ способнымъ и знающимъ, чтобы каждая важная мѣра была предварительно основательно обсуждена, а каждая ложная мѣра могла быть во время остановлена.

Мы думаемъ, что всѣмъ этимъ дѣламъ можно удовлетворить разумѣется на сколько онѣ вообще могутъ быть удовлетворены въ человѣческомъ обществѣ, путемъ гласности и строгой отвѣтственности. Впрочемъ того, что обыкновенно разумѣютъ подъ именемъ гласности, у насъ въ акціонерномъ дѣлѣ и до-сихъ-поръ не было недостатка, и до-сихъ-поръ у насъ не запрещалось писать противъ акціонерныхъ компаній все, что кому-нибудь было угодно. Но не въ этомъ одномъ состоитъ акціонерная гласность. Это только очень малая и незначительная доля ея; гораздо значительнѣе другаго рода гласность.

Извѣстно, что акціонерныя общества бываютъ двухъ родовъ: въ однихъ акціи выдаются безыменныя, на предъявителя,—въ другихъ именныя. Безыменныя акціи имѣютъ то удобство, что онѣ не требуютъ никакихъ формальностей при передачѣ, такъ, что онѣ очень легко могутъ обращаться, какъ суррогатъ монеты. Но на этомъ и кончаются ихъ удобства. Неудобство же ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ служатъ очень надежнымъ средствомъ для прикрытія разнаго рода плутней, существующихъ въ экономическомъ мірѣ; незаконно пріобрѣтенное состояніе прикрывается ими, равно какъ нѣкоторыми другими бумагами, очень удобно. Въ прежнія времена, по-крайней-мѣрѣ, можно было сказать о какомъ-нибудь человѣкѣ, что у него рыльце въ пушку,

если онъ наживетъ состояніе, не имѣя другаго средства извлекать изъ него постоянный доходъ, кромѣ постройки домика, или покупки деревеньки. Теперь акціи на предъявителя прикрываютъ все такъ, что не видно, у кого рыльце въ пушку. Притомъ подобные приобретатели состояній очень естественно переносятъ свой образъ дѣйствій и въ акціонерныя компаніи, и при системѣ акцій на предъявителя онѣ имѣютъ полную возможность дѣлать тамъ все, что найдутъ для себя выгоднымъ. Приобрѣта огромное количество акцій, они распоряжаются воими дѣлами общества, по своему усмотрѣнію. Собственно говоря, уставы акціонерныхъ компаній предвидятъ подобное излишнее вліяніе сильныхъ капиталистовъ, и стараются противодѣйствовать ему тѣмъ, что опредѣляютъ максимумъ голосовъ, доступныхъ одному акціонеру. Но такія постановленія очень легко обходятся. Въ дни собраній акціонеровъ, владѣльцы огромнаго числа акцій передаютъ ихъ своимъ прикащикамъ, конторщикамъ, и другимъ подчиненнымъ лицамъ, и, благодаря этому, располагаютъ огромнымъ числомъ голосовъ. Такимъ образомъ и поступали тѣ большіе капиталисты, о которыхъ мы говорили, — которые старались урочить акціи своихъ компаній, для того, чтобы перекупить ихъ. При системѣ акцій именныхъ, этого быть не можетъ. По-крайней-мѣрѣ, при подобныхъ покушеніяхъ, акціи постоянно должны быть переписываемы на другія лица, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей, которыя могутъ возбуждать подозрѣніе. Притомъ въ акціонерныхъ предпріятіяхъ огромное значеніе имѣютъ тѣ люди, которыхъ выбираютъ для веденія дѣла общества. При системѣ акцій безыменныхъ избиратели, не стѣсняясь ничѣмъ, могутъ выбирать самихъ себя, своихъ пріятелей, или клиентовъ, не смотря ни на неспособность, ни на дурную нравственную репутацію избираемыхъ лицъ. При системѣ именной этого быть не можетъ; тамъ и выборы подлежатъ ответственности: подающіе голоса подаютъ ихъ съ своими именами, такъ что имъ уже неудобно гнать на сторону своихъ пріятелей, если общественное мнѣніе считаетъ ихъ не достойными выбора. Безыменная система акцій нѣкоторыми выставляется какъ система болѣе удобная въ коммерческихъ отношеніяхъ, болѣе либеральная, имѣющая болѣе довѣрія къ лицамъ заинтересованнымъ. Но таково мнѣніе о ней тѣхъ людей, которые въ недавнее время задумывали безумныя акціонерныя компаніи во Франціи и Германіи. Эти люди собрали значительные суммы съ своего ученія о либерализмѣ въ акціонерномъ дѣ-

лѣ; но отъ этого ученія уже пострадали сотни тысячъ акціонеровъ; благодаря ему, акціонерныя компаніи и быстро возникали и быстро падали одна волѣдъ за другой. Система безименныхъ акцій пользуется расположеніемъ тамъ, гдѣ общественная совѣсть неслишкомъ щекотлива между прочимъ и въ коммерческихъ дѣлахъ, гдѣ господствуетъ духъ спекуляціи т. е. стремленіе обогащаться посредствомъ раззоренія другихъ, а не посредствомъ общепользныхъ предіятій; оттого, она особенно распространена во Франціи. Впрочемъ во Франціи есть и другое условіе, благопріятствующее развитію этой системы. Какъ оказывалось и прежде, и какъ оказалось еще очень недавно въ процессѣ Мираса, тамошніе государственные люди тоже непрочъ принять участіе во всякой спекуляціи, не разбирая ея характера. И разумѣется имъ было бы очень неловко дѣлать это гласнымъ образомъ, при именной системѣ акцій, потому они и поддерживаютъ систему безименную. Въ Англіи, гдѣ уровень общественной нравственности гораздо выше, гдѣ и государственные люди, и коммерческіе предприниматели гораздо щекотливѣе въ дѣлѣ совѣсти, господствуетъ система акцій именная. Оттого англійскія акціонерныя компаніи не дѣлаютъ конечно такого шума, какъ напр. французскій *Credit mobilier*, но за то и не подвергаются такимъ скорымъ паденіямъ, не раззоряютъ недостаточныхъ акціонеровъ, и народное богатство постоянно все больше и больше растетъ. Объ уровнѣ нашей общественной нравственности, мы здѣсь распространяться не будемъ. Замѣтимъ только, что изъ всѣхъ возникшихъ въ послѣднее время компаній, очень не многія ведутъ свои дѣла и усѣбно и пречто; и очень немногъ такихъ правленій, которыя не подвергались бы основательнымъ упрекамъ въ злоупотребленіяхъ и недобросовѣстности. Изъ этого прямое заключеніе, что, по-крайней-мѣрѣ, въ коммерческихъ дѣлахъ наши нравственные понятія не слишкомъ строги. Пожалуй какой-нибудь острякъ, на основаніи того, что мы сказали выше, прибавитъ сюда и то заключеніе, что у насъ должна господствовать какъ во Франціи безименная система акцій, что было бы по «Сенькѣ и шапка». До-сихъ-перъ это такъ дѣйствительно и было; это и привело наше акціонерное дѣло въ такое плачевное состояніе; но, если мы хотимъ поправиться, то мы должны переимѣнить систему. Мы должны допустить въ наше акціонерное дѣло ту гласность, которой ему совершенно не доставало. Съ помощію ея нашимъ акціонернымъ компаніямъ,

Будетъ легко достигать тѣхъ цѣлей, на которыхъ онѣ основываются; кромѣ того, благодаря ей, не такъ легко можно будетъ укрывать незаконное пріобрѣтеніе состояній. А всякое незаконное пріобрѣтеніе состоянія есть подрывъ для общественнаго богатства. И очевидно, когда уменьшится возможность прикрытія дѣйствій вредныхъ для общества, тогда уменьшится и самое число ихъ. Такимъ образомъ, введеніе именной системы акцій не только принесетъ пользу собственно для акціонерныхъ предпріятій, но и въ другомъ отношеніи принесетъ пользу для развитія народнаго богатства.

Другой родъ гласности, котораго не доставало нашимъ акціонернымъ компаніямъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ дѣйствія компанейскихъ правленій были совершенно открыты. Чтобы не только отчеты о приходѣ и расходѣ публиковались во всей подробности, но чтобы какъ акціонеры, такъ и вся публика, имѣли полное свѣденіе объ имуществѣ компаній, и обо всѣхъ ихъ операціяхъ въ извѣстномъ періодѣ времени. Нечего и говорить о томъ какое вліяніе подобная система произведетъ какъ на самыя правленія компаній, такъ и на публику. Правленія зная, что за ихъ дѣйствіями имѣетъ возможность наблюдать всякій, будутъ и поосторожнѣе и по-обдуманнѣе, а публика будетъ доврчивѣе, тамъ гдѣ дѣло заслуживаетъ довѣрія, и не дастся въ обманъ тѣмъ людямъ, которые захотѣли бы ее эксплуатировать. Противиться этой системѣ можно не иначе, какъ съ дурными намѣреніями. Къ сожалѣнію наши компаніи ея почти не практиковали. Она являлась у насъ только тогда, когда компанейскія правленія подвергались осужденію или со стороны, или отъ тѣхъ правленій, которыя ихъ смѣняли, — доказательство, что такая система несовмѣстна съ злоупотребленіями.

Третій родъ гласности, необходимой для акціонернаго дѣла, есть тотъ, который необходимъ для каждаго вообще дѣла, и который очень близко стоитъ къ свободѣ печатнаго слова вообще: именно нужно, чтобы всякій акціонеръ, или даже не акціонеръ, имѣлъ полное право печатно обсуждать и даже осуждать всѣ дѣйствія правленій и вообще людей завѣдующихъ дѣлами общества.

Мы думаемъ, что этими средствами акціонеры дѣйствительно будутъ ограждены отъ злоупотребленій со стороны правленій; если къ этому прибавить еще строгую отвѣтственность за злоупотребленія, то можно надѣяться, что они мало-по-малу со-

всѣмъ избѣгнуть изъ нашего акціонернаго дѣла. Вообще дѣло такъ плохо, что его придется поправлять такъ или иначе; а при безнаказанности злоупотребленій, очень трудно искоренять ихъ; и разумѣется здѣсь какъ и въ педагогич. система наказаній должна быть соображена съ побужденіями, изъ которыхъ происходитъ преступленіе. Если руководящія лица жертвуютъ интересами акціонеровъ для своихъ собственныхъ, то очевидно ихъ собственные интересы заключаются въ томъ, чтобы скорѣе обогатиться; на эту струну и должно дѣйствовать законодательство. Тутъ именно нужно выбивать клинъ клиномъ. Законы, относительно акціонерныхъ обществъ дѣлаютъ строгое различіе между частію собственности каждаго человѣка, принадлежащаго обществу, такъ что даже неоплатные долги акціонернаго общества, ни въ какомъ случаѣ не уплачиваются всѣмъ имуществомъ акціонеровъ. Разумность этого законодательства не признавать разумнымъ нельзя; если бы оно не было такимъ, то никогда акціи не нашли бы покупателей, и акціонерныя общества не могли бы составляться. Но если руководителя компанейскихъ дѣлъ, иногда даже съ злымъ умысломъ, губятъ акціонерное предпріятіе, разоряютъ акціонеровъ и вредятъ промышленности цѣлаго края, въ такомъ случаѣ, когда ихъ недобросовѣстность будетъ слишкомъ очевидна, справедливость требуетъ, чтобы они получили достойную награду, и именно, чтобы охота къ обогащенію на счетъ другихъ уравнивалась рискомъ потери своего собственнаго состоянія, чтобы всякая копѣйка, незаконно нажитая, была возвращена по принадлежности. Но это еще не будетъ наказаніе. Наказаніе должно состоять въ томъ, чтобы человѣка, посягнувшаго на злоупотребленіе, лишить даже того, что ему принадлежало по праву. Такое наказаніе будетъ всего чувствительнѣе для тѣхъ, которые преданы чрезмѣрной страсти къ обогащенію.

Разумѣется, чтобы отвѣтственность этого рода провести въ практику, для этого кромѣ разумныхъ законовъ, нужно еще разумное судоустройство, нужно, чтобы судъ производился не локкими канцелярскими дѣльцами, а такими людьми, честность которыхъ гарантирована довѣріемъ къ нимъ общества, чтобы судъ производился не въ тиши канцеляріи, а въ присутствіи всякаго, кто интересуется справедливымъ отправленіемъ правосудія вообще, или въ частности въ томъ или другомъ случаѣ. Такимъ образомъ необходимость улучшенія одной стороны обществен-

ной жизни приводитъ къ необходимости улучшения и другихъ сторонъ. Это у насъ частію и понимали, и для нѣкоторыхъ коммерческихъ дѣлъ у насъ существуетъ способъ суда болѣе соответственный требованіямъ времени, но къ сожалѣнію не для всѣхъ. И нѣтъ сомнѣнія, что великое множество злоупотребленій, имѣющихъ крайне-вредное вліяніе между прочимъ на развитіе нашего народнаго богатства, имѣетъ значительную поддержку въ нашей судебной организаціи. Потому, если люди, принадлежащіе къ нашимъ высшимъ правительственнымъ сферамъ, дѣйствительно желаютъ развитія нашихъ производительныхъ силъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленія нашего международнаго значенія, они и должны не останавливать тѣ разумныя реформы, въ которыхъ настоятельная необходимость всѣми чувствуется, а содѣйствовать имъ. Нельзя ожидать успѣха отъ дѣла, если оставить въ покоѣ тѣ условія, которыя вредятъ ему, и не позаботиться о тѣхъ, которыя ему должны способствовать. Успѣхи разныхъ сторонъ общественной жизни, не могутъ идти иначе, какъ параллельно: народное богатство не можетъ развиваться безъ дальнѣйшихъ успѣховъ народнаго образованія, народное образованіе не будетъ имѣть успѣховъ безъ успѣховъ общественной нравственности. Общественная нравственность не будетъ подниматься, если справедливость не будетъ проходить въ жизнь прежде всего посредствомъ тѣхъ учреждений, которыя въ идеѣ своей служатъ представителями самой справедливости.

Для успѣха нашего акціонернаго дѣла нужна еще другаго рода отвѣтственность тѣхъ людей, которые завѣдуютъ компанейскими дѣлами. При настоящемъ положеніи дѣла, состояніе руководителей предпріятій большею частію не зависитъ отъ состоянія самаго предпріятія. Директоры получаютъ содержаніе большею частію огромное, какъ бы плохо ни шли дѣла компаніи; такъ г. Маллисонъ получаетъ 12,000 руб. въ то время, какъ акціонеры терпятъ убытки, правленіе общества «Кавказъ и Меркурій» обходится обществу въ 142,000 рублей, въ то время какъ акціонеры не получаютъ дивиденда. Во-первыхъ, зачѣмъ такіа огромныя суммы? 12,000 руб. сумма слишкомъ больша; если сократить ее въ двое или втрое она еще будетъ слишкомъ достаточна для содержанія одного семейства гдѣ бы то ни было. А если вспомнить, что такую сумму получаетъ человекъ, который плохо дѣлаетъ свое дѣло, то она покажется черезчуръ большою. А эти 142,000 р., между кѣмъ онѣ распредѣ-

лены? Что это за масса людей, требующихъ большого содержания, что такое они дѣлаютъ, какую особенную пользу приносятъ обществу, или акціонерамъ, которые себя въ убытокъ содержатъ ихъ? Мы думаемъ, что подобное назначеніе опредѣленнаго жалованья людямъ, завѣдывающимъ дѣлами компаній, представляетъ весьма большое неудобство. Содержаніе людей, посвятившихъ себя извѣстному дѣлу, конечно должно быть обезпечено; но оно должно быть обезпечено въ умѣренномъ объемѣ, и увеличеніе его должно имѣть мѣсто только въ случаѣ успѣха дѣлъ общественныхъ; въ такомъ случаѣ руководители дѣла не будутъ имѣть причины успокоиваться на результатахъ неудовлетворительныхъ: ихъ личный интересъ поведетъ ихъ къ особенной внимательности, усердію и даже добросовѣстности.

Намъ могутъ возразить, что если ограничить выгоды тѣхъ людей, которые устрояютъ акціонерныя предпріятія, это будетъ имѣть слѣдствіемъ то, что акціонерныя предпріятія не будутъ устрояться въ большомъ количествѣ, что отъ этого пострадаетъ народная промышленность. Но если ввести систему пропорціональнаго вознагражденія акціонерныхъ предпринимателей, то это еще не будетъ значить ограничить ихъ выгоды; въ случаѣ успѣшности предпріятія, они тоже могутъ быть очень велики. Но тогда они будутъ совершенно законны и справедливы, тогда они будутъ прямымъ вознагражденіемъ за разумный и внимательный трудъ; тогда выгоды предпринимателей не будутъ соединены ни съ чьими невыгодами; напротивъ, будучи прямымъ послѣдствіемъ успѣшнаго труда, онѣ должны необходимо предполагать рядомъ съ собою выгоды какъ акціонеровъ, такъ и всей публики вообще, которой онѣ доставляютъ какой-нибудь родъ потребленія за умѣренную цѣну.

Наконецъ, пусть будетъ и поменьше акціонерныхъ компаній, лишь бы только всѣ онѣ достигали своей цѣли. Акціонерныя компаніи, которыя растрачиваютъ непроизводительно капиталы, собираемые съ массы, очевидно вредятъ развитію народнаго богатства; такъ пусть лучше ихъ совсѣмъ не будетъ. Вообще дѣла акціонерныхъ компаній такъ относятся къ развитію народнаго богатства, что выгоды, получаемыя акціонерами идутъ параллельно съ выгодами получаемыми отъ компаній обществомъ, тогда какъ выгоды директоровъ, будучи не согласны съ выгодами акціонеровъ, въ то же время, прямо противоположны выгодамъ цѣлаго общества. Потому, если

гарантировать акціонерное общество противъ излишнихъ претензій правленій, то это ставить вопросъ не только между компанейскими правленіями и акціонерами, но между правленіями и цѣлою публикою. Очевидно вопросъ долженъ быть рѣшенъ согласно съ требованіями справедливости и выгодами большинства.

Мы потерпѣли не успѣхъ не въ одномъ акціонерномъ дѣлѣ, а и во многомъ другомъ, и вездѣ нашъ не успѣхъ происходилъ отъ однихъ причинъ. Мы съ жадностію бросались на нѣкоторыя формы общественной дѣятельности, казавшіяся намъ во-первыхъ новыми, а во-вторыхъ такими, что онѣ уже сами въ себѣ содержать средства къ исцѣленію общественныхъ недостатковъ. Мы забывали одно, что формы, сами по себѣ, всего дѣла не сдѣлаютъ,—что хорошія формы, при дурномъ содержаніи, не сдѣлаютъ даже совсѣмъ ничего. А о содержаніи мы совсѣмъ не позаботились; мы не подумали о томъ, чтобы въ нашу дѣятельность внести побольше терпѣнія, осмотрительности и честности. Отъ этого у насъ нигдѣ ничего и не вышло; потому что въ сущности мы продолжали поступать по-прежнему. Между прочимъ наша акціонерная промышленность пошла тою же дорогою, какою прежде шла промышленность частная; ею тоже овладѣли люди, для которыхъ личный интересъ былъ выше всего, даже выше справедливости и общаго блага.—Замѣчательно, между прочимъ, разочарованіе, къ которому привело насъ главное общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. У насъ столько разъ было говорено о могуществѣ и плодотворности частнаго интереса въ промышленности, равно какъ и вредѣ правительственнаго вмѣшательства. Между тѣмъ когда дѣйствія правленія главнаго общества, вызвали вмѣшательство правительства, то этому порадовались люди наиболѣе либеральные въ экономическихъ взглядахъ. Оказывается, что тѣ теоріи, которыя кажутся и вполнѣ практичными и вполнѣ плодотворными, при той честности, которую напр. Англичане показываютъ всегда въ своихъ коммерческихъ дѣлахъ и при разумности ихъ учрежденій вообще, и судебныхъ учрежденій въ особенности, эти теоріи у насъ, при нашемъ крайнемъ либерализмѣ въ нравственномъ отношеніи и при устарѣвшемъ характерѣ многихъ нашихъ учрежденій, оказываются и не практичными и безплодными. Такимъ образомъ, для успѣха акціонернаго дѣла, какъ и для всякаго вообще успѣха, намъ нужно три вещи: прежде всего форму нашихъ собственныхъ нрав-

ственныхъ принциповъ, проведение въ практическую жизнь честности и добросовѣстности, которыхъ ей не доставало, — осмотрительность и серьезность въ нашемъ прогрессѣ такъ, чтобы мы не ждали всего отъ одной реформы, а умѣли соединить съ хорошою формою и хорошее содержаніе, — и наконецъ реформа нашихъ учреждений въ такомъ смыслѣ, чтобы они, содѣйствуя реформѣ нашихъ нравственныхъ понятій и нравственной практики, содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ всестороннему обсужденію нашихъ потребностей, такимъ образомъ содѣйствовали успѣхамъ нашей общественной жизни вообще.

Реформа учреждений, касающихся исключительно акціонернаго дѣла, должна состоять: во-первыхъ, въ самой широкой гласности, относя сюда и именную систему акцій; во-вторыхъ, въ такой организаціи акціонерныхъ компаній, чтобы онѣ, прежде всего, имѣли въ виду выгоду акціонеровъ и публики, и потомъ уже выгоду правленій, а не наоборотъ. При такихъ условіяхъ, и у насъ акціонерное дѣло пойдетъ и будетъ содѣйствовать успѣхамъ нашей промышленности. Если же наше акціонерное дѣло останется въ прежнемъ положеніи, то мы не имѣемъ никакого права ждать отъ него больше того, что оно намъ дало до сихъ поръ.

Д. Щегловъ.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О РАСКОЛѢ.

(Продолженіе).

Осужденіемъ первыхъ расколочальниковъ на знаменитомъ московскомъ соборѣ 1666 — 1667 годовъ, на которомъ осужденъ былъ и самъ патріархъ Никонъ, и разсѣяніемъ всѣхъ главныхъ вождей раскола, за исключеніемъ раскаявшихся, по разнымъ отдаленнымъ селочнымъ мѣстамъ, заключается первый періодъ въ исторіи русскаго раскола. Во все продолженіе этого начальнаго періода, расколъ неизмѣнно сохранялъ свой исключительно-религіозный или церковный характеръ, оставаясь совершенно чуждымъ всякаго политическаго стремленія. Хотя за это время и видимъ мы случаи сопротивленія, даже вооруженнаго, царскимъ повелѣніямъ, какъ, напримѣръ, бунтъ Соловецкаго монастыря, и хотя впоследствии сосланные расколочители порицали не только Никона и другихъ православныхъ патрiарховъ, но и «на самый превысочайшій царскій родъ износили нестерпимыя хулы и поношенія»; но всѣ такого рода возстанія раскола противъ царской власти не были связаны ни съ какимъ политическимъ намѣреніемъ и происходили единственно изъ ревности къ церковной старинѣ, которую раскольники видѣли лишненною царской защиты. Есть совершенно достаточныя основанія думать, что еслибы то просвѣщенное снисхожденіе къ немощи расколочическаго разумія, на которое рѣшились только спустя столѣтіе послѣ появленія раскола, было оказано ему Русскою Церковью на первыхъ порахъ, и еслибы къ излишне-строгему разграниченію старыхъ (іосифовскихъ) книгъ и обря-

довъ отъ новыхъ (никоновскихъ) не присоединился бы рядъ жестокихъ гражданскихъ мѣръ, доведшихъ раскольниковъ до крайняго изступленія и совершеннаго разрыва съ властію: то расколъ или вовсе исчезъ бы, какъ исчезали другія прежде бывшія въ Русской Церкви секты, или, по крайней мѣрѣ, не встрѣчая раздражающихъ поводовъ, сохранился бы въ ограниченномъ кругу послѣдователей, не развился бы, какъ теперь, до системы и не принялъ бы въ свое ученіе никакого политическаго оттѣнка.

Царствованіе Петра Великаго было тою роковою эпохою въ исторію раскола, послѣ которой примиреніе его съ Церковью сдѣлалось почти невозможнымъ: ибо на неутомимое и систематическое преслѣдованіе преобразователя, который гналъ раскольниковъ, и по принципу, и по чувству личной ненависти, расколъ отвѣчалъ столь же неутомимо-упорнымъ сопротивленіемъ Петру, и вражду свою къ нему стремился оправдать *систематическимъ* же осужденіемъ всѣхъ его государственныхъ предпріятій и мѣръ.

Система этого раскольническаго осужденія была весьма проста и для народа, привыкшаго на всѣ государственныйя и общественныя дѣла и отношенія смотрѣть съ точки зрѣнія религіозной, весьма удобопонятна и завлекательна. Она состояла въ томъ, чтобы всѣ новости, вводимыя Петромъ Великимъ въ государственный, общественный и частный бытъ русскаго народа, объяснять измѣною древнему благочестію и почитать естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ церковныхъ *новшествъ*, которыя введены были къ намъ патріархомъ Никономъ и которыя сдѣлали для раскольниковъ имя его столь ненавистнымъ, что они не задумались признать его за самого антихриста. Какъ ни много при этомъ представлялось имъ противорѣчій собственнымъ понятіямъ ихъ объ антихриствѣ; какъ ни отличны были нравственныя черты патріарха Никона и самое виѣшнее его положеніе отъ тѣхъ чертъ и отъ того положенія, которыя изображены въ извѣстныхъ словахъ объ антихриствѣ Имполита папы Римскаго и Ефрема Сирина, — главныхъ авторитетовъ, на которые раскольники въ этомъ дѣлѣ ссылались и доселѣ ссылаются; но сила озлобленія была такова, что воѣ эти противорѣчія предъ нею исчезали и уступали мѣсто замысловатымъ соображеніямъ о нѣкоторыхъ апокалипсическихъ указаніяхъ на антихристовы примѣты и желанію примѣнить ихъ къ дѣламъ и особѣ знаменитаго патріарха.

Такъ слова Апокалипсиса о томъ, что антихриствѣ, возобно-

давъ надъ всѣмъ міромъ, дастъ всѣмъ на десныйъ руку изъ или на челахъ изъ начертаніе *, безъ котораго никто не возможетъ ничего ни купить, ни продать, раскольники, безъ долгаго размышленія, отнесли къ перемѣнѣ двуперстнаго перстосложенія на трехперстное, которое и донныѣ слыветъ у нихъ антихрисловою печатью.

«Нѣкакo странно — говорить протопопъ Аввакумъ — тремя персты запечатлѣшася въ сокровищи всегубителя, глаголю печатью антихрисловою, въ ней же тайна тайнамъ: змій, звѣрь и лжепророкъ» **.

И до нынѣ ни одинъ настоящій раскольникъ ни за что не согласится сложить три первые пальца деснойъ руки не только для того, чтобы ими избразить на себѣ крестъ, но даже просто для того, чтобы при разговорѣ или состязаніи показать, какъ мы, православные, крестимся: въ случаяхъ подобной нужды онъ сложитъ три первые пальца непременно лъвойъ руки.

Антихрислово или звѣриное число 666, указанное въ Апокалипсисѣ, *** раскольники равнымъ образомъ усиливались пригнѣнить къ имени патріарха Никона и къ событіямъ его патріаршества. По странному случаю соборъ, созданный собственно для суда надъ самимъ Никономъ, но провнесшій также первое рѣшительное церковное осужденіе и на расколъ, былъ собранъ въ 1666 году. При встрѣчѣ съ такою искусительною цифрою раскольническимъ толковникамъ предстояла одна не очень большая трудность устранить какимъ-либо способомъ мѣшающую единицу, или найти средство приличнымъ образомъ присвокупить ее къ звѣрному числу.

Изъ этого затрудненія вышли они посредствомъ своеобразнаго истолкованія начала 20-той главы Апокалипсиса, гдѣ говорится о тысячелѣтнемъ заключеніи древняго змія въ безднѣ и о азрѣшеніи его, по истеченіи тысячи лѣтъ ****. Тысячу лѣтъ отчитываютъ они отъ Рождества Христова до отпаденія отъ все-

* Гл. XIII. 6.

** Посл. Игн. тоб. стр. 22 и 23.

*** XIII. 18.

**** И ятъ (ангелъ) змія, змія древняго, шже есть діаволь и сатана. связа я на тысящу лѣтъ. И въ бездну затвори его и заключи его, запечатлѣ надъ нимъ, да не прольститъ кому языки, дондеже скончается тысяща лѣтъ: и по семъ подобеть ему отрѣшену быти а мало время. Гл. XX ст. 2 — 3.

ленскаго единства Римскаго папы, не обращая особаго вниманія на значительную неточность этого счисленія; затѣмъ къ этой тысячѣ прибавляютъ звѣриное число: 666, и какъ разъ получаютъ 1666 годъ: годъ осудившаго ихъ собора и слѣдовательно годъ рѣшительнаго, по ихъ попятіямъ, отступленія Россіи и съ тѣмъ вмѣстѣ пришествія антихриста.

«Первѣе по развязаніи своемъ—пишетъ расколочальникъ діаконъ Фѳодоръ (въ посланіи о познаніи антихристовой прелести), діаволъ, ишедъ изъ бездны, Римъ нечестіемъ порази со всѣми западными странами, и пошедь до нашего царства, на пути Литву отступленіемъ плѣни. Таже, по исполненіи имени его (666), и наше Россійское царство нечестіемъ похити и конечнѣ воцарися всякимъ нечестіемъ надъ всею вселенною, яко Августъ.... и сѣде окаянный въ Божіей Церкви на мѣстѣ святѣмъ» *.

Раскольническая изобрѣтательность постаралась и въ имени патріарха Никона отыскать тоже число 666 и, не находя его въ словѣ *Никонъ*, обратилась къ мірскому имени ** патріарха въ греческой его формѣ.

«Егда исполнися реченое число (1666) лѣтъ,—говорятъ раскольники, абіе явился человекъ таковой, который возмути весь сѣверъ, сложився съ востокомъ, его же имя Оникитисъ (*Ο Νικητης*) число же имени его 666; и дѣйства сего человека являютъ его быти антихриста суща» ***.

Но какъ ни сильна была злоба раскольниковъ противъ патріарха Никона, и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ ни велико было желаніе ихъ провозгласить его въ народѣ антихристомъ, все же они не могли не чувствовать, что въ ихъ заключеніяхъ было слишкомъ мало правдоподобія. Во-первыхъ Никонъ не только не былъ царемъ или мірскимъ владѣтелемъ, чѣмъ долженъ быть и будетъ, по общему церковному мнѣнію, антихристъ, но даже былъ на одномъ съ раскольниками соборѣ осужденъ и лишенъ своего сана и власти; затѣмъ сосланъ въ дальнее заточеніе, въ которомъ томился долгіе годы, и наконецъ почидъ тихою кончиною вдали отъ всѣхъ, на пути въ Москву, куда онъ призывался благодушнымъ царемъ для успокоенія отъ трудовъ и непріятностей ссылки. Это-ли антихристовъ конецъ? Казни

* «Прав. Обзоръ.» Мартъ 1862. стр. 378.

** Мірское имя Никона было Никита.

*** «Объ антихр. противъ расколн.» Нильскаго. стр. 289.

расколотителей, которые онъ охотно приравниваютъ къ убіенію антихристомъ Иліи и Еноха, совершились уже по низложеніи Никона и слѣдовательно не его властью; словомъ, раскольники хотя и называли Никона антихристомъ, но какъ-будто только до болѣе удобнаго случая, до явленія лица, болѣе соответствующаго ихъ представлениямъ о всегубителѣ. Вотъ почему, по воцареніи Петра Великаго, какъ только раскольники замѣтили, что въ новомъ царѣ онъ найдутъ своего непримиримаго врага и неутомимаго преслѣдователя, имя антихриста они стали искусно переводить на него; Никону же начали усвоять, хотя также страшное и ненавистное, но все же менѣе тяжкое имя антихристово *предтечи*.

«Егда до тысячъ лѣтъ — придетъ раскольникъ — развязанъ бысть сатана отъ темницы своея, изыде и нападе на великую монархію Римскую, поколеба и разруши оное седмистолпное утверждение; и пакы на вторыи Римъ приде по 1600 лѣтъ (тутъ авторъ нѣскольکو запутался), а въ 66 лѣто и Россія тому же паденію поревнова, и тако исполнися число звѣря 1666 лѣтъ. Въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ святыхъ православныхъ вѣры, и всю Церковь Божию отъ всего благолюбія обнажи, и бытъ вмѣсто царя мучитель, и вмѣсто владыки ратникъ, яко же свидѣтельствуеть Апостоль въ зачалѣ 275: *прежде придетъ отступленіе, потомъ явится человекъ грѣха — сынъ погибельный — антихристъ*. Прежде придетъ отступленіе отъ святыхъ вѣры царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по числу 1666, а послѣ его въ третихъ на престолѣ восцарствова сынъ его первородный Петръ отъ втораго, беззаконнаго * брака; и той помазася на престолѣ всероссійскій закономъ жидовскимъ, отъ главы и до ногу, показуя, яко ложный мессія и лжехристъ, якоже пророчества о немъ Сивилла: яко имать царствовати царь жидовскій» **.

Такимъ образомъ съ лица патріарха Никона званіе антихри-

* Второй бракъ Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной Нарышкиной раскольники почитаютъ беззаконнымъ, потому что онъ совершенъ уже послѣ собора 1666, слѣдовательно по мнимомъ отпаденіи Россіи, и потому еще, что онъ совершенъ былъ будто бы наканунѣ Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя: «на память честнаго и славнаго Пророка Крестителя Іоанна, и зачатъ сего сына Петра, въ ту ночь, небеса же комету въ себѣ показаша, юже волхвы усмотрѣша, Симеонъ Полодскій и.... въ 29-й день поутру».

** «Собр. отъ Свят. Дис. о антихр.» (раск. рукод).

ста перенесено раскольниками на *царственную* особу Петра, и затѣмъ всё обстоятельства его жизни, начиная съ самаго рожденія, и всё его дѣйствія и распоряженія различными изворотами, нерѣдко удивляющими своимъ остроуміемъ, протолкованы учителями раскола въ томъ смыслѣ и съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы привести читателей къ несомнѣнному убѣжденію въ тожествѣ перваго русскаго императора съ лицомъ Христова противника. Изъ раскольническихъ сочиненій объ этомъ предметѣ намъ особенно извѣстно одно, подъ заглавіемъ: «Собраніе отъ Святаго Писанія о антихристѣ». На немъ мы хотимъ остановить вниманіе читателя.

Любопытно, а для цѣли настоящей статьи и необходимо, послѣдовать за этой кропотливой и замысловатой раскольнической работою, въ которой читатель найдетъ, безъ сомнѣнія, много отчаянныхъ натяжекъ, прямой лжи, суевѣрія и другихъ не очень легкихъ для раскола принадлежностей; но, съ другой стороны, если захочетъ быть безпристрастнымъ, не пропуститъ безъ вниманія и такихъ соображеній, которыя дѣлаютъ честь тонкой проницательности раскольниковъ, близкому знакомству ихъ съ современными обстоятельствами, а по временамъ и здравому нравственному чувству, проявляющемуся въ строгомъ осужденіи нѣкоторыхъ не довольно чистыхъ дѣяній Петра.

Петръ Великій, желая узнать рабочія и производительныя силы государства, предпринялъ точныя народныя переписи, и прежнія повинности и подати, поземельныя и подворныя, которыя выплачивались общинною раскладкою, замѣнилъ подушнымъ окладомъ.

Не входя въ разборъ прежней до-петровской податной системы и въ сравненіе ея съ той, которую заблагоразсудилъ ввести Петръ, не можемъ однако не замѣтить, что подушный окладъ на судъ современной науки оказывается совершенно несостоятельнымъ. Само правительство уже окончательно признало подушную подать несообразною ни съ нравственною справедливостію, ни съ законами здраваго государственнаго хозяйства. Въ «Сѣверной Почтѣ», газетѣ правительственной, читаемъ о ней слѣдующій отзывъ:

«Въ настоящее время несостоятельность подушной подати признана всѣми, и цѣль правительства состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить ее другими налогами, болѣе соответствующими законамъ здравой государственной экономіи. Въ этой несостоятель-

ности убѣждаетъ насъ между прочимъ и исторія подушной подати, встрѣченной всюду недоброжелательно и внесшей много зла въ народную жизнь» *.

Еще замѣчательнѣе то, что и современники Петра, нисколько непричастные раскольническимъ заблужденіямъ и пристрастіямъ, напротивъ, весьма сочувствовавшіе лучшимъ намѣреніямъ Преобразователя, возставали противъ ревизіи душъ и подушной подати. Знаменитый Посошковъ такъ отзывается объ этой мѣрѣ Петра Великаго:

«Во исчисленіи душевномъ не чаю жъ я проку быти; душа вещь неосязаемая и умомъ непостижимая, и цѣны неимущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя. Въ душевномъ оцѣдованіи труда много подъято, а казны, чаю, тысячъ десятка два три истощилось, обаче чаю я, что она вся пропала» **.

Волинскій, въ инструкціи, данной крестьянамъ 1724 года, также возстаетъ противъ «поголовщины», отстаивая прежнюю систему писцовыхъ окладныхъ книгъ. ***

Если друзья реформы, произведенной Петромъ Великимъ, и жаркіе почитатели его имени, какъ Посошковъ, возставали противъ этой мѣры, то легко себѣ представить, что думали и какъ отзывались о ней заклятые враги Петровыхъ дѣлъ.

Расколъ объявилъ подушную перепись и ревизію душъ прямо антихристовою мѣрою и училъ народъ не записываться въ ревизскія книги.

«Егда той Императоръ или монархъ, сирѣчь единоначальникъ или единовластитель, — народное описаніе учини, называя то ревизією или исчисленіемъ душъ человѣческихъ, которыя приняли его за Императора или повелителя, за единовластнаго правителя и пастыря (яко же свидѣтельствуеъ книжка его, Дополненіе дѣяній его: изволяяй да чтеть тамо); мы отъ Христа Спаса научихомся законъ и заповѣди его сохранять и вѣру святую блюсти, и таковому лжехристу въ послушество отдатися не хошемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися ни кому не совѣтуемъ: творите съ нами что хотите... Ибо мы отъ крещенія записаны есмы въ книги животныя у Царя небеснаго.» ****

* Свѣд. Почт. 1862 г. № 98 стр. 391.

** Шаповъ. «Русск. раск. старооб.» стр. 481.

*** Тамъ же.

**** Собр. отъ Св. Пис. стр. 254.

«И пакъ той злыи вождь, ангелъ неправедный, продивителъ Христовъ Петръ, возвышался надъ челоуѣки, училъ народное описаніе, по образу *Авуста Кесаря*, исчисляя вса мужеска пола и женска, облагая ихъ дѣньми веліими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ. Яко свидѣтельствуеъ о томъ *Меодіи Патарскій* въ словѣ 60-мъ: антихристъ весь міръ данички сотворитъ, по записаніи въ своя книги,—и цотребуеъ со сродхъ вѣрноподаанныхъ дани душевныя. Что же есть душа? Душа бо есть невидимаго существа, божій образъ, дебельствомъ цдотѣ одѣяна, невидима и неосязаема, должна есть придосити Создателю своему даиъ душевную: вѣру правую, надежду несомнѣнную, любовь нелицемѣрную. Сынъ же погдѣбельный уби сѣмъ трисвятую добродѣтель и насади, вмѣсто того, невѣріе, безнадежіе, нелюбовь». *

Мѣра, казавшаяся народу тяжкою сама по себѣ, еще болѣе дѣлаалась обременительною отъ нестерпимыхъ насилій и цедювѣрныхъ злоупотребленій сборщиковъ, которыхъ дѣйствительно не трудно было признать, по ихъ дѣйствіямъ, за вѣрныхъ слугъ Антихриста. Самъ Петръ неоднократно уснаждался положить предѣлъ ужасному злу, но усилія его всякій разъ оставались тщетными; случалось иногда обличить и наказать того или другаго притѣснителя народа, но остальные, не вразумляясь маиъзаніемъ своихъ сообщниковъ, безстрашно продолжали свои грабительства и жестокости, которыя по смерти Петра, въ особенности при Биронѣ, превзошли всякую мѣру.

«При Биронѣ, пишеть г. Шаповъ, учрежденъ доимочный приказъ, и всѣ эти недоимки взыскивались безчелоуѣчно. — Если воеводы неуспѣшно взыскивали недоимки, то послыалась гвардейскіе офицеры, которые заковывали народъ въ кандалы, ставили крестьянъ голыми ногами на сѣбгъ, били ихъ нацками по пятамъ и т. п.; помѣщиковъ и старостъ ихъ держали въ городахъ подъ стражею по нѣскольку мѣсяцевъ, такъ что многіе умирали съ голода и отъ тѣсноты въ жилищахъ». **

Мудрено-ли, что народъ, такимъ образомъ истязаемый, жадно прислушивался къ ученію раскольниковъ о антихристовскомъ происхожденіи подушной подати и охотно вѣриль ему?

Перенесеніе Петромъ Великимъ новаго года съ 1-го сентября на 1-е января также подверглось неумолимоу критицкѣ рас-

* Собр. отъ Св. пис. стр. 258.

** Стр. 489.

количественныхъ начетчицовъ, которые, для рѣшительнаго осужденія этой переимѣны, подыскали также различныя мѣста изъ Священнаго Писанія и изъ произведеній отеческихъ, и не забыли сослаться на авторитетъ вселенскихъ постановленій.

«Петръ, Великій злобы исполнитель, Богомъ преданный на первомъ вселенскомъ соборѣ индиктъ, или новое лѣто, преведе съ септембрія 1 на генваря 1 число, въ славу свою и въ честь имени храма Янусова. Оле, велиаго несмотрѣнія! Како сей дерзну завѣтъ святой нарушити, иже Святыми Отцами уставленный индиктъ превратити, именована же себе монархомъ августейшимъ, по образу Кесаря Августа, единоначальствующаго на земли; яко же и Даниилъ пророкъ о четвертомъ звѣри въ видѣніи пишетъ: Звѣрь четвертый гордъ и страшенъ, ни единому же подобный, и ополчится на завѣтъ святой (на завѣтъ 1-го вселенскаго собора), времена (счисленіе новаго года) и законъ прельнити размыслитъ» *.

«Въ 1700 году, — продолжаетъ тотъ же авторъ, — разосла (Петръ Великій) многіе указы и законопреступныя повелѣнія, во всей Россіи повелѣвъ праздновати новое лѣто каждаго года во вся времена въ 1 число генваря мѣсяца, ратуясь со святыми седми вселенскими соборами, иже Святіе Отцы, на первомъ вселенскомъ соборѣ, при благочестивомъ царѣ Константинѣ, узакониша во вся предидущая времена праздновати Святою Церковію, ежегодно до скончанія вѣка, въ 1 день септембрія новое лѣто, яко начатокъ свободы Христіанскія отъ тяжкаго иа мучительскаго. Смыслъ же погубительный, ратуясь со святыми, возобнови свое новолѣтіе въ честь своего имени. Яко же бо имя Петръ въ пяти литерахъ обносится, тако той преведе праздники новолѣтія въ пятый отъ септембрія мѣсяца и сотворивъ съ нимъ спраздновати вѣрноподаданныя своя рабы».

Какъ ни чудно это сближеніе числа буквъ въ имени Петра съ числомъ мѣсяцевъ отъ сентября до января, но еще смѣшнѣе, по нашему мнѣнію, истолкованіе, предложенное тѣмъ же авторомъ имени «Императоръ» и прозванію: Первый, который принималъ въ свой титулъ Петръ.

«Паки той лжехристовъ, возвышаяся надъ покорившимися ему заручною грамотою, присягою и цѣлованіемъ креста, именовавася Императоръ; хищный волкъ скрывается въ овчью кожу и

«скры пагубное свое имя подъ литтерою *М*, а прочій слогъ по азбукѣ содержитъ число имене его: *императоръ*. Въ ономъ словѣ, кромѣ излишнія оныя литеры, замыкается число 666 пагубнаго имени его * , яко же свидѣтельствуеъ Апокалипсисъ: «яко имать писати имя свое тайное въ купляхъ и продаваніяхъ, его же никто отъ земныхъ и мятущихся въ вещехъ жителей-скихъ не увѣдаетъ.»

«И паки, восхищая себѣ превысочайшую славу Сына Божія, *первенство* Господа нашего Ісуса Христа, яко свидѣтельствуеъ Апокалипсисъ (глава I): Азъ есмь альфа и омега, *первый* и послѣдній, не имѣя ни начала дней, ни конца вѣковъ. И тако той же христоосъ, восхищая на себя славу Сына Божія превысочайшую, именовася Петръ *Первый*, и прочіе по немъ такоже именуются.»

«И паки именовася *божествомъ Россіи*, яко же свидѣтельствуеъ книжка, Кабинетъ Петра (лист. 2):

Онъ богъ твой, богъ твой, о Россія!

Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскіе,

Сошелъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ.

«Ибо онъ, древній змій, сатана, прелестникъ, сверженъ бысть за свою гордыню отъ горнихъ ангельскихъ чиновъ, сошелъ по числу своему 1666, яко же святіи пишутъ Ефремъ и Иовелитъ: родится сосудъ скверный отъ жены, и сатана вселится въ него.»

Это послѣднее устремленіе раскольническаго ревнителя, не смотря на его дикую форму, было вызвано и, можно прибавить, достаточно оправдывается справедливымъ раздраженіемъ противъ этихъ гнусныхъ и дѣйствительно нечестивыхъ стишковъ, которые потому особенно способны возбудить негодование не только зараженнаго пристрастіемъ раскольника, но всякаго порядочнаго ясно-мыслящаго человѣка, что они, своимъ подлымъ, незнающимъ границъ униженіемъ, вполне соотвѣтствуютъ общему тону литературныхъ произведеній тѣхъ временъ. Читателямъ нашимъ, безъ сомнѣнія, памятно знаменитое похвальное слово Ломоносова Петру Великому, которое почти всѣмъ намъ приходилось

* Стр. 257. Дѣйствительно, если, вмѣсто начальной *И*, написать *І* и выкинуть притомъ букву *м*, то счетъ остальныхъ буквъ этого слова, т. е. *Императоръ* будетъ равенъ звѣриному числу 666. Съ какими усиліями раскольники отыскивали оправданія своему взгляду! Поучительно и жалко!

изучать, сидя на гимназической скамьѣ. Тамъ, по исчисленіи всѣхъ свойствъ Петра, всѣхъ совершенныхъ имъ важныхъ преобразованій и побѣжденныхъ препятствій, знаменитый ораторъ нашъ, не находя въ человѣческомъ родѣ никого, подобнаго герою своей рѣчи, не устыдился сравнить его съ самимъ Богомъ.

Замѣтимъ, что Ломоносовъ былъ, по природѣ своей, человѣкъ совершенно чуждый лести; напротивъ, независимость его характера заслуживаетъ глубокаго уваженія и даже удивленія. Но это-то особенно и возмущаетъ противъ его неприличной и недостойной тирады: стало быть въ обществѣ того времени такое глубокое оскорбленіе религіознаго и нравственнаго чувства никѣмъ и не чувствовалось, почиталось дѣломъ обыкновеннымъ и не встрѣчало ни малѣйшаго обличенія и противодѣйствія. Сколько намъ извѣстно, ни чей голосъ не возвысился противъ похвальнаго слова Ломоносова, никто не требовалъ его сожженія, или, по крайней мѣрѣ, запрещенія; напротивъ, его учили до послѣдняго времени наизусть воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній. Смѣемъ думать, что и самъ Петръ не обидѣлся бы имъ, еслибы могъ его выслушать.

Въ этомъ отношеніи безпристрастіе побудило насъ отдать полную справедливость раскольникамъ, которые не могли выносить такого низкаго раболѣбства нашихъ преобразованныхъ писателей. Надѣмся, что читатель не найдетъ страннымъ или преувеличеннымъ наше продолжительное разсужденіе о смыслѣ выше приведенныхъ стиховъ, тѣмъ болѣе, что этотъ подобострастный тонъ, которымъ они отличаются, не встрѣчая ни въ комъ, кромѣ раскольниковъ, обличенія, господствовалъ долгое время и послѣ Петра въ произведеніяхъ нашей литературы; и кто поручится, чтобы слѣдовъ или знаковъ этого тона нельзя было отыскать въ нашей литературѣ даже весьма недавняго времени? Поэтому мы имѣли полное право счесть появленіе стихковъ:

Онъ богъ твой, богъ твой, о Россія! и т. п.

фактомъ, имѣющимъ немаловажное общественное значеніе, и вслѣдствіе того взглянуть на нихъ съ такою строгостью, которой ничтожество и пустота ихъ, конечно, не заслуживаютъ. Впрочемъ, во избѣжаніе всякихъ недоумѣній, считаемъ нужнымъ присовокупить, что мы, въ настоящемъ случаѣ, рады были отыскать въ комъ-либо негодованіе противъ литературнаго тона и

именно въ этомъ смыслѣ находимъ раскольничій протестъ достойнымъ вниманія.

Не оставили раскольники безъ своего осужденія и перемѣны въ образѣ церковнаго управленія въ Россіи, то есть, уничтоженія патріаршества и замѣны его Святѣйшимъ Синодомъ. Въ разсужденіи этого вопроса, они держатся, вмѣстѣ со всѣми западными противниками нашей Церкви, той мысли, что перемѣна эта задумана и совершена была Петромъ съ цѣлью порабощенія духовной власти. И въ этомъ случаѣ любопытно, что раскольническій авторъ, глубоко ненавидящій Латинскую церковь и насъ постоянно упрекающій за мнимыя сближенія съ нею, невольно повторяетъ тѣже самыя мысли, которыя такъ любятъ повторять и латинскіе писатели. Какъ *Rége Laurantie*, извѣстный антагонистъ Хомякова, и кардиналъ Навтскій, котораго пренія съ о. Іосифомъ Васильевымъ недавно были напечатаны въ нашихъ духовныхъ журналахъ, почитаютъ Русскую Церковь со временъ Петра порабощенною царской власти и приписываютъ намъ нечестивое мнѣніе, будто царь есть глава нашей Церкви; такъ точно и раскольники приписываютъ Петру Великому то же намѣреніе: уничтожить патріаршество съ тѣмъ, чтобы возобладать самому надъ Церковью и сдѣлаться ея главою.

«Вся уставы святыхъ разрушилъ (Петръ)—пишутъ они—и восхитилъ на ся не точію власть царскую, но святительскую и Божію; царскую восхити, понеже незаконно на престолѣ помазася, именована себя императоромъ; а святительскую восхити, именовася *отцемъ отечества* и *глава церкви Россійскія*, восхитя себя судъ духовный; а Божію власть восхити, сирѣчь уставы святыхъ разрушаетъ и законы Христовы превращаетъ, и о томъ святой (?) Стефанъ Зизаній пишетъ, что вознесетъ и возвыситъ паче всякаго глаголемаго Бога или чтилища, еже есть паче всѣхъ царей земныхъ, иже суть прозванія, а не биху суть бози».*

«И такъ, сей лжехристосъ, восхитивъ на себя царскую и святительскую власть, и вступи на высочайшую степень патріаршескую, яко свидѣтельствуеть о томъ изданная имъ книга Регламентъ Духовный (лист. 3 въ 9 пункт.), какъ и для чего уничтожи патріаршее достоинство; дабы ему одному сластвовати, не имѣя равна себѣ, но вмѣсто того уставы си-

* Стр. 164.

Водѣ или *синедрію*, содержащую въ себѣ правленіе духовныхъ дѣлъ, имѣя въ себѣ двѣнадцать членовъ, четыре *ассесора*, четыре совѣтника, два (?) *президента*, два *вицепрезидента*, *утвердивъ ихъ седмиклѣтвенною присмою*, дабы, кромѣ его единого, никакихъ дѣлъ не твѣрили, но имѣли бы его единого превѣсочайшею главою и судіею всея Церкви. И тако, по Ипполиту, совершенъ соборъ ученикъ себѣ воспріять, по образу двѣнадцати Апостоловъ Христовыхъ, а самъ единъ, безглавая глава, превозносаяся надъ всѣми. И паки той же лжехристості, восхищая на себя святительскую власть, именовася *отецъ отечества*: ибо патріархи именуются (по слову Правыхъ вѣры гл. 19) *отецъ отцевъ всего свѣта*: тако и той именовася *отецъ отчества*. *

Учрежденію патріаршества при Θεодорѣ Ивановичѣ устроилось чрезъ правильныя сношенія русскаго правительства съ четырьмя восточными патріархами, отъ которыхъ прислаанъ былъ вселенскій патріархъ Іеремія, оставившій Россіи перваго патріарха Юва, а всадѣ за тѣмъ прислана и утвердительная грамота, которою московскій патріархъ причислялся къ сонму прочихъ восточныхъ иеросвятителей, на мѣсто отпаднаго отъ единства вѣры Римскаго папы.

Измѣненіе патріаршаго правленія на синодальное, задуманное Петромъ Великимъ, совершилось тѣмъ же порядкомъ, то есть: снова были шрепровождены отъ Русскаго царя грамоты къ вселенскому патріарху съ просьбою разсмотрѣть вопросъ о шредполагаемой перемѣнѣ правленія совокупно съ прочими православными патріархами; и точно такъ же отъ патріарховъ получены грамоты, которыми утвержденъ новый порядокъ духовнаго управления, и соборное правительство синода въ своемъ достоинствѣ и власти уравниено съ бывшимъ до того времени единоличнымъ патріаршимъ правленіемъ. Такимъ образомъ ни раскольническія, ни латинскія нападенія на каноническую правильность синодскаго учрежденія не согласны съ истиною. Позже, именно въ 1850 году, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ учрежденъ такой же, какъ нашъ, синодъ и въ Египетскомъ королевствѣ, отличающійся отъ нашего нѣкоторымъ отѣнкомъ власти первоприсутствующаго члена, которымъ въ точности исполняется апостольское правило.

Но если мы почли себя обязанными передъ правдою отверг-

* Стр. 255—256.

нуть придирчивыя нападенія раскольниковъ на каноническую правильность самого учрежденія синода; то въ отношеніи собственно къ намѣреніямъ Петра, побудившимъ его искать этой перемѣны въ образѣ духовнаго правленія, не можемъ не замѣтить, что мы совершенно соглашаемся съ тѣми изъ современныхъ намъ историковъ, которые видятъ въ основаніи этихъ намѣреній ревность Петра по своей царской власти и утверждаютъ, что въ особѣ патріарха, «великою высочайшаго пастыря честію и славою» облеченнаго, представлялось Петру весьма непріятное стѣсненіе его необузданнаго произвола.

«Тѣмъ Никона, — говоритъ современнѣйшій нашъ историкъ — носилась передъ мысленными очами Петра, когда онъ задумалъ измѣнить форму патріаршаго правленія на синодскую».

И въ этомъ дѣйствительно не трудно убѣдиться, внимательно вникнувъ въ изъясненія причинъ, по которымъ Петръ принималъ означенную перемѣну.

Хотя въ 6-мъ пунктѣ 1-й части «Духовнаго Регламента» и сказано, будто къ выгодамъ коллегіальнаго управленія принадлежитъ, между прочимъ, то, «что коллегіумъ свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ ко правосудію, не тако бо, якоже единоличнѣйшій правитель гнѣва сильныхъ боится»; однако вслѣдъ за тѣмъ, именно въ 7-мъ пунктѣ той же части, выражаются описанія уже не за слабодушіе единоличнаго правителя церкви, а за такія притязанія, которыя могли бы встревожить Петра, не любившаго и тѣни ограниченія, даже чисто-правсѣннаго, каково и было въ древней Россіи ограниченіе власти царской патріаршею.

«Велико и сіе, * что отъ соборнаго правленія не опасатомъ отечеству мятежей и смущенія, каковыя происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разиствуеть власть духовная отъ самодержавной; но, великаго высочайшаго пастыря честію и славою удивляемшій, помышляетъ, что таковшій правитель есть то вторшій государь, самодержцу равносильный, или больше его, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство, и се самъ собою народъ тако умствовати обыкль. Что же, егда еще и плевельные вѣстолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хвратію огонь подложатъ. Тако простыя сердца мнѣніемъ снмъ

* Пункт. 7. Ч. I. «Дух. Регл.»

развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря, въ коемъ либо дѣлѣ смотреть. И когда услышится вѣвка между оными распря, *вси духовному паче нежеми мірскому правителю*, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ.... И не вымысли то—далѣ бы Богъ, чтобъ о семъ домышлятися только мощно было,—но самую вещь не единожды во многихъ государствахъ сіе показалось; вникнуть только во исторію константинопольскую, ниже Іустиніановыхъ временъ, и много того покажется. Да и папа не инымъ способомъ только превозмогъ, не точію государство Римское полма пресѣче, и себѣ великую часть похити, но и инья государства едва не до крайняго разоренія не единожды потрясе. *Да не вспомнятся подобныя и у насъ бывшія замѣхи*.

«Таковому злу въ соборномъ духовномъ правительствѣ—нѣсть здѣ и на самомъ президентѣ великія и народъ удивляющія славы, *нѣсть мншійя свѣтлости и позора, нѣсть высокоаго о немъ мншійя*, не могутъ ласкатели безмѣрными похвалами вознести яго.... *Самре имя президентъ* не гордое есть; не иное бо что значить, только предсѣдателя: не можетъ убо ниже самъ о себѣ, ниже кто иный о немъ высоко помышляти. А когда еще видитъ народъ, что соборное сіе правительство монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ уставлено есть, то и паче пребудетъ въ кротости своей, и весьма отложить надежду имѣти помощь къ бунтамъ своимъ отъ чина духовнаго». *

Изъ выписанныхъ словъ «Духовнаго Регламентѣ» очевидно, что происшествія, случившіяся въ царствованіе Алексѣя Михайловича и въ патриаршество Никона, произвели на умъ Петра глубокое впечатлѣніе, и участіе, которое въ дѣлахъ правленія принимали нѣкогда патриархи, казалось ему чрезъ мѣру пространнымъ и стѣсняющимъ его самовластіе. *«Да не вспомнятся подобныя и у насъ бывшія замѣхи»*—замѣчаніе, прямо относящееся къ лицу Патриарха Никона, ясно выражаетъ это ревнивое опасеніе, совершенно впрочемъ напрасное, и даже отчасти обидное для чести русской церковной исторіи. Правда, въ древней Россіи представители духовной власти пользовались и отъ царя, и отъ народа полнымъ уваженіемъ, сану ихъ подобающимъ, и въ дѣла, вѣтренныя ихъ собственному вѣдѣнію, не попускали вторгаться мірской власти; но

* «Дух. Регл.» Ч. I. Пунк. 7.

отъ такого совѣстливаго исполненія прямой обязанности до мятежей и бунтовъ, о которыхъ упоминаетъ Петръ, и до нашихъ притязаній, которымъ онъ уподобляетъ никоновы заманхи—разстояніе безконечное, какъ между правдой и ложью, между добромъ и зломъ.

Кто же изъ патріарховъ, митрополитовъ и вообще изъ духовныхъ лицъ древней Руси, и когда бунтовалъ народъ противъ царя? Примѣровъ тому мы не знаемъ; самое безпокойное и тревожное въ этомъ смыслѣ событіе въ исторіи нашей церкви дѣйствительно было самовольное удаленіе патріарха Никона въ Воскресенскій монастырь и послѣдовавшая за тѣмъ смута; но и тутъ гдѣ же мятежи и бунты? Гдѣ папскія намѣренія? Какъ ни крутъ былъ характеръ патріарха, какъ ни произвольны были нѣкоторые его поступки, какъ ни грубы нныя выходки, но и въ его исторіи мы находимъ совершеннѣйшее подтвержденіе той истины, что духовная власть, во время патріаршества, постоянно была далека отъ соперничества съ мірскою властію царей, равно какъ и отъ недостойной уступчивости въ тѣхъ предметахъ, въ которыхъ уступка была бы малодушіемъ.

Какъ любопытный обрацкъ отношеній, бывшихъ между царскою и патріаршею властію въ древней Россіи, мы приведемъ небольшой разсказъ изъ Описанія посѣщенія антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ Саввина Звенигородскаго монастыря (въ 1656 году).

Алеппскій діаконъ Павелъ, сопровождавшій патріарха въ его путешествіи по Россіи и оставившій намъ описаніе этого путешествія, разсказываетъ случай, которому онъ былъ самъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Въ то время, какъ патріархъ антиохійскій и царь Алексѣй Михайловичъ пріѣхали въ Саввинъ монастырь, тамъ содержался въ почетномъ заточеніи діаконъ сербскаго митрополита Миры, которому патріархъ Никонъ запретилъ священнослуженіе. Діаконъ этотъ, выбравъ удобную минуту, бросился въ ноги царю и умолялъ дозволить ему совершить въ тотъ день литургію. Царь отказался удовлетворить его просьбѣ и сказалъ: «боюсь патріарха Никона; онъ, пожалуй, отдастъ мнѣ свой посохъ и скажетъ: возьми и самъ паси монаховъ и священниковъ. Я не вмѣшиваюсь въ то, какъ ты распоряжаешься своими воеводами и войсками, зачѣмъ же препятствуешь мнѣ управлять священниками и монахами?»

«Услышавъ эти слова изъ устъ царя.—прибавляетъ діаконъ

Павель—мы подивились такой степени благоговѣнія, уваженія и почтенія къ священноначалію». *

И мы, вмѣстѣ съ авторомъ Описанія, не можемъ воздержаться отъ почтительнаго удивленія къ такому заботливому храненію предѣловъ, положенныхъ между двумя властями собственно ихъ природою, и не пожалѣть, что гениальный сынъ не наследовалъ этой великодушной и справедливой черты своего благодушнаго отца.

Очень замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ подробностяхъ учрежденія св. синода находили несоотвѣтствіе характеру высшаго духовнаго правительства и сами высшіе представители Православной Церкви въ Россіи, составляющіе лучшее ея украшеніе и истинную честь, и притомъ такіе, которые въ то же время весь ма сурово и непримиримо смотрѣли на раскольниковъ, и слѣдовательно не желали бы имѣть съ ними никакихъ общихъ воззрѣній и даже сойтись въ какихъ-либо отгѣнкахъ мнѣній.

Такъ, знаменитый митрополитъ ростовскій Арсеній Мацѣвичъ—котораго г. Чистовичъ провозглашаетъ фанатикомъ, Екатерина II, въ припадкахъ своего юмора, называла вралемъ, мы же вмѣстѣ со всѣмъ православнымъ народомъ почитаемъ рѣдкимъ въ послѣднія времена нашей исторіи образцемъ непоколебимаго мужества и святаго дерзновенія,—этотъ самый митрополитъ Арсеній, поборникъ и мученикъ церковной свободы, находилъ для своей совѣсти стѣсненіе въ той формѣ присяги, которая въ его время была обязательна для членовъ Святѣйшаго Синода и которую предстояло и ему, какъ члену Синода, произнести.

Въ числѣ другихъ исправленій предложенной ему формы присяги митрополитъ Арсеній включилъ въ нее слова, которыхъ въ ней не находилось:

«Исповѣдую же съ клятвою крайняго Судію и Законоположителя, духовнаго сего церковнаго правительства быти Самаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, полномощную Главу церкви и Великаго Архіерея и Царя, всѣми владычествующаго, и всѣмъ имущаго судити живымъ и мертвымъ».

«Сія рѣчь—говорить въ объясненіе своей вставки митрополитъ Арсеній—положена по благословной винѣ, въ перемѣну того реченія, которое написано въ присягѣ синодальной тако»:

«Исповѣдаю же съ клятвою крайняго судію духовныхъ сел

* «Душ. Чтен.» 1861. февр. стр. 282.

коллеіи быти самую всероссійскую монархію, государыню нашу всемилостивѣйшую».

«А въ свѣтской присягѣ сего не положено. А положили въ духовную присягу, оставя настоящую Главу церкви Христа Господа, который есть единъ всѣмъ судебнымъ правительствамъ Истинный Крайній Судія. И потому и въ свѣтскихъ судебныхъ правительствахъ вносить другаго крайняго судію, въ равенство Христу, мнится быть не безъ излишества. Понеже ежели исповѣдывать съ присягою и клятвою противъ символа Вѣры другаго кого, кромѣ Христа, крайняго Судію, то уже Христось, въ котораго вѣруемъ и котораго Крестъ и Евангеліе при присягѣ цѣлуемъ, какій намъ останется быть судія? Къ сему же наша церковь святая Православно-Восточная, не по иному какому резону, и папу Римскаго отнестъ и антихристомъ его быть присуждаетъ, токмо наипаче посему, что онъ, въ противность Христу, сдѣлалъ себя цѣлой церкви главою, сирѣчь крайнимъ Судіею. А монаршей власти довольно въ той силѣ на вѣрность присягать, въ какой силѣ показано отъ крайняго Судіи Христа въ Евангеліи и Апостолѣ монаршей власти повиноватися. О чемъ довольно протолковано въ книгѣ, Камень Вѣры, въ догматѣ первомъ и въ части первой, въ главѣ шестой, и въ какой силѣ наша обыкновенная присяга состоитъ, безъ приложенія таковаго излишняго ласкательства, въ уничтоженіе или и во отверженіе самаго крайняго Судіи Христа Господа». *

И многое другое, великое и малое, важное и незначительное, въ дѣйствіяхъ и мѣрахъ Петра Великаго подмѣчали, протолковывали расколоучители въ томъ же смыслѣ; и надобно прибавить, что успѣху ихъ внушеній и толкованій, кромѣ легковѣрія и суевѣрія простаго народа, обременяемаго и оскорбляемаго Петромъ, весьма много способствовалъ и самый образъ дѣйствій Преобразователя, властительный и кровавый. Истинныя свойства дѣяній и характера Петра Великаго долгое время были завѣшены отъ нашихъ глазъ какъ бы волшебною пеленою, во-первыхъ, блескомъ и разнообразіемъ его дѣйствительно великихъ и обширныхъ, хотя и не всегда разумныхъ, преобразованій, во-вторыхъ, непроницаемою тайною, въ которой хранились доселѣ подлинныя и подробныя свидѣтельства о событіяхъ, въ его время и имъ совершенныхъ. Нужно было

* «День» 1862. № 25. Стр. 8.

имѣть слишкомъ много исторической проницательности и глубокаго нравственнаго чувства, чтобы до обнародованія этихъ свидѣтельствъ, сквозь дымъ всеобщаго каждаго, провидѣть въ характерѣ Петра Великаго тѣ приводящія въ ужасъ и содроганіе черты, которыя обнаружили въ немъ недавно изданные документы и которыя дотолѣ были понаты и разгаданы весьма немногими избранными умами. Было бы неблагодарностью при этомъ случаѣ не помянуть добрымъ словомъ Славянофиловъ; къ числу ихъ ученыхъ заслугъ принадлежитъ безспорно и то свободное отъ предразсудковъ и пристрастій воззрѣніе на Петра, которое было установлено ими за долго до обнародованія официальныхъ документовъ, вполне подтвердившихъ ихъ взглядъ, и которое долгое время было предметомъ невѣжественнаго глумленія, почти общаго въ нашей литературѣ. Теперь многимъ приходится, конечно не безъ стыда, вспомнить о своихъ несправедливостяхъ въ отношеніи къ славянофиламъ; но, къ чести нашихъ литераторовъ, надобно сказать, что въ настоящее время никто изъ порядочныхъ людей между ними уже не отрицаетъ высокихъ достоинствъ и значительныхъ литературныхъ заслугъ славянофиловъ, и не позволяетъ себѣ надъ ними не только глумленія, но и легкой шутки, предоставивъ эту гнусную забаву литературной мелочи изъ цеха нигилистовъ.

Возвращаясь къ своему предмету, мы хотимъ, въ заключеніе предложенныхъ выше разсужденій, присовокупить еще такое замѣчаніе: какъ ни странны раскольническія сплетенія о пришествіи, подъ видомъ Петра Великаго, самого антихриста; какъ ни натянуты ихъ протолкованія разныхъ свидѣтельствъ о лицѣ и числѣ звѣря, извлеченныхъ ими изъ книгъ Св. Писанія и произведеній отеческихъ: во всякомъ случаѣ для историка, умѣющаго проникать въ духъ изучаемаго имъ времени, такое сближеніе или отождествленіе въ умѣ старовѣровъ царственнаго нововводителя съ лицомъ Христова противника не должно представлять ничего удивительнаго или непонятнаго. Напротивъ, если мы ясно и въ подробностяхъ представимъ себѣ, съ одной стороны ту страстную, суевѣрную привязанность большей части русскаго народа къ своей старинѣ и боязнь и подозрѣніе его во всякой новости, доходившей до того, что бритье бороды почиталось растлѣніемъ образа Божія; съ другой стороны, вообразимъ не менѣе страстное и безразсудное гоненіе старины и насильственное введеніе въ народную жизнь чужихъ обычаевъ,

нерѣдко безобразныхъ и нечистыхъ, когда при этомъ воображаемъ, что свое изгонялось и чужое вводилось буквально *огнемъ и мечомъ*: то приходимъ невольно къ такому заключенію, что раскольникамъ, при ихъ міровоззрѣніи, просто не куда было уйти отъ той мысли, что въ лицѣ Петра явился противникъ Божій.

«Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, извлеченныя г. Есиповымъ изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной канцеляріи розыскныхъ дѣлъ», эта любопытнѣйшая книга, подавшая намъ поводъ къ составленію нашей статьи, содержитъ въ себѣ самыя ясныя доказательства выраженной нами мысли. Не имѣя намѣренія входить въ подробное разсмотрѣніе всего содержанія этой книги и желающихъ ближе познакомиться съ нимъ приглашая обратиться къ самой книгѣ, мы остановимъ вниманіе читателей только на самыхъ замѣчательныхъ ея частяхъ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ отдѣлъ, озаглавленный: «Послѣдователи ученія объ антихристѣ и содержащія въ себѣ два разсказа: Варлаамъ Левинъ и Григорій Талицкій».

Григорій Талицкій былъ первымъ систематикомъ раскольническаго ученія о пришествіи въ міръ антихриста подъ видомъ Петра Великаго. Ремесло Талицкаго, отъ котораго онъ снискивалъ себѣ пропитаніе, состояло въ переписываніи разныхъ книгъ и рукописей. По образу мыслей принадлежа къ равностнымъ противникамъ петровыхъ нововведеній (чтобы онъ принадлежалъ къ расколу — этого изъ дѣла его не видно: сношенія его съ Тамбовскимъ епископомъ побуждаютъ думать, что онъ не принадлежалъ, по крайней мѣрѣ, къ заклятымъ врагамъ Церкви), онъ усердно собиралъ всѣ толки недовольныхъ и поставилъ себѣ задачею совокупить ихъ въ одно цѣлое, связать ихъ одною мыслью и тѣмъ придать имъ силу строго-обдуманнаго протеста.

Глубоко начитанный въ Св. Писаніи и въ сочиненіяхъ Св. Отцевъ, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы изъ этихъ во всемъ народѣ свято-чтимыхъ источниковъ почерпнуть доказательства мнѣнія, и безъ того уже въ народѣ весьма распространеннаго, что въ лицѣ Петра явился давно предсказанный всегубитель. Плодомъ его усилій были двѣ тетрадки: 1) *О пришествіи въ міръ антихриста и о лѣтѣхъ отъ созданія міра до скончанія свѣта*; 2) *Врата, до насъ къ удивленію не дошедшія, не смотря на то, что въ свое время они были извѣстны народу почти по всей Россіи и слѣдователь-*

но обращались въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ. Въ этихъ-то тетрадкахъ изложилъ онъ свои розысканія, основанныя на исчисленіи лѣтъ, по которымъ выходило ясно, что Петръ Первый есть *осьмой царь*, иначе: антихристъ, и что его царствованіе есть послѣднее время.

Сочиненія Талицкаго окончены были въ 1700 году, послѣ чего онъ дѣятельно началъ распространять ихъ въ народѣ, читая ихъ своимъ знакомымъ, раздавая списки и наконецъ печатая ихъ тайнымъ образомъ. Способъ этого тайнаго печатанія, столь необыкновенный и опасный, описанъ въ дѣлѣ Талицкаго: онъ отбѣтъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько лишнихъ словъ.

Гришка Талицкій—сказано въ дѣлѣ—съ подъему говорилъ: какъ де онъ тѣ свои воровскія письма о исчисленіи лѣтъ и о послѣднемъ вѣдѣ и о антихриствѣ составилъ и написавъ купилъ себѣ двѣ доски грушевыя, чтобы на нихъ вырѣзать, на одной о исчисленіи лѣтъ, на другой объ антихриствѣ и, вырѣзавъ объ исчисленіи лѣтъ, хотѣлъ печатать листы и продавать.

А сказали де ему Гришкѣ на площади, что съ Пресни церкви Іоанна Богослова распопа Гришка Ивановъ рѣжетъ кресты, и онъ де Гришка пришелъ къ тому распопу съ неназnamenною доскою, и говорилъ ему, что онъ на той доскѣ о исчисленіи лѣтъ вырѣзалъ слова, и тотъ де попъ ему сказалъ: «безъ знамени де рѣзать невозможно; чтобы онъ Гришка ту доску принесъ назnamenенную».

И послѣ де того Гришка Талицкій пришелъ къ нему самъ-другъ и принесъ къ нему доску назnamenенную да листъ, а сказалъ, что на томъ листу писано изъ пророчества и изъ бытей, и тѣ тетрадки оставилъ у него Гришки. *

Печатаніе однако не удалось: на Талицкаго донесли въ Преображенскій приказъ; его схватили и предали розыску.

Между тѣмъ впечатлѣвіе тетрадокъ Талицкаго на народѣ было до того сильно, что сочли необходимымъ составить полное и обстоятельное обличеніе выраженной въ нихъ мысли. Это опроверженіе поручено было написать знаменитому іерарху временъ Петровыхъ, Стефану Яворскому, который и составилъ по этому случаю прекрасную книгу: «Знаменія пришествія антихристова и кончина вѣка», которая и доннынѣ остается настольною книгою всѣхъ, изучающихъ Русскій расколъ.

* «Раск. дѣл.» стр. 75.

Но, не смотря на очевидную несообразность мнѣнія Талицкаго съ прямыми свидѣтельствами Слова Божія и писаній святоотеческихъ, нашлись однако люди, ему сочувствовавшіе даже въ кругу высшей іерархіи. Изъ дѣла Талицкаго узнаемъ о сношеніяхъ его съ Тамбовскимъ епископомъ Игнатіемъ.

Онъ де Гришка съ тѣмъ епископомъ о послѣднемъ вѣщъ, и о исчисленіи лѣтъ, и о антихристѣ разговаривалъ. И Игнатій де епискупъ по тѣмъ разговорамъ велѣлъ ему Гришкѣ то все написать въ книгу и прислалъ къ нему съ иконникомъ Ивашкомъ Савинымъ денегъ пять рублей, и онъ де Гришка за тѣ деньги, съ тѣхъ писемъ, которыя взяты у Ивашки иконника Игнатію епискупу написалъ тетради въ четверть и отдалъ ему Игнатію епискупу на Казанскомъ подворьи, передъ поѣздомъ его съ Москвы на Тамбовъ, въ великій постъ.

И такъ де онъ Гришка тѣ вышеписанныя тетради къ нему Игнатію принесъ, и показавъ тѣ тетради передъ нимъ чолъ и разсужденія у него Игнатія просилъ въ томъ.

И за то избраніе его Гришку онъ Игнатій похвалилъ и говорилъ: Павловы де твои уста; пожалуй, потрудись напиши перечневатѣ, почему бы мнѣ можно познать. И къ тѣмъ его Игнатьевымъ словамъ онъ Гришка говорилъ: возмозноль де тебѣ о томъ возвѣстить Святѣйшему патріарху, чтобъ про то и въ народѣ было вѣдомо?

И онъ де Игнатій ему Гришкѣ сказалъ: я де одинъ; что мнѣ дѣлать? *

Перечень лицъ, привлеченныхъ къ розыску по дѣлу Талицкаго, сдѣланный г. Есиповымъ, ** показываетъ, въ какихъ разнородныхъ слояхъ общества мнѣнія Талицкаго находили не только отголосокъ, но и дѣятельное сочувствіе: тутъ встрѣчаемъ и архіерея, и князя, и чернаго попа, и батырщика, и пономаря, и садовника. Всѣ эти лица понесли наказаніе; но самая страшная казнь постигла, конечно, самаго Григорія Талицкаго и друга его, иконника Савина. Оба они приговорены были къ смертной казни *копченіемъ*, *** и не выдержавъ этой муки, даѣе которой не простирается самое изобрѣтательное въ звѣрствахъ воображеніе, Талицкій повинился, а за нимъ и Савинъ.

* «Раск. дѣл.» стр. 64—63.

** Стр. 6.

*** Какой вѣрный способъ оправдать въ глазахъ народа вымысли Талицкаго! Коцитъ челоуѣка—выдумка нечелоуѣческая!

Умеръ-ли Талицкій отъ этой пытки, или его потомъ сожгли за разъ—неизвѣстно; у раскольниковъ осталось только то повѣрье, что онъ былъ сожженъ.

Весьма естественно, что такая страшная казнь, которую понесъ онъ за свои сочиненія, приобрѣла ему и тетрадамъ его необыкновенный авторитетъ не только между раскольниками, но и между тѣми лицами, которыя, какъ и самъ онъ, не принадлежа къ расколу по отношенію собственно къ церковнымъ вопросамъ, сходились съ раскольниками въ ненависти къ лицу Петра и дѣламъ его. Такихъ лицъ было не мало, и мы познакомимъ читателя съ нѣкоторыми изъ нихъ по книгѣ г. Есипова. Теперь же обратимся къ другому послѣдователю ученія объ антихриствѣ, Варлааму Левину, который принадлежалъ совершенно къ другому разряду людей, какъ по характеру, такъ и по общественному положенію, и котораго дѣло тѣмъ особенно замѣчательно, что въ глубокой искренности его убѣжденій не можетъ возникнуть никакого сомнѣнія. Ни страсти, ни оскорбленія, ни расчетъ, ничто подобное не имѣло вліянія на его образъ мыслей: онъ чистосердечно вѣрилъ, что пришло послѣднее время, что Петръ—антихриствѣ, и за свою вѣру онъ желалъ пострадать.

Варлаамъ Левинъ, въ міру Василій, былъ сынъ пензенскаго служилаго человѣка. Надѣленный отъ природы пылкимъ воображеніемъ, характеромъ впечатлительнымъ, довѣрчивымъ и слабымъ, онъ жадно прислушивался къ слухамъ о матежныхъ происшествіяхъ того времени: о бунтѣ стрѣльцовъ и ихъ страшной казни, о заточеніи царевны Софьи Алексѣевны, о путешествіи Петра за границу, о тяжкихъ народныхъ повинностяхъ и, по самому свойству своей природы, съ живымъ сочувствіемъ смотрѣлъ на побѣжденную и гонимую сторону, тѣмъ болѣе, что она представлялась ему страдающею за истину. Священникъ того села, гдѣ родился и выросъ Левинъ, самъ склонялся во многомъ къ раскольническимъ мнѣніямъ и даже крестился по старому, «слагая большой перстъ съ друмя меньшими» *; проводя, пока жилъ въ деревнѣ, большую часть своего времени въ бесѣдахъ съ этимъ священникомъ, Левинъ весьма естественно утвердился еще бо-

* Напрасно впрочемъ г. Есиповъ называетъ этого священника прямо раскольникомъ только потому, что онъ крестился двуперстнымъ сложеніемъ. И донынѣ многіе въ народѣ продолжаютъ такъ знаменоваться, нисколько не принадлежа къ расколу.

дѣ въ привязанности къ старинѣ и въ ненависти къ Петровымъ нововведеніямъ.

Вслѣдствіе того, поступивъ на службу, къ чему обязанъ былъ происхожденіемъ, онъ не могъ преодолѣть своего отвращенія къ ней и былъ постоянно занятъ мыслью, во что бы то ни стало, ее оставить и уйт. въ монастырь.

Мысль, что онъ служить въ лицѣ Петра самому антихристу, не давала ему покоя и угнетала его совѣсть. Но оставить въ то время службу нельзя было по собственному желанію: такъ какъ случаи подобныя тому, о которомъ у насъ рѣчь, были въ то время перѣдки, то Петръ запретилъ указомъ увольнять кого-либо изъ военной службы въ монастырь, и въ случаѣ болѣзни для освидѣтельствованія велѣлъ отсылать въ Петербургъ.

Проживая въ Нѣжинѣ, гдѣ стоялъ его драгунскій полкъ, Левинъ имѣлъ двѣ особенно замѣчательныя встрѣчи: первая была съ знаменитымъ митрополитомъ Разанскимъ, Стефаномъ Яворскимъ, который, узнавъ о намѣреніи Левина оставить міръ и о его затрудненіяхъ, ободрилъ его позволеніемъ явиться прямо къ нему въ Петербургъ, когда случится туда пріѣхать для освидѣтельствованія болѣзни. Мы увидимъ впоследствии, что это ободреніе страждущаго духомъ челоѣка не обошлось даромъ Стефану Яворскому, и онъ на смертномъ одрѣ своемъ обязанъ былъ предъ совокупнымъ собраніемъ синода и сената, давать отчетъ въ своихъ сношеніяхъ съ Левинимъ.

Другая встрѣча, также имѣвшая большое значеніе въ жизни Левина, была съ какими-то монахами, проѣзжавшими черезъ Нѣжинъ изъ Іерусалима въ Петербургъ смотрѣть антихриста, т. е. Петра. Это явленіе трехъ монаховъ, которые были «въ трое образомъ равны, а говорятъ по-русски, только на греческую рѣчь похоятъ» *, должно было поразить Левина: они, пріѣжая изъ святой земли, уже знаютъ о явленіи антихриста и ѣдутъ его смотрѣть; слѣдовательно толки, съ дѣтства долетавшіе до слуха Левина, вполне справедливы и имъ вѣрять всѣ благочестивые и святыя люди, проживающіе у гроба Господня. Это не мѣстное мнѣніе людей, оскорбляемыхъ Петромъ, а вообще, какъ видно, убѣжденіе всего православія.

Страшное, неслыханное дѣло царевича Алексѣя Петровича, совершившееся въ 1718 году, усиливъ народную ненависть къ Петру Великому, раздражило еще болѣе и безъ того уже боль-

* По всей вѣроятности, происхожденіемъ южные славяне,

той умъ Левина. До него поминутно долетали изъ народа страшныя рѣчи: «царь не прямой царь, а антихристъ; приводилъ царевича въ свое состояніе, и онъ его не послушалъ, и онъ его за то убилъ». Не только народъ, но и большая часть духовенства, и даже многіе офицеры и вообще служилые люди, оплакивали несчастнаго царевича и говорили: «Государь царевича запыталъ и въ комутъ онъ умеръ за то, что онъ царевичъ богоискательный человекъ и не любилъ нѣмецкой политики».

Въ слѣдующемъ 1719 году припадки меланхоліи и падучей болѣзни усилились у Левина до того, что начальство не нашло уже возможнымъ долѣе удерживать его на службѣ и положило отправить его въ Петербургъ, въ военную коллегію, для освидѣтельствованія болѣзни его.

Обязанный явиться къ князю Меншикову, чтобы получить свободу отъ военной службы, Левинъ, по совѣту своихъ знакомыхъ обратился къ нему не прямо, а чрезъ духовника князя, Никифора Лебедку. Лебедка представилъ Левина князю, который перепроводилъ его на испытаніе къ доктору крѣпостнаго лазарета. Выдержавъ здѣсь весьма чувствительное испытаніе * больной получилъ наконецъ отставку и, вмѣстѣ съ отставкою, полную свободу вступить на давно имъ избранный путь. Припомнивъ о данномъ ему въ Нѣжинѣ отъ митрополита Стефана дозволеніи, по прибытіи въ Петербургъ, представиться къ нему, Левинъ явился къ Яворскому и получилъ отъ него рекомендательное письмо къ архимандиту Соловецкаго монастыря, въ которомъ Левинъ думалъ было постричься. Но недобрые слухи, дошедшіе до него о слабой жизни Соловецкихъ монаховъ, измѣнили его намѣреніе. Онъ рѣшился остаться въ Петербургѣ, чтобы принять постриженіе въ Невскомъ монастырѣ и, по указанію Стефана Яворскаго, отправился посоветоваться съ старцемъ Невскаго монастыря Прозоровскимъ (въ міру княземъ).

— Я человекъ свободный, сказалъ Левинъ старцу, пришедши къ нему въ келью, — только требую совѣта твоего: хочу я постричься.

— Хорошее дѣло, отвѣчалъ Прозоровскій. Гдѣ же ты хочешь постричься?

* Такъ-какъ онъ, для совершеннаго успѣха, притворился вполне сумасшедшимъ, то докторъ для удостовѣренія сталъ ему жечь руку. Левинъ мужественно вытерпѣлъ боль, на показавъ что онъ ее чувствуетъ.

— Мое обѣщаніе есть, чтобы здѣсь въ Невскомъ постричься, отвѣчалъ Левинъ.

— Для Бога не сгуби себя, началъ уговаривать его старецъ. Меня сюда государь по неволѣ взялъ, а я не хотѣлъ. Буде же ты хочешь мясо ѣсть, такъ постригись здѣсь. Здѣсь монахи мясо ѣдятъ и меня принуждаютъ, только я еще не ѣдалъ. Не одного закона здѣсь монахи, но разныхъ законовъ; буде не вѣришь, поди на кухню и посмотри: все мясо готовить ѣсть. Левинъ пошелъ на кухню и, убѣдившись въ справедливости сказаннаго старцемъ Прозоровскимъ, пересталъ думать о Невскомъ монастырѣ. *

Между тѣмъ, къ великому своему изумленію и радости, Левинъ нашелъ себѣ самаго вѣрнаго единомышленника и старшика въ духовникѣ князя Меншикова, Никифоръ Лебедкѣ, который обращенъ былъ въ расколъ, еще съ 1707 года, бывшимъ сыномъ своимъ духовнымъ, новгородскимъ посадскимъ человекомъ, Гаврилоу Нечаевымъ. Дѣло едва вѣроятное! Духовный отецъ самаго близкаго къ царю человека, въ теченіе двѣнадцати или тринадцати лѣтъ, умѣлъ такъ искусно скрывать свой истинный образъ мыслей и дѣятельно покровительствовать своимъ единомышленникамъ.

«Петръ антихристъ—говорилъ Лебедка, и когда дѣвочку (дочь свою) выдамъ, то, покинувъ и попадю, пойду въ монастырь».

Около той поры разнеслась по Петербургу странная сказка о какихъ-то клеймахъ, привезенныхъ будто Петромъ изъ-за моря и содержимыхъ за строгимъ карауломъ и непроницаемою тайною. Отставные солдаты, которые и теперь дня не проживутъ безъ какой-либо замысловатой выдумки, съ таинственнымъ видомъ рассказывали Левину, что привезены изъ-за моря клеймы на корабляхъ, и кого запечатываютъ, тому и хлѣбъ дадутъ.

* Подобныя этому вѣсти имѣлъ Левинъ и о соловецкомъ житѣ. Старецъ Соловецкаго монастыря Авксентьевъ, пріѣхавшій по нѣкоторымъ дѣламъ въ Петербургъ, такъ описалъ Левину жизнь своей братіи: «Для Бога! не для чего туда идти! монастырь весь разбѣжался по лѣсамъ и по пустынямъ, а остались только монахи моты, для того, что прислано отсюда монаховъ три человека и стали приводить, чтобы мясо ѣли, а попы бы подбрасывали усы, чтобы святые тайны принимать непомѣшательно; а дьяконы бороды и усы въ кружало держали бы; а дьячки бороды и усы брили, а съ жкомъ со всѣхъ оклады и приклады собирали и запечатывали и отдали подъ сохраненіе».

Не одинъ впрочемъ простые солдаты вѣрили этой сказкѣ; въ числѣ легковѣрныхъ нашелся и родственникъ Левина, Иванъ Разстригинъ, который, пригласивъ однажды къ себѣ Левина, дорогою завелъ съ нимъ разговоръ о Петрѣ.

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать, говорилъ Разстригинъ. Хочу бѣжать изъ полка. Я не признаю, что онъ у насъ государь: онъ антихристъ.

— Какъ ты смѣло говоришь, не опасно... замѣтилъ Левинъ.

— Ничего! У насъ изъ офицеровъ многіе говорятъ для того, что онъ, государь, въ одно время училъ три роты на водѣ лѣтомъ, будто по льду подымаетъ, также и воду въ кровь превращаетъ.

Я давно знаю,—отвѣчалъ Левинъ,—что онъ не прямой царь а антихристъ, и для того хочу постричься.

— А вѣдаешь ты—спросилъ Разстригинъ, что нынѣ привезли на трехъ корабляхъ знаки, чѣмъ людей клеймить, и самъ государь по нихъ ѣздилъ, и привезены на Котлинъ островъ, только никому не кажутъ и за крѣпкимъ карауломъ содержатъ, и солдаты стоятъ безсмѣнно.

Вскорѣ послѣ этого разговора, случилось Левину переѣхать на новую квартиру. Не успѣлъ онъ тамъ дня пробыть, какъ опять столкнулся съ солдатами, которые ему сказали, что дѣйствительно привезли антихристовы клеймы, и что они сами стоятъ при нихъ на караулѣ мѣсяца по два и больше безсмѣнно.

Слабая голова Левина въ конецъ разстроилась отъ этихъ раздражавшихъ толковъ, которые могли встревожить и не такого большого и полупомѣшеннаго человѣка. Онъ вознамѣрился покинуть столицу и ѣхать въ свои родные края, чтобы тамъ проповѣдовать народу о наступившей кончинѣ вѣка, о явленіи антихриста, о привезенныхъ уже изъ-за моря клеймахъ.

Немного поживъ въ своей деревнѣ, онъ вздумалъ поговѣть и причаститься; въ рождественскій постъ, 6 го декабря, онъ отправился въ церковь сосѣдняго села въ самомъ сильномъ смущеніи отъ постоянно угнетавшихъ его мыслей.

Въ церкви было много народа, были знакомые его сосѣди, драгунскій капитанъ Саловъ, Саранскій комиссаръ Языковъ и другіе. По окончаніи обѣдни священникъ вышелъ изъ алтаря съ крестомъ, народъ сталъ прикладываться; вдругъ Левинъ пришелъ въ неистовство и закричалъ народу:

«Послушайте, православные христіане, послушайте! Нынѣ у насъ преставленіе свѣта скоро будетъ... государь нынѣ загналъ

весь народъ въ Москву и весь его погубить. Вотъ здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, говорилъ онъ, показывая на свою руку между указательнымъ и большимъ пальцемъ— въ этомъ мѣстѣ царь ихъ будетъ пятнать и стануть они въ него вѣрвать».

Священникъ закричалъ на Левина и грозилъ ему властью. Левинъ отвѣчалъ ему бранью:

«Будутъ и вамъ бороды брить, и станете табакъ нюхать, и будетъ у васъ по двѣ жены и по три, какъ кто хочетъ жить».

Съ этими словами онъ скрылся изъ церкви и послѣ того домой не возвращался. Добрые сосѣди, жалѣя о разстройствѣ ума его, не захотѣли донести о происшествіи и думали, что оно останется безъ послѣдствій для нихъ и для самого больного.

Вслѣдъ за тѣмъ Левинъ рѣшился наконецъ исполнить давнее свое желаніе и постригся въ пензенскомъ Предтеченскомъ монастырѣ, принявъ имя Варлаама. По странному случаю, при постриженіи его, въ такъ называемые начальныя, т. е. въ наставники, Левину назначенъ былъ старецъ Іона, зараженный тѣмъ же самыми мнѣніями, которыя довели бѣднаго новоостриженника до сумасшествія. Черезъ недѣлю послѣ перваго своего знакомства они откровенно говорили другъ съ другомъ о своихъ завѣтныхъ вѣрованіяхъ. Левинъ рассказалъ Іонѣ, какъ во многихъ мѣстахъ, особенно въ Невскомъ монастырѣ, ѣдятъ монахи мясо, какъ привезли клеймы, какъ изведемъ царевичъ, какъ заточена законная царица.

«И къ намъ,—говоритъ онъ—въ монастырь прійдетъ старецъ, и станетъ онъ давать намъ въ напиткахъ и ѣдѣ, и всѣ вы къ нему передадитесь... и станетъ этотъ старецъ съ образомъ олады обдирать и будутъ писать только три образа,— а именно: Спаса, Богородицы и Іоанна Предтечи, а иныхъ образовъ писать не будутъ. Мнѣ все это Богъ велѣлъ всенародно сказывать».

Черезъ недѣлю послѣ этого въ Пензѣ былъ большой базаръ. Левинъ, подъ предлогомъ подаванія во тюрьмахъ милостыни, отпросился у игумена въ городъ, а самъ задумалъ проповѣдать народу послѣднее время и пришествіе антихриста.

Пробравшись къ мяснымъ лавкамъ, гдѣ особенно много народа, онъ влѣзъ на крышу, снялъ съ себя клобукъ, поднялъ его на кликъ вверхъ и закричалъ окружающей его толпѣ:

«Послушайте, христіане, послушайте! много лѣтъ я служилъ въ арміи у генераль-маіора Кропотова въ командѣ... Жилъ я и въ Петербургѣ; тамъ монахи и всякіе люди мясо въ кости ѣдятъ,

и меня ѣсть заставляли. А въ Москву прѣѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ... Только онъ не царь, а антихристъ, и въ Москвѣ весь народъ будутъ печатать, а у помѣщиковъ всякій хлѣбъ описывать, и помѣщикамъ будутъ давать хлѣба самое малое число, а изъ остальнаго описаннаго хлѣба будутъ давать только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны, а на которыхъ печатей нѣтъ, тѣмъ хлѣба давать не стануть. Бойтесь этихъ печатей, православные! Бѣгите, скройтесь куда-нибудь... Последнее время... антихристъ пришелъ... антихристъ».

Народъ со страхомъ разбѣжался. Но между слышавшими проповѣдь Левина нашелся человекъ практическаго ума, чуждый предрасудковъ, который не побоялся антихриста, а прямо пошелъ объявить по начальству о произведенномъ проповѣдью Левина возмущеніи. Это былъ пензенскій обыватель, Ѳеодоръ Семеновъ Каменьщиковъ.

Левина тотчасъ схватили въ монастырѣ и, ни мало не медля, заковавъ по обычному порядку въ желѣзо, и его, и доносчика, отправили ихъ обоихъ съ донесеніемъ въ сенатъ, въ Москву.

Тутъ-то пришлось ему на самомъ дѣлѣ испытать всѣ тѣ ухищренно измышленныя палачами Петра муки, при одномъ воображеніи которыхъ дыбомъ становится волосъ.

Первое показаніе Левина касалось его сношенія съ Митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ; въ немъ Левинъ объяснилъ причину своего съ нимъ знакомства, рассказалъ о участіи Стефана въ его намѣреніи постричься гдѣ-либо въ монахи. Тутъ же объявилъ онъ и о тѣхъ встрѣчахъ и разговорахъ съ Невскимъ старцемъ Прозоровскимъ и съ Соловецкими монахами; но при томъ онъ взвелъ на митрополита Рязанскаго новое весьма важное и неожиданное обвиненіе въ довольно ясномъ сочувствіи къ его (Левина) заблужденіямъ.

«Нѣсколько разъ, говорилъ онъ, былъ я у митрополита Рязанскаго, и онъ увѣрялъ меня, что Петръ иконоборецъ, что онъ нѣсколько разъ принуждалъ Стефана быть Синодомъ, но что онъ Стефанъ стоялъ предъ нимъ на колѣнахъ и просилъ «не быть Синодомъ»».

Высокія достоинства Стефана Яворскаго и общее къ нему уваженіе не спасло его отъ унижительныхъ допросовъ и очной ставки съ полупомѣшаннымъ обвинителемъ; при томъ же Стефанъ, какъ равнитель церковной чести и защитникъ правъ ея, въ то время уже не пользовался прежнимъ благоволеніемъ Царя, сиолна наре-

шедшимъ на заклатаго врага его, угодника и ласкателя, высокія дарованія котораго и обширная ученость не могутъ покрыть его историческаго безчестія. Ушаковъ не смѣлъ впрочемъ самъ распорядиться на счетъ Стефана и просилъ разрѣшенія Петра.

«По его Левина распросу, писалъ онъ къ Петру, отъѣзжавшему въ Астрахань, касается нѣчто до Рязанскаго архіерея; токмо нынѣ безъ распросу старца Прозоровскаго нельзя того явственно признать, и ежели по распросу онаго покажется до него архіерея важность, и его допрашивать ли, и гдѣ, въ синодіи ли, или въ тайной канцеляріи, и какъ его содержать?»

Петръ на этомъ вопросѣ сдѣлалъ отмѣтку: «Когда важность касаться будетъ, тогда Сенату притти въ Синодъ и тамъ допрашивать и слѣдовать, чему подлежитъ».

И такъ, прежде нужно было распросить старца Прозоровскаго, но отъ него не добились ни чего важнаго, ни относительно дѣла вообще, ни относительно Стефана. Тогда Ушаковъ испросилъ у Сената разрѣшенія распросить митрополичьяго келейника Машкарина. Келейникъ Стефана объявилъ дѣло въ его подлинномъ видѣ и въ немъ не оказалось никакой важности, касающейся его владыки. На вторичный и весьма торжественный допросъ, произведенный на генеральномъ дворѣ, въ присутствіи всего Сената, Левинъ отвѣчалъ; что все, сказанное имъ на Стефана, есть сущая истина, и къ прежнему присовокупилъ еще, будто Стефанъ ему говорилъ: «и самъ я желаю въ Польшу уѣхать».

Тогда его повели въ застѣнокъ, раздѣли, поставили къ дыбѣ и положили руки въ хомутъ; сенаторы еще разъ спросили: правду-ли говорилъ онъ о митрополитѣ Рязанскомъ? Страхъ нечеловѣческихъ мученій, ожидавшихъ жертву безумія, превозмогъ, и Левинъ, надѣясь избѣгнуть ихъ, перемѣнилъ показаніе и объявилъ, что онъ обогалъ митрополита, желая получить свободу.

Сенаторы дали знакъ, и Левина вздернули на дыбу; онъ повисъ съ вывернутыми изъ составовъ руками. Тогда онъ опять перемѣнилъ рѣчи, и сталъ кричать прежнее:

«Суще де на архіерея право тѣ слова онъ показалъ; а сговорилъ съ него, хотя избытъ пытки, и чтобъ де смерть принять ему Левину одному... Онъ же архіерей говорилъ, что только будутъ писать три иконы да распятіе, а достальныя же стануть на воду пускать и жечь. И говорилъ ему: ѣдучи до Новгорода,

въ дорогѣ помолчи; а отъ Новгорода сказывай, чтобъ иконы убирали.»

Разнорѣчіе Левина побудило сенаторовъ вновь позвать бывшаго келейника Митрополита Стефана, и вотъ бѣдный Машкаринъ, виновный единственно въ томъ, что нѣкогда служилъ у Яворскаго, повисъ на дыбѣ и, вися на ней полчаса, твердо и неизмѣнно показывалъ одно и тоже, то есть: что Левинъ былъ нѣсколько разъ у митрополита по предмету, уже извѣстному, получилъ отъ него письмо къ Соловецкому архимандриту, и прочее, что мы уже знаемъ.

Сенаторы не удовлетворились показаніями келейника (спрашивается: зачѣмъ же они заставили его висѣть полчаса на дыбѣ?) и пригласили Феофана Прокоповича, случившагося на тотъ разъ въ Москвѣ, и присутствовавшихъ въ синодѣ архимандритовъ, чудовскаго, новоспасскаго и симоновскаго, и всѣ вмѣстѣ отправились въ домъ къ Стефану—допрашивать его на дому, *ради его бользни*.

Оскорбленіе едва вѣроятное! Мѣстоблюститель патриаршаго престола, человѣкъ высокой, безукоризненной нравственности, творецъ знаменитаго сочиненія, обличающаго именно Левинскія заблужденія, * старецъ, любимый и благоговѣйно чтимый во всей Россіи, на смертномъ одрѣ своемъ долженъ былъ вытерпѣть униженіе сквернаго допроса и подробно отвѣчать на клевету больнаго и сумашедшаго человѣка. Онъ спокойно, по крайней мѣрѣ по наружности, выслушалъ всѣ взводимыя на него бредни, сдѣлалъ на нихъ обстоятельный отвѣтъ и подписалъ ихъ уже нетвердою рукою. Но и это было еще не все. Левина привели предъ Стефана и дали имъ очную ставку.

«Приведенный предъ архіерея Левинъ, сказано въ дѣлѣ, въ словахъ весьма смутился»; но не смотря на то по-прежнему продолжалъ упорствовать въ своихъ ложныхъ показаніяхъ. Ложь ихъ оказалась изъ послѣдующихъ его рѣчей, съ которыми онъ явился самъ, безъ всякаго призыву, въ тайную канцелярію. Тутъ объявилъ онъ, что на Стефана показывалъ для того, что не захочетъ-ли и онъ пострадать за правду, «авось де Богъ положитъ въ сердце его желаніе».

Тоже сказалъ онъ и о братѣ своемъ и другихъ родственникахъ, что онъ показалъ на нихъ съ тѣмъ, что не пожелаютъ-

* Знаменія пришествія антихристова и концина вѣка.

ли они съ нимъ мучиться, и они де будутъ съ нимъ въ царствіи небесномъ, для того, что и онъ Левинъ не отчаявается спасенія отъ Царя небеснаго. И что дальше де его будутъ держать, и тогда онъ будетъ Бога благодарить; и о мукѣ де здѣшной онъ не радить, и не глядитъ, и ставитъ де онъ то за даръ Царя небеснаго; а впредь де имъ розыскивать если будутъ, то де онъ уже ни на кого ничего ни покажетъ, ни прибавитъ, ни убавитъ.

Эти признанія ни къ чему не повели, и его опять зачѣмъ-то повели въ застѣнокъ и дали при распросѣ двадцать пять ударовъ; онъ остался вѣренъ своимъ послѣднимъ показаніямъ.

Тогда рѣшились послать къ нему для увѣщанія духовное лице, того самаго іеромонаха Рѣшилова, который игралъ столь важную роль въ дѣлѣ Феофилакта Лопатинскаго. Сначала увѣщанія Рѣшилова не произвели на Левина ни какого дѣйствія, и онъ слышать не хотѣлъ о примиреніи съ Церковію и объ отложеніи своихъ раскольниковскихъ мнѣній; потомъ страхъ новыхъ мукъ подѣйствовалъ на его рѣшеніе, и онъ объявилъ своему духовному увѣщателю, что онъ согласенъ принести полное раскаяніе въ своихъ рѣчахъ и заблужденіяхъ, если ему обѣщаютъ сохранить жизнь и послать въ какой-либо дальній монастырь, гдѣ бы онъ могъ въ тишинѣ и добромъ покаяніи проводить остатокъ опредѣленныхъ ему дней жизни. Въ подтвержденіе искренности своего новаго намѣренія, Левинъ взялъ отъ Рѣшилова просфору и поцѣловалъ ее; принялъ также отъ него и молитвенникъ Курской печати, которымъ сперва гнушался, потому что въ немъ напечатано: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ!» вмѣсто: Господи Іисусе Христе Сыне Божій! помилуй насъ. * Но какъ только Рѣшиловъ оставилъ его одного, онъ взглянулъ на просфору, увидѣлъ на ней четвероконечный крестъ, развернулъ молитвенникъ, взглянулъ на ненавистную ему новую печать, и вѣрованія всей жизни мгновенно возстали съ новою силою въ душѣ его и побѣдили чувство страха, временно имъ овладѣвшее. Въ бѣшенствѣ бросилъ онъ отъ себя просфору и молитвенникъ, и въ клочки изорвалъ форму покаянія, которую ему оставилъ, уходя, обнадеженный въ успѣхъ своего увѣщанія Рѣшиловъ.

* Извѣстно, что, на основаніи этихъ словъ нашего молитвенника, раскольники говорятъ, что мы Іисуса Христа не исповѣдуемъ Сыномъ Божиимъ.

Когда донесли объ этомъ А. И. Ушакову, Левина опять приказано привести въ тайную канцелярію. Тамъ онъ смѣло и рѣшительно объявилъ что раскаяніе его было притворное, что онъ надѣялся чрезъ него освободиться отъ казни, и имѣлъ намереніе, получивъ свободу, «во всѣхъ градахъ и путяхъ кричать и порицать Его Императорское Величество злыми словами и новую христіанскую вѣру оуждать, дабы народъ ужасался.»

«И нынѣ де (Левинъ) Его Императорское Величество злыми словами порицаетъ по-прежнему и новую вѣру оуждаетъ, и тѣло и кровь Христову за истинное тѣло и кровь Христову не приемятъ, а прежде де сего причащался онъ только подвѣдомъ, для прочаю народа и т. д.

«При томъ же онъ Левинъ сказалъ: что у графа де Гаврилы Ивановича Головкина, у сына, его красная щека, да у Федора Иванова сына Чемоданова, у сына же его, пятно черное на щекѣ, и на томъ пятнѣ волосы черные же, а они де Головкина сынъ и Чемоданова сынъ же братья двоюродные, а такіе де люди будутъ во время антихристово.»

Тогда сенаторы, видя страшное и нераскаянное упорство Левина въ его заблужденіяхъ, рѣшились испытать, для его разумленія, послѣднее средство, которое, вѣроятно, почиталось въ тайной канцеляріи *специфическимъ*: Левина велѣно было вывести на генеральный дворъ и *поставить на спицы*. *

Стоя на спицахъ, Левинъ продолжалъ утверждать свое послѣднее показаніе:

«Что прежде сего онъ говорилъ разныя рѣчи для продолженія времени, чтобъ народъ ихъ наслушался, и нынѣ стоитъ онъ въ прежнемъ своемъ мнѣніи и въ томъ умереть желаетъ, и пожелалъ онъ волею своею пострадать и умереть.»

Но, возвратившись съ муки въ свое заточеніе, и вообразивъ себѣ скорое повтореніе изъязаній, бѣдный безумецъ содрогнулся, палъ духомъ, и рѣшился произнести признаніе въ своей винѣ, что и сдѣлалъ на другой же день, въ тайной канцеляріи, въ присутствіи А. И. Ушакова.

«Предъ Богомъ, писалъ онъ въ своемъ покаянномъ признаніи, предъ Императорскимъ Величествомъ, предъ всѣмъ Христіанскимъ народомъ я виновенъ, и кого я оклеветалъ безуміемъ

* Въ народѣ вообще до-нынѣ говорятъ, что любимая мука антихристова, которой онъ будетъ предавать непокорныхъ ему, есть именно спицы.

и безпмятствомъ своимъ, желая, чтобъ они со мною страдали, и въ томъ у нихъ, а именно: у Архіерея Рязанскаго, у Растригина, у родственниковъ своихъ, у старца Прозоровскаго и у всѣхъ, кого я чѣмъ озлобилъ, прошу прощенія. Многогрѣшный Варлаамъ старецъ».

Но никакое признаніе не могло уже спасти Левина; 25 Іюля участь его была рѣшена: сенатъ приговорилъ его къ смертной казни, которая и была совершена въ Москвѣ, на болотѣ, на другой же день по составленіи приговора. Ему отсѣкли голову, а туловище сожгли; отрубленную голову велѣно послать на Пензу, гдѣ онъ возмущеніе чинилъ, и поставить на столбъ, да страха прочимъ злодѣямъ. Въ день казни А. И. Ушаковъ далъ доктору Блуентросту такое предписаніе:

«По указу Его Императорскаго Величества вашему благородію предлагаю: извольте сочинить спиртъ въ удобномъ сосудѣ, въ которомъ бы можно ту голову Левина довести до означеннаго города Пензы, чтобъ она дорогою, за дальностію пути не избилась. И оный бы сосудъ съ спиртомъ чтобъ изготовленъ былъ сего же числа, а кому изволите приказать оное сочинить, чтобъ онъ былъ въ аптекѣ безотлучно.»

Голову Левина отправили въ Пензу, куда повезли и главныхъ сообщниковъ его безумства: попа Глѣба Никитина, попа Ивана Стенанова, игумена Михаила и старца Іону. Ихъ всѣхъ казнили въ Пензѣ и головами ихъ обставлена была несчастная голова Левина, бережно довезенная въ спиртъ и удобномъ сосудѣ, изготовленномъ исправнымъ Блуентростомъ.

Попъ Никифоръ Лебеда, признавшійся въ содержаніи раскольническаго заблужденія и въ томъ, что почиталъ Петра антихристомъ, былъ казненъ въ Москвѣ, у тиунской избы.

Нѣкоторые изъ сообщниковъ Левина были выпущены на поруки. Брату Левина, Герасиму, «за то, что онъ слышалъ отъ брата злыя слова про Его Императорское Величество, да я велѣлъ еще Конопатьевскому попу Глѣбу Никитину не доносить», учинено наказанье: битъ кнутомъ и сосланъ на вѣчное житье въ Гилянъ.

Сосѣдъ Левина, капитанъ Саловъ, одинъ изъ свидѣтелей выходки Левина въ церкви села Конопати, за то же, что не донесъ о нихъ, битъ кнутомъ и сосланъ въ крѣпость Св. Креста, не смотря на увѣренія, что онъ глухъ и не слышалъ сказаннаго Левинимъ въ церкви. Только по смерти Петра, въ Августѣ

1725 года, ему дозволено было, «для поминовенія блаженныя памяти Петра Великаго и для многолѣтняго здравія Императрицы Екатерины», возвратиться въ свое помѣстье.

Самый монастырь Предтеченскій, въ которомъ Левинъ постригся, былъ по этому случаю уничтоженъ. 8 Февраля 1723 г. синодъ сообщилъ тайной канцеляріи свое предположеніе, *если оно не противно*, чтобъ монаховъ, * изъ подъ караула освободить и Предтеченскій монастырь разобрать до основанія, а братство перевести и всякую церковную утварь и ризную, и прочее, что ни есть, отдать въ Спаскій Преображенскій монастырь, находящійся близъ Предтечева. Уничтожить же монастырь полагалъ синодъ необходимымъ для того: въ прошломъ 1722 году, въ томъ Предтечевомъ монастырѣ явился помянутый злодѣй, монахъ Левинъ, котораго ради и до-нынѣ того монастыря братія содержатся подъ арестомъ въ зѣльномъ гладѣ, а оный злодѣй за лютое свое злодѣйство и казнь лютую воспріялъ, *чего для въ оказію и въ страхъ зла, и мѣсто его, идѣ оны изъзидилса, надлежитъ опустошить всеконечно*».

Пензенскому посадскому человѣку Федору Каменьщикову, который поднялъ все это дѣло. За правое его доношеніе на Варлаама Левина дано награжденъ триста рублей и право торговать его товаромъ безошлянно по его смерти; кромѣ того, ему выдано свидѣтельство о его заслугѣ, въ которомъ приказано по всѣмъ городамъ Россіи командирамъ, кто какого званія ни есть, его Каменьщикова отъ всякихъ обидъ охранять.

Вотъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы Петра Великаго съ расколомъ. Передавая его по тексту официальныхъ документовъ, обнародованныхъ г. Есиповымъ, мы строго держались своихъ источниковъ и почти вовсе не дозволяли себѣ вставочныхъ разсужденій или объясненій, или излишнихъ восклицаній, хотя онѣ постоянно просились подъ наше перо. Мы предпочли однако, не смотря на всѣ искушенія, сохранить тонъ спокойнаго и безстрастнаго повѣствованія и оставить факты говорить за себя; тѣмъ болѣе, что они такъ ясны и просты, что не нуждаются ни въ какихъ комментаріяхъ.

Впечатлѣніе, производимое этимъ эпизодомъ, который замѣстимъ кстати—не принадлежитъ еще къ самымъ кровавымъ, немовѣрно тяжело; просто страшно становится, когда, читая объ этихъ ужасахъ, вспомнишь, что время, въ которое они совер-

* По арестъ Левина они всѣ были взяты подъ стражу.

шались, отдѣлено отъ насъ не болѣе, какъ какими-либо полутора годами, и даже того менѣе. И какъ-то горько и стыдно думать, что это время есть, или по крайней мѣрѣ почитается эпохою, едва ли не славнѣйшею во всей нашей исторіи, — эпохою, которой отечество наше обязано своимъ государственнѣмъ могуществомъ и первостепеннымъ значеніемъ въ составѣ европейскихъ державъ.

Подъ вліяніемъ оскорбленнаго патріотическаго чувства, иные, весьма почтенные впрочемъ, люди выражаютъ свое неудовольствіе на самое обнаруженіе официальныхъ свидѣтельствъ о прошлыхъ дѣяніяхъ нашей исторіи и желали бы лучше остаться въ прежнемъ невѣдѣніи истины, лишь бы слава нашихъ великихъ людей оставалась неприкосновенною. Отдавая во всякомъ случаѣ такому чувству предпочтеніе передъ тѣмъ легкомысленнымъ злорадствомъ нашей литературной мелочи, съ какимъ она торжествуетъ каждый новооткрытый позоръ нашихъ дѣлъ, мы однако никогда не согласимся съ воззрѣніемъ, покровительствующимъ архивной тайнѣ и опасующимся за доброе настроеніе народа отъ того, что ему стали открывать прошедшее въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было. Никакою славою не можетъ историческое лице пріобрѣсти себѣ права на забвеніе своихъ темныхъ дѣлъ и никакія заслуги недостаточны для того, чтобъ избавить отъ неподкупнаго суда исторіи, въ цѣли которой не можетъ входить пощада или пристрастіе: ей нужна самая чистая и строгая истина со всею ея горечью и со всеми разочарованіями и неудобствами. Довольно, слишкомъ довольно того, что человекъ, дѣйствовавшій нѣкогда на историческомъ поприщѣ съ властью, данною ему для счастія врученныхъ ему людей, измѣнялъ божественному назначенію власти и обращалъ ее въ орудіе своего личнаго произвола; довольно того, что бѣдныя жертвы его властительныхъ порывовъ выносили при жизни тѣ страшныя муки, одно описаніе которыхъ леденить въ насъ кровь, и что, умирая въ мрачныхъ тюремныхъ подвалахъ или застѣнкахъ, они не имѣли никакой надежды, чтобы ихъ оправданія и жалобы проникли когда-либо сквозь толстыя стѣны ихъ темницъ и достигли до чьего-либо сочувствующаго слуха. Отказать имъ въ историческомъ удовлетвореніи было бы просто безсовѣстно.

Опасаться же за народъ, за его доброе настроеніе; и на

этомъ основаніи скрывать отъ него правду историческихъ со-бытій, слѣдовательно положительнымъ образомъ лгать, безъ всякаго сомнѣнія, есть дѣло безнравственное и, какъ всякая ложь, въ истинномъ смыслѣ,—вредное. Въ этой странной заботливости о сохраненіи въ народѣ добрыхъ чувствъ скрывается крайнее къ нему неуваженіе и желаніе продолжить время его умственной незрѣлости и всѣхъ сопряженныхъ съ нею неустройствъ и золъ. Нѣтъ! прежнее время прошло и, можно надѣяться, прошло безвозвратно:

А то было время, все минулося, какъ поютъ наши слѣпцы нищіе. Лучшая часть нашего образованнаго общества сознаетъ обязанность стать съ народомъ въ искреннія отношенія и приобщить его къ общей умственной и нравственной жизни, отъ которой онъ до нашихъ дней былъ отчужденъ своимъ безправнымъ положеніемъ и тщательною заботливостью оставлять его въ потемкахъ. Шагъ сдѣланъ, и назадъ вернуться нельзя: потемки надобно разгонять, благонамѣренную ложь замѣнить честнымъ и откровеннымъ разъясненіемъ всего, что касается народа: и его настоящаго, и его прошедшаго, то есть, исторіи. И что за бѣда, если съ какого-либо историческаго портрета слиняють слишкомъ ярко наложенныя усердною рукою краски, и если наконецъ откроется, что снимавшій его живописецъ польстилъ подлиннику и представилъ en beau. Все неудобство ограничится въ этомъ случаѣ тѣмъ, что на первый разъ жалко будетъ разстаться съ привычнымъ мнѣніемъ о чертахъ того или другаго лица. Но въ замѣнъ того, когда народъ увидитъ, что судъ исторіи равно постигаетъ всѣхъ дѣятелей, великихъ и малыхъ, сильныхъ и слабыхъ, и что у нея нѣтъ пріятія лица: тогда у него можетъ родиться свѣтлая и ободряющая духъ вѣра въ торжество истины и добра надъ ложью и зломъ: водвореніе въ умъ и въ сердце народа такого убѣжденія гораздо цѣннѣе, чѣмъ сбереженіе тѣхъ неопредѣленныхъ чувствъ и того бессознательнаго настроенія, которыя хотять, для вѣщаго удобства и покоя, сохранять въ немъ намѣреннымъ укрывательствомъ правды.

Сверхъ того, есть и другія весьма важныя побужденія желать, чтобы историческія лица были представлены потомству не въ разукрашенномъ, а въ своемъ подлинномъ видѣ. Замѣчательное историческое лице болышею частію оставляетъ долговѣчные слѣды своей дѣятельности и даетъ то или другое направленіе раз-

нимъ отраслямъ государственной и общественной жизни, продолжающееся до весьма поздняго потомства; следовательно является настоятельнѣйшая нужда знать о такомъ дѣятелѣ всю сущую правду для того, чтобы имѣть правильное понятіе о свойствахъ даннаго имъ общей жизни направленія и сообразно съ этимъ направленіемъ, устроенныхъ имъ и можетъ быть продолжающихся существованіе порядковъ. Неужели, изъ уваженія къ исторической славѣ какого бы то ни было лица, позволительно пожертвовать даже и этою стороною дѣла? Такое историческое человѣкоугодіе почиталось гнуснымъ и недостойнымъ даже въ языческомъ обществѣ, которое допускало обоготвореніе своихъ правителей при ихъ жизни, но на страницы исторіи стыдилось вносить что-либо, кромѣ истиннаго изображенія событій и лицъ. Тѣмъ болѣе постыдно было бы такое раболѣпное отношеніе къ памяти отшедшихъ властителей въ обществѣ христіанскомъ, которому заповѣдано избѣгать кумиролуженія во всѣхъ его видахъ и ничего не знать выше истины. *Горе карлицать бланое злымъ и злое бланымъ!* Правда, правда нужна намъ прежде всего и больше всего — и правда полная, не щадящая ни лицъ, ни отношеній: безъ нея нѣтъ спасенія, а съ нею и самая гибель была бы не страшна, если бы и была возможна.

Таковы наши общія воззрѣнія на дѣло. Обращаясь отъ нихъ къ разсужденію собственно о лицѣ Петра Великаго, мы находимъ, что обнародованіе его подлинныхъ дѣяній по преимуществу необходимо, именно потому, что направленіе, данное имъ всей нашей жизни, въ главныхъ чертахъ своихъ, не только сохранялось до послѣдняго времени, но и признавалось почти всѣми безусловно вѣрнымъ и благотворнымъ; единственный литературный протестъ противъ его односторонности выраженъ былъ, какъ выше замѣчено, славянофильскою школою, * которую торжественно оправ-

* Не безъ удивленія прочли мы въ журналѣ «Время» (Мартъ. Крит. стр. 54) слѣдующія строки: «Со времени Бѣлинскаго нашъ взглядъ на вещи измѣнился, и эти перемѣны болѣе или менѣе явственно сказаны нашею литературою и критикою. Мы иначе смотримъ на западъ и на реформу Петра; мы иначе смотримъ на народъ и на произведенія народнаго творчества... Идеи, которыя иѣкогда были такъ исключительны, такъ называемыя славянофильскія идеи, расширились, развернулись и, потерявъ свою рѣзкость, тѣмъ не менѣе замѣтно вошли въ общее сознаніе». Что это такое? Бѣлинскій -- проводникъ въ общее сознаніе славянофильскихъ идей! Кому же умный

дали въ этомъ вопросѣ новоизданные официальные акты времени Петра. Недавно было время, когда казнь царевича Алексѣя Петровича почиталася едва-ли не высшимъ нравственнымъ подвигомъ въ жизни Русскаго Преобразователя, и когда наши не затрудняющіеся въ сравненіяхъ и параллеляхъ историки и витіи сближали ее съ поступкомъ Брута. Сдернули завѣсу, покрывавшую мрачную тайну, и разочарованному глазу представился, вмѣсто Брута, холодный расчетъ геройскаго подвига, вмѣсто изверга и предателя сына—несчастный и достойный сочувствія, хотя и безхарактерный, царевичъ. Жаль Петровой славы, правда; но теперь, когда мы узнали истину дѣла, неужели кто-нибудь рѣшился бы, для спасенія этой славы, опять скрыть, еслибы то было возможно, правду и по-прежнему провозглашать убійство Алексѣя Петровича брутовскимъ подвигомъ? Развѣ это не означало бы нѣкотораго пріобщенія къ совершенному преступленію? Кто же изъ честныхъ людей сознательно рѣшился бы принять на себя такое нравственное бремя? А между тѣмъ грѣхъ этого пріобщенія лежитъ на тѣхъ, которые выражаютъ свое неудовольствіе на обнародованіе историческихъ актовъ, раскрывшихъ намъ всѣ подробности звѣрскаго убійства, и свои неосновательныя опасенія за потерю уваженія къ власти.

Притомъ же съ именемъ Алексѣя Петровича связанъ, кромѣ личнаго, и весьма важный общественный вопросъ о направленіи, котораго онъ хотя и не былъ полнымъ представителемъ, но которому все таки слѣдовалъ, являясь для другихъ общниковъ того же направленія живымъ средоточіемъ. До послѣдняго времени почти всѣ, опять таки кромѣ Славянофиловъ, въ этомъ направленіи видѣли только невѣжественное и дикое пристрастіе къ старинѣ, которымъ и объясняли противодѣйствіе или, вѣрнѣе, недостатокъ сочувствія въ царевичѣ къ дѣламъ отца. Обнародованные факты ясно свидѣтельствуютъ, что къ сторонѣ царевича принадлежали не одни старовѣры и ханжи, но что и въ самыхъ избранныхъ людяхъ того времени онъ находилъ къ себѣ сочувствіе и любовь. Такимъ образомъ и для

критикъ хотѣлъ услужить и кого уволоть? Бѣлинскій, вѣроятно, его не поблагодарилъ бы за усвоеніе ему смѣшной роли—проводника тѣхъ идей, съ которыми онъ всю жизнь боролся; да и славянофилы, въ свою очередь, не поблагодарили бы критика за намѣреніе похитить славу ихъ трудовъ и приписать ее ихъ литературному противнику. Собственность во всѣхъ видахъ есть вещь неприкосновенная.

рѣшенія общаго вопроса о свойствахъ петровской реформы — вопроса, обильнаго даже практическими послѣдствіями, обнаруженіе подлинныхъ дѣлъ Петра есть истинная и важная за-слуга.

Очень недавно также приписывали Петру Великому благотворное вліяніе и на наці семейные нравы. Весьма почтенный ученый нашихъ дней совершенно серьезно выразилъ мнѣніе, что въ нравственную жизнь русской женщины Петръ внесъ новыя благотворныя стихіи. Не желаемъ нисколько прослыть защитниками терема и женской неволи, но считаемъ себя обязанными передъ честью русской женщины сказать, что измѣненіе ея нравовъ и общественнаго положенія могло бы и должно было бы совершиться совершенно въ иномъ духѣ, и что женскіе нравы Нѣмецкой слободы, столь пріятные Преобразователю, ни въ какомъ случаѣ не годились ей въ образецъ. Читавшіе статьи г. Семевского о семействѣ Монсовъ, * надѣемся, не откажутся подтвердить своимъ согласіемъ наше мнѣніе. И да проститъ намъ почтенный ученый, изъ двухъ женъ Петра Великаго, вѣрныхъ представительницъ русскихъ женскихъ нравовъ двухъ эпохъ, древне-русской и петровской, ту, которая выросла въ теремѣ, мы рѣшаемся предпочесть другой, которая составляла честь и лучшее украшеніе знаменитой слободы.

Такъ и многое другое изъ жизни и дѣятельности Петра Великаго, по обнаруженіи подлинныхъ историческихъ свидѣтельствъ, принимаетъ въ нашемъ представленіи новый и совершенно противоположный прежнему видъ, въ томъ числѣ и его отношенія къ расколу, о которыхъ у насъ собственно и рѣчь.

Взглядъ на этотъ предметъ, почти всего образованнаго русскаго общества, былъ тоже весьма благопріятный для Петра: полагали, что въ этомъ дѣлѣ весь вопросъ состоитъ въ борьбѣ истиннаго просвѣщенія съ закоренѣлымъ и упорнымъ невѣжествомъ. Русскіе витіи XVIII вѣка такъ выражались объ этомъ дѣлѣ: «(Петръ) спящихъ въ невѣдѣніи убудилъ, буйхъ умудрилъ, чины и степени и порядки благаго житія образы насадилъ *своимъ трудомъ отъ идолослуженія и отъ богомерзкаго раскола и безумнаго атейскаго мудрованія* до двухъ милліоновъ душъ въ благочестіе обратилъ, суевѣрія истребилъ и т. д.».

То же повторяла, вслѣдъ за этими должностными витіями, и вся Россія, и повторяла весьма долго. Вновь обнародован-

* «Время». 1862. февр. и март.

ныя г. Есиповымъ раскольникы дѣла указываютъ въ этомъ вопросѣ на такія важныя новыя стороны, которыя должны во многомъ измѣнить взглядъ нашъ на отношенія Петра Великаго къ расколу и представить его образъ дѣйствія не только несправедливымъ и противнымъ истинному понятію о вѣротерпимости—объ этомъ что и говорить,—но и прямою виною рѣшительнаго разрыва раскольниковъ съ Церковью и властью.

Признаніе въ этомъ для насъ необходимо какъ по отношенію къ исторической истинѣ, такъ и въ отношеніи къ практической сторонѣ дѣла: нельзя успѣшно дѣйствовать на раскольниковъ и надѣяться на примиреніе ихъ съ отвергаемою ими властью иначе, какъ твердо и рѣшительно отказавшись отъ одобренія тѣхъ ошибокъ, которыхъ исполнено царствованіе Петра Великаго. Мы не имѣемъ полной увѣренности въ томъ, чтобы даже въ наши дни вовсе не было людей, сочувствующихъ его мѣрамъ противъ раскольниковъ; и хотя никто, конечно, не одобритъ *спущъ генеральнаго двора и ковчежя*, но, безъ сомнѣнія, найдутся такіе патріоты, которые постараются, хотя отчасти, извинить эти довольно-сильныя средства раскольническимъ упорствомъ или вообще правами той эпохи. Что же касается другихъ мѣръ Петра, не столь жестокихъ, но тоже несправедливыхъ и стѣснительныхъ, какъ на примѣръ: двойныя подати, ограниченіе гражданскихъ правъ и т. п., то мы навѣрно знаемъ, что есть люди, и вовсе не глупые и не злые, но не довольно просвѣщенные въ общихъ понятіяхъ о правахъ совѣсти и притомъ не знающіе надлежащимъ образомъ исторіи раскола, которые почитаютъ означенныя стѣсненія совершенно необходимыми, и людей, иначе объ этомъ думающихъ, способны обвинять въ недостатокѣ усердія къ Церкви. Вотъ для этихъ-то ревнителей да и вообще для истребленія вредныхъ пристрастій и предрасудковъ въ раскольническомъ вопросѣ, особенно полезны и важны издавія, подобныя тому, о которомъ мы разсуждаемъ. Они раскрываютъ намъ истину дѣла и тѣмъ предупреждаютъ отъ повторенія тѣхъ вредныхъ ошибокъ, которыя въ свое время принесли явный вредъ и навсегда затруднили уснѣхи защитниковъ истины. Изъ этихъ дѣлъ открывается, что не одни раскольники, но и совершенно православныя люди возмущались многими дѣяніями Петра Великаго и являлись его обличителями, презирая ужасы преображенской канцеляріи. Два случая такого обличенія разсказаны въ

книгъ г. Есипова; на нихъ мы намѣрены остано­вить вниманіе нашихъ читателей.

Въ книгѣ г. Есипова встрѣчаемъ мы два въ высшей степени занимательные и исполненные драматическаго и психологиче­скаго значенія разсказа: Алексѣй Лампадчикъ и подъячій До­кукинъ, изъ которыхъ особенно послѣдній соотвѣтствуетъ выра­женной нами мысли. Изъ дѣла Алексѣя Лампадчика видно, что онъ прежде былъ раскольникъ; но, оставъ отъ своего заблуж­денія, явился впоследствии усерднымъ сыномъ Церкви и даже возведенъ былъ на степень архимандрита и получилъ въ управ­леніе свое Александро-Свирскій монастырь: въ этомъ званіи и застаеть его дѣло, обнародованное г. Есиповымъ. Подъячій же Докукинъ съ роду былъ совершенно чуждъ всякаго уклоненія отъ православнаго исповѣданія; напротивъ, былъ весьма усерд­ный по­сѣтитель церкви, прилежно читалъ писаніе Святыхъ От­цовъ, на чтѣ есть прямая указанія въ его дѣлѣ, и никакихъ сношеній съ раскольническими или съ отдѣльными лицами, про­тивными Церкви, никогда и ни по какому случаю не имѣлъ. По этому г. Есиповъ, помѣщая дѣла, о нихъ производившіяся, ме­жду раскольничьими дѣлами XVIII вѣка, счелъ нужнымъ сдѣ­лать оговорку, что онъ сдѣлалъ это, только уступая *желанію издателя*.

«Алексѣй Лампадчикъ и подъячій Докукинъ, говоритъ онъ, не принадлежали къ сословію (?) раскольниковъ, но въ нихъ проявляются нѣкоторыя убѣжденія, которыя поддерживались и распространялись въ послѣдователяхъ раскола: убѣжденія о по­слѣднемъ времени, ненависть къ нововведенію и Петру» *.

Внимательно вникнувъ въ дѣло, мы не откроемъ въ нихъ, особенно въ Докукинѣ, признаковъ какой-либо рѣшительной и притомъ личной ненависти къ Петру, ни даже къ дѣлу преоб­разованія вообще; ** не встрѣтимъ никакой попытки разъяс-

* Стр. 131.

** Нападеніе Алексѣя Лампадчика на бородобритіе и табакъ ко­нечно показываетъ нѣкоторые остатки раскольническаго чувства; но онъ жаловался не столько на самый табакъ, сколько на крайнее без­чинство Петровыхъ приближенныхъ, которое покажется мерзкимъ и не раскольнику, а всякому порядочному чело­вѣку: «азъ самъ видѣлъ, ви­деть онъ, свѣтлѣйшаго князя (Александра Даниловича Меншикова) въ церкви Божіей безстыдно употребляюща сію богомерзскую траву прокла­тую, и яко же нѣкой святыни причащающа». Также же втораго безстыдника видѣлъ Алексѣя Петровича Салтыкова, сына его въ олтарь шедшаго во

нать свойства и дѣйствія Петра какими-либо мистическими и нятанутыми толкованіями прикровенныхъ мѣстъ Священнаго Писанія, — чѣмъ постоянно съ такою любовію занимались раскольники. Оба они выражали весьма ясное и рѣшительное негодование противъ такихъ дѣйствій Петра Великаго, которыя едва-ли найдутъ себѣ оправданія, которыя и зо многихъ другихъ, и притомъ лучшихъ, людяхъ того времени возбуждали тоже самое чувство; только не у всякаго доставало твердости духа и рѣшимости обличать ихъ и поплатиться за это обличеніе такъ дорого. Эти дѣйствія были: насильственное расторженіе перваго брака Петра Великаго и послѣдовавшее за тѣмъ насильственное же постриженіе Евдокіи Феодоровны; вступленіе при живой женѣ во второй бракъ; несоблюденіе церковныхъ постановленій, свято чтимыхъ всѣмъ народомъ, какъ-то постовъ и др.; судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, отлученіе его отъ престолонаслѣдія и варварская казнь. Если даже теперь, по прошествіи полутора ста лѣтъ, сердце возмущается этими дѣйствіями до глубины своей, то что должны были чувствовать современники и свидѣтели этихъ дѣлъ, не способные оправдывать ихъ никакими преобразовательными намѣреніями Петра?

Слѣшимъ однако оговориться, что мы полагаемъ весьма существенное нравственное различіе между дѣйствіями и характерами Алексѣя Лампадчика и Ларіона Докукина: Алексѣй Лампадчикъ, хотя и ненавидѣлъ означенныя выше дѣйствія Петра Великаго, но обличителемъ ихъ явился только тогда, когда уже былъ въ рукахъ палачей и, какъ умный чловѣкъ, не могъ имѣть большой надежды уйти изъ рукъ ихъ живымъ. Онъ былъ уже уличенъ въ скрытныхъ дѣйствіяхъ, оскорбительныхъ для монаршей чести Петра и Екатерины, и долженъ былъ дать въ нихъ отчетъ, потому что запереться не предстояло возможности, по множеству свидѣтельствующихъ о его винѣ. Сверхъ того, онъ былъ самъ виновенъ во многихъ неправедныхъ дѣйствіяхъ, которыя кладутъ темныя пятна на

время божественныя литургіи, егда речеть іерей, держа въ рукахъ пречистыя тайны: «всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ» и относить на жертвенникъ — тогда сей безстудникъ взялъ изъ кармана табакерку у самаго престола Божія и учалъ употреблять ту богомерзскую проклятую табунъ траву. И такое безстудіе показалъ сей безстудникъ и дерзновеніе, аки бы нѣкоторой невѣрный второй бусурманъ». Стр. 149.

его нравственный характеръ: въ жестокихъ истязаніяхъ прежняго Александро-Свирскаго архимандрита Кирилла, жившаго въ монастырѣ на покой, и другихъ братьевъ того же монастыря, въ лихоимномъ присвоеніи братскихъ денегъ и т. д. Наконецъ есть подозрѣніе, что онъ пользовался простотою народной вѣры для своихъ корыстныхъ цѣлей: еще живя въ Москвѣ, сперва въ Чудовомъ монастырѣ, потомъ на Варварскомъ крестцѣ, у церкви Максима Блаженнаго, онъ держалъ у себя въ кельѣ образъ Божіей Матери, выдавая его за принесенный изъ Іерусалима, между тѣмъ какъ онъ былъ писанъ, по собственному сознанію Алексѣя, въ Москвѣ, его знакомымъ иконописцемъ, Кириллоу Улановымъ.

«А онъ Александръ, сказано въ его судной сентенціи, имѣя у себя тотъ образъ Іерусалимскія Богородицы, ханжилъ и прельщалъ простой народъ, объявляя себя, яко свята мужа, и во время приходу того простого народу, которые, не зная истины и его прельщенія, просили у него о себѣ Богу молиться и давали подаваніе, отъ чего имѣлъ онъ богомерзскіе себѣ прибитки» *.

Ничего подобнаго не видимъ въ дѣйствіяхъ Иларіона Докукина. Правда, состоя на службѣ, онъ принималъ подарки отъ подрядчиковъ, какъ показываетъ его собственное признаніе; но совѣсть его успокоивалась тѣмъ, что «съ давнихъ лѣтъ и по собственному произволу, а не изъ неволи и не отъ какого воровства давали подрядчики, а онъ бралъ». Въ самомъ дѣлѣ, когда вся административная система основана была на поборахъ, и когда не только темные подъячіе, но и свѣтло-вельможные и преизящные господа, ближайшіе друзья и сподвижники царя брали даже «не по собственному произволу дающихъ; а изъ неволи и отъ воровства»: то можно ли, соблюдая справедливость, осудить Докукина за принятіе добровольныхъ и конечно не чрезмѣрныхъ приношеній, особенно, когда ему предстояло дѣлиться этими приношеніями съ фискалами, подъ страхомъ суда и лишенія мѣста? Какъ странно было бы оправдывать обстоятельствами и временемъ лихоимства свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича, такъ точно съ другой стороны, было бы несправедливо вѣнчать въ важную вину Докукину его *невинные*, по выраженію г. Есинова, подарки, прилагая къ

* Стр. 155.

нему судъ нашего времени. Въ настоящемъ случаѣ мы позволяемъ себѣ совершенно разойтись съ абсолютнымъ мнѣніемъ почтеннѣйшаго Антона Антоновича, полагающаго, что взятка борзыми щенками тоже, что и всякая другая, и совершенно соглашаемся съ условнымъ взглядомъ на предметъ не менѣе почтеннаго Аммоса Федоровича, по которому 500 рублей и супругѣ шаль совсѣмъ не то, что какой-нибудь борзой щенокъ.

Снявъ съ лица Иларіона Докукина это единственное обвиненіе и сложивъ его на отвѣтственность эпохи, мы не усомнимся признать въ скромномъ артиллерійскомъ подъячемъ отрадное и высокое явленіе, какому подобнаго не нашлось между многочисленными судьями царевича Алексѣя. Въ то время, какъ высшіе сановники царства, духовные и мірскіе, призванные судить о дѣлѣ царевича, смолкли предъ гнѣвнымъ Петромъ, еще до суда осудившемъ на смерть своего сына, и не посмѣли вознести къ нему не только слова строгаго обвиненія, но даже смиренной мольбы, бѣдный и невѣдомый подъячій небоазненно подходитъ въ церкви, при всемъ народѣ, къ разгнѣванному царю и подаетъ ему краткій и скромный, но твердый и рѣшительный протестъ противъ его беззаконнаго дѣянія. Это поступокъ едва вѣроятный!

Правда, что Докукинъ былъ обязанъ царевичу, выручившему его изъ крайней нужды; но мало-ли было людей, которые получали отъ Алексѣя Петровича помощь, далеко превышающую двадцать рублей, данныхъ имъ Докукину; однако никто, кромѣ Докукина, не явился обличителемъ незаконнаго отлученія его отъ престола. Да и во всякомъ случаѣ, это живое чувство признательности, которое хотя и нельзя считать главнымъ двигателемъ поведенія Докукина, но которое все-таки участвовало въ его рѣшимости, есть уже знакъ души высокой и благородной.

То обстоятельство, что Докукинъ ожидалъ близкой кончины міра, нисколько не измѣняетъ существенныхъ свойствъ его поступка; потому что въ его вѣрованіяхъ не было ничего темнаго и мрачнаго или суроваго и звѣрскаго, что не рѣдко про-является въ ученіяхъ раскольниковъ о послѣднемъ времени, и въ ихъ ненависти къ Петру, какъ антихристу. Нѣтъ эта кроткая и искренно набожная душа, углубившаяся въ чтенія божественныхъ писаній и святоотеческихъ книгъ, и почерпнувшая оттуда идею объ истинныхъ христіанскихъ нравахъ, общественныхъ и частныхъ, глубоко возмущилась нравственнымъ безобра-

зіємъ своей эпохи и этимъ намѣреннымъ и злораднымъ попра-ніемъ того, что до той поры свято чтилось народомъ. Скорбь объ этомъ, общая всѣмъ благочестивымъ людямъ того времени, естественно склонила мысли ихъ къ ожиданію послѣднаго времени, о которомъ помышлять они почитали себя обязанными для блага собственной души и спасенія братій своихъ. Что въ Докукинѣ не было раскольнической, суровой закваски, тому доказательствомъ служить его смиренное обращеніе къ пастырямъ Русской церкви, которымъ онъ предложилъ на разсужденіе свои мысли и выписки изъ Григорія Богослова.

«О богоносніи отцы архипастыри всея вселенныя, великія Рос-сіи учителя, нынѣ усердно и слезно вашей . святыни моленіе приношу, — вѣсмь бо достоинъ нарещися быти сынъ вашъ за сіе мое невѣрственное и безумное дерзновеніе и грубость, что мимо вашего отческаго благословенія дерзнулъ; и въ томъ моемъ дерзновеніи и согрѣшеніи прошу у васъ прощенія. Но есмь святая церкви сынъ, аще и весьма грѣшенъ, но рождень водою и духомъ, крещеніемъ святымъ, и послѣдствіемъ матери нашей восточной церкви святой. *Написалъ сіе мнѣніемъ своимъ или чѣмъ свыше повелѣніемъ, отъ многой туги и скорби своей:* видѣлъ озлобленіе и преткновеніе израилевыхъ людей, за ревность и жалость дому святаго и душъ христіанскихъ нечовинно влекомыхъ. Но молю стократно вашу святыню и всего освященнаго собора въ семъ моемъ дерзновеніи ма грѣшнаго простите» *.

Изложимъ вкратцѣ поучительную и страшную исторію Докукинскаго дѣла. Онъ былъ, какъ уже замѣчено выше, на службѣ въ артиллерійскомъ приказѣ, и состоялъ тамъ на подъяческой должности. Подъячіе того времени не были честны, и, состоя подъ начальствомъ столь же лихоимныхъ и притомъ еще безграмотныхъ дьяковъ, весьма спокойно брали всякаго рода взятки. Докукинъ былъ въ этомъ отношеніи гораздо скромнѣе и умѣреннѣе большинства своихъ сослуживцевъ, и не простиралъ своего лихоиманія за предѣлы добровольныхъ и обычныхъ приношеній: кромѣ всего другаго, этому можетъ служить доказательствомъ и его крайняя бѣдность, въ которой онъ очутился по выходѣ изъ службы, а еще болѣе то самое обстоятельство, что онъ попался подъ слѣдствіе и судъ. Настоящіе лихоимцы и въ то время, какъ въ наше,

* Стр. 176.

безъ сомнѣнія знали всѣ тайны знаменитаго искусства прятать концы, основаніемъ котораго служить, какъ извѣстно, дѣлежъ подчиненныхъ съ начальствующими и ревизующими.

Неопытный, какъ видно, въ этомъ искусствѣ, Докукинъ не подѣлился съ фискалами-ревизорами, и былъ обвиненъ въ расхратѣ весьма значительной по тогдашнему времени суммы: 215 р. По полученіи доноса объ этомъ въ Петербургѣ, его вытребовали туда «въ счету»; это было въ 1714 году.

Здѣсь онъ, по совершенно неожиданному случаю, сдѣлался извѣстнымъ царевичу Алексѣю, съ судьбой котораго онъ впоследствии такъ тѣсно соединилъ свою. Остановившись въ домѣ просвирицы при церкви святаго Симеона Богопріимца, онъ, какъ человѣкъ богомольный, почти ежедневно ходилъ въ эту церковь къ богослуженіямъ, и читалъ на клиросѣ. Царевичъ, какъ «богомольный человѣкъ», тоже не рѣдко бывалъ въ церкви, у Симеона же, и потому легко могъ замѣтить новаго, а можетъ быть и искуснаго чтеца, и по добротѣ своего сердца обратить вниманіе на его положеніе. Однажды, выходя изъ церкви, царевичъ подозвалъ его къ себѣ и спросилъ его о его обстоятельствахъ. Ободренный этимъ вниманіемъ и общимъ слухомъ о сострадательности царевича къ бѣднымъ и несчастнымъ людямъ, Докукинъ подалъ ему просьбу, въ которой изложилъ всѣ подробности своего дѣла и положенія.

Царевичъ выслалъ къ нему какого-то человѣка «въ накладныхъ волосахъ», который взялъ его просьбу, потребовалъ отъ него платокъ, съ которымъ и пошелъ въ комнаты къ царевичу; черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ къ нему назадъ, и вынесъ ему въ платкѣ двадцать рублей.

Вотъ вся исторія сношеній Докукина съ царевичемъ Алексѣемъ. Какъ ни велико было для него оказанное царевичемъ благодѣяніе, но имъ однимъ возможно-ли объяснить ту готовность перенести муки и самую смерть, которую явилъ впоследствии этотъ нищій подъячій? Нѣтъ! по всему видно, что глубокія и сильныя убѣжденія политическія, и въ особенности религіозныя, лежали въ основаніи дѣйствій Докукина. Онъ старательно искалъ имъ подтвержденія въ писаніяхъ Святыхъ Отцевъ, ему доступныхъ, и въ совѣщательныхъ бесѣдахъ съ духовными особами, между прочимъ и съ собственнымъ духовнымъ отцемъ.

Возвратившись изъ Петербурга въ Москву, онъ принялся

вновь за свои занятія, прервавши на время вызовомъ къ отвѣту, и продолжалъ дѣлать выписки изъ святаго Григорія Богослова, въ книгахъ котораго онъ находить особенное одобреніе своимъ мыслямъ о положеніи современныхъ ему дѣлъ. Какъ-то рѣшился онъ выписки эти показать своему духовнику Аврааму; тотъ предержалъ ихъ у себя нѣсколько дней, и, возвращая, примолвилъ: «трудись! Богъ трудовъ твоихъ не забудеть!»

Въ это время Петръ обнадеженный рожденіемъ новаго царевича, отъ своей новой жены, единомысленной и любимой, остановилъ свое вниманіе царевичемъ Алексѣемъ, рожденнымъ отъ честнаго, но ему ненавистнаго, брака, и естественнымъ, хотя и слабымъ, противникомъ его стремленій. Всякому образованному русскому человѣку извѣстны страшныя подробности этого дѣла: третій томъ исторіи г. Устрялова и относящіяся къ тому же предмету статьи, вызванныя появленіемъ этого тома, прочтаны всеми; и потому мы считаемъ себя въ правѣ миновать въ своей статьѣ разсказъ о постриженіи Евдокіи Феодоровны, отрѣшеніи Алексѣя Петровича отъ престола, заточеніи его въ крѣпость, допросахъ и пыткахъ, которымъ подвергались его сторонники и онъ самъ. Займемся собственно Докукинныиъ.

Когда судебный приговоръ надъ царевичемъ былъ обнародованъ и его большею частію измышленныя и намѣренно преувеличенныя вины были изложены для всеобщаго свѣденія, духовный отецъ Докукина, ободравшій нѣкогда его труды, принесъ ему манифестъ, и, сказавши: «вотъ твой хваленый, видный царевичевы вины», — приглашалъ его присягнуть новорожденному сыну Екатерины, Петру Петровичу.

Докукинъ отвѣчалъ ему: «послѣ пойду, теперь недосугъ», а самъ замышлялъ совершенно иное. Онъ взялъ къ себѣ на домъ экземпляръ клятвеннаго обѣщанія на вѣрность Петру Петровичу, гдѣ приписано было и отлученіе отъ престолонаслѣдія его благодѣтеля въ слѣдующихъ словахъ:

Царевичу Алексѣю Петровичу (которому за важныя причины объявлено лищеніе наслѣдства всероссійскаго престола) ни въ которое время и ни подъ какимъ предлогомъ къ тому наслѣдству вспомогать и его стороны держать не буду, и на томъ, яко выше объявлено, клянусь христіанскою совѣстію и судомъ Божиимъ предъ святымъ Евангеліемъ и цѣлую святыи крестъ и подписуюсь собственною моею рукою. На этомъ клятвенномъ

листѣ, который безпрекословно былъ подписанъ всею Россіею, подъячій Докукинъ написалъ такіа слова:

«Святымъ пречестнымъ Евангелію и животворящему Христову кресту поклоняюся и лобызаю нынѣ и всегда за избавленіе моихъ грѣховъ и за охраненіе отъ тяжкихъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а за неповинное отлученіе и изгнаніе Всероссійскаго Престола Царскаго Богомъ хранимаго Государя Царевича Алексѣя Петровича христіанскою совѣстію и судомъ Божиимъ и Пресвятымъ Евангелиемъ не кланусь и на томъ животворящаго креста Христова не цѣлую и собственною своею рукою не подписуюсь; еще же къ тому и прилагаю малозбранное отъ богословной книги Назіанзана могущимъ вняти во свидѣтельство изрядное. Хотя за то и царскій гнѣвъ на мя произіется, буди въ томъ воля Господа моего Іисуса Христа. По воли его святой за истину изъ рабъ Христовъ Иларіонъ по реклу Докукинъ страдати готовъ. Аминь. аминь. аминь.» *

Съ этимъ-то дерзновеннымъ листомъ рѣшился Докукинъ предстать предъ грознаго и выбралъ для этого торжественный день Недѣли Православія, случившійся въ тотъ годъ 2-го Марта. Петръ слушалъ обѣдню въ церкви «на старомъ дворцѣ»; обѣдно одѣтый и обросшій бородою старикъ подходитъ къ нему и подаетъ ему скромно изложенный, но рѣшительный и твердый протестъ противъ такого распоряженія, ради котораго царь уже рѣшился пожертвовать жизнію своего сына. Петръ взглянулъ на поданную ему бумагу, съ разу понялъ, въ чемъ дѣло, и передалъ его знаменитому начальнику застѣнковъ, Петру Андреевичу Толстому. Докукина немедленно схватили и повели прямо изъ Церкви въ Преображенскую тюрьму, гдѣ содержались другіе сторонники несчастнаго царевича: Епископъ Ростовскій Донской, братъ Царицы Авраамъ Лопухинъ, Сибирскій Царевичъ, юродивый Михайло Босой и многіе иные.

На другой же день, 3-го Марта, Докукина привели въ застѣнокъ, подняли на дыбу и дали 25 ударовъ кнутомъ, допытывая: совѣтовался-ли онъ съ кѣмъ-либо о своемъ, какъ въ Преображенскомъ выражались, злодѣйствѣ, и духовному (какъ боялись Преображенцы духовныхъ!) или иному кому сказывалъ-ли?

Въ тотъ же день привели въ Преображенское и жену Докукина и его пріателей: пушечнаго мастера Петра и мѣховаго

* Стр. 179.

ученика Василя, дворовую его дѣвку и служанку его, солдатскую женку Аграфену, которыхъ однако отпустили безъ пытки, легко удостовѣрившись, что никто изъ нихъ не могъ быть не только дѣятельнымъ помощникомъ въ намѣреніяхъ Докукина, но и простымъ довѣреннымъ его важной тайны.

Докукинъ съ твердосію выдержалъ пытку и не выдалъ никого изъ видѣвшихъ его богословскія извлеченія и другія тетради. 5-го и 6-го Марта были новыя пытки; за два раза далъ ему еще 41 ударъ: и того 66 ударовъ; но и послѣ новыхъ изтязаній отвѣтъ былъ тотъ же самый: «ни съ кѣмъ о томъ не совѣтывалъ и другимъ никому не сказывалъ.» 11-го Марта его подняли на виску, но кнutomъ уже не били: отвѣты остались тѣже, что и были. Между тѣмъ обвиненіе Докукина усиливалось отъ другаго обстоятельства, о которомъ мы еще не сказали ни слова.

Еще въ 1715 году онъ написалъ письмо, въ которомъ обращался къ народу, указывая ему на упадокъ благочестія, на вторженіе въ бытъ его новыхъ и противныхъ вѣрѣ нравовъ, а также и на обремененіе его податями и работами, вообще на то превращеніе Россіи, которое совершилось при Петрѣ.

Зрите, о правовѣрніи христіанскіе роды, како мы отъ зависти и губителя своего діавола, древнего нашего супостата, здѣсь живущи на земли, свободной жизни лишаемы, гонимы изъ дому въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града въ градъ, оскорбляемы, озлобляемы, домовъ и торговъ, земледѣльства также и руководѣльства и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ, пачежъ и христіанскихъ добрыхъ дѣлъ и всякаго во благочестіи живущихъ состоянія и грацкихъ издревле уставленныхъ законовъ лишились, въ суетныхъ своихъ дѣлахъ и въ лестныхъ ученіяхъ обычай свой измѣнили, слова и званіи нашего словянскаго языка и платья перемѣнили, главы и браны обрили, и персоны свои ругательски обезчестили; нсть въ насъ вида и доброты и разнствія съ иновѣрными языки, купно съ ними пршествуемъ, ядимъ, піемъ, веселимся, женимся и посягаемъ. Яко же сущно съ своими Христіаны, тожде и съ ними, иновѣрными языки и съ иными басурманы, послѣдствуемъ ихъ правомъ и закономъ, — забывъ страхъ Божій; и христіанскіе законы уничтожили: среды, пятка и постовъ... равную съ ними пишу ядимъ. Станнымъ и невѣдомымъ путемъ пойдоша и въ земли

забвенія погибоша; *отъ востоку очи свои замжюша и лезнь своимъ въ бѣство на западъ обратиша.*» *

На правежахъ стоя, отъ великихъ и несносныхъ податей и оброковъ налагаемыхъ, голодомъ истаеваемы, и многіе отъ того умерщвляемы, дома и приходы запустѣли; святыя Церкви обветшали; древодѣлей и коменосѣццевъ отгнали; плинеевъ на созиданія Святыхъ Божіихъ Церквей и домовъ дѣлать заказали; пути намъ къ жизни не указали и сами себѣ тамошняго пути не сыскали. А пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ щедро и благоутробно за сыновленіе себѣ воспріяли и всѣми благими ихъ наградили; а Христіанъ бѣдныхъ, бьючи на правежахъ, изъ податей своихъ голодомъ поморили и до основанія всѣхъ разорили и отечество наше, пресловущіе грады и другіе винограды, рекли святыя церкви, опустошили. И что иное рещи? Удобнѣе устамъ своимъ ограду положить; но вельми сердце ми болитъ, видя опустошенія Новаго Іерусалима и людъ, въ бѣдахъ явленъ нестерпимыми язвами.» **

«По довольномъ истязаніи слабаго старика, Петру сдѣланъ былъ отъ Преображенской канцеляріи докладъ, въ которомъ прописывались вины Докукина, то есть, всевородное порицаніе царя и подметныя письма, которыя онъ кидалъ на паперти Семеновской церкви, для возмущенія народа, и испрашивалось рѣшеніе его участи: «и о томъ что чинить?»

1718 года, Марта въ 17 день, Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, слушавъ сея выписки (доклада о Докукинѣ), указалъ по имянному своему Великому Государю указу артиллерійскаго подъячаго Ларіона Докукина, что онъ на старомъ дворцѣ, во время божественной литургіи, подалъ его царскому величеству воровскія о возмущеніи народа противъ его величества письма, о которыхъ онъ съ розыску сказалъ, что хотѣлъ прибить въ Санктпетербургѣ у церкви: и за то за все казнить смертію. ***

Казнь ему пачначена ужасная — колесованье. Страшныя мукы этой казни побѣдили непреклонность старика, и онъ, чтобы избавить себя отъ продолженія этихъ мукъ, просилъ снять его съ колеса, обѣщая открыть имена людей, съ нимъ *совѣтовав-*

* Стр. 183.

** Стр. 184.

*** Стр. 168.

ишлся о даль. Выдержавшіи шестьдесятъ шесть ударовъ кнута и четыре виски изнемогъ наконецъ подъ колесомъ и выдалъ своихъ знакомыхъ священниковъ: Авраама Михалова отъ Спаса въ Пушкиряхъ, сначала ободрявшаго его труды, а впоследствии запрещающаго ему, и Михаила Назарьева отъ Сергія въ Пушкиряхъ же, который не только не сочувствовалъ мнѣніямъ Докукина, но даже писалъ противъ его сочиненій возраженія и опроверженія. Тутъ же указалъ Докукинъ и на племянника своего Феодора, который изъ тѣхъ тетрадей нѣмого писалъ начерно. Всѣ эти несчастные жестоко заплатились за недостатокъ усердія къ Петру, были истязаемы на допросахъ, пытаны и наконецъ наказаны кнутомъ.

Этотъ послѣдній допросъ Докукина производилъ Григорій Скорняковъ, — Писаревъ, когда несчастный, обезсиленный колесованьемъ и истеченіемъ крови, поминутно впадалъ въ безпамятство. Какую цѣну для правды дѣла могли имѣть показанія человѣка, доведеннаго до состоянія полусмерти, объ этомъ распространяться нѣтъ надобности: Толстому и Писареву нужны были только новыя жертвы, и благо онѣ открывались, стоило ли обращать вниманіе на то, что постоянно обмирающій человѣкъ могъ показать что-нибудь и не такъ? Они не любили такой разборчивости: по ихъ системѣ, лучше было десятерыхъ невинныхъ замучить, чѣмъ одного виновнаго простить.

Какъ кончилъ жизнь свою Докукинъ, изъ дѣла не видно; но, кажется, можно утвердительно сказать, что совершенно вѣрное извѣстіе о его кончинѣ сохранилось въ донесеніи своему правительству австрійскаго посланника Плейера, которому самое имя Докукина впрочемъ было неизвѣстно.

«Четвертымъ, писалъ онъ (первые трое казнены: Досиоей, епископъ Ростовскій, Александръ Кикинъ и духовникъ царицы), былъ простой писарь, который торжественно въ церкви укорялъ царя въ лишеніи царевича престола и подалъ о томъ записку. Онъ былъ колесованъ; наконецъ сказалъ, что хочетъ открыть нѣчто важное, былъ снятъ съ колеса, и приведенъ къ царю въ Преображенское, не могъ однако отъ слабости сказать ни слова и порученъ былъ на излѣченье хирургамъ. Но какъ слабость увеличилась, то голова его была отрублена и взоткнута на колъ; а тѣло положено на колесо. *При всемъ томъ думаютъ, что онъ тайно*

*открылъ царю, кто его подбаврилъ и отчего обнаружилъ такую ревность къ царевичу.» **

Послѣднія слова Плейера, какъ мы видимъ изъ дѣла, обнародованнаго г. Есиповымъ, не оправдываются: ничего важнаго Докукинъ не открылъ царю или его сыщикамъ про то, кто его подговорилъ и отчего онъ обнаружилъ такую ревность къ царевичу. Да этого онъ и не могъ сдѣлать, ибо дѣйствіями Докукина руководило не чье-либо постороннее вліяніе, но чистосердечное и внутреннее убѣжденіе въ нравственной правотѣ гонимой и унижаемой стороны, главнымъ представителемъ которой въ глазахъ его, какъ и многихъ другихъ, былъ царевичъ Алексѣй Петровичъ. Этому—то убѣженію, которое естественно усиливалось чувствомъ личной признательности, принесъ себя въ жертву артиллерійскій подъячій, котораго имя отнынѣ будетъ жить въ исторіи, на ряду съ именами всѣхъ честныхъ людей, способныхъ ставить исповѣдуемую ими истину выше собственной безопасности и даже жизни.

Не думаемъ, чтобы кто-нибудь поставилъ ему въ вину то, что онъ подъ колесомъ выдалъ наконецъ невинныхъ московскихъ священниковъ, знавшихъ о его тетрадахъ, и племянника своего Ѳедора. Мы знаемъ, что онъ не произнесъ ихъ именъ послѣ 66 ударовъ кнутомъ и четырехъ високъ; слѣдовательно не можемъ сомнѣваться въ его рѣшительномъ желаніи никого не привлечь къ своей бѣдѣ. Но кто изъ насъ можетъ, хотя приблизительно, представить себѣ нравственное состояніе чловека подъ колесомъ? Чего не можетъ сказать чловекъ, до самаго основанія души потрясенный такими муками? Правда, были люди, побѣждавшіе всякія чрезмѣрныя испытанія; но тѣмъ чловецкій родъ воздаетъ и честь особаго рода. Къ этому ряду людей мы не думаемъ причислять Докукина: онъ просто честный и великодушный чловекъ, не стерпѣвшій рѣшенія, которому изъ страха пытки и смерти покорились даже лучшіе люди его времени. Для его исторической славы этого весьма довольно.

Не встрѣтимъ мы тѣхъ же безкорыстныхъ и великодушныхъ порывовъ въ другомъ обличителѣ Петровыхъ дѣлъ, о которомъ теперь у насъ рѣчь, въ Алексѣѣ Лампадчикѣ; но и его исторія

* Стр. 167.

въ высшей степени занимательна, какъ по историческому, такъ и по психологическому своему значенію.

О жизни Алексѣя въ міру мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; изъ дѣла его, изданнаго г. Есиповымъ и составляющаго единственный источникъ для его жизнеописанія, мы видимъ, что въ 1704 году онъ былъ уже монахомъ (вѣроятно, рясофорнымъ) и жилъ въ Чудовомъ монастырѣ, въ должности лампадчика. О немъ въ народѣ была молва, какъ о человѣкѣ святомъ, строгомъ постникѣ, чуждомъ стяжанія; къ силѣ молитвъ его было большое довѣріе, и къ образу Іерусалимской Божіей Матери, стоявшему въ его келіи, бывало не малое стеченіе народа, къ которому Алексѣй не рѣдко простиралъ поученія о спасеніи души. Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ этомъ отношеніи поведеніе Алексѣя было весьма подозрительно: во первыхъ образъ, по собственному сознанію его, былъ не изъ Іерусалима, а писанъ въ Москвѣ его пріателемъ, Кириллою Улановымъ; во вторыхъ дальнѣйшая исторія Алексѣя открываетъ въ немъ, вѣсто нестяжательнаго праведника, самаго жаднаго корыстолюбца, не стыдившагося открыто присвоивать братскую собственность и даже царскіе братіи-подарки.

Живя въ Чудовомъ, Алексѣй познакомился съ истопникомъ набожной царевны Марьи Алексѣевны, Иваномъ Богомоловымъ, и чрезъ него достигъ знакомства и съ самою царевною.

Изъ Чудова монастыря, по какому-то случаю, привелось Алексѣю перейти на Варварскій крестецъ, къ церкви Максима Исповѣдника; и туда, какъ въ Чудовъ, продолжалъ стекаться къ нему народъ, для подачи милостыни и для слушанія «Достойна», которое читалъ предъ образомъ Алексѣй. Въ то время, какъ извѣстно, такіе обычаи были не въ чести у правительства, и потому не удивительно, что на Алексѣя пало подозрѣніе въ склонности и даже въ принадлежности къ расколу. Не думаешь, чтобы это подозрѣніе было совершенно вѣрно; потому что изъ тиунской избы, куда его уже посадили было по означенному подозрѣнію, его освободила своимъ вліяніемъ царевна Марья Алексѣевна, не любившая правда своего брата, но вѣрная и преданная Церкви. По ея же ходатайству, онъ былъ опредѣленъ Стефаномъ Яворскимъ въ братство Никольскаго Перервинскаго монастыря, гдѣ онъ посвященъ въ дьяконы, а потомъ и въ іеромонахи, и переименованъ Александромъ.

Въ 1716 году Александръ отправился въ Петербургъ хлопот-

татъ о дозволеніи построишь въ Москвѣ близъ Преображенскаго или въ С.-Петербургѣ на Крестовскомъ островѣ, или въ другомъ мѣстѣ, монастырь во имя Геесиманской Божіей Матери. Царь въ это время справлялся въ чужіе края; желая покончить свое дѣло до отъѣзда государя, Александръ искалъ случая передать ему просьбу свою чрезъ кого-либо изъ близкихъ къ нему лицъ. Онъ обратился къ племянницѣ царя, Екатериинѣ Іоанновнѣ; та, не смѣя представить просьбы сама, передала ее любимицѣ Петра и Екатерины, княгинѣ Настасьѣ Ивановнѣ Голицыной, которая въ свою очередь довела ее до Екатерины. Отвѣтъ Екатерины былъ кратокъ: «не то нынѣ время». Александръ обращался съ своей просьбою къ царицѣ Прасковѣ Федоровнѣ и къ царевнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ, но и тѣ отвѣчали: «въ нынѣшнее время и старыхъ монастырей много».

Въ Петербургѣ Александръ стоялъ на квартирѣ у кума своего, дьяка Климонтова, который принадлежалъ, какъ видно, къ ревностнымъ послѣдователямъ Петровой реформы: курилъ и нюхалъ табакъ, не соблюдалъ постовъ и вообще разрѣшалъ на вся. Александръ строго выговаривалъ куму за его слабости, и отъ него не рѣдко переходилъ къ общему разсужденію о дѣлахъ того времени, смѣло порицая всеобщее нарушеніе постовъ и другихъ благочестивыхъ обыкновеній и прямо отвергая законность брака Петра съ Екатериной. «Что сдѣлано, говорилъ онъ, то грѣшно и Восточной Церкви противно».

Климонтовъ унималъ кума отъ этихъ смѣлыхъ и опасныхъ выходокъ, и часто его журилъ за дерзость.

— Не за свое ты дѣло принимаешься, говорилъ онъ ему, — есть на то церковные учителя и архіереи.

— Какіе они архіереи, — отвѣчалъ на увѣщаніе кума Александръ, — что говорить не могутъ и на издѣ нынѣ они ставятся.

Проѣзжая изъ Петербурга въ Москву черезъ Новгородъ, Александръ встрѣтился тамъ съ царевною Марьей Алексѣевной, по ходатайству которой и былъ поставленъ въ архимандриты Александро-Свирскаго монастыря.

Прежній настоятель монастыря, архимандритъ Кириллъ былъ еще живъ, и, по старости и немощамъ оставивъ настоятельство, на бѣду себѣ, остался въ томъ же монастырѣ на покой. Большая часть монаховъ была расположена къ своему бывшему настоятелю, отличавшемуся строгимъ благочестіемъ и справедли-

востію; новий же архимандритъ съ разу возбудиъ общее противъ себя неудовольствіе своею жестокостію и корыстолюбіемъ. Онъ совершенно произвольно и безотчетно распоряжался монастырскими суммами, и безъ пощады билъ и сажалъ на цѣпѣхъ изъ монаховъ, которые осмѣливались ему противорѣчить или обличать его.

Обыкновенно, въ праздничные дни и въ торжественные царскіе, послѣ церковной службы, на монастырской трапезѣ полагается извѣстное количество вина, такъ называемыя затрапезныя чаши. Этотъ всеобщій монастырскій обычай, уставомъ утвержденный, Александромъ былъ постоянно отмѣняемъ, когда приходилось праздновать дни именинъ или рожденія Петра или Екатерины. Мало того; даже обычное молебное пѣніе за царскихъ особъ, положенное въ эти торжественные дни, Александръ опускалъ. Такъ 23-го (а не 22-го, какъ у г. Есипова) Ноября 1716 года, въ навечеріе дня Св. Великомучиницы Екатерины, именинъ царицы, Александръ распорядился, чтобы было пѣніе безъ праздника. Такое нарушеніе установленнаго порядка церковной службы не могло остаться незамѣченнымъ братією, и, по окончаніи вечерни, старый архимандритъ Кириллъ замѣтилъ Александру:

— Для чего ты въ тезоименитство благовѣрныхъ государыни Екатерины Алексѣевны праздновать не велѣлъ?

— Что праздновать! И такъ добро,—былъ отвѣтъ Александра.

— То не хорошо, замѣтилъ ему вновь Кириллъ. Мы прежде сего для ангеловъ государыней царицъ всегда праздновали съ палеэлесомъ и послѣ вечерни молебствовали соборнѣ. И въ такіе дни, для государевыхъ ангеловъ, по святой литургіи, на трапезѣ братіи бывало *утѣшеніе довольное*.

Въ именини государя, день Петра и Павла, опять, по распоряженію Александра, не было ни церковнаго молебствованія о царѣ, и монахамъ не было трапезнаго угощенія или, какъ выражаются въ монастыряхъ, довольнаго утѣшенія. *

Тогда Кириллу сдѣлалось ясно, что Александръ—прямой про-

*Чтобы читатель могъ обнять умомъ размѣръ преступленія Александра, мы напомнимъ ему, что въ то время нещадно билъ кнутомъ духовныхъ особъ не только за отмѣну установленныхъ въ честь государя и государыни церковныхъ торжествъ, но даже за то, что иные изъ нихъ осмѣливались въ царскіе дни служить въ ризахъ второго разбора.

тивникъ царскому величеству, и онъ сталъ размышлять о средствахъ обнаружить его противность и вмѣстѣ съ тѣмъ избавить братію отъ ненавистнаго ей притѣснителя. Опасаясь сязать объ этомъ кому-либо изъ братіи, чтобы не пострадать безъ толку, Кирилль рѣшился тайно оставить монастырь и бѣжать въ Новгородъ, чтобы объявить о дѣлѣ своему архіерею. Но отъ Александра убѣжать было очень трудно; намѣреніе Кирилла отъ него не утаилось, и онъ, перехвативъ его собранные дожитки, которые были уложены имъ въ дорогу, взялъ Кирилла въ его келліи и посадилъ въ тюремную на цѣпь. Черезъ три дни его высѣкли плетью и съ пригрозой выпустили на волю, не переставая впрочемъ караулить каждый его шагъ. Но, не смотря на зоркость монашеской стражи, Кирилль успѣлъ такъ бѣжать изъ монастыря и отправился сперва въ Новгородъ, а потомъ и въ Петербургъ, чтобы объяснить, что дѣлается у нихъ въ монастырѣ. Но бѣдный старецъ испыталъ совершенную неудачу: къ Стефану Яверскому его не допустили слуги, а его архіерей, Ѳедосій, велѣлъ ему ѣхать въ Свирскій монастырь «во прежнему» и прибавилъ: «чтобъ я тебя здѣсь впередъ не видѣлъ.»

Кирилль принужденъ былъ возвратиться къ себѣ въ монастырь; тамъ его немедленно сковали, высѣкли плетью и отправили въ приписной Введенскій монастырь, подъ стражею. Удаленіе его необходимо было для Александра особенно потому, что государь готовился въ то время ѣхать въ ту сторону, на Марціальныя воды и хотѣлъ захватить дорогою въ Свирскій монастырь, о чемъ изъ Петербурга уже сообщали Александру за вѣрное. Царь, пріѣхавши въ монастырь, занемогъ и пролежалъ въ немъ дня четыре; но никто не смѣлъ возвысить своего голоса противъ Александра, и царь уѣхалъ, не узнавъ ничего и оставивъ въ даръ монахамъ 250 рублей. Эти деньги отнялъ у нихъ силою архимандритъ и присвоилъ себѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что пріѣздъ царя «великій убытокъ учинилъ (монастырю), и этихъ денегъ вамъ не будетъ.»

Раздраженная этимъ насиліемъ братія рѣшилась начать борьбу съ Александромъ; и когда пріѣхала въ монастырь вдовая царица, Просковья Ѳедоровна, они сочинили сообща жалобу и, «по страху» не подписавъ ни чьимъ именемъ, подали ей черезъ монаха Пахома, оказавшагося посмѣлѣе другихъ. Жалоба была написана на имя царя; въ ней изображены были всѣ нечистыя дѣянія архимандрита Александра: захватъ пожалованнымъ ца-

ремъ денегъ, праведъ крестьянъ, постройка на пристани рѣки Свири часовни «ради его бездѣльныхъ корысти и прибытка.»

«Онъ же архимандритъ, писано въ жалобѣ, царскимъ ангеламъ не празднуетъ и молебнаго пѣнія на тѣ царскія ангела не совершаетъ, и, по царскимъ родителямъ, на памяти, о преставленіи ихъ, божественной службы соборно не служитъ и панихидъ соборно не поетъ.»

«А къ сему донесенію за страхомъ его, архимандрита, руку приложить никто не смѣетъ, потому что если кто начнетъ говорить про архимандрита, то ему доносить, и онъ бьетъ до полусмерти. И бывшій архимандритъ Кириллъ хотѣлъ донести вашему царскому величеству объ его архимандричьемъ непорядочномъ житіи, и за то онъ архимандритъ его Кирилла былъ по три накона, что едва ожилъ, и оковавъ сослалъ въ приписной Введенскій монастырь, чтобъ къ Вашему Величеству съ доношеніемъ не шелъ.»

Затѣмъ исчисляются другія жертвы жестокости и корыстолюбія Александра, испрашивается милость и вниманіе къ положенію оскорбляемой братіи:

Царица Прасковья Федоровна торопилась къ обѣднѣ и не дослушала жалобы до конца, а затѣмъ и вовсе уѣхала изъ монастыря, оставивъ монаховъ неумолимому мщенію Александра. Начались ежедневные розыски о томъ, кто писалъ и подавалъ просьбу. Такъ какъ никто не желалъ выдать ни сочинителя, ни подателя просьбы, то Александръ началъ бить поочередно всѣхъ своихъ монаховъ плетями, надѣясь этимъ средствомъ раскрыть главныхъ виновныхъ. Долго бы продолжалось это тиранство, если бы къ счастью монаховъ не прибылъ въ это же время въ Свирскій монастырь комиссаръ Лупандинъ.

Передъ прибытіемъ въ этотъ монастырь, Лупандинъ заѣхалъ въ Введенскій, гдѣ томился несчастный Кириллъ. Узнавъ о призвѣдѣ комиссара, Кириллъ явился къ нему и объявилъ за собою «государево слово и дѣло.» Желая сбыть съ своихъ плечъ такое бѣдовое дѣло, комиссаръ Лупандинъ рѣшительно потребовалъ отъ Александра, чтобы онъ отправилъ Кирилла въ Петербургъ немедленно, грозя въ противномъ случаѣ донести о томъ самъ.

Александръ принужденъ былъ исполнить требованіе комиссара, и отправилъ закованнаго Кирилла въ Петербургъ, гдѣ и представили его въ Невскую монастырскую канцеларію. Архи-

надритъ Невской лавры Феодосій, узнавъ, что узникъ Кирилль объявилъ за собою государево слово и дѣло, призналъ необходимымъ, ни мало не медля, отправить его въ тайную канцелярію, къ Петру Андрѣевичу Толстому.

Такъ какъ дѣло касалось оскорбленія высокомонаршей чести государя и государыни, то черезъ день, по поступленіи Кирилла въ тайную канцелярію, въ Александровъ Свирскій монастырь скакалъ уже нарочный, Преображенскаго полка сержантъ, Михаила Селивановъ, которому приказано было захватить Александра съ другими прикосновенными къ дѣлу лицами, письма же его, собравъ въ одно мѣсто, не разбирая, замкнуть и запечатать и привести въ Петербургъ.

Вмѣстѣ съ Александромъ Селивановъ доставилъ въ тайную канцелярію свиточника бѣльца Степана Артѣмева и строителя Введенскаго монастыря Тихона. Начались допросы.

Отъ непристойныхъ словъ про царя и царицу Александръ отпирался; о навечеріи дня св. Екатерины, какъ совершалось богослуженіе, сказалъ, что не упомнить; а въ Петровъ день не служилъ-де соборнѣ за умаленіемъ церкви.

Между тѣмъ несчастный Кирилль, измученный продолжительными истязаніями, заболѣлъ къ смерти. Свѣтловельможный и пріязный господинъ, * Петръ Андреевичъ (Толстой) приказалъ духовнику его, постоянному исповѣдателю колодниковъ, Исакиевскому протопопу Алексію, увѣщевать его страхомъ суда Божія и вѣчныхъ мученій открыть всю правду о дѣлѣ архимандрита Александра. Умиравшій Кирилль на этой розыскной исповѣди пощадилъ врага своего и свелъ съ него самое важное обвиненіе въ непристойныхъ словахъ о царѣ и царицѣ. Со смертію Кирилла, измѣнившаго нѣсколько свои показанія и тѣмъ подавшаго поводъ оподозрѣть и вообще истину доноса, для Александра открывалось несомнительная надежда на освобожденіе и восстановленіе въ его должности. Но за Кирилла явился совершенно неожиданный мститель, свиточникъ Степанъ, привезенный вмѣстѣ съ Александромъ для допросовъ. Сознывая себя виновнымъ предъ покойнымъ старцемъ, онъ потребовалъ, чтобъ его лично представили въ тайную канцелярію, и тамъ торжественно и во всей подробности объявилъ объ оскорбленіяхъ высокомонаршей чести, сдѣланныхъ царю и царицѣ не только въ

* Такъ писали тогда въ письмахъ.

1716 году, но повторенных и въ 1718 году. По показаніямъ Степана, вытребовали почти весь Свирскій монастырь къ отвѣту, и всѣ прибывшіе оттуда монахи единогласно подтвердили, что въ 1718 году, какъ въ 1716-мъ, въ день тезоименитства благовѣрныхъ государыни царицы Екатерины Алексѣевны «с полнелесомъ не праздновали, и молебнаго пѣнія не было.»

Александръ упрямо заперся, и при допросахъ, и при оныхъ ставкахъ, не признался ни въ чемъ даже тогда, когда въ его бумагахъ отыскали просьбу, поданную на него всѣмъ монастыремъ царицъ Прасковья Федоровнѣ. Тогда почли нужнымъ приступить къ розыску и для того прежде всего лишили Александра священнаго сана и обратили въ мірское состояніе. Слѣтіе сама произвело на Александра неожиданное и неизъяснимое впечатлѣніе; увидѣвъ себя въ простой колоднической одеждѣ, онъ потребовалъ себя бумаги и чернила, и написалъ признаніе, которое, какъ замѣчательный исторической документъ, мы приводимъ здѣсь въ его цѣломъ видѣ.

«Александрова Свирскаго монастыря, азъ архимандритъ Александръ написалъ сію писаніе своею рукою.»

«Не праздновалъ святой великомученицѣ Екатерины также и молебна не пѣлъ въ день тезоименитства царицы Екатерины Алексѣевны сицевыя ради вины!»

«Ради ихъ царскаго величества брака...» *

«По семъ восхотѣлъ его царское величество вѣнчаться съ нею: не взявъ на сіе отъ перваго архіерея благословенія и еже восхотѣ, то и сотвори царскою своею властію, и никому же о семъ ему возбраняющу: вшесть въ Божию церковь его царское величество съ нею обвѣнчался.»

«А ежели-бы о сицевомъ брацѣ вѣдомо было первому архіерею, такожде и прочимъ архіереямъ и всему освященному собору: то бы никогда такому браку соизволили быти во святой Божіей церкви вѣнчану; но по правиламъ святыхъ апостолъ и Св. отецъ... ** церкви. И въ семъ его царское величество

* Въ подлинникѣ невозможно разобрать нѣсколько строчекъ Прим. Изд.

** Тоже. Нужно думать, что Александръ называлъ въ этомъ мѣстѣ бракъ Петра съ Екатериною незаконнымъ, какъ совершенный при живой женѣ, и еще можетъ-быть какъ бракъ православнаго съ иноувѣрною; а вѣроятноже, по обвѣмъ причинамъ вѣстѣ.

насиліе сотворилъ не малое! Еще же къ сему я духовное средство имать его царское величество съ нею царицею: понеже во крещеніи ея царицы Екатерины Алексѣевны крестною матерью была благородная государыня царица и великая княжна Наталія Алексѣевна. И ему, царскому величеству, по духовному средству, имать быти царица Екатерина Алексѣевна племянница; а духовное средство во святой, соборной и апостольской церкви Божіей предпочитается паче плотскаго.»

«И о сицевомъ... брацѣ ихъ царскаго величества вся святая соборная и апостольская церковь великороссійская скорбитъ и слезить даже до днесь».

«И о сицевыхъ случаяхъ ихъ царскаго величества и азъ убогій архимандритъ Александръ ревностію подвигохся: за сицевое насиліе ими сотворенное, сотворилъ тако, якоже изъявилъ писаніемъ симъ: о торжествѣ тезоименитства ея величества не праздновали ея тезоименитству, и молебна не пѣли, который поется вънавечеріи ея тезоименитства.... ихъ бракосочетаніе.»

«Еще же къ сему его царское величество въ противность творить противу святой восточной апостольской греческой церкви, отъ которой благочестивая православная христіанская вѣра принята въ великороссійскую святую соборную и апостольскую церковь: которые отъ нея опредѣленные святые посты приела святая соборная и апостольская церковь, и хранить божію благодатію даже до сего времени, якоже прежде бывшіе Россійскіе великіе князья кievскіе, такожде и великороссійскіе московскіе великіе князья и благочестивые великіе государи цари и великіе князи хранили даже и до сего его царскаго величества царствованія; но нынѣ его царское величество взялъ обычай отъ падшаго западнаго костела римскаго, который отринуть отъ святыя восточныя греческія церкви и, якоже же гнилый удъ, отсѣченъ отъ соединенія за многіе догматы противные, во свой западный костель имъ внесенные, которые со святою восточною греческою церквою не согласующіе. И нынѣ его царское величество дрялѣ обычай того западнаго отпаднаго римскаго костела: во вся святые посты и во все лѣто, въ среды и пятки, самъ разрѣшаетъ на мясо и другимъ всѣмъ повелѣваетъ творити такожде, яже и творять мнози отъ его царскаго синклита. И отъ прочихъ христіанъ мнози, на ихъ смотря, творять: ядятъ потому же мясо во святые посты, якоже западный отпадный костель римскій повелѣваетъ творити тако, отъ него же его царское ве-

личество сей обычай воспріялъ, противность твора святой восточной церкви».

«Также его царское величество того западнаго костела отпадшаго пріялъ и прочіе обычай: брадобритіе и власы на главахъ своихъ носятъ накладные, яко нѣкую мерзость, и якоже сатиры дивніи тако входятъ въ храмъ Господень безстыдно и безъ страха Божія».

О табакѣ см. выше.

«Также его царское величество и прочіе обычай того западнаго отпадшаго костела воспріялъ отъ главы и до ногъ, которые и видятъся. И сего ради, святая соборная и апостольская церковь и всѣ благочестивіи вѣрніи христіане явѣ и тай соболѣзнують и плачутъ и скорбятъ о сицевыхъ начинающихся и дѣющихся беззаконіяхъ въ Великороссіи; съ ними же и азъ, писавый сіе писаніе, со вѣми любящими святыя восточныя церкви догматы и обычай и преданіи святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, соболѣзную; и сего ради написалъ сицевое писаніе въ исправленіе, да некогда, пришедъ въ себя, его царское величество о сицевыхъ дѣющихся противностяхъ противъ восточныя святыя греческія церкви исправится. Архимаандритъ Александръ».*

Такая ревность о церковныхъ установленіяхъ была бы достойна лучшей совѣсти, нежели Александрова. Конечно мы не можемъ одобрить того спѣсоба, которымъ Александръ ее выражалъ: это тайное и заочное сопротивленіе насилію, выражавшееся въ произвольной и негласной отмѣнѣ царскихъ молебновъ, не достойно поборника церковныхъ правъ, въ дѣйствіяхъ котораго все должно быть явно и открыто. Въ особенности же нравственная цѣна Александрова протеста умалется отъ того, что онъ былъ выраженъ имъ тогда, когда для него уже не оставалось большой надежды на спасеніе отъ рукъ преслѣдующихъ истязателей. Но за самый предметъ его ревности, повторяемъ, могъ бы возвысить голосъ самый чистый и свободный отъ всѣхъ личныхъ цѣлей человѣкъ. Въ разводѣ великаго князя Василя Ивановича съ Саломією, противъ котораго возстать почелъ долгомъ своей совѣсти Св. Максимъ Грекъ, было горздо менѣе соблазнительныхъ обстоятельствъ, нежели въ расторженіи брака Петра съ Евдокією, который, кромѣ священнаго таинства, былъ скрѣпленъ еще и рожденіемъ наслѣдника.

* Стр. 147.

Но, вѣрно время Петра Великаго было такъ скудно людьми чистой и безтрепетной совѣсти, что возражать ему досталось не святому мужу и не предстоятелю церкви, а порочному Алексѣю Лампадчику. Одно изъ величайшихъ несчастій нашей исторіи именно состоитъ въ томъ, что эта роковая ея эпоха, которой мы обязаны и своимъ политическимъ значеніемъ, и всѣми благами западной науки и искусства, представляетъ такое страшное оскуденіе нравственныхъ началъ и гражданскаго мужества. Могучій гениальный, но въ то же время односторонній и исполненный пристрастій, преобразователь, не задумывавшійся приносить въ жертву своимъ начинаніямъ все на свѣтѣ, имѣлъ крайнюю нужду въ мужественномъ и притомъ просвѣщенномъ и безкорыстномъ противодѣйствіи, которое не имѣло бы въ себѣ ничего грубаго или фанатическаго, что видимъ въ оппозиціи старовѣрческой, но опиралась бы на такія прочныя и всеобщія начала, предъ которыми принужденъ былъ бы склониться и этотъ неукратимый духъ.

Г. Есиповъ съ весьма понятнымъ любопытствомъ задаетъ себѣ вопросъ о внутреннихъ движеніяхъ души Алексѣя Лампадчика, побудившихъ его къ такому отчаянному признанію. И мы вмѣстѣ съ нимъ приходимъ въ недоумѣніе: отчего послѣ такого упрямаго заперательства, такъ внезапно и такъ рѣшительно выдалъ свою тайну и выразилъ ее на письмѣ съ замѣчательною твердостью и даже литературнымъ приличіемъ? Изъ всѣхъ предположеній объ этомъ г. Есипова самымъ правдоподобнымъ представляется то, что самолюбіе заставило его идти на казнь (отъ которой уйти онъ не надѣялся) очистительною жертвою идей народныхъ, противныхъ нововведеніямъ Петра *. Впрочемъ и то надобно замѣтить, что сильная преданность тому или другому ученію не рѣдко уживается въ душѣ съ весьма злыми и безчестными страстями.

Сознаніе Алексѣя Лампадчика немедленно было доставлено Петру и было прочтано имъ съ полнымъ вниманіемъ, знаки котораго сохранились въ его краткихъ замѣткахъ, сдѣланныхъ имъ особо на четвертушкѣ сѣрой бумаги: «о мысль» — «о борода» — «о табакъ» — «что пострижена» — «что не прекрещивана».

Онъ приказалъ строго допросить Алексѣя, не участвовалъ ли въ его мысляхъ и совѣтахъ кто-либо другой, въ особенности

* Стр. 150.

изъ духовныхъ лицъ. Алексѣй отвѣчалъ: «что все написалъ изъ себя, а съ другими, какъ съ архіереями, такъ и съ прочими духовными и мірскаго чина людьми ни съ кѣмъ о томъ, что въ помянутомъ письмѣ его написано, совѣта и разговоровъ онъ не имѣлъ, и ни отъ кого не слыхалъ».*

Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ розыска; онъ совершенно сходенъ съ описанными у насъ выше: виска, кнутъ и т. д. Къ этому розыску привлекли и дьяка Климовтова, отъ котораго узнали нѣкоторыя обстоятельства прежней жизни Алексѣя Лампадчика, свидѣтельствующія о давности его протвпленія дѣйствіямъ Петра. Но его отпустили по добру, по злову, равно какъ и всѣхъ монаховъ Александра Свирскаго монастыря, привлеченныхъ къ дѣлу. Одинъ изъ нихъ іеродіаконъ Іосифъ, получилъ даже пять рублей награжденія за справедливость обвиненія.

Самаго же виновнаго, «Свирскаго монастыря бывшаго архимандрита Александра, что нынѣ Алексѣй» опредѣлено колесовать.

«23 февраля, пишетъ г. Есиповъ, привели Алексѣя за кровверкъ къ столбу, и передъ казню дьякъ тайной канцеляріи прочелъ ему сентенцію:

«Рострига Алексѣй!

«Въ прошлыхъ годахъ, въ бытность свою въ Москвѣ, въ Чудовѣ монастырѣ, простымъ старцемъ у Чудотворцева гроба въ лампадчикахъ, имѣя ты у себя въ кельѣ образъ Іерусалимскія Богородицы, ханжилъ и прельщалъ простой народъ, объявляя себя, яко свята мужа, и во время приходу того простаго народу, которые, не зная истины и твоего прельщенія, просили у тебя о себѣ къ Богу молиться и давали подаяніе, отъ чего имѣлъ ты себѣ богомерзкіе прибитки. А потомъ, вышедъ изъ того монастыря, жилъ ты въ Москвѣ подъ церковью Максима блаженнаго, и потому (жъ?), имѣя у себя помянутый образъ, ханжилъ и простой народъ прельщалъ такимъ же образомъ, паче перваго, и получалъ себѣ такую же богомерзкую мзду, а потомъ проискомъ своимъ, чрезъ нѣкоторыхъ людей, отосланъ ты въ Никольскій монастырь, что на Перервѣ, и посвященъ въ попы, въ прошломъ 1716 году. (Тутъ описаны продерзости Алекова противъ высокомонаршей чести)...

* Стр. 151.

«И великій государь указалъ за тѣ твои выщепенныя зломышленныя вины учинитъ тебѣ смертную казнь: колесовать».*

По предпринятому и въ началѣ нашей статьи выраженному намѣренію, намъ слѣдовало бы обратиться теперь къ разбору раскольниковской библиографіи Павла Любопытнаго; но чувствуемъ, что послѣ такихъ страшныхъ и потрясающихъ повѣствованій, которыми исполнена наша статья, разборъ мелкихъ, иногда не лишенныхъ ученаго достоинства, но большею частию страшныхъ и даже смѣшныхъ проявленій раскольниковской письменности, показался бы читателю утомительнымъ и мало умѣстнымъ. Оставляя исполненіе данного обѣщанія до другаго времени, возвратимся еще разъ къ тѣмъ рассказамъ, которые составили содержаніе настоящей статьи и въ заключеніе ея скажемъ еще нѣсколько словъ о ихъ историческомъ значеніи.

Какъ ни отличны другъ отъ друга главные дѣйствующія лица этихъ рассказовъ, какъ ни велика нравственная разность между яснымъ и вполне сознательнымъ обличеніемъ Иларіона Докукина съ одной стороны, и между иступленнымъ бредомъ Варлаама Левина съ другой, и т. д.; тѣмъ не менѣе всѣ эти протесты, какъ Докукина, такъ и Левина, и Алексѣя Лампадчика, имѣютъ общую связь, заключающуюся въ единствѣ вызвавшей ихъ причины. Всѣ они обращаются около одной главной мысли, которой сущность состоитъ въ томъ, что державная воля нашего Преобразователя простиралась не рѣдко за тѣ предѣлы, которые и для нея должны были бы почитаться непреступными. Всѣ эти протесты соприкасаются съ вопросами церковными и именно съ тѣми, которые опредѣляютъ взаимныя отношенія церкви и государства. Разнообразіе и множество протестовъ ясно показываютъ, что народъ увидѣлъ въ этомъ отношеніи значительнымъ измѣненіе противъ прежняго порядка вещей и, какъ видно, былъ этими перемѣнами глубоко и чувствительно оскорбленъ. Съ сожалѣніемъ замѣтимъ, что эти любопытнѣйшія черты Петрова царствованія до сихъ поръ очень мало обращали на себя вниманіе нашихъ историковъ; между тѣмъ какъ въ правильномъ изъясненіи ихъ лежитъ ключъ къ уразумѣнію существенныхъ сторонъ преобразованія Петра, его отношеній къ народной мысли, его нравственнаго характера и внутренней цѣнности. Правда, до сей поры искренній и свободный отъ предразсудковъ писатель едва-ли могъ бы принять на себя

* Стр. 155.

подобной задачи; съ другой стороны, для возможно полнаго и прямого рѣшенія ея чувствовался недостатокъ въ облагодѣянныхъ свидѣніяхъ, относящихся къ дѣламъ Петрова времени. Въ настоящее же время, когда признанъ уже вредъ прежде господствовавшаго укрывательства, и когда о дѣлахъ не только прошедшихъ, но и современныхъ намъ, дозволяется разсуждать, съ достаточною свободою, когда съ другой стороны многія тайныя дѣянія временъ Петровыхъ сдѣлались извѣстны всему читающему обществу,—мы полагаемъ, что изслѣдованіе обозначеннаго нами вопроса могло бы составить задачу, достойную способнѣйшаго и образованнѣйшаго русскаго историка. Не знаемъ будетъ-ли принята на себя кѣмъ-либо изъ представителей нашей исторической науки (виноваты, если выразились крупно) эта задача; но если бы это случилось, то разсмотрѣнные въ нашей статьѣ эпизоды Петрова царствованія, — безъ сомнѣнія, не были бы при этомъ забыты, и хотя они не составили бы главныхъ источниковъ для рѣшенія вопроса, однако, въ свою очередь, послужили бы къ опредѣленію важныхъ и любопытныхъ его подробностей.

Въ этомъ безспорная и не малая заслуга г. Есипова, хотя нельзя не пожелать, чтобы, въ дальнѣйшей своей дѣятельности, почтенный издатель историческихъ документовъ избѣжалъ нѣкоторыхъ погрѣшностей, коихъ не чуждъ его настоящій трудъ.

С Л Ъ Д С Т В І Я

ПАДЕНІЯ ОБЩИННАГО И ВЫБОРНАГО НАЧАЛА.

Дополненія къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою Комиссіею. Томъ восьмой. Сяб. 1862 г.

Царствованіе Алексѣя Михайловича весьма замѣчительно въ административной жизни Россіи окончательнымъ подавленіемъ старыхъ началъ, выработанныхъ народомъ въ теченіи вѣковъ, и преобладаніемъ новаго порядка и устройства государственнаго: Самымъ замѣтнымъ и важнымъ, по своимъ послѣдствіямъ, явленіемъ было паденіе общиннаго самоуправленія въ Россіи и съ нимъ замѣтное уничтоженіе выборнаго свободнаго самосуда. Подготовка къ этому шла чрезъ цѣлыя столѣтія, и произвела зрѣлые плоды въ XVII вѣкѣ. Сосредоточеніе власти въ Москвѣ убивало мѣстные обычаи и стремленія народа; нѣсколько служилыхъ лицъ старались замѣнить собою прежнія установленія, отвѣчавшія стремленіямъ массъ. Имѣя сильное вліяніе на дѣла администраціи и законодательства, эти высшія лица успѣвали въ своихъ личныхъ стремленіяхъ укрѣпить за собою народъ и не давать ему никакого самостоятельнаго движенія и хода. Каждый изъ значительныхъ бояръ имѣлъ цѣлую ватагу приближенныхъ, и разсыпалъ ихъ щедрою рукою по лицу земли русской. Эти мелкіе фавориты пріѣзжали открыто для того, чтобы за свою усердную службу, поживиться на счетъ подчиненныхъ,

и эта система кормленія была освящена закономъ, такъ что воеводы писали въ челобитныхъ, чтобъ дали имъ по прибыльнѣе уѣзды, потому что они люди семейные. Особенно замѣчательна просьба князя Звенигородскаго, который вымаливалъ себѣ мѣсто воеводы Бялозерскаго, потому что тотъ въ одинъ съ небольшимъ годъ успѣлъ себѣ скопить состояніе, а онъ князь задолжалъ и умираетъ съ голоду, а людишки его пропадають на правезѣ. (Времен. IV, 40). Во многихъ приказныхъ избахъ подъячіе не получали еще никакого жалованья, при Алексѣ Михайловичѣ, и довольствовались сборомъ съ подсудимыхъ и вообще имѣющихъ къ нимъ просьбы по дѣламъ, и на челобитныя смотрѣли какъ на поживу; крестьяне строили воеводамъ дворы, давали деньги въ приказную избу на свѣчи, на чернила и бумагу и кормили подъячихъ. Въ это время видно уже стремленіе правительства поставить судей въ независимое положеніе и оградить народъ отъ ихъ притѣсненій; но полумѣры ни къ чему не вели. Присланные воеводы и другіе начальники не соответствовали живымъ потребностямъ народа, не знали его волюющихъ нуждъ и кровныхъ интересовъ, не имѣли къ нему симпатіи, и были чужды его духу, желаніямъ и инстинктамъ, не сливались съ нимъ органически. Уполномоченные властію свыше, подпертые протекціей силы, огражденные монополіей суда,—они смотрѣли только на приказанія, чтобъ угодить облекшимъ ихъ правомъ и довѣренностью, и не могли, ослѣдительно, обсудить дѣло опытно, безпристрастно, съ живымъ сочувствіемъ къ мѣстнымъ народнымъ нуждамъ и стремленіямъ, какъ требовало теченіе жизни и обстоятельствъ. Народъ не имѣлъ противъ этого чуждаго начальства никакого контроля, и шиталъ къ нему чувство страха, привыкалъ видѣть въ немъ холодную бездушную силу, не имѣющую къ нему участія, не уважающую его правъ, драгоценныхъ качествъ умственной и нравственной жизни. Голодъ, страданія, нищета, раззореніе не трогали безчувственныхъ пришлыхъ начальниковъ; воля народная попиралась ими самымъ безжалостнымъ образомъ. Не будемъ слѣдить подробно, до какихъ страшныхъ размѣровъ доходили злоупотребленія московскаго чиновничества, противъ которыхъ община ничего не могла сдѣлать, кромѣ посланки челобитья,—укажемъ только на нѣкоторые выдающіеся факты. Въ 1649 году, въ старорусскомъ уѣздѣ, воевода съ своими людьми ѣздилъ по волостямъ съ цѣлью вымучивать у крестьянъ деньги,

и подвергалъ ихъ разнообразнымъ истязаніямъ; онъ учреждалъ пиры для подчиненныхъ, чтобъ каждый богатый приносилъ ему на поклонъ, а кто не жаловалъ на воеводскій пиръ, — за тѣмъ онъ посылалъ и отправлялъ въ тюрьму, осуждалъ на работу, отъ которой можно было только откупиться (Допол. III, 238). Особенно въ отдаленной Сибири самоуправство и тиранства воеводъ и дьяковъ не имѣли границъ. Пріѣзжая туда, каждый новый воевода обязанъ былъ собрать подвѣдомственныхъ ему жителей, и по царскому наказу продиктовать имъ, что прежніе правители, дьяки и приказные дѣлали имъ многія обиды, продажи и тѣсноты самовольствомъ, нужды ихъ не разсматривали и управы между ними прямой не чинили, а брали съ нихъ посулы и поминки. Въ 1665 году, сент. 3-го по челобитной подробно означено, что творилъ емисейскій воевода Василій Голохвастовъ; въ ней говорилось, что онъ «для своихъ пожитковъ прибираетъ въ государеву службу гулящихъ и промышленныхъ людей, а не отрѣбцекскихъ и не казачьихъ дѣтей, и отъ того емлетъ государеву денежное и хлѣбное и соляное жалованье, годовые оклады; посадскихъ людей написалъ въ ямскую гоньбу, и оттого взялъ съ нихъ 150 р. серебрянныхъ денегъ, и многимъ посадскимъ людямъ, ихъ братьѣ, и дѣтемъ и племянникамъ, своими примѣты учинилъ убытки великіе, работныхъ людей у нихъ отогналъ, и они-де промысловъ своихъ отбыли, а иныхъ людей чиновъ своими приметы испродалъ, и билъ, и мучилъ, и въ тюрьму сажалъ. Да онъ для своихъ пожитковъ отдаетъ на откупъ помѣсячно зернь и корчму, и безмужныхъ женъ на блудъ, и оттого емлетъ себѣ откупу рублей по 100 и больше, и тѣмъ блуднымъ жонкамъ велитъ наговаривать на пріѣзжихъ торговыхъ и промышленныхъ людей напрасно, по ихъ оговору безъ смыслу и безъ разспросу сажаетъ въ тюрьму, а къ тюрьмѣ присылаетъ вѣдомыхъ воровъ и ушниковъ и сорщиковъ, деньщика Тимофеева, да ссыльнаго вора и зерноваго откупщика Булгакова уговариваться, и отъ того емлетъ съ торговыхъ и промышленныхъ людей, гюремною темнотою и всякимъ мученіемъ, по 40 и по два сорока соболей, а съ иныхъ деньгами рублей по 30, по сорока и больше. А которыхъ служилыхъ и посадскихъ людей остаются въ домѣ жоны, а они въ то время бываютъ въ отъѣздахъ, и онъ Василій, свѣдавъ ихъ пожитки, жонъ ихъ емлетъ въ застѣногъ, ночью и пытается и спрашиваетъ серебрянныхъ денегъ; и тѣми примѣты и мученіемъ ихъ до конца

разорилъ. Да онъ же де Василій емлетъ къ себѣ на дворъ казенные поваренные большіе и малые котлы про свои обиходы; для своихъ пожитковъ велитъ вино курить на свои обиходы, въ городѣ на государевой поваритъ, нашими котлами, а работниковъ себѣ емлетъ тюремныхъ сидѣльцовъ, и люди его на себя вино курятъ же и продаютъ на соболи и на деньга въ черки. Въ воскресные дни ѣздитъ онѣ до обѣдни на поле съ собаками съ вѣдомымъ воромъ тюремнымъ сидѣльцемъ Плещеевымъ, который свободно ѣздитъ днемъ и ночью на конѣ съ ружьемъ, но ночамъ съ ножами и саблями за блудными жонками, и въ тюрьмѣ не почуветь. Тюремные цѣловальники доносятъ на Плещеева, а Василій бьетъ ихъ за это батоги вмѣсто кнута. Призываетъ къ себѣ на дворъ по вечерамъ Булгакова, Шайдуря, Семена, да ссыльнаго старца Сергія, и съ ними на енисейскихъ посадскихъ людей умышляютъ всякія затѣйныя бѣды, и тѣмъ своими затѣйными налогами ихъ разоряютъ? (А. И. IV, 182). И не подумайте, чтобъ это было необыкновенное явленіе, рѣдкое исключеніе въ тогдашней жизни, нѣтъ! — большая часть воеводъ походила на Голохвастова. Особенно воеводы нестерпимы были въ отношеніяхъ къ инородцамъ, подданнымъ Московскаго Государства, такъ что вынуждали ихъ дѣлать возстанія, и бѣжать изъ подъ власти московской. Иностранецъ Флетчеръ пишетъ, что воеводы не пользуются ни любовью, ни уваженіемъ народа; каждый годъ прибываютъ они на воеводство вновь свѣжими и голодными; грабятъ и обираютъ народъ ни на совѣсть; а когда окончатъ свой срокъ, то ѣдутъ къ отчету и отдають часть добычи тѣмъ, которые ихъ повѣряютъ въ четвертахъ и приказахъ.

Деньги, собранныя съ областей съ страшными праведаніи и тиранствомъ народа, сосредоточивались въ Москвѣ, уходили не на улучшенія экономическаго и нравственнаго быта самихъ труженниковъ, доставившихъ ихъ, а поглощались большею частью ратными людьми и служилымъ сословіемъ. Представленные къ приему и расходу денегъ распорядились ими почти совершенно произвольно: «они денежную казну многоу крали, и сами сносили и свозили, и стороннимъ людямъ сносить и свозить давали; и мѣдъ привозя и принимая у стороннихъ людей въ деньга дѣлали многожды, и отъ того воровства обогащали большимъ богатствомъ, и на тѣ воровскіе деньга дворы и всякіе заводы и промыслы построили, а покупали и заводили

большою дорогою цѣною». (П. С. З. № 344 Собрание Гр. III, 33). О судепроизводствѣ же этихъ лицъ и говорить нечего: всякую ложь, всякую неправду можно было скрыть и отбыть наказанія за деньги. Правительство, конечно, не потакало злоупотребленіямъ, и наказывало жестоко за преступления, но карательныя мѣры не достигали цѣли: здѣсь необходимо было полномочіе и контроль общины. Сельскія и городскія общины выражаютъ еще свободно свой голосъ, напоминаютъ о своихъ нуждахъ и стремленіяхъ, подаютъ протесты противъ неправыхъ дѣйствій и злоупотребленій мѣстныхъ властей, посылаютъ въ Москву ходоконъ—высказать свои практическія соображенія, жизненные совѣты съ удивительною прямою и безпристрастіемъ. Но эти формы требованія были не по шерсти бюрократіи московской; толпы вельможъ не понимали и не хотѣли знать жизненныхъ вопросовъ, задаваемыхъ народомъ; они привыкли вершить дѣла въ тихомолку, боялись смѣлаго энергическаго протеста и стремились замаять дѣло или представить его въ ложномъ свѣтѣ. Они заграждали путь просителямъ къ мягкому сердцемъ царю Алексѣю Михайловичу, скрывали отъ него горькія жалобы угнетенныхъ, беспомощность обиженныхъ, пораженія войскъ, жалкую нищету и страданія народа. Въ то время, по выраженію Коллинса, царя «окружало густое облако доносчиковъ и бояръ, которые направляли ко злу его добрыя намѣренія». Начиная съ Морозовыхъ и Милославскихъ и кончая сибирскими подъячими—все чувствовали себя правителями и распорядителями народа, считали себя въ правѣ бить и грабить его, по своему усмотрѣнію и произволу. Не имѣя общей сердечной связи съ народомъ, приближенные царя исполняли службу единственно изъ личныхъ выгодъ. Самъ Алексѣй Михайловичъ очень хорошо понималъ это, и высказалъ въ своихъ письмахъ вѣрный взглядъ на служилыхъ. «У насъ ѣдутъ съ нами отнюдь не единодушеніемъ, говоритъ онъ, напротивъ двоедушіемъ, какъ есть облака — овогда благопотребнымъ воздухомъ и благонадежнымъ и уповательнымъ явятся, овогда же зноемъ и яростію и ненастьемъ, всякимъ злохитреннымъ обычаемъ московскимъ явятся; овогда знаемъ отчаяніемъ и погибелью прорицаютъ, овогда тихостію и блѣдностію лица своего отходятъ лукавымъ сердцемъ, всегда на гогульвую статью: все върозъ,» заботятся не о вѣрной службѣ, а о личной безопасности да о пожелѣ; среди военнаго разгрома, весь лучший полонъ, особен-

ныхъ молодыхъ женокъ и дѣвокъ, брали себѣ, хоть утекавъ убогся пушечной стрѣльбы. А ратныхъ людей пытали пытками и безъ разбору били и кнутомъ и батоги и ослономъ, даже булавою въ собственныхъ боярскихъ рукъ... Собаки берегутъ больше, чѣмъ служилыхъ людей... Давали повѣрныя извѣстія въ случаѣ проигрыша, утаивали побитыхъ ратныхъ людей, полонъ весь не показывали на лицо.

При Алексѣй Михайловичѣ, осталась уже жалкая пародія на прежніе выборы: они зависѣли отъ воеводъ и дьяковъ, или только отъ однихъ богатыхъ членовъ общины; но стачки съ начальствомъ добрые и торговые люди не отбивали выборовъ, потому что ихъ положеніе зависѣло уже отъ служилыхъ и они должны были угождать имъ, а не могли сдѣлать ничего въ пользу общины, еслибы и хотѣли. Если выборной не паясалъ подъ дудку воеводы, то онъ былъ въ опасности, что на него присчитаютъ лишнія деньги, накажутъ за оплошность и т. д. кромѣ того, была совершенная невозможность быть честнымъ и добросовѣстнымъ, особенно въ оборѣ таможенныхъ пошлинъ: такъ было ихъ много, и такъ было запутана эта статья доходовъ и окружена цѣлымъ слоемъ самыхъ недобросовѣстныхъ злоупотребленій. Вотъ мы читаемъ въ сказкѣ Даниила Строгонова съ братьями, гостининой и другихъ седемъ торговыхъ людей: При Михаилѣ Феодоровичѣ вся Руссія, изстаря такихъ великихъ лишнихъ пошлинъ, какъ нынѣ емлютъ, не бывали; а нынѣ, годъ отъ году, безпрестанно загвѣаютъ новосчинныя всякія лишныя наврасныя пошлины таможенные головы и цѣловальники, бояся недоборовъ и въ тѣхъ недоборѣхъ его государевы опалы и правезу, а въ тѣхъ его государевыхъ службахъ на всякой годъ бываетъ вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ, на Москвѣ и во всякихъ городѣхъ, по три тысячи человекъ и больша, за его государевымъ крестнымъ цѣлованіемъ и бояся тѣхъ недоборовъ всѣ бывають въ кратномъ преступленіи; а торговые всякіе люди, во всемъ его государствѣ, ото многихъ новосчинныхъ и не постоянныхъ и въ разноразличныхъ во всякихъ въ затерныхъ и въ проѣзжихъ пошлинахъ и въ задержанныхъ многихъ торговъ своихъ промыслишковъ отбыли и въ конецъ погубили душами и животами своими. (А. Э. IV, 64). Поэтому, въ выборы шли, большею частію, лица не добросовѣстныя, «мужики-горланы,» угодные воеводамъ, чтобы драть съ народа и дѣлаться поборами съ служилыми лицами, по предварительнымъ сдѣлкамъ. Притѣсненія народа отъ выбо-

рямъ иногда до того простирались, что за ними поручали надзоръ воеводамъ и дѣлали наказы—ограждать крестьянъ отъ ихъ злоупотребленій: «А того бѣ надъ выборными людьми смотрѣть и беречь на-крѣпко, чтобъ они своей братьѣ торговымъ людямъ никому ни въ чемъ не поровили, окладывали бы и ихъ вправду» и т. п. Въ 1663 г. ростовскіе посадскіе подали челобитную митрополиту Іонѣ на счетъ притѣсненій ихъ воеводою Пустошкинымъ: «мы, сироты твои, выбрали къ стрѣльцкому хлѣбному сбору 4 человека добрыхъ и выборъ отослали на съѣжую избу къ воеводѣ, а онъ стакнулся съ Иваномъ Роткинымъ, для своей бездѣльной корысти, велѣлъ его переимѣнить, а тотъ нашъ выборъ въ земскую избу выслалъ. Да онъ же воевода намъ сиротамъ чинить всякіе большіе налоги, и спрашиваетъ на насъ поминковъ и почестей большихъ, и въ исцовыхъ искахъ, въ кабальномъ и безкабальномъ долгу, черезъ поруки, не правожь бьетъ и въ тюрьму сажаетъ для своей корысти, и мы, сироты твои, отъ тое его воеводской налоги и обиды вконецъ погибли.» (А. И. IV, 174.)

Отъ подавленія выборнаго начала, основаннаго на добросовѣстномъ убѣжденіи и сердечномъ желаніи добра, произошло то, что сборы повинностей и множество пошлинъ были самыя не правильныя, не сообразныя съ естественными условіями мѣстности, занятій, степени богатства жителей и проч.

Налоги явились самыя не бывалыя и выдуманныя сборщиками; а крестьянамъ не сказывали о законныхъ требованіяхъ. Прежде всего правительству нужна была самая вѣрная перепись народа, чтобъ сдѣлать правильную раскладку податей; потому что община, знавшая приблизительно о состояніи каждаго своего члена, устранена была уже отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Но посланные, изъ Москвы переписчики, для своей поживы, въ сказкахъ означали крестьянскіе и бобыльскіе дворы не всѣ сполна, чтобы утаить свои продѣлки, они перевозили крестьянъ изъ двухъ-трехъ дворовъ въ одинъ, сгораживали у нихъ ворота, означали пустыми жилия мѣста, обводили цѣлыя деревни и починки. Отъ того оставалось много народа въ избыткахъ отъ податей, деньги собирались не ровно, и правительство само жаловалось, что у него нѣтъ средствъ уровнять всѣхъ. (Собр. гр. III, 27.) А сборовъ и пошлинъ такъ было много, и брали ихъ съ такимъ правожомъ, что цѣлыя посады разбѣгались отъ жестокой расправы; правительство же шибко нуждалось въ деньгахъ и цоо-

тоянно побуждало скорѣе собрать государеву казну и предписывало бить нещадно за недоимки. Бѣдное цародонаселеніе болѣе всего страдало и терпѣло тягости, а богатые жили во льготѣ; чины и власти не несли тягла съ земскими людьми, имѣли жалованныя земли, привилегіи и льготы. Акты XVII стол. наполнены челобитными отъ различныхъ областныхъ общинъ, заявлявшихъ правительству о всѣхъ административныхъ недостаткахъ и несообразностяхъ, происшедшихъ вслѣдствіе умноженія областного самоуправления и излюбленнаго права выбора. Крестьяне жалуются что, «при прежнихъ государяхъ, въ городахъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежь себя, а воеводѣ въ городахъ не было,» и крестьяне жили льготно, не происходило такого разительнаго экономическаго неравенства, всѣ несли тягло равно. А теперь, говорится въ челобитныхъ, тяглые обнищали и оскудѣли до конца, раззорились отъ множества налоговъ, отбыванія приказныхъ службъ, лишились своихъ торговъ и промысловъ, бредутъ врозь отъ злоупотребленій воеводъ и дьяковъ, таможенныхъ сборщиковъ, отъ насильственной приписки одной волости къ другой. Горько жаловались массы что «многіе лучшіе крестьяне, заговоромъ родомъ и племенемъ и семьями, во воеводскимъ подписнымъ челобитнымъ, отписывались отъ среднихъ и молодчихъ людей сошнымъ письмомъ, живутъ въ великой льготѣ, а среднимъ и молодчимъ вредъ ними было тяжело не въ мочь, и оплачивая ихъ обнищали и одолжали великими долгами; они воеводѣ подкупили, и отъ ихъ насильства многіе посадскіе и уѣздные крестьяне разбрелись врознь, а тѣ же сильные люди живутъ во льготѣ». (А. Э. IV, 6). Тяглые отъ поборовъ шли въ крѣпостные и закладывались за богатыхъ лицъ, а ихъ снова возвращали въ тягло; они старались выдти въ служилые люди отъ повинностей, отчего оставшимся въ тяглѣ становилось еще хуже; съ послѣднихъ требовали тѣ же повинности, какія и прежде, потому—что правительству неизвѣстны были мѣстныя потребности; вотъ, напримѣръ, челобитная новгородскихъ посадскихъ, которые писали, что ихъ осталось не много: «одни неремерли, другіе разбрелись, третьи сдѣлались не тяглыми, избывая податей, стали въ стрельцы, въ казаки и во всякіе чины, у митрополита живутъ въ приказныхъ и крестьянахъ, и оттого Новгородъ въ великомъ запустѣннѣ», тяглые дворы съ большими угодьями, податей не платятъ, а тягло и службы ло-

жатося на нихъ, достальныхъ посадскихъ; не тяглые и чиновные торгуютъ всякими товарами, у нихъ торговые промыслы отняли, а службъ съ ними не служатъ, живутъ пробыলেখъ. (А. Э. IV, 24). Правительство само сознавалось, что прежде «такова мятежу и междуособіа не бывало», что всякихъ чиновъ люди своею мочью и заступою откупили разные анбары, лавки, кабаки, а тяглые обѣднѣли; что заступные торговые люди затѣснили и избодѣли многими обидами, чинять, сматеніе, междуособіе и ссоры большія; что въ патриаршую, напрімѣръ, слободу сошлись изъ разныхъ городовъ болѣе 600 человекъ торговыхъ и ремесленныхъ для своего промыслу и легости. Но оно не находило дѣйствительныхъ средствъ противъ этого зла: оно только заботилось, какъ бы тяглые «за всякихъ чиновъ людей въ помѣстья и въ вотчины не разбѣжались, чтобъ въ избыли никто не былъ». Впрочемъ, подобныя приказы далеки были отъ того, чтобы дѣйствительно помочь горю, которое только и можно было уничтожить силою стараго областного самоуправленія и свободного выбора. На это указывали челобитчики, когда говорили, что, «исконн-де, при прежнихъ государяхъ въ городахъ всего московскаго государства, того ничего не бывало, а вездѣ были все государевы люди». Какъ стѣснительны и не сообразны были съ мѣстными условіями, по-видимому, благодѣтельныя распоряженія касательно общественной безопасности, — показываетъ челобитная бѣлозерскихъ посадскихъ: «во все лѣто не даютъ намъ избы и бань топннть ни одного дня въ недѣлѣ, печатаютъ избы и мыльни, и оттого имъ чинятся отъ воеводъ продажи и убытки и нужи великіе, и многіе люди отъ той нужи и стужи расходятся отъ своихъ домовъ, и живутъ по волостямъ и по деревнямъ, потому что де отъ озера приходятъ сѣверы и вѣтры по многіе времена, и бываетъ стужа великая въ лѣтнее время; отъ той стужи, отъ хлѣбной нужи, что печь негдѣ, мало и людей остается въ городѣ и на посадѣ, а каменщики и кирпичники ежелѣтно сходятъ къ Москвѣ къ государеву дѣлу, и печей на полыхъ мѣстахъ класть некому... Посадскіе люди кормятся отъ озера и промышляютъ ловецкимъ промысломъ, рыбою, прѣзжаютъ всегда мокры, обсушиться обогрѣться негдѣ, и отъ того бываетъ имъ нѣжа великая, а отъ воеводъ продажа и убытки многіе, людишки разбродятся врознь и городѣ-де отъ того пустѣеть». (А. Э. IV. 38). Средоточіе власти въ Москвѣ и по городамъ необходимо требовало частыхъ носылокъ по разнымъ

концамъ Россіи; нарочные проѣзжали цѣлыя тысячи верстъ, гоняли лошадей, дѣлали убытки крестьянамъ, при своемъ чиновничьемъ кредитѣ, позволяли всякіе поборы. Поэтому, очень много встрѣчается жалобъ на раззоренія отъ ямской гоньбы, «что отъ стороннихъ и воеводскихъ разсылщиковъ крестьянамъ стали многія обиды, ездютъ корми и подводы многожды и оттого села стали пустѣть». Олонецкіе крестьяне писали, что окольнічій и воеводы ѣздятъ для государевыхъ всякихъ дѣлъ, и берутъ подводы на 100 верстъ, хотя прежде перемѣняли въ шижнемскомъ и лучинскомъ погостахъ; «а мынѣ-де въ тѣхъ погостахъ дворяне и дѣти боярскіе и ихъ крестьяне чинятся сильны, подводу не перемѣняютъ и пропускаютъ мимо, а ихъ-де подводы учинились вновь, и отъ той новой гоньбы крестьяне черезъ тѣ погосты безперемѣнны гоняючи внонецъ погибли, и бредутъ врознь». Точно также чердынскіе и селикамекіе земскіе старосты били челомъ *во вѣсть крестьяль мѣсто*; что денежную, зелейную казну, фитиль и порохъ поднять и доставить въ сибирскіе города имъ невозможно; «наймы у нихъ дороги, потому что волоки гористы, а стройнаго яму у нихъ нѣтъ; гоняютъ ямскую гоньбу міромъ, а исходитъ-де у нихъ на ямскую гоньбу съ сохи тысячи по-полукторы и больше». Правительство предписало препроводить наемными изъ казны подводами чтобъ крестьянамъ отъ того дорогаго найму врознь не разбрестись». (А. Э. IV, 54. 58 120). Откупная система, введенная еще Годуновымъ, по своимъ злоупотребленіямъ не давала покою правительственнымъ лицамъ; они заботились «какъ бы великаго государя казні было прибыльнѣе, недобору бы не было и дорогою цѣною нитуховъ бы не отбить», чтобъ прекратить корчемство, сильно развившееся въ монастырскихъ вотчинахъ. Все это страшно стѣсняло народъ и помогало егѣ обдѣннѣю. Развитію же промысловъ и торговли мѣшали всѣ эти заставные и таможенныя сборы, постоянныя задержки, чуждое вѣдѣтельство чиновничества, множество заповѣдныхъ товаровъ, которыми не позволялось торговать. Откупщики и монополюлисты стѣсняли на каждомъ шагу торговую и промышленную дѣятельность крестьянъ своими придирками и остановками. Отсюда жалобы на таможенныхъ головъ, какъ напрямѣръ, изъ Олонца писали крѣстьяне, что въ вотчинахъ Юрьева монастыря голова Падоринъ съ товарищи въ 1674 г. накладываютъ и ездютъ съ нихъ многою лишнюю пошлину съ правезу, пожеволь; по ихъ

челобитной послали сыскивать подъячаго Карпова, и тотъ-де подъячій сыскивалъ неправдою, а съ иныхъ погостовъ ималъ обыски, мимо указу государя, про что ему и сыскивать не указано, для своей бездѣльной корысти. «Также таможенныя головы наложили вновь сборъ съ крестьянъ заонежскихъ погостовъ своимъ умысломъ съ мелкихъ продажъ, которыя крестьяне продаютъ и купятъ промежъ собою въ деревняхъ хлѣбъ, скотину и всякіе крестьянскіе мелкіе товары харчевое, на рубль, на гривну, на алтынъ для податей и крестьянскихъ нуждъ, и накладывали на тѣ мелкіе товары большимъ окладомъ, имали записи въ порядочныхъ деньгахъ смертнымъ правожомъ, чинили налоги, на правожъ били и мучили... Которые крестьяне поѣдутъ со всякими деревенскими мелкими товары въ города, чтобъ ихъ крестьянамъ, платя новоокладную большую пошлину, вконецъ не погибнуть и деревенскихъ участковъ не заустѣшь». (А. Э. IV, 496). Еще лучше было въ Сибири: въ 1646 г. на Верхотурье отъ царя послана была грамота, въ которой рассказывается, что въ енисейскомъ острогѣ подъячій В. Шпилькинъ съ приказчиковъ «ималъ себѣ насильствомъ съ товаровъ ихъ съ 1000 по 40 руб. а съ мелкихъ съ 100 по 4 р. и учинилъ для своего воровскаго умыслу и бездѣльной корысти, заставы многіе, мимо таможеннаго головы... А воеводы въ Кецкомъ острогѣ В. Нелединскій, а въ нарымскомъ Н. Чаодаевъ а въ Сургулѣ А. Измайловъ, а на Березовѣ М. Квашнинъ имали съ приказчиковъ и со всѣхъ промышленныхъ людей съ 1000 по 30 р., а со 100 по 3 р. и больше. И они-де торговые и промышленные люди отъ тѣхъ воеводъ обнищали, и торговъ своихъ и промысловъ отбили, вконецъ погибли, на Ленѣ и въ енисейскомъ острогѣ учинился недоборъ большой». (А. И. IV, 8).

Правительство хлопотало изъ-за сбора податей и старалось прирѣпить къ извѣстному мѣсту крестьянъ для удобства сбора, и тѣмъ парализировало развитие торговли. Въ 1649 г. предписано торговыхъ и промышленныхъ и откупщиковъ развести изъ Владиміра въ помѣстья и вотчины, сыскивать и вывозить на посады и отдавать за крѣпкія поруки, — «вслѣтъ имъ торговые промыслы, лавки, анбары и варницы продать посадскимъ тяглымъ торговымъ людямъ на срокъ, съ того числа какъ будетъ указъ объявленъ, мѣсяца на два—на три, а кто до того срока не продастъ, и тѣ лавки, анбары, погреба и варницы отписывать бы, если на насъ безденежно и велѣтъ оцѣнивать земскимъ

старостамъ и цѣловальникамъ;» а если заложить не тяглымъ, тоже отобрать безсрочно въ казну, а продавцовъ и закладчиковъ быть кнудомъ нещадно, чтобъ инымъ неповадно было такъ дѣлать. (А. И. IV, 159). Вотъ еще замѣчательный фактъ: поморскіе крестьяне жаловались, что у нихъ хлѣбъ не родится, а имъ не дали купить на Холмогорахъ и у Архангельска. А изъ стари-де вѣчно во все Поморье всякаго чину людямъ въ хлѣбной покупкѣ никакихъ тѣснотъ и заказу не бывало, покупали тамъ по вся годы всякіе хлѣбные запасы, платье и обувь про свои домашніе обиходы повольно и возили безъ заказу; а нынѣ-де, для той хлѣбной скудости, крестьяне помирають голодной смертію, а иные многіе врозь бредуть, вотчины заустѣли и подводъ гонцамъ и всякимъ посланникамъ ставить не кѣмъ.» (А. И. IV, 198.)

Рекрутскій наборъ, перешедши въ распоряженіе чиновничества, былъ странно стѣснителенъ для крестьянъ, какъ большую часть тогдашнихъ сборовъ ратныхъ сосредоточивали въ извѣстныхъ мѣстностяхъ; на крестьянахъ лежала обязанность доставлять кормежныя въ порубежные города. Община уже не имѣла самостоятельной силы противопоставлять отпоръ не только набѣгамъ разнаго рода инородцевъ, но и притѣсненіямъ своихъ ратныхъ, посылаемыхъ противъ нихъ. Лишившись права на мѣстное распоряженіе, община должна была писать челобитныя въ случаѣ непріятельскихъ набѣговъ и получала на нихъ отвѣты черезъ нѣсколько уже мѣсяцевъ, когда уже они бывали не нужны.

Для построекъ въ различныхъ мѣстахъ укрѣпленій, валовъ, городковъ, засѣкъ, казенныхъ зданій набирали опять крестьянъ и гнали ихъ въ далекія мѣста. Для разнаго мастерства правительство имѣло записныхъ плотниковъ, кирпичниковъ, портныхъ, скорняковъ, слесарей, которыхъ, по первому требованію, волокли изъ отдаленныхъ областей за цѣлыя сотни верстъ для казенныхъ работъ; а крестьянскія нужды некому было исправлять, даже печи некому было скласть, какъ мы видѣли выше.

Отрываемые отъ дому, отъ своихъ промысловъ, эти мастера всѣми силами стараются отбыть принудительной повинности, бѣгутъ куда глаза глядятъ. (А. И. IV, 186.)

При Алексѣѣ Мих. продолжалась раздача привилегій за службу, чтобъ крестьяне цѣловали и отвѣчали на присягѣ крестьяне за долги и злоупотребленія своихъ владѣльцевъ; ихъ сильно

были и сажали въ тюрьму, если провинится господинъ, или замедлить выѣздомъ на службу. Правительство посягало въ тогдашнее время не только на личную свободу, но стремилось подчинить своимъ распоряженіямъ симпатіи и антипатіи крестьянъ. Въ 1648 г. авг. 30 оно предписало въ кузнецкомъ острогѣ Томской г. пашеннымъ крестьянамъ выдать за мужъ своихъ дочерей и племянницъ «за сильныхъ холостыхъ людей, чтобъ тѣмъ тѣхъ сильныхъ холостыхъ людей отъ побѣгу унять и укрѣпить.» А если не будетъ отдавать, гласилъ указъ, — «вирадь за то ихъ упрямство учнуть на нихъ вмасть на насъ пеню большую.» (А. И. IV, 27.).

Народъ подавалъ челобитныя, просилъ возстановленія стариннаго выборнаго начала и общиннаго устройства; но не добился своей цѣли. Нѣкоторыя общины обѣщали ежегодно давать по тысячи рублей, только бы освободили ихъ отъ присланныхъ начальниковъ и позволили имъ выбирать по-прежнему своихъ властей изъ среды себя и управляться самостоятельно.

При каждой жалобѣ на стѣсненія, челобитчики грозили, что они разбредутся врознь. И дѣйствительно, цѣлыми толпами бѣжало народонаселеніе изъ одной области въ другую и бродило безпріютно. Бѣжалъ народъ отъ жестокости своихъ помѣщиковъ, отъ напрасныхъ пытокъ и правожой воеводскихъ, отъ взѣмковъ и слуповъ подъяческихъ и продажнаго суда, отъ отѣтовъ за бѣжавшихъ членовъ общины, отъ солдатскихъ стоянокъ отъ рекрутской повинности и тяжелой службы, и проч. и проч. цѣлыя села и посады пустѣли, и правительство не знало что дѣлать съ этими бѣглецами, какъ заставить нести службу государеву. За бѣглыми посылали сыщиковъ, чтобъ они при посредствѣ мѣстныхъ властей, ловили ихъ производили надъ ними судъ и расправу и водворяли снова на мѣстахъ жительства. Но эта охота за бродячимъ народонаселеніемъ окончивалась новыми тягостями для народа: сыщики увеличивали тягости крестьянъ своими поборами подводъ, корма и себѣ и лошадямъ, напрасными обвиненіями крестьянъ, чтобъ содрать съ нихъ взятку и т. п. бывали примѣры, что крестьяне просили защиты отъ сыщиковъ, посланныхъ для прекращенія побѣговъ, воровства и разбоевъ. Настойчивые поиски за бѣглыми оканчивались только тѣмъ, что бѣглецы искали пріюта въ темныхъ лѣсахъ, собиравались шайками, дрались съ сыщиками и дѣлались ворами и разбойниками. До какой цифры простиралось количе-

ство бѣглыхъ, показывають челоубы арзамасскихъ, симбирскихъ, алатырскихъ и пензенскихъ дворянъ: они писали, что въ с. Труевѣ, Пензенск. уѣзда живутъ всякіе бѣглецы въ горахъ, земляныкъ избахъ и лачугахъ и раззоряють села и деревни немѣшниковъ; года въ четыре сошло въ всякаго многоброднаго народу челоубъ 5,000. Въ первой половинѣ XVII вѣка, изъ бѣглыхъ образовались цѣлыя станицы и деревни; но больше всего изъ этой бродячей голытьбы составлялось разбойническихъ шаекъ, бывшихъ грозой бояръ, служилыхъ и торговыхъ людей. Кажется, нигдѣ правительство не чувствовало себя такъ безсильнымъ, какъ въ искорененіи побѣговъ и нигдѣ не дѣлало столько самыхъ постоянныхъ распоряженій, предписаній и подтвержденій, какъ въ прикрѣпленіи народонаселенія и искорененіи бродяжничества. Если бы дать силу общинѣ и право самоуправленія, тогда и не понадобилось бы лишней заботы о сыскѣ бѣглыхъ—община не стала бы держать бесполезныхъ членовъ и заставила бы ихъ трудиться. А, при ея безправіи и бессилии, предписанія шли за подтверждениями и приказами за распоряженіями, и разумѣется, совершенно бесполезно только для лишней связи; крестьяне по-прежнему платили за пустые дворы; да еще вдобавокъ съ самой общины требовали отвѣта за бѣжавшихъ членовъ ея, предписывали наказывать за нихъ родственниковъ, семейныхъ и подсосѣдниковъ (А. И. IV, 257). Правительство приказывало прислать росписи, изъ которой волости сколько крестьянъ бѣжало, куда бѣжали и гдѣ живутъ и въ которомъ году бѣжали, сколько у нихъ животныхъ осталось; заказывало всякимъ людямъ бѣглыхъ не принимать и не держать нѣкоторыми дѣлами, потому что они покинули свои тяглые жеребьи впускъ; запрещало бѣжавшихъ тяглыхъ во всякіе чины приверстывать въ посадахъ чтобъ «государевы всякія подати не стали.» Но все было напрасно: отъ запутанности и остановки естественнаго строя общинныхъ порядковъ дѣло пошло въ разладъ и жители, по характеристическому выраженію «брели врознь.» Въ 1633 году сдѣланъ былъ допросъ въ тотемскихъ волостяхъ, отъ чего разбѣжались крестьяне? отвѣтъ былъ самый прямой: «разошлись крестьяне отъ многихъ податей, и отъ великихъ немѣрныхъ платежей, отъ солдатскихъ кормовъ, отъ запасныхъ денегъ, отъ ямскихъ отпусковъ, отъ судовыхъ немѣрныхъ картомы,» отъ тяжелаго вытнаго и сошнаго письма, т. е. невѣрной раскладки повинностей по сохамъ.

Когда, по множеству челобитныхъ, народъ не получилъ облегченія, при всѣхъ дѣятельныхъ распоряженіяхъ правительства,—онъ указалъ ему на главныхъ виновниковъ безпорядковъ. Въ Москвѣ народъ сталъ собираться у церкви и постоянно подавалъ челобитныя Алексѣю Михайловичу на притѣснителей народа, Плещеева Траханіотова и Чистова, но окружающіе царя успѣвали представить дѣло иначе. Не видя, никакой защиты обороны, народъ окружилъ царя, на площади взявъ лошадь за узду 25 мая 1648 года, умолялъ замѣнить ненавистныхъ чиновниковъ честными и добросовѣстными. Царь выслушалъ и обѣщалъ изслѣдовать дѣло толпы проводили его до Кремля съ радостными криками и благожеланіями. Но едва скрылся царь, придворные приверженцы обвиняемыхъ вельможъ стали ругать челобитчиковъ и начали бить нагайками. Чернь взволновалась, вломила въ Кремль, убила Плещеева и Чистова и разграбила многіе боярскіе дома. Требовали на казнь Морозова и Траханіотова. Последняго, спасавшагося бѣгствомъ, схватили и казнили, а Морозова царь спряталъ и препроводилъ въ Кирилловъ—Бѣлозерскій монастырь. Мало-по-малу народъ успокоился, и главные мѣста заняли люди хорошіе. Царь самъ говорилъ съ народомъ, жалѣлъ о бѣдствіяхъ, которыя причиняли народу злые чиновники и обѣщался самъ защищать и охранять его отъ притѣсненій,—просилъ только пощадить Морозова, своего воспитателя. Народъ слушалъ царя на колѣняхъ, цѣловалъ одежду и ноги его. Но безпорядки управленія вскорѣ отозвались по провинціямъ. Вспыхнули мятежи въ Псковѣ, въ Новгородѣ, въ Сольвычегодскѣ, въ Устюгѣ и по многимъ инымъ городамъ. Вездѣ народъ возставалъ противъ злоупотребленій бояръ и приказныхъ требовалъ защиты. И дорого онъ платилъ за свои возстанія и требованія: по усмиреніи мятежа, обыкновенно слѣдовала расплата: главныхъ зачинщиковъ казнили, вѣшали и тиранили, другихъ участниковъ бунта наказывали и ссылали, а они считали себя правыми, разбѣгались и жестоко мстили продажному областному начальству, составляя шайки разбойниковъ. Замѣчательно волненіе, происшедшее въ Москвѣ, вслѣдствіе увеличенія фальшивыхъ денегъ; народъ требовалъ наказанія главныхъ покровителей воровъ и грабителей; но царь былъ снисходителенъ къ боярамъ. Вспыхнулъ мятежъ; чернь вышедшая изъ терпѣнія, устремилась въ село Коломенское, гдѣ былъ царь, окружила дворець и начала бить челомъ о выдачѣ ненавистныхъ бояръ Стрѣ-

шова, Ртищева, Хитрова и Милославскаго, царскаго тестя. Царь вышелъ къ народу и говорилъ «тихимъ обычаемъ и общалъ въ томъ дѣлѣ учинить сыскъ и указъ.» Чему вѣрять? спросили царя; одинъ ударилъ съ нимъ по рукамъ и пошелъ всѣй домою спокойно. Но вдругъ пронеслась молва, будто гость Шоринъ, собиравшій пятую деньгу съ народа, отправился съ воровскими листами въ Польшу, чернь снова взволновалась и устребилась въ Коломенское. Хованскій хотѣлъ остановить толпы, но они говорили, что онъ-де человекъ добрый и имъ царь видалъ головою измѣнниковъ бояръ, которыхъ они просятъ. Окружили дворецъ съ горькими жалобами: «Царь-государь, смилуйся, не дай погибнуть напрасно! Буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь—и мы учнемъ искать сами по своему обычаю.» Но царь, по совѣту бояръ, круто поступилъ съ челобитчиками: онъ приказалъ стольникамъ и дворянамъ, окружавшимъ его, ударить съ стрѣльцами, на безоружныя толпы. Разумѣется пришедшіе вовсе не для борьбы, челобитчики ударились въ бѣгство; ихъ били, топтали лошадьми и рубили безъ пощады. Такимъ-образомъ до 100 человекъ утонуло, до 7,000 убито, иныхъ повѣсили, а многихъ побросали въ тюрьмы хотя собственно дѣйствующихъ лицъ было не болѣе 200 человекъ, остальные просто пришли изъ любопытства. Прибывшій въ Москву царь съ вѣдьможами и боярами, произвелъ жестокой судъ; всѣхъ зачинщиковъ и грабителей безъ милосердія предали казни: имъ рѣзали руки, ноги, языки и ссылали въ дальніе города; другихъ съ семействами сослали въ Сибирь: «Мы, государь, указали и бояре наши приговорили: тѣхъ воровъ, пушнихъ заводчиковъ казнить смертию, а инымъ чинить жестокое наказанье безъ пощады и сослать въ ссылку въ дальніе города на вѣчное житье.» Служилые же люди за усердіе и вѣрность щедро награждены по усмиреніи мятежа (Собр. гр. IV, 23). Съ тѣхъ поръ народъ еще болѣе сдѣлаюся недовѣрчивъ и подозрителенъ, и сильнѣе питалъ ненависть къ боярству. Бѣглые увеличались, инородцы заволновались, разбои усилились и сыщики полетѣли по всѣмъ областямъ для подавленія разбоевъ; распоряженія о поимкѣ ихъ оканчивались тѣмъ же, чѣмъ ины для прекращенія побѣговъ. Наконецъ все эти неудовольствія слилось въ бунтъ Стеньки Разина.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла государства русскаго въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, при которомъ окончательно рушилась самостоятельность областныхъ общинъ

со всѣми старинными коренными правами, и налегли на народъ непонятные для него новые порядки централизованнаго устройства государственнаго. Народъ не привыкъ еще къ нимъ, хлопоталъ о старыхъ началахъ, сручныхъ ему и путался, кидался изъ стороны въ сторону, подгоняемый силою принудительныхъ мѣръ. Ту же самую разладницу мы встрѣчаемъ и въ непродолжительное царствованіе Феодора Алексѣевича.

По отъезду нашихъ историковъ, послѣ Алексѣя Михайловича, порядки управленія точно вдругъ измѣнились, народъ сталъ благоденствовать подъ скипетромъ кроткаго Феодора, настала вездѣ тишь и гладь, да Божья благодать. Къ такому заключенію приходили наши историки, засматриваясь на личный характеръ добраго, но слабаго наслѣдника Алексѣя. На самомъ же дѣлѣ, порядокъ и теченіе администраціи оставались тѣже при сынѣ, какъ и при отцѣ; лица передвинулись, но дѣйствія и стремленія ихъ направлены были къ одной цѣли и отзывались одинаковымъ духомъ, злоупотребленія стояли во весь свой ростъ, если не раздавались въ ширину. Народъ попрежнему мечталъ напрасно о старинномъ общинномъ мирѣ, о правахъ свободнаго выбора, и несъ на плечахъ своихъ тѣже тяжелыя повинности и одинаково страдалъ отъ придирчивыхъ формальностей, нисколько не взывавшихся съ требованіями жизни. Стало-быть, горькіе плоды паденія старыхъ правъ самоуправленія народу пришлось вѣсть и въ царствованіе Феодора Алексѣевича. Въ восьмомъ томѣ „Дополненій къ актамъ Историческимъ,“ заключаются дорогіе матеріалы относящіяся къ царствованію Феодора Алексѣевича (1678—1682 годовъ) Мы воспользуемся случаемъ показать въ настоящей статьѣ, что личный характеръ Феодора не имѣлъ почти никакого вліянія на ходъ дѣлъ; что государственный механизмъ работалъ попрежнему, что слѣдствія паденія общиннаго самоуправления и самостоятельности выборовъ одинаково изнуряли народъ и выводили его изъ терпѣнія.

Въ восьмомъ томѣ мы не встрѣчаемъ данныхъ для исторіи состоянія администраціи собственно Московской; здѣсь много сообщается фактовъ, характеризующихъ областное управленіе въ царствованіе Феодора Алексѣевича, преимущественно въ Сибири. Публика, конечно не загляднетъ въ акты, издаваемые Археографической Коммиссіей, — ихъ считаютъ принадлежностью однихъ специалистовъ; повтому жалко, если она не познакомится съ

новымъ томомъ матеріаловъ отечественной Исторіи, хотя въ подробныхъ выпискахъ съ объясненіями и дополненіями. Читая акты, наполненные жалобъ, удивляешься той безсовѣстности областныхъ управителей и запутанностъ дѣлъ, какія господствовали въ XVII столѣтіи. Назначались судить и рядить дѣла народа лица выше нами описанныя; становясь на степень маленькихъ представителей власти, они чувствовали самостоятельность и дѣлались полновластными въ своемъ маленькомъ областномъ кружкѣ особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ, въ родѣ Сибири. Длинная процедура переписки и сообщеній съ центромъ правительственнымъ ограждала ихъ отъ самыхъ вопіющихъ выходокъ; а естественныя богатства областными раззадоривали жажду корысти. Какъ ни легко было въ царствованіе Θεодора Алексѣевича скрыть свои грѣшки приказному люду; однако и въ то туманное время выводили на свѣжую воду черезчуръ зазнавшихся и неосторожныхъ, и жарко доставалось имъ иногда. Въ 1861 году прошло много жалобъ на сына боярскаго Григорія Пущина: что онъ государя указу учинился не послушенъ, и своимъ вымысломъ для своей бездѣльной корысти, промышленныхъ людей отпустилъ по рѣкѣ Олекмѣ 43, да по Ленѣ 24 человекъ для соболинаго промыслу, хотя указъ прямо говорилъ — для промыслу не пускать въ мѣста, отведенныя для ясачныхъ инородцевъ и тѣсноты и раззоренія имъ не дѣлать? — “Да онъ же Григорій, будучи на приказѣ, чинить ясачнымъ людямъ налоги и обиды, для своей бездѣльной корысти, бьетъ ихъ батоги и въ желѣза сажаетъ;” а съ мягкою рухлядью пропустилъ вверхъ по Ленѣ 15 человекъ безъ десятиннаго платежа. (стр. 4) Стали розыскивать по этому доносу на Пущина и оказался виновнымъ не одинъ Пущинъ: Андрей Барнешлевъ „будучи въ Якутскомъ на воеводствѣ, жилъзабывъ страхъ Божій, не помня государева крестнаго цѣлованія: удумать съ своими ушники съ дѣтьми боярскими съ Петромъ Ярыжанинымъ, съ товарищи самъ воровалъ и ворами потакалъ, городъ разорилъ и государеву дежежную и всякую соболиную казну тѣми своими ушниками за себя перевелъ; они государево крестное цѣлованье забыли, а воровать навывкли, ходячи по рѣкамъ по приказамъ, нажитку своего обронить не хотятъ, а государево въ обронѣ, а своимъ нажитку у нихъ выходить по все годы сиолна.“ Андрей Барнешлевъ посылалъ въ Зашиверской острогъ сына боярскаго Юрья Крыжановскаго для ясачнаго

сбору, который ясашнымъ иноземцамъ обиды и налоги чинилъ, пражь государева ясаку иноземцевъ ималъ къ себѣ на дворъ со всѣми собольми, и выбиралъ себѣ соболи черные добрые, по 10 и по 7 и по 6 соболей, а меньше пяти соболей ни съ кого не ималъ, а изъ послѣднихъ соболей выбиралъ по два соболя на Андрея Барнешлева и называлъ себя его собратомъ, а съ послѣдними съ худыми соболями отсылалъ въ ясашную избу. Петръ Ярыжинъ приходилъ въ Зашиверской острогъ по многіе дни и въ томъ воровствѣ на Юрія Крыжановскаго авлялъ всякихъ чиновъ служимымъ и торговымъ и промышленнымъ людемъ, — и онъ де Юрій испужался его явки, не дождавъ себѣ перемѣны, оставилъ вмѣсто себя служилаго человѣка; а самъ пошелъ съ своимъ пожиткомъ съ мягкой рухлядью на 26 подводахъ. Михайло Ушницкой, будучи на заставѣ, у него Юрья, всей мягкой рухляди, соболей и лисницъ черныхъ, и шубъ соболевыхъ и лисихъ и рысыхъ воровствомъ своимъ не записывалъ и таможию обвелъ. Андрей Барнешлевъ самъ воровалъ и ворами потекалъ же; что Юрій Крыжановскій привезъ изъ зашиверскаго острогу мягкой рухляди, взялъ онъ Андрей себѣ а въдостави взялъ на него Юрья кабалу въ тысячи рублахъ, и послалъ его для воровства въ Охотцкой городокъ, и онъ Юрій, будучи въ Охотцкомъ, надѣвучись на него Андрея и на своихъ совѣтниковъ, ясашныхъ иноземцевъ ималъ къ себѣ на дворъ ночью со всѣми собольми, и выбиралъ соболи себѣ выборомъ добрые, а съ худыми соболями отсылалъ въ ясашную избу, и собравъ казну худу, послалъ въ Якутской; и Андрей видя то, что собрана казна худо, ималъ въ привазную избу казаковъ и допрашивалъ, почему казна худо собрана? И казаки сказали правду. Юрій Крыжановскій ималъ иноземцевъ къ себѣ на дворъ съ собольми, и выбиралъ себѣ соболи добрые, а съ худыми соболями отсылалъ въ ясашную избу; и Андрей дерзая на казаковъ, угрожалъ имъ кнутомъ, а инымъ жалованья не давалъ; и послалъ въ Охотцкой на перемѣну ушника своего Петра Ярыжина, и онъ тамъ втерялъ, нерадѣньемъ своимъ служилыхъ людей 24 человѣка и государевы казны не добралъ въ-полы, а своего нажитку не потерялъ, вывезъ съ собою сороковъ 15, да двѣ шубы соболи, да онъ же де Андрей Барнешлевъ удумалъ съ своими ушниками съ дѣтьми боярскими съ Петромъ Ярыжинымъ съ товарищи: городъ разорилъ, у ясашныхъ людей жевъ и дѣтей и у многихъ жалецкихъ людей ра-

ботницъ и племянницъ и дочерей крестныхъ своихъ примѣтнѣй угрожаючи, кнутаомъ и огнемъ, бралъ къ себѣ въ холопство и отсылалъ тѣхъ людей, провѣдавъ собою воровскую дорогу въ Иркутскій острогъ съ енисейскимъ сыномъ боярскимъ Васильемъ Ивановымъ. А въ 1676 году прислалъ де по Ивана Грудкаго на чичуйскій волокъ съ памятью, велѣлъ его сковать привезти въ якутской безвинно, для того, хотя у него Иванъ вымучить кабалу въ трехъ стахъ рубляхъ; и онъ Иванъ, убоясь его Андея, изъ чичуйской съѣхалъ къ новому воеводѣ къ Оумѣ Бибикову на встрѣчу; а то де ему вѣдомо, что Андрей у якутовъ и у русскихъ людей жонъ и дѣтей во дворъ къ себѣ въ холопство ималъ, а крѣпости на тѣхъ людей писалъ на има вскихъ чиновъ людей. А ясашный тунгусъ Мандрыга билъ челомъ государю, что Юрій Крыжановскій былъ у нихъ въ Охотцкомъ городкѣ приказнымъ человѣкомъ, и ималъ съ нихъ насильствомъ и приметомъ своимъ соболи добрыя и лисицы черныя, и женъ ихъ и дочерей къ себѣ на постелю у нихъ ясашныхъ тунгусовъ, для блуднаго воровства, ималъ, а Андрей для своихъ большихъ взятокъ, тому иноземскому челобитію не повѣрилъ, челобитчика сажалъ въ тюрьму, а толмача билъ батоги; 50 человѣкамъ служилымъ не отдалъ за годъ государева жалованья, взялъ себѣ. А казаковъ Силку Дехтярева съ товарищи, воевода Андрей Барнешлевъ пыталъ, что онъ Силка сказалъ на него Андрея государю полатное дѣло; а какъ пыталъ, и въ то время острогъ былъ запертъ, и въ острогъ не пускали. Промышленныхъ людей въ Якутской стало ходить передъ прежнимъ мало отъ налогъ приказныхъ людей и отъ хлѣбной дороговизны. Кромѣ того билъ челомъ государю мегинской водости якутъ Бадаевъ вмѣсто всѣхъ волостей ясашныхъ на служилыхъ двухъ братьевъ Максима и Сергѣя Мухоплевыхъ. Въ 1679 году Максимъ былъ толмачемъ у Соболинаго сбора, судныхъ и сыскныхъ дѣлъ, перессорилъ двухъ якутъ, и велѣлъ имъ бить челомъ государю, потомъ застрашалъ ихъ и сталъ мирить истца съ отвѣтчикомъ, половину иску взялъ себѣ, а досталъ истцу и деньщику, чтобъ въ городъ не возить и воеводѣ не объявлять и тѣмъ онъ Сергушка ихъ ссорилъ и продажу и убытки имъ учинилъ, для своей бездѣльной корысти, и пожитки онъ себѣ великія отъ того нажилъ, а ихъ разорилъ безъ остатку; а братъ его Сергушка въ томъ же году ѣздилъ на Аму и на Тату, прежде государева ясашнаго сбора, соболи многіе бралъ, обиды и налоги и гра-

бѣжъ ясашинымъ людямъ чинилъ. Вообще дѣти боярскіе и служилые люди грабятъ соболи, и лисицы, лошади и кобылы, и коровы, и съ нихъ платя санаяки и торбосы и отъ такого де ихъ грабежу они въ конецъ обѣдняли и государева ясаку платитъ нечѣмъ; да ихъ же якутовъ онижъ приказные люди бьютъ батоги и увѣчатъ напрасно; и челобитчики переименовали 19 человекъ подъячихъ, которые надъ якутами наругаются, бьютъ и увѣчатъ и грабятъ; «а если де тѣ ихъ разорители, прибавили челобитчики, будутъ въ якутскомъ и не переведены будутъ въ иные города, и ихъ де дома запустѣютъ и ихъ братья врознь разбредутся отъ ихъ наругательства и разоренья; а у Максима де и Сергея изъ Якутскаго тѣхъ грабленныхъ соболей пошло семь сороковъ»; потомъ просили якуты прислать нарочнаго сыщика «чтобъ отъ тѣхъ разорителей и грабителей вотчиннѣ разореной не быть и имъ якутамъ врозь не разбрестись» (стр. 264-269). Правительство дѣлало постоянные наказы служилымъ въ предостереженіе отъ злоупотребленій, грозило жестокимъ наказаніемъ, выставяло иногда въ поученіе прежніе примѣры произвола. Но служилые постепенно усиливались и получали перевѣсъ предъ земскими людьми, стали владычествовать надъ ними и обогащаться насчетъ труда народнаго. Годъ отъ году они забирали въ свои руки одну льготу за другою, укрѣпляя закономъ, а еще чаще распоряженія ихъ основаны были исключительно на произволѣ. Въ 1674 году «велѣно учинить подъячему наказаніе за то, что онъ по врежнимъ помѣтамъ, не выписавъ изъ государевыхъ указовъ, на столъ клалъ дѣло и птмѣтъ не очищаль, чтобъ впредь не повадно было инымъ такъ плутать.» (стр. 99) Въ 1678 г. «изъ городовъ и изъ селъ воеводы и приказные люди денежныхъ доходовъ государевыхъ и столовыхъ запасовъ и хлѣба не высылали, спустя многое время, оплошкою своею, а нѣмѣ для своихъ взятковъ.» Отсюда напрасная работа и волокита подъячимъ и трубникамъ, которые посланы были на крестьянскихъ подводахъ по тѣмъ городамъ и селамъ, пили и ѣли, собирая съ крестьянъ доходы, чинили имъ убытки и разоренія; а цѣловальники нѣкоторые не доплатили сбору и съ Москвы сбѣжали, а по записнымъ книгамъ ихъ доходы значились всѣ сполна. Правительство предписало бить ихъ кнутьемъ и батоги, взыскать недоплату, а если взять нечего, продать ихъ дворы и животы, а чего не достанетъ доправить на выборныхъ, чтобъ они впредь къ такимъ дѣламъ выбирали добрыхъ людей, а не

воровъ» (185—7). По указу Алексѣя Михайловича, 1675 года, предписано хлѣбные запасы высылать якутамъ съ прибакою изъ Илимскихъ слободъ; но воеводы, не радѣя государевымъ дѣломъ и для своей корысти, посылали не полный окладъ, въ якутскую область, отчего казнѣ и сбору была истеря, а служилымъ людямъ скудость большая; многіе люди отъ цинги и голоду умирали, вѣли сосновую кору и всякую скверность, дворы, жатъ и дѣтей закладывали, задолжали неисчетными долгами, а нѣмѣ разбрелись по разнымъ странамъ. Приказные давали хлѣбъ крестьянамъ въ долгъ по 10 пудовъ и больше, и брали вдвое себѣ послѣ. Правительство жаловалось, что понаровкою приказныхъ людей многіе живутъ на льготѣ, на свои жеребьи пускаютъ прищипыхъ людей на земли инородцевъ сибирскихъ, и отъ этого мучимыя тягостъ. (228) Такимъ образомъ, разъ нарушенное равновѣсіе управленія, послѣ долгихъ колебаній, пошло по данному толчку и не въ состояніи было придти въ прежнее нормальное положеніе. Народъ съ грустью вспоминалъ о своихъ выборныхъ земскихъ судьяхъ, ооъ излюбленныхъ головахъ и старостахъ. Напоминали Феодору Алексѣевичу земскіе люди о своихъ прежнихъ правахъ, ссылаясь на старое время, о своемъ земскомъ строеньи, основанномъ на жизненномъ, естественномъ и плодотворномъ стремленіи народа, о своемъ областномъ самоуправленіи, свободѣ выборовъ, круговой поруки и открытой гласности общиннаго хода дѣлъ. Но старая права не могли уже подняться на ноги. Правда, и при Феодорѣ Алексѣевичѣ были выборныя власти, какъ напиримѣръ головы, старосты и цѣловальники; но они еще рашне потеряли прежнее жизненное значеніе и являлись съ тѣмъ же пошлѣ характеромъ, какъ служилые, присланные изъ Москвы. При образованіи тѣснаго круга бояръ и боярскихъ дѣтей, при воеводскомъ управленіи городовъ, уничтоженіи уставныхъ грамотъ, мирскаго самоуправления, свобода и самостоятельность выборныхъ земскихъ властей сдѣлались не мыслимы, «вспоможеніе приказныхъ людей» отбывало у многихъ охоту принимать власть по выбору. Торговые люди въ 1681 году писали, что имъ въ таможныя и на кружечныя дворы выборныхъ головъ многими дѣлами выбрать не мочле, потому что лучшіе посадскіе ѣздятъ для торговыхъ промысловъ въ разные города и долго не бываютъ дома. Указомъ 20 Іюля предписано: «отнюдь нѣкому лучшимъ людямъ, по отачкѣ сельскимъ, очередными службами и некоторыми дѣлами отъ выборовъ

не отбиваться; а воеводамъ и приказнымъ людямъ чинить въ выборахъ всякое всемогущіе; а налогъ и обѣзъ и никакой помѣйки и попаровки не для чего отнюдь никому въ выборахъ не чинить, чтобъ и къ 1682 году въ выборѣ были самые правдивые и лучшіе люди; если же учинится какая поруха или ослушанка государеву дѣлу, и убытки казнѣ; то доправить на земскихъ старостахъ и на всѣхъ выборныхъ вдвое, и подвергнуть жестокому наказанію безо всякой пощады (А. Э. IV, 246). Стягивая земско-областную жизнь къ одному центру, поглощая ея самостоятельность и лишая общины самобытной силы и дѣятельности, — управленіе при Феодорѣ Алексѣевичѣ, какъ и при отцѣ его, стѣснило земскихъ людей. Казна государева была главнымъ предметомъ заботы: на нее смотрѣли, какъ на нѣсеу совершенно несовмѣстную съ частными интересами подданныхъ, хлопотали о ея прибылѣ въ ущербъ доходовъ народа, усиливались наполнить ее податями и сборами, не обращая вниманія на то, что члены государства, для блага которыхъ должна служить казна, совершенно разоряются отъ множества стѣснительныхъ поборовъ. Сборщики податей постоянно жаловались, что доимочныхъ денегъ и хлѣба имъ взять не на комъ. А крестьяне востойно твердили, что подати государя, подымочныя деньги, стрѣлецкій хлѣбъ ихъ въ конецъ раззорили, и оттого они оскудѣли, обѣднѣли и одоужали, а многіе врознь разбрелись. (А. Э. IV, 334). Посадскіе люди и уѣздные крестьяне поморскихъ городовъ, Вятчане, Тотемцы и другіе сполна ни въ которомъ году стрѣлецкихъ денегъ не выплачивали за пустотой, многіе тагла опустили, да и достальныя отъ нечѣрнаго правезу бѣгутъ въ сибирскіе города. (А. Э. IV, 250, 251) Чердынцы всё обнищали, другіе померли, иные, съѣхали въ разные города и 10-й деньги положить стало не на кого. Владимірцы писали, что посадскіе отъ большихъ податей и службъ изъ города разбрелись розно, и просили избавить ихъ отъ прибавочныхъ денежныхъ налоговъ, чтобъ въ конецъ не раззориться и достальнымъ съ города не сбрести и государевыхъ податей и службъ не отбыть (стр. 79, 107, 255). Не соображаясь съ состояніемъ жителей и мѣстными условіями экономическаго быта, правительственные лица назначали и опредѣляли количество налоговъ, но величинѣ расходовъ и по требованію нуждъ государственныхъ, дѣлали постоянныя надбавки, подгоняли старость и выборныхъ указами и угрозами — править сборъ сполна; въ противномъ

случаѣ обизывали воеводу и приказныхъ давать имъ стрѣльцовъ и пушкарей, чтобъ правожъ былъ безо всякой пощады, съ великимъ радвіемъ и посищеніемъ. Но эта строгость привела только къ тому, что посадскіе и уѣздные люди рѣшительно отказывались отъ требуемаго взноса податей. Въ 1682 г. вышло предписаніе, наконецъ, «для многихъ податей и тягостей полеготить» народъ въ сборѣ стрѣлецкихъ денегъ. Въ указѣ очень ясно высказана причина: «Посадскіе и уѣздные люди бьютъ челомъ великому государю, что платитъ имъ стрѣлецкихъ денегъ по окладу прошлаго 1676 г. сполна невозможно, для того, что отъ платежу многихъ большихъ податей, и отъ сибирскаго хлѣбнаго запаса, и отъ ямской наметной, дальней, многой и безпрогонной гоньбы, и отъ хлѣбнаго недороду, и отъ многой шутоты, и отъ взятыя во многіе поборы многихъ даточныхъ, и отъ платежу тѣхъ даточныхъ подъемныхъ денегъ и во многіе поборы, рублевыхъ неполтинныхъ, и пятой и десятой и пятнадцатой денегъ, и отъ всякихъ городовыхъ расходовъ, и отъ частныхъ многихъ службъ, и отъ воровскихъ людей, и отъ пожарнаго раззоренія, оскудали и разорились въ конецъ». (А. Э. IV, 250) Освобождая, впрочемъ отъ надбавочныхъ сборовъ одни города, которые «охудѣли отъ тягостей,» правительство позаботилось учинить прибавку на новые города, свободные еще отъ этой прибавки. (А. Э. IV, 347) Несообразность сбора съ мѣстными условіями и обстоятельствами болѣе всего бросается въ глаза при чтеніи Актовъ Сибирскихъ. Вишерскіе ясачные Вогуличи въ 1681 г. не могли, за снѣжнымъ, ненашемъ добыть соболей для платы государевыхъ повинностей; ихъ вызвали въ Чердынь, и они стояли на правожѣ долгое время; вотомъ подали челобитную, просили сроку на годъ, чтобъ имъ бѣднѣе голодною смертью не помереть и на правожѣ убитымъ не быть; многіе Вогуличи отъ скудости сошли безвѣстно, а другіе съ голоду померли. Воевода крѣпко наказалъ имъ готовить недоплату, а самъ спрашивалъ государя: править-ли на нихъ недоборныхъ соболей, «которые доведутся съ долей сонныхъ и умершихъ Вогуличъ». А въ челобитной Вогуличи объяснили, что у нихъ началъ бывать голодъ большой, собаки перемерли, добывать соболей нечѣмъ, для прокормленія съ женами и дѣтьми скитались они по міру, въ русскихъ деревняхъ, шитались палымъ скотомъ, прежде ясакъ платили сполна, а теперь въ конецъ обнищали, задолжали неоткупными долгами и воссе

раззорились. Соболиный недоборъ случился въ слѣдующемъ году у Якутовъ, потому что съ осени сибѣгъ выналь рано, настала безпромыслица. Но все-таки ихъ держали на правожѣ и посажали въ тюрьму; воевода Бибииковъ, «вида ихъ конечную нужду и бѣдность, старость и увѣчье,» сталъ брать у нихъ вмѣсто соболей лисицъ. И потомъ спрашивалъ государя: можно-ли такъ дѣлать и брать-ли деньги вмѣсто мѣховъ? (ст. 17—19) Бывало что въ случаѣ несчастья помогало правительство бѣднымъ крестьянамъ, напримѣръ, разъ хлѣбъ у нѣкоторыхъ вызябъ безъ остатку, оно предписало выдать изъ государевой житницы хлѣба семена четверти по двѣ по три. Но оно дѣлало это въ видахъ прикрѣпленія крестьянъ, «чтобъ ихъ удержать въ волости и врознь не разбрелись и государя пашни не заустить». (стр. 102). Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, окончательно установившееся въ концѣ XVII столѣтія, убивало экономическое развитіе быта русскаго народа. Торговая и промышленная дѣятельность совершенно не могла развиваться, когда крестьяне лишены были свободы выбора и мѣстности, промысла и ремесла. Мало этого: случалось не рѣдко, что воеводы и подъячіе насильно брали людей въ крѣпость къ себѣ, какъ наши знакомцы Петръ Ярыжкинъ и Юрій Крыжановскій. Когда сослали ихъ въ Даурскіе остроги, забраннымъ ими ребятамъ и дѣвкамъ учтена свобода. Дѣвку Анютку Петръ держалъ у себя въ холопствѣ во неволѣ 9 лѣтъ, какъ сказано въ челобитной ея матери (стр. 323). Торговая каста, вмѣстѣ съ другими сословіями, появилась въ XVII стол., и образовалась замкнутость и стѣснительныя ограниченія. Въ царствованіе Θεодора Алексѣевича много также было препятствій для торговли. При немъ многія рѣки отдавались на откупъ для рыбной ловли, а во многихъ мѣстахъ завовѣдано было ниному не ловить рыбу. Введены въ употребленіе заорленные четверики и гребла, которые велѣно покупать дорогою цѣною и не мѣнять ихъ подъ страхомъ смертной казни безъ всякаго милосердія. Предписано, кто изъ торговыхъ и промышленныхъ людей пойдетъ другой дорогой мимо таможи, того вочорачь для десятиннаго сбора, заказать, чтобъ по старой дорогѣ не ѣздили. Правительство давало приказы—съ торговыхъ иноземцевъ и русскихъ посуловъ и поминковъ ничего не имать, никому ни въ чемъ не наровить, ничѣмъ ихъ не жесточить, «чтобъ отъ того государевой пошлинѣ недобору не было». (стр. 323, 333, 110, 111, 320, 60, 257—8, 76, А. Э. IV, 240). Полю-

бовныя сдѣлки между крестьянами не могли имѣть прежней силы: и сюда проникъ элементъ приказный не для того, чтобы гарантировать акты для большой силы и обезпеченія довѣрителей, но велико «сдѣльныя и житейскія зписи записывать въ городахъ воеводамъ и призывнымъ людямъ», чтобы брать государеву пошлину. Лѣсъ, необходимый для крестьянина, около засѣкъ былъ заповѣданъ, а съ торговыхъ за рубку лѣса брали пошлины. Но постоянно случались порубки изъ заповѣднаго лѣса, — больше взять было не гдѣ, — и жестоко доставалось имъ за эти порубки. (стр. 92—3, 288) Понятно, что отъ всѣхъ этихъ задержекъ и поборовъ мало было выгоды торговымъ. Волокиты и притѣсненія приказныхъ, придирки и взятки заставныхъ головъ и таможенныхъ цѣловальниковъ тоже отбивали охоту у многихъ заняться промышленнымъ и торговымъ дѣломъ. Спасались отъ притѣсненій только лица, которые водили дружбу и щедро надѣляли служилыхъ приставниковѣ Крестьяне волоколамскаго уѣзда прѣзжаютъ на ярмарки, а таможенные откупщики со всякихъ товаровъ пошлину собираютъ и отъ нихъ чинятся продажи и убытки большіе. Нѣкоторые нижегородскіе «крестьяне корнятся своею работою, дѣлаютъ кожаное и котельное, въ подрядъ посадишимъ людямъ, а никакими торгами не торгуютъ, и въ лавкахъ и въ анбарахъ не сидятъ, и на посади не живутъ, а живутъ на монастырской землѣ за городомъ въ слободахъ; и тѣхъ крестьянъ земскіе старосты на торгу хватаютъ и держатъ подъ земскою избою въ подклѣтѣ, вмѣсто тюрьмы, и оброчн накладываютъ сильно, и въ томъ крестьянамъ ихъ чинятся многіе убытки и напрасные налоги.» (А. О. IV, 216. Доп. стр. 288) Настоятель Савинскаго монастыря Гермогенъ жаловался, что съ монастырскихъ крестьянъ «но заставамъ берутъ головщину, съ подводъ подужныя деньги и поузольщину, имѣть и перевозъ, и чинятся отъ приказныхъ убытки и налоги большіе, воеводы емлютъ почести большія, такъ что запасы имъ ставятся противъ или даже дороже купли.» (стр. 79. 223 — 5) Отлучки приписныхъ рабочихъ, по указу для казенныхъ работъ, опять наносили вредъ ремесленному классу народа и мѣшали экономическому быту крестьянъ. Кузнецы и молотобойцы жаловались, что велѣно привертать 40 человекъ, а ихъ осталось меньше и издѣлія бываютъ многія, и просили привертать еще гулящихъ дѣтей записныхъ кузнецовъ (стр. 246.) Была прибавка работы и для кирпичниковъ при Феодорѣ Александровичѣ,

многіе изъ нихъ разбѣжались, смысливая новыхъ, брали по нихъ крѣпкія поруки съ записками; а какіе учали хорониться, волѣли смекивать ихъ жонъ и дѣтой и сажать въ тюрьму до указу. (стр. 270.) Для сбора рабочихъ на засѣкахъ съ лошадьми, телегами, конутами, вступомъ и лопатой посылали подъячницъ, грозили крестьянамъ большой пеней, если стануть огураться. (стр. 148) Строенію городовъ по указу, воеводскихъ дворовъ, погребовъ, изгородей и т. п. тоже тяжело было для крестьянъ, и они просили льготы, чтобы вконецъ не раззориться (А. Э. IV, 304). Отъ вино-откупной системы и тайной выкурки водки крестьяне опять несли большіе убытки и жаловались, что они отъ виннаго куренья раззорились и обнищали вконецъ, опасаются тягла отбыть и врознь разбрестись (стр. 232, 242.) Головы жаловались, что горячаго вина мало расходится отъ денежной скудости; а имъ заказывали собирать прибыль кабацкую съ великимъ радѣемъ, неоплошно. Но больше всего встрѣчается жалобъ на раззоренія отъ ямской гоньбы, что головы и цѣловальники со многими людьми емлютъ подводы и вѣрши большіе, въ бездорожье многихъ лошадей замучать, какъ поѣдутъ. Посыльщики и гонцы берутъ, кромѣ большихъ подводъ, безъ указу харчи многіе насильно и бьютъ на правожѣ крестьянъ, такъ что они до конца раззорились. Дашьники, подиупаючись у воеводъ, ѣздить, оставя прямую дорогу своимъ упрямствомъ для своей бездѣльной корысти и для винной продажи, емлютъ подводы сильно, гоняютъ бездорожными мѣстами больше, чѣмъ на 200 верстъ, и отъ надсады лошадипада ютъ, а крестьяне люди бѣдные и застращенные (А. Э. IV, 333 — 8, Доп. стр. 253, 274, 334.) Вольные охочіе люди не существовали въ глазахъ правительства: они кавались преступниками закона, бѣжали изъ тягла, чинились сильны; множество распоряженій выдано, чтобы не было вольныхъ гулящихъ людей и избылыхъ отъ тягла. стр. 77, 111 и др.) Но они удалялись отъ стѣненій и обогащались, при свободѣ труда, составляли льготныя общины, держали на откупъ приказныхъ и сборщиковъ податей, и не несли тягла; а тягале изнурены были поборами и бѣдностью и брели врознь. Въмѣсто допущенія свободного самораспределенія силъ и занятій, правители прибѣгали къ запретительнымъ мѣрамъ противъ избылыхъ людей; но они не поддавались имъ, или многіе въ служилые люди, или тоже брели врознь. При постоянномъ передвиженіи и перевозѣ крестьянъ

съ посада въ село, нѣтъ бѣла въ деревню и наоборотъ, крестьяне необходимо теряли промыслы и терпѣли ущербъ въ хозяйствахъ; но желаніе занятій новыгоднѣе, понаживнѣе таяло въ снова къ жизни льготной и они чинились не послушны указамъ и бѣжали снова туда, гдѣ имъ казалось лучше, гдѣ больше надеялись встрѣтить вознагражденія своимъ трудамъ. По челобитнымъ крестьянъ, правительство увидѣло, что переписи народа были самыя не вѣрныя, распорядилось снова переписать народъ; но многіе, по-прежнему, въ сказкахъ не означали крестьянъ, но сдѣлки съ подъячини; впрочемъ, при побѣгахъ нельзя было сдѣлать точной переписи. (стр. 105, 138.) Много также запутались дѣла насильственными привисями одной мѣстности къ другой иногда потому только, что въ другой мѣстности выборные были лучше. (А. Э. 302, Доп. стр. 237). По-прежнему правительство общало милостиво жаловать служилыхъ за раднѣе, и многіе напишались ему о своемъ разореніи и вымаливали награду. Судъ и права ничѣмъ не улучшились; встрѣчается въ актахъ весьма интересное свидѣніе о продѣлкахъ подъяческихъ. Въ 1675 г. государь указалъ и бояре приговорили: «будетъ кто въ челобитъ своихъ напишетъ въ чьемъ имени или прозвищѣ, не зная правосишня, вмѣсто *она—азъ*, или вмѣсто *аза—омъ*, или вмѣсто *сереръ*, или вмѣсто *ятя—естъ*, или вмѣсто *може—і*, или вмѣсто *она—мъ*, или вмѣсто *ма—омъ*, и нынѣ въ письмахъ нарѣчій, подобны тѣмъ по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился и по обыкностямъ своимъ говорить и писать извѣтъ, того въ безчестье не ставить, и судовъ въ томъ не давать и не розыскивать, а кто кого браня назоветъ княземъ безъ имени, и за то править безчестье.» (стр. 339) Служилые, не смотря на общанія жалованья, постоянно оставались въ *мѣтлахъ*, или жаловались, что имъ служба не въ мочь. Даточные бѣжали отъ службъ, военные притѣсняли крестьянъ. Гулящіе поступали въ казаки самовольно, и вообще льготная жизнь служилыхъ привлекала къ себѣ многихъ тяглыхъ, такъ что иногда ихъ старались вернуть въ тягло. Есть замѣчательный фактъ подъ 1680 г. о дѣтяхъ боярскихъ: «въ прошлыхъ де годѣхъ были челоуки намъ, великому государю, въ дѣти боярскіе малоотческіе дѣти ложно, назвались отческими дѣтьми, и дали себѣ нынѣ прозвища, и по ихъ де ложному челобитью поверстаны они въ дѣти боярскіе по Верхотурью и оклады имъ учинены.» (стр. 282.) Какъ и въ царствованіе Алексѣя Михайловича, при Федорѣ

продолжалась раздача привилегій—судиться въ Москвѣ, ставить на правезь своихъ крестьянъ владѣльцамъ, проѣзжать безош-
ливно на заставахъ, не платить податей хлѣбомъ, деньгами,
подводами и т. д. Всѣ эти жалованья съ одной стороны запу-
тывали самую администрацію, а съ другой—прибавляли тягостей
бѣдному классу народа. Въ прежнее царствованіе замѣтно нача-
лось приближеніе иностранцевъ, и народъ жаловался на ихъ стѣсни-
тельную торговую дѣятельность, проторы и убытки и подкупы подъ-
ячихъ. (А. Э. IV, 13.) Это же стремленіе—вызвать иностранцевъ
для различнаго мастерства и военнаго дѣла—обнаружилось и при
царѣ Θεодорѣ. Въ разсматриваемомъ нами томѣ есть данныя за-
мѣчательныя тѣмъ, что изъ нихъ ясно видно, какъ съ самаго
начала иностранцы на Руси стремились сдѣлаться господами, на-
житься и забрать въ свои руки власть и силу (стр. 276—9, 321)

Такъ уничтоженіе общинно-областнаго самоуправленія и сво-
боднаго права выборовъ, самостоятельности управленія, суда и
расправы, произвело разладъ въ русскомъ народѣ! Наступила
жизнь тяжелая, которая продолжалась и въ царствованіе Θεодо-
ра Алексѣевича; вездѣ крестьяне раззорялись, подавляемые горь-
кими обстоятельствами; только одному вельможеству и боярамъ
было тепло и наживно; только въ монастыряхъ продолжалась
жизнь льготная, безпечальная. Θεодоръ Алексѣевичъ мно-
го разъ дѣлалъ самыя строгія предписанія и сильныя убѣж-
денія, чтобъ смиренныя иноки прекратили пьянство, ссоры
и другія безурядья, не постригали мужей отъ живыхъ женъ,
которые искали льготной жизни подъ мантией монашеской и
т. д. (А. Э. IV, 312. 343. 356 и др.) Другіе крестьяне
по-прежнему искали спасенія въ бѣгахъ, или въ раскольниковъ-
ихъ общинахъ, формировавшихся въ дремучихъ сибирскихъ лѣ-
сахъ. У нашихъ историковъ есть мнѣніе, будто раскольники
благодествовали и жили въ тишинѣ въ царствованіе Θεодора
Алексѣевича, но сообщаемые матеріалы для исторіи раскола
подъ № 50 говорятъ противное: раскольниковъ также пытали,
наказывали, какъ и прежде, и они сожигались, не даваясь въ
руки присланныхъ ратныхъ людей. Бѣглыхъ опять преслѣдова-
ли сыщики и правительство сильно заботилось о розыскѣ ихъ,
«чтобъ отдавать по крѣпостямъ чолобитчикамъ въ холопство и
крестьянство по-прежнему», (А. Э. IV, 241.), чтобъ собирать
съ нихъ тяглые налоги и повинности (стр. 112), чтобъ при-
верстывать ихъ въ службу (120); кто извѣститъ про бѣглыхъ

даточныхъ, и на извѣтчика отнись у того, кто утаитъ, сколько дворовъ, сколько онъ укажетъ бѣглыхъ (139). По усмирении бунта Разина, разбойники разсыпались по всей Россіи мелкими шайками и наполнялись бѣглыми и всѣми недовольными господствующими злоупотребленіями и безпорядками. Не смотря на самыя, по-видимому, энергическія преслѣдованія разбойниковъ, они не уменьшались. Но воровскимъ людямъ и разбойникамъ сочувствовали крестьяне, давали имъ пріютъ, а сыщики потаку и попаровку. Правительство грозило всѣмъ безошадной смертной казнью; но это ни къ чему не вело, (А. Э. IV, 327—9. Доп. стр. 75, 243—5). Въ царствованіе Θεодора Алексѣевича, какъ и прежде, постоянно заказывали сообщать по секрету русскимъ, чтобы они никоими дѣлами не продавали инородцамъ никакого оружія, пороху и свинца. (А. Э. IV, 239.) Но эта мѣра не помогала: инородцы постоянно бунтовали, именно — отъ злоупотребленій областнаго начальства. Доказательствъ на это въ новомъ томѣ «Дополненій» весьма много. Татары раззорали Русскихъ, и казмыки также не рѣдко дѣлали набѣги. Якутскіе ясашные люди отъ налоговъ приказныхъ людей измѣнили, служилыхъ людей побили, зимовья сожгли и бѣжали въ дальнія мѣста. Вогуличи оборонялись иногда отъ таможенныхъ сборщиковъ, какъ показываетъ интересный процессъ 1680 года, что сборщики били и грабили Вогуличей, а спрашивали невѣдомо какія пошлины. Отъ злоупотребленій Андрея Барнешлева съ товарищами по стороннимъ рѣкамъ, иноземцы-тунгусы учинились въ шатости; и въ Охотскомъ острожкѣ тунгусы великому государю измѣнили и служилыхъ людей побили, отъ того его Андрѣева приписнаго ясаку; и по заморскимъ рѣкамъ ясачные иноземцы учинились въ шатости («стр 244), и они при самомъ сборѣ побили служилыхъ и взяли государеву казну. Минусинскіе тунгусы живутъ самовольно и безстрашны, государеву указу чинятся не послушны, платять ясакъ по своей волѣ, вмѣсто соболей даютъ лошаденками худыми, или рогатымъ скотишкомъ мелкимъ, и то не со всего своего роду, которые въ окладныхъ ясачныхъ книгахъ имена написаны. Государеву жалованью тунгусы при ясачныхъ сборщикахъ наругаются и волочатъ по степи, а имъ-де ясачнымъ сборщикамъ, нерчинскимъ казакамъ, угрожаютъ по всякое время смертнымъ убойствомъ и во ясакъ къ себѣ ѣздить не волятъ» (стр. 148, 227, 266, 267, 283, 293, 326).

И. ВЪТВИЦКІЙ.

НАШЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОСЛОВІЕ.

Образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ большое значеніе сравнительно съ тѣмъ, которое дается во всѣхъ другихъ заведеніяхъ, даже въ высшихъ. Черезъ нихъ необходимо должна пройти огромная масса людей, отъ которыхъ, въ послѣдствіи времени, зависитъ очень многое какъ въ нашей администраціи, такъ и въ дѣятельности ученой, литературной и даже коммерческой. Самое образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, будетъ почти совершенно бесплодно, если оно не будетъ только дополненіемъ къ серьезному основательному образованію, полученному въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Впрочемъ объ этомъ уже было высказано мнѣніе въ нашемъ журналѣ, и мы не будемъ повторять его. Потому, мы здѣсь совершенно обойдемъ вопросъ о содержаніи и характерѣ обученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы займемся исключительно ихъ педагогическимъ сословіемъ. Несомнѣнно, что, во всякомъ учебномъ заведеніи, составъ преподавателей имѣетъ огромное значеніе. Какъ бы ни былъ хорошъ учебный курсъ, но если преподаватели плохи, воспитанники вынесутъ изъ учебнаго заведенія очень мало. Потому очень естественно желаніе, чтобы составъ преподавателей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, былъ, по крайней мѣрѣ, удовлетворителенъ.

Къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ мы должны отнести прежде всего гимназій и семинарій, какъ заведенія наиболѣе многочисленныя, потомъ военно-учебныя заведенія съ разными подраздѣленіями, женскія учебныя заведенія, разныя спеціальныя школы, между прочимъ училище правосѣденія и петербургскій

лицей (исключая высшіе классы, которые, по предмету и характеру преподаванія въ этихъ заведеніяхъ, получаютъ уже характеръ высшихъ учебныхъ заведеній.) Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, преподавателями служатъ люди окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетахъ, или въ духовныхъ академіяхъ. Чтобы они были хорошими преподавателями для этого очевидно самое прямое требованіе состоитъ въ томъ, чтобы сами онѣ получили серьезное общее и специальное, каждый по своему предмету, образованіе. А для этого разумѣется необходимо, чтобы наши высшія учебныя заведенія въ состояніи были давать такое образованіе. Объ этомъ было уже много говорено, и наиболѣе основательные люди высказались такимъ образомъ, что нашли наше университетское образованіе недостаточнымъ, и требовали въ немъ реформъ, равно какъ требовали реформъ среднихъ учебныхъ заведеній, рассматривая ихъ только какъ приготовительныя заведенія для высшихъ; въ справедливости такого мнѣнія усомниться едва-ли возможно; дѣйствительно у насъ образованіе самихъ педагоговъ нуждается еще во многомъ. Еще недавно, для специального образованія преподавателей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, у насъ существовало особое заведеніе—педагогическій институтъ, которое года четыре назадъ и уничтожено, т. е. найдено несоотвѣтствующимъ своей цѣли. О педагогическомъ институтѣ у насъ въ обществѣ всегда существовало мнѣніе весьма неблагоприятное, но люди хорошо знавшіе его говорятъ, что его недостатки происходили не изъ самой идеи заведенія, а изъ нѣкоторыхъ несообразностей въ его уставѣ и изъ образа дѣйствій лицъ завѣдовавшихъ имъ въ послѣднее время. А подобное учебное заведеніе, будучи устроено на здравыхъ основаніяхъ, и будучи ввѣрено честнымъ и дѣйствительно ученымъ людямъ, могло бы быть очень полезно. Впрочемъ мы намѣрены говорить не о приготовленіи хорошихъ преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній, а о привлеченіи ихъ туда, объ удержаніи ихъ тамъ. Мы предполагаемъ, что у насъ и теперь есть хорошие преподаватели: одни изъ нихъ посвящаютъ свою дѣятельность среднимъ учебнымъ заведеніямъ, другіе оставляли ихъ, не находя для себя возможнымъ продолжать свою педагогическую дѣятельность; третьи совсѣмъ не хотятъ поступать въ среднія учебныя заведенія. Мы знаемъ много людей очень почетныхъ, имѣющихъ даже призваніе къ педагогической дѣятельности, которые дѣйствительно отказываются отъ нея по при-

чинамъ внѣшнимъ, и эти причины состоятъ въ недостаточной организаціи педагогическаго сословія нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Считаю нужнымъ прибавить, что мы не разумѣемъ здѣсь такихъ господъ, которые оставляютъ педагогическую дѣятельность для занятій болѣе выгодныхъ только въ коммерческомъ отношеніи, для тепленькихъ мѣстечекъ. Такихъ господъ удерживать въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ едва-ли кто станетъ; дай Богъ, чтобы они убирался поскорѣй, и не возвращались. Но и люди дѣйствительно достойные, прекрасные педагоги, способные и знающіе преподаватели не хотятъ служить въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; и противъ этого уже стоитъ принять мѣры, разумѣется не насильственные, а такія, которыя нравственнымъ образомъ удерживали бы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ хорошихъ преподавателей. Съ этой точки зрѣнія должны играть свою законную роль и матеріальные расчеты. Такихъ энтузіастовъ, которые способны бы были посвятить себя дѣлу, совершенно пренебрегая своими собственными выгодами, найти нельзя; потому положеніе преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, должно быть достаточно обезпечено; это тѣмъ болѣе необходимо, что преподавателю цинической обстановки въ жизни не позволяютъ самыя обстоятельства и даже относительно нѣкоторыхъ пунктовъ требованіе уставовъ. На дѣлѣ, въ настоящее время, существуетъ не то: ни въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, матеріальное существованіе преподавателей не можетъ быть названо достаточнымъ. Слѣдовательно его надобно увеличить, и размѣръ его долженъ быть опредѣленъ очевидно тѣми качествами, которыя требуются отъ преподавателя. Людей, получившихъ дѣйствительно серьезное образованіе, изъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній выходитъ немного; потому, чтобы матеріальныя препятствія не отвлекали ихъ отъ педагогической дѣятельности, нужно чтобы вознагражденіе за эту дѣятельность, во крайней мѣрѣ, равнялось тому вознагражденію, которое хорошо образованный человѣкъ получаетъ въ другомъ мѣстѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что педагогическая служба въ будущемъ ничего не представляетъ. Но истинный педагогъ, на блестящее будущее и не рассчитываетъ; ему нужна только такая степень экономическаго достатка, которая обезпечивала бы ему сколько-нибудь приличное содержаніе семейства. При вознагражденіи педагоговъ обыкновенно забываютъ еще одно обстоя-

тельство; въ продолженіи своей педагогической дѣятельности, преподаватель долженъ постоянно идти впередъ, не долженъ отставать отъ движенія науки и педагогическихъ воззрѣній. Но для этого онъ долженъ имѣть средства, потому что ему нужны ученые книги, которыя обыкновенно очень дороги, иногда спеціальныя журналы, инструменты, разныя коллекціи и. т. п. Иногда бываетъ рѣшительно непонятно, какимъ образомъ нѣкоторые подобныя педагоги успѣваютъ собрать себѣ значительныя бібліотеки и на вашъ вопросъ объ этомъ такіе люди нерѣдко отвѣчаютъ вамъ, что въ продолженіи многихъ лѣтъ, они тратили на книги цѣлую треть и даже половину своего содержанія. Людямъ далекимъ отъ книжной сферы, почитывающимъ только газеты, да литературныя журналы или романы, будетъ рѣшительно непонятна и эта необходимость серьезныхъ книгъ, и то, во что онѣ обходятся бѣдному труженнику. Но въ самомъ дѣлѣ, все это очень понятно, и это нужно имѣть въ виду при назначеніи содержанія преподавателямъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, иначе среднія учебныя заведенія никогда не поднимутся.

Въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть много учебныхъ заведеній, особенно въ столицахъ, преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній имѣютъ возможность увеличить свои средства къ жизни, принимая на себя занятія въ нѣсколькихъ заведеніяхъ. И для столицъ это составляетъ самую настоятельную необходимость, потому что, при столичной дороговизнѣ, содержаніе получаемое напр. учителемъ гимназій не достаточно, не только для семейнаго человѣка, но и для холостаго. Впрочемъ изъ этого способа обезпеченія, къ которому должны прибѣгнуть столичные преподаватели, хорошихъ результатовъ не выходитъ. На педагогической службѣ меньше, нежели на какой-нибудь другой, возможно подобное крайнее услащеніе занятій; потому что преподаватель нуждается въ постоянномъ вниманіи, даже въ одушевленіи, иначе его преподаваніе будетъ вало, и не принесетъ пользы; не очевидно сохранить одушевленіе предметомъ, даже только вниманіе къ нему, трудясь отъ 9 часовъ утра до 9 вечера съ не большими промежутками, дѣло совершенно невозможное. Преподаваніе такихъ труженниковъ по необходимости будетъ не удовлетворительно, какъ бы хорошо они не знали предметъ, и какъ бы ни были хороши ихъ педагогическія воззрѣнія; но дѣло въ томъ, что такіе педагоги по необходимости и въ томъ въ другомъ отношеніи отставутъ; они не имѣютъ нисколько времени

для того, чтобы слѣдить за движеніемъ педагогическихъ идей, или своихъ спеціальныхъ наукъ. Такой взглядъ находитъ полное оправданіе въ фактахъ; трудно указать хоть одного педагога долгое время занимавшагося преподаваніемъ, который бы не отсталъ и въ наукѣ и въ педагогіи, и не сдѣлался сухимъ и бесполезнымъ педантомъ. Но винить за это старыхъ преподавателей было бы несправедливо: это не ихъ вина, а вина обстоятельствъ, въ которыхъ они стояли.

Самое тяжелое состояніе въ матеріальномъ отношеніи у насъ выпало на долю преподавателей семинарій. Они получаютъ содержанія даже много меньше, нежели преподаватели гимназій: можно судить объ ихъ положеніи, если даже и тѣ слишкомъ не довольны своимъ положеніемъ. Оттого, они стараются какъ можно скорѣе уйти изъ семинаріи, куда только можно: въ священники, а тѣ, которые не хотятъ идти въ духовное званіе, идутъ въ гражданскую службу, въ частную службу, въ домашніе наставники, въ литературу, короче сказать куда только можно. И между такими людьми оставляющими семинарію, бываетъ много чрезвычайно способныхъ; къ нимъ, между прочимъ принадлежали графъ Сперанскій, и Н. И. Надеждинъ. * А если между остающимися и есть люди способные, то жалкая обстановка жизни своимъ постояннымъ тяжелымъ давленіемъ такъ дѣйствуетъ на нихъ, что они, мало-по-малу теряютъ энергію и даже сами опускаются.

Тоже самое движеніе происходитъ и въ гимназіяхъ, или правильнѣе сказать изъ гимназій; и изъ нихъ спѣшить убраться все, что есть болѣе способнаго, все, что не отказалось отъ своихъ правъ на жизнь. Вознаградите этихъ людей хорошо, и они будутъ продолжать свою полезную службу; и какъ союзники ихъ въ дѣлѣ образованія юношества явятся къ нимъ другіе способные и образованные люди, которые теперь принимаютъ на себя всякія занятія, только не педагогическія.

Что касается до опредѣленной цифры вознагражденія, которая была бы въ состояніи привлечь къ педагогической службѣ лю-

* Прим. Другіе не бываютъ такъ счастливы. Мы знаемъ одного такого преподавателя семинаріи, который промѣнилъ педагогическую службу на канцелярскую. Это человѣкъ весьма способный, вѣроятно не менѣе Сперанскаго или Надеждина, но поступившій на службу безъ связей, безъ протекціи; онъ, кажется въ продолженіи цѣлаго года, осужденъ былъ на спиваніе канцелярскихъ бумагъ!

дей способных и удерживать их на ней, зная хорошо потребности учителя средних учебных заведений по опыту, мы думаемъ, что она должна быть вдвое или, по крайней мѣрѣ, въ полтара раза больше теперешняго вознагражденія учителей гимназій, принимая при этомъ въ соображеніе мѣстную дороговизну или дешевизну жизни, что впрочемъ и теперь дѣлается относительно заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Средства для этого найти казалось бы очень не трудно, если даже и не ходить за ними очень далеко; въ гимназіяхъ ежегодно составляются значительныя суммы изъ платы учениковъ. А что касается до семинарій, средства ихъ едва-ли еще не больше. Недавно, въ одномъ духовномъ журналѣ, была выражена мысль, что духовное вѣдомство владѣетъ значительными суммами. Что же касается до женскихъ или до военныхъ учебныхъ заведеній всѣхъ наименованій, или до такихъ училищъ какъ лицей и училище правовѣденія, всѣ эти заведенія имѣютъ въ своемъ распоряженіи такія большія суммы, и изъ нихъ столь незначительная часть идетъ на плату преподавателямъ, что увеличеніе ея для нихъ будетъ буквально не замѣтно, въ то время какъ увеличеніе образованія воспитанниковъ и воспитанницъ, благодаря большой энергіи преподаванія и большей способности преподавателей, будетъ очень значительно.

Впрочемъ не въ одной недостаточности матеріальнаго обезпеченія состоитъ дурная сторона положенія нашихъ педагоговъ среднихъ учебныхъ заведеній: едва-ли еще не важнѣ нравственные недостатки ихъ положенія. Педагогическая, служба безъ сомнѣнія, имѣетъ всего меньше сходства съ остальными родами гражданской службы собственно канцелярскими. Канцелярскій порядокъ безъ своего особеннаго начала бюрократіи невозможенъ. Канцелярія есть ничто иное, какъ известное количество людей подчиненныхъ одному лицу, которыхъ вся служба состоитъ только въ исполненіи воли этого лица. Воѣ чины канцеляріи какъ высшихъ, такъ и низшихъ ступеней совершенно безотѣтны передъ начальникомъ канцеляріи; онъ приказываетъ имъ дѣлать такъ а не иначе, онъ одинъ за все и отвѣчаетъ, какъ за свое собственное дѣло. Въ учебномъ заведеніи этого нѣтъ, да и быть не можетъ. Каждый преподаватель, не выходя изъ границъ устава, самъ распоряжается своимъ дѣломъ. Начальникъ заведенія не можетъ потребовать отъ него, чтобы онъ преподавалъ свой предметъ такъ, какъ на его мѣстѣ преподавалъ бы самъ

начальникъ. Иногда начальникъ, будучи даже очень способнымъ и полезнымъ человѣкомъ на своемъ мѣстѣ, не можетъ замѣнить не только каждаго изъ преподавателей, но и какого-нибудь одного. Оттого, при разумномъ устройствѣ учебныхъ заведеній, педагогическая и даже административная власть поручается педагогическому совѣту заведенія, въ которомъ начальникъ заведенія есть только одинъ изъ членовъ, имѣющій свой голосъ и кромѣ того служащій представителемъ высшей власти. У насъ наиболѣе разумное отношеніе между преподавателями и начальствомъ среднихъ учебныхъ заведеній существуетъ въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Но и тамъ оно слишкомъ далеко отъ желаемой степени совершенства. И тамъ директоръ гимназій, имѣетъ полную возможность подвергнуть многимъ непріятностямъ преподавателя, который ему не понравится, можетъ даже очень легко лишить его мѣста, замарать его формулярный списокъ, и испортить всю его будущность. Съ другой стороны, отъ него же зависитъ и всякій дальнѣйшій успѣхъ его службы; онъ представляетъ ко всѣмъ возможнымъ наградамъ, къ повышеніямъ и. т. п. Это нарушаетъ разумную гармонию въ отношеніяхъ между директоромъ и преподавателями. Директору, если онъ только человѣкъ не высоко развитый въ нравственномъ отношеніи, даетъ лишніа претензій, а преподавателя лишаетъ независимости, и это лишеніе независимости простирается иногда такъ далеко, что, даже вопреки уставамъ, директоръ оказывается полновластнымъ господиномъ надъ преподавателями и всѣми ихъ педагогическими дѣйствіями. Это дѣлаетъ положеніе преподавателей невыносимымъ для такихъ личностей, которыя не потеряли уваженія къ себѣ; и они или бѣгутъ изъ гимназій, или если это невозможно, если они связаны семействами, теряютъ всякій интересъ къ ея успѣхамъ, впадаютъ въ апатію, и даже падаютъ нравственно; мало-по-малу и постепенно привыкаютъ къ подчиненію, низко-поклонничеству и пресмыкательству, — такую дорогою прошли многіе преподаватели, которые въ первое время обнаруживали въ своемъ характерѣ много чертъ болѣе достойныхъ уваженія. Но каковъ бы ни былъ результатъ такого отношенія между начальствомъ гимназій и преподавателями, оставятъ-ли лучшіе преподаватели гимназію, потеряютъ-ли они педагогическую энергію, или упадутъ нравственно, гимназія, во всякомъ случаѣ, потеряетъ чисто со стороны научнаго образованія, не говоря о другихъ сторонахъ;

поправлено это можетъ быть только измѣненіемъ отношеній преподавателей къ директору, фактическимъ освобожденіемъ ихъ изъ подъ его власти. Не откажемъ себѣ въ удовольствіи прибавить здѣсь, что высшее министерство народнаго просвѣщенія очень хорошо понимаетъ это неудобство, и намѣрено попробовать уничтожить его. Еще тяжелѣе въ этомъ отношеніи положеніе наставниковъ семинарій: тамъ даже и по уставу не полагается никакихъ педагогическихъ совѣтовъ, тамъ имѣетъ значеніе только одно воля начальника, который обыкновенно бываетъ монахъ и требованія жизни понимаетъ очень мало. Оттого голосъ наставника семинаріи не имѣетъ нигдѣ никакого значенія, и самъ онъ лице въ высшей степени безотвѣтное и фактически и юридически. Въ соединеніи съ тяжелою матеріальною нуждою это ставитъ его въ такое положеніе, которому даже трудно повѣрять не видавши его своими глазами. Въ одномъ журналѣ недавно напечатана корреспонденція наставника семинаріи изъ одной западной губерніи; въ ней разсказывается, что даже въ обществѣ, гдѣ наставникамъ семинаріи приходится встрѣчаться съ высшими лицами губернскаго духовенства, они подвергаются со стороны этихъ лицъ самому грубому пренебреженію, что особенно мало понятно со стороны лицъ духовнаго званія. Вообще подобное пренебреженіе высшихъ къ низшимъ есть признакъ крайняго недостатка самоуваженія и съ особенною яркостью замѣчается только въ людяхъ неразвитыхъ, или упавшихъ нравственно напр. между домашнею прислугою въ большихъ домахъ, гдѣ, начиная отъ кучера до камердинера, идетъ такая длинная и строгая лѣстница чиновъ и чиновочитанія. Неудивительно подобное чиновочитаніе встрѣчать и въ бюрократіи. Но среди духовенства, да еще такого, которое считаетъ себя образованнымъ, это въ высшей степени странно. Впрочемъ такая же самая спѣсь замѣчается и въ іерархіи гимназической. Бываетъ, что и директора гимназій считаютъ за великую честь, если они протягиваютъ преподавателямъ руку.

Положеніе преподавателей въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, сколько жалко, столько и смѣшно. Оттого въ нихъ почти нѣтъ собственныхъ своихъ преподавателей. Преподаваніемъ въ нихъ почти исключительно занимаются наставники другихъ учебныхъ заведеній. Болѣе безгласнаго и ничтожнаго положенія, какъ положеніе преподавателей въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ мы не знаемъ. Не смотря на введеніе въ послѣднее время не-

дагогическихъ конференцій, положеніе преподавателейъ не измѣнилось: конференціи остаются однимъ словомъ. Начальство этихъ учебныхъ заведеній слишкомъ сложно и многочисленно, и бюрократическій элементъ не только преобладаетъ, но почти исключительно господствуетъ. При каждомъ заведеніи существуютъ разныхъ наименованій совѣты, изъ которыхъ педагогическій элементъ изгнанъ съ особенною заботливостію. А во главѣ всего управленія находится канцелярія, разумѣется руководимая людьми, которые хорошо знаютъ только канцелярскій порядокъ; не смотря на то, отъ нихъ зависитъ вполне организація заведенія. Ближайшій начальникъ, (именно начальникъ ни больше, ни меньше) преподавателей, въ каждомъ отдѣльномъ заведеніи, есть такъ называемый инспекторъ классовъ, съ неограниченною властію относительно преподавателей: онъ ихъ опредѣляетъ и увольняетъ, не будучи стѣсненъ никакими правилами, единственно по своему личному усмотрѣнію. Въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, директоръ тоже имѣетъ вліяніе на опредѣленіе и увольненіе преподавателей, но тамъ директоръ собственною властію ничего не дѣлаетъ: онъ только дѣлаетъ представленіе въ министерство, и министерство еще можетъ найти его представленіе неосновательнымъ, особенно потребовавши всѣ должныя объясненія отъ кого слѣдуетъ. Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, все это дѣлается такимъ способомъ, который очень походитъ на военный судъ, т. е. въ 24 часа, или даже въ меньшій срокъ. Прибавимъ къ этому, что министерство народнаго просвѣщенія, не смотря на неизмѣримо большую разумность организаціи своего педагогическаго сословія, все-таки сознаетъ его недостатки, и стремится ихъ уничтожить. Управленіе женскихъ учебныхъ заведеній довольно своимъ порядкомъ. Замѣчательно, что инспекторы классовъ пользуются своимъ правомъ увольненія преподавателей въ самомъ широкомъ размѣрѣ; ни гдѣ нѣтъ, да и не можетъ быть, такихъ частныхъ перемѣнъ въ педагогическомъ составѣ, какъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. И особенно замѣчательно то, что преподаватель изгнанный изъ одного заведенія тотчасъ же получаетъ мѣсто въ другомъ такомъ же женскомъ учебномъ заведеніи, имѣющемъ одно назначеніе, одинъ объемъ преподаванія и характеръ его, только состоящемъ подъ начальствомъ другаго инспектора, такъ что происходитъ явленіе въ родѣ того, которое когда-то осмѣяно въ нѣмецкихъ газетахъ; именно, что

нѣмецкія правительства подобною системою постоянно мѣняются между собою своими преступниками. Преподаватели въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, благодаря такому порядку, именно весьма много походятъ на нѣмецкихъ преступниковъ. Можно себѣ представить, что положеніе ихъ далеко не изъ прелекательныхъ, и человѣкъ уважающій себя, если судьбою будетъ загнанъ въ одно изъ этихъ заведеній, долго оставаться въ немъ не можетъ. Притомъ эта власть, не подверженная ни ограниченію, ни контролю, на самихъ властителей производитъ такое дѣйствіе, что они считаютъ себя свободными отъ соблюденія общепринятыхъ законовъ вѣжливости. Въ одномъ заведеніи былъ такой случай: въ одно утро преподаватель очень спокойно, ничего не подозревая, въ свое опредѣленное время шелъ на урокъ, и входя въ заведеніе имѣлъ удовольствіе слышать отъ швейцара слѣдующія слова: «N. N. (инспекторъ классовъ) приказали вамъ сказать, что въ васъ здѣсь больше не пуждаются» и преподаватель долженъ былъ повернуть назадъ, даже не хорошо представляя себѣ въ чемъ дѣло. Въ другой разъ въ томъ же самомъ заведеніи былъ такой случай: преподаватель почему-то счастливо миновалъ швейцара и успѣлъ добраться до класса тоже въ свое опредѣленное время, но въ классѣ онъ засталъ уже другого господина на своемъ мѣстѣ и между ними начался споръ; одинъ говорилъ: здѣсь мое мѣсто, а другой: нѣтъ мое. Побѣда разумѣется осталась на сторонѣ счастливаго соперника. И всѣ эти факты имѣли мѣсто въ заведеніи состоящемъ подъ властію человѣка, считающаго себя однимъ изъ передовыхъ. На другихъ преподавателей это производитъ различное дѣйствіе, одни именно по поводу этихъ случаевъ не захотѣли болѣе оставаться въ заведеніи; можно не доказывать, что это были люди наиболѣе способные и наиболѣе честные. Другіе послѣ этого усилили свою почтительность и внимательность къ начальнику, котораго впрочемъ нѣсколько времени спустя и предали, чтобы показать свою почтительность и преданность высшему начальству. Вотъ какія дѣла дѣлаются въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ; бываетъ кой-что и еще получше. Одинъ начальникъ, извѣстный своими сціентифическими путешествіями за границу, равно какъ и своимъ самонроslавленнымъ безкорыстіемъ, въ своихъ отношеніяхъ къ преподавателямъ положилъ за правило: оказывать имъ благосклонность по мѣрѣ того, сколько ему придется выпить вина или пива, и

даже къ одной и тоже личности оказываеьтъ благорасположеніе и неблагорасположеніе, пропорціонально той же самой мѣрѣ; разумѣется не стоило бы говорить о его благорасположеніи если бы дѣло тѣмъ и оканчивалось, но оно имѣетъ слишкомъ большое отношеніе къ преподаванію въ заведеніяхъ, состоящихъ подъ вѣдомствомъ безкорыстнаго Аристида. Благодаря этому, и изъ заведеній состоящихъ подъ начальствомъ Аристида устремилось вонъ все, что было въ нихъ болѣе способнаго и честнаго. А заведенія прекрасныя въ своей идеѣ, подававшія сначала много надеждъ, этихъ надеждъ не исполнили и намъ остается быть можетъ еще долго ждать исполненія нашихъ надеждъ.

Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ отношеніе преподавателей къ властямъ очень походить на то, которое существуетъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Также все идетъ въ значительной степени бюрократическимъ порядкомъ; также инспекторъ классовъ есть почти неограниченный властелинъ надъ преподавателями. И благодаря этому происходятъ такіе факты, одинъ изъ которыхъ недавно былъ описанъ въ нашемъ журналѣ, относительно порядковъ рещетицій. Впрочемъ благодаря высшему контролю преподаванія ввѣренному специалистамъ, иногда весьма замѣчательнымъ своею ученостію или опытнымъ педагогамъ, военно-учебныхъ заведеніямъ далеко до тѣхъ абсурдовъ, которые имѣютъ мѣсто въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. При томъ благодаря какъ контролю, такъ и болѣе определенной организаціи, и власть инспектора классовъ далеко не доходитъ до тѣхъ размѣровъ, которые она имѣетъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, вездѣ положеніе преподавателей таково, что съ уваженіемъ къ самому себѣ исполнять обязанности преподавателя въ продолженіи долгаго времени очень трудно. Вообще въ большинствѣ случаевъ, какъ нравственное, такъ и матеріальное положеніе преподавателей въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ таково, что оно можетъ привлечь только людей нравственно неразвитыхъ, или очень мало способныхъ, для которыхъ преподаваніе есть не больше какъ ремесло, которымъ при томъ благодаря недостатку способностей и образованія, трудно найти себѣ какое-нибудь другое занятіе.

Мы займемся еще коротко самими начальниками учебныхъ заведеній, и тѣми шансами, которые каждый преподаватель имѣетъ въ своихъ законныхъ расчетахъ на будущее улучшеніе сво-

ей судьбы, на увеличеніе своего педагогическаго значенія и возможности современемъ приносить ббльшую пользу своею дѣятельностію. Но предварительно скажемъ нѣсколько словъ въ объясненіе, чтобы насъ не упрекнули за то, что, ставя высоке интересы образованія, мы въ тоже время даемъ значеніе и личнымъ интересамъ преподавателей. Во-первыхъ, какъ мы уже сказали, эти двѣ вещи очень тѣсно связаны между собою: что бы образованію юношества посвящали себя способные люди, нужно чтобы кромѣ ихъ собственнаго желанія быть полезными, къ этому привлекала ихъ и личная выгода, или по-крайней-мѣрѣ не отталкивала личная невыгода. Во-вторыхъ, и личный интересъ самъ по себѣ имѣетъ свои права и впритомъ такъ, что нельзя придумать ни одного сколько-нибудь серьезнаго возраженія противъ того, чтобы всякій человѣкъ, и вмѣстѣ съ другими всякій преподаватель съ теченіемъ времени имѣлъ право рассчитывать на постоянное улучшеніе своей личной судьбы. Молодой преподаватель, не обзаведясь семействомъ, не нуждается въ большихъ средствахъ. Съ теченіемъ времени онъ женится, средства его должны увеличиться. Семейство его растеть больше и больше, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его издержки. Подростающимъ дѣтямъ нужно дать образованіе; издержки все растутъ и надо, чтобы онъ имѣлъ средства удовлетворить имъ. Все это очень естественно; и претензіи на лишнія средства вполне законны, если самъ преподаватель, ндя рядомъ съ потребностями времени, въ тоже время, пріобрѣтаетъ опытность, которая увеличиваетъ полезность его труда. Точно также естественна и законна претензія на увеличеніе педагогическаго значенія преподавателя. Будучи молодъ и неопытенъ, онъ даже нуждается въ нѣкоторомъ руководствѣ людей болѣе опытныхъ; а когда самъ пріобрѣтеть опытность, ему будетъ тяжело оставаться въ прежнемъ зависящемъ положеніи, и потому будетъ совершенно естественна его претензія на большую самостоятельность. Даже, если онъ пріобрѣтеть хорошее знакомство съ потребностями всего вообще образованія заведенія, очень естественно, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получилъ возможность нѣкотораго вліянія на ходъ его. Короче сказать, хорошій и вполне образованный преподаватель, идущій въ уровень съ потребностями времени, имѣетъ все право рассчитывать на то, что бы современемъ быть инспекторомъ или директоромъ въ этомъ самомъ заведеніи. Подобнаго рода честолюбіе слишкомъ неве-

диком и не признавать его законности нельзя, тѣмъ болѣе, что въ сущности это даже не честолюбіе.

И какіе же шансы имѣютъ преподаватели на улучшеніе своей судьбы и на увеличеніе своего вліянія въ тѣхъ заведеніяхъ, которыми они себя посвящаютъ. Надобно сказать, что всего лучше и въ этомъ отношеніи дѣло устроено въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія; въ нихъ существуетъ правило, что инспекторы и директора выбираются исключительно между преподавателями самыхъ гимназій, такъ что достойные преподаватели рано или поздно могутъ получить мѣста инспекторовъ или директоровъ. Къ сожалѣнію это правило допускало многочисленныя исключенія въ прежнее, еще очень недавнее время. На инспекторскія и директорскія мѣста, попадали люди, никогда даже не бывавшіе педагогами. Такъ бывали примѣры, что даже изъ министерства государственныхъ имуществъ или изъ министерства финансовъ, чиновникъ, которому здѣсь не везло, поступалъ въ директоры гимназій. Къ сожалѣнію и до-сихъ-поръ еще существуютъ директоры такого происхожденія; мы знаемъ даже, что въ одной гимназій до-сихъ-поръ директорствуетъ человѣкъ, который когда-то былъ музыкантомъ, потомъ поступилъ въ учителя нѣмецкаго языка (онъ нѣмецъ) и не имѣя почти никакого образованія, съ помощію только очень ловкаго искательства, добился директорскаго мѣста. Судя по всему, подобныя факты не имѣютъ болѣе мѣста въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; но прежніе директоры остаются. Не смотря на то, за устраненіемъ подобныхъ исключеній, система, которой слѣдуетъ министерство народнаго просвѣщенія въ выборѣ начальствующихъ лицъ для гимназій, оказывается наиболѣе удовлетворительной изъ всѣхъ другихъ существующихъ у насъ.

Въ семинаріяхъ наставники, не принадлежащіе духовному званію, не имѣютъ никакой надежды на увеличеніе своего педагогическаго вліянія и вмѣстѣ съ тѣмъ содержанія. Инспекторы и ректоры назначаются всегда изъ лицъ принадлежащихъ къ духовному званію; такъ что свѣтскій преподаватель, сколько бы ни служилъ, какую бы педагогическую опытность не приобрѣталъ, всегда останется преподавателемъ при самомъ скудномъ содержаніи.

Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, положеніе наставниковъ не одинаково: тамъ есть наставники военные и наставники статскіе, и всѣ выгоды находятъ на сторонѣ наставниковъ военныхъ;

вмѣстѣ съ повышеніями въ чинахъ они получаютъ прибавку содержанія; въ нихъ же пользу исключительно идутъ начальническія мѣста инспекторовъ классовъ и впоследствии директоровъ. Преподаватели не военные этихъ выгодъ лишены. Предполагается, что военный человекъ гораздо способнѣе руководить общимъ ходомъ образованія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Не знаемъ вѣрно-ли это. По видимому повѣркою въ этомъ случаѣ могло бы быть наблюденіе надъ общими успѣхами образованія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; но мы обойдемъ этотъ вопросъ. Впрочемъ наставники не военные все-таки имѣютъ нѣкоторыя выгоды въ будущемъ; определенной періодической прибавки содержанія они не получаютъ, но за то они имѣютъ вѣроятность, хотя весьма незначительную, съ теченіемъ времени попасть въ наставники-наблюдатели.

Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ выборъ начальника не опредѣляется никакими правилами и никакими обычаями: вниманіе высшаго начальства, рекомендаціи, играютъ здѣсь самое большое значеніе; и какого образованія какихъ способностей есть люди между инспекторами женскихъ учебныхъ заведеній объ этомъ лучше и не говорить. Система бюрократическаго произвола, примѣненная къ педагогикѣ, къ хорошимъ результатамъ вести не можетъ, и между прочимъ благодаря этому, образованіе, получаемое въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, до такой степени недостаточно, и, можетъ быть, частію благодаря этому, у насъ положеніе гувернантокъ такъ незавидно. Благодаря той ничѣмъ нестѣсненной власти, которую инспекторы классовъ имѣютъ въ приѣмѣ и увольненіи преподавателей, и благодаря тому, что назначеніе самыхъ инспекторовъ зависитъ исключительно отъ случайностей, нисколько не гарантирующихъ ни ихъ образованія ни ихъ педагогическихъ способностей, даже ни ихъ благонамѣренности, преподаватели женскихъ учебныхъ заведеній въ будущемъ не могутъ рассчитывать ни на что, не смотря на правило, существующее въ нихъ о томъ, что послѣ каждаго пятилѣтія службы содержаніе преподавателей увеличивается. Очень не многимъ приходится пользоваться этимъ увеличеніемъ, благодаря частымъ перемѣнамъ преподавателей. Недавно былъ одинъ такой примѣръ, что преподаватель, служившій кажется 23½ въ одномъ изъ женскихъ учебныхъ заведеній, и какъ говорятъ даже очень способный и знающій, которому оставалось только 1½ года до выслуги пенсіи, притомъ человекъ

семейный и очень пожилой, вдругъ въ одно прекрасное утро оназався безъ мѣста и безъ средствъ къ жизни по волѣ инспектора классовъ. Такая перспектива очевидно привлекательнаго ничего не имѣетъ, и если даже предположить, что этотъ преподаватель, и мало зналъ, и былъ мало способенъ, то и въ такомъ случаѣ слишкомъ безцеремонное увольненіе его могло только служить препятствіемъ для поступленія на такую службу людей знающихъ и способныхъ; потому что и знающіе и способные люди, на взглядъ тѣхъ людей, которые не имѣютъ довольно образованія, могутъ показаться, и незнающими, и неспособными. А, какъ мы уже сказали, за образованность инспекторовъ женскихъ учебныхъ заведеній ничто не ручается, хотя они большею частію и выбираются изъ преподавателей. За образованность преподавателя тоже ничто не ручается: они опредѣляются инспекторами исключительно на основаніи личнаго усмотрѣнія. Многіе изъ нихъ и не имѣютъ понятія о высшемъ университетскомъ образованіи, особенно преподаватели новѣйшихъ языковъ иностранцы, изъ которыхъ нѣкоторые отличаются еще тѣмъ, что имѣя въ виду исключительно устройство собственныхъ своихъ дѣлашекъ, они не слишкомъ разборчивы на средства *. И вотъ они то имѣютъ возможность попасть и дѣйствительно очень часто попадаютъ въ инспекторы. Вообще въ составѣ начальства женскихъ учебныхъ заведеній, иностранный элементъ играетъ весьма значительную роль **. Мы находимъ этотъ фактъ весьма согласнымъ съ тѣмъ взглядомъ, который мы высказали выше на педагогическую службу въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Система избранія преподавателей тоже имѣетъ большой смыслъ въ общемъ ходѣ образованія; и какъ мы уже сказали самая несчастная система существуетъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ собственно говоря совсѣмъ и нѣтъ системы по-

* Составъ нашихъ преподавателей новѣйшихъ языковъ по истинѣ изумителенъ. Знающіе люди увѣряютъ, что значительная часть ихъ состоитъ изъ разнаго рода подмастерьевъ, плохо знающихъ свое ремесло и т. п. Особенно оскорбляются этимъ тѣ изъ иностранцевъ, которые пріѣзжаютъ сюда съ запасомъ познаній и доброй воли. Одинъ изъ нихъ увѣрялъ недавно, что между его соотечественниками есть люди съ клейменными плечами, т. е. убѣжавшіе каторжники, которые принялись за педагогію.

** Замѣчательно, что въ петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ изъ пяти инспекторовъ четыре иностранца, два нѣмца и два француза.

тому, что произволь системою названъ быть не можетъ. Мы можемъ засвидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Одинъ начальникъ, послѣ долгой проволочки, продолжавшейся кажется года два, отказалъ одному претенденту на должность преподавателя, даже не объяснивши ему причины. Претендентъ, обнадеженный, прежде счелъ себя вправѣ спросить о причинѣ отказа у высшаго начальства, которому подчиненъ этотъ начальникъ. Высшее начальство обратилось за объясненіями къ начальнику. Начальникъ человекъ въ высшей степени тонкій; это его репутація. И что вы думаете—отвѣчалъ онъ своему высшему начальству! Можно держать пари, что ни одинъ читатель не отгадаетъ. Онъ отвѣчалъ, что отказалъ просителю потому, что проситель не красивъ собою! Такой отвѣтъ, конечно очень лестенъ для всѣхъ служащихъ подъ начальствомъ этого достославнаго начальника; онъ прямо говоритъ, что между ними нѣтъ людей некрасивыхъ собою. Счастливые люди, счастливыя заведенія и счастливыя ученицы, обучающіяся въ нихъ! Можно привести безчисленное множество подобныхъ курьезовъ изъ сферы дѣйствій этого достославнаго начальника, равно какъ и другихъ начальниковъ женскихъ учебныхъ заведеній; но оставимъ ихъ въ покоѣ.

Гораздо болѣе рационально опредѣленіе преподавателей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ гимназіяхъ и семинаріяхъ. Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, чтобы быть преподавателемъ, нужно сначала подвергнуться экзамену, или если претендентъ имѣетъ изъ какого-нибудь высшаго учебнаго заведенія дипломъ, нужно читать пробную лекцію. Этотъ способъ дѣйствительно не имѣетъ противъ себя ничего, если только онъ практикуется безо-всякихъ злоупотребленій. Въ гимназіяхъ и семинаріяхъ, безъ всякихъ пробныхъ лекцій, преподавательскія мѣста даются тѣмъ, которые кончили курсъ удовлетворительно въ университетахъ, или въ духовныхъ академіяхъ; и притомъ такъ, что преподавателя опредѣляетъ не начальство того самаго заведенія, куда онъ поступаетъ, а высшее учебное начальство, — обыкновенно учебный округъ. Это имѣетъ много удобствъ. Именно учебный округъ имѣетъ выборъ гораздо болѣе разнообразный потому, что подъ его же непосредственнымъ вѣдѣніемъ и находятся тѣ высшія учебныя заведенія, которыя доставляютъ преподавателей; во-вторыхъ это устраняетъ поводъ къ злоупотребленіямъ, которыя должны бы имѣть мѣсто въ случаѣ, если бы непосредственный начальникъ заведенія, самъ опредѣлялъ преподавателей, тутъ

явился бы нецотизмъ и даже другія побужденія еще менше благородныя.

Теперь мы постараемся сдѣлать нѣкоторые выводы изъ всего того, что мы сказали, и представить нѣкоторыя соображенія.

Организація педагогическаго сословія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всего удовлетворительнѣе въ министерствѣ народнаго просвѣщенія: если бы преподаватели гимназій имѣли содержаніе болѣе достаточное, то эта должность была бы въ состояніи привлекать къ себѣ людей самыхъ способныхъ и благонамѣренныхъ. Педагогическое сословіе семинарій находится въ очень жалкомъ состояніи, особенно со стороны матеріальной. Со стороны нравственной особенно жалко положеніе педагогическаго сословія женскихъ учебныхъ заведеній. Къ нему же приближается и положеніе педагогическаго сословія военныхъ и духовныхъ учебныхъ заведеній. Мы не говоримъ, чтобы, въ этомъ отношеніи, положеніе учителя гимназіи было вполне удовлетворительно; оно тоже имѣетъ свои недостатки; но во-первыхъ само министерство народнаго просвѣщенія занято проэктомъ объ исправленіи его; а во-вторыхъ оно все-таки гораздо удовлетворительнѣе состоянія педагогическаго сословія въ другихъ заведеніяхъ.

Нашимъ исходнымъ пунктомъ была та мысль, что теперь вообще заняты тѣмъ, чтобы усилить образованіе, во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Педагогическое сословіе имѣетъ слишкомъ важное значеніе въ дѣлѣ образованія; потому всѣ учебныя заведенія должны поставить его въ такое положеніе, чтобы оно имѣло возможность исполнить свое назначеніе, и чтобы составъ его соответствовалъ этому назначенію: для этого во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, оно должно быть поднято на такую степень, на какой оно находится въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Но и въ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ намъ кажется, оно должно быть реформировано въ такомъ смыслѣ:

1) Опредѣленіе преподавателей должно быть оставлено въ прежнемъ видѣ, т. е. чтобы преподаватели были назначаемы округами, а не начальствами гимназій. Но такъ какъ не рѣдко претенденты на должность преподавателей, не смотря на свои аттестаты, имѣютъ очень незначительное познаніе въ своихъ даже специальныхъ предметахъ, то было бы желательно, чтобы, прежде полученія мѣста, они были обязаны читать пробныя лек

ціи въ университетскихъ совѣтахъ, которыя могли бы показать въ одно время и ихъ педагогическія способности, и ихъ спеціальныя знанія. Такая мѣра обязала бы университетскихъ кандидатовъ особенно подготовиться изъ того предмета, преподаванію котораго они намѣреваются посвятить себя.

2) Содержаніе новому преподавателю должно быть положено такое, что бы оно было вполнѣ достаточно, но только для одного человѣка не имѣющаго семьи. Черезъ каждыя пять лѣтъ оно должно увеличиться на одну треть, но такъ, что бы это увеличеніе имѣло мѣсто только въ продолженіи 15 лѣтъ, пока оно не будетъ вдвое превосходить первоначальное содержаніе. Затѣмъ, содержаніе инспектора должно быть увеличено еще на одну треть, а содержаніе директора на двѣ трети, сравнительно съ высшимъ преподавательскимъ содержаніемъ. Содержаніе директора и инспектора не должно быть увеличиваемо сколько бы времени они не оставались въ должности.

3) Аттестации преподавателей долженъ дѣлать директоръ только со стороны успѣховъ ихъ преподаванія, которые должны быть повѣряемы лицами уполномоченными отъ учебныхъ округовъ, въ родѣ нынѣшнихъ инспекторовъ. Но относительно этихъ лицъ должны быть соблюдаемы два непремѣнныхъ условія, безъ которыхъ дѣятельность ихъ, кромѣ вреда, — ничего не принесетъ: во-первыхъ сами они должны быть люди извѣстные своею ученостію; и во-вторыхъ они должны быть опредѣлены на эти мѣста непремѣнно послѣ педагогической практики. Весьма полезно было бы, если бы такія мѣста, въ видѣ вознагражденія, получали директора гимназій, оказавшіе несомнѣнную пользу въ своихъ гимназіяхъ. Польза, которую хорошіе директора гимназій принесутъ на этихъ мѣстахъ, будетъ еще значительнѣе, разольется на болѣе широкій кругъ учебныхъ заведеній.

4) Въ случаѣ если директоръ гимназій послѣ безуспѣшности личнаго вліянія найдетъ, что какой-нибудь преподаватель не можетъ болѣе оставаться въ своей должности, полезно было бы, чтобы высшее начальство, прежде собственнаго рѣшенія дѣла, предоставило его на рѣшеніе педагогическаго совѣта гимназій, который собравшись, подъ предсѣдательствомъ инспектора въ отсутствіи директора, и того члена, о которомъ будетъ идти рѣчь, долженъ обсудить дѣло и постановить свое рѣшеніе, но съ такимъ условіемъ, что бы это рѣшеніе не было окончательнымъ, для того, чтобы начальство округа имѣло возможность

повести это дѣло справедливо въ случаѣ, если рѣшеніе товарищей будетъ слишкомъ снисходительно или въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ преподавателей подвергается несправедливому недоброжелательству, въ одно время какъ со стороны начальства гимназіи, такъ и со стороны другихъ преподавателей. При теперешнемъ педагогическомъ составѣ гимназій даже и такой случай имѣеть вѣроятность, хотя весьма незнагительную. Можно надѣяться, что съ теченіемъ времени, и съ введеніемъ разумныхъ реформъ, эта вѣроятность одѣлается еще гораздо незначительнѣе.

5) Гимназія должна находиться подъ управленіемъ педагогическаго совѣта, состоящаго изъ всѣхъ преподавателей, имѣющихъ университетскіе дипломы. Директоръ есть только предсѣдатель совѣта, и исполнитель его рѣшеній. Относительно преподавателей онъ наблюдаетъ только, чтобы они слѣдовали уставу, и старательно исполняли свое дѣло. Инспекторъ наблюдаетъ за нравственностью учениковъ, но въ аттестаціяхъ, которыя онъ дѣлаетъ ученикамъ, долженъ быть подверженъ контролю совѣта.

Мы думаемъ, что при такой организаціи педагогическаго сословія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, оно, будучи достаточно обезпечено въ матеріальномъ отношеніи и будучи подчиненно только закону, а не произволу какой-нибудь личности, станетъ въ такое положеніе, которое привлечетъ къ нему людей достойныхъ, и по своимъ познаніямъ, и по способностямъ, и по характеру. Такое педагогическое сословіе, будетъ въ состояніи поднять образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Если же оставить педагогическое сословіе въ нынѣшнемъ его состояніи, то, при самыхъ добрыхъ намѣреніяхъ правительства, при самыхъ разумныхъ реформахъ касательно объема и состава учебныхъ курсовъ, образованіе впередъ много не подвинется. Люди знающіе и способные, или совсѣмъ не будутъ принимать на себя преподавательскихъ обязанностей, или въ скоромъ времени будутъ отъ нихъ отказываться, что имѣеть мѣсто теперь въ весьма большемъ количествѣ.

Какъ мы уже видѣли относительно педагогическаго сословія, всего настоятельнѣе требуютъ реформы женскія учебныя заведенія, потомъ слѣдуютъ военныя и духовныя учебныя заведенія. Само собою разумѣется, что вполне однообразное устройство педагогическихъ сословія, во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, невоз-

можно. Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ педагогическое сословіе не можетъ обойтись безъ женскаго элемента, въ военныхъ безъ военнаго, въ духовныхъ безъ духовнаго. Но надобно, чтобы эти различные элементы не относились другъ къ другу враждебно, чтобы одинъ элементъ не былъ подавляемъ другимъ, но чтобы оба они согласно шли къ одной цѣли. Для этого нужно, чтобы напр: въ военно-учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе общихъ наукъ не стояло въ какомъ-то подчиненномъ отношеніи къ преподаванію наукъ военныхъ, или, чтобы въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ такомъ отношеніи не стояли науки общія къ наукамъ, касающимся религіи. Человѣкъ, принадлежащій къ военному сословію, или находящійся въ известномъ духовномъ санѣ, очень естественно общія науки поставитъ на второй планъ, не дастъ имъ того значенія, которое онѣ имѣютъ. Чтобы этого не было желательно было бы, чтобы, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ заведеніяхъ, элементъ чисто ученый и педагогическій получилъ полную самостоятельность, чтобы преподаватели, не принадлежащіе къ духовному сословію, были вполне уравнены и въ правахъ и вліяніи съ преподавателями духовными, а въ военно-учебныхъ заведеніяхъ преподаватели не военные были сравнены съ военными.

Если мы искренно желаемъ успѣховъ нашему образованію, если мы справедливо будемъ цѣнить эти успѣхи и отъ нихъ главнымъ образомъ будемъ ожидать успѣховъ всей нашей жизни вообще, то насъ не должны останавливать наши прежніе педагогическіе обычаи. Разумныя реформы должны быть сдѣланы во всѣхъ отрасляхъ нашей общественной жизни. А образованіе составляетъ едва-ли не самую важную изъ нихъ.

И. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Обскуранты взяли одръ свой и двинулись.—Страшные пожары въ Петербургѣ и толки объ нихъ.—Мѣры приняты полиціей.—Закрытіе воскресныхъ школъ, народныхъ читаленъ, шахматнаго клуба, отдаленія для пособія учащихся при обществѣ вспоможенія литераторамъ.—Правила о публичныхъ лекціяхъ въ Петербургѣ.—Нѣсколько словъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ.—Извѣстія изъ нашей западной окраины.— О покаяніи г. Костомарова. — О г. Шедо-Ферроти. — Приказъ о судѣ надъ саперными офицерами.

Ошибками крайнихъ людей одного направленія, всегда пользуются крайніе люди направленія противоположнаго. Было-бы грѣшно сказать, чтобы это пользованіе совершалось всегда безкорыстно,—гораздо скорѣе напротивъ, и мы очень часто видимъ, что крайніе люди стремятся взаимно «сердце сорвать» другъ на другѣ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы не могли промолчать о томъ, что нашу русскую исторію начинаютъ дѣлать не только промышленники разнаго рода, не только фанфароны, но и просто юриды... Мы говоримъ здѣсь о неизвѣстныхъ участникахъ послѣдней возмутительной прокламаціи, прикрывшейся чужимъ флагомъ «Молодая Россія». Мы не могли не быть безпощадными къ этому ребяческому задору, къ этой злодѣйской шалости. Современные законы о бракѣ и семьѣ имѣютъ недостатки и эти недостатки были предметомъ заботы еще Сперанскаго, въ его проектѣ преобразования нашего гражданскаго законодательства. Въ послѣднее время они обсуживались во многихъ журнальныхъ статьяхъ, и мы можемъ указать здѣсь на весьма дѣльные статьи г. Филипова въ «Современникѣ.» А эти

юродивые, эти наивные участники прокламаціи, захватившей себѣ чуждое для нея имя «молодой Россіи», предлагали рѣшить вопросъ о бракѣ и семьѣ взмахами топора и въ замѣнъ семьи обѣщали только казармы для дѣтей, куда ихъ будутъ отрывать вѣроятно, едва выкормленныхъ грудью матери. Эти молодцы предлагали еще обратить въ паріевъ всѣхъ несогласныхъ съ ихъ мнѣніемъ такъ наивно, такъ звонко прибавляя въ скобкахъ: «если они останутся живы.» Можно ли было не быть безпощаднымъ въ виду этой сатурналіи? Намъ кажется, что чѣмъ болѣе кто-нибудь сочувствуетъ дѣйствительному улучшенію законовъ о семьѣ, бракѣ и пр. и настоящему укрѣпленію за каждымъ его нравъ, тѣмъ сильнѣе долженъ негодовать такой человекъ видя, что лучшія его вѣрованія, лучшія надежды ваптываются въ грязь, вгоняются въ нелѣпости.

Послѣ всего, что мы видѣли; что мы слышали вслѣдъ за появленіемъ этого воззванія, нельзя не сомнѣваться, что обскуранты взяли одръ свой, подняли голову и двинулись дальше. А тутъ подошли еще пожары. Въ продолженіи полутора недѣль, Петербургъ почти каждый день вспыхивалъ въ разныхъ концахъ и иногда на нѣсколькихъ мѣстахъ почти одновременно. Страшный пожаръ начавшійся съ Толкучаго рынка навелъ панику на жителей и въ обществѣ пошли чудовищные толки. Какъ всегда бываетъ, въ такое время голосъ крайнихъ обскурантовъ сталъ раздаваться все сильнѣе и сильнѣе, — и безцеремоннѣе...

На самомъ пожарѣ произошло нѣсколько звѣрскихъ сценъ, въ которыхъ слѣпые инстинкты очень хорошо заявили свое достоинство, а у насъ еще такъ неразборчиво зываютъ къ нимъ. Г. Беллюстинъ рассказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ народъ исколотилъ одного молодого человекъ, по простому подозрѣнію. Мы такжѣ видѣли нѣсколько подобныхъ же сценъ и такжѣ не могли добраться до смысла происходившаго...

«Сѣверная Пчела» свидѣтельствуетъ свое удивленіе передъ толками почему не запрещено то или другое, и выражаетъ свое сомнѣніе въ пользѣ странныхъ запрещеній, предлагавшихся со всѣхъ сторонъ на самомъ пожарищѣ. Изъ среды самаго общества, рассказываетъ эта газета, являлись люди, запрещавшіе ѣхать по такой-то улицѣ, проходить по такому-то тротуару. Для будущей безопасности Толкучаго рынка предлагали цѣлую ставъ запрещеній.

Таже газета рассказываетъ, что при казни г. Обручева, ког-

да на него надѣли армакъ и шапку, собравшаяся толпа будто-бы радостно хохотала. Мы не слышамъ этого отъ нѣсколькихъ очевидцевъ происшествія, а мудроно забыть или не замѣтить подобную подробность. Во всякомъ случаѣ самая возможность разсказовъ о такомъ звѣрствѣ, уже наводитъ глубокое уныніе. Впрочемъ, вѣроятно, смѣялось отребье общества, а коренной русской народъ вовсе не способенъ сдѣлать потѣху изъ казни, и не забываетъ милосердія къ несчастнымъ.

А какой промахъ дала сама эта газета? Она печатно повторила нелѣпый слухъ объ источникѣ петербургскихъ пожаровъ. Этотъ слухъ еще болѣе невѣроятенъ, чѣмъ извѣстія о зефиротахъ, и если для иныхъ читателей нужно подобное снадобье, то не лучше-ли давать его только въ первое апрѣля. Конечно эта едва-ли не лучшая ежедневная газета, но къ сожалѣнію крайне разношерстая не раздѣляла сообщенный слухъ, и потомъ энергически оговорила его; но зачѣмъ же было упоминать о немъ.

Слухъ о томъ, что поджоги дѣлаются *обществомъ* студентовъ, изъ которыхъ многіе такъ усердно работали на пожарѣ, могъ выйти только изъ тьмы кромѣшной хотя разумѣтся, негодяи или злодѣи вездѣ могутъ оказаться, а потому и между студентами... Нельзя не вспомнить и о томъ, что авторъ «Молодой Россіи» оказалъ ей славную услугу, захвативъ ея флазь. Вотъ куда ведутъ иногда беззавѣтные воззванія къ слѣпымъ инстинктамъ.

Ограничуся этими примѣрами,—слишкомъ горько перебирать пустое повтореніе старой дикости и теревить еще свѣжія раны.

Дѣйствительно, какъ все это знакомо намъ: тотъ же языкъ, та же логика, тотъ же духъ вѣетъ и въ отвѣтъ на это въ насъ самихъ та же самая, давно обычная ненависть, тоже сознание своего безсилія...

Великую и памятную, но къ сожалѣнію уже слишкомъ великую услугу оказали намъ наши крайніе, наши юродивые всѣхъ цвѣтовъ и калибровъ.

Но оставимте вникать въ эту печальную картину и останемтесь въ виду общаго смятенія сами по себѣ, въ сторонѣ отъ дѣлъ и толковъ всякихъ юродивыхъ. Намъ остается дѣло, свое дѣло, твердо вѣруя, что правда возьметъ свое и что никакіе юродивые сами не высядятъ въ своей глупой жи, въ своихъ оргіяхъ бездумнаго насилія.

На этотъ разъ мы отлагаемъ всякія разсужденія, пока прояснится горизонтъ общественный, затемнившій такъ неожиданно и такъ бесполезно. Ниже мы представляемъ простой перечень, простой сводъ различныхъ извѣстій.

Майскіе пожары въ Петербургѣ начались на Лиговкѣ, въ Ямской, населенной бѣднымъ, трудовымъ людомъ, и всѣ дальнѣйшіе пожары поражали тотъ же классъ населенія.

Первый пожаръ въ Ямской былъ 16 мая, но на этотъ разъ сгорѣли только старыя нежилыя строенія.

21 мая, въ пять часовъ утра загорѣлась большая Охта. Огонь, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, быстро испепелилъ три улицы, около 25 домовъ, со службами. Быстрота пожара отняла возможность спасти имущество; обгорѣлые оставы лошадей и коровъ еще на другой день валялись на пожарищѣ.

На другой день, 22 мая, въ 8 часовъ утра, загорѣлось на Петербургской сторонѣ, но огонь былъ скорѣ остановленъ. Въ тотъ же день, въ 12 часовъ попол., вновь загорѣлась Ямская. Тѣснота старыхъ деревянныхъ построекъ мѣшала дѣйствию пожарныхъ; если бы захала на любой дворъ труба и бочка — имъ негдѣ было бы повернуться; сильный вѣтеръ и предшествовавшее сухое время помогли пожару, и скорѣ цѣлая линия домовъ на лѣвой сторонѣ Лиговки запылала. Огонь перебросило на другую сторону этого канала; пожарные должны были раздѣляться. Пожаръ былъ страшный и огонь шелъ съ такою быстротою, что многіе не успѣли спасти свое имущество, вывести лошадей и скотъ. Потерявшіеся жители выбрасывали мебель изъ оконъ втораго, третьяго этажей, — она разлеталась въ куски на землѣ. Лиговка была завалена пожитками; съ какого-то сальнаго завода по ней плыли свѣчи.

23 мая были выкинуты въ частяхъ знаки о пожарѣ на Охтѣ. И вся солдатская слободка (около 40 домовъ) выгорѣла до основанія.

Въ тотъ же день произошло еще четыре пожара. На Гороховой сгорѣлъ домъ и службы. Потомъ на Лиговкѣ занялся огромный пожаръ, страшнѣе всѣхъ предъидущихъ. Четырехугольникъ между Кобылей улицей и Лиговкой, церковью Іоанна Предтечи и Глазовымъ мостомъ выгорѣлъ совершенно. Чрезвычайно сильный вѣтеръ перекинулъ огонь въ Разъѣзжую и тамъ сгорѣло 4 дома. Не успѣлъ окончиться этотъ пожаръ, какъ за-

горѣлся домъ въ Лештуковомъ переулкѣ и тутъ огонь скоро остановили на флигелѣ. Едва пожарные стали возвращаться домой, какъ на Невскомъ вспыхнулъ новый пожаръ и тамъ сгорѣли службы и часть флигелей.

Въ промежуткѣ между 23 и 28 мая почти ежедневно городъ вспыхивалъ съ разныхъ концовъ, но эти небольшіе пожары скоро тушили.

Наконецъ 28 мая, произошелъ самый страшный пожаръ, какого не запомнить Петербургъ. Около 2 часовъ поп., по Апраксину переулку въ д. Трифонова, изъ деревянаго сарая показался дымъ и при осмотрѣ въ немъ оказалось тлѣвшая пакля, къмъ-то подброшенная. Черезъ три часа загорѣлось внутри Толкучаго рынка, и огонь быстро побѣжалъ по деревяннымъ болаганамъ его. Врядъ-ли прошло около часу, какъ весь рынокъ пылалъ сплошнымъ костромъ и ставшее столбомъ пламя, раздуваемое сильнымъ вѣтромъ, обнимало зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ. Намъ удалось застать почти самое начало этого страшнаго пожара. Изъ воротъ выходившихъ на Фонтанку вывозили съ рынка на набережную экипажи. Тутъ же тѣснились телеги, на которыя торговцы набрасывали свой товаръ; его валили также въ барки подошедшія къ берегу Фонтанки, между тѣмъ какъ деревянные суда уходили по ней отъ пожарища. Едва ли прошло около получаса, какъ уже огонь побѣжалъ по самому забору; на другой сторонѣ Фонтанки нельзя было стоять отъ жару; экипажи повалили въ воду и набережная опустѣла; густой дымъ валилъ между тѣмъ черезъ Фонтанку по направленію къ Чернышему переулку, и мы не успѣли еще вернуться къ мосту, какъ новый столбъ чернаго дыма поднялся изъ навѣсовъ около этого переулка. Среди толкающихся экипажей, телегъ, каретъ, omnibusовъ, нагруженныхъ товарами, среди потерянной отъ страха и злобы толпы, мы прошли къ Садовой. Изъ каменныхъ корпусовъ выбрасывали на улицу товары, спѣшили уложить ихъ на телеги; а бѣлый дымокъ уже вырывался изъ-подъ крыши этого ряда лавокъ съ конца отъ Апраксина переулка. Вскорѣ запылалъ весь рядъ до самаго Пажескаго корпуса и загорѣлись товары, выброшенные на улицу. Одинъ изъ флигелей Государственнаго банка занимался, но его успѣли отстоять. На другой сторонѣ Фонтанки огонь перешелъ съ навѣсовъ на высокіе деревянные склады, на сосѣдніе имъ дома и глубоко прошелъ черезъ нѣсколько улицъ почти до Владимірской. Пожаръ

продолжался всю ночь и только утромъ другого дня былъ уже вездѣ остановленъ.

Вечеромъ 28 мая, и нѣсколько дней спустя, Петербургъ представилъ видъ города подвергшагося бомбардировкѣ непріятеля. Нѣкоторые кварталы лежали въ развалинахъ, другіе горѣли; улицы и площади вокругъ пожарищъ были завалены вынесеннымъ имуществомъ, мебелью, товарами и пр.; мѣстами подъ открытымъ небомъ размѣстились погорѣвшіе; экипажи всякаго рода, нагруженные товарами и рухлядью, тѣсно мчались по улицамъ; перепуганная толпа сновала по тротуарамъ... Во многихъ мѣстахъ города, даже въ далекѣ отъ пожарища, связали имущество въ узлы, чтобы спасать его по первому крику объ огнѣ... Нѣсколько дней спустя, подъ впечатлѣніемъ разныхъ толковъ не спали ночи и ждали несчастія...

Послѣ того нѣсколько дней сряду вспыхивали пожары въ разныхъ мѣстахъ города, но они были вскорѣ потушены пожарною командою и частію самими жителями; значительнѣйшій изъ этихъ пожаровъ былъ на Пескахъ, гдѣ сгорѣло нѣсколько домовъ.

Пожаръ 28 мая, вызвалъ энергическія мѣры полиціи и множество предположеній частныхъ лицъ о содѣйствіи общества пожарнымъ командамъ.

30 мая, с.-петербургскій оберъ - полиціймейстеръ, сознавая, что недавніе пожары выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ частныхъ случаевъ и требуютъ самыхъ дѣятельныхъ и энергическихъ мѣръ къ отвращенію подобнаго зла на будущее время, — отнесся къ домовладѣльцамъ столицы съ просьбою. усилить денной и ночной караулъ за домами, подтвердивъ вмѣстѣ съ тѣмъ дворникамъ сдѣланное полиціей распоряженіе о томъ, чтобы они были безотлучно, по очереди, у воротъ домовъ и обращали особенное вниманіе на людей, которые, безъ всякой положительной надобности, будутъ бродить по дворамъ или около надворныхъ строеній, забирая и представляя подозрительныхъ людей въ полицію, но не дозволяя себѣ какого либо самоуправства и не допуская до того и другихъ.

Въ тоже время военный генералъ-губернаторъ учредилъ комиссію для раскрытія причинъ пожаровъ.

31 мая учрежденъ особый комитетъ для изслѣдованія о пожарахъ въ Петербургѣ. Онъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ ген. ад. Зиновьева, изъ 7 чиновниковъ отъ различныхъ вѣдомствъ, а также петербургскаго губернскаго предводителя дворян-

ства, городского головы и четверыхъ гласныхъ думы. На комитетъ возложено привести въ извѣстность потери отъ пожаровъ, а также изыскать наиболѣе дѣйствительныя мѣры къ охраненію безопасности столицы. Онъ же завѣдуетъ приѣмомъ и распредѣленіемъ пожертвованій.

Для ближайшаго наблюденія за принятіемъ мѣръ комитета Петербургъ раздѣленъ на три временныя военныя генералъ-губернаторства, соотвѣтственно раздѣленію на три полицейскія отдѣленія. Временными генералъ-губернаторами назначены генералы Философовъ 2-й, Толстой и Ланской.

Затѣмъ всѣхъ, кто могъ-бы быть взятъ съ поджигательными снарядами и веществами, или по подозрѣнію въ поджигательствѣ, равно *подстрекателей къ безпорядкамъ* повелѣно судить военнымъ судомъ въ 24 часа.

Въ Исаакіевскомъ соборѣ витрополить Исидоръ совершилъ молебствіе объ отвращеніи бѣдствій, постигнувшихъ столицу и также молебствіе ежедневно совершается во всѣхъ церквяхъ, послѣ литургіи.

Въ тотъ-же день 1-го Іюня состоялось Высочайшее повелѣніе о сужденіи поджигателей по *полевымъ* уголовнымъ законамъ, съ предоставленіемъ с.-петербургскому военному - генералъ-губернатору права подтверждать и приводить въ исполненіе приговоры военного суда.

Подъ помѣщенія погорѣвшихъ отданы зданія: 1-го сухопутнаго госпиталя, московскихъ казармъ и стараго арсенала; для погорѣвшихъ разрѣшенъ временной отпускъ палатокъ. Со всѣхъ ступеней общества въ комитетъ стали поступать пожертвованія.

Вслѣдъ за принятыми мѣрами пожары прекратились, и вскорѣ пошли дожди, льющіе до сихъ поръ.

Между тѣмъ какъ у воротъ cadaго дома сидѣли дворники, спрашивая всѣхъ входящихъ, и на улицахъ со всѣхъ сторонъ смотрѣли полицейскіе, въ обществѣ пошли самыя оживленныя, но часто очень странныя толки. Подъ впечатлѣніемъ паники первыхъ дней высказывались иногда очень смѣлыя подозрѣнія, но потомъ взялись за умъ, и приговоры стали осторожнѣе: къ сожалѣнію народная подозрительность нѣсколько разъ выразилась жестокими побоями, кровавыми сценами.

Петербургскіе пожары до сихъ поръ остаются загадкою, точно привидѣніе внезапно ставшее среди живыхъ. Умъ тщетно ищетъ возможности связать этотъ «красный цѣтухъ» съ

какими бы то ни было явленіями или хотя даже съ самыми дикими отклоненіями общественной жизни. Какъ ни напрягайте воображенія невозможно представить себѣ петербургскіе пожары иначе, какъ никому невѣдомое, незнаемое чудовище, забѣжавшее въ нашу среду. Какой смыслъ ихъ? какая цѣль? Грабежъ ли? а если не грабежъ такъ чтоже?! Чтоже тутъ можетъ быть? Общественные толки путаются, теряются въ догадкахъ. До сихъ поръ остается только вспоминать страшные разливы пламени, тучи дыма, нѣсколько дней мрачившія солнце на ясномъ майскомъ небѣ, потерявшійся отъ страха и злобы народъ, бѣгство съ имуществомъ, меблированныя улицы... остается смотрѣть на огромныя развалины кварталовъ и вопрошать эти гіероглифы: «что сказалося имъ?»

Съ своей стороны, мы не владимся ни въ какія предположенія, и подождемъ объявленій слѣдственной комиссіи.

Посреди всеобщей смуты, порожденной пожарами, народъ, высказалъ свою полную преданность Императору, даровавшему уничтоженіе крѣпостнаго состоянія. Мы увѣрены, что правительство, въ виду совершенно спокойнаго положенія большинства, съ спокойнымъ достоинствомъ пройдетъ мимо теперешнихъ затрудненій и не уклонится съ пути задуманныхъ имъ чрезвычайно важныхъ реформъ. Мы вполнѣ надѣемся, что, даровавъ свободу столькимъ милліонамъ крѣпостныхъ, правительство не отклонится отъ этого великаго пути свободы, какъ бы ни усиливались плачевныя дѣйствія разныхъ заблуждающихся затруднить путь нашего развитія, своротить его на другую дорогу. Вслѣдъ за пожарами послѣдовало нѣсколько мѣръ вызванныхъ ими. Мы ограничиваемся простымъ перечнемъ ихъ.

3 Іюня объявлено о закрытіи самсоніевской и введенской школъ и объ учрежденіи особой комиссіи для изслѣдованія дѣйствія преподавателей и распорядителей этихъ школъ. Въ объявленіи сказано, что показаніями фабричныхъ работниковъ на петербургской сторонѣ обнаружено, что въ этихъ воскресныхъ школахъ преподается ученіе, направленное къ потрясенію религіозныхъ вѣрованій, къ распространенію социалистическихъ понятій о правѣ собственности и къ возмущенію противъ правительства. Два работника, сперва посѣщавшіе самсоніевскую, а нынѣ посѣщающіе введенскую школу, позволили себѣ возмутительные толки, отзываясь о политическихъ переворотахъ, о пользѣ пожаровъ, о надобности съечь весь Петербургъ и. т. п. Эти работники арестованы по распоряженію военнаго-генераль-губер-

натора. Комиссія начала свои дѣйствія. При ней состоятъ депутаты отъ министерства народнаго просвѣщенія.

6 Іюня объявлено, что главнымъ начальникамъ и начальникамъ губерній Высочайше разрѣшено руководствоваться въ случаѣ обнаруженія злонамѣренныхъ поджоговъ въ предѣлахъ вѣренихъ имъ губерній, тѣми правилами относительно производства дѣлъ о поджигателяхъ, которыя установлены для С.-Петербургскаго Высочайшимъ повѣленіемъ 1 іюни.

При этомъ объявленіи была опубликована выписка изъ подлежащихъ статей полевыхъ уголовныхъ законовъ:

Св. воен. пост. часть V, кн. I

Ст. 631 Грабежъ лицъ, домовъ, селеній и вообще собственности наказывается смертію.

Ст. 632 Наказывается равнымъ образомъ зажигательство домовъ, истребленіе лѣсовъ и жатвъ и убійство жителей.

Той же части.

Ст. 20. Виды смертной казни суть: растрѣляніе и повѣшеніе.

Св. воен. пост. ч. V кн. XI.

Ст. 6. Военнымъ судомъ судятся за нѣкоторыя уголовныя преступленія.

Пунктъ 25. Зажигатели и виновные въ подкидываніи писемъ съ угрозами произвести поджогъ, вслучаѣ, когда будутъ открыты шайки зажигателей.

Улож. о наказ. угол. и испр. ст. 20. Виды смертной казни опредѣляются судомъ въ приговорѣ его.

Въ тотъ же день объявлены распоряженія с.-петербургскаго военнаго-генералъ-губернатора:

а) Шахматный клубъ закрыть впредь до усмотрѣнія. Въ объявленіи сказано, что это распоряженіе вызвано обязанностію генералъ-губернатора принимать всѣ мѣры къ прекращенію встревоженнаго состоянія умовъ и къ предупрежденію между населеніемъ столицы не имѣющихъ никакого основанія толковъ о современныхъ событіяхъ. Въ шахматномъ клубѣ, — говорило официальное объявленіе, — происходятъ, изъ него распространяются тѣ неосновательныя сужденія.

и б) Закрыты всѣ нынѣ существующія народныя читальни. Въ объявленіи говорится, что это мѣра принята вслѣдствіе замѣчательнаго вреднаго направленія нѣкоторыхъ изъ учрежденныхъ въ послѣднее время народныхъ читаленъ, которыя даютъ средства не столько для чтенія, сколько для распространенія между посѣ-

щающими ихъ лицами сочиненій, имѣющихъ цѣлю произвести беспорядки и волненіе въ народѣ, а также безосновательныхъ толковъ.

Въ тотъ же день распубликованъ приказъ с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера, въ которомъ объявлено, что для усиленія полицейскаго надзора въ составъ городской стражи командировано 950 нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Кромѣ того сдѣлано напоминаніе о законѣ, опредѣляющемъ высоту дровяныхъ складовъ.

Въ пятницу, 8-го іюня, въ «Русскомъ Инвалидѣ» объявлено о закрытіи воскресныхъ школъ и другихъ училищъ, учрежденныхъ при войскахъ для лицъ, не принадлежащихъ военному вѣдомству. Не смотря на всѣ установленныя правила для надзора за воскресными и бесплатными школами, — говорилось въ объявленіи, — нынѣ положительно обнаружено въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что, подъ благовиднымъ предлогомъ распространенія въ народѣ грамотности, люди злоумышленные покушались въ этихъ школахъ развивать вредныя ученія, возмутительныя идеи, превратныя понятія о правѣ собственности и безвѣріе. Государь Императоръ, имѣя въ виду, что при многихъ воинскихъ частяхъ также учреждены воскресныя бесплатныя школы, — что, по затруднительности за ними надзора, злоумышленные люди могутъ и въ этихъ школахъ проводить вредныя и ложныя ученія, что притомъ обнаружены уже нѣкоторыя преступныя покушенія увлечь и нижнихъ чиновъ къ нарушенію долга службы и присяги, Высочайше повелѣтъ соизволивъ, въ предупрежденіе могущихъ быть пагубныхъ послѣдствій, нынѣ же закрыть всѣ учрежденныя при войскахъ воскресныя школы и вообще всякія училища для лицъ, не принадлежащихъ военному вѣдомству, и впредь никакихъ сборищъ постороннихъ людей въ зданіяхъ, занимаемыхъ войсками, отнюдь не допускать.

10-го іюня, облегченіе по залогу вещей въ петербургской ссудной кассѣ съ представленіемъ права пользоваться такою льготою лицамъ пострадавшимъ отъ бывшихъ пожаровъ.

Въ то время установлены правила для содѣйствія домовладельцамъ къ возобновленію сгорѣвшихъ ихъ домовъ, заложенныхъ въ сохранный казнѣ, а именно казна будетъ выдавать погорѣвшимъ домохозяевамъ суммы, получаемыя отъ страховыхъ обществъ.

12-го іюня, объявлено о закрытіи воскресныхъ школъ и читальнъ, по всей имперіи. Государь Императоръ, по обсужденіи въ совѣтѣ министровъ представленныхъ Его Величеству свѣденій о вредномъ направленіи, обнаруженномъ въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ и народныхъ читальняхъ, повелѣть соизволилъ: а) немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ и б) впредь до образованія означенныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы и читальни.

14-го іюня объявлено о закрытіи, учрежденнаго при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, особаго отдѣленія для вспомошествованія учащимся, поручивъ комитету, управляющему дѣлами этого отдѣленія, передать въ вѣдѣніе общества всѣ имѣющіяся въ немъ денежныя суммы.

Въ тотъ же день, объявлено Высочайшее повелѣніе: чтеніе публичныхъ лекцій въ Петербургѣ разрѣшать не иначе, какъ по взаимному соглашенію управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, главнымъ начальникомъ III отдѣленія собственной канцеляріи и петербургскимъ военнымъ-генералъ-губернаторомъ.

Главнымъ препятствіемъ къ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній считаютъ у насъ неимѣніе тюремъ, но это заключеніе развѣ нельзя замѣнить принудительною работою въ пользу общества? Развѣ такая форма наказанія не будетъ гораздо удобнѣе всякаго заточенія?

Въ законодательствѣ всѣхъ образованныхъ странъ тѣлесныя наказанія либо вовсе уничтожены, либо караютъ уголовныя дѣла, но, и въ такомъ случаѣ, онѣ не производятся публично. У насъ страшный позоръ тѣлеснаго наказанія падаетъ за простой полицейскій проступокъ, въ которомъ могутъ провиниться каждый, по нерадѣнію или по оплошности. Развиваетъ-ли это сознаніе человѣческаго достоинства въ народѣ? У насъ тѣлесныя наказанія назначаются полиціей часто помимо суда. Способствуетъ-ли это чувству законности, сознанію долга и не развиваетъ-ли привычки равнодушно отдѣлываться за все своею спиною.

Огромный вредъ, наносимый обществу злою волею преступника, законодательство караетъ возмездіемъ, доходящимъ постепенно даже до смертной казни; но, щадя нравы народа, не должно-ли оно позаботиться, чтобы не было публичныхъ жестокихъ

истязаній? Можетъ-ли быть какое-либо сомнѣніе въ этомъ отношеніи.

Ограничиваясь этими немногими словами, мы надѣемся вскорѣ возвратиться къ вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній и публичныхъ истязаній.

Мы получили небольшое письмо, въ которомъ авторъ излагаетъ свой взглядъ на отмѣну тѣлесныхъ наказаній въ томъ видѣ, который кажется ему наиболѣе пригоднымъ для теперешней минуты. Мы далеко не вполне согласны съ мнѣніемъ автора, но печатаемъ здѣсь его письмо потому, что оно можетъ послужить къ разъясненію дѣла. Къ счастью авторъ касается многихъ подробностей дѣла, и его письмо можетъ послужить канвою для разсужденій. Мы надѣемся изложить нашъ взглядъ на подробности въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ.

Предположенія, изложенныя въ полученномъ нами письмѣ, состоятъ въ слѣдующемъ:

Тѣлесныя наказанія, сопровождающія, по дѣйствующимъ теперь законамъ, ссылку преступниковъ въ каторжныя работы или на поселеніе, или отдачу ихъ въ исправительныя арестантскія роты, или же другіе виды наказанія, было бы полезно отмѣнить для всѣхъ сословій. Также было бы полезно:

Опредѣляемое улож. о нак., ст. 573 и 576, наказаніе розгами, не сопровождаемое другими взысканіями, замѣнить заключеніемъ въ извѣстной постепенности, указанной въ ст. 87 и 90 улож. и проч.

Опредѣляемое по улож. о нак. и уставомъ о пасп. и ссыльн. наложеніе клеймъ и штемпельныхъ знаковъ совершенно отмѣнить.

Женщинъ вовсе не подвергать тѣлесному наказанію, съ временнымъ лишь изъятіемъ изъ этого правила, о которомъ скажемъ ниже.

Изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній, сверхъ лицъ, уже и нынѣ отъ нихъ освобожденныхъ, распространить также:

а., на всѣ безъ исключенія духовныя лица не христіанскаго исповѣданія и дѣтей ихъ.

б., на церковно-служителей христіанскаго исповѣданія и дѣтей ихъ

в., на учителей народныхъ школъ.

г., на лица, окончившія воспитаніе въ уѣздныхъ училищахъ,

земледѣльческихъ, или равныхъ съ ними и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

д., на купцовъ 3-й гильдіи и мѣщанъ, а также на крестьянъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ, и

е., на лица, занимающія, или безпорочно занимавшія общественныя по выборамъ должности.

Въ случаѣ новыхъ преступленій со стороны ссыльныхъ, уже лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія, замѣнить: для женщинъ плети не публичнымъ наказаніемъ розгами, а для мужчинъ шпицрутены плетью.

Объявить, что власть градской и земской полиціи налагать тѣлесныя наказанія прекращается, и что наказанія сего рода вообще могутъ быть опредѣляемы не иначе, какъ по приговорамъ судебныхъ мѣстъ: волостныхъ и сельскихъ расправъ, сельскихъ приказовъ или же властей, которымъ сіе именно предоставлено положеніемъ 19 февраля 1861 г.

Вмѣнить начальникамъ губерній въ отвѣтственную обязанность слѣдить неупустительно, чтобы полицейскіе чины отнюдь не позволяли себѣ, ни подъ какимъ видомъ, употреблять тѣлесное наказаніе по собственному усмотрѣнію, и всякое, въ семъ отношеніи, превышеніе власти не оставлять безъ установленнаго взысканія.

Жалобы о нанесеніи кому-либо побоевъ служащими по полиціи офицерами, чиновниками и нижними чинами, предоставить приносить въ общія судебныя мѣста, которыя, въ подобныхъ случаяхъ, должны прилагать наказаніе, опредѣленное въ ст. 389 Улож. о Наказ.

Полезно бы также принять мѣры къ безотлагательному увеличенію числа и надлежащему устройству смирительныхъ и рабочихъ домовъ и тюремъ.

Сосредоточить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ завѣдываніе всѣми мѣстами заключенія гражданскаго вѣдомства, не исключая и исправительныхъ арестантскихъ ротъ, съ тѣмъ чтобы сіе министерство, по сношеніи съ министерствомъ юстиціи, изыскало средства къ устройству упомянутыхъ ротъ, болѣе сообразное ихъ назначенію.

Внушить мировымъ посредникамъ, волостнымъ судамъ и расправамъ и сельскимъ приказамъ, чтобы они озаботились изысканіемъ способовъ къ постепенной замѣнѣ тѣлесныхъ наказаній други ми, предоставленными имъ взысканіями.

Принять мѣры къ внушенію всѣмъ начальствующимъ полицейскою частію, что всякія нарушенія правилъ о наложеніи телесныхъ наказаній, а равно и собственноручные побой, будутъ подвергаться строгому преслѣдованію и наказанію.

Мы уже изъявляли наше сожалѣніе о чрезвычайной скудости извѣстій изъ Финляндіи, гдѣ совершается теперь очень интересная дѣятельность. Самая серьезная изъ нашихъ газетъ «Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника», и она гораздо усерднѣе и подробнѣе олдѣдитъ за преніями бельгійскихъ палатъ, чѣмъ за засѣданіями выборныхъ въ Финляндіи. Намъ кажется, что было бы лучше заняться дѣлами нашей окраины, чѣмъ впадать въ припадки брани и еще приглашать къ тому другихъ плоско-высокопарною ироніей.

Объ обѣщанномъ въ скоромъ времени созваніи финляндскаго сейма пока еще ничего неизвѣстно.

Изъ Остзейскаго края мы не имѣемъ, на этотъ разъ, никакихъ интересныхъ извѣстій.

Извѣстія изъ Польши состоятъ изъ объявленій очень важныхъ мѣръ правительства

Великій князь Константинъ Николаевичъ назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго и главнокомандующимъ расположенными въ немъ войсками, графъ Виельпольскій назначенъ начальникомъ гражданскаго управленія Царства и вице-президентомъ государственнаго совѣта. На дняхъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ отправился въ Варшаву.

Въ указѣ о назначеніи намѣстникомъ Великаго Князя Константина Николаевича сказано: что при новомъ опредѣленіи правъ намѣстника, принято во вниманіе: а) необходимость примѣнить высшее управленіе Царства Польскаго къ новымъ постановленіямъ, даннымъ указомъ 14 марта 1861 г. а также б) необходимость точно опредѣлить власть намѣстника и предѣлы власти гражданской въ Царствѣ, ибо неограниченныя права, данныя намѣстникамъ 17 апрѣля 1818 г., несовмѣстны болѣе съ настоящими обстоятельствами.

Въ Царствѣ Польскомъ объявленъ уставъ общественнаго воспитанія. Переходимъ теперь къ извѣстіямъ другаго рода.

2 и 3 мая (н. с.) въ Варшавѣ происходили манифестаціи. Вечеромъ 2-го мая молодые люди, преимущественно учебнаго сословія, пѣли въ церквахъ запрещенные гимны. Многіе при выходѣ арестованы. На другой день тоже было въ церкви св.

Креста, и также произведены аресты. При видѣ арестовъ студенты возбуждали народъ къ освобожденію взятыхъ; въ полицію полетѣло нѣсколько камней, но, при обнаженіи сабель, которыми впрочемъ не было нужды дѣйствовать, и при приближеніи сильнаго патруля, толпа разсѣялась. Черезъ два часа воспитанники гимназій, расходясь съ классовъ, пытались произвести «новые безпорядки». Послѣ того во многихъ костелахъ преимущественно женщины пѣли запрещенные гимны. Многія изъ нихъ арестованы.

Намѣстникъ, принимая во вниманіе, что большинство публики не участвовало въ пѣніи и по просьбѣ архіепископа Фелинскаго, рѣшилъ не арестовывать поющихъ, предоставить духовенству дѣйствовать убѣжденіемъ, но если пѣніе будетъ продолжаться, то съ 7 мая возобновить аресты.

Въ Люблинской губерніи, въ имѣніи графа Старжинскаго, случилось слѣдующее происшествіе. Жандармскій полковникъ Масловскій получилъ приказаніе произвести обыскъ въ квартирѣ г. Бонгарда, служащаго въ имѣніи графа. Вслѣдствіе обыска г. Бонгарда арестовали. Съ полковникомъ Масловскимъ были при этомъ кап. Цивинскій и унтеръ-офицеръ. Когда арестованнаго вели подъ конвоемъ по селу, онъ попросилъ, подъ предлогомъ жажды, зайти въ домъ къ управляющему, что было дозволено. Здѣсь, когда всѣ пили чай, въ комнату вбѣжалъ 20 лѣтній сынъ графа Старжинскаго съ револьверомъ въ рукѣ, и первымъ выстрѣломъ убилъ унтеръ-офицера, вторымъ ранилъ кап. Цивинскаго (онъ умеръ отъ раны,) третьимъ, полк. Масловскаго, а потомъ, выбѣжавъ въ сѣни, застрѣлился. Полковникъ, не смотря на рану, препроводилъ арестованнаго въ Грубѣшовъ.

Въ газетахъ опубликована слѣдующая телеграфическая депеша
15 Юня, 10 ч. ут.

«Сегодня утромъ въ 7½ часовъ, генер. ад. графъ Лидерсъ, на минеральныхъ водахъ въ Сакоонскомъ саду, раненъ пулею изъ пистолета, въ заднюю часть шеи, на вылетъ, подъ нижнею губою. Рана, по мнѣнію докторовъ, не опасна. Общее состояніе здоровья удовлетворительно. Злодѣй еще не извѣстенъ.

«Кромѣ сего въ городѣ и Царствѣ все спокойно.»

— Профессоръ Петербургскаго университета г. Костомаровъ вышелъ въ отставку. Недавно онъ напечаталъ статью, гдѣ представляетъ свою просьбу объ отставкѣ въ видѣ подвига, и призываетъ разныхъ литераторовъ къ покаянiю. Эхъ почтенный

Николай Ивановичъ, скажемъ мы, подражая г. Стасюлевичу, — что указывать сплцу въ глазѣ другаго, когда.... Ну, калялся-ли самъ онъ когда-либо; калялись-ли вы г. Костомаровъ въ невѣрныхъ и неполныхъ цитатахъ вашей жмудской теоріи? калялись-ли въ буквѣ А, которая, какъ вы увѣрили, попала къ вамъ по ошибкѣ корректора?

Калялись-ли вы г. Костомаровъ во многомъ другомъ?

— Увы! во время жмудской теоріи онъ публично калялся въ своемъ прежнемъ сотрудничествѣ въ «Огочественныхъ Запискахъ», а теперь, ставъ ихъ сотрудникомъ, вѣроятно не даромъ намекаетъ какъ бы на свое покааніе о сотрудничествѣ въ другихъ журналахъ.

Трудное дѣло и покааніе, скажемъ мы г. Костомарову, и въ немъ нужно поступить съ толкомъ, чтобы вѣчно не каяться.

Мы узнаемъ изъ газетъ, что г. Шедо Ферроти живетъ въ Брюсселѣ.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» напечатанъ слѣдующій приказъ Генераль-Инспектора по инженерной части:

— Лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона штабсъ-капитанъ Энгель и поручикъ Постниковъ и прикомандированный къ этому баталіону поручикъ гренадерскаго сапернаго баталіона Еллинскій, при арестованіи 10-го мая сего года, въ казармахъ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, бывшаго студента с.-петербургскаго университета *Яковлева*, старавшагося возмутить нижнихъ чиновъ означеннаго баталіона, дѣйствовали противу всякаго порядка служби.

Для опредѣленія дѣйствій этихъ офицеровъ, по распоряженію моему, была назначена слѣдственная коммиссія, которая нашла: что помянутые офицеры, вопреки приказаній командира баталіона — по задержаніи *Яковлева* немедленно отправить подъ арестомъ въ полицію — рѣшили не отправлять его до пріѣзда баталіоннаго командира, а дежурному офицеру поручику Еллинскому предоставили дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Вслѣдствіе такого произвольнаго рѣшенія, офицеръ этотъ перевелъ *Яковлева* изъ караульной въ дежурную комнату безъ конвойнаго, и, не поставивъ часоваго къ дверямъ — остался съ нимъ наединѣ; при чемъ съ вѣдома штабсъ-капитана Энгеля и по наущенію поручика Постникова, — дозволялъ *Яковлеву* уничтожить имѣвшіяся у него бумаги.

За всѣ изложенныя преступленія штабсъ-капитанъ Энгель и поручики: Постниковъ и Еллинскій предаются мною военному суду, арестованными — въ особо учрежденной при штабѣ моемъ коммисіи.

ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧАТАНІЯ.

Недавно опубликованы временныя правила по дѣламъ книгопечатанія, которыя нашимъ читателямъ, вѣроятно, уже извѣстны. Редакціямъ журналовъ они были извѣстны гораздо прежде, и мы спѣшимъ отдать должную справедливость тѣмъ людямъ, отъ которыхъ это зависѣло, которые нашли полезнымъ извѣстить редакціи журналовъ о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ цензуруются ихъ статьи. Какъ и всякое дѣло, которое изъ потемокъ выходитъ на свѣтъ Божій, и это дѣло, безъ сомнѣнія, не осталось безъ полезныхъ результатовъ: нашихъ писателей оно избавило отъ непріятности писать такія статьи, которыя не могли быть напечатаны, а цензоровъ отъ чтенія такихъ статей; какъ тѣхъ, такъ и другихъ, публикація эта избавила отъ потери времени и труда, и должна была обратить и трудъ и время на употребленіе во всякомъ случаѣ болѣе полезное, нежели чтеніе и писаніе статей, осужденныхъ остаться не напечатанными. Изъ временныхъ правилъ по дѣламъ книгопечатанія, мы обратимъ вниманіе на правило III: «При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, дозволить къ печати только спеціальныя ученныя разсужденія, написанныя тономъ приличнымъ предмету и притомъ касающіяся тѣхъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружались уже на опытѣ.» Мы думаемъ, что это правило дастъ литературѣ возможность дѣятельнымъ образомъ содѣйствовать движенію здороваго прогресса; благодаря ему, литература получаетъ возможность сказать свое мнѣніе о недостаткахъ всякихъ поста-

повленій существующихъ у насъ, лишь бы они были испытаны на опытѣ. Продолжительность опыта не опредѣляется, такъ что если кто-нибудь въ самое короткое время успѣлъ убѣдиться въ недостаткѣ тѣхъ или другихъ правилъ, онъ уже имѣетъ право высказать о нихъ свое мнѣніе. Этимъ правомъ воспользуемся и мы, чтобы высказать свое мнѣніе, относительно временныхъ правилъ по дѣламъ книгопечатанія. Мы уже имѣли довольно времени, чтобы испытать ихъ, такъ какъ редакціямъ журналовъ они сообщены были гораздо прежде.

Мы находимъ нѣкоторыя несовершенства въ этомъ самомъ третьемъ правилѣ. Почему оно требуетъ только специальныхъ ученыхъ разсужденій въ критикѣ существующихъ у насъ постановленій? Конечно въ критикѣ постановленій, касающихся печати, безъ нѣкотораго ученаго элемента обойтись нельзя; но есть и такіа постановленія, которыхъ недостатки могутъ быть замѣтны самому простому человѣку не лишенному здраваго смысла, въ особенности, если онъ руководствуется опытомъ. И пусть за критику такихъ постановленій возьмется даже ученый человѣкъ; если онъ не захочетъ фанфаронить своею ученостію, не будетъ дѣлать бесполезныхъ цитатъ и ссылокъ на положеніе той или другой науки, то въ его критикѣ его учености замѣтить будетъ нельзя, и въ такомъ случаѣ, его критика будетъ наиболѣе дѣльная и честная. Но допустимъ, что элементъ учености долженъ быть въ критикѣ существующихъ у насъ постановленій. Кто же будетъ судить о томъ, есть ли онъ въ какой-нибудь данной статьѣ или нѣтъ его? Мы думаемъ, что цензоры судить объ этомъ не въ состояніи: они не имѣютъ для этого достаточно опредѣленнаго руководства. И такимъ образомъ, дѣло будетъ предоставлено или случаю, или произволу цензоровъ. Какъ то, такъ и другое во-первыхъ не рационально само въ себѣ, а во-вторыхъ не можетъ нравиться даже самимъ цензорамъ, потому что ставить ихъ въ непріятное отношеніе или къ литературѣ, или къ своему начальству. Соображая все это, требованіе учености въ критикахъ существующихъ у насъ постановленій, мы позволимъ себѣ отнести къ несовершенству временныхъ правилъ относительно книгопечатанія.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній и касательно опыта, который требуется для того, чтобы писать что-нибудь о существующихъ у насъ постановленіяхъ. Въ правилахъ сказано, что ,

критикѣ подвержены только тѣ постановленія, «недостатки которыхъ обнаружались уже *на опытѣ*». Мы уже замѣтили, что въ этомъ случаѣ, продолжительность опыта не опредѣлена. Это опять-таки поставить писателей и самихъ цензоровъ въ затрудненіе. Слѣдуя буквальному смыслу уже послѣ однодневнаго опыта, всякое постановленіе подлежитъ критикѣ. Но во-первыхъ, въ самомъ дѣлѣ это будетъ опытъ недостаточный; а во-вторыхъ, мы очень боимся, чтобы цензурное управленіе не требовало отъ него такой продолжительности, при которой нельзя будетъ критиковать ни одного постановленія, прежде его отмѣненія. Въ самомъ дѣлѣ критикѣ подлежатъ постановленія, «недостатки которыхъ *обнаружились уже на опытѣ*». Какъ понимать это мѣсто? Для меня недостатки извѣстнаго постановленія уже обнаружались на опытѣ, потому что я имѣю частое отношеніе къ нему, слѣдилъ за его результатами; но для цензора недостатки его еще не обнаружили, хотя потому только, что наши цензоры чрезвычайно заняты исполненіемъ своихъ обязанностей, и имъ некогда слѣдить за чѣмъ-нибудь постороннимъ. По крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, взглядъ цензора на недостатокъ какаго-нибудь постановленія будетъ опредѣляться только взглядомъ всего общества или правительства; и только тогда онъ и дозволитъ печатаніе статьи критикующей это положеніе. Но очевидно въ такомъ случаѣ статья будетъ совершенно бесполезна; потому что задача всѣхъ подобныхъ статей состоитъ въ томъ, чтобы освѣтить общественное мнѣніе или указать правительству необходимость перемѣнъ въ тѣхъ или другихъ постановленіяхъ. И безъ сомнѣнія правительство ничего другаго отъ нихъ не ждетъ, а это имъ позволяетъ. Если же допускать критику только такихъ постановленій, недостатки которыхъ признаны и обществомъ и правительствомъ, то это значитъ осудить литературу на писаніе бесполезныхъ статей, въ то время какъ литература, вмѣстѣ со всѣми благомыслящими людьми въ обществѣ и въ администраціи, имѣетъ желаніе потрудиться для общественной пользы. И надобно прибавить, что если литература будетъ осуждена на критику постановленій, недостатки которыхъ понятны всѣмъ безъ исключенія, роль ея будетъ слѣшкомъ жалка, и никакой благомыслящій человѣкъ не будетъ въ состояніи путемъ печати предупредить зло, проистекающее отъ несовершенства нашихъ постановленій. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, третій пунктъ правилъ о дѣлахъ книгопечатанія

долженъ быть понимаемъ такимъ образомъ: что всякій человекъ, убѣдившись на опытѣ о недостаткахъ какого-нибудь постановленія, имѣеть право печатно критиковать это постановленіе, будь онъ ученый или неученый, и какъ бы ни былъ коротокъ его опытъ.

Что касается до приличнаго тона, мы сами считаемъ его необходимымъ въ критикѣ какихъ бы то ни было постановленій; но намъ кажется, что его нельзя ставить въ числѣ цензурныхъ требованій, по крайней мѣрѣ, въ этомъ дѣлѣ больше, нежели въ какомъ-нибудь другомъ. Приличный тонъ составляетъ одно изъ требованій самой литературы, и несоблюденіе его всего болѣе вредитъ самому автору, и ослабляетъ силу и достоинство его критики.—Прибавимъ еще нѣсколько словъ относительно опыта, который требуется со стороны автора для критики существующихъ постановленій. Мы на опытѣ убѣдились, что такое требованіе, лишаетъ литературу возможности принести всю ту пользу, на которую она даже обязана, и которую отъ нея безъ сомнѣнія ожидаетъ правительство. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ недавнія, впрочемъ уже уничтоженныя постановленія относительно университетовъ. Правительство признало ихъ неудовлетворительными, послѣ событій весьма достойныхъ сожалѣнія; но неудовлетворительность ихъ сознавалась хорошо многими еще прежде, нежели они оказались таковыми на дѣлѣ. Если бы благомыслящіе люди имѣли возможность представить несовершенство этихъ постановленій, прежде нежели оно оказалось на опытѣ, то мы избѣгли бы того, о чемъ теперь многіе сожальютъ. Дѣйствительно, есть много такихъ постановленій, неудовлетворительность которыхъ хорошо чувствуется даже безъ опыта, только на основаніи хорошаго знанія той среды, на которую они должны дѣйствовать. Вообще это дѣло хорошо извѣстное, что многое можно также хорошо и неопровержимо доказывать по теоріи, какъ и на основаніи опыта. И безъ сомнѣнія цензура не вычеркнетъ изъ статьи доказательства теоретическія, которыя будутъ стоять въ ней рядомъ съ доказательствами эмпирическими, за то только, что они не основаны на опытѣ. Если же они могутъ стоять рядомъ съ доказательствами опытными, и въ такомъ случаѣ не противорѣчатъ правиламъ относительно книгопечатанія; то ничего вреднаго не прибавится къ статьѣ, если исключить изъ нея доказательства опытные, и оставить одни доказательства теоретическія.

На этомъ основаніи, мы думаемъ, что требованіе опытнаго убѣжденія въ недостаткахъ какихъ-нибудь постановленій, составляетъ излишнее огрѣниченіе этого правила, прешаствующее благомыслящей литературѣ содѣйствовать общественной пользѣ сообразно съ своими намѣреніями и силами.

Позволимъ себѣ обратить вниманіе еще на нѣкоторые другіе пункты временныхъ правилъ. Правило VIII говоритъ: «не дозволить распубликованія, по однимъ слухамъ, предполагаемыхъ будто-бы правительствомъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ.» Мы на опытъ убѣдились, что дозволеніе подобнаго предварительнаго распубликованія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло бы быть весьма полезно, и жалѣемъ, что не можемъ въ доказательство привести наиболѣе убѣдительные изъ нашихъ опытовъ именно потому, что печатаніе ихъ противорѣчило бы этому самому правилу. Въ наше время уничтоженіе его могло бы принести особенную пользу для успокоенія общества, которое, не понимая всѣхъ трудностей благоразумныхъ реформъ, и не видя ихъ еще ни дѣлъ, совсѣмъ теряетъ на нихъ надежду, чѣмъ не забываютъ пользоваться враги общественнаго порядка. Если бы напримѣръ общество знало, что правительство почти окончило свои проекты относительно реформы какъ гражданскаго такъ и уголовнаго судопроизводства, относительно введенія гласности въ судъ, относительно уничтоженія тѣлесныхъ наказаній, то безъ сомнѣнія многіе, особенно молодые люди, съ большимъ спокойствіемъ приняли бы участіе въ общемъ движеніи. Мы помнимъ, что прежде официальной публикаціи положеній 19 февраля, журналы и газеты очень часто говорили о дѣлѣ, котораго касались положенія, даже о сущности самыхъ положеній. Событіе было такъ важно, и надежды на результаты его были такъ горячи и велики, что самыя незначительныя извѣстія интересовали общество и успокаивали его.—Но тутъ можетъ быть еще и другой результатъ; иногда введеніе какой-нибудь мѣры требуетъ хотя короткаго предварительнаго ознакомленія съ нею общества. Нужно, чтобы общество имѣло возможность и время хотя сколько-нибудь поосмотрѣться, сообразить хотя сколько-нибудь разницу современнаго положенія отъ будущаго. Притомъ, всякая новая правительственная мѣра есть, или, по крайней мѣрѣ, должна быть шагомъ впередъ, улучшеніемъ прежняго положенія несовершеннаго въ какомъ бы то ни было отношеніи; обыкновен-

но это прежнее положеніе и служить источникомъ зла, котораго правительство старается избѣгнуть. Возьмемъ напр. сдѣланныя недавно реформы въ тарифѣ. Высокія пошлины какъ извѣстно необходимо вызываютъ дѣятельную контрабанду. Контрабанда, будучи преступленіемъ со стороны контрабандистовъ, въ тоже время привязываетъ къ преступленію много другихъ лицъ, — тѣхъ, которые укрываютъ контрабанду, принимаютъ ее, укрываютъ контрабандистовъ, и т. д. Кромѣ того провозъ контрабанды не рѣдко стоитъ жизни не только контрабандистамъ, но и объѣзчикамъ изъ пограничной стражи. Контрабанду провозятъ въ расчетѣ на очень выгодную продажу ея; а значительное пониженіе тарифа очевидно большію долю выгоды у контрабандистовъ отниметъ, такъ что выгоды далеко не будутъ соответствовать опасностямъ ремесла. Очевидно, если всѣмъ будетъ извѣстно намѣреніе правительства о пониженіи тарифа, то за долго до самаго изданія закона контрабандисты уже должны будутъ сократить свое ремесло; потому, что товары продаются не вдругъ, и пріобрѣтать ихъ дорого, съ большимъ рискомъ для того, чтобы впоследствии продавать дешево, никто не станетъ. Потому подобное предварительное распубликованіе мѣры, предполагаемой правительствомъ, именно относительно пониженія тарифа, самымъ прямымъ слѣдствіемъ имѣло бы то, что ослабило бы или даже совсѣмъ уничтожило контрабанду, результатъ весьма благодѣтельный, котораго во всякое время надобно желать. Или предположимъ другую правительственную мѣру; пусть правительство занято проэктомъ искорененія взятокъ, похищенія казенной собственности, похищенія частной собственности посредствомъ фальшивыхъ актовъ, или посредствомъ какого-нибудь обмана, котораго преслѣдовать законъ не можетъ. Положимъ, что правительство придумало, противъ злоупотребленій этого рода, такія юридическія средства, и положило наказанія столь строгія, что послѣ этого всякому сколько-нибудь сообразительному человѣку будетъ очень понятно, что продолжать играть въ прежнюю игру опасно, что игра не будетъ стоить свѣчь. Потому введеніе такихъ правилъ и такихъ наказаній послужитъ очень сильнымъ средствомъ для предупрежденія преступленій этого рода. Но и еще прежде публикаціи самаго закона промышленники этого рода, значительно посократятъ свои дѣйствія, если только имъ будетъ извѣстно, что законъ въ скоромъ времени долженъ явиться. По-

му и въ этомъ случаѣ предварительное публикованіе правительственной мѣры принесло бы только одну пользу. Возьмемъ еще случай; до сихъ поръ наши законы, какъ показано въ одной изъ статей нашего журнала, не строго обязываютъ фабрикантовъ заботиться о предотвращеніи опасностей для здоровья и жизни рабочихъ на фабрикахъ. Если правительство составитъ проектъ закона, который обязывалъ бы фабрикантовъ къ тѣмъ или другимъ мѣрамъ предосторожности, равно какъ обязалъ бы ихъ къ справедливому вознагражденію тѣхъ рабочихъ, которые, благодаря небрежности фабрикантовъ, получаютъ увѣчыя, и тѣхъ семействъ, которыя, благодаря этой же причинѣ, лишаются средствъ къ существованію, потому, что рабочіе на фабрикахъ лишаются даже жизни; — одинъ уже проектъ такого закона будучи распубликованъ даже не официально, обязалъ бы фабрикантовъ имѣть больше попеченія о здоровьѣ и жизни своихъ работниковъ. Потому и въ этомъ случаѣ, предварительное распубликованіе правительственной мѣры принесло бы только одну пользу. Если же правительство неожиданно для фабрикантовъ издастъ этотъ законъ, то онъ безъ сомнѣнія потребуетъ со стороны фабрикантовъ значительныхъ издержекъ; и это можетъ повести дѣла нѣкоторыхъ изъ нихъ къ разстройству. Вообще, мы позволимъ себѣ сказать, что можетъ быть много случаевъ, когда предварительное распубликованіе предполагаемыхъ правительствомъ мѣръ, кромѣ пользы ничего не принесетъ.

Еще мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія относительно постановленія IV; оно говоритъ: «Въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускать печатанія именъ и лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учреждений.» Какую цѣль имѣетъ публикованіе злоупотребленій и недостатковъ администраціи? Литература, желающая, рядомъ съ правительствомъ и со всѣмъ обществомъ, содѣйствовать общественной пользѣ, не имѣетъ цѣлью изъ злоупотребленій и недостатковъ, замѣчаемыхъ ею, сдѣлать предметъ для безцѣльной насмѣшки; она желаетъ указать какъ общественному мнѣнію, такъ и въ особенности высшимъ правительственнымъ лицамъ то, что можетъ быть исправлено, что можетъ быть искоренено. Но чрезвычайно трудно выставить злоупотребленіе какого-нибудь лица, не обозначая его; по крайней мѣрѣ, послѣ подобнаго рода статей, такое лицо будетъ продол-

жать дѣлать злоупотребленія, не будучи удерживаемо ни своимъ высшимъ начальствомъ, ни общественнымъ мнѣніемъ. Изъ описанія его злоупотребленій можетъ выйти картина очень яркая и даже поразительная; но это будетъ не больше какъ литературное упражненіе, которое у чувствительныхъ сердецъ пожалуй извлечетъ и слезы, но никакой существенной пользы не принесетъ. Еще труднѣе выставлять недостатки какого-нибудь мѣста или учрежденія не называя его. Недостатками какихъ-нибудь правительственныхъ мѣстъ надобно назвать то, что не соответствуетъ ихъ назначенію, и даже противорѣчитъ ему. Отсюда прямое заключеніе, что недостатки какихъ-нибудь мѣстъ могутъ быть понятны тогда, когда извѣстны ихъ назначенія, а чтобы было извѣстно назначеніе мѣстъ, нужно, чтобы извѣстно было и самое мѣсто, потому что назначеніе различныхъ мѣстъ весьма различно. Очевидно, что, безъ названія лицъ и мѣстъ, люди благомыслящіе не будутъ въ состояніи содѣйствовать исправленію недостатковъ, и искорененію злоупотребленій; и потому мы снова позволимъ себѣ сказать, что это правило вѣроятно должно быть понимаемо съ помощію нѣкотораго толкованія, тѣмъ болѣе что оно по-видимому не соблюдалось даже въ то время, когда оно уже было обязательно для всѣхъ редакцій. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ эти послѣдніе дни мы читали во всѣхъ газетахъ и журналахъ о многихъ странныхъ случаяхъ, доказывающихъ очевидные недостатки нашихъ административныхъ мѣстъ преимущественно губернскихъ, съ поименованіемъ ихъ полными буквами. Въ то же время, мы читали неофициальныя извѣстія о превышеніи власти и другихъ злоупотребленіяхъ разныхъ должностныхъ лицъ, тоже съ поименованіемъ ихъ. И это относится не къ однимъ губернскимъ или уѣзднымъ властямъ. Недавно, именно въ то время, когда временныя правила уже были обязательными для редакцій, г. Лаговскій подвергнулъ г. Грота обвиненію и очень серьезному въ покушеніи на его законную собственность. А г. Гротъ какъ извѣстно въ нашей администраціи поставленъ очень высоко. Только обвиненіе г. Лаговскаго было очевидно нелѣпо, и на г. Грота ни малѣйшей тѣни оно не бросило. Такимъ образомъ самая практика, опытъ убѣждаетъ въ томъ, что это правило (IV) должно быть понимаемо какимъ-нибудь особеннымъ образомъ, т. е. нуждается въ объясненіи. На основаніи этого же самаго опыта, случай съ г. Гротомъ, мы думаемъ что обвиненіе должностныхъ лицъ,

даже высоко поставленныхъ въ администраціи, въ злоупотребленіяхъ, притомъ съ поименованіемъ ихъ, никакихъ дурныхъ послѣдствій имѣть не можетъ, если оно несправедливо. А въ случаѣ, если обвиненіе справедливо, оно можетъ имѣть только благіе результаты: покореніе злоупотребленій и вознагражденіе несправедливостей.

Позволимъ себѣ сдѣлать еще одно замѣчаніе, — относительно правила II. Оно говоритъ: «Не допускать къ печати сочиненій и статей, излагающихъ вредныя ученія социализма и коммунизма, клонящіяся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи.» Это наше замѣчаніе будетъ имѣть уже прямое отношеніе къ наукѣ. Впрочемъ насколько окажется въ немъ научнаго элемента, объ этомъ судить не намъ самимъ. Прежде всего скажемъ однако, что мы вполне признаемъ раціональность этого правила по духу и содержанию. Наши замѣчанія будутъ относиться только къ выраженіямъ, именно къ степени ихъ опредѣленности. Мы уже прежде не разъ высказывали наши мнѣнія, что политико-экономическія истины въ нашей литературѣ понимаются или чрезвычайнo сбивчиво или чрезвычайнo односторонне. Между прочимъ мы говорили, что социализмъ, какъ политико-экономическое ученіе, въ нашей литературѣ принимается какъ нѣкоторыми журналами весьма честными, такъ и нѣкоторыми учеными чуждыми журналистики столь же честными. * Дѣло въ томъ, что слово социализмъ имѣетъ чрезвычайнo неопредѣленное значеніе. Социалистическими стремленіями, одни называютъ такія стремленія, которыя кромѣ абсурдовъ ничего не содержатъ. Но есть и такіе социалисты, которые за свои сочиненія избраны членами французскаго института въ академію наукъ нравственныхъ и политическихъ. Таковы напр. Дюнуайе и Бланки. Это уже ручается вполне какъ за благородство ихъ образа мыслей, такъ и за далекость ихъ отъ утопіи. Между тѣмъ по духу своихъ сочиненій, они должны быть названы социалистами, принимая это слово въ самомъ разумномъ значеніи его. Дюнуайе даже и по названію своего сочиненія социалистъ; оно называется: *nouveau traité d'économie sociale* а не — *d'économie politique*. По духу оно также слишкомъ далеко отъ ученія другихъ наиболѣе распроотраченныхъ французскихъ экономистовъ; потому что оно имѣетъ

* См. Библіотека для чтенія № 5 статья: учиться или не учиться?

въ виду прочное устройство быта трудящихся классовъ, большинства народа, впрочемъ безъ какой бы то ни было утопической организаціи труда. А это вниманіе къ судьбѣ трудящихся классовъ и есть характеристическая черта разумнаго социализма.

Наше правительство, въ послѣднихъ своихъ законодательныхъ мѣрахъ, показало тоже самое вниманіе къ судьбѣ низшихъ классовъ народа; потому разумный духъ здраваго социализма, вполне согласенъ съ духомъ нашего правительства, какъ онъ обнаруживается въ тѣхъ мѣрахъ, которыя составляютъ заслугу и славу нашего времени.—Потому развитіе такого ученія усилить какъ правительство, такъ и все вообще общество въ его стремленіяхъ къ разумному развитію народной жизни. Но слѣдуя II пункту временныхъ правилъ цензоръ, незнакомый специально съ политико-экономическимъ ученіемъ, не допустить къ печати даже переводъ сочиненія Дюнуайе, не смотря на то, что нѣтъ ни одного экономиста сколько-нибудь серьезнаго, со стороны котораго Дюнуайе не пользовался бы глубокимъ уваженіемъ. Такимъ же большимъ уваженіемъ пользуется въ политико-экономической литературѣ Шіалойя, но и онъ тоже рассуждаетъ объ экономіи социальной, а не объ экономіи политической. Есть много и другихъ писателей, которыхъ во вредномъ образѣ мыслей никто и никогда не подозревалъ какъ напр. Шербюлье, Гр. Скарбекъ, Оттъ и др. Между тѣмъ ихъ сочиненія уже по самимъ заглавіямъ могутъ быть причислены къ социальнымъ, и не найдуть мѣста въ русской литературѣ благодаря II пункту правила; потому мы думаемъ, что этотъ пунктъ тоже нуждается въ болѣе опредѣленномъ толкованіи. Если правительство не желаетъ, чтобы въ русской литературѣ развивались ученія, Сен-Симона, Фурье, Оуена или друг. какія-нибудь ученія отвергающія частную собственность или предлагающія какую-нибудь несбыточную организацію труда, то намъ кажется въ временныхъ правилахъ было бы полезнѣе поименовать всѣ эти ученія и запретить развитіе ихъ въ русской литературѣ.

Но говоря это, мы становимся на точкѣ зрѣнія временныхъ правилъ по дѣламъ книгопечатанія. Собственное наше мнѣніе не то; и если намъ позволено высказать его, то мы его и выскажемъ, вмѣстѣ съ основавіями, на которыхъ оно держится. Замѣтимъ предварительно, что мы имѣемъ ту же самую цѣль, которую имѣютъ временныя правила по дѣламъ книгопечатанія; т. е. мы желаемъ, чтобы вредныя ученія не распространялись въ нашемъ об-

ществѣ. Но мы находимъ, что средство, предлагаемое правилами, приведетъ къ цѣли совсѣмъ противоположной, между тѣмъ какъ это самая цѣль можетъ быть достигнута другими средствами. Въ самомъ дѣлѣ это истина старая какъ міръ, что запрещенный плодъ всегда кажется пріятнѣе, и что запрещенное ученіе кажется всего рациональнѣе. Мы имѣемъ на это доказательство самое неопровержимое и при томъ изъ *опыта*. Развитие вредныхъ экономическихъ и политическихъ ученій у насъ всегда было запрещено; и между тѣмъ еще такъ недавно всѣ здравомыслящіе люди были изумлены крайнимъ безуміемъ взглядовъ, какъ экономическихъ, такъ и политическихъ. И это всегда такъ должно быть: неполное обсужденіе какихъ бы то ни было вопросовъ первымъ послѣдствіемъ имѣетъ неосновательное пониманіе дѣла—особенно юношествомъ, которое при системѣ запрещеній, прямо бросается къ плоду запрещенному.

Гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для того, чтобы воспрепятствовать распространенію какихъ бы то ни было вредныхъ ученій служить полная свобода въ обсужденіи всякихъ вопросовъ; въ такомъ случаѣ люди здравомыслящіе будутъ имѣть полную возможность путемъ печати дать перевѣсъ здоровому ученію; относительно превратныхъ экономическихъ взглядовъ, мы прибавимъ здѣсь, что они построены на такихъ нетвердыхъ основаніяхъ, и сшиты на такую живую нитку, что здоровой научной критикѣ стоитъ только дотронуться до нихъ, и они потеряютъ привлекательность, получаемую ими отъ того полусвѣта, въ которомъ они до сихъ поръ стояли, и отъ недостатка основательнаго образованія въ обществѣ. Доказательства мы найдемъ въ томъ же самомъ опытѣ: въ западной Европѣ въ настоящее время ни одна организаціонная система съ ея атрибутами не имѣетъ кредита, именно благодаря возможности полной критики, которая и сдѣлала свое дѣло. Наше недавнее появленіе абсурдовъ, которое сказать правду и у насъ мало кого испугало, въ западной Европѣ теперь было бы совершенною невозможностью. Мы желаемъ, чтобы подобныя явленія и у насъ сколько возможно скорѣе сдѣлались такою же невозможностью; а это чрезвычайно легко достигнется только въ такомъ случаѣ, если литература будетъ имѣть возможность, какъ излагать такъ и опровергать ихъ во всей полнотѣ.

Правило VI говорить: «министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предоставляется, по взаимному ихъ согла-

шенію, въ случаѣ вреднаго направленія какого-нибудь періодическаго изданія, прекращать его на срокъ не долѣе 8-ми мѣсяцевъ». Безъ сомнѣнія это правило имѣеть цѣлью протидѣйствовать вредному направленію періодическихъ изданій. Если вредное направленіе замѣчается въ тѣхъ статьяхъ предыдущихъ книжекъ, которыя уже выпущены въ свѣтъ и разошлись по читателямъ, то мы думаемъ, что подобная мѣра еще увеличитъ вредное вліаніе этихъ статей. Въ-самомъ-дѣлѣ, читатели мало развитые, способные увлечься нераціональнымъ ученіемъ, дадутъ еще болѣе довѣрія статьямъ запрещеннымъ. И книжки запрещеннаго журнала будутъ имѣть такой успѣхъ, какого они безъ запрещенія никогда не имѣли бы; онѣ будутъ переходить изъ рукъ въ руки; въ самыхъ пустыхъ и вздорныхъ статьяхъ не развитые читатели будутъ видѣть глубокой, иногда даже таинственный смыслъ; что прежде въ журналѣ оставалось незамѣченнымъ, даже непрочитаннымъ, все это будетъ читаться съ особеннымъ интересомъ, и что здѣсь самое главное, съ особеннымъ сочувствіемъ. Самый прямой и несомнѣнный результатъ очевидно будетъ тотъ, что вредное вліаніе періодическаго изданія усилится до самой крайней степени. Такимъ образомъ, исполненіе VI пункта правилъ будетъ имѣть слѣдствіе совершенно противоположное тому, которое они имѣютъ въ виду. Мы опять говоримъ это на основаніи самаго положительнаго опыта. Когда «Парусъ» былъ запрещенъ, то тѣ номера его, которые уже успѣли проникнуть въ публику, продавались по неслыханнымъ цѣнамъ, разумѣется не въ книжныхъ лавкахъ. Такъ велико было сочувствіе публики, хотя до самаго запрещенія она подписывалась на него очень тихо.

Если же вредное направленіе періодическаго изданія, замѣчено въ тѣхъ статьяхъ, которыя были представлены въ цензуру, но не были допущены ею къ печати, то нѣтъ никакой причины прекращать изданіе, тѣмъ болѣе; что авторы подобныхъ статей могутъ писать ихъ совершенно безо-всякаго злонамѣреннаго умысла. Предварительная цензура для того и существуетъ, что бы предупреждать печатаніе такихъ статей; и вѣсѣмъ извѣстно, что нѣтъ ни одного журнала, который бы не представлялъ въ цензуру такихъ статей, которыя цензура, по крайней мѣрѣ въ полномъ ихъ видѣ, печатать не позволяетъ. И если какая-нибудь редація будетъ представлять въ цензуру только такіа статьи, которыя не могутъ быть допущены къ печати, то такой

журналъ прекратится самъ собою. Здѣсь могло бы быть такое основаніе для запрещенія журнала, что редакція, постоянно представляя статьи, которыя не могутъ быть допускаемы къ печати, только затрудняетъ цензуру, что въ такомъ случаѣ цензоръ занять будетъ только просмотромъ этихъ статей. Но, во-первыхъ, редакція скорѣй истощится въ средствахъ для сочиненія такихъ статей, нежели цензоръ въ средствахъ для чтенія ихъ. Во-вторыхъ, это неудобство есть необходимое условіе существованія цензуры. Если бы цензурное управленіе было увѣрено, что всѣ статьи, представляемыя въ цензуру, не имѣютъ ничего противнаго ея условіямъ, то цензорамъ нечего было бы и читать ихъ; цензура существуетъ только для статей, противныхъ правиламъ о дѣлахъ книгопечатанія. И въ будущемъ положеніе цензуры должно при необходимости измѣниться въ самыхъ коренныхъ основаніяхъ. По неизбѣжному закону прогресса, масса изданій, какъ періодическихъ такъ и не періодическихъ, должна все увеличиваться. Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ увеличиваться и составъ цензурнаго управленія; наконецъ онъ возрастетъ до того, что долженъ будетъ поглащать огромныя суммы изъ государственнаго бюджета. Предположимъ, что въ Германіи или въ Англіи существуетъ цензура. Тамъ ежегодно выходятъ десятки тысячъ и періодическихъ изданій и отдѣльныхъ книгъ; соотвѣтственно этому, нужно бы содержать тоже цѣлыя тысячи цензоровъ. Наконецъ книжное дѣло въ Германіи и въ Англіи еще больше разовьется; тогда нужно будетъ содержать цензоровъ цѣлую армию. Содержаніе ихъ поглотитъ страшныя суммы. И все-таки сочиненія противныя цензурнымъ правиламъ, будутъ выходить въ свѣтъ, какъ это теперь существуетъ у насъ; такъ что результатъ будетъ безконечно меньше тѣхъ средствъ, которыя будутъ употреблены для достиженія его. И несомнѣнно, что тотъ же самый результатъ достигнется, въ томъ же самомъ объемѣ, даже въ большемъ, безъ всякихъ почти пожертвованій, только путемъ законодательнымъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если всѣ цензурныя постановленія, до малѣйшихъ подробностей будутъ опубликованы, если законъ опредѣлитъ наказаніе соотвѣтственно уклопеніямъ отъ нихъ, то сочиненія противныя цензурнымъ правиламъ и сами собою не будутъ являться. Въ такомъ случаѣ, если останется цензура, то только для того, чтобы просматривать тѣ статьи, которыя ей покажутся подозрительными уже послѣ выхода ихъ въ свѣтъ, — для того, чтобы отвѣтственные лица могли быть

подвергнуты законнымъ образомъ соотвѣтственному наказанію.

Въ заключеніе прибавимъ еще нѣсколько замѣчаній относительно правила XI, которое обязываетъ редакторовъ періодическихъ изданій, представлять въ цензуру статьи не иначе, какъ въ такомъ случаѣ, когда они знаютъ положительно, кто авторъ ихъ. Редакціи журналовъ получаютъ очень много статей по почтѣ, на которыхъ авторы, не выставляя своего адреса, иногда пишутъ только начальныя буквы своей фамиліи или даже псевдонимомъ. Между этими статьями бываетъ много такихъ, которыми редакціи весьма интересуются, которыя составляютъ украшеніе журналовъ. Но, слѣдуя XI пункту правилъ, редакторы должны отказаться отъ помѣщенія такихъ статей, и даже въ томъ случаѣ если подъ ними подписаны истинныя имена авторовъ; потому, что редакція не имѣетъ никакихъ данныхъ для того, чтобы судить, истинныя-ли они, или ложныя. Такимъ образомъ, это правило весьма затруднитъ редакціи, лишитъ ихъ возможности печатать статьи вполне здравомыслящія и полезныя. Позволимъ себѣ въ этомъ случаѣ высказать наше мнѣніе: при отвѣтственности, которую каждая редакція принимаетъ на себя за всѣ статьи, помѣщаемыя въ журналѣ, освобожденіе отъ этого правила было бы весьма большимъ облегченіемъ для редакціи, и позволило бы имъ съ большимъ успѣхомъ содѣйствовать общественной пользѣ.

Мы не сомнѣваемся, что коммиссія, занятая составленіемъ окончательныхъ правилъ по дѣламъ книгопечатанія, своимъ трудомъ облегчитъ для литературы выполненіе ея задачи—служенію посредствомъ слова общественнымъ пользамъ. И пусть люди злопамѣренныя, изъ литературы сдѣлавшіе для себя промыселъ, исключительно занятыя привлеченіемъ подписчиковъ и покупателей посредствомъ развитія безумныхъ и безнравственныхъ теорій или клеветою на честныхъ общественныхъ дѣятелей, подкупающіе и подкупаемые и т. д. пусть всѣ эти люди въ разумныхъ законоположеніяхъ найдутъ ограниченіе для выполненія своихъ экономическихъ расчетовъ; но эти законоположенія должны быть таковы, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ они не стѣсняли здоровую часть литературы, людей честно убѣжденныхъ въ томъ, что они пишутъ, — въ достиженіи ихъ цѣлей, въ успѣшномъ содѣйствіи движенію общественной мысли и жизни.

Д. Шегловъ.

MAY 5 - 1939



